This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Boolstoke Hse Estem

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1930

Class

Book

YUDIN COLLECTION

[illegible]

27½ листовъ.

БИБЛІО
ДЛЯ ЧТЕ
ЖУРН

АПРѢЛЬ, 1836.

Бенедиктовъ. Козлов
Тимофеевъ. Матю
Маравинскій.
Полевой.
Савельевъ
Шелех
Пано
Ф

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Санктпетербургъ,

въ типографіи Эдуарда Праца и К°.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

=

Печатать позволяется, марта 28, 1836. Ценсоръ *А. Никитенко*

ПРОГРАММА.

Журналъ, подъ названіемъ Библіотека для Чтенія, съ 1-го января 1834 года выходитъ ежемѣсячно книжками.

Каждая книжка заключаетъ въ себѣ не менѣе 18 печатныхъ листовъ. Двѣ книжки составляютъ одинъ томъ, съ особымъ къ нему заглавнымъ листомъ и оглавленіемъ. Въ концѣ третьяго года, ко всѣмъ двадцати томамъ прилагается общій алфавитный, аналитическій, указатель предметовъ и собственныхъ именъ.

Въ этомъ Журналѣ участвуютъ почти всѣ извѣстные своими дарованіями и произведеніями въ стихахъ и прозѣ Русскіе писатели.

Редакція Библіотеки для Чтенія поручается всегда ея основателями свѣдущему и опытному литератору. Статьи не будутъ разбиваемы болѣе чѣмъ на двѣ книжки Журнала, и то въ случаѣ крайней необходимости.

Журналъ Библіотека для Чтенія, имѣющій предметомъ одну лишь общую пользу читателей, остается совершенно чуждымъ всякаго духа партій, и не принадлежитъ ни къ какой исключительно литературной партіи. Всѣ благонамѣренныя и прилично изложенныя мнѣнія находятъ въ немъ открытое для себя поприще.

Для соблюденія достоинства, приличнаго изданію, поочередно украшаемому всѣми извѣстнѣйшими въ словесности нашей именами, Библіотека для Чтенія не входитъ въ споры ни съ какими иными журналами, не отвѣчаетъ ни на какія выходки и критики, и не принимаетъ ни какихъ антикритикъ.

Библіотека для Чтенія, сообразно съ содержаніемъ помѣщаемыхъ въ ней сочиненій, раздѣляется на семь отдѣленій:

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія. Новыя стихотворенія лучшихъ Русскихъ поэтовъ. *Проза.* Повѣсти, разсказы, статьи о нравахъ, и тому подобныя произведенія извѣстнѣйшихъ въ этомъ родѣ писателей.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Переводы лучшихъ иностранныхъ стихотвореній и прозаическихъ литературныхъ статей изъ Французскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ журналовъ и книгъ.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Разсужденія о разныхъ предметахъ, касающихся до Россійской и Всеобщей Исторіи, Древностей, Статистики, Политической Экономіи, Естественной Исторіи, Географіи, новѣйшихъ путешествій, Изящныхъ Художествъ, и прочая, и прочая. Въ каждой книжкѣ Библіотеки для Чтенія находятся по-крайней-мѣрѣ двѣ статьи въ этомъ родѣ, оригинальныя или переводныя.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Разсужденія о разныхъ отрасляхъ промышленности и торговли. Открытія и опыты по всѣмъ частяхъ сельскаго хозяйства, ремеслъ и искуствъ. Описанія новыхъ машинъ. Къ этому отдѣленію прилагаются и рисунки.

См. на второй половинѣ обертки.

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

XV.

Biblioteke dlia chteniia.

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕНОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА И К°.

1836.

AP
50
.B58
v 15

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 1836 года, февраля 28 дня.
Цензоръ *А. Никитенко.*

61-107542

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЛАДЪ.

Въ годину печалей, тоски и ненастья,
Гонимый судьбою, презрѣнный людьми,
Закованный въ цѣпи тяжелой неволи,
Поэтъ безотрадный, небесный богачъ,
Громады сокровищъ съ слезами выноситъ,
И, въ черную полночь, дрожащей рукой
Въ сырую могилу съ собой зарываетъ,
И проситъ покоя подъ мирной землей.

Проходятъ столѣтья надъ бѣдной могилой;
Лежитъ и тоскуетъ невѣдомый кладъ,
И тернiемъ дикимъ съ травой заростаетъ;
Но чисто и внятно съ людьми говоритъ:
То мрачнымъ и грознымъ видѣнiемъ бродитъ,
То плачетъ младенцемъ, то дѣвой поетъ,
То яркой звѣздою въ полуночь пылаетъ,
То бурной грозою, сверкая, реветъ.

Шумитъ и толкуетъ народъ любопытный,
Сзываетъ къ могилѣ жрецовъ и царей;

И съ пѣснью хвалебной, съ усердной молитвой,
За кладомъ священнымъ толпою идетъ.
Горитъ и курится закланная жертва,
Душистой волною струится елей.....
Достигли до клада: надъ бѣдной могилой,
Какъ солнце поэту, стоитъ мавзолей!

ТИМОФЕЕВЪ.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Свободно прядаетъ газель
По высямъ горъ святыхъ;
И смѣло пьетъ еще досель
Изъ струй ключей живыхъ:
Безтрепетно доступка ей
Краса Сіонскихъ рубежей!

Живѣй, умильнѣй, чѣмъ она,
Во дни поры былой,
Благословляли племена
Іуды край святой.
На Ливанонъ тѣнь кедры льютъ:
Но гдѣ Сіонскихъ дѣвъ пріютъ!

И пальма съ самкою своей
Блаженнѣй въ той странѣ:
А родъ Израиля по всей
Скитается землѣ!
Она ли кинетъ край родной?
Ей не цвѣсти въ землѣ другой!

А нашъ блуждать родъ осужденъ, —
Въ чужбинѣ умирать!
Гдѣ прахъ отцовъ похороненъ,
Тамъ чадамъ не лежать!
И камня нѣтъ отъ храма намъ!
Салимъ — посмѣшище врагамъ!.....

И. ГОГНІЕВЪ.

ДЖУЛІО МОСТИ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МАРКИЗЪ ЧИНТО, Болонскій вельможа.
ВЕРРИНО, его племянникъ.
МАРКИЗЪ СПАРЦА.
КАВАЛЕРЪ БАЛЬДОВИ.
ДЖУЛІО МОСТИ, художникъ Римскій.
АСТОЛЬФО ГОНТИ, художникъ Болонскій.
МАМПИ, механикъ.
РОБЕРТО, домоуправитель дворца Чинто.
БЕРНАРДО МАМПІЕРИ, башмачникъ.
ДОМИНИКЪ МАМПІЕРИ, сынъ его, впослѣдствіи прозванный Доминикиномъ.
ФРАНЧЕСКО АЛЬБАНО, художникъ Болонскій школы Караччи, другъ Доминикина.
НАДЗИРАТЕЛЬ за собраніемъ картинъ маркиза Чинто.
ЛОРЕНЦО ТЕКИ, врачъ при дворцѣ Чинто.
ПЕРВЫЙ СБИРЪ.
ВТОРОЙ СБИРЪ.
ТАДЕО, слуга Мости.
ФРАНЧЕСКО, слуга Гонти.
МАРКИЗА ЧИНТО.
КІАРА, безименная, дочь Венеціанской нищей.
ЛАУРЕТА, служанка маркизы.
ЖЕНА ЛОРЕНЦО ТЕКИ.
БОЛОНСКІЕ академики; ученики Джуліо Мости; маски; гости Джуліо; сбиры; стража и народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Болоніи, спустя около пятнадцати лѣтъ послѣ смерти Торквата Тасса, то есть, около 1600 года.

Часть первая.

МЕЦЕНАТЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Hoher Sinn liegt oft in kind'schem Spiel.
Шиллеръ.

(Картинная зала во дворцѣ маркиза Чинто, расположенная крестомъ и освѣщенная съ верху; множество картинъ покрываютъ стѣны, которыхъ верхнія части расписаны одноцвѣтомъ (in chiaroscuro); плафонъ передняго крыла, составляющаго аванцену, изображаетъ Аполлона на колесницѣ съ принадлежностями. Внизу, около стѣнъ, разставлены статуи и бюсты; подъ куполомъ огромная бронзовая ваза съ барельефами по рисункамъ Бенвенуто Челлини, поддерживаемая четырмя женскими каріатидами. За вазой, вдали, видны украшенныя рѣзьбою двери. Картины передняго крыла расположены симметрически по величинѣ, и представляютъ странную смѣсь школъ и родовъ живописи; посерединѣ — два треножника, одинъ съ портретомъ Торквато Тассо, на другомъ полотно съ копіей, подмалеванною съ того же портрета. Вечеръ).

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ДЖУЛІО МОСТИ (одинъ у треножника, съ кистію въ рукѣ).

Вотъ цѣлый день въ обширной галлереѣ
Работаю надъ копіей съ портрета, —
И ни одной черты похожей!..... Горько!
Я бросился въ Искусство неразумно.
Тридцатый годъ, а славы нѣтъ какъ нѣтъ!
А я мечталъ, возьмусь ли за перо
И загремятъ послушныя октавы;
Возьму ли кисть, и дивныя картины
Сами собой падутъ на полотно,
И я достигну славы и богатства!.....

—

Богатства!..... Я такъ бѣденъ, какъ никто
Изъ всѣхъ поэтовъ бѣденъ не бывалъ.
Аврелiо и князь Антіохійскій,
Любимыя моей души поэмы,
Не окупили даже и издержекъ.
Враги мои воспользовались, подло
Убить талантъ при самомъ появленьи,
И я поэзію возненавидѣлъ.
Кисть также не доставила ни славы,
Ни денегъ. Мало ль маляровъ ничтожныхъ,
Поденьщиковъ какихъ-нибудь монаховъ,
Лакеевъ кардинальскихъ, безъ заслугъ,
Безъ склонности къ Искусству, безъ познаній,
Пріобрѣтаютъ славу и богатство!
А я одинъ не признанъ и отверженъ,
И только дружба Тасса — для меня
Единственный источникъ пропитанья.
У нихъ есть средства; у меня ихъ нѣтъ.
Имъ путь знакомъ и къ славѣ и къ богатству,
Но отъ меня скрываютъ эту тайну.....

—

Темнѣетъ; надо кончить..... *(продолжаетъ писать).*

=

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Д. МОСТИ, ВЕРРИНО И НАДЗИРАТЕЛЬ.

ВЕРРИНО.

Такъ сегодня
Ты говоришь маркизъ съ маркизой будутъ?

НАДЗИРАТЕЛЬ.

Я полагаю.

ВЕРРИНО.

Какъ уже давно
Я не былъ здѣсь! Умножились картины:
Но какъ смѣшно развѣшаны! Послушай:
Кто смотритъ за собраньемъ этимъ?

НАДЗИРАТЕЛЬ.

Гонти.
Маркизъ имъ недоволенъ.

ВЕРРИНО.

Почему?

НАДЗИРАТЕЛЬ.

Художникъ онъ изрядный, только денегъ
Издерживаетъ много; говорятъ,
Что онъ не честно даже поступаетъ
Въ пріобрѣтеніи картинъ. Художникъ
Теперь работаетъ: угодно видѣть.....?

ВЕРРИНО.

Кчему? Я не хочу ему мѣшать.
Есть чѣмъ и здѣсь заняться. До свиданья!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Д. МОСТИ И ВЕРРИНО.

Веррино (подошедъ къ портрету Тасса).

Я не видалъ оригинала,
Но этотъ не похожъ портретъ;
Въ немъ блескъ и прелесть идеала, —
А существа и тѣла нѣтъ!
Въ немъ есть старательность, искусство;
Въ немъ вѣрны тѣни, вѣренъ свѣтъ;
Въ немъ есть и жизнь, и жаръ, и чувство;
А только сходства..... сходства нѣтъ!

Д. МОСТИ.

Не знали вы его! Портретъ поэта —
Портретъ мечты. Оригиналъ чудесенъ;
Такъ долженъ быть чудесенъ и портретъ.

ВЕРРИНО (не обращая на него вниманія).

Портретъ мечты — портретъ поэта!
Мечта для кисти не предметъ;
Вотъ почему въ чертахъ портрета
Съ оригиналомъ сходства нѣтъ.

МОСТИ.

Скажите мнѣ: въ горячкѣ вашихъ риѳмъ
Не снился вамъ когда-нибудь Торквато,
Пѣвецъ Аминты и Іерусалима?

ВЕРРИНО.

Нѣтъ, никогда! Я Тасса прочиталъ,
Я выучилъ его Аминту; много
Я знаю изъ его Іерусалима;
Но никогда онъ мнѣ не снился, — нѣтъ!
И вашъ вопросъ мнѣ право не понятенъ.
Что̀ общаго имѣетъ вашъ портретъ
Съ Торкватомъ Тассомъ?

МОСТИ.

Какъ, синьоръ, возможно ль?
До сей поры не знаетъ стихотворецъ,
Что это Тассъ!.....

ВЕРРИНО (отступая).

Портретъ Торквата Тасса!!.....

—

Такъ, это онъ! Въ листахъ вѣнца
Богатая блистаетъ слава,
Безуміе въ чертахъ лица,
А на устахъ дрожитъ октава!
Такъ, это онъ! Его портретъ
Понятенъ для души поэта;
Онъ весь какъ томный лунный свѣтъ,
Онъ весь какъ музыка сонета.
Какъ риѳмы двѣ, его уста
Слила въ прекрасное лобзанье
Неуловимая мечта;
Въ чертахъ безумье и страданье, —
А каждая притомъ черта
Не лишена очарованья!

МОСТИ.

О, напиши, почтенный незнакомецъ,

Что говоришь! Слова твои отрадны!
Я ихъ имѣть желалъ бы на бумагѣ,
Хранить ихъ въ этомъ сердцѣ..... Незнакомецъ,
Не откажи.

ВЕРРИНО.

Писать? Я не умѣю.
Я не хочу свободную мечту
Терзать перомъ; на тѣснотѣ бумаги
Я не могу излить тѣхъ помышленій,
Которыя, въ созвучьяхъ сладострастныхъ,
Изъ устъ моихъ согласно истекаютъ.
Мнѣ дивный даръ опредѣлило небо, —
Носить въ груди рой риѳмъ обильно-звучныхъ;
Я какъ паукъ изъ нихъ тку паутину;
Качаюсь въ ней далеко, въ поднебесьѣ,
Смотрю на міръ сквозь призму вдохновенья,
И въ радужныхъ цвѣтахъ воображенья
Сей старый міръ, съ ребячьей головой
Является мнѣ дѣвой молодой,
И риѳмами небеснаго напѣва
Украшена таинственная дѣва.
Да! это солнце, звѣзды и луна,
Высокій холмъ и берегъ моря плоскій,
Картинный залъ и дряхлая стѣна —
Поэзіи святые отголоски.....
Все это риѳмы, риѳмы, Божьи риѳмы!
Вещь всякая, мысль каждая и чувство,
Имѣютъ въ мирѣ собственныя риѳмы!
И вы, и я, свои имѣемъ риѳмы.....

МОСТИ (вставъ).

Вы, можетъ-быть; но я давно безъ риѳмы,
Когда вы риѳмой существа зовете,
Къ которымъ мы влечемся тайной силой.
Три существа моимъ владѣли сердцемъ,
Различныя они имѣли сходства.
Три существа, — Розина, Гассъ и слава.

Я выходилъ изъ дѣтства, и любовь
Во мнѣ кровь тѣла замѣнила; сладко
Мнѣ было чувствовать, какъ въ тонкихъ жилкахъ

Трепещетъ страсть, какъ сердце въ персяхъ ноетъ,
Какъ въ полнотѣ моей любви кипучей
Я плавалъ, разширялся, изчезалъ.
Но поцѣлуи охлаждаютъ чувство,
Когда оно созданіе мечты.
Насытьте страстныя уста лобзаньемъ,
И тайный жаръ хладѣетъ противъ воли.
Въ ребячествѣ любовь не хороша:
Она себя порокомъ знаменуетъ,
Иль безобразнымъ чувствомъ застываетъ.
Явился Тассъ, и я забылъ Розину.
Любовь мою тѣснилъ поэтъ изъ сердца;
Меня влекла краса невинной дѣвы,
А я краснѣлъ моей любви..... И что же?
Я бросилъ все; какъ храмовой прислужникъ,
Отъ алтаря ни шагу не отходитъ,
Такъ я не отходилъ отъ Тасса; часто
Я проникалъ его святыя мысли,
Нерѣдко самъ онъ открывалъ мнѣ тайны,
Которыхъ умъ простаго человѣка
Безъ объясненій постигать не можетъ.
Дитя! я утонулъ въ пучинѣ мыслей,
Въ роскошномъ, сладострастномъ морѣ звуковъ.
Пока онъ жилъ, — на этой зыбкой безднѣ
Его рука была моей опорой;
Онъ ободрялъ безсильное стремленье;
Онъ открывалъ пути къ тому безсмертью,
Къ той сладостной, отрадной, дивной славѣ,
Которая чудовищемъ стоглавымъ
Въ моемъ кипучемъ сердцѣ зародилась.....
Но умеръ онъ, и слава поглотила
Несчастнаго ребенка-честолюбца:
Я захотѣлъ наслѣдникомъ быть Тасса,
Поэтомъ вѣка моего; въ добавокъ
Я захотѣлъ быть славнымъ живописцемъ,
Я захотѣлъ быть славнымъ музыкантомъ,
въ головѣ смѣшалися Искусства,
Предметы, звуки, риѳмы. Міръ безмѣрный
Я захотѣлъ опредѣлить, измѣрить.....

И палъ подъ бременемъ Искусства. Боже,
Тридцатый годъ въ апрѣлѣ наступаетъ,
А я еще, какъ скорпіонъ пустыни,
Въ ничтожествѣ презрѣнно веществую!

ВЕРРИНО.

Чего жъ вамъ надо?

МОСТИ.

Славы, славы, славы!
Ахъ, незнакомецъ, славы жаждетъ Мости,
И никогда до славы не достигнетъ!
Я это чувствую, какъ свѣтъ небезный:
Нѣтъ простоты во всѣхъ моихъ работахъ;
Беру ль перо, и безобразный стихъ
Мнѣ кажется готическою башней,
Осыпанной игрушками рѣзными;
Возьму ли кисть, — на чистомъ полотнѣ
Являются уроды, не предмѣты;
Хочу ли слить въ-одно святые звуки,
И тѣ гремятъ въ раззвучьяхъ несогласныхъ.

(Заливается слезами.)

Да, незнакомецъ! бѣденъ, бѣденъ я,
И никогда не наживу богатства.

ВЕРРИНО (про себя).

Онъ плачетъ. Чудный человѣкъ! Объ чемъ же?
О суетной и даже глупой славѣ! *(Громко)*
Послушайте: изъ состраданья къ вамъ,
Я васъ спрошу, къ чему вамъ въ жизни слава.
Вы бѣдны? Слава вовсе не поможетъ.
Завистники, клеветники найдутся,
И слава — тяжкій грузъ на морѣ жизни.
Оставьте дѣтскія мечты; любите
Одну любовь къ созданьямъ благодарнымъ,
Которыя доступнѣе Искусства.
Съ прекрасною наружностью такою
Вы можете обнять живую музу
И въ ней одной похоронить всѣ чувства.
А если вамъ одна измѣнитъ муза
Вы можете сыскать себѣ другую,
Прелестнѣе..... Не девять музъ живыхъ,
Ихъ тысячи, и каждая изъ нихъ

Доставитъ вамъ занятія такія,
Въ которыхъ вы забудете Искусство.

МОСТИ (про себя).

Какъ онъ меня ужасно уничтожилъ! *(Громко)*
Нѣтъ! Никогда! Я отдался Искусству!
Пусть я послѣдній рабъ, но рабъ Искусства,
Не женщины, — и я уже доволенъ;
Мнѣ болѣе не нужно; я доволенъ;
Впередъ моя работа: я доволенъ!

(Садится и хочетъ продолжать работу.)
Слышенъ разговоръ за дверьми.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Иди, бѣднякъ, нельзя пустить.

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Бѣднякъ?
Ты правду молвилъ, стражъ святаго рая!
Пусти меня, минуты не пробуду;
Такъ, посмотрю, поплачу и уйду.

ПЕРВЫЙ.

Вотъ есть за чѣмъ ходить!..... Нельзя!

ВТОРОЙ.

Помилуй!
Дай мнѣ взглянуть сквозь щель твоихъ дверей
На чудеса, что на стѣнахъ живутъ.

ПЕРВЫЙ.

Съ ума свихнулъ! Какія чудеса?
Статуи да картины, вотъ и все!

ВТОРОЙ.

Ради святаго твоего патрона,
Открой мнѣ дверь, Богъ наградитъ тебя!

ПЕРВЫЙ.

Безъ шутокъ ты ума лишился.

ВТОРОЙ.

Сжалься!
Вотъ два паоло; больше не имѣю.
Пусти меня.....

ПЕРВЫЙ.

Ну, такъ и быть, иди!
О, счастливъ ты, что дома нѣтъ господъ!
А то бы не пустилъ..... Будь остороженъ!

Не замарай чего-нибудь, не скинь
И не разбей!

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТѢ ЖЕ И ДОМИНИКЪ ЦАМПІЕРИ.

ЦАМПІЕРИ (вошедши, останавливается какъ-бы пораженный чѣмъ-то невидимымъ).

Какой недугъ по сердцу
Горячей искрой бѣгаетъ!..... Спасите!.....
Я ничего не вижу.....

(Закрываетъ руками глаза и нѣсколько минутъ не смотритъ; потомъ, оглядываясь, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, продолжаетъ:)

Чудеса!
Смотрите, міръ въ божественномъ убранствѣ
На стѣны вышелъ..... Онъ идетъ, идетъ,
Процессію святую совершая:
Тамъ первый геній въ митрѣ изъ алмазовъ
Предводитъ сонмъ епископовъ Искусства!
Смотрите, тамъ одинъ великій жрецъ
У ночи тѣнь похитилъ, а другой
У солнца свѣтъ. Раздайтесь, звуки рая,
О, заиграйте пѣсню торжества!

(Сорвавъ со стѣны портретъ Форнарины, цѣлуетъ его, пляшетъ и поетъ:)

Форнарина Рафаэля!
Форнарина Рафаэля!
Лейтесь, лейтесь поцѣлуи
Въ это чудо, въ это диво;
Расплетайся умъ широкій,
И жемчужнымъ ожерельемъ
Обернись вокругъ груди!
Ненавидь ее и милуй,
Выйми музыку изъ глазъ,
И на розовыя губки
Чувства положи печать!
Эту грудь разбей надвое,
И на каждой половинкѣ
Змѣемъ аспидомъ прилягъ,
И потомъ безпечно думай
Какъ ихъ вновь соединить!

(Бросивъ картину съ важностью продолжаетъ:)

Не смотри на картину Искусства,
На картину природы смотри!
Изучай у любовницы чувства,
А о чувствахъ съ сестрой говори.
Разсуждать не учись, это скучно.
Живописецъ задумчивый глупъ.....
Вотъ — мечта. Съ ней лети неразлучно.
Безъ мечты, человѣкъ — хладный трупъ!

(Снова пляшетъ, говоря протяжно и мѣрно:)

Прилетай, моя мечта,
Ты, игрушка золотая!
Прокатись по небесамъ
Свѣтлымъ шарикомъ надежды,
Закатись въ младую грудь,
И зажги въ ней наслажденье,
Что̀ зоветъ людская чернь
Самороднымъ вдохновеньемъ!
Цаца! не пиши перомъ!
Ляля! не играй смычкомъ!
Это мелко, и не трудно.
Нѣтъ, на бѣломъ полотнѣ
Цѣлый міръ представь въ огнѣ!
Да! въ огнѣ, но не въ пожарѣ:
Смерти страшной не люблю;
Но въ огнѣ прекрасной страсти,
Въ королевскомъ торжествѣ.....

(Опустивъ голову и руки, остается неподвиженъ у треножниковъ.)

ВЕРРИНО (слегка ударивъ по плечу Мости.)

Пріятель, вотъ кто истинно доволенъ
И будетъ онъ доволенъ до могилы!

МОСТИ (съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.)

Ребенокъ, сынъ безумья, нищеты,
Несвязнымъ жаромъ облитъ вдохновенья,
Безумнаго восторга кончилъ рѣчь,
А вы его Искусству приписали.....

ЦАМПІЕРИ (въ это время внимательно разсматривавшій работу Мости.)

Прекрасно, незнакомецъ. Только, право
Ошибки есть въ устахъ и между глазъ.....

МОСТИ (сурово).

Дитя! я знаю самъ мои ошибки,
Я самъ уже учу, а не учусь.

(Отходя впередъ, тихо)

И вотъ вѣнецъ моихъ мечтаній сладкихъ,
Награда всѣхъ трудовъ моихъ мозольныхъ:
Въ трудахъ моихъ дитя ошибки видитъ!

ЦАМПІЕРИ (Веррино).

Онъ боленъ, что ли?

ВЕРРИНО.

Нѣтъ.

ЦАМПІЕРИ.

Кто онъ?

ВЕРРИНО.

Не знаю.
Скажи мнѣ лучше, милый, кто ты самъ?

ЦАМПІЕРИ.

Кто я? Джованни Доминикъ Цампіери.

ВЕРРИНО.

Сынъ живописца?

ЦАМПІЕРИ.

Нѣтъ, отецъ башмачникъ;
А я учусь, хочу быть живописцемъ.

ВЕРРИНО.

А у кого въ наукѣ?

ЦАМПІЕРИ.

У Кальварта.
Но мнѣ его ученье не по нраву:
Скажу вамъ на ухо, — я не люблю
Учителя.

ВЕРРИНО.

За что?

ЦАМПІЕРИ.

И самъ не знаю.
Но только онъ не учитъ, а терзаетъ
Несносными уроками своими.
Есть, говорятъ, въ Болоніи учитель
Чудесный, но отецъ мой очень бѣденъ.

ВЕРРИНО.

А какъ зовутъ чудеснаго?

ЦАМПІЕРИ.

Караччи.

Но, ради Бога, не проговоритесь!
Меня убьетъ ужасный Кальвартъ; строго
Онъ запретилъ намъ заходить къ Караччи,
Смотрѣть на ихъ произведенья..... Поздно.
Ужъ потемнѣло..... Надо мнѣ домой,
Мать будетъ безпокоиться..... Простите!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ВЕРРИНО И МОСТИ (на переди сцены въ глубокомъ размышленіи).

ВЕРРИНО.

Почтенный незнакомецъ, вы печальны!

МОСТИ.

Напротивъ, очень веселъ.....

ВЕРРИНО (сомнительно).

Въ самомъ дѣлѣ?.....
Въ личинѣ гибкаго притворства
Не ходитъ истинный поэтъ!
Въ порывахъ злобнаго упорства
Поэзіи ни капли нѣтъ.
Художникъ смотритъ откровенно,
И откровенно говоритъ.
Онъ дышитъ рѣчью вдохновенной,
Когда языкъ его молчитъ.
(Отходитъ въ другую сторону галлереи.)

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

МАРКИЗЪ, РОБЕРТО И ГОНТИ, изъ лѣваго крыла; МОСТИ, и въ глубинѣ ВЕРРИНО.

МАРКИЗЪ.

Роберто, много ли гостей?

РОБЕРТО.

Не знаю;
Я вижу двухъ: одинъ художникъ Римскій
Другой..... Маркизъ, да это вашъ племянникъ!

МАРКИЗЪ.

А, Данте мой, живая книга, здравствуй!
Ужъ больше году я тебя не видѣлъ.
Гдѣ пропадалъ?

ВЕРРИНО.

Въ Неаполѣ я прожилъ
Весь этотъ годъ.

МАРКИЗЪ.

Въ Неаполѣ? Ну, что,
Тамъ есть картины?

ВЕРРИНО.

Очень мало.

МАРКИЗЪ (съ самодовольствіемъ).

Мало!
Ну, а у насъ?

ВЕРРИНО.

Маркизъ, я удивился,
Такъ пополнѣла ваша галлерея.

МАРКИЗЪ.

Пожалуйста, побольше удивляйся,
Да только вслухъ. Ты умный человѣкъ,
Слова твои имѣютъ вѣсъ, — безъ лести
Я говорю. Жена мнѣ объяснила,
Что ты съ талантами. Я очень радъ,
Что ты пріѣхалъ. Это кто?

РОБЕРТО.

Художникъ.

МАРКИЗЪ.

Художникъ?

ВЕРРИНО.

Да; изъ Рима.

МАРКИЗЪ.

А! изъ Рима.
(къ Роберто) Просить его обѣдать завтра. — Гонти,
Пріѣхалъ къ намъ художникъ Римскій, — вотъ онъ:
Вы объяснитесь съ нимъ, и предложите
Остаться у меня при галлереѣ.
(отходя съ Веррино въ глубину)
Мнѣ хочется со всѣхъ моихъ картинъ
Одной рукой снять копіи; составить
Другую галлерею; помѣстить
Ее внизу; пусть эта для дворянства,
А та, внизу, для прочаго народа.—
Досадно видѣть, если поселянинъ
Мѣщанскимъ взоромъ мѣритъ Рафаэля,
И наравнѣ съ почтеннымъ дворяниномъ.....
(дальнѣйшихъ разсужденій за отдаленностью не слышно)

*

РОБЕРТО КЪ МОСТИ.

Маркизъ васъ проситъ завтра кушать.

МОСТИ (кланяясь)

Буду. *(Роберто отходитъ къ маркизу).*

ГОНТИ (подходя и разсматривая копію).

Прекрасная работа! что за живость!
Какая кисть! Позвольте мнѣ узнать,
Какой вы школы.....

МОСТИ.

Римской.

ГОНТИ.

Безподобно!
А у кого изволили учиться?
У Тинторетто или у Бароко,
А можетъ быть у Караваджи.....

МОСТИ

Нѣтъ,
Учился я у матери природы.

ГОНТИ.

(Пустой хвастунъ.) Надежнѣйшій учитель!
Природа — зеркало для живописца.
(Принять его! Онъ будетъ мнѣ полезенъ).
Вы долго здѣсь намѣрены пробыть?

МОСТИ.

Не знаю; какъ случится.....

ГОНТИ.

Если бъ мѣсто
Въ Болоніи вамъ предложили съ платой,
Могли бы вы остаться?

МОСТИ.

Неизвѣстно.

ГОНТИ.

Какъ неизвѣстно? Это въ вашей волѣ.....

МОСТИ.

И воли-то продать я не хочу.

ГОНТИ.

Но, напримѣръ, при этой галлереѣ? .....

ВЫХОДЪ.

ТѢ ЖЕ И МАРКИЗА, СПАРЦА, ВАЛЬДОНИ, ИЗЪ ЛѢВАГО КРЫЛА.

МОСТИ (увидѣвъ маркизу)

При этой галлереи я согласенъ.....

ГОНТИ (тихо)

Что это значитъ? Странная поспѣшность!

СПАРЦА (маркизѣ)

Вы любите.....

МАРКИЗА

Картины.....

СПАРЦА.

Да, картины.....

МАРКИЗА (поблѣднѣвъ)

Творецъ!

ВАЛЬДОНИ.

Что съ вами?

МАРКИЗА.

Жарко.

ВАЛЬДОНИ.

Здѣсь прохладно!

МАРКИЗА (съ усиліемъ оправляясь)

Нѣтъ ничего, прошло! *(тихо)* Я испугалась.
Не призракъ ли? Мнѣ страшно оглянуться!

ГОНТИ.

Ого! Замысловатый quiproquo.
Но изъ всего ловить умѣйте пользу.. ...

МАРКИЗЪ (возвращаясь)

Маркиза, нашъ Веррино возвратился!

МАРКИЗА.

Я очень рада. Какъ здоровье ваше?
Вамъ помогла дорога; пополнѣли,
Поправились.

ВЕРРИНО.

Да; нѣсколько. Однако жъ
Я слабъ еще.....

МАРКИЗЪ.

Ну, что, каковъ художникъ?

ГОНТИ.

Отличный живописецъ! Поздравляю.
Онъ согласился.

МАРКИЗЪ.

Очень благодаренъ.
Маркиза, нравится тебѣ художникъ?

МАРКИЗА.

Невидѣла.....

МАРКИЗЪ.

А, посмотри! Нашъ Гонти
Отлично отзывается. Веррино,
Мы подойдемъ къ нему и потолкуемъ.

МАРКИЗА.

Пойдемъ смотрѣть, что пишетъ славный Гонти.

(Уходитъ въ правое крыло; Спарца и Вальдони за ней.)

МАРКИЗЪ (къ Мости)

Вы заняты портретомъ? *(къ Гонти)* Чей портретъ?

ГОНТИ (тихо).

Торквата Тасса.....

МАРКИЗЪ.

Да! Торквата Тасса.
Онъ стихотворецъ, кажется, — не помню, —
Но только онъ великій человѣкъ:
Великій, точно! За одинъ портретъ
Я заплатилъ четыреста цекиновъ
Венеціанскихъ!..... Точно стихотворецъ!
Ахъ, Господи! пятнадцать лѣтъ тому
Его вѣнчали. *(тихо Роберту)* Такъ ли?

РОБЕРТО (тихо).

Точно такъ!

ВЕРРИНО.

Художникъ другъ ему; изъ разговора
Замѣтилъ я.....

МАРКИЗЪ.

Вы другъ Торквата Тасса?
О, вы мой гость! Вы можете остаться
Хоть на всю жизнь въ моемъ дворцѣ.
(тихо Роберту) Роберто!
Узнай, какого званія художникъ,
И отведи покои, по значенью. *(громко)*
А сами вы — художникъ, стихотворецъ?

МОСТИ (про себя).

И вотъ поэзіи пустая слава:
Моихъ поэмъ незнаютъ Итальянцы!.....

МАРКИЗЪ.

Что жъ онъ молчитъ?.... Художникъ, ваше имя?

МОСТИ.

Я? Мости.

МАРКИЗЪ.

Не слыхалъ.

МОСТИ.

Я двѣ поэмы
Ужъ издалъ въ свѣтъ.....

МАРКИЗЪ.

А! помню, очень помню.....
(тихо) Объ чемъ поэмы?

РОБЕРТО.

(Я совсѣмъ не знаю!)

МАРКИЗЪ.

Прекрасныя поэмы! Очень мило,
Съ большимъ искусствомъ вы ихъ сочинили;
Прекрасно изданы. Въ библіотекѣ
Я ихъ храню. (Роберто, отыщи,
Прочти и разскажи мнѣ содержанье.)
А повѣсти вы пишете?

МОСТИ.

Пишу.

МАРКИЗЪ.

Прекрасный родъ! Не правда ли, пріятно
Вечернимъ сномъ забыться послѣ чтенья?
Отъ повѣстей родятся сновидѣнья;
По вечерамъ въ кругу семьи, друзей
Отъ скуки повѣсть прочитать не дурно.
Вы намъ доставите пріятность эту?
Не отвѣчайте, я отвѣтъ предвижу,
Но скромность не умѣста. До свиданья!
(отходя съ Роберто, тихо)
Роберто, какъ ты думаешь, не много ль
Я говорилъ съ художникомъ?

РОБЕРТО.

Не много.

МАРКИЗЪ.

Ну, слава Богу! длиннымъ разговоромъ
Дарить не должно незнакомца.

РОБЕРТО.

Точно.

МАРКИЗЪ.

Онъ можетъ возмечтать, а наши ласки
Должны быть дороги.....

РОБЕРТО.

О, безъ-сомнѣнья!

МАРКИЗЪ (оборотясь).

Веррино, ты со мной пойдешь; разскажешь,
Какъ тамъ въ Неаполѣ живутъ?

ВЕРРИНО.

Извольте!

ВЫХОДЪ.

МОСТИ, ГОНТИ У ВАЗЫ, МАРКИЗА СПАРЦА И ВАЛЬДОНИ возвращаются.

МАРКИЗА. (про себя)

(Не ловко. Надо что-нибудь сказать.)

ГОНТИ. (про себя)

О, если бъ мы могли глазами слушать!.....
А подойду, могу испортить дѣло.

МАРКИЗА.

Вамъ нравится портретъ Торквата Тасса?

МОСТИ. (въ смущеніи)

Теперь я позабылъ объ немъ, маркиза.....

МАРКИЗА.

Неблагодарность! Должно вѣчно помнить
Святую дружбу.....

МОСТИ.

И любовь, маркиза!

МАРКИЗА.

Любовь — мечта. Вы помните, вашъ другъ
Бѣжалъ любви.....

ВАЛЬДОНИ.

И былъ всегда несчастливъ!

МАРКИЗА.

Нѣтъ, никогда! Съ любовью былъ несчастливъ,
А безъ любви, свободенъ и спокоенъ.

ВАЛЬДОНИ.

Не всѣ же Тассы.....

МОСТИ. (тихо)

Горькая насмѣшка!

МАРКИЗА.

Кчему печаль, художникъ! Вы любили,
Любили Тасса, — больше никого!
Не удивительно, что ваше сердце
Сжимается при имени Торквата.
Онъ отнялъ васъ отъ міра и страстей, —
И міръ и страсти вамъ теперь противны.

Я понимаю ваше положенье.
Разсѣйте грусть, чела храните свѣжесть;
Нето васъ слава встрѣтитъ въ разслабленьи,
И съ горькими насмѣшками положитъ
На мертвеца вѣнецъ Капитолійскій.....
Такой тріумфъ — печальная картина.....
Насъ ждутъ, пойдемте, господа!.....

МОСТИ. (всплескивъ руками)

Розина!.....

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

МОСТИ И ГОНТИ.

ГОНТИ (подошедъ съ послѣднимъ словомъ).

Она знакома вамъ, художникъ Мости?.....

МОСТИ.

Кчему вамъ знать? Она мнѣ незнакома.
Когда-то видѣлъ я ее; не помню.....
Она была прекраснѣе, добрѣе;
Теперь не то.....

ГОНТИ. (про себя)

И онъ не зналъ ее!
Тутъ тайна есть! *(громко)* Художникъ, съ сожалѣньемъ
На васъ смотрѣлъ я издали; я видѣлъ,
Какъ вы боролись съ памятью упорной;
Но памяти ничто незаглушитъ.

МОСТИ.

Скажите мнѣ, художникъ, ваше имя!

ГОНТИ.

Астольфо Гонти.

МОСТИ.

Ахъ, синьоръ Астольфо,
Вы смотрите во внутренность людей

ГОНТИ.

Кчему смиренье?
Вамъ жребій назначаетъ роль, — играйте!
Откажетесь, — другой разъ не назначитъ.

МОСТИ.

Не понимаю.

ГОНТИ.

Если вамъ угодно
Зайти ко мнѣ, я объясню все дѣло.

МОСТИ.

О съ удовольствіемъ..... (Вотъ странный вечеръ!)

(Уходятъ.)

==

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Внутренность каѳедральной Болонской церкви Св. Петронія; нѣсколько лампъ и свѣчей горитъ у разныхъ алтарей; въ разныхъ мѣстахъ видны люди, тихо молящіеся.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ДОМИНИКИНЪ. (вошедъ преклоняетъ на одно мгновеніе колѣно и продолжаетъ итти къ рѣшеткѣ главнаго алтаря)

СОНЪ.

Засни, дитя!

ДОМИНИКИНЪ ЦАМПІЕРИ.

Отстань! Кто въ церкви спитъ?
Кто служитъ Божеству, тотъ сна незнаетъ.

Жить жертвами, чистѣйшимъ ѳиміамомъ,
Итти по міру, подъ крестомъ съ крестомъ,
И быть благовѣстителемъ блаженства;
Стать между небомъ и землей; въ восторгѣ
Забыть себя, свой жертвенникъ забыть;
Безъ страха, но дрожащею рукою,
Покровы приподнять съ существъ небесныхъ
И наготой не оскорбить святыни!
Сонъ, дай одно такое сновидѣнье,
И я — твой рабъ, пока возможно рабство.

СОНЪ.

Засни, дитя!

ЦАМПІЕРИ.

А дашь ли сновидѣнье?

СОНЪ.

Я не могу понять твоихъ желаній.

ЦАМПІЕРИ (быстро).

Постой, я объясню.....
О сонъ коварный!
Ты въ нутрь меня смотрѣлъ; ты ясно видѣлъ,
Что я и самъ себя непонимаю.....
Вотъ что: представь мнѣ счастье безъ конца
И безъ начала; дѣву молодую,
Облитую кипящимъ наслажденьемъ,
Въ благоуханномъ воздухѣ, въ сіяньи;
Представь мнѣ мужа, съ твердою душой, —
Въ рукахъ его разломанное солнце,
Въ устахъ язвительную мудрость; въ сердцѣ
Желанье и презрѣніе добра;
Представь мнѣ міръ съ разбитыми богами,
И посрединѣ чистую Діанну,
Высокую, роскошную Гречанку;
Представь мнѣ міръ, любовью обновленный,
Очищенный любовью отъ грѣха,
Любовію соединенный въ Церковь,
Какъ эти гордые столбы подъ куполъ.....
Представь мнѣ Бога!..... Что жъ?

СОНЪ.

Я не могу.

ЦАМПІЕРИ.

Не можешь?..... Сонъ, ты больше мнѣ не нуженъ!
Молитва будетъ сномъ моимъ ночнымъ,
А сномъ дневнымъ тяжелая работа.....
(въ молитвѣ, падаетъ на колени у рѣшетки.)

=

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Pierios differ cantusque choroque sororum
Aes dabit ex istis nulla puella tibi.
Марціалъ.

(Небольшая комната, убранная съ возможною чистотою и опрятностью, но безъ особеннаго вкуса; треножники съ подмалевками и эскизами симметрически разставлены въ комнатѣ; эстампы и рисунки кучами, но въ отличномъ порядкѣ, въ красивыхъ портфеляхъ, лежатъ на видныхъ мѣстахъ; въ шкафу безъ стеколъ съ множествомъ за-

кладокъ, стоятъ красиво въ бѣлую кожу оправленныя книги и рукописи; около оконъ парусинныя ставни разной величины, цвѣта и прозрачности.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Д. МОСТИ И ГОНТИ.

ГОНТИ.

Вотъ уголокъ мой!

МОСТИ.

Уголокъ прекрасный.
Довольство и удобство! Тишина!
Вамъ жизнь мила, я думаю,.....

ГОНТИ.

Не очень.

МОСТИ.

Чего же вамъ недостаетъ, художникъ?

ГОНТИ.

О, мало ли чего! Вѣдь жизнь обширна:
Какъ много въ ней божественныхъ даровъ,
А я ни одного изъ нихъ не принялъ
Въ наслѣдство человѣка къ человѣку.....
Васъ рѣчь моя пугаетъ? Успокойтесь!
Живите сами долѣе, узнайте
Людей короче; можетъ-быть, и вы
Моимъ путемъ придете къ той же цѣли.
Присядемъ.....

(Садятся; Гонти звонитъ.)

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТѢ ЖЕ И ФРАНЧЕСКО.

ГОНТИ.

Принеси вина, Франческо!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Д. МОСТИ И ГОНТИ.

МОСТИ.

Я никогда не пью.....

ГОНТИ.

Одинъ бокалъ
Не завредитъ. Вино, въ безцвѣтной жизни,
Что дорогая краска; отъ вина
Предметы ярче, чище становятся;
Оно умомъ, какъ кистью Рафаэля

Другую жизнь на старой жизни пишетъ.
Вино есть свѣтлый умъ уединенья,
Вино есть другъ временъ давно прошедшихъ.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТѢ ЖЕ И ФРАНЧЕСКО (поставивъ вино, уходитъ).

ГОНТИ (наливая).

Одинъ бокалъ..... здоровіе маркизы!
Нельзя не пить..... не правда ли?

МОСТИ.

Да! правда.

ГОНТИ.

А хороша прелестная маркиза!
Какъ жизнь щедра для свѣжей молодежи!
Имъ женщина, имъ каждая дѣвица —
Роскошная и новая надежда.
Блеснетъ ли взоръ кокетки черноокой,
Улыбка ль на устахъ невинной дѣвы,
Минутной тѣнью пробѣжитъ..... Счастливцы!
Они умно толкуютъ взоръ, улыбку,
И счастливы пока. И вы, художникъ,
Принадлежите къ этому числу:
Не такъ ли?.....

МОСТИ.

Нѣтъ. Я жизнь мою провелъ
Надъ гробомъ Тассо.....

ГОНТИ.

Да! надъ гробомъ Тассо.
Я позабылъ, что вы не такъ, какъ мы,
Жизнь провели въ усиліяхъ напрасныхъ;
Васъ наставлялъ во всемъ Торквато Тассо.
Такъ Аріостъ былъ другомъ Рафаэлю.....
А я.....
Еще одинъ бокалъ, художникъ!

МОСТИ.

Я не могу.

ГОНТИ.

Здоровіе маркиза
Необходимо выпить.....

МОСТИ.

Я согласенъ,
Но болѣе меня не принуждайте.

ГОНТИ.

А я, вамъ говорю, въ прекрасной жизни
Не испыталъ, не видѣлъ наслажденій.....
Я во Флоренціи учился: долго
Меня бранилъ учитель; наконецъ
Мнѣ Богъ помогъ задачу написать
Удачно. Я Флоренцію оставилъ,
Отправился въ Болонію, и здѣсь
Я предался Искусству безусловно.
Отецъ мой былъ небѣденъ: я хотѣлъ
Умѣренной довольствоваться платой;
Картины покупали, это правда,
Но дешевизна была ихъ оцѣнкой.
Всѣ говорили: недурной художникъ,
Талантъ посредственный..... Увы, Искусство
Съ тѣхъ поръ мнѣ становилось въ тягость, въ муку!
Я славы требовалъ, а люди гордо
Посредственностію меня корили.
Но та весна, когда душа пылаетъ
Славолюбивыми мечтами, быстро
Звѣздой падучей пронеслась, и опытъ
Мечтателю открылъ, что въ этомъ свѣтѣ,
Не все то хорошо, что хорошо;
Что и дурное можетъ быть хорошимъ,
Хорошее дурнымъ..... Я испугался
Прошедшей жизни. Вамъ легко понять
Съ какимъ досаднымъ, горькимъ сожалѣньемъ
Я оглянулся на мои труды.
Что жъ? я обратный путь направилъ: поздно!
Никто уже достоинствамъ моимъ
И дорогимъ не вѣрилъ; только Чинто
Еще въ моихъ картинахъ находилъ
Хорошія черты, и то затѣмъ
Что я подъ вкусъ поддѣлывался Чинто.

МОСТИ.

Неужели такія средства.....?

ГОНТИ.

Да!
Сначала я и самъ краснѣлъ: но что же?
Однажды я читать Вазари началъ, —

И что жъ нашелъ? — Что Рафаэль Урбинскій
Подъ папскій вкусъ поддѣлывался также,
Что геній можетъ быть льстецомъ хорошимъ,
Не оскорбивъ величья своего.
Да и въ другихъ Искусствахъ я нашелъ
Еще важнѣйшіе примѣры: Тассо,
Бокаччіо и Аріосто, пѣли
Подъ ладъ своихъ высокихъ меценатовъ.....
Повѣрите ль, я съ горя захворалъ,
Что такъ безумно совѣсти лукавой
Ребяческой душой повиновался!
И что жъ? Теперь я нѣсколько поправилъ
И свой талантъ и состоянье. Чѣмъ?
Тѣмъ, что возвысилъ цѣну на картины
И вкусъ людей опредѣлилъ точнѣе.

МОСТИ (въ себѣ).

Раздуміе беретъ., не это ль путь,
Широкій путь и къ славѣ и къ богатству.

ГОНТИ.

Въ Искусствахъ многое еще зависитъ
Отъ зависти другихъ. Ну, будьте робки,
Не объявляйте мнѣнья своего,
И всѣ почтутъ васъ безталантнымъ, глупымъ.
Весь умъ въ словахъ; въ молчаніи вся глупость.
Отъ робости я пострадалъ довольно.
Завистники мою примѣтивъ слабость
Усиливали дерзость нападеній,
А я не смѣлъ, боялся защищаться.....

МОСТИ (съ живостью).

Такъ и со мной! Я сочинилъ недавно
«Авреліо», поэму, и другую
Изъ Крестовыхъ Походовъ. Первый опытъ
Былъ принятъ общимъ хохотомъ ученыхъ.
Я, признаюсь вамъ, оробѣлъ; а люди
Еще сильнѣй напали на поэмы.

ГОНТИ.

Я не читалъ! Я вообще давно
Оставилъ книги; если другъ, художникъ.....

МОСТИ.

Я вамъ пришлю сегодня же поэмы.....

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ТѢ ЖЕ И ФРАНЧЕСКО.

ФРАНЧЕСКО (къ Мости).

Пришелъ Роберто, спрашиваетъ васъ.

МОСТИ.

Кого? меня?

ГОНТИ.

Да! здѣшній управитель.
Проси.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

ТѢ ЖЕ И РОБЕРТО.

РОБЕРТО.

По приказанію маркиза
Я вамъ отвелъ приличные покои.
Угодно ли пожаловать самимъ
Распорядиться?

МОСТИ.

Да, мой другъ, Роберто,
Иду съ тобой!..... Художникъ, доброй ночи!

ГОНТИ.

Мой другъ, поэтъ-художникъ, вашъ слуга.

МОСТИ.

Надѣюсь, мы друзьями разстаемся.....

ГОНТИ (провожая Мости).

Мой другъ, я вашъ покорнѣйшій слуга.

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ГОНТИ (одинъ).

Я угадалъ! Онъ именно таковъ,
Какимъ его желалъ я видѣть. Браво!
Народъ кричитъ, что Гонти шарлатанъ,
Что Гонти плутъ, пустой хвастунъ, невѣжа;
Источники богатства изсякаютъ;
Найдутся люди, убѣдятъ маркиза,
Мнѣ отказать отъ мѣста иль назначить
Другаго, старшаго. Нѣтъ, это дурно!
Пусть этимъ старшимъ будетъ славный Мости,
А въ славные произвести не трудно.
Исчезнетъ Гонти отъ людскаго взора.
Его закроетъ Мости отъ вниманья,
И сдѣлается самъ вниманья жертвой.....

Въ моихъ рукахъ есть *тайна*..... Этотъ геній
Во мнѣ нуждаться будетъ: прибыль таже,
За то отвѣтственности нѣтъ. О случай!
Въ одну бесѣду я достигъ желанья!
Онъ выслушалъ событій ложныхъ повѣсть;
Повѣрилъ мнѣ; непостоянный умъ
Смутился предъ картиной нищеты,
И устремился по моей дорогѣ.

—

И, можетъ-быть, вдвоемъ, гораздо больше
Найдемъ источниковъ богатства. Люди,
Вамъ все равно! талантъ ли, не талантъ;
Вы ищете въ Искусствахъ развлеченья,
Забавы суетной, мірской потѣхи.....
Мы вамъ доставимъ много развлеченья!
Посредственность, ты — золотое свойство!
Въ пространномъ смыслѣ — *золотое* свойство!....

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ГОНТИ И ФРАНЧЕСКО.

ФРАНЧЕСКО.

Отъ Мости книги.....

ГОНТИ.

А, подай! Что, если
Я не ошибся и по этой части? (*садясь къ столу*)
«Авреліо». Прочтемъ! Иди, Франческо.

=

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Scendi propizia
Col tuo splendore,
O bella Venere,
Madre d'Amore.
Metastasio.

(Спальная комната, украшенная со всею роскошью XVI вѣка.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАРКИЗА, стоитъ посреди комнаты въ глубокой задумчивости, держа въ рукахъ книгу. ЛАУРЕТА входитъ.

ЛАУРЕТА.

Маркиза, вы читаете молитвы?

МАРКИЗА.

Да!..... Нѣтъ..... А что, маркизъ?.....

ЛАУРЕТА.

Онъ въ кабинетѣ
Давно заснулъ. Роберто у него
Остался, и читаетъ что-то тихо
Самъ про себя. Я заглянула въ дверь.....
Прикажете раздѣть васъ.....?

МАРКИЗА.

Нѣтъ, Лаурета.....
Я, милая, сама раздѣнусь....., Поздно?.....

ЛАУРЕТА.

Не такъ еще. А знаете, маркиза,
У насъ есть гость? Хорошъ собой и скроменъ
Какъ дѣвушка.....

МАРКИЗА.

Оставь меня, Лаурета!.....
Уже пора молиться.....

ЛАУРЕТА.

Доброй ночи!
Свѣтильникъ взять.....?

МАРКИЗА.

Оставь, я потушу.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МАРКИЗА (одна).

Хорошъ собой, хорошъ! Не для меня!.....
Прошедшее! О дѣтства райскій сонъ,
Пора любви и сладкихъ ожиданій,
Гдѣ ты, гдѣ ты?..... Уснуло ль это сердце,
Иль умерло и схоронилось въ персяхъ,
И только возстаетъ могильной тѣнью
Пугать, тревожить пламенную душу?.....
Какъ жарко здѣсь..... (*отворяетъ окно*)
Плыветъ двурогій мѣсяцъ;
Онъ гонится за облакомъ летучимъ,
Но не догонитъ..... А блестящъ, красивъ!
А облако? Дымъ вѣтренный, холодный,
Пустая тѣнь, нечистый паръ земли,
Ты презираешь чистую Діану,
И къ солнцу яркому плывешь. Напрасно!
Оно сожжетъ тебя лицемъ горящимъ,
Разрушитъ, уничтожитъ, и велитъ

Развѣять прахъ твой сѣверному вѣтру.....
Такъ *онъ* бѣжалъ! За чѣмъ же возвратился?

—

О Господи, дай силу мнѣ молиться!
Дай, Господи, мнѣ крѣпости душевной,
Дай вѣчной тмы для памяти и чувства,
Дай святости, познанія добра,
Всего, что составляетъ нашу твердость!

—

Какъ душно! Боже, свѣтъ твой слишкомъ тѣсенъ,
Чтобъ сердцѐ полное святаго чувства
Могло дышать свободно!..... Этотъ воздухъ
Неизмѣримъ!..... Спаси меня, Творецъ,
Отъ тяжкой муки моего томленья!
О, если бъ можно все забыть, что было,
И въ будущность не вѣрить.....
(послѣ краткаго молчанія, бросаясь на постель)
Невозможно!

—

Мнѣ стыдно..... Плачу..... Отчего?..... Богъ знаетъ!.....
Есть что-то, но для бѣднаго ума
Неизъяснима эта тайна..... Тассо!.....
(вскочивъ съ живостью.)
Пойдемъ, уйдемъ на чистый свѣжій воздухъ!
Здѣсь какъ-то связана душа и тѣло
Предметами работы человѣка.
А человѣкъ?..... Прости ему, Всевышній,
Какъ я ему давно уже простила!
(съ книжкой уходитъ въ садъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Gloria, che sei mai tu? Sei dolce frode,
Figlio di lungo affanno, un'aura vana,
Che fra i sudor si cerca, e non si gode.....
Gloria, flagel della superbia umana!
Джуліо Буссо.

(Комната во дворцѣ маркиза Чинто; сквозь занавѣсы оконъ пробивается свѣтъ зари; на столѣ еще горитъ свѣтильникъ.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Д. МОСТИ (одинъ у стола дописываетъ повѣсть).
Я самъ дивлюсь обилью чувствъ и мыслей!

*

Я самъ люблю мгновенное созданье
Моей мечты! Не даромъ я пылалъ
Къ прекраснымъ Музамъ дѣтскою любовью.
Пришла пора, — перо мое крылато,
Безъ робости слова и мысль дружатся,
Вѣрнѣе кисть на трудномъ полотнѣ,
Персты согласнѣе на клависинѣ.....
О торжество! Приблизится то время,
Когда довольство нищету изгонитъ,
И славой озаритъ мой тихій вечеръ.

—

Теперь мой путь ровнѣй; мнѣ легче будетъ
Поддерживать общественное мнѣнье,
Трудиться и пріобрѣтать. Вотъ повѣсть
Окончена, и вѣрно новый случай
Представится прочесть ее маркизу.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Д. МОСТИ И ГОНТИ.

ГОНТИ.

Не спите вы?.....

МОСТИ.

Я мучился восторгомъ,
Ночь цѣлую въ безсонницѣ трудился.....

ГОНТИ.

Завидный жребій, истинно завидный!
Вамъ слава гонитъ сонъ.

МОСТИ.

Почтенный Гонти,
Вы льстите мнѣ.....

ГОНТИ.

О, вамъ не нужна лесть!
Я не изъ тѣхъ, кому хвалить досужно.
Невольно я открылъ вамъ мысли. Правда,
Вамъ страненъ голосъ искреннихъ похвалъ;
За вами вслѣдъ, какъ тѣнь, стремится зависть, —
И впали вы въ опасное сомнѣнье.....

МОСТИ.

Кто вамъ сказалъ?

ГОНТИ.

Двѣ небольшія книжки.
«Аврелію» и «Князь Антіохійскій».....

МОСТИ.

Мои поэмы?

ГОНТИ.

Да. Я понялъ ихъ.
Я въ нихъ нашелъ всѣ признаки поэта, —
Самоувѣренности не нашелъ.
Но, кажется, и скромность виновата,
Что приняли такія сочиненья
Съ насмѣшкой горькой. Нѣтъ ни предисловій,
Ни дерзкихъ примѣчаній; въ наше время
И самому себя хвалить не дурно.

МОСТИ.

Какъ! Самому себя хвалить?

ГОНТИ.

Не дурно,
Мнѣ кажется; а впрочемъ это мнѣнье
Изъ собственнаго опыта возникло.
Вы поступайте какъ угодно; я
Сказалъ вамъ то, что думалъ: извините.....

—

Прекрасные вамъ отвели покои!
Маркизъ нашъ — добрый, умный человѣкъ.
Тогда, когда онъ, собственнымъ умомъ,
Идетъ впередъ, не слушая людей,
Коварныхъ судій жизни и Искусства.....

МОСТИ.

Присядемъ. *(садятся)*

ГОНТИ (продолжая).

Онъ желаетъ просвѣщенья,
Онъ хочетъ быть Болонскимъ Медичи,
Хотя онъ просто частный человѣкъ,
Но знатенъ и богатъ..... Что до маркизы.....
Жаль, что она изъ низкаго семейства!.....
Но это тайна, — вамъ по дружбѣ только.

МОСТИ.

И полно, Гонти! Я маркизу знаю.
Розина первая моя любовь.

ГОНТИ (съ притворнымъ удивленьемъ).

Не можетъ быть!.....

МОСТИ.

Ахъ, Гонти, сколько стоитъ

Преодолѣть воспоминанье счастья!
Но я хочу преодолѣть его,
И только быть любовникомъ Искусства.

ГОНТИ.

Напрасно.

МОСТИ.

Какъ, напрасно?

ГОНТИ.

Это чувство
Искусству не мѣшаетъ. И напротивъ,
Вамъ слѣдуетъ искать любви уснувшей.
Чѣмъ болѣе вамъ сладокъ будетъ міръ,
Тѣмъ болѣе возвысится Искусство.

МОСТИ.

Не понимаю.

ГОНТИ.

Рафаэль Урбинскій
Былъ первымъ живописцемъ всѣхъ вѣковъ:
А гдѣ жъ онъ черпалъ лучшіе восторги?
Въ объятіяхъ прелѣстной Форнарины.

МОСТИ.

Она была свободна..... но Розина.....

ГОНТИ.

Художникъ уважаетъ предразсудки!.....

МОСТИ.

Но благодарность?

ГОНТИ.

Кто же вамъ мѣшаетъ
Быть благодарнымъ?.....Сотнею картинъ,
Безсмертныхъ вдохновеній живописца,
Украсьте галлерею; напишите
Огромную поэму въ честь маркиза;
Прославьте въ ней его величье, мудрость,
Богатство, щедрость; посвятите Чинто.....
И можетъ ли быть лучше благодарность?
Повѣрьте, онъ забудетъ о женѣ,
А будетъ помнить о великомъ Мости,
Который предаетъ его безсмертью.....
И другъ вашъ, Тассъ, обязанъ былъ Альфонсу,
Но полюбить сестеръ не побоялся:
Кто назоветъ его неблагодарнымъ?

«Ерусалимъ« эгидой былъ для Тасса:
И можетъ ли быть лучше благодарность?

МОСТИ (вставъ).

Почтенный другъ, ты смотришь справедливо
На предразсудки свѣта; но скажи,
Ты полагаешь, я могу.....

ГОНТИ.

Ну, вотъ
Опять нѣтъ твердости душевной! Полно
Въ великихъ силахъ сомнѣваться. Смѣло,
Впередъ, впередъ! Твои и миртъ и лавръ!.....

МОСТИ.

Вѣнецъ..... Розина на пути..... Не вѣрю!
И кто поручится, что столько лѣтъ
Ея души не измѣнили?

ГОНТИ.

Я!

МОСТИ.

Но какъ ты знаешь?

ГОНТИ.

Сердце мнѣ сказало,
Когда тебя нашли мы въ галлереѣ.
Еще вчера я говорилъ тебѣ,
Что вы давно между собой знакомы.
Измѣнчивость лица, груди волненье,
Огонь ланитъ и робость словъ..... довольно,
Чтобъ догадаться о знакомствѣ вашемъ.
Она еще къ тебѣ не охладѣла.

МОСТИ.

Но Чинто.....

ГОНТИ.

Угождай его желаньямъ.
Какъ Меценатъ, онъ проведетъ тебя
Въ храмъ славы и богатства, а Розина
Поддержитъ на пути слѣпаго мужа.
Но изучить его характеръ надо,
И не всегда быть откровеннымъ; часто
Онъ говоритъ отъ доброты сердечной:
Тогда ему нельзя противорѣчить.....

МОСТИ.

Какъ! Потакать?.....

ГОНТИ.

Не потакать, а скромно
Скрывать свое сужденье. Иногда
О славѣ Мецената говорить,
О Медичи, Висконти, Поццо, Бембо,
Не безъ сравненій и съ маркизомъ Чинто.
Душа его равна его желудку:
Онъ приметъ все и все сваритъ.
Но, Мости,
Ты скромности вполнѣ не предавайся:
Когда тебя попросятъ сочинить
Сонетъ на что-нибудь, или новеллу,
На день рожденья пѣсню съ хоромъ, — тотчасъ
Пиши стихи, разучивай музыку,
Играй и пой, и вмѣстѣ торжествуй!

МОСТИ.

Но честно ли?.....

ГОНТИ.

Таковъ нашъ свѣтъ. Напрасно
Ты думаешь безсмертія достигнуть
Прямымъ путемъ. Взойди на небеса,
Возсядь на облака, и гордой лирой
Играй, греми! Никто и не замѣтитъ
За облакомъ гремящаго пѣвца.
Сойди на землю, улыбнись лакею,
Привѣтствіе вельможѣ заиграй,
Красавицѣ пропой сонетъ любовный,
И ты — предметъ всеобщаго вниманья.
Ты не смотри съ сомнѣньемъ на меня:
Припомни лучше жизнь Торквата Тасса.
О, сколько гимновъ пѣлъ онъ Леонорѣ,
Лукреціи и ихъ придворнымъ дамамъ!
Какую лесть онъ разсыпалъ Альфонсу!
А ты его не обвиняешь, такъ ли?

МОСТИ.

Такъ, но.....

ГОНТИ.

Таковъ нашъ свѣтъ, я говорю.
Вотъ, напримѣръ, вчера маркизъ нашъ добрый

Просилъ тебя о повѣсти. На вѣрно
Ты и не думалъ.

МОСТИ.

О, напротивъ, Гонти!
Она готова.

ГОНТИ.

Безподобно! Есть ли
Въ ней что-нибудь про Чинто?

МОСТИ.

Ничего.

ГОНТИ.

Вотъ это дурно! Ты прибавь вступленье
И на прямикъ скажи: «Мой меценатъ
«Мнѣ повелѣлъ.....

МОСТИ.

Какъ повелѣлъ?

ГОНТИ.

«Представить
«Трудовъ моихъ посильный опытъ.....

МОСТИ.

Опытъ?

ГОНТИ.

«Не жду пустыхъ похвалъ, но если повѣсть
«Которую вамъ нынѣ предлагаю,
«Вниманіемъ высокимъ одобрится, —
«Я награжденъ, и смѣло предаю
«Печати трудъ, столь лѣстно одобренный:»

МОСТИ.

О Гонти, ты мнѣ другъ! Я вижу ясно,
Что твой совѣтъ отъ сердца происходитъ.
Прослушай повѣсть!

ГОНТИ.

Очень радъ. Читай.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТѢ ЖЕ И МАРКИЗЪ СПАРЦА.

СПАРЦА.

Мое почтеніе, художникъ Мости!
А, Гонти! вы ужъ здѣсь?.....

ГОНТИ.

Пришелъ недавно
Возобновить съ художникомъ знакомство.

СПАРЦА (къ Мости).

Мнѣ многіе хвалили васъ; (*Мости кланяется*) сказали,
Что ваша кисть удачно ловитъ сходство,
И я рѣшился обратиться къ вамъ.
Нельзя ли наскоро, въ два три присѣста,
Списать портретъ мой.....

МОСТИ.

Въ три присѣста?

ГОНТИ.

Можно.
Художникъ Мости очень скоро пишетъ;
Притомъ — поэтъ, умѣетъ пополнять
Фантазіей существенность портрета.....

СПАРЦА.

Фантазіей? Да, это хорошо!
Вѣдь не всегда мы сходствуемъ съ собою
Отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ.
Когда жъ начать намъ можно?.....

ГОНТИ (къ Мости).

Завтра утромъ
Вы будете свободны, — и начните!

СПАРЦА.

А какъ цѣна?

ГОНТИ (тихо спарцѣ).

Маркизъ, вѣдь онъ изъ Рима:
У нихъ нѣтъ цѣнъ, и всякъ даетъ, что можетъ.

СПАРЦА.

Благодарю! И такъ, я завтра буду.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Д. МОСТИ И ГОНТИ.

МОСТИ.

Какъ! Мнѣ писать портретъ маркиза Спарцы?
Всѣ недостатки этого лица
Изобразить на вѣрномъ полотнѣ?

ГОНТИ.

И, кто велитъ?..... Пиши его красавцемъ;
Пусть будетъ не похожъ, но миловиденъ,
И кисть твою толпа льстецовъ прославитъ.
Толпа людей отдастъ свое богатство,
Чтобъ красоты имъ удѣлилъ художникъ.

А ежели портретъ маркиза Спарцы
Съ оригиналомъ будетъ схожъ, — пропалъ ты!
Толпа тебя оставитъ какъ безумца.

МОСТИ.

Ты справедливъ. О, тяжело Искусство,
Когда его мы къ жизни примѣняемъ.

ГОНТИ.

Пора итти. Еще одинъ совѣтъ:
Когда къ тебѣ придетъ бѣднякъ, — спокойно
Работу принимай, но вмѣстѣ съ тѣмъ
Двойную цѣну назначай работѣ.
Но если знатная придетъ особа,
Не назначай цѣны своей работѣ,
И говори, что собственное чувство
Особы той оцѣнитъ трудъ достойно.
Тогда тебѣ платить не будутъ вдвое,
А вчетверо и больше. Ну, прости;
Пора итти.....

МОСТИ.

До скораго свиданья!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

МОСТИ (одинъ).

Какой знатокъ и свѣта и людей!
Невольно соглашается съ нимъ разумъ, —
Такъ ясно все доказываетъ онъ.....
Но, Гонти, тяжела твоя наука!

—

Нѣтъ, скученъ свѣтъ съ его холодной славой,
Съ его безнравственной привычкой злата,
Съ его умомъ, разсчетливымъ и жаднымъ!

—

Но что же слава, въ самомъ дѣлѣ? Слава!
(съ возрастающимъ жаромъ)
Нѣтъ, слава — сонъ! Я славенъ, и безъ хлѣба.
Рука моя покорствуетъ таланту;
Я погружаюсь въ океанъ познаній;
Какъ водолазъ ищу на днѣ морскомъ,
Чудесъ, сокрытыхъ для людскаго взора;
Нашелъ, и выношу на свѣтъ, полмертвый,

Облитый ужасомъ, изнеможенный.....
И что жъ? всѣ эти чудеса не кормятъ;
Ихъ отнимаютъ для потѣхи общей,
А я, я — также бѣденъ, какъ и прежде!
Но подвигъ мой потомкамъ передастся,
Но въ лѣтопись мое положатъ имя,
И скажутъ: «Онъ былъ славенъ!» Вотъ награда!
Но пусть сей гулъ и блескъ безумной славы
Надеждой утѣшаетъ человѣка, —
Что жъ? — разсмотрите это существо,
И существа вы въ славѣ не найдете!
Какъ невещественный какой-то воздухъ,
Она манитъ не умъ, а только сердце;
Она влечетъ на дѣйствія сверхъ силъ,
На жертвы свыше состоянья.

—

Слава!
Не явная ль ошибка въ именахъ?
Мнѣ кажется, что слава есть тщеславье,
Горячка чувства, пламенная гордость,
Хвастливый пиръ способностей и воли,
Болѣзненный припадокъ себялюбья.....
А истинная слава есть довольство,
Соединеніе удобствъ житейскихъ,
Земное счастье..... Истинно, вотъ слава!
Вотъ жизни цѣль! О Гонти, понимаю!
Ты указалъ мнѣ путь. Я повинуюсь!

—

И Тассъ не бѣденъ былъ: какія деньги
Черезъ его переливались руки,
А онъ ихъ пренебрегъ и сталъ несчастливъ!
И Буонаротти былъ богатъ и счастливъ;
Рафаэль Санціо богатъ и счастливъ.

—

И кто не согласится, что богатство
Есть принадлежность настоящей славы
И знаменатель степени таланта?

—

Довольно! Я прозрѣлъ. Пойдемъ за славой!

=

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Sublatis studiorum pretiis, studia peritura.
Тацитъ.

(Библіотека маркиза Чинто. Въ самомъ строжайшемъ порядкѣ въ шкафахъ расположены книги по предметамъ; надъ шкафами огромными золотыми буквами, на черныхъ доскахъ, надписано: Iurisprudentia, Theologia, Historia sacra et profana, Thesaurum artium liberalium, и прочая. Нѣсколько глобусовъ въ видѣ шара, груши и элипсоида, покрытые пылью, стоятъ на окнахъ; статуи Музъ и бюсты философовъ и поэтовъ древнихъ — въ промежуткахъ шкафовъ. Потолокъ расписанъ альфреско; посрединѣ столъ съ множествомъ книгъ, освѣщаемый многосвѣточною высокою свѣтильницею; занавѣски оконъ опущены; у входа, по обѣимъ сторонамъ дверей, низкія софы.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАРКИЗЪ И РОБЕРТО.

МАРКИЗЪ (на софѣ, просыпаясь).

Ого, Роберто, браво! До утра
Читаетъ, да читаетъ.

РОБЕРТО (оставляя книгу, встаетъ).

По привычкѣ.

МАРКИЗЪ.

Не хочешь ли, я сдѣлаю тебя
Библіотекаремъ моимъ? А пропасть
Прекрасныхъ книгъ, огромное хозяйство!
Что жъ ты читалъ?

РОБЕРТО.

Теперь читалъ я Тассо.
Богатое, послѣднее изданье.....

МАРКИЗЪ.

Вотъ этого, что у меня виситъ.

ГОНТИ.

Такъ точно.

МАРКИЗЪ.

Ну, читай и разскажи!
Не худо знать и мнѣ объ этомъ Тассѣ.
Ахъ, да! А гость нашъ? Что его поэмы?
Ты ихъ читалъ?

РОБЕРТО.

Читалъ, и поздравляю.
Съ рѣшительнымъ талантомъ.....

МАРКИЗЪ (вскочивъ).

Въ самомъ дѣлѣ?

Да это страшно! Съ умными людьми
Молчать нельзя, а трудно говорить.

РОБЕРТО.

О, нѣтъ! изъ двухъ его поэмъ я вижу, —
Въ немъ сердце доброе и кроткій нравъ.
И ваше покровительство для Мости
Могло бы всей литературѣ нашей
Значительную пользу оказать.

МАРКИЗЪ.

Неужто въ самомъ дѣлѣ? Я готовъ.
Но, видишь, этотъ Мости неизвѣстенъ.....

РОБЕРТО.

Маркизъ, всѣ были прежде неизвѣстны;
Потомъ прославились.....

МАРКИЗЪ.

Да! это правда.

РОБЕРТО.

Таланты, въ книгахъ я читалъ, родятся,
Какъ рѣдкія растѣнья странъ далекихъ.
Но какъ растѣніе, безъ солнца, чахнетъ, —
Безъ покровительства талантъ скудѣетъ.
И потому, маркизъ, я опасаюсь
За Мости: прочитавъ его поэмы
Я полюбилъ его, какъ сына. Жалко!
Талантъ рѣшительный, необычайный!
И если вы спасти его хотите,
Возьмитесь быть Болонскимъ Меценатомъ.

МАРКИЗЪ.

А кто же этотъ Меценатъ?

РОБЕРТО.

Вельможа
При Августѣ. Виргилій и Горацій,
Всѣ вообще художники, поэты,
И словомъ всѣ науки и Искусства,
Въ немъ видѣли опору и защиту.

МАРКИЗЪ.

Быть этимъ Меценатомъ я не прочь.
Я самъ люблю стихи, картины, бюсты:
Да какъ быть тѣмъ, что было за сто лѣтъ?

РОБЕРТО.

Стараться дать рѣшительнымъ талантамъ,

Какъ Мости, напримѣръ, всѣ средства къ жизни,
Распространятъ извѣстность ихъ твореній,
Совѣтами ихъ пылкость умѣрять.

МАРКИЗЪ.

Пожалуй! Ну, еще что должно дѣлать?

РОБЕРТО.

Давать пиры ученому сословью,
Участвовать въ ихъ преньяхъ, разговорахъ,
Съ учеными учтиво обращаться,
А чтобъ умы ихъ содержать въ работѣ,
То задавать имъ трудные вопросы.

МАРКИЗЪ.

Пожалуй! Только?

РОБЕРТО.

Только.

МАРКИЗЪ.

Слава Богу!
Я полагалъ быть этимъ Меценатомъ
Довольно трудно; между-тѣмъ, напротивъ,
Весьма легко. Благодарю, Роберто.
Съ сего-же дня я Меценатъ! Ты слышишь?
Сегодня же проси ко мнѣ обѣдать
Всю академію. Ученымъ мужамъ
Представлю я художника-поэта.

—

Ужъ дѣйствовать, такъ дѣйствовать, Роберто,
Рѣшительно. Зови всѣхъ живописцевъ!
Ты можешь прямо, думаю, сказать
Ученымъ: «Меценатъ васъ проситъ кушать!»

РОБЕРТО.

Домъ Чинто будетъ славенъ въ цѣломъ свѣтѣ;
Васъ назовутъ Болонскимъ Медичи.

МАРКИЗЪ.

Какъ, Медичи? Хочу быть Меценатомъ!
Объ этомъ послѣ. Ты иди сзывать
Ученый міръ обѣдать. Я одѣнусь,
И сообщу женѣ про эту новость.

(Уходятъ въ разныя стороны).

=

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Kann der Liebe süss Verlangen,
Emma, kann's vergänglich seyn?
Was dahin ist und vergangen,
Emma, kann's die Liebe seyn?
Шиллеръ.

(Садъ; посерединѣ большой фонтанъ; кругомъ бассейна высокіе кипарисы; противъ фонтана скамѣйки.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Веррино (стоитъ на краю бассейна.)

Бѣги фонтанъ, лети фонтанъ,
Алмазной пылью разсыпайся!
Блестящимъ солнцемъ осіянъ,
То упадай, то возвышайся!
Ты жизнь моя, ты мой портретъ.
Одинъ, въ саду благой природы,
Невѣдая мірскихъ суетъ,
Въ бесѣдѣ чувства и свободы,
Съ моей божественной мечтой,
Съ моею радостью прекрасной
Слова, въ созвучности согласной,
Мечу обильною струей.
Я счастливъ, какъ и ты! Свободно
Я лепечу слова мои,
Какъ ты бросаешь своевольно
Свои зеркальныя струи.
Я не желаю глупой славы,
И гордыхъ не маню очей,
Не пью людскихъ похвалъ отравы,
И не горю въ огнѣ страстей.....
(прохаживаясь около фонтана)
И, въ самомъ дѣлѣ, счастливъ я. Напрасно
Иной разъ взоръ нарядпаго глупца,
Съ презрѣніемъ на мнѣ остановленный,
Меня гнететъ насмѣшкою холодной:
Отворочусь, и снова я спокоенъ,
И снова жизнь и счастіе — мои.
Но счастіе, однако жъ, очень зыбко;
Лукавый взоръ красавицы кокетки
Иной разъ пробуждаетъ бурю въ сердцѣ.

Иду впередъ, на встрѣчу красотѣ,
И, кажется, вся внутренность сгараетъ.
Гляжу въ глаза, веду съ ней разговоръ.....
Она глупа, притворенъ страстный взоръ
И жизнь мою поэзія спасаетъ.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Веррино и маркиза, съ книгой.

МАРКИЗА.

Другъ, добрый другъ!

ВЕРРИНО.

Ахъ, это вы, маркиза!
Я занялся фонтаномъ, не примѣтилъ,
Какъ подошли.....

МАРКИЗА.

Оставьте извиненья.
Не вашъ — языкъ учтивости притворной.

ВЕРРИНО.

Вы правы. Да! несносно лицемѣрить.
Но что же дѣлать? Злобенъ человѣкъ.
Чтобъ быть счастливымъ, надо скрытнымъ быть.

МАРКИЗА (задумчиво).

Ты образецъ поэтовъ.

ВЕРРИНО.

Нѣтъ, маркиза,
Я не поэтъ. Гдѣ читывали вы
Мои стихи? Нигдѣ! Ихъ нѣтъ въ печати.

МАРКИЗА.

Они въ груди блаженнаго поэта!
Дай Богъ тебѣ носить всегда въ себѣ
Всю полноту поэзіи прекрасной,
Не выливать ея на судъ пристрастный,
Не отдавать святаго достоянья
Ничтожнымъ людямъ; ихъ насытить чувствомъ,
А самому, какъ трупу, опустѣть;
Безъ жизни жить и славиться безъ счастья!
И вотъ примѣръ. Читалъ ты эту книгу?

ВЕРРИНО.

«Авреліо». Нѣтъ, не читалъ. Позвольте!

МАРКИЗА.

Возьми себѣ, она мой врагъ.....

ВЕРРИНО.

Маркиза,
Не понимаю васъ.

МАРКИЗА.

Поймешь, но поздно.
О, авторъ этой книги былъ прекрасенъ,
Изъ чувства созданъ, счастіемъ увѣнчанъ!
Онъ просто пѣлъ, какъ говорилъ, какъ думалъ.
И что же? Слава голову вскружила:
За мотылькомъ погнался добрый Мости.

ВЕРРИНО.

Какъ, Мости?

МАРКИЗА.

Да. Каковъ же онъ теперь?
Себялюбивый остовъ человѣка,
Холодный трупъ самоубійцы..... Да!
Самоубійца — Мости: чувство жизни
Онъ добровольно отдалъ глупымъ людямъ,
А самъ сталъ пустъ. А люди? Боже, Боже!.....

—

Положимъ, трудъ его былъ слабъ и жалокъ;
Но Мости начиналъ. Великій Данте
Не началъ поприща безсмертнымъ «Адомъ».

—

Мужъ принялъ Мости въ домъ, какъ живописца;
Но я боюсь, что и на этомъ полѣ
Его найдутъ и клевета и зависть.
Ахъ, добрый другъ, простите состраданью!
Онъ созданъ былъ не для пера и кисти.....

ВЕРРИНО.

А для чего жъ, маркиза? Для любви?
Но вамъ гадать не слѣдуетъ объ этомъ.
Предайте Мости жребію его.
Давно ему назначена дорога;
Но если человѣкъ, въ противность небу,
Захочетъ путь другаго измѣнить.....
О, дорого за дерзость взыщетъ небо!

МАРКИЗА.

Благодарю. Темны твои совѣты,
Но я привыкла правду понимать.

Прошу тебя, не оставляй Розины.
Кто знаетъ, что насъ можетъ встрѣтить въ жизни,
А женщинъ не готовятъ на несчастья.
Необходимъ намъ дружескій совѣтъ;
Ты не откажешь..... Но, идетъ Маркизъ.....

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТѢ ЖЕ И МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ.

Здорова ли, маркиза?

МАРКИЗА.

Слава Богу!
А вы, Маркизъ?

МАРКИЗЪ.

Здоровъ! Немного рано
Роберто разбудилъ. Но что же дѣлать?
Не вѣчно спать. Притомъ сегодня праздникъ
У насъ.

МАРКИЗА.

Какой?

МАРКИЗЪ.

Сословіе ученыхъ
Обѣдаетъ у насъ. Хочу я Мости
Представить имъ. Хочу быть Меценатомъ.
Хочу любити художества, Искусства,
Распространять посильно просвѣщенье
И заслужить потомковъ благодарность.
(*къ Веррино*) Что скажешь ты объ этомъ?

ВЕРРИНО.

Ничего.

МАРКИЗЪ.

Какъ, ничего? Возможно ли? Я слышалъ,
Что ты Искусства также любишь.

ВЕРРИНО.

Да.

МАРКИЗЪ.

Такъ почему жъ не говоришь ни слова,
Что думаешь о меценатствѣ, а?.....

ВЕРРИНО.

Я очень радъ, маркизъ. Но полагаю
Что меценаты часто вредны.....

МАРКИЗЪ.

Какъ!

Что жъ, я глупецъ? И различить не въ силахъ
Что вредно, что полезно?

ВЕРРИНО.

Извините!

Я вамъ сказалъ, что думалъ.

МАРКИЗЪ.

Думалъ глупо.

Вотъ, напримѣръ, я покровитель Мости:
Что жъ, онъ плохой поэтъ, плохой художникъ?
Ты всѣхъ бранишь, а что жъ ты сдѣлалъ самъ,
Что написалъ, что напечаталъ? Басни
Не издалъ въ свѣтъ, а говоритъ, какъ Данте!
Не ты одинъ! Да ты и не въ примѣръ,
Отъявленный лѣнтяй; но есть другіе,
Съ умомъ, съ талантами, — и что же пишутъ?
Всѣ ровно ничего! Безъ солнца, слышишь,
И травка жить не можетъ, а таланты
Безъ покровительства людей богатыхъ
Искусству пользы не приносятъ. Мости
Писатель, музыкантъ, художникъ, словомъ
Искусникъ на всѣ руки. Что жъ? безъ солнца,
До сей поры онъ неизвѣстенъ. Солнцемъ
Я буду для него, и ты увидишь,
Какъ цѣлый свѣтъ его превознесетъ,
И папа въ Римѣ увѣнчаетъ Мости.
Ну, что теперь ты скажешь?

ВЕРРИНО.

Въ Капитолій
Не золотой,—желѣзный ключь ведетъ.

МАРКИЗЪ.

Вторая глупость! Право, странно слушать,
Какъ ты смѣшно и ложно разсуждаешь.
Вотъ Гонти. Онъ извѣстный человѣкъ:
Мы спросимъ у него.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТѢ ЖЕ И ГОНТИ.

ГОНТИ (низко кланяясь).

Маркизъ!.... Маркиза!

МАРКИЗЪ.

Послушай, другъ: ты знаешь Мости?

ГОНТИ.

Знаю.

МАРКИЗЪ.

Ну, что? Каковъ?

ГОНТИ.

Великій человѣкъ,
Поэтъ отличный съ чувствомъ и талантомъ;
Художникъ съ пламеннымъ воображеньемъ
И съ вѣрной кистью; человѣкъ.....

МАРКИЗЪ.

До человѣка послѣ. А еще
Каковъ онъ въ музыкѣ?

ГОНТИ.

Съ большимъ талантомъ.

МАРКИЗЪ.

Ну, что̀ теперь? Ты сердишься.

ВЕРРИНО.

Ни мало.
Двухъ словъ я не сказалъ въ обиду Мости:
Вамъ вздумалось приписывать мнѣ то,
Чего я говорить не думалъ.

МАРКИЗЪ.

Право̀?
Такъ ты за Мости?

ВЕРРИНО.

Нѣтъ.

МАРКИЗЪ.

Да какъ же это?

ВЕРРИНО.

Художникъ вашъ, поэтъ и музыкантъ
Двухъ дней еще не прожилъ вмѣстѣ съ нами,
А мы уже достоинства его
Съ подробностью опредѣлили.....

МАРКИЗЪ.

Правда!

ВЕРРИНО.

Быть можетъ въ немъ есть и талантъ и чувство:
Но такъ проворно, вдругъ, безъ доказательствъ,
Произвести простаго человѣка

Въ великіе!..... Маркизъ, какъ вамъ угодно,
А я въ его величіе не вѣрю.

МАРКИЗЪ.

Умно и справедливо!

ГОНТИ.

Нѣтъ, маркизъ!
«Авреліо» и «Князь Антіохійскій»,
Портретъ Торквата Тасса и соната
Которую онъ сочинилъ для васъ,
И повѣсть, посвященная маркизу,
И сочиненія его въ рисункахъ,
И разсужденія, и разговоры.....
Мнѣ кажется, довольно доказательствъ.

МАРКИЗЪ.

И это справедливо.

МАРКИЗА.

Добрый Чинто,
Покорствуйте сердечному влеченью!
Прекрасенъ плодъ науки и Искусства.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ВЕРРИНО.

МАРКИЗЪ.

И женщина — да всѣхъ умнѣе. Браво!
Куда же ты, Веррино?..... Разсердился?
И есть за что! Завистливъ мой племянникъ.

МАРКИЗА.

О, нѣтъ, маркизъ, Веррино не завистливъ!
И если онъ оставилъ насъ, (*со вздохомъ*) другая
Навѣрно есть причина.

МАРКИЗЪ.

Я узнаю.

МАРКИЗА.

Кчему, мой другъ?

МАРКИЗЪ.

Узнаю непремѣнно!

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

МАРКИЗА И ГОНТИ.

ГОНТИ.

Маркиза, вашъ совѣтъ рѣшилъ сомнѣніе.
Какъ Джуліо вамъ будетъ благодаренъ!

МАРКИЗА (разсѣянно).

Который часъ?

ГОНТИ.

Я свелъ знакомство съ Мости:
Прекрасная душа.....

МАРКИЗА.

Пора обѣдать.
Маркизъ и васъ навѣрно пригласилъ.

ГОНТИ.

Маркиза, вы умѣете скрывать
Движенія души. И кто повѣритъ,
Смотря на васъ, что знаменитый Мости.....
Давно знакомъ.....

МАРКИЗА.

Кто вамъ сказалъ?

ГОНТИ.

Вы сами!
Двусмысленный вчерашній разговоръ,
Смущенье, робкій взоръ.....

МАРКИЗА.

Нѣтъ, вы ошиблись.
Быть-можетъ онъ сказалъ вамъ?

ГОНТИ.

О, ни слова!
Языкъ его не измѣняетъ сердцу;
Но грудь его страданій скрыть не можетъ.
Когда про васъ зайдетъ пустая рѣчь,
Ничтожный анекдотъ, онъ — весь вниманье!
Глаза его горятъ, тѣснится сердце,
И вздохъ за вздохомъ изъ груди выходитъ.....
И вы вздохнули.....?

МАРКИЗА.

Я! Не стыдно ль, Гонти,
Догадкѣ слѣпо предаваться? Мости
Мнѣ незнакомъ; меня онъ видѣть могъ,
Но и его рѣшительно не помню.

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ГОНТИ (одинъ).

Притворщица! Однако жъ это дурно,
И если онъ къ ней въ милость не вотрется,

Ничтожный меценатъ соскучитъ ролей.
Роберто глупъ, онъ не поддержитъ Чинто;
Веррино – злой совѣтникъ въ нашемъ дѣлѣ;
Она одна..... Нѣтъ, Гонти, слишкомъ рано
Ты захотѣлъ будить уснувшій пламень.....
Но онъ проснется, или я – не Гонти! (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

At nostri proavi Plautinos et numeros et
Laudavere sales, nimium patienterque utrumque,
Ne dicam stulte, mirati.....

Горацій.

(Столовая зала во дворцѣ Чинто. Множество прислужниковъ вносятъ разныя яства и вина, поставляя все на столъ.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Маркизъ, Д. Мости, Веррино, и нѣсколько человѣкъ Болонскихъ академиковъ сидятъ за столомъ.

МАРКИЗЪ.

Я не могу повѣрить чтобы звѣзды
Ходили. Это невозможно!

ПЕРВЫЙ АКАДЕМИКЪ.

Точно,
Маркизъ. Уже давнымъ-давно извѣстно,
Что звѣзды ходятъ; но до-сей-поры
Никто не зналъ путей ихъ и значенья.
Уже давно догадывались люди,
Что отъ движенья звѣздъ, зависитъ жребій
Какъ царствъ, такъ и простаго человѣка.
Но до-сихъ-поръ немногіе узнали
Законы сихъ движеній; очень мало
Астрологовъ правдивыхъ вы найдете,
И тѣ стараются скрывать науку:
Ученый нестерпимъ для неученыхъ.

МАРКИЗЪ.

Скажите мнѣ, что можно прочитать
На небесахъ.

ПЕРВЫЙ.

Всю жизнь, отъ A до Z,
И все что только можно встрѣтить въ жизни.

ВТОРОЙ АКАДЕМИКЪ.

Почтенный мой собратъ, я сомнѣваюсь,
Чтобы болѣзнь могла открыться въ звѣздахъ,
Когда она мгновенно происходитъ
И больше отъ физическихъ причинъ.

МАРКИЗЪ.

Я то же думаю.

ПЕРВЫЙ.

О, нѣтъ, маркизъ!
Все, все отъ звѣздъ зависитъ, даже жребій
Безъ покровительства звѣзды вредитъ.

МАРКИЗЪ.

А солнце не имѣетъ этой силы?

ПЕРВЫЙ.

Какъ? солнце?..... Нѣтъ! Оно простой фонарь
Со свѣтомъ и тепломъ; оно насъ грѣетъ,
Оно намъ свѣтитъ, но судьбы стремленьемъ
Не можетъ управлять.....

МАРКИЗЪ.

Весьма забавно!
Какъ думаете вы?

ТРЕТІЙ АКАДЕМИКЪ.

Я совершенно
Съ моимъ собратомъ соглашаюсь. Онъ
Всю жизнь провелъ на крышѣ; долгій опытъ
Ему открылъ всѣ закоулки неба,
Всѣ мѣлкія дорожки; млечный путь,
Ему знакомъ, какъ мнѣ знакомъ Титъ Ливій.

МАРКИЗЪ.

Титъ Ливій?

ТРЕТІЙ.

Да. Историкъ превосходный,
Ораторъ первокласный, человѣкъ
Глубокомысленный и тонкій критикъ.
Читали вы мой Коментарій?

МАРКИЗЪ.

Да!
Читалъ..... Пріятный слогъ!.....

ТРЕТІЙ.

Маркизъ позволитъ

Прочесть на Тацита мой Коментарій.
Историкъ замѣчательный.

МАРКИЗЪ.

Историкъ?
О, съ удовольствіемъ. Ну, а поэтовъ
Не любите?

ТРЕТІЙ.

Напротивъ! Я ужъ издалъ
Горація ad usum juventutis.
Теперь Проперція приготовляю.

МОСТИ.

Проперцій вялъ, я не люблю его.

МАРКИЗЪ.

Да! точно, вялъ. О, Мости мой знатокъ!
Мнѣ удивительно, что онъ такъ рано
Соединилъ въ себѣ такъ много знаній,
Разнообразныхъ и глубокихъ.

ПЯТЫЙ.

Геній
Подобенъ Прометею.

МАРКИЗЪ.

Прометею?
Да! Мости мой похожъ на Прометея.
Во всѣхъ Искусствахъ онъ знатокъ и геній.

МОСТИ.

Вы шутите.....

МАРКИЗЪ.

Какъ шутки? Вотъ люблю!
Мнѣ совѣстно въ глаза тебя хвалить,
Но искренность — мой главный недостатокъ.
Повѣрьте мнѣ, свѣтила просвѣщенья,
Я въ немъ нашелъ осьмое чудо. Мости
Имѣетъ всѣ таланты: только, робокъ;
Но съ нашей помощью, надѣюсь, онъ
Отложитъ робость въ сторону, и намъ
Труды его не будутъ больше тайной.

ЧЕТВЕРТЫЙ АКАДЕМИКЪ (къ маркизу).

Я слышалъ, онъ хорошій живописецъ.

МАРКИЗЪ.

Хорошій? Нѣтъ, отличный, превосходный.
Онъ живописецъ Римской школы!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Римской?

Ему знакомы живописцы наши,
Особенно Каррачіевъ семейство.

МАРКИЗЪ.

Я думаю, ты съ ними въ дружбѣ, Мости?

МОСТИ.

Я знаю Аннибала, Агостина
Но съ Лодовико не знакомъ еще.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Огромное семейство живописцевъ!
Антоніо живетъ при Аннибалѣ:
Я думаю, вы знаете его?
Паоло и Франческо также пишутъ,
Но въ нихъ большихъ талантовъ незамѣтно.
Однако есть картины не дурныя.
Вы были въ Академіи Караччи?

МОСТИ.

Нѣтъ, не успѣлъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Скажите, Аннибалъ
Отлично, говорятъ, былъ принятъ въ Римѣ?

МОСТИ.

Да! Кардиналъ Фарнезе далъ ему
Расписывать всѣ стѣны галлереи,
И Аннибалъ прекрасно исполняетъ
Огромную работу: впрочемъ, надо
Сказать вамъ правду, онъ не много робокъ
И подражаетъ слѣпо Рафаэлю.
Нѣтъ рода своего, нѣтъ рѣзкой кисти;
Созданіе туманно, колоритъ
Какой-то синій. Впрочемъ недостатки
Онъ щедро искупаетъ красотами.

МАРКИЗЪ.

Какой знатокъ! Такъ точно обо всемъ
Онъ судитъ.....

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Правда ли, что Аннибалъ
И Агостина призывалъ на помощь?

МОСТИ.

Да! призывалъ. Онъ составлялъ картоны,

Но Агостино былъ граверъ высокій,
И Аннибалъ во многомъ былъ обязанъ
Его совѣтамъ и рисункамъ. Впрочемъ,
Я слышалъ, Лодовико лучше всѣхъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Нельзя сказать. Учитель онъ отличный
И общество degli Incamminati
Произведетъ прекрасныхъ живописцевъ.
За это Лодовику честь и слава!

ВЕРРИНО.

А я такъ думаю, что эти школы
Художества къ добру не приведутъ.
Какъ правиламъ таланты подчинять?
Препятствовать свободному созданью?
Пиши, какъ я; какъ ты, пусть пишутъ дѣти;
Какъ дѣти, — внуки..... Путь однообразный!
Смотрите, всѣ великіе таланты
Сами собою школы создавали,
Иль, справедливѣе, по ихъ примѣру,
Сами собою школы создавались.
И что такое школа, объясните!
Отсутствіе талантовъ самобытныхъ,
Посредственныхъ художниковъ толпа,
Рядъ подражаній, неудачь, — вотъ школа!....

МАРКИЗЪ.

(Пошелъ молоть, а говоритъ недурно!
Хорошій слогъ.) Довольно на сегодня.
Пора вставать! (*Всѣ встаютъ.*)
Ну, просимъ быть друзьями!
И если вамъ когда позволитъ время
Покорно просимъ собираться къ намъ.
Ученые полезны разговоры.....
(съ самодовольною улыбкою)
А что полезно, то пріятно..... Такъ ли?.....
(Академики отходятъ всторону).

ТРЕТІЙ.

Сказалъ, что зналъ! Изъ букваря цитата.

ПЯТЫЙ АКАДЕМИКЪ.

На силу высидѣлъ. Обѣдъ ужасный!

ТРЕТІЙ.

Ты понялъ ли, зачѣмъ обѣдъ?

ПЯТЫЙ.

Не понялъ!

ТРЕТІЙ.

Онъ сдѣлалъ не для насъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ для кого же?

ТРЕТІЙ.

Для Мости!

ПЯТЫЙ.

А! Но этотъ Мости, кто онъ?

ТРЕТІЙ.

Ты помнишь ли, тому назадъ три года,
«Аврелiо», поэма вышла въ Римѣ,
И критики забавились.....

ПЯТЫЙ.

Я помню.
Такъ это Авторъ?

ТРЕТІЙ.

Да. Но только тише!
Какое дѣло унижать намъ Мости?
Кчему? Маркизъ отъ Мости безъ-ума,
И мы хваля его, похвалимъ Чинто.

ЧЕТВЕРТЫЙ (къ Мости).

Да! я читалъ «Аврелья». Прекрасно!
Совѣтую не оставлять пера.

ШЕСТОЙ.

Ты слышалъ, какъ честилъ онъ Аннибала?

СЕДЬМОЙ.

Хорошъ онъ самъ, ничтожный копiистъ!

МАРКИЗЪ.

Ну, Мости, я къ тебѣ имѣю просьбу:
Поройся у себя, найди-ка повѣсть,
А мы послушаемъ.....

МОСТИ.

Желанье ваше
Считаю приказаньемъ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТѢ ЖЕ, кромѣ МОСТИ.

МАРКИЗЪ.

Какъ уменъ,

Какой пріятный слогъ въ его рѣчахъ!
Онъ воскреситъ намъ Данте.....

ШЕСТОЙ.

Аретина.

СЕДЬМОЙ.

Нѣтъ, далеко ему до Аретина!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТѢ ЖЕ И МОСТИ.

МАРКИЗЪ (медленно проходя въ боковую дверь).

Пойдемъ читать. А подъ какимъ заглавьемъ?

МОСТИ.

«Раймондъ, Тулузскій графъ», повелла, въ прозѣ.

(Всѣ уходятъ.)

Часть вторая.

ГОМЕРЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

.....Tu semper amoris
Sis memor et cari comitis ne abscedat imago.
Валерій Флаккъ.

(Садъ. Три аллеи, въ стройной правильности, бѣгутъ въ разныя стороны; въ концѣ средней, видѣнъ дворецъ, позолоченный первыми лучами солнца; въ концѣ боковыхъ два большіе фонтана; передняя площадь украшена колоссальною, мраморною группою Аполлона и Дафны; въ стѣнкахъ изъ стриженныхъ деревъ скамейки; по ихъ сторонамъ статуи Антиноя, Сапфо, Нарцисса и Венеры.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МОСТИ И ГОНТИ, выходя изъ боковой аллеи.

ГОНТИ.

Не думалъ я, мой другъ, чтобъ въ твердомъ мужѣ
Любовь могла кипѣть съ такою силой.
Въ шестнадцать лѣтъ понятенъ бурный пламень
И свойственна задумчивая грусть,
Но въ тридцать.....

МОСТИ.

Страсть растетъ отъ неудачь.
Какъ, въ сорокъ дней, ни ласковаго взгляда,

Ни слова о прошедшемъ! будто Мости
Ей не знакомъ! Съ убійственнымъ разсчетомъ
Она себя друзьями окружаетъ,
И если позволяетъ въ ихъ число
Вмѣшаться мнѣ, такъ только изъ приличій,
И то всегда на нѣсколько мгновеній,
На нѣсколько пустыхъ, ничтожныхъ словъ.

ГОНТИ.

Ну, это хорошо.....

МОСТИ.

Какъ, хорошо?

ГОНТИ.

Ужъ если страсть въ душѣ ея угасла,
Не нужны ей приличья и друзья:
Она бъ бесѣдъ съ тобой не избѣгала,
И не боялась бы уединяться.
Ну, а теперь совсѣмъ другое дѣло!
Она кипитъ, но борется съ разсудкомъ.
Глупецъ! отъ одного пустаго слова,
Отъ вовремя направленнаго взора,
Разсудокъ быстро смѣнится со стражи,
А страсть возьметъ свое.

МОСТИ.

Ты полагаешь?
Она сегодня будетъ здѣсь одна:
Лаурета говорила, что маркиза
Въ саду одна гуляетъ по утрамъ,
И поздно возвращается въ покои,
Съ заплаканными, красными глазами.

ГОНТИ.

Вотъ видишь!.....

МОСТИ.

Такъ. Но если эти слезы
Принадлежатъ другимъ воспоминаньямъ?
А, можетъ-быть, и настоящимъ чувствамъ
Къ счастливцу неизвѣстному.....

ГОНТИ.

Никакъ!
Вѣдь прежде этихъ слезъ не замѣчали
До твоего пріѣзда?.....

МОСТИ.

Тише, Гонти!
Она, она! Уйди, мой другъ, уйди.

ГОНТИ.

Успѣха, Мости!

МОСТИ.

Ахъ, иди, иди!.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МАРКИЗА И МОСТИ за мраморной группой.

МАРКИЗА (переставая читать книгу).

Я ненавижу Тасса!..... а читаю.....
Онъ разорвалъ любви моей союзъ,
Онъ въ Римъ увелъ того, кѣмъ я дышала,
Кого *своимъ* привыкла называть,
И навсегда разрушилъ сонъ Розины.
Ахъ, если бъ онъ не зналъ Торквата Тасса,
Я никогда бъ не сдѣлалась маркизой,
Пустой игрушкой дома, жалкой куклой,
Съ какимъ-то долгомъ вѣрности и скуки! (*Увидѣвъ Мости.*)
Ахъ!..... Джуліо.....

МОСТИ.

Такъ вы меня узнали?
О, «Джуліо» — воспоминанье счастья!
Маркиза, это имя сколько разъ
Такъ сладостно уста слагали ваши!.....
О, сколько разъ.....

МАРКИЗА.

Забудьте то, что было.
Всему конецъ; давно конецъ.

МОСТИ.

Маркиза,
Вы къ строгости такой не рождены.
О, нѣтъ! Языкъ лукавствуетъ, но сердце
Неужели всѣ чувства заглушило,
Которыми такъ прежде полно было?

МАРКИЗА.

Синьоръ, прошу васъ, будьте осторожны;
Не предавайтесь памяти; напрасно
Не нарушайте моего покоя.

Всему конецъ, сказала я; — всему.
Свидѣтель Богъ, я нечего не помню!

МОСТИ.

А я такъ помню живо страшный день,
Когда послѣдняя надежда счастья
Погасла, словно солнце передъ бурей.
Да будетъ проклятъ этотъ день ужасный!

—

Мы шли пѣшкомъ, поспѣшно, безъ оглядки,
Большой дороги избѣгая; Тассо
Шелъ весело; а я въ какомъ-то страхѣ
За нимъ влачился, какъ убійца; шорохъ,
Малѣйшій шумъ шаги мои ковалъ;
Мнѣ слышалась погоня, голоса:
Я, въ ужасѣ, удерживалъ Торквата,
Прислушивался къ голосамъ, — и что же? —
Всѣ эти голоса во мнѣ кричали;
То совѣсти моей была тревога.
Я съ ужасомъ припоминалъ Розину, —
И каждый кустъ скрывалъ мою Розину,
И каждое движеніе зефира
Мнѣ голосомъ Розины отзывалось,
И каждая звѣзда небесъ далекихъ
Бросала взоръ Розины на меня.
Что перенесъ я въ эту ночь, маркиза!
Но какъ я могъ оставить Тасса? Слабый,
Едва оставившій больницу, чахлый,
Измученный болѣзнью и несчастьемъ,
Тассъ страшемъ былъ! И сердце раздѣлялось:
Розины гнѣвъ, недугъ Торквата Тассо.....
О, если бъ на моемъ вы были мѣстѣ,
Вы бъ извинили Джулiо!.....

МАРКИЗА.

Напрасно
Вамъ кажется, что я могу сердиться,
За что васъ хвалитъ цѣлая Европа.
Напротивъ! Я съ немалымъ восхищеньемъ
Про ваши подвиги читала письма.
Да и за что сердиться? Наше дѣтство

Могло насъ сблизить нѣсколько, но время
Могло насъ раздѣлить, какъ раздѣлило.
Повѣрьте, нѣтъ прошедшаго для насъ.
Мнѣ даже сны ребячества не снятся.

МОСТИ.

Маркиза, не ребячество.....

МАРКИЗА.

О, если бъ
То было страстью возврата другаго,
Великій Тассъ одинъ пошелъ бы въ Римъ! *(Хочетъ итти.)*

МОСТИ.

Маркиза, выслушайте.....

МАРКИЗА.

Полно, Мости!
Я совершила путь моей любви:
Теперь ищу семейственнаго мира.
Я васъ не обвиняю; можетъ-быть
Воспоминанье обмануло сердце,
Но согласитесь, что въ пятнадцать лѣтъ
И не такія страсти умираютъ.
Пятнадцать лѣтъ мы не видались, Мости;
Воспоминанія молчали; случай,
Ничтожное свиданье..... все воскресло!.....

МОСТИ.

Клянусь!.....

МАРКИЗА.

Изъ уваженья къ прежней дружбѣ,
Изъ уваженья къ женщинѣ, прошу,
О, будьте снисходительны къ Розинѣ!
Не нарушайте моего покоя!
И мало ли вамъ Богъ далъ, безъ меня?
Искусство, молодость, благообразье.
Все впереди: къ чему назадъ стремиться?
Вы можете еще счастливцемъ быть;
А я..... Простите, я ужъ все сказала!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

МОСТИ, одинъ.

Розина!..... Нѣтъ, она другаго любитъ!.....

—

А какъ прекрасно, какъ великолѣпно

Розина разцвѣла! Въ устахъ вишневыхъ
Какъ соблазнительно трепещутъ рѣчи!
Какимъ огнемъ горитъ блестящій взоръ!
Какъ страстно дышатъ мраморныя перси!

—

Не я!..... Не мнѣ!..... Она другаго любитъ,
А я горю желаніемъ напраснымъ.....
Ребячество, зачѣмъ ты не сказало,
Что путь мой за Розиной, не за Таосомъ! (*Уходитъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Мастерская художника Мости. Множество зачатыхъ портретовъ по угламъ залы; нѣкоторые на треножникахъ; посерединѣ большой столъ съ картонными портфелями, которые наполнены эстампами; на стѣнахъ нѣсколько малыхъ эскизовъ для картинъ. Зала освѣщена тремя большими окнами; нижнія ихъ части завѣшаны. Нѣсколько искусно сложенныхъ скелетовъ и одѣтыхъ куколъ въ разныхъ мѣстахъ залы разставлено для учениковъ; также нѣсколько изваяній.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

УЧЕНИКИ Д. Мости, сидя около стола.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИКЪ.

Что, нравится тебѣ учитель?

ВТОРОЙ.

Нѣтъ!

ПЕРВЫЙ.

А почему?

ВТОРОЙ.

Богъ знаетъ, почему.....
Такъ, сердце не лежитъ.....

ТРЕТІЙ.

Со мною то же:
Да почему ты не пошелъ учиться
Къ Караччи?

ВТОРОЙ.

Мать моя съ нимъ въ ссорѣ.

ТРЕТІЙ.

Вотъ
Причина!

ВТОРОЙ.

Ну, а ты?

ТРЕТІЙ.

Караччи бѣденъ
И дорого беретъ, а этотъ Мости
Богатъ.....

ПЕРВЫЙ.

Богатъ? Маркизъ издержки платитъ;
А онъ-то самъ бѣднѣе насъ съ тобой.

ТРЕТІЙ.

А какъ павлинъ всегда одѣтъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А скупъ!

ТРЕТІЙ.

Какъ, скупъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Паоло даромъ не уронитъ,
Отъ бѣднаго бѣжитъ какъ отъ заразы;
Монаху не подастъ на церковь; дома
Всегда въ лахмотьяхъ; онъ не пьетъ вина,
А воду; дома никогда не ѣстъ.

ПЕРВЫЙ.

Да какъ ты знаешь это?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Примѣчайте
По моему, увидите все сами.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТѢ ЖЕ И ПЯТЫЙ УЧЕНИКЪ.

ПЯТЫЙ (садясь на свое мѣсто).

Молчите, господа, идетъ викарій.

ПЕРВЫЙ.

Ужъ подлинно викарій!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТѢ ЖЕ И ГОНТИ.

ГОНТИ.

Не былъ Мости?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, не былъ.....

ГОНТИ. (отходя поодаль отъ учениковъ, тихо)

Чѣмъ окончилось свиданье?
Боюсь и за него и за себя.
Въ любви нельзя быть шарлатаномъ; впрочемъ
Все въ мірѣ отъ способности зависитъ.....

—

До-сей-поры все шло своимъ путемъ;
Весь залъ наполненъ заказной работой;
Маркизъ, какъ добрый Меценатъ, желаетъ
Общеполезнымъ сдѣлать свой дворецъ:
Для живописи — школа! А учитель,
Великій Мости, человѣкъ вчерашній;
Онъ въ сорокъ дней Болонію увѣрилъ,
Что въ немъ вмѣщается великій геній.....
Невѣрить какъ? Маркизъ за это платитъ.
Плати маркизъ, нато ты меценатъ,
А мы тебя разславимъ и распишемъ.

—

Пускай кричитъ Караччи, что нашъ Мости
Художнику мыть кисти не достоинъ.
Смотря на столько денегъ усомнишься,
Не въ правду ли онъ первоклассный геній.
Классификація во всѣхъ сословьяхъ
Располагается по капиталамъ.
Богатъ — уменъ; а бѣденъ — глупъ! Законъ!

—

Я ничему рѣшительно не вѣрю.
Въ немъ есть талантъ богатство собирать;
Въ немъ чувство есть презрѣнія къ Искусству;
Великая способность притворяться,
И онъ не геній.....

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

тѣ же и мости.

мости (къ гонѣи).

Кто? О комъ ты говоришь?
О, лучше быть Феррарскимъ скороходомъ,
И вмѣстѣ мужемъ женщины любимой,
Чѣмъ сдѣлаться Болонскимъ Рафаэлемъ
Безъ счастія, и безъ надеждъ на счастье!

первый.

Учитель!

мости.

Прочь! Сегодня нѣтъ ученья.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

МОСТИ И ГОНТИ.

МОСТИ (скорыми шагами ходитъ по залѣ).

Ребенокъ, не умѣлъ цѣнить восторговъ!
Глупецъ, я вѣрилъ въ глупыя мечты!

ГОНТИ.

И такъ свиданіе съ маркизой?

МОСТИ.

Гонти,
Я не любимъ! Но есть другой счастливецъ.
Ему падутъ ручьи жемчужныхъ слезъ,
Ему готовится блаженство рая.....
Я, счастія чужаго соглядатай,
Пришелъ воскреснуть памятью восторговъ,
Чтобъ медленною смертью умирать.

ГОНТИ.

Что за отчаянье? Въ одно свиданье
Естественно нельзя уладить дѣла,
Когда оно пятнадцать лѣтъ лежало
И совершенно конченымъ считалось
И я, и ты, и добрая Лаурета,
Мы всѣ замѣтили, съ твоимъ пріѣздомъ,
Большую перемѣну. Эти слезы,
Желанье быть всегда въ кругу людей,
Тогда какъ прежде добрая маркиза
Искала тишины, уединенья..... (*Взявъ себя за голову*)
Га! что за мысль!..... Въ одинъ и тотъ же день,
Въ одно и то же утро..... Можетъ-быть.....
Маркизъ къ нему расположенъ; маркиза.....
Она его замѣтно отличаетъ.....

МОСТИ.

Что за догадки, Гонти? Кто онъ, гдѣ онъ?
О комъ ты говоришь?.....

ГОНТИ.

Я полагаю.....
Но если мысль моя одна догадка.....

МОСТИ.

Но, ради Бога, кто же онъ?

ГОНТИ.

Веррино.

МОСТИ (презрительно).

Веррино, этотъ блѣдный стихотворецъ,
Прославленный Болонскими глупцами,
Всегда, вездѣ съ непрошеннымъ совѣтомъ,
И съ нравственнымъ готовымъ замѣчаньемъ,
Почерпнутымъ изъ старыхъ книгъ? (*Со смѣхомъ*)
Веррино,
Любовникъ безъ любезности!..... Не вѣрю.

ГОНТИ.

Другой разъ невозможному повѣришь,
Когда его не можешь опровергнуть.....
Веррино возвратился въ тотъ же день,
Когда и ты въ Болонію пріѣхалъ.
Тебя маркиза явно испугалась,
Ему обрадовалась тайно.....

МОСТИ.

Гонти!

ГОНТИ.

Съ тобой трехъ словъ не говоритъ маркиза,
А съ нимъ бесѣдуетъ до поздней ночи;
Съ тобой мрачна, безчувственна.....

МОСТИ (бѣшено).

Довольно!
Веррино, мой соперникъ! полуумный!
Извѣстныхъ риѳмъ гнилая паутина,
Поэзіи ненужныя послѣдки,
Живая кукла, мой соперникъ!..... Гонти,
Я не люблю Розины; безъ горячки
Я спрашиваю васъ, кто вамъ сказалъ,
Что ей угодно жаловать Веррино.....

ГОНТИ.

Помилуй, Мости! Ревность не у мѣста!

МОСТИ.

Я требую.....

ГОНТИ.

Чего же? доказательствъ?
Я ихъ сказалъ, а повторять нѣтъ нужды;
Да и смѣшно доказывать догадку.
Ребячишься! Ревнуй себѣ, пожалуй,
Да только здѣсь, въ своей рабочей; гласно

Не нападай на сильнаго Веррино.
Единоборство не послужитъ въ пользу.
Паденіе твое съ насмѣшкой примутъ,
А торжество съ коварною улыбкой.....

—

Молчи; оставь упрямую маркизу;
И если сердце у нея свободно,
Она сама придетъ въ твои объятья.....
Представь себя спокойнымъ, хладнокровнымъ,
Съ учтивостью оказывай почтенье,
Всегда ея замѣтно избѣгай;
Когда жъ съ тобой заговоритъ маркиза,
Краснѣй, блѣдней и томно отвѣчай
Отрывистыми *да* и *нѣтъ*; бесѣды
Умышленно не продолжай; старайся
Веселымъ быть при ней, а безъ нея
Скучай, грусти, но чтобъ она видала
Сама, или ея друзья..... Вотъ Мости,
Тебѣ урокъ практической любви.....

—

Постой! Еще есть маленькое средство.
Сегодня маскарадъ: переодѣнься!
Быть-можетъ случай васъ сведетъ съ маркизой.
Подъ маской тайны міра узнаются.....

МОСТИ.

О Гонти, ты неистощимъ какъ море!
Не знаю, какъ благодарить тебя.

ГОНТИ.

Но, ты, мой другъ, влюбился не на шутку!
Умѣрь любовь; страсть бурная опасна.
А между-тѣмъ, пока минетъ горячка,
Я долженъ устранить тебя отъ дѣлъ,
Быть казначеемъ всѣхъ твоихъ доходовъ,
Fattore Рафаэлевымъ..... Нельзя!
Ты такъ разсѣянъ; мѣлочнымъ страстямъ
Даешь непозволительную волю,
Нерѣдко пропускаешь славный случай
Съ невѣжества вельможнаго взять подать,
Довольствуясь улыбкой одобренья.
Ты часто расточителенъ безъ нужды;

То платье новое, то столъ, то рамка
Великолѣпная, то книга..... Полно
Такими пустяками заниматься!
Ты, какъ пчела, сбирай и прячь свой медъ,
Чтобъ зиму жизни провести въ довольствѣ.

МОСТИ.

Благодарю за дружбу; но, Астольфо,
До-сей-поры еще я очень бѣденъ,
Мнѣ нечего напослѣ оставлять;
Прилично одѣваться я обязанъ,
Убрать покои также; рамки нужны
Для украшенія картины; книга
Мой лучшій другъ, совѣтникъ, собесѣдникъ,
И, будучи писателемъ, я долженъ
Итти за ходомъ просвѣщенья. Гонти,
Благодарю за вызовъ твой еще разъ!
Со временемъ, при помощи Господней,
Припомню я тебѣ твою готовность
Быть для меня fattore. Добрый Гонти,
Ты не откажешься.....

ГОНТИ.

Не сомнѣвайся.
(Не поздно ли я къ дѣлу приступилъ?)
Пора, однакожъ. До свиданья, Мости.

МОСТИ.

До маскарада. Будешь?.....

ГОНТИ.

Непремѣнно.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

МОСТИ, ОДНЪ.

Любезный другъ! Какъ добръ и безкорыстенъ!
Нѣтъ, я не дамъ ни матери, ни брату,
Того, что пріобрѣлъ трудомъ и честью,
Что, пополамъ съ грѣхомъ, несетъ мнѣ случай.
Поистинѣ, вотъ золотая дружба.
Ты нуженъ мнѣ, — вотъ нашей дружбы цѣпи;
Минетъ нужда, я разорву ихъ, Гонти.

—

Но ты, Болонская Киприда!..... Сердце
Не можетъ успокоиться; всѣ думы

Бѣгутъ за ней..... она бѣжитъ отъ Мости
Въ объятья горделиваго Веррино!

—

Въ послѣдній разъ иду на испытанье.
Любовь иль смерть! Нѣтъ середины въ страсти. *(Уходитъ).*

=

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Importune vertu, rêve de notre enfance,
Eh toi, beau préjugé, fantome de l'honneur,
Combien peu votre voix se fait entendre au cœur!
Парни.

(Комната въ отдѣленіи маркизы.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАРКИЗА, одна.

Всегда одна, нигдѣ души отвѣтной,
Какъ привидѣнье по огромнымъ заламъ
Скитаюсь я..... Завидный жребій!..... Всѣ
Увеселеньямъ дружно предаются,
А я одна. Ничтожный человѣкъ,
Пустой, надутый воздухомъ вельможа,
Въ добавокъ, мужъ несчастнѣйшей жены,
Веселіе въ толпѣ людей находитъ;
А я одна. Веррино вдохновенный
Бесѣдуетъ съ фонтаномъ, вольной думой
Безмѣрный міръ фантазіи объемлетъ,
Съ нимъ каждый кустъ имѣетъ жизнь и слово,
И вся природа откровенный другъ;
А я одна. Напрасно скорбнымъ взоромъ
Въ толпѣ людей ищу я человѣка,
Который могъ бы другомъ быть. Напрасно!
Въ стальной бронѣ закованъ цѣлый свѣтъ,
И слабый взоръ не прожигаетъ стали.....

—

Любить, любить..... ужасная потребность!
Неужели, безъ этой тяжкой страсти,
Нельзя пройти земной, минутной жизни?
Неужели самъ Богъ опредѣлилъ
Быть міру и любви нераздѣлимо?

—

И я, такъ холодно отвергла Мости,
И я, любя, сказала — не люблю!

—

Но долгъ велѣлъ, безумный долгъ, насильно
Упрямствовать въ несчастіи случайномъ,
И добровольно горе умножать.
И не одно ль и то же преступленье
Любить открыто или въ тайнѣ?
Боже,
И я его такъ холодно отвергла,
И я, любя, сказала — не люблю!
О, лейтесь, лейтесь, пламенныя слезы!
Вы мнѣ послѣднія друзья..... *(заливается слезами).*

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МАРКИЗА И ВЕРРИНО.

ВЕРРИНО.

Маркиза!
Одна! въ слезахъ! Я къ вамъ спѣшу на помощь.
Я покоряюсь вашей волѣ. Что же?
Кчему вашъ гнѣвный взоръ, видъ оскорбленья?

МАРКИЗА.

Я думала, что комнаты мои
Святыня для мужчинъ, что эти слезы
Невидимо и тайно проливаю;
Незнала я, что всѣ мои поступки
Поручены чьему-нибудь надзору.....

ВЕРРИНО.

Маркиза, извините. Сожалѣю,
Что, не узнавъ короче васъ, повѣрилъ
Мгновенной раздражительности вашей.
Я говорилъ вамъ, что чужая помощь,
Для вѣтренныхъ, невѣрный якорь. Что же?
Сбылись мои слова. Гдѣ откровенность,
Обѣщанная въ первый день свиданья,
Тогда какъ я объ этомъ не просилъ?
Я понялъ странность дружбы между нами,
И не хотѣлъ внимать ея призыву:
Вы повторили вѣтренный призывъ;
Я вѣтренно ему повиновался.

Иду безъ умысла, встрѣчаю слезы,
По праву друга требую отчета;
Мнѣ гордымъ отвѣчаютъ подозрѣньемъ, —
И жалуютъ въ лазутчики! Маркиза,
Не оскверню святыни вашей больше,
И къ другу старому пойду, къ фонтану.....

МАРКИЗА.

Веррино!

ВЕРРИНО.

Что прикажетъ мнѣ маркиза?

МАРКИЗА.

Останьтесь.

ВЕРРИНО.

Слушать новые упреки,
Богъ знаетъ, изъ чего.....

МАРКИЗА.

Прошу, останьтесь.

ВЕРРИНО.

Извольте, остаюсь! Увы, Веррино,
И гдѣ твоя свобода? Гдѣ та гордость,
Что никогда твоей желѣзной воли
Никто склонить не могъ? Я вашъ, маркиза.

МАРКИЗА.

Ты мой, ты долженъ быть моимъ, Веррино.
Но будъ великодушенъ; состраданья
Теперь прошу: оно всего нужнѣе
Въ такой опасности..... Ты знаешь, Мости.....
Ты поблѣднѣлъ? Веррино, ради Бога,
Не сомнѣвайся! Другъ мой, дай мнѣ руку,
И отвѣчай на мой вопросъ нескромный:
Любилъ ли ты?

ВЕРРИНО.

Нѣтъ, никогда.

МАРКИЗА.

Гордецъ!
И ты хотѣлъ преподавать уроки
Какъ укрощать волненія любви?
Завистливъ ты, Веррино! Никогда
Неиспытавъ верховнаго блаженства,
Не хочешь допустить къ нему другихъ.
Но будетъ время: съ странною тоскою,

Съ невыразимымъ ожиданьемъ блага,
Съ благоговѣніемъ и сладкимъ страхомъ,
Ты упадешь предъ женщиной, Веррино,
Предъ ангеломъ въ небесномъ облаченьи,
Что красотой въ поэзія зовутъ.
О добрый другъ, напрасенъ будетъ разумъ,
Холодные совѣты, помощь друга,
Обязанности жизни, все напрасно!
Какъ очарованный, ты будешь помнить
Про разумъ, про совѣты, какъ про дѣтство,
Когда тебя качали въ колыбели,
И темной сказкой сонъ къ тебѣ манили,—
Ты весь въ одну любовь преобразишься.
Тогда приди ко мнѣ, тогда совѣтуй,
И мы поймемъ другъ друга..... Ахъ, Веррино,
Что сдѣлалось съ тобой!

ВЕРРИНО (встревоженный, опустивъ глаза).

О, ничего!
Вы такъ краснорѣчивы.....

МАРКИЗА.

Не шути!

ВЕРРИНО (съ необыкновеннымъ жаромъ).

Что, мнѣ шутить? О, скоро ли настанетъ
Волшебная пора страданій тяжкихъ!
Пророчица, клянусь вамъ бѣднымъ сердцемъ,
Что этотъ мигъ бесѣды чудной вашей
Въ могилу унесу съ собой.....

МАРКИЗА.

Веррино,
Такъ ты меня уже не обвиняешь?
О добрый другъ, я знаю, передъ Богомъ
Нарушить тайну брачнаго союза
Тяжелый грѣхъ, не искупимый грѣхъ!
А передъ свѣтомъ наша честь игрушка.....
Да! въ обществѣ, кто соблазнилъ супругу,
Кто дѣву молодую обольстилъ,
Кто друга закололъ на поединкѣ,
Не пользуется ль большимъ уваженьемъ,
Чѣмъ тотъ, кто чистоту младаго сердца
Упорно сохранилъ въ груди невинной?.....

Но передъ совѣстью, предъ строгимъ небомъ.....
Все это знаю я: и что же дѣлать?
Любовь неодолимая растетъ!

—

Недумаешь ли ты, что женскій разумъ
Противустать не въ силахъ обольщенью?
Напротивъ. Я сегодня хладнокровно
Отвергла Мости.....

ВЕРРИНО.

Вы его отвергли!
Вы снова добродѣтели кумиръ
Кому легко, отрадно поклоняться?

МАРКИЗА.

О, ты — поэтъ, мечтательная тѣнь,
Осуществленный образъ вдохновенья!.....
Пока вездѣ, всегда встрѣчаю Мости
Могу ли поручиться за себя?
Отраденъ сонъ воспоминаній дѣтства,
Сильна первоначальная любовь.
О мой поэтъ! Могу ли я не вѣрить,
Что въ Мости страсти буйныя уснули?
Что, безъ измѣны мужу, я могу
Его бесѣдѣ сладкой предаваться;
Не нарушая брачныхъ узъ, любить,
Любить его, какъ друга.....?

ВЕРРИНО.

О! маркиза,
Онъ не способенъ къ дружбѣ.

МАРКИЗА.

Почему?

ВЕРРИНО.

Не смѣю изъяснять моихъ догадокъ.

МАРКИЗА.

Ахъ, говорите, говорите!

ВЕРРИНО.

Право,
Онъ не имѣетъ столько благородства,
Чтобъ чувствовать любовь святую вашу.
Онъ оковать захочетъ васъ на долго.
Разрушатся всѣ правила разсудка,

И сладострастный..... Боже, немогу
Докончить!.....

МАРКИЗА.

Говорите, ради Бога!

ВЕРРИНО.

Любовь — неволя. Гордый человѣкъ
Отыскивать свободу любитъ смертью.....

МАРКИЗА.

О, пощади, Веррино!

ВЕРРИНО.

Ахъ, маркиза,
И для кого такая жертва?..... Небо!
Для низкаго ремесленника, Мости.....

МАРКИЗА.

Ремесленникъ! Такой поэтъ, художникъ.....

ВЕРРИНО.

Кто? Онъ поэтъ?
Не риѳмъ ли легкій рядъ,
Не строчекъ ли кудрявыя странницы —
Высокій даръ поэзіи небесной?
И кто у насъ теперь легко не пишетъ?
Кто звонкой риѳмы къ риѳмѣ не прінщетъ
И колокольчиками не гремитъ?
И всѣ они поэты?..... Эти люди,
Что жизнь влекутъ въ безчувственности, въ скукѣ!
Что числами, какъ-будто звѣздочеты,
Опредѣляютъ смыслъ своихъ стиховъ!
Безжизненно, безъ чувства, вдохновенья,
Потѣя, гладятъ, чистятъ мысль простую,
Чтобъ легче проглотилъ ее читатель!
Поэты самозванцы, трудъ мозольный
Вы издаете въ видѣ вдохновенья,
И, бѣдные, вы ждете удивленья,
Рукоплесканій, похвалы, наградъ.
Но, ахъ, вашъ трудъ — мертвецъ могилы хладной;
Смѣшитъ народъ одѣждою нарядной, —
И глупости Италіянецъ радъ!
Онъ деньги вамъ даетъ, какъ арлекинамъ,
И вы довольны милостыней черни, —
Поэты-арлекины, вы довольны!

Обширенъ свѣтъ, есть гдѣ съ стыдомъ укрыться,
Есть гдѣ продать поддѣльный жаръ и чувство,
Есть гдѣ купить сомнительную славу,
Всему просторъ на торжищѣ страстей.
Неутомимъ ремесленникъ для денегъ!

—

Но не таковъ прямой поэтъ. Священный,
Великій храмъ непостижимой тайны,
Что на землѣ поэзіей зовется.
Среди людей, печаленъ и угрюмъ,
Одинъ, всегда и счастливъ и доволенъ;
Передъ толпой и гордъ и своенравенъ,
Въ кругу друзей привѣтливъ, тихъ, любезенъ;
Онъ не страдаетъ надъ перомъ покорнымъ;
Мгновеніе и мысли стройнымъ рядомъ
Въ воображеніи его проходятъ;
Мгновеніе и мысли въ ясной рѣчи,
Какъ въ золотѣ безцѣнные алмазы.
Ахъ, эта рѣчь проста въ великолѣпьи,
Великолѣпна въ простотѣ! Музыка
Умъ, живопись — стихіи этой рѣчи.
Она чиста, какъ слезы юной дѣвы,
Когда она надъ гробомъ брата плачетъ;
Она нѣжна, какъ крылья мотылька,
Усыпанныя золотою пылью;
Какъ радуга, свѣжа и разноцвѣтна,
И пламенна, какъ сердце Итальянки.

—

Нѣтъ, эта рѣчь не достоянье Мости.
А вы его хотите звать поэтомъ!.....
Художникъ онъ.....

МАРКИЗА (въ сильномъ волненіи).

Довольно. Вижу ясно,
Что вы его не любите..... Довольно!.....
Зачто къ нему и ненависть и злоба?
Легко унизить человѣка, трудно
Быть безпристрастнымъ. Мужъ мой справедливъ,
Что къ зависти способны вы.....

ВЕРРИНО.

Маркиза!
Вы можете назвать меня убійцей,
Но никогда завистливымъ лукавцемъ,
Клеветникомъ и сплетникомъ коварнымъ.

—

Маркиза, вы ослѣплены любовью.
Вы — въ сладкомъ снѣ кипучей, бурной страсти.
Не дай Богъ вамъ проснуться надъ могилой,
И въ хладномъ ужасѣ припомнить друга,
Который вашей дружбы не искалъ,
Изъ снисхожденья вамъ давалъ совѣты
И женщинѣ впервые покорялся.
Вамъ трудно оцѣнить такія жертвы.

—

Но заблужденіе — гроза полудня.
Великолѣпна близость черныхъ тучъ,
Пріятенъ слуху гулъ далекій грома;
Мгновенье, — и волшебная картина
Въ существенную бурю обратится.
Кто васъ спасетъ тогда? Ни я, ни Мости.
Онъ подведетъ подъ молнію Розину,
А я собой не заслоню..... Простите.
А ты счастливецъ недостойный, Мости,
Съ тобой ужасное свиданье будетъ!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

МАРКИЗА, одна.

Онъ хочетъ видѣть Мости? Клеветникъ!
Онъ разобьетъ послѣднія надежды
Несчастнаго! О, поспѣшимъ на помощь!.....
Лаурета!

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАРКИЗА И ЛАУРЕТА.

МАРКИЗА.

Дай мнѣ домино. Пора!
Не знаешь ли Лаурета, какъ одѣтъ
Мой мужъ?

ЛАУРЕТА.

Онъ просто нарядился.

МАРКИЗА.

Спарца?

ЛАУРЕТА.

Въ большомъ венеціанѣ.....

МАРКИЗА.

А Веррино?

ЛАУРЕТА.

Онъ только-что оставилъ васъ.

МАРКИЗА.

Ахъ, правда!
А Мости?

ЛАУРЕТА.

Онъ одѣтъ какимъ-то старцемъ,
Въ рукахъ какой-то инструментъ.....

МАРКИЗА.

Довольно.
Но какъ ты знаешь?

ЛАУРЕТА.

Какъ входили гости
Я примѣчала..... Но пора, маркиза!
По всѣмъ покоямъ маски ходятъ; много
Весьма забавныхъ..... Вы совсѣмъ готовы.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ЛАУРЕТА, одна.

Какъ мнѣ не знать какъ Мости наряженъ!
Своей рукой я шила всю одежду,
И ничего не взяла за труды.
Вотъ человѣкъ! Дай, Богъ, ему здоровье!
Богатъ, красивъ и ласковъ; щедръ и скроменъ;
Сорветъ съ щеки горячій поцѣлуй,
Дастъ золото, и какъ стрѣла уходитъ.
Святой Джузеппо, будь ему покровомъ! (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ich will ihm folgen Mensch zu seyn!
Шиллеръ.

(Небольшая комната; въ глубинѣ двое дверей, одна противъ другой; комната освѣщена роскошно и убрана цвѣтами; впереди изъ цвѣтовъ же родъ ширмы, закрывающей двери; въ глубинѣ проходятъ маски, осматривая слегка комнату.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МОСТИ въ костюмѣ Гомера, какимъ его изображаютъ.
Гонти въ костюмѣ Гезіода.

МОСТИ (входя за цвѣточную ширму и садясь на скамью непримѣтную для проходящихъ).

Ахъ, Гонти, нѣтъ Розины!

ГОНТИ.

Будетъ, будетъ.
Терпѣнья только! Я тебя оставлю
Пойду по всѣмъ покоямъ, и узнаю,
Въ какомъ она нарядѣ..... До свиданья.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МОСТИ, одинъ.

Мучитель! Ты меня увлекъ въ надеждѣ,
И безпрерывно обѣщаешь больше
И больше..... Будь что будетъ! Я рѣшился.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

МОСТИ И АСТРОЛОГЪ (маска).

АСТРОЛОГЪ.

Слѣпецъ, слѣпецъ, по-истинѣ слѣпецъ!
Не видишь ты тѣхъ гибельныхъ созвѣздій,
Что̀ надъ твоей главой союзомъ смерти
И горькаго стыда соединились?

МОСТИ.

Что?

АСТРОЛОГЪ.

Стыдъ и смерть, безъ масокъ, ждутъ тебя.
Кинжалъ и ядъ — вѣнецъ Капитолійскій!

МОСТИ.

Что говоришь! Ты шутишь, астрологъ?

АСТРОЛОГЪ.

Шутить я не умѣю. Помни, Мости,
Мои слова! Еще есть время.....

МОСТИ (встревоженный).

Демонъ,
Какъ ты узналъ меня?

АСТРОЛОГЪ.

Во мракѣ ночи,
Когда туманъ, густѣе черной ткани,
Подернетъ міръ и скроетъ звѣздный куполъ,

Я и тогда тебя узнаю, Мости.....
Оставь маркизу!

МОСТИ (въ ужасѣ).

Что я слышу, небо!
Но кто ты?.....

АСТРОЛОГЪ.

Я?..... Свидѣтель преступленій,
Неумолимая порока совѣсть;
Безъ снисхожденія совѣтникъ; вѣрный,
Невидимый невинности защитникъ;
Тѣнь неотвязная убійцы; судъ
Непроницаемый никѣмъ; убійца
Безъ преступленья..... Вотъ мои названья!

—

Оставь домъ Чинто!..... Мости! повинуйся.
Да; если ты исполнишь мой совѣтъ,
Величіе и слава не оставятъ
Счастливаго обманщика поэта,
Художника безъ дарованій. Горе
Тебѣ, несчастный, если гордымъ слухомъ
Моимъ словамъ ты вѣрить не съумѣешь!

—

Величіе и слава! Стыдъ и смерть!
Твоей судьбы владыка полновластный,
Я предложилъ, — ты избирай.

МОСТИ (про себя).

Всесильный!
Обыкновенный человѣкъ не можетъ
Такъ вѣрно знать всѣ тайны жизни Мости,
И такъ ужасно выборъ предлагать!

АСТРОЛОГЪ.

Колеблешься, ничтожный человѣкъ?
Ты безъ любви чужой женой прельстился,
Затѣмъ что помнишь дѣтскій поцѣлуй,
И думаешь, тебѣ не трудно будетъ
Въ ней разбудить погасшую любовь?

—

Но послѣ что? Что послѣ будетъ, Мости?.....
Я разрѣшу печальную загадку:

Розины смерть, и собственная смерть!.....
Прощай. Въ часъ смертп ты меня увидишь.....

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСТИ, ОДИНЪ.

Холодный потъ по моему челу
Росой могильной проступаетъ. Гонти,
Ты, ты всему виной! Я, какъ невольникъ,
Какъ мячь, твоей рукѣ повиновался!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

МОСТИ И ГОНТИ.

ГОНТИ.

Что говорилъ тебѣ тотъ астрологъ,
Что̀ повернулъ теперь на право, въ залу?

МОСТИ.

Оставь меня. Я внѣ себя. Разбойникъ!
Ядъ и кинжалъ въ его рукѣ. О Гонти,
Какъ безразсудно я внималъ совѣтамъ,
Которые къ погибели ведутъ!

ГОНТИ.

Люблю Веррино! Какъ хитро, лукаво
Онъ поразилъ тебя внезапнымъ страхомъ!

МОСТИ (бѣшено).

Веррино?

ГОНТИ.

Тише..... Ты не могъ узнать
Сквозь маску этихъ глазъ, блестящихъ чувствомъ,
И голоса, поющаго стихами?

МОСТИ (про себя).

Веррино? Га! Онъ ужасъ мой примѣтилъ!
Я передъ нимъ ребенкомъ показался! (*Громко*)
Но какъ онъ знаетъ.....?

ГОНТИ.

Тише, ради Бога.
Она идетъ, и, кажется, къ тебѣ.....
Вотъ въ черномъ домино..... Будь остороженъ.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

МОСТИ И МАРКИЗА, ВЪ МАСКѢ; ГОНТИ, ЗА ЦВѢТАМИ, НЕВИДИМЪ.

МАРКИЗА.

Старикъ, слѣпецъ, тебя покинулъ свѣтъ.
Одинъ всегда.....

МОСТИ.

Одинъ съ моей мечтою,
Съ рапсодіей давно прошедшихъ лѣтъ.

МАРКИЗА.

Прошедшее! О старецъ, что жъ во мракѣ
Прошедшихъ лѣтъ ты любишь видѣть?.....

МОСТИ.

Счастье.

МАРКИЗА.

Ты счастливъ былъ?

МОСТИ.

Недолго.

МАРКИЗА.

И недолго
Счастливымъ быть — и этого ужъ много.
Ты былъ любимъ и горячо любимъ.

МОСТИ.

Казалось мнѣ, я былъ любимъ взаимно.
Но время вывело изъ заблужденья.....

МАРКИЗА.

Несчастная! Но можетъ-быть она
Безмолвно высшей волѣ покорилась?
А можетъ-быть, она до-сей-поры
Хранитъ тебя въ своемъ разбитомъ сердцѣ.
Ахъ, вѣрь мнѣ, вѣрь: любовь прекрасной дѣвы
Не падаетъ съ осенними листами!

МОСТИ.

О, кто ты ангелъ-утѣшитель? Голосъ
Какъ лиры звукъ, амвросія въ рѣчахъ.
Но нѣтъ, напрасно. Красота и вѣрность —
Двѣ крайности..... Притомъ же я старикъ,
Слѣпецъ; она еще въ роскошномъ блескѣ
Хоть знойнаго, но сладостнаго лѣта;
Амуръ ее оставилъ навсегда,
А Гименей — товарищъ неотлучный.....
Не обольщай души моей напрасно,
И месть моихъ проклятій не смягчай!

МАРКИЗА.

Ты можешь проклинать?..... О, ради Бога,
Не будь такъ строгъ къ слабѣйшему созданью!

Великодушіе — вѣнецъ мужчины.
Скажи, ужель ты болѣе не любишь?

МОСТИ.

Ахъ, со стыдомъ, непостижимый ангелъ,
Я признаюсь, — люблю.

МАРКИЗА.

И кто жъ мѣшаетъ
Итти къ твоей возлюбленной, и снова
Въ ея очахъ читать былое счастье
И въ настоящемъ наслаждаться? Время
Въ тебѣ искоренило жаръ восторговъ:
Ты можешь чистою пылать любовью
И чистою любовью быть любимымъ.

МОСТИ.

О, если бъ могъ я маску съ жизни сбросить
И въ простотѣ то время возвратить,
Когда любовь и счастье были вмѣстѣ!
Что было чище счастья моего?
Что было выше страсти безкорыстной?
Но нѣтъ..... Не испытуй меня напрасно.
Я не могу открыться. Никогда
И никому не ввѣрю этой тайны.
Я знаю, откровенность есть потребность,
Необходимость человѣка..... Но..... (*вставъ*)
Оставь меня, мой чудный утѣшитель.
Я очень слабъ; не вырывай изъ сердца
Послѣдняго блаженства. Не хочу
Ни съ кѣмъ дѣлить моей печальной тайны!

МАРКИЗА (*съ живостью*).

Не хочешь? Но, узнай, въ моихъ рукахъ
Еще остались средства къ утѣшенью.
Еще могу я дружбу возвратить,
Когда любви я возвратить не въ силахъ.

МОСТИ.

Кто ты, волшебный гость, отрадный геній?

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ТѢ ЖЕ И МАРКИЗЪ, ВЪ ДВЕРЯХЪ, ВЪ МАСКѢ.

ГОНТИ (бросаясь къ нему на встрѣчу, весьма громко).

Я васъ узналъ, маркизъ.

МАРКИЗЪ (съ неудовольствіемъ).

Съ ума сошелъ?
Кто жъ узнаетъ такъ громко! (*возвращается къ дверямъ*).

ГОНТИ (за нимъ слѣдуя).

Извините.....

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

МАРКИЗА И МОСТИ.

МАРКИЗА.

Подходятъ люди. Дай мнѣ руку, старецъ.
Позволь мнѣ быть твоимъ проводникомъ.

МОСТИ (взявъ ее руку про себя).

Она моя! Довольно на сегодня..... (*Уходятъ*).

Часть третья.

КОЛЬЦА СМЕРТИ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ma sopra tutto nel buon vino ho fede
E credo, che sia salvo chi gli crede.
Пульчи.

(Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ предъидущаго. Комната Гонти; на столѣ стоятъ сосуды съ винами и яства. Глубокій вечеръ.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МОСТИ, ГОНТИ И СКАВАРІЕРИ, сидятъ у стола.

ГОНТИ.

Пей, Мости, сиракузское!

МОСТИ.

Довольно.
Кружится голова.

ГОНТИ.

Хотя отвѣдай,
Да похвали.

СКАВАРІЕРИ.

Да; вы примѣтно скучны.
Васъ тяготитъ присутствіе друзей!

МОСТИ.

Напротивъ, я съ друзьями отдыхаю.

СКАВАРІЕРИ.

И, полно! Вѣрно дума далеко.
Любовныя затѣи.....

МОСТИ. (поблѣднѣвъ)

Что любовь?
Однообразный лѣсъ. Идешь всё дальше,
А всё встрѣчаешь прежнія деревья.

СКАВАРІЕРИ.

Вы, вѣрно, слишкомъ счастливы въ любви.

МОСТИ.

И не любилъ и не люблю я женщинъ.
И оттого въ моихъ произведеньяхъ
Всѣхъ щенщинъ я пишу однообразно.

СКАВАРІЕРИ.

Вы къ самому себѣ несправедливы.
Едва шесть мѣсяцевъ, — по всей Европѣ
Картины ваши съ славой разошлись.
Не спорю я, у васъ мужчины лучше,
Но женщины не менѣе прекрасны:
Каковъ предметъ и лица таковы.
Вотъ напримѣръ, Іуда Искаріотскій —
Вѣнецъ Искусства: этотъ хитрый взглядъ,
Коварная предателя улыбка,
Сомнѣніе въ божественности Бога,
Печать молчанья на устахъ, въ глазахъ
Свирѣпый голодъ серебра..... Чудесно!

ГОНТИ.

Прикажешь? кипрское вино.

МОСТИ.

Пожалуй.
Послѣдній кубокъ. Я слыхалъ не давно,
Что кто-то во Флоренціи затѣялъ
Писать картину, на которой будетъ
Изображенъ какой-то чичисбей
Съ своей синьорой. Онъ ей мститъ. Смотрите!
Художникъ хочетъ отравить синьору
Посредствомъ колецъ смерти.....

СКАВАРІЕРИ.

Колецъ смерти?
Да; это ново.

МОСТИ.

Въ самое то время,
Когда онъ смерть наноситъ скорымъ ядомъ,
Рука ея — злодѣя обнимаетъ;
Ея уста лобзаніе готовятъ.....

СКАВАРІЕРИ.

А онъ?

МОСТИ.

А онъ, съ улыбкой крокодила,
Въ глаза ея нетерпѣливо смотритъ,
И радости преступной скрыть не можетъ.
Хоть кольцамъ смерти я совсѣмъ не вѣрю.....

СКАВАРІЕРИ.

Какъ, вы не вѣрите? Напрасно! Кольца
Невѣроятности не представляютъ.
Я видѣлъ самъ ихъ много. Два кольца.
Надѣть ихъ должно на два смѣжныхъ пальца.
На этихъ кольцахъ, въ видѣ львиныхъ лапокъ,
Два тонкіе, стальные волоска,
Напитанные ядомъ. Вы берете
За руку женщину; межъ вашихъ колецъ
Тихонько пожимаете; пружинки
Слегка царапаютъ, и ваша жертва
Уже горитъ убійственнымъ огнемъ.

ГОНТИ.

Въ Болоніи не знаютъ этихъ колецъ?

СКАВАРІЕРИ.

Напротивъ. Здѣсь, я слышалъ, есть механикъ,
Какой-то Манни; онъ весьма искусенъ
Въ приготовленьи колецъ и отравъ.

МОСТИ. (вставъ)

(Механикъ Манни.....) Ну, пора! Простите.

ГОНТИ.

Куда же ты? Останься, посиди.

МОСТИ.

Маркизъ одинъ по вечерамъ скучаетъ.

ГОНТИ (тихо къ Мости).

Маркиза больше! Богъ съ тобой, иди;
Въ другой разъ не пущу тебя такъ рано.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ГОНТИ И СКАВАРІЕРИ.

СКАВАРІЕРИ.

Что, Гонти?

ГОНТИ.

Неудача.

СКАВАРІЕРИ.

Онъ не пьетъ
И по расчету.

ГОНТИ.

Какъ?

СКАВАРІЕРИ.

Онъ знаетъ, Гонти,
Что и разбойникъ пьяный откровененъ;
А у него въ душѣ не хорошо.

ГОНТИ.

Не хорошо; давно ужъ я замѣтилъ.
Но эта тайна намъ необходима.
Быть-можетъ, эта тайна — противъ насъ.
Неблагодарность у людей порочныхъ —
Второе сердце. Знаешь, онъ обязанъ
Своимъ богатствомъ мнѣ? Вѣдь я возвысилъ
Его достоинства моимъ сужденьемъ.
Онъ шелъ сначала непрямой дорогой.
Я указалъ ему, какія средства
Ведутъ къ богатству; онъ за нихъ схватился,
И, посмотри, разбогатѣлъ.

СКАВАРІЕРИ.

Однако жъ
In vino veritas. Скажи мнѣ, Гонти,
Правдивъ ли слухъ про связь его съ маркизой?

ГОНТИ.

Вотъ что меня наиболѣе смущаетъ!
Разрывъ опасенъ не ему, а намъ.
Онъ собралъ непомѣрное богатство, —
Намъ далъ обрѣзки своего незнанья,
Отъ страха видѣть въ насъ своихъ враговъ.
«Однообразный лѣсъ» — тутъ былъ конецъ!
Но мы схватить искусно не умѣли.....

СКАВАРІЕРИ.

Такъ, стало, слухъ о молодой маркизѣ.....

ГОНТИ.

Къ несчастью, или къ счастью, справедливъ.
Сначала онъ любилъ ее, какъ должно.
Маркизъ ему далъ право чичисбея
Своей жены. А кавалеръ Вальдони,
Который добивался этой чести,
Съ отчаянья и горя застрѣлился.
Два мѣсяца, не больше, нашъ художникъ
Усердно исполнялъ долгъ чичисбея;
А какъ онъ изъ хорошаго семейства,
То въ лучшіе дома входилъ съ маркизой.
Ты помнишь ли племянника, Веррино?
Онъ также мѣтилъ въ чечисбеи. Этотъ
И молодой и умный человѣкъ
Опасно захворалъ отъ огорченья.
Шесть мѣсяцевъ уже его не вижу.
Вотъ Мости, на просторѣ, безъ боязни,
Обычаемъ лукаво прикрываясь,
Любовь свою могъ изливать маркизѣ.
Но какъ непостояненъ человѣкъ!
Ужъ онъ соскучилъ должностью своею:
А это знакъ дурной. Любви ужъ нѣтъ!
Онъ часто убѣгаетъ отъ маркизы,
И только, лишь-бы мѣста не лишиться
И ненажить опаснаго врага,
Изъ угожденія личину носитъ.

СКАВАРІЕРИ.

Но можетъ-быть еще одна догадка?

ГОНТИ.

А можетъ-быть правдивая догадка.
Во всякомъ случаѣ молчи. Сегодня
Не удалось; такъ завтра можетъ-быть
Удастся обнаружить эту тайну.

СКАВАРІЕРИ (встаетъ).

Прости же, Гонти. Если что узнаешь,
Такъ не забудь увѣдомить. Прости!

ГОНТИ. (вставъ)

О, непремѣнно! Завтра, Скаваріери,
Ты заходи къ маркизу ненарокомъ.
Я принесу къ нему свою картину,

И стану продавать за Тицiана:
Такъ помоги.....

СКАВАРIЕРИ.

Ну, а мою Венеру?

ГОНТИ.

Не вдругъ! Дай срокъ, уладимъ. Ну, прости! (*Расходятся*).

=

ЯВЛЕНIЕ ВТОРОЕ.

(Улица. Глубокая ночь.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МОСТИ, одинъ.

Какъ голова кружится! Ничего
Невижу. О, проклятое вино!
Я слабъ; мнѣ пить не должно.
Скоро полночь.
Все дружно спитъ, не спитъ одна маркиза
И проповѣдь для Мости сочиняетъ.
Заутра тма догадокъ, подозрѣнiй,
Ревнивыхъ вымысловъ, угрозъ, упрековъ!
Несносная! Какъ приторны, досадны
Угасшихъ чувствъ натянутыя ласки,
Когда мы ихъ не принимать не смѣемъ,
Когда по должности, изъ опасенья,
Должны благодарить за глупый взоръ,
Поддѣльно говорить, вздыхать и плакать,
Смѣяться, ненависть въ душѣ скрывая,
Лобзанья пить какъ горькое лекарство,
Хворать и не видать конца недугу!
Вотъ адъ!..... Я потерялъ мою способность
Обманывать горячностью притворной.
Ненахожу ужъ больше хитрой рѣчи;
Не знаю чѣмъ бесѣду продолжать.....

—

Не дешево купилъ я эту славу!
Не дешево богатство прiобрѣлъ!
А пользы нѣтъ, — она все отравляетъ.
Избавиться отъ ней нѣтъ средствъ. Бѣжать?

Куда бѣжать? Увы, я слишкомъ славенъ
Для бѣгства. Дивнаго маркиза Чинто
Я не найду нигдѣ. Кто знаетъ: люди,
Изъ угожденья только меценату,
Прославили меня не должной славой?
Вся власть моя въ невѣжествѣ маркиза
И въ золотой его рукѣ..... Немного!
Я отойду, — враги сорвутъ личину:
Тогда прости и слава и богатство!
Бѣжать нельзя.
Не льзя и оставаться!
Ужасная! она безумно любитъ.
Какъ? быть рабомъ желаній своенравныхъ,
Все время, всѣ свободные досуги
Бесѣдѣ отвратительной дарить,
И прихоть женщины считать закономъ?.....
Ужасно!..... Наконецъ, нѣтъ тайны вѣчной.....
Стыдъ — ничего, но месть людей богатыхъ
Дѣйствительна какъ молнія, какъ ядъ.
Бѣжать нельзя, нельзя и оставаться!

—

Не разорвать ли цѣпи самому?
Умышленно опомниться, прозрѣть,
Покаяться? Тогда одна маркиза
Останется виновницей во всемъ.
Нельзя! Маркизъ — глупецъ, и глупо любитъ
Свою жену; легка надъ нимъ побѣда.
Тогда Розина съ местію возстанетъ:
Что значитъ месть для женщинъ? Рукодѣлье,
Привычное занятіе..... Нельзя!
Что остается мнѣ? Одно убійство.....
(съ опасеніемъ оглядывается)
Я говорилъ иль думалъ про себя?.....

—

Безъ крови! Кровь — свидѣтель говорящій;
Безъ крика! Крикъ, какъ колоколъ церковный,
И мертвыхъ будитъ..... Если эти кольца
Не выдумка..... Нѣтъ страшно!..... Если бъ можно
Вдавить ихъ въ спящую, уйти, уѣхать,

И возвратиться къ погребенью; если бъ.....
Но правда ли, что въ кольцахъ скорый ядъ?
Но правда ли, что кольца существуютъ?
Но правда ли, что Манни знаетъ ихъ?

—

Ужъ за полночь; онъ гдѣ-то здѣсь живетъ.
Я не знакомъ съ механикомъ. Зайдемъ.
За золото онъ будетъ откровененъ.

—

Страшна свобода, купленная ядомъ.
Но что же дѣлать, нѣтъ другаго средства! (*Уходитъ*).

═

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

L'araba Fenice,
Che vi sia, ognun lo dice;
Dove sia, nessun lo sà.

(Комната механика Манни. Множество инструментовъ, сосудовъ и аппаратовъ, принадлежащихъ большею частію древней Химіи, разбросаны въ комнатѣ; въ одной сторонѣ желѣзная печь съ мѣхами; въ другой, шкафъ со стклянками; машины разнаго рода закрываютъ глубину комнаты.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАННИ (открывая въ шкафу тайныя дверцы и вынимая сосудъ).
Убійственная жидкость! Отъ вдыханья
Не трудно отравиться. Восемь капель
Вмѣшайте въ пищу — человѣка нѣтъ!
Двѣ капли чистой жидкости на руку,
И человѣка нѣтъ! Aqua tofana.....
Положимъ, твой составъ извѣстенъ многимъ:
А многимъ ли извѣстенъ вѣрный путь
Какъ управлять отравой? Способъ, мѣра, —
Не вещество, науку составляютъ.
Всего забавнѣе, какъ много сказокъ
Живетъ въ народѣ о водѣ чудесной!
Въ природѣ человѣка есть наклонность
Къ чудесности. Учи ихъ, не учи, —
А испугаешь старца такъ легко
Какъ пятилѣтняго ребенка.

(*Садится за рабочій столъ*). Надо
Однако же начать ночной мой трудъ
И кольца смерти напитать отравой.
Двѣнадцать паръ. Когда бъ хоть пары три
Въ теченье этой ночи изготовить!
Какой расходъ на гибельные кольца!
Какой расходъ на жизнь людей! А люди.....
Изобрѣтите средство отравлять
Въ далекомъ разстояньи, незамѣтно, —
Ручаюсь, многихъ государствъ не станетъ.
У зла единственный предѣлъ — страхъ казни.
(опуская въ особую коробку кольцо)
Готово! Положить его въ коробку.

—

Спасительно невѣжество людей!
Источникъ многихъ бѣдъ и многихъ выгодъ.
Какъ занавѣсъ, невѣжество скрываетъ
Искусника въ его рабочей темной,
И видитъ свѣтъ событья, безъ причинъ;
Дивится, и отъ страха уважаетъ.
Невѣжество, безспорно, первый врагъ,
Но вмѣстѣ покровитель просвѣщенья.....
(опуская другое кольцо въ коробку)
Готово. Вотъ и пара! Сто цекиновъ —
Какъ-будто получилъ уже за кольца!
Охотниковъ къ убійствамъ очень много,
А ни одинъ убійца не умѣетъ
Самоубійцей быть.
Но, эти кольца
Мѣшаютъ мнѣ наукой заниматься!
Охъ, прибыль перевѣшиваетъ въ насъ
Честныя склонности къ высокимъ знаньямъ.
Ну, какъ за пару колецъ сто цекиновъ!
Положимъ, въ мѣсяцъ только тридцать паръ, —
Уже три тысячи цекиновъ.....
(*Слышенъ стукъ.*) Кто̀ тамъ?.....
Па вѣрно жидъ за кольцами..... Кто̀ тамъ?
(Убираетъ и прячетъ кольца.)
Но приберемъ работу; можетъ-быть
За кольцами правительство приходитъ;

Ужъ и въ Болоніи не безопасно. (*Стукъ.*)
Сейчасъ!.... Не жидъ! Условленные знаки
Онъ помнитъ хорошо..... Иду, иду!

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МАННИ И МОСТИ.

МОСТИ.

Простите; я обезпокоилъ васъ
Такой порой.....

МАННИ.

(Какой-то незнакомецъ.....
Не хорошо. Сомнительно. Лазутчикъ!)
Прошу покорно.

МОСТИ.

Извините!

МАННИ.

Право,
Мнѣ посѣщенье ваше не мѣшаетъ.
(Наружности разстроенной. Влюбленъ!
А можетъ-быть обманчивая маска.....)

МОСТИ.

Механикъ, Манни ваше имя?

МАННИ.

Точно.

МОСТИ.

Я не ошибся; очень радъ. Недавно
Я въ городъ вашъ пріѣхалъ. Не успѣлъ
До-сей-поры васъ навѣстить. Простите.

МАННИ.

Помилуйте, я права не имѣю
И требовать. Позвольте, незнакомецъ,
Короче познакомиться.....

МОСТИ.

Кто я —
Хотите знать?

МАННИ.

Желаю съ нетерпѣньемъ.

МОСТИ.

Кчему вамъ, для минутнаго знакомства?.....
Но все-равно; я вамъ скажу кто я:
Венеціянскій дворянинъ Требано.

Я по дѣламъ въ Болонію пріѣхалъ,
И къ вамъ зашелъ по дѣлу.....

МАННИ.

Вашъ слуга.

МОСТИ (указывая на шкафъ).

Что здѣсь у Васъ?

МАННИ.

Домашняя аптека.
Механика нуждаотся во многомъ,
Что̀ надобно хранить въ стеклѣ. (Лазутчикъ!
Да что̀ ему за нужда до сосудовъ?)

МОСТИ.

Стекло и ядъ безвредно сохраняетъ.

МАННИ.

Не знаю. Ядъ въ Механикѣ не нуженъ.

МОСТИ.

Неужели? А знаете, у насъ
Въ Венеціи слухъ носится, что вы,
Съ особеннымъ искусствомъ, въ разныхъ видахъ
Заготовлять умѣете отравы.

МАННИ.

Я? Никогда! Машины и модели —
Какія вамъ угодно, но отравы.....
Я не знакомъ съ Алхиміей. Напрасно!
Васъ обманули.

МОСТИ.

Очень, очень жаль.
Я вамъ скажу, что̀ такъ меня печалитъ.
Мой близкій родственникъ и другъ влюбился
Въ одну прекрасную вдову. Сначала,
Она ему взаимностью платила;
Но, не прошло и мѣсяца, мой другъ
Открылъ измѣну. Въ бѣшенствѣ, хотѣлъ онъ
Измѣнницѣ кинжаломъ отплатить;
Но родственники и друзья успѣли
Послѣдствіями испугать его.
Онъ мщенье отложилъ, но не оставилъ.
Узнавъ, что я въ Болонію къ вамъ ѣду,
Онъ прибѣжалъ ко мнѣ, повергся въ ноги,
И со слезами умолялъ достать
Какое-то кольцо съ отравой,

А на покупку далъ..... пять сотъ цекиновъ.
Я сжалился надъ положеньемъ друга,
И обѣщалъ.....

МАННИ.

(Пять сотъ цекиновъ.)

МОСТИ.

Долго
Не могъ я къ помощи прибѣгнуть вашей.
Я позабылъ о порученьи друга.
Сегодня вспомнилъ, къ вамъ иду, и — что же? —
Не нахожу того, кого искалъ.
Вы Манни, но не тотъ великій Манни,
Прославленный изобрѣтатель колецъ,
Чьей славою Италія полна.....

МАННИ.

Кто? Я не тотъ великій?..... Ваша правда!
(За два кольца пять сотъ цекиновъ.....) Впрочемъ
Послушайте, — я не умѣю дѣлать
Ужасныхъ колецъ смерти; я не знаю
Какой составъ для нихъ употребляютъ;
Но у меня довольно есть знакомыхъ,
Которые для опытовъ моихъ
Доставятъ кольца. Надобны поруки.....

МОСТИ (съ живостью).

Вы знаете, гдѣ можно ихъ достать?.....

МАННИ.

Навѣрно ничего сказать не смѣю.
Я распрошу; позвольте два, три дня.....

МОСТИ.

Къ несчастью, я сегодня долженъ ѣхать,
Отецъ мой при смерти, дѣла въ разстройствѣ.
Я до зари еще отправлюсь въ путь.

МАННИ.

(Вотъ это странно! При смерти отецъ;
Въ его глазахъ то радость, то смущенье;
Самъ онъ въ бѣдѣ, — а о другихъ хлопочетъ!
Опасно. Месть дворянская болтлива.....)

МОСТИ.

Вы въ размышленіи, почтенный Манни?
Не довѣряете? Я понимаю,
Что вамъ нельзя быть съ каждымъ откровеннымъ.

Но я клянусь отцомъ моимъ, богатствомъ,
Здоровьемъ, честью, будущимъ блаженствомъ.....
Пусть тонкій ядъ медлительно терзаетъ
Всю внутренность мою; пусть адъ, всѣ черти,
Съ огнемъ и кипяткомъ, съ смолой и сѣрой,
На головѣ, на каждомъ волоскѣ,
Какъ пьявицы повиснутъ чернымъ стадомъ;
Пусть птицы хищныя въ свирѣпомъ гладѣ
Изгложутъ кости мнѣ живому, — если
Я измѣню вамъ въ тайнѣ.....

МАННИ (съ улыбкой).

Незнакомецъ,
Ты для себя желаешь колецъ смерти!

МОСТИ.

Я? Для себя?..... Ты не волшебникъ, Манни.
Ты ошибаться можешь, какъ другіе.
Изъ словъ моихъ ты ложно заключилъ,
Что для себя ищу я колецъ смерти.
На что они? Я ужъ давно женатъ,
Дѣтей имѣю..... Но мой другъ..... Безъ мести
Онъ не умретъ спокойно. Бѣдный другъ!
Я не могу за всѣ твои цекины
Принесть тебѣ ничтожныхъ колецъ смерти,
Которыя не стоютъ и паоло.
Я не могу остаться ..... Что мнѣ дѣлать?
О, Манни, если ты имѣешь сердце,
Когда ты мстилъ когда-нибудь врагу,
Когда ты былъ разъ въ жизни человѣкомъ, —
Скрываться перестань! Дай кольца смерти,
И вотъ пять сотъ цекиновъ.

МАННИ (вынувъ коробочку).

Незнакомецъ,
Вотъ два кольца, — убійственная пара, —
Но не отдамъ, пока передо мной
Не повторишь завѣтныхъ клятвъ своихъ.

МОСТИ.

Га! Кольца, кольца! Дай мнѣ ихъ.....

МАННИ

Клянись.

МОСТИ.

О, вѣрь мнѣ, вѣрь! Божуся!.....

МАННИ.

Не божись.
Кто ядъ беретъ на гибель человѣка,
Тотъ Бога не боится.....

МОСТИ.

Манни!..... Манни!

МАННИ.

Тотъ страшнаго суда не ожидаетъ,
Тотъ грѣхъ — за грѣхъ считать не хочетъ.

МОСТИ.

Манни,
Умилосердись! Можно быть убійцей,
Не оскорбляя Бога.

МАННИ.

Никогда!
Похитить жизнь, которой дать не можешь.....

МОСТИ.

Зачѣмъ же ты, ужасный проповѣдникъ,
Приготовляешь гибель человѣку?

МАННИ.

Изъ состраданія.

МОСТИ.

Изъ состраданья!

МАННИ.

Довольно. Намъ не должно разсуждать.
Другъ друга мы не разувѣримъ. Полно;
Клянись и заплати. Божбѣ не вѣрю:
Она у чистыхъ душъ имѣетъ силу,
А отъ убійцъ другія нужны клятвы.

МОСТИ.

Клянусь не открывать ужасной тайны,
Что ты приготовляешь кольца смерти.
Клянусь моимъ отцомъ, здоровьемъ, счастьемъ,
Всѣмъ драгоцѣннымъ сердцу моему.....

МАННИ.

Прибавь, всѣмъ адомъ.

МОСТИ.

И всѣмъ адомъ..... Манни,
Отдай мнѣ кольца; вотъ твои цекины.
(Взявъ кольца; Манни между-тѣмъ считаетъ деньги)
Они смертельны?

МАННИ. (продолжая считать)

Да.

МОСТИ.

Они смертельны!

Гдѣ жъ этотъ ядъ?

МАННИ.

Въ чуть видныхъ волоскахъ.

Они безъ боли кожу проникаютъ.

МОСТИ.

А ядъ силенъ?

МАННИ.

Какъ для кого. Для женщинъ?

МОСТИ.

Положимъ, да.

МАННИ.

Довольно трехъ часовъ.

Она угаснетъ въ мутныхъ сновидѣньяхъ.

МОСТИ.

А признаковъ.....

МАННИ.

Не оставляютъ кольца.

МОСТИ.

(Ура!) Прости.

МАННИ (взявъ свѣтильникъ).

На лѣстницѣ темно.

Я провожу тебя.

МОСТИ.

Спокойной ночи. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СОВѢТНИКЪ. Согрѣшишь и покаешся.
БРИГАДИРША. Какъ не согрѣшишь, батюшка? Единъ Богъ безъ грѣха.
Фонъ визинъ.

(Комната Мости, во дворцѣ. Разсвѣтаетъ.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ЛАУРЕТА И МОСТИ.

ЛАУРЕТА (одна).

Нѣтъ! Скоро день, а Мости нѣтъ какъ нѣтъ.
Гдѣ засидѣлся, гдѣ онъ спалъ сегодня?
Неужели пропировалъ у Гонти
Всю ночь? Присяду. Будемъ ждать.....

МОСТИ.

Лаурета!
Ты здѣсь, моя красавица?

ЛАУРЕТА.

Постойте,
Вамъ нѣкогда. Маркиза.....

МОСТИ. (съ неудовольствіемъ)

Ахъ, маркиза!
Когда меня отъ милостей уволятъ?
Убійственная скука ..... О! Лаурета,
Когда бъ не ты, давно бъ бѣжалъ отсюда.
Мы здѣсь одни. Никто не помѣшаетъ
Намъ объясниться. Да, моя Лаурета,
Я искренно люблю одну тебя.
Готова ль ты мнѣ подарить взаимность,
Жить у меня хозяйкой. Я хочу
Оставить эти грустные покои,
И въ собственный свой домъ переселиться.
Готова ль ты свое оставить мѣсто
И домомъ управлять..... Я не ребенокъ,
Не бѣденъ, не ревнивъ. Тебѣ покойно
Со мною будетъ. Богъ благословитъ
Свободный бракъ. Наскучимъ мы другъ другу,
Безъ злобы и досады разойдемся.
А если жизнь мила намъ будетъ вмѣстѣ,
Соединимся не разрывной цѣпью.
Безъ опытовъ, опасенъ брачный узелъ.
Не испытавъ, не можемъ знать себя.
Ты не вдова, я не вдовецъ; годъ, два,—
Характеры, привычки объяснятся.
Мы свыкнемся, и бракъ нашъ будетъ вѣренъ,
И будемъ мы примѣрною четой.
Ну что жъ? Готова ль ты на эту жертву?

ЛАУРЕТА.

Маркиза..... безъ маркизы.....

МОСТИ.

Что она?
Скажи ей о любви моей послова, —
Тебя нестанетъ: ревность ядовита.

ЛАУРЕТА.

Нѣтъ! Я молчу.....

МОСТИ.

И Боже сохрани,
Не только рѣчью, знакомъ чуть примѣтнымъ,
Въ душѣ ея встревожить подозрѣнье!
Но если, милая Лаурета, случай
Или болѣзнь освободитъ тебя
Отъ попечительной маркизы.....

ЛАУРЕТА.

Боже,
Что говорите вы? Святый Антоній!
Какъ смѣю я подумать о кончинѣ
Маркизы добродѣтельной.....

МОСТИ.

Невинность!
Кто вѣченъ на землѣ? И жизнь и смерть,
Какъ два конца на улицѣ проѣзжей:
Чуть въѣхалъ, не минешь ни одного.
Не можетъ ли маркиза захворать?
Не можетъ ли рукою неискусной
Не ловкаго врача сойти въ могилу?.....

ЛАУРЕТА.

Я день и ночь объ ней молиться стану!

МОСТИ.

И я молю о сохраненьи жизни
Маркизы. Но судьбы небесъ закрыты.
Я спрашиваю у тебя на случай.
Ты согласилась бы тогда.....

ЛАУРЕТА.

Незнаю.
Такъ новы для меня такія мысли.....

МОСТИ.

(Она согласна.) Что жъ твоя маркиза?

ЛАУРЕТА.

Маркиза? да! Я вовсе позабыла.
Она велѣла вамъ сказать что утромъ,
Чуть свѣтъ, она пойдетъ гулять къ фонтану,
Что возлѣ дальнихъ цвѣтниковъ.....

МОСТИ.

(Опять!
Но, можетъ-быть, послѣднее свиданье.)

ЛАУРЕТА.

Она васъ проситъ.....

МОСТИ.

Проситъ? Пусть прикажетъ.
Повиноваться легче приказанью
Чѣмъ просьбѣ ненавистной. И зачѣмъ?
Элегію упрековъ и угрозъ
Прочесть отступнику отъ глупой страсти.

ЛАУРЕТА.

Помилуйте!

МОСТИ.

О перестань, Лаурета!
Ты слишкомъ молода. Въ шестнадцать лѣтъ
Любовь весною дышетъ; въ тридцать лѣтъ
Она подъ знойный тропикъ переходитъ.

ЛАУРЕТА.

Я ничего не понимаю.

МОСТИ.

Полно!
Тебѣ понятна ль жизнь собачекъ здѣшнихъ,
Что цѣлый день то ползаютъ, то служатъ?
Вотъ это жизнь влюбленнаго по долгу.
Но все равно. Чего жъ маркиза проситъ?.....

ЛАУРЕТА.

Свиданья съ вами.....

МОСТИ.

Я приду, Лаурета.
И, кстати, у меня къ Розинѣ дѣло.....

ЛАУРЕТА.

Какое?.....

МОСТИ.

Я приду, скажи, приду.

ЛАУРЕТА.

За что жъ вы сердитесь?

МОСТИ.

Не на тебя,
А за тебя. Прости, моя Лаурета.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

мости, одинъ.

Итти иль нѣтъ?
Ребяческія грезы,
Прекрасна ваша дѣвственная свѣжесть!
Не солнце ли въ Феррарѣ вѣсть давало,
Когда итти къ Розинѣ простодушной,
Когда спѣшить къ разслабленному Тассу?.....
Теперь не то. Зачѣмъ теперь не то?
Зачѣмъ намъ много дней дарусть небо?
Дай день одинъ, но съ неподвижнымъ солнцемъ
И съ постоянной юностью; одинъ,
Чтобъ сердце не успѣло быть преступнымъ.
Увы, не въ нашей волѣ добродѣтель!
Жизнь намъ даетъ порокъ и чистоту,
То щедрость давитъ въ руку, то кинжалъ,
То кольца..... Кольца! Надо ихъ надѣть.
(Запираетъ двери и вынимаетъ коробочку.)
Гдѣ этотъ ядъ, невидимый убійца?.....
Подъ золотой корой..... Какъ онъ похожъ
На человѣка! (*задрожавъ*) На меня.....
(*надѣвъ кольца.*) Убійство?.....
По новости, оно людей пугаетъ.
Привычка разрушаетъ ложный ужасъ.
Сто случаевъ, — убійство будетъ шуткой.
Одинъ, — убійство преступленье, грѣхъ.
Не самый подвигъ страшенъ, а законъ,
Что̀ надъ страстьми съ крылатою сѣкирой
Неотразимой тѣнію стоитъ.

—

Но если я въ моей увѣренъ тайнѣ?
Когда я знаю, твердо убѣжденъ,
Что нѣкому преслѣдовать убійцу?

—

И, въ самомъ дѣлѣ, иногда убійца
Скорѣе благодѣтель, если онъ,
Предвидя въ будущемъ одни страданья,
Безчестье, стыдъ, отчаянье, злодѣйства,
Заблаговременно, однимъ ударомъ,
Всю эту будущность уничтожаетъ.....

—

И какъ узнать про тайное убійство?.....
Безъ признаковъ, безъ подозрѣній..... кто
Захочетъ мстить за гордую Розину,
Презрѣвшую, отвергнувшую всѣхъ?
Да и кому? Убійца неизвѣстенъ!

—

Обманутый супругъ; двѣ три служанки;
Собачка и домашніе цвѣты.....
И тѣ объ ней едва ли пожалѣютъ!

—

Меня подозрѣвать нельзя. Маркизъ,
Знакомые, родные, люди, всѣ
Увѣрены въ привязанности чистой
И въ благодарности моей къ Розинѣ.

—

Сомнѣнія? Ничтожныя сомнѣнья!
Кчему и грусть и страхъ въ дрожащемъ сердцѣ?
Судьба идетъ всегда одной дорогой.
Умретъ, — мы похоронимъ и поплачемъ;
Поговоримъ о качествахъ покойной,
Недѣлю погорюемъ, и забудемъ;
И жизнь ея и смерть въ устахъ потомства
Незанимательной исчезнетъ сказкой.....
Но поспѣшимъ трагической развязкой. (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Du bist's? Ich glaub' es kaum!
Gib deine Hand. Es ist kein Traum!
Deine liebe Hand!..... Ach! aber sie ist feucht,
Wische sie ab! Wie mich deucht,
Ist Blut dran. Göthe.

(Садъ. Площадка со всѣхъ сторонъ закрытая стѣной изъ цвѣтовъ; посрединѣ фонтанъ; нѣсколько статуй; вдали видѣнъ дворецъ Чинто, въ туманѣ. Разсвѣтъ.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ВЕРРИНО, одинъ.

Греми, душа, хвалебный гимнъ Творцу.
Возрадуйтесь глаза святой природѣ,
И обнимите взоромъ безконечнымъ

Всю грудь ея..... Какъ арфа, вся душа
Созвучьями роскошными трепещетъ,
Какъ въ праздникъ церковь дивнымъ свѣтомъ блещетъ;
И если бъ ночь покрыла небеса,
И если бъ міръ встревожила гроза,
Душа бъ моя все небо освѣтила,
И гулъ громовъ торжественно покрыла.

—

Прошелъ недугъ! Я снова человѣкъ.
Съ одра возсталъ, какъ-будто обновленный.
Я веселъ, свѣжъ, здоровъ, какъ мой фонтанъ.
Готовъ любить врага, готовъ убійцѣ
Сжать кровію обрызганную руку.

—

Выздоровленіе!..... Какъ видѣнъ Богъ
Во всѣхъ красахъ и недостаткахъ жизни!
Намъ надоѣстъ и счастье и здоровье;
Намъ кажется, что счастье и здоровье —
Обыкновенныя, простыя блага;
Что эти блага — принадлежность наша,
Что мы ихъ можемъ требовать у Бога.
И что же? Богъ счастливца гордеца,
Здороваго и крѣпкаго невѣжу,
На твердый одръ недуга повергаетъ.
Тогда онъ чувствуетъ, что эти блага
Не принадлежность, а благодѣянье.....

—

Въ печальномъ торжествѣ, съ сѣкирой смерти,
Недугъ идетъ тернистою дорогой;
То, злобствуя, смертельную сѣкиру
Надъ головой страдальца поднимаетъ,
То гордо, съ состраданьемъ и презрѣньемъ,
Смертельную сѣкиру опускаетъ.

—

Прошелъ недугъ! Съ одра, какъ изъ могилы
Встаетъ больной, и тихій трепетъ жизни
Изъ сердца, какъ лучи, бѣжитъ по членамъ.
Хотя въ глазахъ темно, дрожатъ колѣни,
Но въ слабости живетъ очарованье.

Онъ любитъ эту томность, добрый признакъ
Медлительнаго возвращенья жизни ;
Въ невольномъ обаяньи, жадной грудью
Онъ пьетъ благоуханный воздухъ утра ,
Глаза полу-зажмуривъ, смотритъ въ небо , —
А небо на него привѣтно смотритъ !.....
Тутъ человѣкъ, тутъ вся его природа ,
Какъ внутренность часовъ, ясна, понятна.
Что онъ любилъ, тогда онъ больше любитъ ;
Чего онъ не любилъ, на то спокойно ,
Съ какой-то снисходительностью смотритъ.
И ясно обнаружится, что люди
Сотворены Премудрымъ не для злобы ;
Что слабость ихъ полезнѣе ихъ силы;
Что только крѣпость чувственной природы ,
Переходя черты предназначенья ,
Страстей, уничтожаетъ равновѣсье
И топитъ міръ въ порокѣ и соблазнѣ.....

—

Какъ рано !..... Птицы только что проснулись ,
Дворецъ въ туманѣ, во дворцѣ все спитъ.
Я будто уѣзжалъ въ далекій путь,
И будто поздней ночью возвратился ;
Спать не могу, но нехочу будить
Людей, дневной работой утомленныхъ ,
И жду пока сами собой проснуться.

—

Что новаго случилось безъ меня ?
Въ шесть мѣсяцевъ народы исчезаютъ !
Кто это ? Неужели ?..... Быть не можетъ !
Такъ рано !..... И печальна, и блѣдна !.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ВЕРРИНО И МАРКИЗА.

МАРКИЗА. (не видя его)

(Фонтанъ ! ты плачешь чудными слезами ?
Или чужой печалію играешь ?.....
Ты не видалъ *его* въ бассейнѣ чистомъ ?
Не сохранилъ ты стройной тѣни ?..... Нѣтъ !
Какъ сердце вѣтреннаго человѣка

Ты то̀ хранишь, что̀ смотрится въ тебя,
Что быть въ тебѣ насильственно желаетъ.....
А можетъ-быть..... и это сходство ложно!.....)

ВЕРРИНО.

Маркиза.....

МАРКИЗА.

Боже, голосъ незнакомый!

ВЕРРИНО.

Маркиза, васъ ли вижу! Бога ради,
Съ холодностью лица не отвращайте.

МАРКИЗА (въ смущеніи).

Веррино, вы здоровы? Здѣсь? Зачѣмъ?

ВЕРРИНО.

Я всталъ изъ гроба, чтобъ еще васъ видѣть.

МАРКИЗА.

Вотъ встрѣча неожиданная. Утромъ!
Здѣсь такъ свѣжо; вы такъ слабы.....

ВЕРРИНО.

Маркиза,
Я крѣпокъ, твердъ, здоровъ. Вашъ взоръ цѣлебенъ.

МАРКИЗА.

(Что это значитъ? Надо притвориться;
Онъ самый страшный судія.) Веррино,
Вамъ лучше.....

ВЕРРИНО.

Слава Богу, лучше, легче,
Отраднѣе. Впервые отъ рожденья
Я плачу отъ душевнаго веселья.
Да! видя васъ, я какъ то вдвое ожилъ;
Мнѣ кажется, я былъ въ темницѣ душной,
И очутился въ небесахъ..... Простите!
Я слишкомъ слабъ, что бъ скрыть движенья сердца.

МАРКИЗА.

(Я не ошиблась. Боже, помоги мнѣ
Не опечалить бѣднаго Веррино!)
Кчему скрывать прекрасныя движенья?
Они цѣлебны для больныхъ..... Однако жъ
Какъ долго вы страдали! Вашъ недугъ
Такъ огорчалъ меня .....

ВЕРРИНО.

Вы сожалѣли?

МАРКИЗА.

Несправедливый! Можно ль быть покойной,
Когда врачи съ сомнѣньемъ и боязнью
Объ вашей жизни говорили? Часто
Я не могла уснуть.....

ВЕРРИНО.

Вы сожалѣли?
Счастливецъ недостойный! О! маркиза,
Когда бъ я зналъ о счастіи моемъ,
Когда бы сонъ сказалъ про это счастье,
Я поборолъ бы тяжкій мой недугъ,
Какъ исполина бурно бъ опрокинулъ,
И жизнью бъ цвѣлъ и жизнь цѣнилъ дороже.
Маркиза, мнѣ болѣзнь открыла очи.
Повѣрите ль? Неразъ въ жару и мукахъ
Могильный холодъ чувствъ моихъ касался —
И что жъ? — гляжу, сидитъ небесный образъ
У ногъ моихъ; прекрасный какъ надежда,
Онъ самовластно жить повелѣвалъ, —
И жизнь повиновалась. Въ дикой злобѣ,
Недугъ его напрасно отгонялъ.
Напрасно смерть выдумывала муки
Какъ одалѣть страдальца. Умираю,
Но образъ улыбнется, — я живу.....
Ахъ, какъ онъ былъ похожъ на васъ, маркиза!
Вы не смутились? Не смущайтесь. Право,
Не оскорблю я вашихъ чувствъ, маркиза.
Мнѣ сладостно носить прекрасный образъ
Въ моей груди. Пріятно съ нимъ бесѣду
Вести въ священной сердца тишинѣ.
Разсматривать и удивляться..... Боже,
И это все узналъ я надъ могилой!
До той поры я самъ непонималъ,
Какимъ влеченіемъ я связанъ съ вами.
Такъ! Мы — друзья. Не оскорбляетъ васъ
Рѣчь откровенная моя?.....

МАРКИЗА.

Ни мало.
Любовь поэта освѣжаетъ душу.
Она святѣй любви и чище дружбы.

ВЕРРИНО.

Отъ сердца или нѣтъ, но справедливо.
Вы лучше, вижу, знаете меня,
Чѣмъ самаго себя я зналъ донынѣ.
Но этотъ разговоръ вамъ надоѣстъ.
Все о себѣ да о себѣ. Маркиза,
Что новаго у васъ? Я ничего
Не могъ узнать въ невольномъ заключеньи.
(Маркиза блѣднѣетъ.)
Что Мости нашъ? Маркиза, вы смутились?
(Маркиза опирается на дерево.)
Вы глубину любви его проникли
И разувѣрились?..... (Молчитъ! Ни слова?.....)
Вы любите его? Ну, что жъ? Любите.
За чистыя движенія души
Кто можетъ упрекать? кто можетъ взоры
Единственнымъ предметомъ ограничить,
А въ сердцѣ уничтожить жажду чувства?
Маркиза, можетъ-быть мои вопросы
Вамъ тяжелы..... Взгляните на меня.
Творецъ, неужели?..... Нѣтъ! я не вѣрю.
О, успокойте слабаго страдальца!
Прервите ваше страшное молчанье,
Скажите неотвязному Верринѣ:
«Нѣтъ, не сбылось пророчество твое.»

МАРКИЗА. (въ совершенномъ смущеніи)

Да..... Ты..... не правъ, Веррино.

ВЕРРИНО. (съ горестью)

Правъ, Розина!
Я правду словъ слезами обмываю.
Маркиза, эта правда — смерть моя.

МАРКИЗА. (въ ужасѣ)

Великій Боже, онъ въ душѣ читаетъ!.....

ВЕРРИНО. (съ возрастающимъ жаромъ)

Великій Боже, гдѣ же добродѣтель,
Земной мой богъ? Зачѣмъ я всталъ изъ гроба,
Согрѣлся жизнью, сладостной надеждой,
Торжествовалъ обрѣтенье мечты?
И гдѣ жъ моя мечта?... .. Ничтожный Мости
Разрушилъ вѣру въ мой кумиръ прекрасный.

Чѣмъ буду я безъ этой сладкой вѣры?
Такимъ же, какъ и онъ, злодѣемъ.
Нѣтъ.
Есть и въ порокѣ чистыя ступени;
Есть Богъ, такъ есть божественная милость;
За гробомъ ужъ очиститься нельзя,
А *здѣсь* — всегда просторъ для покаянья.

МАРКИЗА. (въ слезахъ)

Другъ снисходительный.....

ВЕРРИНО.

Одно мгновенье!.....
Пусть слезы грудь мою освободятъ.

МАРКИЗА.

Что хочешь ты.....

ВЕРРИНО.

Раскаянья, Маркиза.
Еще не поздно.....

МАРКИЗА.

Боже Всемогущій!
Не ужели ты думаешь.....

ВЕРРИНО.

Маркиза,
Я знаю, я увѣренъ, убѣжденъ,
И дѣйствую по вдохновенью сердца.

—

Васъ суетно послѣдствія пугаютъ;
Предъ вами мужъ и общій стыдъ стоятъ.
Вамъ кажется, что утонуть въ порокѣ
И вмѣстѣ съ жизнью тайну унести
Приличнѣе, чѣмъ въ чистотѣ воскреснуть
И вмѣстѣ съ обвиняющей толпою
Возненавидѣть собственный свой грѣхъ?
О! гробъ не дно, а дверь въ другое море.
Молитесь. Я молиться съ вами стану.
Покайтесь. Богъ надъ нами!..... А злодѣй?.....
Есть въ мірѣ справедливыя проклятья, —
И этотъ извергъ, этотъ гнусный Мости.....
Да будетъ проклятъ!

МАРКИЗА.

Никогда, Веррино!
Не проклинай!.....

ВЕРРИНО (взявъ ея за руку, суровымъ голосомъ).

Раскаянье, маркиза!

МАРКИЗА.

Не въ силахъ. Я люблю!.....

ВЕРРИНО.

Прости, Всевышній,
Что я тебя на помощь всуе призвалъ,
И отпусти ей грѣхъ, когда возможно,
И просвѣти ея заблудшій разумъ,
Но не карай несчастную!..... Всевышній,
Прости ее, какъ я ее прощаю!

МАРКИЗА (умоляющимъ голосомъ).

Веррино, безъ презрѣнія!

ВЕРРИНО.

Простите.
Мы не увидимся на этомъ свѣтѣ.
Простите горечи моихъ рѣчей.
Язвительно обманутое сердце.....
(прерывающимся отъ слезъ голосомъ).
Я васъ любилъ; одну любилъ, — одну!.....
Теперь одну я долженъ ненавидѣть.....
Простите. Мы расходимся на вѣки.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

МАРКИЗА, одна.

Веррино!..... Совершилось! Свѣтъ темнѣетъ.....
(падаетъ безъ чувствъ.)

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАРКИЗА въ обморокѣ, и Д. МОСТИ съ противной стороны, медленно приближается, оглядываясь.

МОСТИ.

(Безъ чувствъ! Минута счастья моего!
Безъ чувствъ! И вѣрно проповѣдь Веррино
Подѣйствовала надъ преступнымъ сердцемъ.
Ты каялась ему въ своихъ грѣхахъ.....
А послѣ покаянья, смерть пріятна).
(протягивая руку)
(Дрожу! А умертвить ее такъ сладко!.....
Не ошибитесь, кольца..... Шумъ шаговъ?)
(вскочивъ на скамейку)
(Нѣтъ никого. Не спрятался ль Веррино?

Нѣтъ, онъ уже на мраморныхъ ступеняхъ
Сномъ утреннимъ покрытаго дворца.)

(возвратясь къ маркизѣ и взявъ ее за руку).

Дружнѣй, дружнѣй, убiйственныя кольца!
Какъ мраморъ холодна. Чего жъ я медлю?
Не пойте, птицы! На одно мгновенье
Затихните. Всему конецъ!..... Впились!
Га! Жизнь сосутъ убiйственныя кольца!!!

МАРКИЗА (выходя изъ обморока).

Лаурета!

МОСТИ (въ ужасѣ).

Прочъ! Я улечу какъ вихрь. *(Убѣгаетъ).*

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

МАРКИЗА (приподымаясь).

Кто былъ здѣсь? *(стараясь припомнить)*
Сонъ! Печальное видѣнье!
Веррино..... мы простились навсегда.
О, лучше стыдъ передъ толпою черни
Чѣмъ страшное презрѣнье человѣка,
Котораго невольно уважаемъ.....

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

МАРКИЗА И ЛАУРЕТА.

ЛАУРЕТА.

Маркиза, не былъ Мости?

МАРКИЗА (смутно).

Былъ Веррино.

ЛАУРЕТА.

Веррино съ вами былъ? Отъ васъ бѣжалъ онъ,
Слезами обливаясь.

МАРКИЗА.

Отъ меня?

ЛАУРЕТА.

Зачто вы огорчили такъ больнаго?
Онъ можетъ снова захворать.....

МАРКИЗА.

Молчи!

ЛАУРЕТА.

Онъ можетъ умереть.....

МАРКИЗА.

Молчи! ни слова!
Не говори мнѣ больше о Веррино.

Мы не увидимся на этомъ свѣтѣ.
А *тамъ*..... Мнѣ холодно, Лаурета; скучно;
Тоска.....

ЛАУРЕТА.

Сейчасъ я думаю придетъ.

МАРКИЗА.

Я не хочу съ нимъ видѣться, Лаурета!
Ты говоришь, сейчасъ?.....

ЛАУРЕТА.

Мнѣ даже странно
Зачѣмъ его я не нашла при васъ.
Онъ здѣсь, въ саду.....

МАРКИЗА.

Въ саду? Уйдемъ Лаурета.
(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(Лѣстница во дворцѣ Чинто; посерединѣ входъ въ комнату Веррино; внизу сѣни, украшенныя статуями и лѣпной работой; въ верхъ лѣстница ведетъ въ покои Мости.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ВЕРРИНО. (выходя изъ своей комнаты въ плащѣ и шляпѣ; въ рукахъ шпага и мѣшокъ)

Бѣжать, куда глаза глядятъ!..... Бѣжать,
Гдѣ небо сходится съ землей!.... Бѣжать,
Въ новооткрытый свѣтъ!..... И отъ кого?
Отъ женщины, отъ женщины..... Веррино,
Твой ангелъ говорилъ тебѣ — будь хладенъ,
Безчувственъ, неприступенъ: не люби,
Не унижай божественнаго сердца
Всегда безчестнымъ рабствомъ; все обманъ.
Достань, купи ликъ мраморный Киприды,
Поставь въ особой комнатѣ, запри;
Начни *любить*, — и та тебя обманетъ!
О женщины, гдѣ жъ ваше совершенство!

—

Розина, пусть тебя другой такъ любитъ,
Какъ я любилъ. Пусть страсть свою откроетъ,
Какъ я открылъ. Никто не убѣжитъ

Въ пустыню съ сердцемъ, исходящимъ кровью,
Не отомстивъ за оскорбленье сердца!
А я прощаю все. Я только плачу!
(садясь на ступени лѣстницы и отирая слезы)
Глупецъ, безумецъ! Развѣ я не видѣлъ
Кого она несправедливо любитъ?
Да развѣ я не зналъ, что чистота,
Возвышенная гордость, благородство—
Теперь миѳологическiе боги!
Глупецъ, ты хочешь нравиться? Льсти, ползай;
Взаимность невозможна безъ исканiй.
Но если и взаимность ты отвергъ?
Хотѣлъ, чтобы твой богъ былъ божествомъ,
Какъ небо чистымъ, свѣтлымъ, недоступнымъ.....
(Съ горестью смѣется.)
Съ улыбкой любопытства и насмѣшки,
Тебя замѣтятъ, другомъ назовутъ,
Чтобы имѣть дiаволъское право
Изъ сердца сердце вынимать по волѣ,
И каждый разъ облить его отравой,
И наблюдать, какъ дѣйствуетъ отрава.
(Со стономъ.)
Охъ, я любилъ, не долго я любилъ!
Любовь въ одно мгновенiе созналась,
А тлилась столько времени..... Зачѣмъ?
Смерть подъ руку гуляетъ съ человѣкомъ;
Всю жизнь его не оставляетъ смерть.....
Зачѣмъ? Чтобы намѣтиться вѣрнѣе!
О! смерть и женщина — одно и тоже.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ВЕРРИНО и Д. МОСТИ, быстро бѣжитъ вверхъ по лѣстницѣ.

ВЕРРИНО. (вставъ)

Откуда?

МОСТИ.

(Встрѣча страшная.)

ВЕРРИНО.

Откуда?

МОСТИ. (оправляясь)

Синьоръ Веррино, вы еще въ горячкѣ;
Вы такъ блѣдны, такъ слабы.....

ВЕРРИНО.

Я въ горячкѣ?
Да; я не лжецъ, не льстецъ, не святотатецъ,
Не богохульникъ. Да; я человѣкъ.
Я не могу, какъ дьяволъ, быть безъ крови
И подлостямъ протаптывать дорогу
Съ холоднымъ и безстрастнымъ видомъ. Нѣтъ!
Бѣгу отъ васъ, поклонники соблазна;
Бѣгу отъ васъ, и навсегда бѣгу.....
Кто геніемъ дерзаетъ притворяться,
Тому всѣ прочія притворства — шутка,
Всѣ добродѣтели — собранье масокъ;
А всѣ пороки — тайные пенаты.
Неужели ни одного убійства
Нѣтъ на твоихъ рукахъ?

МОСТИ.

(Великій Боже!)

ВЕРРИНО.

О! будетъ, будетъ. Крайняя ступень —
Честь женщины; ты поругался ею,
Переступилъ священную ступень,
И ты въ открытомъ морѣ злодѣяній.
До первой бури; да, до первой бури.
Смѣшался? Поблѣднѣлъ?

МОСТИ.

Но ваши рѣчи
Пристойности предѣлы переходятъ.....

ВЕРРИНО.

Пристойности!.... Смотри, рука на шпагѣ.
Смотри, глаза отчаяньемъ горятъ.
Смотри, тутъ вышина, тамъ твердый камень.
Я разорвать тебя готовъ, а ты
Мнѣ о пристойности, какъ трусъ, лепечешь?

МОСТИ.

Синьоръ Веррино, вы больны.....

ВЕРРИНО.

Молчать,
Пока терпѣніе возможно! Горе,
Когда, забывъ о Божіемъ судѣ,
Я судіей передъ тебя предстану.....

Нѣтъ, я бѣгу отсюда..... Но, повѣрь,
Мой образъ вѣчно между вами будетъ.
Я слово далъ Болонію покинуть,
И черезъ полчаса ужъ далеко
За городомъ Веррино будетъ плакать;
Но, грѣшники, тѣ слезы придутъ къ вамъ
И ядовитою падутъ росою
И на тебя и на твою Розину.....

МОСТИ. (испуганный)

Синьоръ Веррино.....

ВЕРРИНО.

Прочь! Я не доносчикъ.
Маркизъ тебя не можетъ наказать.....
Знай, первый судъ встрѣчаетъ человѣка
Передъ кончиной..... Страшенъ этотъ судъ!
Есть изверги, которымъ недоступно
И чувство покаянья..... Это ты!

—

Прости, Болонія, прости, Розина!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

МОСТИ, одинъ.

Наглецъ! Я долженъ былъ молчать. Безумный,
Онъ могъ убить меня..... Но какъ онъ знаетъ
Всѣ тайны и Розины и мои.....
Га! двери отперты..... Онъ не вернется.
Что, ежели внезапная кончина
Возбудитъ подозрѣніе..... Отбросимъ
Тѣнь страшную на бѣглеца. Быть-можетъ
Мечтатель не снесетъ ударовъ страсти,
И преждевременная смерть закроетъ
Надгробными крестами тайну Мости.

(Заглядываетъ въ двери).

Нѣтъ никого!..... Войдемъ.

(Входитъ и черезъ нѣсколько мгновеній, возвращаясь, запираетъ двери на замокъ.)

Сама судьба
Мнѣ помогаетъ. Этотъ ключь забросимъ.....
Куда-нибудь. Чѣмъ болѣе сомнѣній
Тѣмъ больше вѣры въ самое событье.

(Уходитъ на верхъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

(Спальная комната маркизы. Багряные занавѣсы пропускаютъ лучи восходящаго солнца. У софы столъ: на немъ нѣсколько книгъ и цитра; въ сторонѣ—клавичембалы; у окна треножникъ съ недоконченнымъ портретомъ маркизы. На другой сторонѣ табуретъ и небольшой столъ покрытый бѣлою тканью; на немъ распятіе; по бокамъ его гравированныя на атласѣ изображенія Лоретской Божьей Матери и Санъ Яго Компостельскаго, и два молитвенника посреднѣ. Занавѣсы кровати отдернуты; постель не тронута; на столѣ у софы горитъ свѣтильникъ.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАРКИЗА (одна, на колѣнахъ предъ распятіемъ).

Спаситель! Я любила, я страдала;
Ты Богъ, ты знаешь, какъ страдала. Вѣрю,
Я грѣшница; но только предъ тобой;
За не одинъ Ты можешь отпускать,
Одинъ наказывать грѣхи. Прости мнѣ,
Когда возможно; нѣтъ? — вели страдать:
Безъ ропота всю жизнь я прострадаю.....
Дай горе мнѣ; меня исправитъ горе,.....
Но не давай стыда! Спаситель, страшно
Горѣть стыдомъ!..... Спаситель, неумѣю!
Я женщина. Ты даровалъ намъ слабость:
Не будь же строгъ за собственный Свой даръ!
О Господи, еще одна молитва!
Грѣшно просить, я знаю: но предъ кѣмъ же
Быть откровенной, если не предъ Богомъ?
О, сократи страдальческую жизнь!
Смерть будетъ знакомъ полнаго прощенья.
Я жду ея отъ милости твоей!..... *(встаетъ, шатаясь)*
Какъ я слаба!.... Верриво, я рѣшилась
(почти падаетъ на софу)
Исполнить твой совѣтъ..... Но для проклятій
Господь не создалъ устъ моихъ..... Верриво,
Неужели ты можешь проклинать?
Творецъ! его проклятіе смертельно.
Лаурета!..... *(звонитъ)*

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МАРКИЗА И ЛАУРЕТА.

ЛАУРЕТА.

Что угодно?

МАРКИЗА. (смутясь)

Я не знаю.....

Забыла..... (Нѣтъ, что я ему скажу?
Неужели ужасному Веррино
Открыть..... Нѣтъ! Онъ такъ строгъ, такъ чистъ, безстрастенъ!)
Лаурета!..... Ничего!.... Я позабыла,
О чемъ спросить хотѣла ..... Ничего.....
Иди себѣ, иди..... (А эти слезы?
А эта горесть? Нѣтъ, ты добръ, Веррино,
Ты снисходителенъ ко всѣмъ.) Лаурета,
Сходи и попроси ко мнѣ Веррино.....

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

МАРКИЗА, одна.

Пускай придетъ!..... Но эти книги, цитра,
Клавичембалы, мой портретъ..... Во всемъ
Онъ встрѣтитъ Мости, горько улыбнется,
А я должна молчать, краснѣть. Скорѣе
Запрячемъ книги и портретъ.....

(Съ величайшимъ усиліемъ привстаетъ, явственно ослабѣвая; собираетъ книги.)

Розина!

Все о тебѣ, все для тебя. Сонеты,
Пастушеская драма..... Мости, Мости, —
А я неблагодарною душой
Ищу разрыва. *(спрятавъ книги за кровать)*
Вотъ портретъ Розины.
Не кисть мнѣ льстила, а его глаза.....

(Хочетъ снять съ треножника портретъ, но, уже совершенно ослабѣвъ, падаетъ и увлекаетъ съ собою и портретъ.)

Великій Боже, силы убѣгаютъ!
Я слышу какъ смущенная душа
Уходитъ, исчезаетъ!..... Неужели
Такъ скоро исполняется молитва?
А можетъ-быть еще и въ самой жизни
Нашла бы благодатныя мгновенья.....
Такъ скоро! *(въ горячкѣ)* Кто тамъ льетъ горящій пламень!
Міръ рушится, а я одна жива.....

(приходя въ себя и увидѣвъ портретъ Мости.)

Здѣсь кисть твоя ходила. *(цѣлуетъ портретъ)*
До свиданья! *(умирая)*
Спаситель! я любила, я страдала!.....
(продолжительная тишина.)

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАРКИЗА, мертвая, и ЛАУРЕТА.

ЛАУРЕТА (входя).

Веррино нѣтъ..... Творецъ! безъ чувствъ маркиза.
Какъ холодна! *(отворивъ дверь)* Роберто, помогите!
Родольфо! Эзелино! Джіамбатиста!

ГОЛОСЪ МАРКИЗА.

Что тамъ?

ЛАУРЕТА.

Маркиза въ обморокъ упала!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ЛАУРЕТА И МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ.

Лоренцо Теки вѣрно во дворцѣ!
Сама сходи или пошли запимъ.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

МАРКИЗЪ. (приближаясь къ трупу)

Что за исторія? Совсѣмъ одѣта!
Такъ рано! Не спала; постель въ порядкѣ.
Безсонницей измучилась..... *(взявъ ее за руку)*
Розина!
Великій Боже! обморокъ ли это?
Рука какъ ледъ, и голова какъ ледъ.
Не бьется сердце. Умерла!.....

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

МАРКИЗЪ И РОБЕРТО.

МАРКИЗЪ.

Роберто,
Я весь встревоженъ, я себѣ не вѣрю,
Боюсь увѣриться..... Смотри, маркиза
Не дышетъ! Право, умерла.....

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ТѢ ЖЕ, ТЕКИ И ЛАУРЕТА.

МАРКИЗЪ.

Лоренцо,

Скорѣе, ради неба, посмотри!
Ни капли жизни. Что?

ТЕКИ.

Она скончалась.

ВСѢ.

Скончалась!!!

МАРКИЗЪ.

Безъ болѣзни, безъ страданій;
Ни разу не пожаловалась.

ТЕКИ.

Да!
Скончалась, нѣтъ сомнѣнья. Помогите.
Перенесемте на постель.....

(Маркизу переносятъ на постѣль.)

МАРКИЗЪ.

Скончалась!
Но отъ чего?

ТЕКИ.

Я самъ непонимаю!

МАРКИЗЪ. (бросаясь къ тѣлу)

Розина, врачъ солгалъ. Ты оживешь!

ТЕКИ. (удержавъ его и отводя къ окну)

О, нѣтъ, маркизъ. Я начинаю думать
Объ ядѣ.....

МАРКИЗЪ.

Что̀ ты говоришь?

ТЕКИ.

Нельзя
Въ такія лѣта смертію заснуть
Безъ тяжкой предварительной болѣзни.....

МАРКИЗЪ.

Гдѣ Мости? Гдѣ Веррино? Позовите!
Мнѣ нуженъ ихъ совѣтъ. Скорѣй, Роберто!

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ РОБЕРТО.

ЛАУРЕТА.

Веррино дома нѣтъ.

МАРКИЗЪ.

Какъ дома нѣтъ!

ТЕКИ.

Не можетъ быть; вчера его я видѣлъ

И предписалъ не выходить изъ дому,
А развѣ въ садъ поутру на минуту.....

ЛАУРЕТА.

Онъ былъ въ саду съ маркизой.....

МАРКИЗЪ.

Какъ съ маркизой?

ЛАУРЕТА.

Я встрѣтила его; онъ возвращался
Въ слезахъ, рыдалъ.....

МАРКИЗЪ.

Искать его вездѣ!

ВЫХОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

МАРКИЗЪ И ТЕКИ.

МАРКИЗЪ.

Рѣшительно тутъ тайна есть. Отрава,
Ты думаешь.....

ТЕКИ.

Тофанина вода.
Посредствомъ механической перчатки
Или кольца, или другой игрушки.....
Другаго способа нельзя придумать.

ВЫХОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

ТѢ ЖЕ, МОСТИ И РОБЕРТО.

МОСТИ. (съ ужасомъ)

Возможно ли?

МАРКИЗЪ. (сослезами обнимая его)

Плачъ, Мости! мы лишились
Ты друга, я жены..... Но я не смѣю
Предаться горести пока убійца
Мнѣ будетъ неизвѣстенъ.....

МОСТИ.

Какъ, убійство?

МАРКИЗЪ.

И знаешь ли, кого подозрѣваемъ?

МОСТИ.

Кого, маркизъ?

МАРКИЗЪ.

Веррино.

МОСТИ.

Быть не можетъ!
Послать занимъ! Увидите, Веррино

Съ спокойностью обычной разувѣритъ
Въ такомъ обидномъ подозрѣньи.

МАРКИЗЪ.

Мости,
Онъ съ нею былъ въ саду сегодня утромъ.

МОСТИ.

Неужели? Такъ онъ уже здоровъ?

МАРКИЗЪ.

Здоровъ и дома нѣтъ.

МОСТИ.

О, быть не можетъ!

МАРКИЗЪ.

Вотъ быть не можетъ!

ВЫХОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТѢ ЖЕ И ЛАУРЕТА.

МАРКИЗЪ.

Ну, и такъ, Лаурета?

ЛАУРЕТА.

Стучалась я, не достучалась; люди
Сбѣжались съ цѣлаго дворца толпою,
И выломали двери. Все въ порядкѣ.
Нѣтъ шляпы, шпаги и плаща; бумаги
И книги сложены по серединѣ;
На нихъ записка — «я пришлю за ними»,
А на столѣ вотъ эти кольца.

ТЕКИ.

Кольца?
Подай сюда..... Оставьте насъ однихъ!

ВЫХОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

МАРКИЗЪ, МОСТИ И ТЕКИ.

ТЕКИ.

Да это механическія кольца!
Вотъ видите вы эти волоски?

МАРКИЗЪ.

Ну, вижу.....

ТЕКИ.

Тамъ былъ ядъ.

МАРКИЗЪ. (къ Мости)

Ну, что ты скажешь?
Чѣмъ оправдаешь честнаго Веррино?.....

О горе мнѣ! И это мой племянникъ?
Безчестный сынъ Ломбардскаго маркиза!
И у него Имперскіе гербы,
Дарованные Чинто Карломъ Пятымъ?
Пускай сѣкира палача окончитъ
Существованье отрасли преступной!
И онъ еще гордился благородствомъ?.....
Ну, что ты скажешь, Мости, что ты скажешь?

МОСТИ.

Я не могу привыкнуть къ этой мысли.....

МАРКИЗЪ.

Я виноватъ! Ты не любилъ его,
А я глупецъ упрямо защищалъ
И славный родъ его и благородство.
Всему, всему причиной я одинъ!
Но, Мости, я не пожалѣю денегъ;
Велю его искать, поймать, казнить;
По всей Италіи писать я буду;
Ко всѣмъ дворамъ пошлю гонцевъ; у Папы
Я испрошу проклятіе Веррино.

МОСТИ.

Вотъ этотъ путь мнѣ кажется невѣренъ.
Два дня, — и онъ въ Швейцаріи..... Тогда
Напрасны ваши письма и цекины.
По-моему, смолчимъ про смерть маркизы,
Распустимъ слухи, что маркиза Чинто
Естественною смертью умерла,
И онъ придетъ навѣрно въ наши сѣти,
Единственный наслѣдникъ дома Чинто,
Чуть только будетъ вѣрить въ безопасность;
Пріѣдетъ, чтобъ перчаткой иль кольцемъ
Скорѣй добыть огромное наслѣдство.....

МАРКИЗЪ.

Ты правъ, мой другъ. Благодарю, мой другъ.
О, безъ тебя и стыдъ мой и несчастье
Мнѣ трудно бъ было перенесть!..... Лоренцо,
Дай клятву тайну сохранить.....

ТЕКИ.

Клянусь!

МАРКИЗЪ. (къ Мости)

А ты, мой другъ, клянись со мною вмѣстѣ
У трупа хладнаго моей Розины,
Отмстить жестокой казнію злодѣю
На площади передъ толпой народа.
Ты медлишь, Мости?.....

МОСТИ.

О! клянусь охотно.

МАРКИЗЪ.

Исполненъ долгъ! Теперь свободно плакать
И проклинать могу ея убійцу!

(Падаетъ къ ногамъ Розины, заливаясь слезами.)

МОСТИ. (на переди въ глубокой задумчивости)

(Га! эта клятва, какъ то обожгла
И мой языкъ и сердце..... Что въ грядущемъ?

—

Веррино! ты клялся невозвращаться.)

Интермедія.

ЖЕРТВА.

—

.....Die Welt scheint, was sie ist, — ein Grab!
Шиллеръ.

(Внутренность гостинницы на дорогѣ въ Болонію. Бѣдно убранная комната; два стола и нѣсколько стульевъ. Полдень.)

ВЕРРИНО, въ дорожнемъ платьѣ, сидитъ въ размышленіи у одного стола. КІАРА, у другаго, положивъ голову на руки, спитъ.

ВЕРРИНО.

Спи, бѣдное дитя! Придетъ пора,
И ты проснешься для другихъ страданій.
Ты — гордость и несчастіе мое!
Какъ дочь ты дорога моей душѣ,
Какъ женщина — опасна..... На столѣ,
На твердомъ деревѣ, какъ на подушкѣ,
Спитъ крѣпкимъ сномъ..... И бѣдность ей не въ бѣдность!

—

Шестнадцать лѣтъ! Невѣста!..... Скоро, скоро
Душа твоя заговоритъ о жизни,
И радости потребуетъ и горя.
О Боже мой, о Боже мой, что̀ если
Твои ребяческія побужденья,
Невинная привязанность ко мнѣ —
Зародышь страсти къ бѣдному Веррино!
А я любить ужъ больше неспособенъ.
Душа моя хранитъ одну Розину:
Ее ужъ нѣтъ, а я люблю ее!.....
Отцовская, холодная любовь —
Пустой отвѣтъ для пламеннаго сердца!..
Напрасно я задумалъ притворятся,
И часто добровольной клеветой
Я обливаю собственную душу:
Не вѣритъ Кіара! Сколько разъ хотѣлъ я
Дать ей почувствовать, что для нея
Пора любви, замужства наступаетъ.....
Не вѣритъ Кіара!..... Смотритъ на меня
Съ какимъ-то страхомъ, тайнымъ огорченьемъ,
И шепчетъ — «Я наскучила тебѣ!» *(Покраснѣвъ)*
Какъ объяснить смущенье человѣка,
Когда одинъ, передъ самимъ собой,
Онъ покраснѣетъ, будто предъ людьми,
Когда корятъ его безчестнымъ дѣломъ!
Зачѣмъ себѣ я далъ названье брата,
А не отца? Зачѣмъ еще съ ребенкомъ
Я не былъ строгъ, жестокъ, неумолимъ?
Она бъ меня боялась, не любила!.....
О, предузнать путь сердца въ юной дѣвѣ
Какъ путь крылатой молніи нельзя!.....

КІАРА (просыпаясь).

Ахъ, ты не спишь! Прости меня, Веррино,
Я утомилась и уснула.....

ВЕРРИНО.

Кіара!.....
Не думай обо мнѣ..... Твое здоровье.....

КІАРА.

Не думать о тебѣ!..... Вотъ, слава Богу,
Два года слышу горькіе совѣты:

«Оставь меня; не думай обо мнѣ;
«Люби, кто болѣе любви достоинъ.
«Пожалуйста, безъ попеченій Кіара!
«Не мучь свое здоровіе напрасно!.....»
Я знаю наизустъ всѣ эти рѣчи:
Онѣ мнѣ часто снятся.....

ВЕРРИНО.

Боже, Боже!

КІАРА.

Ты многаго еще не говоришь,
А думаешь; и эти думы знаю.
Повѣрь, мои глаза вѣрнѣе стражи,
Что у дворцовъ и у темницъ стоитъ.....

ВЕРРИНО.

(Любовь сестры такъ далеко не ходитъ!)

КІАРА.

О чемъ печаль, о чемъ тоска, Веррино?

ВЕРРИНО.

Ты ошибаешься. Я очень веселъ.
Что значатъ эти слезы?

КІАРА (отирая глаза).

Ахъ, Веррино,
Такъ вотъ обѣщанная откровенность!
Ты мнѣ велѣлъ быть искренней всегда.
Ты говорилъ: «Сестра, не забывай,
Что между нами тайны быть не можетъ!»
И что же? Я, чуть только опечалюсь,
Обрѣжу палецъ, страшный сонъ увижу,
Сейчасъ бѣгу къ тебѣ и разскажу —
И боль и грусть твои слова врачуютъ.....
А ты, какъ ночь, и мраченъ и печаленъ,
Въ безсонницѣ, одинъ, грустишь, страдаешь!
Ну, чтобы разбудить меня, какъ друга·
И разсказать какъ другу всю печаль?.....
Раздѣльная печаль не тяжела,
А ты ее одинъ упрямо носишь.....

ВЕРРИНО.

Кто научилъ тебя любить такъ странно?

КІАРА.

Единственный учитель мой — Веррино.

Повѣришь ли, я такъ его люблю,
Какъ мать мою любить я не умѣла?

ВЕРРИНО (съ примѣтнымъ неудовольствіемъ).

Кчему? Кчему? Я испыталъ себя,
Увѣрился въ моей душѣ лукавой,
И въ хитромъ добродушіи моемъ.
И если я не запятналъ себя
Какимъ-нибудь кровавымъ, страшнымъ дѣломъ,
Такъ это, Кіара, власть ума, не сердца.

КІАРА. (съ улыбкой)

А власть врожденная — не то же сердце?
Сначала эти рѣчи были страшны;
Повѣришь ли, я часто за тобой
Ходила въ слѣдъ; искала доказательствъ
Притворной злобы, хитрости притворной, —
И каждый разъ домой я возвращалась.
Съ блистательнымъ и полнымъ торжествомъ,
И говорила въ радостной душѣ:
«Нѣтъ, мой Веррино чистъ и благороденъ!»
Но въ этихъ непонятныхъ обвиненьяхъ
Есть тайный умыслъ. Года два, небольше,
Ты какъ урокъ твердишь одно и то же.
Я слушала всегда съ притворной вѣрой;
Сегодня не смогла..... О, мой Веррино,
Отдай мнѣ все, что на твоей душѣ!
Будь откровененъ..... Въ чемъ твоя печаль?

ВЕРРИНО.

(Что ей сказать?.....) Я буду откровененъ.....
Мы... .. обѣднѣли до конца.....

КІАРА. (съ прежней улыбкой)

И только?
Изъ этого печалится Веррино?.....
Но развѣ бѣденъ тотъ, кому извѣстны
Всѣ свойства благодарнаго *труда*?
Я шить умѣю, кушанье готовить,
Писать, читать на многихъ языкахъ;
Ты въ нѣжномъ дѣтствѣ прокормилъ меня,
Я въ возрастѣ могу работать..... Бѣдность?
Дай только до Болоніи доѣхать.....

ВЕРРИНО.

Дитя, дитя! Когда бъ ты знала лучше
Себя, свои достоинства, красу
И всю опасность дѣвушки невинной
Въ такомъ огромномъ городѣ.....

КІАРА.

О, полно!
Что за опасность? Для тебя я рада
Итти съ Испанцами сражаться.....

ВЕРРИНО. (вскочивъ)

Кіара!
Нѣтъ больше силъ! Я буду откровененъ!
Я никогда тебѣ не говорилъ,
Какой судьбой мы въ жизни повстрѣчались.....

—

Въ Венеціи, шесть лѣтъ тому назадъ,
На площади святаго Марка, утромъ
Я проходилъ..... Вдругъ прямо на меня
Бросается какая-то старушка
И, охвативъ мои колѣни, плачетъ,
И помощи своей малюткѣ проситъ.
Не о себѣ несчастная молила:
Я далъ ей два цекина..... «Незнакомецъ!»
Старушка закричала: «ради Бога,
«Зайди ко мнѣ! Пусть маленькая Кіара
Сама тебя благословитъ.» Невольно
Я согласился и пошелъ за ней.
Въ подвалѣ темномъ, у окна безъ стеколъ,
Сидѣла ты, прекрасное дитя,
И шила что-то. Подхожу. Ты встала,
И подняла блестящіе глаза
Съ невинною улыбкой удивленья.
«Вотъ дочь моя,» произнесла старушка,
Глотая стонъ и слезы. Ты смутилась.
И, мать обнявъ, ты вмѣстѣ съ ней рыдала;
А я стоялъ, какъ хладная темница,
Съ наружностью спокойной и суровой;
Зато внутри наполненная горемъ,
Несчастіемъ, — всѣмъ ужасомъ несчастья!

КІАРА. (въ слезахъ)

Злой человѣкъ! Я помню эту встрѣчу;
Мнѣ было десять лѣтъ тогда: я помню.....

ВЕРРИНО.

Съ тѣхъ поръ я заходилъ къ вамъ каждый день,
И каждый день старушка упадала,
И наконецъ, небеснымъ изволеньемъ,
Спокойнымъ сномъ уснула на моихъ
Рукахъ. Но передъ смертью, въ часъ послѣдній,
Всесильнымъ завѣщательнымъ глаголомъ,
Который совѣсть изверга обяжетъ,
Велѣла мнѣ опекуномъ быть Кіары.

—

И ты со мной, какъ Божій херувимъ,
Шесть лѣтъ живешь, и раздѣляешь горе,
Всѣ трудности опаснаго пути,
Всѣ тяжести невольной нищеты.
Какъ низкая работница, безмолвно
Ты исполняешь тяжкія работы!
И никогда не ропщетъ твой языкъ!
И никогда глаза неупрекаютъ!
А я, твоимъ живущій попеченьемъ,
Унизиться не могъ до подаянья
Иль до работы, Кіара, для тебя!
И мало этого. Себялюбивый,
Я не успѣлъ въ твою младую душу
Излить святое миро просвѣщенья.
И то не все! Вотъ наступаетъ время,
Когда душа твоя воспламенится,
И новаго какого-то восторга,
Какой то новой радости возжаждетъ.....
Богъ, изъ толпы безчисленныхъ людей,
Назначеннаго юношу укажетъ,
Который отъ меня тебя отниметъ.....
Что, если ты въ союзѣ съ человѣкомъ,
Съ тѣмъ неизвѣстнымъ, темнымъ человѣкомъ,
Который ждетъ тебя въ мечтѣ туманной
И, не видавъ тебя, тобой пылаетъ,
За не ему ты свыше суждена?

Что, если съ нимъ ты счастья не найдешь,
И жизнь твоя путемъ тернистымъ будетъ?.....
А если, Боже сохрани, назначенъ
Себялюбивый, гордый человѣкъ,
Который увлечетъ тебя надъ пропасть
И, поразивъ безчестьемъ и стыдомъ,
Господнее призваніе отвергнетъ?.....
За все, за все отвѣтствуетъ Веррино!

—

И то не все!..... Когда другія дѣвы
Готовятся итти въ веселый путь
И празднуютъ весну разцвѣтшей жизни
Щедротами отцевъ и матерей.....
А я одинъ, какъ темна ночь, стою
Между тобой и праздникомъ твоимъ,
И блескъ его мрачу и убиваю!
И ты одна, изъ милліона дѣвъ,
Весну свою привѣтствуешь слезами,
И я одинъ причиной этихъ слезъ,
И я одинъ ихъ осушить не въ силахъ!.....

—

Ахъ, Кіара, тягостна и добродѣтель,
Когда она живетъ въ пустыхъ словахъ,
А не въ великихъ подвигахъ и жертвахъ!.....
Нѣтъ, я пороченъ! Я пустой мечтатель!
Воображалъ, что дѣлая не такъ,
Какъ люди дѣлаютъ, я сталъ ихъ выше,
Великъ и добродѣтеленъ вполнѣ.....
Но я не тотъ, кѣмъ быть я захотѣлъ!
Не тотъ кумиръ боготворилъ я втайнѣ!
Теперь я начинаю только видѣть
Правдивое лице моей богини.
Я слышу голосъ тайнаго призванья,
И повинуюсь..... Кіара, будь спокойна:
Все принесу на жертву доброй Кіарѣ!

КІАРА.

Какая жертва! Милый братъ, Веррино,
Будь откровенъ.....

ВЕРРИНО.

Да! Я откровененъ.
И можетъ-быть ужъ слишкомъ откровененъ.....

—

Прекрасный другъ, я женщину любилъ;
Любилъ, какъ небо любятъ, какъ мечту.....
Она любовь чистѣйшую презрѣла,
А я не могъ Розину разлюбить.....
Я убѣжалъ въ далекіе края,
Хотѣлъ развлечь себя, забыть Розину,
И, какъ назло, все болѣе любилъ.
Семь лѣтъ уже я странствую безъ цѣли
По Франціи, Испаніи..... Домой,
Въ Болонію не смѣлъ я возвращаться:
Я не хотѣлъ прекрасную смущать
Воспоминаніемъ событій горькихъ.
Пусть всѣ страданья мнѣ, сей все блаженство!.....

—

Ты знаешь, мы въ Италію вернулись,
И въ Туринѣ знакомца повстрѣчали,
Что, помнишь, цѣлый день, съ утра до ночи
Бесѣдовалъ со мной на единѣ.....
Я отъ него узналъ..... Она скончалась!
И грусть моя удвоилась..... Ахъ, Кіара,
Я мертвую по прежнему люблю!

КІАРА.

(Что жъ для меня оставилъ ты, Веррино?
Но Богъ съ тобой! люби себѣ, люби.....
Будь только счастливъ.....)

ВЕРРИНО.

Мой обѣтъ исполненъ.
Въ Болонію мнѣ можно возвратиться,
И къ вечеру мы до нея достигнемъ.
(постоянно воспламеняясь)
О юность, юность! въ этомъ шумномъ градѣ
Ты протекла роскошными волнами;
Еще теперь душа моя полна
Небеснымъ даромъ юности волшебной.
Всѣ горести, недуги и страданья,

Небесный даръ въ отраду обращалъ;
Но никогда предъ глупымъ человѣкомъ
Я не металъ стиховъ, — безцѣнный бисеръ, —
Я ихъ берегъ какъ честь мою, какъ совѣсть.
Тѣмъ болѣе за деньги, никогда
Не продавалъ божественныхъ восторговъ:
Я ихъ берегъ какъ честь мою, какъ совѣсть.
Я зналъ впередъ, что если предъ народомъ
Похвастаю за прибыль вдохновеньемъ,
Оно уйдетъ на вѣки. Я, какъ гробъ,
Какъ люди, опустѣю..... Вдохновенье,
Ты въ чистотѣ мнѣ душу замѣняло!
Униженное, ты унизишь душу.

—

Но все-равно. Что въ жизни мнѣ осталось?
По-крайней-мѣрѣ этою цѣной
Долгъ благодарности заплаченъ будетъ.....
Я созову Болонію на пиръ,
На умный пиръ поэзіи роскошной.
Сойдутся люди, деньги принесутъ,
И деньги тѣ приданое для Кіары.....

КІАРА. (схвативъ его за руки)

Великій Боже! Ни зачто на свѣтѣ!

ВЕРРИНО.

Я кончилъ путь довольства и веселій,
И самъ иду крестъ жизни безполезной
Поднять и до могилы донести.
О счастье, я не призывалъ тебя,
Но долго ты само меня ласкало!
Послѣдней милости прошу; а послѣ.....
А послѣ я въ толпу людей вмѣшаюсь,
И какъ они исчезну безъ слѣдовъ,
И, какъ они, отъ славы и безславья,
Отъ добродѣтелей и отъ пороковъ
Землей закроюсь!

КІАРА. (на колѣняхъ)

Замолчи, Веррино.
Молю тебя, Веррино, замолчи!

ВЕРРИНО. (сложивъ руки)

Прости, мой свѣтлый ангелъ, вдохновенье!

Мой добрый другъ, наставникъ, утѣшитель,
Игрушка, сонъ, любовь, очарованье!
Все, все продамъ для счастья доброй Кіары.
Холодный трупъ съ отверзтыми очами,
Безчувственный, съ порочными страстями,
Безъ разума, безъ благодатныхъ грезъ,
Безъ горестныхъ и безъ отрадныхъ слезъ,
Безъ гордости, рабъ тмы и ослѣпленья.... .
Все это *я*, — поэтъ безъ вдохновенья!

(Въ глубокой задумчивости опускаетъ голову и руки. Кіара, обвивъ его ноги руками, плачетъ.)

Часть четвертая.

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Пріемная комната въ домѣ Джуліо Мости, украшенная картинами и мраморами лучшихъ мастеровъ, бронзою и коврами. Направо дверь во внутренніе покои; налѣво дверь въ столовую; посрединѣ большая дверь ведетъ въ сѣни; когда она отперта, видно нѣсколько ступеней въ низъ и за ними другая дверь на улицу. Сумерки.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Нѣсколько человѣкъ разнаго званія гостей, разговаривающихъ у оконъ отдѣльными группами; у окна ближайшаго къ выходу цампіери, отецъ; доминикъ цампіери и альбано.

ЦАМПІЕРИ, отецъ.

Вотъ, Доминикъ, учись какъ наживать
И славу и богатство..... Что̀ за домъ,
Какая лѣстница, какія залы!
Картины Рафаэля, Тиціана!
Какіе бюсты..... а изъ ничего!
Концемъ искусной кисти.....

ДОМИНИКЪ.

Богъ судья
Ему и всѣмъ сму подобнымъ! Кистью

Не деньги добывать, а совершенство,
Природу, точность, жизнь..... О, много, много!
Нѣтъ времени и думать о богатствѣ.....

АЛЬБАНО.

И деньги не мѣшало бы имѣть.
Мы въ Парму ѣдемъ, люди говорятъ;
А только ты да я, мы двое, знаемъ,
Что намъ пѣшкомъ приходится итти.

ДОМИНИКЪ.

Я не скрываю этого Альбано.

АЛЬБАНО.

Тѣмъ хуже для тебя.

ЦАМПІЕРИ.

Послушай, сынъ мой.
Ужъ поздно, а, признаться, сожалѣю,
Что я тебя повелъ быть живописцемъ.
Вотъ братъ твой, адвокатъ, хотя немного,
А все однако же имѣетъ деньгу.
А ты.....

ДОМИНИКЪ.

Такъ Богъ судилъ, родитель!

МОСТИ. (собираясь на середину)

Мости!.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТѢ ЖЕ И МОСТИ.

МОСТИ. (Сухо; дорогой костюмъ его въ умышленномъ безпорядкѣ)

Что вамъ угодно?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Кардиналъ Перези
Прислалъ къ вамъ восемьнадцать диѳирамбовъ
И сорокъ восемь эпиграммъ; просилъ васъ.....

МОСТИ.

Да знаю. Предисловіе готово.
Я самъ зайду, мы прочитаемъ вмѣстѣ;
И если мой свѣтлѣйшій кардиналъ
Захочетъ похвалу усилить, — можно,
Но иногда и скромничать не дурно.....
Что новаго? Пожалуйте сюда.

ВТОРОЙ ГОСТЬ. (подходя съ Мости къ окну)

Я написалъ по вашему заказу
Еще одну новеллу.

МОСТИ.

Я прочту,
Исправлю и издамъ. Но ваше имя,
Вы знаете, вамъ можетъ повредить.....

ВТОРОЙ.

Все, что угодно, дѣлайте съ новеллой,
Но крайняя моя нужда.....

МОСТИ.

Зайдите
Ко мнѣ по-позже, мы поговоримъ.
Новелла съ вами?.....

ВТОРОЙ.

Какъ же, eccelenza!

МОСТИ.

Пожалуйте; но тайна.....

ВТОРОЙ.

Никому!

МОСТИ. (отходя отъ окна)

Что скажете?.....

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Благоволи, великій,
Пріять изъ рукъ смиреннаго пѣвца
Посильный трудъ его унылой музы,
И именемъ божественнымъ твоимъ
Украсить бѣдное произведенье.....

МОСТИ.

О! много чести..... Скоро издаете?

ТРЕТІЙ.

Коль-скоро милостивымъ одобреньемъ
Мою тетрадь рука украситъ ваша.

МОСТИ. (развертывая рукопись)

«ЭПИТАЛАМІЯ.» А что Мартини
На это скажетъ? Явственный подрывъ!
Онъ неуспѣхъ своей пустѣйшей книги
Припишетъ вамъ. Я впрочемъ постараюсь
Васъ защитить, не посмотрю на время
Всемірныхъ мудрецовъ. Всё дураки,
Невѣжи! Гдѣ учились, гдѣ бывали?.....
Иной и за Болонскія ворота
Не выходилъ, а пишетъ объ Испанцахъ.....
Но впрочемъ этотъ вѣкъ есть продолженье

Временъ Петрарки, Аріосто. Мало
Ученія; нѣтъ свѣденій всеобщихъ,
Разнообразныхъ. Геній самороденъ, —
Согласенъ. Но ученіе — оправа.....
Я помню, разъ читалъ я что-то Тассу:
Онъ вдругъ прервалъ меня; хотѣлъ мнѣ сдѣлать
Вопросъ какой-то, и остановился.
Ну что, Торквато? — «Ничего! Хотѣлъ
«Я сдѣлать замѣчанье, да припомнилъ,
«Что ты гораздо болѣе читалъ;
«И потому скорѣе *я* ошибся.»
Вотъ вамъ примѣръ, какъ люди понимаютъ,
Что, безъ существеннаго знанья дѣла,
Нельзя о дѣлѣ разсуждать. Мартини
И эти всѣ сегоднишніе люди
Мнѣ не по нраву..... Слогъ, составъ и мысли
Шатаются, какъ у ребенка зубы.
Они меня не любятъ: какъ любить,
Когда я сталъ на стражѣ просвѣщенья,
Смотрю на вещи ясными глазами,
За каждый глупый стихъ, дурное слово
Не утерплю, бичемъ моимъ ударю?
Еще одинъ Кіабрера отъ меня
Не получилъ порядочной погонки;
Но я не виноватъ, — моихъ совѣтовъ
Не слушаетъ. И что жъ? Смѣшаю съ грязью!
Молокососъ отозвался, я слышалъ,
Что нѣтъ ему въ моихъ сужденьяхъ нужды.
Пожалуй! безъ меня. Я въ сторонѣ.
Одна любовь проклятая къ Искусству
Обрушила всю эту саранчу
На Мости. Мы увидимъ, кто сильнѣе.

(подходя къ Цампіери)

Ахъ, я васъ не замѣтилъ! Извините.

ЦАМПІЕРИ.

Простите, eccelenza! Я работалъ
На домъ маркиза Чинто двадцать лѣтъ.
Теперь мой сынъ окончилъ воспитанье,

И хочетъ ѣхать въ Парму, Піаченцу
И Реджіо..... Кореджіо какой-то.....

МОСТИ.

Такъ сынъ твой живописецъ?

ЦАМПІЕРИ.

Eccelenza,
Онъ кончилъ у Караччи воспитанье.....

МОСТИ.

Рекомендація! Ну, а для нравовъ
Онъ не имѣлъ учителя другаго?

ЦАМПІЕРИ.

Какъ, eccelenza?

МОСТИ.

Лодовикъ Караччи —
Для нравственности человѣкъ опасный!

ДОМИНИКЪ. (покраснѣвъ)

Синьоръ, вы ошибаетесь! Глупцы
Да подлецы такъ о Караччи судятъ.....

(Гости поскорѣе стараются выйти.)

МОСТИ. (смутясь)

Похвально, милый другъ, весьма похвально.
Ты за учителя готовъ сражаться.
Характеръ! да; характеръ! Я люблю
Такіе благородные порывы.
Но въ чемъ же ваша просьба?

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Д. МОСТИ, ЦАМПІЕРИ, ДОМИНИКЪ И АЛЬБАНО.

ЦАМПІЕРИ.

Eccelenza!
Вы можете предстательствомъ своимъ
Исходатайствовать.....

МОСТИ. (видя, что уже никого нѣтъ)

О! ни паоло. *(Со злобой)*
Чтобы мальчишкѣ дерзкому дать средства
Распространять испорченную школу,
Столь вредную для нравовъ и Искусства?
Число людей завистливыхъ умножить?
Чтобы современемъ на Рафаэля
Глаголали хулу? О! никогда.
Что̀ эта академія Караччи?

Собраніе сектаторовъ безумныхъ,
Которые условились въ Искусство
Ввести однообразіе и сухость?
Все, что̀ не ихъ, унизить, опорочить?
Что̀ ихъ, прославить, разкричать, разкрасить?
Да будетъ вѣдомо друзьямъ Караччи,
Что я ихъ не терплю и презираю. *(Входя въ сени)*
Тадео! Шляпу, палку. До свиданья.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЦАМПІЕРИ, ДОМИНИКЪ И АЛЬБАНО.

АЛЬБАНО.

Что жъ ты молчишь?

ДОМИНИКЪ. (хладнокровно)

Пойдемъ домой.

ЦАМПІЕРИ. (со слезами)

Пойдемъ.

Ну, далъ ты воспитанье имъ, Караччи!
Богъ у тебя потребуетъ отвѣта.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ЛАУРЕТА. (отворяя осторожно лѣвую дверь)

Всѣ разошлись. Ругался и ругалъ!
Домашнее занятіе..... Мой Боже,
Да онъ ли это?..... Онъ ли! Каждый день
Я дѣлаю такой вопросъ, и горько
Мнѣ отвѣчаетъ сердце — это онъ,
Тотъ самый кроткій, добрый, милый Мости!.....

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

ЛАУРЕТА И ТАДЕО.

ТАДЕО.

Возьми ключи, Лаурета; я пойду
Засну немного..... Ночью на сторожѣ,
Днемъ у дверей, какъ ручка у замка:
Ну, служба!.....

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ЛАУРЕТА, одна.

Да, Тадео, служба наша
Нехороша. Но ты еще наемникъ

А я.... *(слышенъ стукъ)* Ахъ, Господи! Кто тамъ стучитъ?....
(отворивъ среднюю дверь.)
Кто тамъ?

ГОЛОСЪ.

Лаурета, отвори.

ЛАУРЕТА.

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ.

Астольфо Гонти.

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ЛАУРЕТА, отворяетъ дверь. ГОНТИ, въ нищенской одеждѣ. (Темнѣетъ.)

ЛАУРЕТА. (въ сѣняхъ)

Господи! Откуда?
Мы думали, что васъ ужъ нѣтъ на свѣтѣ.
Пожалуйте сюда, синьоръ Астольфо.

ГОНТИ. (входя въ пріемную)

Что, Мости дома?

ЛАУРЕТА.

Нѣтъ.

ГОНТИ.

Гдѣ жъ?

ЛАУРЕТА.

Знаетъ Богъ,
А намъ теперь не говорятъ. Да гдѣ же
Вы пропадали?

ГОНТИ.

Такъ, Лаурета; ѣздилъ.
Я путешествовалъ. Давно ли Мости
Ушелъ?

ЛАУРЕТА.

Не очень; я сама недавно
Пришла домой; была я у сосѣдки
Въ гостинницѣ; нашла тамъ двухъ пріѣзжихъ.
Сестра и братъ, Венеціане; братъ
За дѣломъ отлучился, а сестра
Готовитъ ужинъ. Вотъ Венеціанка!
Кровь съ молокомъ. Привѣтлива, умна,
А молода, — всего шестнадцать лѣтъ!
Она хозяйство знаетъ какъ молитвы.
И говорить не прочь. Я просидѣла
Съ Венеціанкой, будетъ, добрый часъ.

Святый Лаврентій, упаси! чтобъ Мости
Ее не видѣлъ! Влюбится.....

ГОНТИ.

Лаурета!
Онъ такъ тебя любилъ, такъ ревновалъ.....

ЛАУРЕТА.

Послушайте, — вы другъ ему, я знаю:
Я буду съ вами откровенна; больно
Всю жизнь терпѣть, и я сказать рѣшилась
Всю истину. Но Гонти, Бога ради,
Попробуйте, — вы такъ краснорѣчивы, —
Вы тронете его, уговорите, —
Спасете честь Лауреты и его!.....

ГОНТИ.

Не поздно ли?

ЛАУРЕТА.

Нѣтъ! Никогда не поздно.
Богъ передъ смертью грѣшника прощаетъ.....

ГОНТИ.

А люди не прощаютъ и за гробомъ.
Но въ чемъ же дѣло? Можетъ-быть успѣю.....

ЛАУРЕТА.

Тому семь лѣтъ, въ день похоронъ маркизы,
Онъ предложилъ мнѣ руку; обѣщалъ
На мнѣ жениться ровно черезъ мѣсяцъ,
А свадьбу отложилъ подъ тѣмъ предлогомъ,
Что нашъ маркизъ былъ очень огорченъ.
А между-тѣмъ онъ упросилъ меня,
Къ нему на верхъ совсѣмъ переселиться.....
Онъ такъ клялся! О, кто бъ ему не вѣрилъ?.....
Прошелъ и мѣсяцъ, и другой, и третій,
А онъ ласкалъ меня пустой надеждой.
Онъ домъ купилъ, я съ нимъ переселилась
И въ домѣ томъ, я сдѣлалась рабой, —
Ничтожной ключницей его пожитковъ.
Вотъ мы живемъ ужъ здѣсь шестое лѣто,
Но я любви ужъ не встрѣчала въ Мости,
А только гнѣвъ и строгость господина.

ГОНТИ.

(Въ день похоронъ маркизы? Это странно!)

ЛАУРЕТА.

Что если вамъ я разскажу подробно,
Какъ онъ теперь со мною поступаетъ?
Удивитесь, ей Богу! Напримѣръ,
Вы видите: дворецъ, богатство, роскошь,
Картины, мраморъ, бронза и ковры,
А въ цѣломъ домѣ мы живемъ втроемъ.
Прислуги нѣтъ. Я да храмой Тадео
Всѣ службы исполняемъ..... Иногда
Онъ позоветъ меня къ себѣ. Зачѣмъ?
Чтобы журить за лишніе расходы,
За мотовство, за роскошь. Иногда
Вообразитъ, что я купила много:
Крикъ, шумъ, побои; золъ и скупъ до-нѣльзя.....

ГОНТИ.

А денегъ много?

ЛАУРЕТА.

Пропасть! Только дома
Не держитъ. Отдаетъ ихъ въ страшный ростъ.
И подъ залогъ всегда. Подъ самой спальней
Есть погребъ для храненія залоговъ,
Да сундуки съ железною оковкой
Для денегъ, — все подъ величайшей тайной!
И я сама украдкой только вижу,
Какъ прячетъ онъ, и въ нуждѣ вынимаетъ
Изъ погреба завѣтные залоги.....
Да вотъ вамъ Рафаэль за сто піастровъ:
Онъ перешелъ изъ погреба сюда!
Пречистая Лоретская Марія,
Какъ этотъ человѣкъ переродился!
Какъ былъ онъ щедръ, когда еще маркиза
Была въ живыхъ.....

ГОНТИ.

А онъ любилъ маркизу?

ЛАУРЕТА.

Сначала очень; послѣ ненавидѣлъ.
Вообразите, страшно и подумать,
Онъ смерть ея предчувствовалъ. Въ тотъ день,
Какъ умирать маркизѣ, поутру
Я у него была: онъ предлагалъ

Какую-то свободную женитьбу;
Я о маркизѣ вспомнила, а онъ
Про смерть ея пророчествовать началъ.....

ГОНТИ. (потирая руки)

(Вотъ тайна гдѣ. Такъ это не Веррино!)
Онъ былъ тогда и щедръ и добръ, Лаурета?

ЛАУРЕТА.

Ахъ, господи! И добръ и безкорыстенъ;
Свое давалъ, чужаго не касался.....

ГОНТИ.

Ну, а теперь?

ЛАУРЕТА.

Мой Богъ, какія средства
Употребляетъ онъ ради богатства!
Какъ часто онъ картины откупаетъ
За полцѣны у бѣдныхъ живописцевъ,
И черезъ мѣсяцъ на чужой картинѣ
Встрѣчаете другое имя, — «Мости».
Обманъ извѣстенъ всѣмъ; но слава Мости
Велитъ молчать: онъ платитъ за молчанье,
Такъ какъ ему за мнѣнье платятъ люди.
А какъ онъ пишетъ! Сколько сочиненій
Подъ именемъ его вертится въ свѣтѣ.....
Не давно отъ монаха онъ купилъ
Неизданное сочиненье Тассо,
И издалъ за свое. И всѣ узнали.
Да всѣ купили. Что ему до славы?
Онъ потерялъ ее; зато богатство
Онъ пріобрѣлъ огромное. Насмѣшки
Его не огорчаютъ..... Огорченье
Онъ знаетъ только отъ убытка: деньги
И деньги, — вотъ характеръ Мости.

ГОНТИ.

Зачѣмъ же ты при Мости остаешься?

ЛАУРЕТА.

Легко, синьоръ Астольфо, полюбить,
А разлюбить совсѣмъ, возненавидѣть,
Ужасно трудно. Есть еще причины.
Пока при немъ, я какъ-то безопасна
Отъ посмѣянья и безчестья. Люди

Меня, считая въ милостяхъ у Мости,
Хотя наружно уважаютъ. Что же,
Когда его оставлю? Кто Лаурету
Подъ кровъ свой приметъ, кто подастъ мнѣ пищу?
Куда итти, оставивъ Мости?

ГОНТИ.

Правда.

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТѢ ЖЕ И МОСТИ.

МОСТИ.

Всѣ двери отперты, въ такое время!
Подъ сумерки разбойники залѣзутъ;
А въ домѣ я одинъ. Пошла, запри! *(примѣтивъ Гонти)*
А это кто?..... Ого!

ЛАУРЕТА.

Да это Гонти,
Вашъ старый другъ.

МОСТИ.

Какъ, Гонти? Свѣту, свѣту!

ВЫХОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Д. МОСТИ И ГОНТИ.

МОСТИ.

Откуда? Ни письма, ни вѣсти, Гонти;
А обѣщалъ. Лаурета, что же свѣту?

ВЫХОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

ТѢ ЖЕ И ЛАУРЕТА СЪ СВѢТИЛЬНИКОМЪ.

МОСТИ.

Поставь сюда..... Садись, любезный Гонти.
(къ Лауретѣ)
Чего стоишь? Пошла готовить ужинъ!

ВЫХОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

МОСТИ И ГОНТИ.

МОСТИ.

Что новаго? *(примѣтивъ его одежду)* Какая перемѣна!

ГОНТИ.

Все измѣняется на этомъ свѣтѣ!
И дѣти это говорятъ. Да, Мости,
Не я, а свѣтъ вокругъ меня и люди
Коварно измѣнились..... Хитрость, разумъ
Не помогли.

МОСТИ.

Но что съ тобой случилось?

ГОНТИ.

Бездѣлица: я продалъ кардиналу
Тривульціо подложнаго Бассано.
Что̀, кажется, Бассано? Пустяки!
Добро бъ ужъ Рафаэля, Тиціана;
А то Бассано..... Что жъ? Меня схватили,
Два мѣсяца въ темницѣ продержали,
А между-тѣмъ услужливые сбиры
На сохраненье взяли всю казну,
Картины и пожитки. Все пропало!
Естественно, я убѣжалъ изъ Рима;
Игрой хотѣлъ поправить состоянье,
И проигралъ двѣ тысячи цекиновъ
Въ ужасный долгъ; да, — подъ залогъ свободы!
Вотъ я спѣшу въ Болонію, и прямо
Къ тебѣ, какъ къ сотоварищу и другу,
Бѣгу просить въ займы на двѣ недѣли
Двѣ тысячи цекиновъ.....

МОСТИ.

Не имѣю. *(Молчаніе.)*

ГОНТИ.

Ты шутишь, Мости?

МОСТИ.

Право, не имѣю!

ГОНТИ.

О, ради Бога, Мости, за свободу,
За жизнь и за мое честное слово!.....

МОСТИ.

Э! слово можно взять назадъ.....

ГОНТИ.

Помилуй,
Меня убьютъ.

МОСТИ.

Не дай себя убить..... *(Молчаніе.)*

ГОНТИ.

Я не имѣю силы говорить!
Такъ всѣ услуги прежнія забыты?
Такъ ты ничѣмъ мнѣ, Мости, не обязанъ? *(Вставъ)*
Не я ль тебѣ открылъ, неблагодарный,

Путь славы и богатства? не собой ли
Я жертвовалъ общественному мнѣнью,
Чтобы тебя закрыть отъ посмѣянья,
Когда ты начиналъ свой низкій путь?
Не я ли сердце отворилъ маркизы?

мости, (презрительно)

И, полно хвастать. Не моя ли воля
Оставила тебя на этомъ мѣстѣ?
Не я ли милость гордаго маркиза
Къ бездарному старался сохранить?

гонти. (въ бѣшенствѣ)

Безстыдный, помнишь ли тотъ первый вечеръ,
Когда тебѣ открылъ я тайну жизни
И тайну счастья? Помнишь маскарадъ,
Когда привелъ тебя къ несчастной жертвѣ.

мости, (также разгорячаясь)

Не забывайся, Гонти!

гонти.

Мости, Мости!
Дай денегъ.

мости.

Нѣтъ.

гонти.

Я утоплюсь.

мости

Топись.

гонти.

Въ послѣдній разъ, — не дашь?

мости.

Не дамъ.

гонти.

Посмотримъ.
Я самъ возьму.....

мости. (хватаясь за поясъ)

(Какъ жаль, что нѣтъ ножа!
Я проучилъ бы.)

гонти.

Новое убійство
Ты замышляешь, извергъ? Не удастся!
Я отворю сѣкирой палача
Тотъ гробъ, гдѣ черное хранится дѣло,
Какъ тайный гадъ въ нечистомъ логовищѣ!

МОСТИ.

Что это значитъ?

ГОНТИ.

Скоро объяснится.
Что̀, поблѣднѣлъ? До страшнаго свиданья!

ВЫХОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

МОСТИ, одинъ.

Ушелъ? Ломаетъ двери! Онъ уйдетъ!
Гдѣ ножъ, мой ножъ? Скорѣй за нимъ! Убить
И въ погребъ спрятать трупъ между залоговъ.....
(Сцена нѣсколько времени пуста.)

ВЫХОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ЛОРЕНЦО ТЕКИ, одинъ.

А правъ былъ Мости! «Скройте только тайну, —
Онъ возвратится.» Точно, возвратился!

ВЫХОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Л. ТЕКИ и Д. МОСТИ, съ ножемъ въ рукахъ.

МОСТИ (увидѣвъ Теки, прячетъ ножъ).

А, Теки! Добрый вечеръ.

ТЕКИ.

Вы пророкъ!
Веррино возвратился.

МОСТИ. (нѣсколько помолчавъ, съ ужасомъ)

Возвратился?

ТЕКИ.

Ну, что жъ вы изумилисъ? Вы сказали,
Такъ и сбылось!

МОСТИ. (опоминаясь)

Веррино возвратился?
(Чуть буря, — всѣ стихіи забушуютъ:
Веррино, Гонти, Теки!.....) Ахъ, Лоренцо,
Не удивляйтесь моему смущенью:
Въ семь лѣтъ я и забылъ про странный случай.
Присядемъ!..... Знаете, я опасаюсь
Сказать объ этомъ доброму маркизу.....
Онъ закипитъ, а тотъ уйдетъ. Законамъ
Опасно предавать такое дѣло,
Въ которомъ честь покойницы маркизы,
И слѣдственно честь самого маркиза,
Очернена быть-можетъ..... Скроемъ лучше!.....

ТЕКИ.

Какъ скрыть? Онъ напечаталъ объявленье,
Что завтра передъ публикой Болонской
Импровизировать стихи онъ будетъ.
Я думаю, маркизу все извѣстно.
Но онъ меня не принялъ; мнѣ сказали
Что онъ какимъ то сочиненьемъ занятъ.

МОСТИ.

Онъ, сочиняетъ?..... Слушайте, Лоренцо:
Предупредимъ безумный гнѣвъ маркиза,
И честь покойницы спасемъ..... Согласны?

ТЕКИ.

На что̀?

МОСТИ.

Убьемъ Веррино.....

ТЕКИ. (вскочивъ)

Ни зачто̀!

МОСТИ. (бѣшено)

Какъ, ни зачто?

ТЕКИ.

Что съ вами?

МОСТИ.

Ничего.
Дѣйствительно, пускай рѣшатъ законы!
А то мы сами можемъ пострадать.....
И что объ этомъ говорить! Оставимъ.

—

Скажите, докторъ, много ли больныхъ
Теперь у васъ.....

ТЕКИ.

Довольно.

МОСТИ.

Умираютъ?

ТЕКИ.

Не очень. Впрочемъ смертность велика.

МОСТИ.

Но и раждаются?

ТЕКИ.

Есть замѣчанье,
Что смертность плодородна.

МОСТИ.

Да, Лоренцо.
Вотъ кстати вспомнилъ! Мнѣ прислалъ сегодня
Одинъ весьма значительный вельможа, —
Я долженъ умолчать его прозванье, —
Бальзамированное тѣло сына,
Чтобъ тайно снять его портретъ. Отцу
Я извиняю это.....

ТЕКИ.

Что жъ такое?

МОСТИ.

Шесть рукъ, Лоренцо!

ТЕКИ.

Шесть?

МОСТИ.

Хотите видѣть?

ТЕКИ.

О! съ нетерпѣніемъ.

МОСТИ.

Онъ спрятанъ въ спальнѣ.
Пожалуйте!

(Беретъ свѣтильникъ и съ ужасомъ оглядывается)

ТЕКИ.

Шесть рукъ!

Мости. (пропуская его въ спальню)

Шесть, докторъ, шесть.....

ВЫХОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

(Слышенъ глухой стонъ; вслѣдъ затѣмъ выходитъ д. мости съ окровавленнымъ ножемъ и свѣтильникомъ.)

МОСТИ. (отирая платкомъ ножъ)

Нѣтъ болѣе свидѣтелей отравы;
Сожжемъ до нитки тайну. *(зажигаетъ платокъ)*
А Веррино?
А Гонти? а маркизъ?..... На все есть время.
Ужъ дѣло къ ночи; ночь закроетъ много.....

(Воткнувъ за поясъ ножъ, уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Pollio et ipse facit nova carmina.
Виргилій.

(Библіотека маркиза Чинто.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАРКИЗЪ, въ креслахъ, скрытый отъ свѣтильниковъ различными зонтиками. РОБЕРТО, у стола пишетъ подъ его диктовку.

МАРКИЗЪ. (диктуетъ)

И эфирной..... теплотой.....

РОБЕРТО.

Есть; «теплотой».

МАРКИЗЪ.

Написано? Немного
Повремени. Вотъ трудно! Ну пиши
Послѣдній стихъ и кончена поэма.
Согрѣваетъ духъ земной.

РОБЕРТО.

«Земной.»

МАРКИЗЪ.

Внизу: конецъ.

РОБЕРТО.

«Конецъ.» И только?

МАРКИЗЪ.

Какъ, только! Мало ли?..... Ну, что, Роберто,
Какъ ты находишь новую поэму?

РОБЕРТО.

Отмѣнно хорошо..... «Рожеръ Парижскій»,
Неистовый отъ ревности и гнѣва,
Гораздо лучше вашего «Раймунда»
И несравненно лучше всѣхъ новеллъ.....

МАРКИЗЪ.

Талантъ идетъ впередъ! Мои новеллы —
Начальный опытъ неизвѣстныхъ силъ.
Въ «Раймундѣ» я былъ болѣе отчетливъ,
Въ «Рожерѣ» я уже поэтъ! Не знаю,
Что Мости скажетъ..... Я хочу Роберто
Теперь въ концѣ «Рожера» написать
Тѣ два стиха Овидія, — ты помнишь, —
Въ концѣ Метаморфозъ, — вотъ что учитель
Латинскій часто мнѣ твердитъ?.....

РОБЕРТО.

А! знаю.
Jamque opus exegi, quod nec Jovis ira, nec ignes,
Nil poterrit ferrum, nec edax abolere vetustas.

МАРКИЗЪ.

Ну, да. Не правда ли?..... А вотъ и Мости.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТѢ ЖЕ И МОСТИ.

МАРКИЗЪ.

Садись, мой другъ, садись. Вотъ есть что слушать!
Вотъ вылилось! Съ начальнаго стиха
Ты слышишь бѣшенство Рожера: чудо!.....

МОСТИ.

Маркизъ, не до того.

МАРКИЗЪ.

Ты нездоровъ?

МОСТИ.

Нѣтъ, я здоровъ. Вы не видали Гонти?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

МОСТИ.

Можетъ-быть читали объявленье?

МАРКИЗЪ.

Что, Гонти книгу издалъ?.....

МОСТИ.

Нѣтъ, Веррино
Въ Болонію пріѣхалъ!

МАРКИЗЪ.

Какъ, Веррино?
Но гдѣ же онъ? Неужели въ мой домъ
Нога его безтрепетно вступила?

МОСТИ.

О! нѣтъ, маркизъ. Въ гостинницѣ Болонской,
Подъ вывѣской Златаго Льва, Веррино
Съ какой-то женщиной остановился.
Она живетъ подъ именемъ сестры.
Онъ объявилъ, что завтра ввечеру
Болонской публикѣ онъ дастъ какой-то
Импровизаторской, стиховный праздникъ.
Написано: «Веррино Генуезскій».
Какъ-будто онъ и не племянникъ Чинто!

Какъ-будто иностранецъ, изъ чужихъ
Владѣній; будто васъ незнаетъ.....

МАРКИЗЪ.

Извергъ!
Такъ онъ меня узнаетъ по неволѣ.
Роберто, одѣваться!..... Къ кардиналу! *(Одѣвается)*
Пускай легатъ велитъ военной силой
Представить въ судъ убійцу.....

МОСТИ.

Нѣтъ, маркизъ!
Онъ не безъ умысла сюда пріѣхалъ.
Онъ вѣрно разсчиталъ свои шаги,
И правосудіе для васъ невѣрно.....

МАРКИЗЪ.

Что̀ можетъ онъ представить въ оправданье?

МОСТИ.

А что̀ маркизъ представитъ въ обвиненье?
Его̀ вину вы чувствуете сердцемъ;
А судьи, безъ душевнаго участья,
Безстрастно, хладнокровно разбираютъ
И обвиненія и оправданья. .
Событіе темно. Вы никому
Не объявили объ его злодѣйствѣ:
Кто вамъ теперь повѣритъ?

МАРКИЗЪ.

Не повѣрятъ?

МОСТИ.

Но пусть повѣрятъ. Призовутъ Веррино;
Потребуютъ отъ васъ же доказательствъ.
Вы скажете «онъ отравилъ маркизу!»
Онъ скажетъ — «Нѣтъ!» И кончено. Положимъ
Вы скажете — «Онъ убѣжалъ.» — На это
Веррино вамъ съ насмѣшкою отвѣтитъ:
«О, если бъ я дѣйствительно бѣжалъ
Отъ преступленія, отъ страшной казни,
Зачѣмъ бы мнѣ сюда и возвращаться?
Я могъ оставить Папскія владѣнья;
Съ моимъ талантомъ я бы могъ прожить
Вездѣ, въ Болонію не заѣзжая.»

МАРКИЗЪ.

Онъ это скажетъ?

МОСТИ.

Скажетъ непремѣнно.

МАРКИЗЪ.

Но есть свидѣлели: Лоренцо, ты,
Роберто и Лаурета.....

МОСТИ.

Въ чемъ, маркизъ?

МАРКИЗЪ.

Что онъ въ то самое уѣхалъ утро,
Что былъ въ саду и говорилъ съ маркизой,
И отъ нея ушелъ въ слезахъ..... А кольца,
А кольца, Мости?..... Дай мнѣ ихъ, Роберто!
Вонъ ящичекъ; ключь у меня на сердцѣ
(Отворивъ ящикъ, съ удивленіемъ).
Но гдѣ жъ они?

РОБЕРТО.

Не знаю.

МОСТИ.

(Это знаютъ
Я да фонтанъ!) Маркизъ, и такъ Веррино
Не безъ друзей и въ самой спальнѣ вашей?

МАРКИЗЪ.

Ужъ это колдовство! Что жъ остается?
Что дѣлать, Мости?.....

МОСТИ.

Господи, что дѣлать!
Я говорю, оставьте кардинала,
Народный судъ, и слѣдствіе, и пытку;
Не то, до чести вашей дослѣдятъ,
Грѣхи покойницы встревожатъ.....

МАРКИЗЪ.

Мости!

МОСТИ.

По-моему, тотчасъ послать къ Веррино,
Просить его сюда переселиться,
Племянника легонько упрекнуть, —
За что къ родному дядѣ равнодушенъ?
Пусть поживетъ дней пять, потомъ зарѣзать.

МАРКИЗЪ. (въ ужасѣ)

Зарѣзать! Тайно? Какъ, за преступленье
Мстить преступленьемъ.....?

МОСТИ.

Только мстить, маркизъ,
А преступленія тутъ быть не можетъ.

МАРКИЗЪ.

Но за убійство могутъ насъ казнить.....
Ломбардскаго маркиза!..... Ни за что.

МОСТИ.

Маркизъ.....

МАРКИЗЪ. (рѣшительно)

Я повторяю, ни за что!

МОСТИ.

Маркизъ, вы сомнѣвались въ дружбѣ Мости?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, никогда!

МОСТИ.

Я на себя беру
Коварнаго Веррино умертвить.
Вы только въ помощи не откажите.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, ни за что! Пусть лучше смерь Розины
Останется безъ мести; имя Чинто
Я ли предамъ на жертву поношенью?
Притомъ — неворотить уже Розины!

МОСТИ.

Маркизъ, я въ этомъ съ вами соглашаюсь.
Такъ! судъ грѣховъ не намъ принадлежитъ.
Мы Божье Богу съ вѣрой предоставимъ;
Но осторожнымъ быть и Богъ велитъ.....
И потому, маркизъ, я полагаю,
Чтобы уйти отъ новыхъ покушеній
На вашу жизнь, вамъ надобы уѣхать
Въ Венецію, Флоренцію иль Римъ.
Я вамъ готовъ сопутствовать.....

МАРКИЗЪ. (задумываясь).

Уѣхать?.....
Ахъ, Мости, что я вспомнилъ! Мы клялись
Отмстить ея убійцѣ всенародно,
А клятва для Ломбардскаго маркиза —
Вторая вѣра. Да! И ты клялся
У ногъ ея.....

МОСТИ.

Я?..... Никогда, маркизъ.
Не помню даже вашей клятвы.....

МАРКИЗЪ.

Мости!
Уногъ ея, ты помнишь, мы лежали;
Торжественно клялись; Лоренцо Теки
Свидѣтелемъ былъ нашихъ обѣщаній.....

МОСТИ.

Въ такомъ волненіи забыть не трудно.
Но кажется, навѣрно, точно, — помню, —
Мы не клялись, мы плакали, и только;
О строгой казни Бога умоляли;
А сами?..... Нѣтъ, мы сами не клялись!

МАРКИЗЪ.

Я помню, будто все вчера случилось.
Еще ты медлилъ клятву дать.....

МОСТИ.

Я медлилъ?

МАРКИЗЪ.

Положимъ, не удастся доказать:
По совѣсти исполнимъ только клятву.
И завтра же въ присутствіи народа
Мой голосъ заглушитъ рукоплесканья,
И къ оправданью призоветъ Веррино.....

МОСТИ.

О, ради Неба, тамъ нельзя!

МАРКИЗЪ.

Ни слова!
Я поклялся предъ Богомъ и святыми,
И снова эту клятву повторяю.

МОСТИ.

При черни объявлять свое безчестье
И стыдъ жены.....

МАРКИЗЪ.

Довольно. Я рѣшился.

МОСТИ.

(Великій Боже, страшенъ и безумный,
Когда въ немъ страсть разсудокъ замѣняетъ!)

МАРКИЗЪ. (ходя быстрыми шагами)

Поэзія, благодарю за твердость!.....

Воображая страсти и пороки,
Мы начинаемъ видѣть добродѣтель.
Какое сходство съ повѣстью Рожера! (*Остановясь*)
Тамъ мѣсто есть подобное: Рожеръ
Идетъ въ ночи на тихое кладбище
Съ Убальдо, другомъ.....

Ну, и мы пойдемъ!

Мнѣ что-то весело и тяжело.
Я чувствую, какъ-будто запахъ крови.
Какъ-будто стонъ могильный вкругъ меня
Незримо ходитъ..... Можетъ-быть Розина
Меня зоветъ къ могильнымъ кипарисамъ
И хочетъ тайну страшную открыть.....

РОБЕРТО.

Маркизъ, въ «Рожерѣ» также.....

МАРКИЗЪ.

Да, въ «Рожерѣ»
Мнѣ кажется я описалъ себя.....
Сказать ли правду, жаль моей Розины.
Чѣмъ болѣе начну припоминать,
Тѣмъ болѣ чувствую ея потерю.....
Пойдемъ, мой другъ; уже пора ночная:
Быть-можетъ, мы увидимъ привидѣнье
Иль тѣнь моей Розины, какъ въ «Рожерѣ».
Пойдемъ, мой другъ, Убальдо!..... Ты, Роберто,
За нами слѣдуй.

МОСТИ.

Господи, помилуй!..... (*Уходятъ.*)

═

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ,

.....Cineres gaudete sepulti!
Jam vaga post obitum umbra dolore vacat.
Саннеадръ.

(Небольшая церковь древне-готической архитектуры, во многихъ мѣстахъ уже разрушенная; отъ нея идетъ желѣзная ограда и отдѣляетъ улицу отъ кипарисовой двойной аллеи, ведущей въ садъ дворца Чинто; въ аллеѣ расположены гробницы дому Чинто; изъ нихъ многія украшены мраморными изваяніями и всѣ мраморными гербами. Ближайшая къ оградѣ — гробница маркизы Розины Чинто. Высокая густая трава закрываетъ основанія монументовъ. Луна проглядываетъ изъ облаковъ; при свѣтѣ ея чернѣютъ стѣны дворца, а по лѣвую отъ церкви руку развалины монастыря.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

60. ВЕРРИНО. (отворяя желѣзныя ворота)

Зачѣмъ ее не въ церкви схоронили?
Зачѣмъ съ толпой ничтожныхъ предковъ Чинто
Соединили бѣдную Розину?.....
Какъ иноки безмолвные, стоятъ
Безстрастные, нѣмые кипарисы:
Ни тихій вѣтръ, ни соловей, къ усопшимъ
Не залетятъ. Но гдѣжъ моя могила?
Великолѣпная гробница!..... Ты ли?.....
Мнѣ сердце отвѣчаетъ — да!

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ВЕРРИНО И КІАРА.

КІАРА.

Веррино!

ВЕРРИНО.

Тсъ, Кіара! Здѣсь она! Подъ этимъ камнемъ —
Она, она! Все для меня погибло;
Всю жизнь мою покрылъ надгробный камень!

КІАРА.

(Несчастная! я для него ничто.
Онъ къ мертвой болѣе привязанъ!)

ВЕРРИНО.

Боже,
Зачто у ней ты жизнь такъ рано отнялъ?
Судьбы законъ, какъ воля человѣка,
Несправедливъ бываетъ..... Видишь, Кіара,
Куда идетъ дѣйствительная страсть!
Не миртъ, а кипарисъ, прекраснымъ чувствамъ
Несправедливымъ міромъ посвященъ.....
О, не люби! Она любила также.....

—

Безъ слезъ стою, а слезы моремъ въ сердцѣ.....
О Кіара, плачь, и я съ тобой заплачу!
И слезы облегчатъ печаль страдальца.....
О Кіара плачь! Быть-можетъ я заплачу.....

—

Какъ дико все вокругъ тебя, Розина!
А прежде ты умѣла наполнять

Изъ всѣхъ пустынь пустѣйшую пустыню, —
Пустыню человѣческаго сердца!
А послѣ смерти?..... Все вокругъ заглохло,
Тропинки нѣтъ; знать память человѣка
Къ тебѣ чужда, — и ты того достойна!
Достойна ты забвенія людскаго;
За не они прекраснаго не помнятъ.....
(опираясь на Кіару)
О Кіара, плачь, и я съ тобой заплачу!

КІАРА.

Охъ, успокойся, милый другъ!

ВЕРРИНО.

Ни слова
Не говори. Подумай, гдѣ стоишь!
Не оскорби нескромной рѣчью праха
Священнаго, — моей Розины праха!
Не красоту боготворилъ я втайнѣ.
О! красота не чудо въ бѣломъ свѣтѣ.
Не друга въ ней любилъ: что наша дружба?
Пустой предлогъ быть втайнѣ себялюбцемъ!
Но ты ея не знала, Кіара..... Міру
Ужъ не имѣть такого сердца болѣ
И красоты такой не создавать;
А намъ съ тобой не видѣть, не любить,
Не умереть у ногъ ея съ улыбкой —
И въ той улыбкѣ душу всю вмѣстить.....
(схвативъ ангела на гробницѣ за голову.)
Спитъ, право спитъ!..... О Кіара, подойди!
Ты — чистое, небесное созданье;
На рѣчь твою Розина отзовется.....
Сбрось, Кіара, эти статуи.....

КІАРА.

Веррино!

ВЕРРИНО. (упавъ на подножіе)

Дай мнѣ себя увидѣть хоть въ могилѣ!
Я разломаю памятникъ надгробный!
Я подниму безчувственные камни!
Дай мнѣ себя увидѣть на мгновенье
И на твоей могилѣ кончить жизнь!

КІАРА.

Побойся Бога, страшный человѣкъ!

ВЕРРИНО.

Цѣлую дернъ, холодный твой покровъ,
Твой памятникъ слезами обливаю, —
Молю тебя, не отвергай Веррино!
Ужъ онъ не тотъ взыскательный, суровый.
Я снисходителенъ къ игрушкамъ женскимъ,
Въ невинности твоей не сомнѣваюсь.....
О! ради неба, дай себя увидѣть.....

КІАРА.

Зачѣмъ не я въ могилѣ этой?

(ВЕРРИНО встаетъ въ страхѣ, и, схвативъ лѣвою рукою Кіару, правою указываетъ что-то у гробницы.)

Кто здѣсь?
Неужели? Тѣнь, воздухъ, привидѣнье,
Пустой символъ могильной пустоты!
Ты говоришь? Я слушаю..... Ни слова.....
Что? Кіара?..... Отвѣчай! Опять ни слова. (*обнявъ Кіару*).
Ты видишь ли?

КІАРА.

Не вижу.

ВЕРРИНО.

Эта тѣнь
Тебя святой десницей указуетъ!
Исчезла..... Понимаю..... (*Молчаніе.*)
Видишь, Кіара,
Какъ добродѣтельна была Розина,
Какъ мѣлкой ревности чужда! Ахъ, Кіара,
Твои глаза игрой небесной блещутъ:
Ты завѣщанье поняла.

КІАРА.

Какое?

ВЕРРИНО.

И святъ завѣтъ, наказанный Розиной,
И я завѣтъ исполню..... Кіара, Кіара,
Благословенъ твой путь на этомъ свѣтѣ!
Я буду стражемъ счастья твоего,
Но будь всегда возвышенна, чиста,
Привѣтлива, незлобна, добродушна;
Всегда свѣтла какъ этотъ яркій мѣсяцъ,

Какъ эта ночь священна и тиха,
И на тебя утѣшенная тѣнь
Печать благословенія положитъ.
Прости, моя угасшая денница!
Я не приду покой твой нарушать,
Въ послѣдній разъ твою цѣлую землю,
Въ послѣдній разъ лью слезы надъ тобой.

КІАРА. (уводя его)

Пойдемъ, мой другъ.

ВЕРРИНО.

Прости, моя Розина. (*Уходитъ*)

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Нѣсколько мгновеній послѣ ухода Веррино, вдали въ аллеѣ показываются Маркизъ, мости, и роберто, поодаль.

МАРКИЗЪ. (остановясь у гробницы Розины)

Убальдо, стой! Не трогайся, Убальдо!
Здѣсь прахъ моей прекрасной Клитемнестры.
О милый прахъ! въ семь лѣтъ я въ первый разъ
Бесѣдовать на гробъ твой прихожу,
Но ты утѣшься, мой прекрасный другъ, —
И я умѣю мстить, — мстить всенародно, —
При восклицаніяхъ толпы, — мстить горько, —
Мстить страшно!..... Что же ты молчишь? Припомни
Ту клятву. Клятва та свята.....

МОСТИ.

Судьба!

МАРКИЗЪ.

Пугай меня, пугай, воображенье!
Разверзнитесь, могилы, подо мной!
Заговорите кости смрадной рѣчью,
Я не боюсь. Я мщу за честь жены:
А ты хотѣлъ убить его кинжаломъ,
Разбойника?..... Я благороденъ, Мости.
Пусть засыпаютъ страсти и событья;
Но честь не спитъ, не дремлетъ благородство.
Маркизъ, краса Ломбардскаго дворянства;
Отъ Кесаря нисходитъ наше древо:
Оттонъ намъ знамя далъ, гербы Карлъ Пятый, —
И тайно мстить! Нѣтъ, это подло, низко,
А для маркиза слишкомъ по-мѣщански.

Онъ самъ передъ судомъ падетъ мнѣ въ ноги,
Сознается, клянусь моимъ «Рожеромъ»;
Клянусь моей Розиной, онъ разскажетъ
Какимъ путемъ онъ умертвилъ ее.

(Мости спазматически хохочетъ.)

Не смѣйся, Мости, есть на свѣтѣ совѣсть;
И отъ меня проснется эта совѣсть.

МОСТИ.

Есть совѣсть, есть! Ищите эту совѣсть.
Она смѣется.....

МАРКИЗЪ.

О, не засмѣется,
Когда палачь въ глаза сѣкирой взглянетъ!
Тутъ есть гробница матери Веррино?

РОБЕРТО.

Да.

МАРКИЗЪ.

Урожденная маркиза Чинто,
Кого ты родила! (*идетъ къ ея гробницѣ: Роберто за нимъ*)

МОСТИ. (взявъ ножъ и снова опуская его въ поясъ)

(Нѣтъ! Съ нимъ Роберто.
Ужъ сколько разъ за ножъ рука хваталась,
Но этотъ песъ и бдителенъ и чутокъ.....
Какъ поумнѣлъ, а былъ глупцемъ донынѣ!.....
И это все судьба, одна судьба.
Я слышу, какъ ужасная судьба
Несется но моимъ пятамъ, достигнетъ:
И горе мнѣ! Охъ, совѣсть не смѣется!
Минуй меня опредѣленье неба,
Подай мнѣ твердость быть самоубійцей.....)

МАРКИЗЪ. (возвращаясь)

Какъ страненъ человѣкъ, когда внезапно
Громъ поразитъ заснувшій духъ его!
Я никогда не чувствовалъ въ груди
Душевнаго волненья, — только разъ,
Когда жена скончалась: вотъ опять
Мнѣ кажется, что я перерождаюсь,
Что я не то, чѣмъ былъ вчера. Не правда ль,
Замысловатъ и страненъ человѣкъ?
Мнѣ весело въ безмолвіи ночномъ.

*

Съ какимъ-то удовольствіемъ сердечнымъ
Я вглядываюсь въ сумракъ, различаю
Закрытые ночною тмой предметы.
Не правда ли, для гнѣва и печали
Ночь лучше дня?

МОСТИ.

Да; ночь, маркизъ, прекрасна,
Но намъ пора отсюда удалиться.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, я дождусь здѣсь утра, солнце встрѣчу.....
Я не могу уже теперь заснуть;
Я радъ, и самъ не знаю отъ чего.
Мнѣ кажется, всплыветъ златое солнце
И я паду передъ Творцемъ молиться.
Молись и ты, молись, мой другъ, со мной,
И ты проси убійцѣ лютой казни.

МОСТИ. (почти шепотомъ)

Но Богъ врагамъ велитъ прощать обиды.

МАРКИЗЪ.

Ты не прикажешь ли спѣшить къ убійцѣ,
Упасть къ ногамъ его, просить прощенья,
Что я дерзнулъ злодѣя проклинать?
Га, проклинать! О, если бъ пламень неба,
Медлительно терзающая совѣсть,
Колючая насмѣшка и презрѣнье,
И палача позорная сѣкира
Могли соединиться воедино.....
Вотъ лучшее проклятье для убійцы!

(Мости садится на камень, отирая потъ.)

Что, любо? весело? И ты присѣлъ,
Задумался.....

МОСТИ.

Маркизъ, я изнемогъ;
Такъ горестны воспоминанья.....

МАРКИЗЪ.

Другъ мой,
Ты былъ не мужъ ея, не обожатель,
Не ты ея здоровіе лелеялъ,
Не ты ее стерегъ какъ глазъ, — а я!
Ты только былъ свидѣтелемъ блаженства,

А обладалъ имъ я; и этотъ аспидъ,
Смердящій гадъ, Іуда.....

МОСТИ. (отчаянно)

Перестаньте!

МАРКИЗЪ.

Когда его повѣсятъ, обезглавятъ,
Въ судейской пыткѣ высосутъ всю кровь,
И полумертваго на мѣсто казни,
Въ стыдѣ, какъ зажигателя и вора,
Въ носилкахъ срамныхъ, принесутъ.....

МОСТИ. (въ ужасѣ бросается бѣжать)

Спасите!

Онъ лютый звѣрь, не человѣкъ.....

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАРКИЗЪ И РОБЕРТО.

МАРКИЗЪ.

Роберто,
Что съ нимъ?

РОБЕРТО.

Маркизъ, чувствительность поэта!

МАРКИЗЪ.

Проклятая чувствительность! За нимъ. (*Уходятъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Sahest du nie die Schönheit im Augenblicke des Leidens?
Niemals hast du die Schönheit gesch'n!
Sahst du die Freude nie in einem schönen Gesichte?
Niemals hast du die Freude gesch'n!
Шиллеръ.

(Кухня при комнатѣ, нанятой Веррино въ гостинницѣ Золотаго Льва, въ Болоніи. На очагѣ огонь. Дубовая скамейка и столъ, — единственная мебель; въ сторонѣ, въ глубокой впадинѣ постель, закрытая старыми занавѣсками. Утро.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КІАРА, отходя отъ дверей, ведущихъ въ комнату Веррино.

Онъ спитъ еще! Мой ангелъ, спи спокойно.
Еще не поздно, я сварить успѣю
Твой скудный завтракъ..... Боже милосердый,
Зачто его такъ это сердце любитъ?

Я съ нимъ живу; нѣтъ мысли, нѣтъ мечты,
Молитвы, даже сновидѣнья нѣтъ.....
Вездѣ объ немъ иль за него страдаю.....
И что ни дѣлаю, всё мысль одна —
Понравится ль ему моя работа?.....
Душа моя безсильна; сердце ноетъ;
Въ душѣ такъ тѣсно какъ въ могилѣ; больно.....
Ахъ, Господи! не принимай за ропотъ
Ничтожныхъ словъ, не отымай страданій.....
Они такъ сладостны, такъ полны счастья!.....
Ты счастья бо́льшего мнѣ дать не можешь.
Одно меня печалитъ постоянно —
Соперница счастливая въ могилѣ.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КІАРА И ВЕРРИНО, блѣдный, тихо выходитъ, непримѣченный Кіарою.

ВЕРРИНО.

(Страдать безъ сна и притворяться спящимъ!
Поворочусь, — и вижу у дверей,
Духъ притаивъ, подслушиваетъ Кіара;
На каждый стонъ я слышу стонъ отвѣтный!
А я изъ благодарности не въ силахъ
Любить ее и бросить въ даръ ей сердце,
Ужъ никому не нужное!.....)

КІАРА.

Веррино,
Когда ты всталъ?.....

ВЕРРИНО.

Задумалась ты, Кіара?

КІАРА.

Да!

ВЕРРИНО.

Замечталась. Кіара, осторожно!
Мечтательность есть тайная болѣзнь.
Жизнь высосетъ, а ты и не примѣтишь!

КІАРА.

Да!

ВЕРРИНО.

Ты сердита на меня сегодня.
Прости за странную мою прогулку
На мрачное кладбище дома Чинто.

Припадокъ застарѣлаго недуга.....
Я стану здѣсь старательно лечиться.
И знаешь ли съ чего начну?.....

КІАРА.

Съ чего?

ВЕРРИНО.

Я не пойду не только на кладбище,
Но даже во дворецъ роднаго дяди.
Пора мнѣ разувѣриться въ мечтахъ.

КІАРА.

Да, мой Веррино!

ВЕРРИНО.

Ты не поняла,
Но все равно; я не пойду къ маркизу;
Дворецъ, фонтанъ у дальнихъ цвѣтниковъ,
Картинный залъ, пріемная маркизы,
И зеркала и стулья и столы,
Для памяти тяжелые предметы.....

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТѢ ЖЕ И СВИРЪ.

СВИРЪ.

Свѣтлѣйшій кардиналъ велѣлъ поздравить
Съ пріѣздомъ, eccelenza.....

ВЕРРИНО.

Кардиналъ?

СВИРЪ.

Онъ получилъ изъ Франціи письмо,
Въ которомъ хвалятъ васъ.

ВЕРРИНО.

Благодарю.
Ну, что, для вечера ужъ все готово?

СВИРЪ.

Мѣста съ большимъ успѣхомъ продаются;
Я самъ имѣю до ста порученій.....
Насчетъ же залы, стульевъ и огней,
Имѣю честь вамъ донести, что свѣчи
Доставитъ городъ, а столы и стулья
На всѣ такіе случаи берутся
У Римскаго сенатора Протасси,
Который здѣсь свой доживаетъ вѣкъ.

И у него я былъ; онъ согласился,
Но требуетъ отъ васъ собственноручной
Расписки.....

ВЕРРИНО.

(Нѣтъ, я не пойду къ маркизу.
На что я ни взгляну, вездѣ Розина!.....
Тамъ проходила, тутъ сидѣла; здѣсь
Веселой шуткой общій смѣхъ и радость,
Она, невольно возбуждала..... Нѣтъ,
Я не пойду къ маркизу.....)

СБИРЪ.

Eccelenza,
Пожалуйте расписку; я пойду.
Не много времени осталось.....

ВЕРРИНО.

Что?
Расписку? Хорошо. Зайди ко мнѣ. (*Уходятъ въ его комнату*)

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КІАРА.

Что жъ я молчу? А между-тѣмъ Веррино
Приготовляетъ этотъ страшный вечеръ.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ЛАУРЕТА И КІАРА.

ЛАУРЕТА.

Какъ высоко!..... Зашла къ вамъ по дорогѣ,
Полюбоваться на хозяйство ваше.....
Вы вѣрно рано встали.

КІАРА.

Почему?

ЛАУРЕТА.

Да такъ! глаза..... (*Сбиръ проходитъ сцену.*)
Что это? сбиръ, сосѣдка?
Любимецъ нашего легата?

КІАРА.

Сбиръ.

ЛАУРЕТА.

Зачѣмъ онъ здѣсь?

КІАРА.

Давно знакомъ онъ брату.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

ТѢ ЖЕ И ВЕРРИНО.

ВЕРРИНО.

Лаурета, ты узнать уже успѣла!
Неужели и во дворцѣ..... Лаурета,
Куда же?

ЛАУРЕТА. (хочетъ бѣжать)

Ахъ, убійца, отравитель!

ВЕРРИНО. (держа ее за руку)

Лаурета, что съ тобой, ты помѣшалась?

ЛАУРЕТА. (вырываясь)

Святой Ѳома, Лоретская Марія,
Избавьте, вырвите меня изъ рукъ
Чудовища!.....

ВЕРРИНО.

Одумайся, Лаурета;
Вѣдь это я—Веррино.

ЛАУРЕТА.

Ты разбойникъ,
Убійца, отравитель! И такъ смѣло?
Ты смѣешь ли смотрѣть въ глаза Лауретѣ,
Которая служила у маркизы?.....
Неужели, при имени ея,
Душа твоя раскаянья не слышитъ?

ВЕРРИНО.

Что это значитъ? Объяснись, Лаурета.

ЛАУРЕТА.

Я стану объясняться? Какъ невинно!
Какъ воръ убилъ маркизу тайнымъ ядомъ,
И убѣжалъ! Зачѣмъ же воротился?

ВЕРРИНО.

Лаурета! кто оклеветалъ меня?

ЛАУРЕТА.

Оклеветалъ? Безстыдный! Какъ спокойно
Онъ говоритъ — оклеветалъ?..... Безбожникъ!
Лоренцо Теки, и маркизъ, и Мости,
И собственный побѣгъ твой, обвинили
Тебя единогласно.

ВЕРРИНО.

О, довольно
Для клеветы и Мости одного!

ЛАУРЕТА.

Лжецъ, гнусный лжецъ! Увидимъ! Предъ судомъ,
Подъ пыткой ты признаешься. Напрасно
Такъ гордо смотришь на меня. Напрасно!
Я не судья, презрѣнный отравитель!
Ты можешь насмѣхаться.

ВЕРРИНО.

Нѣтъ, Лаурета,
Я не смѣюсь, я самъ дрожу отъ злобы
И отомщу убійцѣ. Богъ свидѣтель!.....

ЛАУРЕТА.

О, можно ли быть болѣе злодѣемъ?
Въ свидѣтели онъ Бога призываетъ,
Что самому себѣ онъ будетъ мстить!
О, мсти же, мсти! Мсти дьявольской отравой!
Мсти совѣстью, которой не имѣешь,
И провались въ твою отчизну, адъ!
Въ такихъ какъ ты, свѣтъ не имѣетъ нужды.
Сгинь, пропади!

КІАРА.

О, Боже Всемогущій!

ЛАУРЕТА.

А ты, сестра безроднаго Веррино,
Не ты ль ему приготовляешь зелья
И потому его сестрой зовешься?.....
Сестра! сестра! Будь проклята какъ онъ.
Будь проклятъ, отравитель, на прощанье.

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВЕРРИНО И КІАРА.

КІАРА. (отирая слезы; то приближаясь къ задумчивому Веррино, то останавливаясь)

Веррино..... Нѣтъ отвѣта!..... Ты убійца.....
Скажи мнѣ, кто ты, ангелъ или демонъ?
Цѣлитель душъ, иль только отравитель?
И я тобой отравлена, Веррино.
Не погуби меня! Нельзя ужъ больше
Мнѣ быть сестрой твоей; ты видишь, люди
Въ глаза смѣются надъ моимъ родствомъ.
Скажи мнѣ, ради Бога, ты — убійца?

ВЕРРИНО. (твердо)

Нѣтъ, никогда!

КІАРА. (крѣпко сжавъ его въ объятьяхъ и поцѣловавъ)

Веррино, благодарствуй.
Ты жизнь мнѣ далъ своимъ волшебнымъ — нѣтъ.
Ты никогда не отравлялъ маркизы,
И даже этой мысли не имѣлъ?

ВЕРРИНО.

Да, Кіара, да.

КІАРА.

Все это клевета?
Благодарю Творца за испытанье.
О, сердца моего единый образъ,
Кого въ душѣ ношу какъ талисманъ,
Кто услаждаетъ мнѣ уединенье,
Кто трудныя работы облегчаетъ,
Ты снова чистъ, великъ и непороченъ!

ВЕРРИНО (горестно).

Довольно, ради Бога, пощади!
Я не достоинъ моего блаженства,
И не достоинъ горестей моихъ.
Я отравилъ маркизу?..... Кіара, Кіара,
Не мучь меня вопросами! Дай думать,
Дай догадаться, кто ея убійца.
Дай мнѣ увѣриться въ одной догадкѣ.....
Потомъ.....я брошу сердце въ бѣдный даръ.....
Нѣтъ, Кіара, я пойму тебя..... Потомъ.....
Повѣрь, и счастіе еще возможно.....
Я буду въ состояньи удивляться
И красотѣ твоей и сердцу..... (*Бѣшено*) Дьяволъ!
Онъ будетъ тамъ. Клянусь, онъ будетъ тамъ!
Я совершу единожды двѣ жертвы.
Я отравилъ маркизу?..... Нѣтъ! Но знаю,
Какой дорогой шествуетъ порокъ,
И обнажу ее цѣною злата.....

КІАРА.

Веррино!

ВЕРРИНО.

Кіара, только этотъ вечеръ!
Я твой до гроба. Только этотъ вечеръ!
Приданое для Кіары, казнь для Мости!.....

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

КІАРА.

Приданое, замужство!..... Нѣтъ, Веррино,
Не допущу..... Скорѣй за нимъ, за нимъ!.....
Но гдѣ искать Веррино?..... На кладбищѣ!
О, еслибъ мертвецовъ бросали въ море!

═

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

(Переулокъ, изгибающійся между двухъ монастырскихъ глухихъ стѣнъ.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ВЕРРИНО, ОДИНЪ.

Изъ благодарности!.....
Любить Розину
И мужемъ быть совсѣмъ другой жены?
Невѣрнымъ сердцемъ притворяться, жизнь
Вести рабомъ своей желѣзной воли,
Изъ честности обманывать ее,
Передъ людьми въ своихъ скрываться чувствахъ?
Какъ поручиться, что во снѣ, въ болѣзни,
Не обнаружу моего безстрастья,
Холодности душевной къ бѣдной Кіарѣ!.....
Но въ чемъ же я Розину обвинялъ?
Не такъ ли Кіара любитъ гордеца,
Какъ гордую Розину я любилъ?
Я могъ при ней спокойно оставаться,
Любить..... А Кіара этого не можетъ.
Иль вѣчный бракъ, иль вѣчная разлука.....
Намъ вмѣстѣ быть нельзя; минуло время
Невинныхъ чувствъ, а страсти воспитались
И требуютъ взаимности..... Да будетъ!
Я потерялъ на счастіе надежду,
Такъ жизнь моя пускай чужому счастью
Питательной, полѣзной жервой будетъ;
Пускай.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ВЕРРИНО И ГОНТИ.

ГОНТИ.

Возможно ли? Синьоръ Веррино!

ВЕРРИНО.

Художникъ Гонти.....

ГОНТИ.

Сколько лѣтъ!..... Когда
Пріѣхали?

ВЕРРИНО.

Вчера.

ГОНТИ.

Такъ это вы
Импровизаторъ?

ВЕРРИНО.

Да.

ГОНТИ.

Синьоръ, позвольте
Предостеречь васъ.....

ВЕРРИНО.

Въ чемъ?

ГОНТИ.

Есть подозрѣнье,
Что вы маркизу отравили.

ВЕРРИНО.

Да.

ГОНТИ.

Какъ *да*?

ВЕРРИНО.

Есть подозрѣніе; я знаю
Но кто же обвинитъ меня?

ГОНТИ.

Никто.
Но непріятности.....

ВЕРРИНО.

Синьоръ Астольфо,
Вы вѣрно позабыли, что Веррино,
Какъ человѣкъ, всегда имѣлъ враговъ:
Такъ нечего ему враговъ бояться.

ГОНТИ.

Вы знаете своихъ враговъ?

ВЕРРИНО.

Не знаю.

ГОНТИ.

А я такъ знаю. Первый врагъ вашъ — Мости.
Онъ васъ оклеветалъ передъ маркизомъ
Въ убійствѣ.

ВЕРРИНО.

Онъ? Не самъ ли онъ убійца.....

ГОНТИ.

Въ томъ нѣтъ малѣйшаго сомнѣнья.

ВЕРРИНО.

Какъ?

ГОНТИ.

Клянусь вамъ, онъ; божусь вамъ, онъ. Вчера
Онъ тайну высказалъ неосторожно.....

ВЕРРИНО.

Какую тайну?.....

ГОНТИ.

Я подозрѣвалъ
Уже давно.

ВЕРРИНО.

Но тайну, ради Бога!

ГОНТИ.

Онъ отравилъ медлительной отравой
Маркизу, и навелъ свиданье съ вами
Какъ разъ въ тотъ часъ, какъ по его расчету
Она должна была лишиться жизни.....

ВЕРРИНО.

Разительное сходство обстоятельствъ.
Вы можете передъ святымъ распятьемъ
Передъ Евангельемъ, въ Христовомъ храмѣ
Поклясться въ томъ?

ГОНТИ. (рѣшительно)

Могу.

ВЕРРИНО.

Довольно!
Не нужно мнѣ уликъ и очныхъ ставокъ,
Судебныхъ доказательствъ. О, довольно!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ГОНТИ.

Ого! теперь я въ сторонѣ. Пускай
Порѣжутся. Авось найду я средства
Изъ этой бури золото извлечь.....

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Д. МОСТИ И ГОНТИ.

МОСТИ.

Другъ, ради неба, другъ! Ты ввѣрилъ тайну?

Не это ли Веррино? Ради Бога,
Ты разсказалъ? Онъ знаетъ все?

ГОНТИ.

Что знаетъ?

МОСТИ.

Ахъ, Гонти, ты проникъ мое несчастье!.....

ГОНТИ.

Твой грѣхъ?

МОСТИ.

Да, грѣхъ.....

ГОНТИ.

Не трудно догадаться.

МОСТИ.

И ты не сострадаешь?

ГОНТИ.

Сострадаю.

МОСТИ.

И ты сказалъ?

ГОНТИ.

Сказалъ.

МОСТИ.

Что? ты сказалъ?

ГОНТИ.

Онъ мнѣ ссудилъ три тысячи цекиновъ;
А я въ залогъ твое злодѣйство отдалъ.

МОСТИ.

Есть, деньги, есть! Возьми ихъ сколько хочешь,
Но только дай твой дружескій совѣтъ
Какъ прежде..... Въ домъ мой можешь переѣхать,
Жить у меня пока тебѣ угодно,
Располагать и домомъ и богатствомъ;
И если.....

ГОНТИ.

Ну, пріятель, успокойся.
Я промолчалъ. Веррино ничего
Еще не знаетъ; только если ты
Сегодня не исполнишь обѣщанья
И не отдашь мнѣ половины денегъ,
Что въ погребѣ завѣтномъ.....

МОСТИ.

Браво, Гонти!
Благодарю! О, дай себя обнять,

Ты тотъ же, расторопный, ловкій, хитрый.....
Я виноватъ передъ тобой. Мнѣ стыдно.
Всему, мой другъ, причиной злые люди.....
Злорѣчіе..... Пойдемъ ко мнѣ, Астольфо!
(оглядываясь нѣсколько разъ)
(Нѣтъ никого; одни; кругомъ все пусто!)

гонти. (продолжая итти)

Не ожидалъ я твоего пріема.....
Ты согласись, что все твое богатство
Ты нажилъ помощью моею.

мости.

Да!
(Чего я медлю?)

гонти.

Самъ я обѣднѣлъ,
Обогативъ тебя.

(мости. вынимая ножъ)

Что это Гонти?
Никакъ пожаръ?

гонти.

Гдѣ?

мости. (вонзая ножъ сзади въ горло Гонти)

Здѣсь!

гонти. (упадая)

О, подлый извергъ!

мости.

Благодарю за сохраненье тайны.

(Уходитъ; въ противоположномъ концѣ персулка показывается Скаваріери.)

=

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

(Та же пріемная комната въ домѣ Джуліо Мости, какъ въ первомъ явленіи.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

мости.

Судьба, судьба!..... Проклятое Искусство,
Кчему доводишь ты людей несчастныхъ!
Я истинно несчастенъ. Я былъ добръ.
Да! у меня не злое сердце. Люди,
Вы виноваты..... Если бъ больше славы,

А меньше выгодъ, менѣе соблазна.....
Друзья, вы помогли мнѣ быть злодѣемъ;
Розина, ты себя вини. Не ты ли
Мнѣ въ раннемъ дѣтствѣ измѣнила? Гонти,
Тебѣ я заплатилъ мой долгъ сугубо:
Твои совѣты погубили Мости.
Всѣ виноваты; всѣ меня вели,
Влекли насильно на порочный путь;
А самъ я чистъ..... Кровавы эти руки!
На памяти такъ много смрадныхъ ранъ!
Что жъ? Слѣдствія то страсти, то совѣтовъ —
А самъ я чистъ. Лоренцо Теки, Гонти,
Поумирали бы и безъ меня.....
Неужели три тайныя убійства —
Такой ужасный грѣхъ, когда людей
Безъ счету рѣжетъ рыцарь, и спокоенъ?
(садясь на софу)
Ахъ, вечеръ, вечеръ!..... Богъ грозу готовитъ.
Сдается, вотъ зайдетъ златое солнце
И я погибъ..... Ребячество! Ну, вечеръ,
Такъ вечеръ. Что жъ? я не пойду, и только.
Я нездоровъ, я при смерти: посмотримъ
Судьбу сломаетъ воля человѣка..... (*Ложится.*)

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МОСТИ И ЛАУРЕТА.

ЛАУРЕТА. (вбѣгая)

Ну, слава Богу, дома. Знаешь, Мости,
Въ Болонію пріѣхалъ тотъ убійца.....

МОСТИ. (вскочивъ)

Что, кто? Убійца? гдѣ? (Пойдемъ отравимъ.)

ЛАУРЕТА.

Веррино.....

МОСТИ. (дрожа)

Да!..... Припоминаю..... Помню.....
Чортъ съ нимъ!..... Мнѣ дурно. Видишь, боленъ я.
Я захворалъ; не выхожу, — ты слышишь?
Не принимаю, — слышишь? понимаешь?..... (*ложится*)
Охъ, голова мучительно болитъ!
Грозитъ разбиться..... Охъ, я умираю!

ЛАУРЕТА.

Не сбѣгать ли мнѣ за врачемъ Лоренцо?

МОСТИ. (вскочивъ)

А!..... Заговоръ..... Хотятъ меня убить!.....
Ограбить! У меня нѣтъ ничего.
Я бѣденъ, нищій..... Мотовство, покража.....
Ужасный заговоръ, но мы узнаемъ.
Ну, говори, кто подучилъ тебя
Притти ко мнѣ и мучить этимъ взоромъ?.....
Я весь въ жару, — ты видишь, сочиняю?
Ищу уединенія, покою.....
Что смотришь такъ лукаво на меня?
Что такъ ехидной жмешь свой ротъ коварный?

ЛАУРЕТА. (въ ужасѣ)

Святый Тадео!

МОСТИ. (дрожа)

Что, святый Тадео?
Кого ты призываешь? Ахъ, Лаурета,
Не обращай вниманія Творца
На нашу жизнь. Быть-можетъ Онъ забудетъ
Про насъ.

ЛАУРЕТА.

Мости,
Ты богохульствуешь.

МОСТИ. (испуганный)

Молчи, Лаурета!
Дай мнѣ вина, холоднаго вина.

ЛАУРЕТА.

Да мы вина не держимъ.

МОСТИ.

Такъ купи.

ЛАУРЕТА.

Дай денегъ.

МОСТИ.

Денегъ? Провались сквозь землю.
На! (*даетъ деньги*) Принеси ужаснаго вина.

ЛАУРЕТА.

Пить? Одному? И безъ гостей!

МОСТИ.

Пошла!.....
(Толкаетъ ее и вдругъ останавливаетъ.)
Нѣтъ, подожди. Что говоритъ маркиза?

Что дѣлаетъ, что мнѣ велитъ? Лаурета,
Скажи скорѣй — здорова ли она?

ЛАУРЕТА.

Что это значитъ?

МОСТИ.

Га! что это значитъ?
Ты, гидра, ты меня воспламенила,
Ты жаръ любви къ маркизѣ охладила;
Всему причиной ты, — и нынѣ ты
Въ моихъ глазахъ, какъ памятникъ надгробный
И счастья моего и преступленій?
О, я найду дорогу къ избавленью!
Есть у меня подарокъ для Лауреты.
(Гдѣ этотъ ножъ? Остался въ горлѣ Гонти.)

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ЛАУРЕТА, одна.

Святый Лоренцо, что со мною будетъ?
Я вся дрожу отъ страху, ожиданья.....
Уйду я лучше. (*Хочетъ итти*)

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЛАУРЕТА И МОСТИ, съ длиннымъ обнаженнымъ ножемъ.

ЛАУРЕТА.

Ахъ!

МОСТИ.

Куда? Ни съ мѣста!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ТѢ же, МАРКИЗЪ И РОБЕРТО.

МАРКИЗЪ.

Ахъ, Мости, какъ я долго ждалъ тебя!
Пойдемъ, пора.

МОСТИ. (спрятавъ ножъ въ рукавъ)

Маркизъ, я заклинаю,
На этотъ вечеръ не ходите.

МАРКИЗЪ.

Полно
Ребячиться! Съѣзжается народъ;
Не станетъ близко мѣста.

МОСТИ.

На колѣнахъ

Молю, маркизъ, останьтесь.

МАРКИЗЪ.

Ни за что!

Пойдемъ, пойдемъ. Судьба готовитъ судъ.....

МОСТИ.

Судьба? Судьба не судъ, а казнь готовитъ.

МАРКИЗЪ.

И эта казнь сегодня совершится.

МОСТИ. (въ отчаяньи)

Пойдемъ впередъ, нельзя ужъ воротиться.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

ЛАУРЕТА, одна.

Благодарю за жизнь, святый Лоренцо!
Но отчего онъ бѣшенъ и труслив?
Зачѣмъ не хочетъ встрѣтиться съ Веррино?
Зачѣмъ ночь не спалъ? цѣлый день въ тревогѣ?

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ЛАУРЕТА, СКАВАРІЕРИ, СБИРЪ И СТРАЖА.

СКАВАРІЕРИ.

Гдѣ Мости?

ЛАУРЕТА.

Дома нѣтъ. Ушелъ съ маркизомъ
Къ импровизатору; туда идите.
Тамъ схватите Веррино.....

СКАВАРІЕРИ.

Что Веррино!
Намъ нуженъ Мости.. ...

ЛАУРЕТА.

Боже всемогущій!
Неужели.....?

СКАВАРІЕРИ.

Молчи! Онъ здѣсь, Лаурета.
Онъ, вѣрно, моетъ руки или платье.
Лаурета, укажи намъ спальню Мости.

ЛАУРЕТА.

Зачѣмъ?

СБИРЬ. (взявъ ее за руку)

Пойдемъ, красавица, пойдемъ!.....

(Уходятъ на право во внутренніе покои.)

=

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Une femme paraît, une vierge, un héros!
Делавинь.

(Корридоръ, ведущій въ залу, гдѣ приготовленъ импровизаторскій вечеръ: фонарь освѣщаетъ слабо своды этого перехода. Вдали лѣсенка въ залу.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КІАРА, одна, въ черной епанчѣ, облокотясь объ основаніе ближайшей арки.

Я не пущу его. На этомъ мѣстѣ
Скорѣй умру! Я не пущу его!.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КІАРА И ВЕРРИНО, блѣдный и задумчивый, съ кожанымъ мѣшкомъ въ рукѣ, медленно приближается къ лѣстницѣ.

КІАРА.

Назадъ!..... Назадъ!..... Отдай всѣ эти деньги
Назадъ злорѣчію и клеветѣ!
Не продавай своей души за злато!.....
Она моя. Не говори стиховъ!
Они мои. Ты для меня на жертву
Несешь свои святыя вдохновенья;
Отдай мнѣ ихъ, безъ злата и цѣны.
Начто тебѣ и слава и богатство?
Когда вся жизнь, безъ тихихъ удовольствій,
Безъ мирныхъ наслажденій пронесется?
«Торгашъ!» душа твоя воскликнетъ въ гнѣвѣ:
«Ты Божьимъ даромъ торговалъ! Ты гордо
«Счелъ собственностью даръ святыхъ пророковъ!»
Падетъ съ чела поэзіи печать!
Разрушится покой души и сердца!
Господь тебя обременитъ работой,
И ты, въ толпѣ людей влача презрѣнье,
Иль лесть глупцовъ, или хулу безумцевъ,
Какъ тать, продавшій не свое, погибнешь,
И смѣхъ людей..... (Людей!)..... твой вѣчный спутникъ!
Кчему намъ деньги?..... Руки есть. Работать
Мы въ силахъ оба. Жизнь пойдетъ спокойно,
Безъ роскоши, безъ недостатка..... *Другъ*,
Отецъ и *братъ*, всѣ эти имена

Съ твоей импровизаціей исчезнутъ.
И я останусь круглой спротой.
Приданое? Но будемъ откровенны:
Ужъ нечего скрываться.
Да! Веррино,
Я влюблена. Ты правду говорилъ;
Въ Болоніи мнѣ очи развязались.
Я влюблена. Теперь я понимаю,
Что́ значитъ быть женой и что́ сестрой.
Но безъ любви ты мужемъ быть не можешь.
И если ты меня совсѣмъ не любишь,
Иди!..... я ничего не потеряю.
Безъ ропота, упрековъ и проклятій,
Изъ благодарности за воспитанье,
За дружбу, ласковое обращенье,
И за мечты о невозможномъ счастьи,
Я посвящу остатокъ бѣдной жизни
На службу благодѣтелю Кіары.

ВЕРРИНО.

(Какъ счастье обѣтуетъ этотъ голосъ!
Быть-можетъ незаслуженное счастье.....
Любимымъ быть такъ пламенно, и хладно
Презрѣть, отвергнуть чудную любовь!.....
О, надо быть разбойникомъ, безумцемъ!.....
По-крайней-мѣрѣ женщиной..... Розина,
Я былъ похожъ на пламенную Кіару.....)

КІАРА.

Ну, что жъ?..... Иди!..... Я не держу, Веррино.

ВЕРРИНО.

Я не могу; я околдованъ, Кіара.
Твое признанье потрясло всю душу.....
Любовь ко мнѣ для женщины опасность.....
Я даже друга въ жизни не имѣлъ,
Затѣмъ, что я судьбѣ, любви и дружбѣ,
Какъ тремъ коварнымъ фуріямъ, не вѣрилъ.
Я избѣгалъ вовлечь младую душу
Въ обманъ сердечный; не хотѣлъ дать людямъ
Полмѣста въ сердцѣ, язвами покрытомъ,
Исполненномъ ядоточивымъ горемъ.

Кчему собой другаго отравлять?.....
Но ты..... залечишь, Кіара, эти раны?

КІАРА.

О! если бъ жизнь моя цѣлебнымъ масломъ
Могла на сердце милое разлиться,
Я не жалѣла бы объ жизни.

ВЕРРИНО.

Кіара,
Я твой! до гроба! Твой, клянусь.....

КІАРА.

Веррино,
Не вѣрю! Не обманывай..... Нѣтъ жертвы
Ужаснѣе, какъ жертва бѣднымъ сердцемъ,
Еще способнымъ женщину любить,
Еще достойнымъ счастія земнаго.
О, не спѣши невозвратимымъ словомъ!

ВЕРРИНО.

У ногъ твоихъ.....

КІАРА.

Одно, одно мгновенье!
Одумайся! Не жертва ли опять?
Ты другомъ быть моимъ не перестанешь,
А въ мужѣ я могу найти врага.

ВЕРРИНО. (въ сильномъ волненіи, вставъ)

И это женщина?..... Мое созданье?.....
Моей души воспитанница?..... Дѣва
Въ шестнадцать лѣтъ?
Веррино, ты великъ,
Когда тебя такая дѣва любитъ!
Не богохульствуй болѣе, Веррино,
И будь счастливцемъ противъ воли.....
Кіара,
У ногъ твоихъ! Не отвергай Веррино,
И подари твое святое сердце,
И подари твою святую руку.....
Я постараюсь быть тебя достойнымъ.

КІАРА. (обхвативъ его голову)

Повѣрить ли блаженству моему?

ВЕРРИНО. (обнимая ее)

Ахъ, Кіара, я повѣрилъ своему! (*Молчаніе.*)
Довольно. Ускоримъ же наше счастье.

Вѣдь мы свободны. Въ церковь Санъ-Лоренцо
Сейчасъ пошлю услужливаго сбира
Къ отцу Григоріо ди-Розамунда;
Онъ былъ всегда моимъ духовникомъ:
Пусть сдѣлаетъ къ вѣнчальному обряду
Всѣ нужныя приготовленья. Кіара,
Мы обвѣнчаемся сегодня.

Время

Итти.....

КІАРА.

Куда? Нѣтъ, извини, Веррино;
Теперь я не позволю торговать,
Чѣмъ торговать ты не имѣешь права.
Я не велю, и кончено. Пожалуй,
Ты можешь выйти къ публикѣ Болонской
И деньги возвратить.

ВЕРРИНО.

О, никогда!
Мы раздадимъ ихъ бѣднымъ, а за нихъ
Мы продадимъ другую жертву людямъ.

КІАРА.

Ахъ, Господи!

ВЕРРИНО.

Нѣтъ, Кіара, не пугайся.
За это золото открою тайну,
Сниму съ обманщика личину, тѣнь
Неуспокоенную успокою.

КІАРА.

О чемъ ты говоришь?

ВЕРРИНО.

А смерть Розины?

КІАРА.

Опять Розина.....

ВЕРРИНО.

Но въ послѣдній разъ.
Неужели и къ мертвой ты ревнуешь?
И не позволишь обличить убійцу?

КІАРА.

Ты можешь обличить ея убійцу,
А самъ передъ народомъ оправдаться.
Спѣши, мой другъ, спѣши! За эти деньги

Ты продалъ жизнь убійцы, а купилъ
Для бѣдныхъ утѣшеніе..... Иди!

ВЕРРИНО.

Два слова сбиру..... Ты куда?

КІАРА.

Я въ залу!
Твой подвигъ блескъ и на меня отбросилъ.

(Веррино возвращается; Кіара восходитъ на лѣсенку и отворяетъ двери въ освѣщенную залу; видно множество головъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

(Зала, заставленная стульями. По лѣвую руку двери для выхода и входа гостей; по правую руку возвышеніе для импровизатора, и двери, ведущія на лѣсенку предъидущаго явленія. Въ залѣ уже довольно людей: между ними МАРКИЗЪ И МОСТИ впереди сцены, въ третьемъ или четвертомъ ряду креселъ; возлѣ нихъ РОБЕРТО, тихо разговаривающій съ сосѣдями. ДОМИНИКЪ ЦАМПІЕРИ, БЕРНАРДО и АЛЬБАНО у самаго возвышенія. Зала болѣе и болѣе наполняется слушателями.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КІАРА, входитъ къ нимъ въ двери, что на возвышеніи.

ДОМИНИКЪ ЦАМПІЕРИ.

Ахъ, Господи, какъ хороша! Взгляни,
Альбано, посмотри.

АЛЬБАНО. (оглядываясь)

Кого ты видишь?

ДОМИНИКЪ.

Вотъ эта дѣвушка: взгляни, Альбано,
Какое выраженіе въ лицѣ!

АЛЬБАНО.

Да! не дурна. Не много смугловата,
Носъ малъ.....

ДОМИНИКЪ.

Но выраженье, выраженье!
Что̀ въ правильныхъ чертахъ, законныхъ формахъ,
Когда глаза души не опаляютъ,
Когда уста не дышатъ чувствомъ? Другъ мой,
Стань такъ; закрой меня. Гдѣ карандашь мой?

(рисуетъ на спинѣ Альбано въ небольшой книжкѣ контуръ головы Кіары.)

КІАРА (сошедъ съ возвышенія и останавливаясь впереди Доминика.)

(Какое многолюдство! Мой Веррино,
Ты славенъ, а скрывался!..... Какъ я рада!
Всѣ веселы: какое нетерпѣнье
Написано на лицахъ!..... Мой Веррино,
Тебя всѣ любятъ.)

МАРКИЗЪ. (потирая руки)

Долго ли намъ ждать?

МОСТИ.

Уйдемъ, маркизъ, мы не дождемся.

МАРКИЗЪ.

Мости;
Какъ жертву упустить? Я все обдумалъ;
У кардинала взялъ открытый листъ
Ко всѣмъ властямъ о помощи и стражѣ;
Со мною сбиръ.....

МОСТИ.

Какъ, сбиръ?

МАРКИЗЪ.

Переодѣтый;
Съ нимъ нѣсколько переодѣтыхъ слугъ;
У возвышенья, видишь, помѣстились.
Онъ можетъ выйти къ намъ: назадъ не можетъ.

МОСТИ.

Кчему, маркизъ? Нѣтъ, сбира отпустите.
Не честно!.....

МАРКИЗЪ.

Вотъ, нечестно!

ОДИНЪ ИЗЪ ГОСТЕЙ. (проходя мимо маркиза)

Ахъ, маркизъ,
Я такъ давно не видѣлъ васъ!

МАРКИЗЪ.

Жалѣю.
А я по вечерамъ одинъ скучаю,
И очень радъ имѣть гостей.

МОСТИ.

Маркизъ,
Кчему вамъ эти гости? не просите!
Уйдемъ; нето, весь городъ назовется.

МАРКИЗЪ.

Ты обо мнѣ хлопочешь, добрый Мости!
Не бойся. Все уладимъ..... Вотъ Веррино.

МОСТИ.

(Великій Боже!..... Надо уходить.)

КІАРА.

(Великій Боже, помоги Веррино!)

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТѢ ЖЕ И НА ВОЗВЫШЕНІИ ВЕРРИНО.

ГОЛОСА.

Возможно ли? Племянникъ Чинто!..... — Да!
Ну, кто бы этому повѣрилъ? Сынъ
Маркизы занимается стихами! —
Веррино? Быть не можетъ! Тотъ уѣхалъ
Въ новооткрытый свѣтъ. — Такъ воротился.
Не умеръ же! — А можетъ-быть и умеръ. —
Ну, такъ воскресъ! Вѣдь я Веррино знаю. —
Онъ начинаетъ говорить..... Молчите!

ВЕРРИНО. (передавая бумажки ближайшему слушателю)

Не откажите передать сосѣдямъ
Бумажки. Напишите на бумажкахъ
Слова и съ снисходительнымъ терпѣньемъ
Вы приготовьтесь къ добровольной скукѣ.

(Многіе, между прочими маркизъ, пишутъ на бумажкахъ задачи и возвращаютъ свернутые билетики переднимъ.)

Я созвалъ васъ по тайному глаголу.
Необходимость будетъ вдохновеньемъ,
Молчанье — лучшею моей наградой.
Впередъ скажу, — не вѣрю ни хулѣ,
Ни безотчетныхъ рукъ пустому плеску..... (*Вспыхнувъ*)
Душа моя сама себя оцѣнитъ!
Не измѣняла Божія душа.
Великій судъ вести дѣламъ пѣвца!
И въ этотъ разъ святая не измѣнитъ!

(Въ это время ему съ разныхъ сторонъ подаютъ записочки.)

ГОЛОСЪ ВЪ ПУБЛИКѢ.

Задачи! Не угодно ли, синьоръ?.....

ВЕРРИНО (теряетъ обыкновенный цвѣтъ лица, блѣднѣетъ, брови сжимаются, глаза разгараются; онъ отступаетъ.)

ИМПРОВИЗАЦІЯ I.

Кчему? Какъ-будто вдоховенье
Полюбитъ заданный предметъ?
Какъ-будто истинный поэтъ
Продастъ свое воображенье?
Я рабъ, поденьщикъ! я торгашъ!
Я долженъ, грѣшникъ вамъ за злато,
За сребренникъ ничтожный вашъ,
Платить божественною платой!
Я долженъ Божью благодать
Предъ недостойными ушами,
Какъ даръ продажный, расточать
Богохуливыми устами!
Погибни, златодушный міръ,
Высокихъ помысловъ пустыня:
Не сребролюбія ль кумиръ
Твоя единая святыня?
Не мзда ли — Царь въ твоей землѣ?
Предъ распаленными очами,
Не гидра ль движется во мглѣ,
Безчисленными головами
И жаждетъ мзды за пенязь свой?
Смотрите, взоръ ихъ златомъ блещетъ,
Грудь сребролюбіемъ трепещетъ;
Уста курятся клеветой.
И вамъ ли слушать пѣснопѣнья?.....
Прочь, дѣти смрадные грѣха!
Для торгашей нѣтъ вдохновенья, —
Нѣтъ, ни единаго стиха!

(Въ изнеможеніи падаетъ въ кресла, уронивъ голову на руки. Общее рукоплесканіе.)

ГОЛОСА.

Браво! Брависсимо! —
— Вотъ это ново!
Позвать гостей и обругать гостей! —
А правда. — Въ чемъ же гости виноваты?
Зови безъ денегъ, мы придемъ! — Что дальше?
Пока, не много. — Это предисловье. —

ВЕРРИНО (подымается; лице его изображаетъ глубокую душевную истому.)

ИМПРОВИЗАЦІЯ II.

Простите, люди; сердцу больно
Утратить счастье многихъ лѣтъ.
Нарушить жертвой добровольной
Души торжественный обѣтъ.
Я разскажу вамъ, — были годы,
Душа невинностью цвѣла,
Два дара гордо берегла, —
Даръ вдохновеній и свободы.
Свободный стихъ звучалъ шутя,
Шутя играло вдохновенье;
Изъ сновидѣнья въ сновидѣнье
Летало божіе дитя.
Вездѣ просторъ, вездѣ приволье;
Жизнь была чудно хороша!.....
И крѣпла вольная душа,
Какъ дикій левъ, на дикой волѣ.
День счастія ничтожно малъ.
Путь независимости тѣсенъ.
Я шелъ впередъ, бѣднѣлъ, страдалъ;
Но никогда не торговалъ
Богатствомъ сладкозвучныхъ пѣсенъ.
Теперь ужъ все извѣстно вамъ!
Пѣвца, страдальца не вините.
Внимайте заказнымъ стихамъ,
А слову дерзкому простите.

ГОЛОСА.

Брависсимо! — Поправился! — Вотъ такъ!
Какъ чувству не простить?

КІАРА. (къ Доминику)

О чемъ ты плачешь?

ДОМИНИКЪ.

Я?..... О себѣ..... Предчувствіе.....

МАРКИЗЪ.

Приходитъ
И наша череда..... Но какъ ты блѣденъ.

МОСТИ. (третъ обѣими руками лице)

Я блѣденъ? Я? Маркизъ, давно я блѣденъ.
Маркизъ, онъ смотритъ на меня: закройте!
(Глаза его все видятъ!) О, закройте!

ВЕРРИНО. (въ размышленіи)

Печальная задача мнѣ попалась.

МАРКИЗЪ.

Ага! Моя!

МОСТИ. (отходя отъ маркиза)

(Бѣжать скорѣй, бѣжать!.....
До тѣхъ дверей не доберусь..... Толпа!
Вотъ въ эти легче будетъ проскользнуть.)

(Желая продраться къ импровизаторскимъ дверямъ толкаетъ Доминика.)

ДОМИНИКЪ.

Позвольте слушать.....

МОСТИ.

Слушай, дьяволъ, слушай!

АЛЬБАНО. (тихо)

Цампіери, это Мости! Осторожно!

ВЕРРИНО. (громогласно)

«На смерть Торквата Тасса.»

МОСТИ (невольно останавливаясь между Доминикомъ и Кіарою.)

Всемогущій!

ВЕРРИНО.

ИМПРОВИЗАЦІЯ III.

Чего весь Римъ на Вѣтренной Горѣ,
У вратъ Святаго Духа ждетъ печально?
Зачѣмъ огни горятъ въ монастырѣ?
И Чиптіо, въ одеждѣ погребальной,
Одинъ стоитъ въ соборномъ алтарѣ?
О комъ поютъ такъ смутно въ кельѣ дальной?
Идутъ!..... Чей гробъ, и въ лаврахъ и цвѣтахъ,
На иноческихъ движется плечахъ?.....

Заприте храмъ! Людскому состраданью
Не дайте прахъ великій оскорблять!
Не люди ль Тасса продали страданью;
Теперь пришли убитаго вѣнчать!
Не вѣрьте ихъ пустому покаянью:
Они пришли одежды раздѣлять!
Повѣрьте, зависть, клевета и злоба
Находятъ пищу даже въ нѣдрахъ гроба.

(примѣтивъ Мости, возвышаетъ голосъ).

Заприте храмъ! Еще есть клеветникъ!

Тогда онъ плакалъ чистыми слезами.
Но грѣхъ сломалъ, порокъ его проникъ,
Соблазнъ обвилъ кровавыми руками
И прогорѣлъ хулой его языкъ;
Душа растлилась гнуеными страстями.
Могила величайшихъ изъ людей,
Жилище смрадныхъ гадинъ и червей!.....

ГОЛОСА.

Не много непонятно. Объяснится! —
Вѣдь онъ еще не кончилъ. — Какъ не кончилъ? —
Ужъ онъ другую развернулъ бумажку. —
Онъ побледнѣлъ, смотрите.

КІАРА.

Мой Веррино,
Что ты прочелъ?

ВЪ ПУБЛИКѢ.

Что ты прочелъ.

МАРКИЗЪ.

Веррино,
Что ты прочелъ? Скажи намъ безъ стыда.

ВЕРРИНО. (бросаетъ бумажку въ народъ)

Вотъ вамъ! Читайте сами!

КІАРА. (поймавъ бумажку, громко читаетъ)

«Кто убійца
Маркизы Чинто?»

МОСТИ.

Милосердый Боже!

ВЕРРИНО. (сбѣжавъ съ возвышенія и остановясь предъ Мости)

Вотъ онъ! Передо мной стоитъ въ стыдѣ,
Пророчество припоминаетъ въ страхѣ.
Вотъ онъ! Кому я мщенье завѣщалъ,
И возвратился мщеніе исполнить.
Вотъ онъ! Подай мнѣ руку; на рукѣ
Семь лѣтъ не смыли крови неповинной.....

МОСТИ. (съ трудомъ освободивъ ножъ изъ рукава и бросаясь на Веррино)

Постой, я оправдаюсь!

КІАРА И ДОМИНИКЪ. (схвативъ его за руки)

Ножъ! — Кинжалъ!

МАРКИЗЪ. (пробиваясь сквозь толпу слушателей, изъ которыхъ многіе стараются уйти, тогда какъ другіе взмостились на возвышеніе, третіе вскочили на стулья)

Такъ вотъ зачѣмъ ты жаждалъ тайной мести?
Хотѣлъ меня убійцей сдѣлать.....

МОСТИ. (вырываясь изъ рукъ Кіары и Доминика)

Прочъ!

Убью!

МАРКИЗЪ.

Ловите изверга!

ГОЛОСА ВЪ ПУБЛИКѢ.

Ловите! —
Ловите сребролюбца, шарлатана,
Обманщика, разбойника. — Ловите! —

МОСТИ. (освободивъ руки и размахивая ножемъ. Народъ разступается)

Прочъ, черти! Ножъ мой страшенъ! Прочъ съ дороги!

МАРКИЗЪ.

Двѣ тысячи цекиновъ, кто поймаетъ!

НАРОДЪ. (очищая дорогу Мости)

Лови ка самъ, а мы не дураки
На бѣшенаго пса бросаться.....

МОСТИ. (приближаясь къ дверямъ)

Прочъ!

НАРОДЪ.

Да пропустите! — Чортъ его возьми! —
Пускай идетъ, правительство найдетъ.

МОСТИ. (въ дверяхъ)

Веррино! до кроваваго свиданья!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТѢ ЖЕ, СКАВАРІЕРИ, СБИРЪ И СТРАЖА; ВСЛѢДЪ ЗА НИМИ ЖЕНА ЛОРЕНЦО ТЕКИ.

СКАВАРІЕРИ. (въ дверяхъ, схвативъ за руку Мости и обезоруживъ)

Стой! дальше нѣтъ пути.

НАРОДЪ.

Ага! поймали.

МАРКИЗЪ.

Сюда его, сюда! Я предъ маркизой
Торжественно клялся изобличить
Убійцу. Прочъ! онъ мой.

СКАВАРІЕРИ.

Онъ нашъ, маркизъ!

ЖЕНА Л. ТЕКИ.

Онъ мой! онъ мужа моего зарѣзалъ.....

МАРКИЗЪ.

Онъ мой! онъ отравилъ мою жену.

СКАВАРІЕРИ.

Онъ закололъ Астольфо Гонти.

ВЕРРИНО.

Кіара,
Видала ль ты посредственность въ вѣнцѣ?
Когда она того вѣнца достигнетъ,
Неопаленная презрѣньемъ общимъ,
Вѣнецъ ея останется на плахѣ.

НАРОДЪ.

На плаху! — Нѣтъ, пытать его! — Пытать!
Разбойнику три жертвы слишкомъ мало.

МОСТИ. (связанный по рукамъ падаетъ передъ маркизомъ на колѣни).

Помилуйте, маркизъ великодушный!
Вступитесь за меня, я оправдаюсь.....

НАРОДЪ.

Пытать его, четвертовать, повѣсить!

МОСТИ.

Прахъ вашихъ стопъ слезами обливаю,
Цѣлую обувь вашихъ ногъ, вступитесь!

МАРКИЗЪ.

Вяжите изверга!

НАРОДЪ.

Скорѣй вяжите!

МОСТИ.

Маркизъ, я поправлялъ твои стихи.
Маркизъ, я подкупалъ людей ученыхъ,
Чтобы тебя прославить: ради беба,
Ради всего святаго, заступись!

НАРОДЪ.

Къ легату! въ судъ! *(Мости связаннаго подымаютъ)*
— Вотъ какъ у насъ вѣнчаютъ
Поэтовъ знаменитыхъ! *(рукоплещутъ)* — Браво, Мости!

МАРКИЗЪ.

Ты отравилъ Розину? Признавайся!

МОСТИ. (въ полномъ ужасѣ)

Я!..... Нѣтъ не я!..... А!..... Кольца смерти?..... Манни,
Да будетъ проклятъ твой ужасный даръ!

НАРОДЪ. (уходя за Мости)

Да будетъ проклятъ Мости! проклятъ! проклятъ!

ВЕРРИНО.

Чернь бѣдная, давно ль хвалила Мости!
Давно ль ему нелѣпо удивлялась?
Увы! нашъ свѣтъ дивится только счастью.....
Богъ съ вами, люди; я вамъ продалъ жертву:
Нашъ подвигъ конченъ, Кіара. Въ церковь!

КІАРА.

Въ церковь?.....

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

БЕРНАРДО ЦАМПІЕРИ, ДОМИНИКЪ ЦАМПІЕРИ, АЛЬБАНО И МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ (проводивъ толпу, возвращается)

Гдѣ мой Веррино? Нѣтъ? Но я найду!
И если я быть мстителемъ умѣлъ,
То благодарнымъ быть гораздо легче. (*Уходя*)
Да будетъ проклятъ Мости!
(Вдали слышны глухія восклицанія.)
Проклятъ! Проклятъ!

ВЫХОДЪ ПОСЛѢДНІЙ.

АЛЬБАНО, БЕРНАРДО ЦАМПІЕРИ И ДОМИНИКЪ ЦАМПІЕРИ.

ДОМИНИКЪ.

Что, батюшка?

БЕРНАРДО.

Ты правъ, несчастный сынъ:
Страдай, будь бѣденъ, презрѣнъ и безславенъ,
Когда нельзя быть славнымъ и великимъ
Безъ лести, подлостей, пронырствъ и крови!

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

=

егерскаго полка. Малый кавалерійскій отрядъ двинулся рысью для наблюденія непріятеля.

Французскій авангардъ, предшествуемый фланкерами и за которымъ слѣдовала вся сила арміи, изрѣдка стрѣлялъ, изъ одного, иногда изъ двухъ орудій, по нашей передовой цѣпи; выдвигалъ громады свои на снѣжные холмы, и спускался съ нихъ въ направленіи къ Вольфсдорфу.

Полковникъ Ю***, подъ прикрытіемъ ближайшихъ къ непріятелю Казаковъ своей комманды, то останавливался, то снова тянулся косвенно къ боевой линіи арріергарда, на правый флангъ пятаго егерскаго полка, за уголъ лѣса. Будучи адъютантомъ князя Багратіона, и слѣдственно безъ команды, я выпросился у него въ передовую цѣпь, будто-бы для наблюденія за движеніемъ непріятеля, но собственно длятого чтобы погарцовать на конѣ, пострѣлять изъ пистолетовъ, помахать саблею, и если представится случай, то и порубиться.

Я прискакалъ къ Казакамъ, которые перестрѣливались съ непріятельскими фланкерами. Ближайшій ко мнѣ изъ этихъ фланкеровъ, въ синемъ плащѣ и медвѣжьей шапкѣ, казался офицерскаго званія. Мнѣ очень захотѣлось отхватить его отъ линіи и взять въ плѣнъ: я сталъ уговаривать на то Казаковъ, но они только что не смѣялись надъ рыцаремъ, который упалъ къ нимъ какъ съ неба съ такимъ забавнымъ предложеніемъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать за мной, а у меня, слава Богу, случилось на ту пору именно столько благоразумія, сколько было нужно длятого чтобы не отважиться на схватку съ человѣкомъ, къ которому, пока я уговаривалъ Казаковъ, уже подъѣхало нѣсколько всадниковъ. Къ несчастію, въ моей молодости я не долго уживался съ благоразуміемъ. Вскорѣ задоръ разгорѣлся, сердце вспыхнуло, — я, какъ бѣшеный, толкнулъ лошадь впередъ, подска-

калъ къ офицеру довольно близко, и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета. Онъ, не прибавивъ шагу, отвѣчалъ мнѣ своимъ выстрѣломъ, за которымъ посыпались выстрѣлы изъ нѣсколькихъ карабиновъ его товарищей. То были первыя пули, которыя просвистали мимо ушей моихъ. Я не считалъ себя Карломъ XII, но въ это мгновеніе, въ этомъ упоительномъ чаду первыхъ опасностей, при кипѣніи молодой крови, я, казалось, понялъ обѣтъ вѣнценоснаго искателя приключеній, гордо взглянулъ на себя, окуреннаго уже боевымъ порохомъ, и весь міръ гражданскій, и все, что́ внѣ боевой службы, — все опустилось въ моемъ мнѣніи ниже меня, до самыхъ антиподовъ. Не надѣясь уже на содѣйствіе Казаковъ, но твердо увѣренный въ удальствѣ своего коня, и притомъ увлеченный внезапною злобою, — Богъ знаетъ, за что́! — на человѣка мнѣ неизвѣстнаго, который, подобно мнѣ, исполнялъ долгъ чести и обязанности службы, я подвинулся къ нему еще ближе, замахалъ саблею и принялся ругать его на Французскомъ языкѣ какъ-можно громче и выразительнѣе. Я приглашалъ его выдвинуться изъ линіи и сразиться со мной безъ помощниковъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ такимъ же ругательствомъ и предлагалъ то же; но ни одинъ изъ насъ не принималъ предложенія другаго, и мы оба оставались на своихъ мѣстахъ. Впрочемъ, безъ хвастовства сказать, я былъ далеко отъ своихъ и только на три или на четыре конскіе скока отъ цѣпи Французскихъ фланкеровъ, тогда какъ этотъ офицеръ находился въ самой цѣпи. Съ моей стороны было сдѣлано все, за что бы слѣдовало меня подрать за уши и погладить по головкѣ. Въ это самое время подскакалъ ко мнѣ казачій урядникъ, и сказалъ: «Что вы ругаетесь, ваше благородіе? Грѣхъ! «*Страженіе* святое дѣло; ругаться въ немъ все то же, «что въ церкви: Богъ убьетъ! Пропадете, да и мы съ «вами. Ступайте-ка лучше туда, откуда пріѣхали.»

Тутъ только я очнулся, и, почувствовавъ всю нелѣпость моей пародіи Троянскихъ героевъ, возвратился къ князю Багратіону.

Мудреное дѣло начальствовать арріергардомъ арміи, за которою вслѣдъ идетъ непріятель. Это я долженъ объяснить читателямъ, чтобъ сдѣлать свой разсказъ болѣе понятнымъ, потому, что хотя я безпредѣльно ихъ уважаю, не думаю однако жъ, чтобы каждый изъ нихъ понималъ военное дѣло такъ же хорошо какъ Багратіонъ или какъ покойный императоръ Французовъ. Два противоположные предмета составляютъ основную обязанность арріергарднаго начальника, — охраненіе спокойствія арміи отъ натисковъ врага, и соблюденіе, сколько можно, ближайшей смежности съ нею для неразрывныхъ связей и сношеній съ главными силами. Какъ согласить между собою эти двѣ, по-видимому, несогласимыя необходимости? Прибѣгнуть ли къ принятію битвы? Но всякая битва требуетъ болѣе или менѣе продолжительной остановки, во время которой увеличивается разстояніе арріергарда отъ удаляющейся арміи. Обратиться ли единственно къ соблюденію ближайшей смѣжности съ нею, и слѣдственно уклоняться отъ битвы? Но такимъ образомъ легко можно подвесть арріергардъ къ самой арміи и принесть непріятеля на своихъ плечахъ. Багратіонъ уже рѣшилъ-было эту задачу. Онъ постигъ то правило для арріергардовъ, которое четырнадцать лѣтъ послѣ изложилъ на островѣ Св. Елены величайшій знатокъ военнаго дѣла, сказавъ: l'avantgarde doit presser les attaques; l'arrièregarde doit manœuvrer, — «авангардъ долженъ безпрерывно нападать; арріергардъ долженъ маневрировать,» — и на этой аксіомѣ Багратіонъ основалъ охранительное дѣйствіе арріергардовъ во все время своего командованія ими. Подъ его начальствомъ никогда арріергардъ не оставался на-мѣстѣ и никогда не слѣдовалъ безостановочно за арміею. Сущ-

ность его дѣйствія состояла въ однѣхъ обратныхъ перемѣщеніяхъ съ одной оборонительной позиціи на другую, не вдаваясь въ общую битву, и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняя грозную осанку частными отпорами непріятельскихъ покушеній, – отпорами, которые онъ подкрѣплялъ сильнымъ и почти общимъ дѣйствіемъ артиллеріи. Это – операція, требующая всего геніальнаго объема обстоятельствъ, всего хладнокровія, глазомѣра и сверхъестественной снаровки, которыми природа такъ чудесно одарила Багратіона.

Все это было свыше моихъ понятій. Гусарскій штабъ-ротмистръ, я жаждалъ горячей битвы: по моей стратегіи, она была необходима, и въ томъ, что она состоится, ручалась мнѣ извѣстная неустрашимость князя, которой первою обязанностью была, по мнѣ, защита Вольфсдорфской позиціи всѣми силами и мѣрами, хоть бы это стоило цѣлаго арріергарда. Я такъ былъ убѣжденъ въ глубокомысленности своего разсужденія, такъ увѣренъ въ томъ, что все пошло бъ иначе, если бъ меня послушались, что единственно это было причиною того взрыва моей невѣжественной самонадѣянности, который подвергъ меня величайшей бѣдѣ и кончился моимъ спасеніемъ только по волѣ Провидѣнія.

Тотчасъ по возвращеніи изъ передовой цѣпи къ князю, я посланъ имъ былъ къ пятому егерскому полку съ приказаніемъ оставить занятый имъ лѣсъ и отойти вдоль него къ Дитрихсдорфу, гдѣ избрана была для арріергарда вторая позиція. Это меня удивило и огорчило. Какъ! думалъ я: когда еще такъ мало войскъ вступило въ дѣло, когда въ этомъ полку еще ни одно ружье незакоптилось порохомъ, уже отступленіе!

Однако я поскакалъ къ егерямъ и выполнилъ порученіе.

Между-тѣмъ передовая цѣпь наша, продолжая пе-

стрѣлку съ непріятельскими фланкерами, отодвинулась уже къ лѣсу, который оставляли егеря. Такъ случилось, что возвращаясь отъ нихъ къ моему мѣсту, и перебирая въ головѣ средства, какъ-бы «исправить промахъ» князя Багратіона, рѣшавшагося оставить Вольфсдорфскую позицію безъ сильнаго отпора непріятельскихъ нападеній, я проѣзжалъ сквозь ту же передовую цѣпь, средь которой, за часъ передъ тѣмъ, я такъ гомерически, и только что не гекзаметрами, ругался съ Французскимъ офицеромъ. Надо было, чтобъ я еще увидѣлъ и того урядника, который прозою своего благоразумія прервалъ мое эпическое изступленіе. Я подъѣхалъ къ нему, и вдругъ мысль, гораздо сумасброднѣе той, отъ которой онъ отвлекъ меня, вспыхнула въ моей головѣ. Чортъ знаетъ, гдѣ-то я читалъ, что въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ появлялись люди, прежде незамѣченные, которые, силою собственной воли и дарованія, исторгали побѣду у непріятеля. Какъ не испытать судьбы! Можетъ-быть и я тоже одаренъ великими дарованіями? Можетъ-быть и я избранъ Провидѣніемъ для подобнаго подвига?.... Воображеніе мое полетѣло, и занеслось, Богъ знаетъ, куда. Я задумалъ ударить съ передовою цѣпью на непріятеля, опрокинуть его и тѣмъ увлечь за собою егерскій полкъ, который только-что начиналъ собираться, чтобы выступить изъ лѣсу: увидѣвши мой успѣхъ, полагалъ я, князь подкрѣпитъ меня всѣмъ арріергардомъ, и дастъ знать Бенингсену, который немедленно возвратится со всею арміею. Однимъ словомъ, я возмечталъ не болѣе и не менѣе какъ разбить весь непріятельскій авангардъ горстью всадниковъ и егерей и даже быть главнымъ виновникомъ пораженія самого Наполеона. И все это пришло мнѣ въ голову не за кустами, а въ чистомъ полѣ, гдѣ я собственными глазами видѣлъ все разстояніе отъ Вольфсдорфа до Варлака уже покрытое густыми

колоннами пѣхоты и конницы съ несмѣтнымъ числомъ артиллеріи, слѣдственно, могъ, кажется, удостовѣриться въ нелѣпости своего предпріятія; но страсть говорила громче разсудка, — что часто со мной бывало и въ другихъ случаяхъ. Полный своего горняго плана, я спросилъ урядника: — А что, братъ, если бъ ударить? — «Для чего же нѣтъ, ваше благородіе!» отвѣчалъ онъ, и, указывая на фланкеровъ, которые вертѣлись у насъ подъ носомъ, прибавилъ: «Ихъ здѣсь немного; съ ними можно справиться; давича мы были далеко отъ пѣхоты, а теперь близко; есть кому поддержать.» — Ну, подбивай же на ударъ своихъ Казаковъ! сказалъ я ему: а я примусь подбивать гусаровъ и улановъ (ихъ было разсыпано взвода два въ казачьей цѣпи). — Намъ удалось. Цѣпь вся *гикнула*, и дружно бросилась въ сѣчу. Мы перемѣшались съ непріятельскими фланкерами. Сабельные удары посыпались, пули засвистали, пошла потѣха. Я помню, что и моя сабля поѣла живаго мяса. Благородный паръ крови курился и на ея лезвеѣ.

Сѣча продолжалась немного. Французскіе фланкеры, смятые нашими, пошли на-уходъ; но, въ запальчивости погони, мы неожиданно встрѣтились съ ихъ резервами, которые прискакали на помощь. Это были драгуны, съ конскими хвостами, развѣвавшимися на гребняхъ шлемовъ. Они бросились на насъ съ жадностью. Забрящали свѣжіе удары, и мы, въ свою очередь, сбитые и опрокинутые, обратились въ бѣгство вдоль опушки лѣса, гдѣ уже не было егерей, чтобы поддержать насъ. Весь мой исполинскій планъ разрушился, и я, подобно Наполеону послѣ Ватерло, пасмурный и суровый возвращался къ князю, направляясь мимо Вольфсдорфа къ Дитрихсдорфу, куда тянулись всѣ войска арріергарда. Я ѣхалъ одинъ лощиною, въ полной безпечности насчетъ непріятеля, потому что драгуны, которые насъ растрепали, удоволь-

ствовались этимъ успѣхомъ и не преслѣдовали шалуновъ. Но едва поднялся я на возвышеніе, какъ вдругъ встрѣчаюсь, почти лице съ лицемъ, съ шестью Французскими конноегерями, ѣдущими изъ Вольфсдорфа для надзора за движеніемъ главныхъ силъ арріергарда. Я вздрогнулъ. Увидѣть ихъ и поскакать во-свояси — было дѣйствіе одного и того же мгновенія. Они выстрѣлили по мнѣ вдогонку изъ карабиновъ и жестоко ранили мою лошадь, которая однако жъ продолжала скакать на первыхъ порахъ не уменьшая прыти. Я думалъ, что отдѣлался. Не тутъ-то было! Они уже настигали меня, обскакивая справа и слѣва. Я окинулъ глазами окрестность, не увижу ли какой-нибудь подмоги, и увидѣлъ только хвосты колоннъ арріергарда, подходившихъ къ Дитрихсдорфу, верстахъ въ трехъ отъ меня; на всемъ полѣ, до самаго лѣса, не было уже никого изъ нашихъ. Гибель казалась неизбѣжною. На мнѣ накинута была шинель, застегнутая у горла одной пуговицей; сабля голая въ рукахъ; у сѣдла пистолеты, которыхъ я не успѣлъ зарядить послѣ выстрѣловъ на передовой цѣпи. Одинъ изъ моихъ гонителей, видно на лучшей лошади чѣмъ его товарищи, догналъ меня, но не на такое разстояніе, чтобъ достать саблею, а только чтобъ ухватиться за край моей шинели, раздувавшейся отъ скака. Онъ и воспользовался этимъ, и чуть-чуть не стащилъ меня съ лошади. Но, къ счастію, шинель разстегнулась и осталась въ его рукахъ. Я безостановочно продолжалъ скакать къ лѣсу, преслѣдуемый и настигаемый всё ближе и ближе, потому что лошадь моя ослабѣвала и начинала укрощать скакъ отъ полученной раны. Зима была кроткая, и оттого болота были обманчивы: подъ снѣгомъ лежала топь непроходимая. Я скакалъ не по дорогѣ, а какъ попало, и, какъ на бѣду, наскакалъ на ту часть опушки лѣса, куда примыкало непримѣтное для глазъ болото. Лошадь моя рухнула въ него

со всего маху, провалилась по брюхо, упала на бокъ и издохла. Еще двѣ секунды и остріе надо мною!.... Смерть или плѣнъ были моей участью.

Въ самый этотъ моментъ около двадцати Казаковъ, посланныхъ Ю***скимъ для надзора за непріятелемъ и приведенныхъ сюда однимъ Провидѣніемъ, выскочили съ крикомъ изъ лѣсу, немного выше болота, въ которомъ я загрязъ съ лошадью, и погнали моихъ преслѣдователей обратно къ Вольфсдорфу. Одинъ изъ нихъ, истинный мой спаситель, посадилъ меня позади себя и привезъ къ Ю***скому, который далъ мнѣ лошадь изъ-подъ убитаго гусара. Такъ я возвратился къ арріергарду, который уже стоялъ на позиціи подъ Дитрихсдорфомъ.

Между-тѣмъ князь, въ которомъ доброта сердца не уступала высокимъ качествамъ геройской души, безпокоился на мой счетъ и безпрестанно спрашивалъ обо мнѣ каждаго возвращавшагося изъ передовой цѣпи. Никто не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта, куда я дѣвался. Наконецъ я предсталъ передъ него на чужой лошади, безъ шинели, въ грязи, въ снѣгу, въ крови, но, признаться, съ какимъ-то торжественнымъ видомъ и отъ избѣжанія бѣды, и отъ полной увѣренности въ превосходствѣ моего подвига. Разумѣется, что я утаилъ и отъ князя и отъ моихъ товарищей свои грандіозные замыслы и предначертанія, которые и тогда уже начинали казаться мнѣ донкишотствомъ: я разсказалъ имъ только о преслѣдованіи меня непріятелемъ и спасаніи Казаками. Князь пожурилъ меня за опрометчивость, слегка и, сколько я могъ замѣтить, съ одобрительною улыбкою; и приказалъ дать свою бурку, въ замѣнъ сорванной съ меня шинели.

Д. ДАВЫДОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ
НЕЗАБВЕННОЙ.

Ты опять передо мною,
Провозвѣстница всѣхъ благъ!
Вновь подъ кровлею родною,
Здѣсь, на Невскихъ берегахъ;
Здѣсь, на тающихъ снѣгахъ,
На не тающихъ гранитахъ, —
И тебя объемлетъ кругъ
То друзей полу-забытыхъ,
То затерянныхъ подругъ;
И, какъ перлъ неоцѣнимый,
Гостью кровную любя,
Сердце матери родимой
Отдохнуло близь тебя.

И пѣвецъ, во дни былые
Пѣвшій голосомъ любви
Очи, тайной повитыя,
Очи томныя твои, —
Пившій чашею безбрежной
Сладость страсти безнадежной,
Безраздѣльныхъ сердца грезъ,
Видитъ снова образъ милой,
Снова съ пѣснію унылой
Въ даръ слезу тебѣ принесъ!.....

Другъ мой, прежде то ли было?
Рѣки пѣсенъ, море слезъ!
О, когда бы всѣ мученья,
Всѣ минувшія волненья

Могъ отдать мнѣ твой возвратъ!
Я бы всѣ мои стремленья,
Какъ съ утеса водоскатъ,
Въ чашу прошлаго низринулъ;
Я бъ, не дрогнувъ, за нее
Разомъ въ вѣчность опрокинулъ
Все грядущее мое!

Ты все та жъ какъ въ прежни годы,
Въ дни недавней старины,
Въ дни младенческой свободы
Золотой твоей весны.
Вижу съ радостію прежней
Тѣ жъ красы передъ собой;
Тѣ жъ уста съ улыбкой нѣжной,
Очи съ влагой голубой;
Но рука..... съ кольцомъ обѣта, —
И мечты мои во прахъ!
Пылъ сердечнаго привѣта
Замираетъ на устахъ.

. . . . . .
. . . . . .

Пусть блеститъ кольцо обѣта,
Какъ судьбы твоей печать:
И супругу стихъ поэта
Властенъ дѣвой величать.
Облекись же этимъ званьемъ.
Что шумъ свѣта? что молва?
Твой пѣвецъ купилъ страданьемъ
Міру чуждыя права.
Онъ страданьемъ торжествуетъ,
Онъ воспитанъ для него;
Онъ лелѣетъ, онъ цѣлуетъ
Язвы сердца своего;
И чуждается, не проситъ
Воздаянья на землѣ:

Онъ въ груди всѣ бури носитъ
И покорность на челѣ.

Такъ! покорный волѣ рока
Я смиренно признаю, —
Чту я свято и высоко
Участь брачную твою;
И когда передъ тобою
Появлюсь на бѣглый мигъ,
Я глубоко чувство скрою,
Буду холоденъ и дикъ;
Свѣта грустное условье
Выполняя какъ законъ,
Принесу, полу-смущенъ,
Лишь вопросъ мой о здоровьѣ,
Да почтительный поклонъ.

Но въ часы уединенья,
Но въ полуночной тиши,
Невозбраннаго томленья
Буря встанетъ изъ души, —
И, мечтая, торжествуя,
Полнымъ вздохомъ разрѣшу я
Въ сердцѣ стиснутый огонь;
Вольно голову, какъ ношу
Сердцу тягостную, брошу
Я на жаркую ладонь;
И, какъ волны, звуки прянутъ,
Звуки, — жемчугъ, серебро;
Закипятъ они, и канутъ
Со слезами подъ перо;
И въ живой рѣкѣ напѣва
Молвитъ звонкая струя:
«Ты моя, мой геній-дѣва,
Незабвенная, моя!»

Бенедиктовъ.

ПРЕЗРѢНІЕ.

Какъ сладостно мщенье! Какъ сладостно сжать
Коварнаго друга съ улыбкой въ объятьяхъ,
И грудь лицемѣра тогда растерзать,
И видѣть, и слышать, какъ, блѣдный, въ проклятьяхъ,
Онъ борется съ смертью, и хочетъ молить,
И голосъ нѣмѣетъ, уста безъ движенья, —
Потухшія очи хотятъ говорить, —
Напрасны усилья, напрасны моленья!

Какъ сладостны страсти! Какъ сладко лобзать
Младую подругу завѣтнаго края;
И въ буйномъ волненьи къ груди прижимать,
И таять въ восторгѣ; и, страстно вздыхая,
Терзаться и плакать, пылать и горѣть, —
И къ персямъ главою склонясь въ утомленьи,
Безмолвно ей въ очи съ улыбкой смотрѣть,
И бредить младенцемъ въ чаду упоенья!

Умолкли порывы безумныхъ страстей,
Промчалися волны кипучаго мщенья,
Затихло страданье, — душа безъ цѣпей, —
Какъ сладостна дума, какъ сладко *презрѣнье!*
Не двигнется сердце; какъ мраморный млатъ —
Удары сухаго, тяжелаго взгляда;
Подъ цвѣтомъ улыбки колышется ядъ,
И вѣетъ дыханьемъ могильнаго хлада!

ТИМОФЕЕВЪ.

ПЕЧАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА.

Съ крутыхъ, муравчатыхъ холмовъ
Въ долину ручеекъ стремится,
Играетъ, плещетъ межъ кустовъ, —
Свѣтлѣе зеркала струится, —
Но вскорѣ, бурною зимой,
Морозовъ звонкихъ ужаснется, —
И, ужъ окованный волной,
Блестящій токъ не шевельнется!

И роза юная — въ поляхъ
Царевной гордою свѣтлѣетъ.
Вотъ вплетена она въ вѣнкахъ, —
Вотъ на груди огнемъ алѣетъ;
Но, видно, грусть знакома ей
Въ разлукѣ съ вѣткою родимой;
Она часъ-отъ-часу томнѣй, —
И вотъ увялъ цвѣтокъ любимой!

На тихій долъ, на темный лѣсъ,
Луна свой лучъ бросаетъ нѣжно,
Краса полуночныхъ небесъ,
Плыветъ по звѣздамъ безмятежно;
И на нее любовь глядитъ, —
Она яснѣй воспоминанья;
Но туча вслѣдъ за ней летитъ, —
И меркнетъ милое сіянье!

Такъ гонитъ все враждебный рокъ!
Волна замретъ и не струится,
И вянетъ радостный цвѣтокъ,
И ясный лучъ внѣзапно тмится:
Но, грустно голову склоня,
Сидишь ты, — слезы въ томномъ взорѣ.....
О ты, о комъ мечтаю я,
Скажи, ужель ты знаешь горе?

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

УМИРАЮЩІЙ ХУДОЖНИКЪ.

=

(Мастерская, заставленная статуями и глыбами камней. Вечереть; погасающіе лучи заходящаго солнца проникаютъ въ узкое окно и озаряютъ блѣдное, истощенное лице умирающаго. Онъ лежитъ на соломѣ; взоры его неподвижно устремлены на статую Религіи, которой лице совершенно отдѣлано, но станъ представляетъ еще необработанную массу мрамора.)

ХУДОЖНИКЪ.

Не вѣрю я, чтобъ часъ преображенья
Могъ надо мной, такъ рано прозвучать!
Ужель меня изъ міра вдохновенья
Готова смерть безжалостно умчать?
Нѣтъ, нѣтъ! съ моей любимою мечтою
Она меня не въ силахъ разлучить.....
Мнѣ та мечта души была душою,
И долженъ я ее осуществить!.....

(Вскакиваетъ, хватаетъ рѣзецъ, хочетъ итти къ статуѣ, но въ изнеможеніи снова падаетъ на постель.)

Но, ахъ! теперь напрасны упованья, —
Насталъ конецъ земнаго бытія,
И не свершить роднаго мнѣ созданья!.....
О, тяжело сдавилась грудь моя!
Не отъ того, что съ жизнью разстаюся
Нѣтъ! Дольній міръ всегда мнѣ тѣсенъ былъ;
Свободный, я въ міръ вѣчный преселюся
Въ одинъ размахъ души могучихъ крылъ.....
А прежде я окованъ былъ землею!
Такъ! мнѣ не съ ней разлука тяжела,
Но съ той божественной, высокою мечтою,
Которая такъ дивно облекла
Въ одинъ восторгъ мое существованье.
Давно, давно въ себѣ я ощущалъ
Невнятное, нагорнее призванье
Создать святой величья идеалъ!.....
О, эта мысль, какъ не земная сила,

Огнь творчества въ душѣ моей зажгла,
Она всегда мнѣ знаменемъ служила
И въ міръ иной таинственно влекла!.....
(Послѣ краткаго молчанія, простирая руку къ статуѣ.)
Съ дней юности, о дивное созданье,
Я образъ твой въ груди моей носилъ,
И съ той поры искусству изваянья
Я жизнь мою съ восторгомъ посвятилъ!
И я мечталъ — минута наслажденья
За всѣ труды настанетъ наконецъ;
Сойдетъ съ небесъ на душу вдохновенье,
И будетъ мнѣ послушенъ мой рѣзецъ.....
Бывало, я, творить нетерпѣливый,
На помощь все Искусство призывалъ;
Но тщетенъ былъ мой трудъ самолюбивый,
И я въ моихъ твореньяхъ сознавалъ
Лишь только мнѣ понятный недостатокъ, —
Я имъ не могъ всю душу передать,
На нихъ лежалъ земнаго отпечатокъ, —
А я хотѣлъ небесное создать!!!.....
О, тяжело съ преполненной душою
Средь робкихъ чадъ земли холодной жить!
Не въ силахъ быть могучею рукою
Всѣхъ чувствъ души въ твореньи проявить!.....
И я страдалъ, въ страданьи къ небу рвался;
Но тщетно все, — прикованный къ землѣ,
Трудамъ земнымъ я снова предавался,
А лучъ надеждъ свѣтлѣлъ въ туманной мглѣ.
Однажды я, трудами утомленный,
Главу мою на ложе преклонилъ
И, легкимъ сномъ внезапно окрыленный,
Надзвѣздный міръ видѣній посѣтилъ:
Тамъ призраки съ воздушной красотою
Въ видъ радужной свивались пелены,
Какъ легкій рой носились надо мною
Фантазіи свободные сыны.
Но въ нихъ душа — знакомаго искала.....

Вдругъ, отъ толпы воздушной отдѣлясь,
Ты предо мной, Небесная, предстала, —
И вся душа въ восторгъ перелилась!
Торжественно любовь и упоенье
На дѣвственныхъ сливалися устахъ,
И чистый огнь святаго вдохновенья
Горѣлъ въ твоихъ таинственныхъ очахъ.
«Пора творить!» ты, Дивная, вѣщала:
«Ужъ часъ насталъ; ступай, бери рѣзецъ.
«Пора, пора!» ты сладко повторяла,
И подала безсмертья мнѣ вѣнецъ.....
Умчалась ты въ нагорнія селенья,
И съ вѣждъ моихъ сонъ дивный отлетѣлъ,
Но все я былъ исполненъ упоенья
И образъ твой въ груди моей горѣлъ!
Тогда, вспорхнулъ души могучій геній,
Силъ творчества избытокъ ощутилъ:
Я пламянѣлъ отъ сладкихъ впечатлѣній
И свой рѣзецъ торжественно схватилъ.....
Чудесное свершалось предо мною!
Я къ мрамору въ восторгѣ подбѣжалъ,
И таялъ онъ подъ мощною рукою,
А я въ него всю душу изливалъ!
Рѣзецъ скользилъ, а мраморъ, оживляясь,
Изящныя вдругъ формы воспріялъ,
И я, святымъ блаженствомъ упиваясь,
Твое лице въ мной созданномъ узналъ.....
Твое, твое, небесное Видѣнье!
Улыбка та жъ порхала на устахъ,
И на челѣ высокомъ вдохновенье,
И тотъ же огнь божественный въ очахъ.
О, въ мраморѣ оно осуществилось,
Всѣ сохранивъ небесныя черты!
Въ немъ все мое мечтанье проявилось,
Какъ идеалъ величья, красоты.
И я вкусилъ въ избыткѣ наслажденье!
Я весь пылалъ, рѣзцомъ владѣть не могъ,

И, сынъ земли, въ нѣмомъ самозабвеньи
Подъ бременемъ восторговъ изнемогъ.
Стѣснялась грудь, дыханье замирало.....
Но не вполнѣ мой трудъ былъ совершенъ:
Одно лице лишь жизнію пылало,
А станъ былъ мертвъ, еще необлеченъ
Величьемъ формъ и силой неземною;
Лишь мраморъ онъ бездушный представлялъ;
Не обвитъ былъ онъ легкой пеленою
И красотой надзвѣздной не дышалъ.
Но, думалъ я, еще свершить успѣю
Мой сладкій трудъ; въ лицѣ я проявилъ
Давно во мнѣ почившую идею;
А станъ создать не много нужно силъ.
Но нынѣ, въ то священное мгновенье,
Когда рѣзецъ я взялъ и былъ готовъ,
Вполнѣ свершить небесное творенье,
И станъ облечь въ таинственный покровъ,—
Безжалостно въ груди вдругъ зародился
Какой-то огнь томительный, живой;
Кровь вспыхнула, весь адъ въ меня вселился
И мнѣ шепнулъ: «Часъ близокъ роковой!.....»

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

Такъ! близокъ онъ; я весь изнемогаю;
Ужъ вѣетъ смерть крылами надо мной,
И мой рѣзецъ напрасно я хватаю, —
Безсиленъ онъ подъ трепетной рукой.....
Любимое, священное мечтанье!
Я на землѣ лишь для тебя дышалъ,
Прости, прости, — изъ странъ очарованья
Къ ничтожеству въ объятья я упалъ!
Я одного лишь жаждалъ награжденья:
Всю жизнь мечталъ о томъ, чтобы узрѣть
Моихъ трудовъ конечное свершенье.....
И долженъ я такъ рано умереть!

(Погружается въ глубокую задумчивость.)

Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ напрасныя мученья!

Ужели тамъ душа не оживетъ?
Безумецъ я!..... Смерть есть преображенье
И къ вѣчности безгранный переходъ.
Туда, туда, мнѣ сладко преселяться!.....
Въ тотъ край, гдѣ нѣтъ границъ для дивныхъ силъ.....
О, буду я тамъ вѣчно наслаждаться,
А здѣсь уже — я главное свершилъ!
Къ моей мечтѣ любовью пламенѣя,
Умру лишь я, прикованный къ землѣ,
Но не умретъ свободная идея:
Она горитъ на дѣвственномъ челѣ
Любимаго души моей созданья,
И истинный художникъ въ немъ прочтетъ
Всѣ, всѣ мои горячія мечтанья
И дивно ихъ на ткани разовьетъ.....
Прочь эгоизмъ! Съ *любовію* глубокой
Пускай другой придетъ свершить мой трудъ;
Пускай мечты души моей высокой
Изъ вѣка въ вѣкъ торжественно пройдутъ.....
Придетъ пора, — творенье совершится,
И на землѣ огонь небесъ зажжетъ:
Сама толпа *любовью* оживится
И мысль она великую пойметъ.....
Своей мечты, узрѣвъ осуществленье,
Въ восторгѣ тамъ душа моя вспорхнетъ,
И, вѣчная, въ избыткѣ упоенья
Весь міръ земной съ любовью обойметъ.
Такъ, такъ! не тотъ творецъ, рукой кто смѣлой
Начатый трудъ великій довершилъ;
Но тотъ, кто былъ отцемъ мечты созрѣлой
И кто ее въ твореньи зародилъ.
О ты, мое, мое дитя родное!
Чудесная! я, я былъ твой творецъ.
Тамъ ждетъ меня блаженство неземное
И радужный безсмертія вѣнецъ.....
(Быстро изнемогаетъ и впадаетъ въ бредъ горячки.)
Пустите, пустите! зачѣмъ заковали

Вы душу въ оковы холодной земли?
Пустите, пустите, въ тотъ край, гдѣ порхали
Такъ часто высокія думы мои!
О, внятенъ мнѣ голосъ святаго призванья,
Небесная ждетъ тамъ съ улыбкой меня.....
Смотрите!..... нисходитъ средь моря сіянья
Она мнѣ на встрѣчу въ вѣнцѣ изъ огня.....
Но вамъ ли взирать на красу Безконечной?
Надоблачный свѣтъ васъ земныхъ ослѣпитъ.....
Отверзта предъ мною дверь къ жизни предвѣчной.....
Туда меня сладко Святая манитъ!.....
(Умираетъ.)

С ***.

СПЕКУЛЯНТЪ.

БАСНЯ.

Демьянъ, мужикъ ужъ пожилой,
Съ большею черной бородой,
Торгуя мелочами, —
Селитрой, сѣрой да гвоздями,
Пѣнялъ своей судьбѣ, —
Зачѣмъ ему въ избѣ,
Въ посконномъ армякѣ,
Назначено судьбою
Жить вѣчно бѣднякомъ.
И вотъ какъ онъ тишкомъ
Объ ней судилъ съ самимъ собою:
«Зачто, подумаешь, Петра
«Судьба злодѣйка полюбила!
«Пьетъ чай; постомъ икра
«Не сходитъ со стола;
«А лавку такъ его набила
«Сукномъ
«Да полотномъ,

«Парчами
«Да разными вещами,
»Что всунуть некуда гвоздя!
«Живи, знай, не глядя.....
«Ну, чѣмъ же хуже я?
«Бѣда моя — нѣтъ денегъ!
«Демьянъ сумѣлъ бы показать,
«Что есть мужикъ что знать.»
Судьба, большой руки шалунья,
Обманщица и лгунья,
Подслушавъ бѣдняка,
Взялась утѣшить старика.
Она шалить вѣдь любитъ:
Да то бѣда —
Почти всегда
Насъ, бѣдныхъ, этимъ губитъ!
Наутро лишь Демьянычъ всталъ,
Усердно Богу помолился,
Надѣлъ азямъ и шапку взялъ,
Еще перекрестился,
Хотѣлъ итти ужъ торговать, —
Анъ, хвать,
Забылъ кушакъ-то взять!
Его Демьянъ купилъ недавно, —
Хранилъ на чердакѣ,
Въ желѣзномъ сундукѣ.
И что жъ судьба? — Ну, право, странно!
Демьянушка пошелъ въ сундукъ.....
О радость! тамъ огромный пукъ
Различныхъ ассигнацій.
Демьянъ отъ радости вскричалъ,
И летомъ побѣжалъ
Въ одну изъ первыхъ «растерацій».
«Ну, полно пировать!
«Смотри, ужъ день свѣтаетъ. —
«Давай-ка снова торговать,»
Демьянъ мой разсуждаетъ:

И въ тотъ же день купилъ картинъ
На цѣлый магазинъ;
И въ Кяхту потянулся
Съ обозомъ дорогимъ;
Неразъ дорогой улыбнулся,
Сидя на дюжинѣ перинъ.
Пріѣхалъ наконецъ; развѣсилъ всѣ картинки,
Попарно въ три ширинки,
Всѣмъ на показъ.
«Ну вотъ и денежки у насъ!»
Твердилъ Демьянъ, носясь мечтою
На пирахъ богачей,
У графовъ, у князей.
Проходятъ дни своей чредою:
Ни кто къ Демьяну не бредетъ;
Никто къ картинамъ не зайдетъ.
«Болваны!
«Живутъ себѣ въ избахъ,
«Во всѣхъ углахъ,
«Какъ тараканы!
«Пускай, Демьянъ!
Теперь изъянъ;
«Зато копѣйку чуть не даромъ
«Мы будемъ наживать
«Картины прочь: не надо торговать
«Пустымъ товаромъ.
«Накупимъ мы куницъ, бобровъ,
«Сурковъ,
«И всѣхъ мѣховъ:
«И ѣдемъ..... только не къ своимъ;
«Махнемъ-ка лучше мы къ чужимъ.
«Что дѣлать съ Бурятомъ,
«Съ Китайцемъ, да съ нашимъ братомъ?
«Они Мордвы-мордвами,»
Подумалъ мой Демьянъ, —
И тотъ же часъ распорядился:
Купилъ корабль, и весело пустился

Въ безбрежный океанъ.
Вотъ въ Квито вдругъ явился
Купецъ съ товаромъ мѣховымъ.
И точно, мой Демьянъ расположился
Съ товаромъ тамъ своимъ.
Демьянъ въ богатой лавкѣ,
Сидя въ бобровой шапкѣ,
Привѣтомъ всѣхъ даритъ,
И важно говоритъ:
«Не худо запастись мѣхами, —
«Куницей иль бобрами:
«Шутить не надобно съ зимой!
«Она вѣдь скоро наступаетъ.....»
— Все такъ сосѣдъ мой дорогой!
Да здѣсь зимы-то не бываетъ, —
Прервалъ его сосѣдъ:
«Какъ нѣтъ?
«Безъ снѣгу лѣтомъ и зимою?
«Ну вотъ, Демьянъ,
«Опять изъянъ!
«Бѣда со мною!
«Нѣтъ зимъ, ни шубъ, ни Русскихъ печь:
«Вѣдь негдѣ и прилечь!.....
«Махнемъ рукой, и горе позабудемъ.
«Не унывай; ну, полно горевать.....
«Теперь съ товаромъ разъѣзжать,
«Демьянушка, не будемъ,
«Ни по своимъ,
«Ни по чужимъ.
«А лучше, поскорѣе
«Отправимся домой,
«Да купимъ домъ съ землей,
«И заживемъ теплѣе.
«Насадимъ тамъ, что за-моремъ растетъ;
«Тогда не жить, а будемъ веселиться.
«Весною садъ мой расцвѣтетъ,
«И будутъ развозится

«Мои плоды изъ края въ край.
«Демьянъ!..... не унывай!»
Демьянъ, не долго разсуждая
Что дѣлать, предпринять,
Свой планъ прекраснымъ почитая,
Почелъ за лучшее продать
Тюки съ пушистыми мѣхами
Купцу съ Нѣмецкой стороны,
За полцѣны.
«Купецъ мой съ барышами!»
Шепнулъ себѣ Демьянъ:
«Узнаешь, другъ, изъянъ,
«И, другъ, пойдешь домой
«Съ сумой, —
«Да не одной, —
«Съ сумами!.....
«Купецъ мой съ барышами!»
Вотъ наконецъ прошла
Холодная зима.
Деревья пышно распустились;
Луга цвѣтами всѣ покрылись;
И только солнышко взойдетъ, —
Природа снова оживится,
На небѣ птичка запоетъ,
И въ темномъ лѣсѣ шевелится
Подъ тихій вѣтерокъ
Съ росинкою листокъ.
Поля и нивы пожелтѣли;
Въ садахъ плоды давно созрѣли;
Мужикъ съ женою молодой
Ѣстъ кашу трудовую,
И пляшетъ позднею порой
Подъ пѣсню плясовую, —
А мой Демьянъ..... Ахъ, жаль его!
Теперь лишился онъ всего.
Заморскій садъ не разпустился;
Засохъ на почвѣ неродной;

И вновь сучокъ не оживился
Ему холодною весной.
И мой Демьянъ, близъ мѣста,
Гдѣ прежде торговалъ,
И нужды вѣкъ не зналъ
Отъ дней счастливыхъ дѣтства̂, —
Близъ лавочки своей, —
Насмѣшки отъ дѣтей,
Съ терпѣньемъ, бѣдный, сноситъ,
И тихо, тихо, бродитъ,
Сѣдой,
Съ клюкой,
Съ сумой,
И Христа-ради проситъ.

—

Хоть жалко мнѣ, а долженъ я сказать,
Когда посмотришь на Ивана, —
Ни дать ни взять
Живой портретъ Демьяна!

А. МАТЮНИНЪ.

=

КАВКАЗСКІЕ ОЧЕРКИ.

VIII.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДЕННИКА УБИТАГО ОФИЦЕРА *.

Вы хотѣли этого жестокіе друзья, — и я увидѣлъ ее: да! я былъ съ нею, я обвороженъ ею. Но развѣ не видали ея вы? развѣ не было у васъ очей, чтобы любоваться красотою Лиліи, или ума — постичь, или сердца — полюбить ее? Счастливые слѣпцы! хладнокровные..... Нѣтъ, мало этого, — безкровные счастливцы! Вы знаете Лилію давно и можете препокойно, пребеззаботно спрашивать товарища — «Не правда ли, она не дурна?», точно такъ же какъ вы бы спросили — «Не правда ли, что этотъ фазанъ не дурно зажаренъ?»; можете произносить ея имя, не трепеща отъ удовольствія, не блѣднѣя отъ ревности! И все-равно для васъ, скажетъ ли онъ «да», скажетъ ли онъ «нѣтъ», и какъ произнесетъ онъ свое «да» или «нѣтъ»; все-равно,

* Считаемъ нужнымъ напомнить, что авторъ, описывая въ VI статьѣ «Кавказскихъ очерковъ» смерть и погребеніе одного изъ своихъ товарищей, павшаго отъ руки Горцевъ, обѣщалъ удѣлить нѣсколько отрывокъ изъ его денника. Вотъ собственныя слова, которыми авторъ заключилъ это описаніе: «Я брошу въ вихорь свѣта немногіе листки, вырванные «изъ твоего денника, какъ невольную дань твою свѣту, и счастливъ я, «если эти небрежныя строки хоть на мигъ приманитъ себѣ взоръ и «душу красавицы, извлекутъ хоть одинъ, но глубокій, вздохъ изъ груди влюбленнаго. Вдвое счастливъ, если это безмолвное сострастіе «сердецъ, кипучихъ жизнію, съ сердцемъ, давно истлѣвшимъ, пора«дуетъ тѣнь твою въ новомъ бытіи.» Первый отрывокъ записокъ этого храбраго и благороднаго молодаго человѣка помѣщенъ былъ въ № 21 Б. для Ч. (сентябрь, 1835); это второй. *Б. для Ч.*

если тотъ и ничего не отвѣтитъ. «Недурна!» Только *недурна?* Боже правды, можно ли такъ безсмысленно играть словами? Неужели прекрасное — лишь отсутствіе недостатковъ? Неужели ангельскую прелесть можно заключить въ эту грязную черту отрицанія? «Недурна»! Жалкое нарѣчіе привычки!

И, между-тѣмъ, гдѣ самъ я найду словъ дѣвственнѣе снѣжнаго пуху, еще не запятнаннаго прикосновеніемъ къ землѣ? гдѣ возьму именъ, достойныхъ ея, нерастлѣнныхъ еще дыханіемъ человѣка? Что сдѣлали мы изъ всѣхъ выраженій удивленія, страсти, нѣжности? — ожерелье распутницы! коверъ для вытиранія ногъ! Поэты, поэты, сколько драгоцѣнныхъ жемчужинъ распустили вы въ дряномъ уксусѣ! сколько звѣздъ утопили въ лужѣ!

Да если бъ даже слова были краски, а живопись было зеркало, могъ ли бы я дать этому лицу жизнь и этой жизни душу? Нѣтъ, Лилія, ты невыразима! Тебя нельзя забыть и невозможно вполнѣ припомнить.

Скажи, ровесница цвѣтовъ, когда успѣла ты украсить свой умъ такими здравыми познаніями? какъ умѣла сохранить на сердцѣ самый пухъ невинности отъ налета раннихъ пташекъ, — обольщеній? Эти воробьи расклевываютъ чувства свѣтской дѣвушки не въ плодѣ, а въ почкѣ, распаляя воображеніе пряностями похвалъ, слогомъ модныхъ романовъ, вихремъ танцевъ. Скажи, по какому счастію не разучилась природѣ въ большомъ свѣтѣ, который есть ложь и притворство во всемъ, начиная съ нѣжности молодой маменьки, спѣшащей по Невскому, съ эмалевыми часами на рукѣ, кормить грудью сына, до скорби знатной дамы по мужѣ, вымѣрянной длиною траурнаго хвоста? въ свѣтѣ, гдѣ привѣты, и слезы, и улыбки выучены наизусть, примѣрены къ лицу заранѣе. Ты не такъ, Лилія: покорная вліянію минуты, ты смѣешься отъ

сердца, не прячешь и не выказываешь слезъ умиленья, не запрещаешь себѣ краснѣть отъ удовольствія. Ангелъ, сосланный на землю, чтобы убѣдить не вѣрующихъ въ добродѣтель съ красотою, можно ли узнать твою душу и не полюбить тебя?

А я? Странно, непостижимо это, едвали вѣроятно: мой первый взглядъ, упавшій на Лилію былъ уже лучемъ любви, какъ-будто я увидѣлъ ее сердцемъ, а не глазами! будто не зрѣніе отразило ея милый образъ въ душу, а душа зажгла его на чувствахъ! Казалось, онъ очнулся во мнѣ изъ магнитическаго сна, и разцвѣлъ вдругъ изъ неясной мечты въ живую дѣйствительность. Не мое ли сердце было его отчизною? – такъ коротко знакомъ и родственъ мнѣ этотъ плѣнительный образъ. Мигъ, въ который я взглянулъ на Лилію, обдалъ меня всею свѣжестью первой встрѣчи, всей отрадой желаннаго свиданія. Онъ былъ новъ и таинственъ какъ надежда, а между-тѣмъ сладостенъ какъ награда. «Увидѣть» было близнецомъ «полюбить»: но какое сравненіе передастъ недѣлимость, одновременность этого чувства??.....

И тихо, отрадно, торжественно было это мгновеніе; да! тихо, отрадно, торжественно, какъ мигъ восхода солнца, когда оно каплей свѣта чуть брызнуло на край востока. И ярче, каждый мигъ ярче, растекается по небу эта лучезарная капля; блещетъ, зажигаетъ небосклонъ; объемлетъ и пронзаетъ землю лучами, топитъ ее въ волнахъ тепла и свѣта. Такъ взошла въ моей душѣ роковая звѣзда этой страсти, не слышимая, чуть видная при восходѣ; свѣтлая и пламенная потомъ. Теперь стоитъ она на своемъ безтѣнномъ полуднѣ, и никогда, никогда, не сойдетъ она съ полудня. Одна смерть будетъ ея вечеромъ; ея закатъ – могила; ея могила – вѣчность. Жизнь моя прервется ранѣе любви..... Дайте мнѣ увѣровать хоть въ это. Неужели и та жизнь обманчива какъ здѣшняя?.....

*

И зачѣмъ я такъ часто бывалъ, такъ долго бесѣдовалъ съ Лиліею? зачѣмъ вниманіемъ крѣпилъ на себя чары ея словъ; упивался огнемъ ея глазъ, огнемъ, затепленнымъ прямо на Солнцѣ? И сколько разъ съ орлиною дерзостью хотѣлъ я вглядѣться въ нихъ, — хотѣлъ, и не могъ! А между-тѣмъ у ней очень кроткіе взоры: они не пронзаютъ, а только ласкаютъ сердце, и какъ ароматная слеза канаютъ въ глубь его. Индѣйцы вѣрятъ, будто жемчугъ родится отъ капель дождя, запавшихъ въ морскіе раковины: и почему жъ нѣтъ? Я самъ, какъ ревнивое море, берегу и лелѣю въ тайникѣ души драгоцѣнные для меня взоры Лиліи. Въ нихъ мое сокровище, въ нихъ единственный подарокъ милой, и могу ли ожидать, посмѣю ли требовать бо̀льшаго, когда я трепещу промолвиться роковымъ объясненіемъ! И къ чему послужило бы оно? что могу я высказать ей словами, если она не поняла моихъ взоровъ?

Мнѣ казалось однако жъ — эта задумчивая грусть, этотъ летучій румянецъ, этотъ голосъ, прерванный вздохомъ..... Нѣтъ Лилія, нѣтъ; все это мечта самолюбія. Ты не должна, ты не можешь любить меня: природа раздѣляетъ насъ гораздо болѣе чѣмъ судьба. Можно еще умолить людей, можно покорить себѣ обстоятельства, но самый огонь неба не силенъ спаять булата съ амброю. Никогда любовь, какой я жажду, не зажжетъ твоего воздушнаго состава; не кровь, а свѣтъ льется въ этихъ жилкахъ; твоему сердцу не вмѣстить и не вынести всѣхъ мукъ и восторговъ страсти. О, не понимай моихъ взоровъ Лилія, не угадывай моихъ желаній, и да сохранитъ тебя Небо отъ роковой ко мнѣ взаимности! Нѣжный цвѣтокъ Сѣвера, ты увянешь подъ моимъ знойнымъ дыханіемъ. Я истерзаю тебя ревностью, истомлю своими бѣшеными ласками, сокрушу въ объятіяхъ, поцѣлуями выпью жизнь. Несбыточной мечтою была моя дума, будто я могу быть

счастливъ твоею безмятежною любовью, Лилія; будто моему усталому, разбитому бурями сердцу-горюну отрадно и сладостно будетъ забыться дремотою на груди подруги, зыблясь на ней будто въ колыбели младенецъ. Прислушиваясь къ твоимъ мыслямъ прежде словъ, любуясь душою твоей прежде лица, я воображалъ иногда, что мои мятежныя чувства уникаютъ подъ твоими ясными взорами, какъ злые духи подъ кропиломъ; что я дышу твоимъ спокойствіемъ, вкушаю какую-то невѣдомую, тихую нѣгу. Тогда очарованный кругъ прелести, обнимающій тебя, горитъ мнѣ вѣнчикомъ святыни; передъ тобою тогда я благоговѣю какъ въ храмѣ. Но вдругъ придавленная на время лава прожигаетъ снѣгъ, увлекаетъ, пепелитъ сердце. И отъ чего все это?.... отъ чего? Отъ ресницъ, стыдливо опущенныхъ, отъ косынки, спахнутой вѣтромъ, отъ колебанія локона, который то̀ гаситъ, то раздуваетъ румянецъ щекъ; отъ ножки, бѣгляночки изъ подъ платья. О, тогда кровь моя пѣнится и брызжетъ въ голову какъ шампанское, падучія звѣзды крестятъ въ глазахъ, громко бьются всѣ пульсы! Тогда я готовъ упасть къ ногамъ твоимъ какъ преступникъ, готовъ броситься какъ звѣрь на добычу и сжечь тебя поцѣлуями, задушить на сердцѣ! И потомъ я впадаю въ какое-то неизъяснимо сладкое изнеможеніе, въ доброту безъ границъ. Каждое дыханіе принимаю я тогда какъ подарокъ; могу снести обиду безъ гнѣва. Ты говоришь мнѣ, Лилія, и твои слова звучатъ словно родная пѣсня на чужбинѣ. Ты поешь, и я слушаю со слезами то, что поешь ты съ улыбкою. Уходишь, и я гляжу вслѣдъ тебѣ съ грустью, но безъ тоски. Ты здѣсь, и я чувствую твое приближеніе не слухомъ и не глазомъ, — нѣтъ! какой-то магнитической холодъ пробѣгаетъ по тѣлу, какая-то радость по сердцу; оглядываюсь, — это ты Лилія, — легкая, прелестная, неуловимая, подобная видѣнію прерваннаго сна поэта!.....

Нѣтъ, Лилія, ты лучше всякаго сновидѣнія: я ненавижу этихъ чародѣевъ, этихъ коварныхъ Армидъ! Они, Богъ-вѣсть куда, заносятъ сердце въ мыльномъ своемъ пузырѣ, мыкаютъ его сквозь три-девять чудесъ и высаживаютъ на берегъ, на которомъ все возможно, кромѣ полнаго наслажденія; гдѣ счастіе убѣгаетъ устъ, какъ волны сураба. «Добрая ночь!» говорила ты прощаясь: но думала ль ты, Лилія, такъ невинно, младенчески произнося эти слова, что они падутъ семянами бури въ грудь мою? Счастливица! ты не вѣдаешь, засыпая безъ тоски и пробуждаясь безъ сожалѣнія, сколько разъ твой милый образъ прилеталъ возмущать мою душу! какія блестящія и ужасныя мечты лелѣяли и топтали мое сердце! То одѣяло тяготѣло подо мной какъ свинецъ, то постель волновалась какъ море, то изголовье дышало пламенемъ. И все ты, Лилія, носилась передъ очами души неотступно по черной тучѣ ночи и сквозь алый полу-свѣтъ зари, ты, очаровательница, со своей холодною красою, съ кудрями вѣющими около словно колосья сѣвернаго сіянія, съ улыбкою словно лучъ мѣсяца, играющій по льду; съ голубыми вѣчно-кроткими очами.....

Но я пробужденъ жаждою, неутомимою жаждою нѣги..... Куда жъ ты скрылась, Лилія? Гдѣ жъ найду отвѣтъ любви моей? Воля моя не сблизитъ съ тобою; самый сонъ не можетъ придать тебѣ пылкости. Внушать а не дѣлить любовь рождена ты, а я хочу цѣлаго Юга, цѣлой Африки любви. Не для меня мѣрныя ласки, не для меня счетные поцѣлуи. Жажду пить наслажденія черезъ край и до капли, — пить не напиться! О, дайте мнѣ черныхъ, бездонныхъ глазъ, которые поглощаютъ сердце въ звѣздистой влагѣ своей! дайте устъ, которыхъ ароматное дыханіе упоетъ пламенемъ; дайте вздоховъ, освѣжающихъ лучше вѣтерка въ зной лѣта; дайте слезъ восторга сладкихъ

какъ роса медвочная и отрадныхъ какъ спасеніе друга; дайте поцѣлуевъ которые расплавляютъ кровь въ нектаръ, улетучиваютъ тѣло въ душу, уносятъ душу въ небо!..... долгихъ поцѣлуевъ съ трепетомъ страсти, съ нѣжными угрызеніями! Испытала ль ты, Лилія, всю сладость поцѣлуя, эту высокую поэзію чувствъ? это дѣвственное, хотя не душевное наслажденіе, не отравляемое ни страхомъ ни раскаяніемъ; наслажденіе въ которомъ сливаются всѣ завѣты и обѣты любви, всѣ надежды и воспоминанія блаженства; мигъ, въ который ощущеніе разнообразно, воздушно какъ мысль и сладостно какъ самозабвенье; святыня, которою Творецъ подарилъ одного человѣка? Да, Лилія! полюби меня какъ я люблю, и ты раздѣлишь со мной эту роскошную тайну, сердцемъ на сердцѣ, сбросивъ прочь всѣ украшенія кромѣ своей стыдливости. Новый Прометей, я передамъ тебѣ огонь, похищенный съ неба, и каждая искра его вспыхнетъ на тебѣ новою прелестію. Второй Пигмаліонъ, я.....

Я безумствую. Скорѣе можно одушевить мраморъ чѣмъ ледъ!.....

Впрочемъ у полюса не бываетъ лѣта: за то есть волканы!.....

Тихія воды глубоки!

Что если?.....

Пустая надежда – родовое имѣніе глупцовъ!

– Молчи, молчи, бѣдный разумъ.

=

Сентября — дня, 1834.

Крѣпко усталъ я. Отъ ночи до ночи не слѣзалъ съ коня. Фуражировка была очень удачна; мимоходомъ спалили три аула; раза два былъ въ жаркой схваткѣ. Застрѣлилъ одного Шапсуга изъ пистолета: онъ кинулся на меня съ шашкою, но зарядъ иголокъ вмѣсто пули прошилъ кольчугу и самого чуть не насквозь. Спа-

сибо за эту выдумку Кабардинскому абреку, Адли-Гирею. «Надо бить звѣря не портя шкурки», говорилъ онъ: чертовская расчетливость! Насилу дочелъ сейчасъ четвертую пѣснь Дантова Paradiso. Отчего такъ пышенъ твой «Адъ» мученіями, и такъ скученъ твой «Рай» иносказаніями, padre Dante? Не оттого ли развѣ, что имя Лиліи вкрадывалось вездѣ вмѣсто Беатрисы, и ея глазки сверкали между стихами твоими? Не хочу вѣрить проклятому Англо-Итальянцу, который доказывалъ, что Дантъ, подъ заглавными B con ICE, подразумѣвалъ владычество Австрійской имперіи (вѣдь онъ былъ проповѣдникомъ и пророкомъ ея въ своей родинѣ!). Едвали тотъ, кто написалъ —

Beatrice mi guardò con gli occhi pieni
Di faville di amor, così divini,
Che, vinta mia virtù, diedi le reni,
E quasi mi perdei con gli occhi chini.

«Беатриса глядѣла на меня очами полными столь божественныхъ искръ любви, что моя твердость предалась бѣгству; даже потупленные взоры ея меня мервили!»

едвали, говорю, онъ мыслилъ объ отвлеченностяхъ и посылалъ свои огнеперпатыя стрѣлы на вѣтеръ! Впрочемъ, воображеніе поэта всесильно: оно претворяетъ свѣчку въ звѣзду утреннюю, кроитъ радужныя крылья ангела изъ пестраго плаща. Не разрушайте хрустальнаго міра поэта, но и не завидуйте ему. Какъ Мидасъ, онъ превращаетъ въ золото все къ чему ни коснется; зато и гибнетъ какъ Мидасъ, ломая съ голоду зубы на слиткѣ.

Въ слѣдствіе сего, я бы посовѣтовалъ одному человѣку зарубить на носокъ, — а этотъ человѣкъ едва ли не самъ я, — что обыкновенныя котлеты гораздо выгоднѣе для смертнаго желудка чѣмъ золотыя котлеты, и что на землѣ милѣе кругленькая Ангелика нежели недоступный неосязаемый ангелъ.

—

Кстати объ адѣ: научите меня по чему географія человѣческихъ предразсудковъ заключила его въ сердцѣ земли? О самолюбіе, самолюбіе, гдѣ ты не повторяешь себя! въ чемъ не находишь своего микрокозма и тождества. Однако жъ и рай въ сердцѣ человѣка, а онъ ищетъ его надъ головою.

«.....Отдай мой рай, отдай мой адъ,
Отдай мнѣ молодость назадъ!»

=

Вечеромъ, день послѣ.

Кто мнѣ дастъ голубиныя крылья слѣтать на темя Кавказа и тамъ отдохнуть душою? Не знаю самъ отчего къ нимъ жадно стремятся мои взоры, по нихъ груститъ сердце. Не тамъ ли настоящее мѣсто человѣка?..... Тамъ онъ не на землѣ, но уже выше земли; въ природѣ, но уже обнимаетъ природу сверху и широкимъ обзоромъ. Хребетъ горъ – достойное подножіе человѣку, достойный порогъ небожителей. Но взгляните туда, – только въ дѣвственной ризѣ снѣговъ дерзаетъ земное величіе всходить на небо: прекрасный іероглифъ довѣчнаго завѣта, что только чистой душѣ дано вкусить неба, душѣ, которая смогла оледенить пары земныхъ страстей священнымъ холодомъ благоговѣнія, убѣлила ихъ раскаяніемъ и молитвой, и превратила свой тлѣнный вѣнокъ изъ земныхъ наслажденій въ лучезарное сіяніе мысли, въ царственный вѣнецъ, осыпанный молніями откровенія!

Нѣтъ, я не достоинъ васъ, главы Кавказа! Моя одежда не снѣгъ безстрастія, а грозовое облако.....

Но орелъ ширяется выше тучъ, а онъ младшій братъ моей мысли: ей нѣтъ высоты недолетной.

Я вашъ поклонникъ, если не гость, любимцы солнца! Вамъ даритъ оно первый росистый поцѣлуй и послѣдній прощальный взоръ свой. Вамъ и я посылаю

привѣты по зарѣ и по сумеркамъ; вами любуюсь когда золотое солнце и звѣзды серебряныя горятъ на голубомъ щитѣ неба.

Свѣжи цвѣты твои, Кавказъ, живительны ключи, дубровы тѣнисты; но не одно величіе твоихъ огромовъ, не одна прелесть растеній, не только удальство твоихъ дѣтей заманиваютъ къ тебѣ: нѣтъ, пытливый умъ любитъ тебя какъ пріютъ столь дивныхъ тайнъ, столь высокихъ думъ!..... Воображеніе силится понять ревъ водопадовъ и шопотъ пещеръ, разверзающихъ какъ Сфинксъ гортань свою; хочетъ выкопать изъ циклопеанскихъ гробницъ имена стлѣвшихъ тамъ героевъ; вглядѣться, въ туманномъ зеркалѣ древности, въ лица давно мелькнувшихъ поколѣній, можетъ-быть предковъ нашихъ, и жаждетъ прочесть на изломѣ скалъ, брошенныхъ какъ надгробія надъ вѣками хаоса, чудную лѣтопись мирозданья.

Гляжу на перломутровую цѣпь горъ — и не могу наглядѣться. Скажите, чего тутъ нѣтъ? разскажите, что есть тутъ? Невозможно. Дно ада, опрокинутое на землю, обломки рая, одичалаго бѣглеца съ береговъ Тигра. Холмы — бархатъ ковровъ Хорасанскихъ. Ледники граненые какъ хрусталь воображенія; зубчатыя, волнистыя вершины — прелестная корона земли, затаившая въ себѣ всѣ звѣзды ночи, всѣ рубины зари, все золото солнца, сродненныя во что-то неизъяснимо прекрасное, и это что-то сливается съ синью небесъ, мерцаетъ сквозь дымку отдаленія, — и вотъ исчезло, — и вотъ возникло опять блѣдной радугой облаковъ, — и не облака ль это столпились горами? — не горы ли разлетаются подобно парамъ? Все такъ не ясно, такъ неопредѣленно, такъ безгранично: высокій идеалъ романтизма!

Очень люблю Кавказъ, люблю мою родину, люблю тебя, Лилія, — и какъ люблю! Но въ созерцаніи горъ,

не знаю чѣмъ это дѣлается, сплавлено для меня все мое былое, настоящее и будущее. Вотъ, кажется, бронзовый конь Петрова Монумента гордо скачетъ передо мной по утесамъ, и звѣзды брызжутъ изъ подъ копытъ. Вотъ величавый Кремль выростаетъ изъ холма, и муравленыя, узорчатыя башенки его распускаются въ высотѣ золотыми маковками. А тамъ, а здѣсь, вблизи и вдалекѣ, передъ глазами и въ сердцѣ, опять ты очаровательница, — всегда ты!

Но печальны всѣ эти образы, повиты крепомъ и кипарисомъ. Для меня «вчера» и «завтра» — два тяжкіе жернова, дробящіе мое сердце. И скоро, скоро, это бѣдное сердце распадется прахомъ: я это предчувствую; не даромъ бой часовъ по ночи сталъ будить меня иногда, словно стукъ заступа въ гробовую кровлю. Заснуть навѣкъ, умереть? такъ что же! Сейчасъ приди за мной смерть, и я подамъ ей руку съ привѣтомъ..... Обнаженная жизнь моя такой же остовъ какъ она сама; живой, я свыкся уже съ ночью и съ сыростью могилы. Тому красна жизнь, у кого настоящій мигъ плаваетъ всегда въ радостяхъ какъ роза пиршества въ благоуханномъ фалернѣ; у кого передъ очами летаетъ вереница надеждъ: а у меня одно забытье — наслажденіе, одно сомнѣніе — надежда. Провидѣніе даетъ человѣку, въ пору счастья, удовольствія, а въ пору злополучія — мечты; но судьба давно пожрала первенцовъ моего сердца, — а другія измѣнницы покидаютъ меня сами. Нѣтъ услышанія моимъ мольбамъ, на зовъ мой нѣтъ отвѣта! Разлука передо мной и около и за мною; горькая разлука съ родиною, съ радостями жизни, съ милою душѣ.

И есть люди, что дивятся моей безразсудной отвагѣ. Да развѣ не былъ я храбръ когда еще цѣнилъ жизнь, когда желалъ разцвѣтить, увѣнчать ее? Что же остается мнѣ дѣлать теперь, когда я презираю суще-

ствованіе болѣе чѣмъ сперва презиралъ гибель? Совсѣмъ тѣмъ примѣръ самопожертвованія и безстрашія живетъ долго; заслуга всегда. Примѣръ самое краснорѣчивое убѣжденіе и самый одушевительный приказъ. Храбрые умираютъ скорѣе и чаще другихъ, но память о нихъ долго хранится въ дружинахъ, и увлекаетъ въ пылъ боя какъ обрывокъ знамени.

—

Грустно. Листонадъ не въ одной душѣ моей, но повсюду. Блеклыя листья рояться по воздуху и съ шорохомъ падаютъ въ Абинъ..... Мутная волна уноситъ ихъ далеко. Замѣчательно, что листья осенью переходятъ по всѣмъ цвѣтамъ радуги, — изъ зеленаго въ голубоватый, потомъ въ желтый, въ оранжевый, въ красный, и облетаютъ. Не таково ль и воображеніе? Мало ему луча небеснаго; надобно, чтобы онъ отражался подъ извѣстнымъ угломъ.

—

Въ цвѣтущее время Венеціи, судъ и расправа гражданскихъ дѣлъ совершалась тамъ только по воскресеньямъ: примѣръ достойный подражанія и уваженья, сказалъ бы я, если бъ не зналъ, что одна торговая жадность Венеціянцевъ была виной этой выдумки; если бъ надѣялся, что чернила ябѣды не запятнаютъ святыни. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли достойнѣе почтить праздникъ Бога правды какъ не защитою слабаго отъ сильнаго, какъ не карою вреднаго преступленія? Судъ не работа, а священный долгъ передъ Богомъ и людьми.

—

Несчастна? ты несчастна? Кто жъ послѣ этого повѣритъ всѣмъ залогамъ и вѣроятностямъ? Кто бы подумалъ, что та, которая однимъ взоромъ, однимъ словомъ можетъ осчастливить каждаго, не имѣетъ сама крохи счастія! Я, однако, думалъ, подозрѣвалъ это. У тебя вырывались слова, пронзающія душу. Середи

рѣзваго разговора находили на тебя мгновенія невыразимой грусти: я уловилъ, я угадалъ это пролетное сдвиженіе бровей, это судорожное сжатіе губъ, это задумчивое колебаніе головы, — они отзывались во мнѣ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ. Лилія несчастлива! Эта дума вырываетъ изъ груди сердце. О, если бъ я могъ переплавить каждую каплю своей крови въ минуты благополучія, я бы выточилъ ее для тебя безраздумно, безкорыстно, и послѣдняя струя моей жизни пролилась бы въ холодъ могилы съ благословеніемъ судьбѣ. Можетъ-быть, ты украдкою плачешь теперь, и я не могу улелѣять тебя въ радость, погасить лобзаніемъ очи, горящія слезами, развѣять вздохами печаль! Тяжело быть самому несчастнымъ, но видѣть тоску того, кого любишь и не мочь, не смѣть раздѣлить его горя, — это просто мука! И пусть мы сблизимся, пусть ты полюбишь меня, — вѣдь сердца несчастливыхъ легко отверзты взаимности, они жадны излиться одно въ другое! — чѣмъ отплачу я за твою искренность и горячность, кромѣ лишнихъ печалей? Какую надежду принесу тогда на зубокъ новорожденной любви?..... Пепелъ и грѣзы! Нѣтъ, Лилія, тысячу разъ нѣтъ! Будь я даже увѣренъ въ тебѣ, я не возмущу тебя признаніемъ. Твое спокойствіе для меня священно. Я ли подарю тебя, взамѣнъ житейскихъ горестей, мертвящею тоскою разлуки, я ль, который падаю подъ ея терновымъ вѣнкомъ, несокрушимый прежде подъ жезломъ судьбы! Мнѣ бы отрадно было подать, пожать тебѣ руку, отклонить, притупить собою шипы на пути твоей жизни, устлать ее любовью, укрыть, согрѣть тебя душою своей въ зимѣ свѣта, — и что жъ? — разъ только встрѣтились дороги наши, и бѣгутъ врознь навсегда. Да будетъ! Станьте жъ непроницаемы очи мои какъ тюремныя окна, уста безмолвны какъ могила! Истлѣвай сердце безъ дыма и пламени!

—

Мило нѣгуетъ роза вешняя съ тиховѣйными вѣтерками, и въ благоуханномъ поцѣлуѣ передаетъ имъ свою душу; а между-тѣмъ червякъ уже подточилъ ея стебель. Драгоцѣнный алмазъ манитъ взоры красавицъ и поклоны корыстолюбцевъ; но химикъ наводитъ на него свои зажигательныя зеркала, и звѣзда земли — уголь! Высоко ширяется въ поднебесьѣ орелъ, купаетъ крылья въ радугѣ, хочетъ закрыть ими солнце, — и «На землѣ ужъ все мое», думаетъ онъ, — и вдругъ, откуда ни возмись, зашипѣла стрѣла, вѣтка только-что оперившаяся, на которой онъ отдыхалъ не далѣе какъ вчера, — и властитель воздуха, пробитый ею, издыхаетъ въ грязи, игрушкою ребятишекъ!

И вотъ символы трехъ идоловъ, трехъ летучихъ цѣлей человѣка, за которыми онъ гоняется, ползаетъ и скачетъ цѣлый вѣкъ; которымъ въ гостинецъ приноситъ тѣло и совѣсть и самую душу; о которыхъ мечтаетъ въ разгарѣ юношескихъ страстей и въ бреду предмогильномъ. Люди совѣстливые зовутъ этихъ идоловъ собирательнымъ именемъ — счастіе: я буду откровеннѣе, — или подробнѣе, — я переведу слово «счастіе» словомъ «наслажденіе въ трехъ лицахъ», любви, богатства, власти. И каждое изъ нихъ для насъ то цѣль, то средство, и каждому изъ нихъ имя — легіонъ!

Коварный духъ желаній уноситъ душу нашу на темя горъ, и говоритъ: «Смотри, любуйся, выбирай; міръ богатъ и необозримъ: поклонись мнѣ, и все твое!» Какой смертной возразитъ ему: Vade retro, Satana? Мы падаемъ въ ноги искусителю и ставимъ годы жизни на карту. Безстрастная судьба съ ужасною улыбкою на устахъ мечетъ банкъ свой. Роковой баламутъ подобранъ, но она хочетъ заманить неопытныхъ. Сонико, и разъ за разомъ падаютъ валеты и дамы на лѣво! Первый банкъ сорванъ.

Но во всемъ положенъ человѣку предѣлъ, за который не перейти ему безъ казни. Прекрасно дерево наслажденій, сладки его яблоки, но берегитесь прокусить ихъ до сердца: у нихъ сердце — ядъ тлѣтворный, мучительный, убійственный ядъ! Распутникъ скормилъ душу и силы свои обезьянѣ любви, и въ цвѣтень жизни чахнетъ дряхлый, безсмысленный. Онъ уже въ самомъ себѣ схоронилъ чувственность, для которой пожертвовалъ всѣмъ. Рядомъ съ нимъ любовникъ-мечтатель, который безъ боя дался въ рабство преступной или несбыточной страсти, который забылъ, что онъ человѣкъ и сынъ отечества, гибнетъ въ кельѣ ума лишенныхъ, угрызая цѣпь съ жажды поцѣлуевъ своей Элеоноры. Винолюбецъ задыхается водяною. Богачъ-лакомка умираетъ на рогожѣ мученикомъ пресыщенія и расточительности. Богачь-скупецъ нищенствуетъ съ боязни обнищать, и замерзаетъ отъ холоду, отъ безсонницы, у сундука съ деньгами. Но пусть въ нашъ вѣкъ самое сребролюбіе роскошничаетъ, даетъ пиры изъ барышей и, для покровительства, прячетъ лохмотья свои подъ батистъ, пакуетъ себя въ Англинское сукно: неужели жъ вы думаете, что миліонеръ-откупщикъ менѣе сиряга чѣмъ миліонеръ растовщикъ? Напрасно! Вся разница въ томъ, что одинъ считаетъ восковые, а другой сальные огарки. Повѣрьте мнѣ: онъ мучится каждымъ кускомъ стерляди, на которую звалъ васъ; зубы гостей, отличаясь надъ Страсбургскимъ пирогомъ, жуютъ его сердце. Не шамбертеномъ онъ ихъ потчуетъ, а своею кровью; наливаетъ, и слѣдитъ каждый глотокъ и разкидываетъ на мысляхъ какъ на счетахъ, сколько процентовъ принесетъ ему бутылка, а самъ мечтами загребаетъ золотыя горы, хочетъ выпить весь Уралъ съ его песками, сбирается проглотить цѣлкомъ всю Индію, — и что жъ? — захлебнулся, глядишь, однимъ боченкомъ червонцевъ; подавился

кораблишкомъ, истекъ векселями, – и лопнулъ, онъ банкротъ! А тамъ мятежный честолюбецъ гибнетъ подъ колѣсницею или на колѣсѣ. А тамъ властолюбивый вельможа, захватывая власть надъ другими теряетъ ее надъ собою; съ ней довѣріе царя; затѣмъ даже наружное поклонничество толпы. Презрѣнныя орудія его прихотей становятся орудіями его казни, насмѣшки и проклятія провожаютъ въ опалу. А тамъ завистливый царедворецъ сохнетъ на одной ножкѣ, оттого что дождь милостей льется на тѣхъ, кто его достойнѣе: а на бѣду цѣлый свѣтъ достойнѣе его. А тамъ изнываетъ въ забвеніи сочинитель, привычный дышать дымомъ похвалъ, съ комическою горестью видя, что его прежнія кадила коптятъ уже новыхъ кумировъ. Но кто изчислитъ всѣ терзанія желаній и обладанія, начиная съ полководца, читающаго въ газетахъ свои военныя ошибки, доказанныя яснѣе дня, и побѣды смѣшанныя съ грязью, или, въ приказахъ, повышенія соперника, до бульварнаго любезника въ отчаяніи оттого, что у пріятеля лучше его бекешъ, а у него краснѣетъ носъ на морозѣ въ рѣшительную минуту встрѣчи съ графинею N.? Добровольные мученики то славы, то моды, мы страстны къ изобрѣтенію орудій на собственную пытку; мы, страхъ, любимъ поджаривать себя на маломъ огнѣ прихотей, не замѣчая того, что раздуваемъ его въ пламя раскаянія; и дивитесь въ этомъ правосудію Провидѣнія: мы казнимся всегда и неизбѣжно тѣмъ же, чему предались безъ мѣры, – непремѣнно тѣмъ самымъ.

А между-тѣмъ есть цвѣты, дѣвственные какъ розы денницы. Есть алмазы столь же ясные какъ звѣзды небесныя. Есть жезлы и вѣнки власти и славы, цвѣтущіе благословеніемъ народовъ. Желать ихъ искать, добывать и потомъ лица и кровью сердца мы стремимся природою, но, чтобы они просіяли намъ радостями невозмутимыми, радостями каплющими прямо

съ вѣнца Божія, надо самоотверженія для любви, благодѣтельности для богатства, того и другаго для власти, а то и другое есть два слога любви, любви къ ближнему, переливающейся изъ единства во всемірность.

Кто же посмѣетъ сказать, что истинная любовь есть бренная страсть? Напротивъ, она есть чувство безчувственной, душа живой, Богъ одушевленной природы. Да, Богъ: это собственныя слова Спасителя. И можно ли иначе назвать эту разумную силу, которая заставляетъ цвѣтокъ увядать отъ нѣги зачатія, велитъ влюбленному соловью отдавать свои поэмы дебрямъ; учитъ кровожаднаго тигра ластиться, стремитъ былинку къ родной былинкѣ и произращаетъ изъ нихъ то кристаллъ, то деревцо, то животное; плавитъ металлъ съ металломъ ударомъ электричества, внушаетъ неизмѣнное постоянство магнитной стрѣлкѣ? наконецъ, проясняетъ души человѣческія, созываетъ, миритъ, роднитъ ихъ, сливаетъ въ одно прекрасное, почти небесное бытіе? наконецъ, сгибаетъ пути сферъ въ обручальное кольцо около перста предвѣчнаго!!!

—

И мнѣ ли существу, въ высшей степени раздражительному и пылкому, непокорствовать такому закону, выраженному плѣнительнымъ голосомъ Лиліи и ея небеснымъ взоромъ? О, встрѣча съ нею – поцѣлуй огня съ порохомъ! Я загараюсь тогда какъ существо и какъ вещество. Каждый волосокъ тогда оживаетъ на мнѣ отдѣльною жизнію, и все, начиная отъ самой ничтожной капли до высокой думы, отзывается во мнѣ сладостью любви. Милліоны сердецъ трепещутъ въ груди, милліоны звуковъ брызжутъ сквозь поры, и душа подъ перстами какого-то Ангела звучитъ и ропщетъ дивною гармоніею, будто огнеструнная лира!

—

Трансцендентали́сты находятъ въ человѣкѣ сокращеніе всего міра. Въ тебѣ, Лилія, нахожу я, напротивъ, только изящную, возвышенную, прелестную природу. Не весна ли твое дыханіе, не денница ли румянецъ, не горный ли снѣгъ бѣлизна? Развѣ не отдало небо восточную синету очамъ твоимъ, а взорамъ звѣзды, — звѣзды, какихъ не видалъ до-сихъ-поръ «вдовый край Сѣвера» *. Станешь ли, — и легкій станъ твой зыблется какъ облачко! Ступишь, — и будто зовешь на бѣгъ вѣтеръ! Губки твои, эти розовыя лучше нежели розовыя губки, полу-разверзтыя и трепетныя, словно чашечка цвѣтка подъ первымъ лучемъ солнца, подъ утреннимъ повѣвомъ зефира! — они ждутъ, кажется, поцѣлуя, чтобы разцвѣсть улыбкою, чтобъ выронить какъ росинку слова отрады.

Прочь!....не смущайте меня воспоминанія; желанія — не жгите! Вы такъ неодолимо прельстительны, покуда непомрачены обладаніемъ, не убиты опытомъ, — этимъ палачемъ воображенья! Долой съ моего сердца холодная его рука! Хочу любить и вѣрить, и для того пусть умру молодой; пусть мечты прекраснаго закроютъ мнѣ вѣки еще не поблеклымъ крыломъ своимъ.

Да! грустно сознаться въ себѣ и убѣдиться на другихъ, — а надобно: съ молодостью умираетъ въ человѣкѣ все безотчетно-прекрасное въ чувствахъ, въ словахъ, въ дѣлѣ. Какая жъ радость слоняться по свѣту собственнымъ гробомъ, и разсказывать о добрыхъ своихъ качествахъ, какъ о покойникахъ, всегда хорошо? Не пережилъ я своей молодости, а сколько уже схоронилъ высокихъ вѣрованій! Каждый день развязываетъ по узлу, крѣпившему къ землѣ душу. Остаются только слабые путы дружбы и неразрѣшимыя

* Settentrional vedovo sito. *Dante, Purgatorio.*

цѣпи любви : да и той я вѣрю только въ себѣ потому, что она томитъ, снѣдаетъ, уничтожаетъ меня. Зачѣмъ же не уничтожитъ скорѣе!.....

=

2 октября. Ночь.

Нѣтъ, еще не умерло во мнѣ сердце ; ключи его не застыли до дна : порой, оттаянные думою или звуками, они пробиваются наружу слезами, и неслышной но цѣпительною росою падаютъ на грудь. Сидя у палатки, я разсѣянно глядѣлъ на лагерь нашъ, облитый пламенемъ и тѣнями заката. Предметы обозначались, и опять исчезали передо мной, сквозь глубокой дымъ трубки. Абинъ широкимъ кольцомъ охватывалъ станъ слѣва , и отъ него тянулась вереница коней съ водопоя. Пушки прикрытія гремѣли цѣпями въѣзжая на батарею; ружья идущей за ними роты сверкали снопомъ пурпуровыхъ лучей. Тамъ и сямъ кашевары несли по-двое артельные котлы съ водою , качаясь подъ тяжестью. Туда и сюда скакали, гарцуя, мирные Черкесы , или вѣстовые Казаки. Огоньки зачинали дымиться, и около нихъ густѣли , чернѣли кружки солдатъ. Все будто ожило отдохновеніемъ, и, уложивъ до завтра дневные труды, весело заговорило поле ржаніемъ коней, строевыми перекличками , нарядами въ цѣпь, въ караулы , въ секреты , бубнами пѣсельниковъ, полковой музыкою передъ зарею,– и подъ этотъ то шумъ падало за горы солнце , залившись кровью, будто сбитое съ неба дружинами огненныхъ, багровыхъ, золотобронныхъ облаковъ. Они быстрымъ летомъ тѣснили, преслѣдовали убѣгающее свѣтило, – и постепенно померкали ряды ихъ ; изрѣдка лишь вонзался въ огромныя ихъ щиты лучъ перестрѣленный черезъ хребетъ, – и погасалъ. Наконецъ почернѣло все небо, исчезли и малѣйшіе розовые слѣды запавшаго солнца , – и никто въ цѣломъ лагерѣ не думалъ о солнцѣ. Солдаты ластились къ огню , на которомъ

кипѣлъ ихъ ужинъ. Офицеры привѣтно улыбались самовару; кони рыли землю копытомъ, ожидая овса. Во мнѣ только голодъ и усталость придавлены были грустнымъ созерцаніемъ. И вдругъ раздалась въ воздухѣ одна пѣсня, – завѣтная пѣсня моей юности. О, сколько страданій и восторговъ заключено было въ каждой нотѣ, въ каждомъ заунывномъ ея звукѣ!

In questi voci languide risuona
Un no so chè di flebile e soave,
Ch'al cor gli scende, ed ogni sdegno ammorza
E gli occhi a lagrimar gl'invoglia e sforza.

«Въ тѣхъ звукахъ томныхъ отзывалось, не знаю, что-то грустное и усладительное! Они проникали въ сердце, они снимали съ него всякое огорченіе, охотили и неволили очи къ слезамъ.» *Данте.*

Плакалъ и я, невольно и охотно плакалъ. Слезы утолили душу давно жаждущую гармоніи и поэзіи. Есть у меня часы, когда стихи и звуки необходимѣе для меня чѣмъ въ иное время питье и пища. Въ такіе часы люблю я напѣвать задушевныя строфы Гёте и Байрона, ямбы Пушкина, терцеты Аріоста, Муровы мелодіи, даже стихи Валтеръ-Скотта изъ «Красавицы озера» или «Послѣдней пѣсни барда». Въ музыкальномъ отношеніи Валтеръ-Скоттъ едвали не выше всѣхъ Англинскихъ поэтовъ. Я читаю ихъ вслухъ, и благозвучныя риѳмы льются тихо и стройно, льются какъ масло оливъ, подмываютъ сердце и, оно лебедемъ всплываетъ наверхъ; зыблется и дремлетъ, лелѣемое волнами звука. Никогда ни какая проза не замѣнитъ намъ поэзіи, но только для выраженія мечты, а не дѣйствительности. Дѣйствительность такъ разнообразна, что ей не впору ни какой размѣръ. Тамъ, гдѣ слово должно риѳмоваться съ мыслію, созвучіе – ребяческая игрушка.

Ночь накрыла землю необъятными своими крыльями. Шипучая ракета взвилась высоко, прямо, и съ

ударомъ разсыпалась блестками по облаку. За ней взрѣвѣла заревая пушка, и всѣ ущелія откликнулись ей, стеная. Затихъ послѣдній перебой барабана, и все потонуло во мракѣ и тишинѣ. Только порой вспыхивалъ кое-гдѣ огонекъ, и на-мигъ озарялъ бѣлыя полосы палатокъ и черныя коновязей, или знамена положенныя вкось на барабаны, или рогатки штыковъ да купы лицъ, которыя какъ духи изъ Макбетова котла улетали вмѣстѣ съ дымомъ и съ искрами. Только мѣрный окликъ — «слушай!» обходилъ дозоромъ по цѣпи. Многозначительно и спасительно слово это, — и кто ему внемлетъ кромѣ часовыхъ? Врагъ подкрадывается подъ душу а мы спимъ. Совѣсть или разумъ кричитъ «слушай», а намъ лѣнь поднять голову. Бѣда наконецъ застаетъ насъ въ расплохъ, — и мы, давай, плакаться на судьбу! Воля у человѣка не часовой, а вѣстовой, — вѣчно на побѣгушкахъ для его прихотей, никогда или почти никогда для пользы.

Облака сомкнулись тяжелымъ сводомъ. Ни одной звѣздочки нигдѣ; со всѣмъ тѣмъ, ночь свѣжа и тиха; ночь желанная для счастливыхъ любовниковъ. Не знаю право кому взошло въ голову расхваливать одиночество ночи, когда она выдумана для взаимныхъ радостей, — для пирушекъ дружбы, для таинственныхъ свиданій любви! Я согласенъ съ Гёте: подобно женѣ, данной человѣку въ лучшую ему половину, ночь для насъ право — лучшая половина жизни. Разумѣется, я прибавляю къ этому небольшое условіе sine qua non, за неявкой котораго со вздохомъ опускаю голову на сѣдло и по неволѣ дѣлаю Пушкинское воззваніе къ заштатному языческому богу:

«Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови.»

=

На завтра.

Грудь на груди мать-сырой земли засыпалъ я вчера, и она тихо, тихо, дышала мнѣ свѣжестью, междутѣмъ какъ доброе небо разтворяло воздухъ росою, готовя для смертнаго живительную атмосферу. Сладкій мигъ забытья сходилъ уже на меня. Какіе-то безвидныя, безимянныя мечты-младенцы мило лепетали около моего сердца, карабкались на него какъ на челнокъ, и перевернули его, шалуны: оно погрузло въ сонъ глубокой, плотной, крѣпкой сонъ, какимъ могутъ спать одни праведники и солдаты.

И не знаю, долго ли, коротко ли спалъ я, только вдругъ пробужденъ былъ содраганіемъ и гуломъ земли. Прислушиваю, поднявшись на руку: такъ и есть, — это быстрая прыть аттаки! Скачутъ кругомъ, разсыпаются врознь, — ближе, ближе, — вотъ стопчутъ палатку! У меня занялся духъ: это Черкесы! Я вскочилъ (ночуемъ мы всегда одѣтые), и вооружился. Бужу своего товарища: онъ спитъ какъ убитый. — Валеріянъ Петровичъ, слышите ли? — «Слышу, отвѣчаетъ онъ въ просонкахъ: пора и намъ, фуражировка сказана въ три часа; вѣрно Казаки собираются!» — Нѣтъ, это не Казаки! Какой чортъ смѣлъ бы строить полки въ галопъ, и въ такую темь, и въ лагерѣ, собираясь для тайнаго набѣга! — Говорю, а онъ ужъ храпитъ. Я выскочилъ изъ палатки..... Сердце такъ и бьется. Все тихо, а ночь темнѣе, непроницаемѣе чугуна. И вотъ опять загудѣла, загрохотала земля какъ бубенъ, подъ копытами тысячи коней. Ну вотъ, кажется, ринулись мимо: хвосты пашутъ холодомъ, пѣна летитъ въ лице съ ихъ удилъ, шашки сверкаютъ въ трехъ шагахъ: но почему жъ нигдѣ ни выстрѣла, по чему нѣтъ дикаго крика Азіятскаго натиска, нѣтъ барабана тревоги? Неужели могли Черкесы тихомолкомъ вырѣзать часть цѣпи и рѣшились желѣ-

зомъ изгубить сонныхъ?..... Постойте! Тамъ, кажется, крикнули – *Въ ружье!* Нѣтъ, это окликъ – *Рундъ мимо!*.. ..

И тяжкій громъ разразился надъ горами..... Молнія хлынула моремъ. А, понимаю теперь, это гроза! Но никогда обманъ не былъ такъ полонъ и вѣроятенъ: я жилъ долго въ горахъ, а ни разу не видалъ и не слыхивалъ ничего подобнаго. И могъ ли я вообразить себѣ грозу въ октябрѣ мѣсяцѣ? Да еще какую грозу? Ужасъ! Съ перваго удара цѣлый часъ не прерывался громъ ни на одно мгновеніе. Онъ кипѣлъ и клокоталъ подобно аду, сливая въ одинъ лютый ревъ всѣ отголоски ущелій, заставляя трепетать всѣ долины какъ осенній листъ. Когда жъ надъ этимъ океаномъ мертвящихъ звуковъ и блистаній, раздирающихъ ночь по всѣмъ вѣтрамъ, сверкалъ еще ярче потокъ молніи, стрѣлялъ новый громъ съ оглушающимъ трескомъ,– мнилось видѣть пролетъ необъятнаго ангела разрушенія съ крыльями изъ тучь, слѣдить размахи жаръ-меча его, разсѣкающіе Кавказъ до сердца; мнилось слышать вѣщій голосъ его трубы сокрушительницы міра, призывной трубы къ страшному, послѣднему суду. Въ самомъ дѣлѣ, всякой разъ что взрывъ перуна озарялъ заснѣженные верхи горъ, они проявлялись на-мигъ какъ толпы мертвецовъ великановъ въ бѣлыхъ саванахъ, – и потомъ точно стремглавъ падали въ преисподнюю, отвѣчая леденящимъ кровь стенаніемъ на грозный ударъ осужденія; стенаніемъ такимъ пронзительнымъ, что лихорадочный трепетъ пробѣгалъ по всѣмъ жиламъ земли и скалы скрежетали отъ ужаса.

Постепенно холодѣло и во мнѣ сердце; молніи зажигались снопами по теменамъ далекихъ горъ, и разгарались какъ изверженія волкановъ; буйный вихорь крутилъ и бросалъ капли крупнѣе винограда, а потомъ воцарялась опять душная неподвижность въ воздухѣ;

земля колебалась и звучала подъ ногой будто пустая. Я невольно вспомнилъ о послѣднемъ днѣ Помпеи..... Почему жъ не погибнуть этому краю отъ землетрясенія и лавы! думалъ я, – и думалъ это не въ шутку: гроза бушевала все ужаснѣе и ужаснѣе! Никогда и никому не разскажу про думы, которыя волновали меня въ этотъ часъ: люди мнѣ не повѣрятъ, а Богъ меня видѣлъ самъ. Скажу одно: въ ту минуту, когда я убѣдился, что все меня окружающее должно черезъ мигъ разлетѣться въ дребезги и въ искры, у меня было странное желаніе, дикое желаніе, погибнуть вмѣстѣ съ Лиліею, прижать ее въ первый разъ къ сердцу и потонуть въ пламени любви и землекрушенія!.....

Къ разсвѣту мы были уже съ отрядомъ за пятнадцать верстъ отъ лагеря. Взяли съ боя пропасть сѣна, и просушились отъ проливнаго дождя заключившаго ночную бурю у пожара сожженныхъ нами ауловъ. Жаль: у меня убили лихова унтеръ-офицера.

=

12 октября.

Я тоскую, здѣсь горечь. Чувствую что рука судьбы тяготѣетъ на моемъ сердцѣ, и нѣтъ друга, нѣтъ роднаго вблизи, кто бы снялъ съ меня половину бремени. Это одиночество, этотъ воздухъ чужбины, душатъ меня, – сегодня втрое чѣмъ когда-нибудь, – необычайно!..... Шапсуги дрались на-славу, – отважно, упорно. Много храбрыхъ пало съ обѣихъ сторонъ; много пролилось крови на каждую спорную скалу. Перестрѣлка на часъ умолкла: отрядъ остановился для разработки дороги сквозь неприступные прежде утесы. Задыхаясь, весь въ поту, насилу вскарабкался я на круть, и сѣлъ подъ дерево. Застрѣльщики мои, раскинутые цѣпью, улеглись за камнями и кустами, глаза на сторожѣ и палецъ на куркѣ. Солнце, больное осенью, лишь повременно бросало свои блѣдные лучи въ глуби-

ну дикаго, необитаемаго ущелія, по обѣимъ сторонамъ котораго мы тянулись. Облака стадились по хребтамъ Маркотча; горный вѣтеръ кружилъ изсохшими листьями; грустная дума запала мнѣ въ голову, — грустная и отрадная вмѣстѣ: она была — «Мнѣ не долго жить»,— и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, разводить водой безрадостную жизнь мою? Я съ раскаяніемъ обращался къ прошлому, съ мольбою простиралъ руки къ будущему: нѣтъ отвѣта, нѣтъ привѣта! Иногда на прежнее можно купить то, что будетъ: у меня бездна призываетъ бездну!.....

Глубоко внизу стеналъ Атаквафъ, перебираясь по каменьямъ, ограненнымъ вешними водоворотами. Прямо противъ меня на другой сторонѣ рѣки, какъ погребальный ходъ, тянулся обозъ по утесамъ; на него укладывали убитыхъ и раненыхъ. Взглянулъ вверхъ,— дикій кипарисъ, опахало мертвецовъ, простиралъ на меня вѣнокъ изъ вѣтвей своихъ, и я вспомнилъ стихъ Вальтера-Скотта:

O lady, twine not wreath for mee,
Or twine it of the cypres-tree! *

Вездѣ зачатки смерти, вездѣ кровь и трауръ..... но почему я впервые замѣтилъ это?

Я бы желалъ отдать послѣдній вздохъ тому краю, который внималъ моему первому крику. Какъ всѣ младенцы, я плакалъ когда родился, но какъ, не многіе люди, живучи узналъ о чемъ. Отравленный напитокъ — воздухъ бытія, но въ отчизнѣ, по-крайнѣй-мѣрѣ, мы вдыхаемъ отраву безъ горечи. Въ отчизнѣ я бы уложилъ свои кости рядомъ съ прахомъ отца моего,— и мягче, и легче была бъ для меня родная земля! Врагъ не сорвалъ бы креста съ моей могилы; прохо-

* «Не вей, красавица, для меня вѣнка, или свей его изъ вѣтокъ кипарисныхъ!»

жій помолился бы за грѣшную душу мою по Русски. Если жъ паду на чужбинѣ, я бы хотѣлъ быть схороненнымъ на берегу моря, у подножія горъ, глазами на полдень, – я такъ любилъ горы, море и солнце! Пускай и по кончинѣ согрѣваетъ меня взоръ Божій; пусть вѣетъ мнѣ горный вѣтерокъ; пусть кипучія волны прибоя напѣваютъ и лѣлѣютъ вѣчной сонъ мой.

Дитя, дитя! прахъ безчувственъ. Въ гробу снятся сны не изъ нашего міра!

Но неужели вы забьете, заклеплете въ колоду и это бѣдное сердце, сердце, которому тѣсно было даже въ груди? Учились ли вы Физіологіи? Знаете ли, что сердце живетъ прежде всего въ человѣкѣ и умираетъ гораздо послѣ? Не вдругъ погаснетъ оно, и застынетъ не скоро. Смерть превратитъ взоры въ ледъ, а языкъ въ камень; но сердце долго, долго потомъ, будетъ еще роптать страстію. Зачѣмъ же душить его гробовою доскою, зачѣмъ отдавать подлымъ червямъ на потѣху благороднѣйшую частицу мою? Лучше выньте его и сожгите: пламень былъ его стихіею.

И развѣйте пепелъ по вѣтру: пускай летаетъ въ поднебесьѣ!..... Оно ужъ привыкло летать въ поднебесьѣ.

И можетъ-быть какая-нибудь пылинка перелетитъ за моря и сольется съ родной землею..... О, тогда весело вздрогнутъ останки мои въ землѣ чужой!

Ничто не гибнетъ въ природѣ, умирая, – ничто! Не погибнетъ и лучшая половина меня самаго, – душа. Но я бы жаждалъ, чтобы она стала неразлучнымъ твоимъ спутникомъ, Лилія, твоимъ ангеломъ-хранителемъ. Какъ бы чисты были сны твои подъ моимъ крыломъ, какъ покойны чувства и думы! И почему жъ нѣтъ? Я и теперь, одѣтый въ мятежное тѣло, обуреваемый страстями, готовъ бы охранять, вести тебя безкорыстно и безупречно; готовъ купить также до-

рого твою непреклонность, какъ иной твое паденіе, — теперь, когда малѣйшая побѣда надъ собою мнѣ наноситъ глубокія, горючія раны.

Когда жъ не станетъ меня, не ранѣе какъ тогда пусть узнаетъ Лилія, что я любилъ ее: но гдѣ возьму я словъ, чтобъ выразить, гдѣ найдетъ она чувствъ, чтобы постичь, *какъ я любилъ*? Что я отказался отъ надежды на ея взаимность за ея позднее уваженіе; что я не хотѣлъ напрасными привѣтами и забѣгами ни на одинъ мигъ возмущать ея равнодушія, ея домашняго покоя, и длятого не пыталъ въ ней моего счастія, — а одно слово, одинъ взглядъ ласки, могъ бы меня ощастливить. Ненасытны, безпредѣльны были мои желанія въ жизни, — и я бѣжалъ тебя, Лилія; но если ты уронишь хоть слезу на мою память, прахъ мой будетъ утоленъ. Одну слезу, Лилія, — за всѣ мои страданія, — какъ единственную усладу, единственную награду моей тайной, нераздѣльной любви: и пусть за то будетъ вся жизнь твоя ясна какъ эта слеза! Будь счастлива, Лилія..... счастлива и за гробомъ!

Но кто спроситъ, кто разскажетъ про меня? Тѣ, кто бы могли не захотятъ, а кто бы желалъ не можетъ!..... Я сирота и въ грядущемъ.

=

14 октября.

Въ одинъ короткой, осенній день сколько разныхъ ощущеній! Они наподхватъ вырывали другъ у друга мое сердце, и забрасывали его то въ тихую радость созерцанія, то въ горячку истребленья, то въ холодъ ужаса. Замѣчу мимоходомъ, что Шапсуги сегодня въ первый разъ попытали передавить насъ огромными каменьями, скатывая ихъ съ крутинъ, — и напрасно; что я оцарапанъ стрѣлою въ правой бокъ; что я былъ восхищенъ видомъ на обѣ стороны, взобравшись на хребетъ Маркотча, отдѣляющій приморье отъ Заку-

банья. Позади, тысячи долинъ и ущелій подъ чернетью тѣней отъ горъ, подъ серебромъ рѣчекъ, сверкающихъ отъ солнца. Впереди, необъятное Черное Море, со своими пріютными заливами, съ изумрудными волнами, съ утесами, ворвавшимися въ ихъ середину. А кругомъ воины, бросающіе побѣдное ура на вѣтеръ Кавказа въ привѣтъ знаменамъ нашего Великаго Царя. И сами знамена шумѣли Ему славу, играли радугой завѣта для Черноморья.

—

Теперь слѣдуетъ «зѣло любопытственное сказаніе о томъ какъ, имярѣкъ, пораженъ бысть ужастію веліею, и якся бѣгу, и о прочемъ». Нешутя, сегодняшній вечеръ стоитъ быть вписанъ въ мою памятную книжку.

Рекогносцировка для устройства дороги реями по крутой горѣ кончилась на темѣ Маркотча. Только три баталіона назначены были открыть сообщеніе съ крѣпостцой Г—мъ, и привести оттуда на вьюкахъ провіантъ. Полкъ нашъ возвратился; я былъ посланъ впередъ для закупокъ. Крутой спускъ, перестрѣлка, бездорожье, задержали насъ, такъ, что къ взморью у Суджукской бухты достигли мы въ потемкахъ. По сказамъ проводника, оставалось еще версты четыре до Г—а, а ночь до того стемнѣла, что тропины въ пяти шагахъ прятались отъ глаза. Овраги и рытвины безпрестанно пересѣкали дорогу; терновникъ закидывалъ ее своею колючею рогаткою. Отрядъ двигался медленно и осторожно, тѣмъ медленнѣе и осторожнѣе, что надо было поберечь раненыхъ, которыхъ везли мы верхомъ, перевалиться за хребетъ съ повозками не было ни какой возможности. И вотъ мнѣ, страхъ, наскучило итти съ ноги на ногу и поминутно слушать однообразный гулъ роговъ — «Застрѣльщики, стой.» Все, что было у насъ кавалеріи умчалось впередъ, посланные генераломъ извѣстить крѣпостцу о прибытіи

отряда; а голодъ, а жажда и усталость, меня томили. Воображеніе рисовало вдали кипучій самоваръ, и вокругъ его разгулъ стакановъ, дымящихся Китайскимъ нектаромъ. Котлеты порхали, «тамъ, тамъ въ мерцаніи багряномъ», словно райскія птички. Милочки летучія рыбы, про которыхъ мнѣ насказаны чудеса, танцовали на сковородѣ Французскую кадриль на маслѣ: какъ тутъ не соблазнится? Я подъѣхалъ къ одному изъ оставшихся проводниковъ. – Тюркъ-Абатъ, катнемъ впередъ!– «*Аллахъ коймасынъ!* Да не попуститъ Богъ!» отвѣчалъ онъ: «у меня нѣтъ заводной головы. Ты лучше другова знаешь, Черкесы невидимками вьются около каждаго отряда, и чуть удались кто за стрѣлковъ, – цапъ-царанъ, да и на арканъ раба Божьяго!» – Я возразилъ: – Натухайцы слабѣе другихъ Горцевъ, и въ доказательство тому, что они убрались во-свояси, нѣтъ ни одного выстрѣла ни по насъ, ни по всадникахъ, которые уѣхали впередъ; а ужъ конечно эти разбойники не упустили бы случая когонибудь изъ нихъ застукать, если бы вблизи были. – «Будь ихъ много, они бы конечно напали на горсть нашихъ всадниковъ», отвѣчалъ Тюркъ-Абатъ: «а что скажешь, если ихъ какой-нибудь десятокъ для дозору?» – Въ инструкціи полковникомъ «О кареяхъ противъ Турецкой кавалеріи», данной старикомъ Каменскимъ, между прочими, чрезвычайно дѣльными замѣчаніями, сказано: «Пѣхота, которая вышлетъ стрѣлковъ далѣе восьмидесяти шаговъ отъ фронта, можетъ исключить ихъ изъ списковъ.» Почти то же можно сказать вразсужденіи всадниковъ выѣзжающихъ далѣе восьмидесяти шаговъ за цѣпь всторону, въ войнѣ съ Черкесами. Кажется, ихъ нѣтъ за пять верстъ, все тихо, а попробуйте остаться на полвыстрѣла отъ арріергарда, они налетятъ какъ вороны, выскочатъ изъ дупла какъ рысь, какъ грибъ выростутъ изъ-подъ земли. Все это такъ, думалъ я, однако жъ мнѣ удава-

лись и не этакія штуки. Въ такую ночь можно уйти отъ совѣсти, не то что отъ Черкеса.

Тюркъ-Абатъ, какъ-будто возражая на мои мысли сказалъ: «Нѣтъ, *достумъ*, нѣтъ, другъ мой; теперь развѣ на птицѣ можно перелетѣть до крѣпости; на лошади — нѣтъ.»

Во мнѣ загорѣло ретивое. Я потрепалъ по крутой шеѣ своего буланаго, и сказалъ: «Послушай, Тюркъ-Абатъ: вашъ Магометъ былъ великой чудодѣй. Однажды онъ снялъ мѣсяцъ съ неба, разрубилъ его на двое какъ пятакъ, и пропустилъ половинки сквозь рукава своего кафтана, и опять сложилъ ихъ, и опять повѣсилъ мѣсяцъ на небо. Слова нѣтъ, штука недурная. Однако нашъ Падишахъ выкинулъ поудалѣе этой: онъ сорвалъ Магометову луну съ этого неба и положилъ къ себѣ въ карманъ. Давно ли точилъ на насъ рога свои полумѣсяцъ надъ здѣшними горами? А погляди-ка вверхъ, теперь ни четверть мѣсяца не смѣетъ выглянуть. Я Русской. Я не барышня. Да и неразъ извѣдалъ, что и Черкесъ не чортъ. У него ружье, и у меня не флейта; подъ нимъ конь, да и подо мной не собака. Ѣду одинъ.»

«Поѣхать легко, возразилъ хладнокровный Азіатецъ: но не проѣхать. Впрочемъ у насъ есть пословица: жизнь — любовница человѣку. Кому она мила, тотъ ей рабъ; кому постыла, тотъ хозяинъ. Твоя воля!» Le coquin a frappé juste. Плеть хлопнула, и въ три мига я былъ далеко, такъ, что, когда обернулся, мнѣ ужъ не видно было огненной струйки дыма, слѣтавшей повремени съ трубки проводника. Я то скакалъ, то сдерживалъ коня, чтобы прислушаться нѣтъ ли шороха или топота. Ничего кругомъ; ни души, ни искры; только вдали за мной раздаются Русскія пѣсни какъ неясное воспоминаніе. Легкой туманъ чуть подымался; зато безбрежная ночь чернѣла

все пуще и пуще и, казалось, мигала мнѣ тысячью огромныхъ глазъ своихъ. Не зная дороги, я ѣхалъ почти ощупью, ставалъ на стрѣменахъ: нѣтъ какъ нѣтъ крѣпости,– она завернулась вѣрно въ валы свои, прикурнула подъ какой-нибудь холмикъ и зажмурила всѣ свои огоньки, – спитъ себѣ и не подастъ голосу. И вотъ мнѣ стало казаться, будто пни деревъ шевелятся, перебѣгаютъ дорогу, разрастаются великанами, всё ближе и ближе, и сбрасываютъ наконецъ свой оптической нарядъ лѣшихъ, и давай подтрунивать надо мной какъ баловни школьники. Иной щипнетъ за ухо, другой подкравшись тянетъ долой шапку, третій подставляетъ ногу коню моему, тотъ прыщетъ въ лице холодной росою, и въ каждомъ дуплѣ, казалось, пищитъ какой-нибудь Пукъ или Аріель, защемленный туда за проказы. Лѣсъ для меня ожилъ, населился, заговорилъ всѣми созданіями Шекспировой фантазіи и каррикатурами Гётеваго шабаша вѣдьмъ..... И вдругъ вдали передо мною брызнула синяя искра, – вѣрно блудящій огонекъ. – Эй, пріятель! закричалъ я ему, словами Мефистофеля: посвѣти-ка мнѣ на дорогу, чѣмъ тебѣ маячать даромъ! – Нѣтъ это не блудячій огонекъ, не свѣтлякъ зажигаетъ свою искру на листкѣ; это не вечерняя звѣздочка на краю небосклона: она искрится, разбрасываетъ лучи, разцвѣтаетъ, – вспыхнула! Богъ мой, какъ это прелестно! это яркій фалшфейеръ на люгерѣ въ привѣтъ братьямъ Русскимъ.

Вообразите себѣ зазженный яхонтъ надъ прозрачною зеленью моря, озаряющій волнистымъ, дымнымъ, голубоватымъ свѣтомъ своимъ и корабль, на которомъ сіялъ, и волшебный кругъ изъ двухъ безднъ воды и воздуха, въ которыхъ плавалъ этотъ корабль. Казалось, всѣ снасти нижутся дорогими каменьями; а самое тѣло люгера вылито изъ цвѣтнаго хрусталя; казалось, весь онъ зыблется, трепещется, летитъ, то-

нетъ въ пучинѣ взоръ ласкающаго свѣта. И вмигъ все погасло, все исчезло. Тма поглатила берегъ и море и сомкнула надъ ними непроницаемую пасть свою. Разширяю глаза, чтобъ уловить хоть слѣдъ милаго видѣнья, направляю туда бѣгъ свой, посылаю взоръ за взоромъ въ погоню, скачу: и вдругъ конь мой сталъ храпя и, фыркая, уперся испуганный плескомъ моря, котораго не видалъ онъ сроду. Роняю взоры внизъ: новое очарованіе! Все пребрежье горѣло фосфорной пѣной прибоя. Волны рядами тихо катились на плитный берегъ, сверкали зубчатыми гребешками своими, ударяли въ грудь камней, и разсыпались на нихъ огнемъ и звуками какъ поцѣлуй брата съ братомъ. И каждая рыбка, всполохнутая мною, исчезала въ огненномъ вьюнѣ; и каждая капля, брызнутая съ ея живаго весла, освѣщала дно приморья, такъ, что виднѣлись на немъ раковинки, какъ видны всѣ мысли въ глубинѣ души невинной дѣвушки при блескѣ страсти. Невыразимо прелестнымъ пламенемъ играли струи этого изумруда, растопленнаго въ сердцѣ природы, и какая-то отрадная свѣжесть вѣяла съ нихъ..... Скажите, могъ ли я въ такую пору думать объ опасностяхъ? Я ѣхалъ вдоль берега на волю коня. Говорятъ, замерзающіе, послѣ грызущихъ мукъ, впадаютъ въ сладкую, неодолимую дремоту оцѣпененія. Со мной совершалось то же самое..... Душа изъ ледяныхъ объятій свѣта падала на лоно безчувствія; всѣ чувства растекались забытьемъ ничтожества. Будто сквозь дрему, мелькали и хрустѣли подъ ногами бѣлые камни, словно черепы на кладбищѣ. Блѣдный фосфорическій свѣтъ моря мерцалъ мнѣ какъ привычное озареніе моего могильнаго міра, и говоръ волнъ отдавался въ ухѣ, какъ понятная бесѣда собратій-мертвецовъ.

Не таковъ ли сонъ вѣчности? Дайте жъ мнѣ скорѣе морскую волну въ изголовье; плотнѣе задерните по-

логъ ночи. Пусть даже безсмертныя звѣзды, не только смертныя очи туда не заглядываютъ. Пусть не будитъ меня пѣтухъ ранымъ-рано. Хочу спать, долго и крѣпко, покуда ангелъ не разбудитъ меня лобзаніемъ примиренья.

Но крикомъ войны былъ пробужденъ я: какъ призраки возникли передо мной Черкесы, и восклицая — *Гяуръ! ай гяуръ!* — кинулись съ обнаженными шашками на-перерѣзъ. Я обомлѣлъ отъ ужаса: мысль попасть въ мучительный плѣнъ къ этимъ варварамъ пробила сердце. Но прежде чѣмъ успѣлъ я на что-нибудь рѣшиться, мой перепуганный конь вернулся на пятѣ; я далъ поводья, и онъ ринутый ими взвился какъ стрѣла съ тетивы.

У Римлянъ былъ законъ для воиновъ: одного врага — побѣдить; на двухъ — нападать; отъ троихъ — защищаться; отъ четверыхъ позволяется бѣжать. Я бѣжалъ отъ семерыхъ по-крайней-мѣрѣ; бѣжалъ не смерти, а позорнаго плѣна, — и въ первый разъ въ жизни, — но все-таки бѣжалъ. Не хочу золотить того, что и полуды не стоитъ; это былъ явный примѣръ самовластія тѣла надъ волею, и этимъ еще не кончилось. Я скакалъ цѣликомъ, сквозь тернъ, черезъ камни и рытвины; и вотъ въ сотнѣ шаговъ отъ мѣста роковой встрѣчи конь мой перепрянулъ черезъ ложе изсохшаго потока, — поскользнулся на голомъ камнѣ, — и я брыкъ съ нимъ черезъ голову.

Нѣсколько мгновеній катясь колесомъ, я думалъ отчаяннымъ усиліемъ удержаться въ сѣдлѣ. Ни какого средства! Конь придавилъ меня подъ собою, а междутѣмъ крики — *Гяуръ! гяуръ!* жужжали за мной вмѣстѣ съ пулями. Лежа, взвожу курокъ; наконецъ удается мнѣ вскочить на ноги и первымъ моимъ движеніемъ было приложиться навстрѣчу врагамъ, чтобъ продать имъ не иначе душу какъ за душу; но они мед-

лять, они пѣшкомъ. Къ счастію, я не выпустилъ изъ рукъ повода. Тороплюсь сѣсть; конь не дается, бьетъ, становится на дыбы. Вздоръ, ты не уйдешь отъ меня! Полмига послѣ я уже несся во весь опоръ къ отряду; но тамъ ждала меня новая невзгода. Стрѣлки, послышавъ конскій топотъ, сочли меня за непріятеля и открыли бѣглый огонь. Штыки уже сверкали близко моей груди, прежде чѣмъ они разслышали мой окликъ — «Стрѣлки, свой идетъ!»

Это было мое первое, надѣюсь и послѣднее, знакомство со страхомъ.

—

Пишу эти строки подъ кровлею. Какъ нетерпѣливо хотѣлось мнѣ отдохнуть подъ кровлею! Удалось, — и я жалѣю о свѣжей палаткѣ, о ночлегѣ подъ открытымъ небомъ. Стѣны душатъ меня, потолокъ гнететъ; грудь проситъ раздолья и вѣтра. Въ гробу хорошо только мертвымъ, а эта комната — настоящій гробъ.

=

Четыре дня потомъ.

Показалась кровь горломъ, — повѣстка адской почты! Зовутъ на полученіе савана..... Не замѣдлю я, не замѣдлю! Мнѣ бы не хотѣлось однако жъ, что бы Лилія видѣла меня въ такомъ нарядѣ. Женщины очень любятъ мундиры, за исключеніемъ кирасирскаго мундира смерти: полотняный колетъ и сосновыя латы не красятъ человѣка!

Хочу, и не могу, быть веселымъ. Нѣтъ сна на мое утомленіе; нѣтъ слезъ на тоску. Мысль о смерти гнѣздится въ душѣ; порохъ пахнетъ ладономъ. А міръ прекрасенъ! На разставаньѣ, онъ подобно коварной любовницѣ удвояетъ нѣжность, осыпаетъ ласками, является младенчески невиннымъ, плачетъ неутѣшно, не хочетъ выпустить изъ объятій. Безсердечная прелестница, что сдѣлала ты съ моею любовью? А теперь

хочешь возбудить мое сожаленье! Великолѣпная твоя гостиная была для меня пытальней. Не гостемъ, а мученикомъ, скитался я на твоихъ пирахъ. Не для меня тамъ кипѣли чаши радостей; всѣ блага обносились мимо.

Voir n'est pas *avoir*!

Братья-люди, братья Іосифа! одинъ завѣтъ вамъ: не продавайте своего меньшаго ни за хлѣбъ въ часъ голода, ни за пряники въ праздникъ. Тяжка ему работа Египетская, но вы позавидуете ей на смертной своей постели.

—

..... Едва ли не Наполеонъ отвѣчалъ на вопросъ, какую смерть желалъ бы онъ себѣ: «Самую скорую и самую неожиданную!» Это значитъ — не надѣяться ни на тѣло ни на душу. Что за воинъ, который страшится долгаго боя!

=

Кажется, 23 октября рано.

Бьютъ походъ! Шапсуги грозно скликаются по вершинамъ: быть горячей схваткѣ; и я радъ этому. Сегодня я бодръ и веселъ необыкновенно. Лучъ утра стопилъ долой съ сердца весь свинецъ горя; рука сама хватается за шашку. Видъ — чудо: заря перебросила уже розовый шарфъ свой съ плеча на плечо горы, а котелъ ущелія, въ которомъ таится нашъ станъ, всё еще теменъ и дыменъ; люди бродятъ какъ тѣни по туманному берегу Стикса; обнаженныя деревья будто вылѣзаютъ изъ трещинъ, въ которыхъ спали ночь. Тѣснина, кажется, хочетъ задавить насъ въ объятіяхъ. Утесы великаны уперлись грудь съ грудью, въ плитныхъ латахъ, заржавленныхъ вѣками; спустили на насъ сердитую рѣку; завалили всѣ тропки обломками, набили частоколъ дремучаго лѣса, — и все это вздоръ для Русскаго. Захотѣли, — и притоптали стремнины въ широкую дорогу, накинули мосты на пропасти; и

съ хребта на хребетъ, съ дива на диво пойдемъ, полетимъ на пробой. Догонимъ мы эти вершины: не спрятаться имъ въ облакахъ! Мы сами будемъ сегодня второй разъ въ гостяхъ у неба.

Никогда еще съ такимъ томленьемъ не ждалъ я битвы какъ теперь. Кажется, за этимъ хребтомъ ждетъ меня Лилія на условное свиданье; кажется, я куплю ея взаимность моею кровью. Чего жъ медлять? что жъ не ревутъ и не прядаютъ по скаламъ наши горные единороги? Пора, пора! Страстно хочу я кинуться въ пылъ схватки; только ея обаятельный вихорь можетъ сравниться съ упоеньемъ любви. Были минуты, когда изнемогая отъ полноты счастья, прильнувъ устами къ груди прекрасной, невольно ропталъ я: «Теперь бы сладко умереть!» Сладко умереть и на груди славы.. ... умереть теперь же въ этотъ мигъ!.....Лил.....

—

То была пѣсня лебедя: его желаніе разразилось надъ нимъ его судьбою. Онъ былъ убитъ, убитъ наповалъ, и въ самое сердце. Его тайны легли съ нимъ въ гробъ; немногіе цвѣтки изъ вѣнка его мечтаній отдаю я свѣту. Пусть обрываетъ ихъ злословіе или участіе лѣлѣетъ: ни для друзей ни для враговъ не покажу я остальнаго. Любовь и ненависть были ему равно гибельны въ жизни: зачѣмъ же я брошу въ ихъ треволненіе память друга? А сколько ума, сколько познанія насыпано тамъ! Какою теплою любовью къ человѣчеству все это согрѣто! Но пусть все это не имѣло бы ни какой цѣны для словеснаго богатства человѣка: его дѣйствительный бытъ былъ лучшимъ его твореніемъ. Душа общества въ веселую пору, онъ не покидалъ изголовья больнаго товарища, не спалъ ночей, ухаживалъ за нимъ, какъ нѣжная мать, сносилъ всѣ причуды, какъ самый покорный служка. Его рука и кошелекъ были открыты для каждаго: ни

кто не удалялся отъ его порога съ тяжелымъ словомъ — «нѣтъ!» Кто вѣрнѣе его служилъ государю словомъ и дѣломъ? Кто бывалъ впереди его въ жаркой битвѣ? однимъ словомъ, кто былъ достойнѣе назваться человѣкомъ, и кто носилъ это имя съ большимъ благородствомъ?

И мы схоронили юношу, возвратясь въ Г—ъ; схоронили въ чужую землю, въ виду горъ, на самомъ берегѣ Чернаго Моря. Кровью залилось мое сердце когда священникъ бросилъ горсть земли на гробъ его, когда и моя горсть глухимъ прощаніемъ отозвалась изъ могилы..... Земля поглотила свое лучшее украшеніе, и тихо сомкнула уста. Все кончилось! Все ужъ было пусто, когда я очнулся отъ безслезныхъ рыданій надъ могилою достойнаго друга: только море шумѣло; только вѣтеръ уносилъ къ небу струйки ѳиміама съ кадила вмѣстѣ съ облакомъ пороховаго дыма отъ почетной пальбы. Вотъ жизнь и смерть его, подумалъ я.

АЛЕКСАНДРЪ МАРЛИНСКІЙ.

=

КОЛУМБЪ ВЪ ИСПАНІИ.

=

«Любопытна и поучительна была бы полная исторія бѣдствій, страданій и клеветъ, которыми люди, съ начала образованности до нашихъ временъ, награждали благодѣтелей своего рода за всѣ полезныя истины и открытія, какія только дано было провозгласить генію человѣка.»

АРАГО.

На южномъ берегу Испаніи, въ цвѣтущей Андалузіи, есть небольшой приморскій городъ, Палосъ-де-Могеръ. Въ полумилѣ отъ этого города находится старинная обитель Францисканскихъ монаховъ, во имя Святой Дѣвы Маріи ла-Равида. Осенью, 1485 года, подлѣ воротъ обители остановился какой-то прохожій, съ отрокомъ, который изнемогалъ отъ усталости. Незнакомецъ спросилъ о пути въ ближній городъ Уэльву, сѣлъ у воротъ монастырскихъ и попросилъ у привратника куска хлѣба и стакана воды для отрока, утомленнаго голодомъ и жаждою. Ласково подали ему, чего онъ требовалъ. Пріоръ монастыря, Хуанъ Пересъ-де-Марчена, случайно шелъ мимо. Добраго настоятеля поразилъ видъ незнакомца, – сѣдые волосы, почтенная, благородная осанка, бѣдное но опрятное платье. Казалось, что незнакомецъ былъ печаленъ; видно было, что онъ шелъ пѣшкомъ, и что все его имѣніе состояло въ маленькомъ узлѣ. Настоятель началъ разговаривать съ незнакомцемъ, и узналъ, что его зовутъ Христофоромъ Колумбомъ, а мальчика, сына его, Діего; что онъ Итальянецъ, долго жилъ въ Португаліи, недавно прибылъ въ Испанію и пѣшкомъ идетъ въ Уэльву видѣться съ своякомъ своимъ Педро Корреа, который, оставивъ Португальскую службу, поселился въ этомъ городѣ.

Да! это былъ Колумбъ, съ своимъ сыномъ, и надобно было ему приблизиться къ вратамъ уединенной Равидской обители, что бы совершилось то, чего тщетно искалъ безсмертный человѣкъ при дворахъ государей и въ совѣтахъ правителей народовъ.

Противоположность разговора, важнаго, тихаго, пріятнаго, съ признаками необыкновенныхъ познаній, при бѣдной одеждѣ Колумба, возбудили такое участіе въ Пересѣ, что онъ пригласилъ странника отдохнуть въ монастырѣ. Колумбъ согласился. Начался продолжительный разговоръ, и Колумбъ, всегда полный своею единственной мыслью, не скрылъ отъ Переса, за чѣмъ пришелъ онъ въ Испанію. Настоятель былъ такъ увлеченъ бесѣдою гостя, что просилъ его остаться въ монастырѣ, и съ жаромъ одобрилъ все, что онъ говорилъ. Получивъ самъ отличное образованіе, Пересъ не чуждъ былъ того восторга, который тогда внушали морскія предпріятія: онъ привыкъ къ нимъ, начальствуя обителью, куда безпрестанно приходили жители Палоса, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ приморскихъ городовъ въ Испаніи, а они славились повсюду какъ отличные мореходцы, и многіе изъ нихъ совершали далекія путешествія по Средиземному Морю и къ западнымъ Африканскимъ берегамъ.

Переса изумила обширность плана, достовѣрность и ясность, съ какою излагалъ его гость свое великое предположеніе. Открытіе новаго свѣта и бѣдное пѣшеходство того, кто предлагалъ такое открытіе; безмѣрныя надежды въ будущемъ и стѣсненное состояніе въ настоящемъ, – какія противорѣчія!..... Настоятель слушалъ, удивлялся, не вѣрилъ глазамъ своимъ.

Колумбъ остался въ монастырѣ. Настоятель послалъ въ Палосъ, просить къ себѣ въ гости друга своего Гарсію Фернандеса, ученаго врача, который жилъ въ Палосѣ. Фернандесъ явился, и, такъ же какъ Пересъ,

былъ восхищенъ бесѣдою и великою идеею новаго ихъ знакомца.

Не простое любопытство оживляло Переса: проникнутый любовью къ отечеству, онъ видѣлъ, какую славу и пользу принесетъ Испаніи совершеніе предпріятія Колумбова, и рѣшился споспѣшествовать предпріятію всѣми силами. Дѣйствительно, ему одолжена Испанія открытіемъ Новаго Свѣта, – его неусыпной ревности, – дружбѣ, какую съ перваго знакомства онъ почувствовалъ къ благородному чужеземцу. Сладостная надежда, давно небывалый гость души, снова явилась Колумбу. Пересъ совѣтовалъ ему не медлить, и указалъ путь, которымъ можно прямѣе довести до свѣдѣнія короля и королевы его предположеніе: духовникъ королевы, пріоръ монастыря Прадо, Фернандо Талабера, былъ старый другъ и соученикъ Пересу. Къ нему хотѣлъ онъ дать рекомендательное письмо Колумбу. Знали, что дворъ скоро долженъ прибыть въ Кордову, и положили, чтобы до того времени Колумбу прожить въ монастырѣ, у гостеріимнаго и добродушнаго настоятеля. Время между-тѣмъ не было потеряно. Фернандесъ открылъ мысль Колумба многимъ опытнымъ морякамъ Палосскимъ, совѣтовался съ ними, и всѣ соглашались, что его мысль вѣрна, какъ ни кажется новою, и странною съ перваго взгляда. Старый мореходецъ, Педро Веласко, призванный къ совѣщанію, сказалъ, что, около тридцати лѣтъ тому, онъ былъ далеко увлеченъ бурею на западъ отъ береговъ Ирландіи и видѣлъ явные признаки близости земли, но что позднее время воспрепятствовало ему сдѣлать нужныя изысканія.

Весною 1486 года, дворъ пріѣхалъ въ Кордову. Получивъ бдагословеніе пріора Равидскаго и письмо къ духовнику королевы, Колумбъ отправился въ путь, сопровождаемый искренними желаніями новыхъ дру-

зей своихъ. Сынъ его остался въ монастырѣ. Никогда еще Колумбъ не встрѣчалъ подобнаго радушія, подобнаго привѣта, и, черезъ долгое время потомъ, среди великолѣпія двора, среди почестей, съ чувствомъ вспоминалъ, какъ бѣднымъ странникомъ явился онъ въ обитель Святой Маріи и былъ утѣшенъ христіанскою любовью достойнаго служителя алтарей.

Испанія была въ то время на высокой степени величія и славы. Союзъ двухъ сильныхъ ея областей, Кастиліи и Аррагоніи, посредствомъ супружества Фердинанда и Изабеллы, доставилъ ей внутреннюю тишину, и семнадцати-лѣтнее правленіе этихъ государей, укрѣпивъ ея политическую силу, дало ей почетное мѣсто въ ряду государствъ Европы, увеличило богатства, оживило дѣятельность умовъ, и направило ее отъ мѣлкихъ раздоровъ и междоусобій, отъ споровъ съ Португаліею, къ дѣламъ гораздо важнѣйшимъ. Фердинандъ и Изабелла положили рѣшительно изгнать изъ Испаніи остатки Мавровъ, которые еще владѣли богатыми и обширными областями. Никогда еще борьба Испанцевъ съ Аравитянами, продолжавшаяся восемь столѣтій, не была такъ упорна и такъ жестока, никогда не принимала она такого религіознаго и рыцарскаго характера. Побѣдоносные Испанцы съ новымъ фанатизмомъ бились съ мусульманами; Мавры защищали съ отчаяніемъ послѣднюю независимость, послѣднія области, такъ долго имъ подвластныя. Всѣ Европейскіе народы славили побѣды Испанскихъ витязей.

Несмотря на соединеніе Кастиліи и Аррагоніи, Фердинандъ и Изабелла имѣли власть раздѣльную, были равны и оба назывались «королями» Испаніи. Дѣла совершались въ имя двухъ монарховъ; на печати были два разные герба, на монетѣ два изображенія; повелѣнія подписывались ими двумя. Но такое двой-

ство, вмѣсто того чтобъ разъединить государство и его управленіе, доставляло ему еще болѣе силы и дѣятельности.

Ни Фердинандъ, ни Изабелла, не были, казалось, предназначены при рожденіи къ своей блестящей судьбѣ: тотъ неожиданно вступилъ на престолъ Арагоніи по смерти старшаго брата; эта провела юность въ уединеніи, и получила вѣнецъ Кастиліи отъ буйныхъ подданныхъ своего брата, законнаго ихъ властителя. Фердинандъ былъ человѣкъ характера хитраго, жестокаго, не щадилъ ничего для добычи; Изабелла была образецъ доброты и ума, останавливала его ненавистные политическіе замыслы и обращала Испанію на путь рыцарской доблести. Удивительное счастіе сопровождало всѣ ихъ дѣла: они были несчастливы только въ своемъ семействѣ. Завоеваніе Неаполя, изгнаніе Мавровъ изъ полуострова, побѣды въ Африкѣ, присоединеніе Наварры къ Испаніи, даже бѣдственное супружество единственной наслѣдницы «королей» Испанскихъ, все это приготовило честолюбивому ихъ внуку, Карлу V, обширную монархію въ Европѣ. Послѣдній преемникъ Царьградскаго престола отказалъ имъ свое право на Греческую имперію, хотя родная сестра его была въ супружествѣ за Русскимъ Царемъ. Къ нимъ устремился и тотъ человѣкъ, который готовъ былъ плыть по безвѣстнымъ морямъ и покорить Фердинанду и Изабеллѣ *новый свѣтъ*, съ его обширными государствами, съ его богатствами и чудесами.

Къ несчастію этого человѣка, всегда преслѣдуемаго судьбою, которая какъ-будто хотѣла испытать вѣру его въ Провидѣніе, онъ явился въ самое неудобное время. Блестящіе успѣхи войны съ Маврами увлекали умы всѣхъ,— обоихъ государей, двора, вельможъ, войска, всего народа. Вся Испанія облекалась въ броню, и дворъ, прибывшій въ Кордову, казался воинскимъ станомъ, куда цвѣтъ рыцарства собирался на бит-

вы, горя нетерпѣніемъ сражаться противъ невѣрныхъ. Надобно было поспѣшнымъ походомъ, предупредить союзъ Мавританскихъ царей, и весною дворъ и войско отправились осаждать городъ Лоха; потомъ сдѣланъ былъ походъ въ Гренадскую область и осажденъ городъ Моклинъ. Осенью возвратились въ Кордову торжествовать побѣды, спѣшили въ Галлицію утушить нечаянное возмущеніе сильнаго вельможи, и остались на зиму въ Саламанкѣ, готовясь къ новому походу весною будущаго года.

Въ такихъ обстоятельствахъ, некогда было королямъ слушать предложеніе Генуэзскаго бѣдняка о какомъ-то путешествіи, Богъ знаетъ куда, на западъ, для открытія земель, которыя ему тамъ чудились вопреки всеобщему мнѣнію. Притомъ надежды добраго Переса на стараго соученика и друга, Фернанда Талаберу, оказались ошибочными. Гордый духовникъ королевы почти забылъ школьнаго товарища, и принялъ Колумба съ насмѣшкою; среди множества порученныхъ дѣлъ, ему даже нѣкогда было заняться съ Колумбомъ порядочно. Духовенство играло тогда важную роль въ Испаніи; оно было всесильно. По странному соединенію противуположностей, Фердинандъ, политикъ хитрый и безчеловѣчный, государь недовѣрчивый, хладнокровный ко всему, кромѣ того, что служило къ усиленію его власти и могущества, былъ въ то же время изступленный фанатикъ. Титулъ «Православнаго», Catolico, получилъ онъ отъ папы за изгнаніе Жидовъ изъ Испаніи и введеніе инквизиціи: онъ не думалъ о государственномъ вредѣ и о потеряхъ отъ этихъ двухъ несчастныхъ распоряженій. Онъ не притворялся, говоря, что побѣды надъ Маврами совершаетъ во славу Святаго Креста: въ самомъ дѣлѣ онъ такъ и думалъ. Изабелла принуждена была уступать ему въ дѣлахъ вѣры, хотя чувствовала излишество благочестивой ревности своего супруга. Она лю-

била науки и просвѣщеніе, и долго защищала несчастныхъ Жидовъ, рѣшительно не соглашаясь возжечь костры инквизиціи. Наконецъ она уступила, и тутъ духовныя особы овладѣли вполнѣ дворомъ и правленіемъ. Колумбъ многаго могъ надѣяться отъ вліянія духовника королевина: тѣмъ оскорбительнѣе была неудача. Онъ принужденъ былъ оставаться въ бе[illegible] дѣйствіи въ Кордовѣ, и, безпрестанно ища случая [illegible] вести проектъ свой до слуха государей, таскался [illegible] всюду за великолѣпнымъ дворомъ Испанскимъ. Онъ содержалъ себя, все это время, единственно переписываніемъ картъ, плановъ и бумагъ.

Постоянное пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находился дворъ, познакомило наконецъ его съ нѣкоторыми вельможами. Таковы были Алонсо Кинтанелья, казначей Кастиліи; Антоніо Джеральдини, папскій нунцій, и братъ его Александръ, наставникъ королевскихъ дѣтей. Эти люди доставили ему входъ къ сильному временьщику, Педро Гонсалесъ-де-Мендоса, великому кардиналу Испаніи и архіепископу Толедскому.

Архіепископъ былъ человѣкъ отлично добродѣтельный, умный, ученый, и пользовался неограниченною довѣренностью государей. Онъ умѣлъ съ перваго взгляда отличить Колумба отъ толпы искателей, собиравшихся въ его передней съ сотнями различныхъ предположеній и проектовъ. «Немало вредило Колумбу,» говоритъ его современникъ, Овидо, «то, что онъ по бѣдности, принужденъ былъ являться къ вельможамъ одѣтый весьма бѣдно, хотя и опрятно, когда притомъ все покровительство его состояло въ письмѣ простаго монастырскаго настоятеля». Это не помѣшало однако жъ *третьему королю Испаніи*, — такъ называли тогда великаго кардинала, — удѣлить нѣсколько времени для разговоровъ съ Колумбомъ. Но Колумбъ изумился новому и неожиданному пре-

пятствію, которое возникло при первомъ его представленіи великому кардиналу. Несмотря на свой умъ и ученость, кардиналъ изъявилъ большое сомнѣніе, не заключаютъ ли въ себѣ мнѣнія Колумба чего-нибудь противнаго христіанской религіи, потому что, сколько онъ понимаетъ, въ Священномъ Писаніи нигдѣ не сказано, что земля кругла. Противное мнѣніе могло быть опасною ересью. Но религіозный жаръ и христіанскія чувства Колумба, но главное основаніе его плана, въ которомъ онъ поставлялъ первымъ дѣломъ проповѣданіе имени Іисуса Христа неизвѣстнымъ народамъ, разувѣрили кардинала. Видъ, рѣчь, ученость, опытность Колумба, понравились ему: онъ обѣщалъ страннику свое покровительство, говорилъ объ немъ съ духовникомъ королевы, и ловкій Талабера, видя благосклонность кардинала къ иностранцу, не сталъ противорѣчить. Въ пребываніе двора въ Саламанкѣ, Колумбу велѣно было явиться на аудіенцію къ Фердинанду и Изабеллѣ.

Безъ робости явился смиренный, но увѣренный въ себѣ, Колумбъ. Скажемъ здѣсь, что Фердинандъ и Изабелла особенно любили величіе и пышность въ пріемахъ. Ихъ окружалъ всегда дворъ блестящій и великолѣпный. Фердинандъ былъ невысокаго роста, но красивъ, строенъ, благороднаго и гордаго вида, съ челомъ возвышеннымъ. Волосы на головѣ его были рѣдкіе, темнорусые; глаза живые, быстрые; онъ любилъ наблюдать людей, обыкновенно со вниманіемъ глядя на каждаго и какъ-будто стараясь разгадать его тайныя мысли; говорилъ немного, но рѣзко и умно. Изабелла была также невысокаго роста, стройная и величественная; красавица въ молодыхъ лѣтахъ, она сохранила до старости особенную пріятность и любезность въ обхожденіи. Волосы ея были свѣтлорусые, немного рыжіе, глаза небольшіе, рѣчь скорая, и нерѣдко она говорила долго и съ жаромъ. Извѣстно,

что она сама являлась въ битвахъ, одѣтая въ легкую броню, что примѣромъ своимъ ободряла воиновъ, и вела ихъ къ побѣдѣ. Король и королева всегда одѣвались просто, но зато вознаграждали себя блестящимъ собраніемъ вельможъ и царедворцевъ, чиновниковъ гражданскихъ, духовныхъ и военныхъ. Съ ихъ царствованія установленъ былъ на полуостровѣ тотъ холодный, молчаливый, робкій этикетъ, какимъ, при множествѣ мѣлочныхъ обрядовъ, отличался въ послѣдствіи дворъ Испанскій.

Объясненіе Колумба было выслушано милостиво. Изабелла изъявила ему благодарность; Фердинандъ смотрѣлъ на него внимательно, и сказалъ, что дѣло, кажется, довольно важно, что его надобно подвергнуть сужденію знающихъ людей. Велѣно было отвести Колумбу квартиру въ монастырѣ Святаго Стефана и тамъ собраться комитету ученыхъ мужей подъ предсѣдательствомъ Талаберы.

Монахи обители Святаго Стефана были извѣстны въ Испаніи своей ученостью. Они приняли и обласкали бѣднаго Колумба, которому снова предлежала та самая участь, какую испыталъ уже онъ въ Португаліи. Только теперь, если вмѣсто ненавистнаго Касадиллы являлся ласковый Талабера, гораздо опаснѣе было для дѣла, и лично для Колумба, подвергнуться сужденію многочисленнаго собранія монаховъ и аббатовъ, нежели прежде, когда его судили географы, Родериго и Іосифъ. Правда, члены Саламанскаго университета, астрономы, географы, математики, были приглашены въ комитетъ; но зато засѣдали тутъ и члены трибунала Инквизиціи, и Колумбъ не могъ забыть, что самъ великій кардиналъ прежде всего заботился о томъ, не ересь ли ученіе Колумба о круглости земли.

Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ началѣ своихъ засѣданій, комитетъ заговорилъ совсѣмъ не о выгодахъ

новаго пути въ Индію и не о физической необходимости существованія другихъ материковъ по тѣмъ или другимъ географическимъ выводамъ, но о томъ, не нарушаются ли мнѣніемъ Колумба догматы католической вѣры.

Въ это время, вообще во всей Европѣ, но особенно въ Испаніи, науки были подчинены владычеству и вліянію духовенства; сокровища литературы скрывались въ монастыряхъ; мѣста профессоровъ и наставниковъ преимущественно занимали монахи и каноники. Власть духовенства простиралась на всѣ части государственнаго управленія, и за исключеніемъ немногихъ знатныхъ вельможъ, главными сановниками при дворѣ Испанскомъ были особы духовнаго чина. Эпоха возрожденія наукъ отличалась особенною нетерпимостью ученыхъ мнѣній, въ которыхъ невѣжество безпрерывно примѣчало призракъ опасной ереси. Колумбъ полагалъ, что собраніе, готовое судить его, будетъ выше толпы обыкновенной и, хладнокровно слушая изложеніе дѣла, убѣдится въ неоспоримой истинѣ. Но большая часть членовъ приносила въ засѣданія то непобѣдимое предубѣжденіе, какое мы часто показываемъ къ бѣднымъ просителямъ и людямъ, которыхъ участь подвергнута ихъ суду. Есть какая-то естественная наклонность въ человѣкѣ смотрѣть заранѣе на собрата, подчиненнаго нашему рѣшенію какъ на виновнаго, какъ на преступника, котораго ошибки или слабости мы обязаны обнаружить. Что могли собственно видѣть въ Колумбѣ судьи его? Неизвѣстнаго мореходца, бѣдняка неукрашеннаго ни какими учеными титлами, лишеннаго даже той блестящей наружности, которая придастъ самой посредственности, даже глупости, несказанную важность. Только глубокое убѣжденіе своего мощнаго генія приносилъ Колумбъ на судъ комитета. Многіе изъ членовъ раздѣляли почти общее мнѣніе придворныхъ,

и думали, что передъ ними находится хитрый бродяга, искатель приключеній, по-крайней-мѣрѣ пустой мечтатель; другіе ощущали въ себѣ то чувство нетерпѣнія и негодованія, которое всякая идея нововведеній, въ чемъ бы то ни было, раждаетъ въ умѣ человѣка, почитающаго себя систематически убѣжденнымъ и укрѣпившаго свое убѣжденіе религіозными понятіями.

Достопамятное зрѣлище представляла зала въ старинномъ монастырѣ Саламанкскомъ во время ученыхъ засѣданій, которыя тамъ происходили въ 1486 году. Бѣдный пришлецъ безстрашно стоялъ среди знаменитаго сонмища ученыхъ, духовныхъ, знатныхъ людей Испаніи, излагая и оспоривая противъ нихъ новую, неслыханную дотолѣ теорію земли, и ходатайствуя, такъ сказать, за судьбу неизвѣстнаго свѣта.

Когда Колумбъ, съ должнымъ изъявленіемъ почтенія и надежды на внимательность знаменитаго собранія, изложилъ основную мысль своей системы, одни только монахи монастыря Св. Стефана, которые были просвѣщеннѣе всѣхъ другихъ членовъ и предварительно переговорили со странникомъ, удостоили его одобренія. Всѣ другіе обнаружили свое несогласіе съ мнѣніями Колумба, и прежде всего утвердились на самомъ пошломъ, но самомъ убійственномъ возраженіи: возможно ли, чтобы столько народовъ и столько умовъ, въ теченіе столь многихъ столѣтій, чтобы столько ученыхъ людей, свѣтилъ науки и знанія, съ начала міра изучавшихъ Космографію и строеніе неба и земли, чтобы наконецъ столько путешественниковъ и мореплавателей, протекавшихъ сушею и морями по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, — ошибались? Кто жъ? *Одинъ* какой-то человѣкъ, не знаменитый по своей учености, осмѣливается утверждать противное, какъ-будто весь міръ до него былъ невѣждою, а ему одно-

му открылась настоящая истина? За тѣмъ слѣдовали тма другихъ возраженій, и многія изъ нихъ были такъ забавны и странны, что впослѣдствіи служили постояннымъ источникомъ насмѣшекъ насчетъ Саламанкскаго собранія ученыхъ мужей. Надобно сказать, однако жъ, что всѣ возраженія, при безпристрастномъ соображеніи, доказывали не столько ограниченность умовъ, сколько несовершенство познаній того времени и несчастное направленіе, какое давали имъ суевѣріе и предразсудки.

Такъ, послѣ общихъ, предварительныхъ замѣчаній, Колумбу возразили не учеными доказательствами, а превратными толкованіями Священнаго Писанія и твореній Отцовъ Церкви. Ученость собранія въ этомъ отношеніи была изумительная. Многіе изъ членовъ напамять приводили мѣста изъ книги Бытія, Псалтиря, Книгъ Пророческихъ, Посланій Апостольскихъ, Евангелія; далѣе слѣдовали изъясненія Іоанна Златоустаго, Августина Иппонійскаго, Исидора Севильскаго, Григорія Богослова, Василія Великаго, Амвросія Медіоланскаго, Григорія Назіанзина, Фирміана Лактанція. Доказательства философическія отвергались богословскими положеніями; математическая посылка не была допускаема, если она, хотя малѣйшимъ образомъ, казалась противорѣчащею какому-нибудь мѣсту, произвольно взятому не только изъ Священнаго Писанія, но даже изъ простой духовной книги. Такъ напримѣръ, предположеніе древнихъ географовъ объ Антиподахъ, которое Плиній называлъ «пробнымъ камнемъ невѣжества», сдѣлалось дѣйствительно пробнымъ камнемъ и для судей Колумба. Жестоко заспорили противъ этой мысли, утверждаясь на писаніяхъ Лактанція и Августина. Въ ихъ сочиненіяхъ находили превосходное опроверженіе этой, самой простой, географической истины, и привели тѣмъ Колумба въ совершенное замѣшательство. Лактанцій говорилъ объ

Антиподахъ, по-крайней-мѣрѣ шутя: «Можетъ ли «быть, что-нибудь нелѣпѣе мнѣнія, будто на землѣ «есть люди, которые ходятъ головами внизъ, а но«гами вверхъ; будто есть страны, поставленныя на«выворотъ, гдѣ деревья растутъ съ верху на низъ, а «дождь, градъ и снѣгъ, падаютъ снизу на верхъ? Глу«пая мысль о круглости земли подала поводъ ко всѣмъ «этимъ сказкамъ, а извѣстно, что философы, одна«жды придумавши нелѣпость, готовы для защиты, «выдумывать тысячу другихъ нелѣпостей, только бы «оправдать первую.» Слова Августина приводили въ затрудненіе гораздо сильнѣйше. Подобно Лактанцію, Августинъ утверждалъ, что ученіе объ Антиподахъ, обитающихъ на другой сторонѣ земли, противорѣчитъ главнымъ основаніямъ Православія. Предполагая существованіе Антиподовъ, должно допустить, что на землѣ есть народы, происходящіе не отъ Адама: иначе, какимъ образомъ его потомки могли перейти черезъ Океанъ, обтекающій всю землю, перевернуться вверхъ-ногами и жить въ такомъ неестественномъ положеніи на другой сторонѣ земли?

Съ величайшею осторожностью долженъ былъ возражать противъ всего этого Колумбъ, хотя и долго недоумѣвалъ, когда, при первомъ упоминаніи о круглости земли, ему возразили священными текстами, на основаніи которыхъ должно представлять себѣ землю не шаромъ, но плоскою поверхностью. Всегда ревностно преданный ученію Церкви, всегда исполненный духа христіанскаго благочестія, Колумбъ увидѣлъ себя въ опасномъ положеніи: при первомъ неосторожномъ словѣ, тюрма Инквизиціи могла раскрыться для него и погибель его была неизбѣжная.

Но вскорѣ подкрѣпили и обезопасили его голоса нѣсколькихъ, болѣе ученыхъ, членовъ собранія, которые допускали возможность круглости земли, и слѣ-

довательно возможность Антиподовъ, странъ, діаметрально противоположныхъ нашимъ странамъ. Послѣ этого понятно было протяженіе земель на востокъ и приближеніе Азіатскаго материка къ нашему. Къ несчастію, люди, согласные въ этомъ случаѣ съ Колумбомъ, были послѣдователи Птоломея, и Колумбу не менѣе труда стоило опровергать Птоломееву ипотезу о раздѣленіи земли на зоны и о непроходимости жаркой зоны. Если и допустить возможность перейти эту зону, говорили ему, пространство земнаго шара такъ велико, что едвали въ три года можно достигнуть до края Азіи; и тотъ, кто предпріиметъ такое путешествіе, непремѣнно погибнетъ отъ недостатка припасовъ, морскихъ бурь, жара, холода. Явилось даже доказательство изъ Эпикура, который утверждалъ, что только умѣренная зона на земномъ шарѣ обитаема и покрыта возвышеннымъ сводомъ небесъ, а всѣ другія части вселенной суть смѣшенія жизни и смерти, свѣта, мрака и безднъ Океана. И какимъ образомъ, прибавляли другіе, корабль можетъ достигнуть до предѣловъ Индіи или возвратиться оттуда? Предположивъ землю шаромъ, какъ взберемся мы на выпуклость, которую должна образовать круглость земли, и какъ обратно мы переѣдемъ черезъ эту необозримую гору?

Таковы были предубѣжденія и предразсудки, съ которыми приходилось сражаться Колумбу. Удивимся ли послѣ этого продолжительности засѣданій Саламанкскаго собранія, когда Колумбу надобно было оправдывать самыя первыя начала науки какъ дѣло или безбожное или нелѣпое? Можно судить по тому, что передали намъ современники, о томъ, что еще было говорено. Если и допустимъ, что меньшее число судей Колумба, и только тѣ, которые посвятили себя преимущественно богословскимъ знаніямъ, представляли подобныя возраженія, надобно вспомнить,

что эти люди были важны и значительны по своему званію, по своимъ государственнымъ достоинствамъ, и что большее число,—число убѣжденныхъ изученіемъ Географіи и Математики въ истинѣ словъ Колумба, опасались противорѣчить имъ явно и смѣло.

Колумбъ защищался съ удивительнымъ хладнокровіемъ и благоразуміемъ. Осторожно постарался онъ, съ самаго начала, убѣдить судей, что слова Священнаго Писанія надобно принимать не въ голословномъ, но въ таинственномъ и отвлеченномъ смыслѣ. «Соблюдая глубокое уваженіе къ учителямъ церкви, украшеннымъ мудростью и благодатью, я думаю, говорилъ Колумбъ, что на предложенія ученыя должно отвѣчать учеными доказательствами, а не богословскими аргументами, которые имѣли совсѣмъ другую цѣль и нерѣдко производились такъ глубоко, отвлеченно, таинственно, что тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ думаетъ видѣть смыслъ ясный и опредѣленный, заключается разумѣніе совершенно противное и непостижимое.» Устранивъ такимъ образомъ важнѣйшія и самыя опасныя затрудненія, Колумбъ тѣмъ сильнѣе обратился противъ доказательствъ, извлеченныхъ изъ мнѣній древнихъ географовъ и философовъ. Здѣсь могъ онъ уже говорить смѣло и свободно, будучи приготовленъ долгимъ изученіемъ предмета и размышленіемъ. Противъ догадки о непроходимости жаркой зоны и мнимаго возвышенія земли, онъ приводилъ доводы древнихъ и новыхъ географовъ и астрономовъ, механическія доказательства, наконецъ свой собственный опытъ, потому что, совершивъ путешествія въ холодный и жаркій пояса земли, онъ видѣлъ, здѣсь и тамъ, земли, людей, моря, произведенія природы, жилища народовъ, такія же какъ и въ умѣренной зонѣ. Открытія Португальцевъ на Африканскихъ берегахъ, далѣе экватора, доказывали рѣшительно нелѣпость предположенія о непроходи-

мости этой полосы земли. Хотя зной солнечный тамъ гораздо чувствительнѣе, но переносимъ для человѣка, и море охлаждается дождями и вѣтрами.

О возможности существованія земель на западъ отъ Европы вообще было говорено мало. Такимъ образомъ безплодно погибли всѣ тщательныя изслѣдованія Колумба по этому предмету. Онъ не могъ побѣдить ни богослововъ ни ученыхъ. Одни упорно стали на доказательствахъ ѳеологическихъ, другіе на доводахъ изъ географіи Птоломея. Какъ изумились бы послѣдніе, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что въ это самое время существуетъ уже въ отдаленной Польшѣ неизвѣстный человѣкъ, который сдвигаетъ землю со средоточія вселенной и заставляетъ ее вертѣться вокругъ солнца, вопреки всѣмъ Иппархамъ и Птоломеямъ!

Представъ въ первый разъ передъ судей, Колумбъ казался робкимъ, и отъ обширности своей идеи, и отъ важности собранія. Но его подкрѣпляло внутреннее, религіозное убѣжденіе, что ему самъ Богъ внушилъ эту великую мысль и послалъ его въ міръ для ея исполненія. Будучи пламеннаго характера, онъ постепенно разгорячался въ спорахъ, и тогда былъ онъ непобѣдимъ. Ласъ-Касасъ и другіе современники описывали съ удивленіемъ величественный видъ, твердую поступь, горящіе глаза, убѣждающій голосъ Колумба при такихъ случаяхъ. Какую силу, какое величіе должно было придавать все это его словамъ, когда, отбросивъ карты и планы, отказываясь на время отъ преимуществъ, которыя давали ему его умозрительныя и практическія свѣдѣнія, онъ вступалъ въ преніе съ ѳеологами, становился въ ихъ области для пораженія противниковъ собственнымъ ихъ оружіемъ, сражался съ ними грудь съ грудью, раскрывалъ и изъяснялъ имъ великія слова Писанія и таинствен-

ныя предсказанія пророковъ, которыя, въ жару восторга, почиталъ онъ предвѣщаніемъ и символомъ обширнаго своего предпріятія! Въ числѣ людей, убѣжденныхъ Колумбомъ и воспламенившихся отъ его краснорѣчія, былъ одинъ доминиканецъ, Діего де-Деса, профессоръ богословія въ монастырѣ святаго Стефана, и который впослѣдствіи получилъ вторую степень святительства въ Испанскомъ духовенствѣ, — званіе архіепископа Толедскаго. Этотъ достойный и ученый мужъ умѣлъ возвыситься надъ ограниченнымъ кругомъ тогдашней учености, и готовъ былъ внимать мудрости даже въ устахъ иновѣрца и еретика. Онъ не только самъ убѣдился, но и горячо защищалъ Колумба; онъ успѣлъ преклонить своихъ товарищей, и общими усильными стараніями достигли они до того, что Колумба слушали, по-крайней-мѣрѣ, безъ предубѣжденій варварскихъ и нелѣпыхъ, безъ подозрѣнія въ безбожіи.

Однако жъ, вопреки всѣмъ усиліямъ Діего и голосу благоразумныхъ его товарищей, большинство членовъ Саламанкскаго комитета, твердое въ своихъ предразсудкахъ и педантской гордости, рѣшительно признало невѣрными положенія бѣднаго бродяги. «Надобно было, говорилъ Ласъ-Касасъ, надобно было, прежде нежели поняли теорію и сужденія Колумба, удалить отъ умовъ его судей ложныя понятія, на какихъ основывалось ихъ ученое невѣжество, а это было труднѣе самаго открытія Новаго Свѣта.»

Много еще было засѣданій, но объявленіемъ окончательнаго рѣшенія медлили. Члены, одни ослѣпленные невѣжествомъ, другіе, что еще хуже, предубѣжденіемъ, оставались при своихъ мнѣніяхъ; иные, съ умомъ болѣе просвѣщеннымъ, не принимали большаго участія въ спорахъ, утомительныхъ по сущности и чуждыхъ обыкновеннымъ ихъ занятіяхъ. Даже и тѣ,

кто одобрялъ Колумба, считали его предпріятіе мечтою блестящею, но несбыточною. Талабера, который надзиралъ за производствомъ преній по порученію короля и королевы, вовсе объ нихъ не заботился, бывъ занятъ другими дѣлами. Засѣданія комитета протянулись такимъ образомъ до весны. Двору надобно было отправляться въ Кордову, открывать новую кампанію противъ Мавровъ, и Колумбу объявили, что дѣло его остается неоконченнымъ, *впредь до рѣшенія при удобнѣйшемъ случаѣ*. Состояніе неизвѣстности было тяжко, но онъ повиновался.

Весною 1487 года открыта была знаменитая кампанія Испанцевъ противъ Мавританъ, кончившаяся взятіемъ города Малаги 18 августа. Талавера, возведенный въ званіе епископа Абильскаго, представлялъ важное лице при торжественномъ вшествіи короля и королевы въ Малагу. Едва возвратились въ Кордову, появилась заразительная болѣзнь. Дворъ поспѣшилъ переѣхалъ въ Сарагосу, гдѣ провелъ всю зиму. Съ весною 1488 года, Фердинандъ и Изабелла выступили въ новый походъ противъ Мавританъ Мурціи; военныя дѣйствія не продолжились, и зима проведена была въ Вальядолидѣ. Оттуда переѣхали въ Мединадель-Кампо, а въ маѣ мѣсяцѣ въ Кордову. Вновь открытая кампанія, лѣтомъ и осенью 1489 года, сопровождалась блестящимъ взятіемъ Васы, послѣ полугодовой осады. Мулей Абу-Абдаллахъ (Боабдиль), старшій изъ двухъ властителей Гренады, послѣдняго царства Мавританъ въ Испаніи, уступилъ тогда христіанскимъ государямъ всѣ свои права на владычество. Труды воинскіе заключились торжественнымъ въѣздомъ короля и королевы въ Севилью, въ февралѣ мѣсяцѣ 1490 года. Здѣсь начались пиры и увеселенія, умноженные еще празднованіемъ свадьбы старшей дочери королевской съ дономъ Алонсо, наслѣдникомъ Португальскимъ. Послѣ того приступили къ обширнымъ воен-

нымъ приготовленіямъ на 1491 годъ: открывалась самая рѣшительная, послѣдняя кампанія; хотѣли нанести послѣдній ударъ Маврамъ; дѣло шло объ осадѣ и завоеваніи Гренады, единственнаго убѣжища мусульманъ въ Испаніи. Уже имъ не было надежды спасенія. Испанцы выступили къ Гренадѣ, какъ-будто на торжественный турниръ. Но осада, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ и упорно выдерживаемая противъ всѣхъ побѣдительныхъ силъ Испаніи, показала, что еще могло сдѣлать отчаяніе. Безъ твердаго мужества и рѣшительности Изабеллы, побѣда могла поколебаться, Испанцы могли уступить, и 1491 годъ не былъ бы послѣднимъ годомъ восьми-вѣковаго владычества Аравитянъ на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Легко вообразить, что, послѣ нерѣшительнаго окончанія засѣданій Саламанкскаго комитета, зимою 1486 года при всѣхъ этихъ дѣлахъ государственныхъ трудно было Колумбу успѣть въ своемъ ходатайствѣ. Его нѣкогда было слушать, нѣкому съ нимъ говорить, и такимъ образомъ протекло пять лѣтъ отъ начала его предложеній Испанскому двору, пять годовъ безплодныхъ, оскорбительныхъ исканій прибавилось еще къ его жизни. Уже около шестидесяти лѣтъ было Колумбу; старость давала себя чувствовать, болѣзни отягощали тѣло, и только горестное сознаніе, что онъ погубилъ жизнь свою, преслѣдуя несбыточную мечту, что онъ для нея жертвовалъ безполезно всѣми частными выгодами и удобствами, — только это сознаніе было до-сихъ-поръ удѣломъ Колумба.

Правда, что его предложенія не были рѣшительно отвергнуты. Покровители его, великій кардиналъ, Джеральдини, Кинтанелья, Діего де-Деса, ободряли его надеждами, только совѣтовали подождать. Колумбъ заслужилъ кромѣ того вниманіе донны Беатрисы де-Моя, почетной, уважаемой при дворѣ дамы, и

супруга ея дона Альвара. Два знаменитые вельможи, герцоги Медина-Сели и Медина-Сидоніа, также узнали его, приглашали къ себѣ, милостиво говорили съ нимъ. Но что жъ выходило изъ всего? Лаская и уважая Колумба, каждый занятъ былъ своимъ. Дворъ не думалъ объ нёмъ; о комитетѣ болѣе не упоминали. Зато Колумбъ былъ подверженъ гоненію невѣжества и свѣтской легкомысленности. Привыкли видѣть этого «вѣчнаго просителя» въ переднихъ вельможъ и смѣяться надъ бѣднякомъ, который предлагаетъ королю и королевѣ бездѣлку, — покореніе нѣсколькихъ царствъ, обѣщая горы золота, и требуя только какого-нибудь кораблишка, на которомъ могъ бы онъ доплыть до этихъ горъ! Въ награду за трудъ, этотъ щедрый человѣкъ проситъ также бездѣлки, — званія адмирала и вицероя тѣхъ земель, какіе откроетъ: и при столь выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ, ему не на что заказать себѣ порядочнаго платья! Да и какъ не смѣяться надъ такимъ чудакомъ и его мечтами? Вѣчныя неудачи, безпрерывныя огорченія, нужда и бѣдность, сдѣлали наконецъ Колумба мрачнымъ, задумчивымъ; онъ ходилъ потупивъ голову, казался разсѣяннымъ, и нерѣдко мальчишки на улицѣ и пажи при дворѣ свистали ему подъ носъ и указывали на его голову, давая разумѣть, что этотъ добрый старикъ, кажется, помѣшанъ.

Колумбъ не оставлялъ Испанскаго двора, и слѣдовалъ за нимъ почти во всѣхъ его переѣздахъ и походахъ. Не удѣлятъ ли и ему часъ какой-нибудь изъ того времени, которымъ столько дорожили? Между-тѣмъ, доведенный до крайности, онъ принужденъ былъ принимать пособія отъ своихъ покровителей, Діего, де-Деса, Кинтанельи, великолѣпнаго Медина-Сели, и благодарить за частныя королевскія милости. Всѣ эти благодѣянія были довольно невелики: можно судить объ нихъ изъ королевскихъ приказовъ. Лѣтомъ

1487 года приказано было снабдить Колумба деньгами на проѣздъ до Малаги; въ іюнѣ 1488 велѣно дать ему квартиру и три тысячи мараведи (около четырехъ сотъ нашихъ рублей); такое же повелѣніе дано въ 1489 въ Севильѣ и Кордовѣ о квартирѣ: «ибо,» сказано было въ повелѣніяхъ, «рѣченный Колумбъ имѣетъ особенныя препорученія, касающіяся до службы ихъ королевскихъ величествъ.» Въ самомъ дѣлѣ, не видя успѣха въ своихъ проектахъ, Колумбъ просилъ во время похода 1489 года позволить ему участвовать въ военной службѣ. Онъ отличился хладнокровнымъ мужествомъ въ воинскихъ рядахъ при осадѣ города Васы (Baza) и во многихъ битвахъ. Можетъ-быть въ награду за то его обнадежили тогда обѣщаніемъ, возобновить засѣданія комитета. И дѣйствительно, въ началѣ 1491, королевскимъ повелѣніемъ потребованъ былъ офиціяльный отчетъ о засѣданіяхъ комитета, — черезъ четыре года послѣ ихъ закрытія! Талабера извинился въ «маленькой медленности», и представилъ въ оправданіе, что большинствомъ голосовъ предложеніе Колумба найдено вовсе несбыточнымъ, и что даже едва-ли честь великихъ монарховъ Испаніи не будетъ подвержена нареканію, если они рѣшатся приступить къ исполненію такого нелѣпаго и неосновательнаго плана.

Послѣ этого, судьба Колумба казалась рѣшенною. Но покровители, ничего не успѣвая сдѣлать, еще его обнадеживали, и, стараніемъ Діего де-Деса, послѣ донесенія Талаберы онъ получилъ отвѣтъ, смягченный уклончивою ласкою. Ему не сказали, что его предпріятіе отвергнуто какъ нелѣпость, но объявили, что, при безпрерывныхъ важнѣйшихъ занятіяхъ, король и королева не имѣютъ времени заняться лично его дѣломъ, а чрезвычайныя военныя издержки поставляютъ ихъ въ совершенную невозможность ассигновать выдачу денегъ, потребныхъ на экспедицію.

Этотъ отвѣтъ переданъ былъ ему черезъ Талаберу. «Слѣдовательно, мое предложеніе не сочтено за вовсе безразсудное?» подумалъ онъ. Но непріязнь къ нему Талаберы была слишкомъ очевидна. Терпѣніе его истощилось. Онъ рѣшился, въ послѣдній разъ, допытаться истины, и отправился въ Севилью, гдѣ былъ тогда дворъ и собиралось войско въ походъ на Гренаду.

Ходатайствуя при Испанскомъ дворѣ, Колумбъ не оставлялъ и другихъ средствъ къ достиженію цѣли. Обласканный великолѣпными герцогами Медина-Селли и Медина-Сидоніа, онъ вздумалъ однажды, не согласятся ли эти богачи кинуть частицу своихъ избытковъ на его предпріятіе. Однодневнаго содержанія, какое выходило на ихъ герцогскіе дворы, было бы достаточно для его дѣла. Тотъ и другой владѣли обширными помѣстьями; имъ принадлежали города и приморскія гавани, гдѣ они снаряжали на свой счетъ множество кораблей, чтобъ вести войну и крейсерство противъ Мусульманъ; въ королевскія арміи приходили отъ нихъ цѣлые полки, служащіе на ихъ иждивеніи, и нерѣдко по двадцати тысячь дублоновъ (полумилліону рублей) подносили они королю и королевѣ въ подарокъ на военные расходы. Чертоги обоихъ герцоговъ походили на королевскіе замки, и у обоихъ были свои дворы, составленные изъ лучшаго дворянства; дѣти знатнѣйшихъ семействъ почитали за честь быть пажами этихъ вельможъ, связанныхъ родствомъ съ государями Испаніи. Герцогъ Медина-Сидоніа терпѣливо выслушалъ предложеніе, думалъ нѣсколько времени, и наконецъ сказалъ, что Колумбъ мечтатель, не стоящій ни какого вниманія Медина-Сели отвѣчалъ ласковѣе, что предпріятіе, гдѣ идетъ рѣчь о покореніи государствъ, кажется ему неприличнымъ частному человѣку. Это походило на насмѣшку. Однако герцогъ обѣщалъ поговорить съ

королемъ, и, можетъ-быть, говорилъ въ самомъ дѣлѣ. Люди не всегда лгутъ.

Любя романизмъ, Испанскіе писатели увѣряли потомъ, что послѣ всего этого одна только любовь удерживала Колумба въ Испаніи. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ перваго прибытія въ Кордову, онъ познакомился съ какою-то дамою, Беатрисою Энрикесъ; знакомство ихъ превратилось въ тѣсную связь, и Беатриса сдѣлалась матерью втораго сына Колумбова, Фернанда, впослѣдствіи историка подвиговъ своего родителя. Колумбъ не отличалъ Фернанда отъ своего законнаго сына, и съ сожалѣніемъ вспоминалъ потомъ, передъ смертью, что оставилъ безъ вниманія бѣдную мать его: онъ заказалъ наслѣдникамъ производить Беатрисѣ ежегодную пенсію по десяти тысячъ мараведи. «Прошу, чтобы это было сдѣлано въ облегченіе моей совѣсти, на которой дѣло это остается тяжелымъ упрекомъ». Изъ всего выходитъ, что отношенія почти шестидесяти-лѣтняго Колумба къ Беатрисѣ не могутъ быть облечены розовымъ цвѣтомъ поэтической страсти, хотя она, говорятъ, была прекрасная и благородная дама. Упорство, съ какимъ Колумбъ оставался въ Испаніи, вѣроятнѣе, должно быть приписано тому, что онъ безпрерывно обольщался надеждою успѣха: надежда удивительно живуща въ человѣческомъ сердцѣ. Притомъ онъ не видалъ большаго ободренія и въ другихъ странахъ, хотя нерѣдко, приходя въ отчаяніе, онъ относился не къ одному Испанскому королю и его вельможамъ.

Несмотря на оскорбленія, которыя претерпѣлъ въ Португаліи, Колумбъ, повидимому писалъ къ своимъ друзьямъ въ Лиссабонъ, тотчасъ послѣ засѣданій Саламанкскаго комитета. Въ Лиссабонѣ находился въ то время братъ его, Варѳоломей, воротившійся изъ морскаго путешествія съ Діасомъ въ 1487

году вдоль западныхъ берговъ Африки. Въ мартѣ 1488, Колумбъ удостоился отвѣта отъ Португальскаго правительства. Его увѣряли королевскимъ письмомъ, что онъ можетъ возвратиться въ Лиссабонъ, не опасаясь ни какихъ преслѣдованій, ни по требованіямъ частныхъ людей, ни по отношеніямъ его къ правительству. Можетъ-быть хотѣли отвлечь Колумба отъ Испанскаго двора, но это письмо едвали могло подать ему какую-либо надежду. Онъ остался въ Испаніи, куда вскорѣ пріѣхалъ и Варѳоломей съ опытностью хорошаго моряка и съ пустымъ карманомъ. Старшій братъ умѣлъ воспламенить гостя своей бесѣдою, такъ, что Варѳоломей рѣшился отправиться въ Англію, и предложить проектъ Христофора королю. Братья разстались надолго. Корабль, на которомъ находился Варѳоломей, былъ ограбленъ морскими разбойниками. Варѳоломей явился въ Англію нищимъ, доставалъ себѣ хлѣбъ черченьемъ картъ, и кое-какъ добился, чтобы одна изъ его картъ, гдѣ онъ изобразилъ предположенія своего брата, была представлена королю. Генрихъ VII, принялъ его очень милостиво. Посламъ его, отправленнымъ въ Испанію въ 1489 году, приказано было отыскать тамъ «*нѣкотораго* Христофора Колумба» и переговорить съ нимъ. Христофору вручили благосклонное королевское письмо, но король ничего не обѣщалъ въ письмѣ, и Варѳоломей жилъ еще два года въ Лондонѣ, безуспѣшно и въ большой бѣдности. Генрихъ призвалъ его къ себѣ, когда услышалъ, что Испанскій дворъ согласился на предложенія Христофора. Онъ велѣлъ Варѳоломею тотчасъ ѣхать въ Испанію и звать брата въ Лондонъ. Было уже поздно: Варѳоломей услышалъ въ Парижѣ объ открытіи Новаго Свѣта и о торжествѣ своего брата.

Между-тѣмъ, ничего не слыша о Варѳоломеѣ, Колумбъ писалъ къ королю Французскому. Карлъ VIII,

государь щедрый и роскошный, отвѣчалъ ему благосклонно. Это было въ началѣ 1491 года. Такимъ образомъ, Португаллія, Генуя, Венеція, Англія, Франція, – каждая могла занять то мѣсто въ мірѣ, какое досталось Испаніи, каждая имѣла случай завладѣть царствами Новаго Свѣта! А безчувственная Испанія – какъ принимала она того, кто умолялъ ее обезсмертить себя согласіемъ на его предложенія?

Колумбъ поклялся, что, въ случаѣ неудачи на этотъ разъ, онъ не ступитъ ни шагу болѣе, когда, получивъ неудовлетворительный отвѣтъ Талаверы, онъ отправлялся въ Севилью въ началѣ 1491 года для окончательнаго удостовѣренія. Письмо короля Французскаго подавало ему мысль ѣхать немедленно послѣ этого во Францію. Еще разъ явился онъ къ своимъ покровителямъ, еще разъ просилъ ихъ по-крайней-мѣрѣ довести до свѣдѣнія короля и королевы его просьбу о рѣшительномъ отвѣтѣ. Не трудно было исполнить желаніе Колумба; еще легче было королю отвѣчать снова, что онъ, не отвергая проекта, совѣтуетъ ему повременить, такъ какъ, при началѣ рѣшительнаго и, можетъ-быть, послѣдняго похода противъ Мавровъ, теперь нѣтъ ни времени подумать, ни возможности дать денегъ на предпріятіе. Ничего этого не сдѣлали!

«И такъ, я оставлю Испанію!» воскликнулъ Колумбъ. Онъ бросилъ всѣ искательства, и явился въ Равидскій монастырь. Съ горестью разсказалъ онъ обо всемъ доброму Хуану Пересу, присовокупляя, что пріѣхалъ проститься, поблагодарить его за всѣ ласки и дружбу, взять сына и ѣхать прямо во Францію.

Разсказъ и намѣреніе Колумба опечалили кроткаго Переса. Если, съ одной стороны, пять лѣтъ, потерянныхъ въ безполезномъ искательствѣ, оправдывали намѣреніе, съ другой, какъ говорилъ Пересъ, дѣло было уже заведено слишкомъ далеко и само

время ознакомило всѣхъ съ мыслію Колумба. Притомъ, можно ли ожидать успѣха во Франціи, гдѣ король также занятъ, также увлеченъ въ войну съ Англіею, вѣроятно вскорѣ начнетъ новую въ Италіи, и извѣстенъ своимъ легкомысліемъ и безразсудностью? Предпріятіе Колумба не покажется ли еще болѣе несбыточнымъ во Франціи, когда и Португальцы, и Испанцы, и Италіянцы, такъ хорошо знакомые съ морскими экспедиціями, находятъ его затруднительнымъ? «Такъ!» говорилъ Колумбъ: «соглашаюсь со всѣмъ этимъ: но что я могу здѣсь сдѣлать?» Пересъ просилъ позволить ему самому походатайствовать,— *авось-либо* королева вспомнитъ его и уважитъ предстательство своего стараго служителя. Онъ предложилъ Колумбу остаться на нѣсколько времени въ Равидскомъ монастырѣ, пока сдѣланъ будетъ первый опытъ. Колумбъ не могъ отказать другу. Онъ остался.

Опять призванъ былъ прежній совѣтникъ Колумба и Переса, умный Гарсія Фернандесъ. На этотъ разъ Фернандесъ привезъ съ собой одного значительнаго гражданина Палосскаго: то былъ Мартинъ Алонсо Пинсонъ, старшій въ родѣ одного изъ лучшихъ и богатѣйшихъ семействъ въ городѣ, преимущественно занимавшихся мореходствомъ. Пинсонъ былъ опытный морякъ и много путешествовалъ. Онъ не только одобрилъ, расхвалилъ планъ Колумба, но даже сказалъ, что, если бы только можно было получить позволеніе правительства, онъ готовъ принять всѣ издержки экспедиціи и самъ отправится съ другомъ Переса. Колумбъ, какъ и прежде, не хотѣлъ сдѣлать своего предпріятія частнымъ дѣломъ: для такой мѣры слишкомъ обширны были его мечты и надежды. Предложеніе Пинсона казалось однако жъ весьма важнымъ. «Если только не станемъ требовать денегъ отъ правительства», говорилъ Пересъ, «на все остальное быть не можетъ чтобы не согласились!» Онъ рѣшил-

ся написать письмо отъ себя на имя королевы и отправилъ его съ вѣрнымъ человѣкомъ, мореходцемъ изъ города Лепи, Севастіаномъ Родригесомъ.

Не знаемъ содержанія письма, но, конечно, оно было писано со всѣмъ жаромъ благороднаго, истиннаго усердія къ отечеству. Родригесъ нашелъ королеву въ лагерѣ передъ Гренадою. Пожаръ опустошилъ тогда лагерь, но Изабелла не хотѣла отступить отъ Гренады: вмѣсто шатровъ и палатокъ велѣно было строить *городъ*, и городъ мгновенно возникъ противъ стѣнъ, которыя защищало отчаяніе мусульманъ. Его назвали Санта-Фѐ. Королева поселилась въ этомъ городѣ, и осаду упорно продолжали. Изабелла прочитала письмо Переса. Кстати былъ тутъ герцогъ Медина-Сели: его слова подкрѣпили посланіе аббата. Королева отвѣчала своему бывшему духовнику, чтобы онъ пріѣхалъ къ ней самъ, а между-тѣмъ попросилъ Колумба подождать.

Вечеромъ полученъ былъ этотъ отвѣтъ добрымъ Пересомъ. Не дожидаясь дня, онъ велѣлъ осѣдлать мула, отпѣлъ молебенъ, и съ радостью отправился въ путь, одинъ, средь всѣхъ опасностей, угрожающихъ путникамъ въ военное время.

Колумбу показалось, что другъ его совершилъ чудо, когда вскорѣ пришло черезъ Фернандеса неожиданное извѣстіе: королева звала его въ Санта-Фѐ для свиданія, и приказала выдать ему двадцать тысячь мараведи на путешествіе и на одежду, въ которой онъ могъ бы явиться ко двору. Увлеченная бесѣдою Переса, который говорилъ съ убѣжденіемъ, Изабелла въ первый разъ внимательно подумала о предпріятіи Колумба. Оказанная на первый случай помощь поставила его во возможность купить себѣ мула и пріѣхать ко двору въ приличномъ одѣяніи. Его приняли очень ласково. Онъ поселился у Кинтанелльи. Пересъ встрѣтилъ его съ восторгомъ.

Но, между-тѣмъ, быстрыми событіями рѣшалась участь Гренады. Января 2, король и королева побѣдоносно вступили въ столицу Мавританскихъ владыкъ Испаніи; послѣдній эмиръ мусульманскій встрѣтилъ ихъ въ городскихъ воротахъ съ униженностью раба, и они, на колѣняхъ, въ восторгѣ воскликнули передъ алтаремъ Божіимъ – Non nobis, Domine, sed tibi sit gloria! Королевскія знамена вѣялись на стѣнахъ Альамбры. Крестъ высился на мечетяхъ, обращенныхъ въ святые храмы. Торжествамъ и пиршествамъ, радости и славѣ, не было предѣловъ. «Въ это время,» говоритъ Маріана, «могли видѣть въ числѣ просителей, окружавшихъ короля и королеву, и осыпанныхъ милостями и наградами, смиреннаго, угрюмаго старика. Скучный и печальный, онъ равнодушно смотрѣлъ на радость и великолѣпіе побѣдительныхъ властителей Испаніи и одинъ ничего не просилъ у нихъ: это былъ *Христофоръ Колумбъ.*»

Наконецъ, съискалось досужное время. Занялись Колумбомъ. Талабера, который получилъ санъ Гренадскаго архіепископа, и нѣсколько другихъ особъ, начали съ нимъ переговоры. Уже не спорили о возможности предпріятія: въ самомъ дѣлѣ, въ немъ не убѣдились, – къ нему привыкли. Колумбъ огорченный, измученный терпѣніемъ, твердо объявилъ, что онъ согласенъ принять начальство надъ экспедиціею, но зато требуетъ званія адмирала и вице-короля всѣхъ тѣхъ земель, какія онъ откроетъ и покоритъ власти Испанскихъ государей, продолженія этихъ званій и титуловъ въ его потомствѣ, и десятины доходовъ, которые будутъ пріобрѣтены его открытіемъ правительству; и все это на вѣчныя времена.

Такія рѣчи просто оскорбили Талаберу и его товарищей. Какъ! этотъ сумасшедшій бродяга осмѣливается договариваться съ королемъ и королевою, и

еще о такихъ почестяхъ, которыя уравняютъ его съ первѣйшими вельможами государства? Званіе адмирала имѣло въ Испаніи отличія необыкновенныя; члены королевскаго семейства считали его для себя почетнымъ. Санъ вице-короля предоставлялъ власть, которая ограничивалась только волею и приказомъ государя. Одинъ изъ переговаривавшихъ съ Колумбомъ захохоталъ, и сказалъ вслухъ, что подобныя условія довольно выгодны для человѣка, который, при неуспѣхѣ своего предложенія, ничего не потеряетъ. «Я беру на себя осьмую долю всѣхъ издержекъ на мое предпріятіе,» возразилъ Колумбъ. Онъ основывался въ этомъ случаѣ на пособіи Пинсоновъ. Переговоры кончились обоюднымъ неудовольствіемъ. Талабера привыкъ видѣть въ Колумбѣ нищаго или мечтателя, и этотъ нищій, скитавшійся столько лѣтъ въ его передней, требовалъ званія, которое приближало его къ престолу, — одного изъ первыхъ отличій въ королевствѣ! Почтенный прелатъ изумился и былъ оскорбленъ. «Даже въ случаѣ успѣха,» говорилъ онъ, донося королевѣ о переговорахъ съ Колумбомъ, «даже въ случаѣ успѣха, требованія его нелѣпы, а при неуспѣхѣ они нанесутъ неизгладимый стыдъ вашему величеству за то легковѣріе, съ какимъ вступили вы въ подобныя условія съ презрѣннымъ бродягою.» Королева убѣдилась словами Талаберы, и велѣла сказать Колумбу, что его требованія несоразмѣрны: ему предложили условія болѣе умѣренныя, но всё-еще весьма лестныя. Колумбъ не согласился. Талабера объявилъ ему, что переговоры кончились. Колумбъ отвѣчалъ, что онъ видитъ это и немедленно оставитъ Испанію. Дѣйствительно, онъ въ тотъ же день явился къ своимъ друзьямъ, не слушалъ ни ихъ словъ ни совѣтовъ, простился съ ними, и выѣхалъ изъ Санта-Фѐ. Это было въ февралѣ 1492. Колумбъ хотѣлъ заѣхать въ Кордову, взять своего сына и отправиться

во Францію. Денегъ было у него не много, но достаточно, чтобы проѣхать бѣднымъ образомъ до Парижа.

«Нельзя не изумиться непоколебимой твердости и величію духа Колумба съ первой минуты, когда онъ утвердился въ своей идеѣ, говоритъ Вашингтонъ Ирвингъ, до того времени, когда отвергъ предложенія Испанскаго двора. Почти двадцать лѣтъ жизни его прошло тогда въ безполезныхъ, часто унизительныхъ исканіяхъ. Сколько лишеній, какое презрѣніе, какой позоръ испыталъ онъ во все это время! И онъ все-еще твердъ, и въ рѣшительную минуту онъ еще не хочетъ унизить своего великаго предпріятія ни какими уступками! Передъ великолѣпіемъ и величавостью дворовъ, онъ, кажется, забываетъ свою ничтожность, свою бѣдность; его воображеніе вспыхиваетъ и освѣщаетъ передъ нимъ невидимыя для другихъ открытія; онъ чувствуетъ, что онъ торгуется объ имперіяхъ.» Позволимъ себѣ однако жъ прибавить, что твердость Колумба, кажется, происходила въ послѣднее время отъ двухъ другихъ причинъ. Онъ видѣлъ, что съ нимъ уже не говорятъ какъ съ безумцемъ, и что его предпріятіе увлекло умы. Чрезмѣрныя терпѣнія также его ожесточили. Лучше бросить и погубить все, нежели податься на уступки. Это чувство слишкомъ естественно человѣку, если виды его совершенно лишены надежды; оно похожо на отчаяніе, и можетъ замѣнить самыя высокія качества души. Тотъ непобѣдимъ, кто не хочетъ возвратиться живой съ поля битвы безъ побѣды.

Отъѣздъ Колумба опечалилъ добраго Переса, Кинтанелью и прочихъ его друзей, увѣренныхъ, что его предпріятіе было бы источникомъ выгодъ и чести для Испаніи. Они рѣшились на смѣлую мѣру. При помощи Людовика Санто-Анхеля, казначея духовныхъ доходовъ Аррагоніи, тотчасъ истребовали они аудіен-

цію у королевы. Слова ихъ были сильны и краснорѣчивы. Изабелла услышала не только доказательства и просьбы, но даже упреки. Они изъявляли удивленіе, что государыня столь мудрая, что покровительница всѣхъ великихъ и полезныхъ предпріятій, увлекается на этотъ разъ совѣтомъ людей недобросовѣстныхъ. Они говорили, какую славу получитъ она отъ распространенія истинной вѣры въ безвѣстныхъ земляхъ и пріобрѣтеніемъ для Испаніи новыхъ, обширныхъ владѣній; какая скорбь будетъ для нея, какое торжество для ея непріятелей, если другая держава исполнитъ отвергнутое ею предпріятіе! Какой славы не пріобрѣла себѣ Португалія своими открытіями? А предпріятіе Колумба затмѣвало ихъ всѣ. Должно ли, полагаясь на легкомысленность и предразсудки противниковъ этого человѣка, не думать о томъ, что будетъ стоить такъ мало, а можетъ принести такъ много? Вопреки увѣреніямъ непріятелей, Колумбъ — человѣкъ ума основательнаго, характера благороднаго: и какое же безчестье принесетъ государству даже самая его неудача? Довольно и того, если можно будетъ рѣшить невѣдѣніе Географіи объ этихъ странахъ и дознаться тайнъ, неизвѣстныхъ съ начала міра. Колумбъ притомъ же беретъ на себя осьмую часть издержекъ, когда все остальное не станетъ и трехъ сотъ тысячь куроновъ!

Маркиза де-Моя и другія почетныя особы такъ сильно подкрѣпили слова друзей Колумба, что Изабелла поколебалась: она рѣшилась, а ея сильная душа уже не хотѣла ничего слышать, рѣшась однажды. Немедленно переговорили съ королемъ. По обыкновенію, онъ хотѣлъ обсудить хладнокровно, колебался, и наконецъ сказалъ, что согласенъ, но что денегъ на расходы у него нѣтъ, — казна совершенно истощена войною. «Хорошо!» воскликнула Изабелла съ жаромъ: «я беру издержки на счетъ моей Кастиліи, заложу

мои брильянты, но зато всѣ выгоды будутъ принадлежать одной мнѣ!» Король изумился ея одушевленному отзыву. Деньги тотчасъ отыскались. «Вашему величеству ненужно закладывать своихъ брильянтовъ,» сказалъ ей Санто-Анхель, и предложилъ занять семнадцать тысячъ флориновъ изъ духовнаго казначейства. Фердинандъ согласился, и объявилъ, что пріиметъ всѣ расходы на счетъ Аррагоніи. Зато впослѣдствіи, изъ перваго золота, привезеннаго Колумбомъ, онъ позолотилъ потолки Альхаферіи, древняго Мавританскаго дворца въ Сарагосѣ и Аррагонія воспользовалась особыми привиллегіями въ Америкѣ.

Послали за Колумбомъ. Онъ отъѣхалъ уже двѣ Испанскихъ мили отъ Санта-Фѐ, и остановился было въ деревнѣ, у Пиносскаго Моста. Здѣсь догналъ его посланный. Колумбъ колебался нѣсколько времени, однако рѣшился воротиться.

Теперь совершенно другое расположеніе умовъ господствовало въ Санта-Фѐ: послѣ согласія государей, всѣ одобряли предпріятіе Колумба, и всѣхъ болѣе хвалилъ его любимецъ королевы, великій каммергеръ, Хуанъ Каврера. На аудіенціи у короля и королевы, Колумбъ прежде всего началъ рѣчь о распространеніи истинной вѣры въ земляхъ Великаго Хана Тартаріи, который давно изъявлялъ о томъ желаніе. Фердинандъ согласился, что это будетъ главнымъ дѣломъ предпріятія, которое, конечно, послѣ того Господь благословитъ успѣхомъ. Положено было приготовить письма отъ короля и королевы къ Великому Хану. Колумбъ просилъ и настаивалъ, чтобы король и королева обѣщали ему употребить часть выгодъ, какія пріобрѣтутся его экспедиціей, на новый крестовый походъ для освобожденія Святаго Гроба. Эта благочестивая мысль давно таилась въ душѣ Колумба. Видя свои неудачи, онъ далъ-было обѣтъ, что, если

когда-либо успѣетъ открыть новыя земли, крестовый походъ будетъ первымъ дѣломъ и условіемъ успѣха. Еще болѣе подкрѣпили его въ этой мысли разсказы Палестинскихъ монаховъ, въ 1489 году. Два Іерусалимскіе инока были присланы въ Испанію отъ Египетскаго султана. Султанъ писалъ съ ними королю и королевѣ, что Фердинандъ и Изабелла должны прекратить войну съ Маврами или онъ казнитъ всѣхъ христіанъ, живущихъ въ его государствѣ, и разоритъ Гробъ Господень. Какъ ни ужасна была такая угроза, однако предложеніе «солдана» отвергли. Королева отпустила тысячу золотыхъ дукатовъ монахамъ, и послала съ ними богатый покровъ для Святаго Гроба, вышитый своими руками. Колумбъ долго и много бесѣдовалъ съ этими иноками, и тутъ онъ еще болѣе укрѣпился въ своемъ обѣтѣ, который остался неизмѣнною его мыслью на цѣлый вѣкъ. Фердинандъ отвѣчалъ съ улыбкою, что онъ, съ своей стороны, согласенъ удовлетворить Колумбову желанію.

Тогда заключили условія, и они были подписаны королемъ и королевою, въ Гренадской *бегѣ*, или долинѣ, въ городѣ Санта-Фѐ, 17 апрѣля 1492 года. По этимъ условіямъ положено, что Колумбъ и его наслѣдники получаютъ званіе великаго адмирала всѣхъ Океанскихъ земель, какія онъ откроетъ, со всѣми правами и почестями, присвоенными великому адмиралу Кастиліи; что онъ и его наслѣдники будутъ управлять всѣми «Океанскими» землями съ званіемъ вице-королей и генералъ-губернаторовъ, представляя, на мѣста областныхъ начальниковъ, кандидатовъ по своему выбору для утвержденія королевскаго; что онъ и его наслѣдники будутъ навсегда пользоваться десятиною отъ всѣхъ произведеній,—жемчугу, драгоцѣнныхъ каменьевъ, золота, серебра, пряностей, припасовъ и товаровъ, найденныхъ, купленныхъ, вымѣненныхъ или какимъ бы то ни было образомъ пріобрѣтенныхъ въ

тѣхъ земляхъ, за вычетомъ расходовъ на ихъ пріобрѣтеніе; что онъ и его наслѣдники, или довѣренные отъ нихъ особы, будутъ судить всѣ коммерческія дѣла между Испаніею и новооткрытыми землями обще съ великимъ адмираломъ Кастиліи; что наконецъ онъ и его наслѣдники могутъ вносить осьмую долю издержекъ на настоящее и на всѣ будущія предпріятія для открытія новыхъ земель на западѣ, и зато будутъ получать осьмую часть всѣхъ доходовъ, какія пріобрѣтутся отъ подобныхъ предпріятій.

По силѣ этихъ условій, 30 апрѣля подписанъ и выданъ Колумбу дипломъ на его будущія должности, въ права которыхъ онъ вступалъ, съ титуломъ *дона*, тотчасъ по открытіи имъ западныхъ земель. Но Изабелла хотѣла предварительно наградить Колумба, и, 8 мая, *альвала*, или жалованная граммата, выдана была сыну его Діего на званіе пажа наслѣднаго принца, донъ Хуана, съ опредѣленіемъ жалованья. Почесть эта считалась весьма важною.

Положено было, что экспедиція снарядится въ Палосъ-де-Могерѣ, потому что, по силѣ штрафа, наложеннаго нѣкогда на этотъ городъ, жители его обязаны были давать правительству каждый годъ двѣ *карабеллы*, для морской службы. Колумбъ обязывался снарядить третью карабеллу на свой счетъ. Онъ принималъ главное начальство, избравъ начальниковъ для двухъ другихъ карабеллъ по своему произволу. Послѣ этого онъ долженъ былъ плыть въ какомъ ему угодно направленіи, не приближаясь только къ владѣніямъ Португальцевъ, и, отъ имени короля и королевы Испанскихъ, принимать во владѣніе каждую дотолѣ неизвѣстную землю. Матрозамъ его полагалось жалованье равное тому, какое получали служащіе на военныхъ корабляхъ, и за треть года было выдано впередъ; всѣ пошлины съ ихъ вещей устранялись, и

каждый изъ нихъ освобождался, лично и по своему имѣнію, отъ судебнаго преслѣдованія на все время отсутствія и на два мѣсяца по возвращеніи на родину. Спутники Колумба подчинялись его полной власти, и только его свидѣтельство освобождало ихъ отъ отвѣтственности и доставляло имъ участіе въ наградахъ. Приказано было городовому правленію Палоса наблюдать за снабженіемъ экспедиціи хорошими припасами и за умѣренную цѣну.

Послѣ благосклоннаго разговора, допущенный къ цѣлованію руки короля и королевы, Колумбъ выѣхалъ 12 мая изъ Санта-Фѐ. Въ Равидскомъ монастырѣ ждалъ его съ радостью и торжествомъ, вѣрный Пересъ, виновникъ успѣха. Колумбъ прожилъ недѣлю у своего друга, и отсюда выѣхалъ, вмѣстѣ съ нимъ и своимъ сыномъ, въ Палосъ. Здѣсь Діего былъ отданъ въ науку Мартину Санчесу, городскому священнику, подъ надзоромъ почтеннаго гражданина Хуана Родригеса Кавесудо. Потомъ приступили къ снаряженію экспедиціи.

Повелѣніе приготовить карабеллы черезъ десять дней было отправлено еще 30 апрѣля; но Колумбъ нашелъ, по пріѣздѣ, что ничего еще не приготовили. Ничто такъ убѣдительно не доказываетъ необыкновенности его предпріятія, какъ затрудненія, которыя онъ встрѣтилъ послѣ того. Несмотря на королевскій приказъ, на старанія начальниковъ города, ревность уважаемаго всѣми Переса, участіе Пинсоновъ, принявшихъ на свой счетъ снаряженіе одной карабеллы, городъ не давалъ судовъ, матрозы не хотѣли итти въ экспедицію, работники бѣгали отъ работы, и ихъ не могли принудить взяться за дѣло. Самые нелѣпые слухи носились по городу; всѣ со страхомъ говорили, что предпріятіе Колумба ведетъ къ гибели, что корабли и люди никогда не воротятся изъ неслыханнаго

путешествія на западъ. А между-тѣмъ Палосцы считались лучшими и отважнѣйшими мореходцами Испаніи!

Принуждены были донести обо всемъ этомъ королю и королевѣ. Новое повелѣніе прислано было 20 іюня, съ Хуаномъ Пеналосою, королевскимъ офицеромъ. Ему велѣно насильно взять двѣ карабеллы, принадлежащія жителямъ Палоса, силою набрать матрозовъ, и требовать отъ города по двѣсти мараведи въ день на свое содержаніе, пока не будутъ исполнены приказанія. Пеналоса долженъ былъ насильно взять карабеллу гражданъ Гомеса Раскона и Кристовала Кинтеро; другую выставилъ городъ. Но междутѣмъ споры, драки, судебныя преслѣдованія, продолжались и матрозовъ набирали, большею частію по-неволѣ. Впрочемъ, видя безуспѣшность сопротивленія, Палосцы начали наконецъ повиноваться. Колумбъ трудился день и ночь, презирая ихъ ропотъ и негодованіе. Примѣръ братьевъ Пинсоновъ также на нихъ подѣйствовалъ. Въ началѣ августа экспедиція была готова.

И послѣ всѣхъ затрудненій со стороны двора и правительства, послѣ смятеній и волненій въ Палосѣ, что такое была эта знаменитая *экспедиція*, которою командовалъ будущій вице-рой Океанскихъ, Западныхъ земель и посолъ Испаніи къ Великому Хану? Она состояла изъ трехъ небольшихъ кораблей: одинъ былъ названъ «Святая Марія», и на немъ раскинулъ свой флагъ начальникъ экспедиціи, Христофоръ Колумбъ; другой носилъ имя «Пинта», – этотъ былъ насильно взятъ у Раскона и Кинтеро; третій «Нинья», – его поставили братья Пинсоны. Неизвѣстно, на какихъ условіяхъ они выдали Колумбу деньгами *осьмую* часть издержекъ экспедиціи, по условію его съ правительствомъ. Вѣроятно, по договору, Колумбъ избралъ ихъ въ товарищи своего путешествія: стар-

шій братъ, Мартинъ Алонсо, начальствовалъ «Пинтою», младшій, Викеньтій Яньесъ, «Ниньею». Всѣ три корабля принадлежали къ роду, такъ называемыхъ, карабеллъ: есть несогласіе, что именнно означали тогда въ Испаніи именемъ caravellas; но вообще думаютъ, что карабеллы Колумбовы были небольшіе корабли съ двумя мачтами, съ покрытыми носами и съ открытою серединою; только на «Санта-Маріи» была палуба во всю длину судна; на главныхъ мачтахъ находились квадратные, на малыхъ *латинскіе*, или треугольные паруса. Увѣряютъ, что самъ Колумбъ отказался отъ большихъ кораблей, и взялъ малые, почитая ихъ удобнѣйшими, – и вѣроятно потому отказался, что долго не дождался бы онъ вооруженія большихъ кораблей. И на такихъ-то маленькихъ, утлыхъ ладьяхъ, которыя совершали только каботажное плаваніе, Колумбъ отправился, черезъ неизвѣстныя моря, въ страны отдаленныя и безвѣстныя. Надобно прибавить еще, что корабли были старые и ветхіе; ихъ перечинивали, подновляли. Что сказалъ бы Горацій, видя корабли Колумба и слыша объ ихъ назначеніи, если онъ называлъ человѣкомъ съ желѣзнымъ сердцемъ того, кто на крѣпкомъ Римскомъ кораблѣ осмѣливался плыть изъ Италіи въ Грецію?

Карты, составленныя Колумбомъ для этого путешествія, не дошли до потомства. Но судя по той, которую послалъ Тосканелли и на которой Колумбъ основывался, и по современнымъ картамъ Беэма, можно имѣть понятіе, что такое были эти карты. На нихъ изображались Европа отъ Ирландіи, и Африка до Гвинеи; по серединѣ Океанъ; на западѣ, по сказаніямъ Марка Поло, восточный берегъ Азіи, означенный подъ именемъ Индіи. Въ шести тысячахъ морскихъ миль отъ Индіи находился на картѣ островъ Чипанго (Японія) на мѣстѣ нынѣшней Флориды; отъ него выведенъ былъ архипелагъ Индѣйскихъ острововъ къ югу.

Въ *Чипанго*, въ *Индію*, въ *царство Великаго Хана* стремился Колумбъ; ихъ-то искалъ онъ, а не Америку, и думалъ видѣть ихъ въ каждомъ островѣ Лукайскаго и Антильскаго архипелаговъ.

Экипажъ экспедиціи состоялъ всего изъ ста двадцати человѣкъ. Накапунѣ отъѣзда, Колумбъ исповѣдался и былъ пріобщенъ Святыхъ Таинъ другомъ своимъ Пересомъ. Всѣ спутники послѣдовали его примѣру. Отправлено было торжественное моленіе за здравіе и благополучный путь странствователей. Августа 3, 1492, за полчаса до восхожденія солнца, корабли пустились въ море. Пересъ сопровождалъ ихъ благословеніями; слезами и горестными прощаніями напутствовали ихъ жители Палоса. Родные, матери, жены, дѣти, разставались навѣки съ мореплавателями, которые, по общему мнѣнію ѣхали въ путь невозвратный, на вѣрную гибель, тогда какъ на этомъ пути Провидѣніе готовило цѣлый Свѣтъ, — въ награду генію человѣка угнетеннаго злобою и невѣжествомъ его ближнихъ!

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

ЗЕМНОЙ АНГЕЛЪ,

или

СВОЕНРАВІЕ.

=

РОДЪ РОМАНА.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Woman, the fountain of all human frailty!
OTWAY.

– Прекрасно! прекрасно! чудо! прелесть! воскликнулъ молодой графъ Б***, влюбленный по уши въ свою супругу (для соблюденія правдоподобія, надобно сказать, что это было черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ свадьбы). Еще разъ, моя Лидія! Сдѣлай милость, еще разъ!

И еще разъ Лидія спѣла его любимую арію.

– Прекрасно!..... Благодарствую, другъ мой, сказалъ онъ, съ приложеніемъ нѣжнаго поцѣлуя, но не прибавилъ ни – чуда, ни – прелести.

Пропускъ былъ замѣченъ.

– Я никогда не могу повторить хорошо два раза сряду одной и той же аріи.....

Она остановилась: мужъ молчалъ.

– И для того терпѣть не могу, когда меня заставляютъ повторять!

– Тѣмъ болѣе благодарю тебя, душа моя.

– Не за что благодарить: я знаю, что во второй разъ пѣла очень дурно. Терпѣть не могу, чтобъ мнѣ льстили!

– Я это знаю, милая, и никогда тебѣ не льщу. Вѣдь я не говорилъ, что бы ты оба раза равно хорошо пѣла?

Лидія покраснѣла, и начала нѣсколько вспыльчиво настроивать арфу.

– Арфа ужасно разстроена, сказала она наконецъ.

– Я этого не замѣтилъ.

– Очень жаль, что ты не замѣтилъ! Мнѣ бы пріятнѣе было, если бы ты сложилъ вину на арфу, а не на меня.

– Вину, другъ мой! Развѣ я тебя обвинялъ?

– Не словами, конечно; но для чувствительнаго сердца молчаніе несноснѣе всякаго обвиненія.

– И слезы навернулись на прекрасныхъ глазахъ Лидіи.

– Душа моя! моя радость! какъ ты можешь огорчаться такою бездѣлицей?

– Для меня не бездѣлица, когда дѣло идетъ о мнѣніи того, кого я люблю.

Мужъ поцѣловалъ розовыя щечки, орошенныя перловыми слезами и нѣсколько надувшіяся.

– Твоя чувствительность слишкомъ велика, сказалъ онъ.

– Правда, совершенная правда. Чувствительность моя слишкомъ велика для моего счастія. Малѣйшая вещь, малѣйшая холодность разрываетъ у меня сердце.....

Самыя нѣжныя увѣренія въ вѣчной, неизмѣнной любви, едва могли успокоить ангела красавицу. Ангела потому, что Лидія собственно называлась «ангеломъ» и другаго имени не было для ней у графа Б***. Но надобно прибавить, – также для соблюденія правдоподобія, – что это имя дано ей было еще до свадьбы. Наконецъ однако надувшійся ангелъ успокоился, и съ томною улыбкою протянулъ ручку страстному супругу, утѣшая его увѣреніемъ, что онъ, ангелъ, можетъ-быть, ошибся, по-крайней-мѣрѣ желалъ ошибиться.

– И молю Бога, прибавила Лидія, никогда не дожить до такого несчастія!

Нѣсколько недѣль послѣ этого разговора, – или этого каприза, – или этого трогательнаго неудоумѣнія двухъ любящихъ сердецъ: я не мастерица на слогъ, и никогда не умѣю подобрать настоящаго имени, – графъ Б*** пригласилъ къ себѣ обѣдать стариннаго друга, Вилонова. Они были вмѣстѣ воспитаны, и вмѣстѣ проказничали, и въ одно время вступили въ службу: графъ имѣлъ особенное уваженіе къ его уму и здравому смыслу. Вилоновъ только-что возвратился изъ чужихъ краевъ, и пока разговоръ касался до Парижа, Италіи и прочаго, юная хозяйка слушала со вниманіемъ и удовольствіемъ. Къ несчастію, графъ началъ вспоминать про ихъ солдатскую жизнь. Вилоновъ обратился къ первой ихъ молодости, къ счастливой безпечности этого возраста, – къ тому, что было и чего не воротить: они смѣялись старымъ шуткамъ и пересказывали старыя проказы. Графъ, предаваясь веселымъ воспоминаніямъ, не замѣтилъ, какъ чело его прекрасной Лидіи постепенно помрачалось. Наконецъ, ангелъ ушелъ.

– Женѣ твоей, вѣрно, сдѣлалось дурно, сказалъ Вилоновъ.

Графъ поспѣшилъ за нею. Онъ нашелъ ее въ слезахъ.

– Что съ тобою дѣлается, ангелъ мой? спросилъ испуганный мужъ.

Ангелъ молчалъ. Наконецъ послѣ нѣжнѣйшихъ умоленій, она сказала, прерывистыми словами:

– Страхъ мой былъ не напрасенъ: теперь я вижу ясно, что ты меня не любишь..... что ты никогда меня не любилъ..... Мои предчувствія никогда меня не обманываютъ. Несчастная, несчастная Лидія!.....

Мужъ слушалъ ее съ удивленіемъ и не могъ понять причины такой горести.

– Стало-быть вся симпатія между нами исчезла? продолжала она сквозь слезы. Ты ужъ меня болѣе не понимаешь..... и не умѣешь, или не хочешь, читать въ моемъ сердцѣ.....

Мужъ все-таки, стоя передъ нею, ничего не понималъ, и просилъ, Бога ради, истолковать ему эту странность.

– Жестокій, безчувственный человѣкъ! ты употребляешь всѣ средства, чтобы меня мучить, и теперь пришелъ торжествовать надъ своей жертвой.....

– Какъ! торжествовать?..... Какая жертва? Право, другъ мой, я тебя вовсе не понимаю!

– Я вижу торжество въ твоихъ глазахъ; напрасно ты притворяешься. Я жертва! И все это благодаря пріятеля твоего, Вилонова! За что онъ меня возненавидѣлъ? Что я ему сдѣлала?

– Другъ мой, какіе пустяки! Почему ты себѣ вообразила, что Вилоновъ тебя ненавидитъ?

– Онъ меня ненавидитъ; онъ мнѣ врагъ, онъ злѣйшій мой врагъ, и никто меня въ этомъ не переувѣритъ. Онъ тронулъ самую чувствительную струну моего сердца..... Онъ уязвилъ меня самымъ непростительнымъ, самымъ жестокимъ образомъ.....

– Какимъ же образомъ, моя Лидія! Ты, право, мечтаешь!

– Не при мнѣ ли, и съ намѣреніемъ, употребилъ онъ всю свою хитрость, все лукавство, чтобы доказать тебѣ, что ты былъ во сто разъ счастливѣе холостымъ, нежели теперь женатымъ!

– Другъ мой! моя милая Лидія? ты его обижаешь. Ручаюсь тебѣ, что никогда такая мысль въ голову у меня не входила.

– Извини. Мнѣ его мысли извѣстнѣе нежели тебѣ.

– Невозможно! Ты его видишь сегодня въ первый разъ, а я знаю его съ самаго дѣтства.

– Именно потому ты и не можешь судить объ немъ безпристрастно. Ты знаешь его съ дѣтства? Ребенокъ не судья.

– Но теперь, я, слава Богу, совершеннолѣтній.....

– Всё предразсудки дѣтства остались тѣ же. Ты его любишь, потому что любилъ; ты ему вѣришь, потому что привыкъ вырить; въ его пользу привычка и воспоминаніе. А для меня нѣтъ прошеднаго въ твоемъ сердцѣ; и, что ни говори, вся любовь жены, вся вѣрность, не замѣнятъ дѣтскихъ впечатлѣній.

– Будь благоразумна, милая Лидія! не мучь себя такими мечтами! Ты не можешь себѣ вообразить, сколько ты меня огорчаешь! Отри свои слезы, возвратись къ гостямъ. Это, право, смѣшно!

– Если смѣшно любить пламенно, безпредѣльно, признаюсь – я достойна посмѣянія. Что жъ дѣлать! Мнѣ жаль, что я въ твоихъ глазахъ смѣшна. Перемѣнить своихъ чувствъ не умѣю! Сдѣлай милость, извини меня передъ гостьми..... Скажи, что я больна. Ты правду скажешь.

И съ этими словами она, въ глубокой горести, ушла въ свои покои. Но какъ она была хороша въ эту минуту!.....

Кто имѣлъ счастіе быть любимымъ такой прелестной женщиной какъ Лидія, – увѣряю васъ, мои вѣжливые читатели, что это большое счастіе, и гораздо бо̀льшее нежели какъ вы заслуживаете, – тотъ пойметъ, что, несмотря на все своенравіе этого «ангела», она должна была, пока первыя впечатлѣнія ея красоты надъ сердцемъ молодаго и страстнаго мужа сохраняли свою свѣжесть, властвовать надъ нимъ безпредѣльно. О сила красоты! воскликнете вы, прекрасныя мои читательницы. О сила самолюбія и тщеславія въ мужчинахъ! воскликну я вамъ въ отвѣтъ. И вы дѣйствительно думаете, что они, женившись на насъ, краса-

вицахъ, любятъ насъ еще потому, что клялись у ногъ нашихъ любить насъ безпредѣльно, когда были женихами?..... Не знаю, какъ это водится у столяровъ и башмчаниковъ, но въ обществѣ, но въ свѣтѣ, – увы, увы!... эта знаменитая любовь мужей – просто дѣтское тщеславіе. Мы нѣкоторое время сохраняемъ надъ ними власть единственно потому, что имъ нужна жена красавица; что безъ этого они бы не имѣли ни какого вѣсу въ свѣтѣ; что мы дѣлаемъ ихъ важными людьми; что другіе за насъ имъ кланяются.

Кромѣ красивенькой жены, имъ нуженъ еще отличный Французскій поваръ, – и посмотрѣли бъ вы, какъ они изъ тщеславія подличаютъ передъ отличнымъ поваромъ! какъ переносятъ всѣ его капризы, боясь, чтобы онъ ихъ не оставилъ!

Но это не примѣняется къ графу Б***. Поваръ у него былъ крѣпостной, а въ жену, я думаю, онъ дѣйствительно былъ влюбленъ въ первые мѣсяцы ихъ супружества. Она бъ могла господствовать надъ нимъ и нераздѣльно и долго, если бы благоразумное воспитаніе раскрыло въ ней тѣ богатства кроткихъ и любезныхъ чувствованій, которыя природа сосредоточила въ женщинѣ, какъ въ храмѣ домашняго счастія. Но ея воспитаніе было только блистательное. Она походила на золоченный кумиръ язычниковъ, который стоитъ имъ дорого, ослѣпляетъ поклонниковъ своимъ блескомъ, требуетъ отъ нихъ куреній, и не трогается ихъ суевѣрными мольбами.

Лидія была слишкомъ умна, чтобы употреблять до истощенія одно и то же средство. Два дня провела она въ томной задумчивости, къ прискорбію и горести мужа. Но когда онъ всего менѣе могъ ожидать этого, – она явилась передъ нимъ, какъ солнце изъ за тучь, съ своей ясной животворною улыбкой. Онъ ожилъ, и, обнимая веселую, рѣзвую, любезную Ли-

дію, забылъ ея своенравіе. Онъ благословлялъ свой жребій!

Послѣ такого торжества, какая женская голова невскружится? Я говорю – голова; потому есть женскія сердца, которыя знаютъ одно торжество – жить для тѣхъ, кого они любятъ, но эти невинныя существа не могутъ слѣдовать за высокимъ полетомъ моей героини, и я къ нимъ обращаюсь: пусть всѣ прочія скажутъ, могло ли женское тщеславіе остановиться въ серединѣ такого скользкаго пути? могъ ли женскій умъ Лидіи предвидѣть конецъ этому торжеству?.....

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Łaska pańska, gust kobiét, pogody jesienne.
КРАСИЦКІЙ.

Москва, 17 ноября, 1834.

«Ты удивишься, милая Лидія, услышавъ, что я во второй разъ вступаю въ священные узы брака. Сомнѣваюсь, чтобы даже *твоя* проницательность отгадала, кого мнѣ судьба опредѣлила въ суженые. Черезъ три дня буду я принадлежать, или лучше сказать, – мнѣ будетъ принадлежать богатый и скупой и, по мнѣнію свѣта, глупый князь Л***. Что жъ дѣлать! Не всѣмъ такое счастіе какъ тебѣ. Ты вышла по склонности за молодаго человѣка, умнаго и страстно влюбленнаго. Что еще болѣе,– ты этимъ молодымъ человѣкомъ, умнымъ и влюбленнымъ, совершенно завладѣла. И хорошо сдѣлала. Въ замужествѣ нѣтъ серединьі: быть рабою или властвовать. Кто жъ, съ малѣйшимъ чувствомъ своего достоинства, не предпочтетъ послѣдняго первому? Впрочемъ, ты создана властвовать. Тебя природа наградила красотою необыкновенною, умомъ тонкимъ и гибкимъ, рѣдкою способностью выражать живо и вѣрно всѣ мечты твоего воображенія. Я одного боюсь: ты *любишь* своего мужа. Берегись, чтобы эта любовь слишкомъ не усилилась и не отняла у тебя нужной бдительности надъ нимъ и надъ собою! Первое время будетъ трудно; зато первое время все рѣшитъ. Одна неумѣстная

уступчивость, — и ты пропала. Помни это, и крѣпись. Какъ скоро власть твоя совершенно утвердится, ты можешъ отдохнуть. Но покамѣстъ, — какъ въ Русской сказкѣ, — однимъ глазомъ спи, а другимъ гляди. Моя роль будетъ легче: по-крайней-мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Самая скупость, которая бы испугала другую, меня, если не радуетъ, покрайней-мѣрѣ не огорчаетъ. Мѣсто будущаго моего мужа въ столицѣ таково, что онъ принужденъ будетъ жить наравнѣ съ прочими, а моего имѣнія, хотя весьма малаго и разстроеннаго, достанетъ на издержки туалета. Между-тѣмъ эта страсть будетъ служить моему князю отводомъ отъ всѣхъ прочихъ. Въ самомъ крайнемъ предположеніи, — если недостанетъ у меня ума завладѣть ею, то надобно будетъ только до нея не касаться, а впрочемъ я буду свободна. Такъ какъ привязанности тутъ ни какой быть не можетъ, мнѣ остается только сохранить приличіе: C'est ma profession de foi..... и ты мнѣ повѣришь, вспомнивъ прошедшее. Благодаря моему знанію толку въ этихъ дѣлахъ, мой покойникъ конечно не былъ тираномъ!... Ради Бога, сожги это письмо. Если оно попадется въ руки твоего мужа, ты легко предвидишь последствія. Кстати о твоемъ супругѣ. Ты знаешь, что пріятель его женился: и на комъ бы ты думала? На маленькой, ничтожной Эмиліи Е***, воспитанной въ деревнѣ, безъ ума, безъ талантовъ, даже безъ красоты. Увѣряютъ, что онъ плѣнился *простотою и добронравіемъ*. Куда какъ трогательно! Видишь, что у насъ, въ нашей сторонѣ, господствуютъ еще нравы блаженной Аркадіи. А я такъ думаю, что она хитрѣе многихъ другихъ; потому что — поймать Вилонова, избалованнаго, разборчиваго, не бездѣлица, и предполагаетъ въ восемнадцати-лѣтней дѣвушкѣ много тонкости. C'est superbe! Родятся же счастливицы на семъ бѣломъ свѣтѣ? Впрочемъ *будущая* княгиня Л*** никому завидовать не должна. Какъ ты думаешь?.... Такъ по-крайней-мѣрѣ будетъ думать свѣтъ, а я съ общимъ мнѣніемъ всегда согласна. Какъ я съ тобою заболталась, моя милая Лидія! А какое множество дѣлъ у меня на рукахъ! Прощай же, до свиданія, и весьма скораго; я черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы отправляюсь въ Петербургъ. Князю надобно заѣхать въ какую-то деревню, — а я прямо къ тебѣ, — и мы до пріѣзда его наговоримся. Я

надѣюсь, что у тебя есть уголокъ, неприступный даже твоему мужу Селадону. Еще разъ прости! Cathérine M***.»

Эта Катерина M*** была пріятельница и вѣрная наперстница графини Лидіи Б***.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ письма, новая княгиня Л*** влетѣла вихремъ въ кабинетъ своего друга, ангела. Первыя минуты свиданія были минутами восторга. Разговоръ былъ длиненъ, — очень длиненъ, живъ, и занимателенъ.

— Ты съ нами обѣдаешь, не правда ли? спросила Лидія.

Княгиня Л*** взвела глаза въ потолокъ, какъ-будто желая что-то вспомнить. Въ этомъ положеніи она всегда была прекрасна.

— Неслушаю отговорокъ. Ты насъ еще не видала en ménage, въ нашемъ семейномъ быту; и я хочу передъ тобою похвастать. Впрочемъ уже и часъ обѣда. Удивляюсь, что мужъ еще не пріѣхалъ!

Черезъ полчаса явился и графъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, жена сказала съ досадою:

— Ты насъ заставилъ ждать цѣлый часъ.

— Не часъ, а только полчаса, ангелъ мой.

— Извини, цѣлый часъ.

— По моимъ часамъ половина пятаго.

— А по моимъ пять.

— Женскіе часы и женскіе головы всегда впереди, сказалъ графъ.

— Колкость не доказательство, сказала графиня.

— Не колкость, а шутка, моя Лидія.

— Мои часы сейчасъ отъ часоваго мастера.

— А мои поставлены по солнцу, продолжалъ шутливо графъ.

— Княгиня должна быть въ шесть часовъ дома, и ты заставишь ее опоздать.

– Я не зналъ, что буду имѣть удовольствіе обѣдать съ княгиней.

– Прекрасно! Стало, до меня тебѣ и дѣла нѣтъ? И ты послѣ этого будешь увѣрять меня, что я тебѣ мила?

И небесная роса начала набираться въ глазахъ ангела красавицы.

– Милая Лидія, душа моя, ради Бога, умѣрь свою чувствительность, сказалъ, графъ покрывая ея тонкія ручки поцѣлуями. Если шутки мои тебя огорчили, то прости меня. Пойдемъ скорѣе обѣдать, чтобы не заставить еще болѣе ждать княгиню!

– Какъ мы женщины глупы и легковѣрны! сказала Лидія, оборотясь къ своей подругѣ. Одно слово, – и все забыто!

Но насмѣшливая, едва примѣтная, улыбка дала другой толкъ этимъ словамъ.

Такимъ образомъ продолжалъ «ангелъ» истощать терпѣніе своего мужа. Пока она искусно вплетала любовь въ прихоти своенравія, дѣло шло изрядно, и хотя онъ начиналъ уже чувствовать свое ито, хотя иногда не безъ ропота жертвовалъ ей своими привычками и драгоцѣннымъ временемъ, однако огорчить женщину, которая столько его любила, потопить въ слезахъ ея красоту, казалось ему жестокостью. «Время ее образумитъ,» думалъ онъ. Бѣдный мужъ! онъ не зналъ, что своенравной женщинѣ годы не приносятъ благоразумія, и что, удовлетворяя всѣмъ ея прихотямъ, онъ самъ уничтожалъ возможность исправленія.

– Какъ мало ты имѣешь вниманія къ моимъ чувствамъ! говорила она однажды. Ты знаешь, какъ противна мнѣ эта бѣлокурая Д***, а ты цѣлый часъ сегодня съ ней разговаривалъ.

– Я не зналъ, душа моя, что она тебѣ противна. Она умна и любезна.

– Колка и жеманна!

– Вкусы различны. Она мнѣ показалась острою и забавною.

– Не скажешь ли еще, и прекрасною?

– Не прекрасною, а недурною.

– Потому что она бѣлокура, а я брюнетка.

– Какой вздоръ, моя Лидія! Развѣ я кого-нибудь съ тобою сравниваю?

– Не знаю. Но я видѣла, съ какимъ восторгомъ ты ее слушалъ, съ какимъ восхищеніемъ на нее глядѣлъ. Я это все видѣла..... и страдала.

– Эта ревность непонятна, мой другъ! Ты знаешь, что, кромѣ тебя, я никого не люблю и никого любить не могу.

– Обѣщай же мнѣ, что ты въ другой разъ не станешь говорить съ этой жеманною куклой.

– Если это обѣщаніе можетъ тебя успокоить, изволь!

И какой влюбленный мужъ не далъ бы такого обѣщанія прекрасной и ревнивой женѣ? Онъ съ восторгомъ обѣщалъ ей никогда не говорить съ той, которую она могла считать своей соперницею, и они помирились. Надолго ли?.....

– Что вы тамъ долго шептались съ ней въ углу? спросила Лидія.

– Мы говорили о дѣлахъ, отвѣчалъ графъ.

– Ты никогда не говоришь со мною о дѣлахъ.

– Тебѣ было бы весьма скучно слушать, другъ мой.

– Конечно! Я такъ вѣтрена и легкомысленна, что со мной, кромѣ о нарядахъ и балахъ, не можетъ быть разговора!

– Не то, мой другъ..... Эхъ, право ты меня мучишь!

– Я тебя мучу?.... Я тебя мучу?....

Она зарыдала съ признаками такого отчаянія, что мужъ испугался и не зналъ что дѣлать.

Цѣлые часы проходили въ подобныхъ жалобахъ, пока, утомленный и измученный, мужъ не взялъ шляпы и ушелъ искать въ другомъ обществѣ, разсѣян-

ности и покоя. Возвращаясь домой, онъ часто встрѣчалъ новыя жалобы. Если бы это своенравіе было постоянно, графъ Б***, вѣроятно, скорѣе свергнулъ бы иго. Но часто, когда онъ ожидалъ слезъ и упрековъ, его встрѣчала нѣжнѣйшая улыбка, – и кто изъ смертныхъ, будь онъ даже мужъ изъ мужей, могъ устоять противъ этой очаровательной улыбки. Онъ еще сильнѣе цѣловалъ свои оковы.

—

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Она была неторопліва,
Нехолодна, неговорлива;
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ подражанья на успѣхъ,
Безъ притязательныхъ затѣй:
Все было тихо, просто въ ней.
ПУШКИНЪ.

Въ одинъ вечеръ графъ Б***, ожидая весьма сомнительнаго пріема, задумчиво возвращался домой, и входя въ гостиную, нашелъ жену свою съ княгиней.

«Слава Богу!» подумалъ онъ: «при гостяхъ покрайней-мѣрѣ не будетъ слезъ.» И въ самомъ дѣлѣ прелестница, земной ангелъ, томно протянула ручку и нѣжно вымолвила:

– Откуда такъ поздно, бѣглецъ?..... Вообрази, милая, я его не видала съ самаго утра!

– Я замедлилъ у Вилонова, отвѣчалъ мужъ.

– Какъ! Вилоновъ пріѣхалъ? Когда? Съ женою? Ты ее видѣлъ?.....

– Какова она? Хороша ли? Умна? Любезна? въ одинъ голосъ спросили Лидія и княгиня.

– Тише, тише, отвѣчалъ графъ, улыбаясь. Говорите и спрашивайте по очереди.

– Хороша ли она? сказала Лидія.

– Она не имѣетъ ничего примѣчательнаго въ чертахъ; но лице ея выразительно.

– Ну, да! Выраженіе всегда красота тѣхъ, у кого ея нѣтъ.

– Умна? спросила княгиня.

– Если вѣрить выраженію лица и ея вниманію къ разговорамъ другихъ, она должа быть не глупа. Впрочемъ она не говорлива, сколько могъ я замѣтить.

– Краснорѣчивое молчаніе, сказала насмѣшливо княгиня.

– Имѣетъ ли дарованія?

– Не знаю. Объ нихъ не было рѣчи.

– Ужъ вѣрно учена?

– На этажеркѣ лежали книги на разныхъ языкахъ. Не знаю, ея ли, или Вилонова.

– Что жъ она тебѣ сказала?

– Право не помню. Она приняла меня ласково, дружески, какъ стараго знакомца; разговоръ ея пріятенъ, но въ немъ нѣтъ ничего рѣзкаго, даже примѣчательнаго.

– Мужчины не умѣютъ замѣчать! Завтра поѣду я сама къ ней. Посмотримъ это осьмое чудо.

– Ты напрасно ожидаешь отъ нея чудеснаго, сказалъ графъ. Она просто, кажется, добрая, милая женщина. Впрочемъ ты предупредила мою просьбу, другъ мой. Я именно хотѣлъ тебя просить оказать ей всѣ возможныя ласки, и благодарю тебя за доброе намѣреніе.

– Благодарить меня не за что, отвѣчала Лидія: я ѣду изъ одного любопытства.

Мужъ закусилъ себѣ губы.

– Надобно непремѣнно дать ей вечеръ, сказала Лидія.

– Жаль, что великимъ постомъ не танцуютъ.

– Тѣмъ лучше, сказала княгиня. Мы ее заставимъ говорить.

— Такъ рѣшено; у насъ будетъ раутъ. Теперь надобно только назначить день. Въ понедѣльникъ мнѣ нельзя.

— Во вторникъ я дала слово, сказала княгиня.

— Среда, четвергъ и пятница у насъ дни постоянные. Въ субботу!

— Нельзя ли въ воскресенье? спросилъ мужъ, хотя его голоса никто не спрашивалъ. Въ субботу вечеромъ я занятъ дѣлами.

— Пустое, другъ мой! Ты видишь, что нѣтъ другаго дня въ недѣлѣ. Отложи свои дѣла: ты меня одолжишь.

Послушный мужъ согласился.

Наступилъ желанный день. Залы освѣтились; вездѣ цвѣты, вездѣ благоуханіе; блескъ, роскошь, счастіе. Въ серединѣ главной пріемной, на четыреугольномъ патѐ, окружающемъ великолѣпную вазу, наполненную рѣдкими растѣніями, сидѣла молодая хозяйка. Блистательный нарядъ еще возвышалъ ея прелести. Она взглянула на большое зеркало, поправила локонъ, протянула ножку, и гордо улыбнулась.

«Неужто воспитанная въ деревнѣ провинціалка осмѣлится со мою сразиться?» думала она.

Колокольчикъ зазвенѣлъ, и, ранѣе нежели мода позволяетъ, явилась княгиня Д***; за нею угрюмый, дряхлый князь.

— Ты видишь, что я не опоздала, сказала она. Надѣюсь, что наша пастушка еще не пріѣхала. Дай на себя налюбоваться. Vous êtes belle comme le jour!

Начали съѣзжаться. Каждый новый гость повторялъ Лидіи въ разныхъ словахъ то же самое. Зала быстро наполнялась. Дипломаты, франты, дѣвицы, женщины извѣстныхъ лѣтъ, женщины лѣтъ неизвѣстныхъ, генералы, адъютанты, надушеные офицеры и выбритые какъ зеркало старики. Все ходитъ, все кланяется, все дуется, все толпится и старается вырваться изъ тол-

пы. Здѣсь тѣсно сомкнутый кружокъ дѣвицъ, причесанныхъ à la juive, à la grecque, à la gottique, перебираютъ портфели съ гравюрами и ловятъ, сквозь потупленныя рѣсницы, суженыхъ и несуженыхъ жениховъ. Тамъ суетливыя маменьки слѣдуютъ попечительнымъ взоромъ за всѣми движеніями богатыхъ молодыхъ людей. На роскошномъ патѐ, вокругъ плѣнительной хозяйки, сидѣли молодыя законодательницы береговъ – Невы, холодныя, прекрасныя и прекрасно расписанныя картины, въ которыхъ жизнь оказывается одною только презрительною улыбкою или однимъ легкимъ пожиманіемъ снѣжныхъ плечъ, обнаженныхъ до самаго краю возможи..... до самыхъ пятъ! Толпа молодыхъ людей стояла противъ этой живой галлереи. Нѣкоторые выступали изъ своихъ рядовъ, чтобы низко поклониться какой-нибудь особенной звѣздѣ; посмѣлѣе даже дерзали молвить слова два три. Однимъ только устарѣлымъ дипломатамъ дозволенъ доступъ къ этимъ неприкосновеннымъ красавицамъ; а на завтрешнемъ балѣ неприкосновенныя красавицы будутъ вертѣться до-упаду съ этимъ самымъ офицеромъ, котораго теперь не удостоиваютъ взгляда, и просидятъ полтора часа въ мазуркѣ съ каммеръ-юнкеромъ, которому сегодня едва кланяются.

– Почему сегодня хозяйка противъ обыкновенія суетлива? спросила дама въ черномъ беретѣ у стоявшаго подлѣ молодаго человѣка.

– Она кого-то ждетъ.

– Кого жъ?

– Молодую Вилонову, и могу вамъ сказать, по секрету, не съ самымъ благимъ намѣреніемъ.

– А вы почему знаете? Развѣ вы выучились читать въ сердцахъ женщинъ? Трудная наука!

– Я случайно встрѣтилъ графиню Лидію у княгини Л***, третьяго дня, и, не будучи чародѣемъ, могъ

отгадать по ея словамъ, что она не весьма доброжелательна къ новопріѣзжей.

Бѣдная, молодая женщина! Сердечно жалѣю о тебѣ. Новое лицо въ свѣтѣ – настоящая находка для злословія. Это добыча общества, на которой позволено суетности изощрять злость свою. Ее, какъ плѣнницу дикаго народа, пригвоздятъ къ стѣнамъ гостиныхъ и залъ, и каждый воленъ метать въ нее то острую стрѣлу насмѣшки, то ядовитую клевету. И не думайте защищать ее, если не хотите не только обратить удары на себя, но даже удвоить страданія злополучной жертвы. Счастливы тѣ, которымъ удастся проскользнуть безъ замѣчанія и занять тихомолкомъ назначенное себѣ мѣсто! Но вотъ колокольчикъ прозвенѣлъ два раза. Вниманіе!

Молодая, робкая женщина вошла, и, краснѣя приблизилась къ хозяйкѣ. Графиня приняла ее отлично. Княгиня, женскимъ взглядомъ, – тѣмъ взглядомъ, который я съ вами, прекрасныя мои читательницы, такъ хорошо понимаемъ, и который для грубаго глаза мужчинъ всегда останется непостижимою тайною, – окинула ея нарядъ. Онъ былъ такъ простъ, что не на чемъ было остановиться. Ее посадили на завѣтномъ мѣстѣ, между двухъ красавицъ. Глаза и лорнеты молодыхъ людей обратились на Вилонову, и скоро опустились: краска робости, эта краска, которая дѣлаетъ насъ на-минуту чѣмъ-то истинно волшебнымъ, прошла, а спокойное пріятное лицо пріѣзжей не стоило примѣчанія. Глаза и лорнеты опустились. Мода не произнесла еще объ ней своего приговора. До этого приговора говорить съ нею, значило бы – «себя окомпрометировать».

– Представлена ли она ко двору? спрашивали у хозяйки вполголоса нѣкоторыя изъ сословія Эксклюзивныхъ.

– Нѣтъ еще, отвѣчала графиня Лидія. Вилоновъ

кажется, и не намѣренъ ее вывозить. Они здѣсь не надолго.

– Prince!..... arrangez-nous donc une mouche, сказала эксклюзивная вопросительница, и скоро Вилонова нашлась одна на диванѣ.

Хозяинъ подсѣлъ къ ней.

– Другъ мой, сказала, мигомъ подходя къ нимъ, Лидія: князь Л–овъ желяетъ имѣть партію въ вистъ. Ты ни кѣмъ не занимаешься!

Мужъ долженъ былъ оставить жену своего друга, и пошелъ усаживать стариковъ.

– А мнѣ надо заглянуть, что въ той комнатѣ дѣлается.....

И хозяйка ускользнула.

Эмилія была опять одна. Вилоновъ подвелъ къ ней нѣсколько своихъ пріятелей, и скоро составился маленькой кругъ, въ которомъ разговоръ былъ живъ и веселъ. Лидія издали увидѣла это своимъ быстрымъ, орлинымъ взглядомъ, и покраснѣла отъ досады. Ничтожная Вилонова разговариваетъ съ умнѣйшими людьми общества, и, – посмотрите-ка! – разговариваетъ весело и свободно.

– Votre protégée a du succès, сказала ей дама въ черномъ беретѣ.

– Кто вамъ сказалъ, что она моя protégée?

– Я такъ думала. Вѣдь мужья ваши большіе пріятели?

– Что же изъ этого слѣдуетъ?

– О, ничего! Впрочемъ, если моя опытность меня не обманываетъ, я предсказываю ей успѣхъ въ обществѣ.

– Вы, можетъ-быть, правы, отвѣчала Лидія: если его можно пріобрѣсть бойкостью. Для такой молодой и неопытной женщины разговаривать такъ смѣло съ толпою мужчинъ – значитъ брать успѣхъ приступомъ.

– А я полагаю, что она объ немъ и не думаетъ. По-моему это вѣрный способъ успѣвать.

– Посмотримъ, отвѣчала съ досадою хозяйка.

Она подошла къ Эмиліи, и, подъ предлогомъ показать ей кабинетъ, увела ее въ другую комнату.

– Сядемъ здѣсь, на диванѣ, сказала она ей ласково. Cathérine, и для тебя есть мѣсто. Messieurs, возмите стулья.

На столикѣ, передъ диваномъ лежало нѣсколько книгъ; Англійскіе альманахи съ гравюрами; модный журналъ, новый французскій романъ. Эмилія смотрѣла на гравюры.

– Что вы теперь читаете, спросилъ хозяйку молодой графъ X***, который пишетъ Французскіе стишки и жестоко корчитъ литератора.

– Кромѣ романовъ, ничего. Вы знаете, я невѣжда, и невѣжда чистосердечная. И признаюсь, ненавижу ученыхъ женщинъ. Это настоящая язва! Всегда жеманны, краснорѣчивы до удушья, судятъ обо всемъ на пропалую, всѣхъ поправляютъ, всѣхъ осуждаютъ. Того и смотри, что попадешь къ нимъ или въ романъ или въ записки. Избави меня, Богъ, отъ ученыхъ женщинъ!

– Вы говорите объ нихъ, вѣроятно, по наслышкѣ, сказалъ улыбаясь Вилоновъ. Описаніе ваше имѣетъ всю прелесть воображенія. Мы до-сихъ-поръ на Руси свободны отъ этой заразы.

– Тѣмъ лучше! Я бы съ родною сестрой раззнакомилась, если бы подозрѣвала въ ней ученость, отвѣчала графиня. Но не сказала ли я глупости?..... Я теперь вспомнила, что жена ваша слыветъ ученою.

– Слышишь, Эмилія, какое на тебя обвиненіе?

Эмилія покраснѣла.

– Я даже не понимаю этой книги, сказала она, показывая на Англійскій Keepsake.

— Языки позволены женщинамъ, подхватила хозяйка. Это входитъ въ составъ хорошаго воспитанія.

— Вообще, можно, кажется, имъ дозволить и познанія, сказалъ улыбаясь Вилоновъ: по-крайней-мѣрѣ тѣ, которыя пріобрѣтаются чтеніемъ и для которыхъ нуженъ одинъ лѣнивый досугъ.

— Потому-то я и говорю объ языкахъ, отвѣчала Лидія, забывъ, что сама называла себя невѣждою. Нѣтъ ничего пріятнѣе въ свѣтѣ, какъ читать писателей на ихъ собственномъ языкѣ и вникать въ духъ авторовъ разныхъ народовъ. — Какой переводъ замѣнитъ вамъ этотъ подлинникъ? продолжала она указывая на Байрона. — Какъ я жалѣю, что вы его не понимаете, продолжала она, обращаясь къ Вилоновой.

— Съ помощію мужа я надѣюсь научиться со временемъ, отвѣчала Эмилія.

— Но вы, конечно, знакомы съ новыми Французскими произведеніями?

— Мужъ мнѣ запретилъ новые Французскіе романы, и я не любопытна знать эту литературу, отвѣчала Эмилія съ простотою.

— Запретилъ! Слышишь, Cathérine? Какое жестокое слово въ устахъ новобрачной! И вы слушаетесь мужа?

— Разумѣется, сказала Эмилія.

— Поздравляю васъ съ покорною женою, сказала Лидія обращаясь къ Вилонову. Признаюсь, я бы не подчинилась подобнымъ запретамъ. Вы, стало, считаете свою жену совершеннымъ ребенкомъ?

— Какъ ты думаешь, Эмилія? Отвѣчай за меня.

— Не совсѣмъ, сказала Эмилія, начиная подозрѣвать недоброжелательство хозяйки. Не совсѣмъ! Владиміръ считаетъ себя опытнѣе меня и не хочетъ, чтобы я теряла время свое безъ цѣли.

— Прекрасно! Благодарите княгиня; это для насъ всѣхъ урокъ. Но, какое бы вы имѣли обо мнѣ мнѣніе,

не могу не признаться, что вопреки всѣхъ запрещеній, а можетъ-быть и назло имъ, я бы на вашемъ мѣстѣ прочла какое-нибудь изъ этихъ страшныхъ произведеній. Знаете ли, Вилоновъ, что это настоящее тиранство, неслыханное дѣло, требовать повиновенія въ первомъ мѣсяцѣ женидьбы?

– Черезъ годъ было бы поздно, отвѣчалъ шутливо Вилоновъ. Впрочемъ, я никогда не запрещалъ, а только совѣтовалъ.

– Это дѣло другое. Совѣтовъ можно слушать или не слушать. Я завтра же пришлю вамъ «Лелію».

– Благодарю, отвѣчала Эмилія: я ея читать не буду. Для меня совѣтъ мужа – законъ. Вамъ должно быть понятнѣе нежели кому-либо, что для женщины – повиноваться тому, кого она любитъ, есть величайшее благополучіе. – Владиміръ, продолжала она, обращаясь съ шуткою къ мужу: въ тотъ день, когда ты перестанешь быть тираномъ, я перестану тебя любить.

– У каждаго свой вкусъ, сказала хозяйка, краснѣя. Я не создана быть рабою, и никогда не уступлю никому права судить и дѣйствовать по внушенію собственнаго ума и разсудка. Поступать иначе значило бъ признать себя слабою и неспособною.....

Въ эту минуту, она, взглянувъ на своего мужа, встрѣтила его взоръ, и въ первый разъ прочла въ немъ гнѣвъ и негодованіе. Лидія содрогнулась.

Она любила своего мужа; она вышла за него по склонности, и если бы онъ, въ первое время замужства, менѣе баловалъ ее, если бы онъ умѣлъ употребить во-время власть свою, графиня Лидія, изъ своенравной женщины, могла бы сдѣлаться доброю и любезною женою. Есть нравы женскіе, на которыхъ баловство не имѣетъ вліянія, для которыхъ каждое снисхожденіе составляетъ новое побужденіе къ благодар-

ности, новую причину любви; но эти нравы рѣдки: они принадлежатъ необыкновенной глубинѣ чувствъ, душевной простотѣ и врожденному смиренію. Графиня Лидія не была изъ числа этихъ скромныхъ фіалокъ. Чувствительность ея сосредоточивалась болѣе въ нервахъ пылкой головы нежели въ сердцѣ. Она, какъ всѣ женщины живаго но поверхностнаго ума, полагала свою славу въ управленіи, въ супружескомъ самодержавіи, и, вкусивъ разъ сладость власти, готова была употребить всѣ способы, чтобы удержать ее за собою. Другой образъ поведенія со стороны ея мужа увеличилъ бы любовь ея всею силою уваженія и даже нѣкотораго страха, потому что благая природа вложила въ наше женское сердце любовь ко всему твердому, рѣшительному, справедливому; она же намъ внушила и неограниченное презрѣніе къ слабости и малодушію.

═

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

И путаетъ, и вьется, и ползетъ;
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! Змѣя!

Пушкинъ.

На другой день раута графиня Лидія сидѣла въ глубокой задумчивости у камина своего кабинета. Графъ выѣхалъ рано по утру, въ первый разъ съ нею не видавшись. На часахъ, надъ каминомъ, золоченный амуръ стрѣлкою показывалъ два часа, а мужъ еще не возвращался.

– Что такъ задумчива? спросила, входя къ ней, княгиня. Раутъ твой удался совершенно. Я пріѣхала поздравить тебя съ успѣхомъ во всѣхъ родахъ, и нахожу тебя въ уныніи?

– Я устала отъ вчерашняго жару..... и отъ скуки, прибавила Лидія, запинаясь.

– Не правда, ma belle amie; не жаръ, и не скука, а что-то у тебя на сердечкѣ лежитъ.

– Признаюсь тебѣ, я не видала еще сегодня мужа.

– Такъ вотъ причина грусти! Какая пара голубковъ!

– Въ первый разъ я вчера видѣла его сердитымъ, и впервый разъ онъ выѣхалъ, не сказавъ мнѣ куда, и даже не видавшись со мною.

– И ты это позволяешь? Я думала, что ты лучше употребила свое время, и что мужъ твой уже не смѣетъ сердиться. Зачто жъ всестрашный гнѣвъ его?

– Да за эту несносную Эмилію!

– Ее надо уничтожить, согнать съ большаго свѣта, если она помѣха твоему счастію. Надо осмѣять ее; восхищеніе мужчинъ бледнѣетъ и исчезаетъ передъ смѣшнымъ, а *его* привести въ должное повиновеніе, чего бы то ни стоило.

– Даже его любви? робко спросила Лидія.

– Если ты робѣешь, если ты властью готова жертвовать пастушеской страсти – дѣло другое. Ступай, проси у мужа милостиваго прощенія, покорствуй не только ему, но и друзьямъ его, и женамъ друзей его: только тогда не жалуйся. Повѣрь мнѣ, эта Эмилія хитрѣе, нежели ты думаешь. Она завладѣла Вилоновымъ вѣрнѣе и полновластнѣе нежели ты графомъ. И чтобы еще болѣе утвердить свою власть, она хочетъ заманить въ тѣ же сѣти твоего мужа, какъ лучшаго его друга. Какъ ты, съ твоей проницательностью, ничего этого не примѣчаешь? Впрочемъ, со стороны всегда виднѣе.

– Вижу, все вижу! И во что бы то ни стало, уничтожу эту коварную женщину. Во что бы то ни стало! Я утвержу свое владычество, хоть бы на развалинахъ любви и счастія.

– Ну вотъ и прекрасно! Я люблю рѣшительность. И повѣрь мнѣ, побѣда останется за тобою. Для сохра-

ненія любви въ сердцахъ мужчинъ иногда нужно мѣриться силой съ ними. Страсть безъ всякаго противорѣчія часто засыпаетъ. И такъ война! Только осторожно. Особливо побольше хладнокровія. Прощай, моя душа! Лучше, чтобъ насъ вмѣстѣ не застали. Не забудь, что завтра мой день. Пріѣзжай; мы можетъ-быть успѣемъ поболтать.

Мужъ пріѣхалъ и былъ принятъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало.

– Мы завтра у Вилоновыхъ, не правда ли? спросилъ онъ Лидію.

– Нѣтъ, мы у княгини, былъ короткій отвѣтъ.

– Но ты, кажется, обѣщала Эмиліи пріѣхать на ея музыкальный вечеръ?

– Обѣщала, но раздумала. Я забыла, что это день княгини Катерины.

– Ты такъ часто бываешь у княгини, другъ мой, что можно было бы пожертвовать для меня однимъ разомъ. Это первый вечеръ Эмиліи, и я бы весьма желалъ, чтобъ ты туда поѣхала.

– А я бы весьма желала, чтобъ ты поѣхалъ къ княгинѣ: ты у нея одинъ только разъ былъ.

– Что мнѣ у нея дѣлать? Князь ведетъ пребольшую игру, которой я терпѣть не могу, а прочее общество мнѣ совсѣмъ не по вкусу.

– Тѣмъ не менѣе я ѣду къ нимъ завтра, сказала рѣшительно Лидія, надѣвая перчатки. Прощай, мнѣ пора ѣхать.

Она бросила ему поцѣлуй, и припѣваючи, исчезла.

На другой день мужъ и жена сохраняли глубокое молчаніе о спорномъ предметѣ. Оба были веселы и любезны, говорили много; но ни слова о княгинѣ и объ Эмиліи.

– Пора одѣваться, сказала Лидія, вынимая миніатюрные часы, и ушла къ себѣ.

Окончивъ свой нарядъ, она вошла въ кабинетъ мужа. Графъ Б*** читалъ въ углу.

– Всегда блистательна и прекрасна, сказалъ мужъ. Постой, дай поправить фермуаръ. Вотъ такъ; теперь пора.

– Еще рано, отвѣчала Лидія. Княгиня принимаетъ послѣ концерта.

– Развѣ ты ѣдешь не къ Эмиліи?

– Развѣ ты не къ княгинѣ?

– Рѣшительно нѣтъ.

– А я рѣшительно да.

– Какъ хочешь; я далъ слово Вилонову, и ты тоже. Какой вздоръ! Велика бѣда, что ты пропустишь одинъ четвергъ у своей княгини.

Позвольте пропустить супружескій споръ каждый изъ васъ, любезные читатели и прекрасныя читательницы, или по опыту или по наслышкѣ знакомъ съ этими междоусобными враждами, которыя еще скучнѣе Русской исторіи въ эпоху удѣльной системы. Кончилось слезами и спазмами.

Притворщица! скажете вы, – то есть тѣ изъ васъ, которые, имѣя въ своемъ мужскомъ тѣлѣ вмѣсто нервовъ мѣдныя проволоки, не знаютъ раздражительности мягкихъ женскихъ нервовъ и не постигаютъ почти чудеснаго дѣйствія надъ ними живаго, возбужденнаго противорѣчіемъ, воображенія. Отнюдь не притворщица! Судорожныя движенія Лидіи были непритворныя: ея слезы были слезы досады; ея спазмы были настоящія спазмы, въ которыхъ вся Медико-хирургическая Академія не нашла бъ ни какого порока. Хлопотъ было много съ этими слезами и спазмами. Мужъ всячески старался ее успокоить, но не перемѣнилъ своего намѣренія. Когда спазмы утихли и она успокоилась, онъ взялъ шляпу и уѣхалъ.

– Коварный!!....

На другой день треугольная Французская записка потребовала скораго присутствія княгини. Лидія заперлась съ нею, и разговоръ продолжался болѣе часу. Во все это время мужъ не былъ допущенъ. Наконецъ княгиня Л*** уѣхала, и графиня Лидія приказала сказать графу, что онъ можетъ ее видѣть, — если ему угодно. Она лежала въ низкихъ длинныхъ креслахъ; полузакрытыя сторы придавали ей нужную блѣдность: на столикѣ стояла хрустальная граненая кружка съ сахарной водою; возлѣ кружки графинчикъ съ fleur d'oranger.

— Каково тебѣ, мой другъ? спросилъ заботливо мужъ.

Она кивнула головою.

Онъ взялъ ея руку и нѣжно поцѣловалъ.

— Моя милая Лидія, если бы ты знала, какъ ты меня огорчаешь! Ради Бога, съ нынѣшняго дня будемъ жить какъ благоразумные люди, а не какъ дѣти.

— Съ нынѣшняго дня я буду во всемъ вамъ покорна, отвѣчала Лидія.

— Я не требую и не желаю покорности, душа моя, а прошу только снисхожденія другъ къ другу.

— Я признаю себя виноватою, отвѣчала Лидія. Я воображала, что любовь моя могла дать мнѣ право имѣть голосъ въ нашемъ домѣ и порой вамъ противорѣчить, когда мнѣ казалось, что вы неправы. Я воображала, что привязанность ваша ко мнѣ довольно велика, чтобы принять мои совѣты и не скучать моими словами. Мнѣ казалось, что автоматъ, что кукла, которая не имѣетъ ни воли, ни мнѣнія, не можетъ долго нравиться умному и образованному человѣку. Я ошиблась. Съ этихъ поръ вы найдете во мнѣ все, чего вы желаете, то есть, безусловную покорность.

Окончивъ эту торжественную рѣчь, она склонила

голову на кресла, и, какъ-будто утомленная усиліемъ, закрыла глаза.

– Помиримся, моя милая Лидія! сказалъ мужъ. Ты не въ духѣ сегодня, мы въ другой разъ возобновимъ нашъ разговоръ. Хочешь, чтобы я тебѣ читалъ? Вотъ новый романъ; говорятъ, интересный.

– Какъ вамъ угодно, былъ покорный отвѣтъ.

– Можетъ-быть, чтеніе тебя утомляетъ. Ты хочешь отдохнуть?

– Какъ вамъ угодно.

– Я тебя оставлю: ты, можетъ-быть заснешь?

– Какъ вамъ угодно.

Бѣдный мужъ тяжело вздохнулъ.

– Вилоновы у насъ хотѣли завтра обѣдать, продолжалъ онъ. Ты вѣроятно будешь еще слаба: не отказать ли имъ?

– Какъ вамъ угодно.

– Милая Лидія! ты меня изъ терпѣнія выводишь.

– Мнѣ очень жаль, что я на васъ угодить не могу, отвѣчала она тѣмъ же тихимъ, безвыразительнымъ голосомъ.

– Прощай покамѣстъ, сказалъ онъ, пожимая плечами и ушелъ.

«Этотъ капризъ не продолжится», думалъ онъ; но онъ ошибался, какъ всегда ошибаются мужья. Лидія замѣтила, сколько холодность ея была ему несносна, и она продолжала свою роль. Къ несчастію, ей вздумалось, что томность и задумчивость идутъ къ правильнымъ чертамъ ея лица, и она удержала это выраженіе и въ обществѣ. Скоро слухъ разнесся, по милости княгини, что Лидія несчастна въ домашнемъ быту.

Старухи качали головою, глядя на графа: онѣ начали замѣчать, что онъ часто съ Эмиліею танцуетъ и часто ѣздитъ къ Вилонову. Молодые люди начали окружать прекрасную Лидію усерднѣе и смѣлѣе, и прекрасная Лидія, повинуясь своей суетности и ша-

губнымъ совѣтамъ, слушала ихъ привѣтствія и, казалось, вздыхая, сравнивала общее обожаніе съ холодностью мужа.

– Ну, воля ваша, не вѣрю я этимъ слухамъ, отвѣчала однажды та же дама, которую видѣли вы на раутѣ въ черномъ беретѣ, на усердное шептанье своей пожилой сосѣдки.

– Какъ хочешь, милая; но княгиня должна знать: она дружна съ графиней Лидіею.

– И терпѣть не можетъ графа.

– За что жъ бы она его ненавидѣла?

– За то, что хотѣла его обожать и за него выйти.

– И, вздоръ какой!

– Нѣтъ, не вздоръ, а сущая правда. Вы знаете въ какомъ она положеніи осталась послѣ перваго мужа? Помните ли, что она во всемъ нуждалась, даже въ добромъ имени? Сѣти молодой вдовушки были предметомъ насмѣшекъ всего общества. Она только-что не поселилась у покойной тетушки графа Б***, у которой я, по выходѣ изъ Института, жила до пріѣзда матушки. Pour avoir deux cordes à son arc, она въ случаѣ неудачи съ графомъ, мѣтила и на Вилонова. Одинъ уѣхалъ въ чужіе краи, а другой, прельстясь красотою и блескомъ графини Лидіи, женился на ней. Вы, которые такъ знакомы съ свѣтомъ, можете легко заключить, что княгиня ни тому ни другому простить не можетъ.

– Можетъ-быть; но тутъ что-то разстроилось. Воля ваша, посмотрите, какъ графиня Лидія грустна.

– Да; въ толпѣ молодыхъ людей.

– Княгиня сама мнѣ говорила, что даже здоровье ея начинаетъ разстроиваться.

– Вѣрю; отъ безпрестанныхъ баловъ и, можетъ-быть, отъ капризовъ, хотя говорятъ, что капризы необходимы красавицамъ, какъ вода для рыбъ.

– Но это достовѣрно, что графъ Б*** провожаетъ цѣлые дни у Вилонова, и вы видите, какъ онъ явно льнетъ къ Эмиліи.

– Я вижу только, что онъ танцуетъ съ ней мазурку.

– И съ какимъ жаромъ говоритъ!

– Вы правы. Этого довольно, чтобы дать поводъ къ сплетнямъ. Праздность большаго общества – ненасытное чудовище : оно пожираетъ всѣ возможныя нелѣпости; злословіе съ тѣмъ же хладнокровіемъ играетъ доброю славою молодой женщины какъ смѣшнымъ нарядомъ или неловкою осанкою. И нѣтъ пощады; и нѣтъ милости. Посмотрите на эту скромную, робкую Эмилію: едва шесть мѣсяцевъ, какъ она замужемъ; она еще обожаетъ мужа; она ему всѣмъ одолжена. И что жъ? нѣсколько словъ коварной женщины, – и вы сомнѣваетесь въ ея чистотѣ. О! клевета, клевета. Видала я женщинъ высокой добродѣтели, увядающихъ подъ ея ядовитымъ дыханіемъ, низверженныхъ съ высоты счастія въ бездну горести.....

– Comme vous étes pathétique, ma chère! сказала пожилая сосѣдка. Впрочемъ Вилоновъ на-сихъ-дняхъ увозитъ жену въ деревню, и тѣмъ все кончится. Хотите партію въ вистъ? Намъ четвертаго недостаетъ.

– Благодарствую, я не играю.

Въ той же залѣ, въ углу, прислонясь къ мраморной колоннѣ, сидѣла прекрасно-задумчивая Лидія.

– Графиня, одинъ туръ, полутуръ. – Я у ногъ вашихъ. – Осчасливте – и прочая, и прочая, – говорили ей молодые танцоры.

– Я устала. – Я нездорова. – Мнѣ танцы надоѣли, было отвѣтомъ. – Когда эта мазурка кончится? продолжала она, обращаясь къ молодому человѣку, который, упріютившись въ углу за ея стуломъ, игралъ ея вѣеромъ. Она больше часа продолжается!

– Для меня не болѣе пяти минутъ. Неужели вы ѣхать хотите?

– Конечно; я только жду, чтобы мужъ мой пересталъ танцовать.

– Это отъ него зависитъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Онъ начинаетъ мазурку.

– Прощай, Лидія! сказала подходя къ ней княгиня. Да какъ ты блѣдна и задумчива! Хочешь, я тебя завезу?

– Нѣтъ, я дождусь мужа.

– А онъ опять танцуетъ съ Эмиліею! C'est trop fort! шепнула *вслухъ* пріятельница, и ушла.

=

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Fare thee well, and, if for ever,
Then for ever fare thee well!
BYRON.

– Этотъ узоръ лучше всѣхъ, говорила Эмилія своему мужу, упираясь на его плечо: и я по немъ вышью тебѣ прекрасную шапочку.

– Владиміръ балуетъ жену свою, сказала мать Эмиліи почтенному старику, отцу Вилонова.

– Благодаря счастливому нраву и вашему воспитанію, это сдѣлать мудрено, отвѣчалъ старикъ, съ умиленіемъ глядя на дѣтей своихъ.

– Не сглазьте! возразила, грозя пальцемъ, Эмилія. Если счастіе можетъ кого избаловать, быть мнѣ избалованной: конечно, на свѣтѣ нѣтъ счастливѣе меня женщины.

– И достойнѣе своего счастія, сказалъ, обнимая ее, Вилоновъ.

– Льстецъ!

– Совсѣмъ нѣтъ! Кто умѣетъ цѣнить свое благополучіе, кто полагаетъ его въ истинныхъ наслажденіяхъ, тотъ его достоинъ.

– И тотъ его сохранитъ, прибавилъ отецъ Вилоновъ: потому что въ самыхъ бѣдствіяхъ здравый раз-

судокъ и довольный нравъ найдетъ себѣ утѣшеніе. Въ самыхъ бѣдствіяхъ онъ насладится съ благодарностью тѣми мгновенными удовольствіями, которыхъ самая суровая судьба намъ не отказываетъ.

– Ахъ, гости! сказала Эмилія, услышавъ подъѣхавшій къ крыльцу экипажъ. Какъ *скушно!*

– Нѣчего дѣлать, прибавилъ Вилоновъ. И мнѣ досадно. Намъ такъ хорошо въ нашемъ маленькомъ кругу.....

Двери торопливо отворились, и графъ Б*** бросился на шею своему другу.

– Какими судьбами залетѣлъ ты къ намъ? спросилъ Владиміръ послѣ первыхъ привѣтствій. Гдѣ твоя жена?

– Вѣроятно на дорогѣ въ чужіе краи, былъ короткій отвѣтъ.

Всѣ молчали.

– А ты?

– Я ѣду въ Москву.

– Гдѣ же вы соединитесь? спросила Эмилія.

– Надѣюсь, нигдѣ и никогда.

Вилоновъ отвелъ его въ кабинетъ. Пробывъ наединѣ болѣе часу, они вышли оба разтроганные и печальные. Графъ простился, и уѣхалъ.

Зная ваше ужасное любопытство, любезные читатели повѣстей, я увѣрена, что вы непремѣнно хотите знать, что довершило полноту горькой чаши графа. Сказать по совѣсти – капля злости и зависти, которую онъ примѣтилъ въ сердцѣ своей блистательной супруги. Ея гоненіе на робкую и скромную Эмилію открыло ему глаза. Обще съ княгиней она употребляла всѣ средства, чтобы сѣять подозрѣнія, подкапывать ея доброе имя, дѣлать ее посмѣшищемъ общества. И то самое самолюбіе, которое его ослѣпляло, пока онъ считалъ себя предметомъ страсти своей Лидіи, дало ему силу, какъ скоро онъ увидѣлъ себя иг-

рушкою двухъ хитрыхъ женщинъ, свергнуть съ себя постыдное иго. Онъ изъяснился съ Лидіею, преставилъ ей всю низость ея поступковъ и вредъ, который ея связь съ княгиней непремѣно навлечетъ на нее. Тщетно! Она была обиженная; Эмилія была хитрая, лукавая женщина; Вилоновъ былъ злѣйшій врагъ ся. – И вы должны выбирать между ими и мною, сказала она рѣшительно мужу.

– Постойте, графиня! отвѣчалъ мужъ. Мнѣ, а не вамъ, предлагать условія. Если вы хотите, что бы мы продолжали жить подъ одной кровлей, вы должны разорвать дружбу съ княгиней. Ея поведеніе, всегда сомнительное, сдѣлалось такимъ, что молодая женщина не можетъ, не теряя добраго имени, продолжать связей съ нею. Вы это знаете лучше нежели кто-либо. Я вамъ даю цѣлый день на размышленіе. Вечеромъ вы мнѣ дадите отвѣтъ.

Онъ ушелъ.

Она ушамъ своимъ не вѣрила. Такія слова въ устахъ ея мужа, ея любовника, ея раба! Нѣтъ это сонъ! «Онъ воображаетъ испугать меня!» думала она. Какой вздоръ! Настала минута установить мою власть и утвердить ее навсегда. Но если..... Быть не можетъ! Онъ слишкомъ въ меня влюбленъ, чтобы со мною разстаться». И демонъ тщеславія представилъ ей въ лживомъ зеркалѣ воображенія всю ея красоту. Онъ утаилъ отъ нея, что впечатлѣніе красоты надъ чувствами мужчины притупляется современемъ, что послѣ шести мѣсяцевъ супружества, – по врожденной добротѣ сердца, я полагаю самый длинный срокъ, чтобъ не было спору, – нѣтъ красавицы для мужа, и что капризы и безпрерывное своенравіе затмили бы соединенныя прелести всѣхъ Грацій и все, что воображеніе поэтовъ произвело обворожительнаго. Но здравый смыслъ, который одинъ могъ бы открыть эти великія истины брака, или никогда не существо-

валъ подъ черными кудрями Лидіи или такъ давно исчезъ, что и слѣда не оставалось. Правда, звучалъ въ глубинѣ сердца слабый, тихій голосъ упрека, но она такъ разучилась слушать его, онъ такъ заглушался самолюбіемъ и суетностью, что объ этомъ голосѣ и упоминать не стоитъ.

Вечеръ насталъ. Лидія, услышавъ шаги мужа, сѣла къ піано и, какъ бы неумышлено, продолжала вальсъ. Онъ подошелъ къ ней, и пальцы ея задрожали.

– Веселые звуки предвѣщаютъ веселый образъ мыслей, сказалъ онъ, глядя пристально ей въ глаза. Условія мои приняты?

Она заиграла еще сильнѣе, еще веселѣй.

– Я думаю, что мои слова заслуживаютъ нѣкотораго отвѣта.

– Трррррррррра!...трр...трр...трррраа!!

– Принято ли вами, графиня, мое условіе, я спрашиваю?

– Вы ошибаетесь, графъ! Мое рѣшеніе не поколебимо. Трр....трр....трррр....тр....тр....трррр.....

– Слѣдственно для лукавой, злой и, можетъ-быть, развратной женщины, вы готовы жертвовать семейнымъ счастіемъ и привязанностью своего мужа? Этаго я не ожидалъ!

– Для меня княгиня Катерина не зла и не хитра. А привязанность, для которой могутъ быть условія, не стоитъ ни какой жертвы.

– Такъ, кончено?

– Кончено.

– Лидія! постой, образумься .....

И голосъ его дрожалъ.

«Онъ меня еще любитъ,» думала она. «Онъ мнѣ будетъ покорствовать.»

– Вспомни всю мою любовь: неужели она недостойна довѣренности? Вспомни клятву, произнесенную передъ алтаремъ: неужели тотъ, кто тебя такъ

страстно любилъ, потребуетъ отъ тебя напрасной жертвы? Развѣ твое счастіе, твоя добрая слава, не дороже мнѣ самого себя? Могу ли видѣть это счастіе добычею коварной женщины? Могу ли видѣть добрую твою славу, первое сокровище женщины, помраченною, твое имя въ устахъ каждаго повѣсы?..... Потому что дружба твоя съ княгиней уже уничтожила семейный нашъ покой, и непремѣнно доведетъ тебя до краю пропасти. Лидія! сжалься надъ своей молодостью, надъ твоей красотою. Что съ тобой будетъ, когда, разставшись со мною, ты явишься въ свѣтѣ одна, безъ защиты, безъ подпоры? когда на тебя обрушатся бурныя тучи жизни? Гдѣ найдешь ты отъ нихъ пріютъ? Всѣ, даже тѣ, и всего болѣе тѣ, которые теперь тебѣ льстятъ, которые тебя одобряютъ, будутъ указывать на тебя пальцемъ и говорить: «Она сама виновата». Лидія, ради прежней, горячей любви нашей, сжалься надъ собою, образумься!

– Вы правы, графъ, когда говорите о любви нашей въ прошедшемъ. Если бы она еще существовала въ вашемъ сердцѣ, вы бы надо мною сжалились и принесли мнѣ ту самую жертву, которой отъ меня требуете.

– Пеняйте на своенравіе и капризы ваши, на козни вашей пріятельницы, если любовь эта въ самомъ дѣлѣ охладѣла.

– Зачѣмъ вы не укротили этого своенравія? Зачѣмъ удовлетворяли капризамъ, если они вамъ не нравились?

– Это правда. Мнѣ надобно было желѣзною рукою править вашимъ нравомъ, въ самомъ началѣ уничтожить пагубную дружбу, которая основана на одной суетности и страсти къ злословію. О прошедшемъ говорить теперь поздно. Будущее впереди. Еще разъ, принимаете ли вы мои условія?

– Никогда!

Глаза его засверкали гнѣвомъ.

— Графиня!..... вы свободны. Ничто меня не заставитъ возвратиться.....

Дверь затворилась, и Лидія осталась одна.

Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи представить вамъ отвѣтъ княгини Л*** на письмо Лидіи, въ которомъ она описывала ей эту сцѣну и возвѣщала намѣреніе прожить у ней нѣсколько времени передъ отъѣздомъ въ чужіе краи.

«Не могу сказать тебѣ, моя милая Лидія, сколько письмо твое меня и удивило и огорчило. Не ожидала я такаго конца такъ удачно начатому дѣлу, и ты напрасно ждешь отъ меня похвалы; тѣмъ менѣе могу тебя одобрить, что ты меня вмѣшала въ это непріятное произшествіе. Я всегда предвидѣла, что пылкой нравъ твой и, позволь тебѣ сказать, несоразмѣрное тщеславіе повредятъ твоему счастію. Не обманывай себя мечтой, — мнѣніе свѣта будетъ противъ тебя; зная графа, никто его не обвинитъ, никто не повѣритъ, чтобы съ нимъ нельзя было ужиться. Не могу утаить отъ тебя, что въ послѣднее время, послѣ отъѣзда Вилоновыхъ, общее мнѣніе, особливо въ нѣкоторыхъ кругахъ, начинало быть противъ тебя. Говорили — Она разыгрываетъ роль несчастной жертвы, а между-тѣмъ слушаетъ не безъ вниманія молодыхъ людей, — и даже называли того, который всѣхъ болѣе и успѣшнѣе къ тебѣ льнетъ. Словомъ, я совѣтую, если возможно, затушить это несчастное дѣло. Мужъ мой и слушать не хочетъ, чтобы ты у насъ гостила; и какъ сердце мое ни разрывается, я принуждена отказать себѣ въ удовольствіи видѣть тебя передъ твоимъ отъѣздомъ. Мы обѣ ошиблись, милая Лидія! Тебѣ одной, какъ подругѣ въ томъ же несчастіи, могу я открыть свое семейное положеніе. Не я, а князь самовластенъ въ моемъ домѣ. Этого я, выходя за него, никакъ не ожидала: напротивъ, я полагала, что старость, недостатокъ ума, покорятъ его мнѣ совершенно. Онъ тупъ и упрямъ, а съ упрямымъ глупцомъ никто на свѣтѣ не совладѣетъ. Эта скупость, которою я пренебрегала и даже полагала въ числѣ моихъ оружій противъ него, до такой степени изсушила и окаменила

его сердце, что ни слова, ни просьбы, ни ласки, ни угрозы, на него не дѣйствуютъ. Всѣ чувства, всѣ доказательства привязанности, скользятъ по немъ какъ по льду, и я совершенно потеряла надежду взять надъ нимъ ту власть, которая казалась мнѣ столь вѣрною. Послѣдніе годы молодости моей увядаютъ возлѣ стараго кощея, и даже утѣшенія — «лить слезы сквозь золото», мнѣ не остается, потому что его богатство для меня какъ-бы не существовало, а здоровье его такъ сильно, сложеніе такъ крѣпко, что онъ меня, нѣтъ сомнѣнія, переживетъ. Чтобы довершить картину, нѣкоторые неосторожные съ моей стороны поступки, весьма простительные въ моемъ положеніи, дошли до него и служатъ теперь ему предлогомъ оставить службу и запереть меня въ деревню. Послѣ этого, могу ли я не сказать, что въ твоемъ положеніи я бы себя вела совсѣмъ иначе? Прости, дай тебѣ, Богъ, счастья.»

Какое впечатлѣніе это письмо произвело на Лидію и на что она рѣшилась, я поистинѣ не знаю, — не слыхала! Знаю только, что на другой день, кто-то, случайно заглянувъ въ ея кабинетъ, видѣлъ на письменномъ ея столѣ запечатанное письмо:

«Его Сіятельству

Милостивому Государю

Графу Александру Львовичу

Б***.

въ Москвѣ.»

—

АЛЕКСАНДРА С***.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

НУЖДА ПЛЯШЕТЪ,

НУЖДА СКАЧЕТЪ, НУЖДА ПѢСЕНКИ ПОЕТЪ.

=

ПОСЛОВИЦА, Г. ТЕОДОРА ЛЕКЛЕРКА.

=

Дѣйствующія лица.

ГОСПОДИНЪ ДАЛЕНЪ.
ГОСПОЖА ДАЛЕНЪ.
ГОСПОЖА БЛОНДО, ея мать.
ДОКТОРЪ.
ГОРНИЧНАЯ госпожи Даленъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ спальнѣ госпожи Даленъ.

=

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГОСПОЖА ДАЛЕНЪ, ГОСПОЖА БЛОНДО.

Г-ЖА БЛОНДО. Изъ всего, что ты говоришь, дитя мое, я вижу, что тебѣ, просто, все наскучило.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ужъ сказали бы, маменька, что я сама всѣмъ наскучила!

Г-ЖА БЛОНДО. Нѣтъ; когда ты бываешь съ людьми, которые, кажется тебѣ, заслуживаютъ твоего вниманія, ты съ ними весела и любезна. Не могу сказать, чтобы у тебя не вырвалось иногда кое-какихъ словъ безъ смысла, но это бываетъ со всякимъ, кто захочетъ черезъ чуръ много говорить.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Покорно благодарю.

Г-ЖА БЛОНДО. Почему ты нынче ничего не читаешь?

г-жа даленъ. Что читать? Все, что теперь ни выходитъ въ Парижѣ, такъ усыпительно!

г-жа блондо. Читай старыя книги.

г-жа даленъ. Куда какъ весело!

г-жа блондо. Ну, а музыка?

г-жа даленъ. Фортепіано въ гостиной. Ходить туда, чтобы побренчать минутъ десять, не стоитъ труда.

г-жа блондо. Такъ вели поставить здѣсь.

г-жа даленъ. Моя комната, и безъ того, довольно загромождена.

г-жа блондо. Почему ты не вышиваешь, не вяжешь?

г-жа даленъ. Все это можно найти въ магазинахъ готовое и лучше, нежели какъ я могла бы сдѣлать.

г-жа блондо. Но ты работала бы только отъ скуки.

г-жа даленъ. Опять скука! Да съ чего вы взяли, маменька, что я скучаю?

г-жа блондо. Ты безпрестанно зѣваешь.

г-жа даленъ. Я зѣваю?

г-жа блондо. Даже въ театрѣ.

г-жа даленъ. Отъ жару!

г-жа блондо. И въ обществахъ?

г-жа даленъ. Пріятны нынѣшнія общества! А особливо, какъ они веселы!

г-жа блондо. Постой! погоди! Ты, кажется, и сію минуту хочешь.....

г-жа даленъ. Охъ, маменька, не сердитесь! Это отъ желудка.

г-жа блондо. Мнѣ кажется, душинька, что ты не слишкомъ счастлива.

г-жа даленъ. Насилу-то догадались!

г-жа блондо. Если бы ты провела свою молодость по-моему, сидя дома, хлопоча за хозяйствомъ съ утра до вечера.....

г-жа даленъ. У васъ, по-крайней-мѣрѣ, былъ мужъ, который вамъ нравился.

г-жа блондо. Ты опять за мужа! Но кто тебѣ велѣлъ за него выйти? Не сама ли ты его выбрала? Надо быть справедливою. Вспомни, какъ ты мнѣ тысячу разъ твердила:

«Не выйду ни за кого кромѣ брата Лизы! Если меня не отдадутъ за брата Лизы, я просижу въ дѣвкахъ.»

г-жа даленъ. Да, я очень любила Лизу, въ то время, но теперь мы съ ней не видимся.

г-жа блондо. Что же я, по-твоему, должна была сдѣлать?

г-жа даленъ. Я въ то время была такъ еще молода!..... Ребячество!..... Вамъ не надо было меня слушать.

г-жа блондо. Вотъ ужъ это не хорошо, что ты такъ говоришь, дитя мое! У бѣдной матери была одна дочь; эта дочь не даетъ ей покоя, всякую минуту пристаетъ къ ней съ просьбою о мужѣ, который впрочемъ былъ очень приличенъ.....

г-жа даленъ. Да! насчетъ денегъ.

г-жа блондо. Нѣтъ. И насчетъ родства, и насчетъ воспитанія.....

г-жа даленъ. Не знаю.

г-жа блондо. Какъ не знаешь? Тебѣ извѣстно, что мужъ твой прекрасный человѣкъ?

г-жа даленъ. О, я увѣрена, что мой мужъ человѣкъ служащій, дѣловой, отличный: онъ весь въ бумагахъ, знакахъ отличія, подрядахъ, откупахъ, поставкахъ; покупаетъ дешево, продаетъ всегда съ выгодой, слѣдитъ всякій малѣйшій поворотъ дѣлъ; подъ судомъ ни когда не будетъ: однимъ словомъ, прекрасный барышникъ! Но развѣ этого достаточно для сердца?

г-жа блондо. Ты меня огорчаешь.

г-жа даленъ. Успокойтесь, маменька. Мы съ нимъ уже поняли другъ друга, и приняли каждый свои мѣры. Мы рѣшились жить въ согласіи и не безпокоить другъ друга своими чувствованіями.

г-жа блондо. Этаго мало для домашняго благополучія. Посмотримъ, чего еще ты могла бъ пожелать. У тебя есть карета, есть ложа, есть дача, прекрасный домъ въ городѣ...

г-жа даленъ. И все тутъ!

г-жа блондо. Неужели мало?

г-жа даленъ. Конечно. Я, напримѣръ, хотѣла бы перемѣнить свое серебро.

г-жа блондо. Оно всего три года какъ у тебя. Я подарила его тебѣ въ то самое время, какъ ты выходила замужъ.

г-жа даленъ. Слава Богу, три года замужства: это ужасно старо! Мнѣ хотѣлось бы перемѣнить также мебель.... хотѣлось бы..... Вотъ видите, маменька, ужъ если перемѣнять, такъ мнѣ хотѣлось бы перемѣнить и мужа.

г-жа блондо. Перестань, другъ мой! Ты, вѣрно, шутишь. Можно ли такъ жестоко наказывать бѣдную мать за ея баловство!

г-жа даленъ. Вы сердитесь? Этого еще не доставало къ моему несчастію!

г-жа блондо. Нѣтъ, другъ мой, я не сержусь; но посуди сама, въ какое положеніе ты меня приводишь.

г-жа даленъ. А какъ, вы думаете, была ли бы я счастливѣе?

г-жа блондо. Не знаю. Однако поговоримъ серьозно. Ты хочешь перемѣнить мужа? Что жъ! перемени его.

г-жа даленъ (*съ живостью*). Какъ же это сдѣлать, маменька?

г-жа блондо. Попробуй быть съ нимъ понѣжнѣе.

г-жа даленъ. Только-то! Въ этомъ состоитъ весь вашъ совѣтъ?

г-жа блондо. Кажется, онъ не дуренъ.

г-жа даленъ. Разумѣется. Но поэтому вы думаете, что я до-сихъ-поръ не была нѣжна съ своимъ мужемъ?

г-жа блондо. Ты меня не понимаешь. Я хочу, чтобъ вы сошлись и жили по-прежнему. Вашего образа жизни нельзя назвать супружествомъ. Есть люди, которые живутъ въ тысячѣ верстъ другъ отъ друга, а все не такъ разлучены между собою, какъ вы, живучи въ однихъ комнатахъ, одинъ здѣсь, а другой въ другомъ концѣ дома.

г-жа даленъ. Но что жъ изъ этого будетъ, если мы сойдемся въ одинъ конецъ дома?

г-жа блондо. Можетъ-статься, Богъ дастъ вамъ дитя.

г-жа даленъ. Ха, ха, ха!

г-жа блондо. Только одно дитя: видишь, что я не слишкомъ честолюбива.

г-жа даленъ. И вы думаете, что это было бы хорошо?

г-жа блондо. Увидишь. Это перемѣнитъ все твое существованіе. Тогда, по-крайней-мѣрѣ хоть что-нибудь станетъ тебя занимать, хоть что-нибудь обратитъ на себя твою привязанность.

г-жа даленъ (*взявъ руку матери*). Развѣ у меня нѣтъ васъ? Развѣ вы меня не занимаете? Развѣ я не привязана къ вамъ всей душою?

г-жа блондо. Все это такъ, моя милая; но рѣдко любятъ мать съ такой нѣжностью, какъ дитя. Дитя, обязанное тебѣ жизнью, которое развивается при твоихъ глазахъ, котораго ты всегда видишь, замѣчаешь, какъ оно растетъ, какъ способности его образуются по-немногу.... ахъ, тутъ множество наслажденій, и всегда новыхъ! Ты не можешь этого чувствовать; это неизъяснимо. Вотъ доказательство того, какова сила материнской любви: хотя ты, шалунья, много причиняешь мнѣ горя, а у меня все-таки не достаетъ духа бранить тебя!

г-жа даленъ (*улыбаясь*). Я не думала, что это вамъ такъ трудно.

г-жа блондо. Не хочешь ли ты сказать, что я въ самомъ дѣлѣ тебя браню?

г-жа даленъ. Пойдемте въ садъ, маменька.

г-жа блондо. Кажется, намъ хорошо и здѣсь.

г-жа даленъ. Нѣтъ, тамъ лучше.

г-жа блондо. Ты хочешь сказать, что лучше говорить о другомъ?

г-жа даленъ. По-несчастію, нашъ теперешній разговоръ не можетъ имѣть ни какого слѣдствія.

г-жа блондо. А! вотъ хоть одно умное слово. «По-несчастію»! Такъ и ты сама считаешъ это несчастіемъ?

г-жа даленъ. Маменька, вы привязываетесь къ словамъ!

г-жа блондо. Ни сколько. Если бы ты захотѣла, слѣдствіе, о которомъ ты говоришь, не было бы невозможно. Чего я отъ тебя требую? Чтобы ты была немножко понѣжнѣе съ своимъ мужемъ! Будь съ нимъ хоть такъ, какъ ты бываешь съ посторонними.

г-жа даленъ. Да посторонніе, маменька, очень любезны!

г-жа блондо. А я, такъ часто не понимаю ни слова, что они говорятъ. Но ты одобряешь ихъ улыбками, и я всегда думаю, что не они, а я виновата въ томъ, что ихъ не понимаю.

г-жа даленъ. Это, маменька, молодые люди, прекрасно воспитанные, и которые живутъ въ свѣтѣ.

г-жа блондо. Которые однако заставляютъ тебя зѣвать! Ахъ, дитя мое, все это мыльные пузыри, и тутъ нѣтъ прямаго благополучія! Ты такъ умна, что тебя не могутъ долго забавлять эти куклы. Подумай же хорошенько о своемъ домашнемъ быту; прогони этотъ рой пустыхъ вѣтренниковъ, которые даютъ дурной видъ всякому дому, гдѣ они ни заведутся; замѣни ихъ людьми степенными. Когда ты сойдешся съ мужемъ, тебѣ это будетъ очень легко. А надобно, чтобы мужъ былъ голова въ домѣ, чтобы онъ всегда былъ хозяинъ твоего общества, потому что, безъ него, подозрителенъ всякій гость, который ѣздитъ къ молодой женщинѣ.

г-жа даленъ. Я подумаю объ этомъ, маменька; непремѣнно подумаю; только, пожалуйста, поговоримте объ чемъ-нибудь другомъ.

г-жа блондо. Если бы ты произвела меня въ бабушки, я бы отъ радости съ ума сошла.

г-жа даленъ. Вы меня пугаете!

г-жа блондо. Тебѣ хочется перемѣнить мебель и серебряную посуду? Изволь, я перемѣню тебѣ все.

г-жа даленъ. Милая маменька!

г-жа блондо. Ну, что же, душенька, ты постараешься?

г-жа даленъ. Постараюсь, маменька.

г-жа блондо. Не знаю, кто говорилъ мнѣ о твоемъ мужѣ очень много хорошаго; помню однако, что какой-то человѣкъ, знающій въ этомъ толкъ.

г-жа даленъ. Очень рада.... Не смотрите же на меня такъ нахмурившись, маменька! Позвольте мнѣ сойти въ садъ: мнѣ надобно освѣжиться. Тамъ я подумаю о вашемъ предложеніи.

г-жа блондо. Какая шалунья! Ну, поди въ садъ. Я сегодня останусь у тебя обѣдать, и пока ты прогуливаешься, почитаю отъ скуки газету.

г-жа даленъ. Хорошо, маменька. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГОСПОЖА БЛОНДО, одна.

Я ее слишкомъ избаловала. Сердце доброе, а ужъ какой негодный характеръ! Никогда я не въ состояніи была дать ей порядочнаго урока. И кчему уроки! Можно ли терзать свое дѣтище, когда оно одно? *(Читаетъ газету.)* Она жалуется на своего мужа! Конечно, онъ не женихъ, онъ простой мужъ, однако за нимъ не примѣтно ни какого порока. Мужчина статный..... *(Опять читаетъ газету.)* Онъ человѣкъ старательный, служащій; наживаетъ деньги; зарылся въ откупа и спекуляціи; ума у него немного..... какъ у моего покойника. Зато у нея самой ума будетъ на двоихъ мужей..... *(Читаетъ.)* Я всегда боюсь, чтобы она не погубила себя пылкостью своего воображенія. Чего добраго! Въ нынѣшнемъ вѣкѣ женщины стали такъ слабы.... Ей непремѣнно нужны дѣти; она, кажется, будетъ добрая мать, и чувство материнской любви предохранитъ ее отъ всѣхъ ошибокъ.....

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ГОСПОЖА БЛОНДО, ДОКТОРЪ.

ДОКТОРЪ. Мое почтеніе, мадамъ Блондо! А гдѣ госпожа Даленъ?

Г-ЖА БЛОНДО. Она прогуливается по саду. Я очень рада, что встрѣтилась съ вами, докторъ: мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ слова два три наединѣ.

ДОКТОРЪ. Я совершенно къ вашимъ услугамъ.

Г-ЖА БЛОНДО. Здѣсь вышла новая исторія.

ДОКТОРЪ. Что такое?

Г-ЖА БЛОНДО. У меня съ дочерью.

ДОКТОРЪ. А! понимаю.

Г-ЖА БЛОНДО. Я все пою свою старую пѣсню.

ДОКТОРЪ. Чтобы у нихъ была одна спальня?

Г-ЖА БЛОНДО. Да, да. Ахъ, докторъ! въ этомъ только и состоятъ мои желанія!

ДОКТОРЪ. По поводу могущихъ произойти отъ *сего* разныхъ прочихъ послѣдствій?

Г-ЖА БЛОНДО. Ну, да! Согласитесь, что это очень естественно. У меня одна дочь: если я лишусь ея, что со мной будетъ?

Не говорю объ имѣніи: съищутся охотники его раздѣлить. Но не лучше ли, не пріятнѣе ли было бы видѣть, что оно идетъ по прямой наслѣдственной линіи?

докторъ. Что жъ говоритъ госпожа Даленъ?

г-жа блондо. Разумѣется, я не эти причины ей представляла: онѣ показались бы слишкомъ пошлыми ея мечтательному уму. Я все толкую ей о счастіи быть матерью; объ удовольствіяхъ, которыми наслаждаемся мы, имѣя дѣтей, и въ которыхъ, между нами сказать, много горькаго. Но я ей расписываю все блестящими красками.

докторъ. Что же она отвѣчаетъ?

г-жа блондо. Она говоритъ, что мужъ ея не любезенъ.

докторъ. Она ужъ давно это говоритъ.

г-жа блондо. Я спустила ей нѣсколько словъ насчетъ тѣхъ вертопраховъ, которые ее окружаютъ.

докторъ. Это очень хорошо.

г-жа блондо. Кажется, эти господа стараются сдѣлать Далена смѣшнымъ въ ея глазахъ.

докторъ. Ужъ вѣрно такъ.

г-жа блондо. А это еще больше ее отъ него удаляетъ.

докторъ. Разумѣется.

г-жа блондо. Вамъ не мѣшало бы поговорить съ нею, докторъ.

докторъ. Съ большимъ удовольствіемъ. Но что же я ей скажу?

г-жа блондо. Откройте ей глаза, докторъ. Вы бываете вездѣ. Развѣ нельзя чего-нибудь выдумать? Напримѣръ, что будто-бы люди говорятъ то и сё.... будто-бы дѣлаютъ замѣчанія.... что ихъ злословіе....

докторъ. Это и не совсѣмъ была бы выдумка.

г-жа блондо *(съ безпокойствомъ.)* Въ самомъ дѣлѣ?

докторъ. Успокойтесь, мадамъ Блондо. Развѣ вы не знаете, что такое люди, что такое хорошее общество? Оно мѣшается во все, перетолковываетъ по-своему всякій поступокъ. Оно живетъ сплетнями. Если нечего позлословить, такъ придумаютъ что-нибудь....

г-жа блондо. Я не понимаю, какъ моя дочь....!

докторъ. Дочь ваша испытываетъ точно то же, что я, что вы, что всѣ другіе. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

г-жа Блондо. Однако дочь моя....!

докторъ. Сколько вамъ лѣтъ?

г-жа Блондо. Странный вопросъ! Начто вамъ?

докторъ. На то, что вы, кажется, еще не знаете людей и свѣта.

г-жа Блондо. Да вѣдь непріятно же для матери такой добродѣтельной женщины....

докторъ. Но развѣ добродѣтельныхъ женщинъ не злословятъ? Ихъ-то всего болѣе и преслѣдуютъ старыя кокетки, лишь-только могутъ къ чему-нибудь придраться.

г-жа Блондо. Я вижу, докторъ, что должно, не теряя ни минуты, свести дочь мою съ мужемъ. Помогите мнѣ, пожалуйста, какъ старинный мой другъ! Несносно думать, что про дочь мою говорятъ дурно. Я возьмусь за Далена, и почти отвѣчаю за успѣхъ: онъ хотя и откупщикъ, а любитъ жену. Ее не мудрено любить, — надо ей отдать справедливость! Она бываетъ очень мила, очаровательна, когда захочетъ.

докторъ. Да; когда захочетъ.

г-жа Блондо. Я ужъ поколебала немножко ея образъ мыслей. Она обѣщала подумать.

докторъ. Обѣщала подумать?

г-жа Блондо. И довольно рѣшительно.

докторъ. Вотъ новость!

г-жа Блондо. Я пришлю ее къ вамъ. Вы увидите, что дѣло подготовлено хорошо. Только не запугайте ея; говорите съ ней поласковѣе. Она имѣетъ къ вамъ большую довѣренность, даже боится васъ, и не будетъ вамъ отвѣчать такими двусмысленностями какъ мнѣ. Воспользуйтесь этимъ, докторъ, чтобъ достигнуть нашей цѣли.... Не правда ли, что матери нетерпѣливый народъ?

докторъ. Народъ заслуживающій отличнѣйшее уваженіе, мадамъ Блондо́.

г-жа Блондо. Такъ же, какъ и доктора, мосьё Бибиру̀! Я сейчасъ пришлю ее къ вамъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

докторъ, одинъ.

Что прикажете дѣлать съ этой старухой!.... Надобно оказать ей эту услугу. Но госпожа Блондо̀ очень обманывается

насчетъ добродѣтели своей дочери. Я думаю объ этомъ иначе. Дочь ея что-то крайне томна: а всѣ эти томныя женщины мнѣ чрезвычайно подозрительны, особливо если онѣ окружены такимъ обществомъ какъ госпожа Даленъ. Хороши пріятели! все какіе-то бородатые попугаи, поэты, музыканты, сочинители романовъ и другихъ глупостей. Все la jeune France!.... Только одинъ Даленъ можетъ терпѣть эту сволочь. Видно онъ, въ самомъ дѣлѣ, по уши увязъ въ дѣлахъ, что не замѣчаетъ, какъ онъ отъ нихъ смѣшонъ. Но можетъ статься, онъ находитъ въ томъ свои выгоды.....

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ДОКТОРЪ, ДАЛЕНЪ.

ДАЛЕНЪ *(отворяя дверь)*. Жены здѣсь нѣтъ?

ДОКТОРЪ. Нѣтъ, нѣтъ; не бойтесь.

ДАЛЕНЪ. Здравствуйте, докторъ. Мнѣ надо поискать здѣсь книгу, которую вѣрно она взяла у меня изъ кабинета: у нея такая привычка. Ну, такъ и есть! Вотъ моя книга.

ДОКТОРЪ. Что же? Вы хотите итти назадъ?

ДАЛЕНЪ. Надѣюсь, докторъ, что вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, завернете ко мнѣ на минуту, когда поѣдете.

ДОКТОРЪ. Госпожа Даленъ, кажется, еще не скоро прійдетъ. Вонъ она сидитъ и разговариваетъ съ своей матушкою.

ДАЛЕНЪ. А! она тамъ. Чуть-ли не цѣлые вѣки тому, какъ мы встрѣчаемся съ ней только за столомъ.....

ДОКТОРЪ. Я хотѣлъ вамъ сказать, что меня безпокоитъ ея здоровье.

ДАЛЕНЪ. Хорошо, говорите. Только скоро, потому что я боюсь, чтобъ она меня здѣсь не застала.

ДОКТОРЪ. Это ужасно, господинъ Даленъ!

ДАЛЕНЪ. Но если у насъ ужъ заведенъ такой порядокъ.

ДОКТОРЪ. Но я вамъ скажу, какъ другъ, что этотъ порядокъ не хорошъ.

ДАЛЕНЪ. У меня нѣтъ ни желанія ни времени разъигрывать Селадона, какъ въ первое время послѣ женитьбы. Кому жъ это было бы напрасно. Жена моя привыкла умничать, вертѣть всѣмъ по-своему, вверхъ ногами. Можно ли, чортъ возьми, чтобы я съ ней жилъ въ согласіи?

ДОКТОРЪ. А ежели вамъ только такъ кажется?

ДАЛЕНЪ. Мнѣ ужъ многое кажется.... Нѣтъ, докторъ, вы не знаете, какъ дорого въ наше время быть угодникомъ своей жены. Это, просто, разорѣнье! Онѣ стали хуже любовницъ. Не вѣроятно, чего стоила мнѣ госпожа Даленъ въ продолженіе нашего, такъ называемаго, медоваго мѣсяца. Но что дѣлать? Это было необходимо, и, по ея мнѣнію, я еще долженъ былъ считать себя очень счастливымъ, если она когда изволила улыбнуться, принимая мои подарки, сюрпризы. Замѣтивши это, я умѣрилъ свои восторги. Я человѣкъ дѣловой, служащій. Скажите: развѣ я дурно сдѣлалъ?

ДОКТОРЪ. Дурно.

ДАЛЕНЪ. Дурно?

ДОКТОРЪ. Конечно, дурно. Вы богаты и всякій день еще больше богатѣете; дѣтей у васъ нѣтъ.....

ДАЛЕНЪ. Такъ что жъ? Какое изъ всего этого вы выведете заключеніе? Что я долженъ позволить сумасбродствовать и разорять себя женщинѣ, которая не знаетъ сама чего хочетъ? Послушайте, докторъ: между нами сказать, госпожа Даленъ совсѣмъ не по-мнѣ. Я хотѣлъ бы имѣть женой бабу веселую, живую, которая бы никогда не вздыхала, а, пуще того, не корчила бы изъ себя принцессы. На этомъ помѣшались нынче всѣ наши дамы: я не одинъ жалуюсь. Со времени Іюльской революціи, какъ не стало въ обществѣ настоящихъ герцогинь, всѣ купчихи хотятъ быть прямыми герцогинями. Это ужасъ! Мочи нѣтъ, любезный докторъ!

ДОКТОРЪ. Но чтобы быть веселой, живой бабой, однимъ словомъ такой, какъ вамъ хочется, первое условіе для жены — здоровье.

ДАЛЕНЪ. Развѣ она не здорова?

ДОКТОРЪ. У ней..... какъ вамъ это сказать?..... у ней слаба грудь.

ДАЛЕНЪ. Вѣрю. Оттого, что она не упражняетъ своей груди. Пока была мода кричать, она кричала громче всѣхъ, и грудь ея поддерживалась. Теперь, напротивъ, обычай хорошаго общества требуетъ, чтобы всѣ говорили шопотомъ, какъ у постели больнаго: грудь ея ослабѣла. Я это знаю. Глупо до крайности!

ДОКТОРЪ. Все-таки, повторяю вамъ, она очень нездорова.

ДАЛЕНЪ. Я подарилъ ей карету и дачу.

ДОКТОРЪ. Ей нуженъ мужъ.

ДАЛЕНЪ. Онъ есть, кажется.

ДОКТОРЪ. Будемте откровенны. Вѣдь вамъ не хотѣлось бы лишиться жены?

ДАЛЕНЪ. Я очень люблю мою тещу.

ДОКТОРЪ. А также и жену.

ДАЛЕНЪ. Моя теща, госпожа Блондò, была всегда очень хороша со мною. Она такая богатая!

ДОКТОРЪ. А вы, своимъ поведеніемъ, умножите ея богатство.

ДАЛЕНЪ. Какъ же это?

ДОКТОРЪ. Это вотъ такъ: если госпожа Даленъ умретъ, все ея имѣніе воротится къ матери, къ вашей тещѣ.

ДАЛЕНЪ. Да отчего жъ госпожа Даленъ непремѣнно должна умереть?

ДОКТОРЪ. Послушайте, почтеннѣйшій: вы знаете, что я не охотникъ разносить худыя вѣсти.

ДАЛЕНЪ. Если женѣ моей надо ѣхать на воды, скажите только!

ДОКТОРЪ. Воды тутъ не помогутъ.

ДАЛЕНЪ. Ну, а что касается до давишней вашей мысли, такъ это мысль всѣхъ вообще докторовъ. Вы, господа, обыкновенно совѣтуете одно и то же. У меня есть двоюродная сестра, которой доктора совѣтовали для здоровья имѣть дѣтей: у ней теперь девять человѣкъ, и она все-таки нездорова.

ДОКТОРЪ. Я не говорю вамъ о девяти человѣкахъ.

ДАЛЕНЪ. Если имѣть дѣтей, такъ нужно еще единодушіе въ семействѣ. А когда отецъ въ одну сторону, мать въ другую, какому добру научатся дѣти?

ДОКТОРЪ. Я разумѣю, что мужъ и жена не должны смотрѣть по разнымъ сторонамъ.

ДАЛЕНЪ. Отъ одного ребенка я бы не прочь.

ДОКТОРЪ. Это было бы обезпеченіемъ.

ДАЛЕНЪ. Я съ большимъ удовольствіемъ согласился бы даже имѣть и двоихъ.

ДОКТОРЪ. Оно еще лучше. Тогда нечего безпокоится: не тотъ, такъ другой.

ДАЛЕНЪ. А, можетъ-статься, уцѣлѣли бъ и оба.

ДОКТОРЪ. Между-тѣмъ посудите: возвращать приданное, открывать подъячимъ всѣ тайны вашихъ оборотовъ, вашего состоянія.....

ДАЛЕНЪ. Мнѣ необходимо нужно имѣть дѣтей.

ДОКТОРЪ. И я то же говорю.

ДАЛЕНЪ. Я, съ своей стороны, не чувствую ни какой холодности къ женѣ моей.

ДОКТОРЪ. Будьте увѣрены, что и она также.

ДАЛЕНЪ. Постарайтесь-ка, докторъ, узнать, ея мнѣніе на этотъ счетъ. Ежели она согласится быть умна, отказаться отъ своихъ бредней, я охотно удвою ту сумму, которую даю ей на булавки. Что сказано, то свято. Я человѣкъ дѣловой.

ДОКТОРЪ. Очень хорошо. Но чтобы начать это дѣло порядкомъ и показать ей ваше доброе расположеніе, не нужно ли.....

ДАЛЕНЪ. Что такое?

ДОКТОРЪ. Сдѣлать ей маленькой сюрпризъ. Она это, страхъ, любитъ!

ДАЛЕНЪ. Вотъ прекрасно! Вы хотите разорить меня, что ли?

ДОКТОРЪ. Это будетъ послѣдній. Мнѣ надобно же къ чему-нибудь придраться, чтобы помочь ей выйти изъ безстрастія.

ДАЛЕНЪ. А если она пріймется за свою старую привычку? Ради Бога, докторъ..... Я человѣкъ дѣловой.

ДОКТОРЪ. Не безпокойтесь

ДАЛЕНЪ. Да вы скажете ли ей, что это будетъ послѣдній сюрпризъ?

ДОКТОРЪ. Скажу, скажу.

ДАЛЕНЪ. Ну, какой же сюрпризъ.

ДОКТОРЪ. Ужъ этого-то я и не знаю. Подумайте сами, что̀ могло бы доставить ей удовольствіе.

ДАЛЕНЪ. Разумѣется то, что всего нелѣпѣе и дороже.

ДОКТОРЪ. Мы этакъ опять заспоримъ съ вами. Ну, а если она умретъ?.....

ДАЛЕНЪ. Постойте!..... Зачѣмъ ей умирать? У нея есть горничная, которой должны быть извѣстны всѣ ея прихоти.

ДОКТОРЪ. Посовѣтуйтесь же съ горничной. Это еще ни къ чему васъ не обяжетъ.

ДАЛЕНЪ. Видѣли ли вы ее когда-нибудь? Плутовка очень не дурна собою..... Она разскажетъ мнѣ всю подноготную.

ДОКТОРЪ. Ну, вотъ и дѣло!

ДАЛЕНЪ. На всякій случай я сейчасъ же съ ней поговорю. Ай, ай! жена моя идетъ изъ саду. Поскорѣе!... Ну, докторъ, попробуйте, потолкуйте; а послѣ ко мнѣ. Только чуръ не вводить меня въ большія издержки! Я полагаюсь на васъ. До свиданія! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДОКТОРЪ ОДИНЪ.

Едва-ли можно быть простѣе этого человѣка! Дѣловая тонкость не весьма тонка. Какъ скоро перемѣнились его чувства къ женѣ! Сказать правду, спекуляція, которую я предложилъ ему, стоитъ того, чтобы надъ ней похлопотать. Чтобы удержать за собою богатство, ему нѣтъ лучшаго способа какъ сдѣлаться добрымъ отцемъ и нѣжнымъ супругомъ. Но это только еще половина того, что мнѣ надо устроить: вторая половина гораздо труднѣе.... *(Задумывается).* Странная мысль!..... А что же?..... Почему знать?..... *(Смѣется).* Мнѣ не извѣстно общество госпожи Даленъ, но позволительно предположить, что между этими умниками, красавцами, поэтами, есть одинъ, который кажется ей умнѣе и лучше всѣхъ прочихъ. О томъ были слухи. Что, если онъ успѣлъ утѣшить ее въ одиночествѣ?..... и она забрела слишкомъ далеко?..... Это ипотеза, но такія ипотезы въ наше время равносильны истинѣ..... Впрочемъ, я тутъ не подвергаюсь ни какой опасности..... Можно попробовать. Увидимъ, какое будетъ впечатлѣніе.....

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ДОКТОРЪ, ГОСПОЖА ДАЛЕНЪ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Извините, докторъ. Я только сію-минуту узнала, что вы здѣсь: маменька сказала мнѣ объ этомъ послѣ всего. Куда она странна съ своей идеей! Вы знаете что это за идея, докторъ?

ДОКТОРЪ. Это материнская нѣжность.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Конечно. Но маменька иногда толкуетъ эту идею преносноcнымъ образомъ: только и твердитъ, чтобы я сошлась съ мужемъ. Разсудите насъ, докторъ!

ДОКТОРЪ. Прошу уволить меня отъ этого. Я никогда не мѣшаюсь въ семейныя дѣла, и въ такихъ случаяхъ всегда согласенъ съ тѣмъ, кто говоритъ со мною.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Слѣдовательно, вы согласились бы и съ моимъ мужемъ, если бы онъ съ вами говорилъ?

ДОКТОРЪ. Согласился бы.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. И обвинили бы меня за то, что я холодна съ человѣкомъ скучнымъ, который не умѣетъ разлить вокругъ себя ни какого очарованія?

ДОКТОРЪ. Вы жаловались на маменьку, а сами заводите рѣчь о томъ же.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Потому что мнѣ не хочется быть смѣшною въ вашихъ глазахъ.

ДОКТОРЪ. Это дѣло до меня не касается. Моя обязанность пещись о вашемъ здоровьѣ, а на все прочее я напередъ согласенъ съ тѣмъ, что вы скажете.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Это великая добродѣтель — быть такимъ безпристрастнымъ! Вы не хотите принять моей стороны противъ человѣка, котораго едва знаете, и защитить женщины, которую видѣли въ колыбели, которой мать была всегда вашимъ искреннимъ другомъ?.....

ДОКТОРЪ. Вы хотите бранить меня. Это не хорошо.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Я прощаю васъ; потому что вы худо знаете моего мужа. Но неужели вы считаете меня такой сумасбродною, что я безъ основательной причины его ненавижу?

ДОКТОРЪ. По вашей чрезвычайной нѣжности, по раздражительности вашего характера, вы могли сдѣлаться черезчуръ взыскательною. Что̀, если бы на мѣстѣ господина Далена былъ такой человѣкъ, который бы, напримѣръ, промоталъ все ваше приданое?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ахъ! это то же, что говоритъ мнѣ и маменька.

ДОКТОРЪ. Который бы явно держалъ любовницъ?

г-жа Даленъ. Этого онъ не смѣетъ сдѣлать: онъ побоится подорвать свой кредитъ.

докторъ. Не правда ли, что все это было бы гораздо поважнѣе того, въ чемъ вы его упрекаете?

г-жа Даленъ. Но по-моему, нѣтъ ничего унизительнѣе для женщины какъ имѣть мужа неловкаго, преданнаго совершенно своимъ дѣламъ, откупамъ, акціямъ, который не знаетъ ни объ чемъ, что̀ происходитъ въ свѣтѣ, не имѣетъ понятія ни о какихъ новостяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя слышитъ въ департаментѣ и на биржѣ.....

докторъ. Вы преувеличиваете.

г-жа Даленъ. Не преувеличиваю. Онъ можетъ судить только о балетѣ. Объ оперѣ, драмѣ, музыкѣ, поэзіи — и не спрашивайте! Ему понятно лишь то, отъ какихъ происшествій, сраженій, рѣчей, понижается или повышается курсъ на акціи. Если бы вы знали, какъ онъ душилъ меня своею политикою, когда у меня еще доставало терпѣнія его слушать! Бывало, хоть бѣжать, такъ въ ту пору.

докторъ. А на счетъ наружности? Я въ этомъ не знатокъ, но, кажется, онъ не дуренъ.

г-жа Даленъ. Смотря по вкусу. Если есть женщины, которыя цѣнятъ высоко свѣжій, здоровый видъ, ну, такъ я ихъ поздравляю, — у Далена видъ свѣжъ и здоровъ. Походка его не дурна, онъ хорошо одѣвается, умѣетъ употреблять слова, принятыя въ порядочномъ обществѣ для начатія съ кѣмъ-нибудь разговора, но — не дальше: какъ скоро онъ вздумаетъ поразправить свои собственныя крылья, захочетъ полюбезничать, — кончено! Видно тотчасъ, что онъ ничего не смыслитъ.

докторъ. Изъ этого я заключаю, что если бы онъ никогда не любезничалъ и не говорилъ о политикѣ, то былъ бы еще довольно пріятенъ на ваши глаза. Но поговоримте о вещахъ болѣе интересныхъ. Какъ ваше здоровье? (*Беретъ ее за руку*).

г-жа Даленъ. При такомъ расположеніи духа.....

докторъ. Оставимъ причины; будемъ говорить только о слѣдствіяхъ. Я примѣчаю въ васъ большую перемѣну. Есть ли у васъ апетитъ?

г-жа Даленъ. Со всѣмъ нѣтъ.

ДОКТОРЪ. Почиваете ли?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Очень мало.

ДОКТОРЪ. Я это угадывалъ: у васъ не свѣжи глаза.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(подбѣгая къ зеркалу)*. Не свѣжи глаза? Я не замѣчаю.

ДОКТОРЪ. А я такъ замѣчаю очень.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Но вы посмотрите хорошенько, докторъ.

ДОКТОРЪ. Если вы ихъ насильно разкроете и будете напрягать, въ такомъ случаѣ они, конечно, покажутся мнѣ прекрасными по-прежнему; но это будетъ на одно мгновеніе.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Чтобы вамъ показать глаза, надобно же поневолѣ раскрыть ихъ; а что касается до напряженія, то я не понимаю, что вы хотите сказать.

ДОКТОРЪ. Это не ваша вина: женщины никогда не показываютъ своихъ глазъ просто. Теперь — цвѣтъ лица. Не скажете ли, что и онъ также свѣжъ?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(возвращаясь къ зеркалу)*. А вы находите, что не свѣжъ?

ДОКТОРЪ. Да. Впрочемъ, можетъ-статься, я въ этомъ не знаю толку.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Кажется.

ДОКТОРЪ. Пожалуйте еще разъ вашу ручку: посмотримъ какъ пульсъ. *(Госпожа Даленъ даетъ ему руку)*. Теперь я не удивляюсь! То-то я думалъ что бы это значило?.... — не можетъ быть, что бы тутъ чего-нибудь не таилось!....

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ смущеніи)*. А что такое, докторъ?

ДОКТОРЪ *(все-еще держа ея руку)*. Ну, такъ!..... Какой же я простякъ! Вы цѣлый часъ читаете мнѣ жалобы на Далена, а я развѣсилъ уши и готовъ былъ повѣрить, что между вами Китайская стѣна!

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Что это значитъ?

ДОКТОРЪ. Ахъ, какая вы притворщица!

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Мнѣ не въ чемъ притворяться.

ДОКТОРЪ. Всѣ женщины таковы; никогда не признаются, пока не доведутъ до того, что нѣтъ возможности скрыть.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(поблѣднѣвъ со страху)*. Умоляю васъ, докторъ, говорите яснѣе!

ДОКТОРЪ. Или я ровно ничего не смыслю въ своемъ дѣ-

лѣ, или вы сію-же-минуту можете объявить своей маменькѣ и господину Далену, что желаніе ихъ исполнилось.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ни за что въ мірѣ!

ДОКТОРЪ. Напрасно. Вы, вѣрно, еще боитесь, не обманулся ли я, и не хотите обрадовать ихъ попустому.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. По-пустому или нѣтъ, только я не хочу ихъ радовать такимъ образомъ!

ДОКТОРЪ. Я побываю у васъ черезъ нѣсколько дней, и когда мы еще больше удостовѣримся, тогда дѣлайте, что̀ вамъ угодно. *(Хочетъ итти)*.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(останавливая его)*. Докторъ!

ДОКТОРЪ. Что прикажете?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Вѣдь вы не зайдете къ господину Далену?

ДОКТОРЪ. Напротивъ, онъ просилъ, чтобы я съ нимъ повидался.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ явномъ замѣшательствѣ)*. Какая скука! Не говорите съ нимъ ни слова обо мнѣ: понимаете? Даленъ, какъ всѣ ограниченные люди, довольно болтливъ и любитъ пошутить. Если вы вложите ему въ ротъ какую-нибудь плоскую шутку, онъ цѣлыя десять лѣтъ съ ней неразстанется. Дайте мнѣ честное слово, что не скажете ему ничего на мой счетъ!

ДОКТОРЪ. Я никогда не разсказываю того, чего мнѣ не позволяютъ сообщать другимъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. А на этотъ разъ я вамъ не позволю. Помните же это хорошенько!

ДОКТОРЪ. Буду, буду помнить. Это рѣшено.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(провожая его до дверей)*. Я говорю съ вами какъ-нельзя серьознѣе. Я умру, если вы скажете объ этомъ хоть слово!....

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ГОСПОЖА ДАЛЕНЪ одна; потомъ ея горничная.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ большомъ волненіи, упадаетъ въ кресла)*. Проклятый докторъ! Какъ онъ меня разтревожилъ!.... Но онъ говоритъ съ такою увѣренностью..... Не знаю что думать! *(Встаетъ и смотрится въ зеркало)*. Что̀ ему показалось въ моихъ глазахъ?..... Онъ увѣряетъ, что они не

такіе какъ обыкновенно..... И цвѣтъ лица также будто-бы необыкновенный..... *(Опять садится)*. Если онъ говорилъ только къ слову, такъ и этого довольно, чтобы свести меня съ ума. *(Щупаетъ у себя пульсъ)*. Самой у себя нельзя щупать пульса: да я и не разумѣю этого. *(Медленно встаетъ и идетъ къ окну)*. А маменька сидитъ и препокойно читаетъ! *(Звонитъ)*. Что жъ мнѣ дѣлать? Я не могу ни съ кѣмъ посовѣтоваться..... Какъ бы еще докторъ не проговорился! *(Звонитъ опять)*. Нѣтъ, нѣтъ, онъ мнѣ обѣщалъ! Это было бы гадко съ его стороны....

ГОРНИЧНАЯ. Вы изволили звонить, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Звоню цѣлый часъ. Гдѣ ты была?

ГОРНИЧНАЯ. У барина.

Г-ЖА ГАЛЕНЪ. Зачѣмъ это? что такое? объ чемъ онъ говорилъ съ тобой?.... Отвѣчай же! Докторъ у него, или нѣтъ?

ГОРНИЧНАЯ. Онъ пришелъ при мнѣ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Объ чемъ они разговаривали?

ГОРНИЧНАЯ. Ни объ чемъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Совсѣмъ не разговаривали?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ, разговаривали, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Такъ объ чемъ же?

ГОРНИЧНАЯ. Баринъ спрашивалъ у доктора объ васъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ну?

ГОРНИЧНАЯ. Докторъ отвѣчалъ, что все идетъ хорошо. Баринъ сказалъ: Слава Богу!, и послѣ этого они начали разговаривать потихоньку; только я замѣтила, что баринъ былъ очень доволенъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Былъ доволенъ?

ГОРНИЧНАЯ. Онъ потиралъ себѣ руки. Я никогда не видала его такимъ веселымъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. А ты не догадалась, отчего онъ былъ такъ веселъ?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Лжешь!

ГОРНИЧНАЯ. Ей Богу, нѣтъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Зачѣмъ же ты сюда пришла?

ГОРНИЧНАЯ. Вы изволили звонить.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Тутъ что-нибудъ кроется. Я запрѣщаю тебѣ ходить впередъ къ барину.

*

лѣ, или вы сію-же-минуту можете объявить своей маменькѣ и господину Далену, что желаніе ихъ исполнилось.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ни за что въ мірѣ!

ДОКТОРЪ. Напрасно. Вы, вѣрно, еще боитесь, не обманулся ли я, и не хотите обрадовать ихъ попустому.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. По-пустому или нѣтъ, только я не хочу ихъ радовать такимъ образомъ!

ДОКТОРЪ. Я побываю у васъ черезъ нѣсколько дней, и когда мы еще больше удостовѣримся, тогда дѣлайте, что̀ вамъ угодно. *(Хочетъ итти).*

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(останавливая его).* Докторъ!

ДОКТОРЪ. Что прикажете?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Вѣдь вы не зайдете къ господину Далену?

ДОКТОРЪ. Напротивъ, онъ просилъ, чтобы я съ нимъ повидался.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ явномъ замѣшательствѣ).* Какая скука! Не говорите съ нимъ ни слова обо мнѣ: понимаете? Даленъ, какъ всѣ ограниченные люди, довольно болтливъ и любитъ пошутить. Если вы вложите ему въ ротъ какую-нибудь плоскую шутку, онъ цѣлыя десять лѣтъ съ ней неразстанется. Дайте мнѣ честное слово, что не скажете ему ничего на мой счетъ!

ДОКТОРЪ. Я никогда не разсказываю того, чего мнѣ не позволяютъ сообщать другимъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. А на этотъ разъ я вамъ не позволю. Помните же это хорошенько!

ДОКТОРЪ. Буду, буду помнить. Это рѣшено.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(провожая его до дверей).* Я говорю съ вами какъ-нельзя серьознѣе. Я умру, если вы скажете объ этомъ хоть слово!....

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ГОСПОЖА ДАЛЕНЪ одна; потомъ ея горничная.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ большомъ волненіи, упадаетъ въ кресла).* Проклятый докторъ! Какъ онъ меня разтревожилъ!.... Но онъ говоритъ съ такою увѣренностью..... Не знаю что думать! *(Встаетъ и смотрится въ зеркало).* Что̀ ему показалось въ моихъ глазахъ?..... Онъ увѣряетъ, что они не

такіе какъ обыкновенно....., И цвѣтъ лица также будто-бы необыкновенный..... *(Опять садится)*. Если онъ говорилъ только къ слову, такъ и этого довольно, чтобы свести меня съ ума. *(Щупаетъ у себя пульсъ)*. Самой у себя нельзя щупать пульса: да я и не разумѣю этого. *(Медленно встаетъ и идетъ къ окну)*. А маменька сидитъ и препокойно читаетъ! *(Звонитъ)*. Что жъ мнѣ дѣлать? Я не могу ни съ кѣмъ посовѣтоваться..... Какъ бы еще докторъ не проговорился! *(Звонитъ опять)*. Нѣтъ, нѣтъ, онъ мнѣ обѣщалъ! Это было бы гадко съ его стороны....

ГОРНИЧНАЯ. Вы изволили звонить, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Звоню цѣлый часъ. Гдѣ ты была?

ГОРНИЧНАЯ. У барина.

Г-ЖА ГАЛЕНЪ. Зачѣмъ это? что такое? объ чемъ онъ говорилъ съ тобой?.... Отвѣчай же! Докторъ у него, или нѣтъ?

ГОРНИЧНАЯ. Онъ пришелъ при мнѣ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Объ чемъ они разговаривали?

ГОРНИЧНАЯ. Ни объ чемъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Совсѣмъ не разговаривали?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ, разговаривали, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Такъ объ чемъ же?

ГОРНИЧНАЯ. Баринъ спрашивалъ у доктора объ васъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ну?

ГОРНИЧНАЯ. Докторъ отвѣчалъ, что все идетъ хорошо. Баринъ сказалъ: Слава Богу!, и послѣ этого они начали разговаривать потихоньку; только я замѣтила, что баринъ былъ очень доволенъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Былъ доволенъ?

ГОРНИЧНАЯ. Онъ потиралъ себѣ руки. Я никогда не видала его такимъ веселымъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. А ты не догадалась, отчего онъ былъ такъ веселъ?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Лжешь!

ГОРНИЧНАЯ. Ей Богу, нѣтъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Зачѣмъ же ты сюда пришла?

ГОРНИЧНАЯ. Вы изволили звонить.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Тутъ что-нибудь кроется. Я запрѣщаю тебѣ ходить впередъ къ барину.

*

лѣ, или вы сію-же-минуту можете объявить своей маменькѣ и господину Далену, что желаніе ихъ исполнилось.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ни за что въ мірѣ!

ДОКТОРЪ. Напрасно. Вы, вѣрно, еще боитесь, не обманулся ли я, и не хотите обрадовать ихъ попустому.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. По-пустому или нѣтъ, только я не хочу ихъ радовать такимъ образомъ!

ДОКТОРЪ. Я побываю у васъ черезъ нѣсколько дней, и когда мы еще больше удостовѣримся, тогда дѣлайте, что̀ вамъ угодно. *(Хочетъ итти).*

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(останавливая его).* Докторъ!

ДОКТОРЪ. Что прикажете?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Вѣдь вы не зайдете къ господину Далену?

ДОКТОРЪ. Напротивъ, онъ просилъ, чтобы я съ нимъ повидался.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ явномъ замѣшательствѣ).* Какая скука! Не говорите съ нимъ ни слова обо мнѣ: понимаете? Даленъ, какъ всѣ ограниченные люди, довольно болтливъ и любитъ пошутить. Если вы вложите ему въ ротъ какую-нибудь плоскую шутку, онъ цѣлыя десять лѣтъ съ ней неразстанется. Дайте мнѣ честное слово, что не скажете ему ничего на мой счетъ!

ДОКТОРЪ. Я никогда не разсказываю того, чего мнѣ не позволяютъ сообщать другимъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. А на этотъ разъ я вамъ не позволю. Помните же это хорошенько!

ДОКТОРЪ. Буду, буду помнить. Это рѣшено.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(провожая его до дверей).* Я говорю съ вами какъ-нельзя серьознѣе. Я умру, если вы скажете объ этомъ хоть слово!....

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ГОСПОЖА ДАЛЕНЪ одна; потомъ ея горничная.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ большомъ волненіи, упадаетъ въ кресла).* Проклятый докторъ! Какъ онъ меня разтревожилъ!.... Но онъ говоритъ съ такою увѣренностью..... Не знаю что думать! *(Встаетъ и смотрится въ зеркало).* Что̀ ему показалось въ моихъ глазахъ?..... Онъ увѣряетъ, что они не

такіе какъ обыкновенно..... И цвѣтъ лица также будто-бы необыкновенный..... *(Опять садится)*. Если онъ говорилъ только къ слову, такъ и этого довольно, чтобы свести меня съ ума. *(Щупаетъ у себя пульсъ)*. Самой у себя нельзя щупать пульса: да я и не разумѣю этого. *(Медленно встаетъ и идетъ къ окну)*. А маменька сидитъ и препокойно читаетъ! *(Звонитъ)*. Что жъ мнѣ дѣлать? Я не могу ни съ кѣмъ посовѣтоваться..... Какъ бы еще докторъ не проговорился! *(Звонитъ опять)*. Нѣтъ, нѣтъ, онъ мнѣ обѣщалъ! Это было бы гадко съ его стороны....

ГОРНИЧНАЯ. Вы изволили звонить, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Звоню цѣлый часъ. Гдѣ ты была?

ГОРНИЧНАЯ. У барина.

Г-ЖА ГАЛЕНЪ. Зачѣмъ это? что такое? объ чемъ онъ говорилъ съ тобой?.... Отвѣчай же! Докторъ у него, или нѣтъ?

ГОРНИЧНАЯ. Онъ пришелъ при мнѣ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Объ чемъ они разговаривали?

ГОРНИЧНАЯ. Ни объ чемъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Совсѣмъ не разговаривали?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ, разговаривали, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Такъ объ чемъ же?

ГОРНИЧНАЯ. Баринъ спрашивалъ у доктора объ васъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ну?

ГОРНИЧНАЯ. Докторъ отвѣчалъ, что все идетъ хорошо. Баринъ сказалъ: Слава Богу!, и послѣ этого они начали разговаривать потихоньку; только я замѣтила, что баринъ былъ очень доволенъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Былъ доволенъ?

ГОРНИЧНАЯ. Онъ потиралъ себѣ руки. Я никогда не видала его такимъ веселымъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. А ты не догадалась, отчего онъ былъ такъ веселъ?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Лжешь!

ГОРНИЧНАЯ. Ей Богу, нѣтъ, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Зачѣмъ же ты сюда пришла?

ГОРНИЧНАЯ. Вы изволили звонить.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Тутъ что-нибудъ кроется. Я запрѣщаю тебѣ ходить впередъ къ барину.

*

лѣ, или вы сію-же-минуту можете объявить своей маменькѣ и господину Далену, что желаніе ихъ исполнилось.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ни за что въ мірѣ!

ДОКТОРЪ. Напрасно. Вы, вѣрно, еще боитесь, не обманулся ли я, и не хотите обрадовать ихъ попустому.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. По-пустому или нѣтъ, только я не хочу ихъ радовать такимъ образомъ!

ДОКТОРЪ. Я побываю у васъ черезъ нѣсколько дней, и когда мы еще больше удостовѣримся, тогда дѣлайте, что̀ вамъ угодно. *(Хочетъ итти)*.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(останавливая его)*. Докторъ!

ДОКТОРЪ. Что прикажете?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Вѣдь вы не зайдете къ господину Далену?

ДОКТОРЪ. Напротивъ, онъ просилъ, что̀бы я съ нимъ повидался.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ явномъ замѣшательствѣ)*. Какая скука! Не говорите съ нимъ ни слова обо мнѣ: понимаете? Даленъ, какъ всѣ ограниченные люди, довольно болтливъ и любитъ пошуѓить. Если вы вложите ему въ ротъ какую-нибудь плоскую шутку, онъ цѣлыя десять лѣтъ съ ней неразстанется. Дайте мнѣ честное слово, что не скажете ему ничего на мой счетъ!

ДОКТОРЪ. Я никогда не разсказываю того, чего мнѣ не позволяютъ сообщать другимъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. А на этотъ разъ я вамъ не позволю. Помните же это хорошенько!

ДОКТОРЪ. Буду, буду помнить. Это рѣшено.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(провожая его до дверей)*. Я говорю съ вами какъ-нельзя серьознѣе. Я умру, если вы скажете объ этомъ хоть слово!....

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ГОСПОЖА ДАЛЕНЪ одна; потомъ ея горничная.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(въ большомъ волненіи, упадаетъ въ кресла)*. Проклятый докторъ! Какъ онъ меня разтревожилъ!.... Но онъ говоритъ съ такою увѣренностью..... Не знаю что думать! *(Встаетъ и смотрится въ зеркало)*. Что̀ ему показалось въ моихъ глазахъ?..... Онъ увѣряетъ, что они не

такіе какъ обыкновенно....., И цвѣтъ лица также будто-бы необыкновенный..... *(Опять садится)*. Если онъ говорилъ только къ слову, такъ и этого довольно, чтобы свести меня съ ума. *(Щупаетъ у себя пульсъ)*. Самой у себя нельзя щупать пульса: да я и не разумѣю этого. *(Медленно встаетъ и идетъ къ окну)*. А маменька сидитъ и препокойно читаетъ! *(Звонитъ)*. Что жъ мнѣ дѣлать? Я не могу ни съ кѣмъ посовѣтоваться..... Какъ бы еще докторъ не проговорился! *(Звонитъ опять)*. Нѣтъ, нѣтъ, онъ мнѣ обѣщалъ! Это было бы гадко съ его стороны....

горничная. Вы изволили звонить, сударыня.

г-жа даленъ. Звоню цѣлый часъ. Гдѣ ты была?

горничная. У барина.

г-жа галенъ. Зачѣмъ это? что такое? объ чемъ онъ говорилъ съ тобой?.... Отвѣчай же! Докторъ у него, или нѣтъ?

горничная. Онъ пришелъ при мнѣ.

г-жа даленъ. Объ чемъ они разговаривали?

горничная. Ни объ чемъ, сударыня.

г-жа даленъ. Совсѣмъ не разговаривали?

горничная. Нѣтъ, разговаривали, сударыня.

г-жа даленъ. Такъ объ чемъ же?

горничная. Баринъ спрашивалъ у доктора объ васъ.

г-жа даленъ. Ну?

горничная. Докторъ отвѣчалъ, что все идетъ хорошо. Баринъ сказалъ: Слава Богу!, и послѣ этого они начали разговаривать потихоньку; только я замѣтила, что баринъ былъ очень доволенъ.

г-жа даленъ. Былъ доволенъ?

горничная. Онъ потиралъ себѣ руки. Я никогда не видала его такимъ веселымъ.

г-жа даленъ. А ты не догадалась, отчего онъ былъ такъ веселъ?

горничная. Нѣтъ, сударыня.

г-жа даленъ. Лжешь!

горничная. Ей Богу, нѣтъ, сударыня.

г-жа даленъ. Зачѣмъ же ты сюда пришла?

горничная. Вы изволили звонить.

г-жа даленъ. Тутъ что-нибудъ кроется. Я запрѣщаю тебѣ ходить впередъ къ барину.

*

ГОРНИЧНАЯ. А ежели онъ позоветъ? Я должна слушаться, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Я запрещаю! (*Она подходитъ опять къ зеркалу и смотрится*).

ГОРНИЧНАЯ (*про себя*). Подумаешь, что она ревнуетъ! А кажется, что̀ бы ей за надобность? Вѣдь она не любитъ его.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ты еще здѣсь?

ГОРНИЧНАЯ. Я жду, что̀ вы изволите приказать.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ра́звѣ я ничего не приказала?

ГОРНИЧНАЯ. Ничего, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕ́НЪ. Ну, такъ поди. Я позвонила, такъ, безъ намѣренія.

ГОРНИЧНАЯ. Вы, сударыня, кажется, нездоровы?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ (*встревоженная*). Что ты говоришь?

ГОРНИЧНАЯ. Я спрашиваю, не больны ли вы, сударыня.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Ты выводишь меня изъ терпѣнія. Поди прочь!

ГОРНИЧНАЯ (*уходя, про себя*). Она совсѣмъ помѣшалась.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ГОСПОЖА ДАЛЕНЪ одна; потомъ и самъ ДАЛЕНЪ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Никогда не поймешь, что говорятъ эти твари!..... Даленъ веселъ. Не думаетъ ли онъ ударить тревогу, совсѣмъ расторгнуть со мною?..... Но кчему это? что онъ оттого выиграетъ? Притомъ же докторъ, который ужъ тридцать лѣтъ въ короткой дружбѣ съ маменькой..... Однако тутъ что-то заводится! (*Испугавшись входящаго Далена.*) Это вы!

ДАЛЕНЪ. Прекрасный пріемъ!

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Что вамъ отъ меня угодно?

ДАЛЕНЪ. Немножко терпѣнія.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Мнѣ такъ чудно видѣть васъ у себя!

ДАЛЕНЪ. Кто же виноватъ въ этомъ?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Вы видѣлись съ докто́ромъ. Что онъ вамъ говорилъ? Я предупреждаю васъ, что онъ ошибается.

ДАЛЕНЪ. Я, напротивъ того, нахожу его слова очень дѣльными.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Да объ чемъ у васъ съ нимъ былъ разговоръ?

ДАЛЕНЪ. Вы не даете мнѣ времени говорить.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Говорите; я слушаю. Впрочемъ, ежели онъ позволилъ себѣ какія-нибудь обидныя предположенія....

ДАЛЕНЪ. Онъ все проповѣдуетъ, чтобы мы сошлись.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Вы ничего отъ меня не скрываете?

ДАЛЕНЪ. Что жъ еще онъ могъ мнѣ сказать? Я удивляюсь вашему безпокойству.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ (*про себя*). Слава Богу! онъ сдержалъ слово. (*Успокоивается.*)

ДАЛЕНЪ. Званіе стариннаго друга даетъ ему право стараться о водвореніи согласія въ нашемъ семѣйствѣ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Помилуйте, сударь! да вы пускаетесь въ нравоученія.

ДАЛЕНЪ. Какъ вамъ угодно. Однако я не скрою отъ васъ, что слова его меня поразили. Онъ правъ. Скучно быть женатымъ такъ, какъ-будто бы не женатъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. У васъ было много времени поразмыслить объ этомъ.

ДАЛЕНЪ. И я ужъ не въ первый разъ о томъ размышляю; но меня удерживала трудность завести съ вами разговоръ о такомъ предметѣ. Если бы не докторъ, я и теперь бы еще не рѣшился.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Много ему обязана.

ДАЛЕНЪ. Вы шутите, или говорите вправду?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Кажется, что вправду.

ДАЛЕНЪ. Онъ удивительно васъ хвалилъ, какія приписывалъ вамъ достоинства.....

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Удивительно? Это удивленіе очень мило съ вашей стороны!

ДАЛЕНЪ. Вы вѣчно нападаете на мои слова.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Я шучу.

ДАЛЕНЪ. Что за шутки! Вы, кажется, сердиты на доктора: я хочу вамъ доказать, что вы къ нему несправедливы. Послушать всѣ похвалы, какими онъ осыпалъ васъ, право,

не найдется мужчины, который бы не захотѣлъ на васъ жениться, не будьте вы замужемъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Скажите, зачѣмъ вы призывали къ себѣ мою горничную.

ДАЛЕНЪ. Не помню.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Безъ-сомнѣнія, разспрашивать обо мнѣ?

ДАЛЕНЪ. Прекрасно! Разспрашивать горничную! Я никогда не разспрашиваю. И что я могъ разспрашивать? Во всякомъ случаѣ, не къ ней бы надо было обратиться съ такими вопросами, потому что она васъ такъ любитъ, какъ-будто вѣкъ вамъ служила. Вы обладаете чудеснымъ даромъ привязывать къ себѣ всѣхъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Кромѣ васъ однако.

ДАЛЕНЪ *(про себя)*. Какъ она становится ласковою! *(Вслухъ.)* Мои дѣла идутъ хорошо; и если вы такъ же какъ я соскучились жизнію, которую мы ведемъ, скажите только, я готовъ сдѣлать все, чего вы ни захотите.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Но замѣтьте, что во всѣхъ этихъ словахъ нѣтъ ни на волосъ нѣжности?

ДАЛЕНЪ. Какъ мнѣ это понимать? Вы желали бы нѣжности?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Конечно.

ДАЛЕНЪ. Я ожидалъ отъ васъ однихъ упрековъ, однихъ выговоровъ, которые напередъ уже меня пугали.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Худо же вы меня знаете!

ДАЛЕНЪ. Но вы не всегда таковы, какъ теперь.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Напротивъ, всегда.

ДАЛЕНЪ. Вы обыкновенно со мною сухи, насмѣшливы.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Я насмѣшлива съ вами?.... я?

ДАЛЕНЪ. Такъ почему жъ мы съ вами живемъ на двѣ половины?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. И я васъ хочу объ этомъ спросить.

ДАЛЕНЪ. Нѣтъ, это сонъ: иначе быть не можетъ!.... Бывало, мы принимали съ вами гостей, въ первое время послѣ нашей свадьбы; потомъ вы вдругъ этого не захотѣли.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Что это за жалобы? Вздумали говорить о гостяхъ! Развѣ я не принимаю ихъ каждый день?

ДАЛЕНЪ. Вы принимаете ихъ у себя, въ своихъ комнатахъ. Это гости ваши.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(встревоженная)*. Кого я принимаю въ своихъ комнатахъ?.... Я принимаю всѣхъ въ гостиной. Прошу не обижать меня своими подозрѣніями!... Это ужасно!...

ДАЛЕНЪ. Я?..... подозрѣніями?..... Мнѣ это и въ голову не приходило! Я хотѣлъ только сказать, что общая наша гостиная остается пустой. Ко мнѣ никто не ходитъ. И кого я могу пригласить, не будучи увѣренъ, что жена моя приметъ и обласкаетъ моего гостя?.... Что̀ ни говорите, а все это очень непріятно, неловко, досадно. Человѣкъ, который желаетъ заниматься дѣлами и оборотами, долженъ быть съ покойнымъ духомъ.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ *(успокоиваясь)*. Я то же думаю.

ДАЛЕНЪ. Такъ видите ли, какъ хорошо объясниться?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Отъ этого всегда зависитъ согласіе.

ДАЛЕНЪ. Мы можемъ вести прекрасный образъ жизни: къ вамъ будутъ ѣздить люди свѣтскіе, ко мнѣ дѣловые.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Это придастъ разнообразія.

ДАЛЕНЪ. Пока вы разговариваете, мы будемъ играть; а когда подадутъ чай и мороженное *(смѣясь принужденно)*, такъ какъ чай и мороженное кушаютъ всѣ одинакимъ образомъ....

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. То обѣ половины гостей будутъ соединяться на это время.

ДАЛЕНЪ. Согласны ли вы?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Я была бы слишкомъ упряма, если бы я не согласилась!

ДАЛЕНЪ. Право?

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Вы всегда недовѣрчивы!

ДАЛЕНЪ. Оттого, что ваша физіономія вовсе неободрительна для меня. Я желалъ бы вамъ вѣрить, но, если бы вы могли видѣть свое лице, то согласились бы сами, что оно теперь точно такое, какое бываетъ подъ ту пору, когда вы надо мной насмѣхаетесь.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. У меня одно лице, кажется.

ДАЛЕНЪ. Какъ будетъ довольна ваша маменька!

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Надо надѣяться, что мы всѣ будемъ довольны.

ДАЛЕНЪ. Она всего больше желала, чтобы мы сошлись.

Г-ЖА ДАЛЕНЪ. Сошлись, говорите вы?

Даленъ. Ну, да! Вы хотѣли отъ меня нѣжности: сойтись— это очень нѣжное слово.

Г-жа Даленъ. Только слово?

Даленъ. Которое оправдается и моими поступками. Я готовъ сейчасъ дать задатокъ. Посмотрите около себя: не вздумаете ли чего такого, что могло бы доставить вамъ удовольствіе? Можетъ-статься, эта комната, хоть она мнѣ кажется очень хороша, не нравится вамъ отъ привычки. Не обновить ли намъ ее?

Г-жа Даленъ. Вы напрасно хитрите, мой другъ: вамъ меня не провести. Я никакъ не могу повѣрить, чтобы вы сами, съ перваго взгляда, проникли мое желаніе, и угадываю теперь, зачѣмъ призывали вы къ себѣ горничную.

Даленъ. А еслибъ это было и въ самомъ дѣлѣ такъ.

Г-жа Даленъ. Тогда это было бы очень вѣжливо.

Даленъ. Меня только безпокоитъ, гдѣ вы будете спать, пока мастеровые будутъ возиться въ этой комнатѣ. Я не могу предложить вамъ ничего, кромѣ своей спальни.

Г-жа Даленъ. Мнѣ не хотѣлось бы васъ тревожить.

Даленъ *(ласкаясь къ ней)*. Есть средство и не тревожить меня. Понимаешь мой другъ?

Г-жа Даленъ *(жеманясь)*. Можетъ быть!.... не знаю.

Даленъ *(ласкаясь еще больше)*. Ну, что же ты скажешь?

Г-жа Даленъ. Какъ вы торопитесь!

Даленъ. Ахъ, душинька, мнѣ кажется, что я вовсе переродился! Наконецъ я избавлюсь отъ безпокойства, отъ этихъ проклятыхъ думъ. Мы станемъ жить съ тобою, какъ всѣ добрые люди. Поцѣлуемся! *(Цѣлуетъ ее.)* Я сдѣлалъ славную спекуляцію!.... Пойду искать твою маменьку, чтобы она отъ меня перваго узнала эту новость, а потомъ велю сейчасъ же переносить твои вещи въ мою комнату, чтобы тебѣ нельзя было отъ меня увернуться.

Г-жа Даленъ. Не бойтесь этого съ моей стороны.

Даленъ. А съ моей и подавно! *(Уходитъ.)*

Г-жа Даленъ *(одна)*. Онъ хорошо дѣлаетъ, что идетъ сказать маменькѣ: она-то пуще всѣхъ будетъ рада. Что касается до меня, то мнѣ не на что больше было рѣшиться: «Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ!»

Revue de Paris.

=

КАПИТАНЪ

ОСТЪ-ИНДСКОЙ СЛУЖБЫ.

=

АНГЛІЙСКАЯ БЫЛЬ *.

=

Много писали о вліяніи заморскихъ колоній на цѣну сахару, кофе и перцу въ государствахъ, которымъ принадлежатъ этого рода владѣнія, но, сколько знаю, никто еще не разсматривалъ ихъ пользы и вредности въ отношеніи къ супружескому счастію метрополій. А, что̀ ни говорите, супружеское счастіе сто̀итъ всякаго перцу! Я это докажу однимъ изъ девяноста девяти извѣстныхъ мнѣ примѣровъ.

Мать Маріи Грей была еще молода и прекрасна собою. Марія Грей была — прелесть! Мать ея не чувствовала ни опасенія ни зависти, видя въ прелестной дочери повтореніе себя самой, — какъ бы сказало зеркало.

Капитанъ Грей, мужъ этой примѣрной матери, женился на ней, когда ей только-что минуло шестнадцать лѣтъ а онъ самъ не выходилъ еще изъ опеки. Онъ женился изъ любви, — чистой, безкорыстной, основанной на искренной и взаимной привязанности.

Мессингеръ сказалъ, что «счастіе честнаго человѣка зависитъ отъ хорошаго выбора жены, и что для этого необходимо равенство лѣтъ, званія и богатства», и я вѣрю Мессингеру. Бракъ капитана Грея, — онъ тогда былъ только поручикомъ, что̀ еще лучше для брака, — съ дочерью полковника Моргана отличался именно этимъ счастливымъ равенствомъ; ихъ лѣта, ихъ со-

* Статья Г. Гука (Hooke), автора романа Sayings and doings и повѣсти «Любовь на двухъ различныхъ ступеняхъ общества», помѣщенной въ второй книжкѣ Б. для Ч.

стоянія, степень которую они занимали въ обществѣ, были соотвѣтственны какъ-нельзя болѣе. Отецъ Грея былъ старый, храбрый воинъ, отецъ Фанни – заслуженый офицеръ. Грей былъ единственный сынъ, у отца Фанни была одна только дочь. Пылкость характера и наслѣдственная страсть къ благородному званію воина побуждали поручика продолжать службу, пока отечество имѣло нужду въ защитѣ; но послѣ Ватерлоской битвы, когда не стало съ кѣмъ драться, онъ оставилъ полкъ и воротился на родину, къ вѣрной женѣ и къ малюткѣ дочери, съ легкой раной, съ повышеніемъ чина и половиннымъ жалованьемъ.

Онъ рѣшился провести остатокъ дней своихъ, если спокойствіе Европы не будетъ нарушено, въ тихихъ удовольствіяхъ семейной жизни съ милою женою, въ занятіяхъ науками и искусствами, которыя не были ему чужды, и въ надзорѣ за воспитаніемъ единственной дочери. Едва-ли можно представить себѣ благополучіе выше того, какимъ наслаждались эти достойные супруги. Ни малѣйшая ссора не возмущала ихъ жизни; дочь ихъ годъ-отъ-году становилась лучше и милѣе, и въ шестнадцать лѣтъ она была полною красавицей. Нѣтъ нужды описывать ея прелести. Довольно сказать, что качества души и очаровательныя черты ея лица имѣли между собою поразительное сходство. Домашнее воспитаніе, подъ надзоромъ родителей, придало ей совершенства, необходимыя для общества, безъ примѣси искусства выказывать ихъ съ притворной скромностью. Въ характерѣ ея не было ничего поддѣльнаго: она почти не имѣла понятія о лукавствѣ и обманѣ, о которыхъ всѣ женщины имѣютъ нѣкоторое понятіе, и сердце ея было чисто какъ снѣгъ, только-что легшій на землю, или какъ мысль дѣвицы, которая еще никогда не мечтала о мужчинахъ.

Говорятъ, что въ солнцѣ есть пятна и что не бы-

ло еще человѣка безъ недостатка. Это ужъ сдѣлалось и пословицей. Вотъ почему и за капитаномъ Греемъ водился одинъ грѣхъ. Въ молодости онъ отличался своей раздражительностью, и это былъ единственный его порокъ. Эта раздражительность, въ нѣкоторой степени, происходила отъ привычки приказывать и отъ строгой дисциплины, къ которой слишкомъ рано его приучили. Никто болѣе его не избѣгалъ ссоръ, но онъ былъ опрометчивъ, и даже горячъ, когда сомнѣвались въ честности тѣхъ, кому самъ довѣрялъ. Сверхъ-того, онъ былъ чрезвычайно щекотливъ на счетъ своей чести, хотя рѣшительно никто не могъ упрекнуть его въ чемъ-либо недостойнымъ благороднаго человѣка. При этомъ почти болѣзненномъ состояніи души, вся молодость его прошла въ усиліяхъ покорить чувства разсудку. Ничто не должно такъ ясно убѣждать скептиковъ, – если есть еще скептики, – въ томъ сильномъ вліяніи, какое любезная и добрая женщина имѣетъ на сердце обожаемаго мужа, какъ перемѣна, которую произвело супружество въ капитанѣ. Орфей звуками своей лиры смягчалъ камни и заставлялъ утесы двигаться; Паганини разшевелилъ своимъ смычкомъ кошельки скрягъ Французовъ, – что еще труднѣе чѣмъ поднять утесы на пляску; но сладкій голосъ, и особенно примѣръ любимой жены, можетъ сдѣлать гораздо болѣе нежели эти два баснословные музыканта. Съ перваго дня супружества раздражительность Грея мало-по-малу уменьшалась, и наконецъ пылкіе порывы чрезвычайно живаго характера, какъ яркія краски новой картины, ослабѣли отъ времени и слились въ гармонію мягкихъ тоновъ: если пламя и таилось еще въ сердцѣ Грея, оно уже не проявлялось, какъ прежде, быстрыми и неправильными проблесками.

Уголокъ Англіи, гдѣ они жили, былъ настоящій земный рай. Окрестности ихъ дома были живописны.

Вообразите себѣ, на вершинѣ пригорка, изящный сельскій домъ достаточнаго Англійскаго дворянина. Изъ окошекъ видъ на югъ. Съ балкона, увитаго плющемъ, можно окинуть взглядомъ всю долину, отлично воздѣланную и усыпанную красивыми мызами: она простиралась на пятнадцать или на двадцать миль, до крутыхъ Суссекскихъ утесовъ, а за ихъ вершинами виднѣлось море свѣтлою полосою, какъ бѣлая скатерть разостланная въ концѣ сада. Домъ заключалъ въ себѣ всѣ удобства жизни, даже до роскоши. Отличная библіотека; въ кабинетѣ собранія рисунковъ, птицъ, минераловъ, раковинъ; въ саду кломбы рѣдкихъ цвѣтовъ, взлелѣянныхъ искусною рукою; все — въ соотвѣтственности разнообразнымъ познаніямъ хозяина, который, хотя и не выдавалъ себя за ученаго, зналъ болѣе многихъ записныхъ любителей наукъ. Тутъ были ружья, удочки, рогатины, — онъ былъ страстный охотникъ ловить все, что летаетъ, плаваетъ и бѣгаетъ; краски и палитра, — онъ любилъ живопись; фортепіано и флейта, — онъ былъ музыкантъ; токарный станокъ, — онъ и этимъ занимался. И еще много другихъ игрушекъ приличныхъ образованному человѣку, наполняло и украшало комнату, куда иногда приходила его милая жена съ дочерью звать его гулять или ѣздить верхомъ.

Къ концу осени, по вечерамъ, къ капитану Грею съѣзжались гости изъ окрестныхъ помѣстій и изъ города, который былъ недалѣе какъ за полторы мили: тогда Марія пѣла какъ сирена и была плѣнительна какъ сильфида. Я зналъ только одну дѣвушку,—именно Марію Грей, которой бы позволилъ пѣть въ моемъ присутствіи, если бъ она была моей невѣстой. Она даже никогда не была такъ прекрасна, какъ когда пѣла. У большей части музыкальныхъ невѣстъ пѣніе требуетъ усилія, и оно всегда ужасно портитъ выраженіе лица: при высокихъ нотахъ, когда надобно ра-

зинуть ротъ настежъ, когда голосъ вылетаетъ изъ глубины груди, глаза выкатываются, кожа напрягается на носу, – замѣтили ль вы это?..... появляются такія гримасы, что можно вдругъ разлюбить самую даже Венеру, – если у Венеры нѣтъ хорошаго приданаго. Какъ я не падокъ на деньги и какъ теперь всѣ невѣсты поютъ на-убой, то одно это и было причиною, почему я до-сихъ-поръ не женился. Я сватался шесть разъ въ жизни на удивительныхъ красавицахъ, въ которыхъ былъ влюбленъ по уши, – и, представьте себѣ, никогда не могъ натянуть своей любви выше *утъ*!.... Увидѣвши гримасу, которая раждается при этой нотѣ, я тотчасъ бралъ шляпу, уходилъ, и никогда уже въ этотъ домъ не возвращался. Но Марія Грей, какимъ-то непонятнымъ образомъ, становилась лучше собою, когда звучные, гармоническіе тоны лились сладкими потоками изъ ея ротика и розовыя губки, выказывая рядъ жемчужныхъ зубовъ, оставались неподвижными: тутъ она обращала на себя глаза всѣхъ, приковывала къ себѣ слухъ каждаго. Я часто говорилъ ея матери, что ее непремѣнно надобно было поставить [illegible] стекло съ этимъ разинутымъ ротикомъ.

Какой счастливы[illegible]ъ, какъ достойна зависти мать такой дочери! Марія была предметомъ похвалъ каждаго, потому что доброта сердца равнялась у нея красотѣ лица а умъ былъ привлекателенъ не менѣе того и другаго. Подите въ ихъ деревню, спросите объ ней, скажите ея имя, и вы увидите, какъ всѣ, старики и молодежь, подымутъ глаза къ небу и станутъ благословлять ее. Она живетъ еще въ сердцахъ тѣхъ, которые ее знали, хотя уже..... Но не надобно говорить напередъ того, что будетъ послѣ. Достойнѣйшіе, лучшіе изъ сосѣдей ее уважали и ласкали. Сверхъ-того шесть недѣль, проведенныхъ зимою въ Лондонѣ придали ей разнообразія: тогда Марія ѣзди-

ла въ гости къ родственникамъ, слушала госпожу Малибранъ, Джуліетту Гризи, синьора Този и другихъ пѣвицъ и пѣвцовъ Италіянской оперы, съ сладкимъ голосомъ и странными именами; мелькнула въ двухъ или трехъ лучшихъ обществахъ, научилась цѣнить художниковъ на выставкахъ, даже была на публичныхъ лекціяхъ и смотрѣла въ микроскопъ, отчего потомъ съ ужасомъ пила она воду изъ Темзы, въ каплѣ которой роятся тмы такихъ огромныхъ чудовищъ, и ей опротивѣлъ Французскій батистъ, который, подъ стекломъ, увеличивающимъ въ три милліона разъ, похожъ какъ-нельзя лучше на сѣть дряннаго рыбака, не умѣющаго порядочно вязать сѣти. Въ числѣ разныхъ рѣдкостей, – газель, попугаевъ, обезьянъ, удавовъ, слоновъ, – она даже видѣла въ Лондонѣ изящнаго Вашингтона Ирвинга и страшнаго О'Коннеля. Когда она увидала этого великана-возмутителя, ей опротивѣлъ и Лондонъ. Она съ радостью воротилась изъ шумныхъ сборищъ столицы въ роскошный сельскій домикъ, гдѣ вѣтерокъ дуетъ съ долины; воротилась въ свою маленькую комнатку, гдѣ ея ждали ласки собачки, щебетанье птичекъ; къ своимъ цвѣтникамъ, гдѣ только-что распустившіяся головки даліи, склоненныя къ землѣ, казалось, поздравляли ее съ возвращеніемъ.

Гдѣ цвѣтутъ розы, гдѣ лиліи благоухаютъ, туда слетаются пчелы и трутни; или, говоря безъ этихъ Восточныхъ сравненій, такъ какъ у капитана Грея была премиленькая дочка, то нѣжные обожатели повели на его домъ правильную осаду. Первый явился одинъ сосѣдъ, баронетъ; вторый былъ увядшій помѣщикъ, который изъявилъ госпожѣ Грей свое желаніе сдѣлать бѣдную Марію съ ея свѣжими щечками третьею леди Доддльтропсъ, но маменька, при содѣйствіи капитана, отразила ихъ нападенія съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Я не намѣренъ сочинять обстоятельнаго каталога всѣмъ обожателямъ Маріи, и

потому скажу общими словами, что ихъ была пропасть, но что Марія вовсе не умѣла обращаться съ ними: она нисколько ими не занималась; она, по-несчастію, не была воспитана въ модномъ пансіонѣ и не знала, что каждаго гостя должно прочить себѣ въ женихи, — какой бы онъ ни былъ, — на всякій случай.

Потомъ явился капитанъ Физъ-Патрикъ, — правда, не какъ женихъ, но можно было тотчасъ догадаться, что онъ тоже былъ влюбленъ въ Марію. Онъ имѣлъ какую-то должность въ арміи, кажется, по резервнымъ баталіонамъ или по рекрутскимъ наборамъ, что-то въ этомъ родѣ, и потому квартировалъ въ сосѣднемъ городѣ. Онъ былъ нехорошъ собою, зато чрезвычайно любезенъ, и очень нравился папинькѣ; онъ толковалъ о наукахъ, умѣлъ удить рыбу, и любилъ кататься въ лодкѣ съ капитаномъ; сверхъ-того онъ былъ хорошій стрѣлокъ, и хотя уступалъ въ этомъ папинькѣ, однако, нечего сказать, стрѣлялъ очень недурно; сверхъ-того онъ изрядно рисовалъ; сверхъ-того игралъ отлично на флейтѣ. Госпожа Грей не могла не признатся Маріи, что она еще невидала молодаго человѣка, такого ученаго и такого ловкаго. Воротясь съ охоты, капитанъ Грей однажды упросилъ капитана Физъ-Патрика остаться у него обѣдать, отослать домой лошадей и ночевать въ его домѣ; и капитанъ остался. Утромъ, капитанъ Физъ-Патрикъ всталъ рано; Марія также. Онъ зналъ нѣсколько Ботанику, собралъ травы, и принялся составлять себѣ hortus siccus: онъ клалъ въ книги листки розъ, сушилъ ихъ и наклеивалъ. Марія нарвала розъ, сѣла подлѣ него, и они вмѣстѣ стали сушить листки розъ. Тутъ пріѣхалъ верхомъ мистеръ, Мерльбери, конюшій, который въ то время крѣпко сватался на дочери своего «сосѣдушки», капитана, но ему по просьбѣ Маріи сказали, что никого нѣтъ дома, тогда какъ всѣ сидѣли въ кабинетѣ у папиньки. Когда ми-

стеръ Мерльбери, конюшій, уѣхалъ, капитанъ Физъ-Патрикъ послалъ въ свою квартиру за флажолетомъ, за электрическою машиною, за англійскимъ рожкомъ, за духовымъ ружьемъ и за краснолапой уткой, которую онъ застрѣлилъ съ мѣсяцъ тому назадъ. Когда принесли всѣ эти рѣдкости, они стали говорить про краснолапыхъ утокъ, электризовали другъ друга, играли тріо на рожкѣ, на флажолетѣ и на фортепіано; потомъ капитанъ Физъ-Патрикъ сталъ еще разсуждать о достоинствахъ и различіи между собою разныхъ школъ живописи, и говорилъ такъ хорошо, что, когда къ ночи общество разошлось по спальнямъ, капитанъ Грей объявилъ своей женѣ, что, по мнѣнію его, капитанъ Физъ-Патрикъ рѣшительно человѣкъ необыкновенный.

Въ домѣ Грея все дышало весельемъ; самый воздухъ, казалось, имѣлъ свойство веселящаго газа, о которомъ тогда такъ много говорили, и безъ-сомнѣнія разговоръ Физъ-Патрика никогда не былъ такъ блестящъ, такъ занимателенъ, какъ подъ гостепріимнымъ кровомъ родителей Маріи. Все семейство начало думать, что невозможно быть любезнѣе его. У молодаго капитана живость соединялась съ большими дарованіями; онъ не могъ говорить о несчастныхъ безъ участія, и неопытная Марія была увѣрена, что качества его души равнялись качествамъ ума, которыя у ея новаго друга были превосходныя. Грей замѣтилъ, что капитанъ Физъ-Патрикъ произвелъ сильное впечатлѣніе надъ сердцемъ Маріи, и ни сколько о томъ не безпокоился: Физъ-Патрикъ былъ военный какъ и онъ; одного съ нимъ чина; покойный дядя его служилъ когда-то съ нимъ вмѣстѣ; онъ самъ былъ сынъ почтенныхъ родителей, имѣлъ должность, какой лучше нельзя имѣть въ мирное время, и Грей, послѣ нѣсколькихъ дней короткаго съ нимъ знакомства, сказалъ своей женѣ:

— Фанни, этотъ капитанъ Физъ-Патрикъ — ловкій, образованный и любезный молодой человѣкъ! Мнѣ кажется, что онъ любитъ нашу Марію; я знаю навѣрно, что и она къ нему неравнодушна. Я тутъ не вижу ничего худаго: поговори съ ней, душинька, про это. Между нами не должно быть притворства, скажи ей; скажи, чтобъ она была откровенной; спроси, не говорилъ ли онъ ей чего-нибудь такаго. Но прежде всего, вотъ что сдѣлай..... Да впрочемъ ты сама знаешь, что сказать..... Скажи ей, напримѣръ, что она не должна ничего скрывать; если привязанность ихъ взаимна, такъ по рукамъ, и дѣло кончено.

— Мнѣ кажется, отвѣчала мистриссъ Грей, что ничего такого между ними не было. Марія вовсе не знаетъ свѣта; ей понравилась веселость нашего гостя, его разнообразныя познанія, его остроуміе, а болѣе всего, его совершенная непринужденность: она терпѣть не можетъ жеманства теперешнихъ молодыхъ людей. Но что касается до любви..... нѣтъ! она непремѣнно бы призналась мнѣ, если бы что-нибудь было у ней на сердцѣ.

— Я за это не ручаюсь, сказалъ капитанъ Грей: можетъ-быть она больна, а чѣмъ — и сама не знаетъ. Я по глазамъ больнаго сужу объ его недугѣ, и меня обмануть трудно.

Онъ не ошибался. На другой день, послѣ завтрака, Грей сбирался итти удить рыбу, а его милая жена приготовляла себѣ работу для вечера, какъ вдругъ Марія вбѣжала въ комнату, вся въ слезахъ, съ раскраснѣвшимися щеками.

Она не могла выговорить ни слова, бросилась на шею матери, и громко рыдала.

— Что съ тобой, дитя мое? сказала госпожа Грей.

Марія не могла отвѣчать.

— Говори же душа моя! Успокойся; скажи мнѣ.

– Генри, Генри! вотъ все, что могла выговорить бѣдная дѣвушка, и снова зарыдала.

– Жизнь моя, мое сокровище! сказала мать въ ужасномъ безпокойствѣ: скажи мнѣ, объясни, что случилось?

– Не знаю, отвѣчала Марія: не могу сказать; я..... мнѣ.....

И она снова заплакала. Мать, какъ ни старалась, ничего не могла отъ нея добиться.

Впрочемъ развязка приближалась. Прежде чѣмъ дѣвушка пришла въ себя, капитанъ Грей вошелъ въ комнату. Онъ уже зналъ въ чемъ дѣло, и успокоилъ жену, объяснивъ ей, что Генри Физъ-Патрикъ, какъ онъ это предсказывалъ, предложилъ Маріи свою руку, а Марія, сколько отъ нея зависѣло, согласилась.

– Боже, меня избави, продолжалъ Грей, чтобъ я противился ихъ союзу! Скажи это милой нашей дочери, когда она придетъ въ себя.

Скоро нѣжная, испуганная Марія возвратилась къ жизни и къ счастію; скоро мать объявила ей, какое сильное участіе отецъ принимаетъ въ ея благополучіи, и въ тотъ же вечеръ Генри Физъ-Патрикъ и Марія Грей были помолвлены.

Право, любо было смотрѣть на счастье этого почтеннаго капитана Грея. Онъ имѣлъ состояніе и могъ дать дочери и зятю средства жить въ достаткѣ, а по смерти его они наслаждались бы даже болѣе чѣмъ достаткомъ. Сверхъ-того онъ давалъ дочери добраго, любезнаго и молодаго мужа; себѣ – пріятнаго и веселаго друга. Марія, съ той минуты какъ Генри признался ей въ любви, совершенно перемѣнилась: нѣкоторая принужденность въ обращеніи, неизбѣжная, когда въ кругу семейства является новое лице, скоро исчезла, и Генри сдѣлался у Грея домашнимъ.

А какой вечеръ слѣдовалъ за утромъ, въ которое

все объяснилось! Генри былъ уже членомъ семейства. Грей и онъ сидѣли за столомъ долѣе обыкновеннаго; они разговаривали безъ принужденности, по-пріятельски. Физъ-Патрикъ разсказывалъ, какъ былъ добръ его отецъ, какъ его любила мать, какъ жалѣлъ онъ объ ихъ смерти, какъ онъ опредѣлился въ службу Остъ-Индской Компаніи и отправился въ Индію, чтобъ не видѣть мѣстъ, которыя раздирали его сердце воспоминаніемъ о добрыхъ родителяхъ; какъ отличился въ войнѣ противу Бирмановъ и какъ ѣздилъ на слонахъ. Сестры его вышли замужъ въ его отсутствіе, одна за Англійскаго консула въ Ріо-Жанейро, другая за офицера, тоже Остъ-Индской службы, который впрочемъ былъ мерзавецъ и имѣлъ въ Бенгалѣ другую жену: но онъ, узнавъ объ этомъ, вызвалъ его на дуэль и убилъ; теперь она замужемъ за однимъ изъ директоровъ Кантонской Факторіи. Всѣ члены его семейства нѣжно любили другъ друга, и хотя были разбросаны обстоятельствами по всѣмъ странамъ свѣта, однако питали другъ къ другу живѣйшую привязанность. Дядя любилъ его какъ роднаго сына, и ему-то онъ былъ обязанъ переведеніемъ своимъ изъ Остъ-Индской въ королевскую армію, повышеніемъ чина и выгодными мѣстами, которыя занималъ по службѣ, а этотъ дядя былъ старый сослуживецъ Грея.

Грей былъ въ восторгѣ отъ своего будущаго зятя, и, когда онъ вошелъ съ нимъ въ комнату, гдѣ ждали ихъ Марія съ матерью, врядъ-ли было въ цѣлой Англіи, со включеніемъ всѣхъ ея колоній и даже Ганновера, семейство счастливѣе этого.

Пока дѣлались приготовленія къ свадьбѣ, милый характеръ кроткой Маріи обнаруживался при каждомъ случаѣ. Самолюбіе, корыстолюбіе, все это было чуждо ея душѣ; каждая мысль, каждое слово ея, дышали довѣріемъ и невинностью; и когда наступилъ день свадьбы, вся ихъ деревня горевала, что такая

добрая, такая милая, *миссъ* не будетъ болѣе навѣщать ея жителей. Но она обѣщала воротиться и проводить бо̀льшую часть года дома, съ родными, въ этомъ пріютѣ спокойствія, радости и счастія.

Священный обрядъ совершился; Грей отдалъ сокровище своей души страстному супругу; они были счастливы; они были — одно.

Потомъ, какъ водится, пировали. Сосѣди усѣлись за роскошнымъ завтракомъ, и прежде чѣмъ молодая чета уѣхала изъ дому Грея въ городъ, провести наединѣ медовый мѣсяцъ, осушили не одинъ бокалъ за ихъ здоровье. Невозможно было, чтобы Грей и жена его не развеселились при общей радости, но когда настало время разстаться, ни Марія, ни мать ея, не могли вымолвить слова. Послѣднее — «да хранитъ тебя Богъ, моя милая!» едва было слышно за слезами; и, когда карета тронулась съ мѣста, Грей закрылъ глаза руками и упалъ на диванъ, не въ силахъ болѣе противиться горести.

Она уѣхала, — ихъ милая, единственная дочь уѣхала! Насталъ вечеръ, но куда дѣвалась улыбка кроткой Маріи, — улыбка которой они такъ любовались? куда дѣвался ея звонкій, пріятный голосъ? Все было тихо; шумъ пиршества замолкъ; тутъ стояла ея арфа подъ чахломъ; тамъ лежали ея любимыя книги въ печальномъ порядкѣ; все наводило грусть на родителей, но она, ихъ дочь, ихъ Марія, была счастлива, и жалѣть объ ея отсутствіи было бы эгоизмомъ. Они старались не жалѣть объ ней, но когда Грей пошелъ въ спальню, онъ не могъ удержаться, чтобъ не отворить двери комнаты своей дочери: онъ увидѣлъ тамъ пустоту, и вздохнулъ отъ глубины сердца.

Настало утро, но съ утромъ возобновилась и скука осиротѣвшихъ родителей. Гдѣ было милое созданіе, которое привѣтствовало ихъ, когда они утромъ приходили въ свою маленькую гостиную? Марія не бу-

детъ болѣе разливать имъ чаю! Пусть улыбнется ученый, пусть засмѣется циникъ, — вѣрьте, что неожиданная перемѣна въ обыкновенныхъ, мелочныхъ подробностяхъ нашей жизни возбуждаетъ самыя мучительныя страданія, самыя горькія чувства. Упругій умъ человѣческій сопротивляется давленію великихъ бѣдъ, закаливается въ продолжительныхъ несчастіяхъ, но онъ теряетъ всю силу въ перемѣнахъ, которыя тѣсно связаны съ ежедневными привычками. Эта милая дѣвушка, съ тѣхъ поръ какъ она начала подрастать, всегда разливала имъ чай. Не чай заставлялъ ихъ скучать, — этотъ негодный напитокъ, Китайское сѣно, налитое горячей водою, отрада кучеровъ и извощиковъ; не то, чтобы госпожа Грей не умѣла приготовлять его, какъ Марія, или чтобы не было у нихъ горничной, которая сдѣлала бы его еще лучше Маріи и самой госпожи Грей; но Марія всегда разливала чай, — это вошло въ привычку, — это былъ постоянный обрядъ ихъ домашняго быта, — это было звено цѣпи ихъ жизни. А у кого теперь ключь отъ ящика съ чаемъ? а у кого теперь сахаръ? И такъ далѣе, и такъ далѣе. Они сидѣли печальные, и не могли пить чаю; весь вкусъ этого напитка исчезъ съ ихъ дочерію; все вышло изъ порядка и досаждало имъ хуже всякой бѣды. Обѣдъ одинокій! Вечеръ, который казался Ливійской пустыней!.... Жестока участь родителей единственной дочери! Впрочемъ, они утѣшились тутъ же, за чайнымъ столикомъ, и Грей сказалъ своей Фанни: «Надобно привыкать жить безъ нея!..... Она скоро воротится. Благодареніе Богу, она счастлива, а мы проживемъ какъ-нибудь. Думали ли мы о завтракѣ твоего отца, когда сидѣли за чаемъ въ Сольтъ-гиллѣ, помнишь, на другой день нашей свадьбы?

Госпожа Грей улыбнулась, покраснѣла и поцѣловала мужа.

Три четыре дня прошло, и они стали привыкать

къ своей новой жизни; сосѣди прерывали ея однообразіе: они поочередно приглашали одинокую чету на обѣды, въ воспоминаніе событія, о которомъ добрые родители не могли не жалѣть и не радоваться.

Въ одно утро госпожа Грей получила письмо отъ своей дочери. Марія описывала въ немъ свое счастіе, свою радость быть женою Физъ-Патрика; называла его добрѣйшимъ и достойнѣйшимъ уваженія изъ людей. Отецъ, видя, что и объ немъ дочь вспомнила съ нѣжностью, нѣсколько разъ прочелъ эти строки, крѣпко сжалъ руку доброй жены, и сказалъ отъ души: «Слава Богу, дочь наша счастлива!»

Прошла одна недѣля изъ положенныхъ четырехъ медовыхъ. Молодые супруги весело жили въ Ричмондѣ. Капитанъ Грей хотѣлъ садиться съ своей Фанни въ фаэтонъ, запряженный парою красивыхъ лошадокъ, и ѣхать къ нимъ въ гости, какъ вдругъ принесли ему записку:

«*Трактиръ Краснаго Льва.*

«Милостивый государь!

«Я имѣю крайнюю нужду увидѣть васъ на-минуту и поговорить съ вами. Есть причины, по которымъ мнѣ невозможно быть у васъ. Какъ ни хотѣлось мнѣ поспѣть во время,— все уже было кончено до моего пріѣзда; но такъ какъ я уже здѣсь, то считаю обязанностью увидѣться на-минуту съ вами; послѣдствія нашего разговора будутъ зависѣть отъ васъ.

Г. Ф.

«Я буду ожидать вашего отвѣта.»

Грей прочелъ это непонятное посланіе, писанное незнакомымъ ему почеркомъ, и спросилъ у принесшаго, отъ кого письмо. Тотъ отвѣчалъ, что письмо отдалъ ему слуга въ трактирѣ ближайшаго мѣстечка, Соутварка, съ приказаніемъ доставить какъ-можно скорѣе капитану Грею и дождаться отвѣта.

— Кто жъ писалъ это письмо, мущина или женщина? спросилъ Грей.

Посланный не зналъ. Ему только приказали доставить письмо, и обѣщали полкроны, если онъ принесетъ отвѣтъ въ три четверти часа.

Обстоятельства этого случая разбудили спящаго льва въ сердцѣ капитана. Что-то похожо на то, какъ-будто онъ, Грей кого обидѣлъ? Ужъ не былъ ли это вызовъ? Все было кончено до моего пріѣзда — это что значитъ? Ну, такъ и быть! Дѣло начато! Тутъ однако жъ должно скрываться что-то такое..... «Увидѣть васъ на минуту?» сказалъ Грей самъ себѣ: на минуту или на двѣ, въ первый или послѣдній разъ въ жизни, извольте, мы увидимся.

Онъ приказалъ сказать, что тотчасъ будетъ. Посланный побѣжалъ назадъ, и черезъ четверть часа послѣ него Грей отправился въ назначенное мѣсто.

Грей былъ человѣкъ рѣшительный и, въ молодости своей, настоящій сорви-голова. Онъ вошелъ въ садъ, и сказалъ женѣ, что получилъ нужную записку изъ мѣстечка; что онъ поѣдетъ туда въ фаетонѣ, кончитъ дѣло и возвратится къ ней. Госпожа Грей, какъ прилично добродѣтельной женѣ, согласилась на это безъ каприза. Грей былъ такъ доволенъ ея уступчивостью, что, несмотря на садовника, который тутъ укатывалъ цилиндромъ траву, и забывъ, что онъ мужъ ей уже съ четверть столѣтія, напечатлѣлъ на ея устахъ сладкій, кипящій поцѣлуй, — а можетъ и два, — съ точностью доложить не умѣю.

Грей оставилъ ее, вошелъ на-минуту въ свой кабинетъ, взялъ на всякій случай ящикъ съ пистолетами, и уѣхалъ. Можетъ-быть, противъ его воли тутъ вывернется дуэль, хотя и не доказано было, чтобы дѣло могло принять такой непріятный оборотъ. Если нужно, въ городѣ, гдѣ квартируетъ много офицеровъ, онъ тотчасъ найдетъ секунданта. Но, если бы его добрая, нѣжная жена, чьихъ совѣтовъ, онъ такъ охотно слушался, знала про это, пустила ли бы она

его съ такимъ оружіемъ? Онъ ѣхалъ, мчался, думалъ о дочери; мысли перепутались у него въ головѣ, — онъ желалъ, чтобы это кончилось скорѣе, — кончилось хорошо или дурно, — онъ бы успокоился, — сверхъ-того Фанни ждала его ѣхать вмѣстѣ къ Физъ-Патрикамъ.

Онъ отыскалъ трактиръ, вызвалъ хозяина и спросилъ, гдѣ господинъ, который остановился въ его домѣ и послалъ къ нему записку.

— Господинъ? сказалъ хозяинъ. Какой господинъ? У меня ни какой господинъ не останавливался. Развѣ, госпожа? Я послалъ къ вамъ письмо по приказанію одной дамы.

— Дамы! сказалъ Грей, вспомнивъ о своихъ пистолетахъ, и засмѣялся. Гдѣ эта дама?

— Она ждетъ васъ, сударь, отвѣчалъ хозяинъ: я васъ провожу. — У себя ли N° 15? спросилъ онъ у служанки.

— У себя-съ.

— Пожалуйте, сударь.

Трактирщикъ отворилъ дверь, ввелъ его въ комнату, и сказалъ: «Капитанъ Грей, сударыня!»

Въ комнатѣ сидѣла прекрасная собою женщина. Грей поклонился. Она хотѣла встать, — и громко зарыдала. Чувствительный капитанъ подошелъ къ ней и, старался ее утѣшить: она продолжала плакать. Грей взялъ стулъ и сѣлъ подлѣ нея.

— Сударыня, что значитъ эта печаль, это смущеніе? Что съ вами? Мнѣ кажется, я никогда еще не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

— Меня? отвѣчала она. Нѣтъ.... Если бы Богу угодно было, чтобы вы меня увидѣли прежде, и васъ, и тѣхъ, кого вы любите болѣе чѣмъ себя, не постигло бы ужасное несчастіе!

Она залилась слезами, и не могла продолжать.

— Что хотите вы сказать этимъ? спросилъ Грей.

Чѣмъ я васъ обидѣлъ? Не повредилъ ли я кому изъ вашего семейства?

– О, нѣтъ! сказала она: вы повредили себѣ, и мнѣ также; но болѣе себѣ. Такъ ваша невинная дочь, замужемъ?

– Боже мой, что это значитъ?.... Что вамъ до нея, сударыня?

– Не для себя хотѣла бы я помѣшать ея браку, но для нея самой, продолжала дама. Она замужемъ за Генри Физъ-Патрикомъ?

– Такъ точно, отвѣчалъ Грей, волнуемый предчувствіемъ какой-то бѣды. Что жъ вамъ до этого?

– Она погибла! Все кончилось для нея!

– Въ своемъ ли вы умѣ, сударыня? сказалъ Грей. Что значатъ эти странныя слова?

– Она ваша любимая дочь, единственная ваша дочь; она составляла утѣшеніе своихъ родителей; она невинна, добродѣтельна, прекрасна: вотъ что всѣ здѣсь говорятъ про нее. Проѣзжая сегодня утромъ мимо вашего дома, я видѣла ея садикъ, ея цвѣты; но все поздно: она погибла. Мы обѣ погибли!

– Обѣ? сказалъ Грей: какъ, обѣ? Что общаго у васъ съ моею дочерью? Объяснитесь скорѣе, выведите меня изъ мучительнаго ожиданія!

– Правда, ожиданіе мучительно: но какъ сказать мнѣ правду? Мнѣ должно или разорвать ваше благородное сердце, или возбудить въ немъ жажду мщенія.

– Скажите скорѣе все, что знаете! вскричалъ Грей.

– Соберитесь же съ силами. Знайте, что я законная жена Генри Физъ-Патрика....

Грей посмотрѣлъ на нее въ остолбенѣніи, и не вѣрилъ: она сдѣлала движенія къ нему; онъ протянулъ руку, чтобы оттолкнуть ее отъ себя, но она вложила въ нее свидѣтельство о своемъ бракѣ, составленное по надлежащей формѣ и подписанное мѣстными властями въ Калькутѣ.

Словами не выразить чувствъ отца при видѣ этого слишкомъ достовѣрнаго доказательства. Въ груди его закипѣли всѣ страсти, какія только волнуютъ душу человѣческую, — любовь къ дочери, мучительное безпокойство объ ея судьбѣ, досада на свое легковѣріе, бѣшенство при мысли о низости Физъ-Патрика, жажда мщенія за ужасный ударъ, который онъ нанесъ всему семейству. На него нельзя было смотрѣть безъ содроганія. Онъ билъ себя по лбу сжатымъ судорожно кулакомъ; онъ сталъ на колѣни и клялся Богомъ Искупителемъ, что небудетъ имѣть ни минуты покоя, пока не отмститъ за посрамленіе своей дочери.

Несчастная женщина съ ужасомъ смотрѣла на слѣдствія своего разсказа. Но какъ ни была она унижена, отвержена, попрана своимъ безнравственнымъ мужемъ, сердце женщины въ ней восторжествовало, и когда она услышала, что Грей готовится наказать безчестнаго предателя, она забыла всѣ свои страданія и всѣ его преступленія, упала къ ногамъ разъяреннаго отца, который ходилъ по комнатѣ, и, заливаясь слезами, говорила: «Нѣтъ, нѣтъ, пощадите его! Онъ былъ предметъ моей первой, моей единственной любви! Онъ всё-еще мой мужъ!

Разгнѣванный отецъ взглянулъ на несчастную съ ненавистью, съ бѣшенствомъ; въ глазахъ его не было ни искры жалости; эти слова — «онъ мой мужъ» еще болѣе взорвали его сердце, еще болѣе воспламенили его негодованіе.

— Предайте его суду! продолжала она: пусть на него падетъ наказаніе, которымъ грозятъ законы подобнымъ ему преступникамъ! Вспомните, что мы оба пострадали!

— Оба! воскликнулъ Грей. Оба! Вы ошибаетесь. Развѣ вы, брошенная, отверженная вашимъ мужемъ, имѣли единственную, любимую дочь, ангела, для котораго вы жили, о которомъ вы каждый часъ возносили

молитвы къ Богу, о чьемъ благополучіи думали неусыпно семнадцать лѣтъ? Развѣ вы оторвали такую дочь отъ своего сердца, предали ее сами, своими руками, въ храмѣ Божьемъ, несчастію, посрамленію? Оба!

Еще разъ несчастная женщина старалась укротить кипящаго бѣшенствомъ отца, но тщетно. Силы оставили ее, и она въ судорогахъ упала въ кресла. Грей позвонилъ, съ спокойнымъ видомъ приказалъ позвать доктора, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ въ фаетонъ. Свидѣтельство о бракѣ Физъ-Патрика было у него въ карманѣ. Сколько такихъ свидѣтельствъ приходитъ въ годъ изъ Индіи и другихъ отдаленныхъ колоній въ Англію?.... Этого нѣтъ ни въ одной статистикѣ.

Кто понимаетъ нравъ и образъ мыслей капитана Грея, кто постигаетъ тяжкое оскорбленіе, нанесенное его чести, тотъ навѣрно угадалъ уже, куда онъ отправился. Онъ отослалъ слугу домой, и поручилъ ему сказать женѣ, что онъ воротится не ранѣе вечера, что его удержало очень важное дѣло; взялъ почтовыхъ лошадей, и поскакалъ въ Ричмондъ, гдѣ жилъ Физъ-Патрикъ съ молодой женою. Пистолеты были съ нимъ. Теперь они пригодятся!.... Мерзавецъ! вѣдь онъ же самъ разсказывалъ о своей сестрѣ, которая вышла за подобнаго ему обманщика, и хвасталъ тѣмъ, что убилъ его за ея безчестіе! Насмѣхался ли онъ надъ добродушіемъ того, у кого похищалъ послѣднее украшеніе жизни? Или намѣкалъ на то, что самъ хотѣлъ сдѣлать? Или въ самомъ дѣлѣ....? И послѣ этого онъ еще смѣлъ....? Грей не могъ сообразить въ своемъ умѣ его поступка. Голова его пылала огнемъ всю дорогу.

Онъ доѣхалъ до временнаго жилища молодыхъ: ихъ не было дома. Ему попалась на встрѣчу горничная его дочери: она удивилась, взглянувъ на Грея, — дотого измѣнился онъ въ лицѣ въ столь короткое время. Отъ нея онъ узналъ, что ихъ ждали обѣдать къ четыремъ часамъ, и что потомъ они хотѣли кататься по рѣкѣ. Столъ,

былъ накрытъ; на диванѣ лежалъ рисунокъ, работа Физъ-Патрика; на столикѣ рукодѣлье Маріи. Эта картина семейной жизни заставила Грея заплакать.

– Безъ-сомнѣнія вы останетесь откушать, сударь? спросила служанка.

Грей не отвѣчалъ.

– Не случилось ли чего съ барыней? продолжала она.

Она говорила о госпожѣ Грей, отъ которой перешла къ Маріи.

– Ничего! Она здорова, слава Богу. Я пойду на встрѣчу къ дочери. Въ которую сторону пошли они?

– Право не знаю, сказала служанка.

– Я пойду искать ихъ.....

Онъ чувствовалъ, что не могъ перенести ожиданія. Онъ сошелъ съ крыльца, перепрыгнулъ черезъ дорогу и вошелъ въ паркъ.

Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ свою прелестную дочь, во всемъ блескѣ красоты и счастія: она шла подъ руку съ мужемъ. Она тотчасъ узнала отца, бросила Физъ-Патрика, – не побѣжала, но полетѣла въ его объятія.

Онъ прижалъ ее къ груди и благословилъ. Физъ-Патрикъ подошелъ, и протянулъ руку къ тестю; тотъ взглянулъ на него спокойно, но строго, и не сказалъ ни слова.

– А маменька пріѣхала тоже? спросила Марія. Какъ вы хорошо сдѣлали, что навѣстили насъ!

– Богъ съ тобою, дитя мое! сказалъ Грей, взявъ ее за руку. Поди къ себѣ; мнѣ нужно сказать два три слова капитану Физъ-Патрику.

Марія испугалась: она начинала думать, не случилось ли дома несчастія, но Физъ-Патрикъ тотчасъ догадался о настоящей причинѣ посѣщенія капитана.

– Постойте, сударь, продолжалъ Грей: сдѣлайте одолженіе, подождите меня здѣсь. Черезъ минуту или двѣ я ворочусь.

Совѣсть заставила Физъ-Патрика согласиться или, лучше сказать, повиноваться этому приказанію; онъ даже не спросилъ, длячего.

– Мое дитя! продолжалъ Грей: мое милое несчастное дитя! поди въ твою комнату; ты должна ѣхать со мною домой; тебѣ нечего здѣсь дѣлать.

– Домой? спросила Марія: такъ матушка нездорова?.... Домой съ радостью поѣду, но Генри.....

– А! воскликнулъ Грей съ бѣшенствомъ: не говори ни слова; поди, поди, я сейчасъ ворочусь.

Онъ взялъ за руку поблѣднѣвшую дочь, довелъ до двери, поцѣловалъ ее въ лобъ, и опять пошелъ въ паркъ.

Физъ-Патрикъ ходилъ скорыми шагами по травѣ. Грей подошелъ къ нему, и показалъ свидѣтельство о первомъ его бракѣ.

– Подлинное ли оно, милостивый государь?.... Я спрашиваю васъ, не подложное ли оно?

– Я тотчасъ догадался длячего вы пріѣхали, отвѣчалъ Физъ-Патрикъ.

– Такъ, я не ошибаюсь?

– Нѣтъ: Я..... едва могъ промолвить Физъ-Патрикъ.

– Подлецъ! закричалъ Грей: негодяй! только кровью ты можешь загладить свое преступленіе. На, возьми, злодѣй, и защищайся!

– Онъ вынулъ изъ кармана заряженные пистолеты, бросилъ одинъ ему, и взвелъ курокъ у другаго.

Физъ-Патрикъ не зналъ, взять ли ему пистолетъ; онъ, казалось, забылъ обидныя выраженія Грея.

– Выслушайте меня, сударь....

– Не хочу слушать, мерзавецъ! кричалъ ему Грей. Подложно ли это свидѣтельство? Откажись, или сознайся. Да, или нѣтъ?

– Да; сознаюсь, но....

– Довольно. Возьмите пистолетъ, милостивый государь. Къ прочимъ низостямъ не прибавляйте еще

трусости. Сюда идутъ. Пусть всѣ обступятъ васъ; я отсюда ни на шагъ, пока не отплачу вамъ за несчастіе моей дочери. Слышите ли, сударь: проклятіе оскорбленнаго отца на вашу голову!

Физъ-Патрикъ увидѣлъ, что всѣ объясненія будутъ безполезны, и поднялъ пистолетъ: въ ту жъ минуту, Грей, по своей горячности, не ожидая, чтобы онъ прицѣлился и даже взвелъ курокъ, выстрѣлилъ по немъ, и мѣткая пуля попала прямо въ сердце противника. Физъ-Патрикъ пошатнулся и замертво упалъ на траву.

Глаза Грея заблистали злою радостью при видѣ разрушителя его счастія, безъ жизни, у его ногъ; жалость не коснулась его сердца, совѣсть молчала, онъ не могъ свести глазъ съ своей жертвы.

Выстрѣлъ услышали два садовника: они тотчасъ прибѣжали на мѣсто, гдѣ свершилось убійство; къ нимъ присоединились другіе свидѣтели. Грей всё-еще стоялъ у тѣла Физъ-Патрика, но въ ту минуту какъ народъ окружилъ его, всѣ черты его лица и самый видъ совершенно измѣнились; казалось, онъ ничего не чувствовалъ, и забылъ все, что случилось; его гнѣвъ разразился подобно грому: за порывами бури наступила мрачная тишина.

— Это дѣло рукъ моихъ, сказалъ Грей: не держите меня; я пойду, куда угодно. Я убилъ его. Если есть между вами отцы, кто изъ нихъ скажетъ, что мой поступокъ преступенъ? Онъ погубилъ мое дитя, мое единственное дитя: развѣ я не правъ?

Въ трупѣ тотчасъ узнали Физъ-Патрика, который часто гулялъ по парку съ Маріей.

— Точно такъ, это онъ, сказалъ Грей: моя дочь недалеко отсюда; она ждетъ отца. Что надобно теперь дѣлать?

Всѣ слова Грея были несвязны, и очевидно доказывали отсутствіе разсудка. Толпа смотрѣла на него съ вздрогаціемъ. Полицейскіе взяли его подъ стражу.

Тутъ только проснулся онъ какъ-будто отъ глубокаго сна; страхъ быть разлученнымъ съ Маріею, мысль объ ея страданіяхъ, ея одиночество, отсутствіе матери, смерть супруга, котораго низость была еще ей неизвѣстна, — все это въ одну минуту представилось ему, и потоки слезъ облегчили горе несчастнаго.

Положеніе было ужасно, но одно обстоятельство, котораго онъ не предвидѣлъ, нѣсколько смягчило этотъ ужасъ. Его нѣжная Фанни, — не постигая скораго отъѣзда мужа, была встревожена словами слуги, распросила его, и узнала, что Грей имѣлъ свиданіе съ какой-то незнакомою дамою, и что онъ тотчасъ потомъ уѣхалъ. Слуга сказалъ также, что послѣ разговора съ бариномъ, дамѣ сдѣлалось дурно; что она принуждена была послать за докторомъ, и что по совѣту его легла въ постель.

Госпожа Грей поѣхала въ трактиръ и увидѣлась съ ней. Незнакомка едва имѣла силу сказать своей посѣтительницѣ ужасную тайну. Госпожа Грей тотчасъ догадалась о намѣреніи мужа, и поскакала въ Ричмондъ, въ надеждѣ догнать его; но она опоздала пятью минутами, и не успѣла спасти Грея отъ необдуманнаго порыва страсти. Она бросилась къ мѣсту поединка, и только имѣла время сжать въ своихъ объятіяхъ мужа, котораго вели уже въ тюрму.

— Моя жена здѣсь? сказалъ Грей: слава Богу, она утѣшитъ бѣдную дочь нашу. — Не смотри въ эту сторону, присовокупилъ онъ: его уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Боже! съ горестью воскликнула дрожащая Фанни.

— Кончено! Все кончено! сказалъ онъ: я долженъ итти съ ними!

— Итти, куда?

— Да; я долженъ итти, продолжалъ онъ. Впрочемъ, я готовъ. Я буду отвѣчать за мой поступокъ, сперва суду, потомъ Богу. Но ты знаешь, что заставило меня рѣшиться на это дѣло?

– Знаю, знаю! отвѣчала жена, обливаясь слезами.

– Виноватъ ли я? Безчеловѣченъ ли? Варваръ ли?

Одинъ изъ свидѣтелей сказалъ тутъ, что толпа увеличивается, и что лучше было бы, если бъ госпожа Грей оставила ихъ и воротилась домой къ дочери. Онъ совѣтовалъ ей остаться тамъ, пока рѣшатъ, что дѣлать съ арестантомъ.

Фанни едва имѣла силу проститься съ мужемъ; но Грей собрался съ духомъ, и упросилъ ее послушаться совѣта.

– Это будетъ лучше, говорилъ онъ: надобно, чтобы кто-нибудь утѣшилъ Марію, не оставлялъ ея ни на минуту. Мы скоро увидимся; ты знаешь, судопроизводство требуетъ соблюденія нѣкоторыхъ формъ: завтра можетъ быть все кончится.

Невозможно описать разлуки добродѣтельной и нѣжной четы. Тотъ, кто присовѣтовалъ госпожѣ Грей удалиться, проводилъ ее до дому дочери; туда же отнесли и тѣло Физъ-Патрика. Грей былъ представленъ судьѣ графства. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, онъ приказалъ отвезть его подъ стражею въ Кингстонъ, гдѣ тогда засѣдалъ уголовный судъ. Коронеръ произвелъ слѣдствіе, и положилъ свое заключеніе, verdict, въ которомъ поступокъ Грея былъ признанъ подходящимъ подъ статью умышленнаго смертоубійства.

Какъ ни перемѣнчива жизнь человѣка, но кто бы могъ подумать, что къ вечеру столько бѣдъ обрушатся надъ семействомъ, столько счастливымъ еще въ утро того же самаго дня? кто бы сказалъ, что убійство, тюрьма, преступленіе, скорбь, заступятъ мѣсто радости и взаимной любви? Въ это время въ Кингстонѣ открыты были засѣданія уголовнаго суда и участь Грея рѣшилась скоро, даже скорѣе, чѣмъ онъ надѣялся, – потому что онъ еще надѣялся. Увѣренный въ преступности обиды, которую нанесъ ему Физъ-Патрикъ, и въ участіи всѣхъ отцевъ, онъ считалъ заключеніе коронера за

неизбѣжную и пустую форму. Ни при одномъ допросѣ твердость духа не оставила его; онъ не могъ вообразить, чтобы судъ нашелъ его поступокъ дѣйствительнымъ преступленіемъ, чтобы его защита, исполненная жара и чувства невинности, не имѣла слѣдствіемъ совершеннаго оправданія. Онъ не потерялъ бодрости даже и въ то время, когда присяжные признали слѣдствіе коронера правильнымъ: они должны въ этомъ случаѣ, думалъ онъ, основывать свое мнѣніе на наружномъ видѣ факта, и не могли сказать иначе; они тутъ еще не въ правѣ разбирать нравственныхъ побужденій и постороннихъ дѣлу обстоятельствъ. Но онъ изумился, и едва вѣрилъ своимъ чувствамъ, когда, послѣ долгаго и терпѣливаго разбора, присяжные принесли суду отвѣтъ — «Да! виновенъ въ умышленномъ смертоубійствѣ», и когда судья, надѣвъ роковой колпакъ, торжественно произнесъ страшное — Fiat!, «Да будетъ воля Божія», и объявилъ ему, чтобы онъ приготовился разстаться съ жизнію въ слѣдующій понедѣльникъ. Никто изъ присудствовавшихъ при этой сценѣ не могъ удержать слезъ на глазахъ, — исключая одного Грея. Онъ не потупилъ взоровъ, не измѣнился въ лицѣ, не вздрогнулъ, и, когда судья кончилъ свою печальную рѣчь, онъ съ почтеніемъ поклонился ему, и сказалъ тихимъ но твердымъ голосомъ: «Да будетъ воля Божія»!

Ужасно было смотрѣть на бѣднаго Грея, когда его повели изъ суда обратно въ темницу, которую онъ долженъ былъ оставить только длятого чтобы итти на эшафотъ. За нимъ шли его друзья, всѣ, кто цѣнили его прекрасныя качества души, всѣ, кто только его зналъ. Однако не многіе оправдывали его опрометчивый поступокъ, хотя каждый, кто слышалъ объ его теплой любви къ прекрасной и добродѣтельной дочери, сожалѣлъ объ этомъ отъ всего сердца. И

казалось, что его болѣе всего терзало это неумѣстное и нескромное сожалѣніе.

Легко себѣ представить, что, съ самой минуты приговора, жена не пренебрегла ни одного средства къ облегченію участи злополучнаго супруга: она полетѣла въ Лондонъ ходатайствовать о королевскомъ помилованіи. Ей представилось множество затрудненій, — то формы, то отсутствіе секретаря, которому должно было вручить просьбу, то невозможность лично представиться монарху, то наконецъ убійственное равнодушіе особъ, занятыхъ болѣе столичными удовольствіями, чѣмъ горестью незнакомой женщины, которая позорнымъ образомъ лишалась честнаго и обожаемаго друга. Чтобъ перенести все это, нужно было мужество любящей женщины передъ лицемъ опасности, — мужество, которому нѣтъ ничего подобнаго въ природѣ, и передъ которымъ наше, мужское мужество, блѣдно и безцвѣтно какъ свѣча передъ яснымъ солнцемъ. Несмотря однако на всѣ усилія, ходатайство ея казалось безуспѣшнымъ; на него никто не обращалъ вниманія, а до роковой минуты уже оставалось только двѣнадцать часовъ.

Утомленная заботами и отчаяніемъ, въ субботу вечеромъ бѣдная Фанни поскакала въ Кингстонъ навѣстить несчастнаго мужа и старалась еще обнадежить его, что все пойдетъ хорошо. Марія была поручена попеченію опытнаго доктора: болѣзнь не позволяла ей увидѣться съ отцомъ; отъ нея даже скрывали приговоръ суда и ужасную судьбу Грея. Его утѣшала мысль, что дочь еще ничего не знаетъ, и онъ заботливо распрашивалъ о погребеніи своей жертвы. Продолжительныя бесѣды съ священникомъ водворили въ немъ спокойствіе и прежнюю твердость духа. Онъ уже не надѣялся получить прощенія: въ такое короткое время невозможно объяснить всѣмъ, кому слѣдуетъ, обстоятельствъ, которыя были бы въ состояніи хоть

нѣсколько извинить его поступокъ, и когда наступило воскресенье, когда пробило двѣнадцать часовъ, онъ устроилъ все, чего требовало благосостояніе его семейства, отложилъ мысли о житейскомъ, и приготовился къ казни въ слѣдующее утро.

Но что дѣлала Фанни въ эту самую минуту? Она не потеряла присутствія духа, хотя въ теченіе одной недѣли тѣло ея ослабилось болѣе чѣмъ отъ продолжительной горячки. Она опять была въ Лондонѣ, рыдала, припадала къ ногамъ всѣхъ, отъ кого могла зависѣть малѣйшая помощь въ дѣлѣ, въ одно мгновеніе являлась въ десяти переднихъ. Въ одинадцатомъ часу потребовано было мнѣніе отъ судьи, который произнесъ приговоръ: его отвѣтъ былъ удовлетворителенъ, — по-крайней-мѣрѣ не могъ препятствовать милости короля, — и въ десять часовъ вечера, вышло прощеніе, и счастливой женѣ вручили драгоцѣнную бумагу. Такъ, онъ снова воротится домой! онъ будетъ жить и молить Небо о забвеніи своего невольнаго поступка! она будетъ облегчать его скорбь, утверждать его въ вѣрѣ, поддерживать его надежду! будетъ молиться объ немъ вмѣстѣ съ Маріей! Кроткое сердце дочери пожалѣетъ объ отцѣ, и проститъ ему смерть недостойнаго супруга.

Госпожа Грей, въ восхищеніи, безпрестанно торопила кучера. Какъ лошади ни мчались, ей казалось, что она никогда не доѣдетъ до Кингстона. Наконецъ достигла она до дверей тюрмы: не теряя ни минуты она вручила смотрителю предписаніе на его имя и королевскій рескриптъ, который приказала отдать тотчасъ шерифу. Она знала, что въ слѣдующее утро двери тюрмы отворятся передъ ея мужемъ и, дрожа отъ радости, едва слышными шагами проникла въ комнату арестанта. Она подошла къ нему; онъ, казалось, спалъ и не слышалъ ея прихода. Она дала знакъ сторожу поставить фонарь на полъ и удалиться; сама

хотѣла сообщить ему радостную вѣсть спасенія. Сторожъ зналъ уже, что Грей совершенно свободенъ, и оставилъ ее одну съ мужемъ.

Грей спалъ такъ крѣпко, что Фанни не могла рѣшиться разбудить его. Она, съ благоговѣніемъ стала на колѣни у его изголовья, и тихо плакала отъ радости надъ другомъ, которому, за свое благополучіе, могла подарить жизнь, купленную собственными слезами. Нѣжная Фанни придумывала, какъ сказать ему о неожиданномъ счастіи. Почти часъ прошелъ въ этомъ положеніи: она удивилась его спокойствію въ эти страшныя минуты, взяла свѣчу, поднесла ее къ его лицу, и вдругъ пронзительный вопль огласилъ своды темницы.

Сторожа прибѣжали, и нашли жену прощеннаго преступника безъ чувствъ на каменномъ полу тюрмы. Они не знали что̀ думать. Смотритель подошелъ къ постели Грея, удивляясь, что даже крикъ жены не разбудилъ его; онъ поднялъ одѣяло, и увидѣлъ несчастнаго безъ жизни, и всего въ крови.

На столикѣ подлѣ кровати лежала записка:

«Я могу умереть на полѣ чести — могу умереть отъ моей «собственной руки, — но не въ силахъ умереть отъ руки «палача. Да благословитъ Богъ мою жену и дочь! Отъ души «благодарю тѣхъ, которые пожалѣли о моемъ несчастіи.»

Мнѣ нечего болѣе сказать. Обѣ вдовы, мать и дочь, еще живы, и проводятъ дни въ глубокомъ уединеніи. Сударыни, остерегайтесь выходить, безъ предварительнаго разысканія, замужъ за молодыхъ людей, которые бывали за моремъ океаномъ. Азія, знайте, имѣетъ весьма предосудительное вліяніе на образъ мыслей этихъ господъ о супружествѣ, и сладострастная Индія погубила не одно честное семейство своихъ покорителей.

К. ЗЛОБИНЪ.

New Monthly Magazine.

=

ЗАПИСКИ ГОЛЬКРОФТА*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я родился въ Лондонѣ, 10 декабря, 1745, по старому стилю, и крещенъ въ церкви Св. Мартына. Отецъ мой былъ бѣдный и очень плохой сапожникъ. Предки мои, всё люди мастеровые и рабочіе, писали свое имя Holcroft, Houlcroft и Hooldecrawft: видно, правописаніе фамильнаго названія не составляло для нихъ ни какой исторической важности.

У всякаго человѣка остаются глубокія впечатлѣнія отъ младенческихъ лѣтъ. У меня тоже осталось ихъ довольно. Одно изъ этихъ впечатлѣній – меня очень больно высѣкъ отецъ за то, что я всегда плакалъ во все горло, идучи улицей въ школу, куда бѣдные жители нашего квартала посылали дѣтей своихъ не для того чтобы они тамъ учились, но для того чтобы не оставались дома, когда ихъ родители уходятъ на работу. Я ровно ничему не выучился въ этой школѣ. Впослѣдствіи батюшка сталъ отправлять меня туда

* Голькрофтъ, Англійскій писатель, извѣстенъ въ исторіи Словесности многими драматическими сочиненіями; онъ написалъ также нѣсколько романовъ, которые пользовались значительною славою. Его записки представляютъ живую и любопытную картину нравовъ низшихъ сословій Англійскаго народа, изъ которыхъ самъ онъ вышелъ, и набросаны съ увлекательною простотою. Онъ сперва былъ нищимъ, потомъ жокеемъ въ Ньюмаркетѣ, городѣ, населенномъ аристократіей Англійскихъ лошадей и побѣдителями, увѣнчанными на скачкахъ. То, что Голькрофтъ разсказываетъ о жизни тамошнихъ жокеевъ, безъ-сомнѣнія покажется новымъ и занимательнымъ. Впрочемъ, надобно сказать, что Голькрофтъ не кончилъ своихъ записокъ: онъ написалъ только первыя девять главъ; Газзлиттъ продолжалъ ихъ по его смерти, руководствуясь его бумагами, и тоже не кончилъ. Онѣ были недавно напечатаны въ Select Authobiographies.

подъ надзоромъ своего ученика. Этотъ малый былъ олицетворенное безобразіе: вся рожа изрыта оспой, черты грубыя, ротъ большой, губы толстыя, носъ преогромный и пренескладный. Зато Дикъ былъ добръ и снисходителенъ: онъ носилъ меня на рукахъ, утѣшалъ дорогою и давалъ мнѣ лакомствъ. Впрочемъ, можетъ-быть, я вспоминаю о немъ такъ живо потому, что имѣлъ случай видѣть его нѣсколько разъ послѣ. Добрякъ навѣщалъ моего отца, когда тотъ былъ въ несчастіи; онъ всегда приносилъ съ собой или утѣшеніе, или гостинецъ; послѣдній и самый лучшій подарокъ его состоялъ изъ одной маленькой книжки, «Исторіи о семи христіанскихъ витязахъ». Эта книжка сдѣлалась для меня неоцѣненнымъ сокровищемъ, и я до-сей-поры чувствую за нее искреннюю признательность къ Дику.

До шести лѣтъ моего возраста, отецъ мой держалъ башмачную лавку, а мать, кажется, торговала устрицами и зельемъ. Прежде у него былъ свой домишко. Онъ былъ большой спекулянтъ, и первое основаніе его быту положено, если не ошибаюсь, дядею моимъ, Джономъ, который служилъ при королевскихъ конюшняхъ и накопилъ нѣсколько деньженокъ своей чрезвычайною бережливостью. Съ помощію того же Джона, и батюшка былъ опредѣленъ въ королевскіе конюхи, но у него не было Джонова терпѣнія: онъ прослужилъ тамъ недолго. Не могу припомнить, гдѣ научился онъ сапожному ремеслу; слышалъ однако отъ него самого, что званіе сапожника не сходствовало съ его характеромъ и дарованіями. Время своего дѣтства онъ провелъ въ деревнѣ, какъ всѣ его сестры и братья, которыхъ было очень много. Она находилась въ самой угрюмой части Ланкастрскаго графства, гдѣ мой дѣдъ промышлялъ плотничествомъ. Батюшка говаривалъ, что это былъ превосходный старикъ и съ отличными способностями къ топору, только сер-

дитый и немножко любившій, какъ говорятъ Англійскіе мужики, Ивана-ячменное-зернушко, то есть, водку. Что касается до моей бабушки, молочницы, то объ ней всегда вспоминали съ большимъ уваженіемъ.

Въ то время, въ западной части Лондона, въ Вестъэндѣ, было множество пѣшихъ извощиковъ, которые переносили прохожихъ изъ одного мѣста въ другое безъ помощи лошадей, на себѣ или въ ручныхъ носилкахъ. Для безопасной ходьбы, они употребляли особеннаго рода башмаки, и этими-то башмаками промышлялъ мой отецъ. Но онъ не довольствовался умѣренными доходами башмачника: бывъ нѣкоторое время конюхомъ, онъ страстно полюбилъ лошадей, зналъ въ нихъ толкъ, и мало-по-малу началъ торговать ими. Тогда одни знатные имѣли экипажъ и конюшню; желающіе прогуляться верхомъ брали лошадей напрокатъ. Батюшка пожелалъ итти по этой части, и, если вѣрить его словамъ, ни у кого не было такой славной конюшни. Онъ безпрестанно любовался на своихъ лошадей и не могъ нахвалиться красотой ихъ статей, ихъ крѣпостью, ихъ быстротою. Несмотря на то, что я былъ тогда еще ребенокъ, отецъ мой чрезвычайно желалъ видѣть меня на сѣдлѣ. У него была прекрасная маленькая лошадка, но такая рѣзвая, что только сила и ловкость отца моего могли управлять ею. Батюшкѣ вздумалось, чтобы на этой лошадкѣ я вмѣстѣ съ нимъ отправился въ первый разъ, когда онъ поѣдетъ кататься. Между-тѣмъ я еще не носилъ панталонъ. Любя меня болѣе нежели всѣхъ своихъ лошадей, даже болѣе чѣмъ самаго своего маштака, батюшка велѣлъ надѣть на лошадку нѣсколько подпругъ; потомъ привязали меня къ сѣдлу веревкой, которая была прикрѣплена къ уздѣ, и самъ онъ держалъ поводъ. Такимъ чуднымъ образомъ я совершилъ свои первые опыты въ наѣздничествѣ, которое впослѣдствіи должно было сдѣлаться моимъ ремесломъ. Зна-

роткое время всѣ похожденія семи христіанскихъ витязей сдѣлались мнѣ столько же знакомы, какъ мой молитвенникъ, который я, всякій день, по утрамъ и по вечерамъ, читывалъ стоя на колѣняхъ возлѣ отца моего. О, какъ я за это любилъ бѣднаго Дика!

Батюшка былъ славный ходокъ, и этимъ добывалъ насущный хлѣбъ себѣ и всему семейству. Часто онъ хаживалъ въ Лондонъ, съ письмами, взадъ и впередъ шестьдесятъ миль, въ однѣ сутки *. Иногда, бывало, онъ отобѣдаетъ дома, пойдетъ, — и ночью воротится. Онъ былъ мужчина невысокаго росту, складный, проворный, воздержный; никогда не ѣлъ и не пилъ ничего въ дорогѣ, и такимъ образомъ обгонялъ всѣхъ другихъ пѣшеходовъ. Но случилось однажды, что ему нужно было поспѣть въ Лондонъ скорѣе обыкновеннаго: онъ выпросилъ у сосѣда лошадь и взялъ меня съ собой, длятого чтобы я свелъ ее къ хозяину назадъ въ тотъ же вечеръ. Передъ наступленіемъ ночи онъ сошелъ съ лошади, и, давъ мнѣ подробное наставленіе какъ ѣхать, самъ пустился пѣшкомъ далѣе къ Лондону. Я ужасно важничалъ своимъ положеніемъ и рѣшился скакать во всю мочь, чтобы поспѣть домой прежде чѣмъ ночь совершенно наступитъ. На-бѣду, не прошло и четверти часа, какъ лошадь моя спотыкнулась, и шляпа слетѣла съ головы. Я спрыгнулъ наземь, чтобъ поднять шляпу, но уже не могъ вскарабкаться опять на сѣдло. Не зная что дѣлать, одинъ, ночью, посреди болотъ, я началъ плакать. Къ-счастію, недалеко отъ меня былъ какой-то заборъ; онъ помогъ мнѣ взобраться на моего буцефала. Кромѣ того, случилось тутъ еще одно благопріятное обстоятельство: добрый сосѣдъ, увидѣвъ ребенка ѣдущаго верхомъ безъ провожатаго, затащилъ меня къ себѣ, накормилъ славнымъ ужиномъ и самъ

* Девяносто верстъ.

проводилъ домой, отправивъ лошадь впередъ. Богъ печется о дѣтяхъ! Дома, у насъ не было чего поужинать, и матушка легла спать голодная.

Философы любятъ слѣдовать въ анекдотахъ юности за постепеннымъ развитіемъ ума человѣка: въ угожденіе имъ, я разскажу еще одинъ случай изъ временъ моего дѣтства.

Батюшка хвасталъ однажды, что я вовсе не подверженъ трусливости, свойственной моимъ лѣтамъ, и какъ присутствовавшіе не вѣрили этому, то онъ приказалъ мнѣ тотчасъ итти къ одному изъ нашихъ сосѣдовъ. Это было ночью, а сосѣдъ жилъ отъ насъ въ цѣлой милѣ. Я не смѣлъ ослушаться и благополучно совершилъ свой походъ туда и обратно. Я бѣжалъ безъ оглядки, дрожа и обливаясь холоднымъ потомъ со страху: мнѣ казалось, что кто-то слѣдитъ за мною, и я думалъ, что это былъ мертвецъ. Батюшка признался послѣ, что это былъ онъ. Добрый отецъ надзиралъ за мною издали, опасаясь, чтобы со мною чего-нибудь не приключилось. Впрочемъ, надобно сказать, что я былъ мальчикъ очень боязливый и суевѣрный: если мнѣ случалось увидѣть сороку, я тотчасъ начиналъ толковать, къ счастію ли это или къ несчастію, смотря по тому, направо или налѣво отъ меня она летѣла; ежели мнѣ попадалась лежащая на дорогѣ булавка, я смотрѣлъ, не острымъ ли концемъ она ко мнѣ обращена: это, по-моему, было худымъ предзнаменованіемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дальнѣйшія мои воспоминанія о нашемъ житьѣ въ Беркскомъ графствѣ заключаются въ томъ, что въ одно утро батюшка, воротясь домой послѣ необыкновенно долгаго отсутствія, сказалъ намъ, что надо переѣзжать, и что мы пустились въ дорогу. Помню какъ

сквозь сонъ, что я тогда провелъ шесть недѣль въ Лондонѣ. Обстоятельства моего отца въ то время были такъ плохи, что матушка рѣшилась сдѣлаться разнощицей: она повѣсила себѣ на руку корзину съ булавками, иголками, лентами, тесемками, гребенками, и начала продавать ихъ по предмѣстіямъ и окрестностямъ Лондона. Я бѣгалъ за нею. Батюшка междутѣмъ не дѣлалъ, кажется, ничего прибыльнаго, потому что и онъ присоединился наконецъ къ намъ. Мы стали ходить дальше и дальше. Такимъ образомъ однажды пришли мы въ какую-то хорошенькую и чистенькую деревушку въ окрестностяхъ Кембриджа. Торговля наша шла очень дурно, и мы были такъ бѣдны, что въ одинъ вечеръ батюшка и матушка, расположившись провести ночь подъ плетнемъ, погнали меня въ деревню сбирать подаянія подъ окнами. Несмотря на молодость, воображеніе было у меня пылкое и довольно искусное на выдумки, и при этомъ случаѣ моя изобрѣтательность развилась въ полномъ блескѣ. Подъ однимъ окномъ я разсказывалъ такое-то несчастіе, которое будто-бы со мной случилось, подъ другимъ другое. Однимъ словомъ, у каждаго окна была разсказана новая, замысловатая повѣсть, и это были первыя драмы и романы моего сочиненія. Добрые крестьяне разнѣжились до высочайшей степени: тотъ называлъ меня бѣднымъ сироткой; другой восклицалъ. – «Какое приключеніе!»; третій хвалилъ мое «умненькое» личико; четвертый ласкалъ меня, прося Бога быть моимъ покровителемъ и сдѣлать изъ меня *честнаго* человѣка, – и бо́льшая часть набивала мнѣ карманы деньгами, холодной говядиной, хлѣбомъ и сыромъ. Родители мои не могли надивиться, когда я показалъ имъ свою добычу и повторилъ всѣ басни, которыя незадолго разсказывалъ подъ окнами. Батюшка, человѣкъ съ живыми чувствами, совсѣмъ вышелъ изъ себя, и мнѣ кажется, что я еще ви-

жу его передъ собою, какъ онъ прервалъ мои росказни и воскликнулъ: «Боже мой, я никогда не слыхалъ ничего подобнаго!» Потомъ, онъ оборотился къ матушкѣ и сказалъ съ важностью: «Этого нельзя оставить такъ! Бѣдный ребенокъ сдѣлается обманщикомъ, плутомъ, мошенникомъ, воромъ, и, когда выростетъ, будетъ непремѣнно повѣшенъ. Въ первый и послѣдній разъ я посылалъ его сбирать милостыню!» — Какъ я счастливъ, что у меня былъ такой отецъ! Бѣдность, врожденное беспокойство и умъ склонный къ заблужденіямъ, вовлекли его въ безразсудныя предпріятія, которыя были причиною его нищеты; но всё — таки онъ былъ честный человѣкъ, и я благословляю небо, что имѣлъ отцемъ его, а не другаго. Я до-сихъ-поръ съ удовольствіемъ вспоминаю, что меня не столько обрадовалъ успѣхъ моего повѣствовательнаго таланта, сколько поразило замѣчаніе добраго родителя. Кромѣ того, что чтеніе Библіи развило во мнѣ нѣкоторыя понятія о добрѣ и злѣ, о справедливости и несправедливости, я зналъ еще и кое-какихъ баснословныхъ героевъ: идея о лжецѣ, ворѣ, повѣшенномъ, не согласовалась съ моимъ понятіемъ о добродѣтели и славѣ, какъ оно темно ни было въ то время.

Изъ окрестностей Кембриджа мы перешли на островъ Иліа, разбивая дорогой нашу лавочку въ каждомъ селеніи, на рынкахъ, и особливо на ярмаркахъ. По причинѣ болотистой почвы, на островѣ Иліа водится тма разнаго рода пресмыкающихся. При переходѣ нашемъ черезъ одну долину, я увидѣлъ на самой серединѣ тропинки что-то пестрое. Мнѣ представилось, что это прекрасная лента. Я показалъ ее матушкѣ; она подумала то же, и хотѣла поднять ее. Но это была змѣя: она развернулась и исчезла, лишь-только мы до нея дотронулись. Батюшка смѣялся надъ нашимъ испугомъ. Онъ умѣлъ отличать ядовитыхъ змѣй отъ неядовитыхъ, и всякій разъ, когда находилъ

на дорогѣ спящую змѣю, бралъ ее за хвостъ и нѣсколько времени несъ съ собою.

Изъ предметовъ, которые я видѣлъ на островѣ Иліа, яснѣе другихъ напечатлѣлись въ моей памяти тамошнія болота, лѣса, высокая трава, шлюзы и Петербоpская соборная церковь, которая показалась мнѣ чудомъ архитектуры. Но всего лучше я помню одного шарлатана и его паяца, которыхъ я видѣлъ въ первый разъ отроду на ярмаркѣ въ Визбичѣ. Это было для меня такимъ неожиданнымъ и диковиннымъ зрѣлищемъ, что я бѣгалъ за паяцомъ и его барабаномъ по всѣмъ улицамъ, просовывалъ голову подъ руки и промежъ ногъ толпящихся зрителей, и не могъ довольно нахохотаться, глядя на забавную рожу шута, разсматривая по-порядку всѣ части его фантастическаго наряда, и удивляясь проворству, съ какимъ онъ ловилъ головой колпакъ, брошенный на воздухъ. Любопытство мое удвоилось, и я подошелъ къ нему очень близко, когда онъ сталъ искать въ колпакѣ, не запрятался ли туда какой-нибудь дьяволенокъ; и, скорчивъ уморительную гримасу, сказалъ: «Аа! попался!» Въ то же самое мгновеніе онъ ловко накинулъ на меня свой колпакъ, который изъ маленькаго сдѣлался вдругъ такой величины, что покрылъ меня съ головы до ногъ. Паяцъ поднялъ меня съ колпакомъ кверху, и вытрясъ изъ него на землю сущаго дьяволенка, – босаго, оборваннаго, чернаго, со всклоченными волосами. Народъ смѣялся, и я вмѣстѣ съ нимъ, несмотря на мой испугъ. Послѣ этого, паяцъ сдѣлалъ скачекъ, и, показывая будто-бы вывихнулъ себѣ ногу, сталъ просить хозяина, чтобъ тотъ его вылечилъ. Хозяинъ далъ ему пинка, отъ котораго онъ перекувырнулся. Паяцъ поблагодарилъ очень важно за это лекарство, но, когда хозяинъ отвернулся, онъ началъ дразнить его языкомъ. Все это было для меня совершенною новостью и приводило меня въ восхищеніе. Я полагаю, что съ

тѣхъ поръ зачалась моя непреодолимая страсть къ драматическому искусству.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Есть въ моей жизни одинъ періодъ времени, о которомъ я ничего не могу припомнить. Для меня теперь совсѣмъ темно, отчего батюшка пересталъ быть разнощикомъ и, воротясь въ Лондонъ, принялся опять за шило. Надобно думать, что этотъ періодъ времени былъ довольно великъ, потому что въ продолженіе его я былъ въ Ковентри, гдѣ моя маленькая сестра, играя со мной на дворѣ, упала какъ-то въ помойную яму. Она непремѣнно бы захлебнулась, если бы я потерялъ присутствіе духа и сталъ призывать на помощь, а не вытащилъ ея самъ, кинувшись ту же минуту въ яму. Въ испугѣ и радости, я побѣжалъ тотчасъ разсказать объ этомъ батюшкѣ и матушкѣ: они похвалили мою смѣтливость и присутствіе духа. Нѣжное ихъ ободреніе не было безплодно, потому что впослѣдствіи мнѣ удалось спасти жизнь многимъ подобною смѣлостью.

Я сохранилъ идею о древностяхъ города Ковентри и о славной процессіи, которая бываетъ тамъ ежегодно въ память уничтоженія тяжкой подати, наложенной на жителей Ковентри графомъ Леофридомъ, королемъ Мурсіи. Подать эта, какъ увѣряютъ мѣстныя лѣтописи, уничтожена по неотступнымъ мольбамъ королевы, графини Годивы. Леофридъ, чтобы отвязаться отъ нея, объявилъ, что онъ уничтожитъ подать только въ такомъ случаѣ, если королева проѣдетъ на лошади по всему городу безъ одежды. Добрая государыня согласилась, и градоначальники Ковентри, тронутые такимъ самоотверженіемъ, дали приказъ, чтобы всѣ жители закрыли свои окна и двери, какъ скоро прекрасная королева покажется въ улицахъ. Впрочемъ у Годивы была такая длинная коса, что она

могла вся прикрыться ею. Никто не осмѣлился смотрѣть на нее изъ домовъ города, кромѣ одного портнаго, котораго Богъ тутъ же наказалъ слѣпотою за его нескромное любопытство. Въ память этого событія, всякій годъ возятъ по цѣлому Ковентри амазонку въ панталонахъ и жилетѣ тѣльнаго цвѣта; ее сопровождаютъ городскіе чиновники въ парадныхъ платьяхъ, и на домѣ любопытнаго портнаго вѣситъ его портретъ, изображающій этого человѣка въ минуту его ослѣпленія.

Батюшка былъ вспыльчивъ и не любилъ смолчать, когда считалъ себя обиженнымъ. Однажды завязалась у него ссора съ какимъ-то дюжимъ и грубымъ парнемъ, который грозился поколотить его. Помню еще по-сю-пору негодованіе и досаду, которыя я чувствовалъ, видя моего отца оскорбленнымъ и не будучи въ силахъ отмстить. Это случилось въ торговый день, на рынкѣ. Блѣдность моего лица заставила батюшку подумать, что я озябъ, и онъ приказалъ мнѣ выпить кружку пива, отъ которой я опьянѣлъ. Мнѣ было стыдно. Батюшка говаривалъ, что онъ никогда въ жизни не бывалъ пьянъ, и сверхъ-того я читалъ въ Священномъ Писаніи, что напиваться грѣшно. Эти два обстоятельства приводили меня въ отчаяніе, при мысли, что я сдѣлался преступникомъ въ такія раннія лѣта. Я плакалъ горько, и батюшка, чтобъ утѣшить меня, сложилъ всю вину на себя.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я уже говорилъ, до какой степени мой отецъ былъ непостояненъ и любилъ приключенія; никто охотнѣе его не пускался на всякія пустыя затѣи. Мудрено пересчитать всѣ города, которые мы прошли во время нашей кочевой жизни. У насъ даже завелось два осла для перевозки товаровъ. Я не всегда бывалъ сытъ, и претерпѣвалъ ужасныя муки, бѣгая за этими

животными по ужаснымъ дорогамъ. Однажды мнѣ случилось войти, не знаю зачѣмъ, въ кухню какой-то господской усадьбы, въ Стаффордскомъ графствѣ; голодъ такъ ясно изображался на моемъ лицѣ, что служители этого дома предложили мнѣ съѣсть нѣсколько ложекъ гороховаго супу, о которомъ я прежде и не слыхивалъ. Онъ показался мнѣ отвратительнымъ; я не могъ ѣсть. Слуги назвали меня прихотливымъ мальчишкой, и я пошелъ отъ нихъ съ пустымъ желудкомъ. Странно, что впослѣдствіи гороховый супъ сдѣлался однимъ изъ моихъ любимыхъ блюдъ!

Батюшка былъ попеременно то вѣтошникомъ, то разнощикомъ всякой всячины, — пуговицъ, пряжекъ, оловянныхъ ложекъ: онъ принимался промышлять всѣмъ, что ему обѣщало барышъ. Долѣе всего торговалъ онъ горшечнымъ товаромъ, закупая его въ окрестностяхъ Стона и перевозя въ сѣверную часть Англіи. Я разъѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ по разнымъ графствамъ; между-тѣмъ матушка съ прочими дѣтьми оставалась дома, то есть, въ старой, полуразвалившейся хижинѣ, въ двухъ миляхъ на сѣверо-востокъ отъ Регели. Мнѣ рѣдко случалось отдыхать въ этомъ убѣжищѣ, потому что, несмотря на мой юный возрастъ, я былъ обремененъ хлопотами. Меня посылали въ Регели за всѣмъ, что было нужно для существованія нашего семейства, а я, — надо признаться, — очень любилъ погулять, и на походъ, который можно сдѣлать въ два часа, употреблялъ обыкновенно цѣлую половину сутокъ. Я зналъ, что меня ожидало дома за такія шалости; трепеталъ, воображая себѣ батюшкинъ гнѣвъ, но искушеніе преодолѣвало ужасъ при всякомъ новомъ предметѣ, который представлялся моему любопытству. У батюшки не было границъ ни гнѣву, ни нѣжности. Онъ меня билъ, таскалъ за волосы, до крови рвалъ мои уши; но, черезъ часъ, начиналъ утѣшать самыми нѣжными ласками, обвинялъ себя въ

чрезмѣрной жестокости, и клялся, что тысячу разъ скорѣе умретъ, нежели сдѣлаетъ мнѣ малѣйшее зло. Родительскія наказанія не составляютъ однако всего, что мнѣ было суждено перенесть въ жизни. Батюшкѣ вздумалось посылать меня въ Кеннокъ за земляным углемъ, который я долженъ былъ доставлять на ослахъ въ Регели и тамъ продавать. Не возможно пересказать всѣхъ бѣдственныхъ приключеній, которыя меня постигли отъ этого новаго рода торговли. Зато я имѣлъ случай проѣзжать мимо лѣсу, гдѣ водились олени, которые были для меня предметомъ постояннаго удивленія. Сверхъ-того я выучилъ въ это время одну простонародную балладу, за что батюшка подарилъ мнѣ цѣлый грошъ. Грошъ одному мнѣ!..... какое благополучіе! Впослѣдствіи бывали у меня и сотни фунтовъ стерлинговъ, но я никогда не былъ такъ богатъ какъ съ этимъ грошомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мы ѣхали въ Честерское графство, но за двѣ или за три мили отъ Гарлема батюшка рѣшился оставить меня у одной старушки, которая держала постоялый дворъ. Вечеромъ того дня, въ который мы прибыли къ этой женщинѣ, являются два Ирландца. Путешественники, пожаловавшіе поздно на постоялый дворъ, должны довольствоваться тѣмъ, что имъ дадутъ, не затѣвая большихъ разносоловъ. Ирландцы купили себѣ хлѣба и чего-то еще. Между-тѣмъ я, по договору отца моего съ хозяйкою, получилъ отъ нея прекрасное блюдо картофелю. У Ирландцевъ разгорѣлись на него зубы. Лишь-только я расположился вкушать мой прекрасный картофель, какъ эти плуты подсѣли ко мнѣ. Они дружески потрепали меня по щекамъ, сказали мнѣ, что я очень пригожій ребенокъ, начали спрашивать о моемъ имени, откуда я родомъ, куда иду. Послѣ этого, одинъ изъ Ирландцевъ сказалъ: «Позволь-

ка мнѣ попробовать своего картофелю». – «Да и мнѣ тоже», примолвилъ другой: «ты вѣрно его не любишь, а у насъ, въ Ирландіи, это самое обыкновенное кушанье. Не хочешь ли помѣняться? Вотъ, посмотри какой славный хлѣбъ! Мы, пожалуй, уступимъ его тебѣ, потому что намъ все-равно чѣмъ ни наѣсться, а вы, Англичане, любите хлѣбъ больше картофелю. Ну, давай же мѣняться.» – И дѣло слѣдовало непосредственно за словами. Они сунули мнѣ въ руки сухой хлѣбъ, и овладѣли картофелемъ. Я вздыхалъ, смотря какъ Ирландцы пожирали мой отличный ужинъ, но не смѣлъ спорить съ ними, боясь ихъ рыжихъ усовъ, черныхъ бородъ и сверкающихъ глазъ. Я долженъ былъ безмолвно утолить свой голодъ ихъ чернымъ и безвкуснымъ хлѣбомъ, и провелъ всю ночь въ горькихъ слезахъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Когда мой отецъ воротился, и я разсказалъ ему свое приключеніе, онъ началъ ругать весь Ирландскій народъ, католиковъ и папу, и заключилъ тѣмъ, что эти два плута, которые меня обманули, суть вѣрное изображеніе цѣлой націи. Съ тѣхъ поръ я душевно возненавидѣлъ Ирландцевъ и католиковъ, и сколько ни убѣждалъ себя потомъ въ неосновательности сужденія о народѣ и его вѣрѣ по двумъ ничтожнымъ лицамъ, никогда не могъ освободиться отъ тайной вражды къ Ирландцамъ. Вотъ изъ какихъ источниковъ часто происходятъ наши политическія мнѣнія!

Кажется, что батюшка, оставляя Честерское графство, имѣлъ намѣреніе открыть опять гдѣ-нибудь башмачную лавочку. Для-этого, мы обошли многіе города. Я былъ пораженъ мѣстоположеніемъ страны, и особенно замѣтилъ три голыя скалы конической формы, которыя мнѣ показались очень схожими съ тремя сахарными головами. Въ Мансфильдѣ все наше семей-

ство хворало нѣсколько времени лихорадкой, отъ простуды, которой мы подверглись во время сна подъ сырымъ заборомъ, не имѣя денегъ, чтобы нанять себѣ покойнѣйшее убѣжище. Я до-сей-поры чувствую слѣдствія этой простуды, которая тогда чуть не отправила насъ на тотъ свѣтъ. Послѣ лихорадки, у меня сдѣлалось удушье, и нѣсколько недѣль прошло, прежде нежели силы мои укрѣпились до такой степени, что нашъ бѣдный караванъ могъ продолжать путь въ Ноттингамъ, гдѣ мы поселились недалеко отъ парка, въ маленькомъ домикѣ, откуда былъ видѣнъ замокъ и прекрасный ручей, катящійся по холму.

Ноттинггамъ показался мнѣ прекраснымъ городомъ во многихъ отношеніяхъ. Особенно понравился мнѣ рынокъ, богатый съѣстными всякаго рода припасами и устроенный на высокомъ мѣстѣ, которое тотчасъ просыхаетъ послѣ дождя. Недалеко оттуда есть двѣ хорошія гостинницы. Рѣка Трентъ течетъ по долинамъ, у подножія Ноттинггама. Мои дѣтскіе взоры находили тутъ всѣ красоты, какія только могутъ существовать въ сельскомъ видѣ. Сколько разъ, сидя на берегу Трента, я наблюдалъ, какъ рыбки рѣзвятся въ прозрачной водѣ и увертываются отъ сѣтей, разставленныхъ рыболовомъ! Часто хаживалъ я въ деревушку, которая находится также на берегу этой рѣки; меня привлекалъ туда видъ домовъ, высѣченныхъ цѣликомъ изъ большихъ утесовъ. Мнѣ казалось, что эти домы населены святыми отшельниками, и я чертилъ въ своемъ воображеніи цѣлый романъ объ ихъ уединенной и братской жизни. Надо сказать, что самое имя того мѣстечка развивало мои мечтанія: оно называется «Пустыней». Я дивился терпѣнію, съ какимъ люди создали себѣ эти живописныя жилища въ такомъ обнаженномъ и дикомъ мѣстѣ; камни, въ которыхъ дома высѣчены, суть просто массы песчани-

ку; на вершинѣ каждаго камня, то есть, на кровлѣ каждаго домика, разведенъ садъ. Батюшка не удерживалъ меня отъ прогулокъ, потому что онѣ способствовали къ возстановленію моего здоровья. Наконецъ, благодаря великодушнымъ попеченіямъ одного Ноттинггамскаго доктора, я выздоровѣлъ совершенно. По-несчастію, имя этого благодѣтеля ускользнуло отъ моей памяти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Публичныя зрѣлища, какъ бы они ни были жестоки или отвратительны, всегда нравятся толпѣ. Надъ какимъ-то преступникомъ должна была совершиться смертная казнь. Батюшка предложилъ мнѣ итти посмотрѣть, какъ смотрятъ и другіе добрые люди. Я согласился; мы послѣдовали за роковою телѣжкою до висѣлицы, которая была поставлена за городомъ. Не прерывая разговора съ отцемъ, я прислушивался къ толкамъ окружающихъ: одни показывали сожалѣніе, другіе дышали местью. Видимое волненіе несчастной жертвы погрузило меня въ глубокую горесть. Однако, сжавъ руку, я терпѣливо дождался торжественной, страшной минуты, въ которую роковой колпакъ опустился на глаза преступника, и воръ повисъ въ воздухѣ. Его судорожныя движенія произвели ужасное дѣйствіе на мое мягкое воображеніе; я не вынесъ этой картины, отворотился. Батюшка замѣтилъ мое страданіе и сказалъ: «Пойдемъ, Томъ; довольно.» — «Ахъ, батюшка, пойдемте, какъ можно скорѣе пойдемте!» отвѣчалъ я, и прибавилъ рѣшительнымъ тономъ: «Никогда, во всю жизнь мою, не пойду смотрѣть, какъ казнятъ преступника.» Черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ этого, въ Парижѣ, въ 1783 году, я измѣнилъ моему слову; но всякій разъ, какъ я слышалъ о смертной казни, мнѣ представлялся страшный

Ноттингамскій висѣлецъ и я чувствовалъ себя разстроеннымъ.

Къ-счастію, почти всегда, подлѣ мрачнаго зрѣлища есть другое, веселое, которое освѣжаетъ душу. Наступало время скачки. Я жадно хотѣлъ полюбоваться на эту занимательную картину, потому что мало видалъ хорошихъ лошадей, а между-тѣмъ отецъ мой, страстный лошадиный охотникъ, разсказывалъ мнѣ чудеса объ этихъ благородныхъ животныхъ. Онъ называлъ по-порядку всѣ мѣста, гдѣ случалось ему быть на скачкахъ; повторялъ имена коней-побѣдителей, и дополнялъ свои очерки занимательными подробностями о приключеніяхъ, которыя тутъ обыкновенно бываютъ. Онъ описывалъ невѣроятныя хитрости, употребляемыя плутами и шарлатанами; наказанія, которымъ они подвергаются въ случаѣ открытія подлога; споры и крики людей, держащихъ заклады; шумъ зрителей, когда лошади несутся по бѣгу; опасность быть въ близкомъ отъ нихъ разстояніи и трудность увернуться отъ копытъ; множество шатровъ, гдѣ пьютъ и играютъ; движеніе, жизнь и веселость. Мое молодое воображеніе горѣло при этихъ очаровательныхъ разсказахъ, и я желалъ только одного — чтобы скорѣе увидѣть все это своими глазами.

За двѣ недѣли до начала скачки, лошадей, которыя должны были оспоривать призы, стали приводить въ Ноттинггамъ и всякій день, по утрамъ и по вечерамъ, гонять по бѣгу, для приготовленія ихъ къ борьбѣ. Разумѣется, что мы съ отцемъ были постоянными зрителями этихъ предварительныхъ экзерцицій. Я восхищался красотой бѣгуновъ, стройностью ихъ тонкихъ ногъ и лоскомъ ихъ шерсти. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы мнѣ было можно итти къ нимъ въ конюшню, посмотрѣть какъ надѣваютъ попоны, какъ чистятъ, подстилаютъ солому въ стойла и задаютъ сѣна и овса! Конскія принадлежности, которыя я ви-

дѣлъ на бѣгу, были великолѣпны; но эти нарядныя лошади внушили мнѣ состраданіе, когда я узналъ, какъ мало ихъ кормятъ, и что количество пищи ихъ должно уменьшаться каждый день, а въ ночь передъ скачкой онѣ останутся и вовсе безъ корму.

Въ этотъ годъ на Ноттинггамской скачкѣ былъ одинъ призъ, опредѣленный отъ имени самого короля. Его оспоривали два бѣгуна, которыхъ всѣ почитали за лучшихъ въ Англіи и неуступающихъ ни одной лошади изъ всѣхъ извѣстныхъ до того времени, кромѣ Чильдерса. Они назывались – Керльсъ и Атласъ. Керльсъ былъ выхоженъ однимъ баронетомъ, котораго очень любили въ той области; за него стояли, отъ мала до велика, всѣ жители Ноттинггама. Напротивъ, пріѣзжіе, особливо жокеи, закладчики и вѣчные посѣтители скачекъ, держали сторону Атласа, принадлежавшаго, кажется, герцогу Дивоншейру, и который если не превосходилъ Керльса, то не уступалъ ему въ достоинствахъ и блистательныхъ подвигахъ. Впрочемъ Атласъ былъ уже разъ побѣжденъ Керльсомъ, и это событіе, въ глазахъ жителей Ноттинггама, составляло почти вѣрный залогъ его вторичнаго низложенія. Противная сторона говорила, что тогда Атласъ не достигъ еще, было, полнаго роста. Разсказывали, что эта чудесная лошадь вышла изъ самаго негоднаго жеребенка, который былъ сосланъ за неповоротливость и безобразіе въ табунъ непородистыхъ лошадей, но что вдругъ обнаружилъ онъ свои чрезвычайныя качества, обогнавъ всѣхъ товарищей, когда табунъ чего-то испугался и пустился бѣжать во всю прыть. Лошадиные охотники и барышники только и говорили, что о Керльсѣ да объ Атласѣ. Нѣкоторые утверждали, что, если Керльсъ проиграетъ, это должно будетъ приписать неискусству жокея, которымъ былъ назначенъ грумъ одного помѣщика изъ окрестностей Ноттинггама.

*

Наконецъ великій день наступилъ, и два знаменитые скакуна ринулись оспоривать другъ у друга вѣнецъ. Не было ни одного сердца, которое бы не трепетало отъ страха или надежды; что касается до моего, то оно совершенно предалось Керльсу. Прекрасная шерсть этой лошади такъ блестѣла, глаза ея такъ сверкали, ноги пророчили такую неимовѣрную быстроту, что, кажется, Керльсъ говорилъ: «Я полечу, если вздумаю!» Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы его кто-нибудь побѣдилъ; но, увы, онъ былъ побѣжденъ. Бѣдные Ноттингамцы! сколько кошельковъ опустѣло у нихъ въ этотъ день! сколько грудей наполнилось горестью!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Эти происшествія породили во мнѣ желаніе участвовать непосредственнымъ образомъ въ дѣлѣ, которое, какъ я думалъ, производитъ надъ всѣми такое же сильное впечатлѣніе какъ надо мною. Я сталъ размышлять о томъ очень серіозно. Мои отношенія къ батюшкѣ были таковы, что я болѣе обременялъ его, нежели былъ ему полезнымъ: удушье помѣшало мнѣ выучиться башмачному ремеслу, которымъ я началъ-было заниматься; думали отдать меня въ ученье къ ткачу, но и это почему-то не состоялось, къ моему удовольствію. Со времени скачки, всѣ мои мысли сосредоточились на одномъ желаніи – получить мѣсто конюшеннаго служителя въ лошадиномъ городѣ, Ньюмаркетѣ. Я былъ одѣтъ очень бѣдно, – чтобы не сказать, покрытъ просто лахмотьями; прочія мои обстоятельства находились также не въ блистательномъ положеніи. Между-тѣмъ молодые ребята, служащіе при конюшняхъ, ослѣпляли меня видомъ здоровья, опрятности, довольства и дерзости, которая мнѣ доказывала, что за ними смотрятъ не строго. Кромѣ дерзости, все въ нихъ мнѣ нравилось; я полагалъ, что

былъ бы самымъ благополучнымъ существомъ въ мірѣ, если бы получилъ такое прекрасное мѣсто, и наконецъ сказалъ о томъ батюшкѣ. Онъ, по своей страсти къ лошадямъ, согласился съ перваго слова, и только боялся неудачи. Однако мы рѣшились попытать счастья. Посовѣтовавшись предварителено съ нѣкоторыми жокеями, батюшка обратился къ Г. Вудкоку, который держалъ конюшню въ пяти миляхъ отъ Ньюмаркета и воспитывалъ тамъ ввѣренныхъ ему лошадей. Г. Вудкокъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, спросилъ сколько мнѣ лѣтъ, нашелъ, что во мнѣ не много вѣсу, и, довольный моими отвѣтами, взялъ меня на испытаніе. Со мною случилось въ жизни множество перемѣнъ, которыя постепенно укрѣпляли мою довѣренность къ волѣ Провидѣнія и возвышали меня съ одной степени на другую: полученіе мѣста при Вудкоковой конюшнѣ я почитаю первымъ моимъ повышеніемъ. Я выйду наконецъ изъ ничтожества, буду человѣкомъ! Подъ моимъ надзоромъ и управленіемъ будетъ одно животное той породы, которою я всегда восхищался, которую любилъ съ такимъ жаромъ! Я одѣнусь въ хорошее платье; буду ѣсть не только до-сыта, но еще съ наслажденіемъ,—буду ѣсть что за-хочу; сверхъ того мнѣ станутъ давать жалованье! Коротко сказать, получивъ званіе жокея, я вышелъ изъ низкаго, бѣднаго состоянія на самую пріятную и надежную дорогу. Стоило только выучиться ѣздить верхомъ и узнать всѣ обязанности конюшеннаго прислужника; а это меня не пугало, потому что я тутъ не ожидалъ такихъ затрудненій, какія нашлись въ самомъ дѣлѣ.

Грумы, живущіе въ Ньюмаркетѣ и въ окрестностяхъ этого «олимпическаго» города, почти всѣ между собою знакомы, болѣе или менѣе. По рекомендаціи Г. Вудкока, я былъ отданъ въ ученье Джеку Клерку, который въ это время велъ домой, въ Ньюмаркетъ,

лошадь капитана Вернона. День моей разлуки съ родителемъ былъ день тяжкой скорби. Батюшка, съ торжественною важностью, повторилъ мнѣ свои уроки, и я далъ ему обѣщаніе любить и слушаться его всю жизнь. Я истинно былъ къ нему привязанъ, какъ и онъ ко мнѣ несмотря на суровость своего нрава.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Мы отправились рано по утру. Все было благополучно. Завтракъ, состоявшій изъ большихъ порцій холодной говядины, хлѣба и сыру, далъ мнѣ заранѣе пріятное мнѣніе о выгодной перемѣнѣ въ моей участи. Надежда не обманула меня: я начиналъ совершенно новую жизнь; душа моя находилась въ какомъ-то очарованіи; она вѣрила счастію въ будущемъ, но была слишкомъ робка, и еще не заносилась далеко. Добрый Клеркъ замѣчалъ мою дѣтскую радость, однако не воспользовался ею, чтобы дурачить бѣднаго ребенка: напротивъ, онъ дружелюбно совѣтовалъ мнѣ вести себя съ осторожностью, чтобы не попасть въ западни, которыя обыкновенно разставляются новымъ жокеямъ и бываютъ гибельны или ихъ доброму имени, или здоровью, подавая поводъ къ насмѣшкамъ со стороны другихъ, опытнѣйшихъ, конюховъ. Одна изъ тѣхъ злобныхъ шутокъ заключается въ томъ, что увѣряютъ новобранца, будто-бы, для приданія своему тѣлу необыкновенной легкости надобно надѣть на себя какъ-можно болѣе курточекъ, пробѣжать въ нихъ двѣ или три мили, и потомъ, раздѣвшись до-нага, зарыться въ навозъ. Если простякъ повѣритъ и выполнитъ все по наставленію, его обливаютъ потокомъ холодной воды, которая приготовляется благовременно для этой церемоніи. Есть еще одна штука: ее зовутъ—ловить сову. Новичку говорятъ, что нашли совиное гнѣздо въ домѣ или конюшнѣ, что сова вылетаетъ оттуда въ скважину, которая есть въ стѣнѣ, но

что, ежели эту скважину закрыть шляпой, а въ домѣ поднять шумъ, сова со-слѣпа влетитъ въ шляпу, и дѣло кончено. Послѣ этого, приставляютъ лѣстницу. Обманутый новичекъ взбирается по ней къ указанной скважинѣ; но лишь-только онъ скинетъ шляпу, на него льются ушаты воды, и онъ падаетъ на землю, гдѣ, разумѣется, приготовлено для него что-нибудь не очень пріятное. Я не попался ни въ одну изъ подобныхъ продѣлокъ, и велъ себя такъ осторожно, что мои товарищи, незная о Клерковыхъ совѣтахъ, не могли надивиться необыкновенному моему благоразумію. Такимъ образомъ путешествіе доставило мнѣ одни удовольствія, безъ малѣйшихъ непріятностей. Мы останавливались на короткое время въ Гонтиндонѣ, и прибыли наконецъ въ окрестности Ньюмаркета, гдѣ жилъ Г. Вудкокъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Семейство Г. Вудкока состояло изъ жены и дочери лѣтъ одинадцати. Самъ онъ былъ человѣкъ очень важнаго вида, который мнѣ внушилъ къ нему глубокое уваженіе. Домъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ деревьями; семейство собиралось обыкновенно въ одной чистенькой комнатѣ, гдѣ я впослѣдствіи получилъ одинъ изъ тѣхъ нравоучительныхъ уроковъ, которые производятъ весьма сильное впечатлѣніе на дѣтей и даже на юношей. Дѣло вотъ въ чемъ: проходя мимо этой комнаты, я увидѣлъ тамъ приготовленныя чайныя чашки и сахарницу; мистриссъ Вудкокъ и ея дочь еще не приходили; въ комнатѣ никого небыло; сахаръ, эта сладкая приманка ребячества, которую я такъ мало вкушалъ въ свою страдальческую жизнь, соблазнилъ меня на преступленіе: я еще разъ осмотрѣлся, и тихонько, на цыпочкахъ, сталъ подкрадываться къ столу. Искусительный кусокъ былъ уже въ моихъ рукахъ и я хотѣлъ бѣжать съ драгоцѣнной добычей,

какъ вдругъ увидѣлъ молодаго человѣка, который лежалъ съ книгою на софѣ позади дверей и, улыбаясь, слѣдилъ глазами всѣ мои движенія. Не могу выразить стыда, который я почувствовалъ въ эту минуту! Я положилъ сахаръ на прежнее мѣсто, и, потупивъ голову, удалился съ самымъ мучительнымъ чувствомъ, которое уничтожало меня тѣмъ сильнѣе, что улыбка молодаго человѣка превратилась въ громкій хохотъ.

Я забылъ сказать, что, поступивши въ жокеи, я сталъ носить жокейское платье. Никогда генералъ, покрытый шитьемъ и звѣздами, не гордился столько своимъ благороднымъ мундиромъ, сколько я моей красною курточкой, съ узкимъ золотымъ голуномъ; лосинными штанами, сапогами и колпакомъ съ богатою кистью, которыя торжественно на меня надѣли. Мнѣ казалось, что я выше человѣка. Есть въ человѣкѣ какое-то особенное тщеславіе, гнѣздилище котораго находится въ ногахъ, и которое заставляетъ его придавать странную важность обуви. У многихъ народовъ прикрытіе ногъ сопряжено съ понятіями о чести. Этимъ я объясняю себѣ то непостижимое чувство гордости, какое внушали мнѣ новые сапоги. Впрочемъ, мои читатели, которые никогда не ходили босикомъ, не будутъ въ состояніи оцѣнить сладострастія, разливающагося, сперва въ ногахъ, а потомъ по всему тѣлу, вслѣдъ за тѣмъ какъ вы надѣли первые сапоги въ жизни.

Миссъ Вудкокъ была прекрасная дѣвочка, и я, – не знаю за что, – пользовался ея благосклонностью. Она говорила со мной потихоньку, когда мы встрѣчались близь дому; бранила меня, если я не былъ исправенъ по должности, и разъ или два сдѣлала мнѣ честь порядочно на меня разсердилась, несмотря на всѣ мои усилія ей понравиться. Эти выходки должно приписать скорѣе неопытности ея молодыхъ лѣтъ чѣмъ какому-нибудь намѣренію; онѣ скоро прекратились по одно-

му случаю, который чуть не надѣлалъ мнѣ большихъ бѣдъ.

Хотя я, казалось, довольно ловко сидѣлъ на лошади, но, по новости въ ремеслѣ жокея, не умѣлъ еще держаться крѣпко въ сѣдлѣ и вскакивать на лошадь. Если она спотыкалась неожиданно, я готовъ былъ слетѣть. Мнѣ дали прекрасную сѣрую кобылу. Однажды я проѣзжалъ ее по лѣсу: вдругъ, она чего-то испугалась и отпрыгнула назадъ. Я не только выскочилъ изъ сѣдла и упалъ на землю, но еще запуталъ одну ногу въ стремени. Моя кобыла перепугалась еще болѣе, начала бѣситься, ударила меня въ грудь, и ушла, оставивъ меня на земли, мертвымъ, какъ думали нѣсколько времени. Одинъ изъ моихъ товарищей, который ѣздилъ вмѣстѣ со мною, тотчасъ поскакалъ домой увѣдомить о случившемся и позвать на помощь. Меня подняли, перенесли къ Г. Вудкоку, и оживили кровопусканіемъ. Всѣ возможныя попеченія были мнѣ оказаны, пока я не выздоровѣлъ; но, по выздоровлѣніи, надобно было отказаться отъ званія жокея у Г. Вудкока: онъ увидѣлъ, хотя немножко поздно, что мы съ сѣрою кобылою не можемъ ужиться въ добромъ согласіи. Впрочемъ онъ не лишилъ меня своего покровительства: по его рекомендаціи, я былъ опредѣленъ къ одному груму, Джонстону, очень извѣстному берейтору, который управлялъ прекрасною конюшнею герцога Грефтона: служить у него почиталось за великую честь. Но догадливый Джонстонъ скоро замѣтилъ, что я не знаю еще и азбуки жокейскаго ремесла, и меня еще разъ прогнали.

Второе изгнаніе огорчило меня гораздо болѣе, нежели какъ бы можно было ожидать по моимъ лѣтамъ. Кромѣ того что собственная моя чувствительность жестоко страдала, я еще обманулъ надежды моего отца, котораго увѣрялъ при прощаньи, что не подвергаюсь ни какой опасности, выступая одинъ на дорогу жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, я тогда совершенно полагался на свои силы, и оттого былъ теперь огорченъ еще болѣе, увидѣвъ себя, безъ всякой подноры, преданнымъ моей неопытности. Г. Джонстонъ объявилъ, чтобы я искалъ себѣ мѣста, и что онъ съ своей стороны не можетъ сказать многаго въ мою пользу. Однако онъ позволилъ мнѣ остаться нѣсколько дней между своими жокеями Отчаяніе мое было ужасно; къ довершенію бѣды, я опять упалъ съ лошади, тогда какъ она совсѣмъ не бѣсилась, а только тряхнула сѣдло, – что очень часто случается. Искусные грумы и насмѣшки рѣшили единогласно, что я трусъ, и хохоту конца не было.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Но у несчастныхъ есть защита, – Провидѣніе. Въ самую критическую минуту, когда я рѣшительно не зналъ что дѣлать, вдругъ слышу, что Джонъ Ватсонъ, первый грумъ капитана Вернона, товарища герцога Квинсбери, имѣетъ надобность въ стебль-боѣ. Имя добраго человѣка, которымъ пользовался Ватсонъ, подавало мнѣ нѣкоторую надежду. Сверъ-того я вспомнилъ своего стараго покровителя Джека Клерка, который занималъ почетное мѣсто наставника и учителя при одной изъ лучшихъ его лошадей. Тотчасъ бѣгу въ великолѣпныя конюшни, гдѣ безвыходно присутствовалъ властелинъ моей участи, и, чтобы придать себѣ видъ человѣка опытнаго въ ремеслѣ, являюсь туда въ четыре часа пополудни, – когда конюшни отворяются для вывода лошадей на вечернюю проѣздку. Джонъ Ватсонъ встрѣтилъ меня съ важнымъ, но съ благосклоннымъ, видомъ.

– Что тебѣ нужно, мой милый? Вѣрно ищешь мѣста?

– Точно такъ, сударь, отвѣчалъ я.

– У кого ты жилъ прежде, мой другъ?

– У господина Вудкока. Я пришелъ сюда изъ Нот-

тингтама съ однимъ изъ вашихъ жокеевъ, Джекомъ Клеркомъ.

– Зачѣмъ же ты отошелъ отъ господина Вудкока?

– Со мною случилось несчастіе: я упалъ съ лошади, и она чуть не убила меня.

– Это въ самомъ дѣлѣ несчастіе. Но неужли ты только поэтому отошелъ отъ господина Вудкока?

– Онъ самъ отказалъ мнѣ, сударь.

– Чего нѣтъ, откровененъ: мнѣ это нравится. Такъ ты теперь отъ господина Вудкока?

При этомъ вопросѣ я потупилъ глаза, и не могъ удержаться, чтобы не подумать немножко, прежде нежели отвѣчалъ: – Нѣтъ, сударь.

– Нѣтъ? Что жъ это значитъ? Ты два раза перемѣнилъ хозяина въ такое короткое время?

– Я не виноватъ, что мнѣ отказываютъ.

Слова мои заставили Ватсона улыбнуться.

– А у кого ты теперь живешь?

– У господина Джонстона; онъ позволилъ мнѣ остаться на нѣсколько дней при его конюшнѣ.

– Добрый знакъ. Ты, вѣрно, говоришь о томъ маленькомъ Джонстонѣ, что живетъ на другомъ концѣ города?

– Точно такъ, сударь.

– Ну, хорошо. Какъ ты еще недавно сталъ ходить за лошадьми, то я не удивляюсь, что Джонстонъ отказалъ тебѣ. Онъ хочетъ, чтобы у него всѣ были такіе же искусники какъ онъ самъ. Хорошо, когда люди знаютъ основательно свое дѣло: но вѣдь надобно же, чтобы они гдѣ-нибудь ему научились! Послушай, любезнѣйшій: я хочу взять тебя на опытъ; только, прежде развѣдаю о твоемъ поведеніи. Прійди ко мнѣ завтра поутру; я тебѣ дамъ отвѣтъ.

Разумѣется, что я не пропустилъ явиться въ назначенное время. Меня приняли на испытаніе, съ жалованьемъ по четыре гинеи (сто рублей) въ годъ и одеж-

дой. Должность моя состояла въ ухаживаніи, подъ надзоромъ опытнаго жокея, за трехлѣтнимъ жеребчикомъ, у котораго, по-счастію, былъ такой кроткій нравъ, что мнѣ ничего не стоило съ нимъ управиться. Такимъ образомъ моя репутація на этотъ разъ не была замарана. Джонъ Ватсонъ понялъ меня лучше прежнихъ хозяевъ. Поѣздивши нѣсколько на смиренномъ жеребчикѣ за хвостомъ другихъ лошадей, я получилъ мѣсто при вороной лошади, которая была уже не такая смиренница. Ватсонъ не находилъ меня трусомъ; напротивъ, онъ замѣчалъ во мнѣ признаки блистательной смѣлости. По его правиламъ, лошади учились на ровномъ мѣстѣ, но бывали и исключенія. Однажды онъ велѣлъ намъ ѣхать къ Берійскимъ горамъ. На ту пору пошелъ снѣгъ и подулъ холодный вѣтеръ. Вороная, у которой кожа была нѣжна и чувствительна, къ-ненастью, не могла выдержать снѣгу и вѣтру, дувшаго ей въ ноздри. Она стала упрямиться, не пошла рядомъ съ другими лошадьми, пыталась сбросить меня наземь; потомъ хотѣла пуститься въ галопъ, и, увидѣвъ, что не можетъ со мною управиться, начала скакать на дыбы, пятиться, фыркать, кидаться въ стороны, однимъ словомъ, дѣлать со мной всѣ эти злодѣйскія штуки, на которыя способенъ только жеребецъ отличнѣйшей породы. Зная напередъ, что ей будетъ плохо отъ ненастной погоды, я приготовился вытерпѣть всѣ ея шалости, и твердо держался въ сѣдлѣ, какъ-будто это была для меня вещь самая обыкновенная. Джонъ Ватсонъ ѣхалъ съ нами. Одинъ старый грумъ указалъ на меня и примолвилъ:

– Вотъ лихой жокей, клянусь честью!

– Да, отвѣчалъ Ватсонъ: ты увидишь, каковъ онъ будетъ со-временемъ. Въ Ньюмаркетѣ не много такихъ, которые его стоятъ.

Какое торжество для моего самолюбія! Всѣ товарищи видѣли мою ловкость и слышали похвалу. Не лиш-

не замѣтить при этомъ случаѣ, что жокеи, у которыхъ ноги прямы, икры не толсты и колѣнки мало высунулись впередъ, рѣдко дѣлаются хорошими ѣздоками. У меня, напротивъ, ноги были кривыя, ступня обращена внутрь и колѣнки торчали. Скоро я узналъ, что кто хочетъ держаться твердо въ сѣдлѣ, тотъ долженъ крѣпко сжимать своими ногами бока лошади. Приключенія, которыя случаются при ѣздѣ верхомъ, выучатъ этому правилу всякаго неглупаго жокея, и съ того времени почти нѣтъ для него опасности.

Привычки и нравы благородныхъ лошадей очень разнообразны. Внимательное ихъ наблюденіе можетъ составить предметъ любопытной конской философіи. Большая часть любитъ играть; но ихъ прыжки опасны только для робкаго и неловкаго ѣздока. Всѣ вообще пугаются при видѣ незнакомаго предмета. Кто не привыкъ управлять ими, тотъ долженъ опасаться этой минуты. Самому лучшему ѣздоку я совѣтую держать ухо остро, потому что и съ нимъ также можетъ случиться несчастіе. Жеребцы высшаго званія часто бываютъ съ норовомъ. Не мудрено понять причину ихъ раздражительности, вспомнивъ ихъ наслѣдственную, кровную горячку, ихъ пищу и воспитаніе, которыми стараются еще усиливать это особенное достоинство, и наконецъ тонкость ихъ кожи, которую дерутъ железными скребницами и другими инструментами. Всѣ благородныя лошади съ норовомъ кусаются и брыкаются, потому что онѣ тоже любятъ дать почувствовать свою силу и внушить страхъ. Однажды Томъ, братъ Джека Клерка, проѣзжалъ сѣрую лошадь, принадлежавшую лорду Марчу. Воротившись домой, онъ началъ чистить ее скребницею или щеткою, какъ вдругъ проклятое животное схватило его зубами за плечо, подняло и умчало на двѣсти саженъ отъ конюшни. Въ мое пребываніе въ Ньюмаркетѣ, «Форестеръ», старая лошадь заводу капитана Верно-

на, была подъ арестомъ въ тѣсномъ стойлѣ. Кромѣ Тома Ватсона, Джонова брата, она не подпускала къ себѣ никого; кидалась какъ сумасшедшая на перваго, кто осмѣливался подойти къ ней, и била задними ногами. У подобныхъ лошадей всегда есть любимцы между жокеями, и они только пользуются ихъ довѣріемъ и благосклонностью. Общій характеръ лошадей великодушенъ и дружелюбенъ; но о нѣкоторыхъ разсказываютъ такіе страшные примѣры жестокости, что трудно повѣрить.

Что касается до привязанности лошадей къ тѣмъ людямъ, которые ходятъ за ними, объ этомъ довольно сдѣлать одно замѣчаніе. Въ долгіе лѣтніе дни жокеямъ бываетъ такъ много дѣла, что нерѣдко, утомившись трудами, они засыпаютъ подъ ногами своихъ лошадей. Въ такомъ случаѣ лошадь никогда не ляжетъ, чтобы не задавить своего хожатаго. Для него гораздо опаснѣе Ньюмаркетскіе товарищи, потому что между ними есть повѣсы, которые нарочно стараются подстеречь спящаго, чтобы хлестнуть его по ногамъ гибкой тросточкой. У меня былъ знакъ отъ такаго удара, отъ колѣна до самой лодыжки, и я думаю, что Томъ Ватсонъ удружилъ мнѣ такъ милостиво: кромѣ его, никто не могъ ударить такъ сильно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Почти всякое ремесло заставляетъ человѣка вести жизнь болѣе или менѣе однообразную, и еще болѣе ремесло жокея при лошадяхъ, которыхъ воспитываютъ для скачки. Ньюмаркетскіе жокеи встаютъ всегда лѣтомъ въ третьемъ часу, зимою въ четыре. Пока они будятъ другъ друга, лошади начинаютъ ржать, давая этимъ знать своимъ прислужникамъ, что онѣ голодны. Жокей одѣвается, чиститъ ясли и задаетъ своему коню первую мѣрку овса, высѣявъ изъ него соръ сквозь рѣшето. Послѣ этого, онъ приводитъ въ порядокъ под-

стилку: перетряхаетъ солому, на которой лошадь лежала, выкидываетъ всякую нечистоту и добавляетъ свѣжей соломы. Затѣмъ вся конюшня выметается самымъ тщательнымъ образомъ; отворяются окна и двери, и лошадей моютъ, скоблятъ, вытираютъ, охорошиваютъ, взнуздываютъ, сѣдлаютъ. Тогда отправляютъ ихъ на утреннюю экзерцицію. Одна идетъ впереди, прочія за нею; каждый жокей знаетъ свое мѣсто.

Скакуны никогда не бѣгаютъ рысью, — всегда или шагомъ или въ галопъ. На ученьѣ, скачка въ галопъ ускоряется медленно и постепенно до самой крайней быстроты. Когда лошадь проскакала полмили, жокей начинаетъ погонять ее безъ отдыха во всю другую половину мили. Тотъ, кто лучше умѣетъ выполнить это правило, назначается обыкновенно «вожатымъ галопа», то есть, онъ первый выѣзжаетъ изъ конюшни и первый въ нее въѣзжаетъ.

Когда лошади разскачутся, это называется brushing gallop. Подобная экзерцицiя производится всегда на дорогѣ, идущей вгору. На самой вершинѣ холма, лошадей останавливаютъ на двѣ или на три минуты, чтобы дать имъ перевести духъ; потомъ спускаются шагомъ, прогуливаются довольно долго по ровному мѣсту, и ѣдутъ на водопой. Количество пойла такъ же измѣрено, какъ и все прочее въ лошадиномъ быту славнаго города Ньюмаркета. Жокей считаетъ глотки и отводитъ лошадь отъ корыта, какъ-скоро она приняла столько воды, сколько назначено грумомъ. Послѣ водопоя опять галопируютъ; тутъ наступаетъ самая продолжительная ѣзда шагомъ и наконецъ послѣднiй brushing gallop, быстрѣйшiй изъ всѣхъ. По окончанiи этого урока, даютъ лошадямъ отдохнуть и возвращаются въ конюшни.

Утренняя экзерцицiя продолжается около четырехъ часовъ, вечерняя почти столько же. Прiѣхавши въ конюшню, жокей ведетъ лошадь въ стойло, привязы-

ваетъ ее къ яслямъ, вытираетъ ноги соломою, снимаетъ сѣдло и чепракъ, чиститъ всю лошадь скребницею и разстается съ ней не прежде какъ уничтоживъ всѣ малѣйшія пятнышки на ея кожѣ. Пополуденныя занятія жокея почти такія же: съ вечерней экзерциціи возвращаются въ семь часовъ, чистятъ лошадей, задаютъ имъ одну порцію корму, идутъ ужинать, потомъ задаютъ еще порцію, оправляютъ подстилку и выгребаютъ сѣно изъ яслей. Въ девять часовъ конюшни заперты съ лошадьми и жокеями.

Однажды привыкнувъ къ такому образу жизни, жокеи не знаютъ усталости, и только по утру сонъ иногда ихъ одолѣваетъ: я помню, что мнѣ случалось засыпать на сѣдлѣ при началѣ перваго brushing gallop. Зато голодъ часто терзаетъ жокейскій желудокъ. Можетъ-статься, нѣтъ наслажденія, которое бы шло наряду съ наслажденьемъ Ньюмаркетскаго жокея, когда онъ, послѣ утренней ѣзды, принимается завтракать: судите же, какъ долженъ былъ наслаждаться я, — я, который до того времени жилъ на такой убійственной діетѣ! Намъ давали обыкновенно свѣжаго молока или молочнаго супу, холодной вчерашней говядины, кусокъ отличнаго сыру, булку прекраснаго бѣлаго хлѣба, и сверхъ-того порядочную порцію пива. Эта пища не обременяетъ желудка и не лишаетъ тѣла дѣятельности, свойственной молодымъ лѣтамъ.

Перемена моего положенія была слишкомъ велика и поразительна, чтобы не чувствовать его блаженства. Прежде я жилъ въ безпрерывной нищетѣ и несчастіяхъ, терпѣлъ всѣ возможные недостатки, и только по привычкѣ къ страданіямъ не приходилъ въ отчаяніе, только по родству съ всякаго рода лишеніями думалъ, будто-бы я сытъ, одѣтъ и счастливъ, когда мнѣ удавалось чѣмъ-нибудь утолить жгучій голодъ, прикрыть себя лохмотьями и найти мѣсто, куда приклонить голову. Теперь напротивъ — какая разница!

— я одѣтъ тепло и нарядно; я ѣмъ до-сыта и вкусно; не таскаюсь въ грязи за хвостомъ самаго лѣниваго и глупаго животнаго; катаюсь на благороднѣйшемъ изъ четвероногихъ, управляю имъ, летаю по горамъ и долинамъ, спорю о быстротѣ съ самими вѣтрами. Я искренно хотѣлъ быть всю жизнь жоксемъ въ Ньюмаркетѣ.

Въ свободное время тамошніе жокеи любятъ забавляться разными играми. Употребительнѣйшія игры суть мячикъ, лунки, шары, кубари и волчокъ. Я былъ мастеръ играть въ шары и пускать кубарь. Нѣкоторые забавлялись еще «въ девять ямокъ». Эта игра, требующая предварительнаго ученья, обходилась дорого пастухамъ, которые пасли барановъ на широкой равнинѣ за Ньюмаркетомъ. Чертятъ на земли три квадрата, одинъ внутри другаго, и на боку каждаго квадрата выкапываютъ три ямочки. Въ игрѣ могутъ участвовать только двое. Каждый беретъ девять «воиновъ», то есть, девять кусковъ дерева, и воюетъ ими своего противника. Я позабылъ правила этой игры, но, кажется, дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ запереть непріятельскихъ «воиновъ», такъ чтобы имъ некуда было ступить. Хорошіе игроки, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, выигрываютъ навѣрное; но пока я не зналъ секрета, эта игра меня очень занимала.

Для полученія правъ гражданства между игроками, я долженъ былъ совершить свои геркулесовы подвиги, или, говоря простѣе, показать моимъ товарищамъ, что я не такой малой, котораго можно обижать встрѣчному и поперечному. Дѣти обыкновенно задорны, и эту врожденную склонность ребячества нарочно подстрекаютъ старшіе жокеи, чтобъ тѣшить себя зрѣлищемъ драки. Мои товарищи неумолимо преслѣдовали именемъ труса тѣхъ, кто надувалъ губы, когда дѣло шло о побоищѣ. Я не хотѣлъ заслужить это-

го ненавистнаго имени, и начиналъ драки одну за другою: сперва ратоборствовалъ я съ Джекомъ, потомъ съ Томомъ, а тамъ и съ другими. Джекъ, съ которымъ я всегда дрался, былъ прежде пастухомъ, старше меня нѣсколькими мѣсяцами по возрасту и по должности, дѣтина здоровый, отважный, горячій и позволявшій себѣ въ дракѣ вещи, противныя правиламъ, —кусаться и бить ногами. Но у него не было ни снаровки ни присутствія духа, и оттого, послѣ трехъ или четырехъ схватокъ, онъ долженъ былъ уступить мнѣ преимущество. Томъ поступилъ въ жокеи послѣ меня, и хотя я былъ и моложе его и слабѣе, однако побѣда надъ нимъ обошлась мнѣ безъ большаго труда, потому что у него, какъ говоритъ Шекспиръ, были только жилы, мускулы, кости, а не было сердца. Я одолѣвалъ также и жокеевъ лорда Марча, котораго заводъ былъ неподалеку отъ нашего. Меня признали на обѣихъ конюшняхъ героемъ. Сверхъ-того, пользуясь совѣтами добраго Джека Клерка, я не далъ ни разу надуть себя, и это еще болѣе утвердило мою репутацію. Это была моя первая слава,—чистая, неподдѣльная слава, которою я не былъ обязанъ ни снисхожденію журналистовъ ни шарлатанству моихъ покровителей.

Съ десяти часовъ утра до четырехъ пополудни, жокеи бываютъ совершенно свободны и могутъ располагать своимъ временемъ. Но въ четыре часа, когда лошадей выводятъ на вечернюю ѣзду, бѣда, если кто не явится на свое мѣсто! Со мною это случилось только однажды, и по-несчастію въ такой день, когда капитанъ Вернонъ былъ самъ въ Ньюмаркетѣ. Я никогда не видалъ Джона Ватсона такимъ сердитымъ. Онъ поколотилъ меня порядкомъ, но послѣ умилостивился и сказалъ: «Ну, пошелъ къ чорту, мальчишка!..... Какъ можно не быть на своемъ мѣстѣ въ этакой день!»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Я прожилъ въ Ньюмаркетѣ около трехъ лѣтъ. Впродолженіе этого времени случилось со мною много достопамятныхъ приключеній: они производили надо мною тѣ различныя дѣйствія, изъ которыхъ мало-помалу образуется характеръ человѣка. Я не стану ихъ разсказывать въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдовали одно за другимъ, и выставлю только тѣ, которыя относятся непосредственно къ жокейскому быту.

Лошадь, за которою я ходилъ, была нездорова и не училась вмѣстѣ съ другими. Мнѣ велѣли проѣзжать ее небольшимъ галопомъ вполдень и потомъ приводить въ конюшню. Я никогда не видалъ отъ нея ни какихъ шалостей, и тѣмъ менѣе ожидалъ, чтобъ она расшалилась больная. Но въ одинъ день, когда я ѣхалъ на водопой и сидѣлъ на сѣдлѣ небрежно, вдругъ вылетѣла изъ ямы ворона. Лошадь моя испугалась и пустилась какъ стрѣла. Я свалился. Къ счастію, никто не видалъ этого происшествія. Оправившись отъ испуга и не имѣя силы бѣжать далеко, лошадь остановилась. Я поймалъ ее, сѣлъ и благополучно пріѣхалъ къ конюшнѣ: честь моя была спасена.

Однако это происшествіе очень огорчило меня, потому что мнѣ оказывали безпрестанно все болѣе и болѣе довѣренности. Къ намъ была приведена одна лошадь изъ Ирландіи. Джонъ Ватсонъ нашелъ нужнымъ, чтобы ее объѣзжалъ «невѣскій жокей», а между легкими одинъ я казался ему способнымъ на это дѣло. Такъ, я простился съ моей вороной лошадью, которой спина была поприщемъ первыхъ моихъ успѣховъ. Вороная поступила къ побѣжденному мною Тому, и скоро замѣтила неискусство своего новаго вожатаго; она не пошла у него въ галопъ, стала бры-

каться, скакать на дыбы, и наконецъ сбросила съ себя бѣднаго Тома, – къ всеобщей потѣхѣ его товарищей, которые всегда готовы смѣяться надъ несчастнымъ. Между-тѣмъ слава моя еще болѣе разцвѣла отъ уничтоженія моего преемника.

Мнѣ часто приходилось мѣнять лошадей, но всегда съ честью, то есть, я всегда получалъ такую лошадь, съ которою управиться было труднѣе чѣмъ съ ея предшественницей. Самая замѣчательная сторона моего искусства была – галопированье, на какой бы лошади я ни сидѣлъ. Мнѣ дали маленькую кобылу, на которой прежде ѣздилъ Джекъ Клеркъ. Эта лошадь была не съ норовомъ, но просто игрунья и баловница. Во время галопа, если я хотѣлъ посмѣяться, мнѣ стоило только сдѣлать движеніе рукой, и баловница моя тотчасъ выскакивала изъ ряду, нагибала голову къ переднимъ ногамъ и вскидывала заднія на воздухъ; въ ту же минуту всѣ другія лошади начинали прыгать, брыкаться, и два три жокея летѣли изъ сѣделъ. Впрочемъ я былъ довольно благоразуменъ по моимъ лѣтамъ, и не поддавался искусительному желанію дурачиться; только въ присутствіи Джона Ватсона позволялъ я себѣ эти штуки, изъ тщеславія, чтобы показать ему свою ловкость. Плохіе ѣздоки умоляли меня чуть не со слезами, чтобы я не шутилъ, и, когда они принимались за дѣло съ этой стороны, я бывалъ снисходителенъ.

На всѣхъ Ньюмаркетскихъ конюшняхъ лошади почти безпрестанно мѣняются: одну покупаютъ, другую продаютъ, стараясь всегда надувать другъ друга и хвастая этими подвигами какъ остротами. Разъ привели къ намъ лошадь съ другаго завода, гдѣ она никого не слушалась. Меня тотчасъ посадили на эту проклятую скотину, и, по обыкновенію, велѣли ска-

кать въ галопъ. Не знаю, какъ это случилось, — лошадь была подо мною довольно тиха. Но скоро я увидѣлъ, что не надобно довѣрять ея кротости. Мы были въ полѣ. Желая что-то сказать жокею, который ѣхалъ позади меня, я оборотился на сѣдлѣ, такъ, что вся тяжесть моего тѣла держалась на одномъ стремени. Негодная лошадь, лишь-только замѣтила шаткость моего положенія, вдругъ бросилась всторону, наклонилась, лягнула и выбила меня изъ сѣдла. — A calf! a calf! «Теленокъ! теленокъ!» вскричали мои товарищи. Этимъ словомъ выражается презрѣніе къ упавшему ѣздоку. Но я еще не упалъ; обѣ ноги мои висѣли съ одной стороны, лошадь несла, я все-еще держался и кричалъ: «Погодите, еще не теленокъ!» Кое-какъ удалось мнѣ перекинуть одну ногу черезъ сѣдло. При изумительной быстротѣ галопа и неправильности движеній моего скакуна, трудно было удержать равновѣсіе, однако я удержалъ его. Стремена у меня соскочили, поводъ вырвался, но я сидѣлъ уже твердо въ сѣдлѣ, и скоро поймалъ опять и стремена и поводъ. Не удерживая лошади, я далъ ей полную волю скакать до-упаду, и она остановилась какъ скоро порядочно измучилась. Привѣтствія посыпались на меня, вмѣсто прежнихъ насмѣшекъ, и этотъ случай долго былъ предметомъ всѣхъ разговоровъ какъ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ подвиговъ наѣздничества.

Вотъ одинъ примѣръ лошадинаго испуга. Въ зимній вечеръ ѣхалъ я съ экзерциціи на лошади, которую приготовляли для королевскаго приза. Шелъ дождикъ; въ канавѣ, которая лѣтомъ бываетъ суха, образовался ручей. Не желая трудиться надъ вытираніемъ ногъ моей лошади, я опустилъ поводъ, чтобы она перескочила черезъ воду. Но лошадь подумала, что я заставляю ее играть, и начала прыгать, поднялась на дыбы, потомъ скакнула впередъ. Когда она

опустила переднія ноги, онѣ пришлись у самаго краю глубокой ямы, наполненной до половины водою: еще нѣсколько дюймовъ, — и лошадь упала бы туда прямо головой. Испугавшись ямы, она стала какъ вкопанная; уперлась, подняла уши, осѣла назадъ и собралась бѣжать. Ноздри ея раздулись; она захрапѣла, поднялась опять на дыбы и обернулась назадъ, выражая движеніемъ ногъ, головы и ноздрей, всю силу своего ужаса. Я не столько испугался какъ она; но, когда мы пріѣхали домой, былъ очень радъ, что это происшествіе кончилось только потерею моей шляпы, которую впрочемъ я отыскалъ въ грязи на дорогѣ.

У насъ былъ старый и породистый жеребецъ, котораго звали Пуффомъ. Онъ былъ съ норовомъ, не чувствовалъ мундштука и не повиновался самому сильному всаднику. На немъ ѣздилъ самъ Джонъ Ватсонъ. Въ одно утро, когда пришла моя очередь наливать корыта на водопоѣ, Ватсонъ позволилъ мнѣ доѣхать туда на Пуффѣ, потому что водопой былъ въ полуторѣ мили отъ конюшень. Я повѣсилъ себѣ за плеча ведро и поѣхалъ. Черезъ нѣсколько минутъ оказалось, что мой Пуффъ былъ въ расположеніи попроказничать. Я не обратилъ бы на это вниманія, если бъ ведро не било меня по плечу при каждомъ сильномъ движеніи моей лошади, которая вздумала скакать въ галопъ и перепрыгивать черезъ всѣ канавки, попадавшіяся намъ очень часто. Вѣрнѣйшее средство унять его отъ этихъ дурачествъ было — замучить его. Я пустилъ Пуффа скакать по травѣ и началъ погонять до самаго водопоя. Но Пуффъ такъ разгорячился, что не разсудилъ за благо остановиться у корытъ. Я поворотилъ назадъ къ Ньюмаркету, полагая, что онъ не проскачетъ мимо своей конюшни: не тутъ-то было! Онъ помчался по городу, и я слышалъ, какъ жокеи другихъ конюшень кричали, хохоча: «Вотъ, вотъ старикъ

Пуффъ несетъ Ватсонова Тома!» Наконецъ мы прискакали къ какому-то столбу, который стоялъ подлѣ дома. Пуффъ остановился на-минуту, чтобы измѣрить глазами, можетъ ли онъ пройти между домомъ и столбомъ. Новая опасность! Въ этомъ тѣсномъ промежуткѣ, для моихъ ногъ рѣшительно не было мѣста. Но гибкость молодаго тѣла спасла меня: я успѣлъ поднять ноги на хрестецъ Пуффу, и мы прошли благополучно. Между-тѣмъ онъ начиналъ уставать; черезъ двѣ минуты мы подскакали къ своимъ конюшнямъ, и здѣсь Пуффъ изволилъ наконецъ остановиться. Хуже всего въ этомъ приключеніи было то, что корыта на водопоѣ еще ожидали моего прибытія.

Я кончу эту главу анекдотомъ, который заслуживаетъ вниманія естествоиспытателей, какъ примѣръ чувствительности, ума и даже честолюбія лошадей. Въ одной изъ предъидущихъ главъ было говорено о «Форестерѣ,» который не слушался никого кромѣ Тома Ватсона. Ему было лѣтъ десять или одиннадцать; прежде онъ изрядно скакалъ, но по-несчастію разбился ногами. Однако, года черезъ полтора послѣ того какъ я поселился въ Ньюмаркетѣ, капитану Вернону вздумалось попробовать Форестера, и онъ рѣшился пустить его въ перегонку съ «Слономъ», лошадью сиръ Джона Шефто. Мы никакъ не надѣялись, чтобы Форестеръ могъ побѣдить такую сильную лошадь какъ Слонъ. Бѣгъ былъ устроенъ по прямой линіи длиною въ четыре мили. Форестеръ проскакалъ три четверти этого пространства, морда съ мордой, не уступивъ ни шагу своему сопернику. Джонъ Ватсонъ начиналъ надѣяться. Сиръ Джонъ Шефто, который самъ скакалъ на Слонѣ, началъ погонять изъ всей силы своего скакуна и заставилъ его выбѣжать немножко впередъ. Форестеръ также усилилъ быстроту бѣга; но,

увидя, что Слонъ всё скачетъ впереди его, онъ прыгнулъ что есть силы, схватилъ его зубами за нижнюю челюсть и началъ тянуть назадъ. Съ трудомъ освободили Слона изъ пасти обиженнаго противника. Бѣдный Форестеръ! онъ проигралъ, но проигралъ съ честью. Ему свили вѣнокъ изъ соломы и торжественно надѣли на голову, чтобы облегчить его горесть о потерѣ приза. Самые опытные грумы дивились этому приключенію, и болѣе всѣхъ Джонъ Ватсонъ. И какъ не дивиться!

=

ЖАЖДА КРАСОТЫ.

=

ГОЛЛАНДСКАЯ ПОВѢСТЬ.

=

Zy was bloejend en mooi, als enn' witte Lelie: kwam
De woedend orkaan, — en de schoone bloem word ontbladt *.

VAN BREUGEL.

Ночь была чудесная. Синій сводъ великолѣпной биржи неба казался усыпаннымъ новыми, полновѣсными Голландскими червонцами. Курсъ на звѣзды былъ очень высокій. Мѣсяцъ блестящимъ векселемъ переводилъ на землю весь свой капиталъ серебрянаго свѣта, и сіялъ, противъ обыкновеннаго, ярче двадцатью процентами. Лучи его падали сквозь окно на мраморный полъ прелестной комнаты, убранной роскошно и со вкусомъ. Арабелла купалась.

Въ комнатѣ изрѣдка раздавались всплески воды, возмущаемой ея прекрасными руками; они то сверкали отъ лунпаго мерцанія, то исчезали въ тѣни купальни. Сцена эта продолжалась нѣсколько времени. Наконецъ Арабелла приподнялась, завернула въ широкую шаль свое влажное тѣло, бѣлое какъ свѣжее сливочное масло, нѣжное какъ Амстердамская селедка, и, болѣе измученная чѣмъ освѣженная, бросилась на софу подлѣ ванны. Ея члены, расширенные теплотою воды, были полны, мягки, пухленьки. На ея разнѣженной кожѣ, гладкой какъ атласъ, сладкой какъ сахаръ, роскошный цвѣтъ розъ спорилъ о первенствѣ съ ослѣпительною бѣлизною раффинаду. Въ эту минуту, она была пріятна какъ буттербродъ! — какъ буттербродъ,

* Она была цвѣтуща и нѣжна какъ бѣлая лилія: пришелъ бурный ураганъ, и красивый цвѣтокъ былъ растерзанъ по листочкамъ.

обложенный ломтиками Гарлемской ветчины и Лимбургскаго сыру.

Арабелла молчала; она была несчастна: въ самомъ одиночествѣ есть языкъ, обличающій счастливцевъ. Въ ея безмолвныхъ движеніяхъ проявлялось болѣе грусти чѣмъ надежды. Казалось, она ждала чего-то возможнаго; но ея робкое, прерывистое дыханіе доказывало, какъ мало надѣялась она на успѣхъ. Нѣсколько времени она лежала распростертая на софѣ; потомъ позвонила, и горничная вошла со свѣчею.

Съ приходомъ Іоганны, Арабелла завернулась еще плотнѣе и прижала къ тюфяку лице, печальное, но безъ слезъ. Іоганна постояла съ минуту, однако не осмѣлилась говорить: она знала несчастіе своей повелительницы, безмолвно подала ей бѣлье, и вышла. Арабелла опять осталась одна.

Послѣ нѣсколькихъ мгновеній, въ рукахъ Арабеллы явилось круглое металлическое зеркало. Серебро, отражая предметы, льститъ пуще стекла: округлости, которыя оно повторяетъ, гораздо чище, болѣе нѣжны, не всегда вѣрны, и часто обманчивы, если суетность упрекаетъ насъ въ какомъ-нибудь недостаткѣ. Арабелла медлила посмотрѣться въ зеркало; наконецъ рѣшилась бросить испытующій взоръ, и судорожно заглянула въ свѣтлую плоскость своего вѣрнаго совѣтника.

Сначала она улыбалась: ей казалось, что надежды ея осуществлялись; передъ нею блистали глаза пламенные, осѣненные длинными темными рѣсницами; ей представился роскошный очеркъ выразительной физіономіи; она видѣла, что брови, уста, подбородокъ, что всѣ ея округлости сливались въ нѣжныхъ овальныхъ дугахъ; взоръ ея плавалъ на волнистыхъ чертахъ, струившихся по выпуклостямъ и углубленіямъ истинно пластическаго совершенства. Она была прекрасна какъ созданіе Праксителева рѣзца. Ея чело,

увѣнчанное букетомъ завязанныхъ волосъ, было ясно и кротко какъ небо Іоніи. Налюбовавшись на эти чудеса, она отклонилась назадъ, положила зеркало, и медленно, тихонько, произнесла, не-поэтическія, но звучныя для женскаго уха, слова: «Я, право, недурна!»

Арабелла сказала это, но ей хотѣлось бы молчать, чтобъ не сглазить. Или нѣтъ, – ей нужна была истина. Или еще не то, – она знала, что ей ничто не удавалось. И зеркало снова очутилось въ ея рукѣ. Она поглядѣлась еще разъ, и на этотъ разъ уже ничего не сказала. Еще одинъ, любопытный, лазутчичій взглядъ,– недовѣрчивый взглядъ, и она такъ быстро отбросила отъ себя металлъ, что онъ зазвенѣлъ по мраморному столику. Она вскрикнула какъ отчаянная, разорвала повязку своихъ волосъ, и развѣянными въ бурномъ порывѣ кудрями обрызгала всю стѣну купальни. Она громко рыдала; потомъ бросилась на софу, и залилась слезами.

Что жъ такое случилось? Бездѣлица. Изящныя черты оставались еще тѣ же; тѣ же округлости, полнота, гибкость; тѣ же неподражаемыя формы красоты; но розовая свѣжесть купанья изчезла: блѣдная, тусклая поверхность кожи коробилась морщинами на поблекшихъ прелестяхъ. Она опять была старою барышней! Этотъ видъ обдалъ ее ужасомъ. Нѣкогда она была первая красавица во всей столицѣ. Потомъ, и еще недавно, блестящая оболочка этого прекраснаго тѣла уподоблялась сѣткѣ, прорванной мѣстами и не гладко обтягивающей свою волшебную подкладку. Теперь уже..... ахъ, теперь ежедневныя ванны, на одно мгновеніе, обновляли свѣжесть быстро изнашивающейся оболочки; но, минуту спустя, она возвращалась опять въ поблеклую, сухую, безсочную природу «старой дѣвы»! Это была казнь гордой и сустной Арабеллы. Она еще была прекрасною картиною, но уже картиной старою, безъ колорита.

Било одиннадцать часовъ. На улицѣ гремѣли колеса экипажей, ѣхавшихъ изъ театра. Арабелла слышала какъ ея сестры, возвращались изъ Роберта-Дьявола; какъ смѣялись на лѣстницѣ; какъ захлопнулись ворота дома; какъ раздалось громкое «Ахъ!» гостей при входѣ этихъ юныхъ, свѣжихъ дѣвушекъ въ гостиную, гдѣ мать ихъ принимала въ это время блестящее и многочисленное общество. Арабелла искала, въ талисманѣ горячей ванны, чаровъ для возстановленія прежней своей красоты на этотъ вечеръ, но сила талисмана уже истощилась. Она слышала, какъ тамъ шутили, пѣли, танцовали. Ей сдѣлалось грустно; она почувствовала себя совершенно несчастною. Широкій плащъ прикрылъ ея смущеніе; она взяла свѣчу, ускользнула въ свою комнату и бросилась въ объятія сна: въ одномъ только снѣ казалось ей возможнымъ возстановить мечтою былое, видѣть въ иномъ образѣ то, что съ ней происходило.

=

Мать Арабеллы скоро послѣ того давала балъ. Бѣдная дочь была также на этомъ балѣ, но не танцовала. Одинокая, забытая, она сидѣла въ углу залы. Изрѣдка случалось кому-нибудь изъ гостей, подойдя къ ней, какъ къ хозяйской дочери, сдѣлать ей дружескій выговоръ: — «Не грѣшно ли вамъ, сударыня, «уклоняться отъ общаго веселья? — Отчего вы не бы«ли въ послѣднемъ маскарадѣ? — Возможно ли не по«сѣщать обществъ? — Арабелла была умна и мастерица говорить, однако на все это она давала робкіе и усѣченные отвѣты; старалась заводить рѣчь о другомъ, и вскорѣ была оставлена подходившими, которыхъ не нужно бы ей было удерживать разговоромъ въ то время, когда краса ея находилась въ полномъ блескѣ.

Арабелла была влюблена.

Она любила Оттокара, страстнаго танцора, который не упускалъ ни одной красавицы и поминутно пролеталъ мимо несчастной въ безконечныхъ вальсахъ. Оба они были вмѣстѣ воспитаны; но, въ послѣдствіи времени, Арабелла подурнѣла и Оттокаръ пересталъ обращать на нее вниманіе. Арабеллѣ нечѣмъ было его плѣнить: даже сладостныя воспоминанія дѣтства давно потухли въ душѣ молодаго вѣтреника. Они тѣмъ менѣе могли сблизиться, что Арабелла скрывала свои чувствованія, а онъ быть-можетъ и вовсе объ нихъ не догадывался. Облокотясь на кресла, съ полу-закрытымъ лицемъ, она задумчиво слѣдовала глазами за живыми движеніями Оттокара, котораго увлекали то туда то сюда упоенія веселаго пира. Едва доставало этого повѣсы для такой дѣятельности. Но объ чемъ же такъ призадумалась Арабелла? Ни объ чемъ. Что жъ она чувствовала? Ничего. Она была вся – страдательная покорность. Да и какія были права ея на Оттокара?..... Одного только она не постигала – какъ можно было оставаться ей съ сухими глазами, съ глазами безъ слезъ, при такомъ глубокомъ, сердечномъ огорченіи!

Оттокару однако жъ нужно было отдохнуть на-минуту. Измѣривъ взоромъ небольшое пространство, незанятое рядами танцующихъ, онъ проскользнулъ черезъ нихъ въ этотъ свободный уголокъ. Тамъ сидѣла Арабелла. Несчастная вся затрепетала. Она не знала, съ какою рѣчью обратится онъ къ подругѣ своего дѣтства,–боялась его молчанія. У него нашлось бы однако жъ нѣсколько словъ, нѣсколько жалкихъ отрывковъ разговора, веденнаго съ другими красавицами, нѣсколько потерянныхъ, недоговоренныхъ привѣтствій. Но онъ не счелъ ея достойною какой-нибудь новой мысли, какого-нибудь умнаго сужденія: на обмѣнъ глубокаго чувства онъ бросилъ ей нѣсколько мѣдныхъ монетъ разговора, которыхъ звукъ былъ для ней тѣмъ обиднѣе, что монеты эти были милостыней, кинутою

нищему. «Какъ ваше здоровье?» спросилъ онъ Арабеллу: вопросъ общій, – вопросъ, самъ по себѣ, уже довольно глупый, – какъ-будто каждый, съ кѣмъ вы здороваетесь, долженъ непремѣнно страдать насморкомъ или зубною болью! – и еще вопросъ жестокій, – тѣмъ болѣе жестокій, что Арабелла дѣйствительно чувствовала себя больною и ожидала исцѣленія. Она ничего не отвѣчала. Онъ отошелъ. Она опустила взоры и горько вздохнула. Несчастная!.....

Вскорѣ потомъ Арабелла сидѣла уже одна въ самой задней изъ комнатъ материнскаго дома: она притаилась въ глубинѣ тусклаго полу-свѣта, подъ тѣнью земныхъ гардинъ этого покоя. Сонъ клонилъ ее: она задремала и, пробудясь, удивилась, что въ глазахъ ея были слезы. Еще болѣе изумилась она, когда, очнувшись совсѣмъ, увидѣла передъ собою маркиза Негро и узнала, что онъ довольно долго ее наблюдаетъ. Она взглянула на него, и ей показалось, какъ-будто она слышитъ шипѣніе змѣя. Но это былъ голосъ маркиза:

– Уже давно, говорилъ онъ ей: уже болѣе мѣсяца, прекрасная Арабелла, я примѣчаю за вами; стараюсь пользоваться немногими случаями васъ видѣть, и не безъ основанія думаю, что глубоко проникъ въ тайны вашего сердца.

Арабелла начала всматриватьея въ маркиза. Онъ былъ ей знакомъ, сколько этотъ человѣкъ могъ быть знакомымъ: никто не зналъ коротко таинственнаго маркиза. Арабелла окинула взглядомъ его тощую фигуру, и съ ужасомъ отодвинулась отъ блѣднаго, сатанинскаго образа, отъ этого зловѣщаго существа. Губы его дрожали, въ глазахъ его пылала горячка, его члены корчились, какъ-бы пораженные внезапною судорогою. Онъ продолжалъ:

– Арабелла! я человѣкъ безъ любви. Сердце мое холодно какъ смерть. Но вы производите надо мной

неизъяснимое дѣйствіе..... Что бы вы подумали о томъ, если бъ я пожелалъ еще вамъ понравиться?..... Ха, ха, ха!.....

– Кто тамъ хохочетъ? спросила Арабелла?

– Никто, отвѣчалъ маркизъ.

Она перепугалась, однако отвѣчала ему, такъ тихо, какъ-будто-бы слова сорвались у ней противъ воли:

– Я не красавица.

Она поражена была неожиданностью: стало-быть и ей могли говорить о любви? Но любовникъ былъ такъ ужасенъ!.....

Маркизъ такъ оставался еще нѣсколько секундъ. Арабеллѣ казалось, что ее преслѣдуетъ взоръ василиска. Потомъ маркизъ сказалъ ей:

– Арабелла, причина вашей горести мнѣ извѣстна: вы прекрасны; но не кажетесь прекрасною. Вы вѣрно слышали, что я обладою многими важными секретами. Я дамъ вамъ этотъ наружный видъ красавицы. Вы явитесь въ полномъ блескѣ той лучезарной красоты, къ которой способны изящныя очертанія вашего тѣла, ваши природныя формы. Вы очаруете, ослѣпите всѣхъ; всѣ вамъ будутъ дивиться. Тысячи обожателей падутъ къ вашимъ ногамъ послѣ этого чудеснаго преобразованія.

Арабелла вскочила.

Какъ? Возможноли это?..... Заклинаю васъ!..... Какимъ образомъ?.....

И Богъ знаетъ, чего она еще въ смятеніи не наговорила!

Маркизъ примолвилъ:

– Отвѣчаю вамъ своей головой за дѣйствительность моего секрета. Я купилъ его въ Константинополѣ, у одной Серальской женщины, и испыталъ его силу на многихъ особахъ. Однако не скрою отъ васъ, что мое средство имѣетъ одно важное неудобство.....

– Какое?

– Я объясню вамъ это впослѣдствіи, если вы рѣшитесь употребить его. Хотите ли быть опять красавицей?

– Какой женщинѣ не хотѣлось бы! сказала она со вздохомъ!..... Ахъ, дайте!

Но маркизъ не двигался съ мѣста и лукаво улыбался.

– А что жъ вы мнѣ за это дадите?

– Просите сами! вскричала Арабелла, и глаза ея сверкали, и грудь ея волновалась, и кудри разсыпались по плечамъ.

Она стояла какъ-бы уже полу-преображенная въ тотъ очаровательный образъ, которымъ таинственный маркизъ обѣщалъ облечь ее.

Маркизъ объявилъ, что цѣлые пять сотъ дней желаетъ обладать ею.

Она содрогнулась. Робкимъ взоромъ измѣряла она адскій видъ человѣка, которому ей, страхъ, хотѣлось, продать себя за красоту, и подумала объ Оттокарѣ. Тутъ глаза ея устремились въ открытыя двери покоя; она увидѣла своего Оттокара: въ упоеніи радости, въ вихрѣ бурнаго танца, онъ крутился въ залѣ съ прелестною женщиною, – первою красавицею Гаги, гдѣ почти всѣ женщины – красавицы. Арабелла рѣшилась.

Отвративъ лице отъ убійственнаго вида искусителя, покоренная непостижимымъ обаяніемъ, она произнесла рѣшительнымъ голосомъ:

– Приходите завтра, въ десять часовъ, въ мои покои..... Поговоримъ.....

И убѣжала въ отпертую дверь. Маркизъ сложилъ руки на груди, и съ торжествующею улыбкою демона провожалъ ее глазами.

=

Въ оперѣ, въ концертахъ, на гульбищахъ, появился вскорѣ новый очаровательный образъ, который сталъ возбуждать общее удивленіе: все покланялось ему какъ кумиру; его повсюду встрѣчали съ восторгомъ. Тутъ не было предубѣжденій: дѣйствительность сама о себѣ свидѣтельствовала; видали нѣчто подобное, но въ такомъ совершенствѣ – еще никогда! Все, что природа, все что поэзія изобрѣли порознь, представлялось тутъ въ соединеніи. Арабелла приводила въ очарованіе всѣхъ мущинъ, въ онѣмѣніе–всѣхъ женщинъ.

Арабелла сіяла всѣми прелестями идеальной красавицы; и эти прелести не имѣли нужды въ пособіи наряда. Ко всеобщему обожанію присовокуплялось еще изумленіе: всѣ дивились и не могли постичь, какимъ образомъ могло совершиться такое чудесное превращеніе?

Однажды, проведши день затворницею, она явилась на блестящій вечеръ и взоры всѣхъ дѣйствительно ослѣпились. Никто однако жъ не смѣлъ изъявить ей своего удивленія, опасаясь оскорбить ее этимъ.

Она чувствовала до какой степени достигло ея могущество; и каждый разъ вставала изъ за таулета съ новою увѣренностью, что ни какая сила въ мірѣ не лишитъ ея этой власти.

Но изъ всѣхъ справедливостей, которыя ей воздавали, ни одна не была ей такъ пріятна какъ внезапная перемѣна въ Оттокарѣ. Не общее мнѣніе настроило, на новый тонъ, его ощущенія; не похвалы совѣта устремили къ ней молодаго человѣка; онъ не былъ эхомъ чужихъ внушеній. Онъ долго хранилъ молчаніе; уклонялся отъ всѣхъ увеселеній; сдѣлался задумчивымъ; не танцовалъ ни съ кѣмъ, даже и съ Арабеллою; потомъ началъ смиренно ухаживать за нею, и, полагая, что тѣмъ загладилъ прежнюю свою вину, старался

сблизиться снова съ прежнею своей подругою. Губы его трепетали, когда онъ заговорилъ съ Арабеллою.

Въ сужденіяхъ его была какая-то неувѣренность; слова его отзывались неопредѣленностью; внутренній стыдъ, подавляя его чувствительность, искажалъ проявленіе ея во всѣхъ видахъ. Сильное чувство, дотолѣ ему неизвѣстное, вкралось въ его сердце. Арабелла видѣла все. Она прочла его взгляды, его неувѣренность, признаки стыда на его смущенномъ челѣ; она все это сблизила и сообразила. Арабелла была счастлива.

Но она была счастлива не надолго: когда намѣренія Оттокара начали проясняться, когда ихъ отношенія сдѣлались дружественнѣе и короче, когда онъ сталъ домогаться ея любви, отвратительный маркизъ, который оставилъ ее было на нѣсколько времени, – о которомъ она уже забыла, – явился снова. Съ ужасомъ разочла она, что еще только пятая часть условленнаго срока тогда приходила къ концу. Маркизъ вовлекъ ее въ какой-то дьявольскій кругъ, и никто не подозрѣвалъ, что Арабелла была его центромъ. Грудь ея тяжело дышала при горькомъ ощущеніи, что этотъ кругъ дѣлался всё тѣснѣе и тѣснѣе. Какъ ей изъ него выйти? Она любила Оттокара; видѣла, что и онъ готовъ былъ признаться въ томъ же; окованная стыдомъ, она не смѣла открыть возлюбленному тайнъ своего будуара: но не одинъ стыдъ и не одна суетность удерживали ее въ этомъ случаѣ. Что если, измѣнивъ маркизу, она потеряла бы всю свою очаровательность? Не ужаснулся ли бы Оттокаръ, если бъ, вмѣсто цвѣтущей жизни, онъ обнялъ завтра поблекшій осенній призракъ? Нѣтъ, это не была суетность! Она обманула бы Оттокара. Мечтайте, пишите нравоученія женщинамъ, но красота всегда будетъ крѣпчайшимъ узломъ любви. Если Арабелла украшала свою наружность,

если она требовала у природы и искусства средствъ быть прелестною, — развѣ это не для любви? Вотъ настоящая философія дѣвицы! А вы сами, вы, мущины, книжники, мечтатели, стараетесь уничтожить въ женщинахъ это благодѣтельное вѣрованіе! Подите лучше на биржу покупать сельди. Говорятъ, курсъ на Испанскіе фонды повысился тремя штиверями?.....

Сердце Арабеллы терзалось самою мучительною нерѣшимостью, когда въ таинственный часъ вечера, простертый у ногъ красавицы Оттокаръ просилъ у ней любви, жизни, блаженства: онъ просилъ ихъ, какъ погибающіе просятъ спасенія. Судорожно схвативъ руку прелестницы, онъ прижалъ ее къ пламенѣющимъ устамъ, — она ему не противилась. Въ бореніи души, обливаясь слезами, зная впрочемъ, что Оттокаръ просилъ у нея только того, чтобы она сама себя осчастливила, Арабелла чувствовала, что вѣсы ея жизни были подняты надъ нею, и что въ обѣихъ чашкахъ вѣсовъ лежало одинаковое бремя, — смерть. Оттокаръ замолкъ; теперь пришла ея очередь говорить. Она ощущала на своей рукѣ слезы Оттокара, и была еще болѣе несчастною. Въ эту минуту не грозный маркизъ, не послѣдствія его мщенія, не его опасная ненависть, устрашали бѣдную красавицу: она трепетала подъ бременемъ своей ужасной тайны, при мысли о томъ, какою цѣною купила она красоту, которой была обязана любовью дорогаго ея сердцу. Она потеряла всю бодрость духа, вспомнивъ, что ея честь и бразды ея воли находятся въ рукахъ постороннихъ, и съ отрицательнымъ отвѣтомъ уклонилась отъ возлюбленнаго. И Оттокаръ, пораженный горестью, не примѣтилъ ея побѣга. Онъ невольно устыдился, увидѣвъ себя одного въ горницѣ, на колѣняхъ; но, хотя мужество его пробудилось, онъ все-таки чувствовалъ свое несчастіе, — завернулся плащемъ, бросился въ

коляску и, безъ мыслей и цѣли, пустился въ бѣлый свѣтъ, самъ не зная куда ѣхалъ.

=

Слишкомъ годъ времени и больше половины Европы нужно было Оттокару для разсѣянія своей горести. Онъ растратилъ на любопытныя зрѣлища, на памятники архитектуры и на собранія рѣдкихъ уродовъ, весь запасъ вздоховъ, которые взялъ съ собою въ дорогу для потребностей разорваннаго сердца. Онъ возвратился на родину съ ранами, которыя отчасти были уже излечены, но еще требовали особенной бережливости.

По возвращеніи, онъ началъ убѣгать всѣхъ прежнихъ друзей и знакомцевъ; ни о комъ изъ нихъ не хотѣлъ болѣе слышать; сталъ искать новыхъ обществъ.

Онъ любилъ игру; не по страсти, а такъ, — отъ нечего дѣлать. Фортуна, во всемъ прочемъ враждебная ласкала его за зеленымъ столикомъ. Ему суждено было объигрывать смертныхъ, и ни одна карта ему не измѣняла. Однажды, кто-то вздумалъ испытать съ нимъ своего счастія. Оттокаръ и съ нимъ постоянно былъ побѣдителемъ. Противникъ старался перемочь. Начался горячій бой. Тотъ хладнокровно записывалъ тысячи. Противникъ хотѣлъ отыграться, и удвоивалъ ставки. Игра продолжалась; куши возвышались; всѣ окружающіе безмолвствовали и дивились. Послѣдовала остановка. Оттокару шепнули на ухо:

— Милостивый государь, теперь я ставлю мое послѣднее достояніе. Если проиграю, меня завтра не будетъ на свѣтѣ.

Какъ настоящій игрокъ, Оттокаръ былъ безжалостенъ; не посмотрѣлъ ни какое отчаяніе, и выигралъ. До ушей его достигъ опять едва внятный лепетъ:

— Вы, милостивый государь, не хотите взглянуть на меня: мнѣ извѣстно, что вы знакомы съ Арабеллой.

Оттокаръ вскочилъ съ мѣста: онъ увидѣлъ передъ собою длиннаго мущину съ блѣднымъ лицемъ. Онъ потеръ себѣ лобъ: человѣка этого онъ гдѣ-то видѣлъ!

— Вы любите Арабеллу, продолжалъ игрокъ: я конечно могъ бы кончить игру, зарядить пистолетъ и положить предѣлъ своей жизни, но мнѣ хочется еще проиграть вамъ нѣчто другое, что вѣроятно будетъ для васъ дороже всѣхъ моихъ свертковъ съ червонцами. Я ни за что въ мірѣ не поставилъ бы Арабеллы на карту; но готовъ и это сдѣлать, если вы меня удостовѣрите, что, если выиграете Арабеллу, возвратите мнѣ всѣ проигранные вамъ деньги.

Оттокаръ былъ внѣ себя. Всѣ раны его опять открылись. Онъ узналъ маркиза Негро. Изумленіе, страхъ, недовѣрчивость, отняли у него языкъ.

— Идетъ ли нашъ договоръ? спросилъ умоляющій маркизъ.

— Согласенъ, пробормоталъ Оттокаръ, поставилъ карту на договоръ, и выигралъ.

Маркизъ захохоталъ, мигнулъ счастливцу, и они вышли оба вмѣстѣ.

═

Арабелла, въ сумерки, лежала въ полутемной комнатѣ, на покойномъ диванѣ, когда Оттокаръ вошелъ къ ней съ маркизомъ. Арабелла встала, и Оттокаръ былъ у ногъ ея.

Но она, казалось, не узнавала его.

Оттокаръ взглянулъ на возлюбленную. Она была такъ прекрасна!..... Такъ же прекрасна какъ и прежде, во время своей притворной холодности. Оттокаръ, какъ прежде, схватилъ ея руку.

Арабелла испугалась. Слова потухли на устахъ ея.

Маркизъ подошелъ къ очаровательницѣ и прошепталъ ей на ухо: «Это Оттокаръ!» Тутъ слезы полились у ней ручьями, и она, простирая руку какъ-бы наугадъ, схватила Оттокара за голову и прижала ее къ своей полной и пахучей груди. Оттокаръ вскричалъ:

– Арабелла! ты теперь навѣки моя.

Она вздрогнула, и указала на сторону, гдѣ стоялъ маркизъ.

– Негро, что должно мнѣ думать?

Оттокаръ ея не понялъ; между-тѣмъ маркизъ шепнулъ ей нѣсколько словъ, и исчезъ. Она была одна съ своимъ возлюбленнымъ. Онъ разсказалъ ей все, что съ нимъ случилось со времени разлуки, повторилъ ей свои прежнія клятвы, дерзнулъ напечатлѣть страстный поцѣлуй на ея алыхъ губахъ: она не противилась; но всѣ ея дѣйствія выражали боль и недоумѣніе. Она говорила о сердцѣ Оттокара, и схватывалась за его руку; говорила объ его челѣ, и цѣловала уста. Каждое ея движеніе было расчитано, и каждое казалось неправильнымъ. Оттокаръ еще разъ взглянулъ на нее. Она искала его въ противоположной сторонѣ. О, тутъ онъ догадался: Арабелла была слѣпа!

Металлическія частицы, входившія въ составъ таинственнаго средства, которое маркизъ будто-бы купилъ въ гаремѣ султана, отравили ея глазныя нервы. По мѣрѣ возвышенія ея красоты ослаблялась сила зрѣнія. Постепенно тускнѣли передъ нею очерки отдаленныхъ предметовъ; потомъ туманились и самые близкіе; наконецъ перестала она различать и цвѣта; и хотя глаза ея были ясны и чисты, но вокругъ нихъ скопился уже мракъ непроницаемый. Ей не въ чемъ было таиться отъ Оттокара: она призналась ему во всемъ; не скрыла даже того, что маркизъ заранѣе предъупредилъ ее о вредныхъ послѣдствіяхъ своего секрета, и что она мужественно имъ подверглась,

чтобъ только быть прекрасной. Это такъ восхитительно! такъ сладко!.....

Любовь Оттокара была превыше подобнаго признанія, но онъ заклиналъ ее не прибѣгать болѣе къ маркизову средству. Арабелла однако жъ его не оставила. Она страшилась подурнѣть, какъ иные страшатся проклятія, и страшилась потому, что она не только любила Оттокара, но еще хотѣла удержать его себѣ какъ-можно долѣе. Она далеко запрятала предательскій подарокъ навсегда удалившагося маркиза; въ томъ только полагала все свое счастіе, чтобы нравиться и удивлять неувядающей красотою; сама она, по правдѣ сказать, не могла болѣе ея видѣть, но ей хотѣлось, чтобъ Оттокаръ ее видѣлъ.

Слѣпотою однако жъ не кончилось. Всѣ чувственные органы несчастной постепенно заражались и приходили въ изнеможеніе. Благороднѣйшія отправленія тѣла и ума прерывались. Арабелла была только чудеснымъ призракомъ, и была довольна этимъ. Такъ встрѣчала она близкую смерть свою. Оттокаръ былъ неразлучно съ нею.

Однажды сидѣла она подлѣ своего вѣрнаго друга, ослѣпшая, глухая, утратившая всѣ умственныя способности; одинъ языкъ еще могъ служить ей, для выраженія нѣсколькихъ, трогательныхъ, едва внятныхъ, словъ любви. И вдругъ она онѣмѣла. Всѣ нити жизни начали распадаться. Глаза лопнули; она упала назадъ, безъ боли, но и безъ памяти. Такъ испарилась изъ нея послѣдняя капля жизни. Арабелла скончалась!

Но, и мертвая, она еще блистала той же чудесною красотою. Румянецъ ланитъ сохранилъ свой розовый цвѣтъ; алые уста были одѣты плѣнительною улыбкою; всѣ формы круглились полнотою; все тѣло казалось такъ свѣжимъ, какъ-будто вышло изъ ванны. Она лежала какъ усыпленная нимфа баснословнаго міра, вызывающая художника съ палитрой или рѣзцомъ.

Въ болѣзненномъ изступленіи созерцалъ ее Оттокаръ: онъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ столько прелестей могло украшать умершую. «Это еще не смерть!» повторялъ онъ неоднократно. Онъ подошелъ къ ней ближе, наклонилъ голову къ ея лицу, приложилъ уста свои къ устамъ Арабеллы..... И что жъ? Губы его вдавились въ кучу праха. Арабелла находилась въ такомъ состояніи, въ какомъ бываетъ прахъ трупа, преданнаго около ста лѣтъ разрушенію. Она здѣлалась тѣмъ, во что всѣ мы обратимся, – землею.....

Оттокаръ закрылъ глаза, и опрометью бросился въ двери. И теперь еще блуждаетъ онъ по міру, преданный отчаянію. Но ужасъ этого послѣдняго зрѣлища преслѣдуетъ его повсюду.

Кто бы подумалъ, что маркизъ, отдавая Арабеллѣ въ руки это безбожное косметическое средство, напередъ и весьма подробно описалъ старой дѣвѣ страшную ея кончину!..... И она не устрашилась истлѣть живая, лишь-бы только быть пять сотъ дней прекрасною! Это такъ восхитительно!.....

П. К.

Beyenkorf's Magazine.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СТРАНСТВОВАНІЕ

АРАБСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ

ИЗЪ АЛЕППА ВЪ МОСКВУ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Мы намѣрены познакомить читателей съ однимъ важнымъ матеріаломъ для исторіи Россіи XVII вѣка.

Имя Макарія, патріарха Антіохійскаго, извѣстно занимающимся отечественною исторіею: онъ «приглашенъ былъ въ Москву» царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, вмѣстѣ съ Паисіемъ, патріархомъ Александріи, для составленія вселенскаго собора, который долженъ былъ осудить Никона. Но этотъ Сирійскій святитель отправился въ путь изъ своей іерархіи совсѣмъ для другой цѣли, и получилъ приглашеніе царя Алексѣя къ собору, когда уже находился въ Россіи. Необходимость собрать подаянія благочестивыхъ для уплаты податей и долговъ Антіохійской патріаршей церкви понудила его отправиться въ отдаленныя христіанскія земли православной вѣры. Спутникъ его, архидіаконъ Павелъ, родомъ изъ Алеппа, велъ дневникъ въ продолженіе всего путешествія, записывая все, что они встрѣчали замѣчательнаго. Случайное положеніе этихъ двухъ Аравитянъ какъ свидѣтелей и участниковъ одного изъ важнѣйшихъ событій царствованія Алексѣя Михайловича, и потомъ лѣтописцевъ этого событія, поставляетъ патріарха Макарія на степень лица

историческаго, а сочиненіе его архидіакона на ряду съ источниками для исторіи эпохи. Оно доселѣ неизвѣстно Русскимъ читателямъ, и еще недавно сдѣлалось извѣстнымъ ученому свѣту. Дневникъ этотъ писанъ по-Арабски, и существуетъ, по всей вѣроятности, въ числѣ весьма не многихъ экземпляровъ. Одинъ экземпляръ, съ котораго Г. Бельфуръ предпринялъ въ Лондонѣ свой переводъ, купленъ былъ, въ 1824 году, въ Алеппѣ, на родинѣ автора, и Англійскій оріенталистъ не могъ достать другаго списка, сколько ни спрашивалъ объ немъ въ библіотекахъ Константинополя, Смирны и Каира. Г. Сенковскій видѣлъ другой экземпляръ этого любопытнаго путешествія у покойнаго Арыды, въ Айнъ-Турѣ, и читалъ бо̀льшую часть его во время своего пребыванія въ домѣ этого знаменитаго Арабскаго ученаго. Неизвѣстно кому достался этотъ прекрасный списокъ послѣ смерти Арыды, который чрезвычайно дорожилъ имъ и съ трудомъ давалъ его въ руки лучшимъ своимъ пріятелямъ. Экземпляръ Арыды былъ писанъ грамотою *Кершуни*; употребительною у Маронитовъ, то есть, писанъ по-Арабски Сирійскими буквами. Лондонское Общество для Печатанія Переводовъ съ Восточныхъ Языковъ, Oriental Found Translation Committee, напечатало теперь Бельфуровъ переводъ путешествій Макарія *. Чтобы поставить нашихъ читателей въ возможность оцѣнить содержаніе этого сочиненія, котораго бо̀льшая, и самая важная, половина посвящена пребыванію путешественниковъ въ нашемъ отечествѣ, мы сдѣлаемъ подробный обзоръ всего, что только находится въ немъ о Россіи, частію въ близкомъ переводѣ, частію въ сокращеніи, такъ, чтобъ это извлеченіе представляло всѣ подробности, сообщаемыя подлинникомъ, объ историческихъ происшествіяхъ и лицахъ, и могло замѣнить полный переводъ книги, котораго она, вѣроятно, никогда у насъ не дождется, будучи писана болѣе для монастырскихъ читателей чѣмъ для свѣтскихъ. Переводъ Г. Бельфура еще не вышелъ впол-

* The Travels of Macarius, patriarch of Antioch, written by his attendant, archdeacon Paul of Aleppo, in arabic. Translated by F. C. Belfour, A. M. Oxon. LL. D., of the Greek university of Corfu, member of the Royal Asiatic Society of Great-Britain and Ireland, and of the Oriental Translation Committee. London, 1829 — 1834. Five parts, 4to.

нѣ и издается очень медленно. Мы будемъ возвращаться къ нему по мѣрѣ появленія его книжекъ, которыхъ будетъ по-крайней-мѣрѣ еще три. Пять уже напечатаны, и мы изложимъ ихъ содержаніе въ двухъ статьяхъ, изъ которыхъ первая посвящена будетъ наблюденіямъ Сирійскихъ путешественниковъ въ Молдавіи и Валахіи, а вторая ихъ пребыванію въ Землѣ Казаковъ и Царствѣ Московскомъ.

Начнемъ выпискою большей части предисловія, написаннаго Алеппскимъ архидіакономъ, и въ которомъ онъ простодушно излагаетъ причины, побудившія патріарха отправиться въ далекія страны, а его архидіакона описать похожденія своего владыки въ тѣхъ краяхъ. Предисловіе это имѣетъ форму всѣхъ Арабскихъ введеній, принятую равно мусульманскими какъ и христіанскими писателями, и хотя форма можетъ показаться дивною Русскимъ читателямъ, не слѣдуетъ однако заключать, чтобы въ ней заключалось что-нибудь необычайнаго или страннаго. Напротивъ того, судя въ духѣ Восточной эстетики, это предисловіе чрезвычайно естественно и просто*.

«Во имя единаго, превѣчнаго Бога, безначальнаго, безконечнаго. На Него мое упованіе и въ Немъ моя надежда! Хвала Господу, который создалъ небеса и поставилъ ихъ высоко безъ подпоръ; создалъ землю и отдалъ ее на жилище рабамъ Своимъ, такъ, что сыны отца нашего Адама сдѣлались народами безсчетными, расплодились на ней, и построили селенія, города, столицы во всѣхъ климатахъ и странахъ и во всѣхъ частяхъ свѣта, на югѣ и сѣверѣ, на востокѣ и на западѣ. Его всевладычеству и божественности надлежитъ намъ воздавать хвалы всегда и во всякое время, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

«Я, нищій рабъ Его, изо всѣхъ людей наиболѣе нуждающійся въ милости Господа Бога моего, по имени Павелъ (*Бу-*

* Хотя переводъ разныхъ частей сочиненія, который мы здѣсь предлагаемъ, сдѣланъ по Англійскому переводу, надобно однако жъ предупредить, что въ немъ допущены нѣкоторыя уклоненія отъ смысла разныхъ выраженій, принятаго Г. Бельфуромъ. Англійскій переводчикъ, кажется, не хорошо понималъ значеніе многихъ Арабскихъ словъ, и О. И. Сенковскій принялъ на себя трудъ сдѣлать необходимыя поправки.

лось), архидіаконъ (*шаммасъ*) православной Церкви, родомъ изъ Алеппа, духовный сынъ святѣйшаго, возвышеннѣйшаго и всемилостивѣйшаго отца киръ-кира Макарія, патріарха Антіохійскаго, сына покойнаго приходскаго священника (*эль-хури*) Павла, сына приходскаго священника Абдъ-эль-Месихъ-эль-Протоса, по мѣсту своего рожденія прозваннаго Бейтъ-эль-Заанми, — вступилъ въ тѣснѣйшій союзъ съ моимъ духовнымъ отцомъ и пользовался единственно его дружбою съ той поры, какъ былъ оторванъ отъ груди моей матери плачевною ея смертію. Онъ взялъ на свое попеченіе напутствовать меня, и никто кромѣ его не утѣшалъ меня въ печали. Его животворныя слова были моей постоянною пищею; его нѣжныя и укрѣпительныя наставленія питьемъ моимъ. Я повиновался ему во всѣхъ его приказаніяхъ, и гдѣ былъ онъ, тамъ былъ и я, всегда неразлучный отъ его сообщества. Послѣ различныхъ повышеній, онъ сдѣлался митрополитомъ Алеппскимъ, и оставался въ Алеппѣ двѣнадцать годовъ. Онъ взошелъ потомъ на престолъ патріархата Антіохійскаго, сѣдалище апостола Петра и первое по своей важности, которое въ настоящее время находится въ Дамаскѣ Сирійскомъ. Здѣсь въ теченіе долгаго времени онъ посвящалъ неусыпные труды устроенію дѣлъ своей патріархіи и управлялъ ею съ благими намѣреніями и самою прозорливою осторожностью, пока не былъ вызванъ, рукою Провидѣнія, предпринять странствованіе въ отдаленнѣйшія земли, города и острова,—не для отдохновенія, не для удовольствій путешествія или по желанію видѣть неизвѣстныя страны, но по понужденію трудностей и тягостей времени: долги патріархата, накопившіеся при жизни покойнаго владыки, кира Евѳимія, родомъ изъ Хіоса и пользовавшагося доброю славою, удвоились въ это время, а доходы уменьшились отъ разныхъ злоупотребленій, такъ, что откупщики десятины, какъ ни велико было изобиліе и плодородіе земель, не могли ими уплачивать подати. Удрученный горестью при видѣ этихъ несчастій, онъ тосковалъ о безнадежности отъ нихъ избавиться. Онъ не могъ ожидать отъ своей земли помощи злосчастію, не могъ найти въ ней никого, кто бы предложилъ средство къ избавленію. Его святѣйшеству не осталось другаго спасенія, какъ засучить полы рѣшимости, поднять

ногу дѣятельности и закинуть ее на сѣдло терпѣливаго коня трудовъ и странствованій. Онъ вознамѣрился обратить лице и шаги свои на высокій путь государей, и, прошедши тяжелыми стопами черезъ песчаную пустыню страданій, прибыть къ фонтанамъ чистой воды, къ обширнымъ, пріятнымъ озерамъ и источникамъ высокихъ достоинствъ и драгоцѣнныхъ качествъ, къ убѣжищу умоляющихъ и покрову просящихъ, — къ могущественнымъ и побѣдоносным монархамъ, и благочестивымъ князьямъ и беямъ, которые славятся своимъ православіемъ и искренней вѣрою, — да продлитъ Господь ихъ владычество и ихъ династіи! да укрѣпитъ ихъ существованіе и увѣковѣчитъ въ зенитѣ блеска созвѣздіе ихъ благополучія! — чтобы испросить, у ихъ великодушія и рѣдкой щедрости, чѣмъ бы выплатить долги свои и помочь православной религіи. Я вызвался сопровождать его и раздѣлять съ нимъ труды и опасности путешествія, и, съ Божія благословенія, мы приготовились къ нему, и обратили умы свои въ дорогу.

«При этомъ, одинъ изъ моихъ лучшихъ и искреннихъ друзей, почтенный, ученый и отличный братъ, фениксъ своего вѣка и удивленіе современниковъ, дьяконъ Гавріилъ, сынъ покойнаго Константина Серебренника, мужъ весьма искусный, обходительный, опытный въ наукахъ и обладающій прекраснымъ языкомъ, изъявилъ мнѣ желаніе, чтобъ я велъ свой дневникъ и сохранилъ такимъ образомъ всѣ обстоятельства и подробности нашего странствованія и роспись пути на каждый день, во все время нашего отсутствія; чтобъ я описывалъ съ точностью положеніе тѣхъ странъ, черезъ которыя будемъ проходить, и то, что услышимъ объ ихъ исторіи и преданіяхъ. Я извинялся передъ нимъ, что не могу этого принять на себя, имѣя недостатокъ въ необходимѣйшихъ свѣденіяхъ, — искусствѣ сочинять и соединять мысли, употреблять слова со всѣми тонкостями Грамматики, и составлять красивые и изящные періоды по правиламъ этой матери наукъ. Я просилъ у него прощенія моей неспособности, тѣмъ болѣе, что мы будемъ путешествовать безъ всякихъ удобностей и наскоро. Но онъ отвергъ мои отговорки, повторилъ просьбу и настоялъ на ея исполненіи.»

Патріархъ отправился въ путь изъ Алеппа въ четвертокъ, девятаго числа мѣсяца теммуза (іюля), 7160 (1652 отъ Р. Х.) года. Архидіаконъ и другіе спутники оставили этотъ городъ нѣсколькими днями позже. Они соединились въ Антакіи (Антіохіи), и продолжали путь черезъ Искендерунъ (Александретту), Баясъ и Адану, въ Конію. Въ мѣстечкѣ Боръ, они праздновали первое сентября, или наступленіе новаго года, 7161 отъ сотворенія міра. Архидіаконъ прилежно записывалъ всѣ подробности переѣздовъ, не пропуская ни малѣйшаго обстоятельства, особенно по части церковныхъ служебъ и обрядовъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ. Изъ Коніи они отправились черезъ Брусу въ Муданію; сѣли здѣсь на лодку, и вытерпѣли на морѣ сильную бурю. Двадцатаго числа тешрина-перваго (октября), черезъ три мѣсяца послѣ отбытія изъ Алеппа, они прибыли въ Константинополь. Вѣрный обѣщанію, которое далъ дьякону Гавріилу, «фениксу своего времени и удивленію современниковъ», архидіаконъ Павелъ не забылъ внести въ свой дневникъ того, какъ принялъ Макарія патріархъ Константинопольскій, Паисій, какія служили обѣдни по случаю его прибытія, и какъ они осматривали всѣ церкви и мечети «города Костантиніе». Столица Мухаммеда IV, который тогда царствовалъ, представила вниманію Алеппскаго архидіакона только рядъ церквей и мечетей, двухъ патріарховъ и Греческое духовенство. Его взглядъ не обращался на другіе предметы. Паисій воспользовался прибытіемъ въ Константинополь другаго патріарха, чтобы торжественно отлучить отъ церкви одного изъ членовъ духовенства, который насильно овладѣлъ многими іерархіями и провозгласилъ себя патріархомъ. Его звали Кирилломъ, и онъ былъ родомъ Испанецъ. Архидіаконъ Павелъ видѣлъ его въ Галатѣ, гдѣ онъ тогда жилъ, и записалъ въ своемъ дневникѣ, что «сеньоръ Кириллъ носитъ бѣлую чалму на головѣ». Два патріарха прокляли его, исчисливъ всѣ его грѣхи и преступленія. Черезъ нѣсколько времени, Макарію, вмѣстѣ съ другимъ Паисіемъ, патріархомъ Александрійскимъ, суждено было отлучить отъ церкви другое, болѣе важное лице, знаменитаго патріарха Русскаго.

Макарій отправился изъ Константинополя моремъ. Онъ намѣревался доѣхать такимъ образомъ до устьевъ Дуная, но

противные вѣтры принудили его сойдти на берегъ въ городъ Кьостенджи и ѣхать сухимъ путемъ. Двѣнадцатаго числа кенуна-втораго (января) они были уже въ Галацѣ, въ Молдавіи, и черезъ двѣ недѣли въѣхали въ ея столицу, Яссы, гдѣ принуждены были оставаться около восьми мѣсяцевъ. Долговременное пребываніе въ этомъ городѣ позволило архидіакону заняться и недуховными предметами: онъ описываетъ жилища, одежду и обычаи Молдаванъ, и простодушно дивится ихъ странности, — особенно ихъ домамъ, «на которыхъ крыши не плоскія, а остроугольныя, какъ горбъ у верблюда». Онъ даже посвятилъ особую главу исчисленію произведеній растительнаго и животнаго царства Молдавіи. Мы приведемъ описаніе аудіенціи Антіохійскаго патріарха у тогдашняго господаря Василія Лупулы, не столько потому, чтобъ оно было занимательнѣйшею главою книги, сколько длятого чтобы показать наивность его разсказа и обычаи того времени: это необходимо, чтобъ дать понятіе о сочиненіи.

«Утромъ во вторникъ, осьмаго шубата (февраля), его высочество бей (господарь) извѣстилъ нашего владыку патріарха, чтобъ онъ, приготовился на свиданіе съ нимъ, и около полудни прибылъ силихдаръ (оруженосецъ) въ какой-то телѣгѣ безъ колесъ, называемой на ихъ языкѣ *санья* (сани): тогда былъ морозъ и много выпало снѣгу; телѣгъ съ колесами не употребляли, а ѣздили на *санья*, потому что этого рода колесницы въ такое время и скорѣе и безопаснѣе. Предшествуемые стражами, мы прибыли такимъ образомъ во дворецъ, гдѣ нашли бея одного въ своемъ отдѣленіи. Патріархъ представилъ ему письма, привезенныя отъ Паисія, патріарха Константинопольскаго, отъ низложеннаго Эваникія, и отъ Іерусалимскаго патріарха. Лишь-только логоѳетъ окончилъ чтеніе писемъ, бей всталъ съ своего мѣста и снялъ *калпакъ*. Тогда патріархъ поднесъ ему безцѣнные дары, — нижнюю челюсть Св. Василія Великаго, желтаго цвѣта, крѣпкую, тяжелую и блестѣвшую какъ золото: запахъ ея былъ благовоннѣе амбры, и на ней оставались два зуба, большой и маленькій; она досталась намъ въ Константинополѣ, гдѣ хранилась у родственниковъ кира Григорія, митрополита Кесарійскаго, и была куплена на вѣсъ золота.

Мы представили ему и другіе подобные дары изъ разныхъ мѣстъ, — нѣсколько безцѣнныхъ мощей двѣнадцати апостоловъ, полученныя также въ Константинополѣ, матери городовъ. Между святыми рѣдкостями, пріобрѣтенными тамъ на золото, были еще частица крови Св. Георгія, нѣсколько волосъ мученицы Анастасіи, которые избавляютъ отъ порчи колдовства, палецъ матери Св. Евстафія Мученика, нѣсколько кусковъ камня отъ Святаго гроба, нѣсколько кусковъ дерева отъ Креста Спасителя, темнаго цвѣта, какъ черное дерево, и весьма тяжелыхъ. Мы испытывали класть ихъ въ огонь: они, казалось, горѣли; но вынутые изъ него, принимали прежнія формы. Мы клали ихъ въ воду: они опускались на дно. Они хранились въ кругломъ ящичкѣ Индѣйской работы, прекрасно сдѣланномъ; лежали на хлопчатой бумагѣ и были покрыты кускомъ парчи величиною въ этотъ ящикъ, который влагался въ чахолъ изъ розовой тафты съ снурками изъ синяго шелку. Когда бей увидѣлъ это сокровище, онъ пришелъ въ восторгъ и изумленіе, и не могъ удержать своей радости при словахъ патріарха — «Это все для тебя: да сохранитъ оно отъ всякихъ бѣдъ»! Мы представили еще пузырекъ съ святымъ елеемъ: тогда бей почувствовалъ великую любовь къ нашему владыкѣ патріарху, и говорилъ ему о тѣхъ, которые правили здѣсь до него, и сколько печалилось сердце его при видѣ ихъ поведенія. Послѣ этого, онъ вышелъ съ патріархомъ въ диванъ, гдѣ накрытъ былъ столъ». Архидіаконъ описываетъ красоту тарелокъ, ножей и вилокъ, которыя были всё изъ чистаго золота или серебра; наряды прислужниковъ, отборность кушаньевъ и винъ, и этикетъ придворнаго Молдаванскаго обѣда. Отобѣдавъ у господаря, патріархъ былъ отвезенъ въ саняхъ въ монастырь, гдѣ онъ, было, остановился.

Вотъ, что говоритъ архидіаконъ о господарѣ Василіи.

«Изображеніе высокихъ достоинствъ бея, его ума и познаній, превосходствъ его здраваго смысла, его глубокихъ понятій о книжной мудрости древнихъ и новыхъ, язычниковъ, христіанъ и Турковъ, его мужества и воинскаго искусства, превосходитъ силы человѣческихъ способностей. То истинно, что онъ сравнялся съ прежними императорами

Греціи и, можетъ быть, сталъ выше ихъ. Его совершенства прославляются въ цѣломъ мірѣ, и его обильныя щедрости и знаменитыя дѣянія извѣстны не только патріархамъ и митрополитамъ, священникамъ, монахамъ и мірскимъ людямъ, не только въ церквахъ и монастыряхъ, но даже аги, купцы, дервиши, ремесленники и другіе изъ народа Оттоманскаго, имѣютъ обыковеніе клясться его головою. Несмотря на то, онъ до-сихъ-поръ предметъ ихъ ненависти, и невозможное дѣло, чтобъ онъ удержалъ свою власть. Онъ извѣстенъ, сказалъ я, всему свѣту: царь и вельможи Московскіе всегда радуются, получая отъ него письма, и обращаются съ ними съ великимъ почтеніемъ. Это происходитъ оттого, что они слышали объ его характерѣ — что онъ любитъ и почитаетъ церкви и монастыри и раздаетъ милостыню всѣмъ людямъ. Король Ляхистана (Польши) и Польскіе вельможи такъ же уважаютъ его; *Ихмиль* (Хмѣль), глава Казаковъ, взялъ за себя его дочь*; ханъ и Татары любятъ его болѣе всѣхъ; императоръ Германскій, король Венгерцевъ (Трансильванскій банъ) и Венеціянцы также расположены къ нему. Онъ напечаталъ большое количество книгъ, церковныхъ, служебныхъ, духовныхъ, и объясненій на нихъ. Для собственнаго народа, Молдавскаго, онъ печаталъ книги на Валашскомъ языкѣ. Прежде, народъ читалъ молитвы на Сербскомъ, который походитъ на Русскій: начиная съ Булгаріи, въ Сербіи, Валахіи, Молдавіи, Землѣ Казаковъ и Мускобѣ (Московіи), вездѣ читаютъ по-Сербски, на которомъ писаны ихъ Книги. Но языкъ Валаховъ и Молдаванъ есть Римскій (*лимба руманяска*, lingua romana, Волошскій), и они не понимаютъ того, что читаютъ на Сербскомъ. По этой причинѣ, онъ выстроилъ близъ монастыря каменное зданіе для училища, при которомъ и печаталъ книги на ихъ природномъ нарѣчіи. Сербы, Булгары, Казаки и Мускобы (Московцы) говорятъ од-

* Такъ называетъ архидіаконъ Хмѣльницкаго. *Ихмиль*, — не что иное какъ Русское слово «Хмѣль», но его нельзя написать иначе по-Арабски. Архидіаконъ ошибается, говоря, что самъ гетманъ женился на дочери господаря: она была за его сыномъ Тимоѳеемъ, и была взята насильно, вмѣстѣ съ двѣнадцатью тысячами червонныхъ контрибуціи, послѣ опустошенія Молдавіи тридцатью шестью тысячами Казаковъ и Татаръ.

нимъ языкомъ, который измѣняется только по мѣстности; но Книги и письмена у нихъ однѣ и общія всѣмъ».

Осыпавъ незаслуженными похвалами господаря, кровожаднаго и безтолковаго изувѣра, но щедраго къ своимъ Сирійскимъ гостямъ, Павелъ столь же неумѣренно порицаетъ его подданныхъ.

«Субботнія засѣданія дивана назначены исключительно для суда преступниковъ, — для приговоренія къ смерти убійцъ и освобожденія невинныхъ. Всемогущій Богъ не создалъ на лицѣ земномъ народа болѣе преступнаго какъ Молдаване, потому что *всѣ* они разбойники или воры. Сочтено, что съ тѣхъ поръ, какъ Василій сдѣлался беемъ (господаремъ) двадцать три года тому назадъ, присуждено было къ смертной казни болѣе четырнадцати тысячь мошенниковъ. Притомъ, онъ никогда не приговариваетъ къ смерти за первое преступленіе: преступника только пытаютъ, бьютъ кнутомъ и выставляютъ у позорнаго столба; послѣ этого отпускаютъ его на волю. За вторую вину отрѣзываютъ одно ухо, за третью другое; только за четвертое преступленіе казнятъ. Мы сами были свидѣтелями черты характера этого народа, которая поражаетъ ужасомъ: именно, мы видѣли, какъ вели на казнь даже священниковъ: Бей, при всей своей строгости, не въ состояніи былъ ихъ исправить. Даже жены и дочери Молдаванъ лишены всякой скромности, и хотя бей рѣжетъ имъ носы, ставитъ ихъ къ позорному столбу и топитъ, такъ, что ихъ погибло уже нѣсколько тысячъ, но никакъ не можетъ исправить ихъ поведенія».

Предчувствіе архидіакона, хотя не далекаго въ политикѣ, что «бею не удержать своей власти», сбылось вскорѣ передъ его глазами. Мы приведемъ описаніе бунта въ Яссахъ и междоусобной войны, потому что она имѣла слѣдствіемъ изгнаніе и погибель семейства Василія Лупулы и смерть Тимоѳея Хмѣльницкаго, и пропустимъ то что путешественникъ говоритъ собственно о Молдавіи. Подробности, которыя разсказываетъ Арабскій путешественникъ, составятъ важное прибавленіе къ показаніямъ князя Кантемира и къ тѣмъ, которыми пользовался Г. Бантышъ-Каменскій при сочиненіи исторіи Малороссіи.

Патріархъ долго не видалъ господаря. «Наконецъ, мы узнали, пишетъ архидіаконъ, о причинѣ его отсутствія. Непосредственнымъ поводомъ къ тому было слѣдующее обстоятельство. Онъ получилъ бумагу отъ одного священника о томъ, что вельможи его страны измѣняютъ ему, и что они, съ мегасъ-логоѳетомъ (канцлеромъ), составили заговоръ, чтобъ его убить. Дней десять тому назадъ, логоѳетъ хитрымъ образомъ съѣздилъ къ краю Маджаровъ (королю Венгерцевъ, то есть, бану Трансильванскому) и къ Матвѣю, бею Валлахіи, чтобъ имѣть у нихъ убѣжище въ случаѣ нужды; что онъ обвинялъ передъ ними Василія въ намѣреніи покорить, при помощи Казаковъ, Венгрію и Молдавію. Оба владѣтеля вспылали гнѣвомъ, услышавъ объ этомъ, и поручили мегасъ-логоѳету значительную силу въ тридцать тысячъ воиновъ, чтобъ онъ пошелъ съ ними противъ Василія и умертвилъ его. Логоѳетъ умѣлъ съ ними поладить и увѣрить, что онъ и они — одно и то же. Онъ условился съ военачальниками Молдавской арміи, чтобъ они овладѣли Василіемъ въ вербное воскресенье, во время обѣденной службы въ монастырѣ, гдѣ онъ обыкновенно праздновалъ этотъ торжественный день; чтобъ привели его въ келью и тамъ умертвили. Всеблагій Богъ не допустилъ ихъ до того: бумага, о которой я упомянулъ, извѣстила бея о заговорѣ. Его щедрость и милосердіе, которыя онъ оказывалъ всякому, отвратили отъ него это несчастіе.

«Лишь-только Василій узналъ объ умыслѣ, онъ тотчасъ заперся, и, собравъ казну и имущество, отправился съ своимъ семействомъ въ крѣпость Хотини (Хотинъ), на Польской границѣ. Онъ собралъ здѣсь свои войска; но они всѣ были вѣроломны и мятежны. Онъ удалился въ крѣпость, и въ свѣтлую субботу переправился изъ нея черезъ рѣку въ Польскія владѣнія и явился въ крѣпости, называемой Каманиджа (Каменецъ-Подольскій). Отсюда онъ отправилъ письма въ Константинополь, съ объясненіемъ того, что случилось, и послалъ просить помощи у Ихмиля (Хмѣля), гетмана Казаковъ, и у его сына, зятя Васильева, Тимоѳея. Онъ послалъ также просить вспомогательнаго войска у хана Татарскаго.

«Прежде чѣмъ Василій выѣхалъ изъ Яссъ, онъ казнилъ трехъ человѣкъ, начальниковъ своей арміи. Одинъ изъ нихъ былъ *сердаръ-эль-искеръ*, «главнокомандующій». Василій былъ его крестный отецъ, а домна (господарша) — крестная мать, и они любили его чрезвычайно. Бей не скрывалъ отъ него ни какой тайны, и питалъ къ нему самую искреннюю привязанность. Онъ отправилъ его однажды посломъ къ кралю Венгерцевъ, Ракоту (Ракочи II, бану Трансильванскому); тотъ заключилъ съ кралемъ условія, чтобъ согнать бея съ престола, увѣривъ его, что Василій подкупаетъ Турковъ для того, чтобы они признали кралемъ его брата. Ракотъ повѣрилъ ему совершенно. Другой разъ онъ отправилъ его посломъ къ Матвѣю, воеводѣ Валлахіи; тутъ измѣнилъ онъ такимъ же образомъ, лживо и вѣроломно увѣрилъ, что бей подкупаетъ Турковъ и старается получить отъ нихъ позволеніе овладѣть престоломъ Валлахіи для своего сына Стефана. И этотъ повѣрилъ ему, какъ повѣрилъ тотъ; вступилъ въ сношенія съ кралемъ Венгерцевъ, и они заключили союзъ съ логоѳетомъ, котораго обѣщали сдѣлать беемъ Молдавіи всѣми своими средствами и силами.

«Логоѳетъ не переставалъ отправлять просьбы, хитрить и употреблять всевозможныя усилія до тѣхъ поръ, пока не привлекъ на свою сторону значительнѣйшихъ особъ Молдавіи, которыя ужасно ненавидѣли Василія, его вельможъ и всѣхъ Грековъ. Особенною причиною ихъ ненависти было то, что племянникъ Василія, котораго имени не могу теперь припомнить, обезчестилъ четыре тысячи дѣвицъ. Семейства ихъ жаловались: невозможно было скрыть явности его преступленій, потому что онъ врывался въ ихъ домы въ ночное время и похищалъ дѣвицъ. Онъ былъ виновенъ и во многихъ другихъ преступленіяхъ.

«Три года логоѳетъ продолжалъ питать свои замыслы, пока не достигъ цѣли, и не получилъ изъ Константинополя согласія Турковъ на свои затѣи. Василій, въ послѣдній разъ, призвалъ его къ себѣ, и далъ ему на сохраненіе десять тысячъ червонныхъ. Тотъ выдумалъ новую хитрость: онъ отослалъ свою жену въ дальнюю деревню, и черезъ нѣсколько дней представилъ бею письмо, въ которомъ говорилось, что

она чрезвычайно нездорова. Бей позволилъ ему отправиться къ женѣ. И прежде, смѣясь надъ беемъ, онъ распускалъ мало-по-малу иноземныя войска изъ уроженцевъ Греціи, Сербіи, Булгаріи и другихъ странъ, которыхъ бей содержалъ уже нѣсколько лѣтъ на свой счетъ: логоѳетъ извинялся предлогомъ, что у бея нѣтъ непріятелей, противъ которыхъ нужно было бы защищаться. Теперь, сыпля деньги, которыя бей далъ ему на сохраненіе, онъ въ теченіе великаго поста всякое воскресенье распускалъ ихъ по нѣскольку отрядовъ, пока не уволилъ всѣхъ. Хитрость удалась; туземныя войска всѣ отказались отъ повиновенія своему государю.

«Василій отправился изъ Яссъ въ четвертокъ на вербной недѣлѣ. Если бъ онъ не послалъ своего племянника съ войскомъ уничтожить большой мостъ, бывшій на пути непріятелей, они схватили бы его еще въ своей странѣ. Этимъ онъ выигралъ нѣсколько дней, пока они успѣли возстановить мостъ, а тогда ужъ было поздо овладѣть имъ. Посмотрѣли бы на страхъ и ужасъ, какой распространился всюду послѣ ухода льва съ его горы! Всѣ городскіе жители сдѣлались бродягами и разбойниками. Купцы и достаточные граждане свезли свое имущество въ монастыри и укрѣпились тамъ, обставивъ ихъ телѣгами и разными колесницами. Мы были въ такомъ же страхѣ какъ они, потому что не видали ничего подобнаго въ своей жизни. Прекратились молитвы и обѣдни; церкви и часовни были наполнены съѣстными припасами и другими вещами.

«Наканунѣ вербнаго воскресенья, мы служили вечерню въ монастырской трапезѣ, а на другой день утреню безъ обѣдни. Около полудня вступилъ въ Яссы логоѳетъ съ своей огромной арміей, и остановился въ собственномъ домѣ. Въ понедѣльникъ утромъ, онъ вошелъ во дворецъ, и заблаговѣстили во всѣ колокола, потому что онъ вступилъ на тронъ бея. Онъ три года приводилъ въ дѣйствіе свои замыслы, пока наконецъ дождался ихъ выполненія. Онъ теперь принялъ титулъ «Ивановъ Георгичъ Стефаносъ Воевода». Таковъ обычай между беями Молдавіи и Валлахіи — ставить передъ своими именами слово «Ивановъ», какъ *куніе*, или прозвище у Аравитянъ. На печати у нихъ голова теленка. Имя новаго

бея было собственно Джирджсъ (Георгій), и его отцы и предки имѣли прежде княжеское достоинство; ихъ общее названіе было Стефаносъ. Вельможи, войска и народъ, покорились ему, потому что онъ былъ изъ ихъ рода. Причиною ненависти ихъ противъ Василія было то, что онъ родомъ Грекъ и имѣлъ придворныхъ и приближенныхъ изъ Грековъ, которые презирали Молдаванъ дотого, что ввергли ихъ въ величайшую бѣдность и несчастія. Оттого, два эти народа (Греки и Молдаване) питаютъ одинъ къ другому величайшую ненависть.

«Наканунѣ свѣтлаго воскресенья благовѣстили во всѣ колокола, отъ наступленія ночи до восхожденія солнца. Мы встали, служили обѣдню и пѣли «Христосъ воскресе» въ монастырской трапезѣ. Изъ Грековъ, всѣ, духовные и міряне, въ ужасѣ ожидали поминутно смерти отъ меча. Что до насъ касается, то, лишь-только новый бей сѣлъ на престолъ, онъ прислалъ владыкѣ патріарху дневные харчи и просилъ его о молитвахъ, обѣщая всякое добро, — что̀ было чрезвычайно пріятно его патріаршему сердцу. Новый бей зналъ насъ и прежде.

«Не было обѣдни, начиная съ Свѣтлаго понедѣльника до Ѳомина воскресенья, отъ страху и ужаса, которые господствовали. Получили извѣстіе, что Тимоѳей, сынъ Ихиля и зять Василія, перешелъ рѣку Туръ (Днѣстръ), которая составляетъ границу между Молдавіею и Землею Казаковъ, съ войскомъ изъ своихъ земляковъ, чтобы воевать новаго бея, и что онъ разбилъ его отряды, стоявшіе на этой рѣкѣ. По полученіи этого извѣстія, новый бей приготовился встрѣтить врага съ своимъ войскомъ, и, только-что отославъ передъ тѣмъ Венгерскія и Валашскія полки, снова послалъ опять требовать ихъ помощи. Въ это время, приблизилось передовое войско Казаковъ, называемое на здѣшнемъ языкѣ *сатраджи* (чахраджи, авангардъ), въ числѣ только трехъ тысячъ человѣкъ, и разбило отряды, которые бей выслалъ противъ него. Около самого бея собралось до сорока тысячъ ратниковъ изъ Молдаванъ, Венгерцевъ, Германцевъ, Валлаховъ, Сербовъ и другихъ націй. Тогда было время священныхъ празднованій Господа, на которомъ лежитъ вся надежда это-

го нижняго міра; но, среди страху и ужаса, всѣ хранили молчаніе и не праздновали свѣтлой недѣли.

«Бей вышелъ изъ Яссъ со всѣмъ этимъ войскомъ въ среду на второй недѣлѣ послѣ Пасхи; всѣ Греческіе купцы принуждены были итти съ нимъ на войну. Они скоро встрѣтили Казаковъ, и имѣли съ ними дѣло отъ полудня этой среды до полудня слѣдующаго четверга, когда Казаки разсѣяли войско бея и причинили ему большой уронъ.

«Сраженіе происходило слѣдующимъ образомъ. Казаки стояли за палисадами, стѣнами и рвами, а передъ этими поставлены были ихъ телѣги (*араба,* арбы) всѣхъ родовъ. Центръ позиціи занимали они сами и ихъ лошади, храня совершенную тишину и молчаніе въ своихъ укрѣпленіяхъ, такъ, что нельзя было замѣтить ни одного человѣка. Молдаване думали, что они мертвы, и послали отрядъ *дарбановъ* (драбантовъ), въ числѣ около восьми сотъ человѣкъ, для рекогносцировки. Когда Стефанъ Воевода выстрѣлилъ въ нихъ изъ шести пушекъ и дарбаны изъ своихъ ружей, Казаки мигомъ встали, выпалили изъ одиннадцати пушекъ, выступили впередъ, и дали залпъ изъ ружей; тутъ, вынувъ сабли, разрѣзали всѣхъ дарбановъ. Между-тѣмъ, тяжелыя орудія стрѣляли во всѣхъ направленіяхъ, и не осталось другаго спасенія кромѣ бѣгства. Тогда Тимоѳей бросился впередъ, и непріятель былъ разбитъ на-голову.

«Казаки чрезвычайно дѣятельны на войнѣ, и какъ они необыкновенной храбрости, то никогда не отступаютъ и не обращаются въ бѣгство. Они доказали это въ два предшествовавшіе года, во время войны съ Поляками. Они защищаются въ окопахъ, и чрезвычайно воздержны въ походахъ; употребляютъ въ пищу только черный хлѣбъ да воду, и не имѣютъ даже шатровъ, не то чтобъ предметовъ роскоши. Съ предводителемъ этихъ Казаковъ, Тимоѳеемъ, заключилъ Василій торжественный союзъ. Казаки явились въ окрестностяхъ Яссъ и тутъ происходило сраженіе. Мы видѣли битву съ колоколенъ».

Казаки, по словамъ архидіакона, неутомимо преслѣдовали разбитыхъ. Тимоѳей Хмѣльницкій вступилъ въ Яссы. Го-

родъ былъ преданъ на разграбленіе. Турки и Жиды были умерщвлены или высказали въ пыткахъ свои богатства. Колокола звонили во всемъ городѣ, и Антіохійскій патріархъ отслужилъ благодарственный молебенъ о здравіи «благополучно царствующаго Василія Воеводы, *хатмана* (гетмана) Зиновія и *бея* Тимоѳея и супруги его». Прежній господарь былъ призванъ изъ Каменца, и возвратился въ свою столицу двадцать осьмаго апрѣля. Казаки встрѣтили его торжественно, выпаливъ изъ одиннадцати своихъ пушекъ и шести покоренныхъ. Василій Лупула началъ снова царствовать, но не надолго.

Онъ отправился вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ противъ своихъ противниковъ.

«Послѣ праздника Вознесенія Христова получили извѣстіе, что Василій-Бей и его зять, Тимоѳей, были оба разбиты и обратились въ бѣгство вмѣстѣ съ Казаками. Мы до тѣхъ поръ были въ безопасности, потому что слышали каждый день, что они четыре раза разбили на-голову Венгерцевъ и Валлаховъ. Теперь, напротивъ того, всякое новое извѣстіе погружало насъ въ безпокойство и ужасъ, и народъ по-прежнему искалъ убѣжища въ монастыряхъ. Наконецъ возвратились въ Яссы бѣглые и разбитые Казаки, бей и Тимоѳей, и тотчасъ послали къ Ихмилю (Хмѣльницкому) извѣстить его о приключеніи. Однако слухи о томъ, что они четыре раза разбили Венгерцевъ, Валлаховъ и Сербовъ, подтвердились. Никто не могъ противустоять имъ. Они дошли-было на одинъ день пути отъ города Дурганшта (Терговиста), столицы бея Валлахіи. Матвѣй вышелъ имъ на встрѣчу съ огромнымъ войскомъ изъ Валлаховъ, Венгерцевъ, Сербовъ, Грековъ, Арнаутовъ, Булгаръ и Туроковъ. Воины Василія и Тимоѳея напали на нихъ какъ львы, и очистили себѣ дорогу до кіоска бея. Они ранили Матвѣя пулею въ ногу и убили его лошадь. Онъ защищался саблею до наступленія сумерекъ. Тогда онъ снялъ сапогъ съ раненой ноги, и сѣлъ на другую лошадь, продолжая защищаться. Вся его армія готова была сдаться Василію-Бею и Казакамъ, но Всемогущій Измѣнитель погодъ вдругъ послалъ бурю съ громомъ и молніею, дождь и градъ, который падалъ подобно камнямъ

на войско Василія и на казаковъ, потому что вѣтеръ былъ противъ нихъ. Молдаване снова измѣнили и сдались непріятелю, а Казаки не могли стрѣлять изъ своихъ ружей въ такой сильный дождь. Между-тѣмъ Валлахи приготовили свои большія пушки, и, открывъ ужасный огонь изъ орудій и ружей, причинили разстройство. Молдаване первые убѣжали; Казаки бросились за ними, и были разбиты на дорогѣ. Непріятель преслѣдовалъ ихъ съ саблею въ рукѣ и истребилъ множество. Это было самое злосчастное для нихъ время. Ихъ гнали на пространствѣ трехъ дней пути; многіе были взяты въ плѣнъ; избѣгшіе этой участи прибыли въ Яссы. Это разбитіе случилось во вторникъ вечеромъ, передъ Вознесеніемъ.»

Господарь Василій съ своимъ зятемъ прибыли въ Яссы проселочными дорогами. Казаки оставались три дня въ этомъ городѣ, и возвратились на родину. Тимоѳей Хмѣльницкій вскорѣ уѣхалъ за ними. Василій остался одинъ, безъ надежды на спасеніе.

«Слышно было, что противникъ Василія, новый бей (господарь Стефанъ), прибылъ съ Венгерцами и Валлахами въ одно селеніе близъ Венгерской границы, лежащее въ дикомъ и гористомъ мѣстѣ, и занимался тамъ писаніемъ прокламацій къ народу, который въ той сторонѣ весь къ нему приверженъ. Смятенія въ городѣ возобновились; Василій былъ совершенно безъ войска. Онъ послалъ просить помощи у Татаръ; но тѣ не хотѣли помочь ему. Въ отчаяніи, онъ началъ набирать войско изъ жителей города и окрестностей, и назначать капитановъ, то есть, *юзъ-баши* (сотниковъ), суля имъ богатства и оклады. Вскорѣ пришли добрыя вѣсти: Ихмиль послалъ къ нему нѣсколько тысячъ казаковъ, и они приближались. Бей раздалъ имъ деньги и одежду, отпустилъ харчи, и велѣлъ разбить для нихъ палатки вокругъ города.

«Бей выступилъ изъ Яссъ во вторникъ, пятаго теммуза (іюля). Съ нимъ вышли всѣ купцы и Греки, по большей части изъ привязанности къ нему. Вмѣстѣ съ Казаками они составили отрядъ тысячи въ четыре человѣкъ. Изъ Молдаванъ собралось около него до одиннадцати тысячъ. Съ этимъ войскомъ онъ двинулся противъ непріятеля, о которомъ

узналъ черезъ шпіоновъ, что онъ не имѣетъ болѣе двухъ или трехъ тысячъ человѣкъ.

«Когда обѣ арміи сошлись и войска Василія могли побить непріятеля палками, не только саблями, — такъ незначительно было ихъ число, — непріятель устоялъ мужественно, будучи увѣренъ въ измѣнѣ Молдаванъ, которые въ самомъ дѣлѣ тотчасъ же оставили прежняго бея и перешли на сторону новаго. Этимъ непріятельское войско усилилось, и разбило Казаковъ и Грековъ. Большая часть ихъ погибли подъ мечемъ. Цвѣтъ арміи Василія составляли Греческіе купцы, стоявшіе на правомъ крылѣ подъ начальствомъ *хатмана* (гетмана), брата Васильева, и его сына. Увидѣвъ, что вмѣсто побѣды, имъ прійдется погибнуть отъ непріятельскаго меча, они разорвали свои ряды и обратились въ бѣгство. Это было шестаго теммуза (іюля), по полудни. Василій тоже убѣжалъ на быстрыхъ коняхъ съ немногими спутниками, оставивъ непріятелю свои шатры и всѣ вещи. Онъ перешелъ въ Землю Казаковъ, гдѣ отдохнулъ отъ непріятеля и тягостей войны. Свои богатства онъ отослалъ въ крѣпость Соджао (Сочаву), куда еще прежде отправилъ жену и дѣтей, давъ гарнизону повелѣніе упорно защищаться до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ на помощь съ значительными силами; а самъ остался въ первомъ казацкомъ городѣ, Рашко (Рашково, Подольской губерніи, близъ Днѣпра) *, откуда извѣстилъ Ихмиля о своемъ положеніи.»

Патріархъ и архидіаконъ искренно горевали о судьбѣ Василія. «Подарки, которые мы ему представили, и которые стоили намъ нѣсколько сотъ піастровъ, были теперь брошены понапрасну и безъ пользы. Василій обѣщалъ-было владыкѣ патріарху заплатить его долги и издержки. Онъ далъ ему позволеніе ѣхать на сѣверъ, и хотѣлъ отправить съ нимъ своего посла къ царю Московскому и снабдить всѣмъ нужнымъ для путешествія, — телѣгами, лошадьми, и тому подобнымъ. Это говорилъ онъ намъ и частнымъ обра-

* Бантышъ-Каменскій говоритъ, что господарь Василій оставался долгое время въ Чигиринѣ и когда вспомогательные полки Казаковъ вступили уже въ Молдавію, перебрался въ Рашковъ.

зомъ и публично. Мы также ожидали большихъ суммъ отъ вельможъ : теперь все было потеряно!»

Новый господарь тотчасъ вступилъ въ Яссы, и предалъ городъ на разграбленіе своимъ воинамъ, которыхъ мщеніе пало всею тяжестію на Греческое народонаселеніе. Онъ послалъ также часть войска на осаду крѣпости Сочавы, теперь незначительнаго города въ Буковинѣ, но гдѣ тогда находилось семейство и казна Василія Лупулы подъ защитою преданнаго и вѣрнаго гарнизона.

«Казаки, подъ предводительствомъ Тимоѳея, Ихмилева сына, перешли черезъ Днѣстръ (въ концѣ іюля), разбили тутъ Венгерскіе и Молдаванскіе отряды, оберегавшіе границу, и направились къ крѣпости Саджао (Сочавѣ), чтобы подать помощь гарнизону. Они сдѣлали окопы кругомъ замка, и впустили рѣчку, которая тутъ течетъ, въ свои укрѣпленія. Они имѣли съ собой двадцать пушекъ.

«Лишь-только новый бей услышалъ объ ихъ приближеніи, онъ удалился отъ крѣпости. Они вошли въ Сочаву. Тогда онъ снова возвратился, и обложилъ ее со всѣхъ сторонъ своими войсками, которыхъ число простиралось въ то время до сорока тысячъ человѣкъ. У Казаковъ было только четырнадцать тысячъ *. Перепалка казаковъ изъ замка съ войскомъ новаго бея продолжалась безпрерывно. Тимоѳей, сынъ Ихмиля, дѣлалъ вылазки изъ замка всякій день, и истреблялъ по тысячѣ непріятелей. Никто не могъ противустать ему, — такъ былъ онъ храбъ и такой отличный всадникъ! Дѣйствительно, онъ былъ самый храбрый человѣкъ въ мірѣ, и его мужеству и силѣ Исторія не представляетъ ни одного подобнаго примѣра. Каждый день онъ выѣзжалъ изъ крѣпости на своемъ бѣломъ конѣ, котораго особенно любилъ, съ немногими спутниками, и убивалъ толпы непріятелей, наносилъ раны, обращалъ въ бѣгство. Однажды онъ убилъ собственною рукою тысячу триста Нѣмцевъ, какъ разсказывали намъ

* По Русскимъ извѣстіямъ, отрядъ Тимоѳея Хмѣльницкаго состоялъ только изъ осьми тысячъ казаковъ. Василій нанялъ и Татаръ; но они вскорѣ отдѣлились отъ Хмѣльницкаго. Архидіаконъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ.

люди, достойные вѣры. Онъ стрѣлялъ изъ своего лука сперва правою рукою, потомъ лѣвою; рубилъ и кололъ саблею; послѣ того, стрѣлялъ изъ ружья: словомъ, онъ переберетъ всѣ оружія, которыми всегда увѣшанъ, пока не истребитъ передъ собою всѣхъ непріятелей. Ага казначейства и капыджибаши, которые прибыли изъ Константинополя, чтобы преклонить дѣла на сторону султана, и находились при новомъ беѣ (Стефанѣ), были свидѣтелями этихъ подвиговъ и изумлялись искусству въ верховой ѣздѣ и храбрости Тимоѳея. Никто не могъ попасть въ него изъ ружья или другимъ оружіемъ, — такъ онъ былъ искусенъ въ верховой ѣздѣ, и съ быстротою молніи вертѣлся вокругъ туловища лошади.

«Однажды, когда Тимоѳей сидѣлъ въ своей палаткѣ, въ окопахъ, и пилъ вино, онъ былъ пораженъ въ ногу ядромъ, пущеннымъ Поляками, которые пришли на помощь къ Стефану, изъ ненависти къ Ихмилю, его сыну и всему народу казацкому. Завидѣвъ его, они выбрали его цѣлью и попали въ него. Рана чрезвычайно его опечалила. Черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

Съ той поры, дѣла казаковъ, внутри и внѣ замка, пришли въ упадокъ, по причинѣ смерти ихъ начальника, ихъ льва-хранителя, а обстоятельства Василія сдѣлались совершенно безнадежными. Его домна и всѣ ея приближенные переходили изъ горести въ горесть, не видя утѣшенія. Тѣло Тимоѳея набальсамировали и положили въ гробъ, обитый бархатомъ, внутри и снаружи. Грустное извѣстіе сообщено было его отцу и тестю Василію. Незадолго до смерти онъ узналъ, что жена его родила двоихъ мальчиковъ.»

«Тимоѳей разорилъ Армянскій монастырь въ Соджао (Сочавѣ), и умертвилъ всѣхъ его священниковъ, монаховъ и Армянъ, которые искали тамъ убѣжища, потому что они были чрезвычайно богаты. Онъ овладѣлъ ихъ имуществомъ и сокровищами, золотомъ жемчугомъ и другими драгоцѣнностями, которыхъ было многое множество. Однимъ золотомъ наполнили два боченка. Слава ему и его храбрости, и обѣту который онъ произнесъ передъ нашимъ владыкою патріархомъ, когда въ первый разъ прибылъ въ Молдавію,

что онъ пришелъ возвратить престолъ своему тестю и освободить святую Церковь изъ рукъ ея непріятелей!»

«Въ замкѣ насталъ сильный голодъ, такъ, что принуждены были употреблять въ пищу мясо лошадей. Бѣдствія окружили вѣрныхъ, и не было помощи ни отъ Василія, ни отъ Ихмиля. Побуждаемые голодомъ, они просили у Стефана мира, который имъ и даровали подъ торжественною клятвою. Имъ позволено было возвратиться безопасно на родину. Они взяли съ собою гробъ съ покойнымъ начальникомъ, свои сокровища и свои пушки, и удалились.

«Новый бей, Стефанъ, выгналъ домну и ея дѣтей, со всѣми ихъ боярами, изъ крѣпости, и въ противность данной клятвѣ не обходиться съ ними дурно, умертвилъ многихъ изъ нихъ. Домну съ ея дѣтьми онъ удержалъ плѣнниками въ небольшомъ городѣ, приставилъ къ нимъ стражу, чтобы воспрепятствовать сношеніямъ съ нею, и овладѣлъ безчисленными богатствами своего предшественника.

«А вотъ, что происходило тогда между Васильемъ и Ихмилемъ. Какъ скоро они услышали о положеніи Казаковъ и всѣхъ осажденныхъ въ замкѣ, Ихмиль, по просьбѣ Василія, снарядилъ сорокъ тысячъ изъ собственныхъ Казаковъ, къ которымъ присоединилось двадцать восемь тысячъ Татаръ. Одинъ изъ Татарскихъ султановъ, *везиръ-алханъ* (калганъ, намѣстникъ хана на время его отсутствія), которому имя Шерифъ-бей, былъ союзникъ Василію, потому что домна — Черкешенка а Шерифъ-бей женатъ на ея сестрѣ. Онъ самъ лично отправился на помощь Василію. Въ этомъ году, онъ заключилъ союзъ и съ Ихмилемъ. Прошедши часть Молдавіи до рѣки Прута, которая протекаетъ на четырнадцать часовъ пути отъ Яссъ, они встрѣтили Казаковъ, возвращавшихся изъ крѣпости и узнали о взятіи ея. Они тотчасъ поворотили назадъ и поскакали въ родныя степи. — Василій обѣщалъ намъ платить, сказали они: но его сокровища взяты: такъ въ силахъ ли онъ дать намъ что-нибудь!»

Такъ прекратилась междоусобная война въ Молдавіи и вмѣшательство въ нее казаковъ. Василій Лупула навсегда лишился господарства; Стефанъ началъ свое правленіе.

Между-тѣмъ, какъ сынъ Хмѣльницкаго погибалъ подъ Сочавою, патріархъ Макарій съ своимъ архидіакономъ заболѣли въ Яссахъ сильною горячкою, вслѣдствіе тамошняго климата. Еще въ послѣдніе дни господарства Василія, патріархъ просилъ у него позволенія продолжать путь далѣе на сѣверъ: гибельное положеніе Лупулы не дало ему времени отвѣчать Макарію. При вступленіи новаго господаря, патріархъ повторилъ просьбу Стефану, но тотъ сказалъ, что не позволитъ его святѣйшеству выѣхать изъ своей столицы въ такое бурное время; что онъ можетъ подвергнуться на границѣ оскорбленіямъ отъ Венгерцевъ, Казаковъ и Татаръ. Черезъ нѣсколько времени, патріархъ возобновилъ свое ходатайство, и просилъ отпустить его въ Валлахію. Стефанъ назначилъ ему аудіенцію, и позволилъ отправиться въ дорогу, снабдивъ его письмами къ господарю Матвѣю и деньгами на путевыя издержки. Макарій наконецъ отправился изъ Яссъ, въ арбѣ, тринадцатаго октября 1654 года. Черезъ недѣлю онъ прибылъ въ городъ Фокшаны, на границѣ Валлахіи, и двадцать втораго ноября въѣхалъ въ эту землю. Мы окончимъ описаніе Молдавскихъ происшествій, послѣднимъ замѣчаніемъ, которое архидіаконъ написалъ въ этомъ господарствѣ.

Упоминая объ одномъ святомъ Іоаннѣ, онъ говоритъ: «Я узналъ, что въ землѣ *Немсе*, Нѣмцевъ, есть большой городъ *Иванополисъ*, который находится во владѣніи Іоанна Милосердаго, *Юханна эль-Рахумъ*.» Можно полагать, что архидіаконъ слышалъ о Нарвѣ, которую тогда обыкновенно называли — Иванъ-городъ, и что его Іоаннъ Милосердый есть Іоаннъ III, король Шведскій, который умеръ въ 1592 году. Вообще онъ не очень жалуетъ *Немсе*, и въ одномъ мѣстѣ, увѣряетъ, что они состоятъ изъ лютеранъ и *кельбинъ*, но всѣ заслуживаютъ этого послѣдняго прозванія.» *Кельбинъ*, по-видимому напоминало православному Сирійцу Арабское слово *кельбъ*, «собака». Читатели легко узнаютъ въ этомъ каламбурѣ намѣкъ на послѣдователей Кальвина.

Путешественники въ ѣхали въ Теровистъ, тогдашнюю столицу Валлахіи, двадцать девятаго ноября. Престарѣлый господарь, Матвѣй, принялъ ихъ съ почтеніемъ, хотя немного сер-

дился, зачѣмъ они поѣхали сперва къ его врагу, Василію, а не къ нему. Онъ приставилъ къ жилищу патріарха почетную стражу, и, какъ человѣкъ набожный, снабжалъ его всѣмъ необходимымъ. Начиная съ вельможъ до послѣдняго мужика, всѣ спѣшили получить благословеніе святѣйшаго. Патріархъ провелъ здѣсь мѣсяцы, обильные праздниками. Это дало его историку богатый матеріялъ для любимыхъ описаній церквей, монастырей, обрядовъ, церковныхъ церемоній, церковныхъ службъ, которымъ онъ посвятилъ болѣе половины своихъ страницъ о Валлахіи, забывъ почти всѣ мірскіе предметы, кромѣ того, что тамошніе вельможи держатъ невольниковъ негровъ и называютъ ихъ «Арабами», думая, что они настоящіе Аравитяне и что всѣ Аравитяне черны. Это оскорбило самолюбіе благородныхъ Спрійцевъ, которые зато изумили Волоховъ своею образованностью, исчерпавъ всю свою ученость въ бесѣдѣ съ ними, чтобъ показать всѣмъ, что такое настоящій «Арабъ». Но, какъ-будто нарочно для занимательности ихъ дневника, умеръ при нихъ господарь Матвѣй. Архидіаконъ, по этому случаю, описываетъ его смерть, погребеніе, и восшествіе на престолъ новаго господаря.

Господарь Матвѣй былъ тогда преклонныхъ лѣтъ, и заботы послѣднихъ, бурныхъ годовъ нанесли ударъ его слабому здоровью. Онъ правилъ двадцать три года, и былъ чрезвычайно набоженъ. Архидіаконъ утверждаетъ, что онъ построилъ въ своей землѣ сто пятьдесятъ церквей и монастырей. Несмотря на свое благочестіе, онъ былъ душевный обожатель Турковъ и непримиримый врагъ Казаковъ и Русскихъ. Имя Турка было для него лучшею рекомендаціею, какъ имя Казака или Московита самою дурною. Незадолго передъ его смертью разнесся слухъ, что къ нему ѣдетъ посолъ отъ Русскаго Царя. Ему говорили, что онъ первый изъ господарей Валлахіи, который будетъ имѣть счастіе видѣть Московскаго посла. «Не хочу видѣть лица его!» отвѣчалъ Матвѣй. Эта антипатія усилилась до такой степени именно послѣ того, какъ онъ былъ аттакованъ и раненъ Казаками Тимоѳея Хмѣльницкаго.

Тѣло умершаго господаря было погребено съ большимъ великолѣпіемъ. Патріархъ Макарій участвовалъ въ обрядѣ,

и занималъ первое мѣсто во всѣхъ церемоніяхъ, къ которымъ подали поводъ смерть одного и вступленіе на престолъ другаго владѣтеля. Имя его было—Константинъ Эфендикопуло. Онъ продолжалъ оказывать патріарху то же благорасположеніе, какое оказывалъ его предшественникъ.

«Губернаторъ Силистрійскій, Сіявушъ-Паша, который былъ прежде визиремъ, но низложенъ потому, что умертвилъ *валиде* (мать султана), бекташъ-агу и другихъ значительныхъ особъ, имѣлъ надзоръ надъ бесями Молдавіи и Валлахіи, и они могли сноситься съ Стамбульскимъ дворомъ не иначе какъ черезъ него и съ его согласія. По случаю вступленія на престолъ, Константинъ-бей послалъ въ Царьградъ нѣсколько своихъ вельможъ, чтобы привезть оттуда тронъ и знамя, по обыкновенію принятому издавна бесями. Они взяли съ собою граммату, подписанную рукой митрополита, епископа и начальниковъ монастырей, вельможъ и всего народа, и скрѣпленную ихъ печатями, въ которой было сказано: «Мы избрали Константина, сына Исрабана, воеводою, и признали своимъ бесмъ.» Когда они прибыли въ Константинополь, государь нашъ, султанъ — да сохранитъ его Господь! — изъявилъ свое августѣйшее согласіе, равно и Дервишъ-Мухаммедъ-паша, его визирь, и другіе министры. Они даровали ему наслѣдіе умершаго Матвѣя, право собирать подати, и признали его новымъ бесмъ, за тысячу пять сотъ мѣшковъ, то есть семьсотъ пятьдесятъ тысячъ піастровъ. Они дали ему тронъ и знамя, и послали съ ними однаго каныджи, для собранія суммы и поздравленія бея. Бей долженъ былъ еще заплатить Силистрійскому пашѣ и его свитѣ, и Татарскому хану и его свитѣ, около двухъ сотъ пятидесяти тысячъ; всего до милліона. Онъ выдалъ тройное жалованіе своему войску, и сложилъ на шесть мѣсяцевъ всѣ подати и налоги съ своихъ подданныхъ. Богатства, оставленныя ему умершимъ беемъ, были такъ велики, что хранились въ особыхъ домахъ, набитыхъ всякимъ добромъ отъ земли до крыши. Но ежегодныя издержки Валлахіи чрезвычайно велики, какъ говорилъ намъ покойный бей, при жизни. «Онѣ превышаютъ количество сокровищъ, получаемыхъ отъ Египта, и равняются шести стамъ тысячамъ золотыхъ мо-

нетъ; онѣ употребляются на плату Туркамъ и Татарамъ, на содержаніе арміи, на подарки, дѣла богоугодныя, и прочая.»

Въ пятницу послѣ Духова Дня, патріархъ имѣлъ прощальную аудіенцію у господаря Константина и его домны, которые просили его не забывать ихъ въ своихъ молитвахъ и снабдили деньгами на путешествіе. Двадцать втораго мая, патріархъ выѣхалъ изъ Терговиста, съ свитою, состоявшею изъ пятнадцати человѣкъ: большая часть ихъ были Казаки и *Мускобы*, которые оставались здѣсь плѣнными со времени послѣдней войны и получили теперь позволеніе отправиться вмѣстѣ съ патріархомъ во-свояси. Макарій поѣхалъ черезъ Фокшаны въ Яссы, гдѣ снова представлялся господарю Стефану; шестаго іюня онъ оставилъ этотъ городъ, его сопровождалъ до рѣки Прута почетный эскортъ, который Стефанъ нарядилъ для защиты святѣйшаго путешественника. Вся страна носила на себѣ слѣды недавнихъ опустошеній, и страхъ, наведенный казаками, былъ еще такъ великъ, что, при малѣйшемъ смятеніи, жители въ ужасѣ кричали — «Казаки! Казаки пришли, пришли разорять насъ!» Въ субботу, десятаго іюня, 1654 года, патріархъ «Богомъ хранимаго города Антіохіи и всего Востока» переправился въ лодкахъ черезъ Днѣстръ. Онъ былъ въ полномъ облаченіи и, держа въ рукѣ крестъ, благословилъ имъ тысячи жителей города Рашкова, которые при первомъ извѣстіи объ его прибытіи, спѣшили встрѣтить его на границѣ.

Такимъ образомъ Макарій вступилъ въ Землю Казаковъ.

П. САВЕЛЬЕВЪ.

=

РАЗВИТІЕ

ЖИЗНИ И СМЕРТИ ВЪ ЖИВОТНОМЪ ТѢЛѢ.

Что можетъ быть любопытнѣе для человѣка какъ узнать удивительный процессъ, по которому онъ, изъ непримѣтной точки, развертывается въ существо, полное красы, силы, страстей, мечтъ и высокихъ помышленій и, изъ такого могучаго и совершеннаго существа, опять превращается въ пылинку? Величественная система огромныхъ движущихся шаровъ, брошенныхъ въ пространство вселенной, изумляетъ насъ своимъ устройствомъ, но внутренность человѣка, но правила, по которымъ возникаетъ и упадаетъ жизнь всякаго животнаго и растенія, превосходятъ своей мудростью и замысловатостью все наше соображеніе. Они тѣмъ непостижимѣе, что ихъ безконечная многосложность кажется основанною на самой строгой простотѣ.

Терпѣливыя изслѣдованія новѣйшихъ естествоиспытателей привели къ самымъ любопытнымъ открытіямъ по этой части: благодаря имъ, мы узнали, что всѣ позвоночныя животныя, даже и тѣ, которыя принадлежатъ къ высшимъ породамъ, какъ напримѣръ птицы и сосущія, неисключая самого человѣка, подвергаются въ раннемъ своемъ развитіи ряду тѣхъ же самыхъ превращеній, какія давно замѣчены въ крылатыхъ насѣкомыхъ и лягвородныхъ пресмыкающихся. Эти изслѣдованія позволяютъ заключать со всей вѣроятностью, что разные органы животной системы не существуютъ совокупно въ первомъ зародышѣ, а возникаютъ въ правильной постепенности и суть слѣдствія не одного развитія существующихъ началъ, но и дѣйствительнаго образованія черезъ соединеніе съ ними извѣстныхъ элементовъ, которые также образуются одинъ за другимъ постепеннымъ совокупленіемъ ихъ основныхъ частицъ. Опыты Нордмана надъ разными видами лерней обнаружили самую чудную послѣдовательность формъ въ развитіи одного и того же животнаго.

Разсматривая безконечную цѣпь средствъ и цѣлей, причинъ и дѣйствій, которыя постоянно обнаруживаются въ совокупленіи разныхъ частей животнаго механизма, приспособляя ихъ къ потребностямъ и слаживая въ одну стройную систему, невозможно не преклонить съ благоговѣніемъ колѣна передъ обширностью и глубиною видовъ Высшаго Ума, которые простираются далеко за предѣлы нашего зрѣнія и которыхъ мы не въ силахъ даже постигнуть.

Яснѣйшее доказательство дальновидныхъ преднамѣреній можно почерпнуть изъ наблюденія порядка, въ которомъ раждающіеся органы постепенно возникаютъ и соединяются съ юнымъ механизмомъ тѣла: этотъ порядокъ оказывается всегда самымъ удобнымъ для обезпеченія надлежащаго дѣйствія ихъ отправленій и для достиженія главныхъ цѣлей всей системы. По наблюденіямъ надъ яйцами птицъ и ящерицъ, первая жизнь обнаруживается броженіемъ частицъ зародыша: кажется, что, какъ скоро подѣйствуетъ на нихъ приличная степень теплоты, онѣ начинаютъ круговращательное движеніе около одного центра, представляя въ безконечно маломъ видѣ подобіе безконечно великаго процесса небесныхъ системъ, гдѣ планеты и кометы кружатъ около своихъ средоточныхъ пунктовъ тяготѣнія. Снарядъ, образующійся прежде всѣхъ, есть именно тотъ, который непосредственно нуженъ для хода жизненныхъ отправленій и который поэтому необходимъ для образованія всѣхъ прочихъ принадлежностей; но въ то же время взяты мѣры и для устроенія тѣхъ частей, которыя должны служить опорой каждому органическому звену по мѣрѣ его составленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовляются основанія высшихъ способностей благовременнымъ развитіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, которыхъ отправленія служатъ ступенью къ будущему проявленію умственности съ ея обширнымъ кругомъ впечатлѣній и самодѣятельныхъ силъ. Въ первоначальномъ періодѣ жизни, равно какъ и въ послѣдующихъ эпохахъ, всѣ созданія природы измѣняются такимъ образомъ, смотря по потребностямъ. Сперва жизненныя силы направлены къ составленію основныхъ формъ и тѣхъ органовъ, которые непосредственно нужны, но все съ предусмотрѣніемъ дальнѣйшихъ, болѣе важныхъ цѣлей организаціи. Для достиженія этой высшей степени развитія,

дѣлаются безпрестанныя усилія, соразмѣрныя съ обширностью предмета и пораждающія быстрое послѣдованіе перемѣнныхъ формъ какъ въ отношеніи къ виду каждаго органа отдѣльно, такъ и въ отношеніи къ облику всего состава вообще.

Въ феноменахъ самаго ранняго существованія, растенія и животныя представляютъ рѣзкую противоположность, которая соотвѣтствуетъ главнымъ разностямъ въ назначеніи этихъ двухъ классовъ живаго бытія. Главная цѣль растительнаго устройства есть повидимому та, чтобъ дать начало процессу питанія, и поэтому, когда зерно начинаетъ прозябать, первый признакъ развитія есть появленіе той части, которая называется «росткомъ». Это собраніе пушистыхъ волоконъ прорывается сквозь оболочку зерна, и, каково бы ни было его первобытное положеніе, тотчасъ начинаетъ разростаться вертикально, между-тѣмъ какъ тончайшія нити пробиваются внизъ и мало-по-малу образуютъ корни. Уже съ такихъ раннихъ поръ приспособлены средства къ поглощенію и *для* растворенія воздухомъ питательнаго вещества, которое должно образовать матеріялы дальнѣйшей жизни растенія; къ поддержанію и охраненію органовъ, которыми должны совершаться эти процессы. Но животная жизненность, предназначенная къ высшимъ цѣлямъ, подчинена порядку отправленій, которыхъ нѣтъ и слѣда въ растеніяхъ: мы говоримъ о нервной системѣ. Яйца птицъ всего лучше представляютъ глазамъ нашимъ рядъ тѣхъ дивныхъ превращеній, которымъ подвержено первое образованіе животнаго и человѣка. При внимательномъ наблюденіи начатка органическаго образованія, напримѣръ въ прозрачной студенистой частицѣ, которая съ тремя своими перепонками составляетъ птичій зародышъ, первый непрозрачный предметъ, какой вы примѣчаете, есть маленькая темная черта, которая называется «чертою первоначальною», и образуется на поверхности внѣшней кожицы. Потомъ, съ обѣихъ сторонъ этой черты возникаютъ двѣ морщинки и соединеніемъ своихъ краевъ образуютъ каналъ, который содержитъ въ себѣ полужидкое вещество. Когда оно поотвердѣетъ и поутратитъ своей прозрачности, въ немъ открываются двѣ тонкія и нѣжныя нити, параллельныя, но раздѣленныя нѣ-

которымъ пространствомъ. Это начала «становой жилы», или средоточнаго органа нервной способности, отъ которой зависитъ весь характеръ будущаго существа. Вслѣдъ за тѣмъ можно различить извѣстное число параллельныхъ и равноудаленныхъ точекъ, которыя расположены въ два ряда, по одному на внѣшней сторонѣ каждой изъ такихъ нитей: это начала «позвонковъ», которые будутъ потомъ нужны для защиты становой жилы и вскорѣ составятъ рядъ колецъ, обнимающихъ этотъ важный органъ.

За появленіемъ первоначальныхъ волоконъ позвоночнаго канала слѣдуетъ развитіе его верхней или передней оконечности, на которой возникаютъ три пузырька, состоящіе каждый изъ бѣлыхъ шариковъ: это основанія будущаго мозга. Шарики сперва расположены попарно и продольными рядами, какъ тѣ ряды шариковъ, которые составляютъ обыкновенную форму мозга въ рыбахъ; но у птицъ они скоро свертываются въ круглую массу, а между-тѣмъ двѣ нити спиннаго хребта сближаются и соединяются въ одинъ столбъ, который не принимаетъ уже потомъ другаго вида. И въ этотъ ранній періодъ развитія уже появляются начатки органовъ высшихъ чувствъ, сперва зрѣнія, потомъ слуха; но съ другой стороны основанія ногъ и крыльевъ не показываются до тѣхъ поръ, пока мозгъ пріобрѣтетъ болѣе твердости и развитія. Нервы, которые должны связать эти органы ощущенія и движенія со спиннымъ хребтомъ и съ мозгомъ, образуются впослѣдствіи и постепенно соединяются съ нервными средоточіями.

Такимъ образомъ планъ будущаго зданія дѣйствительно очерченъ и основаніе положено въ однородной студени посредствомъ простѣйшихъ жизненныхъ орудій, но довершеніе этого обширнаго труда требуетъ помощи другаго механизма, способнаго собирать и раздѣлять нужные матеріялы. Здѣсь можно бы ожидать повторенія растительныхъ процессовъ, которые имѣютъ ту же самую цѣль; но органическія экономіи растеній и животныхъ различны до такой степени, что въ механизмѣ ихъ образованія не встрѣчаемъ мы ни какого сходства. Цѣли животной жизни требуютъ, чтобъ питательные соки приводились въ быстрое обращеніе посредствомъ сосудовъ, распространенныхъ по всей системѣ

наго, скопила около зародыша обильные запасы питательнаго вещества, достаточные для поддержанія жизни птенца, покамѣстъ онъ въ яйцѣ и слѣдственно лишенъ возможности получать стороннюю пищу; и, съ тѣмъ же предвиденіемъ будущаго, она не откладываетъ долѣе чѣмъ нужно для устройства кровообращенія, изготовки пищеварительнаго снаряда, отъ котораго будетъ зависѣть впослѣдствіи поддержаніе жизни новаго существа. Пищепріемный каналъ, котораго нѣтъ и слѣда въ раннѣйшемъ періодѣ бытія, составляется потомъ изъ двухъ пластинокъ, которыя сами происходятъ отъ складочекъ на внутренней перепонкѣ зародыша, то есть, на поверхности противоположной той, которая дала начало становой жилѣ. Эти пластинки сперва раздѣленныя промежуткомъ, срастаются своими краями и образуютъ трубку; трубка сначала бываетъ равна въ діаметрѣ; потомъ она растягивается въ нѣсколько широкихъ отдѣленій, соотвѣтственно полостямъ желудка, въ которыя они должны превратиться, какъ скоро наступитъ для нихъ пора дѣятельнаго употребленія. Но и въ этомъ первоначальномъ состояніи новые органы уже пріобучаются къ своимъ должностямъ: черезъ трубку, на время устроиваемую, они принимаютъ въ свои полости желточную жидкость и приготовляютъ изъ нея пищу для животнаго.

Въ то же время заранѣе принимаются мѣры для растворенія жидкостей воздухомъ, или первоначальнаго дыханія, посредствомъ обширной но также временной системы сосудовъ, которые разсѣяны по перепонкѣ яйца и пользуются вліяніемъ атмосфернаго кислорода сквозь его скорлупу, всегда дотого скважистую, что она свободно пропускаетъ газы. Эти сосуды приводятся въ сообщеніе съ кровообращательною системою птенца и сообщаютъ его крови животворное дѣйствіе кислорода. Какъ легкія не могутъ прійти въ дѣйствіе, пока птица не освободится изъ заточенія, и какъ достаточно, чтобъ они были готовы къ этому сроку, то эти органы устройваются въ числѣ самыхъ послѣднихъ. У птицъ механизмъ дыханія не требуетъ грудобрюшной преграды, и потому она здѣсь только начата, не окончена, и между грудной и брюшной полостью нѣтъ ни какого раздѣленія.

Послѣдовательность органическихъ превращеній такъже за-

мѣчательна въ образованіи снарядовъ для пропусканія воздуха, которое требуетъ большихъ перемѣнъ въ ихъ формѣ, смотря по періодамъ и по различію стихій, къ какимъ должно ихъ приноровить. Примѣры этому можно видѣть въ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя, бывъ водяными въ состояніи личинокъ, подымаются изъ воды, какъ скоро пріобрѣтаютъ крылья. Но подобныя, хотя менѣе очевидныя, перемѣны случаются и у высшихъ, позвоночныхъ животныхъ, во время раннихъ періодовъ ихъ образованія. Съ самаго начала, въ отношеніи къ устройству дыхательныхъ органовъ, они всегда бываютъ сходны съ водяными животными, у которыхъ этотъ процессъ требуетъ простѣйшей формы сердца съ однимъ рядомъ полостей; но такъ какъ у позвоночныхъ животныхъ конечная цѣль подобной системы есть дышаніе атмосфернымъ воздухомъ, то она требуетъ постепеннаго приноровленія: сердце птицы и четвероногаго должно быть раздѣлено на двѣ части согласно двойному отправленію, которое ему предназначено совершать. Для этого, въ полости сердца устроена перегородка: которая начинается около внутренней окружности его пазухи и постепенно распространяется къ центру, такъ, что нѣсколько времени между правою и лѣвою полостями существуетъ отверстіе; но оно скоро затворяется, и пазуха совершенно дѣлится тогда надвое. Потомъ ушко, которое сперва было единично, тоже становится двойнымъ, но не посредствомъ выросшей перегородки, а черезъ втягиваніе боковъ, какъ-будто перевязь впивалась въ него посерединѣ. Между-тѣмъ перегородка, раздѣлившая пазуху, врастаетъ въ каналъ главной артеріи и дѣлитъ его на два протока, которые становятся потомъ двумя особыми сосудами: тотъ, который выходитъ изъ лѣвой пазухи, есть начальственная артерія, а тотъ, который изъ правой, легочная, и каждый изъ этихъ сосудовъ готовъ совершать свойственное себѣ отправленіе, чтобъ способствовать къ двойному кровообращенію, которое должно скоро установиться.

Образъ дѣленія кровяныхъ сосудовъ, весьма сходный съ описаннымъ, господствуетъ и въ тѣхъ, которые соединяются съ первымъ рядомъ дыхательныхъ органовъ и похожи на воздухоносные каналы. Эти перемѣны весьма явственно оказываются въ лягвородныхъ, гдѣ каналъ начальственной ар-

теріи подвергается послѣдовательнымъ дѣленіямъ, пуская отъ себя вѣтви петлями, которыя распространяются въ длину и тоже раздѣляются подобно концамъ разсученнаго каната, но съ тѣмъ, что каждому подраздѣленію предшествуетъ образованіе двойной заслоночки въ полости канала, такъ, что напослѣдокъ составляется обширная вѣтвистая система дыхательныхъ артерій и венъ. Между-тѣмъ все это — только временное устройство: когда приближается періодъ перемѣны, и дыхала должны уступить мѣсто другимъ орудіямъ, всѣ сосуды, одинъ за другимъ, уничтожаются, и остаются только двѣ первобытныя начальственныя артеріи, которыя срастаются ниже въ одинъ каналъ и изъ которыхъ выходятъ легочныя артеріи, несущія или всю кровь или часть ея къ новорожденнымъ дыхательнымъ органамъ, то есть, къ легкимъ. Подобнымъ процессомъ двоенія, или отдѣленія вѣтвей въ видѣ петель, развертываются новые сосуды и въ другихъ частяхъ тѣла, какъ особенно замѣчено въ перистомъ хвостѣ и внѣшнихъ жабрахъ лягушки и ящерицы, которыя легко наблюдать въ микроскопъ.

Въ то же время мало-по-малу создается и остовъ: формы главныхъ костей образуются изъ студенистаго вещества, которое переходитъ въ хрящъ, начиная съ поверхности и постепенно простираясь къ центру каждой части или стихіи будущихъ костей. Такимъ образомъ подвигаются временныя, твердыя и упругія, подпоры, приличныя мягкому покрову раждающихся органовъ. Наконецъ все зданіе окружается наружною стѣною, которая началась съ спинной области и продолжалась около боковъ, покуда оба ея края не сошлись въ средобрюшной чертѣ, гдѣ они составили одну общую сплошную кожу. Глаза, до тѣхъ поръ беззащитные, пріобрѣтаютъ особое предохранительное средство въ вѣкахъ, которыя образовались при дальнѣйшемъ распространеніи покрововъ, и большая часть тѣла начинаетъ служить почвою для пуха, который одѣваетъ птицу къ тому времени, какъ ей надобно разорвать скорлупу яйца. Но эта крѣпкая скорлупа, которая доселѣ была ея защитою, еще препятствуетъ ей освободиться, и птенецъ, чтобы выйти на волю, долженъ силою пробиться сквозь стѣны своей темницы. Носикъ его слишкомъ нѣженъ для такого дѣла. Здѣсь,

невидимая рука природы явно оказываетъ ему помощь: на оконечность носика она уже надѣла острый роговой наростъ, именно для того чтобъ птенецъ былъ въ состояніи пробить скорлупку, сдѣлать нужное себѣ отверзтіе, вылѣзть и начать поприще новой жизни. Что этотъ рожокъ выросъ только для одного случая, очевидно изъ того, что черезъ три или четыре дня онъ отпадаетъ безъ всякой сторонней причины.

Но хотя птичка получила теперь свободу, она все-еще не въ состояніи обезпечить своего содержанія и требуетъ пищи отъ матери, пока не сумѣетъ воспользоваться крыльями и не выучиться искусству добывать кормъ собственными трудами. Голубь одаренъ отъ природы способностью отдѣлять въ зобу кормъ для своего дѣтеныша, и этимъ запасомъ онъ питаетъ нѣжныхъ малютокъ. У сосущихъ животныхъ та же цѣль достигается еще примѣчательнѣйшимъ образомъ, посредствомъ железъ, приготовляющихъ въ груди молоко, которое, по своимъ химическимъ свойствамъ, чрезвычайно приспособлено къ силамъ пищеварительныхъ органовъ въ первую эпоху ихъ жизненнаго дѣйствія. У китовъ и другихъ этого рода животныхъ также есть млечныя железы, но какъ строеніе рта и горла у дѣтенышей повидимому не приноровлено къ сосанію, то всегда трудно было понять, какимъ образомъ они принимаютъ въ себя молоко. Недавнее открытіе извѣстнаго Жоффроа-Сентъ-Илера, кажется, рѣшило загадку въ отношеніи къ дельфинамъ: онъ нашелъ, что млечныя железы этого животнаго содержатъ въ себѣ, каждая, большое пріялище, гдѣ скопляется молоко и откуда дельфинъ можетъ вылить его въ ротъ дѣтенышу, безъ всякаго сосанія, однимъ дѣйствіемъ мышецъ, которыя окружаютъ пріялище.

Даже и при этомъ быстромъ обзорѣ первыхъ ступеней лѣствицы органическаго развитія, нельзя не поражаться многочисленностью переходныхъ формъ, въ которыя послѣдовательно облекается каждый органъ, прежде чѣмъ онъ достигнетъ своего конечнаго вида; нельзя не удивляться тому многосложному снаряду, какой устроенъ и пущенъ въ дѣйствіе для произведенія всѣхъ этихъ перемѣнъ; нельзя не обратить особеннаго вниманія на явныя доказательства сверхъестественнаго преднамѣренія въ образованіи множества времен-

ныхъ способовъ, которые устроиваются какъ подмостки и лѣса около воздвигаемаго зданія жизни, чтобъ можно было доставлять матеріялъ по мѣрѣ надобности; нельзя не убѣдиться въ дивной прозорливости, соображая точный порядокъ, въ какомъ идутъ всѣ работы. Каждый органъ выростаетъ въ надлежащее время присоединеніемъ къ нему частицъ, доставляемыхъ посредствомъ артерій, тогда какъ другія уносятся всасывающими сосудами и также исподоволь пріобрѣтаютъ тотъ видъ, подъ которымъ суждено имъ дѣйствовать въ обширной системѣ животной жизни.

Слѣдовать подробно за всѣми шагами, которыми природа ведетъ свое произведеніе къ зрѣлости, было бы не сообразно съ предѣлами статьи; замѣтимъ только, что въ періодѣ возрастанія животнаго. «органы уподобленія», перерабатывающія въ соки поглощенныя извнѣ вещества, приготовляютъ съ напряженной дѣятельностью самое обильное количество пищи, такъ, что средній запасъ матеріяловъ даже превышаетъ потребленіе; но когда все тѣло достигнетъ надлежащихъ размѣровъ и количества доставленнаго и издержаннаго придутъ почти въ равновѣсіе, жизненныя силы не стремятся болѣе къ распространенію механизма, и обращаются на его укрѣпленіе и совершенствованіе, длятого чтобы органы пріобрѣли способность производить новыя свойственныя имъ отправленія въ теченіе многихъ, или по-крайней-мѣрѣ нѣсколькихъ, лѣтъ.

Но между-тѣмъ какъ эти отправленія поддерживаются въ состояніи равновѣсія, или здоровья, съ другой стороны происходятъ извѣстныя перемѣны, которыя въ назначенный срокъ необходимо приведутъ систему къ безпорядку и наконецъ къ совершенному разрушенію. Процессъ отвердѣнія, начатый съ самаго ранняго періода развитія, всё продолжается, и причиняетъ сгущеніе влагъ, умаленіе ихъ общаго количества. а въ твердыхъ частяхъ уменьшается въ той же соразмѣрности студенистое начало и превращается въ бѣлковатое вещество. Отъ этого твердѣютъ всѣ покровы; клѣтчатая плева становится жестче и плотнѣе, а болѣе твердыя части теряютъ свою упругость: сухія жилы и связочныя волокна становятся менѣе гибкими, суставы ходятъ не такъ вольно, мышцы, утрачивая сократительность, дѣйствуютъ медленнѣй

и слабѣе, всѣ члены теряютъ юношескую бодрость. Самыя кости дѣлаются суше и хрупче; въ хрящахъ, въ сухихъ жилахъ, въ слизкихъ перепонкахъ и въ сплетеніяхъ кровяныхъ сосудовъ образуются костяные наросты, которые мѣшаютъ ихъ дѣйствію. Такимъ образомъ всѣ постепенныя измѣненія организма клонятся медленно, но неизбѣжно, къ окончательному его разстройству.

По изслѣдованіямъ Декандолля можно полагать, что растительный организмъ не подверженъ, наравнѣ съ животнымъ, пагубному дѣйствію внутреннихъ причинъ: дѣятели, истребляющіе растительную жизнь, всегда внѣ ея собственной экономіи. Дерево состоитъ изъ соединенія всѣхъ годовыхъ слоевъ, накопившихся съ начала его прозябанія; и хотя, отъ безпрестаннаго наслоенія древесины и неизбѣжной при этомъ порчи многихъ ячеекъ и сосудовъ, внутренняя жизнь дерева можетъ прійти въ разстройство и дѣлается тогда доступною вредному вліянію внѣшнихъ дѣятелей, однако верхніе слои ствола всё прозябаютъ съ постоянною силою: если только не повредятъ ему сторонніе причины, дерево будетъ жить неопредѣленное число годовъ.

Къ числу важнѣйшихъ внутреннихъ перемѣнъ, производимыхъ временемъ въ животномъ организмѣ, принадлежатъ тѣ, которыя совершаются въ системѣ сосудовъ. Какъ большая часть многочисленныхъ артерій, бывшихъ въ полной дѣятельности во время строенія тѣла, дѣлаются потомъ ненужными, онѣ перестаютъ употребляться и оттого коробятся, становятся глухими, и постепенно вовсе исчезаютъ. Части тѣла, не повинуясь болѣе силѣ, которая прежде ихъ расширяла, противопоставляютъ часъ-отъ-часу возрастающее сопротивленіе побудительному дѣйствію сердца, тогда какъ и самое это дѣйствіе, подобно всѣмъ другимъ, мало-помалу ослабѣваетъ. Такимъ образомъ всѣ жизненныя силы становятся менѣе способными удовлетворять своему предназначенію; потребленіе въ тѣлѣ превышаетъ сумму произведенія и ущербъ энергіи дѣлается замѣтнымъ во всѣхъ отправленіяхъ.

Таковы нечувствительныя ступени, которыми мы нисходимъ къ нѣмощамъ старости: мы думаемъ, она вѣроломно

подкралась къ намъ, такъ, что мы и не замѣтили ея приближенія; но та же самая предусмотрительность, которая обезпечивала наше рожденіе, которая надзирала за возрастомъ каждаго органа и привела весь механизмъ къ полной его зрѣлости, — та самая предусмотрительность господствуетъ и въ то время, когда онъ склоняется къ упадку. Она дѣлаетъ новыя распоряженія, вызываетъ новыя силы и употребляетъ новыя средства для приспособленія его къ измѣнившимся условіямъ, для поддержанія обветшалаго, для замедленія его разстройства. По мѣрѣ того какъ заготовленіе питательныхъ матеріяловъ становится менѣе обильнымъ, мы замѣчаемъ болѣе строгую бережливость въ ихъ употребленіи, болѣе раченія во внутреннемъ обиходѣ: всасывающіе сосуды удаляютъ тѣ части, которыя перестаютъ быть полезными, и, когда взяты всѣ эти предосторожности, отправленія совершаются еще довольно долго безъ всякой существенной перемѣны.

Наконецъ, когда истечетъ предназначенный срокъ и цѣли существованія достигнутся, организмъ не можетъ долѣе существовать, и должно сдѣлать приготовленія къ неизбѣжному его сломанію. Чтобъ составить себѣ правильное понятіе о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ природы въ этомъ послѣднемъ періодѣ животнаго бытія, надобно наблюдать его феномены тамъ, гдѣ животный организмъ совершенно предоставленъ дѣйствію ея законовъ. Когда смерть есть только слѣдствіе старости, мы находимъ, что угасаніе жизненныхъ силъ совершается въ порядкѣ противоположномъ тому, который наблюдался при ихъ развитіи. Чувственныя и дѣтородныя отправленія, которыя образовались послѣ всѣхъ, разстроиваются первыя, и ихъ упадокъ сопровождается ослабленіемъ тѣхъ умственныхъ способностей, которыя болѣе зависятъ отъ физическихъ условій чувствилища, особенно ослабленіемъ памяти: она часто утрачиваетъ свою силу тогда, какъ разсудокъ остается невредимымъ. Скоро послѣ этого, дѣйствіямъ старости подвергаются обыкновенно внѣшнія чувства: разстройство зрѣнія и слуха еще болѣе споспѣшествуетъ упадку умственныхъ силъ, лишая ихъ множества случаевъ къ упражненію. Настоящее разрушеніе организма начинается въ то время, когда произойдетъ какое-нибудь значительное разстройство въ процессахъ уподобленія; но бли-

жайшая причина быстраго угасанія жизни есть обыкновенно затрудненіе дыхательнаго процесса, которое происходитъ отъ утраты чувственной силы, необходимой для поддержанія движеній грудной полости. Сердце, котораго біенія были первымъ признакомъ жизни въ зародышѣ, обыкновенно сохраняетъ свою дѣятельность долѣе нежели всѣ другіе органы; но такъ какъ его сила зависитъ отъ постояннаго окисленія крови въ легкихъ, то оно не можетъ пережить этого отправленія, и когда сердце перестанетъ биться, можно полагать, что смерть водворилась во всѣхъ частяхъ организаціи.

Здѣсь весьма важно то обстоятельство, что, обыкновенно, гораздо прежде кончины, способность чувствовать совершенно прекращается, и физическая борьба происходитъ между однѣми жизненными силами, безъ всякаго сознанія со стороны чувствующаго существа, которое умираетъ, такъ сказать, за нѣсколько времени до смерти своего тѣла. Въ этомъ, какъ и въ постепенномъ ослабленіи чувственныхъ способностей съ сопровождающимъ его непримѣтнымъ изнеможеніемъ ума и тѣла, нельзя не узнать мудрыхъ судебъ Провидѣнія, которое милосердо углаживаетъ намъ путь выхода изъ юдоли жизни, одѣваетъ смертное ложе покровомъ усыпленія, и даетъ послѣднимъ минутамъ нашимъ на землѣ спокойствіе одолѣвающей дремоты.

Изслѣдованія животнаго и растительнаго организма на каждомъ шагу ведутъ насъ къ заключенію, что единство преднамѣренія и тождественность дѣйствія господствуютъ во всей природѣ и ясно указываютъ одну великую причину всѣхъ вещей, облеченную безконечной силою, мудростью и благоволеніемъ.

Наблюдая разнообразныя строенія и феномены живыхъ существъ, нельзя не замѣтить, что они связаны между собою законами обширной, быть-можетъ, всеобщей аналогіи. Въ каждомъ изъ двухъ великихъ отдѣловъ, или царствъ, органической природы мы видимъ стремленіе къ однимъ и тѣмъ же общимъ цѣлямъ, одни и тѣ же планы, предначертанные для ихъ достиженія, однѣ и тѣ же средства, употребленныя для приведенія ихъ въ дѣйствіе; видимъ, что въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ природа какъ-будто имѣла въ предметѣ

опредѣленный типъ, къ которому она обнаруживаетъ рѣшительное стремленіе при всѣхъ безчисленныхъ отмѣнахъ, которыхъ требовали разнообразныя обстоятельства и различныя назначенія каждой породы существъ. При основаніи какого-нибудь организма, природа какъ-бы начинаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ вѣрный снимокъ съ своего типа, и, продолжая строеніе, она позволяетъ себѣ отступать отъ первобытнаго плана только для приспособленія его къ особеннымъ и дальнѣйшимъ цѣлямъ всякаго созданія. Отсюда предположительное начало, которое подъ именемъ «многообразнаго единства» было принято и ревностно проведено черезъ всѣ свои слѣдствія разными знаменитыми естествоиспытателями. Такъ какъ факты, на которыхъ опирается эта ипотеза, и виды, которые она развертываетъ, вполнѣ заслуживаютъ вниманія, мы изложимъ ихъ здѣсь въ короткихъ словахъ, предупреждая однако жъ, что все это покамѣстъ — одна ипотеза, которая еще не имѣетъ полной достовѣрности настоящихъ логическихъ выводовъ.

Она подкрѣпляется во-первыхъ предполагаемымъ согласіемъ, по которому, во всѣхъ животныхъ одной и той же естественной купы, мы находимъ однѣ и тѣ же составныя части въ каждой отдѣльной системѣ органовъ, какое бы разнообразіе ни господствовало въ ихъ формахъ и цѣляхъ. Самый разительный примѣръ этого начала въ природѣ доставила остеологія позвоночныхъ животныхъ, но доказательство его истины выводилось также изъ устройства насѣкомыхъ, черепокожныхъ и пауковъ, и, кажется, она простирается даже на механизмы другихъ отправленій, въ особенности нервной системы. Такъ, природа обезпечивая движеніе змѣи, не произвела новыхъ механическихъ способовъ, чуждыхъ типу позвоночнаго разряда, но употребила тѣ же ребра для этого новаго назначенія; придавая перья молодой ящерицѣ, она распространила тѣ же кости, чтобъ снабдить опорою эти прибавочныя орудія; вооружая слона клыками, она только развила пару зубовъ въ верхней его челюсти, и, надѣляя его чудеснымъ пріемникомъ, употребила къ тому только продолженіе его носа.

Законъ постепенности, по которому всѣ живыя и погибшія породы органическаго естества располагаются болѣе или

менѣе въ извѣстные порядки, принадлежитъ также къ числу слѣдствій, выведенныхъ изъ разсматриваемой ипотезы. Приверженцы ея думаютъ, что каждый новый снимокъ съ перваго типа получаетъ какое-нибудь распространеніе въ способностяхъ, черезъ постепенное развитіе матеріяловъ, которыя существовали скрытно въ первоначальномъ зародышѣ и только обнаружились впослѣдствіи. Каждая новорождающаяся форма, всходя всё выше и выше по лѣствицѣ творенія, сохраняетъ близкое сродство съ той, которая ей предшествовала, и стремится запечатлѣть свои черты на ближайшихъ послѣдующихъ: такимъ образомъ, ихъ особенности происходятъ единственно отъ различія въ степени и направленіи этихъ органическихъ развитій, которыя въ низкихъ породахъ достигаютъ до извѣстныхъ точекъ и останавливаются, а въ высшихъ идутъ далѣе и ведутъ ко всѣмъ разнообразностямъ видовъ и способностей.

Въ дальнѣйшее подтвержденіе этихъ видовъ замѣчено, что животныя, которыя занимаютъ высшія степени каждаго разряда, въ началѣ своего бытія имѣютъ формы, обнаруживающія чрезвычайное сходство съ тѣми, какія находимъ у низшихъ тварей того же разряда въ ихъ совершенномъ состояніи, и что въ теченіе ихъ развитія онѣ послѣдовательно принимаютъ характеры каждаго класса, соотвѣтственно ихъ восходящему порядку, такъ, что особенности, которыми высшее животное отличается въ окончательной своей формѣ, суть тѣ самыя, какія оно пріобрѣло на послѣдней ступени своего зародышнаго образованія. Другое слѣдствіе этой ипотезы есть то, что и въ низшихъ животныхъ мы иногда можемъ встрѣтить начатки органовъ, которые по несовершенству своего развитія приносятъ мало, или вовсе не приносятъ, пользы этому существу, но становятся необходимыми какой-нибудь высшей породѣ, гдѣ они достигли болѣе зрѣлаго образованія. Вотъ замѣчательнѣйшіе факты:

Въ разрядѣ суставчатыхъ животныхъ, гдѣ кольчатыя составляютъ низшую а крылатыя насѣкомыя высшую степень, личинки послѣднихъ, и по наружному виду и по внутренней организаціи, часто едва можно различить съ червями низшихъ порядковъ: и тѣ и другіе равно ли-

шены внѣшнихъ орудій движенія, или имѣютъ ихъ въ весьма несовершенномъ видѣ; и тѣ и другіе обладаютъ явственнымъ сосудистымъ кровообращеніемъ и многосложными органами пищеваренія; срединныя сплетенія нервной системы наполнены у тѣхъ и у другихъ многочисленными парами равноудаленныхъ ганглій, или узловъ. Въ червѣ всѣ эти черты остаются неизмѣнно какъ всегдашнія отличія рода; въ насѣкомомъ онѣ послѣдовательно измѣняются при постепенныхъ его превращеніяхъ. Зародышъ рака похожъ на зародышъ тысяченожекъ и низшихъ животныхъ своей собственной семьи въ ихъ полномъ развитіи, но, при дальнѣйшемъ возрастаніи, онъ пріобрѣтаетъ новыя части, тогда какъ прежнія болѣе и болѣе сосредоточиваются, проходя черезъ всѣ формы, которыми отличаются промежуточныя породы черепокожныхъ, до тѣхъ поръ пока животное не достигнетъ послѣдняго вида и не представитъ своего особеннаго типа въ полнѣйшемъ его развитіи.

Какъ ни различны между собою строенія рыбъ, пресмыкающихся, птицъ, теплокровныхъ четвероногихъ, въ періодѣ ихъ зрѣлости, — они почти совершенно одинаковы въ зародышномъ состояніи и даже въ ходѣ первоначальнаго развитія. Всѣ они сперва имѣютъ отличительные признаки водяныхъ животныхъ; лягушка сохраняетъ этотъ видъ довольно долго и по выходѣ изъ яйца. Зародышъ лягушки — настоящая рыба, возьмемъ ли его форму и дѣйствіе орудій движенія, или устройство кровообращательныхъ и дыхательныхъ органовъ, или наконецъ средоточные органы нервной системы. Любопытно замѣтить, что это животное дышитъ первоначально жабрами, которыя выходятъ у него вѣтвями по сторонамъ шеи и держатся поверхъ воды; но они устроены только на-время, для удовлетворенія непосредственной потребности въ тотъ періодъ бытія, когда внутренніе органы еще не довершились. Какъ скоро сдѣлается возможнымъ устроить другія жабры внутри и они придутъ въ состояніе проводить кровь въ ея обращеніи, наружныя жабры коробятся, выходятъ изъ употребленія, съуживаются и пропадаютъ, а лягушенокъ дышитъ уже дыхалами, похожими на рыбьи и дѣйствующими такимъ же механизмомъ. Пока система животнаго подвергается перемѣнамъ, необходимымъ для превращенія его въ

лягушку, новый и совсѣмъ различный снарядъ возникаетъ для дыханія : Это легкія, которыя, приходя постепенно въ дѣйствіе, отводятъ потокъ крови отъ дыхалъ и принимаютъ на себя весь дыхательный процессъ. Дыхала, въ свою очередь становятся тогда безполезными и вскорѣ пропадаютъ, не оставляя за собой другаго слѣда кромѣ первобытнаго дѣленія артеріальныхъ каналовъ, которые снабжали ихъ кровью прямо изъ сердца, а теперь, соединившись въ задней полости, составляютъ нисходящую начальственную артерію.

Есть маленькая семья, принадлежащая къ этому же классу и называемая perennibranchia, вѣчножабренною, которая вмѣсто этихъ перемѣнъ, въ теченіе всей своей жизни представляетъ большое сходство съ новорожденной лягушкой. Axolote, proteus anguinus, siren lacertina и monobranchus lateralis навсегда сохраняютъ наружныя жабры, имѣя въ то же время несовершенно образовавшіяся легкія. У этихъ животныхъ ходъ развитія какъ-бы остановленъ природою въ раннемъ періодѣ, такъ, что зрѣлое ихъ состояніе соотвѣтствуетъ только зародышу лягушки.

Въ начаткахъ ногъ змѣи, которыя развиты такъ несовершенно, что скрываются подъ кожею и, какъ органы движенія, не служатъ ни къ чему, мы имѣемъ другой примѣръ первой ступени того процесса, который, будучи продолженъ въ высшихъ животныхъ, даетъ начало членамъ четвероногихъ и, кажется, установленъ природою единственно съ этой цѣлью. Еще замѣчательнѣйшій случай представляютъ начатки зубовъ у молодаго кита, которые скрыты въ нижней челюсти и потомъ исчезаютъ, уступая мѣсто чудному цѣдильному снаряду, занимающему нёбо и которымъ природа надѣляетъ кита вмѣсто зубовъ, какъ-будто забывъ прежнюю цѣль свою и стремясь къ новой, возникшей уже во время самаго развитія.

Птицы, хотя онѣ предназначены совсѣмъ не къ тому кругу дѣйствія, какъ рыбы и пресмыкающіяся, переходятъ въ зародышномъ состояніи черезъ послѣдовательныя формы, подобныя этимъ низшимъ животнымъ. Мозгъ представляетъ у нихъ въ первоначальномъ своемъ образованіи рядъ шариковъ, расположенныхъ впродоль, какъ у рыбъ, и принимаю-

Всемогущаго? Нѣтъ ли въ духовномъ строеніи человѣка признаковъ высшихъ способностей, къ которымъ нынѣшнія служатъ только приготовленіемъ? Нѣтъ ли какихъ-нибудь зародышныхъ силъ, которыя невольно увлекаютъ насъ за предѣлы житейскихъ отношеній? Воображеніе, зародышъ высшаго бытія, не рисуетъ ли намъ чего-то болѣе совершеннаго, болѣе соотвѣтственнаго требованіямъ лучшей нашей природы, и неужели всѣ эти желанія, порывы и чаянія даны намъ напрасно, безъ цѣли?.....

Non accorgetevi, che noi siam vermi
Per far l'angelica farfalla?

«Не видите ли, что мы только черви, личинки, изъ которыхъ выходятъ ангельскіе мотыльки?»

Къ счастію свѣтъ просіялъ на насъ изъ другаго, высшаго источника и оживилъ духъ, изнемогавшій въ невѣжествѣ или въ трудахъ безнадежнаго исканія. Ничто такъ сильно не убѣждаетъ насъ въ необходимости Откровенія и вѣры какъ внимательное разсмотреніе внутренняго устройства нашего тѣла и его волшебныхъ перемѣнъ отъ первой точки зародыша въ чревѣ матери, до послѣдней пылинки изъ его праха которая несется съ вѣтромъ въ воздухѣ.

Roget's Physiology, 1835.

=

ПИСЬМЕНА

ДРЕВНИХЪ РУССОВЪ.

Недимъ, или точнѣе, Абуль-Фараджъ-Мохаммедъ-ибнъ-Исхакъ эль-Недимъ, извѣстный болѣе подъ именами Ибнъ-абу-Якуба эль-Недима и Ибнъ-Исхака эль-Недима, есть одинъ изъ древнихъ Арабскихъ писателей, о которомъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ очень мало свѣдѣній. Съ нимъ случилось то же, что съ Селламомъ-Толмачемъ, съ Ибнъ-Хурдадбе, съ Ибнъ-Фодланомъ, съ Абу-Долефомъ, Истахри, Мукаддеси и другими писателями Арабской литературы, которыхъ творенія были бы для насъ Русскихъ такъ любопытны и занимательны. Біографы и историки этого народа, всегда отличавшіеся своей внимательностью, совершенно выпустили ихъ изъ виду. Ибнъ-Халлеганъ, Абульфеда, Суюти и другіе, у которыхъ и слѣдовало бы найти какія-нибудь извѣстія о жизни и трудахъ Недима, рѣшительно ничего не говорятъ объ этомъ. То же молчаніе хранятъ Европейскіе оріенталисты, Эрбло, Рейске, Кёлеръ, Касири, де-Росси, Эйхгорнъ, Вахлеръ. Только изъ ученой «Библіографіи» извѣстнаго Турецкаго географа и историка, Хаджи-Калфы, можно узнать, что онъ писалъ въ IV вѣкѣ гиджры, то есть, — X нашего лѣтосчисленія; но гораздо опредѣленнѣе говорится объ этомъ въ собственномъ предисловіи Недима къ творенію, которымъ мы сейчасъ займемся, именно, что оно вышло въ 377 году гиджры, — 987 отъ Рождества Христова.

Твореніе Недима носитъ заглавіе *Кетабъ эль-фигристъ*, то есть, Каталогъ. «Этотъ каталогъ, говоритъ въ предисловіи самъ авторъ, заключаетъ въ себѣ исчисленіе книгъ, писанныхъ о разныхъ наукахъ, какъ самими Аравитянами такъ и другими народами на Арабскомъ языкѣ и Арабскою грамотой; извѣстія о жизни, званіи и генеалогіи авторовъ, о

времени ихъ процвѣтанія, годахъ ихъ рожденія и смерти, мѣстѣ ихъ жительства, ихъ похвальныхъ и худыхъ качествахъ, начиная съ эпохи изобрѣтенія каждой науки до нашихъ временъ, то есть, до триста семьдесять седьмаго года.»

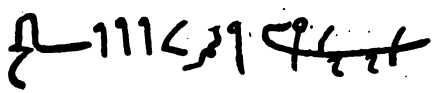
Однѣхъ этихъ словъ было бы довольно, чтобы привлечь наше вниманіе къ Недимову «Каталогу», какъ сочиненію, которое должно значительно объяснять древнюю исторію Арабской литературы и систему письменъ у разныхъ другихъ народовъ. Сирійскій писатель Абуль-фараджъ, Bar Hebracus, заимствовалъ изъ него свои свѣдѣнія о Несторіанскомъ философѣ, Матта-ибнъ-Юнусѣ; безъимянный авторъ Bibliothecæ philosophorum, помѣщенной въ Касировой «Библіотекѣ Арабо-Испанской», одно мѣсто о твореніяхъ Клавдія Птоломея и ихъ переводахъ на Арабскій; Хаджи-Калфа свои извѣстія объ Арабскихъ каллиграфахъ и различныхъ видахъ письменъ у древнихъ Аравитянъ. Особенно любопытные отрывки извлекъ изъ него баронъ Сильвестръ де-Саси о письменахъ Абиссинцевъ, Химьяридовъ и древнихъ Аравитянъ, о матеріалахъ, служившихъ встарину для письма, и два біографическія извѣстія, — о Абу-Халифѣ и о знаменитомъ Масъуди. Къ сожалѣнію, въ Европѣ существуетъ, кажется, только одинъ, и то неполный, экземпляръ этого любопытнаго творенія, — именно тотъ, который находится въ Королевской Библіотекѣ, въ Парижѣ, куда онъ привезенъ изъ Каира Фанслебеномъ. Онъ состоитъ изъ одного перваго тома; но долженъ быть гдѣ-нибудь въ Европѣ еще другой экземпляръ, потому что Голій, указывая на матеріалы, которыми онъ пользовался при составленіи своего словаря, упоминаетъ и о «Каталогѣ Недима»: куда дѣвался экземпляръ Голія — неизвѣстно.

Для насъ, въ особенности, это сочиненіе весьма занимательно тѣмъ, что въ немъ говорится о письменахъ, которыя были въ употребленіи у Русскихъ X вѣка, и что авторъ приводитъ *образецъ* этихъ письменъ. Сколько мнѣ извѣстно, это доселѣ первое у Арабскихъ писателей свѣдѣніе объ этомъ предметѣ, и даже единственное положительное свѣдѣніе. Вотъ что пишетъ Недимъ:

—

«РУССКОЕ ПИСЬМО.

«Одинъ мой знакомецъ, котораго словамъ я имѣю полное «право вѣрить, сказывалъ мнѣ, что онъ посланъ былъ къ «королю Русскихъ однимъ изъ Кавказскихъ владѣтелей. «Онъ сказывалъ мнѣ также, что у Руссовъ есть свои письмена, которыя вырѣзываются на деревѣ; тутъ онъ вынулъ «и показалъ мнѣ кусокъ бѣлаго дерева, на которомъ были «нарѣзныя фигуры, изображающія, не знаю, цѣлыя ли сло«ва или отдѣльныя буквы, только вотъ какаго вида:



—

Давно не подлежитъ сомнѣнію, что Руссы очень рано знали искусство представлять письменными чертами слова и мысли. Доказательствомъ этому служатъ мирные договоры, которые Олегъ и Игорь заключали въ 911 и 945 году съ Византійскими императорами, — первый съ Львомъ VI и Александромъ, второй съ Константиномъ VII и Романомъ I. Каждаго изъ этихъ договоровъ составлено было по два экземпляра; одинъ былъ подписанъ со стороны Руссовъ, другой со стороны Грековъ, и въ послѣднемъ договорѣ упоминается о «грамматахъ», то есть, паспортахъ, которые Русскіе князья должны выдавать купцамъ своей націи, отправлявшимся въ Константинополь.

Нѣкоторые думали, что эти грамматы могли быть сочиняемы Греческими грамматеями, или секретарями, но кажется, что нѣтъ ни какой надобности прибѣгать къ такимъ предположеніямъ. Изъ Ибнъ-Фодлана мы недавно узнали, что Руссы, которыхъ онъ видѣлъ на берегахъ Волги уже въ началѣ X столѣтія, дѣйствительно умѣли писать. Этотъ Арабскій путешественникъ, описывая какъ очевидецъ одинъ изъ похоронныхъ обрядовъ тогда еще языческихъ Руссовъ, говоритъ, что, на могильномъ столбѣ они надписывали имя покойника вмѣстѣ съ именемъ царствующаго «короля». Не извѣстно однако, какія письмена употребляли они для подобныхъ надписей. Можно было бы предполагать, что это были Славянскія. Что азбука Славянская, которую Грекъ Константинъ, про-

званный послѣ монахомъ Кирилломъ, составилъ около половины IX вѣка въ Моравіи изъ прописныхъ Греческихъ буквъ съ примѣсью нѣсколькихъ звуковыхъ знаковъ изъ другихъ источниковъ, — что эта азбука проникла въ Россію съ первыми семянами христіанства, въ томъ нельзя и сомнѣваться. Мы имѣемъ двѣ монеты «Володиміра», принадлежащія концу X столѣтія, съ Славянскими надписями. На Кіевскомъ храмѣ, построенномъ 996 года, находится надпись, также Славянскими буквами, вѣроятно современная самому зданію. Между-тѣмъ, любопытное мѣсто, которое мы выписывали изъ Недима, приводитъ насъ къ заключенію, что у Русскихъ X вѣка были въ употребленіи, кромѣ Славянскихъ, еще другаго рода письмена. Въ сохраненномъ образчикѣ этой грамоты, къ сожалѣнію слишкомъ короткомъ и скудномъ, нельзя примѣтить ни какого слѣда Славянской азбуки. Рунны были въ то время въ ходу у Германцевъ и Скандинавовъ, и позволительно думать, что этотъ родъ письма перешелъ и въ Россію вмѣстѣ съ Норманнами. Карамзинъ однако не хочетъ допустить этого, потому что такая грамота слишкомъ недостаточна для выраженія всѣхъ звуковъ Славянскаго языка *. Но надобно вспомнить, что языкъ Скандинавскій долгое время процвѣталъ на землѣ нашего отечества, пока Норманны, или Варяги, совершенно не слились съ туземцами Славянскаго корня. Довольно, между прочимъ, указать на Руссо-Скандинавскія названія Днѣпровскихъ пороговъ, которыя приводитъ Константинъ - Багрянородный. Карамзинъ тоже допускаетъ, что рунны могли быть извѣстны жрецамъ, *волхвамъ* (alfve) и служить имъ для выраженія именъ боговъ, и самъ же онъ приводитъ мѣсто изъ лѣтописи XIV вѣка, въ которомъ сказано, что Славяне, до введенія Кирилловой грамоты, «*не имѣху книгъ* (по другому списку, *письменъ*), *но чертами и рѣзами чтеху и гадаху, погани суще*. Конечно, подъ этими «чертами и рѣзами», слѣдовало бы подразумѣвать рунны, и къ нимъ же можно примѣнить то, что нашъ Арабскій писатель говоритъ о «кускахъ дерева» и о «нарѣзныхъ фигурахъ», *нукушъ*. Однако такой родъ письма не ограничивался одними руннами. Мой ученый товарищъ, Г. Шё-

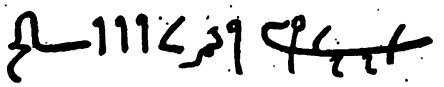
* Исторія Россійскаго Государства, I, 110.

гренъ, не нашелъ въ Недимовомъ образчикѣ Русскихъ письменъ ни какого примѣтнаго соотношенія съ характеромъ рунновъ. Да и мнѣ самому представилось въ знакахъ этого образчика разительное сходство съ такими письменами, о которыхъ всего менѣе можно было подумать въ настоящемъ случаѣ. Я говорю о знаменитыхъ «Надписяхъ Синайскихъ», которыя находятся близъ горы Синаи, на разныхъ утесахъ, по дорогѣ, ведущей въ Суэзъ, между прочимъ въ долинахъ Вади-эльнасбъ, Вади-Ошъ, Вади-мукаттабъ, или «Писанной долинѣ», и другихъ, и съ давняго времени привлекали вниманіе путешественниковъ и ученыхъ. Объ нихъ разсуждали Нейцшицъ; Монтегью, Бюшингъ, Гезеніусъ, Трешовъ, Тиксенъ, Байеръ, Михаэлисъ, Клстонъ; списки и образцы ихъ находятся у Пококка, Нибура, Зецена (Fundgruben des Orients), Буркгардта, Кутеля, Делаборда, и другихъ; но самое богатое ихъ собраніе, въ весьма вѣрныхъ копіяхъ, сообщилъ намъ недавно Г. Грей, на четырнадцати гравированныхъ таблицахъ, въ запискахъ одного изъ Англійскихъ ученыхъ обществъ *. Надписи эти довольно древни. Объ нихъ упоминаетъ еще Александрійскій купецъ, впослѣдствіи монахъ, Козма Индоплаватель, въ своей Tophographia Christiana, которую онъ окончилъ въ 536 году. Долго послѣ него, Нейцшицъ, кажется, первый устремилъ къ нимъ любопытство ученаго свѣта, который нынче можетъ найти въ прекрасныхъ копіяхъ Г. Грея матеріялъ для своихъ соображеній. Списки этого путешественника сняты съ утесовъ «Писанной долины». Сравните эти копіи съ Недимовымъ образцомъ Русскаго письма: къ удивленію, вы найдете, что почти всѣ черты и группы буквъ послѣдняго повторяются въ нихъ съ большею или меньшею точностью! Это сходство является еще яснѣе въ слѣдующемъ выборѣ чертъ и буквенныхъ групповъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ таблицъ Г. Грея и сведенныхъ въ одну строку **.

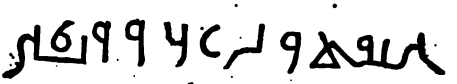
* Transactions of the Royal Society of Literature, vol. II, part I.

** Для тѣхъ, которые бы желали сличить отдѣльные письменные знаки Недимова образца съ разными знаками надписей «Писанной долины», выставимъ здѣсь нумера таблицъ Г. Грея, на которыя надобно обратить особенное вниманіе: таблица I n° 2,11; таблица VI, n° 77,80; таблица VII, n° 106; также 22, 72, 87, 121; 1; 108, 161; 1, 11.

РУССКІЯ ПИСЬМЕНА



СИНАЙСКІЯ ПИСЬМЕНА.



Составляя эту строку, я чертилъ знаки отъ правой руки къ лѣвой. Самая форма Синайскихъ письменъ показываетъ, что они были высѣчены въ этомъ Восточномъ направленіи. То же самое должно замѣтить и о письменахъ Недимова образца. Извѣстно, что древнѣйшіе рунны слѣдуютъ также отъ правой руки къ лѣвой *.

Но, къ несчастію, мы до-сей-поры находимся во мракѣ невѣжества относительно и грамоты, и языка, и сочинителя надписей, такъ давно открытыхъ на утесахъ Синайской окрестности. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Нейцшицъ, почитали эти надписи за древнія Еврейскія и за «памятникъ, который сыны Израиля, при Моисеѣ, оставили здѣсь во время своего прохода этою страною»; и Клетонъ (Clayton), который былъ того же мнѣнія, назначалъ даже пять сотъ фунтовъ стерлинговъ награды тому, кто возьмется доставить ему вѣрную ихъ копію. Покойный Тиксенъ хотѣлъ приписать ихъ Скиѳамъ, которые, по сказанію Геродота и другихъ историковъ, нѣкогда вторгались въ Египетъ. Иные, въ томъ числѣ нашъ Байеръ и Михаэлисъ, находили въ нихъ сходство съ азбукой Финикійской и съ другими, которыя въ древности образовались изъ этой азбуки; и было предположеніе, что ихъ можно отнести къ какому-нибудь Семитическому племени, досклѣ мало извѣстному, — быть-можетъ, къ Идумейцамъ. Гезеніусъ также придерживался мнѣнія, что эти надписи принадлежатъ къ Финикійской, или правильнѣе, къ Арамейской грамотѣ. Этотъ остроумный ученый,

* Нельзя однако не упомянуть, что крайняя съ лѣвой руки фигура въ Недимовой надписи нѣсколько напоминаетъ Арабскую обыкновенную аббревіатуру — *эля ахериги*, «и прочая», или «и такъ далѣе». Можно было бы счесть ее за прибавленіе автора или переписщика, утомленнаго черченіемъ непонятныхъ для него знаковъ.

который, при изслѣдованіи Синайскихъ надписей, далѣе всѣхъ проникнулъ, замѣчаетъ, что онѣ представляютъ наиболѣе сходства съ Пальмирскими, хотя нѣкоторыя буквы уподобляются также Финикійскимъ; что, въ первыхъ вѣкахъ христіанской эры, Арамейская грамота была распространена по Сиріи въ разныхъ почеркахъ, и есть поводы думать, что она употреблялась даже въ Египтѣ; что наконецъ эти надписи по всей вѣроятности высѣчены христіанскими пильгримами, которые еще въ концѣ VI столѣтія стремились изъ Египта на поклоненіе въ Синайскій монастырь.

Если теперь признать дѣйствительнымъ, какъ бы оно необъяснимо ни было, сходство, которое я далъ замѣтить, между Синайскими надписями и Недимовымъ образцомъ древнихъ письменъ Руссовъ, то ужъ не далеко отсюда и усмотрѣть сходство тѣхъ же письменъ съ извѣстными Сибирскими надписями. Вѣдь Тиксенъ находилъ многія буквы Енисейскихъ надписей существенно похожими на Синайскія. Между-тѣмъ покойный Клапротъ относитъ надписи южной Сибири къ древнимъ Хакасамъ (Хазакамъ), или Восточнымъ Киргизамъ, которые тутъ жили, и сочинилъ даже ипотезу для объясненія того, какимъ путемъ эти письмена, очевидно Европейскаго (руническаго), а не Азіатскаго, происхожденія, могли прійти въ ихъ сторону. Что касается до меня, то я, признаться, мало нахожу способовъ къ сравненію Сибирскихъ надписей съ предложеннымъ здѣсь образцомъ.

Но важнѣе всего — можно ли почитать Недимовъ образецъ древнихъ Русскихъ письменъ достойнымъ вѣры? Нельзя однако жъ не предложить себѣ этого вопроса! Ученый де-Саси, который имѣлъ подъ рукою твореніе Недима, не усомнился сказать свое мнѣніе, въ Mémoire sur l'origine de la littérature arabe, что такъ какъ разныя иностранныя письмена очень похожи другъ на друга въ образцахъ, которые содержатся въ этой книгѣ, то они должны быть или выдуманы авторомъ или удивительно искажены его перепищиками. Въ доказательство, онъ предлагаетъ читателю своей любопытной записки снимки съ Недимовыхъ образцовъ Химьяридской и Абиссинской грамотъ. Что, если и образецъ Русскихъ письменъ принадлежитъ къ той же категоріи? Это однако жъ очень возможно, хотя, по отмѣткамъ на Парижской рукописи, та-

мошній экземпляръ Недимова «Каталога» былъ сличенъ съ подлинникомъ, писаннымъ рукою самого автора: самъ сочинитель могъ невѣрно перенесть на бумагу черты, вырѣзанныя на дощечкѣ посланника, а съ какою небрежностью переписщики изображаютъ незнакомыя имъ буквы подлинника, этому мы имѣемъ слишкомъ много примѣровъ. Не говоря о дальнихъ примѣрахъ, можно привесть свой, домашній: Чингисханова надпись 1219 года, которая находилась на гранитной плитѣ въ Нерчинскѣ, несмотря на множество списковъ, доставленныхъ изъ Сибири, и на извѣстность Монгольскихъ письменъ, никѣмъ немогла быть разобрана, доколѣ самый подлинникъ не былъ привезенъ въ Петербургъ.

Я не могу однако жъ согласиться, чтобы этотъ образецъ былъ выдуманъ: ни тонъ Недимова разсказа, ни обстоятельства, которыя онъ упоминаетъ о способѣ изображенія письменъ, на кускахъ дерева посредствомъ нарѣзыванія, столь сходныя съ повѣствованіями нашихъ отечественныхъ лѣтописцевъ, не позволяютъ дѣлать такого предположенія. Арабскій ученый получилъ свой образчикъ отъ человѣка, который, по его словамъ, былъ вполнѣ достоинъ вѣры и ѣздилъ посланникомъ отъ одного Кавказскаго владѣтеля къ «королю» Руссовъ. Нѣтъ причины подозрѣвать Недима въ подлогѣ, но послѣднее обстоятельство, отправленія посланника, можетъ имѣть для насъ и другую занимательность, кромѣ палеографической, такъ какъ оно положительно обнаруживаетъ сношенія тогдашней Россіи съ Кавказскою страною, а отъ нихъ приводитъ насъ къ утвержденію свидѣтельствами Аравитянъ примѣчательной точности древнѣйшей нашей лѣтописи. Этимъ обстоятельствомъ мы и займемъ здѣсь вниманіе читателей.

Мы знаемъ изъ Масъуди *, который писалъ за тридцать лѣтъ до Недима, что, въ половинѣ X столѣтія Кавказскій перешеекъ, *Кабкъ*, или *Кавкъ*, находился во владѣніи мно-

* Глава изъ «Золотыхъ луговъ» Масъуди, относящаяся къ Кавказу, переведена на Французскій языкъ въ сочиненіи Охсона (d'Ohsson), Peuples du Caucase. Другой переводъ ея находится въ первомъ томѣ Клапротова Magasin Asiatique. Въ сочиненіи Клапрота, Beschreibung der Russischen Provinzen, можно найти ее въ Нѣмецкомъ переводѣ, которымъ этотъ ученый обязанъ былъ профессору Габихту.

гихъ независимыхъ князей, болѣе или менѣе значительныхъ, которые правили Ширваномъ, Табасераномъ, Джурзаномъ (Грузіей), Сирхгеранами, или Кубичами, Хайдакомъ, Серировъ, гдѣ царствовалъ Филанъ-Шахъ, Кумуками, Алланами, Касегами, Абхазіей, Семью Округами, и такъ далѣе.

Одинъ изъ этихъ Кавказскихъ владѣтелей, конечно, могъ имѣть случай и надобность отправить къ Русскому великому князю посольство, о которомъ упоминаетъ Недимъ. И въ самомъ дѣлѣ, Русская лѣтопись представляетъ читателю обстоятельства и событія, весьма способныя подать поводъ къ такой надобности.

Еще въ 913 году *, 301 году гиджры, слѣдственно въ началѣ княженія Игоря, Руссы на пяти стахъ лодкахъ проникли изъ Чернаго Моря въ Азовское; потомъ въ Донъ; отсюда по-обыкновенію перетащили свои суда на Волокъ; спустились по этой рѣкѣ на Волгу, вторглись въ Каспійское Море, и между прочимъ ограбили и опустошили область Ширванъ, гдѣ тогда былъ правителемъ Али-ибнъ-эль-Хайтемъ.

Въ 943 (332 гиджры), явились они снова на Каспійскомъ Морѣ, откуда вошли въ Куръ и овладѣли знаменитымъ городомъ Бердаа, при рѣкѣ Тертерѣ, въ Карабагѣ. Болѣе года удерживались они въ этомъ городѣ, и дѣлали изъ него набѣги на окрестныя мѣста. По словамъ Баръ-Гебрея **, въ этомъ грабительскомъ походѣ участвовали вмѣстѣ съ ними Славяне и Лезгинцы. Карамзинъ и Полевой коротко упомянули объ этихъ двухъ экспедиціяхъ, и первый помѣстилъ въ примѣчаніи Восточныя объ нихъ извѣстія, — разумѣется, въ тогдашнемъ ихъ состояніи. Эверсъ и Штраль говорятъ только о второмъ, также очень коротко, и не слишкомъ ему вѣрятъ. Но, по нынѣшнимъ оріентальнымъ трудамъ, надобно надѣяться, что наши отечественные историки обратятъ на эти два примѣчательные похода все вниманіе, котораго они заслуживаютъ.

Но еще ближе, чѣмъ оба эти похода, является походъ Руссовъ, предпринятый, по словамъ Нестора, при Святославѣ въ 965 году, противъ Хазаровъ. Въ эту экспедицію они раз-

* См. Essai servant à déterminer l'époque d'une expédition entreprise au dixième siècle par les Russes, Nouveau Journal Asiatique, tome II, 455.

** Chronicon Syriacum, p. 189 — 193.

били на-голову Хазаровъ, взяли ихъ столицу Бѣловѣжу, то есть, Саркель, и побѣдоносно проникли до земли Касоговъ и Яссовъ, которые, какъ достаточно уже доказано другими учеными, были нынѣшніе Черкессы и Оссетинцы *. Объ этомъ походѣ предпріимчиваго Русскаго князя, который, сухимъ путемъ, занесъ такъ далеко на югъ и востокъ свое оружіе, знаютъ нѣчто и Арабскіе путешественники. Едвали было бы кстати сомнѣваться, на этотъ ли походъ указываютъ, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, географы Ибнъ-Хаукаль и Ибнъ-эль-Варди, изъ которыхъ первый былъ современникъ событію, говоря объ опустошительномъ вторженіи Руссовъ въ 968 году, 358 году гиджры, во владѣнія Волжскихъ Булгаровъ и Хазаровъ, откуда они произошли до Семендера, нынѣшняго Тарки, резиденціи Шамхала въ сѣверномъ Дагестанѣ. Одинъ отрядъ Руссовъ углубился еще далѣе на востокъ въ Кавказскія Горы, другой еще далѣе на западъ. Желающіе возразить противъ этого примѣчательнаго согласія Несторовой лѣтописи съ показаніями Аравитянъ, могутъ конечно опереться на разность трехъ годовъ въ эпохахъ событія, такъ существенно схожаго въ описаніяхъ обѣихъ сторонъ; тѣмъ болѣе, что, по Нестору, Святославъ, побѣдивъ Хазаровъ, Яссовъ и Касоговъ, въ 966 году воевалъ на Окѣ Вятичей, покоренныхъ за два года, а въ 967 Булгаровъ на Дону. Но я не защищаю Несторова лѣтосчисленія, въ которомъ ошибки въ нѣсколько годовъ легко могутъ попадаться и даже извинительны въ изображеніи происшествій, случившихся за цѣлое столѣтіе до перваго Русскаго писателя. Притомъ, втораго похода противъ Вятичей нѣтъ во многихъ спискахъ, а нападеніе на Донскихъ Булгаровъ отнесено у Византійцевъ къ слѣдующему 968 году. Можно также замѣтить, что походъ, поставленный Несторомъ подъ 965 годомъ, такъ обширенъ въ своемъ развитіи, что безъ-сомнѣнія онъ

* Бѣловѣжа, то есть, «бѣлый замокъ» или «бѣлая башня», — по-Хазарски, слѣдуя Византійскому правописанію, *Саркель*, что въ переводѣ означало «бѣлый домъ», а собственно Шоре-киль (*шоре-киль* значитъ доселѣ въ Чувашскомъ языкѣ — бѣлый домъ), лежала на правомъ берегу Дона, гдѣ теперь Казацкая станица Бѣляева, въ разстояніи около пяти съ половиною верстъ отъ Калачинской почтовой станціи, находящейся на лѣвомъ берегу рѣки. *Potocki*, Voyage dans les steppes d'Astrakhan, I, 17; *Klaproth*, Nouveau Journal Asiatique, II, 413.

не ограничивался предѣлами одного года: такимъ образомъ эпоха, приводимая нашею лѣтописью, можетъ быть началомъ экспедиціи Святослава на сѣверѣ, а годъ, показанный Ибнъ-Хаукаломъ, относиться къ ея окончанію на югѣ. Въ крайнемъ случаѣ, позволительно было бы думать, что великій князь самъ, лично, не присутствовалъ при всѣхъ этихъ военныхъ предпріятіяхъ, и что часть ихъ была совершена отдѣльными отрядами войскъ, подъ начальствомъ его полководцевъ. Послѣдняя эпоха, то есть, 968 годъ отъ Рождества Христова, или 358 годъ гиджры, должна быть признана болѣе достовѣрною, потому что она повторяется у современнаго писателя.

Такъ какъ съ той эпохи по 987 годъ, когда Недимъ писалъ свою книгу, не случилось ни какихъ происшествій, которыя бы привели Руссовъ въ соприкосновеніе съ Кавказскими народами, — по-крайней-мѣрѣ мы ихъ не знаемъ доселѣ, — то легко допустить, что, вскорѣ по окончаніи Святославова похода, одинъ изъ тогдашнихъ владѣтелей Касоговъ (Черкесовъ) или Яссовъ (Аллановъ, Оссетинцевъ) отправилъ къ Русскому великому князю, по дѣламъ политическимъ или коммерческимъ, посольство, о которомъ говорится у Недима. Правдоподобіе послѣдняго повода весьма усиливается тѣмъ, что Арабскіе писатели X вѣка повѣствуютъ о торговлѣ Черкесовъ на Черномъ Морѣ, до береговъ котораго простирались ихъ владѣнія. Они торговали, какъ удостовѣряетъ Масъуди, моремъ съ Трапезунтомъ, и здѣсь-то сами Аравитяне, по свидѣтельству Ибнъ-Хаукаля, покупали, между прочими товарами, Русскія ткани. Можно также думать, что посольство Кавказскаго владѣтеля было отправлено въ сосѣдній Тмутараканъ, на Таманскій полуостровъ. Около этого времени Тмутараканъ, въ ряду Русскихъ владѣній, составлялъ родъ оазиса, брошеннаго въ чужіе краи и находившагося попеременно то подъ управленіемъ воеводы великихъ князей, то во власти удѣльнаго князя. Первымъ такимъ княземъ, сколько извѣстно, былъ Мстиславъ, поставленный тамъ отцомъ своимъ Владиміромъ въ 988 году, и который потомъ въ 1022 поддался Касогамъ. Я думаю, что отъ нихъ-то и происходило посольство.

Х. ФРЕНЪ.

=

СТРАНСТВОВАНІЯ

АРАБСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ

ИЗЪ АЛЕППА ВЪ МОСКВУ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Мы оставили Сирійскихъ путешественниковъ въ первомъ городѣ Земли Казаковъ, Рашковѣ.

Макарій недолго оставался въ Рашковѣ; онъ скоро отправился въ дальнѣйшій путь, и черезъ Уманъ и Васильковъ скоро прибылъ въ Кіевъ. Изъ Лысянки онъ послалъ извѣстіе о своемъ прибытіи къ гетману Хмѣльницкому, который стоялъ лагеремъ подъ *Богослафи* * (Богуславомъ), и, пріѣхавъ въ этотъ городъ, имѣлъ удовольствіе благословить гетмана и его Казаковъ, которые встрѣтили гостей съ должными почестями на берегу рѣки Роса, напротивъ города, гдѣ раскинутъ былъ станъ. Арабскій патріархъ и его спутникъ не могли надивиться добродушію, величію и щедрости «Хмѣля» и мудрости его пашей, которые называются *буркоуники* (полковники). Онъ далъ имъ письма къ Русскому Царю и къ воеводѣ Путивля. Прибывъ въ Кіевъ архидіаконъ Павелъ, занялся самымъ подробнымъ, описаніямъ мощей, пещеръ, монастырей и церквей. Здѣсь путешественники видѣли посланника Шведской королевы къ Хмѣльницкому. «Его звали *Баба-Илья* (отецъ, или *паппасъ*, Илья). Онъ былъ священникъ, родомъ Грекъ, и прежде жилъ въ Парижѣ. Теперь находился онъ здѣсь посломъ отъ Шведской королевы къ Ихмилю. Она, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отправила двоихъ пословъ къ гетману, но они перехвачены были Поляками. Тогда она послала этого священника въ Константинополь, съ тѣмъ, чтобы онъ оттуда

* Аравитяне не имѣютъ въ своемъ языкѣ звуковъ *п* и *в*, и всегда замѣняютъ ихъ буквою *б* или *ф*.

привезъ ея посланіе къ Ихмилю. Она благодарила гетмана за его побѣды надъ Поляками, потому что они также и ея враги и отторгли отъ ея государства много городовъ. «Да будетъ «тебѣ извѣстно, писала она, что я собрала на границѣ шесть-«десятъ тысячь воиновъ, чтобы помочь тебѣ окончательно «уничтожить моихъ непріятелей.» Послѣ переговоровъ съ этимъ священникомъ, гетманъ отправилъ съ нимъ своего посла съ отвѣтомъ королевѣ. Священникъ, съ посломъ гетмана, прибылъ въ Москву и сообщилъ Царю Московскому письмо такого же содержанія, потому что Московія сосѣдственна съ Швеціею и ихъ государи чрезвычайно дружны.» Архидіаконъ излагаетъ коротко, но довольно вѣрно, исторію Кіева и его современное состояніе. Онъ говоритъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, лишь-только этотъ городъ присоединился къ Россіи, построилъ въ немъ сильную цитадель, деревянную съ башнями, на вершинѣ горы, и расположилъ въ ней и въ окрестностяхъ Кіева шестдесятъ тысячъ войска подъ начальствомъ двухъ воеводъ. Одинъ изъ нихъ, котораго имени архидіаконъ не сказываетъ, приходилъ взять благословеніе у Антіохійскаго патріарха.

Проѣздъ черезъ Малороссію подалъ архидіакону поводъ къ разнымъ замѣчаніямъ о нравахъ и обычаяхъ жителей: онъ удивляется ихъ набожности, искусству писать иконы и огромнымъ колоколамъ, которымъ подобныхъ не найдете въ Алеппѣ; проклинаетъ Поляковъ и *Гуньятовъ* (Уніатовъ), «которые претерпѣли достойное наказаніе за свои злыя дѣла», и, чтобы дать понятіе Аравитянамъ о языкѣ Московитянъ, записываетъ въ свой дневникъ всѣ заслышанныя Русскія слова, какъ напримѣръ *гусбуди бумилуй* (Господи, помилуй) и *истаруста*, староста, — «такъ Казаки называютъ своихъ шейховъ». Онъ нашелъ, что въ этой странѣ завелось много вдовъ и сиротъ, отъ кровопролитныхъ войнъ Ихмиля. Говоря, что на ектеньи вездѣ поминаютъ Царя Алексѣя Михайловича всея Россіи, онъ объясняетъ это тѣмъ, что Малороссія, въ нынѣшнемъ же году, по собственному желанію отдалась въ подданство Царя, «чтобъ заодно съ Мускобами и ханомъ Крымцевъ истребить общаго врага», излагаетъ побудительныя къ тому причины и даетъ описаніе войны Хмѣльницкаго съ Поляками.

«Въ послѣднее время, говоритъ онъ, собралось Польской арміи до двухъ сотъ тысячь человѣкъ, а съ гетманомъ Ихмилемъ было до трехъ сотъ тысячь, да съ ханомъ (Крымскимъ) болѣе ста двадцати тысячь. Съ этими силами пошли они противъ Ляховъ, и, при помощи Божіей, побѣдили ихъ. Проведши *язакъ* (вѣроятно засѣки), или линію бивуаковъ, вкругъ ихъ лагеря, и окруживъ ихъ такимъ образомъ, Ихмиль отнялъ у нихъ всѣ способы получать съѣстные припасы: отъ одного голоду, говорятъ, погибло болѣе сорока тысячь Поляковъ. Казаки и Татары наперли на нихъ, начали штурмовать лагерь, и работали въ немъ мечемъ, пока не могли владѣть имъ отъ усталости. Татары взяли много живыхъ плѣнниковъ, а Казаки несмѣтную добычу. Никто не спасся изъ Ляховъ, кромѣ тѣхъ, которымъ предназначено было долго жить и которые убѣжали съ своимъ *кралемъ*, или государемъ, въ столицу, Краковъ, городъ построенный изъ камня и обнесенный семью стѣнами, гдѣ они тотчасъ заперлись и начали укрѣпляться. Ихмиль и ханъ слѣдовали за ними, и обложили городъ. Когда краль и его вельможи увидѣли безнадежность своего положенія, и припомнили себѣ, что уже восемьдесятъ лѣтъ какъ безъ успѣха воюютъ съ Ихмилемъ, они рѣшились обратиться къ хану, и обѣщали ему двѣсти тысячь червонныхъ, если онъ нарушитъ союзъ съ гетманомъ и вмѣсто того, чтобъ стоять за Казаковъ, пойдетъ противъ нихъ. Ханъ, получивши это предложеніе, тотчасъ согласился, отдѣлился съ своими Татарами отъ Ихмиля и началъ отступать въ свою сторону. На пути, они увели до десяти тысячъ плѣнныхъ изъ Земли Казацкой.» Здѣсь, очевидно, говорится объ извѣстной битвѣ подъ Жванцемъ, городомъ, лежащимъ между Хотиномъ и Каменцомъ-Подольскимъ, и гдѣ король Польскій, Янъ Казиміръ, былъ осажденъ въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ; архидіаконъ перемѣшалъ мѣстности и преувеличилъ число войска. Измѣна Исламъ-Гирея относится къ Жванецкой битвѣ (7 декабря, 1653). Хмельницкій, пораженный вѣроломствомъ своего союзника, началъ отступать въ Малороссію.

Архидіаконъ Павелъ продолжаетъ: «Когда гетманъ узналъ объ измѣнѣ, онъ ужасно разгнѣвался, и, увидѣвъ, что оставалось только одно средство — прибѣгнуть къ Царю Москов-

скому, отправилъ депутацію изъ своихъ вельможъ просить у него помощи для спасенія православной вѣры и чтобъ не дозволить врагамъ ругаться надъ нею.»

Вслѣдъ за этимъ онъ представляетъ въ двухъ главахъ «исторію войны Ляховъ и Казаковъ». Мы приведемъ изъ нея замѣчательнѣйшее: читатели оцѣнятъ сами духъ этого иперболическаго повѣствованія и фанатизмъ Восточнаго нашего единовѣрца, передъ которымъ каждый Турецкій улема могъ бы быть образцомъ вѣро-терпимости.

Прежде всего, онъ разсказываетъ, что страна, называемая теперь Малою Россіею, прежде имѣла собственныхъ князей, изъ которыхъ *Буздимиросъ*, то есть, Владиміръ, принялъ христіанскую вѣру въ правленіе Византійскаго государя Василія Македонянина; что потомъ этотъ край былъ покоренъ Ляхами, «величайшими гордецами и хвастунами, какіе только когда-либо существовали; которые имѣютъ государя, называемаго *кралемъ*, и свергаютъ его, когда хотятъ. Они покорили много сосѣдственныхъ владѣній, въ томъ числѣ часть земель, находившихся подъ властью *Немсе*, Нѣмца, который называетъ себя Кесаремъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, они овладѣли большимъ городомъ, принадлежащимъ государству Московскому и который называется *Сумульнескъ* (Смоленскъ). Этотъ городъ славенъ своими сильными укрѣпленіями; и они взяли его не оружіемъ, а измѣною. Они покорили и всю Землю Казаковъ; не довольствуясь тѣмъ, что заставили ихъ платить дань, они отдали надъ ними власть Жидамъ и Армянамъ, которые грабили и всячески притѣсняли Казаковъ. Это вывело ихъ изъ терпѣнія. Другою причиною къ возстанію было то, что Поляки набирали изъ нихъ сорокъ тысячь человѣкъ въ регулярныя войска. Притомъ, тиранство ихъ простиралось до такой степени, что они хотѣли истребить всѣхъ служителей Христа и изгнать христіанскую вѣру; начали разрушать ихъ церкви и сожгли на кострѣ митрополита Земли Казацкой съ одиннадцатью епископовъ и священниковъ.

«Въ продолженіе всего этого времени, говоритъ Арабскій архидіаконъ, великая горесть овладѣла нашими братіями, Казаками. Самые смѣлые бѣжали отъ такого правительства

изъ родной стороны на островъ, находящійся въ устьѣ Днѣпра, большой рѣки, которая впадаетъ въ Черное Море; построили тамъ обширную, сильную крѣпость и, поселясь въ ней, умножили свое число иноземцами до такой степени, что вскорѣ ихъ было тамъ до пятидесяти тысячь душъ. Ихъ называютъ Донскими Казаками, по-Турецки *Тонунъ-Казакы;* они промышляютъ морскими грабежами по Черному Морю. Между-тѣмъ большая часть Казаковъ геройски сносили тиранство Ляховъ, и вытерпѣвали отъ нихъ мученія безъ смутъ и безъ ропота, какъ мученики, обращаясь всегда къ небесному Отцу, съ самоотверженіемъ повинуясь предписаніямъ Всемогущаго.

«Около тридцати лѣтъ тому, три брата явились между Казаками; поднявшись на Ляховъ, они вызвали ихъ на бой и разбили на-голову, хотя враги были многочисленны. Утвердившись въ городѣ *Кіюфъ*, Кіевѣ *, они поставили въ немъ собственныхъ правителей и свои знамена, и когда Ѳеофанъ, покойный патріархъ Іерусалимскій (тотъ самый, который рукоположилъ въ патріархи Ѳеодора Никитича Романова), просилъ у нихъ проѣхать черезъ ихъ землю, они послали пять тысячь Казаковъ къ предѣламъ Молдавіи, чтобъ привезти его. Онъ посвятилъ для нихъ митрополита, епископа и много другихъ духовниковъ, и былъ съ почестями и прикрытіемъ отправленъ ими въ Землю Московскую.

«Поляки, видя, что они не въ силахъ побѣдить этихъ трехъ братьевъ, заключили съ ними миръ, и вѣроломно отравили всѣхъ троихъ. Тогда они снова овладѣли тѣмъ, что отняли у нихъ братья, и истребили ихъ войска самыми гнусными убійствами. Въ отношеніи къ простому народу тиранство ихъ доходило до непостижимой степени. Они также не знали предѣловъ своему гнѣву на патріарха Ѳеофана, который тогда былъ уже въ Московіи. Какъ скоро тотъ узналъ, что они питали къ нему такую вражду, онъ отправился въ обратный путь уже черезъ страну Татаровъ, и только такимъ образомъ спасся.

* Архидіаконъ, видно, не знаетъ, что Кіевъ по-Арабски называется *Куяба*. Подъ этимъ именемъ Кіевъ былъ издревле извѣстенъ Восточнымъ писателямъ.

«Вскорѣ за тѣмъ явился султанъ Османъ (II), болѣе чѣмъ съ семисотъ-тысячною арміею, передъ крѣпостью Хотиномъ, что̀ близъ границы Молдавіи, и передъ Каменцомъ, чтобы воевать съ Ляхами. Ляхи обратились къ Казакамъ и просили ихъ участвовать въ изгнаніи врага. Казаки согласились на ихъ просьбы и храбро прогнали врага, что̀ извѣстно у насъ во всякомъ кофейномъ домѣ. Впослѣдствіи, собственныя войска султана умертвили его. Миръ былъ заключенъ между Турками и Поляками на томъ условіи, что крѣпость Хотинъ (Khoenti?) перейдетъ во владѣніе бея Молдавіи, и что Поляки будутъ платить имъ семдесятъ тысячь піастровъ и давать тридцать тысячь головъ рогатаго скота ежегодной контрибуціи.»

«Отъ ласкательствъ, которыми Ляхи осыпали Казаковъ передъ войною, они тотчасъ перешли къ величайшимъ жестокостямъ, желая перемѣшать и разсѣять этотъ народъ. Но Господь, въ наказаніе за ихъ тиранства, гордыню и вѣроломство, возвысилъ вѣрнаго раба своего Ихмиля, для отмщенія имъ и освобожденія народа Казацкаго изъ-подъ ихъ ига; даровалъ ему силу и помогъ истребить ихъ войска остріемъ меча, съ горстью удальцевъ. Сказано въ книгѣ: «Когда народъ «не знаетъ себѣ предѣловъ, Богъ даруетъ силы другому на«роду, чтобъ его уничтожить.» Тогда явился Ихмиль, прозванный ихъ *кралемъ*, и началъ воевать за дѣло вѣры. Но не имѣя достаточной силы ни союзниковъ, онъ принужденъ былъ отправить пословъ, сперва къ Василью, бею Молдавскому, потомъ къ Матвѣю, бею Валлахіи, съ просьбою о помощи для освобожденія православныхъ Казаковъ изъ плѣна Жидовъ, Армянъ и проклятыхъ Поляковъ. Вмѣсто того, чтобы оказать ему помощь и воевать съ нимъ заодно за дѣло православія, оба князя отплатили ему зломъ за доброе приглашеніе: Василій извѣстилъ объ этомъ друзей своихъ, Поляковъ, а Матвѣй-бей написалъ обо всемъ къ Туркамъ, своимъ союзникамъ. Ихмиль, потерявъ надежду на обоихъ, обратился къ Алексѣю, Царю Московскому, и просилъ его нѣсколько разъ о помощи; но и этотъ государь отвергъ его просьбы, потому что видѣлъ въ немъ возмутителя и бунтовщика. Такъ всегда поступаютъ беи. Когда надежды Ихмиля разрушались со всѣхъ сторонъ, Всемогущій навелъ его

на удивительное дѣло. Между Ихмилемъ и кралемъ Ляховъ было тайное согласіе насчетъ того, что первый возстанетъ на притѣснителей, а краль будетъ помогать ему, съ тою цѣлію, чтобъ истребить Польскихъ вельможъ *, возвратить себѣ собственныя права короля, и управлять самому, а не быть управляемымъ. Мы уже говорили, что въ Польшѣ было множество вельможъ, которые владѣли наслѣдственно большею частью страны; многіе изъ нихъ имѣли на своемъ содержаніи до ста тысячь воиновъ; самые мелкіе имѣли десять тысять. Но они не были единодушны, всякой слѣдовалъ своему желанію, и потому они погибли всѣ, одинъ за другимъ.

«Что жъ сдѣлалъ Ихмиль? Онъ взялъ съ собой своего сына Тимоѳея, которому было тогда только восемь лѣтъ отроду, и отправился съ нимъ къ Казакамъ, которые жили на островѣ (на Днѣпрѣ, то есть, къ Запорожцамъ). Поладивъ съ ними, онъ пошелъ, по ихъ совѣту, къ хану Татаръ, чтобъ заключить союзъ и съ нимъ. По прибытіи къ Татарамъ, онъ тщетно старался прельстить ихъ богатствомъ добычи: они ему не вѣрили, пока онъ не оставилъ у нихъ сына заложникомъ. Тогда произнесли взаимныя клятвы. Татары, соединившись съ Ихмилемъ, тотчасъ выставили, вмѣстѣ съ нимъ, до сорока тысячь воиновъ. Съ Божіей помощью, напали они на Поляковъ, разбили ихъ, взяли большое число плѣнныхъ, и ограбили все, что только могли увезти. Татары радовались успѣху. Отославъ плѣнныхъ въ свою землю, они пошли впередъ, напали на Польскаго правителя, съ помощью Божіей одержали надъ нимъ верхъ, и возвратили Казакамъ всю страну, бывшую подъ его властью. А былъ напередъ уговоръ между нимъ, что — «страна и добыча принадлежать будутъ намъ (Казакамъ), а плѣнные вамъ (Татарамъ)». Какъ простой народъ состоялъ всё изъ Казаковъ, которые находились въ ужаснѣйшемъ рабствѣ, то онъ возсталъ также за Ихмиля, и помогалъ ему овладѣть тѣми странами. Ихъ было съ нимъ до пятидесяти тысячь, къ нимъ присоединились мно-

* Въ этомъ случаѣ архидіаконъ, хотя онъ все перепачиваетъ, не совсѣмъ ошибся; извѣстно, что король Владиславъ, на жалобы Казаковъ о притѣсненіяхъ со стороны его вельможъ, отвѣчалъ: «У васъ есть сабля, — защищайтесь!»

гія тысячи Татаръ при видѣ богатыхъ добычъ. Они не переставали покорять разные округи и умерщвлять ихъ правителей до тѣхъ поръ, пока Ихмиль не сдѣланъ былъ ихъ главою, великимъ *хатманомъ*, а на ихъ языкѣ *коммисари*, то есть, мирахоромъ (шталмейстеромъ) краля. Онъ имѣлъ подъ собою болѣе двухъ сотъ тысячь человѣкъ, и началъ жить пышно, богато и величественно.

«Повѣствуютъ, что Польскіе вельможи покинули свои дома, чтобъ итти войною противъ Ихмиля. Устроивъ укрѣпленія, они разбили палатки, какъ-будто пришли на веселый пиръ. Они послали къ Ихмилю, сказать: «Мы пришли сюда, чтобъ повстрѣчаться съ тобою, чтобъ увидать твоихъ женъ и дѣтей, да просмотрѣть ваше золото и серебро, ваши арбы, коней, и всѣ сокровища, что у васъ есть!» Все это вѣрно, потому что они сидѣли себѣ въ своихъ палаткахъ, ѣли, пили, предавались разврату и насмѣхались надъ слабымъ войскомъ Ихмиля. «Мы сами попали къ тебѣ въ руки, говорили они ему, начинай же скорѣе свои грабежи, бери себѣ наши мѣшки съ золотомъ: все передъ тобою». Но Господь Богъ, видя ихъ гордыню и самохвальство, внушилъ Ихмилю хитрое дѣло, которое тотъ привелъ въ исполненіе. Казаки подкрались въ одну ночь къ мѣсту, гдѣ паслись Польскія лошади, и, умертвивъ конюховъ, овладѣли всѣмъ табуномъ. Тогда они удалились; надѣлали столько знаменъ, сколько было лошадей, и дали по знамени въ руки каждому всаднику, такъ, что всего было пять тысячь знаменъ да пять тысячь небольшихъ барабановъ. Устроивъ такимъ образомъ, они пошли на непріятеля, достигли до лагеря до наступленія дня, и нашли всѣхъ спящими, безъ всякой защиты. Они испустили громкій крикъ и забили во всѣ барабаны вдругъ; Поляки, вскочивъ на ноги; увидали со всѣхъ сторонъ знамена. Они начали-было искать своихъ лошадей, но убѣжавшіе конюхи извѣстили ихъ о приключеніи. Тогда, лишась всякой надежды на спасеніе, они пришли въ слѣпую ярость, и начали колоть саблями другъ друга. Казаки кончили дѣло всеобщимъ убійствомъ, котораго никто не избѣгъ, и получили богатую добычу. Начальникъ Польскаго отряда спрятался за фурою; слуги прикрыли его соломою. Но Казаки скоро его отыскали, осторожно вырыли его, и поподчивали

его саблею, говоря ему насмѣшливо: «Вчера ты надъ нами «смѣялся и презрительно приглашалъ насъ овладѣть твоими «богатствами, а теперь зарылся въ солому, проклятый! Вста«вай же, садись на тронъ, чтобъ мы поклонялись тебѣ, вели«кій государь, да не горюй!»

Это настоящій романъ!

«Такимъ образомъ Казаки сдѣлались господами всей страны, и начали управляться независимо, истребивъ Поляковъ, Армянъ и Жидовъ. Ихмиль съ своими храбрыми послѣдователями показали такіе примѣры мужества и воинской хитрости, какихъ до него не видано. Богъ даровалъ ему твердость духа, поощрялъ его усилія отъ начала его поприща до конца, и его мечемъ послалъ истребленіе на гордыню и смуты враговъ его, которые, какъ я уже говорилъ, слѣдовали каждый своей прихоти, и вели войну отъ своего лица, не спрашивая помощи у сосѣдняго владѣльца. Большіе недостатки у нихъ — эта гордость ума и чрезвычайная любовь къ свободѣ! отъ нихъ-то происходятъ ихъ коварство и измѣны. Соединись они вмѣстѣ съ своимъ кралемъ, какъ въ другихъ государствахъ и какъ они сами сдѣлали до Каменецкаго похода Турковъ, имъ не нашлось бы равнаго могуществомъ на землѣ. Краль ихъ (Владиславъ IV), который былъ тайнымъ другомъ Ихмиля, хотѣлъ ободрить и подкрѣпить его попытки, чтобы этимъ истребить и уничтожить всѣхъ вельможъ своихъ. Но они вскорѣ узнали объ его намѣреніи, составили противъ него заговоръ, и, давши ему яду, прекратили его существованіе. На мѣсто его посадили его брата (Яна Казимира), и, размысливъ, что они не въ силахъ бороться съ Ихмилемъ, заключили съ нимъ дружбу, чтобы подъ этой личиною обмануть его и также отравить, но не могли исполнить своего намѣренія: выдумывали всячески какъ-бы убить его, но и тутъ съ нимъ былъ Богъ.

«Онъ продолжаетъ уповать на Него по-сю-пору. Когда Татары увлеклись своимъ корыстолюбіемъ и отдѣлились отъ него, онъ послалъ сказать о своей покорности государю Московскому. Наконецъ дѣло было слажено, благодаря патріарху и ревности Московитовъ къ православію. Государь прислалъ къ Ихмилю и его вельможамъ нѣсколько царскихъ

кафтановъ, и пожаловалъ его *кенази* (княземъ) своего государства. Потомъ прислалъ онъ двухъ воеводъ, и съ ними шестдесятъ тысячъ войска, въ городъ Кіевъ, въ которомъ они построили крѣпость и расположились, чтобы при случаѣ побить враговъ ихъ, Поляковъ. Сорокъ тысячъ казацкаго войска было записано въ царскую службу, велѣно было выдавать имъ каждый годъ жалованье изъ царской казны и присоединить ихъ къ Московскому войску въ Кіевѣ. Какъ между Царемъ, Поляками и ихъ кралемъ была большая дружба, то онъ отправилъ къ нимъ посла сказать: «Да будетъ вамъ «извѣстно, что я требую трехъ вещей, если хотите поддер«жать прежнюю дружбу,—во-первыхъ, какъ земля за Днѣп«ромъ, Земля Казацкая, теперь сдѣлалась моей собствен«ностью, то вы не будете на нее производить набѣговъ ни «грабить ея; и такъ какъ между вами есть Татары и они «имѣютъ мечети, Жиды у нихъ синагоги, Армяне и у нихъ «есть ихъ церкви, то такимъ же образомъ вы должны обра«щаться и съ вашими братьями по Христу, Казаками, кото«рые, подобно мнѣ, православнаго исповѣданія; во-вторыхъ, «вы будете называть меня Царемъ Великія и Малыя Руссіи; «въ-третьихъ, должны вы возвратить мнѣ принадлежавшій «предкамъ моимъ городъ Смоленскъ со всѣми пушками, ружья«ми и всякаго рода оружіемъ и снарядомъ. Ежели датите от«вѣтъ приличный, согласный съ моими желаніями, прежняя «дружба будетъ продолжатся между нами; а ежели нѣтъ, то «да будетъ же вамъ извѣстно, что въ такомъ случаѣ я зай«му ваши владѣнія.» Услышавъ это, Поляки дали рѣшительный отказъ, въ особенности одинъ вельможа, по имени Радзивилъ, зять Василья, бея Молдавіи, который былъ великимъ гетманомъ и независимымъ владѣтелемъ, подобно многимъ другимъ. Краль былъ бы готовъ дать удовлетворительный отвѣтъ, да другіе не приняли бы.

«Между-тѣмъ, что надѣлали эти нечистые адынцы! Несмотря на свое высокомѣріе, они въ томъ же году, о Страстной недѣлѣ, именно въ четвергъ, въ субботу и въ воскресенье, вечеромъ, сдѣлали набѣгъ на семдесять или восемдесять городковъ въ Землѣ Казаковъ, зная, что этотъ народъ былъ тогда занятъ молитвами въ церквахъ, и что онъ не беретъ въ руки оружія въ продолженіе всего великаго поста.

Все несчастіе произошло отъ излишней увѣренности Казаковъ на Царя, подъ покровительство котораго они отдались. Нагрянувъ неожиданно, Поляки рѣзали мечемъ кого ни встрѣчали, даже грудныхъ дѣтей, и раздирали животъ у беременныхъ женщинъ. Совершивъ наѣздъ, они убѣжали. Услышавъ объ этомъ, Ихмиль послалъ нѣсколько отрядовъ преслѣдовать ихъ, но Казаки не настигли главнаго корпуса, а отыскали его арріергардъ; изрѣзали его въ куски, вмѣстѣ съ Іезуитами, которые побуждали Поляковъ къ грабежу. Они взяли не знаю сколько городовъ, принадлежавшихъ Полякамъ, истребили жителей и зажгли домы, въ отмщеніе за то, что они дѣлали въ ихъ сторонѣ.

«Царь, услышавъ объ этомъ, чрезвычайно разгнѣвался и изготовилъ походъ противъ окаянныхъ Поляковъ, потому что кровь мучениковъ, которую они пролили въ дни Святаго Распятія, вопіяла къ Господу. Христолюбивому Царю внушено было свыше итти противъ Ляховъ съ шести-сотъ-тысячною арміею. Онъ отправился изъ Москвы въ первый понедѣльникъ Петрова поста, — въ этотъ же день мы выѣхали изъ Валлахіи, — и прибывъ къ Смоленску, осадилъ городъ. Онъ послалъ девяносто тысячь воиновъ къ Ихмилю, да отправилъ одного визиря съ ста тысячами всадниковъ на границу Татарскую, чтобъ не допустить Татаръ помогать Полякамъ. Но ханъ Татарскій ужъ издержалъ бо́льшую часть денегъ, полученныхъ отъ Поляковъ, и послалъ теперь къ нимъ извиненіе, говоря, что не можетъ ни поспѣшить на помощь, ни даже оставить своей земли, по причинѣ многочисленной арміи Мускобовъ, которая стережетъ его. Онъ вскорѣ померъ; другой сдѣлался ханомъ на его мѣсто».

Вотъ извѣстія собранныя Сирійскими путешественниками на пути отъ Рашкова до Кіева. Мы оставляемъ ихъ безъ всякихъ замѣчаній, потому что исторія этого важнаго періода слишкомъ хорошо извѣстна каждому читателю.

Макарій выѣхалъ изъ Кіева 10 кануна втораго (января). Погода была самая ненастная: шли сильные дожди, рѣки выступали изъ своихъ корытъ; потомъ сдѣлалось чрезвычайно туманно и наступили морозы. Вечеромъ того же числа странствователи были въ небольшомъ городѣ *Буробари* (Брова-

ры, селеніе въ восемнадцати верстахъ отъ Кіева, въ Черниговской губерніи). Съ небольшими разстановками пріѣхали они черезъ село Розаново, «близъ котораго есть большое озеро и много фабрикъ»; городъ Ядловку «съ значительными укрѣпленіями и тремя замками»; Басань; *Бакоми* (Быковъ), «большой городъ въ развалинахъ, похожій на Васильковъ, и котораго жители чрезвычайно бѣдны и малочисленны, потому что сильно потерпѣли отъ чумы». Изъ Быкова они пріѣхали въ большой, хорошо населенный и сильно укрѣпленный городъ, который архидіаконъ называетъ *Бирильмелука*, Прилуки, Полтавской губерніи. Архидіаконъ съ восхищеніемъ говоритъ объ его сильной крѣпости, съ высокими стѣнами, и рвами, въ которые впускается, когда нужно, вода изъ большаго озера, и о великолѣпномъ дворцѣ внутри крѣпости: «на немъ есть надпись, продолжаетъ онъ, изъ которой видно, что дворецъ построенъ въ 1645 году отъ Рождества Христова, то есть, тому семь лѣтъ. Уже годъ какъ имъ овладѣли Казаки. Въ этомъ дворцѣ жилъ четвертый Польскій правитель, *Вишневиска*, Висневецкій. Вотъ смыслъ этаго имени: *Вишнѐ* (слово Турецкое) есть родъ черешни, а *иска* и *аска* суть окончанія прозвищъ и нарицательныхъ именъ, даваемыхъ въ этой сторонѣ; это будетъ значить, слѣдовательно, «багряный» или «краснолицый», подобно словамъ *Антіохиска*, то есть, изъ Антіохіи, и *Мускобиска*, то есть, изъ Москвы. Этотъ вельможа управлялъ всею страною отъ рѣки Днѣпра до города *Бутибилья* (Путивля), на границѣ Земли Московской. У него подъ начальствомъ было до шестидесяти тысячь воиновъ, набранныхъ въ Молдавіи, Румиліи, Албаніи, Германіи и изъ страны Разныхъ Поколѣній. Татары прозывали его *Кючюкъ шейтанъ*, «маленькимъ чортомъ», потому что онъ покорилъ часть ихъ земли и прошелъ по ней огнемъ и мечемъ: ихъ граница была недалеко отъ его владѣнія. Когда явился Ихмиль и успѣлъ покорить всю землю по ту сторону Днѣпра до Кіева включительно, Польскій правитель отправилъ къ нему пословъ, для поздравленія его; но это былъ обманъ: напитокъ измѣны наполнялъ кувшинъ его сердца. Намѣреніе его было — чтобы, когда Ихмиль войдетъ съ своимъ войскомъ въ Польскія владѣнія и будетъ тамъ торжествовать,

вдругъ нагрянуть съ своей кавалеріей съ тылу и овладѣть имъ. Но Ихмиль былъ владѣтель большаго ума и быстрыхъ соображеній: онъ отгадалъ его мысли и послалъ сказать ему: «Если ты хочешь мира, то очисти свою сторону и отдай ее «намъ безъ битвы, а я не оставлю тебя непріятелемъ у себя «въ тылѣ». Получивъ это посланіе, онъ объявилъ ему открытую войну, и отправилъ свое войско, весьма многочисленное, на помощь къ врагамъ гетмана. Но старикъ Ихмиль разбилъ ихъ всѣхъ, съ своими храбрыми полками, и предалъ мечу. Извѣстіе объ этомъ тотчасъ привезено было Поляку, но никто не хотѣлъ вѣрить. Висневецкій сидѣлъ съ сорока гостями въ своемъ дворцѣ, въ крѣпости, и пьянствовалъ, когда вдругъ приблизились знамена Ихмиля. Окаянный Полякъ всталъ на ноги, отрезвился, снялъ свою княжескую одежду, надѣлъ платье похуже, и убѣжалъ. Но онъ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ шею; Казаки взяли его, сняли съ него голову и принесли ее къ Ихмилю. Онъ велѣлъ воткнуть ее на высокій шестъ и поставить на порогѣ большой залы дворца, гдѣ Ляхъ недавно веселился. Теперь, голова эта лежитъ въ кучѣ развалинъ пищею свиньямъ и собакамъ. Его намѣстникъ хотѣлъ также убѣжать; Казаки окружили дворецъ; онъ ускользнулъ черезъ потаенную дверь, и поспѣшилъ къ мосту. Но Казаки замѣтили его, и настигли. У него было съ собою два мѣшка денегъ, одинъ съ золотомъ, другой съ серебромъ. Лишь-только приблизились Казаки, онъ развязалъ мѣшки и высыпалъ деньги на землю, чтобъ убѣжать, между тѣмъ-какъ они станутъ подбирать добро Божіе. Однако они оба мѣшка подняли, а его таки догнали, на своихъ лошадяхъ. Со страху, онъ повернулъ прямо въ озеро. Они настигли его и убили. Вытащивъ тѣло изъ воды, они отрѣзали голову, воткнули ее на шестъ и поставили рядомъ съ головою его начальника.»

Осмотрѣвши Троицкій монастырь, лежащій близъ Путивля, Антіохійскій патріархъ, черезъ «большой городъ *Юлобывница*» (?), черезъ городъ *Карабивна* (Крапивно), Красный и *Карабуту* (Корыбутовъ), направился къ границѣ Московскаго царства. «Карабута есть послѣдній городъ, на границѣ Земли Казаковъ. Пока мы здѣсь находились, Путивльскій воевода, киръ Никита, отправилъ одного изъ своихъ

служителей сюда и въ другіе ближніе города, чтобы освѣдомиться о нашемъ владыкѣ патріархѣ. Служитель ѣздилъ три дня изъ одного мѣста въ другое, ища насъ. Патріархъ послалъ съ нимъ письмо съ благословеніемъ его господину, и извѣщалъ о намѣреніи прибыть въ ихъ городъ на слѣдующій день. Мы отправили вмѣстѣ весь нашъ багажъ и тяжести. Здѣсь кстати упомянуть, что когда мы вступали въ Константинополь, нѣсколько Московскихъ купцовъ представились нашему владыкѣ, и сообщили ему, что августѣйшій государь и новый патріархъ этой страны съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его прибытія, будучи, извѣщены объ его намѣреніи посѣтить ихъ еще со времени отправленія его изъ Антакіи (Антіохіи). Въ Молдавіи, намъ также повторяли, что въ Московіи желаютъ съ нетерпѣніемъ видѣть его святѣйшество. На пути черезъ Казацкую Землю намъ повторяли то же самое, говоря, что Царь освѣдомлялся объ насъ нѣсколько разъ.

Патріархъ переѣхалъ Русскую границу двадцатаго темуза (іюля), 1654 года, въ праздникъ Ильи Пророка, почти ровно черезъ два года послѣ его отбытія изъ Алеппа. Переправясь черезъ пограничную рѣку *Саими* (Сеймъ), онъ встрѣченъ былъ «намѣстникомъ воеводы, множествомъ вельможъ, и тысячью тысячь воиновъ и народа, которыя тѣснились получить патріаршее благословеніе.» Онъ ѣхалъ торжественно, въ сопровожденіи сорока человѣкъ духовенства и множества воиновъ, до самаго Путивля, и встрѣченъ былъ у воротъ города воеводою. Звонили въ колокола при каждой церкви, мимо которой ѣхалъ патріархъ. «Они приняли насъ, какъ принимаютъ самого Царя», съ восхищеніемъ говоритъ архидіаконъ. Отъ имени государя, потомъ отъ имени воеводы, привезли имъ цѣлые обозы съѣстныхъ припасовъ. «Бла«гочестивый государь нашъ, султанъ Алексѣй Михайловичъ «прислалъ тебѣ хлѣбъ-соль отъ своихъ щедротъ», говорили, простираясь передъ патріархомъ, ихъ *янычары* (стрѣльцы), которые привезли обозъ. Потомъ явилась поздравительная депутація отъ воеводы. Ставъ на колѣни, они говорили: «Ни«кита Алексѣевичъ бьетъ челомъ твоему святѣйшеству, про«ся молитвъ и благословенія, и прислалъ тебѣ хлѣбъ-соль.» Макарій и благословилъ ихъ.

«Замѣть, о читатель, говоритъ архидіаконъ, это униженіе и благочестіе въ человѣкѣ, который былъ не простой воевода, а стоялъ выше визиря (то есть, трехъ-бунчужнаго паши), потому что *Бутубилья* — пограничный городъ и мѣстопребываніе большихъ судовъ. Поэтому-то и правителя города не называли передъ патріархомъ воеводою, а просто Никитою Алексѣичемъ, по его имени. Значеніе послѣдняго слова есть—сынъ Алексѣя; у Мускобовъ принято называть мужчину и женщину ихъ собственнымъ именемъ, съ прибавленіемъ къ нему имени отца: это въ употребленіи даже между низшими классами народа. А можетъ-быть *Алексѣичъ* значитъ также — «правитель, который утвержденъ царемъ Алексѣемъ», потому что этотъ воевода былъ одинъ изъ слугъ патріарха, который, по особенному расположенію къ нему, доставилъ ему управленіе Путивлемъ. Обыкновенно воеводы въ странѣ Московской бываютъ старые люди, благороднаго происхожденія и пользующіеся извѣстностью. Они остаются три года на мѣстѣ; послѣ того смѣняются. *Алексѣичъ*, поставленное послѣ имени Никиты, переводится по-Арабски — *Никита-ибнъ-Алексисъ.*» Въ землѣ Московской есть обыкновеніе, называть всѣхъ, богатаго и бѣднаго, малаго и великаго, князя и подданнаго, по одному только отчеству. Но царя всегда именуютъ — Алексій Михайловичъ; и перваго визиря его зовутъ Иванъ Васильевичъ (Морозовъ.) Что касается до выраженія «бьемъ челомъ твоему святѣйшеству», то оно буквально исполнялось вельможами. Когда они простирались передъ патріархомъ, что́ дѣлали обыкновенно два раза, въ самомъ дѣлѣ они били лбами о полъ, такъ, что мы слышали стукъ ударовъ. Этакое униженіе удивительно! Но таковъ обычай въ землѣ Московской.»

Сирійцамъ весьма не нравилась строгая и истинно монашеская жизнь тогдашняго Греко-Россійскаго духовенства; имъ было особенно тягостно вставать ночью къ утрени, ѣсть постное кушанье, не курить табаку, «что влечетъ за собою неминуемую казнь», и не употреблять опіума. «Правду говорили намъ наши пріятели, которые были въ Московіи: кто хочетъ умереть пятью или десятью годами раньше, тотъ только отправься къ Мускобамъ и вступи тамъ въ монахи. Мы должны были сообразоваться со всѣми ихъ обычаями,

потому что попраніе ихъ влечетъ за собою неизбѣжное наказаніе: виновныхъ ссылаютъ въ страну вѣчнаго мрака, черныхъ лисицъ и всякихъ пушныхъ звѣрей,—въ пашалыкъ *Сибирья*, гдѣ они остаются навсегда въ рабствѣ и вымываютъ золотоносные пески.» Авторъ часто говоритъ о строгости монашеской жизни въ Россіи, но всегда съ уваженіемъ.

Вотъ, что пишетъ онъ о положеніи иноземныхъ купцевъ находившихся въ Россіи, и это очень любопытно. Дѣло идетъ преимущественно о купцахъ изъ Грековъ и другихъ Оттоманскихъ христіанъ.

«Мускобы не хотятъ знать иноземныхъ купцевъ и торговыхъ людей, и не позволяютъ имъ въѣзжать въ свою сторону для торговли. Если купцы получаютъ иногда это дозволеніе, то съ большою хитростью. Они, въ такомъ случаѣ, соединяются понѣскольку, выпрашиваютъ себѣ письмо къ Царю отъ синдиката одного изъ патріаршествъ, и, прибывши въ Путивль, выдаютъ себя за повѣренныхъ котораго-нибудь патріарха, привезшихъ отъ него посланія къ Царю. Назначивъ надъ собою кого-нибудь начальникомъ, они такимъ образомъ вступаютъ въ государство, и представляютъ письмо Царю, а между-тѣмъ тайно производятъ торговлю, и наконецъ, получивъ отъ Царя отпускную, возвращаются тѣмъ же путемъ, которымъ пришли. Но не всѣ умѣютъ вести свои дѣла равно искусно: такъ поступаютъ только тѣ, которые нѣсколько разъ были уже въ этой землѣ и хорошо знаютъ стези и дороги. Другіе, какъ то, главы монастырей, обыкновенные монахи и купцы, ожидаютъ, для въѣзда, прибытія какого-нибудь патріарха или извѣстнаго митрополита, и съ его позволенія присоединяются къ его свитѣ. По его пріѣздѣ въ Путивль, представляются роспись и свидѣтельства объ ихъ должностяхъ въ свитѣ владыки. Настоятели монастырей и монахи вписываются въ число благородныхъ его спутниковъ, а купцы въ число его рабовъ и служителей. Такъ поступили и мы съ путниками, которые къ намъ присоединились и которыхъ было сорокъ человѣкъ. Проникнувъ въ середину государства, каждый изъ духовныхъ особо собираетъ себѣ подаянія, представляя патріаршее свидѣтельство, а купцы подъ этимъ видомъ продаютъ и покупаютъ, что хо-

тятъ. Они и выѣзжаютъ всѣ вмѣстѣ. Если глава монастыря или купецъ, какъ бы знамениты они ни были, пріѣдутъ сюда одни, ихъ вовсе не принимаютъ. Это знаетъ всякой. Все это происходитъ по причинѣ отвращенія, питаемаго здѣсь къ людямъ нашей страны и языка. Надобно замѣтить, что ни въ одной части на границѣ Московіи не берутъ пошлинъ съ товаровъ; напротивъ того, за незначительные подарки, которые представляются государю, онъ отплачиваетъ имъ царскими дарами, куньими мѣхами, и тому подобнымъ, и назначаетъ гостямъ извѣстное содержаніе до той поры, пока они не выѣдутъ. Я говорю о Греческихъ купцахъ. Но въ Архангельскомъ портѣ берутъ пошлину съ кораблей Франкскихъ, именно по десяти піастровъ со ста. Также изъ Московскихъ купцевъ, которые переѣзжаютъ съ товарами изъ одной провинціи въ другую, взимаютъ пошлину, потому что полиція устроена въ этомъ огромномъ государствѣ удивительнымъ образомъ. Отъ Турковъ не приходитъ купцевъ, и Царь не имѣетъ случая доставлять имъ своихъ пушныхъ звѣрей, которыхъ расходится цѣною до милліона червонцевъ ежегодно. Изъ страны шаха, то есть, изъ земли *Кызылбашей*, безпрерывно пріѣзжаютъ посольства съ кораблями, которые бываютъ нагружены богатыми подарками въ тысячи золотыхъ монетъ, для представленія Царю: онъ даетъ имъ за то отъ своихъ щедротъ драгоцѣнные мѣха, которые еще превышаютъ цѣнность ихъ товаровъ. Такимъ же образомъ пріѣзжаютъ посольства изъ земли *Немсе*, или Австрійской. Но богатѣйшіе изъ всѣхъ Франковъ суть *Ингилизы*, Англичане: они пріѣзжаютъ тысячами въ гавань, по имени Архангельскъ, съ богатыми издѣліями своей стороны, съ виномъ, масломъ, лимонами, и прочая, и берутъ взамѣнъ мѣха и другія произведенія. Мы скажемъ объ этомъ въ другой разъ. Вообще, Мускобы чуждаются совершенно иностранцевъ. Иноземецъ останется между ними всегда иноземцемъ, будь онъ даже Александръ Великій.»

Архидіаконъ подробно описываетъ мѣстоположеніе Путивля и его окрестности, его духовенство и его церкви и монастыри. Воевода Никита Алексѣевъ объявилъ патріарху, что онъ имѣетъ предписаніе не задерживать его святѣйшества въ городѣ, и просилъ его отслужить передъ отъѣздомъ

въ слѣдующее воскресенье обѣдню въ соборной церкви. «Патріархъ отправился въ воскресенье въ крѣпость, гдѣ находился соборъ. У крѣпостныхъ воротъ, мы нѣсколько разъ молились поставленнымъ тамъ образамъ. Лишь-только вступили внутрь крѣпости, тотчасъ встрѣчены мы были воеводою Никитой, который кланялся его святѣйшеству, и пошли въ соборъ, посвященный во имя Благовѣщанія. Вокругъ него есть галлерея. У сѣверныхъ дверей церкви стояли женщины, прислужницы женъ вельможъ. Жены вельможъ были въ платьяхъ изъ драгоцѣнныхъ матерій и мѣховъ, на которыя накинутъ родъ широкой епанчи, съ большими пуговицами, обитой мѣхомъ, очень длинной и по большей части розоваго и краснаго цвѣта; на головѣ у нихъ были бархатные колпаки, усѣянные золотомъ и перлами. Ихъ прислужницы были многочисленны и родомъ Татарки, что видно было по облику лица и по узкимъ глазамъ. Онѣ берутся въ плѣнъ во время войны и служатъ наложницами мужьямъ. Мы видѣли тысячи ихъ въ этой странѣ, потому что ихъ можно купить за весьма дешевую цѣну. Всякій богатый человѣкъ имѣетъ здѣсь отъ сорока до пятидесяти Татаренковъ. Ихъ крестятъ и даютъ имъ христіанскія имена. Мы отслужили обѣдню. На ектеньи прежде всего поминали патріарха Никона, и потомъ уже Царя Алексѣя Михайловича.»

Путивль доставилъ и нѣсколько печальныхъ минутъ Сирійскимъ странствователямъ: тутъ незадолго умеръ ихъ землякъ, киръ Еремій, митрополитъ Акрскій, отправленный въ Москву предмѣстникомъ Макарія, патріархомъ Евѳиміемъ. Макарій совершилъ паннихиду на его могилѣ.

Наконецъ патріархъ выѣхалъ изъ Путивля двадцать четвертаго теммуза (іюля). Почетный отрядъ сопровождалъ его далеко за городъ; *бирастабосъ* (приставъ) ѣхалъ съ нимъ во всю дорогу *. Вмѣсто съѣстныхъ припасовъ, путешественникамъ выдавали деньгами, — патріарху по двадцати пяти копѣекъ въ день, архимандриту десять копѣекъ, архидіакону семь, келарямъ одному по шести, другому по пяти, копѣ-

* Окончанія Русскихъ на *осъ* показываютъ, что у нихъ толмачемъ былъ Грекъ, и это обстоятельство легко объясняетъ всѣ преувеличенія въ томъ, чего они не могли узнать иначе какъ посредствомъ этого переводчика съ Ромейскимъ воображеніемъ.

екъ; толмачу четыре копѣйки; одиннадцати прислужникамъ по три копѣйки. Они ѣхали, черезъ Сѣвскъ и Бѣлевъ, въ Калугу, куда прибыли втораго августа дорогами, о которыхъ архидіаконъ отзывается съ самой дурной стороны. Въ Калугѣ они были обрадованы извѣстіемъ, что будутъ продолжать путешествіе водою. Они сѣли въ барку одиннадцатаго августа, и отправились по теченію рѣки, называемой *Окарика* (Ока-рѣка), въ Коломну, куда вступили семнадцатаго числа. Архидіаконъ посвятилъ много страницъ описанію этого города, его сильной крѣпости и обширной торговли. Воевода объявилъ, что въ царствѣ Московскомъ показалась чума, просилъ его совершить обѣдню и крѣстной ходъ вокругъ крѣпости по этому случаю, и далъ строгое предписаніе Коломенскимъ жителямъ воздерживаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ и излишней пищи.

Перваго эйлюля (сентября) весь городъ праздновалъ наступленіе новаго года, семь тысячь сто шестдесятъ третьяго отъ Сотворенія міра, 1655 отъ Рождества Спасителя *. Мы займемся любопытными извѣстіями, которыя собралъ архидіаконъ во время шестимѣсячнаго пребыванія въ Коломнѣ.

Между-тѣмъ какъ Макарій съ нетерпѣніемъ ожидалъ повелѣнія отправиться въ Москву, чума, уже давно свирѣпствовавшая въ столицѣ, распространила свои опустошенія на ея окрестности и достигла до Коломны. «Это была не столько чума какъ внезапная смерть. Люди въ совершенномъ здоровьѣ вдругъ падали мертвыми. Ѣхавшіе на лошади или въ колесницахъ, валились наземь и умирали, черные какъ уголь и съ ужаснѣйшимъ выраженіемъ лица. Лошади рыскали по городу безъ сѣдаковъ; умершіе въ колесницахъ оставались въ нихъ, потому что никто не хотѣлъ ихъ погребать. Воевода велѣлъ заперетъ городскіе ворота и не впускать никого, чтобы предупредить усиленіе заразы: все было напрасно. Московиты не имѣли понятія о томъ, что такое чума, и

* Въ переводѣ Г. Бельфура стоитъ 7136 годъ. Это явная ошибка, что видно изъ предъидущихъ чиселъ. Баронъ Сильвестръ де-Саси (Journal des Savans, juillet, 1835) замѣнилъ ее другою, поставивъ, вмѣсто 7136-го, 7166 годъ (1658 отъ Р. Х.). Но архидіаконъ не могъ перескочить трехъ годовъ въ книгѣ, въ которую вносилъ свои замѣтки почти каждый день.

слушали прежде съ изумленіемъ, когда имъ разсказывали объ ней Греческіе купцы. Теперь они были въ величайшемъ безпокойствѣ. Но мы слыхали отъ старожиловъ, что лѣтъ за сто была уже чума въ этой странѣ, впрочемъ ничтожная въ сравненіи съ нынѣшнимъ разомъ. Воевода посылалъ къ Царю и къ его намѣстнику въ Москву не менѣе шестнадцати гонцовъ съ важными бумагами, одного за другимъ: они всѣ погибли дорогою. Въ городѣ было ужасное зрѣлище! Какъ скоро зараза проникала въ домъ, въ немъ не оставалось ни души; домашній скотъ, лишенный хозяевъ, издыхалъ отъ голоду и жажды. Особенно много погибало духовныхъ служителей, которые почитали обязанностью исповѣдывать и пріобщать Св. Таинъ заболѣвшихъ. Изъ нашихъ, умеръ *барифоджикосъ* (переводчикъ), то есть, царскій драгоманъ, сопровождавшій насъ сюда отъ Калуги.» Архидіаконъ отдаетъ полную справедливость рѣдкой набожности жителей и ихъ преданности судьбѣ. Воевода Коломенскій насчитывалъ до десяти тысячь семѣйствъ, погибшихъ отъ чумы въ этомъ городѣ. Въ Москвѣ, эпидемія была еще сильнѣе. Тамъ умеръ намѣстникъ царя (князь Михаилъ Петровичь Пронскій); три митрополита, которыхъ Никонъ посылалъ одного за другимъ заступать его мѣсто, и множество вельможъ и духовныхъ. Церкви оставались пустыми, безъ служителей, которыхъ большая часть гибла отъ язвы. Многіе ворота столицы были заперты за недостаткомъ стражи. Царь прислалъ изъ похода шесть сотъ человѣкъ янычаръ (стрѣльцовъ), подъ начальствомъ одного *аги*: они умерли всѣ на пути или въ самой столицѣ. Онъ вторично отправилъ такой же отрядъ; и этотъ погибъ, подобно первому. Въ третій разъ послано было столько же: ихъ постигла одинаковая участь.

Между-тѣмъ какъ чума свирѣпствовала и Сирійскіе странствователи были заперты въ своемъ жилищѣ, въ Коломнѣ, и молили Бога объ избавленіи отъ смерти, Царь Алексѣй Михайловичъ былъ занятъ осадою Смоленска, и держалъ свой лагерь въ оцѣпленіи, «по образцу Франковъ».

Смоленскъ не могъ устоять противъ силъ Царя. Прибывши подъ этотъ городъ, Русское войско обложило и стѣснило его въ самое короткое время (семь дней), пробило брешь въ

крѣпостной стѣнѣ и разрушило двѣ башни. Польскій гарнизонъ сдался на капитуляцію; Царь обѣщалъ свободный пропускъ изъ города всякому, кто захочетъ удалиться, и свое покровительство тѣмъ, кто въ немъ останется. По вступленіи въ крѣпость, Царь нашелъ въ ней множество переодѣтыхъ Жидовъ, которыхъ тотчасъ узнали, потому что они не умѣли дѣлать крестнаго знаменія. Несчастныхъ велѣно собрать въ одно мѣсто. Имъ объявили, что тѣ изъ нихъ, которые хотятъ остаться живыми, должны принять святое крещеніе. Остальные были заперты въ деревянные дома, и сожжены вмѣстѣ съ ними. Польскія церкви были срыты до основанія, и на мѣсто ихъ заложены православныя.

При первомъ извѣстіи объ осадѣ Смоленска, князь Радзивилъ поспѣшилъ къ нему на помощь. «Проклятый Радзивилъ, пишетъ архидіаконъ, зять Василья, бея Молдавіи, и виновникъ войны и всѣхъ ея бѣдствій, отправился съ тридцати-тысячною арміею на помощь осажденному городу. Но на дорогѣ онъ встрѣченъ былъ отрядами Царя ,которые окружили армію Ляховъ и истребили ее. Радзивилъ спасся съ немногими изъ своей свиты, переодѣтый въ крестьянское платье. Всѣ его главные чиновники попались въ плѣнъ. Люди, достойные всякой вѣры, утверждаютъ, что онъ былъ большой колдунъ, и спасся только при помощи чародѣйства. Разъ какъ-то схватили его; онъ увернулся изъ рукъ тѣхъ, которые его держали, и убѣжалъ черезъ непроходимыя болота и тростники. Этотъ нечестивецъ теперь — первый изъ Польскихъ вельможъ, могущественный гетманъ, правитель обширной и извѣстной страны, называемой *Мулитфа* (Литва?), и владѣтель по наслѣдству отъ своихъ предковъ города и области Смоленска. Изъ всѣхъ земель, принадлежащихъ Ляхамъ, его земля была самая лучшая: она покрыта сильными и многочисленными каменными крѣпостями на пространствѣ двухъ мѣсяцевъ пути, до окрестностей *Даниска* (Данцига), славнаго города, который служитъ портомъ всей Польшѣ. Краль чрезвычайно его боится, и онъ одинъ можетъ открыто противиться волѣ государя. Его ужасно ненавидятъ всѣ православные, потому что онъ гордъ, свирѣпъ, кальвинистъ и лютеранинъ. Василій, бей Молдавіи, почиталъ за счастіе выдать дочь свою Марію за этого *кальбина*, въ надеждѣ, что

онъ ему поможетъ, но этотъ проклятникъ былъ виною смерти Тимоѳея, сына Хмѣлева. Между Хмѣлемъ и Радзивиломъ вражда была великая. Послѣдній, года три тому назадъ, переплывъ съ многочисленнымъ войскомъ, на лодкахъ, черезъ рѣку *Неперъ* (Днѣпръ), внезапно овладѣлъ Кіевомъ, сжегъ, ограбилъ городъ, и умерщвлялъ его жителей. Хмѣль, получивъ объ этомъ извѣстіе, также внезапно нагрянулъ на его войско и избилъ въ прахъ. Радзивилъ спасся бѣгствомъ, съ немногими спутниками, оставивъ плѣнныхъ, суда, деньги, въ рукахъ побѣдителей. Василій-бей всячески старался помирить Ляховъ съ Казаками; но не успѣлъ въ своихъ усиліяхъ по злобѣ этого проклятника, который, даже въ присутствіи пословъ, прибывшихъ къ королю изъ Московіи, дерзнулъ явно насмѣхаться надъ Царемъ, говоря: «Онъ не царь, а простой король на Москвѣ; я не боюсь его: скажите это ему.» Все это происходило отъ его высокомѣрія и хвастовства. Царь посылалъ другое и третье посольство къ Ляхамъ, желая поладить съ ними на томъ условіи, чтобъ они очистили Землю Казаковъ и впередъ не обижали ихъ; чтобы отдали Смоленскъ и титуловали Алексія Царемъ Великой и Малой Россіи. Но этотъ окаянный нечестивецъ отвергалъ всѣ условія до тѣхъ поръ, пока наконецъ Богъ унизилъ его высокомѣріе, что мы разскажемъ послѣ.»

Царь объявилъ въ столицѣ, что желаетъ стать за дѣло Казаковъ и православія. Весь народъ этому обрадовался. Купцы принесли свои богатства на нѣсколько милліоновъ рублей; патріархъ велѣлъ монастырямъ поставить вооруженныхъ людей и выдать денегъ изъ казны духовной. Одна Троицкая Лавра прислала до ста тысячъ рублей. Духовенство выслало двадцать тысячь воиновъ. Число всего войска простиралось до *семи сотъ тысячь*, какъ говорилъ самъ Никонъ низложенному патріарху Константинопольскому. Хмѣльницкій имѣлъ сорокъ тысячь Казаковъ.

Взятіемъ Смоленска начались успѣхи Русскаго оружія.

«До девяносто четырехъ городовъ и крѣпостей сдались или были взяты приступомъ. Одинъ Богъ знаетъ, сколько погибло Жидовъ, Ляховъ и Армянъ. Даже дѣтей ихъ, закупоривъ въ бочки, побѣдители бросали въ Днѣпръ, потому

что Московиты безпредѣльно ненавидятъ всякаго рода еретиковъ и невѣрныхъ. Мужчины были изрѣзаны въ куски до единаго; женщинъ и дѣтей вывели въ рабство, опустошивъ жилища. Города были разрушены; земля Ляховъ, которой богатства и обиліе вошли въ пословицу, представляла обширное поле, гдѣ не встрѣтите вы ни одной живой деревни на протяженіи пятнадцати дней пути вдоль и поперегъ. Болѣе ста тысячь Ляховъ попались въ плѣнъ. Можно было купить отъ семи до восьми мальчиковъ и дѣвочекъ за одинъ рубль. Въ городахъ которые, добровольно сдавались, щадили жителей, принимавшихъ православіе; остальныхъ изгоняли. Такимъ образомъ сдался знаменитый и извѣстный своими богатствами городъ Могилевъ. Начальникъ его, правившій отъ имени Радзивила, принялъ православную вѣру, и оставленъ былъ по-прежнему воеводою города съ другимъ, Московскимъ воеводою. Укрѣпленія Смоленска были исправлены; Царь оставилъ въ немъ двухъ воеводъ съ тринадцатью тысячами войска, и, возвратясь самъ въ городъ *Фазма* (Вязьму) который былъ прежде пограничнымъ между его владѣньями и Польскими, пробылъ тамъ до Крещенья, ожидая прекращенія моровой язвы. Со времени отбытія Царя въ походъ, пограничная линія, по его повелѣнію, охранялась стражами, которыя не пропускали никого. Впослѣдствіи, главнѣйшіе чиновники проклятаго Радзивила, которыхъ взяли въ плѣнъ, отправлены были изъ Калуги на судахъ сюда, въ Коломну, для отсылки ихъ отселѣ въ Казань и размѣщенія по тамошнимъ тюрмамъ. Ихъ было до трехъ тысячь человѣкъ.

Сильные морозы, твердость льду, рыбная ловля въ зимнее время и приготовленіе икры, составили предметъ многочисленныхъ толковъ для Сирійскихъ странствователей, и замѣчаній для архидіакона. Они по-прежнему удивлялись набожности Русскаго народа и долготѣ церковныхъ службъ. Празднованія Рождества Христова и Крещенія подали поводъ къ новымъ, предлиннымъ описаніямъ обрядовъ.

Архидіаконъ замѣчаетъ, что во всей Землѣ Московской не увидите вы ни одной собаки на улицѣ, хотя нѣтъ дома, въ которомъ бы ихъ не держали. Въ Восточныхъ городахъ стаи этихъ животныхъ вѣчно живутъ на мостовой. Здѣсь, напро-

тивъ, ихъ запираютъ на день, и выпускаютъ только ночью для охраненія домовъ. Ихъ кормятъ только мясомъ и даютъ пить одно молоко. Поэтому-то онѣ не допускаютъ никого къ себѣ и могутъ совладѣть съ вооруженнымъ человѣкомъ.

Тула и отысканные близъ нея рудники обратили на себя вниманіе автора. «Мы узнали отъ духовныхъ и другихъ людей, что городъ Тула находится въ ста тридцати верстахъ отъ Москвы, въ ста двадцати отъ Каширы, и въ пяти стахъ отъ линіи траншей, крѣпостей и башенъ, проведенной Царемъ на Татарской границѣ и охраняемой тысячами воиновъ. Тула есть городъ съ крѣпостью, выложенною изъ камня, которая больше и сильнѣе Коломенской. Она служитъ проходомъ въ землю Татаръ, какъ Путивль въ земли Турецкія. Въ правленіе нынѣшняго Царя, поблизости города найдена была удивительная желѣзная руда въ нѣсколькихъ холмахъ. До того не находили этого металла въ Московіи; все желѣзо привозилось Франками на корабляхъ. *Немсе*, Нѣмцы, были первыми открытелями этого рудника; теперь они работаютъ въ немъ день и ночь, потому взяли ихъ на откупъ отъ Царя, на томъ условіи, что будутъ отдавать въ казну девять частей отысканнаго металла, а десятую оставлять у себя». Вслѣдъ за этимъ, онъ описываетъ Нѣмецкія «хитрости горнаго дѣла», и говоритъ, что въ Московіи желѣзо очень дешево, такъ, что всѣ ворота, двери и окна дѣлаются изъ этого металла; Царь хотѣлъ даже вымостить имъ соборную патріаршую церковь, которой полъ былъ плитяный.

Въ Коломнѣ посѣтилъ Макарія архіепископъ Рязанскій Михаилъ: этотъ, между прочимъ, говорилъ патріарху, что послѣднимъ лѣтомъ онъ обратилъ въ христіанство четыре тысячи четыреста человѣкъ народа, который не признавалъ до того ни какого бога», и что онъ построилъ для нихъ церкви.

Архидіаконъ часто жалуется на скрытность Русскихъ, которые не хотѣли сообщать ни какихъ извѣстій о своей землѣ иностранцамъ, потому что это запрещено строжайшимъ образомъ. Что касается до иностранцевъ, то ихъ положеніе въ Московіи самое несчастное: ихъ содержатъ всегда подъ надзоромъ и до свѣдѣнія Царя доводятъ каждое малѣйшее об-

стоятельство, которое къ нимъ относится. На улицѣ, нельзя остановиться и посмотрѣть на что-нибудь: тотчасъ примутъ васъ за шпіона и сошлютъ въ отдаленный пашалыкъ, называемый *Сибирья*.

Антіохійскій патріархъ два или три раза посылалъ въ Москву съ просьбою о позволеніи пріѣхать въ эту столицу. Послѣ долгаго ожиданія онъ наконецъ получилъ приглашеніе отъ Царя, и выступилъ изъ Коломны во вторникъ, тридцатаго января. Быстрота зимней ѣзды на саняхъ удивляла Сирійцевъ. Въ тотъ же день они прибыли въ городъ *Казаковъ* (?), а на слѣдующее утро въ городъ *Вишню*, въ десяти верстахъ отъ Москвы. Трудно отгадать, что за городъ названъ у нихъ Казаковымъ: на всей дороги отъ Коломны до Москвы нѣтъ ни одной большой деревни, которой бы имя сколько-нибудь напоминало звуки этого слова. Вишнио—очевидно большое село Выхино, подъ Москвою. Аравитяне имѣютъ въ своемъ языкѣ три разные звука *х*, но примѣчательно, что ни одинъ изъ трехъ не похожъ на *х* наше, Греческое или Нѣмецкое, которые тоже очень различны между собою, и они всегда замѣняютъ ихъ буквою *ш*.

Втораго февраля, въ день Срѣтенія Господа, путешественники вступили въ Москву, которая, по словамъ архидіакона, собственно называется по-Русски *иступитса*, столица. «Мы въѣхали прежде всего, пишетъ онъ, въ ворота земляной стѣны съ глубокимъ рвомъ, окружающей весь городъ; потомъ проѣхали вторую стѣну, каменную, построенную прапрадѣдомъ Царя, великимъ княземъ Ѳеодоромъ (?), на мѣстѣ прежней, земляной. Первая стѣна, съ деревянными башнями и многими воротами, имѣетъ тридцать верстъ въ окружности; вторая, каменная, семь верстъ. Далѣе проѣхали мы еще третью стѣну, изъ камня и кирпича; наконецъ четвертую, называемую замкомъ (Кремлемъ), весьма сильную и защищенную глубокимъ рвомъ. Внутри ея есть еще двѣ стѣны, съ башнями и многочисленными амбразурами. Этотъ замокъ, гдѣ находится и дворецъ царскій, имѣетъ пять верстъ». Патріархъ ѣхалъ въ саняхъ, и благословлялъ безпрерывно набожныя толпы, которыя встрѣчали его на улицахъ. Онъ остановился въ монастырѣ Св. Аѳанасія Александрійскаго и Кирилла Бѣлозерскаго.

Третьяго февраля возвратился въ Москву патріархъ Никонъ, который скрывался съ августа мѣсяца «по лѣсамъ и полямъ», боясь чумы, пока не отправился съ Царицею въ Вязьму, куда прибылъ и Царь изъ похода. Въ столицѣ всѣ ожидали государя. Наконецъ девятаго числа явилась Царица, а на слѣдующій день пріѣхалъ и самъ Алексѣй Михайловичъ. Онъ былъ торжественно принятъ у городскихъ воротъ войскомъ, боярами и духовенствомъ. Макарій съ своей свитою смотрѣли на процессію изъ оконъ монастыря. «Купеческое сословіе и ремесленники шли встрѣчать Царя съ хлѣбами, золотыми и серебренными иконами, мѣхами и золотыми сосудами; вельможи и войско были въ числѣ процессіи. Прежде всего появилось знамя, съ двумя барабанами, въ которые били; за нимъ слѣдовали воины по три въ рядъ, въ честь Пречистой Троицы. Когда являлось бѣлое знамя, и сопровождавшій его отрядъ былъ въ бѣломъ одѣяніи; когда зеленое, и отрядъ былъ въ зеленомъ; когда красное или голубое, то и отряды одѣты были въ платья тѣхъ же цвѣтовъ. Знамена эти были совершенно новыя. (Слѣдуетъ описаніе благочестивыхъ изображеній на знаменахъ). Ничто не поражало насъ столько, какъ эти отряды, пѣшіе и конные, которые въ дивномъ порядкѣ шли за своими знаменами и, лишь-только равнялись съ какою-нибудь иконою надъ воротами церкви или монастыря или съ крестомъ, тотчасъ снимали свои колпаки и преклоняли голову въ этомъ направленіи. У каждаго знамени находился *юзъ-баши* (сотникъ), съ алебардою. Такова была процессія. По приближеніи Царя, она вытянулась по обѣимъ сторонамъ, начиная отъ дворца до землянаго вала. Въ то же время заблаговѣстили во всѣ колокола, такъ, что земля потряслась отъ гулу. Государственные чины и двадцать четыре верховыхъ лошади Царя, съ сѣдлами подъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, предшествовали царскимъ санямъ, которыя были покрыты краснымъ сукномъ и тканями, и царскимъ колымагамъ съ серебранными и золотыми украшеніями и съ хрустальными ставнями. За ними, показались янычары (стрѣльцы), съ метлами для очищенія снѣжной дороги, передъ августѣйшимъ Царемъ. Наконецъ, увидѣли мы самаго государя, съ неприкрытою головою, въ царскомъ одѣяніи изъ бархата,

алаго съ золотомъ, съ драгоцѣнными каменьями по краямъ и богатыми запястьями на рукахъ. Патріархъ (Никонъ) шелъ съ нимъ рядомъ и разговаривалъ. Передъ ними и позади ихъ несли иконы и хоругви.» Народъ радовался прибытію Царя; но самъ государь былъ глубоко тронутъ опустошеніями, которыя въ его столицѣ причинила моровая язва, и не могъ удержаться отъ рыданій.

Война съ Польшею еще продолжалась.

«Тотчасъ по прибытіи въ столицу, Царь отдалъ приказъ войскамъ, расположеннымъ въ провинціяхъ, чтобы они, пользуясь зимнимъ путемъ, со всею аммуниціею и багажемъ отправились къ Смоленску. Не довольно сильные, чтобы встрѣтить Царя въ чистомъ полѣ, Ляхи обратились къ хитрости, и вотъ что они сдѣлали, когда государь воротился въ Москву.. Они послали множество золота къ Татарамъ съ просьбою приходить къ нимъ на помощь въ числѣ пятидесяти тысячь человѣкъ; получили до сорока тысячь войска изъ Германіи, и набрали еще армію тысячь въ сорокъ изъ Ляховъ, Венгерцевъ и Волоховъ, которыхъ прельстили золотомъ и надеждами на добычу. Всего было ихъ до ста тридцати тысячь. Этими силами, они наводнили Землю Казаковъ, которые совсѣмъ не ожидали нападенія. Окаянные взяли Богъ-знаетъ сколько городовъ, и едва не овладѣли самимъ Хмѣлемъ, съ которымъ было только три тысячи войска, во время осады одного города. Онъ посылалъ требованія помощи къ своимъ *буркоуникамъ* (полковникамъ), но непріятель перехватывалъ всѣ письма. Осаду стѣснили. Тогда Хмѣль, ободривъ своихъ увѣреніемъ, что Царь Алексѣй идетъ къ нему на помощь, бросился на Поляковъ и прогналъ ихъ. Онъ немедленно отправилъ гонца къ Царю извѣстить его о происходящемъ. Царь весьма разгнѣвался, и тотчасъ приказалъ войску выступить въ походъ. Мы уже говорили, что въ теченіе этого мѣсяца онъ собралъ болѣе четырехъ сотъ тысячь воиновъ. Въ томъ числѣ было много подданныхъ Царя, не знающихъ ни какого Бога, которые поклонялись звѣздамъ, солнцу, лунѣ, звѣрямъ, животнымъ, и прочая. Достовѣрныя лѣтописи повѣствуютъ, что подъ скиптромъ Царя находится болѣе пятидесяти народовъ идолопоклонниковъ. Мы видѣли нѣкоторыхъ изъ нихъ, и были поражены ихъ страшною на-

ружностью. Тутъ были различныя поколѣнія Татаръ, которыя кочуютъ въ степяхъ около Казазайна (?), во внутренности Сибиріи. Калмыки-Татары обожаютъ огонь, сожигаютъ своихъ покойниковъ, и радуются исчезновенію труповъ въ этой стихіи, полагая, что разныя части тѣла соединяются во время операціи съ своими первобытными началами, огнемъ, водою, землею и воздухомъ. Мы узнали названіе многихъ поколѣній этихъ Татаръ. Вотъ они — *Черемишидсанъ* (Черемисы), *Калмукидсанъ* (Калмыки), *Кумуки*, *Башкирде*, *Мардванъ* (Мордва), *Могулъ* (Монголы), *Чирказъ* (Черкесы). Всѣ эти народы кочуютъ въ степяхъ, начиная отъ Казани и Астрахани до отдаленнѣйшихъ частей Сибирьи. Самое странное изъ нихъ есть Поколѣніе Святаго Мученика Христофора. Эти народы собрались въ Москвѣ въ продолженіе мѣсяцевъ шубата и адара (февраля и марта), и мы лично могли увѣриться, какую огромную армію имѣетъ царь Московскій. Люди, достойные вѣры, полагали, что въ нынѣшнемъ году собрано было до милліона воиновъ.» О поколеніи Св. Христофора сказано будетъ послѣ.

Вскорѣ по прибытіи Алексѣя Михайловича въ столицу, къ патріарху Антіохійскому явился царскій *барифодджикосъ* (переводчикъ), чтобы описать его подарки, предназначенные Царю, Царевичу, Царицѣ, ея дочерямъ и сестрамъ царскимъ. Представленіе патріарха съ его свитою ко двору, придворный этикетъ, подробности обѣда, къ которому Макарій былъ приглашенъ, и оказанныя ему почести, занимаютъ три длинныя главы въ дневникѣ архидіакона Павла, который возсылаетъ особенныя благодарности къ Богу за то, что онъ даровалъ ему столько понятливости, чтобы съ точностью начертать вѣрную картину этихъ вещей, какую не всякой можетъ сдѣлать: авторъ ставитъ свое скромное повѣствованіе въ прозѣ гораздо выше подобнаго разсказа въ стихахъ, сочиненнаго покойнымъ митрополитомъ Иса, который сопутствовалъ патріарху Ганону въ его путешествіе по Московіи. Мы извлечемъ любопытнѣйшія черты.

Представивъ разные подарки всѣмъ особамъ царской крови и отслуживъ для Царя обѣдню въ патріаршемъ соборѣ, Макарій тотчасъ былъ приглашенъ во дворецъ. Войдя въ

царскія палаты, онъ помолился иконѣ, пропѣлъ тихимъ голосомъ Αξιον εστιν, и потомъ поклонился царю, который сошелъ съ трона съ непокрытою головою и отдалъ поклонъ патріарху. Патріархъ благословилъ его, по Московскому обычаю, перекрестивъ ему лобъ, грудь и плеча, и поцѣловалъ въ плечо. Царь приложился ко лбу и къ правой рукѣ патріарха, и спросилъ его черезъ переводчика: «Хвала Господу, сохранившему васъ въ здравіи, какъ вы обрѣтаетесь? каково состояніе вашего *кейфа?*» Макарій отвѣчалъ молитвами и комплиментами. Царь велѣлъ ему сѣсть, и самъ взошелъ на тронъ Макарій занялъ сѣдалище, стоявшее подлѣ трона. Они начали бесѣдовать черезъ переводчика, съ которымъ патріархъ говорилъ по-Гречески, съ разстоновкою, потому что худо зналъ этотъ языкъ *. Царь спросилъ зачѣмъ его святѣйшество говоритъ такъ тихо. «Онъ еще недавно научился Греческому языку; но онъ хорошо знаетъ Турецкій, и, если Царю угодно, будетъ объяснятся по-Турецки съ Его Величествомъ.» — Боже сохрани, отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ, чтобъ святой отецъ маралъ свои уста языкомъ невѣрныхъ! — Вельможи стояли вокругъ ихъ. Вскорѣ одинъ изъ придворныхъ подошелъ къ Царю, поднялъ его правую руку: визирь пригласилъ патріарха бить челомъ и приложиться къ ней. Онъ исполнилъ обрядъ рукоцѣлованія, поклонился еще два раза передъ Царемъ, и вышелъ.

Архидіаконъ хвалится, что имъ оказаны были гораздо большія почести, чѣмъ другимъ патріархамъ.

«Въ прежнія времена, когда пріѣзжалъ въ Московію Греческій патріархъ или митрополитъ, имъ даже не позволяли служить обѣденъ въ православныхъ церквахъ, потому что смотрѣли на нихъ какъ на людей, оскверненныхъ прикосновеніемъ Турокъ. По этой же причинѣ Греческій купецъ не могъ войти въ Русскую церковь. Если онъ хотѣлъ жениться на Московской дѣвицѣ или селиться здѣсь, чтобы по повелѣнію царя, служить переводчикомъ, его сорокъ дней считали оглашеннымъ и потомъ не иначе вводили въ цер-

* А надобно знать, что Аравитяне Греческаго вѣроисповѣданія служатъ обѣдни по-Гречески. Изъ этого можно заключить, что патріархъ Макарій плохо понималъ и то, что онъ читалъ въ церкви.

ковъ, какъ прочитавъ надъ нимъ множество очистительныхъ молитвъ. Только съ той поры, какъ здѣсь былъ Константинопольскій патріархъ, Іеремій, и Іерусалимскій, Ѳеофанъ, Русскіе болѣе сблизились съ иноземцами. Впрочемъ и досихъ-поръ, когда пріѣдетъ посолъ отъ Турковъ или Франковъ, они не позволяютъ ему входить въ *диванъ*, или какъ они называютъ *балатъ* (палаты), по ступенямъ церкви Благовѣщенія, а вводятъ его въ особую дверь со двора.»

Вскорѣ, Макарій былъ приглашенъ къ царскому столу. Онъ отправился во дворецъ съ Никономъ. «Оба патріарха вошли въ большой залъ, вокругъ котораго разставлены были столы. Царь сидѣлъ въ серединѣ, у стола, совершенно покрытаго серебромъ. Увидѣвъ патріарховъ, онъ всталъ, снялъ корону и подошелъ къ нимъ подъ благословеніе. Патріархи произнесли Αξιον εστιν передъ иконами, которыя держали надъ его головою, и простерлись передъ ними со всѣми присутствующими. Тогда прислужники взяли у нихъ патріаршіи посохи и держали ихъ въ отдаленіи. Московскій патріархъ сѣлъ по лѣвую сторону Царя; Антіохійскій сѣлъ подлѣ него. Сотники, которые прислуживаютъ за столомъ, поставили тотчасъ три серебряные прибора съ тремя бокалами изъ того же металла передъ Царемъ и двумя патріархами. Визири и дворяне государя сѣли всѣ по лѣвую сторону за нашимъ патріархомъ: каждый изъ нихъ подходилъ къ Царю, кланялся о-земь, и тогда уже садился на свое мѣсто. Архіепископъ Сербскій, архіепископъ Рязанскій и другіе архіепископы сѣли на отдѣльномъ столѣ, по правую руку отъ царскаго. Лишь-только всѣ усѣлись, какъ опять встали; два патріарха прочитали обѣденную молитву и благословили яствы. Тогда явились сотники съ длинными хлѣбами, и разнесли ихъ ко всякому, начиная съ патріарховъ: каждый вставалъ, и кланялся государю. Потомъ, Царь поднесъ вина патріархамъ, и сотникъ громкимъ голосомъ произносилъ имя того, кому Царь хотѣлъ поднести; такъ напримѣръ, наливъ въ бокалъ для великаго визиря (Морозова), стольникъ кричалъ — «Борису Иванычу!» При каждомъ кушаньѣ, громко произносилъ онъ — «Такому-то, имя и отчество, государь Царь Алексѣй шлетъ отъ своей милости.» Всѣ кушанья были рыбныя, какъ-будто мы были въ монастыр-

ской трапезѣ, а не во дворцѣ. Всего болѣе насъ поразило то, что, по благословеніи патріархами яствъ, явился одинъ изъ «меньшихъ чтецовъ» (дьячковъ) съ большою книгою, поставилъ налой середи зала, и началъ читать въ слухъ житіе Святаго Алексѣя, котораго праздновали въ этотъ день. Вотъ каково благочестіе Царя Московскаго! Да сохранитъ Господь Богъ его, и его семейство, и весь дворъ его, и весь народъ его!» Авторъ, на нѣсколькихъ страницахъ исчисляетъ всѣ яствы, восхищаясь ихъ отборностью и вкусомъ.

«Вотъ что написалъ я, говоритъ онъ въ заключеніе этой блестящей главы, съ большимъ трудомъ, прилежаніемъ и обдумываніемъ, съ многими помарками и поправками, о свиданіи киръ-кира Макарія, патріарха Антіохійскаго, съ Алексѣемъ, Царемъ Московіи и всѣхъ странъ Русскихъ.»

Слѣдующія главы посвящены разнымъ замѣчаніямъ о нравахъ и образѣ жизни Москвитянъ, о церковныхъ обрядахъ, и уваженіи Русскихъ къ иконамъ, духовнымъ особамъ и монахамъ. Авторъ говоритъ о строеніи домовъ въ Москвѣ: «Во всѣхъ почти домахъ Московскихъ стѣны связаны, внутри и снаружи, большими желѣзными скобами; двери и окна дѣлаются весьма искусно изъ блестящаго желѣза. Лѣстницы помѣщаются обыкновенно въ круглой башнѣ, и поддерживаются четырмя столбами съ четырмя сводами. Дворцы Московскіе по большей части выстроены изъ камня и кирпича и новой постройки, которой научились Московиты у народа *Немсе*: Стѣны, какъ внутреннія такъ и внѣшнія, окрашены многоразличными масляными красками, такъ, что можно подумать, что онѣ изъ разноцвѣтнаго мрамора или составлены изъ цвѣтныхъ мозаикъ. Здѣшній кирпичь весьма красивъ, гладокъ, дешевъ и лучше чѣмъ у насъ, въ Антіохіи.»

Замѣчанія архидіакона о Московскихъ обыкновеніяхъ относятся по большой части къ высшему классу. Онъ говоритъ, что вдовы въ Москвѣ ходятъ всѣ въ черномъ; даже подушки у нихъ этого цвѣта; колымаги и сани ихъ покрываются чернымъ сукномъ, и лошади должны быть вороныя. «Онѣ обязаны соблюдать этотъ порядокъ до конца своей жизни или до новаго брака. Женщина саномъ *кенанья* (княгиня) выходитъ замужъ только за равнаго себѣ князя; въ противномъ

случаѣ, она лишается своего титула; но ежели имѣетъ дѣтей отъ перваго мужа, она удерживаетъ свой титулъ.» Чтобы понять силу этого замѣчанія, надобно знать, что, у Турецкихъ Грековъ, княжеская дочь не лишается своего титула, выходя замужъ за человѣка не-сіятельнаго: всѣ, и даже самъ мужъ, продолжаютъ величать ее свѣтлѣйшею княгинею.

«Въ Москвѣ видно очень мало нищихъ. Царь раздѣляетъ ихъ между своими вельможами, изъ которыхъ каждый долженъ содержать извѣстное число бѣдныхъ. Для нихъ построены большія зданія, гдѣ они живутъ; кромѣ того, они получаютъ, какъ и заключенные въ тюрмахъ, ежедневный пай отъ щедротъ Царя и Царицы.

«Весьма замѣчательно, что здѣшніе вельможи опредѣляютъ свое богатство не числомъ помѣстьевъ, садовъ, виноградниковъ, какъ у насъ, а числомъ домовъ и семействъ, которые находятся на ихъ землѣ. Такъ говорятъ, что у такого-то князя — семь, восемь, десять тысячь *муджикъ*. Они получаютъ съ каждаго отъ двухъ до трехъ піастровъ * и десятину овецъ, свиней, курицъ утокъ, гусей, и прочаго. Эти *муджикъ* пашутъ для своего господина, и его лошадьми; развозятъ произведенія на его телѣгахъ, куда онъ прикажетъ, и обязаны дѣлать для него всякаго рода колесницы, чтобы возить на нихъ, что ему надобно. Когда помѣщикъ впадаетъ въ нужду или умираетъ, его *муджикъ* продаются другому. То же самое имѣетъ мѣсто съ землями церковными и монастырскими.

«Когда вельможа умираетъ безъ наслѣдника, его имѣніе переходитъ въ казну. Этотъ случай представлялся весьма

* Авторъ называетъ піастрами, *гурушъ*, наши копѣйки. Вотъ, что онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о тогдашней монетной системѣ: «Царь чеканитъ піастры, которые называются здѣсь *копекъ*; пятдесятъ копѣекъ равняются Испанскому піастру. Иностранныя монеты, которыя сюда проникаютъ, тотчасъ перечеканиваются въ копѣйки. Впрочемъ золотыя монеты иностранныя употребительны въ торговлѣ, кромѣ Турецкихъ динаровъ. Свои *дшары* они называютъ рублями. Суммы всѣ считаютъ на копѣйки; иногда ведутъ счетъ на *алтыны*, условную монету, цѣною въ три копѣйки.» Олеарій также упоминаетъ о золотыхъ рубляхъ.

часто, во время нашего пребыванія, съ имѣніями погибшихъ отъ чумы.»

Почести, которыхъ Антіохійскій патріархъ, былъ предметомъ, занимаютъ много мѣста въ дневникѣ архидіакона. Онъ не можетъ нахвалиться ласковымъ обхожденіемъ съ ними Алексѣя Михайловича и Никона, который тогда не былъ еще въ размолвкѣ съ Царемъ. По случаю рѣчи объ немъ, архидіаконъ сообщаетъ его исторію.

«Въ началѣ своего поприща, говоритъ онъ, патріархъ Никонъ былъ священникомъ изъ бѣлаго духовенства. Разведясь съ женою, онъ сдѣлался чернецомъ. Потомъ нѣсколько времени былъ онъ игумномъ одного монастыря. Вскорѣ, назначили его архимандритомъ Спасскаго Монастыря, построеннаго родителемъ Царя Алексѣя: этотъ монастырь находится за городскими стѣнами. Никонъ любилъ Грековъ, ихъ духовныя церемоніи и уставы, и оставался тутъ три года. Въ концѣ этого времени, Царь возвелъ его на епископство Новагорода, котораго митрополитъ—первый по своему сану. Вскорѣ по полученіи этой степени, Никонъ посланъ былъ Царемъ въ Соловецкій Монастырь для перенесенія оттуда въ Москву мощей Святаго Филиппа, знаменитаго митрополита Московскаго, потому что этотъ святитель являлся Царю во снѣ нѣсколько разъ, и говорилъ: «Долго лежалъ я вдалекѣ «отъ гробницъ собратій моихъ, митрополитовъ; пошли за «мною и перенеси меня въ ихъ среду.» И царь отправилъ Никона съ нѣсколькими вельможами. Они употребили цѣлыхъ два года на путешествіе. Не задолго до привезенія этаго святаго въ Москву, скончался тамъ патріархъ Іосифъ, и духовенство единогласно просило Никона заступить его мѣсто. Никонъ отказывался до тѣхъ поръ, пока не выхлопоталъ указа, что Царь не будетъ вмѣшиваться ни въ какія духовныя дѣла. Получивъ это право, Никонъ выстаралъ еще другой царскій указъ, — что патріаршія велѣнія будутъ самодержавны и не подвержены ни какому противорѣчію и апелляціи. Вскорѣ по вступленіи на патріаршій престолъ, онъ сослалъ въ Сибирь трехъ протопоповъ съ ихъ женами и дѣтьми. Одинъ изъ нихъ былъ протопопъ царскій и пользовался такою довѣренностью и силою при предшественникѣ

Никона, что самовольно преслѣдовалъ членовъ духовенства, бросалъ ихъ въ темницы и заковывалъ въ цѣпи.

«Тотчасъ по своемъ возвышеніи, Никонъ употребилъ въ дѣло полновластіе, которое онъ себѣ исходатайствовалъ. Всѣ испугались его. И до-сихъ-поръ, отъ него въ страхѣ главы духовенства, архимандриты, священники, даже люди, которые пользуются властію и находятся въ царской службѣ. Ни какое заступленіе не имѣетъ надъ нимъ дѣйствія. Онъ изгналъ епископа Коломенскаго, и посвятилъ на мѣсто его другаго. Виновнаго въ какой-нибудь невоздержности, пьянствѣ, буйствѣ, онъ тотчасъ наказываетъ ссылкою. У него есть свои *янычары* (стража), которые безпрерывно берутъ священниковъ и монаховъ, замѣченныхъ въ такихъ проступкахъ. Мы видѣли тюрмы наполненныя этими несчастными, которыхъ обременяютъ тяжелыми цѣпями и деревянными колодами на шеѣ и на ногахъ. Прежде вельможи входили къ патріарху, не докладывая о себѣ черезъ привратника; но Никонъ заставляетъ ихъ долго ждать позволенія войти; они входятъ къ нему со страхомъ, и, изложивъ свое дѣло, стоя, удаляются, тогда какъ онъ всё сидитъ на своемъ мѣстѣ. Несмотря на все это, любовь къ нему Царя и Царицы превыше всякаго описанія.»

Авторъ обѣщаетъ возвратиться, въ другомъ мѣстѣ къ подробностямъ о жизни этого замѣчательнаго лица.

Изъ описанія обѣда у Никона, видно, что и у себя въ домѣ этотъ патріархъ хотѣлъ играть роль самодержца. Этикетъ былъ совершенно придворный: Никонъ, подобно Царю, разсылалъ гостямъ хлѣбъ, вина и яствы «отъ щедротъ своихъ».

Сирійскіе странствователи встрѣтили въ Москвѣ одного воеводу изъ своихъ земляковъ. Онъ былъ природный Аравитянинъ, *ибнъ-эль-Арабъ*, хотя немного обрусѣлый. Архидіаконъ описывая его жизнь, съ удовольствіемъ исчисляетъ всѣхъ своихъ Сирійскихъ знакомцевъ, которыхъ зналъ также этотъ Аравитянинъ. Онъ былъ родомъ изъ Гирдейна и жилъ по большой части въ Дамаскѣ. По смерти его отца, паша Дамасскій, который имѣлъ съ отцомъ личности, ограбилъ его домъ и взялъ къ себѣ сына: онъ подарилъ этого

мальчика султану Мухаммеду III. Плѣнникъ оставался невольникомъ въ Сералѣ долгое время. При наступленіи войны съ Персіею, визирь Огузъ-Мехеммедъ-Паша взялъ его съ собою въ походъ; онъ попалъ въ плѣнъ и сдѣлался невольникомъ шаха; но вскорѣ представился ему случай къ побѣгу, и онъ возвратился въ Константинополь. Султанъ далъ ему въ управленіе санджаки Гаму и Хамсъ въ Сиріи. Онъ былъ потомъ агою по части пошлиннаго сбора, пашею Анатолійскимъ, и *эмиръ-эль-хаджджъ*, начальникомъ каравана богомольцевъ, отправляющихся въ Мекку. По возвращеніи изъ Мекки, онъ участвовалъ въ походѣ султана Османа II противъ Польши; былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Поляками. Онъ убѣжалъ изъ плѣна, сперва въ Кіевъ, потомъ въ Москву, гдѣ былъ ласково принятъ Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, который уговорилъ его сдѣлаться христіаниномъ и далъ ему чинъ и мѣсто въ своей службѣ. Онъ вскорѣ пожалованъ былъ воеводою въ Коломнѣ, и построилъ здѣсь соборъ на свой счетъ. Черезъ годъ или два его перевели воеводою въ городъ Сарбисхоу-Каменный (Серпуховъ?). Архидіаконъ, къ сожалѣнію, не записалъ ни Арабскаго его имени, ни Русскаго.

Въ числѣ народовъ, собранныхъ въ Москвѣ для похода противъ Поляковъ, находилось одно поколѣніе, на которое Сирійцы обратили особенное вниманіе. Авторъ называетъ его по-Гречески «собачьими головами», *Σκυλοκεφαλοι*, по-Арабски «собачьелицыми», *вуджугъ-эль-келябъ*, по-Турецки «дикими людьми», *ябанъ адамы-сы*, что доказываетъ съ его стороны порядочное незнаніе первыхъ основаній Турецкаго языка, и наконецъ по-Русски *лобани*, Лобанами; но чаще всего онъ величаетъ его «Племенемъ Святаго Мученика Христофора». Ихъ было въ Москвѣ до семнадцати тысячь; другіе говорили, до тридцати. «Они обитаютъ, пишетъ архидіаконъ, на берегу Океана, или Мрачнаго Моря, въ ста пятидесяти верстахъ къ сѣверу отъ города Архангельска, и въ тысяча шести стахъ пятидесяти верстахъ на западъ (?) отъ Москвы. Они не знаютъ употребленія хлѣба, питаются только сырою рыбою или падалиною дикихъ звѣрей и собакъ, и ѣдятъ даже своихъ покойниковъ. Они кочуютъ по лѣсамъ и горамъ, и не имѣютъ понятія о посто-

янныхъ жилищахъ. Любимое ихъ животное — олень, на которомъ они ѣздятъ, котораго ѣдятъ, и въ котораго шкуру одѣваются. Принадлежавшіе къ монастырю Святаго Кирилла-Бѣлозерскаго говорили намъ, что ихъ монастырь получаетъ большіе доходы оленьими шкурами съ части этого поколѣнія, которая отъ него зависитъ.»

Однажды, когда Макарій съ своимъ архидіакономъ обѣдали у Никона, Русскій патріархъ началъ разсказывать своимъ гостямъ объ этомъ народѣ, и велѣлъ позвать его начальниковъ, чтобы распросить объ ихъ образѣ жизни. Страшные дикари вскорѣ явились и произвели самое непріятное впечатлѣніе надъ Сирійцами. Никонъ спросилъ у нихъ, какъ они живутъ у себя дома. Они разсказали ему о своемъ кочевомъ быту.

— А какъ вы сюда пріѣхали?

— На оленяхъ, отвѣчали они.

— Какія вы употребляете оружія?

— Луки и стрѣлы.

— А правда ли, спросилъ Никонъ, что вы ѣдите человѣческое мясо?

— Мы ѣдимъ нашихъ покойниковъ, отвѣчали они, смѣясь. Мы ѣдимъ собакъ: такъ почему жъ не ѣсть человѣчины?

— Какъ вы ѣдите людей?

— Когда возьмемъ въ плѣнъ человѣка, мы отрѣзываемъ ему сперва носъ, потомъ всего рѣжемъ на куски, и ѣдимъ.

— У меня есть человѣкъ, сказалъ патріархъ, достойный смерти. Я пошлю его къ вамъ въ подарокъ, чтобъ вы его съѣли.

— Добрый владыка, сказали они тогда съ умиленіемъ: если есть у тебя люди, которымъ нужна смерть, не безпокойся объ ихъ наказаніи. Отдай ихъ намъ на съѣденіе. Ты доставишь намъ большую радость!

Случилось кстати, что недавно прибывшій Сербскій патріархъ, съ архимандритомъ и діаконами своего народа, не хотѣли отстать отъ нечестивой привычки курить табакъ, и продолжали предаваться въ Москвѣ этому пороку. Никонъ узналъ объ этомъ. Всѣ были сосланы, кромѣ патріарха, который, благодаря ходатайству Греческаго патріарха, успѣлъ

снять съ себя ужасное обвиненіе. Архимандритъ былъ заключенъ въ монастырь не далеко отъ Москвы, и его-то Никонъ имѣлъ намѣреніе подарить на завтракъ дикарямъ. Къ несчастью, тотъ успѣлъ скрыться. Должно полагать, что Никонъ шутилъ, для потѣхи своихъ легковѣрныхъ гостей.

Никонъ, видно, былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и продолжалъ бесѣду съ людоѣдами.

— Ну, а что вы обыкновенно ѣдите?

— Сырую рыбу, отвѣчали они.

Онъ взялъ съ своего стола кусокъ рыбы и хлѣба, и подалъ имъ. Они поклонились низко и сказали: «Нашъ желудокъ не привыкъ къ вареным яствамъ; коли хочешь, дай сырой рыбы.» Никонъ велѣлъ принести большую мерзлую *штуку* (вѣроятно, щуку), и она пожрана была вся въ минуту.

Отъ этой *штуки*, архидіаконъ переходитъ къ исторіи Іоанна Грознаго и завоеванію Сибири, по случаю рѣчи о Сибирскихъ мѣхахъ и о свиданіи Макарія съ пріѣхавшимъ въ Москву Сибирскимъ воеводою. Онъ исчислялъ пушныхъ звѣрей, которыхъ ловятъ въ Сибири, о моржевыхъ клыкахъ и о большихъ собакахъ. Какъ его извѣстія не прибавятъ ничего къ нынѣшнимъ нашимъ свѣдѣніямъ объ этомъ замѣчательномъ характерѣ, то мы пропустимъ всю главу, тѣмъ болѣе, что она довольно длинна. Онъ говоритъ, будто Астрахань носила прежде названіе «города Зоргитиша». Надобно привести его раздѣленіе Сибири, которое неизвѣстно съ чего онъ взялъ. «Люди, прибывшіе вмѣстѣ съ Сибирскимъ воеводою, повѣствуетъ архидіаконъ, были не изъ первой, или южной, части Сибири, и не изъ второй, а изъ третьей называемой *енги-дунья*, «новымъ свѣтомъ» (Америкою), открытой Казаками и покоренной только шесть лѣтъ тому назадъ; но самъ воевода былъ изъ второй части Сибири, которая отстоитъ отъ Москвы на тридцать тысячь верстъ.» Слѣдуетъ описаніе, какъ Казаки нашли и покорили эту третью часть Сибири. «Сорокъ Казаковъ, изъ числа тѣхъ, которые были въ Сѣверныхъ провинціяхъ Сибири, соединились вмѣстѣ и отправились на охоту на сѣверъ. Они шли нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вдругъ встрѣтили обработанную и населенную землю. Середи моря-океана они увидѣли

большой городъ, окруженный страшными скалами, которыя служили ему стѣнами. Поймавъ нѣсколькихъ его жителей, они связали имъ руки и ноги, посадили съ собой на барки, и отправились къ острову. Приближившись къ городскимъ воротамъ, они сдѣлали по нимъ залпъ изо всѣхъ своихъ ружей. При этомъ шумѣ, всѣ жители пали лицемъ наземь со страху, и Казаки безъ сопротивленія овладѣли городомъ. Они наложили на него дань, которую онъ долженъ былъ платить Царю каждые три года.» Эта повѣсть объ открытіи Новой Земли, которую ученый де-Саси очень несправедливо принимаетъ за островъ Новую Землю, очевидно относится къ покоренію Даурiи Русскими искателями приключеній и подвигамъ Хабарова, отозваннаго въ 1653 году въ Москву. Рѣка, по которой плыли Казаки, должна быть Амуръ, а городъ, взятый ими, былъ вѣроятно Албазинъ. И вслѣдъ за этимъ говорится о тутовыхъ деревьяхъ и о томъ, что городъ не далеко отъ Ирана (Персіи): авторъ хотѣлъ сказать — Китая. Въ слѣдующемъ году Сирійцы видѣли въ Москвѣ Сибирскихъ Татаръ, и обрадовались случаю поговорить съ ними по-Турецки. Архидіаконъ узналъ отъ нихъ, что они платятъ три тысячи рублей ежегодной подати, и написалъ любопытную главу «О землѣ Татаръ и ихъ сношеніяхъ съ Мускобами», изъ которой мы приведемъ замѣчательнѣйшія извѣстія, сохраняя порядокъ, или вѣрнѣе безпорядокъ, господствующій во всѣхъ частяхъ записокъ Макаріева спутника.

Сперва о Китаѣ, о которомъ они слышали изъ устъ патріарха Никона. «Земля *Хота* и *Хатая* (Хотенъ и Хатай), говоритъ онъ, называется въ Московіи *Кипаска*, Китайскою. Около сорока Казаковъ, изъ числа тѣхъ которые совершили завоеваніе Сибири, отправились, съ ружьями, искать приключеній, и пошли на востокъ. Послѣ продолжительнаго пути они достигли до гавани этой страны. Сдѣлавъ залпъ изъ своихъ ружей они такъ испугали стражу, что та упала со страху на-земь. (Это то же самое обстоятельство, которое архидіаконъ уже разсказывалъ насчетъ покоренія «третьей части» Сибири, или Новой Земли). Опомнившись эти стражи весьма учтиво повели Казаковъ къ своей царицѣ. Она была вдова, и управляла страною съ молодымъ своимъ сыномъ. Ихъ наружность чрезвычайно удивила ца-

рицу. Обойдясь съ ними какъ нельзя лучше и снабдивъ ихъ подарками, она просила выстрѣлить въ ея присутствіи. Этотъ залпъ причинилъ много страха жителямъ города. Царица распрашивала у Казаковъ о странѣ, изъ которой они пришли. Отвѣты ихъ поразили ее, и она сказала имъ: «У насъ существуетъ письменное пророчество, что Бѣлый Государь покоритъ всѣ царства на землѣ: ужъ это не вашъ ли государь?» — Да, отвѣчали Казаки: и теперь онъ уже много земель покорилъ. — Царица просила ихъ быть посредниками между ею и Бѣлымъ Царемъ, представить ему разные богатые подарки отъ ея имени, и сказать, что ей желательно оказать ему свою преданность и получить отъ него ружья, для своей и его защиты въ случаѣ нужды. Она отправила съ Казаками своего посла и куски серебра въ подарокъ. Серебро такъ обыкновенно въ этой странѣ, что имъ кроютъ крыши вмѣсто черепицы. Царь хорошо принялъ посла, и хотѣлъ было послать требуемое войско и людей за серебромъ въ ихъ страну, но отложилъ эту мысль, по причинѣ трехъ лѣтъ, которыя должно употребить на путешествіе: издержки превышали бы сумму полученныхъ выгодъ. Казаки привели съ собою также нѣсколькихъ плѣнныхъ изъ этой страны, которые разсказывали, что въ ихъ странѣ есть церкви и колокола, въ которые всегда звонятъ. Эти люди имѣютъ религію, но не извѣстно какую; прежде они были христіанской вѣры, которую теперь совершенно забыли. Въ одномъ старомъ церковномъ уставѣ Антіохійскаго патріарха сказано, что существуютъ четыре каѳолическія страны, (то есть, четыре главныя епархіи, управляемыя каѳоликосомъ и зависящія отъ этого патріархата), и что третья изъ нихъ есть земля Хота и Хатай. Основываясь на этомъ, мы сказали плѣннымъ, что они находятся въ управленіи патріарха Антіохійскаго. Такъ было написано: правда это или ложно, не знаемъ; Господь лучше вѣдаетъ. А страна, гдѣ они живутъ, находится за Океаномъ и возвышается до морскаго берега какъ группа башенъ. Изъ Московіи къ нимъ надо ѣхать сухимъ путемъ; иначе нельзя. Испанскій царь, сказали они, покорилъ одну сторону ихъ материка и получаетъ свои сокровища оттуда.» Извѣстно, что прежде дѣйствительно существовали Несторіанскія церкви въ Мон-

голіи, и зависѣли отъ патріархата Антіохійскаго *. Но о какой странѣ и царицѣ пишетъ архидіаконъ? Очевидно, что онъ смѣшалъ разныя, слышанныя имъ, извѣстія о Дауріи, Средней Азіи и Америкѣ.

Вслѣдъ за этимъ авторъ переходитъ къ ханамъ Золотой Орды. «Страна, принадлежащая «золотому султану», *султанъ-эдъ-дегебъ*, находится подлѣ внѣшней Сибири, между сѣверомъ и западомъ. Она присоединена къ Московіи родителемъ нынѣ царствующаго государя, Алексѣя. Ея покореніе совершили Казаки. Султанъ этотъ присылаетъ ежегодно подать Царю; она состоитъ изъ слитковъ золота, добываемаго изъ рудниковъ, находящихся въ его владѣніи, изъ красивыхъ и дорогихъ лошадей, великолѣпныхъ сѣделъ и оружія. До Золотой страны годъ пути отсюда. Обитатели ея страннаго вида и еще диче нежели *Лобани*. Они носятъ на шеѣ деревянныя колодки. Государь ихъ титулуется по-Турецки *алтынъ-падишагй*, «золотой царь». Говорятъ, что онъ принадлежитъ къ (сунитскому) обряду Абу-Ханифы.» Если бъ мы писали для оріенталистовъ, этотъ любопытный хаосъ, господствующій въ головѣ Арабскаго архидіакона, могъ бы сдѣлаться предметомъ занимательнаго разложенія, которое показало бы всѣ semina rerum; но здѣсь довольно будетъ сказать, что, авторъ, обманутый сходствомъ именъ, смѣшалъ Алтынъ-Шаха, государя Харезмскаго, побѣжденнаго Чингисъ-Ханомъ, съ Алтынъ-Ханомъ, владѣтелемъ Джунгарскихъ Калмыковъ, и Хиву съ Алтаемъ, котораго имя дѣйствительно значитъ — золотая страна.

«Нѣкогда, говоритъ архидіаконъ, Татары простирались до самой Москвы; но когда Царь Иванъ покорилъ Казань и Астрахань, жители этихъ городовъ удалились въ Крымъ, Багчесерай, Каффу, и тамъ поселились. Они живутъ въ этихъ странахъ по-сю-пору. Для отвращенія ихъ набѣговъ, Цари устроиваютъ на границѣ линію крѣпостей. Алексѣй Михайловичъ построилъ ихъ до тринадцати. Главная линія тянется на пятнадцать тысячъ верстъ начиная отъ Путивля до устья Волги. На каждыхъ тридцати верстахъ

* Ассемани, Bibliotheca Orientalis, часть IV, стр. 481 и слѣдующія; стр. 616.

устроена крѣпость, охраняемая пятью стами человѣками гарнизона. Составъ всѣхъ гарнизоновъ простирается до шестидесяти тысячь человѣкъ. Кромѣ этой предохранительной мѣры, Царь еще посылаетъ Крымскому хану и его мирзамъ ежегодные дары, деньгами, мѣхами, одеждами и тому подобнымъ, на сумму двѣнадцати тысячь рублей. Прежде, во времена святяго Петра (митрополита), платили до сорока тысячь рублей. Теперь, въ царствованіе нынѣшняго государя, это количество уменьшено до двѣнадцати тысячь, и кромѣ того Крымцы не сдѣлали, въ послѣднія десять лѣтъ, ни одного набѣга на его владѣнія: такъ ослабѣли Татары! Въ два года, которые мы провели здѣсь, мы слыхали, что Царю хотѣлось прекратить эти дары; но онъ былъ въ войнѣ съ Поляками, и опасался, чтобъ Татары не сдѣлались за то ихъ союзниками. Для лучшаго сохраненія договоровъ между Татарами и Московитами, въ началѣ каждаго года пріѣзжаетъ въ Москву Татарскій посланникъ съ пятьюдесятью человѣками свиты. Они остаются тутъ цѣлый годъ заложниками, до прибытія новаго посла. Тогда беретъ съ собою дань прежній посолъ, и уѣзжаетъ. Со стороны Москвитянъ также отправляется ежегодно посолъ къ хану, съ двумя переводчиками и многочисленною свитою. Татарскому послу не позволяютъ прежде выѣхать изъ Москвы, пока не пріѣдетъ изъ Крыму Московскій, и они обыкновенно встрѣчаются на дорогѣ. Татарскій посолъ живетъ въ Москвѣ за землянымъ валомъ, гдѣ онъ охраняется большою стражею янычаръ (стрѣльцовъ). Они не допускаютъ къ нему никого, и если кто изъ посланничьихъ людей идетъ за покупкою на рынокъ, его сопровождаетъ янычаръ съ алебардою. Татарамъ этимъ не позволено входить въ ворота крѣпости (Кремля); никто не смѣетъ говорить съ ними. Посланнику и его свитѣ отпускается ежедневно по одной лошади, которую они ѣдятъ, да еще нѣсколько барановъ, и нѣсколько копѣекъ на мѣлкія издержки. Когда посолъ представляется Царю, по случаю прибытія или отъѣзда, его проводятъ по улицамъ, между рядами разставленныхъ по сторонамъ янычаръ въ красномъ платьѣ. Въ обратный путь, къ хану, его возутъ по Московіи всегда другой дорогою, а не той, по которой пріѣхалъ. Такова политика Московитовъ, первыхъ хитрецовъ въ мірѣ.

Такъ поступаютъ они и съ Турецкимъ посломъ, и съ Персидскимъ (*Кызылъ-баши*), и съ посломъ Германскаго Кесаря, и съ Англійскимъ (*Инкильтара*), и съ Голландскимъ (*Филеменкъ*), и съ Свейскимъ посломъ (*Сфетса*, вѣроятно, *Сфетска*), и съ другими послами. И хотя имъ можно бы употребить только одинъ мѣсяцъ пути, ихъ везутъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

«Московиты никогда не имѣютъ сношеній съ этими послами, на которыхъ они смотрятъ какъ на нечистыхъ и еретиковъ. Кто хочетъ что-нибудь купить у Франкскаго купца, тотъ долженъ покупать у него въ лавкѣ, и ни подъ какимъ видомъ не смѣетъ итти къ нему надомъ: иначе его тотчасъ берутъ въ полицію, говоря—«Такъ ты хочешь сдѣлаться бусурманомъ?» Что касается до священниковъ и монаховъ, то никто изъ нихъ не осмѣливается сказать одного слова Франку или другому иноземцу: они на этотъ счетъ находятся подъ строгимъ надзоромъ. Въ Москвѣ множество Франковъ изъ народа *Немсе*, Шведовъ и Англичанъ. Это все купцы; до того они жили съ своими семействами въ самомъ городѣ, но патріархъ (Никонъ) изгналъ ихъ отсюда, потому что ненавидитъ всякаго рода еретиковъ. Непосредственною причиною изгнанія было то, что, во время одной процессіи по улицамъ города, онъ замѣтилъ, что эти люди не снимаютъ шапокъ и не крестятся передъ крестами и иконами. Онъ вытребовалъ у Царя, чтобы тотъ выслалъ ихъ изъ всѣхъ православныхъ городовъ и крѣпостей, и чтобъ они впередъ жили за городскими стѣнами, исключая тѣхъ, которые перекрестятся. Онъ велѣлъ уничтожить церкви и церковки, которыя они здѣсь издавна имѣли, какъ и мечети Татаръ. Болѣе всѣхъ пострадали Армяне, особенно жившіе во множествѣ въ Астрахани. Велѣно было разрушить ихъ церкви, и имъ запретили носить Московское платье.» Одинъ Армянинъ, бывшій придворнымъ переводчикомъ, просилъ у Никона позволенія носить свое народное платье, съ которымъ ему жалко было разстаться, и подкрѣпилъ свою просьбу присылкою пятидесяти тысячь рублей; но и это не преклонило на его сторону знаменитаго гонителя ересей и еретиковъ.

Архидіаконъ замѣтилъ, что въ Москвѣ находятся консулы Англійскій, Голландскій, Германскій и Шведскій, точ-

но такъ же какъ въ Алеппѣ, и по этому случаю распространяется объ Англичанахъ и ихъ торговлѣ въ Россіи. «Ихъ корабли всегда приходятъ въ Архангельскъ, который служитъ главнымъ портомъ царства и находится на берегу Великаго Океана. Въ городѣ томъ устроена сильная крѣпость во имя Святаго Михаила Архангела. Она принадлежала прежде Англичанамъ, но Царь Иванъ покорилъ ее. Они привозятъ въ Московію всякаго рода товары, — Критское вино, Французское и Испанское, масло, оливы, орѣхи, сахаръ, стекло, матеріи, и прочая, — а вывозятъ съ собою хлѣбъ разныхъ сортовъ, щетину, мѣхи, горностаи, моржевые клыки, и тому подобное. Правительство получаетъ отъ этой торговли большія выгоды, потому что беретъ по десяти процентовъ и съ продавца и съ покупателя, и съ иноземнаго купца и съ своего. Для этого устроены таможни.»

Сирійскіе странствователи находили лучшее свое удовольствіе въ бесѣдѣ съ однимъ изъ царскихъ переводчиковъ, который бывалъ у нихъ почти каждый день. «Онъ Московитъ, и знаетъ двѣнадцать языковъ; говоритъ прекрасно по-Арабски, Египетскимъ нарѣчіемъ, по-Турецки и на разныхъ Европейскихъ языкахъ.» Архидіаконъ съ уваженіемъ отзывается объ учености и знаніяхъ придворныхъ толмачей.

Разсказавъ, что зналъ, о Татарахъ и о сѣверѣ Россіи, архидіаконъ переходитъ къ югу. «Поколѣніе *Башкердъ*, Башкировъ, есть самое большое Татарское поколѣніе, потому что оно простирается отъ Казани до границъ Сибири. Царь беретъ съ нихъ *хараджъ*, который состоитъ въ десятой доли съ ихъ лошадей, верблюдовъ, буйволовъ, барановъ, и тому подобнаго; но его воеводы чрезвычайно притѣсняютъ ихъ. Городъ *Багдадъ* невдалекѣ отъ Астрахани.» Алеппо однако жъ былъ бы ближе.

«Грузины пріѣзжаютъ въ Московію двумя дорогами, сухимъ путемъ или по Каспійскому Морю. Вторая дорога гораздо опаснѣе; надо проѣзжать черезъ ущелье Желѣзныхъ Воротъ, *Демиръ-капысы* (Дербендъ), гдѣ построена крѣпость, находящаяся теперь въ рукахъ Персіянъ и которой основаніе приписываютъ Искендеру (Александру Великому). Отъ границы Грузіи, то есть, владѣній Теймуразъ-Хана, до

этого ущелья пятнадцать дней пути. Царь часто посылаетъ этому владѣтелю богатые подарки, въ особенности драгоцѣнные мѣха. Два года тому назадъ, онъ отправилъ къ нему трехъ пословъ съ семью стами человѣкъ свиты и съ огромнымъ количествомъ золота, серебра, оружій и соболей. Царь отправилъ все это черезъ Астрахань; здѣсь, послы сѣли на корабль, но на Каспійскомъ Морѣ ихъ настигла буря. Все погибло, кромѣ сорока человѣкъ, которые достигли берега совершенно голые и прибыли пѣшкомъ въ Персидскій городъ Шамаху. Правитель принялъ ихъ очень хорошо, и донесъ объ ихъ кораблекрушеніи шаху. По повелѣнію шаха собрали все, что осталось отъ разбитія судна, и дали имъ эскортъ для сопровожденія къ Теймуразъ-Хану. Царь, извѣстясь объ этомъ несчастіи, отправилъ къ нему новое посольство съ новыми подарками. Оно счастливо переплыло черезъ Каспій, и было уже не далеко отъ Грузіи, какъ скончался начальникъ миссіи. Это обстоятельство заставило ее остановиться, въ ожиданіи повелѣній царя; а между-тѣмъ, отправленъ былъ въ Москву для сообщенія печальнаго извѣстія одинъ Греческій монахъ*. Этотъ монахъ зналъ патріарха Макарія еще въ Алеппѣ, и явился навѣстить его. Онъ разсказалъ намъ, что изъ Грузіи доселѣ двадцать четыре дня пути. Эта дорога считается трудною, потому что должно проѣзжать высокія горы, гдѣ путникъ подвергается нападеніямъ Черкесскихъ разбойниковъ, и не только можетъ быть ими ограбленъ, но еще проданъ въ Персію или Татарамъ. По этой-то причинѣ предпочитаютъ отправляться черезъ Каспійское Море, хотя тутъ не минуютъ опасности быть настигнутыми бурею. Царь Алексѣй отослалъ этого монаха съ новымъ посломъ, морскимъ путемъ.»

Когда Царь Алексѣй Михайловичъ получилъ извѣстіе,

* Въ Русскихъ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о двухъ несчастныхъ посольствахъ въ Грузію, о которыхъ пишетъ архидіаконъ Павелъ. Извѣстно только одно посольство къ Имеретинскому князю Александру, котораго начальникомъ былъ Толочановъ, оставившій подробное описаніе своего путешествія. Но оно совершено было гораздо ранѣе, чѣмъ упоминается въ запискахъ Макаріева спутника, именно въ 1649 и 1650 годахъ.

что войска Персидскаго шаха вступили во владѣнія Теймураза, умертвили сына его, Давида, и заняли большую часть страны, онъ отправилъ посольство къ шаху жаловаться на оскорбленіе, нанесенное государству, котораго жители отдались подъ покровительство Россіи *. Шахъ старался извиниться передъ Русскимъ Царемъ, потому что со временъ шаха Аббаса, дѣда нынѣшняго государя, Персіяне были въ большой дружбѣ съ Царемъ Русскимъ. «Царь и шахъ, говоритъ архидіаконъ, называли другъ друга братьями; оба они были двадцати семи лѣтъ отроду, и родились, говорятъ, въ одинъ и тотъ же день.» Для большаго доказательства этой дружбы, онъ приводитъ слѣдующій фактъ. Когда шахъ Аббасъ овладѣлъ, тому тридцать два года, столицею Грузіи и нашелъ въ одномъ изъ ея соборовъ рубаху Спасителя, онъ отослалъ ее къ царю Михаилу (Ѳедоровичу). Французскій государь, узнавъ объ этомъ, предлагалъ Персидскому властелину огромную сумму денегъ и уступалъ ему два своихъ города за эту святую драгоцѣнность. И другіе Франкскіе государи также предлагали ему выгодныя условія; но онъ не хотѣлъ ихъ и слушать, и предпочелъ вручить ее брату своему, царю Московскому.» Алексѣй Михайловичъ пригласилъ Теймураза отправить въ Москву его невѣстку Елену, вдову его убитаго сына, князя Давида, съ сыномъ ея Николаемъ. Царь предполагалъ женить юнаго Грузинскаго царевича на старшей своей дочери, Евдокіи. Теймуразъ охотно исполнилъ его желаніе, и они отправились въ путь. Но шахъ, узнавши объ этомъ, велѣлъ эмиру, или шамхалу, Дагестана напасть на нихъ и овладѣть ими. Къ счастію, во время нападенія на Грузинскій эскортъ, княгиня съ своимъ сыномъ успѣли пересѣсться и избѣжать погибели. Они достигли одной Турецкой крѣпости, и отсюда, подъ прикрытіемъ эскорта, прибыли въ Астрахань, потомъ въ Москву. Царь чрезвычайно обрадовался, когда увидалъ ихъ въ своей столицѣ.» Сирійскіе гости часто имѣли случай ее видѣть, служили для нея обѣдни и удивлялись ея набожности.

* Посольство это состояло изъ окольничаго, князя Ивана Лобанова-Ростовскаго, стольника Камынина и дьяка Неѳедьева. Оно было отправлено въ 1653 году.

По случаю великаго поста, архидіаконъ снова говоритъ много о строгости, съ которою содержатъ постъ всѣ классы народа, о ржаномъ хлѣбѣ и квасѣ, который они должны были употреблять въ дни поста, о Московскихъ колоколахъ, церквяхъ, колокольняхъ, священникахъ и разнаго рода церковныхъ службахъ.

Началась новая война съ Поляками: архидіаконъ слѣдовалъ за ея ходомъ тщательно, внося въ свой дневникъ все, что распускала на ея счетъ столичная молва. Мы перескажемъ всѣ его военныя извѣстія сокращенно, опуская только его разсужденія, вовсе не интересныя, когда уже знаешь однажды ихъ духъ и направленіе.

«Къ Царю пришли вѣсти, что проклятый Радзивилъ, лишь-только услышалъ объ его отъѣздѣ въ Москву, тотчасъ набралъ двѣнадцать тысячь воиновъ, и осадилъ съ ними одинъ изъ своихъ городовъ Могилевъ, который недавно былъ взятъ Московитами и славился подъ именемъ «города богатствъ», потому что всѣ его жители были купцы. По взятіи этого города Алексѣемъ (Михайловичемъ), воевода управлявшій Могилевомъ отъ имени Радзивила, явился къ Царю; просилъ его о помилованіи, которое и было ему даровано, и изъявилъ желаніе перейтти въ православную вѣру, на что государь также согласился, оставивъ его, въ награду, на прежнемъ мѣстѣ правителя вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ вельможъ. Польскій воевода присягнулъ на вѣрность Царю. Но что значатъ клятвы и вѣрность для Ляха! Мы видѣли уже ихъ вѣроломство въ отношеніи къ Хмѣлю. При новомъ появленіи Радзивила, прежній клевретъ его тайно перебѣжалъ къ нему, присоединился къ его войску и осадилъ Могилевъ. Когда осаду стѣснили, жители послали къ Царю просить о помощи. Царь чрезвычайно разсердился на вѣроломныхъ, и ту жъ минуту отправилъ шестерыхъ изъ двѣнадцати своихъ визирей противъ нечистаго Радзивила, обѣщая вскорѣ, по прошествіи Пасхи, прибыть лично на поле войны. Не знали, кого онъ назначитъ полководцами изъ двѣнадцати визирей, какъ однажды, во время торжественной службы, онъ избралъ изъ нихъ шестерыхъ и подвелъ ихъ подъ благословеніе обоихъ патріарховъ, которымъ велѣлъ прочесть надъ ними воинскія молитвы. Шесть полководцевъ

отправились изъ Москвы, болѣе чѣмъ съ тремя стами тысячь войска, на первой недѣлѣ поста. Царь былъ весьма огорченъ двумя извѣстіями о вѣроломствѣ Ляховъ, полученными почти въ одно и то же время, именно взятіемъ Могилева и набѣгомъ ихъ на владѣнія Ихмиля (Хмѣля). Но Хмѣль обрадовалъ его вскорѣ вѣстями о своихъ побѣдахъ, и прислалъ въ Москву множество Татаръ, Поляковъ, Венгерцевъ, Молдаванъ и Нѣмцевъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ. Что до насъ касается, то мы не вѣрили скорому отъѣзду Царя изъ столицы, потому что не прошло и мѣсяца, какъ онъ въ нее возвратился. Когда мы убѣдились въ точности слуховъ, печаль и горесть наполнили сосуды нашего сердца; мы увидѣли, что нашъ отъѣздъ изъ этой страны на родину еще далекъ. Мы тогда удвоили наши молитвы, и начали втрое проклинать этого врага Бога, Церкви и христіанъ, Радзивила, какъ проклинали нѣкогда Стефана, бея Молдавіи. Во-истину, Господь попустилъ ихъ на казнь христіанамъ! (Слѣдуетъ длинная филиппика противъ обоихъ). Царь отслушалъ молебенъ, совершенный двумя патріархами, передъ своимъ отъѣздомъ, и тогда вручилъ Никону бумагу для прочтенія. Толмачъ перевелъ ее нашему владыкѣ. Это было донесеніе о Могилевскихъ дѣлахъ, и вотъ его содержаніе. Когда бусурманъ Радзивилъ обложилъ Могилевъ и успѣлъ занять одну линію укрѣпленій, царскіе войска сдѣлали противъ него храбрую вылазку и овладѣли позиціями окрестъ города. Къ тому времени подоспѣлъ одинъ изъ благородныхъ *буркоуникосъ*, полковниковъ, Ихмиля, по имени Золоторинскосъ (Злоторинскій), съ сорока тысячью Казаковъ. Они напали на Радзивила съ четырехъ сторонъ, а съ крѣпости начали изрыгать на него безпрерывный огонь. Видя вокругъ себя всеобщую месть, адынецъ, какъ прежде, переодѣлся аки сатана и убѣжалъ съ немногими изъ своихъ приверженцевъ, а изъ войска его никто не спасся. Всѣ радовались добрымъ вѣстямъ. Царь велѣлъ двумъ патріархамъ тотчасъ же отслужить новый благодарственный молебенъ.»

Патріархъ Макарій просилъ у Царя отпускной грамматы, говоря, что онъ уже болѣе четырехъ лѣтъ въ отсутствіи изъ своей епархіи, и что пора ему возвратиться на родину. «Ты провелъ такъ много времени въ другихъ странахъ,

батушка, отвѣчалъ Царь: такъ останься же и въ моей, да ниспошлетъ мнѣ Богъ побѣду твоими святыми молитвами.»

Царь Алексѣй Михайловичъ наконецъ выѣхалъ изъ Москвы. Антіохійскій патріархъ спросилъ у Никона, сколько съ нимъ отправилось войска. — «До трехъ сотъ тысячь человѣкъ, сказалъ Никонъ: изъ нихъ сорокъ тысячь составляютъ стражу государя. Я самъ выставилъ десять тысячь воиновъ; такое же число получено отъ монастырей, смотря по богатству и доходамъ каждаго изъ нихъ.» Келарь Троицкой Лавры говорилъ имъ, что отъ этого монастыря поставлено тысячу вооруженныхъ людей и множество съѣстныхъ припасовъ. Изъ монастыря Св. Кирилла Бѣлозерскаго, какъ узнали они, отправлено было въ походъ сто человѣкъ и десять тысячь рублей, а изъ Соловецкаго Монастыря пять тысячь рублей. Вслѣдъ за Царемъ отправился на войну Василій Бутурлинъ съ стодвадцати-тысячною арміею; въ томъ числѣ, пѣхоты было только тридцать тысячь. Къ этому войску принадлежало много Татаръ изъ поколѣній Черемисовъ, Мордвы, Монголовъ, Башкировъ, Калмыковъ и другихъ. Тутъ было и двадцать тысячь «собачьерылыхъ Лобановъ», знаменитыхъ антропофаговъ, которыхъ взяли не столько для сраженій, какъ для того чтобы пугать непріятеля ихъ страшною наружностію и обычаемъ ѣсть человѣческое мясо. Всѣ эти поколенія были вооружены по-своему, и составляли предметъ частаго любопытства Макарія и его архидіакона въ теченіе великаго поста. Эта армія, по повелѣнію Царя, отправлена была къ Хмѣльницкому, для размѣщенія ея по границѣ Польской и Татарской. Царь приказалъ войскамъ, расположеннымъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ, соединиться съ Шведскими, и вмѣстѣ съ ними итти на Поляковъ. Тогда скончалась Свейская королева (Христина) и вступилъ на престолъ ея племянникъ, который питалъ большую дружбу къ Московскому государю.

Рѣчь о Шведскомъ королѣ вводитъ архидіакона въ забавныя разсужденія о разныхъ титулахъ государей Европейскихъ. «Большая часть государей Френгистана называютъ себя *ригà* (roi, король). Но впрочемъ этотъ титулъ ниже чѣмъ титулъ краля или бся, потому въ Ляхистанѣ (Польшѣ) есть краль, въ Венгріи есть краль, въ Инкильтара (Англіи) есть краль, а въ Фландріи, напримѣръ, правитъ не краль, а

ригд, потому что это не большое владѣніе. Въ Венеціи также *ригд*. Есть еще родъ владѣльцевъ, называемыхъ *дукатъ* (dux, герцогъ). Что касается до императоровъ, *падишахъ*, то первое мѣсто между ними занимаетъ султанъ Турецкій, преемникъ Константина. За нимъ слѣдуетъ падишахъ Немсе, называемый Кесаремъ. Третій, есть король Испанскій; четвертый король Франціи; пятый *Кызилъ-башъ*, «Красноголовый», то есть Персидскій; шестой государь Индустана (Великій Моголъ); седьмой — Китайскій императоръ, осьмой — Хабешскій (Абисинскій). Девятое мѣсто принадлежитъ государю Хота и Хатая (Монголіи), десятое Грузинскому государю. Одиннадцатый падишахъ есть царь Московскій, потому что онъ пріобрѣлъ этотъ титулъ послѣ всѣхъ другихъ, именно во время Царя Ивана. Передъ нимъ даже ставятъ государя Сибирьи и Алтынъ-падишаха.» Авторъ, какъ вѣрноподданный султана Оттомановъ, истощаетъ все свое краснорѣчіе для доказательства, что онъ первый царь и падишахъ въ мірѣ.

Число войска, отправившагося изъ Новагорода и Пскова, вмѣстѣ съ Шведскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, простиралось до сто двадцати тысячь, по увѣренію архидіакона. Они заняли сѣверныя провинціи Польши, взяли множество городовъ и плѣнныхъ, и соединились съ главною арміею Царя. Поляки не знали что дѣлать, и обратились, съ униженными просьбами, огромными суммами, и страшая успѣхами Царя, къ Туркамъ и Татарамъ. Первымъ они уступали даже нѣсколько своихъ городовъ, если получатъ вспомогательное войско. Но Турки «не дураки», говоритъ архидіаконъ, и не дались въ обманъ. Татары также не дали помощи. Ляхи обратились тогда къ Нѣмецкому Кесарю, но и тотъ отказалъ имъ въ просьбѣ. Никто не хотѣлъ имѣть съ ними дѣла.

Изчисливъ огромныя войска, которыя были теперь подъ ружьемъ, авторъ спрашиваетъ самъ себя, зачѣмъ же Царь съ этими силами не обратится на своихъ, всегда опасныхъ сосѣдей, Татаръ,—и отвѣчаетъ самъ же, что они непремѣнно должны современемъ погибнуть отъ Московіи. Какъ лучшее доказательство своего пророчества, онъ приводитъ восхитительные стихи покойнаго Сирійскаго митрополита Исы, изъ его поэмы о Московіи. Вотъ эти стихи: «Всемогущій Гос-

подь внезапно низпошлетъ на нихъ месть Свою. Онъ пошлетъ на нихъ Русскаго агу и Лящское войско, на быстрыхъ коняхъ, которыхъ полетъ равняется дуновенію вѣтра. Они вырвутъ ихъ, какъ негодный корень изъ земли; бросятъ ихъ трупы на пиръ хищнымъ птицамъ и звѣрямъ, и воскликнутъ: На счастье христіанамъ, погибъ навѣки Татаринъ!»

Отъ стиховъ митрополита Исы, архидіаконъ переходитъ къ подробностямъ о жизни и характерѣ патріарха Никона.

«По случаю отъѣзда, Царь назначилъ, для управленія дѣлами во время своего отсутствія, намѣстника и нѣсколькихъ визирей, и подчинилъ ихъ патріарху Никону, безъ согласія котораго они не могли рѣшать ни одного дѣла, какъ большаго, такъ и самаго малозначущаго. Они должны были являться къ нему съ докладами всякое утро, и если кто изъ нихъ опоздывалъ, тотъ принужденъ былъ ожидать позволенія войти у крыльца, какъ бы жестокъ ни былъ морозъ, потому что двери запирались въ извѣстный часъ и стражи ни кого не впускали. Это мы видали собственными глазами, потому что нашъ владыка часто ходилъ къ Никону освѣдомляться о состояніи *кейфа* и дѣлъ Царя. (Подробное описаніе, какъ принималъ обыкновенно Русскій патріархъ Макарія).

«Когда Никонъ входилъ въ церковь, многіе представляли ему свои *чулуфитатъ*, то есть, челобитья, или записки и доклады о своихъ дѣлахъ, потому что никто не можетъ видѣться съ патріархомъ въ его домѣ кромѣ вельможъ, да и тѣ только въ назначенное время, какъ мы сейчасъ видѣли. Въ свою собственную комнату Никонъ не впускаетъ ни одного грамотнаго человѣка, изъ опасенія, чтобъ не узнали разныхъ тайныхъ бумагъ его.

«Въ ряду комнатъ патріарха находятся семь палатъ, въ которыхъ сидятъ семь судей съ множествомъ дьяковъ. Каждая палата назначена для извѣстнаго рода дѣлъ. — одна для чернаго духовенства, другая для бѣлаго, третья для казначейства, и такъ далѣе. Во вторую палату являются желающіе быть священниками, съ свидѣтельствами отъ жителей околотка. Они стоятъ всѣ въ ряду; патріархъ даетъ имъ читать книги, каждому по очереди, утверждаетъ тотчасъ того, кто бѣгло читаетъ, и отказываетъ читающимъ не такъ

хорошо. При каждой палатѣ находится тюрма, снабженная цѣпями и колодками. У патріарха находится подъ властію великое множество людей всѣхъ чиновъ. Онъ имѣетъ даже собственныхъ ремесленниковъ по всѣмъ частямъ.

«До Никона, патріаршія помѣстья заключали въ себѣ десять тысячь крестьянскихъ домовъ; теперь считаютъ ихъ двадцать пять тысячь. Въ помѣстьяхъ патріарха находится много озеръ, богатыхъ солью и рыбою, съ которыхъ онъ получаетъ огромные доходы. Всѣ товары, принадлежащіе патріарху, избавлены отъ всякой пошлины. Кромѣ того, онъ получаетъ въ наслѣдство часть имѣнія, или помѣстья, по смерти вельможъ. Однимъ словомъ доходы патріархата чрезвычайные. Троицкая Лавра получаетъ треть доходовъ Царя.

«Чернецы и бѣлое духовенство равно страшатся гнѣва патріарха. Онъ не щадитъ никого, если замѣтитъ виновнымъ. Недавно онъ сослалъ келаря Троицкой Лавры, третью особу по Царѣ и патріархѣ, за то, что келарь утаилъ часть доходовъ. На его мѣсто поставилъ онъ своего архидіакона, ученаго отца Иринія, который много странствовалъ, былъ въ Грузіи, Молдавіи, у насъ въ Алеппѣ и на Синаѣ.»

Въ Москвѣ, разсказываетъ архидіаконъ, многіе иконописцы переняли «живописать образа на манеръ Франковъ и Поляковъ». Вельможи покупали образа новой живописи. Патріархъ узналъ объ этомъ, и, «будучи приверженъ ко всѣмъ Греческимъ обыкновеніямъ», отобралъ ихъ изъ домовъ вельможъ, вырѣзалъ у нихъ глаза, и велѣлъ стрѣльцамъ носить ихъ по улицамъ города, съ изданнымъ отъ него указомъ, что «кто впередъ будетъ живописать иконы такимъ образомъ тотъ подвергнется строжайшимъ наказаніямъ». Это случилось во время отсутствія Царя, за годъ до появленія чумы. Московцы приписали тогда это божеское наказаніе неуваженію патріарха къ святымъ иконамъ, и такъ роптали на него, что онъ принужденъ былъ удалиться. Онъ возвратился потомъ въ Москву вмѣстѣ съ Алексѣемъ Михайловичемъ, и при первомъ случаѣ доказалъ Царю безбожіе писать иконы на манеръ Франковъ и Поляковъ. Эти образа собраны были въ соборной церкви, и два патріарха, Никонъ и Макарій, торжественно отлучили отъ Церкви и предали анаѳемѣ всѣхъ, кто

пишетъ въ духѣ новой школы. Никонъ хотѣлъ сжечь эти иконы; Алексѣй Михайловичъ просилъ зарыть ихъ въ землю. Это совершено было двумя патріархами.

Осыпая похвалами родителя Петра Великаго за его набожность и усердіе къ Церкви, архидіаконъ приводитъ нѣкоторыя черты его характера, чему они «сами были свидѣтелями или что слышали отъ другихъ».

Алексѣй Михайловичъ спросилъ однажды у Іерусалимскаго патріарха, правда ли, что, несмотря на свое великое благочестіе, Василій, бей Молдавіи, никогда не снимаетъ шапки, даже въ церкви? Патріархъ отвѣчалъ положительно, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ Василій снималъ въ церкви шапку только во время чтенія Евангелія. Это, прибавлялъ онъ, происходитъ во-первыхъ отъ высокомѣрія, а во-вторыхъ потому, что Василій краситъ себѣ бороду, а волоса подъ шапкою у него совершенно бѣлые. При этихъ словахъ Царь поднялъ руки къ небу и съ горестію вскричалъ: «Боже! и Ты не прекращаешь жизни человѣка, который такъ стоитъ передъ Тобою!»

Мы слышали, разсказываетъ архидіаконъ, что вельможи, при жизни его родителя, вовсе не уважали Алексѣя, потому что онъ былъ молодъ, нѣженъ, откровененъ, слабаго сложенія и не любилъ войны и крови. Но онъ унизилъ ихъ и умертвилъ многихъ, по своемъ вступленіи на престолъ. Вотъ одинъ случай. Онъ послалъ одного изъ своихъ вельможъ, въ извѣстную провинцію, набрать войско для предстоявшаго похода; но жители подкупили его значительною суммою денегъ и убѣдили отложить наборъ до слѣдующаго года. Вельможа возвратился къ Царю, и ходатайствовалъ объ отсрочкѣ подъ разными предлогами. Царь догадался въ чемъ дѣло, и отправилъ въ ту провинцію чиновника для узнанія истины. Этотъ донесъ о взяткѣ, и Царь умертвилъ криводушнаго.

Будучи молодъ, строгъ и дѣятеленъ, Алексѣй Михайловичъ пріучалъ и вельможъ своихъ переносить всѣ тягости. Однажды онъ отправился съ ними молиться въ одинъ изъ монастырей, недалеко отъ столицы. Москва-Рѣка течетъ почти подъ самыми стѣнами этой обители. Вмѣсто того,

чтобы ѣхать черезъ мостъ, Царь поворотилъ коня въ рѣку, мигомъ переплылъ ее, и съ другаго берега вскричалъ имъ: «Кто не переплыветъ черезъ рѣку, лишается жизни!» Бояре со страхомъ должны были совершить этотъ подвигъ, и какъ они были по большей части толстяки и старики, то едва не потонули: они погрузились въ воду по самую шею. Междутѣмъ царь смѣялся отъ души надъ ихъ трусостью на другомъ берегу. Потомъ онъ приказалъ всѣмъ послѣдовать его примѣру, подъ карою смерти, и всѣ, мокрые до нитки, отправились съ нимъ верхомъ въ монастырь, должны были простоять тутъ длинную службу, и, не перемѣняя одежды, возвратились въ Москву.

Этимъ мы заключимъ обозрѣніе записокъ Макаріева спутника. Мы возвратимся къ нимъ по выходѣ слѣдующихъ тетрадей перевода Г. Бельфура, которыя обѣщаютъ представить много фактовъ, всегда интересныхъ, несмотря на ихъ странное изложеніе, для занимающихся отечественною исторіей. Въ ожидаемыхъ тетрадяхъ авторъ будетъ разсказывать о важнѣйшемъ событіи, котораго Антіохійскій патріархъ былъ очевидцемъ и участникомъ, — низложеніи Никона.

П. САВЕЛЬЕВЪ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УДѢЛЬНЫХЪ ИМѢНІЙ.

Мы должны познакомить читателей этого отдѣленія съ предметомъ, вполнѣ достойнымъ ихъ любопытства. Книга, изъ которой будемъ заимствовать свѣдѣнія, заслуживаетъ особеннаго вниманія хозяйствующей публики, и по своей цѣли, и по совѣстливости содержанія. Это одинъ изъ тѣхъ опытовъ примѣненія общихъ теорій къ мѣстностямъ, которые намъ такъ нужны и съ которыми однако жъ такъ рѣдко встрѣчаемся мы на поприщѣ бѣдной нашей ученой литературы.

Начальство удѣльныхъ имѣній, открывая въ 1832 году особое Земледѣльческое Училище, чувствовало всю необходимость такого примѣненія теоріи Сельскаго Хозяйства къ мѣстностямъ въ самомъ преподаваніи, и для этой полезной цѣли поручило директору училища, Г. Байкову, лично обозрѣть бо̀льшую часть удѣльныхъ имѣній относительно къ хозяйству. Плодъ его наблюденій сообщенъ теперь публикѣ въ небольшой книгѣ, подъ заглавіемъ: — «Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній въ 1832 и 1833 годахъ».

Слѣдуя порядку, принятому авторомъ, мы обратимся прежде къ имѣніямъ Московскимъ, Костромскимъ, Владимірскимъ, Нижегородскимъ, Казанскимъ, Пензенскимъ, Симбирскимъ и Саратовскимъ, которыя по̀ свойству почвы и климата раздѣляетъ онъ на три класса: къ первому причислены Московскія, Владимірскія и сѣверная часть Костромскихъ и Нижегородскихъ; ко второму южная часть Ко-

стромскихъ и Нижегородскихъ и сѣверная Пензенскихъ, Симбирскихъ и Казанскихъ; къ третьему южная часть трехъ послѣднихъ и имѣнія Саратовскія.

Почва имѣній перваго класса состоитъ частію изъ глины, частію изъ песку, илу, тундръ и кочекъ. Чернозему не болѣе какъ на одинъ вершокъ, и то не вездѣ; но огромный запасъ его заключается въ илѣ, тундрахъ, болотахъ и кочкахъ, и только ожидаетъ рукъ, которыя бы имъ воспользовались. При надлежащемъ искуственномъ пособіи здѣшняя почва можетъ обильно производить всѣ огородныя овощи, садовые фрукты умѣренныхъ климатовъ, кормовыя травы, ленъ, боръ, Сибирскую гречу, горохъ, овесъ, рожь обыкновенную и вазу, ячмень и даже пшеницу. Поэтому авторъ весьма справедливо предпочитаетъ, и здѣсь, земледѣліе рискамъ мануфактурной промышленности, и дѣлаетъ изъятіе только производства тѣхъ простыхъ издѣлій, которыя обратились во всеобщую потребность для Русскаго народа. Изъ числа многихъ примѣровъ, которыми подкрѣпляется это мнѣніе, мы приведемъ хотя одинъ: въ одиннадцати деревняхъ Коломенскаго приказа нѣсколько сотъ десятинъ такъ называемой негодной почвы, употребленныя подъ огородъ, даютъ крестьянину отъ 10 до 25 рублей ежедневно, тогда какъ, въ томъ же приказѣ, люди занимающіеся мануфактурнымъ производствомъ, часто остаются безъ копѣйки.

Въ почвѣ имѣній втораго класса нѣтъ ни хряща, ни жесткой глины; оттого она пропускаетъ въ себя черноземъ вершковъ на шесть и болѣе, и при нѣкоторомъ удобреніи можетъ производить всѣ роды хлѣба въ изобиліи.

Слой тучнаго чернозему составляетъ почву имѣній третьяго класса, и только въ Саратовской губерніи перемежается на значительныя пространства съ сыпучимъ пескомъ и солончаками. Эта почва можетъ производить всѣ роды хлѣба и даже овощей безъ удобренія.

Недостатокъ чернозему, котораго количество зависитъ отъ степени влаги и теплоты, первыхъ условій гніенія и прозябенія, составляетъ отличительное свойство имѣній перваго класса. Почва ихъ, въ нынѣшнемъ ея положеніи, даже будучи оставлена подъ паръ, не производитъ сорныхъ травъ въ надлежащемъ количествѣ, и поэтому до іюня мѣсяца

крестьяне не выгоняютъ скотины на паръ, а пасутъ ее на сѣнокосахъ и полянахъ. Если паръ оказывается безполезнымъ для сорныхъ травъ, какой пользы ждать отъ него для хлѣба? Онъ только отнимаетъ у поселянина третью часть земли, ни сколько не замѣняя удобренія. Лучшее употребленіе, какое можно сдѣлать изъ пара при нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства у крестьянъ, заключается въ томъ, чтобы, подготовивъ землю подъ яровое, вмѣстѣ съ нимъ сѣять кормовыя травы, которыя служатъ для продовольствія скоту, и доставляютъ еще ту выгоду, что недопускаютъ сорныхъ травъ одолѣвать яровое.

Въ имѣніяхъ втораго и особенно третьяго классовъ климатъ и почва вообще такъ благопріятны, что небольшія улучшенія вскорѣ бы довели тамъ хлѣбопашество до цвѣтущаго состоянія Такъ напримѣръ въ имѣніяхъ, лежащихъ по нагорной сторонѣ Волги стоило бы только ввести укатываніе каткомъ вмѣсто бороздчатой воздѣлки, чтобы сѣверовосточные вѣтры, которые господствуютъ тамъ въ маіѣ мѣсяцѣ не выдували влаги изъ сошныхъ посѣвовъ и не вредили тѣмъ качеству урожая. Тамъ же, при уборкѣ хлѣба, было бы весьма полезно замѣнить серпъ косью, потому что медленность, сопряженная съ уборкою серпомъ часто бываетъ пагубна при дождяхъ, наносимыхъ тѣми же вѣтрами въ концѣ іюля и въ августѣ.

Смѣшно сказать, отъ какихъ явныхъ недосмотровъ зависитъ иногда разность въ урожаяхъ на одномъ и томъ же полѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приняты десятины не указныя, а хозяйственныя, которыя бываютъ или косыя, по 80 саженъ въ длину и по 40 въ ширину, или круглыя, то есть квадратныя, по 60 саженъ въ длину и ширину; но крестьяне, основываясь на линейномъ измѣреніи сторонъ, считаютъ ихъ совершенно равными и засѣваютъ одинаковымъ количествомъ зеренъ, тогда какъ на каждую десятину земли выходитъ 400 квадратныхъ саженъ разницы.

Земледѣльческія орудія, употребляемыя въ Московскомъ удѣльномъ имѣніи суть соха, на одинъ и на два сошника, и борона. Недостатки перваго изъ этихъ двухъ орудій слишкомъ извѣстны и увеличиваются еще неумѣніемъ крестьянъ употреблять его въ дѣло. По ихъ мнѣнію, было бы только

вспахано, а о томъ, какъ ляжетъ слой земли, они мало заботятся. Многіе помѣщики съ успѣхомъ замѣнили у себя соху ораломъ Г. Гусятникова, которое дѣйствуетъ и легче и лучше сохи, а обходится не дороже восьми рублей, если крестьянинъ умѣетъ самъ его сдѣлать.

Бороны имѣютъ здѣсь тотъ важный недостатокъ, что всѣ зубья идутъ по нѣсколькимъ прямымъ линіямъ, вмѣсто того чтобъ каждому дѣйствовать особо: изъ тридцати шести зубьевъ только одиннадцать чертятъ особыя линіи, а прочіе только увеличиваютъ вѣсъ орудія.

Крестьяне сѣютъ рожь, овесъ и ленъ для собственнаго употребленія, немного гороху, ячменю, яровой пшеницы и конопли. При всѣхъ полевыхъ работахъ они преимущественно пекутся о томъ, чтобы совершить ихъ къ соотвѣтствующимъ праздникамъ, начиная съ Егорья. Многочисленность родовъ сѣемаго хлѣба происходитъ отъ того, что другіе хлѣба, свойственные почвѣ, крестьянамъ неизвѣстны. Къ сожалѣнію, осенняя пашня, которая бы могла быть такъ полезна, здѣсь вовсе не въ употребленіи. Крестьяне сами знаютъ, что это было бы не худое дѣло, да надо варить пиво къ осеннимъ праздникамъ, съѣздить на рынокъ, на ярмонку, а тутъ, смотришь, и морозы.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Коломенскаго приказа пахатныя поля обращены въ огороды, и притомъ въ ближайшихъ къ Москвѣ введено двухъ-польное, а въ отдаленнѣйшихъ четырехъ-польное хозяйство по Англійской, плодоперемѣнной, безпаровой системѣ. Возможность сбывать овощи и доставать много навозу была поводомъ къ этому удачному нововведенію. Замѣчательно, что крестьяне не хотятъ употреблять навоза человѣческаго, боясь, впрочемъ совсѣмъ напрасно, что онъ сообщитъ овощамъ свойственный себѣ запахъ. Извѣстно, что этотъ навозъ гораздо сильнѣе навозовъ прочихъ животныхъ, и потому удобреніе имъ потребовало бы менѣе трудовъ и времени.

За исключеніемъ этихъ деревень Коломенскаго приказа, крестьяне всѣхъ прочихъ удѣльныхъ имѣній почти не занимаются огородами, и, — что очень странно, — употребляя ежедневно лукъ и тому подобныя растенія, не имѣютъ ни какаго понятія объ ихъ воздѣлкѣ.

Въ Костромскомъ удѣльномъ имѣніи, кромѣ орала, сохи и бороны, употребительны еще косуля, межеумокъ, кривуша и тройная соха.

Косуля есть также родъ орала, но уступаетъ ему въ легкости паханія потому, что оглобли косули придѣланы близъ самой рукоятки, какъ у сохи, отчего пахарю, который держится за рукоятку, гораздо труднѣе владѣть орудіемъ. Межеумокъ, употребляемый только крестьянами Шевальдовскаго приказа, похожъ на косулю, но еще легче въ работѣ для лошади; для пахаря онъ тяжеле орала по той же причинѣ какъ косуля и соха. Кривуша — родъ сохи на одинъ сошникъ, и сопряжена съ такими же неудобствами. Тройная соха дѣлаетъ противъ обыкновенной въ полтора раза бо́льшую борозду, но также оставляетъ невспаханные промежутки.

Крестьяне въ Костромскомъ имѣніи преимущественно сѣютъ озимую рожь и яровой овесъ; тогда какъ здѣсь можетъ родиться лучшая пшеница, полба, боръ и Сибирская греча. Во время посѣвовъ болѣе соображаются съ цвѣтомъ деревъ нежели съ праздниками: посѣвъ овса опредѣляется цвѣтомъ черемухи, посѣвъ пшеницы цвѣтомъ рябины, посѣвъ ячменя цвѣтомъ калины. Это уже поближе къ дѣлу.

Для предохраненія сѣмянъ отъ изсушающихъ весеннихъ вѣтровъ и также для спуска воды, озимое и большая часть яроваго сѣютъ здѣсь «подъ соху», то есть, разбросавъ сѣмяна, пашутъ сохой и потомъ не боронуютъ. Но авторъ убѣдился изъ опытовъ, что при такомъ посѣвѣ очень немногія зерна изъ числа посѣянныхъ участвуютъ въ урожаѣ, во-первыхъ, отъ неровнаго закрытія сѣмянъ землею, во-вторыхъ оттого, что бороздчатая поверхность скорѣе выдувается вѣтромъ. Поэтому плужный посѣвъ и укатываніе каткомъ были бы гораздо полезнѣе сошнаго посѣва, при которомъ теряется около пяти-шестыхъ всего посѣяннаго зерна. По приблизительному расчету, во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ черезъ посѣвъ ежегодно пропадаетъ ржи и яроваго слишкомъ по два милліона четвертей, то есть, по цѣнѣ милліоновъ на восемь. Желательно, чтобы помѣщики сдѣлали у себя подобный расчетъ: они бъ изумились сами огромности своихъ потерь отъ неискуснаго сѣянія.

Чтобы хлѣбъ не выродился, въ Нижегородской губерніи принято правиломъ черезъ три года въ четвертый перемѣнять сѣмяна, то есть, брать ихъ для посѣва изъ другаго отдаленнаго мѣста. «Гораздо вѣрнѣе, говоритъ авторъ, удобрять и воздѣлывать землю, обращать больше вниманія на качество сѣмянъ, употребляемыхъ для посѣва, и очищать ихъ отъ сѣмянъ сорныхъ травъ.»

Въ Симбирскомъ имѣніи пашутъ плугомъ на три лошади, который называется сабаномъ. Онъ очень тяжелъ въ работѣ и выворачиваетъ вдругъ пластъ нови на шесть вершковъ. Послѣ нѣсколькихъ сильныхъ урожаевъ, почва становится менѣе производительною; ни какой плугъ не въ состояніи проникнуть далѣе шести вершковъ, и потому, хотя подъ пашнею остается еще болѣе чѣмъ на аршинъ чернозему, крестьяне говорятъ, что «земля выпахалась.»

Озимый посѣвъ составляетъ одна рожь; яровой — макъ, горохъ, овесъ, пшеница, ячмень, полба, конопля, просо, греча обыкновенная, вайда и серпуха. Въ Пензенскомъ имѣніи посѣвы тѣ же, но гречу сѣютъ больше Сибирскую. Изъ земледѣльческихъ орудій употребительны здѣсь только соха и борона.

Въ Саратовскомъ удѣльномъ имѣніи, по изобилію земли, хлѣбопашество производится выгонною хозяйственною системою: на нови снимаютъ просо, пшеницу бѣлотурку два раза и рожь, затѣмъ оставляютъ подъ выгонъ на четыре года, а тамъ опять обращаютъ подъ новь и засѣваютъ попрежнему. Колонисты пашутъ стариннымъ Брабантскимъ плугомъ, а удѣльные крестьяне сабаномъ; но оба эти орудія тяжелы и неудобны. Въ озимомъ и яровомъ посѣвахъ могутъ быть всѣ роды колосовыхъ и огородныхъ растеній и многія изъ мануфактурныхъ и врачебныхъ. Между прочимъ, созрѣваетъ здѣсь многоколосная пшеница, которая бываетъ самъ 30 — 35.

Кромѣ Московскаго удѣльнаго имѣнія и нѣкоторыхъ деревень Владимірскаго, крестьяне, несмотря на благопріятность почвы и климата нигдѣ не занимаются садоводствомъ. Въ имѣніяхъ Московскомъ, Владимірскомъ и Костромскомъ лошади и коровы у крестьянъ довольно хорошія, но, безъ травосѣянія, не могутъ быть содержимы въ такомъ количествѣ, какого бы требовало надлежащее землеудобреніе. Напротивъ, далѣе къ югу, гдѣ кормъ почти ничего не стоитъ, крестья-

нинъ держитъ скота болѣе, но зато не прилагаютъ ни какого старанія объ улучшеніи или поддержаніи породы: оттого количество скота обыкновенно въ оборотномъ содержаніи къ его качеству.

Въ каждомъ изъ имѣній, о которыхъ мы доселѣ упоминали, есть угодчики или пчеловоды, которые получаютъ отъ пчелъ значительный доходъ. Многіе не занимаются пчеловодствомъ по предразсудку, будто «пчелы не каждому даются въ руку.»

Между крестьянами вездѣ чувствителенъ недостатокъ въ ремеслахъ, необходимыхъ для улучшенія ихъ быта. Во Владимирскомъ и особенно въ Костромскомъ имѣніи работаютъ холсты, пестреди, и прочая, и, при совершенномъ незнаніи фабричныхъ пріемовъ, получаютъ мало прибытка. Самое изнурительное производство для крестьянъ есть выдѣлка сѣраго сукна, извѣстнаго подъ именемъ русака, и чернаго, называемаго рѣшемскимъ. Отъ какихъ страшныхъ хлопотъ и усилій избавила бы ихъ самая простая суковальная мельница!

Вятское и Пермское имѣнія и часть Оренбургскаго по лѣвый берегъ Камы имѣютъ почву лѣсную, — тучный черноземъ, образовавшійся изъ подлѣсныхъ растеній. Гравійная почва, которая произошла отъ разрушенія горнокаменныхъ породъ Уральскаго хребта, господствуетъ въ этомъ имѣніи между рѣлами Уфою и Бѣлой, а на югъ отъ рѣки Діомы — почва степная, черноземистая, но не способная для озимыхъ посѣвовъ вѣроятно по причинѣ каменнаго и соленаго подзема. Лѣсная почва Вятскаго и Пермскаго имѣній чрезвычайно сильна; южная часть Оренбургскаго имѣнія изобилуетъ дикорастущими кормовыми травами, и если къ этимъ важнымъ выгодамъ присоединить еще удобство водяныхъ сообщеній по Волгѣ, естественныя свойства этого края представятся намъ въ самомъ благопріятномъ видѣ. Но хозяйство и здѣсь во младенчествѣ: мѣстами самый лучшій известковый мергель валятъ въ рѣку вмѣсто того, чтобъ пользоваться имъ для удобренія; на луга предназначенные для покоса, пускаютъ скотину до Троицына дня, и потомъ жалуются что не хороша уборка, а между-тѣмъ въ нѣсколькихъ саженяхъ за покосной изгородой встрѣчаются поляны съ отличнымъ сѣномъ, котораго никто не трогаетъ потому

только, что надобно немного разчистить къ нему дорогу. Выгоны для мелкаго и крупнаго скота, такъ называемые телятники и поскотины, отъ небреженія распространяются при иныхъ деревняхъ на три и четыре версты вокругъ деревни, и, по мѣрѣ ихъ распространенія, поля относятся далѣе въ лѣса, которые для этого нарочно выжигаютъ, и, не пахавши, осенью сѣютъ по золѣ рожь. Иногда для заготовки полянъ подъ пашню обдираютъ въ лѣсу деревья, отчего они засыхаютъ и лѣтъ черезъ десять приходятъ въ тлѣніе: тогда вырываютъ пни, и начинается пашня. Крестьяне цѣлыми семьями оставляютъ свои домы и переселяются къ этимъ новымъ пашнямъ, — что извѣстно тамъ подъ именемъ «починка». Починки чрезвычайно благопріятствуютъ лѣни и вредятъ общественности: переселенцы въ глуши лѣсовъ дѣлаются полудикими.

Для обработки употребляютъ сабанъ, — тяжелый неудобный плугъ влекомый, восмью быками. Несмотря на благопріятность почвы и климата, по огородамъ разводится одна капуста, и то въ небольшомъ количествѣ: ее не умѣютъ даже приготовлять въ прокъ. Картофелю чуждаются, ради грѣха велія.

Въ Пермской и Вятской губерніяхъ ведется еще порода малорослыхъ но крѣпкихъ лошадей, выписанныхъ Петромъ Великимъ съ острова Эзеля. О рогатомъ скотѣ мало заботятся, и падежи губятъ его чрезвычайно много. Овцы вездѣ простыя, хотя въ Оренбургскомъ имѣніи можно было бы развести мериносовъ и Ангорскихъ козъ.

Въ Эстляндіи, гдѣ пахатный слой плоскихъ полей не толще трехъ или четырехъ вершковъ и притомъ весьма не твердъ; соха, похожая на Русскую, и составная борона, съ деревянными или желѣзными зубьями, суть орудія соотвѣтствующія своей цѣли. Хлѣбопашество у здѣшнихъ крестьянъ трехпольное и ничѣмъ не лучше Русскаго; но на помѣщичьихъ мызахъ оно производится по многопольной системѣ съ травосѣяніемъ и воздѣлкою картофелю.

Въ Лифляндіи и Курляндіи хозяйство далеко отстало отъ Эстляндскаго; только мельницы вообще хороши въ Остзейскомъ краѣ: вѣтряныя ходятъ на парусахъ и не боятся порывовъ вѣтра, которые такъ часто вредятъ нашимъ досча-

тымъ крыльямъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь хозяйственныя строенія, для которыхъ кромѣ кирпича и дерева употребляется глина, булыжникъ и плита. Послѣдняя составляетъ подземъ почвы въ Эстляндіи и часто выпахивается наружу, отчего поля мѣстами усѣяны камнемъ и представляютъ довольно затрудненій при расчисткѣ бороной.

Въ этомъ обзорѣ хозяйства удѣльныхъ имѣній, мы, разумѣется, должны были ограничиться однѣми общими чертами, не входя въ подробности: цѣль этой статьи — познакомить хозяевъ съ любопытнымъ сочиненіемъ, которымъ они обязаны щедрой заботливости Департамента Удѣловъ, и возбудить въ нихъ охоту къ внимательному его изученію; оно, какъ мы уже говорили, заслуживаетъ его во всѣхъ отношеніяхъ, и они найдутъ здѣсь для себя, на каждой страницѣ, весьма важныя указанія.

ЛОВЛЯ МОРСКИХЪ БОБРОВЪ.

Животное, отъ котораго мы получаемъ дорогой мѣхъ подъ именемъ боброваго, принадлежитъ по-настоящему къ роду выдры, не только по строенію тѣла, но и по нравамъ. Вся разница между бобромъ и рѣчною выдрою состоитъ въ томъ, что мѣхъ перваго больше, мягче, длиннѣе, пушистѣе и имѣетъ лучшій цвѣтъ.

Бобръ составлялъ прежде главную отрасль торговли нашей Американской Компаніи съ Китайцами; но годъ-отъ-году онъ становится рѣже въ водахъ, омывающихъ ея владѣнія, такъ, что можно почти съ точностью опредѣлить время, когда онъ вовсе изведется. Бобры частью истребляются сильнымъ преслѣдованіемъ, частью удалились въ южнѣйшія моря, именно къ Калифорнскимъ берегамъ, гдѣ они въ лѣнивыхъ, несродныхъ къ промыслу Испанцахъ не находятъ такихъ враговъ какъ на сѣверѣ. Въ портѣ Св. Франциска они, во время нашего присутствія, довольно часто показывались, такъ, что намъ однажды случилось убить весломъ молодаго бобра, который вынырнулъ подлѣ нашего катера.

Алеутамъ, около Лисьихъ Острововъ и въ Архипелагѣ сѣверо западнаго берега Америки, они не такъ легко даются въ обманъ: только въ солнечный день, когда бобръ спитъ на спинѣ на поверхности воды, это боязливое и осторожное животное дѣлается иногда ихъ добычею.

Около Лисьихъ Острововъ Алеуты выѣзжаютъ на бобровый промыслъ въ проливы по-одиначкѣ на своихъ байдаркахъ, не производящихъ въ ходу ни какого шума. Завидѣвши спящаго на водѣ бобра, Алеутъ старается прибдизиться къ нему съ лѣвой стороны, и ежели ему удалось подплыть на разстояніе восьми или девяти саженъ, не пробудивъ животнаго, оно — уже вѣрная его добыча: тогда онъ съ невѣроятною точностью пускаетъ въ него свою стрѣлку, и пронзаетъ ему сердце. Бобръ, проснувшись, въ моментъ смерти, съ перваго жару покушается нырнуть и скрыться отъ своего непріятеля, но стрѣлка, которой костяная оконечность съ острымъ кремнемъ пронзила его, снабжена у древка легкимъ пузыремъ, не допускаетъ ему глубоко опуститься, и подымаетъ мертвое тѣло на поверхность воды. Снявъ шкурку, Алеуты бросаютъ мясо, не употребляя его ни въ какую пищу.

Въ проливы около Ситхи посылаются на охоту всѣ Алеуты, умѣющіе убивать бобровъ, и производятъ ее дружно: пространство между островами не такъ велико, чтобы бобръ, нырнувъ, могъ опять выйти изъ воды не въ кругу ихъ зрѣнія, и пораженное стрѣлою животное никогда не ускользаетъ отъ ихъ проворности. ***

=

ОБЪ УТУЧНЕНІИ ЗЕМЛИ СКОТСКИМИ НАВОЗАМИ,

СВОЙСТВѢ НАВОЗОВЪ, ЧИСЛѢ СКОТА НУЖНОМЪ ДЛЯ УДОБРЕНІЯ РАЗЛИЧНЫХЪ ПОЧВЪ, ИСТОЩЕНІИ ПОЧВЫ УРОЖАЯМИ И ВОЗВРАЩЕНІИ ЕЙ ПЛОДОРОДНОСТИ.

=

Часть первая.

=

Посудите, до какой утонченности уже дошла образованность на бѣломъ свѣтѣ! Есть щеголи критики, которые говорятъ, что слово «навозъ» — въ высшей степени неблагопристойно, и что оно уже исключено изъ многихъ словарей. Есть изящные нравы, которые путешествуютъ по земному шару въ калошахъ, и между-тѣмъ гнушаются навозомъ, — источникомъ всякаго хлѣба, основаніемъ народнаго богатства, полезнымъ и благороднымъ предметомъ, котораго само названіе происходитъ отъ невиннаго глагола «возить»! Есть чувствительныя обонянія, которыя не могутъ вынести даже запаху слова «навозъ» на бумагѣ. Что прикажете дѣлать съ такимъ аристократическимъ расположеніемъ ихъ критическаго носа! Навозъ — слово неблагопристойное! А мы, благодаря успѣхамъ знанія, выучились нынче на Руси называть навозомъ, между прочимъ, глину, песокъ, золу и кости. Слово «навозъ» исключено изъ многихъ словарей! Покажите мнѣ эти словари, — я докажу, что у нихъ также нѣтъ ни «кола» ни «двора».

Я всю жизнь говорилъ о навозѣ, и буду говорить о навозѣ, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ.

Часто случается слышать между хлѣбопашцами споры и вопросы о томъ, сколько надобно скота для удобренія десятины пашни; какой навозъ лучше, осенній или весенній; глубоко или мѣлко должно запахивать навозъ въ землю; сколько можетъ доставить корова въ годъ масла, дать дохода. Одни говорятъ, что надобно имѣть не менѣе семи скотинъ на десятину; что навозъ весенній, крупный, не перепрѣлый лучше для хозяйства, потому что имъ устилается земля гораздо больше нежели осеннимъ, лежавшимъ цѣлое лѣто на одномъ мѣс-

тѣ и перегорѣвшимъ; что необходимо запахивать навозъ въ землю глубоко, чтобъ онъ не терялся, и даже выставляющійся наружу засыпать землею; что отъ коровы можно получить въ годъ кромѣ творогу отъ 20 до 30 фунтовъ топленаго масла, и требовать отъ скотницы пуда съ коровы безжалостно. Другіе увѣряютъ, напротивъ того, что на десятину довольно имѣть три четыре скотины; что осенній навозъ, зрѣлый, перепрѣлый, гораздо хлѣбороднѣе весенняго; что какъ-можно мельче надобно покрывать навозъ землею, и что полезно даже просто разстилать его поверьху земли; что корова можетъ дать въ годъ пять шесть пудовъ масла. Другіе, ссылаясь на опытъ, утверждаютъ, что и десять скотинъ не слишкомъ жирно унаваживаютъ землю они и, обыкновенно покрываютъ споры истиною, по мнѣнію ихъ неопровергаемой—чѣмъ больше на дворѣ скота, тѣмъ больше накопится навозу; чѣмъ больше положено въ землю навозу, тѣмъ она будетъ хлѣбороднѣе; чѣмъ крупнѣе корова, тѣмъ больше дастъ молока, и слѣдственно масла и доходу.

Ничего не можетъ быть сбивчивѣе этихъ неопредѣленныхъ отвѣтовъ, пустѣе этихъ безконечныхъ споровъ. Они явно доказываютъ, что спорящіеся мало вникали въ сущность дѣла, и незнакомы съ расчетливымъ и правильнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Такіе важные предметы земледѣлія и скотоводства, какъ скопъ и особливо утучненіе земли, отъ котораго зависятъ урожаи и слѣдственно доходы помѣстья, должно разсматривать во всѣхъ отношеніяхъ, наблюдать со всею точностью, обнять во всей обширности.

Вопросъ — сколько надобно имѣть скота для удобренія десятины пашни, говоря просто, безъ иносказаній, приводится къ слѣдующему: сколько надобно положить навозу на десятину, чтобъ хорошо ее удобрить? Съ этимъ вопросомъ соединенъ другой: сколько скотинъ могутъ доставить это количество навозу при извѣстномъ кормѣ и подстилкѣ? Не скотъ удобряетъ собою землю, а навозъ, составляющійся изъ помету скотскаго, изъ корму и подстилки. Здѣсь открывается обширное поле для изслѣдованія, наблюденій, опытовъ, и понятія требуютъ большой опредѣленности; являются новые, неразлучные съ прежними вопросы: Какой скотъ, рогатый, крупный или мелкій, или лошади, и какого достоин-

ства, находятся на скотномъ дворѣ для удобренія земли? Какой кормъ дается скоту? по обыкновенію ли стариннаго хозяйства — солома и изрѣдка на-милость сѣно въ морозы, и то съ верховъ и подстожья сѣнныхъ скирдъ, или сочный, питательные овощи, отличное сѣно, и въ какомъ количествѣ? Въ какомъ количествѣ и какого качества употребляется подстилка? Сколько времени скотъ будетъ находиться въ полѣ и на дворѣ въ теченіи года? Берутъ ли скотъ лѣтомъ на скотный дворъ и кормятъ ли сочными зелеными травами? Какое помѣщеніе скоту зимою, теплое, или холодное, въ которомъ пометъ замерзаетъ? Какую почву надобно удобрить, черноземную, песчаную или глинистую, истощенную или довольно плодоносную? И наконецъ какого пространства десятина удобряемая, сороковая, хозяйственная или казенная тридцатная, четвертою частію менѣе сороковой?

Изъ всего этого составляется особое звено обширной цѣпи сельскаго хозяйства, особая сфера дѣйствій съ своими принадлежностями, раздѣленіями, цѣлая система мѣръ, которыя надобно согласить, чтобы онѣ не разногласили, не влекли за собою несообразностей, но представляли одно правильное цѣлое. Въ этой сферѣ нельзя ничего дѣлать самопроизвольно, наугадъ, слѣпо, безъ расчета, безъ правилъ науки. Въ этой сферѣ вы имѣете полную свободу дѣлать хорошее благоразумно, повѣрять мысль дѣломъ и обратно, открывать новые источники выгодъ, совершенствовать. Вотъ что значитъ навозъ, котораго имени вы не можете произнесть ни написать! Naturalia non sunt turpia. Что естественно, то не гнусно, сказалъ одинъ мудрецъ, который зналъ по-Латыни, — языкъ претрудный для многихъ критиковъ.

Изъ всѣхъ таинствъ природы, изъ всѣхъ ея чудесъ, ни одно столько не поражаетъ и не останавливаетъ гордаго разума, который силится ихъ разгадать и объяснить, какъ возрожденіе цѣлаго растительнаго царства изъ перегнившихъ остатковъ, животныхъ и растительныхъ. Пышные цвѣты, вкусные плоды, сами даже животныя, люди и критики, извлекаютъ свою пищу одни прямо изъ этихъ, повидимому ничтожныхъ, землистыхъ остатковъ органическаго царства, другіе изъ веществъ, переработанныхъ его произведеніями. До-

сихъ-поръ это тайна природы. Процессъ ея не разгадаемъ. Но сведемъ факты, открытые наукою, и мы будемъ имѣть понятіе о самомъ матеріалѣ питанія растеній. Разсмотримъ средства его накопленія, его преобразованіе, свойства, степени зрѣлости, переходъ въ послѣдній видъ и появленіе въ органахъ растеній и животныхъ: это столько же важно и любопытно, какъ самое величественное и блистательное явленіе въ природѣ или въ литературѣ.

Прежде всего опредѣлимъ что такое — утучненіе. Отчего происходитъ сообщеніе почвѣ матеріала питанія растеній? Отъ присоединенія къ почвѣ, какого бы рода ни было, остатковъ растительныхъ и животныхъ. Однако жъ эти остатки не въ собственномъ, не въ настоящемъ видѣ переходятъ въ растенія и служатъ имъ пищею; напередъ должны они претерпѣть измѣненіе, перейти черезъ всѣ степени гніенія, послѣ котораго не остается уже ни какихъ прежнихъ признаковъ ни растенія, ни животнаго, ни его изверженій, но составляется однообразная масса, — землистый остатокъ, называемый перегноемъ, черноземомъ, humus. Но и черноземъ не переходитъ непосредственно въ растенія, а питаетъ ихъ слизь, составляющуюся изъ чернозему, которая образуется не иначе какъ при дѣйствіи растеній, въ удобно приготовленной для того почвѣ, подъ вліяніемъ свѣта, теплоты, воздуха, влаги или дождя.

Эта слизь, или такъ называемый плодоносный сокъ, образующійся въ землѣ изъ чернозему, всасывается корнемъ растеній и передѣлывается каждымъ изъ нихъ въ свой собственный. Слизь составляется не вдругъ, но постепенно, отъ дѣйствія самого растѣнія и силою природы. Были примѣры, что черноземъ промытый водою, лишенный слизи, которая растворилась въ водѣ, переставалъ давать питаніе растенію, пока снова не образовалась изъ него слизь отъ взаимнаго и соразмѣрнаго дѣйствія условій произрастанія, — теплоты, воздуха и влаги. Составъ почвы содѣйствуетъ или останавливаетъ образованіе слизи. Самая богатая черноземная почва можетъ потерпѣть совершенный неурожай, если къ ней недоступны производители слизи, или питательнаго соку, — воздухъ теплота и влага; если на ней образуется кора непроницаемая, какая нерѣдко бываетъ на пахотныхъ чернозем-

ныхъ поляхъ нашихъ южныхъ губерній. Спрашивается: удовлетворяетъ ли всѣмъ условіямъ произрастанія обработка земли въ нашихъ степныхъ губерніяхъ въ Малороссіи и Новороссійскомъ Краѣ, гдѣ почва земли съ черноземомъ плодоноснымъ, но липкимъ, клейкимъ, легко превращается на поверхности въ кору? требуетъ ли эта благословенная почва искусства со стороны человѣка для неизмѣнныхъ урожаевъ? много ли искусства въ земледѣліи тѣхъ странъ? нужно ли поучиться сельскому хозяйству тамошнимъ земледѣльцамъ, хотя у нихъ и богатѣйшая почва, и обширныя, необозримыя земли; нужно ли присоединить познанія къ благодатной природѣ, понять свою природу и тѣмъ доставить свободное развитіе производящимъ силамъ ея? Это вопросы, на которые довольно и убѣдительно отвѣчали бывшіе неурожаи.

Всѣ вещества изъ животнаго и растительнаго царства, какія бы ни были? солома, костра, щепки, хворостъ, опилки, кожа, рога, копыта, шерсть, пометы животныхъ и прочая, должны непременно прежде разрушиться или не быть, чѣмъ были, — сгнить, превратиться въ безразличіе, въ землистый остатокъ, чтобы составить матеріалъ питанія растеній. Но гніеніе совершается только тогда, когда къ веществамъ доступны, въ одно и то же время, воздухъ, теплота и влага. При отсутствіи котораго-нибудь изъ нихъ, гніеніе останавливается, вещество перестаетъ разрушаться и не принимаетъ въ себя землистаго остатка чернозему, который одинъ только имѣетъ свойство претворяться въ сокъ питательный для растеній. Мясо, сырая кожа, болѣе всего подверженныя гніенію, лишенныя влаги или высушенныя, не портятся; замороженныя, также не измѣняются. Дерево, погруженное въ воду или покрытое толстымъ слоемъ земли, цѣлый вѣкъ пролежитъ безъ порчи. Туки, заваленные глубоко землею, сквозь которую не достигаютъ къ нимъ теплота, воздухъ и влага, остаются въ землѣ безъ измѣненія.

При гніеніи вещество разлагается и принимаетъ другой видъ. Природа всѣми силами своими участвуетъ въ этомъ измѣненіи и возрожденіи вещества: мы видимъ ихъ, въ отдѣльномъ дѣйствіи, въ двухъ главныхъ пружинахъ всякой жизни, — электро-магнитизмѣ и химизмѣ; послѣдняя изъ нихъ

заключаетъ въ себѣ броженіе, раствореніе и кристаллизацію. Броженіе, или гніеніе, можетъ происходить только при вліяніи воздуха и влаги, а теплота для него необходима какъ всеобщій возбудитель дѣятельности въ веществѣ. Вещество, постепенно разрушаясь, принимаетъ видъ однообразной массы перегноя, или чернозему, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый процессъ его ослабѣваетъ, такъ, что, при дѣйствіи только корня растеній и возобновленномъ вліяніи воздуха, теплоты и влаги, онъ снова возбуждается, и превращаетъ черноземъ въ слизь, — первоначальный видъ организма: въ этомъ-то уже видѣ черноземъ служитъ матеріаломъ питанія для растеній.

Гніеніе бываетъ слабое, тихое, медленное, постепенное; или сильное, быстрое, особливо при усиленіи теплоты. Чтобы умѣрить жаръ и быстроту гніенія веществъ органическихъ, навозовъ или туковъ, чтобъ воспрепятствовать имъ превращаться только въ одно вещество, когда лежатъ они наружѣ именно въ воздухообразное, газъ, смѣшиваютъ ихъ съ веществами неорганическими, которыя не гніютъ съ землями. Разныя почвы имѣютъ различное вліяніе на измѣненіе туковъ и превращеніе ихъ въ черноземъ, а его въ питательную слизь. Песчаная и извѣстковая ускоряютъ, а глинистая и иловатая, замѣдляютъ гноеніе; черноземная мгновенно соединяется съ туками. Очевидно, что на почвахъ песчаныхъ, извѣстковыхъ и черноземныхъ, можно и должно заваливать туки и навозъ гораздо глубже землею нежели на почвахъ глинистыхъ и иловатыхъ, именно длятого чтобы тукъ, отъ быстраго гніенія близь поверхности, не изчезалъ скоро, тѣмъ болѣе, что сквозь эти почвы воздухъ, дождь и теплота имѣютъ къ нимъ свободный доступъ. Гніеніе въ этихъ почвахъ совершается безостановочно, хотя бы сгнивающія вещества находились подъ значительнымъ слоемъ земли; на почвахъ глинистыхъ, иловатыхъ, полезнѣе, напротивъ того, запахивать навозъ мельче, потому что глина и видъ ея, илъ, не пропускаютъ свободно къ тукамъ воздуха, влаги и теплоты.

На почвахъ глинистыхъ оказываетъ чудесное дѣйствіе навозъ едва запаханный, и даже разостланный по верху земли, уже на засѣянной хлѣбомъ. Глинистую, холодную почву онъ

сверху согрѣваетъ, и въ то же время питаетъ онъ зерно своимъ сокомъ.

Спросятъ: сколько надобно класть тука въ землю? На черноземную, разумѣется, какъ-можно меньше. Когда черноземная почва перестала давать богатыя жатвы, это признакъ что она требуетъ оживленія, требуетъ утраченной силы превращаться снова въ слизь или питательный сокъ земли. Возовъ 60 скотнаго навоза достаточно на сороковую десятину черноземной почвы, чтобъ возвратить ей плодородіе. Напротивъ того на десятину глинистой, песчаной, извѣстковой, особливо если онѣ уже истощены, должно класть навозу бо́льшее количество. Глинистая, истощенная, сколько бы ни положили навозу, съ одного разу унавоживанія не можетъ дать хорошаго урожая пока современемъ не напитается навозомъ, не переработается, не соединится съ нимъ всѣми своими частями. Напротивъ, песчаная и извѣстковая почвы даютъ урожай немедленно послѣ унавоживанія; но зато тукъ не долго держится въ этихъ почвахъ; для вторыхъ и третьихъ жатвъ мало остается въ нихъ питательнаго соку. И такъ — вообще должно поставить за правило, песчаныя почвы унавоживать чаще въ теченіе времени, хотя не сильно, а глинистыя рѣже, но сильнѣе; тогда можно надѣяться всегда хорошихъ урожаевъ отъ почвы песчаной, еще не вовсе истощенной, если на каждый квадратный шахматъ въ 5 саженъ длины и ширины положить возъ въ 15 и 16 пудовъ навозу, а всего на сороковую десятину въ 3,200 саженей 128 возовъ; на десятину глинистой, такого же достоинства не менѣе 160 возовъ, разбивая десятину на шахматъ въ 5 саженъ длины и въ 4 сажени ширины: этимъ количествомъ навозу вся поверхность десятины покрывается почти безъ пустыхъ мѣстъ. Песчаная почва отъ 128 возовъ скотнаго навозу можетъ терпѣть до четырехъ лѣтъ и приносить хорошія жатвы безъ повторенія унавоживанія, а глинистая до пяти. Почвѣ глинистой приличнѣе сѣвообороты многопольные, многолѣтніе, а песчаной напротивъ.

До какой степени зрѣлости должно доводить скотскій навозъ. Другими словами, до какой степени подстилка, положимъ солома, смѣшанная съ пометомъ животныхъ, должна гнить, приближаться къ состоянію землистаго остатка чер-

нозему, чтобъ этотъ тукъ могъ доставлять дѣйствительную пользу и приносить хорошій урожай? Тутъ опять должно обратиться къ мѣстности и почвамъ. Всякій навозъ во время своего гніенія дѣлается теплымъ, особливо конскій. Корова имѣетъ два желудка, лошадь одинъ. Кормъ у коровы переработывается совершенно, у лошади мало. Изверженіе лошади наполнено не измѣнившимися остаками корму, который тотчасъ самъ собою, безъ подстилки, продолжаетъ въ землѣ свое недокончанное превращеніе въ черноземъ, или сгниваетъ съ жаромъ. Для земель глинистыхъ, холодныхъ, нуженъ навозъ горячій, не слишкомъ зрѣлый, не слишкомъ перепрелый. Пусть превращеніе его въ землистый остатокъ совершается въ самыхъ нѣдрахъ холодной почвы, согрѣваетъ ее и рыхлитъ. Сверхъ-того подъ какой хлѣбъ или овощъ требуется унавоживаніе? Если подъ колосовый хлѣбъ, то навозъ и вообще всякій тукъ долженъ быть самый зрѣлый, хотя бы настоящій черноземъ. Колосовой хлѣбъ требуетъ себѣ тотчасъ готоваго матеріала питанія, чтобъ скорѣе совершить періоды произрастанія и достигнуть скорѣе единственной цѣли, предположенной ему самою природою — принести зерна или плодъ. Садовые цвѣты напротивъ, живутъ кажется, только для цвѣтенія, прелести и благоуханія. Они всего долѣе продолжаютъ цвѣтеніе, — одинъ полезный періодъ ихъ произрастанія; но цвѣтеніе колосовыхъ хлѣбовъ едва замѣтно. Для всякаго колосоваго хлѣба тукъ незрѣлый, мало еще приблизившійся на мѣстѣ своего накопленія къ состоянію перегноя, продолжающій и въ нѣдрахъ пашни сильное гніеніе, вреденъ. Онъ заставляетъ растеніе сильно бѣжать въ стволъ, разбрасываться въ пышные листы, долѣе цвѣсти, долѣе не созрѣвать. Отъ него выростаетъ высокая солома, которая полегаетъ, и вообще стволъ всегда бываетъ съ небольшими колосьями и съ малымъ количествомъ зеренъ. Но подъ корнеплодные овощи, подъ стручковые, подъ широко-лиственные, капусту, огурцы, бобъ, марковь, свеклу съ большою пользою идетъ тукъ незрѣлый, неперепрелый, довершающій превращеніе свое въ черноземъ въ нѣдрахъ земли. Пусть отъ первой силы навозу, отъ теплоты броженія, отъ водянистыхъ, воздухообразныхъ частицъ, нѣжится и дѣлается сочнѣе и пухлѣе всякій корень, — морковь, репа, свекла; пусть

образуются широкіе листы капусты, выростаетъ огромный огурецъ, длинный стручекъ бобовый и гороховый, тѣмъ лучше. Всѣ вообще широко-лиственныя травы и хлѣба, гречиха, трилистникъ, любятъ навозъ неперегорѣлый, который подъ ними зрѣетъ и сдабривается безъ вреда имъ. Въ плодопеременномъ полеводствѣ именно ни подъ какимъ видомъ недопускается, чтобъ колосовой хлѣбъ сѣялся тотчасъ по землѣ унавоженной; въ плодопеременномъ полеводствѣ поставлено за правило сѣять по навозу растенія предшествующія колосовымъ, именно кормовыя травы, широко-лиственные хлѣба, корнеплодные овощи, и послѣ нихъ уже пускать колосовой хлѣбъ, для котораго нуженъ готовый матеріалъ питанія, — черноземъ, немедленно обращающійся въ слизь, или питательный сокъ, необходимый для образованія и налива зеренъ.

Длячего нужна подстилка на скотныхъ дворахъ и какія ея свойства? Можетъ ли пометъ животныхъ быть самъ по себѣ годенъ для растеній безъ подстилки? Нѣтъ. Коровій пометъ жидокъ, жгучъ; падая прямо на землю, онъ прекращаетъ произрастеніе, выѣдаетъ на лугахъ самые корни травъ, и безъ подстилки, или сухихъ растительныхъ веществъ, полевыхъ, лѣсныхъ, водяныхъ и болотистыхъ, соломы, костры, древесныхъ листьевъ, сучьевъ, щепъ, опилокъ, осоки, камыша, тины, мховъ или всякой сухой травы, болотной земли, торфу, этихъ полу-сгнившихъ кореньевъ болотныхъ растеній, всякій пометъ, особливо коровій, вреденъ для растеній. Сухіе растительные навозы умѣряютъ излишнюю ѣдкость пометовъ и мочи, и сами отъ нихъ скорѣе перегниваютъ въ черноземъ. Для здоровья скота необходима подстилка, сохраняющая сухость и чистоту скотнаго двора. Кромѣ того, пометъ и моча вмѣстѣ съ подстилкою ровнѣе распредѣляются въ землѣ, и прочнѣе на продолжительное время ее удобряютъ; свойство тѣхъ и другихъ есть превращеніе, сколько возможно поспѣшнѣйшее въ безразличную массу, — перегной, или черноземъ, доставляющій растеніямъ питательный сокъ.

Здѣсь изумляетъ наблюдателя чудесное дѣйствіе природы. Извѣстно, что черноземъ, или перегной, образовавшійся изъ пометовъ и подстилки, имѣетъ всегда видъ однообразной, землистой массы, но свойство, или сила, этой массы бы-

ваетъ совершенно различна въ плодородіи. Иная слаба и неплодоносна, другая сильна и питательна для растеній: чѣмъ питательнѣе кормъ для животныхъ, чѣмъ плотнѣе и тверже были растительныя вещества, употребленныя въ подстилку, тѣмъ перегной ихъ бываетъ сильнѣе и хлѣбороднѣе, при всякой степени зрѣлости. Отъ корму животныхъ сѣномъ лучшихъ кормовыхъ травъ, овощами, зернами, и еще болѣе отъ мясной пищи, пометы ихъ бываютъ самые хлѣбородные. По той же причинѣ ржаная солома предпочитается на подстилку соломѣ гречневой и яровой; эта лучше листьевъ; щепы и опилки плодороднѣе ржаной соломы, и т. д.

Конскій пометъ въ обыкновенныхъ хозяйствахъ бываетъ всегда плодоноснѣе коровьяго, потому что происходитъ отъ лучшаго корму. Лошадямъ даютъ сѣно и нерѣдко овесъ, коровамъ большею частію солому, рѣдко сѣно. Но если и рогатому скоту дать одинаковый кормъ съ лошадьми, удобреніе ничѣмъ не уступитъ конскому, кромѣ того, что конскій навозъ всегда горячѣе.

Овечій и козій помстъ самъ по себѣ почти чистый черноземъ. Онъ и безъ подстилки отмѣнно питателенъ и тотчасъ превращается въ слизь. Отъ овецъ, пасущихся на поляхъ пахотныхъ и загородкахъ, земля удобряется несравненно лучше нежели отъ коровьяго навоза. Свиной навозъ, если кормъ былъ хорошій, добротенъ. Птичій, заключающій въ себѣ извѣстковыя, ѣдкія части, полезенъ еще для возбужденія почвы къ плодородію; но отъ людей, отъ ихъ хлѣбной и мясной пищи, получается навозъ, который превосходитъ своею силою и плодородіемъ всѣ прочіе. Изъ него дѣлается порошекъ, называемый пудретомъ, съ примѣсью извести; также уринатъ, изъ мочи. Пудретъ, разсѣянный по взошедшему хлѣбу, дѣлаетъ волшебное дѣйствіе: съ одной стороны известь, возбудительное средство, съ другой необыкновенная питательность, быстро оживляютъ растенія и доставляютъ отличные урожаи хлѣба, — но только на одинъ разъ, для одной жатвы, и уже взошедшей; для овощей, которымъ нужна распашка глубокая, пудретъ не годится. Пудретъ дѣйствуетъ только на зелень и на взошедшій хлѣбъ, по окончаніи обработки. Мелкія его части исчезаютъ въ пашнѣ, сколько бы неглубоко земля ни пахалась. Уринатъ собирается въ особыя хранилища, и отмѣнно поле-

зенъ для компостовъ, или гноищъ, которыя въ чужихъ краяхъ составляются почти у всякаго земледѣльца.

Компосты, или гноища, не что другое какъ кучи всякаго сору, который ежедневно или еженедѣльно сметаютъ опрятные иностранные земледѣльцы съ дворовъ, улицъ и изъ жилищъ и потомъ складываютъ въ одно мѣсто для гніенія. У нихъ, для компостовъ, есть особые дворы, вымощенные камнемъ, чтобы сокъ не уходилъ въ землю. Всѣ упорныя къ гніенію вещества, — рога, копыта, остатки одежды льняной и шерстяной, перья, обрѣзки кожъ, щепы, смѣшиваются послойно съ навозомъ, преимущественно конскимъ, посыпаются известью, и составляютъ остроконечныя высокія груды со скважиною въ срединѣ. По-временамъ поливаютъ ихъ уринатомъ, навозной жижей, или просто водою; перемѣшиваютъ и переваливаютъ на другое мѣсто по нѣскольку разъ въ годъ, чтобъ допустить къ нимъ воздухъ. Черноземъ, образующійся изъ компостовъ отмѣнно силенъ и хлѣбороденъ.

Иностранцы еще удобряютъ землю костями, которыя изрѣзываютъ въ мелкіе куски особою машиной. Имѣя студенистыя части, всякія кости доставляютъ матеріалъ питанія растеніямъ, а своей известью поправляютъ, и нѣсколько возбуждаютъ къ плодородію, составъ почвы; но при удобреніи земли и луговъ костями, земледѣлецъ долженъ быть отмѣнно остороженъ: есть примѣры, что кости, купленныя у неизвѣстныхъ продавцевъ, оставшіяся отъ хворыхъ или зачумленныхъ животныхъ, были причиною неожиданныхъ скотскихъ падежей. Кажется, какъ бы давно не послушатся нашимъ сельскимъ хозяйствамъ добрыхъ совѣтовъ, о которыхъ безпрестанно твердятъ въ земледѣльческихъ книгахъ, не завести у себя дворовъ для компостовъ, или гноищъ, и не удобрять земли костями? Но прежде всего надобно узнать, возможенъ ли въ Русскомъ хозяйствѣ этотъ трудъ, и стоитъ ли онъ хлопотъ и издержекъ? Намъ не должно выпускать изъ виду, что, у иностранцевъ, пахотныя поля и луга — небольшаго пространства, что у нихъ ферма, имѣющая до сорока десятинъ пашни и луговъ, есть уже знатное хозяйство, доставляющее двадцать и болѣе тысячь доходу. У насъ помѣстье съ такимъ пространствомъ земли почитается ничтожнымъ. До-сихъ-поръ наше Русское земледѣліе тянется

въ ширь, а не въ глубь; хочетъ овладѣть большимъ пространствомъ земли и угодій, имѣть всего много, — и ни съ чѣмъ не совладѣетъ, — и всѣхъ сельскихъ произведеній собираетъ очень мало. Оно привыкло дѣлать все въ большихъ размѣрахъ, заводить огромныя поля, разчищать необозримые луга и выгоны, безъ которыхъ не можетъ обойтися, хотя они составляютъ истинное бремя для хозяина. На крестьянское тягло, то есть, на мужа съ женою, полагается въ Домосковныхъ губерніяхъ обработывать господской пашни отъ 1 до $1^1/_4$ сороковой десятины въ полѣ, и въ двухъ другихъ по стольку жъ, кромѣ своей, крестьянской; а въ степныхъ и южныхъ губерніяхъ отъ 2 до 3 десятинъ въ каждомъ изъ трехъ полей. Ужасное пространство! Какъ возможно воздѣлать не то превосходно, а сколько-нибудь хорошо, какъ удобрить тучно эту обширную, необъятную пашню, подавляющую всякій трудъ своей огромностью. Мы видимъ и чувствуемъ все это; но безъ помощи науки и многолѣтнихъ опытовъ измѣнить не смѣемъ и не можемъ. Отъ разности размѣра хозяйствъ нашихъ и чужеземныхъ происходитъ разница во всѣхъ правилахъ хозяйства и дѣлопроизводства: намъ не должно подводить подъ одинъ уровень Пигмеевъ и великановъ. Что превосходно, умно и нетрудно у иностранцевъ, то въ нашъ вѣкъ, въ нашемъ положеніи хозяйства, представляетъ однѣ хлопотливыя затѣи, не вознаграждающія трудовъ. Въ Фроловскомъ пятипольномъ полсводствѣ, при сорока четырехъ тяглахъ крестьянъ, унавоживается двадцать пять сороковыхъ десятинъ. Отмѣнно много! Въ этомъ согласится всякій сельскій хозяинъ, вникавшій въ свое дѣло. Спрашивается: какой обширности надобно было бы имѣть особый дворъ для компостовъ, или гноищъ, если бы хоть треть всего удобряемаго тамъ поля, положимъ восемь сороковыхъ десятинъ, рѣшились мы удобрять компостами? сколько надобно имѣть сору, чтобъ накопить тука для этихъ восьми десятинъ? Положимъ по 160 возовъ на каждую десятину, — а всего 1280 возовъ, по Русскому хозяйству. Фроловское хозяйство, засѣвающее рожью двадцать пять десятинъ, есть небольшое. Что жъ сказать о хозяйствахъ, засѣвающихъ озимымъ хлѣбомъ по полутораста десятинъ въ полѣ, и въ другомъ по стольку жъ, въ одной усадьбѣ? Какія тутъ найти средства для удобренія земли, которая, всё-равно

въ большихъ и малыхъ хозяйствахъ, неминуемо дѣлается безплодною, оставаясь безъ удобренія? Въ нашихъ Русскихъ хозяйствахъ должно дѣйствовать по-своему. Должно во всемъ начинать съ первыхъ шаговъ и со способовъ легкихъ, удобоисполнимыхъ. Прежде хлопотливыхъ затѣй о компостахъ, о сборѣ огромнаго количества сору, должно употребить средства, которыя дешевы и всегда подъ руками, — выкашивать травы, растущія вокругъ усадебъ, дворовъ, заборовъ, и пастней; сметать хотя еженедѣльно соръ съ дворовъ и улицъ и все это топить на площадкахъ нашихъ скотныхъ дворовъ; грузить въ нихъ цѣлые ометы соломы; если своей недостаточно, поставить за непремѣнное правило покупать солому и, не жалѣя, застилать ею свои дворы, такъ, чтобъ мокроты на нихъ вовсе не было; навозной жидкости ни подъ какимъ видомъ не спускать съ двора ни въ особыя ямы, ни на улицу. Нашимъ сельскимъ хозяйствамъ нужно множество удобренія для обширныхъ пахотныхъ полей и необозримыхъ луговъ; необходимо сильное унавоживаніе пашни по причинѣ трехпольнаго зерноваго полеводства, по свойству котораго, отъ ежегодныхъ посѣвовъ сильныхъ колосовыхъ хлѣбовъ, земля чрезвычайно истощается. Мокрота на скотныхъ дворахъ для нашихъ сельскихъ хозяйствъ благотворна, потому что доставляетъ возможность накоплять большое количество навозу тому, кто не скупится покупать солому на подстилку въ большомъ количествѣ. За рубль, десять и двадцать рублей возвратятся за эту издержку. Въ Русскихъ хозяйствахъ хозяинъ долженъ, вставая и ложась твердить самому себѣ и вперять прикащикамъ: покупайте, покупайте какъ-можно больше соломы ежегодно на подстилку, и никуда не спускайте навозной жидкости со скотныхъ дворовъ; застилайте, загружайте ихъ всѣмъ, — соломой, кострою, сухими травами, камышомъ, папоротникомъ, листьями, лапами хвойныхъ деревъ, болотнымъ черноземомъ, всѣмъ, что имѣете органическаго подъ руками; стократно вознаградятся труды и издержки ваши хлѣбородіемъ полей.

Но гдѣ взять соломы, если всѣ наши хозяева станутъ покупать ее ежегодно? Къ несчастію, Наука сельскаго хозяйства, не только въ хижины крестьянскія, долго и напрасно будетъ стучаться еще и въ барскія палаты. На одного забот-

ливаго, разумѣющаго дѣло, сотни тысячь найдутся такихъ, которые не поставятъ за грѣхъ продавать солому; которые непочитаютъ за верховное разстройство хозяйства — лишаться этой завѣтной драгоцѣнности земледѣлія, особливо если ея остается отъ зимняго прокорму скота. Къ сожаленію, долго не будетъ въ Россіи недостатка въ продажной соломѣ. Однако жъ, когда-нибудь наступитъ это время. Въ новый вѣкъ откроются и новыя средства. Умъ неистощимъ на изобрѣтенія въ нуждѣ: теперь воспользуемся тѣмъ, что въ наше время легко и возможно. Легко и возможно — въ вольныхъ и оброчныхъ селеніяхъ покупать за дешевую цѣну солому; тамъ не дорожатъ этимъ важнымъ матеріяломъ питанія растеній, этою могучею пружиною урожаевъ, особливо если посторонніе промыслы были худы и оброковъ заплатить нечѣмъ. Правда, — нужда и законъ перемѣняетъ; но есть примѣры, что цѣлыя селенія, прежде богатыя и хлѣбомъ и скотомъ, обѣднѣли и остаются съ тощими землями, едва возвращающими посѣвы, единственно отъ того, что однажды вздумалось двумъ тремъ нерадивымъ крестьянамъ продать весною солому за хорошую цѣну; какъ язва, обхватила все селеніе эта мнимая, временная выгода, и обратила примѣръ въ обычай ежегодно продавать солому, которая прежде вся шла на удобреніе собственныхъ полей. О, да озарятъ скорѣе познанія въ сельскомъ хозяйствѣ — родныхъ, трудолюбивыхъ, добрыхъ, Русскихъ земледѣльцовъ!

Но до того желаннаго времени повторимъ, скрѣпя сердце, добрый совѣтъ домовитымъ Русскимъ хозяйствамъ — выручайте хоть вы своими прозорливыми мѣрами огромную массу полей и луговъ безплодныхъ при нашемъ земледѣліи; дѣлайте хоть ваши поля плодоносными; покупайте какъ-можно болѣе соломы на подстилку. Топите ее, не жалѣйте, на скотныхъ дворахъ лѣтомъ, осенью, весною при малѣйшей влажности. Не слушайте совѣтовъ мудрой книги «О образѣ построенія скотныхъ дворовъ», — не закрывайте площадокъ скотныхъ дворовъ отъ дождя, солнечнаго свѣта, теплоты и воздуха: самый снѣгъ при таяніи имѣетъ сильное разрѣшающее свойство химизма. Пусть эти дѣятели природы свободно касаются перегнивающихъ органическихъ ве-

ществъ; пусть полною своей силой могущественно приближаютъ къ зрѣлости и къ состоянію плодоноснаго чернозему.

Не одобряю и ямъ у скотныхъ дворовъ, какъ это сдѣлано въ подмосковной, у одного изъ давнихъ нашихъ плодопеременистовъ, Н. М. Гусятникова, впрочемъ отличнаго сельскаго хозяина. Этотъ «пріемникъ» навозной жидкости со скотнаго двора, доставилъ прекрасную страницу покойному Атенею для теоріи гніенія, но на-дѣлѣ онъ отмѣнно вредитъ накопленію на Русскихъ скотныхъ дворахъ, навозу, въ которомъ всего болѣе нуждается трехпольное зерновое полеводство съ своими обширными полями и огромными посѣвами сильныхъ колосовыхъ хлѣбовъ. Пока можно купить соломы, Русскимъ хозяйствамъ нечего бояться излишней мокроты на скотныхъ дворахъ, развѣ — только при большихъ винокурныхъ заводахъ и при скупости покупать солому на подстилку. Нечего опасаться и мокрыхъ годовъ. Пусть больше покупаютъ соломы, когда она дешева. Что мѣшаетъ дѣлать въ хозяйствѣ большіе запасы покупной соломы на случай сухихъ годовъ? Развѣ одно только, что при роскошныхъ затѣяхъ и небережливости нашихъ хозяевъ, въ конторахъ не случается денегъ на пріобрѣтеніе этой главной пружины урожаевъ и доходовъ. Но взгляните на прошедшее, — устрѣмите взоръ въ будущее: всѣмъ уже наскучили голодные годы и нищета; а хлѣбородіе скоро и совсѣмъ прекратится, если мы не озаботимся объ умноженіи навоза и утучненіи земли.

Можно на-время отложить всякія издержки, всякія денежныя пожертвованія на улучшеніе другихъ отраслей хозяйства, — на постройки, прихотливое скотоводство, усовершенствованіе сельскихъ ремеслъ. Это не разстроитъ хозяйства. Но въ немъ одно неотложное и неминуемое, именно, ежегодное хорошее удобреніе пахотныхъ полей, которыя должны ежегодно приносить жатвы, и истощать плодородіе земли. Одно непростительное и навлекающее пагубныя послѣдствія — пагубная незаботливость объ умноженіи землеудобренія и скупость на пріобрѣтеніе веществъ удобряющихъ. Всякое ничтожное удобреніе огромныхъ пахотныхъ полей непримѣтно разстроиваетъ полеводство, съ которымъ связано неразрывными узами скотоводство; подры-

ваетъ ежегодно сельское хозяйство, и наноситъ вредъ землѣ и помѣстью на цѣлые десятки лѣтъ. Истощенную землю и дурной скотъ многолѣтними не усыпными трудами поправить трудно. Ex nihil nihil fit, — изъ ничего выходитъ ничто! Если не будетъ предусмотрительности и пожертвованій для будущаго, не будетъ и пріобрѣтеній въ настоящемъ. Деньга деньгу родитъ — давняя истина; привыкнемъ къ ней, сроднимся съ нею, и затвердимъ, какъ непреложную аксіому, утвержденную вѣковымъ опытомъ, что хлѣбопашество безъ удобренія есть только мучительный и накладный промыселъ. Истощенная земля никогда не вознаградитъ трудовъ хлѣбопашца: гораздо лучше приняться за промыслы торговые и ремесленные, нежели понапрасну переворачивать съ боку на бокъ тощую глыбу. Ужасно видѣть, — а это теперь случается часто, — что Русскій крестьянинъ только изъ земли въ землю перепускаетъ семяна хлѣба, и въ награду за неутомимые, тяжелые, годичные труды земледѣльческіе получаетъ, съ перваго снопа, суму и голодъ. Замѣчено также въ настоящемъ положеніи земледѣлія Русскаго, что, чѣмъ болѣе у крестьянина пахотной земли, напримѣръ, если у него высѣвается до 30 и 35 четвериковъ ржи на тягло, тѣмъ онъ дѣлается скуднѣе, потому что не въ силахъ ни обдѣлать, ни унавозить ея надлежащимъ образомъ для хорошихъ урожаевъ.

Съ пріемниками навозной жидкости, съ этими ямами возлѣ скотныхъ дворовъ, должно, говорю я, поступать крайне осторожно. Ямы дѣлаются длятого чтобъ спустить со скотнаго двора излишнюю жидкость, которая, какъ извѣстно, мѣшаетъ гніенію. Въ такомъ случаѣ надобно со вниманіемъ наблюдать, когда именно должно удерживать испускать жидкость и когда опять поливать ею скотный дворъ, чтобы отъ излишней сухости не прекратилось также гніеніе. Возбуждать и останавливать гніеніе посредствомъ прибавленія и отнятія жидкости есть искусство, точно такое же какъ составлять компосты, или гноища. Оно боится знатока, и только ему доступно.

Въ чужихъ краяхъ, особенно въ Голландіи, гдѣ опрятность и чистота въ домѣ, на дворѣ, въ конюшнѣ, составляютъ страсть и народный обычай, необходимо имѣть особый дворъ

для навозовъ и пріемники для навозной жидкости. Голландецъ не можетъ вынести, чтобъ у него въ стойлѣ или въ конюшнѣ лежалъ навозъ долго и производилъ непріятный запахъ. Въ Голландскихъ конюшняхъ только что не даютъ баловъ и не курятъ духами: полъ — какъ въ горницѣ, каменный или деревянный, усыпанный пескомъ; вездѣ свѣтло, все вымыто, чисто, лоснится какъ стекло и для прочности покрыто масляной краской. У многихъ Голландскихъ хозяевъ ежедневно, и лучше сказать, почти ежечасно вычищаютъ навозъ и пометы изъ стойлъ и конюшенъ, въ которыхъ круглый годъ стоятъ рогатый скотъ и лошади, никогда не выходящіе въ поле по причинѣ малоземелія. Подлѣ конюшенъ вырыты одинъ два колодца съ насосами для стока навозной жидкости, и обложены камнемъ или деревяннымъ срубомъ. Моча и всякая жидкость немедленно стекаетъ въ нихъ изъ стойлъ по жолобамъ, каменнымъ или осмоленнымъ деревяннымъ. Для этой же чистоты и опрятности многіе Голландскіе скотоводы пріучаютъ бѣдныхъ коровъ стоять въ стойлахъ въ самомъ принужденномъ положеніи, — и это, говорятъ, обращается въ привычку, какъ у Турокъ сидѣть поджавъ ноги, — приблизивъ заднія ноги къ переднимъ, чтобъ изверженіе падало внѣ стойлъ, прямо въ жолоба или ящики, которые тотчасъ выносятъ на дворъ и выпоражниваютъ на свѣжую разостланную солому. Эти кучи свѣжаго навозу перебиваются съ соломой вилами, — что у насъ скотъ, ходя, дѣлаетъ еще лучше. Такой навозъ требуетъ необходимо поливки, особенно въ сухое время. Однако жъ и въ Голландскомъ хозяйствѣ это составляетъ хлопотливый, мелочной, безпрерывный трудъ, хотя онъ обратился въ привычку. Спросимъ: какъ у насъ сладить съ этимъ докучливымъ трудомъ въ лѣтнюю, рабочую пору, когда эта поливка всего нужнѣе? найдется ли свободное время и довольно рукъ въ Русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, чтобъ не только каждый день, хоть разъ въ недѣлю, вычищать навозъ изъ хлѣвовъ, мшанниковъ и отдѣленій, на площадку скотнаго двора? Спросимъ еще, сколько Голландскому значительному фермару надобно накопить навозу? Нѣсколько сотенъ кучь, — а для поливки имѣть одинъ два колодца. Ему надобно унавозить двѣ, много три, десятины. Ферма, имѣю-

щая 10 или 15 десятинъ пахотной земли съ лугами и выгонами, считается большимъ хозяйствомъ. У насъ самое небольшое хозяйство удобряетъ въ годъ 10 или 15 десятинъ въ полѣ, для которыхъ требуются тысячи возовъ навозу: для поливки ихъ нужны были бы цѣлые пруды навозной жидкости. Чтобы одинъ только разъ полить и хорошенько смочить цѣлый Русскій скотный дворъ, вмѣщающій въ себѣ хотя 50 большихъ животныхъ, сколько надобно бочекъ, ушатовъ, насосовъ, рукъ?

Эти ямы возлѣ Русскихъ скотныхъ дворовъ — самое опасное орудіе въ рукахъ плохаго и малосвѣдущаго земледѣльца. Одно Русское хозяйство, несмотря на всѣ усилія, отъ которыхъ разорились крестьяне и само оно разстроилось, никакъ не могло уладить плодопеременнаго полеводства и поправить истощенныхъ полей своихъ единственно потому, что, въ подражаніе скотному двору Г. Гусятникова, подлѣ самой стѣны деревяннаго своего скотнаго двора вырыло большую яму, или лучше сказать прудокъ, для стока навозной жижи. Это хозяйство пыталось нѣсколько лѣтъ развозить жижу по полямъ и лугамъ; но не доставало ни дней, ни людей, ни ящиковъ, ни самой жидкости, чтобъ смочить хорошенько одну двѣ десятины луга или пашни такъ, чтобъ онѣ доставили значительный урожай хлѣба или травы. Поливка прекращена, какъ обременительный и безполезный трудъ, но яма осталась. Попрежнему въ нее стекаетъ навозная жидкость со скотнаго двора; лѣтомъ испаряется, зимою вымерзаетъ, и пропадаетъ вовсе для утучненія полей. Тамъ скотный дворъ всегда сухъ, постилки требуетъ немного, на солому не убыточенъ; этимъ хвалится неосмотрительное хозяйство, — своей соломы ежегодно остается! Но зато скупо тамъ на навозъ; его получается мало, — прибавте къ тому, дурнаго качества, — сухаго, легкаго, малосильнаго.

Странно! иныя хозяйства избѣгаютъ влажности на скотныхъ дворахъ: а мы такъ хлопочемъ объ ней, и стараемся накопить на своемъ какъ можно больше. Скотный дворъ Фроловскій — каменный, квадратный, въ двадцать пять саженей въ длину и ширину. Въ серединѣ его — большая площадка, а вокругъ теплыя съ потолкомъ отдѣленія; съ площадки, выравненной по ватерпасу и нѣсколько углубленной всередину,

проведены не большія канавки съ фашинами, чтобы жидкость пробиралась въ отдѣленія, которыя также выровнены по ватерпасу и нѣсколько углублены. Сверхъ-того изъ окружающихъ дворъ канавъ проведена въ отдѣленія снаружи вода, падающая съ крыши. Дознано по опыту, что безъ этого, лѣтомъ, когда скотъ стоитъ бо̀льшею частію на площадкѣ своего двора, навозъ въ отдѣленіяхъ высыхаетъ, дѣлается легкимъ и мало плодоноснымъ. Отъ сбереженія жидкости на скотномъ дворѣ въ этомъ хозяйствѣ происходитъ то, что ежегодно покупается сто кубическихъ саженей ржаной соломы, по четыре сажени на каждую удобряемую десятину; вся эта солома употребляется въ подстилку, и навозу накопляется довольно на цѣлый участокъ пяти-польнаго плодопеременнаго полеводства, — на двадцать пять сороковыхъ десятинѣ подъ рожь.

Нѣтъ сомнѣнія, что наступитъ время и для Русскаго сельскаго хозяйства, когда площадки скотныхъ дворовъ не будутъ, какъ теперь, единственными пріемниками веществъ сгниваемыхъ и вмѣстилищемъ туковъ; понадобятся особые дворы для компостовъ; заведутся и компосты и особыя помойныя ямы; станутъ по фунтамъ расчитывать утучненіе земли, по-иностранному; будутъ бѣгать и у насъ ребятишки съ корзинками въ рукахъ въ торговые дни на площадяхъ селъ и городовъ, по улицамъ и проѣзжимъ дорогамъ, и подбирать пометъ тотчасъ изъ подъ животнаго, какъ драгоцѣнность, и ссориться за него между собою, какъ теперь за пряники, брошенные на драку; но все это сдѣлается только въ то время, когда наше земледѣліе сосредоточитъ свои дѣйствія, сократитъ поля, луга и выгоны, углубитъ почву, уменьшитъ сцену хлѣбопашества, сдѣлавъ его, изъ обширнаго и поверхностнаго, сжатымъ и сподручнымъ, съ глубокимъ, тучнымъ растительнымъ слоемъ. Хорошо ли это, возможно ли подъ Русскимъ небомъ, доставитъ ли доходъ, не помѣшаетъ ли наша зима — вопросы важные, но давно уже разрѣшенные Русскимъ огородничествомъ, которое доставляетъ чрезвычайные доходы, равняющіеся Англійскимъ и Голландскимъ. Гряды нашихъ огородниковъ глубоки, тучны, пухлы, и никогда не измѣняются въ плодородіи. Русское огородниче-

ство даетъ нѣкоторое понятіе о совершенствѣ въ хлѣбопашествѣ Англійскомъ и Голландскомъ. Ввести это совершенство и въ Русское сельское хозяйство, слить его съ народными обычаями, есть дѣло государственное. Усилія одного частнаго лица ничтожны. Тутъ надобно воздѣлать не только почву земли, но еще почву ума и народныхъ нравовъ. Но приближать къ этому совершенству свое хлѣбопашество постепенно, съ постоянствомъ, соображаясь съ средствами своего Русскаго хозяйства, съ своимъ бытомъ и съ временами года, но расчитывать по тому труды сельскіе и соединять съ нашимъ скотоводствомъ, ничто не препятствуетъ въ своемъ помѣстьѣ всякому просвѣщенному хозяину. Былъ бы великій подвигъ, заслуживающій вѣковой признательности народа, если бы кто своими трудами показалъ средство сохранить обширное наше хлѣбопашество, и въ то же время облегчить труды человѣка и животныхъ, теперь едва выносимые. Но въ настоящемъ положеніи дѣла, первая необходимость — замѣнить тяжелую, неповоротливую, огромную машину Русскаго сельскаго хозяйства другою, — уютной, легкой, быстрой, требующей мало рукъ, и доставляющей большіе доходы. Впрочемъ Русское хлѣбопашество и теперь, по неволѣ, съ каждымъ годомъ сокращается отъ возрастающаго народонаселенія, однако со вредомъ общимъ и частнымъ: малое пространство земли, безъ помощи искусства, не только не доставитъ избытковъ, но и самаго необходимаго пропитанія.

Есть еще средство утучненія земли, кромѣ компостовъ и скотскихъ навозовъ: въ Россіи возможно еще зеленое удобреніе. Всѣ зеленыя, свѣлянныя растенія перегниваютъ въ черноземъ, и слѣдственно утучняютъ землю. Но объ этомъ важномъ и обширномъ предметѣ я долженъ отложить рѣчь до второй части. *Д. Шелеховъ.*

НАСТАВЛЕНІЕ,

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПРЕВРАЩАТЬ КАРТОФЕЛЬ ВЪ САМЫЙ ВКУСНЫЙ САХАРНЫЙ СИРОПЪ, ВЪ ТРИ ЧАСА ВРЕМЕНИ И БЕЗЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ КУПОРОСНАГО МАСЛА.

Возвышеніе цѣны на тростниковый сахаръ обратило всеобщее вниманіе на способы, посредствомъ которыхъ возможно было бы замѣнить его другими препаратами въ большой части случаевъ. Новѣйшія открытія въ Германіи по предмету добыванія, изъ картофелю или картофельнаго крахмалу, сахарнаго сиропу, совершенно свободнаго отъ всякаго посторонняго запаху и вкуса, распространили тамъ необыкновенную дѣятельность въ обработываніи этого вещества въ большомъ и маломъ видѣ. Простота и дешевизна производства и отличная доброта сиропу, получаемаго по новому способу, побуждаютъ меня передать эту новую и важную вѣтвь промышленности желающимъ ею воспользоваться.

Давно уже извѣдано опытомъ, что когда солодъ смѣшиваютъ при извѣстной степени теплоты съ водою, изъ этого выходитъ сладкая жидкость, — сусло, у пивоваровъ.

Равнымъ образомъ извѣстно было, что, если смѣшать развареный картофель съ солодомъ при опредѣленной степени теплоты, и положить туда дрожжей, онъ дѣлается сладкимъ, скоро можетъ быть приведенъ въ броженіе, подобно сахаристой жидкости, и посредствомъ перегонки произведетъ вино.

Три значительныя промышленности, — пивовареніе, винокуреніе и изготовленіе уксусу изъ хлѣбныхъ зеренъ или изъ картофелю, основываются на этомъ явленіи.

Между-тѣмъ Наука мало обращала на него вниманія, даже въ новѣйшее время. Хотя многіе ученые думали, что сахаръ, находящійся въ суслѣ, тотъ же самый, который прежде былъ въ солодѣ, однако простое разсмотрѣніе самой вещи должно было показать со всѣмъ другое: 1. что количество сахару, заключавшагося въ солодѣ, незначительно; 2. что весь крахмалъ въ продолженіе этой работы расходится, слѣдовательно, не образуя ни какого другаго вещества, необходимо долженъ обращаться въ сахаръ, или слизь; 3. что

пивовары давно уже примѣшивали къ солоду нерощеныя зерна и даже крахмалъ и что онъ при этомъ не оставался въ видѣ крахмалу *.

Кирхгофъ показалъ въ 1813 году непосредственнымъ опытомъ, что крахмалъ при такомъ производствѣ превращался въ сахаръ. Онъ получилъ сахаръ, взявъ 2 части крахмалу, разболтанныя въ 4 частяхъ холодной и 20 частяхъ кипячей воды, примѣшавши туда 1 часть ячнаго солоду или пшеничнаго клейстеру, не столь дѣятельнаго, и поддерживая эту смѣсь на степени теплоты отъ 50° до 70 градусовъ Реомюра **. Дюбренфò, въ 1823, показалъ посредствомъ опытовъ, что для этого достаточно 1 части солоду на 3 части крахмалу, и описывалъ многія обстоятельства, сопровождающія осахариваніе. Послѣ того, нашелъ онъ также, что не весь солодъ, но только *часть, растворяющаяся въ холодной водѣ*, производитъ осахариваніе. Между-тѣмъ это обстоятельство было оставлено безъ должнаго вниманія, и сахаръ изъ крахмалу вообще приготовляли посредствомъ сѣрной кислоты до тѣхъ поръ, пока Людерсдорфъ и позже Пейенъ, и Персоцъ, опять не принялись за методу Кирхгофа и Дюбренфò, и теперь этотъ способъ, подкрѣпленный новыми открытіями о крахмалѣ, до того упрощенъ, что его ввели вездѣ въ употребленіе.

* Лейхса *Руководство для пивоваренія*, и во многихъ другихъ сочиненіяхъ. Докторъ Ирвингъ показалъ еще въ 1785 году, что нерощеный ячмень, смѣшанный съ рощенымъ, можетъ быть употребленъ съ выгодой для пива, и что смѣсь эта посредствомъ горячей воды скоро дѣлается сладкой и доставляетъ вина болѣе нежели количество солода одинаковаго съ той смѣсью вѣсу.

** Лейхса *Ручная книга для фабрикантовъ*. Тамъ же есть замѣчаніе, что, въ Египтѣ, помощію этого способа осахариванія, дѣлаютъ изъ пшеничной муки особыя конфекты. Въ «Собраніи Путешествій» на Востокъ, Паулуса (V, 129), есть письмо изъ Египта, отъ 1 іюня 1716, гдѣ сказано: «Товарищи мои между-тѣмъ были озабочены покупкой запаса, а другіе приготовленіемъ нѣкотораго рода особыхъ конфектовъ, называемыхъ *неде* и которыя дѣлаются въ одной Мемхіи. Ихъ приготовляютъ изъ пшеницы. Пшеницу размачиваютъ нѣсколько дней въ водѣ, и когда она высохнетъ, ее мелютъ, потомъ высыпаютъ въ посуду, наполненную водой, и кипѣтятъ до извѣстной степени густоты. Черезъ это составляется родъ конфектовъ, очень вкусныхъ и сладкихъ, хотя не кладутъ туда ни сахару ни меду. Туземцы очень много ихъ употребляютъ.»

Людерсдорфъ смѣшиваетъ сперва 8 частей картофельнаго крахмалу съ холодной водою до густоты тѣста; потомъ добавляетъ кипяткомъ, чтобъ сдѣлался клейстеръ *; охлаждаетъ его до 50° Реомюра; потомъ примѣшиваетъ туда одну часть крупно смолотаго ячнаго солоду, и держитъ все это нѣсколько часовъ въ теплотѣ отъ 40° до 48 градусовъ. Смѣсь скоро становится жидкою, текучею и чрезъ восемъ или десять часовъ совершенно сладкою. Старый солодъ не такъ хорошо дѣйствуетъ какъ свѣжій; даже съ двухъ-мѣсячнымъ опытъ былъ весьма неудаченъ. Пшеничный крахмалъ съ бо̀льшимъ трудомъ дѣлается жидкимъ, и менѣе сладокъ нежели картофельный. Пшеничная мука тоже осахариваетъ крахмалъ, но не такъ хорошо какъ ячный солодъ. Очевидно, что необходимо самое строгое и вѣрное наблюденіе за степенью теплоты. Бо̀льшая или меньшая теплота мѣшаетъ процессу осахариванія. При степени кипѣнія онъ не совершается; при 70°, еще весьма мало. Если, по прибавленіи солоду, теплота понизится до 20°, жидкость будетъ не сладка, но кисловата, и, несмотря на возвышеніе послѣ того температуры, уже не дѣлается болѣе сладкою.

Пейенъ и Персоцъ не дѣлаютъ клейстеру изъ крахмалу, потому что въ этомъ состояніи онъ не такъ легко обращается въ сахаръ. Они разводятъ 10 частей смолотаго воздушнаго солоду въ 400 до 500 частяхъ воды, согрѣваютъ до 32° Реомюра; потомъ примѣшиваютъ 100 частей крахмалу, и поддерживаютъ теплоту отъ 56° до 60°. Сначала крахмалъ превращается въ камедь (gummi), или клей, а черезъ три часа въ сахаръ. Въ то же время удалось имъ, ту часть солоду, которая дѣйствуетъ на осахариваніе, отдѣлить совершенно отъ прочихъ частей особо. Они назвали ее *діастазомъ*.

Чтобы лучше объяснить предметъ, опишемъ каждую часть производства особо.

I. О крахмалѣ. Свойства крахмалу довольно извѣстны и описаны во многихъ сочиненіяхъ. Мы займемся только новыми наблюденіями надъ крахмаломъ.

Доселѣ почитали крахмалъ простымъ, нераздѣльнымъ ра-

* Все употребляемое имъ количество воды состоитъ изъ 45 до 50 частей.

стительнымъ тѣломъ. Распаль показалъ первый, что крахмалъ есть тѣло органическое, составленное изъ двухъ частей, именно изъ кожицы, образующей мѣшечекъ, и изъ слизистаго, или камедистаго, тѣла, заключеннаго въ мѣшечкѣ. Каждая изъ мѣлкихъ крахмальныхъ частицъ, или зернышекъ, имѣетъ въ этомъ отношеніи сходство съ сѣмянами, и содержитъ, какъ они, подъ оболочкой изъ кожицы, другое тѣло. Это внутреннее тѣло Біотъ назвалъ «декстриномъ». Его бы можно было назвать крахмальной камедью, или клеемъ, такъ какъ оно по свойствамъ своимъ совершенно сходно съ камедью.

Оболочка изъ кожицы, заключающая въ себѣ декстринъ, противится его освобожденію, и оттого крахмалъ не распускается въ холодной водѣ.

Разорвавъ эту кожицу, получается изъ крахмалу камедь, или, лучше сказать, освобождается заключенная въ ней камедь.

Для этого извѣстны доселѣ четыре средства,— кипятеніе, поджариваніе, употребленіе кислыхъ и щелочныхъ жидкостей, и пособіе солоду.

При кипятеніи кожица, заключающая камедь, расширяясь отъ жару, лопается. Чѣмъ болѣе разорвется крахмальныхъ частицъ, тѣмъ болѣе она будетъ приближаться къ состоянію клейстеру.

Посредствомъ поджариванія, кожица частицъ также лопается или раздирается. Этотъ способъ употреблялся доселѣ для приготовленія «поджареннаго крахмалу», или крахмальной камеди, нужной для фабрикъ бумажныхъ тканей. Однако жъ разрывъ всѣхъ крахмальныхъ частицъ происходитъ здѣсь несовершенно, и нѣкоторое количество самой камеди измѣняется отъ жару.

Употребленіе кислыхъ щелочныхъ жидкостей равнымъ образомъ заставляетъ оболочки изъ кожицы лопаться, и освобождаетъ крахмальную камедь. Кипятя крахмалъ въ водѣ, окисленной сѣрною кислотою, то есть, купоросным масломъ, получается сначала родъ камеди, которую фабриканты картофельнаго сахару превращаютъ потомъ въ сахарный песокъ.

Пособіе солоду есть самое дѣйствительное. Необъяснен-

нымъ до-сихъ-поръ образомъ, солодъ, посредствомъ заключающейся въ немъ особой матеріи (діастаза), имѣетъ свойство разрывать кожицу крахмальныхъ оболочекъ*. Кожицы оболочекъ, по мнѣнію Геренъ-Барея, имѣютъ сходство съ волокнами древесины. Особенно замѣтно, что онѣ содержатъ въ себѣ пригорѣлое древесное масло, которое сообщаетъ свой непріятный вкусъ картофельному вину. По-крайней-мѣрѣ Пейенъ и Персоцъ извлекали изъ нихъ это масло посредствомъ виннаго спирту, а изъ чистаго декстрина никогда. Наблюденіе это было очень важно: оно показало, что, отдѣливъ только декстринъ отъ кожицъ, можно будетъ приготовлять изъ картофелю вино, свободное отъ пригорѣлаго вкуса древесины. Ни самый декстринъ, ни его хорошо промытыя оболочки, не окрашиваются іодомъ въ синій цвѣтъ. Но это случается съ матеріею, содержащеюся въ обыкновенномъ декстринѣ, которая не распускается въ холодной водѣ, но расходится въ горячей и вѣроятно есть только неизмѣнившійся еще крахмалъ.

II. О діастазѣ. Діастазъ, или та составная часть солоду, которая дѣйствуетъ на превращеніе крахмалу въ сахаръ, есть тѣло твердое, бѣлое, безвкусное, некристаллизированное, въ водѣ распускающееся, и распускающееся въ крѣпкомъ винномъ спиртѣ. Распущенное въ водѣ, оно скоро дѣлается кислымъ. Замѣчательнѣйшее его свойство — что одной его части, на 2,000 частей картофельнаго крахмалу, разведеннаго въ 8,000 частяхъ воды, достаточно для-того чтобъ разорвать оболочки его изъ кожицы и освободить декстринъ, между-тѣмъ какъ цѣлыя, не разорванныя, зернышки или всплываютъ на поверхность или падаютъ на дно.

Рощенный ячмень растираютъ, и даютъ ему, или смолотой изъ него мукѣ, размякнуть въ холодной водѣ; процѣживаютъ жидкость, — при чемъ осадку можно выжать; и нагрѣваютъ ее до 56° или 60° Реомюра**. Она становится мут-

* Вмѣсто солоду можно употребить жидкость, извлеченную изъ солоду посредствомъ вымочки его въ холодной водѣ. Она заключаетъ въ себѣ начало дѣйствующее на превращеніе крахмалу въ сахаръ.

** Это нагрѣваніе можно замѣнить, отдѣливъ бѣлковину очень скоро посредствомъ виннаго спирту. Замѣсивъ, напримѣръ, 2 части солоду

ной, и въ ней отдѣляется бѣлковина. Тутъ снова процѣживаютъ, и прибавляютъ виннаго спирту, освобожденнаго отъ воды, отъ чего діастазъ опускается внизъ, между-тѣмъ какъ сахаръ, находившійся въ солодѣ, остается распущеннымъ. Послѣ того отстой, или осадку, просушиваютъ при умѣренной теплотѣ, — потому что при высшей онъ совсѣмъ разлагается.

Добытый такимъ образомъ діастазъ не совсѣмъ чистъ: онъ заключаетъ въ себѣ еще вяжущее вещество. Однако жъ его можно освободить отъ этого вещества, распуская много разъ въ водѣ, и потомъ осадивъ очищеннымъ виннымъ спиртомъ

Въ чистомъ состояніи діастазъ, кажется, не содержитъ въ себѣ ни мало вяжущаго вещества.

Онъ образуется первоначально въ семяни, или зернѣ, у ростка, и, по-видимому приспособленъ къ тому, чтобъ превращать крахмалъ семяни въ питательный сокъ. Ячмень, пшеница, овесъ, картофель и, вѣроятно, всѣ семяна, содержатъ его въ себѣ въ то время, когда пускаютъ ростки. Такимъ же образомъ находится онъ и въ почкахъ растенія Aylanthus glandulosa.

Въ семянахъ находится онъ подлѣ ростковъ, но не подлѣ корневыхъ. Въ картофелѣ онъ содержится только въ шишкахъ подлѣ глазковъ; его нѣтъ ни въ стволѣ ни въ корняхъ.

При степени кипѣнія діастазъ теряетъ свойство превращать крахмалъ въ камедь и сахаръ: это показываетъ какъ важно вѣрное наблюденіе степени теплоты при самомъ производствѣ, и какъ много діастазу остается не дѣйствующимъ при обыкновенной работѣ нашихъ пивоваровъ и винокуровъ.

Если возможно будетъ по сходной цѣнѣ доставлять діастазъ для торговли, онъ сдѣлается весьма важною ея отраслью. Тогда каждому сахарному фабриканту, пивовару, винокуру, уже не нужно было бы солоду, а только немного діастазу, для превращенія въ самое короткое время огром-

на 1 часть воды, выжимаютъ его, разводятъ виннымъ спиртомъ до жидкости, процѣживаютъ, и наконецъ дополняютъ опять виннымъ спиртомъ.

наго количества картофелю или картофельнаго крахмалу въ сахаръ, и, по малой его тяжести, можно было бы далеко разсылать его съ небольшими издержками на провозъ.

III. Приготовленіе камеди, или клею, изъ крахмалу. Во-первыхъ, надобно взять хорошаго солоду; растереть его или, лучше, смолоть. Ростки должны быть выращены до величины зерна, и солоду отнюдь не пересушивать до темнаго цвѣта, потому что тогда онъ теряетъ много своей силы.

Нагрѣваютъ отъ 350 до 400 фунтовъ воды до 20° или 24 градусовъ Реомюра, всего лучше въ водяной банѣ; подмѣшиваютъ въ нее отъ 5 до 10 фунтовъ ячнаго солоду, и продолжаютъ нагрѣвать, пока жидкость не достигнетъ до 48° теплоты.

Тутъ кладутъ 100 фунтовъ крахмалу, и наблюдаютъ, чтобы теплота не упадала ниже 56° и не возвышалась болѣе 60°.

Черезъ двадцать или тридцать минутъ жидкость, которая сначала походила на молоко, потомъ сдѣлалась немного гуще, становится безпрестанно жиже и жиже, и наконецъ доходитъ до текучести воды *. Тутъ какъ можно скорѣе нагрѣваютъ ее до кипѣнія, то есть, до 80°; наливаютъ жидкость въ бочки, даютъ отстояться, сливаютъ чистую особо, процѣживаютъ и выпариваютъ ее при умѣренной теплотѣ. Нагрѣваніе до кипѣнія нужно длятого чтобъ разрушить дѣйствіе діастазу, который, по свойству своему, превратилъ бы камедь въ сахаръ. Все это производство будетъ подробно описано въ сочиненіи, которое скоро выйдетъ **. Вѣроятно можно было бы отдѣлить діастазъ посредствомъ угольнаго порошку или посредствомъ очищеній.

Во время выпариванія снимаютъ пѣну, которая заключаетъ въ себѣ большую часть оболочекъ, оставшихся уже послѣ процѣживанія.

* Если сначала вдругъ нагрѣть до 58°, то смѣсь дѣлается очень густа и весьма медленно приходитъ потомъ въ текучее состояніе.

** Въ дополненіе къ этой статьѣ, Г. Пановъ перевелъ съ Нѣмецкаго полное, новѣйшее «Руководство къ выдѣлыванію сахарнаго сиропу изъ картофелю», содержащее всѣ подробности производства, и не замедлитъ издать его для пользы сельскихъ хозяевъ, которые конечно будутъ ему весьма благодарны за подобный подарокъ. *Б. для Ч.*

*

Когда жидкость дотого сгущена, что сходитъ широко съ ложки, ее сливаютъ въ деревянную посуду. При охлажденіи она обращается въ крѣпкую непрозрачную массу. Въ этомъ состояніи ее можно употреблять для примѣси съ хлѣбомъ.

Изрѣзанная въ тонкіе ломти и высушенная на вольномъ воздухѣ, она можетъ быть смолота и употребляться для хлѣба, разныхъ печеній, въ шоколатъ, для груднаго сахару, и такъ далѣе. Чѣмъ менѣе она въ себѣ заключаетъ сахару, тѣмъ скорѣе высыхаетъ декстринъ, или крахмальная камедь.

IV. Приготовленіе сахару изъ крахмалу. Производство здѣсь точно такое же какъ при изготовленіи камеди: только, въ концѣ нагрѣванія не доводятъ до степени кипѣнія, а содержатъ теплоту въ продолженіе трехъ или четырехъ часовъ между 52° и 60 градусами Реомюра.

Около этого времени послѣдуетъ совершенное осахареніе, и полученный такимъ образомъ сахарный сокъ выпаривается извѣстнымъ способомъ, очистивъ его посредствомъ процѣживаній отъ крахмальныхъ кожицъ.

Людерсдорфъ совѣтуетъ очищать его примѣшиваніемъ кирпичнаго порошку, съ которымъ нѣсколько кипѣтятъ его. Жидкость процѣживаютъ, когда кирпичный порошекъ опустится на дно. Безъ этого очищенія жидкость процѣживалась съ большимъ трудомъ; но по всему видно, что, при его опытахъ, осахариваніе было несовершенно, потому что онъ непревращалъ прежде крахмалу въ клейстеръ. Легко можетъ быть также, что прибавленіе кирпичнаго порошку дѣлало сиропъ его менѣе способнымъ къ броженію. Впрочемъ можно освободить сокъ крахмальнаго сахару отъ вкуса солоду, который иногда въ немъ бываетъ, примѣшавъ въ него смолотаго животнаго угля.

При выпариваніи соку, должно всячески остерегаться, чтобы нагрѣваніе не доходило до кипѣнія, потому что черезъ это сахаръ всегда разрушается, и сладкой вкусъ болѣе или менѣе переходитъ во вкусъ пригорѣлаго сахару.

Описаніе лучшихъ способовъ выпариванія находится во многихъ сочиненіяхъ, и мы ихъ пропускаемъ.

Для приготовленія сахару по этому способу можно употреблять также и деревянную посуду, нагрѣвая ее посредствомъ паровъ или подбавляя, изъ близъ стоящаго котла, столько

горячей воды, сколько нужно для достиженія приличной степени теплоты.

V. Употребленіе крахмальной камеди, или клею. Крахмальная камедь, или декстринъ, способна къ различнымъ употребленіямъ, и потому весьма желательно, чтобы она поскорѣе была введена въ число торговыхъ произведеній, именно въ состояніи густаго сиропу. Приведемъ хоть нѣкоторыя ея употребленія.

Она служитъ какъ камедь, или клей, для наклеиванія бумажныхъ тканей, при тисненіи ихъ, и для наведенія лаку. Для этой послѣдней цѣли особенно употреблялъ ее Г. Ренадіеръ въ Парижѣ: выгоды значительны; сто фунтовъ Арабской камеди (gummi arabicum) стоятъ до 250 рублей, междутѣмъ какъ крахмальной камеди можно добыть то же количество за 30 или 40 рублей.

Ее можно употреблять для хлѣба, прибавляя отъ 33 до 45 процентовъ картофельной камеди къ хлѣбной мукѣ, и для потребителей это будетъ незамѣтно. Такой хлѣбъ будетъ легче, лучше взойдетъ и долѣе сохранится свѣжимъ, нежели обыкновенный. Равнымъ образомъ онъ гораздо вкуснѣе хлѣба, приготовляемаго изъ картофельной муки, и вѣроятно потому что не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей части древеснаго масла. Надобно только остерегаться, чтобы, въ употребляемомъ для хлѣба декстринѣ, не заключалось ни мало сахару: тогда хлѣбъ былъ бы сладковатъ. Хлѣбникъ Мушò въ Парижѣ приготовляетъ изъ декстрина хлѣбы и печенья, которые, по своему пріятному вкусу и легкости, въ большомъ употребленіи.

Когда картофельная камедь употребляется для разныхъ печеній, въ такомъ случаѣ не мѣшаетъ, если въ декстринѣ есть и нѣсколько сахару.

Изъ нея дѣлаютъ также грудной и желудочный сахары или конфекты. Г. Ремонъ въ Парижѣ употребляетъ теперь декстринъ для этой цѣли. Декстринъ, кажется, гораздо легче для сваренія желудка нежели крахмалъ.

Декстринъ еще съ пользою замѣняетъ камедь въ кишечныхъ болѣзняхъ, для чего уже онъ былъ употребленъ докторомъ Серресомъ.

VI. Употребленіе крахмальнаго сиропу. Крахмальный

сиропъ годенъ ко всякому употребленію, гдѣ нужно замѣнить сахарный сиропъ и сахаръ, и имѣетъ большое преимущество предъ тѣмъ, который приготовляется посредствомъ сѣрной кислоты, потому что не заключаетъ въ себѣ мѣлу и не обнаруживаетъ горьковатаго вкуса. Назовемъ только слѣдующія употребленія:

Для пива, — которое въ соединеніи съ этимъ сиропомъ получаетъ несравненно лучшій вкусъ нежели съ сиропомъ, приготовленнымъ съ сѣрной кислотою. Можно также, употребляя декстринъ и крахмальный сахаръ въ извѣстной соразмѣрности, довести всякаго рода пиво, отъ самаго густаго, до тончайшаго, подобнаго вину. Теперь уже извѣстные въ Парижѣ пивовары Шапплѐ, Яннерѐ и Шоссно̀, употребляютъ сиропъ, приготовленный изъ декстрина, вмѣсто сиропу, добываемаго посредствомъ сѣрной кислоты.

Для вина и уксусу, — потому что, будучи очищенъ отъ кожицъ и отъ содержащагося въ нихъ масла, и не заключая въ себѣ мѣлу, онъ имѣетъ противъ прежняго большое преимущество.

Для выгонки водки, — которая совершенно будетъ свободна отъ пригорѣлаго маслянаго вкуса.

Для шоколата, — гдѣ онъ съ пользой замѣняетъ тростниковый сахаръ.

Для коврижекъ, — вмѣсто меду или прежняго сиропу, который онъ далеко превосходитъ вкусомъ и чистотою.

Для варенія плодовъ и ягодъ и *для* конфектовъ, — гдѣ онъ будетъ здоровѣе тростниковаго сахару, оттого что содержитъ въ себѣ болѣе слизистыхъ частей и не такъ сильно дѣйствуетъ на пищеварительные органы.

Для ликёровъ, — которымъ онъ сообщаетъ особенную мягкость, много превосходя въ этомъ случаѣ рафинированный сахаръ.

Слѣдуя этому описанію, всякому легко будетъ приготовлять сахаръ изъ картофельнаго крахмалу, и мы полагаемъ, что это производство, по простотѣ своей, скоро войдетъ у насъ въ общее употребленіе; что даже въ домашнихъ хозяйствахъ начнутъ заготовлять у себя большую часть сахару, нужнаго для собственнаго продовольствія. *В. Пановъ.*

═

Критика р. 1-22 [illegible]

Исторія поэзіи. *Чтенія адъюнкта Императорскаго Московскаго Университета* Степана Шевырева. *Томъ первый, содержащій въ себѣ исторію Поэзіи Индѣйцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія (образованности?) и поэзіи главныхъ народовъ западной Европы. Москва, 1835.*

Всякое ученое сочиненіе должно быть рѣшеніемъ какой-нибудь задачи, предложенной уму и знанію. Не своевольная фантазія поэта, не увлеченіе страстей ораторомъ составляютъ цѣль и опредѣляютъ сущность ученой книги. Знаніе, наука – вотъ ея цѣль и предметъ. Горе книгѣ ученой, если она бьется на сотняхъ страницъ, изъ того, что всѣ давно знаютъ, или пытается рѣшить что-то незнаемое и ничего не рѣшаетъ! Мы готовы простить грубость слога, ученую неловкость, даже нѣкоторую темноту мыслей, если сочинитель книги прибавитъ хоть малую лепту въ сокровищницу свѣдѣній человѣческихъ. Безъ этого, ученое сочиненіе безполезнѣе сказки: тутъ, по-крайней-мѣрѣ, сочинитель напередъ ничѣмъ не обязывается въ отношеніи къ вашему уму; но ученая книга дѣло совсѣмъ другое. Французы, правда, издавна образовали особый родъ книгъ, которыя также должно причислить къ ученымъ: они придумали «учить забавляя», – писать ученыя книги такъ, чтобы ихъ не скучно было читать. Но вѣрно ли такое назначеніе ученыхъ книгъ? Не унижается ли ими и самая наука? И развѣ скука есть непремѣнное условіе учености? Безъ-сомнѣнія, нѣтъ; и врядъ-ли длинный рядъ Французскихъ книгъ этого рода не есть ошибка и не обреченъ заранѣе на забвеніе потомства. Мы видѣли примѣръ этому на говорунѣ Лагарпѣ, на добромъ Ролленѣ, на сотнѣ Реналей и Сенъ-Реалей. Признаемся, что даже легкія, ораторскія формы, въ какія заключаютъ теперь науку Мишлѐ, Вильменъ, Сенъ-Маръ-Жирарденъ, кажутся намъ только ловкимъ средствомъ сдѣлать общими нѣсколько идей, доселѣ неизвѣстныхъ

во Франціи, и что именно эта украшенность, эта легкость, дѣлаютъ сочинителей людьми временныхъ отношеній, – людьми, которые едва-ли прибавляютъ что-нибудь къ общей массѣ человѣческаго знанія. Поэтому, чуть ли не должно считать ихъ блестящія книги мимолетными явленіями, замѣтными только своему времени и своему народу. Онѣ имѣютъ пользу относительную. Эту пользу приносилъ и Лагарпъ. И всѣ такіе писатели – Лагарпы нашего времени, только въ новой и лучшей формѣ. Говорите о наукѣ вѣрно, дѣльно, просто; сказывайте намъ то, чего не знали до васъ, и что вы узнали: мы подѣлимся зато съ вами нашимъ вниманіемъ и нашимъ временемъ, – драгоцѣнностью, которой, право, у насъ и безъ того такъ мало, и книгу вашу оставимъ у себя, какъ драгоцѣнность, на долговѣчье, причислимъ къ твореніямъ истинно ученымъ и полезнымъ безъ всякихъ временныхъ отношеній. Такъ опредѣляемъ мы «ученыя книги», отдѣляя отъ нихъ книги другаго рода, назначенныя для распространенія, въ свѣтскомъ обществѣ, знаній положительныхъ и полезныхъ. Ученая книга совсѣмъ не то. Это нѣчто систематическое, догматическое, то же, что учебное, только возведенное на высшую степень объема и совершенства: въ учебной книжкѣ вы говорили неопытнымъ дѣтямъ; въ книгѣ ученой говорите вы опытнымъ избраннымъ; наука та же самая, система та же, логика должна быть та же самая, – но все въ обширнѣйшемъ размѣрѣ и съ большею точностью. Тѣмъ справедливѣе можно требовать исполненія всѣхъ этихъ условій отъ «чтеній», составляемыхъ ученымъ для своихъ слушателей, – для молодыхъ поклонниковъ мудрости, жаждущихъ услышать отъ него «достойное памятованія и запамятовать достойное быть услышаннымъ другими», чтобы напитаться прочными идеями и свѣдѣніями, чтобы потомъ руководствоваться ими въ своемъ дальнѣйшемъ образованіи, въ будущихъ под-

вигахъ жизни и науки. Трудность условій умножается еще болѣе, если ученый «издаетъ» книгу своихъ Чтеній и, слѣдовательно, хочетъ раздѣлить съ образованною публикою плоды своихъ изысканій и вызвать публику ученую на важное ихъ разсмотрѣніе, потому что цѣль такой книги и званіе сочинителя выводятъ ее изъ ряда твореній, писанныхъ людьми, занимающимися наукою не по профессіи.

Кажется, эти общія мысли объ ученыхъ книгахъ совершенно справедливы и требованій нашихъ нельзя назвать излишне строгими.

Тѣмъ болѣе имѣемъ мы правъ обращать такія требованія на книги ученыхъ новаго поколѣнія, людей юныхъ и бодрыхъ, которые уравняли себя со всѣми потребностями своего времени, – тѣмъ болѣе, потому, что при глазахъ нашихъ, это новое поколѣніе такъ безжалостно и смѣло разрушало все ветхое, все прежнее, такъ грозно уничтожало старо-ученыя книги и системы. Чему мы должны вѣрить впередъ? спрашиваютъ юноши. Чѣмъ замѣнили вы наше старое? спросятъ въ свой чередъ старики. Книга молодаго ученаго должна быть отвѣтомъ на всѣ такіе вопросы.

Не имѣя чести знать автора «Исторіи Поэзіи», но оцѣнивая его положеніе относительно къ предмету по самому заглавію его книги, мы должны представлять себѣ, что, вѣроятно, обогащенный основательнымъ классическимъ образованіемъ, онъ умножилъ послѣ того ученье свое обширнымъ чтеніемъ, и особенно чтеніемъ источниковъ; думалъ, наблюдалъ, сравнивалъ; отдалъ самому себѣ отчетъ въ своихъ идеяхъ; долговременнымъ пребываніемъ въ старой Европѣ повѣрилъ свое мысленіе, и вотъ теперь, облеченный въ авторитетъ, опытный въ критикѣ, твердый въ искусствѣ излагать свои мысли, хочетъ дать въ своей книгѣ отчетъ Россіи, – и Европѣ, если угодно, – въ своихъ изысканіяхъ и въ предметѣ своихъ занятій. Сочиненіе Г. Шевырева являетъ намъ еще одну любо-

пытную сторону: авторъ ея принадлежитъ къ новому поколѣнію въ Словесности, и книга его вѣроятно — сводъ новыхъ рѣшеній весьма важной литературной задачи. Это рѣшеніе необходимо. Мы, — вся Европа, — съ толку сбиты отрывками мнѣній, теорій, журнализма, критицизма, полемики. Кому вѣрить? во что вѣрить? Право не знаешь! Г. Шевыревъ, конечно, рѣшитъ все это.

Да! книга Г. Шевырева взялась за рѣшеніе важнаго вопроса. Это уже не журнальная статья.

Извѣстно всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ современнымъ состояніемъ Изящныхъ Искусствъ, что, съ тѣхъ поръ какъ началась кровавая брань романтизма съ классицизмомъ, новыхъ вѣковъ съ древними, Шекспира съ Рассиномъ, Баттё съ Шлегелемъ, Германіи съ Франціею, — что эта брань переходила черезъ всѣ степени измѣненій. И чѣмъ кончилась она? Тѣмъ, что мы стоимъ на полѣ битвы, усѣянномъ трупами витязей, падшихъ съ обѣихъ сторонъ, и тѣлами другихъ, тяжело раненныхъ; между развалинами стараго и развалинами новаго, нѣкогда такъ много обѣщавшаго. Мертвые молчатъ, по своей старинной привычкѣ; развалины доказываютъ, что пораженіе равно постигло обѣ стороны; раненые, утративши много крови, не въ силахъ сказать, кто побѣдилъ. Въ битвѣ употреблены были подкупы, измѣны, отступленія; ведены были ложныя аттаки; строили скрытыя баттареи; горячность заводила обѣ стороны за предѣлы. Какъ тутъ отличить ложь отъ истины? Кому вѣрить? и во что вѣрить теперь? повторяемъ мы. Грозно отвѣчаютъ намъ, что «геніи суть основы всему», а «законовъ въ Искусствѣ собственно ни какихъ нѣтъ»; что поэты и художники должны творить какъ имъ угодно и что имъ угодно». Быть по сему! Но между-тѣмъ такая бѣда, что геніи не являются: современныя словесности, Французская, Нѣмецкая, Англійская, наполняются уродами; славы блекнутъ, «громогласная

пустота», – если позволите употребить выраженіе Гезіода, – охватываетъ міръ, въ которомъ недавно текли свѣтила величайшихъ надеждъ, и пока одни прославляютъ «беззаконіе Изящнаго», другіе безпрерывно пишутъ уложенія, теорій, и каждое новое уложеніе противорѣчитъ предъидущему.

«Беззаконію Изящнаго» мы не вѣримъ: въ современной словесности видимъ мы подтвержденіе нашему невѣрію, и говоримъ: брань кончена, споръ рѣшенъ; теперь, являйтесь, геніи, для сотворенія истинныхъ современныхъ образцовъ, а между-тѣмъ нужно уложеніе Изящнаго, сообразное съ новыми требованіями, съ новыми опытами, новыми пріобрѣтеніями ума. Какіе будутъ эти новые законы? въ какія формы облекутся правила? Дѣло не наше, а тѣхъ, кто пріймется за теорію, – природную и неизбѣжную руководительницу практики и, воля ваша, необходимое руководство самыхъ геніевъ. Отрицаніе всякаго правила – такое же правило какъ и всѣ другія. Какъ же его привести въ дѣйствіе? Чему слѣдовать, чего избѣгать, что бъ быть совершенно беззаконнымъ? Нельзя же ходить вверхъ-ногами! Не возможно проглотить солнца, какой бы апетитъ ни овладѣлъ вами! Домъ безъ крыши и потолка ни куда не годится, хоть бы онъ былъ построенъ величайшимъ геніемъ. И въ самомъ безразсудствѣ долженъ быть разсудокъ. И въ самомъ беззаконіи есть свои законы, потому что и оно не можетъ быть безъ какой-нибудь цѣли. Имѣютъ ли Изящные Искусства какую цѣль? Все въ мірѣ имѣетъ ее. Поэмы и романы пишутся ли длятого чтобы писать, или чтобы ихъ читали и чтобы они нравились читателю? Слѣдственно должны быть правила для Искусствъ и Словесности, выведенныя изъ ихъ цѣли и изъ общей природы человѣка-читателя. Отсутствіе всякаго закона въ Изящномъ – прямая безсмыслица.

Мы, Русскіе, принимали участіе въ новѣйшихъ ли-

тературныхъ битвахъ, – бились, – хоть обломками палокъ, которые прилетали къ намъ изъ старой Европы, однако жъ бились, и у насъ теперь то же, что у другихъ. Мы также перестали вѣрить всему старому; ждемъ явленія геніевъ, и не дождемся; между-тѣмъ видимъ безпрерывныя попытки на новыя теоріи, и безпрерывное проявленіе литературнаго уродства. Согласитесь ли вы послѣ этого, какъ важенъ для насъ голосъ Г. Шевырева, молодаго ученаго, который самъ служилъ нѣкогда ратникомъ въ классико-романтическихъ бояхъ, ходилъ войною на бусурманы прошлаго вѣка, «стоялъ на костяхъ», и теперь подписываетъ приговоры неумолимаго литературнаго судіи въ журналахъ, преподавая въ то же время Науку Изящнаго съ академической каѳедры.

Но, скажутъ, Г. Шевыревъ издастъ только исторію Поэзіи: почему же въ его книгѣ хотите вы искать разрѣшенія вопросовъ о современной теоріи Изящнаго, о положительныхъ законахъ Словесности? Отвѣчаемъ: въ числѣ предметовъ, въ которыхъ уже всѣ согласились, надобно поставить рѣшительное отриновеніе ограниченныхъ правилъ Изящнаго, которыя выводятся изъ какихъ-нибудь исключительныхъ образцовъ, безусловно принимаемыхъ за Изящное, – такъ напримѣръ классицизмъ видѣлъ его только въ Древнихъ, – и правилъ Изящнаго, почерпнутыхъ изъ произвольной теоріи, – такія правила предписывала себѣ школа Баттё и Лагарпа. Отсюда, образовалось нынѣшнее «историческое» направленіе въ сужденіи объ Изящномъ и Словесности. Отсюда, умы въ Европѣ заняты не критикою по условіямъ, но исторіею Словесности всѣхъ народовъ, Исторіею просто, которая хочетъ знать напередъ все, что только дѣлалъ человѣкъ, а потомъ уже будетъ судить о томъ, какъ онъ дѣлалъ, и изъ этого попытается вывести повѣрку теорій. Шагъ впередъ, и важный шагъ! Для этого, ученость Францу-

зовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ, устремилась теперь на Востокъ, въ Скандинавію, Китай, Индію, Египетъ, Византію, къ Славянамъ, въ Провансъ, въ Шотландію, въ Мавританскую Гренаду; для этого, изучаетъ она критически языки, грамматики, переводитъ Нибелунги и Магабхараты, пѣсни Труверовъ и Слово о полку Игоревомъ. Много уже сдѣлано; еще безмѣрно много остается сдѣлать, но изъ сдѣланнаго уже многое утверждено и признано; уже исторія поясняетъ во многомъ теорію, теорія исторію, и вотъ почему, до окончательнаго рѣшенія дѣла на какомъ-нибудь литературномъ конгрессѣ, «исторія Изящнаго» теперь для насъ покамѣстъ то же, что прежде была «классическая теорія». Г. Шевыревъ имѣлъ точно эту самую мысль, издавая свои чтенія, и, увѣренный въ собственныхъ силахъ, онъ говоритъ это положительно и торжественно. Не только говоритъ онъ, что исторія должна быть повѣркою теоріи, а теорія исторіи, но что даже современную Науку Изящнаго можно назвать *мыслящею исторіею*, у которой умозрѣніе — душа, практика — тѣло. Этого мало: онъ смѣло «упрекаетъ» всѣхъ Европейцевъ въ «односторонности воззрѣній»; онъ уничтожаетъ авторитеты Вилльмена, Вендта, Аста, Вахлера, Фридриха Шлегеля; другіе историки, какъ то, Женгенѐ, Сисмонди, Бутервекъ, Шелль, Сальфи, едва заслуживаютъ отъ него названія «компиляторовъ, лишенныхъ духа критики». Далѣе, Г. Шевыревъ не хочетъ даже вѣрить «выводамъ другихъ», ни переводамъ, если они сдѣланы другими съ иностранныхъ языковъ. Онъ громко призываетъ Русскихъ думать и жить своимъ умомъ: иначе, говоритъ онъ, мы явимся рабскими подражателями, впадемъ въ обезьянство. «Наука, говоритъ онъ, требуетъ недовѣрія, и въ ней ничего нѣтъ вреднѣе какъ чужая опытность: мы можемъ имѣть надежду современемъ даже опередить нашихъ предшественниковъ.» Согласитесь, что

нашъ ученый любитъ дѣлать смѣлыя наведенія и предпринимаетъ трудъ великій; что отъ книги его, облеченной еще такимъ важнымъ заглавіемъ, мы вправѣ требовать разрѣшенія всѣхъ нашихъ вопросовъ. Это уже не Бутервекъ, не Женгенѐ, не Сисмонди. Трудъ его будетъ притомъ весьма обширный: мы узнаемъ это изъ предисловія и объявленія въ газетахъ. Онъ хочетъ «написать полную Исторію Поэзіи и Краснорѣчія», – сначала Поэзіи, изъ которой теперь публика видитъ уже вступленіе и исторію поэзіи Санскритской и Еврейской. Исторія Греческой и Римской уже готовы, «но требуютъ еще отработки и пересмотра.» Исторія Итальянской Поэзіи «доведена уже до XV вѣка, а за тѣмъ издадутся и прочія.»

Указавъ на предметъ и важность книги Г. Шевырева, обращаемся къ исполненію предположеннаго огромнаго труда, и прежде всего сознаемся въ недовѣрчивости, какую, при всемъ нашемъ предубѣжденіи въ дарованіяхъ и учености молодаго автора, могло возбудить подобное предпріятіе. Сколько передумать и размыслить надобно, для составленія вѣрнаго плана, тому, кто рѣшается на подобный трудъ! И какая огромная эрудиція нужна длятого чтобы потомъ исполнить его! Разсмотримъ же книгу въ обоихъ отношеніяхъ, – сперва планъ, потомъ исполненіе.

Мы уже объяснили современное значеніе словъ «историческое направленіе»; мы сказали, что это есть – понятіе о факто-критико-философическомъ основаніи науки, равно отвергающемъ и безусловный переборъ фактовъ и произвольную теорію. Однако жъ истинная теорія здѣсь не отвергается: ибо какъ писать исторію, не имѣя теоретическихъ, опредѣленныхъ, понятій о предметѣ? Это все-равно что плыть по морю безъ компаса и карты. Г. Шевыревъ совершенно согласенъ съ нами. «Изученіе мое есть чисто историческое, въ соединеніи съ философскимъ воззрѣніемъ»,

говоритъ онъ. Послѣ этого, главное, что намъ необходимо знать – какъ опредѣляетъ авторъ свой предметъ? Безъ опредѣленія нельзя же начать дѣла. Вслѣдствіе чего является у него теперь «исторія Поэзіи» только? Какіе предѣлы ставитъ онъ своему предмету?

Трудно съискать рѣшеніе на всѣ эти вопросы въ книгѣ Г. Шевырева. Онъ начинаетъ науку и исторію Поэзіи съ «Слова», потому отъ слова *слово* кажется ему производящимъ названіе *словесности*. Къ Слову относится у него «все, что только выразило жизнь человѣческую на безчисленныхъ языкахъ, отъ первыхъ словъ Адама до послѣдняго нумера позднѣйшаго журнала.» Всю эту громаду человѣческихъ словъ дѣлитъ онъ на «исторію языковъ и исторію наукъ, какъ словеснаго выраженія умственной жизни человѣка»; исторію законодательствъ, какъ выраженія нравственной дѣятельности; исторію Краснорѣчія и Поэзіи, какъ выраженія «гражданской и эстетической жизни человѣка въ словѣ», и заключаетъ такъ: «Отдѣляю себѣ ту часть исторіи Слова человѣческаго, въ которой выражается исключительно *дѣятельность художественная.*»

Не слѣдовало ли прежде всего изъяснить, почему въ Словѣ видитъ авторъ начало своего дѣла? Не слѣдовало ли изъяснить потомъ, изъ чего выведено имъ дѣленіе произведеній Слова на пять частей, и почему отдѣляетъ онъ себѣ только гражданское и эстетическое, или, какъ говоритъ авторъ, «художественное» выраженіе словесной дѣятельности? Не почитайте этихъ вопросовъ привязками: сохрани насъ Богъ отъ этого! – не думайте объ опредѣленіи, основномъ и первоначальномъ, какъ о педантствѣ. Не ссылаясь уже на несчастныя слѣдствія произвольныхъ теорій и дѣленій, мы смѣло утверждаемъ, что всякое знаніе должно быть логическимъ силлогизмомъ. Приступая къ наукѣ, прежде всего должно условиться въ ея предметѣ, и по-

томъ въ значеніи словъ, какъ выраженіяхъ предмета. Безъ этого, люди не поймутъ другъ друга, авторъ и читатель собьются съ пути, наука не будетъ наукою. Не странно ли, что, сдѣлавъ произвольное опредѣленіе, дѣленіе и выборъ предмета, нашъ авторъ вовсе не хочетъ отдать отчета даже въ значеніи взятаго себѣ отдѣла, не хочетъ говорить о томъ, что такое разумѣетъ онъ подъ *гражданско-эстетическимъ* и *художественнымъ* выраженіемъ слова! «Я не считаю нужнымъ объяснять вамъ, что такое — художественная или эстетическая дѣятельность человѣка». Почему же? «Предполагаю, говоритъ авторъ, что это должно быть совершенно вамъ извѣстно изъ лекцій Эстетики.» Можно возразить автору, что, если такъ, не нужно было писать и исторіи Поэзіи: вѣдь все, что ни вздумалъ бы онъ сказать, извѣстно уже изъ лекцій Исторіи. Но не въ томъ ли и заключается сущность каждой науки, отдѣльно взятой, что въ ней совокупляютъ все необходимое для отдѣльной полноты ея? Всѣ знанія можно разкласть по частямъ на другія знанія, такъ, что каждое систематическое знаніе совершенно уничтожится этою раскладкою: только изъ совокупленія этихъ разничныхъ частей составляется совокупность каждаго знанія отдѣльно. Не странно ли, что отказавшись отъ первоначальныхъ, точныхъ опредѣленій предмета, авторъ смѣло отправляется впередъ, безотчетно дѣлитъ, судитъ, рѣшаетъ, и наконецъ начинаетъ строить свое огромное зданіе, — цѣлую исторію Поэзіи! Темно упоминаетъ онъ, что эстетическая дѣятельность человѣка выражается Поэзіею и Краснорѣчіемъ; что они различаются одна отъ другаго цѣлію; что Поэзія есть «искусство самобытное, гдѣ Слово служитъ красотѣ, какъ живая форма въ жизни свободной, самостоятельной»; что краснорѣчіе есть «изящное слово для цѣли ученой или гражданской». Затѣмъ слѣдуетъ жестокое нападеніе на всѣхъ думающихъ иначе,

V.

КРИТИКА.

ОЧЕРКИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. *Сочиненіе* Константина Базили. *Санктпетербургъ, 1835. Двѣ части.*

По обѣщанію, мы возвращаемся къ книгѣ Г. Базили. То, что мы сказали объ ней въ Литературной Лѣтописи, увольняетъ насъ отъ всякихъ разсужденій съ авторомъ; но остается еще ея содержаніе, съ которымъ нельзя же не познакомить нашихъ читателей хотя посредствомъ нѣсколькихъ отрывковъ, длятого чтобъ дать имъ понятіе, сколько удовольствія можетъ доставить имъ это небольшое сочиненіе, ежели они захотятъ прочитать его отъ доски до доски. Дѣло въ томъ, что авторъ, дѣйствительно, очень милый, легкій, поверхностный туристъ, ловкій разскащикъ, искусный рисовальщикъ видовъ: это его не отъемлемыя достоинства, и мы охотно признаемъ ихъ даже послѣ вторичнаго прочтенія книги, которое всегда бываетъ опасно для легкихъ сочиненій. Предпочтеніе наше падаетъ на разсказы, «собранные» авторомъ на-мѣстѣ.

Г. Базили, какъ извѣстно, находился при эскадрѣ, бывшей въ Архипелагѣ подъ начальствомъ достойнаго вице-адмирала Рикорда. Этотъ небольшой отрядъ, состоявшій изъ двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ бриговъ, простился наконецъ съ Греціею, чтобы черезъ Константинопольскій Проливъ, возвратиться къ Черноморскимъ берегамъ Россіи. Г. Базили сходилъ съ фрегата на Троянскую долину любоваться на дрянныя деревушки и мутные ручьи, которые находятся тамъ — ubi Troja fuit, и видѣлъ интереснаго

трехъ-бунчужнаго пашу Дарданельскаго: этого великаго человѣка, видѣлъ и Г. Мишо. Проплывъ Геллеспонтъ, съ «воспоминаніями сохраненными» о Геро, Леандрѣ, Байронѣ и Музеѣ, о которыхъ воспоминалъ и Г. Мишо, фрегатъ увидалъ наконецъ однимъ вечеромъ, вдали горизонта холмы и минареты Стамбула. Первое впечатлѣніе столицы Махмуда составляетъ очень живописную картину.

«Свѣжее дыханіе мусульманскихъ зефировъ Босфора заставило насъ чертить безполезные галсы. Приближаясь то къ Европѣ то къ Азіи, мы при всякомъ поворотѣ находили на берегахъ какой-нибудь городокъ, и вспоминали заблудшее его имя въ исторіи. Берега Мраморнаго Моря были усѣяны городами; это была цѣлая область предмѣстій всемірной столицы. Этимъ берегамъ завѣщалъ и великій Аннибалъ свою гробницу, вдалекѣ отъ враждебнаго Рима; его не тревожило предчувствіе, что здѣсь воцарится новый императорскій городъ съ торжествующими орлами, со всѣми своими величіями; что сюда склонитъ къ успокоенію голову исполинъ всемірной имперіи, соскучившій въ Италіи; что столица міра, нося въ себѣ зародышъ неисцѣлимаго недуга, перейдетъ сюда, чтобъ почерпнуть въ живительномъ воздухѣ Босфора новыя силы и влачить болѣзненное существованіе еще цѣлое тысячилѣтіе.

«Селиврія, городокъ Европейскаго берега, раздѣлялъ нѣсколько времени съ Константинополемъ честь быть столицею Имперіи, когда эта столица была уже вдова всемірнаго царства, вдова, сохраняющая только грустное воспоминаніе своихъ торжествъ, и какъ тѣнь исчезала передъ полумѣсяцемъ.

«На разсвѣтѣ мы штилевали между предмѣстіемъ Св. Стефана и Скутарскимъ кладбищемъ. Съ какой стороны вы ни войдете въ мусульманскій городъ, можете быть увѣрены, что дорога ваша лежитъ между кладбищъ; пристань предмѣстія названа *пристанью мертвецовъ;* отъ нея ежедневно гробы правовѣрныхъ переплываютъ море къ берегамъ успокоенія, къ материку Азіи, гдѣ пребываютъ всѣ мусульманскія святыни, и благочестивые города Мекка и Медина. Свѣтлый Босфоръ здѣсь представляетъ картину Ахерона; есть осо-

бенныя лодки для мертвецовъ, и старики Хароны также взимаютъ съ нихъ свой оболъ.

«Утреннее дыханіе Босфора тушило одну за другою послѣднія звѣзды и осторожно снимало съ горъ дымчатое покрывало тумана. Мечети, которыя вѣнчаютъ холмы города, одѣлись первыми лучами восходящаго солнца, но мѣстами еще лежалъ сомнительный полусвѣтъ, какъ лѣнивое облако надъ утренними снами и утреннею нѣгою Стамбула.

«Между широкими куполами и тонкими минаретами Константинопольскихъ мечетей поднимается тяжелая Башня Сераскира; массивная, оловяная, коническая крыша надѣта на ней, какъ дервишская шапка. Это памятникъ послѣдняго великаго переворота Турецкой имперіи; Башня Сераскира построена послѣ истребленія Янычаръ, и она первая привѣтствуетъ взоры путешественника надъ столицею Махмуда, отличая новую ея физіономію такъ, какъ куполъ Святаго Петра надъ католическимъ Римомъ, какъ готическіе шпицы надъ Германскими городами, какъ золотой шпицъ сѣверной столицы надъ гробомъ сѣвернаго великана.

«Нѣсколько часовъ мертвое безвѣтріе держало фрегатъ неподвижнымъ передъ входомъ въ Босфоръ. Необъятная картина Константинополя съ его цвѣтущими предмѣстіями, — единственное и самое величественное въ мірѣ зрѣлище, было раскинуто предъ нами и освѣщенное праздничнымъ блескомъ Іюльскаго дня. Широкій полуостровъ выдается въ море, обтянутый каменнымъ поясомъ древнихъ стѣнъ. Босфоръ и Мраморное Море смиренно омываютъ эти стѣны; воздушные сады съ высоты террасъ смотрятся въ прозрачную воду, и промежъ темной зелени кипарисовъ выглядываетъ золоченая кровля и непроницаемая рѣшетка. Нѣсколько зданій, то тяжелыхъ и раздавленныхъ подъ свинцовыми куполами, то стройныхъ, легкихъ и фантастически разнообразныхъ, сбѣжались въ группу, чтобы очаровать взоръ.

«Это Сераль; его кипарисы бросаютъ свою грустную тѣнь не на кладбище: они какъ стражи ревниво закрываютъ подъ неувядающею зеленью игры и шалости Серальскихъ затворницъ, которыхъ жизнь укрылась въ тѣни какъ во гробѣ. Смотря съ этой стороны на дворецъ Султановъ, который занимаетъ мѣста пространствомъ на цѣлый городъ, и въ кото-

ромъ живутъ нѣсколько тысячъ невольниковъ, невольницъ, стражей и придворныхъ, вы подумаете, что въ немъ нѣтъ живаго существа, или что все уснуло, какъ въ заколдованныхъ дворцахъ Арабскихъ сказокъ. Султанъ Махмудъ соскучился въ нѣгѣ этого Эдема; его любимое мѣстопребываніе — въ новопостроенномъ дворцѣ на Азіятскомъ берегу и въ Босфорскихъ предмѣстіяхъ; можетъ-быть ему тяжки воспоминанія юности, проведенной здѣсь въ заточеніи.

«Мѣстоположеніе Сераля превосходитъ всякое описаніе; съ одной стороны взоры утопаютъ въ горизонтѣ Мраморнаго Моря, и его беспредѣльность внушаетъ чувство отраднаго успокоенія, которое какъ капля росы освѣжаетъ душу. Потомъ группа Княжескихъ Островов и Азіятскій берегъ, — эта цѣпь широкихъ, цвѣтущихъ холмовъ, предмѣстій, долинъ и садовъ, переносятъ взоры въ Босфоръ, кипучій жизнію, съ его легкими гондолами, со стаями чаекъ, съ мирными дельфинами, которые слѣдуютъ за кораблемъ изъ Чернаго Моря, съ Султанскимъ флотомъ, съ дворцами, съ кладбищами и террасами садовъ; потомъ заливъ, составляющій Константинопольскій портъ и названный «Золотымъ рогомъ», являетъ глубокую перспективу многихъ тысячъ домовъ и кораблей, по которой усталый взоръ бѣжитъ до мирнаго предмѣстія Эйюбъ, а надъ нею возвышаются холмы Стамбула и Перы и громады мечетей. Среди этихъ чудесъ Константинополя, въ центрѣ амфитеатра составленнаго изъ Европы и Азіи, небольшія зданія Сераля, перемѣженныя садами, производятъ самый живописный эффектъ. Ни какая архитектура не могла бы лучше согласоваться съ магическою гармоніею столь разнородныхъ видовъ; и если бы огромный дворецъ стоялъ на этомъ мѣстѣ, его масса казалась бы мелкою и ничтожною, онъ бы терялся въ хаосѣ пейзажей..... Въ началѣ прошлаго вѣка Французъ Турнфоръ хотѣлъ, чтобы Серальскія зданія были разрушены до основанія, и чтобы выстроили на этомъ мѣстѣ дворецъ во вкусѣ Лувра.

«Около полудня подулъ свѣжій вѣтерокъ; нашъ фрегатъ прошелъ передъ Султанскимъ флотомъ, съ громомъ салютовъ; нѣсколько разъ вѣтеръ измѣнялъ намъ въ извивистомъ проливѣ, и лавируя въ его узкости, легко накренившись, онъ граціозно летѣлъ подъ полными парусами къ домамъ пред-

мѣстій, и при быстрыхъ поворотахъ едва не задѣвалъ бушпиртомъ легкихъ домовъ и кіосокъ, гдѣ Османлы, сидя на мягкихъ диванахъ, курили свои вѣчныя трубки и освѣжались дыханіемъ Босфора.

«Есть домы, построенные надъ самымъ моремъ; брызги волнъ влетаютъ въ отворенныя окна; занавѣсъ надувается отъ вѣтра какъ парусъ, и при порывахъ бури нерѣдко шаткое деревянное зданіе трещитъ и гнется какъ корабль.»

Предваряемъ, что мы принуждены нѣсколько очищать слогъ автора. Вечеромъ, фрегатъ бросилъ якорь у замка Румили-Гисари, построеннаго на Европейскомъ берегу, противъ Азіятскаго замка Анадолу-Гисари. Каички «гребецъ,» который перевозилъ Г. Базили съ фрегата въ Бююкдерѐ, не имѣлъ у себя въ запасѣ «воспоминаній сохраненныхъ» объ исторіи этого замка. Онъ только съ ужасомъ указалъ ему на низкія ворота, изъ которыхъ въ одну ночь выбросили въ море нѣсколько тысячь Янычаръ. Ихъ увѣрили, что они помилованы, и что каики ожидаютъ ихъ для перевоза въ Азію; узкій корридоръ подъ крѣпостною стѣною ведетъ къ этому выходу, и по мѣрѣ того, какъ они, нагнувшись, выходили, палачи ихъ хватали, душили и бросали въ Босфоръ.

Черноморскій флотъ и десантъ, которые однимъ своимъ присутствіемъ на Азіятскомъ берегу отвратили ударъ, приготовленный столицѣ Оттомановъ, отправился въ Россію до прибытія въ Босфоръ эскадры. Г. Базили пошелъ осмотрѣть Хункяръ-Искелеси, долину, на которой стоялъ лагеремъ Русскій отрядъ.

Всю суматоху Востока кончила Русская дивизія съ небольшимъ отрядомъ Казаковъ и съ Черноморскимъ флотомъ; Египетская конница не прискакала растоптать прекрасные берега, покровительствуемые нашими силами.

«Я поспѣшилъ къ тому мѣсту, которое недавно было занято лагеремъ; будущая весна наброситъ свою зеленую мантію на пыльный слѣдъ Казака. Эта одна изъ лучшихъ долинъ

Босфора; свѣжая рѣчка Токатъ бѣжитъ по ней среди каштановыхъ деревъ и платановъ: она называлась Босфорскимъ Нимфеемъ въ ту эпоху, когда нимфы Босфора были не мусульманки. Въ ней расположилось лагеремъ Крестовое войско Людовика VII; промышленники столицы открыли передъ лагеремъ свои лавки, и были ограблены крестоносцами. Эти воспоминанія теперь оживляются свѣжими слѣдами другаго Христіанскаго лагеря и другихъ воиновъ, которые впрочемъ никого не ограбили. При крестоносцахъ стоялъ здѣсь какой-то памятникъ, названный *Золотою колонною;* огромный отломокъ гранита поставленъ теперь на высокомъ холмѣ памятникомъ нашего войска.

«Графъ Орловъ далъ праздникъ передъ отправленіемъ Русскихъ въ возвратный путь, праздникъ, какого еще не видали берега Босфора, и въ которомъ Европа и Азія соединили блескъ своихъ огней и эхо двухъ міровъ согласно разливало въ пятидесяти роскошныхъ долинахъ Босфора громъ Русской артиллеріи и Русское торжественное *ура*. Блистательный походъ, увѣнчанный полнымъ успѣхомъ, достойно заключился подобнымъ празднествомъ. Нѣсколько дней прошло, и Бююкдерскій праздникъ принималъ уже въ расказахъ простаго народа тотъ колоритъ, которымъ одѣваются на Востокѣ, въ странѣ чудесъ и волшебниковъ, преданія старины и воспоминанія о дворѣ Халифовъ.»

«Это былъ первый Европейскій праздникъ, въ которомъ присутствовалъ халифъ Востока: султанъ Махмудъ около полуночи прибылъ въ Бююкдерѐ на своемъ пароходѣ, былъ зрителемъ, и изъявилъ свое удовольствіе нашимъ генераламъ и посланнику. Недавно видѣли его въ Азіятскомъ лагерѣ, гдѣ онъ дѣлалъ смотръ двумъ союзнымъ войскамъ, слушалъ рапорты Русскихъ гренадеръ и привѣтствовалъ по-Русски ихъ стройные ряды.»

Авторъ кстати дѣлаетъ замѣчанія о перемѣнѣ въ образѣ жизни Султана, которыя будутъ интересны для всѣхъ читателей.

«Теперь одѣтый просто, Европейскимъ офицеромъ, онъ столько же занятъ своими полками, сколько его предшественники занимались гаремами; и, въ дѣятельномъ порывѣ

своихъ преобразованій, онъ болѣе имѣетъ движенія въ нѣсколько дней, нежели многіе изъ нихъ имѣли во все свое царствованіе. Самая его физіономія значительно измѣнилась; лице его прежде было покрыто болѣзненною блѣдностію,—цвѣтомъ гаремовъ; а окружавшая его пышность Сераля еще болѣе увеличивала природную его суровость. Въ послѣднее пребываніе въ Константинополѣ, я не могъ надивиться перемѣнамъ, которыя нашелъ въ немъ. Первый разъ случайно я встрѣтилъ султана въ одномъ изъ предмѣстій, въ Бешикташи, на набережной; онъ выходилъ отъ султанши, любимой сестры. Сперва я его не узналъ, однако жъ успѣлъ вовремя остановиться и поклониться ему; на поклоны Европейцевъ и своихъ подданныхъ онъ обыкновенно отвѣчаетъ ласковымъ взглядомъ и улыбкою, но головою даже не киваетъ. Теперь лице его приняло легкій колоритъ лагерной жизни; выраженіе сдѣлалось живо и проницательно; но взглядъ неподвижно и тяжело падаетъ на васъ, и въ немъ таится что-то напоминающее судьбу Янычаръ. Царедворцы называютъ его Александромъ Грознымъ; одинъ его взглядъ остановилъ бы, словно каменная стена, сто тысячъ *Яджуджи*, Гоговъ и Магоговъ. Его огромный фесъ, на коемъ разсыпалась шелковая кисть, спускается до самыхъ бровей и придаетъ лицу еще болѣе мрачности. Онъ теперь носитъ бороду весьма коротко остриженную; она совершенно черна: подозрѣваютъ, что онъ ее краситъ, чтобы сдѣлать свою физіономію болѣе мужественною; онъ роста средняго, но плечистъ и хорошо сложенъ; говорятъ, что онъ весьма здороваго сложенія и ненавидитъ Медицину и медиковъ. Онъ гораздо красивѣе на лошади, и, съ того времени какъ принялъ новый костюмъ и ѣздитъ на Европейскомъ сѣдлѣ, онъ легко и свободно скачетъ на Арабскомъ жеребцѣ предъ фронтомъ. Султанъ одѣвается съ большимъ вкусомъ, и на немъ можетъ понравиться костюмъ, который онъ ввелъ и нерѣдко *плачетъ*, по выраженію Монтеня, на важныхъ Османлы. Особенною изящностью отличается его Французскій сапогъ и золотая шпора. Долго не хотѣлъ онъ при Европейскомъ своемъ костюмѣ надѣть перчатки: наконецъ и перчатки вошли въ число нововведеній. Рѣдко можно видѣть его безъ плаща, какъ и всѣхъ знатныхъ людей въ Турціи. Турки такъ много издѣвались

надъ узкою одеждою Европейцевъ, человѣкъ казался имъ такъ мелкимъ, такъ непристойнымъ въ Нѣмецкомъ платьѣ, что и теперь они всё какъ-то совѣстятся показываться въ курткахъ и въ казакинахъ, особенно передъ народомъ и, чтобы не потерять своей важности, накидываютъ легкіе круглые плащи яркихъ цвѣтовъ на свой новый костюмъ. Прежній этикетъ требовалъ, чтобы къ важнымъ людямъ и вообще къ высшимъ являться всегда въ дорожномъ плащѣ, *бинишъ*. Когда даже были церемоніяльныя аудіенціи Европейскихъ посольствъ, при выходѣ изъ залы надѣвали на посланниковъ и на всю свиту почетные кафтаны, какъ-бы изъ состраданія къ ихъ наготѣ (?). Въ этихъ аудіенціяхъ Европейцы не имѣли даже обычая снимать шляпы: было бы весьма неучтиво сидѣть съ открытою головою, какъ-будто въ банѣ, въ присутствіи такого важнаго лица, каковъ напримѣръ великій визирь.

«Теперь любопытнѣе всего слѣдить въ Константинополѣ какимъ образомъ перессиливаются по-немногу эти старыя, наслѣдственныя понятія Турокъ. Мода начала борьбу свою съ ними: доведетъ ли она и Турокъ до того, чтобы, подобно Европейцамъ, каждое поколѣніе не могло безъ смѣха смотрѣть на костюмы своихъ отцевъ?.... Говорятъ, что это необходимо для образованія и для успѣховъ гражданственности.

«Подобныя мысли невольно навѣщаютъ насъ, когда видите передъ собою великаго халифа, о пышности и восточномъ великолѣпіи котораго столько наслышались съ дѣтства, — когда его видите въ нарядѣ, въ которомъ онъ болѣе похожъ на казацкаго офицера нежели на Оттоманскаго падишаха. Черный осьми-весельный каикъ безъ всякихъ украшеній ожидалъ Султана у пристани; гребцы были Греки, въ легкой одеждѣ Босфорскихъ моряковъ. Онъ быстро прорѣзалъ Босфоръ до новаго дворца на Азіятскомъ берегу въ Бейлербеѣ, гдѣ теперь — любимое его мѣстопребываніе.»

«Я вспомнилъ еще недавніе годы, когда двадцать пышныхъ гондолъ горѣли какъ жаръ на волнахъ *Богаза* (Босфора), и мчали султана съ его дворомъ изъ Сераля въ предмѣстія или въ мечеть. Двадцать шесть бостанджи гребли золоченными веслами на золоченной *качамбѣ*: подъ алымъ балдахиномъ сидѣлъ повелитель правовѣрныхъ, и передъ нимъ на колѣнахъ рабы и придворные. Бостанджи-баши, мрачный

исполнитель тайныхъ казней, управлялъ рулемъ; впереди ѣхалъ серальскій сановникъ Девлетъ-агасы, и, съ благоговѣніемъ держа въ рукахъ богатую чалму, наклонялъ ее по обѣ стороны въ знакъ султанскихъ привѣтствій народу; за качамбою летѣла легкая султанская гондола, которая отъ остроконечной формы своей получила названіе *кырлангыджъ*, ласточки, и которая должна была везти султана обратно въ Сераль. Баттареи адмиралтейства, баттареи Сераля, гремѣли, и регулярные артиллеристы, *топчи*, выстроенные предъ красивыми казармами Топханы, стройно и мѣрно кланялись до земли своему падишаху. Теперь только по пятницамъ, когда султанъ ѣдетъ въ мечеть, его окружаетъ нѣкоторая пышность, впрочемъ весьма измѣнившая свой восточный характеръ.

«Онъ съ каждымъ годомъ уменьшаетъ придворные чины прежняго многосложнаго церемоніала своего двора, въ которомъ соединились обычаи Татарскихъ хановъ съ безконечнымъ этикетомъ Византійцевъ: тотъ долженъ былъ нести чалму и кланяться народу, другой серебряный кувшинъ съ водою для утоленія жажды султана, третій подножіе, на которое становился онъ садясь на лошадь, четвертый сыпать предъ нимъ народу горсти монеты; строй мрачныхъ усачей, *чаушъ*, окружалъ его, и, когда слѣзалъ онъ съ коня, они хоромъ кричали: — « Да сохранитъ Аллахъ падишаха, нашего господина», что такъ вѣрно напоминаетъ *полихронисонъ*, «многая лѣта», который провозглашали тѣлохранители Цезарей.

«Въ первыхъ числахъ іюля праздновали въ Сералѣ переводъ изъ одного класса ученія въ другой султанскаго наслѣдника Абдуль-Хамида. Я былъ съ толпою народа у мечети Махмудіѐ, въ которую Султанъ повелъ въ этотъ день своего сына. Первый разъ показывался публично народу молодой принцъ которому совершилось тогда десять лѣтъ. Гвардейскіе полки были выстроены съ обѣихъ сторонъ улицы; шахзадѐ (царевичъ) въ костюмѣ регулярнаго офицера ѣхалъ впереди своего отца, и весь дворъ сопровождалъ въ этотъ день своего повелителя въ мечеть, гдѣ наслѣдникъ долженъ былъ принять благословеніе имама при началѣ новыхъ уроковъ.

«Нѣсколько просьбъ были представлены султану передъ

входомъ его въ мечеть : это всегдашній обычай въ Турціи; шествіе во храмъ — единственный случай, въ которомъ подданные приближаются къ монарху; тогда ему приносятъ свои жалобы, какъ-будто передъ часомъ молитвы сердце его доступно всѣмъ несчастнымъ его державы.

«Въ рѣчи, которую имамъ произнесъ въ тотъ день Султану, онъ называлъ молодаго принца «прекраснѣйшимъ изъ «цвѣтовъ на великомъ цвѣтникѣ благочестія и державы; дра«гоцѣннѣйшимъ отросткомъ въ саду величія и побѣдъ; кра«сивѣйшею перлою монархіи, блистательнѣйшею звѣздою на «ясномъ небѣ народнаго благополучія и мира. Въ немъ все «дышетъ благородствомъ и великолѣпіемъ его грознаго от«ца, — да ниспошлетъ ему побѣды великій Аллахъ! Молодая «вѣтвь его существованія такъ величественно растетъ въ «глазахъ двора, удивленнаго его совершенствами, и украша«етъ собою виноградникъ халифата, обѣщая покрыть весь «міръ своею тѣнію.» Подобныя напыщенности Востока остались у Турокъ вмѣстѣ съ преданіями о древнемъ ихъ могуществѣ; можетъ-быть тогда имѣли свое значеніе: теперь это просто риторическія фигуры, присвоенныя языку. Литература переживаетъ народъ.

«Махмудъ съ нѣжностью любитъ своего сына и дочерей, особенно старшую изъ нихъ, о замужствѣ которой съ Халиль-Пашею уже поговаривали въ Стамбулѣ. Встарину султанши были выдаваемы за владѣтельныхъ князей, своихъ вассаловъ. Магометъ III сталъ ихъ выдавать за своихъ сановниковъ, потому что у него было двадцать пять сестеръ и множество дочерей. Съ того времени замужство принцессъ вошло въ финансовую систему Сераля; ихъ обручали еще въ колыбели съ самыми богатыми пашами, которые должны были ежегодно вносить значительную сумму на ихъ содержаніе. Нерѣдко молодая принцесса до эпохи своего замужства успѣвала пережить многихъ старыхъ жениховъ, и когда выходила замужъ, паша, дожившій до этой чести, долженъ былъ оставить въ скоромъ времени столицу, и не имѣлъ права взять съ собою супругу. Теперь это измѣнилось. Халиль-Паша, зять Султана, живетъ въ Константинополѣ съ своею супругою.»

«Султанши дочери Махмуда жили въ это время въ новомъ

дворцѣ въ Бейлербеѣ; нѣсколько разъ мой каикъ проѣзжалъ подъ ихъ окнами, и за рѣшеткою мелькали неясные силуэты женскихъ лицъ. Дочери султана едва ли пользуются въ своей молодости большею свободою нежели серальскія одалыки; но Махмудъ часто ихъ навѣщаетъ, любитъ отдыхать въ кругу своего семейства отъ заботъ престола, занимается, какъ увѣряютъ, самъ ихъ воспитаніемъ, и подобно Спартанскому царю принимаетъ участіе въ играхъ малолѣтнихъ дѣтей.

«Остается увидѣть, измѣнитъ ли султанъ внутреннюю, семейную политику Сераля или будетъ руководствоваться правилами своихъ предшественниковъ. Въ такомъ случаѣ человѣколюбіе заставляетъ пожелать, чтобы семейство его не умножалось.

«Наступитъ время, когда можно будетъ оцѣнить безпристрастно дѣло Махмуда и обширные его планы; успѣхи покажутъ, понялъ ли онъ свой народъ и свою эпоху, покрылъ ли преобразованіемъ какъ свѣжею корою гнилое дерево, или влилъ въ его жилы новые жизненные соки; но современники не по однимъ успѣхамъ должны судить людей, которые вызываются предъ Промысломъ перемѣнить судьбу цѣлаго народа, стряхнуть съ его понятій пыль старины, освятившуюся вѣками, и пересоздать его будущность. Сила воли, самоотверженіе и благородство намѣреній — главныя черты въ преобразователѣ, и онѣ выказываются во всѣхъ поступкахъ Махмуда. Достигнетъ ли онъ своей цѣли? Или преобразователи, какъ и пророки, никогда не входятъ въ обѣтованную землю?»

Султанъ дорожитъ мнѣніемъ о себѣ просвѣщенной Европы, и даже заставляетъ переводить себѣ статьи Европейскихъ журналовъ, въ которыхъ столько объ немъ толковъ. Онъ на себѣ испыталъ, какъ Европейское мнѣніе заносчиво, неосновательно, капризно и перемѣнчиво въ своихъ приговорахъ. Сначала превозносили его твердость и поспѣшно внесли его въ списокъ великихъ людей; друзья образованности восхищались намѣреніемъ его образовать Турокъ, и со дня-на-день ожидали, что въ Стамбулѣ откроется Оттоманская опера..... Потомъ охладѣли къ нему; внутреннія затрудненія, которыя на всякомъ шагу путали ходъ султанскихъ дѣйствій, были при-

писаны его не предусмотрительности, слабости; наконецъ стали оспаривать и прежнія его заслуги, говорили, что въ великій день 4 іюня Махмудъ показался слабымъ, безхарактернымъ, что при открытіи Янычарскаго бунта онъ сталъ осматривать въ кругу своихъ вельможъ, чьи головы могли бы его примирить съ могучими бунтовщиками, и что его вельможи, видя угрожавшую имъ опасность, рѣшились дѣйствовать противъ воли султана и безъ него удержали побѣду, сполна ему приписанную. Но кто видѣлъ по-ближе дѣла и характеръ Махмуда, не повѣритъ этому. Онъ не уважилъ бы ни какихъ заслугъ при ослушаніи перваго любимца, и головы вельможъ, истребителей рати, были бы выставлены вмѣстѣ съ головами ихъ жертвъ; онъ бы не стерпѣлъ, чтобы кто-нибудь имѣлъ право помыслить о заслугѣ, оскорбительной для султанскаго самолюбія.

«Главное основаніе характера Махмуда, первая пружина всѣхъ его дѣйствій, начиная со дня перехода его изъ серальской темницы на Османскій престолъ, — непреклонное упорство. Планъ его въ истребленіи Янычаръ былъ, какъ мы видѣли, не минутною прихотью, но давно любимымъ его помысломъ, и мщеніе лелѣяло этотъ помыселъ въ его душѣ; онъ не пожалѣлъ своего брата, глупаго Мустафы, при первомъ ихъ бунтѣ; потомъ, оставшись одинъ въ своемъ родѣ, онъ видѣлъ неприкосновенность своей особы, и скорѣе рѣшился бы похоронить себя подъ обломками монархіи, которая безъ него не могла существовать, нежели уступить фанатизму Янычаръ.»

«Кромѣ своихъ обширныхъ плановъ преобразованій, Махмудъ считается несравненно болѣе образованнымъ, нежели длинный рядъ султановъ, его предшественниковъ. Онъ особенно славится въ Сералѣ краснымъ почеркомъ; царедворцы говорятъ, что каждая его буква «звѣзда, достойная висѣть на небѣ вмѣстѣ съ Поясомъ Близнецевъ.» Болѣе чести дѣлаетъ Махмуду стараніе его перемѣнить слогъ своей канцеляріи и освободить его отъ надутыхъ метафоръ и чудныхъ гиперболъ Востока, которыя особенно смѣшны въ теперешнемъ положеніи Турціи. Въ началѣ его царствованія, въ реляціи одного дѣла, въ которомъ Турки удержали небольшой верхъ надъ непріятелемъ, было сказано что они столько на-

рубили непріятельскихъ головъ, что изъ нихъ можно было построить мостъ для переправы всѣхъ гяуровъ въ адъ. Онъ изучилъ слогъ Европейской дипломаціи буквальными переводами многихъ нотъ представленныхъ Портѣ отъ Европейскихъ посольствъ. Несмотря на закоренѣлое презрѣніе Турокъ ко всякому сочиненію, въ которомъ нѣтъ ни слова о солнцѣ, о звѣздахъ, о пескѣ морскомъ, о всѣхъ предметахъ запасающихъ восточные словари милліонами метафоръ, султану понравилась простота, ясность и точность Европейскаго слога; увѣряютъ, что онъ лучшій редакторъ дипломатической ноты въ своей имперіи; а Эсадъ-Эфенди говоритъ, что прославленный слогъ Фирдоуси былъ бы плоскимъ въ сравненіи съ его слогомъ. Махмудъ любитъ литературу и поэзію, особенно когда онѣ ему льстятъ; литераторы, удостоенные его вниманія, говорятъ, что одна султанская благосклонность даетъ твореніямъ ихъ такую славу, передъ которою блѣднѣютъ Плеяды; что передъ его щедростью воды морей были бы «одною глоткою его благотворительности, и всѣ золотыя руды земной утробы одною горстью его подарковъ.» Но изъ всего, что гиперболическая лесть Востока расточала передъ Махмудомъ, ничто, какъ увѣряютъ, не было такъ пріятно его самолюбію, какъ сравненіе съ Петромъ Великимъ.

«Въ прежніе годы, когда онъ подобно своимъ предшественникамъ проводилъ дни не передъ фронтомъ, не на конѣ, а въ гаремной нѣгѣ, любимое его занятіе было рисованіе эмалію, и работы его отличались чистотою вкуса. По религіознымъ понятіямъ Турокъ, каждый правовѣрный, какого бы ни былъ званія, долженъ учиться какому-нибудь рукодѣлію. Почти всѣ султаны повиновались этому обычаю, и годы затворнической ихъ жизни много способствовали ихъ занятіямъ: отецъ Махмуда прекрасно точилъ янтарь, а Селимъ рисовалъ узоры на кисеѣ для женскихъ платковъ.»

Всѣ знаютъ исторію восшествія на престолъ султана Махмуда, славный подвигъ Мустафы-Байрактара, начало преобразованій и истребленіе Янычаръ. Г. Базили, не говоря ничего новаго, разсказываетъ все это весьма мило и занимательно, — гораздо лучше нежели тѣ книги, изъ которыхъ онъ почерпнулъ.

Мы пропускаемъ, поэтому, взглядъ автора на исторію династіи Османа, на исторію Янычаръ, на вакфы, и на все выписанное изъ книгъ, которыя наши читатели вѣроятно знаютъ еще лучше нашего. Гораздо интереснѣе личныя наблюденія путешественника.

«Въ прогулкахъ по Стамбулу и по Босфорскимъ предмѣстіямъ болѣе всего меня удивляли почтенные Османлы, опрятной по скромной наружности, которыхъ встрѣчалъ я постоянно, во всякій часъ, въ кофейныхъ домахъ; они беззаботно курили свой кальянъ, поджавъ подъ себя ноги на диванѣ, и сонный взглядъ ихъ покоился то на семьѣ собакъ, то на игрѣ мальчишекъ, то на водометѣ; только слова *атешъ веръ*, подай огня, выходили въ извѣстные интервалы изъ устъ ихъ, и когда молодое облако дыма фантастически клубилось передъ ними, безстрастное ихъ лице выражало полноту наслажденія, и чело ихъ, всегда свободное отъ думъ, такъ прояснялось, что я представлялъ себѣ ихъ блаженство обильнымъ задаткомъ вѣчнаго кейфа, обѣщаннаго Магометомъ.

«Мое любопытство не одинъ разъ тревожило этихъ практическихъ философовъ школы Предопредѣленія; мнѣ болѣе всего хотѣлось узнать, какой родъ жизни они вели и какія были ихъ средства существованія. Лучшій способъ вступить въ разговоръ съ мусульманиномъ, слѣдуя приличіямъ Востока, предложить ему трубку своего табаку или попросить его кисета; трубка табаку связываетъ знакомство: она то же самое что чарка водки для Русскаго человѣка, что разговоръ о погодѣ въ гостиныхъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, мой добрый Османлò почти всегда доходилъ до чистосердечнаго признанія, что онъ ничѣмъ не занятъ, ни объ чемъ не заботится, а живетъ умѣренною пенсіею отъ какой-нибудь мечети. Это самый спокойный классъ Стамбульцевъ; преобразованія Махмуда ихъ не тревожатъ: когда я спрашивалъ ихъ мнѣнія о судьбѣ Янычаръ, о преобразованіяхъ, объ Ибрагимѣ, они все приписывали судьбѣ и Книгѣ Предопредѣленія, которая посредствомъ Махмуда перемѣнила ихъ красивую чалму на безвкусный фесъ.

«Многіе изъ нихъ досадовали на преобразованіе въ костюмѣ, потому только что они убивали промышленость, которою

занимались прежде въ промѣжуткахъ кейфовъ. Шитые кафтаны, собольи шубы, богатыя седла и дорогое оружіе теперь вывелись изъ Стамбула и освободили Турокъ отъ множества издержекъ; но это вліяніе моды не можетъ быть по вкусу многочисленнымъ сословіямъ промышленниковъ, оставшимся безъ хлѣба, или принужденнымъ ограничиться подаяніями мечетей.

«Я нѣкоторымъ изъ нихъ разсказалъ, какимъ образомъ Лондонскіе парикмахеры, видя, что мода снимала съ Великобританскихъ головъ почтенные дѣдовскіе парики, подали королю Георгу IV протестъ на моду, отнимавшую у нихъ хлѣбъ. Но кажется, что мои Османлы не были расположены жаловаться Махмуду на вводимыя имъ моды.

Г. Базили посѣтилъ многихъ замѣчательныхъ лицъ Махмудова двора; жаль, что онъ не собралъ болѣе подробностей объ ихъ жизни. Онъ видѣлъ бывшаго верховнаго визиря, который претерпѣлъ пораженіе отъ Ибрагима-Паши подъ Коніей. Ибрагимъ сдѣлалъ ему самыя выгодныя предложенія и обошелся съ нимъ какъ-нельзя ласковѣе. Побѣжденный визирь предпочелъ предстать передъ лице разгнѣваннаго султана, и не измѣнилъ ему. Теперь онъ въ немилости, но живетъ спокойно въ своемъ домѣ на Азіятскомъ берегу Босфора. Другое замѣчательное лице, которое авторъ видѣлъ, и теперь первое между вельможами Махмуда, есть сераскиръ Хосревъ-Паша.

«Ему за восемдесять лѣтъ; но красный носъ, и яркій румянецъ на морщинахъ его лица, безпокойная живость взгляда и борода, торчащая остроконечнымъ клочкомъ, производятъ самое непріятное впечатлѣніе при взглядѣ на него. Онъ хромаетъ, ужасно неловко держится на лошади, и на разводы обыкновенно ѣздитъ въ *кочу*, Турецкой каретѣ, нерессорной, обитой съ наружи краснымъ сукномъ, и въ которую обыкновенно садятся только женщины. Сказываютъ, что онъ приноситъ обильныя возліянія Вакху, и это подтверждается цвѣтомъ его лица. Онъ Грузинецъ, рожденъ въ Христіанскомъ законѣ, былъ въ молодости серальскимъ невольникомъ

вмѣстѣ съ славнымъ Гусейномъ, и сдружился съ нимъ. Когда Гусейнъ былъ сдѣланъ капитанъ-пашею, онъ вспомнилъ стараго товарища и взялъ его къ себѣ въ секретари. За сорокъ слишкомъ лѣтъ передъ этимъ онъ занималъ Египетскій пашалыкъ; потомъ постоянно удержался въ высокихъ должностяхъ, и былъ всегда любимъ дворомъ, при всѣхъ его переворотахъ. Этимъ онъ заслужилъ репутацію глубокомысленнаго политика. При Махмудѣ онъ былъ шесть лѣтъ капитанъ-пашею; къ счастію его передъ самымъ открытіемъ Греческой войны, интриги недруговъ лишили его этого опаснаго мѣста, въ которомъ, можетъ-быть, онъ бы взлетѣлъ на воздухъ отъ брандеровъ Канариса. Онъ впалъ въ немилость, но и въ немилости получилъ Требизондскій пашалыкъ.»

«Махмудъ въ началѣ преобразованій окружилъ свой престолъ людьми, извѣстными по опытности и по уму; Хосревъ былъ вновь сдѣланъ капитанъ-пашею. Славная для Греческихъ моряковъ Самосская битва должна была, казалось, омрачить его военную славу; но Хосревъ придумалъ средство возстановить свою репутацію: остановился въ Дарданеллахъ и сталъ вводить во флотъ строгую дисциплину; каждый день засѣкали до смерти, душили и топили народъ; этимъ дотого напугалъ онъ Турокъ, что всѣ провозгласили его отличнымъ адмираломъ. Дальновидный Хосревъ предчувствовалъ слѣдствія Лондонскаго трактата при упрямствѣ Махмуда, и въ 1827 году упросилъ султана уволить его отъ должности, по слабости здоровья и старости лѣтъ. Турки, имѣя, какъ мы сказали, самое высокое понятіе о военныхъ дарованіяхъ Хосрева, приписали Наваринское несчастіе тому, что не онъ командовалъ флотомъ.

«Съ того времени какъ его сдѣлали сераскиромъ, или военнымъ губернаторомъ столицы и главноначальствующимъ регулярными войсками, онъ показалъ себя однимъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ дѣятельность растетъ съ лѣтами. Онъ славится геніальными мыслями, которыя раждаются въ его головѣ при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Чернь роптала въ Константинополѣ, и Диванъ опасался бунта Янычарской партіи. Сераскиръ послалъ чаушей обнародовать, что онъ собирается наказать нарушителей общественнаго

спокойствія, а за чаушами показался немедленно самъ, объѣхалъ улицы Стамбула, схватилъ до трехъ сотъ человѣкъ, которыхъ физіономіи показались ему подозрительными, и безъ всякаго разбора велѣлъ ихъ душить въ примѣръ другимъ. Не знаю, каково покажется это любителямъ правосудія, но если спросите Хосрева, онъ скажетъ вамъ, что такимъ образомъ сохранено спокойствіе и не пострадали жители столицы отъ грозившаго имъ возмущенія черни. Сердце сераскира окаменѣло отъ лѣтъ, онъ сталъ совершенно равнодушнымъ къ крови; впрочемъ онъ не проливаетъ ея съ свирѣпою жаждою, отличающею многихъ пашей, а только тогда, когда это нужно по его расчетамъ.»

«Говорятъ, что онъ любезностью своего нрава и остроумнымъ разговоромъ пріобрѣлъ особенную благосклонность Махмуда; въ частной бесѣдѣ съ нимъ, Махмудъ снимаетъ бронзовую маску султанской суровости, и свободно шутитъ съ старикомъ сераскиромъ. Но онъ цѣнитъ его умъ, его преданность, ревность его къ преобразованіямъ, и еще болѣе, кажется, высокое объ немъ мнѣніе Турокъ, которые жалѣютъ, что не всегда въ Диванѣ слѣдуютъ мнѣнію Хосрева. Хосревъ питаетъ закоренѣлую, непримиримую ненависть къ Мехмедъ-Алію и къ Ибрагиму, и эта ненависть еще болѣе привязываетъ его къ султану и удвоиваетъ его дѣятельность въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Увѣряютъ, что онъ нѣсколько разъ и давно уже имѣлъ порученіе отдѣлаться отъ Мехмеда средствомъ подобнымъ тому, какое употребилъ онъ съ Смирнскимъ муселлимомъ Кятибъ-Оглу, но что это ему не удавалось, такъ какъ Мехмедъ-Али былъ всегда на сторожѣ при *дружескихъ* его посѣщеніяхъ. Главная страсть сераскира, которая еще усилилась съ лѣтами, — непомѣрная скупость. Султанъ, зная это, сдѣлалъ ему недавно вещь весьма забавную, — подарилъ прекрасный домъ на Босфорѣ, давно конфискованный у одного Армянина и весьма запущенный: сераскиръ отдѣлалъ его и убралъ съ роскошью и со вкусомъ, открылъ въ горѣ новыя терасы для садовъ, провелъ воды, устроилъ бани и фонтаны, и когда все было кончено, пригласилъ султана, чтобы показать ему, какъ высоко цѣнитъ его подарокъ, и что онъ ничего не пожалѣлъ для этого дома, султанъ до такой степени былъ восхищенъ его улучшеніями,

что, отдавая полную справедливость вкусу стараго скряги, взялъ домъ себѣ обратно.

«Сераскиръ принялъ насъ въ другомъ своемъ Босфорскомъ кіоскѣ: я ожидалъ, что онъ употребитъ старинную хитрость Турокъ и войдетъ въ комнату послѣ насъ, чтобы не привстать невѣрнымъ гостямъ; но сераскиръ, прихрамывая вышелъ къ намъ на встрѣчу: вмѣсто важнаго Турецкаго вельможи увидѣли мы веселаго, радушнаго старика, котораго разговоръ былъ оживленъ безпрестанными шутками.»

Не менѣе замѣчателенъ Ахмедъ-Паша, пользующійся тамъ особеннымъ благоволеніемъ Султана. Онъ слыветъ первымъ поборникомъ ново-введеній, особенно по-части промышленности и сельскаго хозяйства. Онъ дотого объевропеился что намѣренъ даже выписывать овецъ мериносовъ изъ Южной Россіи. Съ Халиль-Пашею Г. Базили видѣлся еще въ Средиземномъ Морѣ, когда тотъ командовалъ флотомъ, посланнымъ противъ Мехмедъ-Алія. Неудача кампаніи повредила ему во мнѣніи султана; онъ удержался только черезъ ходатайство сераскира, и изъ капыданъ-паши сдѣланъ начальникомъ артиллеріи. Халиль-Паша, лѣтъ двадцать пять тому вывезенъ былъ изъ Грузіи невольникомъ, и купленъ въ Константинополѣ нынѣшнимъ сераскиромъ. Онъ обратилъ на себя его вниманіе, и вышелъ въ люди. Послѣ Адріанопольскаго мира, онъ отправленъ былъ посломъ въ Петербургъ. Когда онъ возвратился въ Константинополь, красивое шитье и покрой мундировъ, сдѣланныхъ для него въ Петербургѣ, долго были предметомъ всѣхъ разговоровъ, и послужили образцами для придворныхъ щеголей и для самаго Султана. Новый капыданъ-паша, Тагиръ, тотъ самый, который познакомился съ нашимъ флотомъ при Наваринѣ, стоялъ въ это время съ своими кораблями на Босфорѣ. Онъ извѣстенъ, какъ храбрый офицеръ, опытный морякъ и самый строгій изъ на-

чальниковъ. «И въ домѣ своемъ, какъ на флотѣ, говоритъ Г. Базили, Тагиръ-Паша соблюдаетъ строгую дисциплину: собственноручно отрубилъ онъ голову одной изъ своихъ женъ за то, что она была неосторожна въ кокетствѣ и показала лице у окна Босфорскаго Кіоска проѣзжавшимъ мимо Франкамъ.»

Г. Базили, по случаю рѣчи о Турецкомъ адмиралѣ, разсказываетъ и о состояніи султанскаго флота.

«Со времени принятія Тагиръ-Пашею начальства надъ флотомъ, работы въ адмиралтействѣ производятся съ большею дѣятельностью, и онъ рѣшился улучшить ввѣренную себѣ часть. Каждый день было ученіе на корабляхъ, а на Турецкомъ флотѣ водится учить матросъ у пушекъ только передъ встрѣчею съ непріятелемъ. Но ничего нѣтъ забавнѣе способа вооружать флотъ передъ отправленіемъ въ походъ. Когда корабли вытянутся на рейдъ, *каліонджи*, флотскихъ солдатъ, обходятъ нѣсколько дней улицы Стамбула и Галаты, и набираютъ команду, по собственному усмотрѣнію, изъ всѣхъ народовъ подвластныхъ Портѣ, кромѣ Евреевъ, которыхъ спасаетъ презрѣніе къ нимъ Турокъ. Бѣдные лавочники, ремесленники, служители и промышленники всѣхъ родовъ ловятся наборщиками какъ звѣри, середи Стамбула, и если не могутъ выручить себя деньгами или протекціею какого-нибудь вельможи, ни какія просьбы, ни самая явная ихъ неспособность къ морской службѣ, не могутъ ихъ избавить: имъ связываютъ руки и посылаютъ на корабли. По окончаніи кампаніи, они возвращаются къ прежнимъ занятіямъ. Можно вообразить себѣ, какое живописное зрѣлище представляетъ экипажъ военнаго корабля при необыкновенной пестротѣ костюмовъ и физіономій, при смѣси столькихъ языковъ! Притомъ Турецкіе корабли должны имѣть команды вдвое противъ обыкновеннаго, чтобы въ случаѣ чумы, а она почти постоянно свирѣпствуетъ на флотѣ, все-таки оставалось довольно народа. Сто-пушечный адмиральскій корабль, на которомъ насъ принялъ капитанъ-паша, имѣлъ до 2,300 человѣкъ команды.

«Объ отправленіи корабельной службы и говорить нѣчего; обыкновенно первые уроки начинаются на рейдѣ тѣмъ, что

церы, раздѣливъ толпу по мачтамъ, и пославъ на ванты тѣхъ, которые имѣли уже случай пріобрѣсть практику въ прежнихъ походахъ, привѣшиваютъ ко всякой веревкѣ на палубѣ разныя овощи и фрукты, и когда напримѣръ нужно скомандовать — *марса-фалъ отдай, фока-шкотъ крѣпи;* они кричатъ въ репоръ — *капусту отдай, рѣпу крѣпи,* и такъ далѣе. Толпа узнаетъ по знакомымъ вывѣскамъ каждую веревку, и унтеръ-офицеры только заняты тѣмъ, чтобы одушевлять ея рвеніе, и придавать болѣе жизни и дѣятельности этой картинѣ, обильной градомъ палочныхъ ударовъ. Послѣ этого нельзя упрекать капитанъ-пашей, что они имѣютъ обыкновеніе въ послѣднюю четверть луны, и въ извѣстныя эпохи бурныхъ вѣтровъ, заходить въ порты, и совершаютъ свое обычное годовое плаваніе отъ Босфора до Цикладъ въ три мѣсяца.

«Красивая форма Турецкихъ кораблей, особенно одного корвета и 136-пушечнаго корабля Махмудіе, на которомъ развивается флагъ генералъ-адмирала, приводятъ въ удивленіе Европейскихъ морскихъ офицеровъ. Корветъ построенъ въ Америкѣ, а Махмудіе и лучшіе корабли въ Стамбулѣ подъ руководствомъ Французскихъ, Англійскихъ и Американскихъ инженеровъ. Американецъ, занятый теперь постройками въ адмиралтействѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ показывалъ намъ свои работы; онъ строитъ теперь 130-пушечный корабль въ три палубы, и 74-пушечный фрегатъ, первый въ мірѣ по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, и готовится на постройку корабля въ 150 пушекъ; онъ не можетъ нахвалиться морскимъ управленіемъ Турціи, потому что, получивъ однажды къ нему довѣренность, позволяютъ ему теперь строить что хочетъ и какъ онъ хочетъ, и приводить въ исполненіе всѣ свои проекты, не входя въ разборъ его чертежей.

«Нѣсколько Англійскихъ офицеровъ опредѣлились въ послѣдніе годы въ морскую службу султана. Они выторговали весьма выгодныя условія, хотя сперва Турецкое правительство, легко соглашаясь признать ихъ въ какихъ они хотѣли чинахъ, затруднялось однако насчетъ требуемаго жалованья. Они принялись было учить Турокъ морскому искусству и вводить въ ихъ флотъ преобразованіе, соотвѣтствующее преобразованію сухопутныхъ войскъ, но у нихъ не ста-

ло терпѣнія и, кажется, теперь ни одного нѣтъ на флотѣ, кромѣ тѣхъ, которые необходимы на пароходахъ. Они болѣе всего жаловались на презрѣніе, которое послѣдній Османлы считалъ себя въ правѣ оказывать имъ и ихъ наукѣ вмѣсто подчиненности, и котораго они не могли избавиться, даже принявъ Турецкій костюмъ. Замѣтимъ здѣсь, что уважая народные предразсудки, Махмудъ не могъ ввѣрить Европейскимъ офицерамъ непосредственнаго начальства ни во флотѣ ни въ войскѣ; онъ далъ имъ только мѣста образователей и обучателей; ни одинъ правовѣрный не захотѣлъ бы сражаться подъ начальствомъ гяура.

«Можетъ-быть досада послѣ неудачи заставляетъ Европейскихъ офицеровъ, бывшихъ на флотѣ, разсказывать, что обыкновенно передъ всякимъ сигналомъ съ адмиральскаго корабля, дается словесно знать, какое будетъ приказаніе, потому что наука сигналовъ еще далеко не усовершенствована на флотѣ, и тому подобныя забавныя черты морской тактики. Но я за вѣрное слышалъ въ Стамбулѣ, что когда во время послѣдней войны были поставлены телеграфы для флота по Босфору, нѣсколько разъ въ адмиралтействѣ офицеры ломали голову, чтобы понять телеграфическія извѣстія, переданныя изъ Бююкдерѐ, а чаще всего посылали требовать словеснаго объясненія.

«Что касается до пароходовъ, то это изобрѣтеніе весьма понравилось Туркамъ, потому что избавляло ихъ отъ труда лавировать при противномъ вѣтрѣ; но съ того дня какъ первый купленный у Американцевъ пароходъ проплылъ Босфоръ противъ вѣтра и теченія, народъ Стамбулскій рѣшилъ, что въ немъ должна быть нечистая сила, которая повинуется гяуру. Султанъ назначилъ десять болѣе надежныхъ Османлы для постояннаго пребыванія на пароходѣ и обученія управлять машиною; они цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ сидѣли на палубѣ, курили преспокойно трубки и не рѣшались спуститься внизъ, осмотрѣть поближе эти заколдованныя колеса. Подозрѣваютъ впрочемъ, что сами Англичане, управляющіе машинами, стараются подкрѣпить эту боязнь Турокъ къ тайнамъ паровъ, потому что она согласна съ ихъ расчетомъ и дѣлаетъ ихъ всегда необходимыми султану. Я разсказалъ знакомому мнѣ Турецкому морскому офицеру Гомерову повѣсть

, чудесныхъ корабляхъ Феакійскаго царя Алкиноя, которые владѣли наукою сами плавать безъ помощи вѣтрилъ и безъ ухищреній мореплавательной науки. Этотъ эпизодъ Одиссеи совершенно въ Восточномъ вкусѣ, и онъ привелъ въ восторгъ Турецкаго моряка. Онъ надѣется, что волшебники *новаго свѣта*, которые доставляютъ султану заколдованныя машины пароходовъ, согласятся за хорошую плату выдумать и такіе корабли.»

Двѣ послѣднія главы первой части посвящены домашней жизни Оттомановъ. Авторъ описываетъ привычки и занятія молодыхъ и старыхъ Турчанокъ, ихъ воспитаніе, дисциплину гаремовъ и ихъ забавы, примѣшивая въ свой разсказъ много замѣчаній и анекдотовъ. Въ началѣ второй части, онъ переходитъ въ Перу и Галату, показываетъ базары, типографіи, невольничій рынокъ, остроги, тюрьмы, домъ сумасшедшихъ, кладбища и остатки древностей. Это рядъ разнообразныхъ и живыхъ картинъ, начертанныхъ небрежно, но съ особенною пріятностью колорита. Авторъ искусно переходитъ отъ одного предмета къ другому, отъ чувствительнаго къ смѣшному, отъ веселаго къ серьозному разсужденію. Нѣсколько главъ изъ этой части уже были помѣщены, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ Б. для Ч.: мы говоримъ о статьѣ «Стамбульскіе оригиналы», которой читатели этого журнала вѣрно не забыли. Повѣсти о Гречанкѣ Ангеликѣ и Армянкѣ Вероникѣ мило выдаются въ этой галлереѣ разнообразныхъ видовъ и характеровъ. Однимъ словомъ, «Очерки» Г. Базили есть одна изъ пріятнѣйшихъ книгъ, какія мы читали въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году. О слогѣ ея мы уже сказали въ Лѣтописи.

=

p. 23-32 See Refer

множество вставочныхъ словъ, безотчетное размежеваніе Поэзіи отъ всего другаго, и наконецъ сужденіе о томъ, что такое Поэзія, – выраженіе ли жизни, или безусловное стремленіе духа человѣческаго? Авторъ довольно поэтически рѣшаетъ вопросъ, называя творенія поэтовъ «рядами зеркалъ въ обширной галлереѣ, въ параллель которымъ разставлена жизнь человѣка». Этотъ зеркальный магазинъ Г. Шевырева, гдѣ на одной стѣнѣ висятъ зеркала, а на другой, противной, жизнь, дѣлится на три отдѣла, – Восточный, Греко-Римскій, или древній, и Германскій, или новый Европейскій: отсюда переходитъ авторъ къ началу Поэзіи, и открываетъ рѣчь о началѣ, ab Jove principium, – съ Индіи и Палестины.

Указавъ прежде всего на важность, какую можетъ, или могла бы, имѣть для насъ книга Г. Шевырева въ настоящее время и при настоящихъ обстоятельствахъ; упомянувъ о нашихъ надеждахъ на его книгу; согласившись, что мы почитаемъ необходимымъ изученіе Изящнаго какъ Науки, и что не видимъ еще утвержденныхъ началъ такой науки по современнымъ понятіямъ, мы находимъ себя въ правѣ сказать, что этотъ планъ «чтеній» нетолько кажется намъ не выполняющимъ раціональныхъ требованій, но что, сдѣланный произвольно, онъ даже является совершенно сбивчивымъ и невѣрнымъ. Авторъ нашъ едвали вникнулъ въ то, что должно разумѣть подъ «историческимъ направленіемъ» теоретико-критическихъ основаній Искусства, какими стараются теперь Европейцы замѣнить произвольныя теоріи Баттё и Астовъ, Французовъ и Нѣмцевъ. Мы принуждены сказать, что если старое замѣнять такъ, какъ онъ замѣняетъ, то не только у насъ не будетъ Науки Изящнаго, но еще неопредѣленность правилъ сдѣлается чѣмъ-то гораздо хуже всѣхъ одностороннихъ теорій Баттё и Лагарпа. Напрасно пренебрегъ авторъ основное опредѣленіе своего предмета и

отчетливость въ его дѣленіи. Посмотрите, въ какія важныя ошибки вовлекла его такая опрометчивость.

Ошибка первая: онъ указалъ на «Слово», какъ на начало всего. Несчастное созвучіе названій, *слово* и *словесность*, навело его на эту мысль, истинно забавную. Поэтому народы западной Европы, у которыхъ Словесность называется *литературою* и belles-lettres, должны были бы признавать началомъ всего *литеру*, букву? Поэтому Китайцамъ, у которыхъ названіе Словесности происходитъ отъ слова, означающаго *шелкъ*, пришлось бы выводить все изъ шелку? А если бы Г. Шевыревъ былъ Аравитянинъ, съ чего началъ бы онъ исторію Поэзіи? – въ Арабскомъ языкѣ, говорятъ, несуществуетъ ни какого названія ни для Словесности ни для Литературы! Въ наукахъ всякое ученіе только тогда правильно, когда оно истинно на всѣхъ языкахъ. Не Слово просто, принимаемое въ смыслѣ звуковъ, которыми человѣкъ выражаетъ свои мысли и понятія, есть начало того, что называется Словесностью, но идея Изящнаго: въ ней основаніе Словесности. Кто *говоритъ*, тотъ еще не художникъ; приказный, употребляющій Слово, еще не поэтъ. Изящное, безразлично взятое, какъ предметъ Эстетики, выражается вообще Изящными Искусствами. Искусства эти дѣлятся на двѣ части, – на Художество и на Словесность: въ первомъ служатъ орудіемъ человѣку – вещественныя средства, въ другомъ – словесное выраженіе. Здѣсь Слово есть такое же орудіе для выраженія Изящнаго, какъ очерки и цвѣта въ живописи, пластическія массы въ ваяніи, звуки въ музыкѣ, движенія въ танцованьѣ. Грамматика, лексикографія, письменность неизящная, нисколько не относятся къ Словесности, и напрасно Г. Шевыревъ ужасался величины исторіи Словесности, воображая, что она началась «съ первыхъ *словъ* Адама», – Французъ сказалъ бы: съ первой *буквы* Адама; Китаецъ, съ перваго *шелковаго* платка Адама; Ара-

витянинъ..... этотъ совершенно сталъ бы въ тупикъ! — и продолжается «до послѣднихъ статей какого-нибудь журнала!» Явно, что онъ смѣшалъ двѣ совершенно разныя идеи, — Литературу, то есть, собраніе всего письменнаго, и Словестность, Belles-lettres, часть литературы, собраніе только изящныхъ твореній фантазіи, выраженныхъ словомъ и переданныхъ письменами.

Ошибка основная и важная, — а вотъ и другая: авторъ видитъ въ эстетическомъ выраженіи слова «Поэзію и Краснорѣчіе», и почитаетъ Краснорѣчіе имѣющимъ цѣль гражданскую или ученую. Онъ опять смѣшиваетъ обширную половину Искусства съ малою частью его, то есть, Поэзію въ прозѣ съ Ораторствомъ собственно, которое, и то ошибочно, считаютъ какимъ-то искусствомъ будто-бы «убѣждать слушателей для извѣстной цѣли». Опредѣливъ прежде всего Изящное тѣмъ, что оно — сущность всѣхъ свободныхъ Искусствъ, опредѣливъ потомъ мѣсто Словесности въ ряду хъ, легко можно было бы увидѣть и части, или частныя выраженія, Изящнаго въ Словѣ. Эти выраженія суть *стихъ* и *проза*; и въ томъ и въ другомъ находятся три отдѣла для дѣятельности человѣческой: здѣсь — Лирика, эпопея, драма, тамъ — ораторская рѣчь, романъ, исторія. Краснорѣчіе, съ цѣлью «убѣдить», какъ преимущественно понимали его Древніе, будетъ только часть ораторскаго искусства.

Все это такъ просто, все это уже такъ извѣстно, что мы не постигаемъ, какъ могло все это остаться чуждымъ новому автору «Исторіи Поэзіи»!

Видя, какъ изъ ошибочныхъ началъ повелъ рѣчь свою Г. Шевыревъ, никто вѣроятно не удивится, отчего исполненіе его книги сдѣлалось самымъ сбивчивымъ, недостаточнымъ и ошибочнымъ. Читая его твореніе, вы рѣшительно путаетесь въ безпорядкѣ, скачкахъ, повтореніяхъ; и если это «Наука», если

такъ должно писать ученое сочиненіе о предметѣ важномъ, по современнымъ понятіямъ, послѣ всѣхъ опытовъ новѣйшихъ, то мы охотно готовы обратиться къ стариннымъ піитикамъ Баттё и исторіямъ Бутервековъ и Шеллей, отрекаясь отъ всѣхъ шаговъ впередъ по обширному поприщу безконечнаго успѣха.

Отказавшись отъ произвольныхъ теорій, наговоривши сначала такъ много о томъ, что только опытъ, только исторія, должны руководить насъ, авторъ начинаетъ, — чѣмъ же? — чисто произвольнымъ умозрѣніемъ, «характеристикою» западныхъ народовъ Европы», Итальянцевъ, Испанцевъ, Англичанъ, Французовъ, Германцевъ, — и умозрѣніемъ о «характерѣ ихъ поэзій», основанномъ на умозрѣніи о народныхъ характерахъ! Два чтенія посвящены этому, — чтенія *вступительныя*. Гдѣ же тутъ система? гдѣ обѣщаніе, только-что данное, ничего не говорить наудачу и произвольно? Не должны ли выводы быть слѣдствіемъ доказанныхъ фактовъ, по силѣ еще свѣжихъ и теплыхъ обѣщаній автора? И куда «вступаемъ» мы съ авторомъ, читая два первыя его чтенія? Ровно ни куда. Рѣчь круто прерывается; авторъ не только отказывается характеризировать далѣе народы и ихъ поэзіи, не только говоритъ, что это не возможно, — да еще удивляется, какъ можно было какому-нибудь Нѣмцу, Вахлеру, мыслить о всеобщей исторіи Словесности! Здѣсь-то идетъ рѣчь о Словѣ, объ идеѣ Поэзіи, о періодахъ Поэзіи, о зеркальной галлереѣ Поэзіи и жизни, о началѣ Поэзіи, о началѣ языковъ. Начало Поэзіи находитъ авторъ въ религіи и на Востокѣ, и съ пятаго чтенія начинается Индія, ея религія, ея поэзія; два чтенія посвящаются этому предмету; пять остальныхъ Еврейской религіи и поэзіи, и авторъ хладнокровно заключаетъ книгу свою словами: «Теперь слѣдуетъ перейти къ изученію періода Греческо-Римскаго.»

Изъ чего это «слѣдуетъ», и къ чему была эта про-

гулка на берегахъ Ганга и Іордана, мы не въ состояніи постигнуть. Объяснимся.

Взгляда только на Индію и Палестину было-бы даже недостаточно, если принять въ точномъ смыслѣ названіе книги — *исторія Поэзіи.* Не должно ли было, по этому названію, ожидать, что авторъ хочетъ намъ начертать обширную картину словесности, положимъ хоть поэтическихъ произведеній, всѣхъ народовъ? Если угодно, онъ могъ вообще начать съ «Слова», съ его основаній и законовъ; показать притомъ, какъ человѣческое Слово развилось въ восьми стахъ шестидесяти языкахъ и пяти тысячахъ нарѣчіяхъ (по счету Г. Бальби); какъ развивалось оно въ изящныхъ твореніяхъ или поэзіи всѣхъ народовъ; какъ послѣ первобытныхъ произведеній, у каждаго народа отдѣльно, образовало оно основные отдѣлы Поэзіи, — лирику, эпопею, драму, по общимъ, неизмѣннымъ законамъ ума человѣческаго. Для всего этого мало одного Востока: сѣверъ Европы, Африка, Австралія, Америка, также должны войти сюда, какъ пояснительные факты человѣческаго глагола, единообразнаго въ главныхъ началахъ, разнообразнаго въ частныхъ выводахъ. Если бы авторъ обращался даже только на востокъ, на основаніи односторонняго вывода, что все перешло въ Европу съ Востока, ему надобно было осмотрѣть не одну Индію, но еще Китай, Тибетъ, Аравію, — особенно Аравію, — Персію, Малую Азію, всю обширную колыбель, въ которой младенцемъ лежало первоначальное образованіе Европы. А Египетъ, откуда изшелъ Израиль, гдѣ училась мудрость Греческая, гдѣ опять сосредоточилась потомъ Греческая словесность и философія въ Александрійской литературѣ? Сколько можно понять изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги, предметъ Г. Шевырева составляла собственно «поэзія западной Европы». Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ было ходить на Востокъ, упуская существенныя

части своего дѣла. Это всё-равно, что начинать исторію Русскую съ мамонтовъ, старинныхъ, допотопныхъ обитателей Руси, которыхъ находятъ геологи въ Московской губерніи. Посмотрите на планъ Вилльмена, который говорилъ о томъ же, объ чемъ взялся говорить намъ Г. Шевыревъ: онъ начинаетъ латинью, средними вѣками, излагаетъ Романскую, Провансальскую, Валлонскую словесности, переходитъ къ Трубадурамъ и Труверамъ, и естественно развиваетъ изъ всего этого происхожденія словесности Италіянской, Испанской, Французской, Англійской; Греческая словесность входитъ у него эпизодически, какъ это было на-дѣлѣ. Но изъ предисловія Г. Шевырева видимъ, что послѣ Индіи и Евреевъ, онъ поведетъ еще своихъ читателей въ Грецію, въ Римъ. За чѣмъ это? спрашиваете вы невольно, и изумляетесь читая причины: «Мнѣ «предстоитъ пройти только одну часть всемірной ис«торіи Поэзіи, то есть, исторію *поэзіи западныхъ на«родовъ Европы*, но я долженъ взглянуть на нее *въ «связи съ ея цѣлымъ* (чѣмъ? неужели съ Санскритскою словесностью? какую же она имѣетъ связь съ по«эзіей западныхъ Европейцевъ?); долженъ извлечь ее «изъ всемірной исторіи поэзіи», — вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать «отдѣлить», потому что извлечь ее очень не легко, и оно требуетъ исполинскихъ познаній въ языкахъ. «*Мнѣ кажется, все таки правильнѣе* «(такъ неопредѣленно не долженъ бы говорить ученый «изслѣдователь) дать періоду Восточному *собственное* «мѣсто, ибо *сей* (*оный* было бы еще лучше) періодъ, *хо«тя и мало намъ* (Г. Шевыреву?) *извѣстный*, имѣетъ «великое всемірное значеніе, и повторяется въ первыхъ «стихіяхъ поэтической исторіи каждаго народа.» Почему же это знать *намъ*, то есть, кому бы то ни было, когда онъ *намъ* мало извѣстенъ, по собственному сознанію автора? «Я растворилъ вамъ двери, и, вошедъ съ вами «вмѣстѣ, указалъ на главныя *блестящія ниши* (исторію

«Поэзіи, какъ мы говорили, авторъ воображаетъ галлерею съ зеркалами, и это чрезвычайно понравилось ему, такъ, что онъ обращается къ своей зеркальной галлереѣ безпрестанно: а «ниши» названы *блестящими* потому, что въ этой галлереѣ на выворотъ всѣ ниши выпуклы и оттого въ нихъ нѣтъ тѣни, свойственной прочимъ нишамъ). «Говоря объ Италіи, я «долженъ *хоть немного отворить двери* Греко-Римскаго отдѣленія (потому, что зеркальный магазинъ «автора дѣлится на отдѣлы), а иначе намъ *было бы* «*темно* (какъ въ *блестящихъ* нишахъ). Вы могли уже «видѣть, что вдругъ войти въ нашъ періодъ невозможно; что *если исторія Поэзіи есть галлерея,* то въ «нее входятъ *изъ дверей въ двери* (убѣдительный силлогизмъ!..... Но тогда она не будетъ уже галлерея, «а рядъ комнатъ?), и одно средство осталось бы войти «прямо въ нашъ періодъ – *упасть въ него нечаянно.*» (Не разбейте зеркалъ, падая.) «Считаю за необходимое «(почему?) изучить два первыя отдѣленія, – Восточную и Греко-Римскую поэзію. *Восточная* поэзія, «въ лицѣ Еврейской, и Греческо-Римская, имѣли «вліяніе на всю поэзію Европейскую. Слѣды этого «вліянія, особенно Римскаго, на рѣдкомъ типѣ Европейской поэзіи не замѣтны. *И такъ* вся эта стихія, вошедшая въ Новую Поэзію, останется для насъ «загадкою, если мы ея особенно не разсмотримъ. *Слѣдовательно,* историческое изложеніе наше *нуждается* въ такомъ изученіи. Ктому же, новая жизнь и «Новая Поэзія не могутъ быть для насъ ясны, опредѣленны, если мы не вникнемъ въ значеніе другой половины человѣческой жизни и Поэзіи, восточной и «древней. *Я не могу въ теченіе своего курса избѣгать* «*безпрестанныхъ сравненій,* и долженъ буду ссылаться на то, что вамъ неизвѣстно. Въ исторіи Словесности есть много періодовъ, сходныхъ между собою «по значенію..... Изъ *аналогій, сравненій* и *выводовъ*

«*общихъ*, извлекаются общіе законы для науки. Ка-«кимъ же образомъ мы постигнемъ эти законы, если «не обозримъ всего цѣлаго», и прочая. Но какимъ же образомъ «все цѣлое» заключать только въ Индіи и Палестинѣ, забывая Персію, Китай, Египетъ, и пуще всего Аравію, – Аравію, которой древняя поэзія одна можетъ выдержать сравненіе съ Гомерической, Аравію существенно поэтическую, гдѣ каждый Бедуинъ – природный поэтъ, Аравію непосредственно дѣйствовавшую на Испанію и Провансъ? Какимъ образомъ не ставить притомъ даже въ число особенныхъ отдѣленій Европейскихъ литературъ смѣшанной литературы среднихъ вѣковъ, отъ паденія Рима до раздѣленія на народныя новѣйшія?

Согласимся однако жъ съ авторомъ: положимъ на-время, что «мы немного растворили двери», даже что мы «упали нечаянно» въ Индію и Палестину – что̀ будемъ мы дѣлать въ Индіи и Палестинѣ? Предлежали два рода воззрѣнія, – легкій объемъ туземныхъ словесностей, въ отношеніи къ сходству ихъ съ Европейскими западными, или обширный взглядъ на все умственное развитіе идей въ Индіи и Палестинѣ, облекшееся словесностями этихъ странъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, языкъ, религія, образованіе и развитіе Поэзіи должны были изложиться догматически, въ системѣ, потому что всегда такъ долженъ говорить ученый: нашъ авторъ напротивъ начинаетъ въ Индіи брамнинскою миѳологіею, общими мѣстами отдѣлывается отъ литературы, вдается въ умозрѣнія, не представляетъ ни какого ученаго отчета въ фактахъ, и оканчиваетъ тѣмъ, что предлагаетъ кой-какія выписки изъ Ведъ, Рамаяны, Магабхараты, Саконталы, апологовъ, пуранъ. И на какомъ основаніи Санскритская словесность занимаетъ здѣсь первое мѣсто? Полно не думаетъ ли авторъ вправду, что эта словесность древнѣе книгъ Еврейскихъ? Гдѣ этому доказательства?

Историческія лица, упоминаемыя въ Индѣйскихъ поэмахъ не старѣе втораго вѣка до Рождества Христова, — хотя и эта древность весьма произвольна; и слѣдственно поэмы должны быть гораздо позднѣйшаго времени. Если бъ мы имѣли дѣло съ ученымъ оріенталистомъ, съ Боппомъ или Вильсономъ, а не съ авторомъ «Исторіи Поэзіи», мы вѣроятно вступили бы въ серіозное преніе объ этомъ предметѣ: но теперь удовольствуемся только замѣчаніемъ, которое можетъ-быть небезполезнымъ и нашему автору, именно, что рѣшеніе вопроса о связи Санскритской литературы съ Западомъ и обо всемъ индо-германизмѣ сопряжено съ весьма высокими вопросами физической географіи Средней Азіи; что въ Санскритизмѣ тоже есть свои энтузіасты и мечтатели, очень похожіе на магнитистовъ и френологовъ въ Естественныхъ Наукахъ, и что нельзя выписывать чужихъ словъ, не имѣя средствъ лично судить о степени ихъ основательности. Въ Европейской поэзіи, все посвящается у Г. Шевырева подробному исчисленію красотъ библейскихъ книгъ. По слѣдамъ Ролленовъ, Баттё и сотни другихъ классиковъ, онъ разбираетъ красоты книги Іова, Псальмовъ, твореній Соломона, пророчествъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля. И это называется «исторіею», изъ которой должны быть выведены «законы теоріи» для Изящныхъ Искусствъ! И послѣ этого заносчивый авторъ такъ грозно уничтожаетъ Шлегеля, и Вилльмена, такъ горделиво вызываетъ слушателей своихъ на *великій трудъ, великія изысканія!*.....

Тутъ мы должны однако жъ извинить автора: Богъ вѣдаетъ длячего пустившись на Востокъ, онъ не запасся ничѣмъ необходимымъ для такого труднаго и опаснаго странствованія, не имѣлъ ни какихъ способовъ хорошо изучить Азію, и передать это изученіе другимъ. Ни одинъ изъ Восточныхъ языковъ ему неизвѣстенъ (стр. 120). Понятно, что, зная только

по разсказамъ предметъ столь важный, огромный, столь противоположный нашимъ Европейскимъ понятіямъ, предметъ требующій занятій цѣлой жизни и трудовъ необъятныхъ,—очень понятно, что Г. Шевыревъ долженъ былъ представлять факты кое-какъ, слегка, на чужое слово, а выводы дѣлать на удачу. Всего страннѣе, что ученый авторъ даже не имѣлъ подъ рукою обширныхъ положительныхъ пособій для познанія Востока. Труды новѣйшихъ оріенталистовъ ему неизвѣстны. «Если бы собрались всѣ труды Европейскихъ «ученыхъ, и тогда еще мы не имѣли бы достаточ«ныхъ средствъ представить себѣ въ полнотѣ поэзію «Востока, потому что еще мало переведено и перене«сено къ намъ въ Европу. Но мы, Русскіе, не имѣемъ «*даже и тѣхъ пособій*, какія предлагаются въ пере«водахъ Европейскихъ ученыхъ: *очень дорого было* «*бы собрать все это.*» (Г. Шевыревъ повидимому не знаетъ, что *все это* есть во многихъ нашихъ библіотекахъ.) «*Наши* свѣдѣнія въ этомъ предметѣ не могутъ «не быть ограниченны.» А между-тѣмъ, *мы*, беремся судить, рѣшать и объяснять другимъ то, въ незнаніи чего сознаемся такъ благородно и добродушно! Сверхъ-того не надобно ли положить маленькаго различія между громкимъ *мы* и авторомъ «Исторіи Поэзіи?» Россія не можетъ принять на себя безусловно этого знаменитаго *мы*. Въ Россіи есть Іоакинѳы, Френы, Сенковскіе, Шмидты, Ковалевскіе, и прочая, и прочая, для которыхъ нельзя ли сдѣлать исключенія? Есть даже многіе молодые ученые, зѣло смышленные въ бусурманской мудрости. Для Европы также оговорка необходима, потому что Европа не виновата, если у Г. Шевырева Геренъ составляетъ весь авторитетъ для Санскритскаго, а Гердеръ для Еврейскаго языка, между-тѣмъ какъ Геренъ самъ судилъ со словъ другихъ, а послѣ Гердера изученіе Еврейской древности подвинулось необъятно далеко. Не забавно ли послѣ этого читать слова автора:

«Прежде смотрѣли мы на произведенія Словесности глазами Французовъ; нынѣ, по большей части, смотримъ на нихъ глазами Нѣмцевъ; но самобытное воззрѣніе наше послѣдуетъ тогда, когда мы, устранивъ посредниковъ, отказавшись отъ всякаго предварительнаго мнѣнія, или, лучше сказать, предубѣжденія, внушаемаго *намъ нашими* западными сосѣдами, обратимся прямо сами къ произведеніямъ Слова, и повѣримъ на-дѣлѣ все то, что намъ о нихъ было сказано и нами сначала принято навѣру..... Необходимо отбросить ложную мысль, которая иногда беретъ господство надъ нашими трудами: мы думаемъ, что всѣ фонты уже собраны, что опыты уже сдѣланы, и спѣшимъ къ однимъ *результатамъ*, предполагаемъ неизвѣстное намъ извѣстнымъ. Да; опыты сдѣланы, но не нами, а наука требуетъ недовѣрія; въ ней *ничего нѣтъ вреднѣе какъ чужая опытность*. Факты собраны, но *мы* должны перебрать ихъ, а не вѣрить на-слово, *для* того чтобы вѣрно, и по-своему, оцѣнить ихъ. *Подвигъ великій* — пріобрѣтеніе своей опытности! И вотъ къ чему призываю я васъ, ММ. ГГ.! Намъ необходимы трудъ неутомимый, терпѣніе, мудрое безпристрастіе», (и прочая, и прочая, все что пришлось еще къ красивому словцу, котораго и не думалъ и не могъ исполнить Г. Шевыревъ на-дѣлѣ!)

Кстати о забавномъ. Года два будетъ тому, шалуну Жюль-Жанену вздумалось написать легкую книжку, что-то въ родѣ фельлётона о Восточной поэзіи, и онъ издалъ три брошюрки, — Romans, contes et nouvelles littéraires; Histoire de la poésie et de la Littérature chez tous les peuples, première série; *L'Orient*. Откровенно признаваясь, что вовсе не знаетъ ни одного языка Восточнаго, Жаненъ посвятилъ свои брошюрки Virginibus puerisque (дѣвочкамъ и мальчикамъ), и въ легкомъ разсказѣ изложилъ сущую бездѣлицу, — поэзію Арабскую, Персидскую, Индійскую и Китайскую. Это были, собственно, небольшіе отрывки изъ переводовъ С. де-Саси, Шези, Жюлліена и другихъ, связанные общею рамкою. Шалость, — и только. Но вотъ,

пришли эти брошюрки въ Москву, и, Боже великій, какъ разсердился на нихъ Г. Шевыревъ, какъ жестоко напалъ онъ на «шарлатана, шалуна, повѣсу Жанена»! Помните ли его грозныя выходки, — гдѣ бишь онѣ были напечатаны? — какъ смѣлъ Жаненъ говорить о томъ, чего не знаетъ, какъ смѣлъ предлагать дѣтямъ такую дрянь? Напрасно отшучивался Жаненъ въ своемъ предисловіи: пощады не было! Но грозная Немезида, за нападки на невинную шутку, не замедлила наказать смертнаго, и вотъ, едва минула година, нашъ строгій критикъ становится на одной доскѣ съ Жаненомъ, и едвали не становится еще ниже. Жаненъ откровенно признавался, что берется говорить для дѣтей и о томъ, чего не знаетъ. «Хочу въ нѣсколькихъ томикахъ, въ нѣсколько лѣтъ издать исторію Поэзіи у всѣхъ народовъ въ мірѣ. Эту исторію принаровлю къ самымъ недалекимъ свѣдѣніямъ, давши ей форму романа. Если понравятся мои первые томики юнымъ читателямъ, послѣдующіе будутъ для меня легче. Только-бы отбиться мнѣ отъ Арабовъ, Индійцевъ и Китайцевъ, а тамъ я пойду надежнѣе, по землѣ болѣе извѣстной мнѣ и всякому, — по Греціи, Италіи, Франціи, Англіи, Германіи, Испаніи.» Какой злой фелльётонъ могъ бы доставить Жанену тотъ, кто бы разсказалъ ему, какъ бранилъ его Московскій критикъ, и какъ потомъ въѣхалъ самъ въ ту же колею! Право, Жаненъ извинительнѣе: онъ не знаетъ Востока, признается въ этомъ, и пишетъ милую бездѣлку для дѣтей. Нашъ критикъ бранитъ его, также не знаетъ Востока, но не признается въ этомъ, утверждаетъ, что у всѣхъ Русскихъ понятія о Востокѣ очень *ограничены*, и пишетъ «исторію Поэзіи Санскритской и Еврейской», уже отнюдь не для дѣтей, и увѣряя въ предисловіи, что ждетъ «благосклонности *просвѣщенной публики* къ труду своему». На сторонѣ Жанена по-крайней-мѣрѣ были веселость,

блескъ, острота. На сторонѣ Г. Шевырева..... Это мы сейчасъ увидимъ.

Обратимся къ другимъ достоинствамъ «Исторіи Поэзіи». Читатели видятъ, что ее по всему надобно уволить изъ числа ученыхъ книгъ и важныхъ сочиненій, гдѣ излагается наука, гдѣ видны искусная система, трудъ, изученіе. Не возьметъ ли она по-крайней-мѣрѣ, какою-нибудь самобытной чертою, — новостью, хоть рѣзкостью мнѣній, прелестью изложенія? Мы охотно станемъ читать ее вмѣсто романа, вмѣсто сказки, вмѣсто лекцій Вилльмена или Сенъ-Маръ-Жирардена, лекцій увлекательныхъ, заманчивыхъ, блестящихъ остроуміемъ, иногда свѣжею мыслью или особеннымъ воззрѣніемъ на предметы, если только эти «Чтенія» имѣютъ такія же заслуги. Но они этого не имѣютъ. Что за странное свойство нашей современной образованности! По-видимому, мы не любимъ шутить наукою, какъ Французы? О, нѣтъ! Если дѣло дойдетъ до дѣла, намъ давай тотчасъ ученую важность, давай говорить мудрено, велерѣчиво, все философически знать, все энциклопедически рѣшать. Мы хотимъ слить въ одно все Европейское, въ одно время съ голосу Нѣмцевъ философствуемъ, съ манеру Французовъ любезничаемъ, и какимъ-то чуднымъ образомъ умѣемъ увѣрить себя притомъ, будто все это наше самородное, что «при такихъ условіяхъ», говоря словами Г. Шевырева, мы можемъ имѣть надежду со временемъ опередить даже нашихъ предшественниковъ, — «ибо владѣемъ бо̀льшими чѣмъ они средства«ми, и чуждаемся всякаго односторонняго направле«нія, чему они всѣ безъ исключенія подвержены.» Эту многосторонность нашу можно хорошо повѣрить на «Исторіи Поэзіи». Послѣ недостатка плана и отсутствія системы, всего болѣе бросается въ глаза въ этой книгѣ, — какъ бы вамъ сказать? назовемъ хоть

«эклектизмомъ»; это модное слово, — всего болѣе бросается эклектизмъ. На каждой страницѣ, вы видите чудный наборъ мнѣній Нѣмецкихъ и Французскихъ, съ безпрерывнымъ увѣреніемъ, что авторъ «мыслитъ самъ». Вѣроятно, это должно быть слѣдствіемъ обширнаго чтенія, отъ чего авторъ не можетъ уже различить читаннаго отъ самобытно созданнаго. Какъ Пиронъ, слушая стихи своего пріятеля, такъ мы, читая книгу Г. Шевырева, готовы были кланяться то Шеллингу, то Асту, то Гегелю, то Шлегелю, то Вилльмену, то Блеру. Одно намъ не нравится, что всѣ эти находки, большею частью, какъ-то не подъ ладъ, и что онѣ какъ-будто «упадаютъ въ книгу нечаянно.» Авторъ выписываетъ мысль за мыслью, выводъ за выводомъ, и рѣдкій выводъ, рѣдкая мысль, поняты «Исторіей Поэзіи» въ настоящемъ ихъ видѣ.

Два три примѣра. Начнемъ съ перваго Чтенія, «Характеристики образованія новой, западной Европы», то есть, характеристики ея образованности. Мысль уже давно избитая — что Италія изображаетъ собою художественное направленіе Европы, Испанія религіозно-рыцарское, Англія промышленно-гражданское, Германія учено-философское, Франція общежительное. Разумѣется, что подобныя категоріи слишкомъ общи и слишкомъ неопредѣленны. Во-первыхъ, что онѣ не составляютъ всеобщаго и положительнаго правила, доказательство въ томъ, что подъ такія категоріи не могли подвести цѣлой Европы, не только цѣлаго міра, самые заклятые Нѣмецкіе категористы. Они въ отчаяніи, напримѣръ, не зная, куда дѣвать Скандинавовъ, Славянъ, Турковъ Европейскихъ. Много смѣшнаго можно бы привести по поводу этихъ категорій, — какъ одинъ Нѣмецъ вывелъ, что Китайцы пальцы человѣчества, Нѣмцы мозгъ, Франція желудокъ, Армяне ногти, и такъ далѣе. Во-вторыхъ, никакъ нельзя говорить о народѣ, од-

нимъ категорическимъ очеркомъ, за всю его исторію; и даже при полномъ образованіи того или другаго народа, взятомъ въ настоящее время, исключеній тма. Не нынѣшняя ли Англія то самое государство, которое, до Карла I, было смѣсью Нѣмцевъ, Норманновъ, Французовъ, Британовъ? Не Италія ли нынѣшняя — эта смѣсь республикъ Гвельфовъ и Джибеллиновъ въ XII вѣкѣ? Не Германія ли, въ нынѣшнемъ ея смыслѣ, это гнѣздо варварства и феодализма, потомъ по литературѣ классическая, по реформаціи революціонная земля? Не нынѣшняя ли Россія — куча мелкихъ князей, Литовцевъ и Половцевъ въ Русскихъ земляхъ XII вѣка? Что жъ изъ этого? Промышленная Англія — отчизна Шекспира, Гомера погасающихъ среднихъ временъ, и Байрона послѣдняго поэта временъ новыхъ, прощальнаго вздоха человѣчества передъ долгою разлукой съ Поэзіею. Общежительна, общественна, легка Франція, а Декартъ, возстановитель платонизма и идеальной философіи, былъ Французъ. Въ нынѣшней безрелигіозной Франціи являются Ламартинъ, Шатобріанъ и новыя секты. Съ Наполеономъ и Людовикомъ XIV вѣтренные Французы заставляютъ своими пушками трепетать Европу. Религіозность и рыцарство — удѣлъ Испаніи, а нѣкогда Испанія почти осуществила собою всемірную монархію. Португальцы, отродіе Испанское, являли собою новый Карѳагенъ. Надобны ли еще примѣры для доказательства, что «категорическіе очерки» суть болѣе искуственные, поэтическіе, параллели Исторіи нежели выводы ученые и положительные? Категоріи бываютъ очень красивы къ рѣчи, при случаѣ, но онѣ никуда не годятся при изслѣдованіи твердомъ и основательномъ, особливо для правильной теоріи и для ученаго познанія предметовъ. Г. Шевыревъ посвящаетъ этимъ очеркамъ цѣлое Чтеніе, заставляетъ Испанію рыцарствовать, Германію философствовать, Францію быть свѣтскимъ,

легкимъ обществомъ, а Англію промышленичать. На это Прокрустово ложе возлагаютъ, во второмъ Чтеніи, и поэзіи главныхъ народовъ новой, западной Европы, — и, волею или неволею, Италія принуждена укрыться за религіозную поэму, Испанія взять себѣ рыцарскій романъ, Англія романъ практическій, Франція водевиль, а Германія ученую поэзію. Велѣно, и всѣ повиновались. Авторъ торжествовалъ побѣду, и снова попалъ на старый, для него только занимательный вопросъ: страшный споръ о томъ — самобытное ли дѣло Поэзія, или она выраженіе жизни общества? Едва рѣшилъ авторъ вопросъ этотъ словами Жанъ-Поля, что «жизнь есть темная подкладка подъ свѣтлое стекло Поэзіи», новая забота: является давно рѣшенный споръ о томъ, гдѣ началась Поэзія и чѣмъ началась она. Кажется, оба эти вопроса похожи на тѣ — гдѣ въ первый разъ началъ дышать человѣкъ, и чѣмъ дыхнулъ прежде, ртомъ или носомъ? Неужели мы живемъ еще въ тѣхъ временахъ, когда добродушно вѣрили, будто трагедія началась отъ Икарова козла, комедія взошла на дрожжахъ Ѳесписа, а Поэзія вообще явилась отъ того, что человѣкъ взглянулъ на небо и въ восторгѣ запѣлъ гимнъ? Пора убѣдиться, что миѳы Древнихъ, символы и эмблеммы, въ которые они все облекали, не суть принадлежности Исторіи. Мы уже обозрѣли столько въ мірѣ, мы столько уже разсмотрѣли первобытнаго состоянія различныхъ племенъ и столько познакомились съ истиною историческою, что можемъ теперь понимать настоящую біографію Поэзіи, ея всемірное начало, ея одинакое всюду развитіе. Поэзія всюду существовала и существуетъ съ первымъ словомъ, съ первымъ чувствованіемъ человѣческимъ. Дикарь Австраліи и житель береговъ Лены или Ореноко не только поютъ пѣсню, то есть, образуютъ лирическое стихотвореніе, но имѣютъ даже эпопею, драму, даже частныя подраздѣле-

нія поэзіи, — сатиру, дидактику. Другая безспорная истина, что всѣ страны, всѣ вѣка, всѣ образы жизни, равно способны для всѣхъ родовъ Поэзіи. Эпопея существовала въ Германіи, Индіи, Персіи, Скандинавіи, Италіи, Англіи; драма также всюду; романъ всюду, — въ Греціи, Италіи, Англіи, Китаѣ. Вся разница въ мѣстности, въ историческомъ бытѣ народовъ и въ оттѣнкахъ поэтической ихъ фразеологіи. Но главное — все это такія вещи, о которыхъ уже совѣстно спорить и которыхъ еще совѣстнѣе не знать. Вообразите же, что все это совершенно неизвѣстно новому историку Поэзіи! Со всею дидактическою важностью, онъ разсуждаетъ и добивается рѣшенія того, *гдѣ* и *чѣмъ* именно началась Поэзія? Первое рѣшается у него на Нѣмецкій ладъ: Германскіе философы и филологи все ведутъ съ Востока, подобно тому какъ старые классики все находили у Грековъ, какъ, еще прежде, Европейская эрудиція началъ всего отыскивала у Евреевъ. На Востокѣ и у Г. Шевырева лежитъ мѣсто-рожденія Поэзіи. Другое дѣло рѣшено по уложенію старыхъ классиковъ: забывая безразличіе родовъ въ первоначальной поэзіи у всѣхъ народовъ, можно ли было рѣшить спорное дѣло иначе, какъ предположивъ «восторгъ» и «гимнъ»? И восторгомъ, духовнымъ гимномъ, опредѣлено у него начинаться Поэзіи. Выписывать всѣ страницы было бы долго, скучно и, пуще всего было бы длинно. Нашъ авторъ такъ словоохотливъ, такъ любитъ говорить протяжно и фигурно, что не рѣдко смысла доискиваетесь въ цѣлыхъ страницахъ *словъ*. Этимъ особенно отличается книга Г. Шевырева. Если у него не достаетъ вѣрности опредѣленій, ученой точности фактовъ, осторожности въ выводахъ, системы, зато ужъ онъ не любитъ говорить спроста. Что за громады фигуръ и троповъ! Какіе магазины жизней, зеркалъ, гражданственности, общественнаго, лучей! Могутъ сказать, что это не годится для ученой кни-

ги, особенно для Чтеній; но, вѣроятно, нетакъ думаетъ авторъ «Исторіи Поэзіи». Ему хочется, напримѣръ, доказать, что междометія были изъ первоначальныхъ стихій языка человѣческаго, вмѣстѣ съ мѣстоименіемъ и глаголомъ, и вотъ какъ это доказывается:

«Нѣкоторые *отмеваютъ* междометія отъ стихій языка собственно-человѣческаго, увѣряя, что человѣкъ *въ выраженіи чувствованій не есть еще человѣкъ*, *а животное* (?), и потому мѣстоименіе и глаголъ признаютъ первыми частями человѣческой рѣчи. Но междометія развѣ выражаютъ одни только грубыя животныя ощущенія, по которымъ человѣкъ *родня прочимъ звѣрямъ?* Развѣ не выражаютъ они чувствованій *той* души, *которая* создана отъ мысли и слова? Развѣ *удивленіе*, *смѣхъ*, *восторгъ*, *состраданіе* (?), суть чувствованія общія человѣку съ прочими животными? Не *суть* ли они исключительная *собственность того* творенія, которое *будетъ* мыслить? Удивленіе предполагаетъ сравненіе, хоть еще безотчетное, въ его *зародышѣ;* смѣхъ также не можетъ быть безъ сравненія, ибо основанъ на чувствѣ противорѣчія. *Потому* животныя *не удивляются, не смѣются* (?!). Восторгъ первоначальный не есть-ли *полутемная полнота* души, въ которой начинаетъ пробиваться свѣтъ мысли, не есть ли мерцающее утро жизни внутренней? Состраданіе не есть ли первое выраженіе того нравственнаго сочувствія между людьми, которое есть *зародышъ* всей общественной жизни человѣка? Есть ли оно въ животномъ? Для того чтобы *имѣть* состраданіе, *надо умѣть* чувствомъ переноситься въ чувство другаго: это недоступно для твари, скованной эгоизмомъ животнымъ (?); это возможно только *для той души*, *которая* можетъ сознавать себя *отличительно* отъ другой, и *великодушно* отрекаться отъ *чувства своей жизни*, для того *чтобы* перенестись въ чувство жизни (!) другаго. Чувствованія *суть первобытный хаосъ духовнаго міротворенія* въ человѣкѣ. И такъ междометія, въ которыхъ посредствомъ гласныхъ онѣ выражаются, *суть* первый малый *зародышъ* всего безконечнаго слова человѣческаго,» и прочая.

Мы не смѣемъ сказать, чтобы языкъ этотъ былъ правиленъ или складенъ, но нѣтъ сомнѣнія что онъ гро-

мокъ, велерѣчивъ и великолѣпенъ. Автору показалось также необходимымъ доказать, что, для Поэзіи, человѣку непремѣнно надобно *жить*, и какъ это еще подлежитъ величайшему сомнѣнію, то вотъ какъ онъ доказываетъ:

«Вникните въ поэзію величайшихъ поэтовъ, каковы Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ, это первое и самое блистательное, тройственное созвѣздіе на богатомъ небѣ Поэзіи. Не видимъ ли во всякомъ ихъ стихѣ слѣды того, что они *жили*, что они глубоко изучали природу, что они проникли въ міръ дѣйствительный до самой сокровеннѣйшей его глубины, что они *въ немъ* все *замѣтили*, отъ *Бога* до червя (!)? Какъ на всѣхъ ихъ произведеніяхъ горятъ слѣды *этой* жизни! Развернемъ біографію поэтовъ, эти лучшія, занимательнѣйшія страницы исторіи Поэзіи. Отъ темныхъ преданій *объ* жизни Гомера, *этого генеричевскаго* лица, намъ осталось только, что онъ былъ *кочующій* пѣвецъ, нищій и слѣпецъ. Не посредствомъ ли этой кочующей жизни Гомеръ такъ глубоко изучилъ людей и природу? Прочитавши Иліаду и Одиссею, мы, по внушенію здраваго смысла, должны непремѣнно согласиться съ этимъ: чтобы такъ разсказывать сраженія, чтобы съ такою подробностью *описывать раны*, надо *было* непремѣнно Гомеру, или Гомерамъ, *бывать* въ сраженіяхъ, самому ихъ видѣть, *самому ранить и быть ранену*. Чтобы такъ изобразить путешествія по морямъ, чтобы такъ разсказывать всѣ подробности *этого* странствія, надо непремѣнно Гомеру *быть самимъ Одиссеемъ*. Гомеръ *если и слѣпъ, то послѣ* (?!): онъ жилъ и видѣлъ, и *потомъ ослѣпъ* (когда самъ Г. Шевыревъ видитъ въ немъ *генерическое* лицо (!!), и все видѣнное имъ прежде перенесъ въ Поэзію. *Вотъ* величайшій *символъ* того, *что есть поэзія*. Короткое, темное преданіе о Гомерѣ есть лучшее ея опредѣленіе. (О! о!) *Вникните* въ жизнь Данта: не въ своемъ ли изгнаніи *изощрялъ* онъ *въ себѣ этотъ вѣрный взглядъ* на природу? Не изъ источника ли несчастія, *этого* глубокаго источника жизни (Ммъ!), почерпнулъ онъ свою поэзію? Не выстрадалъ ли онъ ее внѣ своей Флоренціи? *Взгляните* на *этого* Камоенса: онъ въ юности влюбленъ *страстно* и *несчастно*; онъ солдатъ и морякъ; *онъ въ*

первомъ сраженіи теряетъ глазъ; несчастный въ отчизнѣ, ѣдетъ въ Восточную Индію; онъ въ изгнаніи на *островѣ Макао* (?); въ одной рукѣ, по его же словамъ, у него книга, въ другой мечъ, въ одной перо, въ другой шпага. *Вотъ символъ истиннаго поэта!* На одинокой скалѣ острова, на берегу моря, онъ *воспѣваетъ* подвигъ Васко-де-Гамы. Вотъ кабинетъ поэта! *Возьмите* Шекспира: если бы онъ не *изшелъ* всей лѣствицы *жизни* общественной, отъ смиреннаго дома отца *его* (то есть, *своего*), который продавалъ шерсть, до чертоговъ Елисаветы, вышелъ *ли бы изъ него этотъ* великій практикъ? *Возьмите* Тасса и Мильтона: какими страданіями была *искуплена* ихъ поэзія! *Возьмите* этого Байрона, который *жилъ* еще на глазахъ нашихъ: не *изъ его ли жизни текла его поэзія? Возьмите* еще.....»

Лучше не берите ничего. Мы уже довольно *взяли для* примѣра, какимъ великолѣпнымъ и нестройнымъ слогомъ выражается Наука въ устахъ нашего историка Поэзіи. Можно было бы умножить до безконечности число подобныхъ выписокъ. Но довольно. Поспѣшимъ заключить, и заключимъ тѣмъ, что если многаго ожидали мы отъ книги Г. Шевырева, то, прочитавши ее, удивились, какъ мало мы въ ней нашли. Нѣтъ, такими произведеніями, какъ опытъ перевода «Освобожденнаго Іерусалима», Г. Шевыреву не подвинуть впередъ нашей словесности практически, а такими учеными сочиненіями, какова его «Исторія Поэзіи», не придать ей теоретической важности! Авторъ можетъ обладать многими дарованіями, но онъ, навѣрное, не получилъ отъ природы дара вкуса и критики и, должно сказать съ прискорбіемъ, не припасъ даже, на случай полученія, нужныхъ для всякаго литературнаго суда пособій обширной и разнообразной учености. Вотъ въ какихъ отношеніяхъ мы находимъ «Исторію Поэзіи» книгою весьма примѣчательною.

=

1-20
лейтенанту

МАРТЪ, 1836.

НОВЫЯ КНИГИ.

МОЕ НОВОСЕЛЬЕ. *Альманахъ на 1836 годъ, изданный В. Крыловскимъ. СП.-бургъ, въ тип. Издателя, 1836. въ 16, стр. VIII и 206.*

Это отнюдь не подражаніе «Новоселью», нѣкогда изданному А. Ф. Смирдинымъ. «Новоселье» Г. Крыловскаго — самобытное новоселье. Помилуйте, развѣ запрещено всякому праздновать свое новоселье альманахомъ, какъ празднуютъ искони вѣковъ на Руси сытнымъ обѣдомъ, виномъ, и чѣмъ Богъ послалъ? Не нравится вамъ новоселье, — не ходите пировать на немъ; но что кому за дѣло, если у васъ празднуютъ его шампанскимъ, а у насъ чернымъ пивомъ? Такъ и въ альманачныхъ новосельяхъ: всякой угощаетъ чѣмъ Богъ послалъ. Смирдинъ подчивалъ стихами Пушкина, прозой Брамбеуса; Г. Крыловскій подчиваетъ прозой Г. Грена, С—ва, Щ—ва, стихами, опять Г. или, лучше сказать, Гг. Греновъ, Александра Евгеньевича и Николая Евгеньевича, съ дополненіемъ стиховъ Александра Николаевича Варгасова, Аполлона Максимовича Левицкаго, Александра Андреевича Лоренца, и Гг. П—го, С—го, Ц—го. Книжечка Г. Крыловскаго намъ очень нравится: бумажка въ ней такая сѣренькая, обверточка на ней такая сѣро-желтенькая, стишки и прозочка въ ней такіе премиленькіе. Любопытно, что она открываетъ намъ существованіе одного изъ маленькихъ міровъ въ огромномъ мірѣ, или вселенной, Русской литературы. Мы давно подозрѣвали существованіе такихъ отдѣльныхъ литературныхъ міровъ; Г. Крыловскій доказалъ нашу догадку практически. Въ его «Новосельѣ» свой міръ, свои прозаики, свои поэты; они знаютъ другъ друга по именамъ, взаимно хвалятъ другъ друга, пишутъ посланія другъ къ другу, посвящаютъ статьи другъ другу. И что за любопытный этотъ міръ! Въ немъ — анекдоты изъ «письмовника» Курганова, о томъ, какъ поваръ съѣлъ ногу у жаренаго гуся, и потомъ увѣрилъ хозяина, что всѣ гуси бываютъ объ одной ногѣ; о томъ, какъ кривой бился объ закладъ со зрячимъ, что онъ больше видитъ,

и выигралъ закладъ. Это статьи въ прозѣ. А вотъ стихи. Чѣмъ же они плохи? Этакіе стихи!

«*Надъ богачемъ* и по кончинѣ
Хотятъ тщеславіемъ блистать,
Надъ бѣднякомъ *въ сырой могилѣ*
Не будутъ мраморъ *вздвигать*
И всѣ подъ тяжкою землей
Лежать мы будемъ *вѣчно въ гробѣ*,
Кропимы дружества слезой.
Поживъ — отдали долгъ природѣ.»

А вотъ эти стихи? Ну, чѣмъ они плохи!?

«Вы вчерашній день со мной
Обращались слишкомъ нѣжно,
Что же я, чудакъ какой,
Вашей ручки бѣлоснѣжной
Къ сердцу страстно не прижалъ,
И въ томительности сладкой,
Хоть бы разъ одинъ, украдкой,
Въ щечку васъ поцѣловалъ?
Лишь въ безмолвной страсти тлѣя,
Я стоялъ, потупя взоръ,
И отъ скромности краснѣя,
Посторонній бредилъ вздоръ.
Нѣтъ! въ другой разъ я не буду
Скроменъ въ пламени страстей,
Вы *удивитеся* чуду
Купидоновыхъ затѣй.»

На страницѣ 135 есть «первые опыты юнаго поэта», Николая Евгеньевича Грена: его «Мечты» очень хороши, милы, и много обѣщаютъ. Вотъ что только не понравилось намъ въ «Новосельѣ»: нѣкто А. П. С — въ помѣстилъ (стр. 193 — 201) статью «Байкалъ», будто-бы письмо къ А. Е. Грену, изъ Иркутска, отъ 31 января 1835 года; мы беремся доказать, что А. П. С — въ не могъ писать изъ Иркутска 31 января 1835 года, потому что это отрывокъ статьи, писанной совсѣмъ не Г. С—мъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ Москвѣ. Если угодно, мы представимъ улику на-лице, но, пока это потребуется, совѣтуемъ только Г. С—ву не выдавать чужаго за свое. Какъ бы это ни называлось, а только оно очень не хорошо.

Увійственная встрѣча. *Повѣсть.* Я. А. *СП.-бургъ. въ тип. Артиллерійскаго Департамента В. М., 1836, въ-8., стр. 113.*

Книга полезная и нравоучительная! Романъ!

Нѣкто Валеріанъ Константиновичъ Лельскій, сынъ Харьковскаго помѣщика, человѣка очень умнаго и почтеннаго, воспитывался сперва въ отцовскомъ домѣ, а потомъ въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ писалъ стихи, очень плохіе:

«Темнымъ флеромъ покровенна,
Сладострастія полна,
Ночь, какъ гость благословенный,
Къ намъ спокойно *низошла*...
Отъ чего твое волненье
Въ *душной для тебя груди*,
И тоска, и отчужденье,
И неясныя мечты?....
Другъ небесный, дѣва рая,
Дочь любимая мечты!
Ты *сойди* ко мнѣ, *святая*,
Въ блескѣ чудной красоты!...
И *не дай мнѣ*, одиноко,
Чувства, въ сердцѣ *погребя*,
Скучной жизни путь далекой
Совершить — *и не любя*.»

Стихи были не хороши, но въ душѣ своей Валеріанъ былъ поэтъ. Вдругъ одинъ графъ какой-то проситъ отца прислать къ нему Валеріана. Графъ этотъ не былъ въ службѣ, а такъ, жилъ и транжирилъ въ Москвѣ; отецъ, послалъ однако жъ къ нему Валеріана, чтобы посмотрѣть людей и свѣта. Графъ записалъ для-этого Валеріана въ гусары. Вдругъ Валеріанъ увидѣлъ въ Благородномъ Собраніи дѣвушку, Софью Павловну Луничъ: это было на балѣ. Вотъ какъ они разговаривали:

— Кому жъ знать тихія сладости небеснаго блаженства, какъ не самой небожительницѣ? И сколькіе обязаны вамъ за счастіе видѣть небо на земли!

— Благодарю васъ за привѣтствіе, но признаюсь, мнѣ во сто кратъ лестнѣе и пріятнѣе было бы слышать отъ васъ не комплименты, такъ легко вылетающіе изъ устъ тысячи обыкновенныхъ молодыхъ людей, а.....

— Если искренній, безпристрастный голосъ сердца вамъ угодно называть комплиментами, то я виновенъ передъ вами, и едвали когда сумѣю оправдать себя....»

Поэту какъ не влюбиться! Валеріанъ влюбляется, знакомится, принятъ, выслушанъ.

— Стократъ счастливъ смертный, *коему* опредѣлено судьбою сердце той, которая, какъ дѣва рая, влила въ грудь всю сладость чистой, пламенной любви!

— Не будете ли вы раскаиваться въ словахъ вашихъ?

— Развѣ тогда только, когда буду такъ несчастливъ, что заслужу тѣмъ вашу ненависть.

— Такъ знайте жъ, что сердце мое, даже еще прежде нашего знакомства, уже принадлежало вамъ.»

«Я бросаю перо!» восклицаетъ авторъ. Какъ угодно! И удивительно, что господину А. Я. прежде не пришла въ голову такая счастливая мысль. Но, къ развязкѣ Валеріанъ получаетъ письмо отъ отца: старикъ при смерти. Скакать скорѣе, но поздно: старикъ умеръ, — и Валеріанъ въ отчаяніи! Что же съ нимъ сдѣлалось, когда онъ прочиталъ письмо, оставленное старикомъ? Открылось, что старикъ обманулъ его: на старости прикинулся онъ такимъ добрымъ, а съ молоду былъ страшный шалунъ, увезъ жену у мужа, обвѣнчался съ нею, прижилъ Валеріана, влюбился потомъ въ жену какого-то князя, прижилъ съ нею дочь, и думалъ, что эту дочь всѣ почтутъ княжною. Но князь смѣтилъ дѣло, княгиню отъ себя прогналъ и все открылъ женѣ Лельскаго; та съ горя умерла; княгиня приняла чужое имя и спокойно стала жить въ Москвѣ, а Лельскій уѣхалъ въ деревню и сдѣлался добрымъ. Вообразите, эта отставная княгиня — госпожа Луничъ, а Софья Павловна — сестра Валеріана. *Убійственная встрѣча!* Надобно было Валеріану влюбиться въ эту Софью! Съ горя, онъ бѣжитъ на войну. Прошло сколько-то времени; мать Софьи входитъ однажды въ ея комнату, и видитъ, что Софья умерла, читая.... «Прибавленія» къ Русскому Инвалиду. Урокъ! Подѣломъ! Не надо читать такихъ журналовъ. Кто жъ читаетъ «Прибавленія» къ Инвалиду?

Что жъ еще нравоучительнаго въ этой повѣсти? Какъ же! есть еще очень много, да я не хочу расказывать. Наконецъ, въ «Убійственной встрѣчѣ» встрѣтите, чего и не ожидали встрѣтить: цѣлое разсужденіе о воспитаніи, и о томъ, чему

именно должно учить молодыхъ людей, какъ-то, чистописанію, Ариѳметикѣ, грамматикѣ, и это рѣшительно дополняетъ нравственную пользу «Убійственной встрѣчи» господина А. Я.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЯ БРЕДНИ И ЗАПИСКИ Дормедона Васильевича Прутикова. *Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-12. Двѣ части, стр. IV, II и 263 – 11 и 306.*

Кто изъяснитъ тайну случая? Отъ того-то онъ и случай, что мы причины изъяснить не можемъ. Потому не можемъ и мы растолковать себѣ, по какой именно прихоти случайностей, когда мы прочитали «Провинціяльныя бредни» Г. Прутикова, вздумалось намъ взять одинъ изъ томовъ Вольтера, и томъ этотъ развернулся на статьѣ его «Философическаго Словаря», и именно на статѣ Auteurs, авторы: что нашли мы тутъ? Слово «авторъ», говоритъ онъ, есть родовое слово, и можетъ означать, подобно названіямъ всякихъ другихъ ремеслъ, худое и хорошее, почтенное и смѣшное, полезное съ пріятнымъ, и нелѣпость съ гадостью. Намъ кажется, что «авторъ» хорошей книги долженъ опасаться трехъ вещей, – названія, посвященія и предисловія. Другіе должны опасаться еще четвертой вещи, – желанія писать. Ты хочешь быть «авторомъ»? Ты хочешь написать книгу? Вспомни, что она должна быть нова и полезна, по-крайней-мѣрѣ безконечно пріятна. Мы завалены вздоромъ и безпрерывными повтореніями стараго, несносными романами, списанными съ несносныхъ романовъ, и новыми истинами, основанными на старыхъ мечтаніяхъ, и маленькими исторійками, выбранными изъ большихъ исторій. Какъ? изъ угла твоей провинціи ты зарѣжешь меня книжащею, въ которой будешь доказывать мнѣ, что «надобно быть добрымъ человѣкомъ» и что «Траянъ былъ добродѣтельнѣе Калигулы»! Какъ? ты напечатаешь свои нравоученія, усыпившія твой маленькой городишко? Ты возьмешь подать со всѣхъ въ мірѣ исторій, чтобы не сказать ничего новаго о великомъ человѣкѣ, котораго жизнь тебѣ вздумалось написать и напечатать?»

Длячего, также случайно какъ намъ, не попались эти строчки Дормедону Васильевичу Прутикову, когда онъ писалъ,

или издателю своихъ «бредней», когда этотъ «выкланивалъ, выпрашивалъ» чужой товаръ, упрашивалъ автора отдать свои «бредни въ печать»? Избавитъ насъ когда-нибудь милосердый Богъ отъ этихъ услужливыхъ «издателей», за которыми укрывается крошечное самолюбіе авторовъ и страсть печататься?

Г. Прутиковъ говорилъ издателю: «Я не романтикъ, не классикъ; нѣтъ у меня ни эффектовъ, ни потрясеній, ни смертоубійствъ, даже ничего нѣтъ фантастическаго. Что же такое? Безъименный выродокъ? Вотъ, скажутъ, авторъ не знаетъ Эстетики; нѣтъ ничего трансцендентальнаго, индивидуальнаго, объективнаго; *стиль* не новый, *слогъ* простой, и рубить сплеча. Теперь любятъ картину, чтобы рамка нарядная блестѣла, а что въ картинѣ — то дѣло другое. Но пускай идутъ мои записки: это отрывки, а отрывки въ ходу. Наконецъ скажутъ, что старикъ въ одномъ только правъ: самъ бреднями *маралъ* свои статьи.»

Старикъ говорилъ дѣло. Да почему не подумалъ и не сказалъ онъ еще слѣдующаго:

«Книгу мою *тисновенію* предать легко: да что будетъ изъ *сего* проку, въ *таковомъ* романтическомъ поступкѣ, на склонѣ моихъ лѣтъ? Прибавлю ли я *таковымъ* изданіемъ что-нибудь кромѣ безполезно испечатанной кучи бумаги въ книжныя лавки, на *дежене* мышамъ? *Сумѣю* ли я хоть старое представить въ новой формѣ, чтобы за новое съ рукъ сошло? Перетряхивать пыль изъ трудолюбивой пчелы, и просѣвать ее сквозь рѣшето плохаго слога и сито избитыхъ мыслей, недиковинка: да толкъ-то какой *воспослѣдуетъ?*»

Тутъ дѣло, какъ видите, совсѣмъ не въ трансцендентальности, индивидуальности, романтизмѣ, классицизмѣ, эффектахъ, фантазіи, а въ смыслѣ и въ дѣлѣ.

Г. Прутиковъ ворчитъ противъ пороковъ, слабостей и недостатковъ нашего вѣка, модъ, гордости, лжи, вѣстей, вообще противъ условій и обычаевъ большаго свѣта; жалуется, почему въ письмахъ пишутъ «милостивый государь»; почему жены вѣтреничаютъ, молодежь танцуетъ, старики играютъ въ вистъ, женихи женятся на деньгахъ, мужики пьютъ чай, дамы страдаютъ мигренемъ, и такъ далѣе. Иногда онъ пускается въ философствованье; иногда вспоминаетъ, какъ хорошо встарину бывало, когда клу-

бовъ и суповъ не знали, ѣли щи, не говорили по-Французски. Словомъ, все подаетъ Г. Прутикову поводъ къ статейкѣ. Сосѣдъ купилъ карету на высокомъ ходу? «За чѣмъ эта карета на высокомъ ходу? Она скорѣе низкой повалится.» Нравоученіе: «Такъ-то бываютъ системы, высокія, зато валкія!» И статейка! — Поставили скворечницы; скворцы вывели дѣтей; дѣти потомъ разлетѣлись. Нравоученіе: «Такъ-то бываетъ съ людьми: выведутъ дѣтей, а они разлѣтятся во всѣ стороны — охъ, хо, хо!» Статейка! — Еще, и еще, и набралось девяносто статеекъ, сирѣчь двѣ книжки.

Такое нравоучительное брюзжанье прежде бывало въ модѣ. Даже на Руси выходили цѣлые журналики такого нравоученія, — Пчелы, Муравьи, то и сё, ни то ни сё, всякая всячина, и еще прочее. Съ легкой руки Аддисона началось дѣло въ Англіи; Сумароковъ ввелъ его въ моду на Руси; Д. В. Прутиковъ хочетъ обновить эту старую моду. Почему не попытаться! Только вспомнить бы старику, что всему есть свое время, — «всѣмъ время, и время всякой вещи,» говоритъ премудрый Соломонъ. Скажемъ еще за тайну Д. В. Прутикову, что никогда не было времени на нравоученіе вялое, скучное, брюзгливое, мелочное, худо написанное, худо напечатанное и исполненное ошибокъ противъ языка и грамматики. Объ этомъ надобно было бы подумать и позаботиться ему прежде всего.

ОНЪ И ОНА. *Романъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1836, въ 12, четыре части, стр. 169–170–182–103.*

Сѣрая бумага и мутно-желтоватая обвертка чуть было не оттолкнули вниманія нашего отъ этого романа. Но первому впечатлѣнію никогда вѣрить не должно. Мы принялись за чтеніе *Онаго и оной*, прочитали, и «остались весьма довольны». Романъ «Оный и оная» — книга чрезвычайно занимательная, вотъ по какому отношенію:

Не любопытно ли было бы для каждаго изъ насъ видѣть изъясненіе, какъ смотритъ на тотъ или другой извѣстный намъ предметъ Турокъ или Китаецъ?

Такъ же любопытно и узнать, какъ смотритъ на міръ, людей, любовь, дружбу, поэзію, Германскій студентъ.

Знаете ли, что̀ такое въ Германіи называется «студентомъ»? Это особенный родъ людей, достойный чести и наблюденія. Студентъ собственно есть человѣкъ молодой, обыкновенно бѣднякъ, малой лихой, удалый, одѣтый дурно, пестро, по модамъ зарядья, съ усами, съ трубкой дешеваго вагштафу во рту. Онъ знаетъ свѣтъ по заботамъ своего младенчества, по университетскимъ товарищамъ, по бульварамъ, по трактирамъ, по домамъ, гдѣ даетъ уроки, по книгамъ, какія успѣлъ прочитать. Живетъ онъ въ надеждѣ будущихъ благъ, наслаждается безъ большой разборчивости, горе забываетъ, радости не видалъ. На міръ, на людей, смотритъ онъ съ своей студентской лавки, дополняя мечты и опыты Шиллеромъ и Байрономъ, Поль-де-Кокомъ и Бальзакомъ, Викторомъ Гюго̀ и Шеллингомъ, да еще пуншемъ и пивомъ. Онъ уменъ по наукѣ, поэтъ по шалостямъ, ребенокъ по неумѣнью различить добро и зло. Свой міръ, свои герои, свои любимые поэты, свои романисты, свои идеалы, и своего рода сочиненія и созданія есть у студента. Таковъ Нѣмецкій «студентъ». Лабрюеръ потерялъ любопытную главу въ своихъ «Характерахъ», не зная студента. Отчизна идеальныхъ студентовъ есть Германія, но они водятся и въ другихъ земляхъ, и ихъ множество родовъ, и всѣ отличены первобытнымъ типомъ. Въ современной Французской словесности міръ студентовъ — любимый міръ Ремоновъ, Бальзаковъ, Дюма, и прочая У насъ на Руси, донынѣ студенты только писали, особливо переводили, романы, но ничего еще не являлось взятаго въ романъ изъ міра студенческаго, хотя самые студенты, какъ студенты, начиная съ «Бурсака» Нарѣжнаго, появлялись въ Русскихъ романахъ. Авторъ романа «Оный и оная» взялъ на себя трудную задачу — рѣшить, какъ сталъ бы смотрѣть на міръ, людей, женщинъ, дружбу, любовь, идеальный студентъ, если бы кто-нибудь заставилъ его изложить свои понятія въ романѣ. И авторъ рѣшилъ задачу превосходно. Грибоѣдовъ, прочитавъ первыя главы «Выжигина», писалъ къ Ѳ. В. Булгарину: «Первая глава у тебя такъ съ натуры списана, что (прости, душа моя!) невольно подумаешь, что ты самъ когда-нибудь валялся съ кудлашкой. Тфу, пропасть! какъ смѣшно, и жалко, и справедливо!» (Сынъ Отечества, 1830, IX, 24, 25). То же самое можно было бы

написать къ автору романа «Оный и оная». Въ этомъ романѣ столько студенческой натуры, что (прости, душа моя, авторъ романа!) невольно подумаешь, что вы сами были Нѣмецкимъ студентомъ, — самымъ поэтическимъ, самымъ отчаяннымъ, самымъ романическимъ студентомъ, который смотритъ на свѣтъ изъ облаковъ табачнаго дыму, наполняющаго его комнату, — такъ превосходно авторъ постигъ идеалъ студента!

Выборъ героя, — богачъ, поэтъ, свѣтскій человѣкъ. Міръ, — счастія въ мірѣ нѣтъ, но есть наслажденіе. Женщины — созданія недостойныя идеаловъ своихъ, годныя для разгула жизни. Люди вообще — мерзавцы, какъ это уже положено у всѣхъ новыхъ романистовъ. Но знаетъ ли авторъ свѣтъ, людей, женщинъ?..... Зато онъ припомнитъ, что читалъ обо всемъ этомъ. Давайте сюда «Горе отъ ума», Les Intimes, и кое-что еще Ремона, Карра, Бальзака. Давайте Notre-Dame de Paris да «Онѣгина». Этого довольно! Завязку надобно мудреную. Дѣйствіе происходитъ сегодня. Основаніе романа — жажда жизни, не удовлетворяемая свѣтомъ и людьми. Говорятъ, будто это нерѣшеная задача и предметъ вѣчныхъ споровъ.

И все это выполнено превосходно. Точно, какъ-будто авторъ, — ежели только онъ студентъ, — списывалъ героя съ самаго себя а въ подробностяхъ вмѣшивалъ все, что видѣлъ, слышалъ, успѣлъ прочитать.

Герой романа является подъ Новинскимъ, на Святой недѣлѣ, куритъ, пьетъ, гуляетъ, ѣздитъ «на дрожкахъ», на Каменномъ Мосту роняетъ изъ шляпы любовныя письма, волочится, успѣваетъ, заставляетъ всѣхъ влюбляться: идеалъ счастья юношескаго! Вечеринки среднихъ состояній Московскихъ являются у него балами большаго свѣта; Московскіе франтики играютъ роли свѣтскихъ людей; Московскія чиновницы двѣнадцатаго класса роль свѣтскихъ красавицъ.

Завязка въ томъ, что герой романа, пылкій, бѣшеный, неопытный «поэтъ», сгараетъ первою любовью къ замужней женщинѣ. «Грѣхъ пополамъ, — женись, и я буду твоя!» говоритъ ему богиня его. Поэтъ женится на первой дѣвушкѣ, какая ему попалась, потому, что онъ «поэтъ». Но любовница обманула его: «будь добродѣтельнымъ супругомъ,» отвѣчаетъ она. Поэтъ дѣлается новымъ Байрономъ, философ-

ствуетъ, странничаетъ, пока не влюбился опять, ужъ совсѣмъ неидеально, въ кокетку, подругу жены своей, жену глупца въ родѣ Фамусова. Тутъ начинается сцена студенческаго донъ-жуанства. Къ несчастію, жена поэта смертельно любитъ его. Нечаянно или нарочно, она глотаетъ кольцо; кольцо останавливается въ ея горлѣ; она обмираетъ, ее хоронятъ. Тутъ являются на сцену — нѣчто въ родѣ Квазимодо, пьяница гробовщикъ; нѣчто въ родѣ Эсмеральдиной матери, жена гробовщика, сумасшедшая, у которой на головѣ коженный мѣшокъ, и наконецъ нѣчто въ родѣ Гётевой Миньоны или Вальтеръ-Скоттовой Фенеллы, дѣвочка Маша. Гробовщикъ отрываетъ умершую; она оживаетъ и скрывается отъ мужа, начинаетъ пугать, тревожить его, мистифировать всѣхъ. Ясно доказываютъ поэту, что любовница его кокетка, и обѣщаютъ показать ему умершую жену его. Но фантасмагорія не удается; жена поэта умираетъ въ самомъ дѣлѣ, а поэтъ остается такъ, ни счастливъ ни несчасливъ.

Какъ тутъ хорошо изображено все, что можетъ представить себѣ романическаго воображенія Германскій студентъ! Тутъ и Nôtre-Dame de Paris, и Les Intimes, и немножко мадамъ Зандъ, и крошечку Поль-де-Кока, и сумасшедшая, какъ необходимость романа новѣйшаго, и наслажденія городскія, такъ, какъ онѣ могутъ казаться пылкому юношѣ.....

Хотите ли описаній въ родѣ Бальзака? Прочтите описаніе поэтическаго кабинета. Хотите ли чего-нибудь въ родѣ Гюго? Прочтите сцену на кладбищѣ или въ домѣ гробовщика. Выпишемъ на обращикъ Бальзаковское:

«Злой человѣкъ», шептала она, съ упоительною улыбкою обвивая своими полными, полуобнаженными руками влюбленнаго юношу: злой человѣкъ! всегда наговоритъ мнѣ кучу груб.....

«*Влажный*, продолжительный поцѣлуй не далъ ей докончить. *Какъ бѣшеный*, съ *крупными слезами на глазахъ*, жалъ, *давилъ* ее въ своихъ объятіяхъ Владиміръ. *Чудное* сбывалось съ нимъ въ эту минуту: онъ ненавидѣлъ и боготворилъ, въ одно и то же время, кумиръ души своей. Сердце его сжалось: то, какъ кусокъ *льда*, *вброшенный въ грудь несчастнаго*, оно заставляло его дрожать всѣми членами; то какъ кусокъ раскаленнаго желѣза, оно палило его внутренность.....»

Нѣтъ, лучше что-нибудь поэтическое:

«Что не сдѣлаетъ женщина изъ мужчины, если онъ ее любитъ? Однимъ ласковымъ взглядомъ, однимъ *электрическимъ* прикосновеніемъ руки, она можетъ *приблизить его къ возможному для человѣка совершенству;* одной презрительной улыбкой, однимъ холоднымъ словомъ, она сдѣлаетъ изъ него злодѣя, убійцу, а иногда и самоубійцу. *Больше дьявола* боюсь я той женщины, которая знаетъ волшебную силу своей власти, и каждую минуту готова употребить ее во зло! По моему мнѣнію, застрѣлить такую женщину есть почти то же, что *раздавить червяка*, подтачивающаго *хорошее* растеніе. Одного только не знаю: достанетъ ли пороху, если вздумаешь перестрѣлять всю длинную, а, можетъ-быть, и безконечную фалангу любовной тираніи женской....

«Противоположныя мнѣнія, иногда даже наводятъ меня на мысль — ужъ полно существуетъ ли истинная любовь? Не есть ли она просто эгоизмъ? Не себя ли мы любимъ въ любимомъ предметѣ? Не собственный ли нашъ образъ мыслей и чувствъ нравится намъ въ немъ? Ужъ не есть ли эта любовь, о которой такъ давно и много толкуетъ человѣчество, льстивое зеркало, въ которое, охорошиваясь съ довольною улыбкою, смотрится наша пустая суетность? Иногда даже кажется мнѣ, что любовь есть не что иное какъ удовлетворенная гордость человѣка... Особенно въ бракѣ это обстоятельство бросается скорѣе всѣхъ въ глаза наблюдателя. Женившійся мужчина, какъ-будто *даетъ пощечину всему женскому полу.*»

Ну, точно, какъ-будто видите Нѣмецкаго студента, когда онъ немножко подъ хмѣлькомъ, въ красномъ жилетѣ, коричневомъ фракѣ, полосатыхъ брюкахъ, танцуетъ мазурку, и любезничаетъ съ дамою, и философствуетъ съ кавалерами.

Передъ каждою главою поставленъ эпиграфъ. Нѣкоторые измѣнены авторомъ довольно удачно, какъ напримѣръ слѣдующій:

«Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? *Мылемотомъ*,
Космополитомъ, патріотомъ,
Герольдомъ, квакеромъ, ханжей?»

Милемотъ, вмѣсто *Мельмота*, и *Герольдъ*, вмѣсто *Гарольда*, превосходно показываютъ, какъ списываются обыкновенно въ тетрадки молодыхъ людей стихи Пушкина.

Вѣрный идеалу своего сочиненія, авторъ не оправдывается, почему онъ употребилъ для завязки романа мысль, уже употребленную въ повѣсти Панаева, то есть, проглоченное кольцо; но въ несообразности этой завязки онъ почелъ

Встрѣчалъ привѣтъ его громовой,
Когда, съ улыбкой на устахъ,
Влачились гордо вы въ цѣпяхъ
За колесницею Петровой.
Дѣла высокія Славянъ,
Прекрасный вѣкъ Семирамиды,
Герои Альповъ и Тавриды,
Онъ былъ вашъ вѣрный Оссіанъ,
Звучнѣй, чѣмъ Игоревъ Баянъ.
И онъ, супругъ твой, Жозефина,
Желѣзный, волей и рукой,
На вѣковаго исполина
Взиралъ съ невольною тоской.
Москва, подъ игомъ супостата,
И ночь, и бунтъ, и Кремль въ огнѣ, —
Нерѣдко новаго Сармата
Смущали въ грустной тишинѣ.
Еще свободы ярой клики
Таила Русская земля;
Но грозенъ былъ Иванъ Великій
Среди безмолвнаго Кремля;
И Святослава мечъ кровавый
Сверкнулъ надъ буйной головой,
И избалованная славой,
Она склонилась величаво
Передъ торжественной судьбой!.....
Возстали царства; пламень брани
Подъ небомъ Африки угасъ,
И звучно, звучно съ плескомъ дланей
Слился Ивана шумный гласъ!.....
И гдѣ жъ, когда въ скрижаль отчизны
Не вписанъ доблестный Иванъ?
Всегда, вездѣ безъ укоризны
Онъ Русской Правды Алкоранъ!.....
.....
.....
Одинъ крестьянинъ полудикой
Не даромъ молвилъ во слезахъ:
Великъ Господь на небесахъ,
Великъ въ Москвѣ Иванъ Великій!.....
И такъ, хвала тебѣ, хвала,
Живи, цвѣти, Иванъ Кремлевскій,
И, утѣшая слухъ Московскій,
Гуди во всѣ колокола!.....»

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ *близъ Диканьки. Повѣсти, изданныя пасичникомъ* Рудымъ Панькомъ. *Изданіе второе. СПбургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ-8. Двѣ части, стр. XIV и 203 – X и 293.*

Въ продолженіе двухъ томовъ вы только и видите что Малороссійскихъ мужиковъ, казаковъ, дьячковъ, мастеровыхъ. Публика Г. Гоголя «утираетъ носъ полою своего балахона» и жестоко пахнетъ дегтемъ, и всѣ его повѣсти или, правильнѣе, сказки имѣютъ одинаковую физіономію. Литература эта, конечно, не высока; эта публика еще одной ступенью ниже знаменитой публики Поль-де-Коковой; однако жъ книга читается съ большимъ удовольствіемъ, потому что она писана слогомъ плавнымъ, пріятнымъ, исполненнымъ непринужденной веселости, для которой часто прощаешь автору неправильность языка и грамматическія ошибки. Самое замѣчательное качество манеры Г. Гоголя, – когда Г. Гоголь не вдается въ сужденія объ ученыхъ предметахъ, – есть то особенное Малороссійское забавничанье, та простодушная Украинская насмѣшка, которыми онъ обладаетъ въ высшей степени, и которыя столько же различны съ Англійскимъ юморомъ сколько съ Французскими тюрлюпинадами или съ тѣмъ, что во Франціи называютъ goguenardise. Что это отнюдь не esprit, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, а тѣмъ, которые принимали манеру автора «Вечеровъ на хуторѣ» за humour, имѣемъ честь доложить, со всѣмъ должнымъ почтеніемъ къ ихъ проницательности, что они повидимому не имѣютъ яснаго понятія объ юморѣ. Мы настаиваемъ на эти различія, которыя не каждому дано чувствовать въ равной степени, и хотя, слава Богу, не смѣшиваемъ Малороссійской потѣхи съ юморомъ Стерна, Лема или Гогга, желали бъ однако жъ двухъ вещей, – чтобы Г. Гоголь не оставлялъ своей манеры, потому что она оригинальна, забавна и носитъ неподдѣльный отпечатокъ особенной народности ума, – и чтобы другіе не подражали его манерѣ, если они не родились въ Малороссіи, потому что она такъ же неподражаема и самобытна какъ esprit и какъ humour.

Дѣйствующія лица этихъ сказокъ принадлежатъ къ самымъ низкимъ сословіямъ и говорятъ языкомъ, приличнымъ

своему званію; при всемъ томъ языкъ этотъ не поражаетъ образованнаго читателя ни пошлыми оборотами бесѣды въ присядку, ни грубостью, слишкомъ вѣрною черной природѣ. Какъ не полюбить этихъ молодыхъ казачекъ, съ такими круглыми бровями, съ такимъ свѣжимъ и румянымъ лицемъ? какъ не находить удовольствія въ картинѣ этихъ нравовъ, добродушныхъ, простыхъ, забавныхъ? Самая милая сказка — «Ночь передъ рождествомъ»: она очень весела, очень drôle, — вѣрнѣе мы не умѣемъ выразить ея свойства; здѣсь часто попадается и остроуміе, и вообще вы читаете ее съ наслажденіемъ и любопытствомъ съ начала до конца. «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка» есть единственная въ цѣломъ сочиненіи повѣсть, въ которой нѣтъ мужиковъ и казаковъ, и она именно столько занимательна, сколько нужно чтобъ пожалѣть о томъ, что она не кончена.

ПРЕКРАСНАЯ АСТРАХАНКА, *или Хижина на берегу рѣки Оки. Романъ, взятый изъ истиннаго происшествія. Россейское сочиненіе. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-12. Двѣ части, стр. IV и 42 – 76.*

Это «Рассейское сочиненіе» дышетъ всею прелестью своего заглавія. Сочинитель такъ щедръ на описасанія, что приложилъ къ своей книгѣ цѣлое предисловіе о городѣ Астрахани, «гдѣ имѣлъ собственный домъ и гдѣ щастливо провелъ безпечныя лѣта младенчества и отрочества, подъ кровомъ родительскимъ».

На балконѣ одного дома сидѣла прекрасная Астраханка Анастасія. Передъ домомъ — рѣка; по рѣкѣ плыветъ лодка; на лодкѣ, подъ парусомъ, сидитъ «прекрасный юноша съ величественною осанкою, съ *огненнымъ и вмѣстѣ съ дикимъ* взоромъ, *умѣреннымъ неподражаемою улыбкою* при встрѣчѣ со взорами прекрасной Анастасіи.» Поровнявшись съ балкономъ, этотъ юноша съ пламеннымъ и вмѣстѣ дикимъ взоромъ, умѣреннымъ неподражаемою улыбкою, приказываетъ лодкѣ остановиться, «а самъ, ставъ на одно колѣно и «*простря* свои руки къ Анастасіи, а потомъ *на* небо, съ выразительностью говоритъ громко курсивыми буквами: «*Клянусь! ты будешь моею, или СІЯ рѣка будетъ моею* «*могилою!*»

Черезъ нѣсколько времени незнакомецъ является въ домѣ отца Анастасіи. «Боже! вскрикиваетъ Анастасія: это онъ!— это юноша съ огненнымъ и вмѣстѣ дикимъ взоромъ, умѣреннымъ неподражаемою улыбкою! — и падаетъ въ обморокъ».

Черезъ нѣсколько времени оказывается, что незнакомецъ называется Стефаномъ и предводительствуетъ шайкою разбойниковъ. Эти господа похищаютъ Анастасію, разумѣется, для Стефана; она сначала кричитъ; потомъ уже не кричитъ и любитъ его по мѣрѣ силъ и возможности. Стефанъ помѣщаетъ ее въ домѣ одного пастуха, и спустя нѣсколько времени, несмотря на то, что она и не думаетъ кричать, рѣшается отпустить ее обратно къ родителямъ. Въ послѣдній вечеръ своего пребыванія у пастуха, такъ какъ это романъ Рассейской, Анастасія пьетъ «Русскій рейнвейнъ» съ семействомъ своего хозяина, благодаритъ ихъ за угощеніе, и приготовляется къ дорогѣ.

Пришедши домой, Анастасія узнала, что родители ея умерли; *вслѣдствіе сего* и она умерла съ горести, а Стефана схватила полиція, съ огненнымъ взоромъ, умѣреннымъ неподражаемою улыбкою.

«Такъ-то погибли оба любовника, истинно невинные и непричастные ни какому пороку!» восклицаетъ авторъ въ заключеніе Рассейскаго романа, который, къ чести Русской словесности, содержитъ въ себѣ, въ обѣихъ частяхъ, не болѣе ста двадцати страницъ.

УЧИТЕЛЬСКАЯ ВНУЧЬКА, *или Почему знать, чего не знаешь! Русскій, только не историческій и не нравственно-сатирическій, романъ. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1836, въ 12. Четыре части, стр. 279 – 366 – 316 – 329.*

Арзамасская школа живописи, Валдайскіе колокольчики, Казанское мыло, Выборгскіе крендели, Московскіе Романы,— все это типы разныхъ отечественныхъ произведеній, которыхъ невозможно поддѣлать въ другомъ мѣстѣ. Какъ ни ухищряйтесь, а въ Петербургѣ не сдѣлаете ни Московскаго романа, ни Выборгскихъ кренделей!

Надобно, прежде всего, замѣтить, что это—романъ Русскій, а не *Рассейской*. Спросите — какая разница? C'est une nuance. Послѣ этого, можно разсказать вамъ его содержаніе.

Вся первая часть занята однимъ вступленіемъ. Разсказъ начинается съ дѣдушки, главнаго дѣйствующаго лица романа. Этотъ дѣдушка — уѣздный учитель; у него родится дочь, выростаетъ, похищается, родитъ сама дочь и умираетъ; новорожденная также понемногу выростаетъ, становится порядочною дѣвушкою и живетъ у своего дѣдушки, уѣзднаго учителя. Такимъ образомъ читатель, если не умретъ со скуки, имѣетъ удовольствіе пережить въ первой части нѣсколько героевъ и героинь. Наконецъ вы развертываете вторую часть: внучка уѣзднаго учителя, Юлія, влюбляется не на шутку въ барона Фердинанда. Пріѣзжаетъ изъ Петербурга, — это уже въ третьей части, — одна графиня, и беретъ Юлію съ собой, потому что она ей очень нравится. Юлія живетъ въ Петербургѣ, играетъ на фортепіано, восхищается Лѣтнимъ Садомъ, стоитъ въ благоговѣніи передъ Невою, прогуливается съ восторгомъ по Англійской Набережной. Кстати, описаніе Петербурга:

«Юлія, при каждомъ новомъ видѣ, считала себя переносимою изъ одного города въ другой. Увидя у биржи Неву, усѣянную купеческими судами, она представляла себя въ какомъ-нибудь богатомъ торговомъ городѣ. Въ Лѣтнемъ Саду, встрѣчая блистательное общество и прелестныхъ женщинъ одѣтыхъ *въ полномъ вкусѣ моды*, она почитала себя переселенною въ резиденцію великолѣпнаго двора. На Крестовскомъ Острову, видя повсюду веселящихся ремесленниковъ, большею частію Нѣмцовъ, она воображала, что находится въ какомъ-нибудь Нѣмецкомъ городкѣ. Богатая зелень садовъ, красивые домики и прозрачныя воды, омывающія Каменный Островъ, заставляли ее думать, что она подъ небомъ Италіи. На Адмиралтейскомъ бульварѣ она слышитъ звуки всѣхъ языковъ, видитъ смѣшеніе всѣхъ костюмовъ; но великолѣпный дворецъ увѣряетъ ее, что она не въ торговомъ городѣ, а въ столицѣ Великой Монархіи. Огромныя зданія Невскаго Проспекта, гранитъ и богатство, повсюду встрѣчаемыя, широкая прекрасная улица, приводятъ ее въ большое недоумѣніе, и она полагаетъ себя въ Парижѣ или Лондонѣ; наконецъ, для разительной противоположности, она переносится на сѣнную и прогуливается среди Чухонцевъ...,.»

Это блистательное описаніе Петербурга будетъ безсмертно въ нашей словесности: если бъ авторъ не написалъ ничего болѣе кромѣ этой картины, онъ и такъ былъ бы уже великій живописецъ. Но онъ, какъ извѣстно, написалъ четыре довольно толстыхъ тома, еще лучше этой картины Петербурга.

Вотъ четвертая часть. Приближается заключеніе. Юлія находитъ своего отца, — похитителя ея мастери. Этотъ

отецъ — графъ, и родной братъ графини, у которой она живетъ въ Петербургѣ. Графъ укрѣпляетъ за Юліей все свое имѣніе, и Юлія выходитъ замужъ за своего барона.

Романъ оканчивается; но авторъ еще не кончилъ. Онъ продолжаетъ разсказъ объ участи остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, и, въ заключеніе сообщаетъ читателю списокъ особъ, подписавшихся на *сіи означенные* четыре тома.

Г. Орловъ и компанія производитъ также Московскіе романы; но по-крайней-мѣрѣ въ его романахъ выставляются на сцену кухарки, купчихи, попадьи, которыя говорятъ своимъ языкомъ. Между-тѣмъ есть другое общество писателей въ Москвѣ, которое пишетъ только о графиняхъ и княжняхъ: тутъ уже мы должны принять сторону Г. Орлова, котораго явно обижаютъ: на какомъ основаніи эта вторая компанія похищаетъ, безъ привилегіи, его кухарокъ, купчихъ, попадей, и продаетъ ихъ «иногороднымъ», переименовавъ въ княгинь и графинь? Г. Орловъ имѣетъ полное право преслѣдовать ее судебнымъ порядкомъ за контрафакцію.

Какое же заключеніе выводите вы изъ всего этого? Мое заключеніе — вотъ какое: вы не читали всѣхъ этихъ книгъ, и не будете ихъ читать, — вамъ весело, — а я читалъ ихъ, и плачу; читалъ только длятого чтобы васъ освободить отъ чтенія, и, клянусь вамъ честію, предпочелъ бы итти на лѣсной дворъ пилить доски чѣмъ быть критикомъ для «Лѣтописи» и читать за васъ, благосклонныхъ читателей, такую литературу. Пожалѣли ль вы когда-нибудь обо мнѣ?..... Пожалѣйте. О, пожалѣйте, я дѣлаю для васъ большое пожертвованіе!

Уфъ!!!..... вотъ еще переводы Г. Надеждина.

СОРОКЪ ОДНА ПОВѢСТЬ *лучшихъ иностранныхъ писателей (Бальзака, Бальоль, Блюменбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Ваш. Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Мока, Сентина, Тика, Цшокке, Ф. Шаля, и другихъ.) Изданы* Николаемъ Надеждинымъ. *Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-12, Двѣнадцать частей, стр. 287 – 261 – 259 – 287 – 275 – 276 – 262 – 263 – 227 – 246 – 251 – 236.*

Означенный Г. Надеждинъ, пробывъ, какъ самъ извѣщаетъ, четыре мѣсяца среди Европейской образованно-

сти, объѣхавъ съ своимъ наблюдательнымъ *окомъ* Францію, Германію, Италію, и прочая, и прочая, — объѣхавъ землю, море и небо, изучивъ на-мѣстѣ всѣ достопримѣчательности *оныхъ*, понялъ духъ времени, возвратился въ Москву, обобралъ всѣ книжки прошедшихъ годовъ своего «Телескопа», — такъ, кажется, если мы не ошибаемся, зовутъ Московскій журналъ, издаваемый означеннымъ Г. Надеждинымъ, — и вотъ явилось цѣлые двѣнадцать томовъ старыхъ повѣстей, подъ замѣчательнымъ названіемъ: «Сорокъ одна повѣсть самыхъ лучшихъ иностранныхъ писателей въ самомъ «дурномъ Русскомъ переводѣ», и прочая, и прочая. Заглавіе, какъ вы изволили видѣть, очень длинно.

Что прикажете сказать объ этомъ переводѣ? Педантизмъ и безвкусіе дышатъ въ немъ всею своей прелестью; школьный слогъ, испещренный *сими, оными, означенными* и *вышесказанными*, является въ полномъ блескѣ и величіи; дѣйствующія лица, хорошаго общества, говорятъ такъ, какъ только семинарные Демосѳены и люди безъ всякаго чувства подлинной изящности Русскаго языка, въ состояніи писать на бумагѣ, забывши, что Русскій языкъ и хорошее общество есть на свѣтѣ. Мы были тронуты усиліями и таинственными изворотами, среди которыхъ мысли «лучшихъ иностранныхъ писателей» просятъ, по-Русски, здраваго смысла, какъ милостыни, Христа ради. Быть-можетъ, есть въ нашемъ языкѣ переводы съ «лучшихъ иностранныхъ писателей» столько же безобразные какъ этотъ, но безобразнѣе — навѣрное нѣтъ ни однаго. Охота же означенному Г. Надеждину такъ коверкать *вышеупомянутыхъ* лучшихъ писателей! О, бѣдные лучшіе писатели! длятого ли старались вы говорить какъ-можно милѣе и изящнѣе на своихъ *діалектахъ*, чтобъ блестящій, свѣтскій языкъ вашъ, легкій и пахучій какъ воздухъ будуаровъ, былъ превращенъ означеннымъ Г. Надеждинымъ въ самый грубый и неуклюжій глаголъ Русскаго повытчика, поднимающагося на кудрявый слогъ? Povera umanità, dove si perde! Мы говоримъ по-Италіянски длятого, что означенный Г. Надеждинъ, послѣ своего четырехъ-мѣсячнаго путешествія по разнымъ частямъ свѣта, иначе и не изъясняется какъ на *семъ* діалектѣ, такъ, что напримѣръ слова vendetta, «мщеніе», онъ уже и не пере-

водитъ по-Русски, но пишетъ прямо Русскими буквами — *вендетта.*

Означенный Г. Надеждинъ также и поэтъ, какъ *сіе* видно изъ вышеупомянутыхъ двѣнадцати частей «лучшихъ иностранныхъ писателей». Вотъ прелестные, звучные стишки, исполненные Нѣмецкой чувствительности и Италіянской нѣги:

«Уединенье
Не всѣмъ дано, —
Мнѣ наслажденье,
Мнѣ рай оно!
Сегодня, завтра,
Всегда равно,
Всегда одно
Мнѣ упражненье:
Хвалить и пѣть
Уединенье.»

Или напримѣръ *сіи* стишки:

«Уединенье
Ты далеко!
Но сожалѣнье
О преступленьѣ
Не далеко,
Хоть далеко
Уединенье.»

Или напримѣръ стишки *нижеслѣдующіе:*

«Уединенье
Мое опять,
И наслажденье
Со мной опять;
И подозрѣнье
Здѣсь не живетъ;
Бѣды мнѣ пѣнье
Не навлечетъ
Въ уединеньѣ.»

Изъ сего явствуетъ какъ-нельзя болѣе, что вышеупомянутый Г. Надеждинъ имѣетъ столько же дарованія въ поэзіи, сколько вкуса и чувства изящности въ прозѣ.

ПИСЬМА ЛЕДИ РОНДО, *супруги Англійскаго министра при Россійскомъ дворѣ въ царствованіе Императрицы*

Анны Іоановны. Перевелъ съ Англійскаго М. К. *СПбургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1835, въ-8., стр. 128.*

Ежели кто думаетъ найти здѣсь что-нибудь особенно любопытнаго о Русскомъ дворѣ того времени, тотъ весьма ошибется. Леди Рондо болѣе занималась описаніемъ разныхъ господъ Л., Б., Т., которые ей нравились и которые за нею волочились, чѣмъ другими предметами. Ее, какъ иностранку, болѣе всего изумляли наши катанья съ горъ и наши качели. Большая часть писемъ наполнена изъявленіями дружбы; иногда леди Рондо покушается на остроты, но перо ея скользитъ, и острота остается въ чернилахъ, — ея, или ея переводчика, — доложить не можемъ. Вотъ одно изъ самыхъ занимательныхъ мѣстъ во всей книгѣ:

«Здѣсь въ (Москвѣ) есть молодой человѣкъ, модникъ, путешествовавшій во Франціи, и прочая. Возвратившись домой онъ встрѣтилъ трехъ или четырехъ красавицъ въ домѣ своего знакомаго (или знакомца, — это все равно), гдѣ онъ танцовалъ, пѣлъ, смѣялся, былъ свободенъ съ дамами à la mode de Paris. Показавъ опыты своей ловкости, онъ началъ хвастать, что успѣлъ возбудить къ себѣ любовь въ каждой изъ красавицъ и это дошло до ушей des messieurs leurs maris, *ибо* онѣ были замужнія (это *ибо*, послѣ модной Французской фразы, особенно мило!). Мужья долго смотрѣли не зная на что рѣшиться; наконецъ высказали прямо своимъ женамъ, что они ими очень недовольны. Дамы пожелали, чтобъ имъ позволено было *привести съ собою* (?) этаго господина къ своимъ мужьямъ. Всѣ эти четы условились, чтобъ одна изъ нимфъ пригласила его на ужинъ къ себѣ въ домъ, не объявляя, что съ нимъ *еще* (?) будетъ. Онъ полетѣлъ на крыльяхъ любви на свиданіе, и его приняли какъ-нельзя лучше. Но въ минуту его высочайшихъ надеждъ, хозяйка начинаетъ его упрекать за *рѣчи, которыя онъ говорилъ*. Онъ запирался; но къ нимъ входятъ другія дамы съ своими мужьями, свидѣтелями его вины, и обличаютъ его совершенно. Мужья произнесли приговоръ, чтобы жены его высѣкли. Одни говорятъ, что онѣ въ самомъ *дѣлѣ* это *сдѣлали*, а другіе, что онѣ препоручили экзекуцію своимъ дѣвкамъ. Только вѣрно, что наказаніе было столь жестоко, что бѣднякъ пролежалъ нѣсколько дней въ постелѣ (или постели — ad libitum), но сами ли дамы были исполнительницами приговора или только зрительницами, не извѣстно. Поэтому вы можете судить, въ какомъ состояніи находится galanterie въ сѣверномъ климатѣ.»

Если поэтому вы станете судить о переводѣ М. К., то мы

не хотимъ и слушать, потому что тутъ можетъ выйти злословіе, — а теперь постъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ, *совершенное въ XVII столѣтіи іеродіакономъ Троицкой Лавры. Издано М. Коркуновымъ. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. 39.*

Имя путешественника неизвѣстно. Онъ отправился въ Іерусалимъ съ пріѣзжавшимъ въ Россію тамошнимъ патріархомъ Паисіемъ, о которомъ мы сказали обширнѣе въ этомъ же нумерѣ Б. для Ч., въ обзорѣ странствованій Антіохійскаго патріарха Макарія, и служилъ тамъ три мѣсяца въ церкви Воскресенія Христова. Разсказавъ о своемъ путешествіи изъ Россіи, онъ описываетъ потомъ самый городъ Іерусалимъ, церковь, въ которой служилъ, гробъ Господень, Сіонъ, Елеонскую Гору, Іорданъ, Виѳлеемъ и Лавру Святаго Саввы.

Книжка, какъ всякой можетъ видѣть, состоитъ изъ тридцати девяти страницъ, и не отличается чрезмѣрною пространностью.

ОБЪ УЧЕНІИ КЛИНИЧЕСКОМЪ, *Протасова, Д. М. и А. П. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 104.*

Ни для какого художника, можно сказать, не нужны столько практическія занятія своимъ искусствомъ какъ для молодаго врача. Для-этого при университетахъ и академіяхъ заведены клиники; между-тѣмъ воспитанники занимаются здѣсь только описаніемъ состоянія болѣзни, назначеніемъ врачебныхъ пособій, и сами почти никогда не бываютъ врачами своихъ больныхъ, не лечатъ, «самобытно», какъ выражается авторъ. «Они мыслятъ, такъ сказать, пополамъ съ профессоромъ, продолжаетъ онъ: и еще больше домышляютъ *по его разуму, наводящему ихъ на правильнѣйшія понятія о болѣзни и леченіи* (въ этомъ мѣстѣ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ ничего домыслить по разуму Г. Протасова); они пишутъ по формѣ, составленной въ головѣ его; учатся мыслить по его мышленію; вставляютъ свой умъ въ рамку его

ума, и такимъ образомъ пріучаются понимать, судить и лечить какъ онъ. Но — еще учатся, а не выучились: слѣдственно, всѣ ихъ понятія еще шатки, сужденія неосновательны, леченіе ненадежно. Какъ же выпустить ихъ изъ клиники? какъ назвать ихъ врачами, когда они еще не лечили, когда еще, можетъ-быть, они вначалѣ будутъ *портить?*» Портить — значитъ здѣсь «убивать»: мы еще въ первый разъ встрѣчаемъ глаголъ «портить» въ этомъ смыслѣ.

Поэтому, ученіе клиническое, говоритъ авторъ, должно быть расположено на три года, такъ, чтобы первый годъ былъ опредѣленъ на приготовленіе студентовъ къ леченію; чтобы второй посвящался самому леченію подъ руководствомъ профессора, и чтобы на третій годъ студенты лечили уже сами, а профессора направляли ихъ только въ трудныхъ случаяхъ. Вотъ «разумъ» сочиненія. Г. Протасова.

ОБЩАЯ ТЕРАПІЯ, *сочиненная для руководства слушателей своихъ ординарнымъ профессоромъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Московскомъ Отдѣленіи Императорской Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи, статскимъ совѣтникомъ, ордена Святой Анны второй степени, Императорскою короною украшеннаго, и Святаго Владиміра четвертой степени кавалеромъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ*, Іустиномъ Дядьковскимъ. *Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. X и 121.*

Господинъ статскій совѣтникъ и кавалеръ Дядьковскій, въ весьма длинномъ предисловіи, жалуется на то, что никто не обращаетъ на него вниманія, кромѣ его учениковъ, и что никто не хочетъ думать о поддержаніи его мнѣній; что онъ «доказываетъ вездѣ, на каждомъ шагу, безпрерывно, — и все-таки никто его не слушаетъ». Правда, кричитъ господинъ Дядьковскій, возвысивъ голосъ: правда, доселѣ голосъ мой слишкомъ былъ тихъ длятого, чтобы возбудить дѣятельное (?) вниманіе; впрочемъ въ 1831 году, въ трактатѣ о холерѣ, кажется, я довольно *громко* сказалъ мое мнѣніе (статься-можетъ, — но мы, признаться, не разслышали); но вотъ теперь я еще *значительно возвышаю его* для всеуслышанія, представляя соотечественникамъ моимъ прагматическое по одной изъ прак-

тическихъ медицинскихъ наукъ сочиненіе: посмотримъ, больше ли оно возбудитъ вниманія, противу прежняго, къ моимъ понятіямъ!»

Оглушенные этимъ шумомъ, страшнѣе котораго мы никогда еще не слыхали въ печати, только-что хотѣли мы приняться за книгу, какъ вдругъ на слѣдующей же страницѣ, узнаемъ, что господинъ Дядьковскій писалъ ее только для своихъ слушателей, и что всякой не принадлежащій къ ихъ числу напрасно будетъ трудиться надъ ея чтеніемъ, потому что не пойметъ ничего; и, въ доказательство этой истины, господинъ Дядьковскій приводитъ разительный примѣръ, — что даже «ученые его собратья» читали изданную имъ Терапевтическую Систему, и ничего, какъ сами сознаются, не поняли. Въ такомъ случаѣ, господинъ Дядьковскій, видно имѣетъ особенный даръ быть непонятнымъ!

ОБОЗРѢНІЕ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА УДѢЛЬНЫХЪ ИМѢНІЙ *въ 1832 и 1833 годахъ, изданное Департаментомъ Удѣловъ. СП.-бургъ, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ-8., стр. 158, съ 4 гравированными таблицами чертежей.*

Мы отнюдь не преувеличимъ, сказавъ, что, по части сельскаго хозяйства, нельзя читать ничего любопытнѣе этого обозрѣнія многочисленныхъ имѣній, состоящихъ въ вѣдомствѣ Департамента Удѣловъ, и ничего, написаннаго съ болѣе благородною откровенностью и съ лучшимъ познаніемъ теоріи и практики предмета. Въ отдѣленіи «Промышленности и Сельскаго Хозяйства» мы коротко изложили содержаніе этой книги, которое покажетъ всю ея занимательность для Русскихъ помѣщиковъ и сколько они могутъ найти въ ней полезнаго для себя и своихъ собственныхъ имѣній.

Книга начинается, — это ужъ не касается до содержанія, а до ея литературной части, въ которой есть одно обстоятельство, достойное весьма почетнаго мѣста въ анекдотахъ нашей словесности, — книга начинается такимъ образомъ: «Означенныя имѣнія, относительно почвы земли и климата, раздѣляются на три класса.» Сколько намъ извѣстно, это

первая книга, не только въ Русской но и во всемірной литературѣ, которая начинается словомъ — *означенныя*. Но такое начало не должно пугать читателей, какъ бы оно ни казалось необычайнымъ и черезчуръ смѣлымъ: книга ни сколько не теряетъ отъ него ни своей занимательности ни цѣны, и если мы рѣшились обратить вниманіе ея редактора на подобное ex abrupto, то единственно потому что, въ числѣ *сихъ* и *оныхъ*, онъ пишетъ еще хорошимъ слогомъ и, при небольшомъ усиліи отстать отъ привычекъ искусственнаго языка книжнаго, писалъ бы даже очень хорошо.

О ПЧЕЛАХЪ. *Статья изъ Агрономическаго словаря аббата Розье. Переводъ съ Французскаго, съ двумя гравированными чертежами. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1835, въ-8., стр. 352.*

Вотъ уже вторая книга о пчелахъ въ нынѣшнемъ году, но въ этотъ разъ мы не можемъ похвалить выбора сочиненія, которое переводчикъ взялъ для своего труда: оно наполнено отсталыми и ошибочными понятіями о предметѣ, и гораздо лучше было бы перевести твореніе Гюбера или Ренни чѣмъ эту статью Агрономическаго Словаря аббата Розіе. Авторъ ея увѣряетъ, между прочимъ, что рабочія пчелы суть твари «безполыя», и что матка, или царица, умерщвляетъ своимъ сладострастіемъ всѣхъ трутней, обитающихъ въ ульѣ.

РУЧНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ, *Книжка X. Механика тѣлъ жидкихъ. Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. 280.*

Весь этотъ прекрасный трудъ принадлежитъ Г. Перевощикову. Въ десятой части, какъ и въ первыхъ девяти, не найдется ничего новаго, но все, что есть, изложено кратко, ясно, и удовлетворительно.

ПОЛНАЯ РУЧНАЯ КУХМИСТЕРСКАЯ КНИГА, *выбранная изъ книжекъ: 1. Прибавленіе къ Опытному Повару; 2. Полный Кухмистеръ и Кандитеръ и 3. Продолженіе къ книгѣ—Полный Кухмистеръ и Кандитеръ; со многими прибавленіями; содержащая объясненіе поварскихъ терми-*

новъ, и рисунокъ печи для Московскихъ калачей, составленная изъ собственныхъ опытовъ Герасимомъ Степановымъ. *Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-12., стр. VII и 310.*

Прежде всего надобно сказать, что эта книга посвящена «прекрасному полу». Г. Герасимъ Степановъ не могъ поступить вѣжливѣе и приличнѣе, какъ поднося ему такой драгоцѣнный подарокъ. Его печь для Московскихъ калачей восхититъ весь прекрасный полъ. Его шоколадные бисквиты, зефиры, пламенныя, суфле, крокеты, сдѣлаютъ глубокое впечатлѣніе. Но если бъ намъ пришлось угощать книжныхъ мужей, то изъ всѣхъ блюдъ Г. Герасима Степанова мы избрали бъ для нихъ его слогъ, усыпанный вмѣсто трюфлей *сими* и *оными*, и весь книжный народъ, мы увѣрены, сказалъ бы, что это — объяденье! Должно отдать Г. Герасиму Степанову справедливость, что въ это время дерзкихъ нововведеній, когда нашлись люди, которые утвеждаютъ, будто-бы въ XIX вѣкѣ въ Россіи есть Русскій языкъ XIX вѣка, только онъ въ кухнѣ и Г. Надежинъ въ переводахъ повѣстей Бальзака ревностно поддерживаютъ еще священныя преданія вкуса временъ думныхъ дьяковъ. Мы даже предсказываемъ, что, въ память этого, нынѣшній книжный языкъ скоро будетъ называться кухоннымъ.

ТОРГОВЫЙ АДРЕСЪ КАЛЕНДАРЬ *или Всеобщій коммерческій указатель Россійскаго государства. На 1836 годъ, составленный* Викентіемъ Жгерскимъ, *чиновникомъ для особыхъ порученій въ министерствѣ финансовъ, разныхъ ученыхъ обществъ и иностранныхъ академій дѣйствительнымъ членомъ. СП.-бургъ, 1836, въ тип. Вингебера, въ-8., стр. 128.*

Г. Жгерскій, издававшій нѣкогда газету «Купецъ» на четырехъ языкахъ, предпринялъ теперь весьма полезное дѣло, — изданіе торговаго адресъ-календаря. Подобныя книги необходимы во всякомъ государствѣ, гдѣ процвѣтаетъ торговля. Г. Жгерскій имѣлъ отъ господина министра финансовъ дозволеніе заимствовать изъ департаментовъ всѣ нужныя свѣденія, однако книга его не довольно полна, и мы

напрасно искали въ ней многихъ коммерческихъ адресовъ. Кромѣ обыкновеннаго содержанія адресъ-календарей, она представляетъ множество описаній разныхъ промышленностей, множество проектовъ, и даже «идеи о *вящшемъ* устройствѣ шерстяныхъ фабрикъ». Изданіе красивое, съ виньетками и гравюрами на мѣди: въ числѣ ихъ мы замѣтили весьма хорошенькое изображеніе биржи, работы Г. академика Иванова.

Должно однако сказать, что Г. Жгерскій не охотникъ щеголять слогомъ; или, точнѣе, такой охотникъ, что, Боже, упаси: онъ говоритъ такъ высокопарно, что бо̀льшею частію совершенно не понятенъ, особенно въ проектахъ. Впрочемъ мы почитаемъ это главнымъ достоинствомъ его проектовъ, и отнюдь не порицаемъ его за непонятность, которая въ иныхъ случаяхъ могла бы быть вредна, но въ этомъ принесетъ несомнѣнную пользу государству. Желающіе могутъ прочитать и, по-возможности, понять «Идеи о водвореніи въ государствѣ промышленныхъ, торговыхъ, художественныхъ и ремесленныхъ обществъ и компаній.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Самое важное извѣстіе есть то, что на Лунѣ открыли посредствомъ телескопа, людей и обезьянъ. Въ Петербургскихъ обществахъ эта новость составляла въ теченіе прошлаго года предметъ весьма занимательныхъ бесѣдъ: разсказывали, что сиръ Вилліамъ Гершель, который дѣлаетъ теперь астрономическія наблюденія на Мысѣ Доброй Надежды, видѣлъ собственными глазами города, зданія и людей на спутникѣ нашей планеты и издалъ подробное описаніе своихъ открытій. Слѣдуя весьма внимательно за корреспонденціею этого знаменитаго астронома съ Королевскимъ Обществомъ Ученыхъ, которая весьма исправно печатается въ Athenæum, мы можемъ увѣрить всѣхъ разсказывающихъ, что сиръ Вилліамъ не занимается Луною и не издавалъ ни какого сочиненія объ ея жителяхъ. Вся эта мистификація вышла изъ головы господина Гейне, который тиснулъ брошюру подъ загла-

віемъ Die Seleniten, «Луножители»: желая придать этой сатирѣ видъ правдоподобія, онъ положилъ свои насмѣшки въ телескопъ Англійскаго астронома и приписываетъ его наблюденіямъ грезы своего безпокойнаго ума. Эта брошюра, которой одинъ экземпляръ попалъ въ Петербургъ, вышла и по-Французски, въ Парижѣ, подъ заглавіемъ — Découvertes dans la Lune, faites au Cap de Bonne Espérance, par Herschel, fils, astronome anglais; traduit de l'américain de New-York; septembre, 1835. Самъ языкъ, l'américain de New-York, съ котораго будто-бы ее перевели, достаточно намѣкаетъ на ея характеръ: Нью-Іоркскіе журналы извѣстны своимъ искусствомъ выдумывать небывалыя явленія природы, особенно морскихъ змѣй въ двѣ и три версты длиною.

— Но открытіе вѣрнѣйшаго способа предохраненія заложенныхъ имѣній отъ публичной продажи едвали не важнѣе открытія людей и обезьянъ на Лунѣ. Оно тѣмъ полезнѣе, что равно примѣняется и къ Землѣ и къ ея блѣдному спутнику, потому что, если вѣрить автору брошюры, вся Луна заложена въ банкъ и продается съ молотка. Этотъ благодѣтельный способъ въ самомъ дѣлѣ открытъ однимъ почтеннымъ помѣщикомъ Смоленской губерніи, А. П. Путятою, и мы спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей, что въ послѣднихъ числахъ мѣсяца вышло его сочиненіе подъ заглавіемъ — «Опытный помѣщикъ, или Вѣрнѣйшій руководитель Гг. владѣльцевъ къ увеличенію доходовъ недвижимыхъ имѣній въ три или четыре раза болѣе противъ обыкновеннаго, и къ предохраненію заложенныхъ имѣній отъ публичной продажи». Г. Путята имѣетъ полное право называть свою книгу «опытнымъ помѣщикомъ», потому что онъ тридцать лѣтъ сряду занимается практическимъ сельскимъ хозяйствомъ и ввелъ въ свое собственное существенныя улучшенія, которымъ оно обязано цвѣтущимъ состояніемъ и высокими доходами. Г. Путята изобрѣлъ особенную систему полеводства, чрезвычайно удобную и для Русскаго помѣщика, и для его крестьянина, и которая, состоя изъ двухъ полей вмѣсто трехъ, отличается еще дешевымъ и весьма сильнымъ способомъ удобрѣнія земли. Трудъ его можетъ принесть необыкновенную пользу владѣльцамъ небольшихъ имѣ-

ній, которыя, вообще, нуждаются въ поправленіи разныхъ частей хозяйства и въ совѣтѣ опытнаго, просвѣщеннаго хозяина. Эта книга заслуживаетъ полной признательности Русскихъ помѣщиковъ.

— Н. В. Кукольникъ, сколько намъ извѣстно, приготовляетъ къ изданію небольшой томъ «Писемъ» о Торкватѣ Тассо, Саннацарѣ, Аретинѣ, Тартини, Рафаэлѣ, Доминикинѣ и другихъ предметахъ «фантазій», которыя онъ уже издалъ или еще обработываетъ. Кстати о Саннацарѣ: авторъ проситъ насъ извѣстить читателей нашего журнала, что драма его, вышедшая подъ этимъ именемъ, не есть окончательное твореніе, но только первая часть большой фантазіи, посвященная юности Саннацара; что заглавіе это было ошибочно, и что полная фантазія еще впереди. Въ скоромъ времени выйдетъ тоже второе изданіе его «Торквато Тассо»: наше мнѣніе объ этой поэмѣ всѣмъ извѣстно, и мы не усомнимся повторить и теперь, что, несмотря на свои недостатки, она всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ области Русской поэзіи, такъ же какъ и не перемѣнимъ прежняго нашего мнѣнія о нѣкоторыхъ другихъ драмахъ Г. Кукольника.

— «Кавказскіе очерки», А. Марлинскаго, будутъ помѣщены въ слѣдующей книжкѣ. Мы ожидаемъ въ скоромъ времени еще одной его повѣсти, которая уже въ дорогѣ.

— Мы уже видѣли программу «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона», о которомъ столько говорятъ въ городѣ всю зиму. Этотъ новый плодъ полезной дѣятельности Г. Плюшара будетъ чрезвычайно пріятенъ молодымъ офицерамъ, и вообще всѣмъ военнымъ, для которыхъ такой Лексиконъ, замѣнитъ цѣлую библіотеку своимъ огромнымъ запасомъ свѣдѣній разнообразныхъ и сходствующихъ съ ихъ занятіями. Предпріятія Г. Плюшара удостоилось Высочайшаго одобренія, и его сотрудниками вызвались быть многіе военные писатели и ученые, извѣстные уже публикѣ своими твореніями. Каждая изъ трехъ частей, на которыя раздѣляется содержаніе Лексикона, — сухопутная, морская и вспомогательныхъ наукъ, — ввѣрена особому редактору, и сверхъ того изданіе имѣетъ *общаго* редактора для соображенія ста-

тей между собою и для приведенія ихъ въ стройный и гармоническій порядокъ. Говорятъ, что эту важную обязанность, существенную для успѣха предпріятія, принялъ на себя А. Ѳ. Шенинъ, о чьихъ познаніяхъ, талантѣ и дѣятельной точности мы имѣемъ столь высокое понятіе, что его имя служитъ для насъ заранѣе порукою въ отличномъ исполненіи дѣла, требующаго, какъ всѣ подобныя изданія, руководства одной мысли, по мысли ученой, искусной и неутомимой на безконечныя подробности. Кромѣ общаго, то есть, настоящаго редактора, есть еще *главный*, которому поручено «наблюденіе за исправностью слога и печатанія.» Эта часть, прямо корректурная, принадлежитъ по праву Н. И. Гречу, который прочиталъ въ корректурѣ почти всю Русскую литературу. При столькихъ способахъ успѣха, «Военный Энциклопедическій Лексиконъ» не можетъ не возбудить живѣйшихъ ожиданій въ публикѣ, особенно когда она узнаетъ обиліе его предметовъ. Онъ будетъ заключать въ себѣ исторію военнаго искусства (съ чертежами); описанія знаменитѣйшихъ походовъ и войнъ (съ картами и планами); военныя біографіи; тактику, начальную, прикладную и высшую, малую войну, артиллерію, піонерное и минное искусства (съ чертежами); военную администрацію; описаніе государствъ и странъ въ военномъ отношеніи; описаніе войскъ, военныхъ системъ и силъ каждаго государства; стратегію (съ чертежами);—теорію морскаго искусства (съ чертежами); исторію военнаго мореходства и военно-морскую (съ планами); біографіи славныхъ адмираловъ и капитановъ; морскую артилерію, тактику и администрацію, статистику морскихъ силъ; — Математику, Астрономію, Геодезію, науку о Топографіи, Физику, Химію, Оптику, Русскія военныя древности, біографіи знаменитыхъ людей всѣхъ временъ, относительно къ военному дѣлу, общую Статистику, военную литературу, анекдоты, любопытные случаи, и прочая, и прочая. Такую книгу хоть бы и не военному не грѣхъ имѣть въ своей библіотекѣ! Лексиконъ будетъ состоять изъ шести томовъ.

— Мы однажды говорили мимоходомъ о другомъ предпріятіи Г. Плюшара, — изданіи Дюрвилева «Путешествія вокругъ свѣта», которое выходитъ ежемѣсячными выпусками, или тетрадями. Пока наберется столько тетрадей, чтобъ изъ нихъ составился одинъ томъ для внесенія въ Литературную

Лѣтопись, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ, которыя лежатъ передъ нами. Двѣ первыя тетради этого важнаго сочиненія, съ множествомъ рисунковъ при каждой, подаютъ самое выгодное понятіе объ изданіи, котораго красота дѣлаетъ честь Русскому книгопечатанію. Гравюры, во многихъ отношеніяхъ, даже лучше Парижскихъ: не только ихъ выполненіе, которое принадлежитъ искусстному рѣзцу Г. Гоберта, отличается бо̀льшею чистотою, но и само содержаніе богаче, потому что умножено сюжетами, избранными изъ прекрасныхъ Лендсировыхъ Chasacteristic sketches of animals. Текстъ Дюрвиля также улучшенъ, и обогащенъ важными примѣчаніями трехъ отличныхъ нашихъ ученыхъ, — адмирала Крузенштерна, Г. Фишера (по части Ботаники) и академика Бера. Нельзя не отдать справедливости тщанію издателя и его усиліямъ представить публикѣ книгу вполнѣ достойную читателей образованныхъ и со вкусомъ.

— Еще одно извѣстіе. Любители живописи стремятся теперь въ мастерскую Евгенія Александровича Плюшара, брата А. А. Плюшара, издателя «Энциклопедическаго Лексикона», чтобъ любоваться на его «Одалиску» и на портретъ знаменитой Фортунаты, такъ хорошо извѣстной Русскимъ художникамъ, бывшимъ въ послѣдніе годы въ Римѣ. Этотъ молодой артистъ недавно возвратился изъ Италіи, и, послѣ десяти-лѣтнаго отсутствія, привезъ намъ съ собою необыкновенный талантъ по части портретной живописи. Послѣ Дова, мы еще не видали въ Петербургѣ живописца, который бы обладалъ высшимъ даромъ схватывать сходство лица и выражать отличительную характеристику, духъ, игру физіогноміи. Г. Плюшаръ сдѣлалъ уже въ Петербургѣ нѣсколько портретовъ, которымъ удивляются посѣтители его мастерской. Сходства у него разительны, необыкновенны, убійственны. Вы читаете всѣ мысли человѣка въ этомъ лицѣ, полномъ жизни и движенія, и почти можете опредѣлить по портрету степень ума подлинника. Нѣжность кисти, превосходный колоритъ, отличный рисунокъ..... Да что тутъ толковать объ этомъ! Прощайте. Иду опять въ мастерскую Г. Плюшара, смотрѣть на этого несравненнаго М***, на этого Г***, на эту..... До свиданія!

=

Литву временъ Миндовга, тяжкую жизнь Русской земли подъ игомъ Татаръ, буйную волю Новгорода и Пскова въ это безвременье, и среди всего этого показываетъ вамъ суроваго Довмонта, этого Литовца, спожителя Пскова, грозу Нѣмецкихъ рыцарей, потомъ набожнаго христіанина, честнаго мужа, который на мечѣ своемъ написалъ — Honorem meum nemini dabo, отправляясь въ походъ освящалъ мечъ свой на алтарѣ Церкви, и по кончинѣ былъ чтимъ, какъ при жизни, былъ призываемъ Псковичами какъ защитникъ небесный, и котораго именемъ долго назывались Псковскія стѣны? Ничего этого нѣтъ. Есть какая-то шайка Г. Андресва разбойниковъ, у которыхъ атаманомъ Карлъ Мооръ XIII вѣка; есть еще безумная женщина; есть еще злодѣй посадникъ: а дракъ, сраженій, битвъ — премножество! Ѣдятъ, пьютъ, — въ этомъ состоитъ большая часть романа, — бьютъ Татаръ, сражаются съ Нѣмцами на турнирахъ и, разумѣется, побѣждаютъ. Не шутите романомъ: авторъ придѣлалъ къ нему историческія примѣчанія, гдѣ ссылается на «Ядро Россійской Исторіи», на «Исторію» Татищева и С. Н. Глинки. Карамзина онъ не знаетъ. Дѣйствующія лица говорятъ другъ другу *вы*, и, не смотря на XIII вѣкъ, бранятся по-нынѣшнему; а простой народъ изъясняется такъ:

— У нашего пономаря, ономнясь, отелилась корова: да вы думаете чѣмъ? не бось теленкомъ? Анъ-нѣтъ, рыбой. А вмѣсто хвоста-то были у ней коровьи рога!

— Ну, ужъ подлинно диво! воскликнулъ добродушный купецъ.

— Правда, да не совсѣмъ! сказалъ маленькій человѣкъ. У рыбы рога-то были не на хвостѣ, а на обоихъ бокахъ. Мнѣ сказывала моя кума; а ей надобно это вѣрно знать, потому что ея сестры мужъ живетъ въ батракахъ у зятя пономаря.

— И всѣ эти грѣшники, которыхъ ты мнѣ насказалъ до пяти, блудятъ во тмѣ кромѣшной, и оскверняютъ уста свои ложью. Моя Алексѣевна своими глазами все видѣла.

— Да, у твоей Алексѣевны глаза-то ложки, да не видятъ ни крошки.»

Зато князья говорятъ такъ:

«Благодарю боговъ, что они послали мнѣ случай хоть нѣсколько быть благодарнымъ если не отцу, то, по-крайней-мѣрѣ, сыну. Такъ, князь, благодарность къ твоему родителю превышала мои силы! Онъ, ничего не значущаго, лишеннаго престола, князя Литовскаго не толь-

ко принялъ подъ свое покровительство, но и сдѣлалъ княземъ Псковскимъ. Теперь же, хотя мало, но все нѣкоторымъ образомъ уменьшилъ я невозможность благодарности избавленіемъ отъ смерти любезнаго его сына и милой его внуки.»

Таковъ «Доьмонтъ, князь Псковскій, историческій романъ XIII столѣтія.» При романѣ приложена проба новой литографіи, которая, надобно отдать справедливость, ни сколько не уступаетъ лучшей Суздальской гравюрѣ на лубкахъ.

ТЕМНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОПРОКИНУТОЙ ГОЛОВЫ. *Сочиненіе* Бальзака. *Переводъ съ Французскаго. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1836, въ-12. Двѣ части, стр. 182 – 173.*

Г. Бальзакъ писалъ иногда ужасные пустяки. Кто-то счелъ ихъ необходимо нужными для украшенія нашей словесности и издалъ подъ названіемъ, которое мы сейчасъ выписали, постаравшись прежде перевесть на Русскій языкъ какъ можно хуже и неопрятнѣе. Какъ ни темны эти разсказы на Французскомъ языкѣ, на Русскомъ они стали еще темнѣе. Переводчикъ вѣрно обрадуется этому отзыву, – потому что темнота почитается у насъ красотою слога.

При этихъ двухъ томикахъ есть картинка еще темнѣе перевода.

ІОАННА ГРЕЙ, *королева Англійская, павшая подъ сѣкирою палача. Романъ историческій XVI вѣка. Сочиненіе Брота. Переводъ съ Французскаго. Москва въ тип. Лазаревыхъ, 1836, въ-12. Четыре части, стр. 184 – 174 – 160 – 176,*

Признаюсь, даже не споря о томъ, хорошъ или худъ самъ по себѣ родъ историческихъ романовъ, не скажу спасибо памяти Шотландскаго баронета за то одно, что съ его легкой руки потянулась передъ нами безконечная вереница историческихъ романовъ, и что изъ ней высыпали на бѣлый свѣтъ такія чудовища, что по-неволѣ самый родъ сочиненія сдѣлался уже для насъ несноснымъ и приторнымъ. Ну, объ Русскихъ историческихъ романахъ мы – ни слова: а посмотрите, что̀ издается теперь у Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ! Нечего сказать, не похвастаютъ они

передъ нами! Точно какъ голодный объѣдало рыскаетъ повсюду и ищетъ обѣда, такъ рыскаетъ теперь повсюду Англійская, Французская и Нѣмецкая литературная сволочь, ищетъ вездѣ и всюду извѣстныхъ историческихъ лицъ, какъ чакалъ разрываетъ могилы и вытаскиваетъ изъ нихъ ветхіе трупы, дѣлаетъ ихъ героями своихъ нелѣпыхъ вымысловъ, одѣваетъ въ лоскутья лѣтописей и безсмыслицы, влагаетъ имъ въ уста глупѣйшія рѣчи, безобразитъ, уродуетъ ихъ: бьется она изъ немногаго, — изъ нѣсколькихъ франковъ, шиллинговъ, талеровъ; спѣшитъ марать и, окончивъ свое маранье, бѣжитъ отнести урода къ какому нибудь книгопродавцу. И вотъ выходитъ «историческій романъ», смотря по обстоятельствамъ, въ двухъ томахъ, въ восьмушку, съ рисунками Жоанно, или смиренно въ мѣщанскій форматъ романовъ Поль-де-Кока, въ двѣнадцатую; и писака всегда находитъ глупцовъ, которые прочитаютъ его «историческій романъ»; и рѣдкій изъ этихъ романовъ не клевета на Исторію, не оплеуха здравому смыслу, не глупость, отъ которой уши вянутъ.

Какой-то мосьё Бротъ, впрочемъ человѣкъ весьма извѣстный читателямъ новыхъ Французскихъ романовъ, рѣшился потревожить мирно опочивавшіе останки Іоанны Грей. Видно ужъ крѣпко понадобились ему двадцать франковъ, а для этого нуженъ былъ историческій романъ, а для романа историческое лице, — что бѣдную Іоанну Грей поймалъ въ романическія когти свои Г. Бротъ! Французскій живописецъ Деларошъ написалъ въ то же время историческую картину, на которой Іоанна Грей представлена также «подъ сѣкирою палача». Не знаю, картина ли взята изъ романа, или романъ изъ картины, — которой уже есть литографіи, — только отъ картины глаза невольно отворачиваются съ ужасомъ, а отъ романа.... Сейчасъ увидите. Г. Бротъ и Г. Деларошъ принадлежатъ оба къ той школѣ, которая не признаетъ ни какихъ законовъ въ Изящныхъ Искусствахъ для генія, и вотъ вамъ лучшій примѣръ того, что мы сказали въ отдѣленіи Критики, по поводу книги Г. Шевырева, о нелѣпости подобнаго ученія. Скажите сами, для того ли пишутся картины, чтобы нельзя было смотрѣть на нихъ даже одну минуту, или чтобы онѣ служили пріятнѣйшимъ отдохновеніемъ для на-

шего зрѣнія? Однако жъ Деларошъ — живописецъ съ геніемъ! Благоразумное законодательство въ области Изящнаго принесло бы Г. Деларошу большую пользу. А Г. Броту и подавно!

Помните ли это прекрасное лице, эту Іоанну, одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ Англійской исторіи, похожій на исторію нашего несчастнаго князя Димитрія Іоанновича, на бѣдную жертву дворскихъ крамолъ и суровой воли дѣда, великаго Іоанна III? Мы припомнимъ здѣсь нѣсколько подробностей.

У Генриха VII, «Соломона Англіи», былъ сынъ, Генрихъ VIII, и двѣ дочери: Марія, младшая, вышла за Людовика XII, короля Французскаго, а послѣ смерти его за герцога Соффолькскаго, отъ котораго имѣла нѣсколькихъ дѣтей, между прочими Іоанну. Генрихъ VIII удивительно походилъ на нашего грознаго Іоанна, только это былъ Грозный «Англійскій». Изъ шести женъ его, отъ первой, Екатерины, принцессы Аррагонской, осталась дочь Марія; отъ второй Анны Болинъ, дочь Елисавета; отъ третьей, Іоанны Симуръ, сынъ Эдуардъ. Десяти-лѣтняго Эдуарда возвели на престолъ послѣ смерти отцовской. Тридцатилѣтняя Марія, старшая принцесса, пристрастная къ католицизму, дѣвушка страннаго, упрямаго характера, была нелюбима отцомъ и жила въ уединеніи. Елисавета, прелестная, молодая, вѣтреная, думала о престолѣ, но къ ней никто не приставалъ, боясь ея вспыльчиваго и легкомысленнаго характера,—и кто-бы могъ тогда подумать, что со-временемъ будетъ это славная Елисавета, побѣдительница Испаніи, грозная владычица Англійская! Придворная крамола окружила юнаго Эдуарда, подтвердила реформацію отца его, гнала Марію. Гордѣе всѣхъ другихъ вельможъ былъ дядя короля по матери, Симуръ, возведенный въ достоинство герцога Соммерсетскаго. Другой честолюбецъ, графъ Варвикъ, успѣлъ однако жъ низвергнуть его, довелъ до эшафота, и, подъ именемъ герцога Нортомберлендскаго, овладѣлъ дворомъ, государствомъ и волею короля. Ничто не могло противустать ему. Сына своего, лорда Гильфорта, онъ женилъ на Іоаннѣ Грей, какъ мы видѣли, дочери герцога Соффолькскаго и Маріи, тетки Эдуарда, слѣдовательно двоюродной сестрѣ

короля. Бѣдная жертва не знала, что на ея судьбѣ, ея страстной любви къ Гильфорту, основаны были безмѣрные честолюбивые замыслы ея отца и свекра: предвидя близкую смерть больнаго короля, они заставили его написать духовную, по которой отрекалъ онъ отъ наслѣдства старшихъ, родныхъ сестеръ, Марію и Елисавету, и утверждалъ престолъ за Іоанною. Эдуардъ умеръ 10 іюля 1553 года. Честолюбцы торжествовали, захватили Лондонскую крѣпость, флотъ, войско, привели всѣхъ къ присягѣ, надѣялись, что одно внѣшнее сравненіе Іоанны съ Маріею увлечетъ на родъ: объ Елисаветѣ вовсе не заботились. Іоанна блистала юностью, необыкновенною красотою, какъ дитя любила наряжаться, но, пріученная къ уединенію, была притомъ примѣромъ тихихъ добродѣтелей, кротости, дарованій, развитыхъ отличнымъ воспитаніемъ: она знала Латинскій, Греческій и Еврейскій языки, превосходно писала по-Англійски, — и можно ли было сравнивать съ нею Марію, маленькую ростомъ, худощавую, смуглую, слабую здоровьемъ, страшную выраженіемъ впалыхъ глазъ своихъ, суевѣрную, всегда дурно одѣтую! На сторонѣ Іоанны были дворъ, войско, флотъ, — казалось, и любовь народа; на сторонѣ Маріи не было никого: она молилась одна, въ уединенномъ замкѣ своемъ. Въ Чельзентскій дворецъ, куда нарочно удалили Іоанну и мужа ея во время болѣзни Эдуарда, торжественно явились отецъ, свекоръ ея, вельможи; преклонили предъ нею колѣни, — и съ ужасомъ закричала Іоанна и лишилась чувствъ, когда ей сказали о кончинѣ двоюроднаго брата, съ которымъ провела она вмѣстѣ дѣтство, и о томъ, что ей оставилъ онъ Англійскій престолъ. Но она вскорѣ опомнилась, не думала и не спрашивала о средствахъ, какими престолъ переходилъ къ ней, величественно объявила, что принимаетъ корону, Богомъ ей вручаемую, и торжественно отправилась въ Лондонъ. Бѣдная Іоанна! она ничего не подозрѣвала, дѣтски веселилась новому величію, а сообщники ея со страхомъ видѣли, что народъ встрѣчаетъ новую королеву угрюмымъ молчаніемъ. Посолъ хитраго императора Карла V повелъ между-тѣмъ переговоры съ Маріею, возбуждалъ ея честолюбіе, ея фанатизмъ, обѣщевалъ ей помощь своего государя. Вельможи Англійскіе собирались тайно и готовили измѣну:

всѣ они ненавидѣли гордаго герцога Нортомберлендскаго. Сказалось, что въ Англіи скрывается еще много приверженцевъ католицизма. На другой день явился посланный отъ Маріи, съ письмомъ въ которомъ упрекала она вельможъ въ измѣнѣ и обѣщала имъ прощеніе, если тотчасъ возвратятъ ей корону. Письмо ея не казалось безуміемъ, когда узнали, что многія области объявили себя за Марію, возмущенныя завистниками свекра Іоанны. Черезъ два дня, Марія считала уже 30,000 человѣкъ подъ оружіемъ, явилась къ нимъ, и была принята съ восторгомъ. Народъ, не терпѣвшій герцога Нортомберлендскаго, заговорилъ, что Эдуардъ былъ имъ отравленъ для возведенія на престолъ Іоанны. Герцогъ спѣшилъ устроить войско и итти противъ Маріи. Дѣятельность и смѣлость могла бы спасти его, но онъ боялся оставить столицу, гдѣ скрывалась измѣна; боялся и войска, видя, что оно идетъ неохотно, и въ отчаяніи воскликнулъ, когда народъ безмолвно смотрѣлъ на его выступленіе съ войскомъ: Many come out to look at us, but I find not one who cries — God speed you, «Толпа сбѣжалась смотрѣть на насъ, но никто не говоритъ намъ — помогай Богъ!» Мгновенная владычица Англіи, Іоанна между-тѣмъ страдала и плакала: мужъ грубо объявилъ ей, что она должна провозгласить его королемъ. Іоанна не смѣла ни согласиться ни отказать; и въ первый разъ разгадала притворную любовь Гильфорта. Онъ съ гнѣвомъ прогналъ ее отъ себя. Переселеніе въ великолѣпный королевскій дворецъ разрушило все счастіе Іоанны. Ее окружили интрига, страсти, заговоры, угрюмыя и мрачныя лица. Вскорѣ узнали, что герцогъ Нортомберлендскій былъ оставленъ войскомъ, покорился Маріи и только умолялъ о пощадѣ. Марія и Елисавета прибыли въ Лондонъ при радостныхъ кликахъ толпы. Тотчасъ объявили возстановленіе католической вѣры, судъ и казнь герцогу Нортомберлендскому, вѣчную тюрму Іоаннѣ и мужу ея. Все царствованіе Іоанны продолжилось только девять дней. Со слезами просила она Марію пощадить ее и мужа; откровенно разсказала, какъ приняла она корону: трогательное письмо ея сохранилось для потомства, вся чистая душа Іоанны видна въ этомъ письмѣ. Герцогъ Нортомберлендскій робко, боязливо, повлекся на эшафотъ; даже объявлялъ себя католи-

комъ, думая спасти бѣдную жизнь свою; но тщетно. Онъ увлекъ за собою въ погибель родныхъ и друзей. Новыя возмущенія, особливо предпріятіе буйнаго Вайта и совѣты Карла V, заставили Марію быть безжалостною. Торжествуя обрученіе свое съ Филиппомъ, сыномъ Карла V, Марія подписала смертный приговоръ Іоаннѣ, мужу и отцу ея. Изъ оконъ тюрмы своей Іоанна видѣла казнь мужа. Она молилась за него въ это время, не хотѣла прощаться съ нимъ, говоря, что скоро увидится за гробомъ, и встрѣтила смерть какъ христіанка. «Зачѣмъ приняла я вѣнецъ брата!» говорила она, кладя голову свою на плаху.

Положимъ, что вы хотите изобразить въ историческомъ романѣ, — допустивъ этотъ родъ, — несчастную Іоанну. Поймите же прелесть этой ужасной драмы судебъ, соблюдите величественную простоту ея, и отъ себя дополните только то, что, не измѣняя истины, остается темно въ историческомъ разсказѣ, но что можетъ быть освѣщено сердцемъ человѣческимъ. Изобразите Марію и Іоанну какъ историкъ, одушевите ихъ какъ поэтъ. Сколько тутъ очаровательныхъ красокъ истины, сколько поэзіи! Эта Марія, робкая, суевѣрная, старая, некрасивая, фанатическая; эта Іоанна, неопытная ослѣпленная на-минуту величіемъ престола, читавшая Платона въ тюрмѣ, потребовавшая къ себѣ королевскіе брилльянты какъ доказательство своей власти, разочарованная въ мечтаніяхъ любви несчастнымъ величіемъ, съ престоломъ потерявшая всѣ радости жизни, съ лишеніемъ престола поверженная на плаху, робкая на тронѣ, гордая на эшафотѣ: какія лица! и какой вихорь страстей окружаетъ ихъ! Посланники императора и папы, Филиппъ, Елисавета, герцоги Нортомберлендскій, Соффолькскій, ничтожный мужъ Іоанны, Гильфортъ; наконецъ, герцогъ Дивоншейрскій, — странное лице, юный, блестящій, развратный, беспечный: Марія любила его, вывела его изъ тюрмы, хотѣла отдать ему руку и престолъ, но онъ любилъ Елисавету, отвергъ предложеніе королевы, искалъ трона Елисаветѣ и тронъ хотѣлъ подарить ей съ своей любовію. Затѣмъ открывается множество второстепенныхъ лицъ, — буйный Вайтъ, хитрый Арондель, фанатикъ Гардимеръ, гордый Кренмеръ, поборникъ реформаціи. Грунтъ картины — грозная, быстрая, таин-

ственная судьбина властителей народа, и честолюбіе смѣлое, дерзкое на замыселъ, ничтожное когда коснулось его роковое рѣшеніе провидѣнія. Всѣ тутъ, даже и этотъ безмолвный народъ, «не благословлявшій» своевольнаго вельможу, который думалъ играть его жребіемъ, и борьба мнѣній политическихъ и религіозныхъ, и интрига, и крамолы царедворцевъ.....

Что же изъ всего этого сдѣлалъ Г. Бротъ? Самый пошлый разсказъ въ истасканной романической рамкѣ, которой пожертвована вся истина Исторіи, вся величественная простота событій настоящихъ. Герой, героиня, злодѣй, — вотъ что необходимо для романа, и вотъ почему герцогъ Нортомберлендскій является извергомъ, который отравляетъ, потомъ душитъ, Эдуарда; Марія влюблена въ мужа Іоанны, рыцари на манеръ Амодисовъ и Польмериновъ; Іоанна Грей — какая-то Коломбина, Флоринда романическая: она такъ и сыплетъ сентенціями. Главное же лице въ романѣ — колдунья: вы знаете, что колдунья, либо что-нибудь юродивое, необходимы въ романѣ въ наше время. Политика императора и папы, интриги вельможъ, все замѣняется романическими изъисканностями и сантиментальнымъ вздоромъ.

Зачѣмъ переведенъ этотъ нелѣпый романъ на Русскій языкъ? Развѣ этого добра мало у насъ своего? Но есть люди, которые никакъ не хотятъ видѣть богатствъ родной земли своей! Я не спрашиваю, зачѣмъ онъ переведенъ такъ плохо: каждый переводитъ какъ умѣетъ.

МУЖЪ ВСѢХЪ ЖЕНЪ. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Ѳ. Кони. Переводъ съ Французскаго. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1836, въ-8, стр. 76.*

Не всѣхъ, а только трехъ женъ. Эта піеса, кажется, называется по-Французски La frontière, и мы уже изложили ея содержаніе въ прошломъ году (Французскій театръ, Смѣсь). Какой-то Итальянскій графъ, обвиненный въ карбонарствѣ, бѣжитъ во Францію. Но у него нѣтъ паспорта, не съ чѣмъ перейти за границу. Онъ скрывается въ замкѣ своемъ подлѣ Французской границы. Въ то же время, ключница замка принуждаетъ дочь свою выйти замужъ за графскаго каммердинера, старика. Въ замокъ является изъ ближняго Французскаго города, мосьё Годивѐ, молочной торгашъ и

конфетчикъ: такъ Г. Кони переводитъ его титло — l'épicier. Но дѣло въ томъ, что les épiciers не торгуютъ конфетами: это просто наши чайные магазинщики, и товаръ ихъ состоитъ изъ кофе, чаю, сахару, перцу и пряныхъ кореньевъ; скорѣе можно было бы перевесть l'épicier москотильщикомъ нежели конфетчикомъ. Дочь ключницы, чтобъ избавиться отъ стараго каммердинера, выдаетъ Годивѐ за своего мужа, съ которымъ будто-бы она тайно обвѣнчалась: графиня крадетъ у него паспортъ, провожаетъ графа за границу, и выдаетъ Годивѐ, на-время, за графа. Годивѐ въ восторгѣ отъ того, что двѣ красивыя, молодыя женщины, и еще одна изъ нихъ графиня, признаютъ его своимъ мужемъ, но онъ въ отчаяніи, когда приходитъ маіоръ съ солдатами и хочетъ взять и повѣсить его вмѣсто графа карбонаро. Приходитъ мадамъ Годивѐ, — настоящая жена. Графъ спасенъ; все объясняется; Годивѐ остается при одной женѣ; дочь ключницы выдаютъ за ея любовника, и всѣ поютъ куплеты, въ которыхъ остроуміе подлинника ссорится съ стихами переводчика, хоть онъ не жалѣлъ даже прибавки Русскихъ каламбуровъ къ Французской соли. Графиню подозрѣваютъ, что она скрываетъ мужчину въ замкѣ (это былъ графъ), и вотъ что поется по этому случаю:

«Графиня образецъ смиренья,
И это всякой скажетъ вамъ.
И любитъ мужа?
— Безъ сомнѣнья!
Съ *грѣхомъ* навѣрно пополамъ.

— Нѣтъ! упрекнуть ее, конечно,
Въ *грѣхѣ* не можно ни какомъ.....

— Не отъ того ль она безгрѣшна,
Что *грѣхъ*-то ходитъ къ ней тайкомъ?»

Когда Годивѐ объявляютъ арестъ, считая его графомъ, онъ поетъ:

«И хоть я какъ въ карантинѣ,
Но отсюда не уйду:
Здѣсь въ бутылкахъ *и въ графинѣ*
Я все лучшее найду.....»

Впрочемъ, какъ бы не поссориться переводчику за этотъ прелестный каламбуръ! Вѣдь это не его, и принадлежитъ од-

ному геніяльному поэту, который не любитъ уступать своихъ изобрѣтеній никому.

DON SÉBASTIEN DE PORTUGAL, *drame historique en prose, en trois actes et en cinq tableaux, par le comte* Alexandre Przezdziecki. *St.-Pétersbourg, chez Kray, 1836, 8-vo., pp. XXXIV, 134.*

Драма эта была играна, съ «примѣчательнымъ успѣхомъ», на здѣшнемъ Французскомъ театрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ былъ заслуженный, и что авторъ ея — человѣкъ съ дарованіемъ. Но въ печатномъ изданіи драмы есть одно обстоятельство, которое поразитъ всякого: само имя автора показываетъ, что онъ иностранецъ для Французской словесности. Слѣдуетъ ли писать по-Французски, — разумѣется, писать по части Изящной Словесности, — когда вы принадлежите къ другому народу? На этотъ вопросъ мы отвѣчали бы отрицательно. По мнѣнію нашему, иностранецъ никогда не долженъ вдаваться во Французскую словесность, какъ бы онъ хорошо ни писалъ на этомъ языкѣ. Если вы сдѣлали новое открытіе по части Наукъ, если вы хотите говорить съ ученымъ свѣтомъ, — ни слова! пишите по-Французски или по-Англійски: для ученыхъ всегда былъ нуженъ общій языкъ, и нынче Французскій и Англійскій заняли мѣсто прежняго Латинскаго. Но когда дѣло идетъ о Словесности, о созданіяхъ воображенія, каждый народъ долженъ писать для себя и не занимать языка у другаго. Правда, мы говоримъ въ обществѣ по-Французски, мы даже у себя дома выражаемъ свои мысли экзотическими звуками недоброжелательнаго намъ языка, но это — одна изъ тѣхъ странностей нашего общества, которую всѣ мы по возможности скрываемъ отъ иностранцевъ, надъ которою сами иностранцы смѣются, и въ которой мы, изъ народной гордости, никакъ не хотимъ признаться въ Парижѣ. Это порокъ нашего воспитанія; и весьма понятно почему, всѣ мы, добровольно, стараемся переувѣрить иностранцевъ въ этомъ случаѣ: никто изъ насъ не желаетъ показаться имъ дурно воспитаннымъ и незнающимъ или умѣющимъ цѣнить своего отечественнаго языка. Наше презрѣніе или незнаніе языка отечественнаго есть нашъ домаш-

ній семейный секретъ,—и горе тому кто объявитъ его передъ посторонними, кто посрамитъ своихъ родныхъ! Писать по-Французски любовныя записки, сочинять Французскіе стихи для чтенія въ обществѣ, играть водевили Скриба на домашнемъ театрѣ, даже давать свои Французскія піесы для представленія на мѣстномъ театрѣ, все это очень позволительно, потому что, предполагается, Европа этого не видитъ, et le ridicule reste dans la famille. Но печатать въ своемъ отечествѣ свою Французскую драму или повѣсть, свои Французскіе стихи, свой Французскій романъ, — этого не дѣлается. Это значитъ унизить свой отечественный языкъ въ лицѣ всей Европы. Это значитъ открыть цѣлому свѣту самый смѣшной порокъ нашего воспитанія, и еще какъ-бы хвастать смѣшнымъ. Передъ Европою, и особенно передъ Французами, мы — Русскіе знаемъ только нашъ, Русскій языкъ. Передъ Европою мы, изъ достоинства, не можемъ употреблять языка, который служитъ только для самыхъ подлыхъ ругательствъ противъ нашего отечества; языка, въ которомъ слово «Русскій», Russe, Moscovite, равняется почти брани. Передъ Европою мы должны презирать такой языкъ, и гордиться нашимъ, который, право, стоитъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ почему графъ Александръ Пржездзѣцкій долженъ былъ напечатать свою драму по-Русски, и почему мы совѣтуемъ ему впередъ писать на Русскомъ языкѣ, въ которомъ онъ можетъ легко отличиться при своемъ литературномъ дарованіи. Да не подумаетъ авторъ драмы, что это говоритъ человѣкъ, которому чуждъ Французскій языкъ. Тотъ, которой имѣетъ честь говорить ему это, благодаря коренному недостатку нашего воспитанія и народной странности, самъ почти не употребляетъ въ частной жизни другаго языка кромѣ Французскаго, но это не мѣшаетъ ему чувствовать всю смѣшную сторону подобной привычки и сказать объ ней правду тамъ, гдѣ слѣдуетъ, точно такъ же какъ эта великая правда не помѣшаетъ драмѣ автора быть занимательною и заслуживающей того, чтобы мы объ ней поговорили подробнѣе.

СОБРАНІЕ РИФМЪ ПО АЛФАВИТУ. *Москва, въ тип: Селивановскаго, 1834 и 1836, въ-12. Двѣ части, стр. IV и 230 – 202.*

«Предметъ *сего* собранія рифмъ былъ единственно, *чтобъ* услужить юношамъ, *кои* имѣютъ желаніе писать стихи, *то чтобъ* менѣе имъ затруднять себя въ прінсканіи рифмъ, отчего иногда зависитъ *даже перемѣна смысла въ сочиненіи*, а не *токмо* въ одномъ окончательномъ стихѣ, *подбирая его въ рифму*.»

Юноши, «имѣющіе желаніе писать стихи, и затрудняющіе себя въ прінсканіи рифмъ», благодарите Г. сочинителя! Какъ Валдайскія Горы, поперечили до-сихъ-поръ разгулу вашего поэтическаго воображенія проклятыя рифмы:

Теперь разрушена Валдайская преграда!

Вотъ вамъ десятки тысячь риѳмъ въ три колонны, на 532 страницахъ, мѣлкими буквами, на всѣ возможныя окончанія, отъ АБА и УБА до ЮЯ и ЯЯ! Онѣ идутъ по классамъ, по ранжиру, стройно, чинно: бери какую хочешь, пришивай къ стиху, и стихъ твой съ риѳмой, и ты поэтъ,—разумѣется!

О, счастливые юноши! о вы, «имѣющіе желаніе писать стихи»! разсмотрите только, какого труда, какого нечеловѣческаго, «Калибановскаго» терпѣнія стоилъ подарокъ вамъ отъ почтеннаго собирателя *сего* словаря риѳмъ! Если предположить въ немъ только 36,500 риѳмъ, и допустить, что каждый день собиратель вписывалъ по десяти риѳмъ въ свое собраніе, то работа его продолжалась десять лѣтъ. Одно печатаніе шло пять лѣтъ: въ 1832 году, января 17, отцензурована была рукопись; только въ 1834 году конченъ былъ первый томъ печатаньемъ, и только въ 1836 году вышелъ второй и послѣдній. Трудъ исполинскій. Да и какихъ риѳмъ тутъ нѣтъ? Кому бы пришли въ голову слѣдующія рифмы: философа — штофа; нанята — занята; обнята — пронята; умята — упята; пряниковъ — противниковъ; флегмовъ — ширмовъ; замажемъ — куражемъ; всклокочемъ — вскочемъ; грохочемъ — захохочемъ; изурочемъ — скочемъ, хочемъ; — щекочемъ, и прочая? А полурифмы: хозяйствуй — юношествуй, борзо — желѣзо, выгляди — выжди, и тма бездна другихъ. Тфу, пропасть! я никогда не писывалъ стиховъ, а теперь, вмѣсто рецензіи, мнѣ страхъ какъ хочется приняться за риѳмы, то есть, за поэзію, или подборъ риѳмъ, что всё-равно. Но зачѣмъ умножать собою и безъ то-

го несмѣтное множество Русскихъ поэтовъ! Боясь сдѣлаться стихотворцемъ, я поскорѣе бросаю далѣе отъ себя сей опасный словарь риѳмъ. Долго ли до бѣды: вѣдь давно утвердили, что —

Какъ пьянство, такъ и страсть стихи писать — бѣда!

1. РУКОВОДСТВО *къ сокращенному познанію всѣхъ наукъ, искусствъ и художествъ, для употребленія юношества, расположенное на вопросы и отвѣты. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1836, въ-12., стр. 319 и IV.*

2. LE LIVRE DE L'ENFANCE, *ou Lecture du premier âge. Nouvelle méthode, pour enseigner à-la-fois aux enfans à lire et à comprendre le français, par Théodore Courtener.* — ДѢТСКАЯ КНИГА, *или Чтеніе для перваго возраста. Новая метода вдругъ учить дѣтей читать и понимать по-Французски. Сочиненіе* Ѳедора Куртенера. *Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-12., стр. 131.*

3. ABÉCÉDAIRE *du précepteur français, augmenté de dix dialogues, composés d'après une nouvelle méthode, par* Théodore Courtener, *maître de langue française à l'Institut Impérial de St.-Alexandre.*—ФРАНЦУЗСКАЯ АЗБУКА, *съ присовокупленіемъ десяти разговоровъ, составленныхъ по новому методу, учителемъ Французской словесности при И. Московскомъ Александровскомъ Институтѣ,* Ѳедоромъ Куртенеромъ. *Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-12., стр. 99.*

Какъ можно узнать, всѣ науки, искусства и художества изъ маленькой книжки, названной «Руководствомъ къ познанію *всѣхъ* наукъ, искусствъ и художествъ»? А почему жъ нельзя! Не случалось ли вамъ бывать на экзаменахъ, публичныхъ въ какомъ-нибудь большомъ пансіонѣ, особливо женскомъ? Если вы бывали, такъ вы и видали и слыхали, какъ въ два въ три часа перескажутъ вамъ всю премудрость человѣческую отъ чистописанія до Геометріи и Философіи. Какъ послѣ этого не быть энциклопедіи въ триста шестьдесятъ небольшихъ страничекъ! Наука имѣетъ то чуд-

ное свойство, что на нее жизни не достанетъ, и опять она же можетъ быть сжата въ кулакъ и проглочена однимъ разомъ. Не угодно ли вамъ выучиться изъ «Руководства» какой-нибудь наукѣ, — ну, положимъ Химіи? Мы сейчасъ выпишемъ вамъ полный курсъ: не пугайтесь, онъ не великъ.

«ХИМІЯ.

Вопросъ. Что за наука Химія?

Отвѣтъ. Химія есть *часть Медицины*, которая научаетъ *разрѣшать* смѣшанныя тѣла, узнавать частицы, ихъ составляющія, *отдѣлять дурныя*, собирать и извлекать хорошія. *Химисты* дѣлали открытія, которыя были очень полезны *для* докторовъ, хирурговъ, и *даже для многихъ художниковъ.*»

Конецъ Химіи. Что, узнали ее порядочно? Гулливеръ нашелъ гдѣ-то прекрасный способъ ученія: каждую науку вырѣзывали на дощечкѣ, печатали этими дощечками пряники, искли ихъ, и давали ѣсть ученикамъ. Вотъ не догадается издатель «Руководства» употребить этотъ способъ! Ученики съѣли бы его руководство, желудковъ не обременили, и все бы между-тѣмъ узнали. Покамѣстъ, пусть читаютъ Вѣдь въ иныхъ пансіонахъ, право, не болѣе они выучатся: а сколько денегъ надобно переплатить!.....

Мы не нашли ничего новаго въ «новой методѣ» Г. Куртенера, Nouvelle méthode à lire, à écrire, etc. Просто — азбука съ картинками, да склады и примѣры чтенія. Также ничего новаго и въ «*новомъ методѣ*» разговоровъ при Abécédaire du précepteur: здравствуйте, прощайте, сядьте, — и все тутъ. Но первая изъ этихъ книжечекъ напечатана прекрасно; картинки отличныя. Зато ужъ другая! На гадкой бумагѣ, съ Суздальскими картинками, раскрашенными бруснікою и луковымъ перьемъ. Изъ обертки узнаемъ, что это «третье» изданіе. Тѣмъ хуже! Тѣмъ непростительнѣе одѣвать неопрятно книгу, если публика такъ охотно ее покупаетъ.

ДѢТСКІЙ КАРАМЗИНЪ, *или Русская Исторія въ картинахъ, издаваемая* Андреемъ Прево, *коммиссіонеромъ Общества Поощренія Художниковъ. СПБ.-бургъ, въ тип. Гинце, 1836. Тетради III, IV и V.*

Въ объявленіи, приложенномъ къ пятой тетради, Г. Прево

извѣщаетъ своихъ подписчиковъ, что онъ принялъ новыя мѣры къ возможному улучшенію изданія, и мы поставляемъ себѣ въ удовольствіе засвидѣтельствовать, что въ самомъ дѣлѣ съ пятой тетради замѣтно весьма значительное улучшеніе и въ рисункѣ, и въ выборѣ, и въ литографическомъ выполненіи, картинъ. «Дѣтскій Карамзинъ» дѣлается очень милою «живописною» книгою, и это будетъ едвали не лучшій литературный подарокъ, какимъ только можно порадовать дѣтей.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА, *приспособленная къ Русскому языку.* Н. Снегирева. *Изданіе третье, съ дополненіями. Москва въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. 222.*

Латиская грамматика Г. Снегирева есть безъ-сомнѣнія одна изъ лучшихъ на Русскомъ языкѣ, и, по всей справедливости, ей должно отдать преимущество передъ многими изъ тѣхъ, которыя обыкновенно употребляются въ преподаваніи. Мы съ удовольствіемъ видимъ, что авторъ не перестаетъ совершенствовать свой полезный трудъ при каждомъ новомъ изданіи, и что вниманіе публики къ его книги позволило ей достигнуть уже третьяго перерожденія. При всемъ томъ, одно замѣчаніе невольно вырывается у насъ изъ подъ пера: мы всегда почитали и почитаемъ лучшими грамматиками тѣ, которыя какъ-можно ближе сводятъ два языка и объясняютъ ихъ одинъ другимъ. Г. Снегиревъ очень хорошо понялъ удобства такой методы, и онъ весьма часто старается сводить одинаковыя правила языковъ Латинскаго и Русскаго, чтобы облегчить этимъ ихъ уразумѣніе. Но подобный сводъ могъ бы быть развитъ гораздо полнѣе. Напримѣръ, говоря о Латинскомъ supinum, которое всегда очень затрудняетъ учащагося, слѣдовало бы показать, что эта форма не такъ необычайна, какъ кажется съ перваго взгляда, и что supinum, дѣйствительно, существуетъ и въ Русскомъ языкѣ. *Быть видѣну, сдѣлану, услышану* суть чистыя supina, и, что примѣчательнѣе, имѣютъ одинаковое окончаніе съ Латинскими, — visu, factu, auditu, и такъ далѣе. Fas est dictu не значитъ ли буквально — позволительно *быть сказану?* Многія другія сближенія этого рода, которыя очень легко отъискать при небольшомъ размышленіи, сдѣла-

ли бы изученіе Латинскаго языка еще простѣйшимъ. Г. Снегиревъ вѣроятно воспользуется этимъ замѣчаніемъ при четвертомъ изданіи своей грамматики; во всякомъ случаѣ оно послужитъ ему доказательствомъ, что мы читали его книгу со вниманіемъ.

PHÆDRI FABULÆ. *Басни Федра, съ присовокупленіемъ Русскихъ примѣчаній на труднѣйшія мѣста, и подражаній Лафонтена, Крылова и Дмитріева. Изданіе учебное, очищенное, И. Эйнерлинга, издателя Латинскихъ классиковъ. СП.-бургъ, 1836, въ тип. Х. Гинце, въ-12., стр. 187.*

Появленіе Латинскихъ классиковъ въ печати всегда означаетъ хорошее направленіе воспитанія и основательныя занятія юношества. Мы тогда только дѣйствительно начнемъ свою словесность и будемъ заслуживать почетнаго титла литераторовъ, когда станемъ читать Латинскихъ авторовъ такъ свободно и съ такою любовію, какъ теперь читаемъ Французскихъ. Не прогнѣвайтесь, опоры Русской словесности, — или гнѣвайтесь сколько вамъ угодно, — а надобно сказать вамъ правду, что въ образованной Европѣ даже не считаютъ «литераторомъ» того, кто не прочиталъ въ подлинникѣ всѣхъ лучшихъ писателей по-крайней-мѣрѣ Римской древности и не связалъ въ умѣ своемъ мыслей прошедшаго съ мыслями настоящаго: такого человѣка называютъ просто — человѣкомъ, который изволитъ себѣ пописывать, но не литераторомъ. Ничто такъ не огорчительно для истиннаго любителя успѣховъ нашей словесности, какъ видѣть въ ея произведеніяхъ эту ужасную ученость на изрѣченія Бальзаковъ, Бротовъ, Жаненовъ, Массоновъ, Скрибовъ, Мартеновъ и Богъ-вѣсть еще какихъ писателей, болтающихъ только для потѣхи своихъ современниковъ нынѣшней недѣли, — и нигдѣ ни малѣйшаго слѣда мысли Цицерона, Сенеки, Тацита! Отсюда и вся поверхностность нашей литературы. Чтеніе Латинскихъ классиковъ имѣетъ еще одну великую пользу: оно показываетъ, какъ надобно составлять хорошія книги и воспламеняетъ къ трудолюбію.

«Басни Федра» составляютъ четвертую часть изданія Латинскихъ классиковъ, предпринятаго Г. Эйнерлингомъ. Къ

трутнѣйшимъ мѣстамъ текста присоединены здѣсь объясненія и примѣчанія. Чтобы пріучить къ правильному произношенію Латинскихъ словъ, означена просодія. Въ концѣ книги помѣщены басни Русскія и Французскія, которыхъ сюжеты Лафонтенъ, Крыловъ и Дмитріевъ заимствовали у Латинскаго баснописца. Сверхъ-того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть ссылки на изданную Г. Эйнерлингомъ Латинскую грамматику по руководству Лефранка, что̀ послужитъ также не малымъ облегченіемъ для учащихся.

РУКОВОДСТВО КЪ ПЕДАГОГИКѢ, *или Наукѣ воспитанія, составленное по Нимейеру* Александромъ Ободовскимъ, *инспекторомъ классовъ Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1836, въ-8., стр. 352.*

Къ изданію этой книги побудилъ автора «недостатокъ въ руководствѣ по части Педагогики, которую преподаетъ онъ въ здѣшнемъ Воспитательномъ Домѣ дѣвицамъ, поступающимъ въ званіе наставницъ; «*а потому* въ изложеніи руководствовался онъ сколько потребностью своихъ слушательницъ, столько и желаніемъ *содѣлать* книгу *сію* общеполезною и практическою.»

Содѣлается ли книга *сія* въ самомъ дѣлѣ *таковою*, сказать заранѣе нельзя; по-крайней-мѣрѣ авторъ составлялъ ее по весьма хорошему творенію о Педагогикѣ.

ИСТОРІЯ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ *въ Азіятской Турціи, въ 1828 и 1829 годахъ. СП.-бургъ, въ тип. Праца, 1836, въ-8. Часть первая, стр. XXIII и 403.*

Эта любопытная книга, къ которой мы непремѣнно возвратимся въ отдѣленіи Критики, какъ скоро выйдетъ вторая часть ея, посвящена самому герою описываемыхъ подвиговъ, его свѣтлости князю И. Ѳ. Варшавскому, и кажется составленною по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ. Пока наступитъ время занять нашихъ читателей ея содержаніемъ, мы должны похвалить въ полной мѣрѣ хоть ея прекрасную наружность: новая типографія Г. Праца, надобно отдать справедливость, знаменуетъ начало своихъ трудовъ изданіями, ко-

торыхъ красота вдругъ поставила ее въ ряду первыхъ этого рода заведеній въ Петербургѣ и приноситъ честь вкусу и дѣятельности молодаго типографа.

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ. *Часть четвертая, содержащая въ себѣ оба похода Св. Лудовика, войны христіанъ противъ Турокъ, и общіе взгляды на слѣдствіе крестовыхъ походовъ. Сочиненіе Г. Мишо, члена Академіи Французской. Перевелъ съ Французскаго* Иванъ Бутовскій. *Томъ четвертый. СП.-бургъ, въ тип. Военной, 1836, въ-8., стр. 742.*

Объ «Исторіи крестовыхъ походовъ» будетъ сказано въ отдѣленіи Критики. Мы ожидаемъ въ скоромъ времени выхода послѣдней части этого важнаго перевода.

ВОСПОМИНАНІЯ О СИЦИЛІИ, А. Черткова. *Часть I. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-8., стр. XXXI, 256 и 4. Съ атласомъ рисунковъ, въ 29 листовъ.*

На кого счастіе пойдетъ въ нашей Русской литтературѣ! Вотъ объ иной близкой къ намъ Европейской землѣ у насъ нѣтъ ни словечка печатнаго, а о Сициліи, хоть она находится и далѣе другихъ, выходитъ на Русскомъ языкѣ, въ короткое время, уже второе и хорошо изданное сочиненіе. Недавно описывалъ Сицилію Г. Норовъ; теперь описываетъ ее Г. Чертковъ, и книга его является не только изданною опрятно, но даже съ требованіями на роскошь, съ атласомъ въ большой листъ, съ текстомъ на веленевой бумагѣ. Русская литература обязана уже Г. Черткову за изданіе перваго отдѣльнаго опыта о нашихъ старинныхъ монетахъ, довольно полнаго и съ хорошими рисунками; такая книга имѣла цѣну новости и самобытности. Описаніе Сициліи не можетъ представить этихъ выгодъ: о Сициліи писано такъ много, такъ подробно; издано даже столько живописныхъ путешествій, и, разумѣется, Русскіе опыты въ этомъ родѣ не могутъ сравняться съ иностранными. Возьмите, для сравненій съ «Воспоминаніями о Сициліи», напримѣръ Уэлевъ Voyage pittoresque de la Sicile, de Malte et de Lipari (par Houel), или, не говоря уже объ Англійскихъ, одно изъ новыхъ

Французскихъ описаній, какъ Voyage pittoresque en Sicile, изданный въ 1822 году въ Парижѣ, Остервальдомъ, съ текстомъ, печатаннымъ у Дидота. Г. Чертковъ самъ чувствовалъ это, и откровенно говоритъ:

«Авторъ долженъ просить извиненія у читателей въ несовершенствѣ всѣхъ рисунковъ. Трудность найти въ Москвѣ отличныхъ артистовъ, хорошихъ рисовальщиковъ, даже посредственныхъ литографовъ, слишкомъ извѣстна всякому. Мы еще долго не будемъ имѣть заведеній, подобныхъ литографій Энгельмана въ Парижѣ и другихъ извѣстныхъ городовъ западной Европы. Лучшему Московскому художнику, не бывшему никогда въ Италіи, почти невоможно понять и исполнить на-дѣлѣ дѣйствія южнаго ландшафта, перспективы Сициліи, эффекта полуденнаго солнца на всѣхъ освѣщаемыхъ имъ предметахъ, теплоты и тона, разливаемаго чистымъ, эфирнымъ воздухомъ южныхъ странъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, имѣя даже лучшіе, намѣстѣ снятые оригиналы, сочинитель долженъ былъ, по-необходимости, ограничиться тѣмъ, что состояло въ его власти, и припомнить читателю, что — on fait ce qu'on peut, mais non ce qu'on veut.»

Впрочемъ дѣло вышло не такъ плохо, какъ можно бы подумать по скромному признанію автора, хотя, дѣйствительно, нѣкоторые раскрашенные рисунки его атласа очень слабо напоминаютъ свои предметы. Мы съ удовольствіемъ надѣемся еще разъ обратиться къ книгѣ Г. Черткова, въ разборѣ болѣе подробномъ, когда она выйдетъ вполнѣ, а теперь ограничимся только краткимъ извѣстіемъ, чтобы предварительно познакомить съ нею нашихъ читателей.

«Воспоминанія о Сициліи» суть письма, писанныя авторомъ въ Римъ, къ своему пріятелю, который желалъ имѣть понятіе о нынѣшнемъ состояніи древней Тринакріи. Письма эти были писаны, кажется, лѣтъ десять тому (время неозначено, но только до 1828 года), «и издаются точно въ томъ видѣ, какъ были писаны.» Тѣмъ лучше; въ нихъ не будетъ кабинетной отдѣлки и наблюденій, взятыхъ изъ чужихъ замѣтокъ. Авторъ говоритъ только то, что самъ онъ видѣлъ въ Сициліи; всего болѣе распространяется онъ о нынѣшнемъ состояніи остатковъ древностей Сицилійскихъ. Разсказъ его живъ, одушевленъ мыслью и чувствомъ; о древностяхъ говоритъ онъ языкомъ опытнаго знатока; о современномъ состояніи края, какъ просвѣщенный наблюдатель. Не знаемъ, сколько будетъ, всего, томовъ этихъ «Воспоминаній». Въ пер-

вомъ, который вышелъ отдѣльною книгою, описаны переѣздъ автора изъ Неаполя въ Палермо, потомъ самое Палермо, и путь по западному берегу Сицилійскому, до Джирдженти, древняго Агригента. Въ началѣ книги, авторъ прилагаетъ «Взглядъ» на исторію Сициліи, гдѣ знакомитъ насъ особенно съ древнею исторіею острова. Въ окончаніи приложено «Объясненіе рисунковъ», изданныхъ при первой части. Не должно ли изъ этого заключать, что будетъ еще продолженіе и атласа, хотя уже и въ изданной тетради рисунки переходятъ за предѣлы текста, и оттого потребовали выписокъ изъ второй части «Воспоминаній». Рисунки эти сняты ловкимъ карандашомъ, но литографія Московская очевидно не соотвѣтствовала достоинству скиццовъ: вообще однако жъ многіе виды очень недурны. Зато нельзя довольно похвалить любопытности и выбора предметовъ на рисункахъ. Здѣсь являются живописный Палермо; дикая Шіакка, эта Швейцарія съ климатомъ Греціи и пальмами Востока; прелестная Катанія, съ своими потоками лавы; Николози, съ Красными Горами; чудный положеніемъ Таормино; наконецъ Мессина, съ столь страшнымъ нѣкогда жилищемъ Сциллы и Харибды и съ Калабрійскимъ берегомъ, и вѣчно горящій Страмбони. На другихъ рисункахъ видите ладдзароновъ, рыбаковъ Сицилійскихъ, съ ихъ телѣжками, огражденными крестикомъ, съ ихъ лодками, украшенными ликомъ Мадонны, съ ихъ Итальянскимъ восторгомъ передъ часовнею. Потомъ храмъ Сегесткій, обломки гробницы Ѳерона, пещера Сивиллы Кумской, развалины Агригента (съ планомъ), отдѣльно обломки храма Юноны, мнимаго храма Согласія (съ планами), каріатиду храма Юпитерова, планъ Таорминскаго театра, изображеніе вещей и скелета, найденныхъ въ древней Греческой гробницѣ, изображенія остатковъ Сиракузскаго театра, катакомбъ Сиракузскихъ, мнимаго Уха Діонисіева, развалинъ Таорминскихъ, — увлекаютъ вниманіе любителя древностей и памятной стороны. Этна, съ своимъ славнымъ каштановымъ деревомъ, является въ трехъ рисункахъ. Папиръ, эта бумага древнихъ, очерки двадцати восьми монетъ древнихъ и карта Сициліи, дополняютъ собою выборъ изъ богатаго портфеля Г. Черткова, который принужденъ, на первый случай, «ограничиться нѣкоторымъ числомъ ри-

сунковъ, не совсѣмъ теряя надежду издать и остальные при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, что совершенно зависитъ отъ счастливой встрѣчи съ художниками, имѣющими талантъ и опытность въ исполненіи.» Да! такая встрѣча подлинно — счастье. Впрочемъ, авторъ могъ бы найти въ Петербургѣ и болѣе способовъ и вѣрнѣе.

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ АРТИЛЛЕРИСТА, *съ 1812 по 1816 годъ. Артиллеріи подполковника* И.....Р..... *Москва, въ тип. Лазаревыхъ и Степанова, 1836, въ 8. Четыре части, стр. V и 296 — V и 348 — IV и 354 — V, 375 и IV.*

Если бы кто-нибудь положилъ котомку на плеча и просто прошелъ отъ Варшавы до Москвы, отъ Москвы до Парижа, отъ Парижа до Бѣлостока, опять отъ Бѣлостока до Парижа, а отъ Парижа до Чернигова, смотрѣлъ, видѣлъ, замѣчалъ, — его дорожникъ стоило бы прочитать; но было время, когда такія прогулки дѣлались въ теченіе двухъ трехъ лѣтъ и въ обществѣ милліона товарищей. Это время теперь на басни походитъ, но еще живы самовидцы его. Одинъ изъ этихъ самовидцевъ, проѣхавшій четыре раза по Европѣ съ Русскою пушкою, даритъ теперь насъ своими «записками» о бываломъ, сказочномъ времени 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ. Послушайте его разсказа, — разсказа столь добродушнаго и столь простаго, что вы заслушаетесь его. Книга господина Р*** такъ любопытна, что мы поговоримъ объ ней пространнѣе. Теперь скажемъ только, что сочинитель ея, заслуженный, бывалый офицеръ, разсказываетъ всѣ военныя событія съ 1812 по 1815 годъ, — Бородино, Лейпцигъ, Бауценъ, Ренсъ, Смоленскъ, — все, что онъ самъ видѣлъ: онъ вступалъ въ Парижъ съ громами Русскихъ побѣдъ, и былъ потомъ и при Вертю, гдѣ радостно шумѣли орлы Русскіе въ воинской потѣхѣ, увеселяя побѣдителей. Повѣтствуютъ, будто въ солдатской сумкѣ господина Р*** хранятся еще записки и о томъ, что видѣлъ онъ послѣ, за Кавказомъ и Араратомъ. Грѣшно было бы утаить ихъ отъ современниковъ. Печатайте, почтенный ветеранъ! «Разсказывайте» о томъ, что вы прежде «дѣлали».

Историческіе афоризмы Михаила Погодина. *Москва, въ тип. Университетской, 1836, въ-8., стр. VIII и 128.*

Нѣмцы первые начали составлять «ученыя» книги изъ афоризмовъ. По-Гречески, афоризмъ, *афорісмос,* значило — опредѣленіе, мысль коротко выраженная. Въ этомъ смыслѣ оно долго употреблялось въ Европѣ, и Лабрюеръ написалъ изъ небольшихъ изрѣченій преумную книженку, которой онъ не назвалъ «Афоризмами», но которая до-сихъ поръ читается съ удовольствіемъ. Нѣмцы, ничего не умѣя дѣлать коротко, принялись писать длинно свои коротенькія мысли и набирать толстыя книги изъ ученыхъ опредѣленій. Всякое оружіе хорошо въ сильной рукѣ, но и слабость спѣшитъ завладѣть всякимъ оружіемъ, и оттого афоризмы скоро сдѣлались просто злоупотребленіемъ, даже у Нѣмцевъ. А у насъ?..... У насъ, покамѣстъ, одинъ Г. Погодинъ рѣшаетъ дѣла афоризмами.

Если у тебя нѣтъ мыслей на книгу, пиши книгу «Мыслей», говорилъ одинъ остроумецъ своему пріятелю. Легкое дѣло, кажется: бросай на бумагу все, что придетъ въ голову, не трудясь надъ порядкомъ и истиною, не думай о сводѣ начала съ концемъ; рви изъ другихъ что попадется: ты ни зачто не отвѣчаешь,— вѣдь это афоризмы, то есть, всякая всякость всяческаго, съ примѣсью всячины.

Такъ ли не такъ думаетъ объ этомъ Г. Погодинъ, доложить вамъ не можемъ; только, издавая свое собраніе афоризмовъ, онъ откровенно сказываетъ, что «Афоризмы» его «суть мысли, *кои* въ разныя времена приходили ему въ голову при чтеніи разныхъ сочиненій объ историческихъ предметахъ, при размышленіи объ Исторіи, и *кои* записывалъ онъ въ свою памятную книжку.» Далѣе: «мнѣ не нужно было давать своимъ афоризмамъ ни какой искуственной формы, приводить ихъ въ систему или порядокъ. Я оставилъ ихъ *такъ, какъ они родились*, со всѣми признаками ихъ происхожденія: однѣ мысли *недоговорены*, другія *повторены нѣсколько разъ* подъ разными формами, третьи только-что *намѣчены*. Иногда читатель найдетъ старыя мысли, въ новыхъ только выраженіяхъ, *кои* показались мнѣ удачными. И такъ въ этомъ собраніи *не должно искать ни какой послѣдовательности, связи, ни какого цѣлаго*. Развить нѣкоторыя мысли я намѣ-

ренъ въ другихъ сочиненіяхъ, и даже скоро.....» Но хорошо ли издавать такія недодѣлки? И почему было не «развить» всѣхъ своихъ афоризмовъ, или, по-крайней-мѣрѣ, почему не привести ихъ въ порядокъ? «*Потому*», отвѣчаетъ Г-нъ Погодинъ, «что я назначаю афоризмы мои *для моихъ слушателей*, чтобъ доставить имъ темы для разсужденій, бесѣдъ, ученыхъ состязаній.» Какъ бы то ни было, еще и послѣ этого непонятно намъ, почему, даже и при такомъ условіи, среди «немногаго, отъ чего не откажется можетъ-быть и наука» (слова Г-на Погодина), оставлять недоговорки, повторенія, намѣтки, старыя мысли, и не дать всему послѣдовательности и связи? Въ силу *каковыхъ же и коихъ причинностей*, Г. Погодинъ проситъ рецензентовъ судить его по духу цѣлаго сочиненія? «Исторія, скажу здѣсь кстати, имѣетъ свои логариѳмы, дифференціалы и *таинства*, доступныя только *для посвященныхъ*.» Скажите пожалуйте! А мы думали, что названіе «тайныхъ знаній» придается въ наше время только алхимическимъ и астрологическимъ наукамъ; что теперь именно стремятся всѣ ученые упростить, обобщить знанія; что манера Египетскихъ и схоластическихъ курсовъ считается въ наше время совсѣмъ не въ модѣ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. И послѣ такого Odi profanum vulgus, такъ торжественно произнесеннаго, у какого рецензента не выпадетъ перо изъ рукъ? кто, прошу, дерзнетъ «имѣть сужденіе» объ афоризмахъ Г. Погодина? Но авторъ жалостливъ: для непосвященныхъ «приложилъ онъ первую свою лекцію объ Исторіи», гдѣ старался изложить вполнѣ, хотя и коротко, свое мнѣніе объ этой наукѣ, и «которую *благоволятъ имѣть въ виду* его судіи.» Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ книги находимъ мы, чего и не обѣщало заглавіе, небольшую статью — «О всеобщей исторіи, лекція, при вступленіи въ должность ординарнаго профессора въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1834.»

Тутъ узнаемъ мы, что Г. Погодинъ былъ смертельно испуганъ при самомъ началѣ своихъ историческихъ подвиговъ. Со «страхомъ, со трепетомъ», даже съ «отчаяніемъ», вступилъ онъ на поприще Исторіи (стр. 114). Да чего жъ такъ онъ испугался? *Ужасное* пространство развернулось передъ его глазами!

«Ужасное пространство развертывается передъ моими глазами! Ужасное время *перетекаетъ* въ моемъ воображеніи! Какую великую обязанность я на себя принимаю! *Мнѣ кажется*, всѣ вѣка, народы, геніи, поднявшись изъ глубокихъ могилъ своихъ, *собираются надъ головою моею и грозно спрашиваютъ на всѣхъ языкахъ Вавилонскихъ:* Понимаешь ли ты насъ? И *я* — напрасно ищу словъ, въ оправданіе моей дерзости..... Грѣхопаденіе, искупленіе, добро, зло, свобода, необходимость, судьба, промыслъ, фатализмъ. Здѣсь поклонникъ стихіямъ, звѣздамъ, животнымъ, силамъ природы, человѣческимъ образамъ, Іеговѣ; тамъ христіанинъ, музульманинъ, лютеранинъ, Іезуитъ, квакеръ, сенъ-симонистъ. Здѣсь видишь смерть кроткаго Сократа; тамъ Робеспіеръ подписываетъ смерть тысячамъ жертвъ; вотъ умираетъ Катонъ въ Утикѣ, и вотъ апотеоза Геліогабала; Инквизиція и революціонное празднество въ честь богини Разума; вступленіе крестоносцевъ въ Іерусалимъ и Варѳоломеевская ночь; Руссо на чердакѣ, Мирабо въ народномъ собраніи, Людовикъ XVI на эшафотѣ; неистовство феодальнаго властителя и *Парижскій балъ; бочки негровъ* и Естественное Право; пирамиды и *храмъ Св. Петра;* Цезарь, Мугаммедъ, Гуттенбергъ, Наполеонъ, Колумбъ, Шеллингъ, Петръ Пустынникъ, Вайтъ, Платонъ, Ньютонъ, Рафаэль, Петръ Великій. Царства возникаютъ, усиливаются, падаютъ; народы странствуютъ, смѣняются, распространяются и изчезаютъ; мысли зачинаются, распространяются и изчезаютъ», и прочая, и прочая.

Такъ вотъ чего «испугался» Г. Погодинъ, «затрепеталъ», пришелъ въ «отчаяніе»! И когда все это начало летать надъ его головою, и заговорило на всѣхъ Вавилонскихъ языкахъ, первое его разсужденіе объ Исторіи было плодомъ такого непріятнаго состоянія: это родъ «признанія», или исповѣди въ томъ, что онъ никакъ не можетъ сообразить событій въ Исторіи; что Исторія есть самая младшая наука, для которой «едвали собрано развѣ только нѣсколько матеріяловъ» (стр. 125); что мы узнаемъ Исторію тогда только, когда *все* узнаемъ, то есть въ минуту свѣтопреставленія» стр. 126). Какой страхъ долженъ былъ объять всѣхъ и каждаго, при такихъ признаніяхъ, когда имъ откровенно сказали, что Исторіи нельзя выучиться до Страшнаго Суда! Но они утѣшились, вѣроятно, тѣмъ, что «ни въ какой библіотекѣ, ни въ какомъ университетѣ, ни отъ какого профессора нельзя узнать исторіи такъ, *какъ во глубинѣ души своей*» (стр. 127). Поняли ль эту загадку «посвященные» — мы не знаемъ; но мы, «непосвященные», ничего не поняли

въ «логариѳмахъ, дифференціалахъ и интегралахъ» рѣчи Г. Погодина, и послѣ этого могли ль мы понять какую-нибудь связь между Афоризмами и рѣчью его, которая служитъ для нихъ ключемъ? Отъ этого потеряли мы всякое право судить объ Афоризмахъ. Какъ судить когда ничего не понимаешь?

Что это такое, спрашиваемъ для примѣра: «Историческая критика должна допустить доказательства à priori, *откровенія* поэтовъ, о *коихъ не смѣли думать* смѣлые Шлёцеры: неужели, напримѣръ, время, протекшее *до появленія памятниковъ*, должно погибнуть для Исторіи?» — Намъ кажется — Да; но по смыслу вопроса выходитъ, что надобно отвѣчать — Нѣтъ!

Далѣе нашли мы, что вся Исторія есть *разсказъ о свадьбахъ народовъ*; о томъ, какъ Нордманны *женились* на Славянахъ, Франки на Галлахъ, Венгры на Паннонахъ, и прочая; что *народы-жены* отъ *народовъ-мужей* получили свои имена (Галлія — Франціи; Британія — Англіи, и прочая); что первое государство составила свадьба *первыхъ* людей; что самая *большая*, *общая свадьба* въ Европѣ была у Нѣмецкихъ народовъ съ Римскою имперіею, которая, какъ видно, бывши нѣкогда *мужчиною*, отъ множества женидьбъ превратилась потомъ въ *женщину* (стр. 14); и наконецъ, что есть народы «вдовые, холостые, мужеско-женскаго (вѣроятсредняго и общаго) рода. Что такое все это? Неужели «Наука исторіи?»

«Гдѣ исторія новой Италіи?» спрашиваетъ Г. Погодинъ; и отвѣчаетъ: «На картинахъ Рафаэля, Гвидо-Реми, Тиціана, Доминикина, Микель-Анджело.» Мы опять не понимаемъ; но теперь ужъ рѣшительно вѣримъ Г. Погодину, что «историкъ по-преимуществу есть вѣнецъ народа, ибо въ немъ народъ познаетъ самаго себя, достигаетъ до своего самопознанія», и что «народъ безъ историка — твореніе *недодѣланное*, безъ самопознанія». Послѣ этого чистосердечно повторимъ мы слова Г. Погодина: «Да снизойдетъ къ намъ скорѣе святая *Сес*иція!» Съ горестью читали мы, какъ Г. Погодинъ признается въ своемъ историческомъ невѣдѣніи, увѣряя, будто «чѣмъ больше кто знаетъ, тѣмъ тотъ яснѣе понимаетъ, какъ мало онъ знаетъ». По замѣчанію Г. Пого-

дина, «если онъ видитъ *автора все знающаго* (но гдѣ же Г. Погодинъ видитъ такого автора?), въ противоположность Сократу, который подъ конецъ мудрой жизни своей узналъ, что онъ *ничего не знаетъ*», то онъ, Г. Погодинъ, «теряетъ довѣренность къ его умствованію, сомнѣвается въ его сердечномъ убѣжденіи, и почитаетъ такого историка *логическою машиною, которая сама себя обманываетъ*, молодыхъ людей вводитъ въ заблужденіе, а Исторіи приноситъ пользы гораздо менѣе, нежели сколько думаетъ.»

Какихъ въ свѣтѣ машинъ нѣтъ! Вотъ уже есть машины, которыя сами себя обманываютъ! Г. Погодинъ, которому Механика обязана этимъ изобрѣтеніемъ, назвалъ ихъ—логическими машинами, и мы совѣтуемъ ему исходатайствовать себѣ привилегію какъ изобрѣтателю. Боже великій! кто жъ послѣ этого изъяснитъ намъ его афоризмы, когда, по собственнымъ словамъ, онъ «самъ не знаетъ, что писалъ»? Какая логическая машина разберетъ намъ таинственное посвященіе его «Афоризмовъ»?

«посвящаются:

«.....

«.....ю.»

Кто, наконецъ, растолкуетъ и таинственный эпиграфъ его книги?

Knurre nicht, Pudel! Zu den heiligen Tönen,
Die jetzt meine ganze Seel' umfassen,
Will der thierische Laut nicht passen.

Никто, никто! Мы можемъ только, смиренно, перевести его на Русскій языкъ. Видите, эпиграфомъ взяты стихи изъ Гётева Фауста, тѣ самые, которые Фаустъ говоритъ чорту, превращенному въ собаку:

«Не рычи собака! Объятая высшренними звуками, душа моя не хочетъ теперь внимать собачьему вою!»

Все это должно быть очень глубоко и поучительно, все это должно изъяснять Исторію для «посвященныхъ» въ ея таинства, логариѳмы, дифференціалы и интегралы.

«Всякое благонамѣренное замѣчаніе, опроверженіе, основанное на знаніи дѣла, приму съ благодарностью» (стр. VIII). Ужъ не спорить ли хочетъ Г. Погодинъ съ своими

критиками? Избави Богъ! Въ такомъ случаѣ, мы просимъ его по-крайней-мѣрѣ насъ уволить. Мы — люди смирные, осторожные, и боимся начать споръ о мѣшкѣ, въ которомъ, можетъ-быть, ничего нѣтъ. А притомъ, объ чемъ тутъ спорить? Вѣдь «чѣмъ больше кто знаетъ, тѣмъ яснѣе тотъ понимаетъ, что онъ ничего не знаетъ.»

РАЗБОРЪ СТАТЬИ, *напечатанной въ Сынѣ Отечества на 1835 годъ, въ NN° 37, 38 и 39, о мнѣніяхъ касательно Руси. Сочиненіе С. Руссова. СП.-бургъ въ тип. И. Россійской Академіи, 1836, въ-8., стр. 96.*

У почтеннаго Г. Руссова страсть разбирать журнальныя статейки! Лишь-только въ какомъ-нибудь журналѣ появится статейка, малая или большая, дѣльная или ничтожная, онъ не заснетъ покойно, пока не разберетъ ея по буквамъ. Г. Руссовъ, кажется, не чувствуетъ того, какое это пустое, какое умѣстное для литератора ремесло — заниматься разборомъ журнальныхъ статей! Зачѣмъ не посвятить себя лучше сочиненію порядочной книги или хоть критикѣ важныхъ и примѣчательныхъ твореній? Но не одинъ Г. Руссовъ тратитъ время на это недостойное печати занятіе. На что издерживаютъ свой умъ и свою дѣятельность бо̀льшая часть тѣхъ, которые у насъ, прости Господи, называются литераторами? Что такое они пишутъ? Разборы журнальныхъ статеекъ. Обзоры журнальныхъ критикъ. Критики на критику. Пересуды чужихъ сужденій. Пошлую брань на тѣхъ, которые выше ихъ умомъ, наукою, дарованіемъ и репутаціей. Жалко, прискорбно, даже стыдно смотрѣть на подобное употребленіе Русскихъ способностей и Русскаго пера! Далеко ли уйдемъ мы впередъ, барахтаясь такимъ образомъ, всё на одномъ мѣстѣ, изъ-за пустяковъ? Неужели у васъ, господа, нѣтъ столько твердости и постоянства, чтобы предаться изученію какого-нибудь предмета, и писать книги или по-крайней-мѣрѣ статьи о самомъ предметѣ, а не статьи и книжки объ статьяхъ? Неужели не въ тысячу разъ благороднѣе и полезнѣе заняться переводомъ какого-нибудь важнаго, Европейскаго творенія?

Что касается до «Разбора статьи», изданнаго Г. Руссо-

вымъ, то мы конечно не станемъ увеличивать объема этой оберточной литературы еще нашимъ *разбдромъ разбора* какой-то статьи, написанной противъ другой статьи, которая сама отвѣчала на чью-то статейку: притомъ же споръ новой школы Русской исторіи со старою, споръ совершенно студенческій, никогда не казался намъ достойнымъ серіознаго вниманія людей, знакомыхъ съ упражненіями въ хорошей исторической критикѣ. Мы удовольствуемся простымъ извѣщеніемъ о новомъ грозномъ сраженіи, которое неустрашимый Г. Руссовъ даетъ Г. Бодянскому, воскресителю Татищевскихъ Роксолановъ. Битва жестокая, — не на животъ а на смерть! Въ двадцати статьяхъ бьетъ своего противника Г. Руссовъ; сомнѣвается даже въ его любви къ отечеству; уличаетъ даже въ томъ, что Г. Бодянскій сослался на небывалыя книги. Какъ такъ? Да такъ! Г. Бодянскій ссылался на двадцать шестую главу второй книги Гельмольда, а по справкѣ Г. Руссова оказалось, что у Гельмольда не только нѣтъ того, что приписываетъ ему Г. Бодянскій, но что во второй книгѣ всѣхъ главъ только четырнадцать. Г. Руссовъ торжествуетъ. Большое торжество! Какая же польза отъ того, что вы побѣдили безвѣстную статейку забытаго журнальца? Что здѣсь выиграла Наука или Литература?

ПОЛИТИЧЕСКІЯ РѢЧИ ИСОКРАТА, АѲИНСКАГО ОРАТОРА И ФИЛОСОФА, О ДОЛЖНОСТЯХЪ, *какъ всякаго человѣка, въ отношеніи его приказнаго и гражданскаго состоянія, такъ равно и особъ царственныхъ, касательно благоденственнаго управленія государствомъ, и что монархическій образъ правленія есть превосходнѣйшій изъ всѣхъ другихъ политическихъ формъ, и къ благосостоянію рода человѣческаго есть удобнѣйшій. Переведены съ Эллино-Греческаго языка, съ прибавленіемъ примѣчаній, коллежскимъ ассесоромъ Иваномъ Дмитревскимъ; вновь же переведены, уяснены, и примѣчаніями пополнены сыномъ его* Михаиломъ Дмитревскимъ. *Москва, въ тип. Смирнова, 1836, въ-8., стр. II и 100.*

Не говорите, что у насъ не занимаются древнею классическою литературою, а особливо Греческимъ языкомъ. Опроверженіе передъ вами!

Въ то же время, когда, сказать вамъ по-Латыни, «процвѣтали» въ волнующейся Греціи Демосѳенъ и Эсхинъ, жилъ въ Аѳинахъ старикъ Исократъ, риторъ, — а не ораторъ, какъ увѣряютъ Гг. Дмитревскіе, отецъ съ сыномъ. Не имѣя смѣлости говорить передъ народомъ, не обладая блестящимъ дарованіемъ Демосѳена, онъ основалъ въ Аѳинахъ училище, училъ краснорѣчію, прославился своимъ ученьемъ, былъ любимъ, уважаемъ, нажилъ себѣ кучу денегъ, потому что училъ не даромъ; наконецъ, какъ увѣряли, уморилъ себя голодомъ, услышавъ о торжествѣ Филиппа Македонскаго. Впрочемъ, ему было тогда около ста лѣтъ отроду. Что сказать объ Исократѣ? Это былъ родъ Аѳинскаго Буало. Плохо писавши, онъ успѣвалъ только тѣмъ, что по десяти по пятнадцати лѣтъ чистилъ и гладилъ свои сочиненія. Не диво, что онъ успѣлъ оставить послѣ себя только весьма немногое. Но за недостатокъ краснорѣчія Исократъ вознаграждалъ нравственностью предметовъ. Въ этомъ отношеніи, особенно отличаются дошедшія до насъ посланія его къ Димонику, рѣчь Никоклу, князю Саламинскому, о наукѣ царствовать, и рѣчь, сочиненная для того же Никокла, о обязанностяхъ подвластнаго къ повелителю: за эту послѣднюю Исократу заплачено было отъ Никокла двадцать талентовъ. Все это, лѣтъ за пятьдесятъ назадъ, было переведено съ «Элино-Греческаго» на Русскій и напечатано Г. Дмитревскимъ, авторомъ извѣстнаго «Изъясненія на Литургію».. Теперь сынъ переводчика исправилъ, «уяснилъ», пополнилъ, и вновь издалъ трудъ родительскій. Вотъ какъ говоритъ переводчикъ о подлинникѣ:

«Что касается до слога сочиненій Исократовыхъ, то объ немъ можно сказать, что онъ обиленъ, чистъ, изященъ въ высшей степени, *гармоничественъ, нѣжитъ слухъ*, и исполненъ (слогъ) догматики, истинъ мудрыхъ, наставленій философическихъ. Красота эта видна болѣе въ *искуснѣйшихъ контрастахъ* и *созвучныхъ окончаніяхъ членовъ періодическихъ*, подобно *риѳмѣ поэтической, чего нѣтъ ни у одного Греческаго писателя*.»

На счетъ этого Г. Дмитревскій немножко ошибается, хотя онъ и знаетъ по-*Эллино-Гречески*. Риѳмъ, numerus, — а не риѳма, — встрѣчается у всѣхъ Греческихъ риторовъ, даже у многихъ философовъ и историковъ. Риѳмъ есть у

Платона и у Аристотеля, у Діодора и у Плутарха. Но не въ томъ дѣло. Мы хотимъ «понѣжить слухъ» нашихъ читателей. Вотъ какъ, въ «искуснѣйшихъ контрастахъ гармоничественности», выражается Исократъ по-Русски:

«Во всѣхъ *дѣйствованіяхъ* не столько *памятно начало*, сколько *чувствителенъ конецъ*: *ибо* ежели мы трудимся въ продолженіе нашей жизни надъ многими предметами не собственно *для нихъ*, *но* трудимся *для* послѣдствій, происходящихъ *отъ нихъ*. Притомъ же подумай и о томъ, что людямъ изъ низкаго сословія чего бы *не случилось сдѣлать*, имъ не такъ постыдно, потому что они сначала такой положили *фундаментъ* жизни; но благовоспитаннымъ непозволительно небречь о добродѣтели, *а* поэтому *и* невозможно, чтобъ они не подверглись отъ многихъ за это упреку.»

Въ началѣ книжки приложенъ лоскутокъ сѣрой бумаги; на немъ, такъ сказать, налитографированъ какой-то старичишка въ жидовской ермолкѣ; внизу подписано — исократъ.

АЛГЕБРА. *Сочиненіе Бурдона. Принятое въ руководство для преподаванія въ Институтѣ Корпуса Путей Сообщенія. Переводъ съ Французскаго, съ шестаго изданія. Часть II. Изданіе второе. СПБ.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1836, въ-8., стр. 372.*

Опытный помѣщикъ, *или Вѣрнѣйшій руководитель господъ владѣльцевъ къ увеличенію доходовъ съ недвижимыхъ имѣній въ три и четыре раза болѣе обыкновенныхъ, нынѣ получаемыхъ, и тѣмъ самимъ къ предохраненію заложенныхъ имѣній отъ публичной продажи. Сочиненіе* Александра Путяты. *СПБ.-бургъ, въ тип. Греча, 1836, въ-8., стр. XIII и 297.*

Какъ владѣльцамъ имѣній увеличить очень скоро и самыми простыми средствами свои доходы въ три и четыре раза, и какъ предохранять свои имѣнія отъ публичной продажи, — это такой вопросъ, который до появленія книги Г. Путяты казался неразрѣшимымъ. О, зачѣмъ Г. Путята не издалъ своего «Опытнаго помѣщика» прежде, чѣмъ неумолимый Заемный Банкъ продалъ мое сельцо, съ какою-то погребальною торжественностью, при страшныхъ ударахъ молота, которые падали прямо мнѣ на сердце! Но дѣло кончено;

сельцо мое изчезло навсегда съ послѣднимъ ударомъ роковаго молота; книга будетъ еще полезна моимъ пріятелямъ. Можно судить, сколько тысячь помѣщиковъ будутъ благодарны доброжелательному сочинителю, когда взглянешь на длинные реестры имѣній, каждый день назначаемыхъ въ продажу отъ Заемнаго Банка, опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія! Авторъ рѣшительно заслуживаетъ памятника.

Надобно вамъ сказать, что я, въ моемъ сельцѣ, хозяйствовалъ по Теэру; и я увѣренъ, что за это именно его и продали. Несносный Нѣмецъ! никогда не прощу ему моего сельца. Я послалъ его книгу своему управителю, Ѳедоту, съ строжайшимъ приказаніемъ вести по ней все хозяйство, и не прошло полтора года, — гуляю однажды по набережной Екатериненскаго Канала, — вдругъ раздаются въ сосѣднемъ домѣ ужасные удары молотомъ, — точь-въ-точь какъ будто Вулканъ куетъ громы на людей гдѣ-нибудь въ подземныхъ пещерахъ Липары: бѣгу, спрашиваю, — и что жъ? — выходитъ, что собственное мое сельцо такъ валяютъ молотомъ, мое бѣдное Бурикино! Стая хищныхъ покупщиковъ окружала его, съ алчною жадностью надбавляя по копѣйкѣ за право владѣть имъ по-очереди на минуту, пока послѣдній ударъ не пригвоздитъ его къ одной чьей-нибудь жадности. Что за фигуры! Я никогда въ жизни не видывалъ ужаснѣйшаго зрѣлища, — никому въ свѣтѣ не желаю быть свидѣтелемъ продажи съ молотка своего имѣнія, — и несказанно благодаренъ Г. Путятѣ, что онъ начинаетъ свое предисловіе съ самой злой критики на этого знаменитаго Теэра, который, по его мнѣнію, да и по моему, вовсе не знаетъ своего дѣла и написалъ сущую нелѣпицу подъ затѣйливымъ названіемъ «Раціональнаго Сельскаго Хозяйства». Отъ Теэра, — провалъ его возьми! — Г. Путята обращается на книгу издаваемую Г. Вилькинсономъ, «Сельскій хозяинъ XIX вѣка»; и этой также нѣтъ пощады: всего болѣе авторъ нападаетъ за предложеніе дѣлать, вмѣсто канавъ и заборовъ около полей, живыя изгороды изъ разныхъ густорастущихъ и колючихъ кустарниковъ, особенно изъ крыжовнику. Какъ удержать ребятишекъ, говоритъ Г. Путята, отъ употребленія незрѣлыхъ

ягодъ? Они съѣдятъ весь заборъ! А отъ этого неминуемо испортится у нихъ желудокъ! Я совершенно согласенъ съ авторомъ. Онъ, прибывъ въ свое имѣніе, разстроенное и обремененное долгами, въ тридцать лѣтъ привелъ его въ порядокъ безъ Теэрова ума и предохранилъ отъ публичной продажи безъ крыжовнику, — а какъ онъ это сдѣлалъ, о томъ значитъ въ его книгѣ, «Опытный Помѣщикъ», явной противницѣ всякой Науки сельскаго хозяйства. Мы съ любопытствомъ читали простые, ясные и добродушные уроки, которые онъ преподаетъ неопытнымъ хозяевамъ, и даже прекрасному полу. Г. Путята строго придерживался въ нихъ особаго и весьма счастливо обдуманнаго плана, — писать какъ, когда и что, придетъ на память и часто назначать въ заглавіи статьи одинъ предметъ, а въ статьѣ говорить о другомъ. Мѣсто не позволяетъ намъ входить во всѣ подробности его тридцати-лѣтнихъ опытовъ, которые каждый прочтетъ въ его книгѣ, но поставляемъ долгомъ указать на капитальныя статьи.

«Несравненно лучшее приготовленіе земли противъ нововводимаго способа», открытое авторомъ и описанное въ третьей главѣ, состоитъ въ троекратной препашкѣ земли подъ рать. Мой Ѳедотъ, кажется, пахалъ также по три раза: да что вышло проку!

«Дешевѣйшее удобреніе во много разъ противъ предлагаемаго Теэромъ» — это покупка воловъ на зиму для скопленія бо́льшаго количества навозу: воловъ надобно кормить *одной* ржаной соломой и давать ея только *по полупуду въ сутки на каждаго*. Авторъ не говоритъ, въ какое время должно отпускать воламъ эту порцію: я думаю, когда докторъ предпишетъ имъ діэту.

Во время засухи Г. Путята совѣтуетъ поливать поля съ яровымъ хлѣбомъ пожарными трубами.

Замѣчаніе его, что должно начинать ранѣе посѣвъ ржи на самой тощей части поля и оканчивать на самыхъ тучныхъ и удобренныхъ десятинахъ, очень основательно, потому что въ худой землѣ зерно долѣе лежитъ до всхода, будучи лишено средствъ, споспѣшествующихъ къ процесу произрастанія: теплота необходима для развитія ростка, а тучная земля гораздо теплѣе тощей и укорененіе хлѣба въ такой почвѣ требуетъ менѣе времени и воздушной теплоты.

Г. Путята, выхваляя дву-польное хозяйство, предлагаетъ самый простой сѣвооборотъ: посѣявъ по навозу кормовой горошекъ, косить его на сѣно; послѣ него тотъ же годъ, вспахавъ пашню, посѣять рожь, и каждый годъ продолжать такъ безъ всякой перемѣны, доколѣ почва совершенно не истощится.

Опровергая на каждомъ шагу ужаснаго Теэра, онъ утверждаетъ, что кормовыя травы и корнеплодныя овощныя растенія не могутъ рыхлить и удобрять твердой и жесткой почвы, и говоритъ, что самые опыты въ этомъ убѣждаютъ; что «нѣкоторые владѣльцы, сильно удобрявшіе подъ карто-«фель десятины въ поляхъ, не могли получить его величи-«ной болѣе какъ въ грецкой орѣхъ, и оттого перестали «сѣять его на поляхъ.» Какъ я золъ на этого Нѣмца, то мнѣ очень нравится ихъ опытъ, и я не хочу даже вѣрить нашимъ образованнымъ хозяевамъ, которые будто-бы испытали противное — что ничѣмъ нельзя лучше разрыхлить и улучшить твердой почвы какъ возращеніемъ на ней картофелю, и что картофель и въ первый разъ по навозу очень хорошо родится. Что касается до содержанія скота, то, упомянувъ прежде, что коровамъ съ начала осени до января мѣсяца должно давать одной ржаной соломы, и не болѣе 20 фунтовъ въ сутки, послѣ того до марта мѣсяца по стольку же яровой, а съ марта опредѣлить имъ *хорошій кормъ, для* случки, то есть, по десяти фунтовъ въ сутки *осочнаго худаго сѣна,* Г. Путята говоритъ, что отъ этого «хозяйство бу-«детъ цвѣсти какъ розаны, въ опредѣленное время, и «итти какъ заведеные часы.» Я совершенно вѣрю Г. Путятѣ, но какъ это дѣло болѣе относится лично къ коровамъ нежели къ хозяйству, то надобно спросить у нихъ, согласны ли онѣ будутъ на десять фунтовъ осочнаго худаго сѣна, для предполагаемой цѣли. Моя корова не хочетъ и слушать о сухой ржаной соломѣ, и утверждаетъ, что ей нужно пудъ хорошаго сѣна въ сутки, при совершенномъ покоѣ ея сердца. Впрочемъ, не велика бѣда, если коровы помрутъ съ голоду. Въ хозяйствѣ есть предметы, гораздо важнѣе коровъ. «Вообще всѣ сельскія заведенія, говоритъ «авторъ, приносятъ значительный доходъ владѣльцу; но «внимательность къ умноженію и сбережнію людей всего

«необходимѣе, какъ по цѣнѣ оныхъ, такъ и по воспитанію, «не стоящему ни копѣйки помѣщику. Кому не было бы «пріятно, имѣя за собой по седьмой ревизіи 500 душъ, что-«бы ихъ было на-лице 750 по осьмой? А потому болѣе всего «должно стараться, чтобы фасадъ деревни не былъ обра-«щенъ на сѣверъ; поелику, по климату нашему, сѣверные «вѣтры продолжаются почти до половины мая, а ребятишки «двухъ трехъ лѣтъ, и болѣе, лишь услышатъ на улицѣ ко-«локольчикъ или какой-нибудь стукъ, тотчасъ отворяютъ «окна и бросаются смотрѣть, не разбирая, холодный или «теплый дуетъ вѣтеръ; да и кромѣ сего дѣти весьма любятъ «сидѣть подъ окномъ, высовывая головы наружу; а какъ из-«бы крестьянскія всегда очень жарко натоплены, отъ чего «ихъ плечи, спина и прочіе члены, бываютъ въ испаринѣ; «то высунутая голова и грудь поражаются сильнымъ вѣ-«тромъ, чрезъ что дѣти тотчасъ подвергаются простуд-«нымъ болезнямъ, получаютъ кашли, колотья, водяныя, и «почти на-половину вымираютъ.» Но самая важная статья сочиненія — «Способъ, какъ имѣть всегда наличныя деньги.» Тутъ есть цѣлое жизнеописаніе однаго отставнаго оберъ-офицера, хорошаго знакомца Г. Путяты. Этотъ оберъ-офицеръ положилъ у себя правиломъ, каждый годъ, *оставлять на черный день* отъ 300 до 500 рублей и болѣе, и всегда измѣнялъ свой образъ жизни смотря по хорошему или худому уражаю: въ хорошій, урожайный годъ, жилъ хорошо, а въ худой худо, дотого что однажды, — это было въ худой годъ, — онъ не оставилъ у себя ночевать Г. Путяты: авторъ разсказываетъ очень забавно, только немножко длинно, длячего его пріятель это сдѣлалъ, и говоритъ, что другіе, которые не слѣдовали его примѣру и оставляли гостей ночевать, принуждены были «въ преклон-«ныхъ лѣтахъ искать пріюта въ постороннихъ домахъ, удру-«ченны еще тяжкими болезнями, гдѣ терпѣли неизъясни-«мыя обиды и огорченія не только отъ хозяевъ но и отъ «людей.» И чѣмъ кончилась исторія? У этого пріятеля сдѣлался параличъ, и Г. Путята, навѣщая его, открылъ и доказалъ ему, что въ это время обманывали его при молотьбѣ хлѣба такъ же какъ и другихъ. Въ этомъ состоитъ «Способъ имѣть наличныя деньги», а кто имѣетъ наличныя день-

ги, тотъ всегда можетъ заплатить проценты въ Банкъ и не бояться молотка.

Вообще, въ «Опытномъ помѣщикѣ» вы найдете почти столько же умныхъ анекдотовъ, сколько полезныхъ наставленій.

НАЧАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ ВЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ МУЗЫКѢ, *изданныя* Ѳ. Дробишемъ, *для казенныхъ заведеній. СПбургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1836, въ-8., 35 стр., съ тремя литографированными таблицами.*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вообще, нѣтъ ничего новаго въ политическомъ свѣтѣ. Всѣ народы живутъ въ мирѣ и согласіи. Прочія извѣстія — самыя пустыя. Африканскій король Ашантіевъ, говорятъ, объявилъ войну Англіи, и уже открылъ кампанію. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ исходѣ весны, тоже выступаетъ на поле брани. Мы забыли сообщить нашимъ читателямъ объ одномъ событіи: Александръ Сергѣевичъ хочетъ умножить средства къ наслажденію читающей публики родомъ бранно-періодическаго альманаха, подъ заглавіемъ «Современникъ», котораго будетъ выходить четыре книжки въ годъ, или родомъ журнала, котораго каждые три мѣсяца будетъ являться по одной книжкѣ. И еще — этотъ журналъ, или этотъ альманахъ, учреждается нарочно противъ «Библіотеки для Чтенія», съ явнымъ и открытымъ намѣреніемъ — при помощи Божіей уничтожить ее въ прахъ. Что тутъ таиться! Угрозы раздались уже въ нашихъ ушахъ: и вотъ мы сами добродушно спѣшимъ извѣстить публику, что на насъ готовится туча. О вы, которые читаете *разные* Русскіе журналы, скажите намъ по милости, который это уже журналъ возникаетъ съ этимъ благимъ намѣреніемъ? Четвертый, кажется? Или пятый?.... Мы, право, не знаемъ: признаться сказать — не одного изъ нихъ не читали! Скажите, что съ ними дѣлается? Каковы они? Живы ли, здоровы ли? Какъ имъ везетъ умъ и счастіе? Если они еще не перешли въ вѣчность и пожелаютъ узнать объ нашемъ здоровьѣ, скажите имъ, что Б. для Ч., благодареніе

Русской публикѣ, никогда еще не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи какъ въ нынѣшнемъ году. Это будетъ имъ очень пріятно услышать. Они такъ радуются всегда чужими успѣхами!.....

Читатели наши вѣроятно замѣтили, что Б. для Ч. никогда не говоритъ ни объ одномъ изъ Русскихъ журналовъ въ особенности, если не имѣетъ случая или повода сказать объ немъ чего-нибудь лестнаго, по-крайней-мѣрѣ хорошаго. Б. для Ч. всегда желала и желаетъ отличаться этимъ отъ толпы частныхъ журналовъ, которые, какъ во всякой толпѣ, гремятъ только взаимными упреками и поочередно бранятъ другъ друга. Пока журналъ существуетъ еще только въ программѣ, Б. для Ч. всегда думала, что она можетъ, не заводя съ нимъ распри, сказать свое мнѣніе о томъ, чего можно ожидать отъ будущаго изданія судя по программѣ. Но съ появленія первой его книжки, водворяется глубокое и краснорѣчивое молчаніе. Ни слова объ этомъ журналѣ! — особливо если онъ плохъ и смѣетъ еще браниться. Такимъ же образомъ, пока еще не вышелъ первый нумеръ «Современника», она считаетъ себя въ правѣ, не выходя изъ своихъ обыкновеній, сказать то, что думаетъ о предпріятіи А. С. Пушкина по прочтеніи его программы. Вотъ что она думаетъ. «Современникъ», по своему содержанію и характеру, такъ какъ онъ допускаетъ у себя журнальную полемику, то есть, нападки на своихъ соперниковъ по ремеслу, самъ себѣ назначилъ уже мѣсто въ низшей журналистикѣ,—даже въ самой послѣдней: ни одинъ изъ хорошихъ литературныхъ журналовъ въ Европѣ, — ни одно Review, — ни одинъ Magazine, — даже ни одна изъ Французскихъ Revues, которыя уже почти не принадлежатъ къ высшей журналистикѣ, не входитъ въ споръ съ другимъ журналомъ; для нихъ, другихъ журналовъ какъ-бы не существовало; каждый пишетъ въ своемъ духѣ, излагаетъ свои мнѣнія, и не упоминаетъ ни словомъ о своихъ собратіяхъ, если не можетъ говорить объ нихъ съ похвалою. Это взаимное уваженіе, этотъ тонъ отличной свѣтской вѣжливости къ себѣ равнымъ и даже къ низшимъ, именно и составляютъ особенный признакъ высшей журналистики въ Европейскомъ мірѣ, точно также какъ признакъ высшаго общества въ частномъ свѣтѣ народовъ. Полемика и

брань предоставлены тамъ газетамъ, — журнальной черни; но и тутъ еще есть разряды: газеты нѣсколько получше никогда не вступаютъ въ литературную полемику, и довольствуются только политическою. Намъ весьма непріятно быть въ необходимости толковать такія вещи нашимъ періодическимъ собратіямъ: но что жъ прикажете дѣлать, когда эти понятія еще непроникли въ нашу сырую атмосферу литературную! когда даже примѣръ Б. для Ч. не дѣйствуетъ! Это еще не все. Программа «Современника» вызываетъ у насъ гораздо печальнѣйшее замѣчаніе. Всегда должно сожалѣть, когда поэтическій геній перваго разряда, каковъ Александра Сергѣевича Пушкина, самъ добровольно отрекается отъ своего призванія, и съ священныхъ высотъ Геликона, гдѣ онъ прежде, по счастливому выраженію Проперція, Musarum choris implicuit manus, постепенно нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ болѣе и болѣе блѣдной и безплодной. Это уже—затмѣніе одной изъ славъ народа. Но какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда этотъ геній, рожденный вить безсмертные вѣнки на вершинѣ «зеленаго Геликона», нарвавъ тамъ горсть колючихъ остротъ, бѣжитъ стремглавъ по скату горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы Віоѳянъ, которая обѣщаетъ, за подарокъ, наградить его грубымъ хохотомъ! Берегитесь, неосторожный геній! Послѣдніе слои горы обрывисты, и у самаго подножія Геликона лежитъ Михонское болото. Бездонное болото, наполненное черною грязью! Эта грязь — журнальная полемика; самый низкій и отвратительный родъ прозы, послѣ риѳмованныхъ пасквилей.

Мы сочли бы себя счастливыми, если бы эти замѣчанія могли еще удержать Александра Сергѣевича Пушкина на краю пропасти, въ которую онъ хочетъ броситься. Никто въ свѣтѣ не долженъ быть равнодушенъ, когда дѣло идетъ о спасеніи такого поэтическаго таланта для отечественной литературы, и Александръ Сергѣевичъ самъ, конечно, оцѣнитъ чистоту нашихъ побужденій. Мы бы отдали все въ свѣтѣ, если бъ онъ не сдержалъ своей программы, — если бы онъ выдалъ книжки своего «Севременника» чистыми отъ всякой брани, отъ всякихъ нападокъ на другіе журналы. Не дѣло журналовъ судить другъ о другѣ: ихъ судья—публика. Суди-

те о книгахъ. Излагайте свои теорій, и оставьте другихъ въ покоѣ. Уронить Б. для Ч. нападками очень трудно: единственное средство подкопать ее—сдѣлать лучше; собрать въ фокусѣ своего журнала болѣе познаній, болѣе дарованій и трудолюбія,—что, конечно, очень легко. Будущій издатель «Современника», можетъ, ошибается въ расчетѣ; можетъ, думаетъ онъ придать своему изданію болѣе занимательности войною съ Б. для Ч. Этой войны не будетъ. Б. для Ч. не подберетъ перчатки, — не изъ трусости, но изъ чувства своего достоинства. Она никогда не унизится до отвѣта другимъ журналамъ, и еще менѣе какой-нибудь газетѣ или летучему листку. И зачѣмъ вамъ отвѣчать, друзья? Нелучшій ли вамъ отвѣтъ—молчаніе? Если она, хладнокровно дѣлая свое дѣло, будетъ все молчать, а вы кругомъ ея будете все горячиться, терзать ее, метать грязью въ безмолную, что жъ изъ этого выйдетъ? — она сохранитъ свою важность, а вы потеряете уваженіе публики, какъ потеряли всѣ тѣ изданія, которыхъ страницы запятнаны журнальною бранью, вы будете смѣшны. Однимъ словомъ, слишкомъ смѣшно, слишкомъ неловко было бы со стороны Б. для Ч. защищаться отъ своихъ противниковъ, когда она можетъ, за выходки противъ себя, наказать ихъ оставленіемъ въ безвѣстности. Вообще, не безполезно знать, если ужъ насъ упрекаютъ въ презрѣніи, что презрѣнія у насъ достанетъ для всѣхъ нападокъ, отъ кого бы онѣ ни происходили.

Послѣ этого дружескаго объясненія съ программою, «Современникъ» можетъ быть увѣренъ, что объ немъ никогда болѣе не упомянутъ въ Б. для Ч., а Алесандръ Сергѣевичъ, что первые прекрасные стихи, которые онъ напишетъ, будутъ въ ней похвалены съ восхищеніемъ.

— Мы имѣли удовольствіе получить пробную тетрадь сочиненія, котораго и выпишемъ здѣсь заглавіе: «большой «историческій, миѳологическій, статистическій, «географическій и литературный словарь россій-«скаго государства, съ изложеніемъ статей договорныхъ; «съ описаніемъ нравовъ, обычаевъ и повѣрій; съ исчисле-«ніемъ по хронологическому порядку всѣхъ необыкновен-«ныхъ случаевъ, произходившихъ на Русской землѣ; съ при-

«бавленіемъ родословныхъ великокняжескихъ, Царскихъ, «Императорскихъ; именъ урочищъ, рѣкъ, озеръ, про-«славившихся въ Исторіи; лѣтописи торговли, искусствъ «и мануфактуръ, — составленъ *Николаемъ Маркевичемъ.* «Москва, 1836, въ-4.» Почти невѣроятно, однако утѣшительно, подумать, что этотъ огромный трудъ могъ быть предпринятъ и выполненъ однимъ человѣкомъ, и еще живущимъ въ своей деревнѣ въ глубинѣ Малороссіи. Съ того начать, что отъ буквы А до буквъ АЛЬМ, которыми оканчивается первый томъ «Энциклопедическаго Лексикона», словарь Г. Маркевича представляетъ пять сотъ статей относительно Россіи болѣе противъ Лексикона. Можно дать довольно точное понятіе объ его существѣ, сказавъ, что это исторія и статистика Россіи, всѣ ея лѣтописи и всѣ собранія мѣстныхъ свѣдѣній, расположенныя по алфавитному порядку, съ повѣркою лѣтописцевъ и писателей однихъ другими и съ тщательнымъ сличеніемъ разногласныхъ свидѣтельствъ. Авторъ напечаталъ первую тетрадь своего словаря съ тѣмъ, чтобы услышать мнѣніе публики и получить совѣты. Что касается до насъ, то мы не можемъ дать ему лучшаго совѣта, какъ приглашая продолжать печатаніе этого полезнаго творенія, которое принесетъ ему истинную честь и заслужитъ общую благодарность. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ любители отечественной исторіи откликнутся на его вызовъ и пособятъ ему усовершенствовать свой трудъ дополненіями и поправками, которыя покажутся имъ нужными.

— Читателямъ нашимъ извѣстно уже по газетамъ объ учрежденіи въ Петербургѣ Императорскаго Училища Правовѣденія. Это чрезвычайно важное событіе для нашего гражданскаго устройства конечно возбудило въ нихъ, вмѣстѣ съ живѣйшею признательностью къ великодушному основателю, желаніе оцѣнить тѣ послѣдствія, какія оно будетъ имѣть для блага отечества. Чтобы доставить имъ всѣ средства къ этому, мы приведемъ здѣсь прекрасную рѣчь Г. профессора Штекгардта, произнесенную при открытіи первой юридической лекціи въ Училищѣ.

«Не безъ сердечнаго восторга явился я сегодня посреди васъ, юные друзья мои: на меня возложена обязанность на-

править еще колеблющіяся стопы ваши къ тому храму, котораго жрецами предопредѣлено вамъ сдѣлаться современемъ! Я долженъ устремить ваши взоры на обширное царство законовѣдѣнія и правосудія; долженъ показать вамъ всю важность священнаго вашего призванія, — обязанность чрезвычайно важная, по словамъ самого Свѣтлѣйшаго основателя заведенія, которое явилось для Россіи какъ-бы по манію генія, пекущагося о благѣ человѣчества. Да! будущее назначеніе ваше священно и такъ близко къ самой высшей цѣли, какая только доступна для человѣка, что сама божественная Религія говоритъ о правосудіи, какъ о величайшей изъ добродѣтелей. Да будетъ позволено мнѣ, при началѣ первой юридической лекціи, сдѣлать краткое обозрѣніе и того назначенія и той высокой цѣли, для которыхъ вы здѣсь собрались.

«Назначеніе законовѣдцевъ, въ особенности тѣхъ, которые въ званіи судей должны исполнять законы, составляетъ опору нравственнаго благосостоянія каждаго государства. Сколько вѣковъ протекло съ того времени, какъ премудрый Соломонъ сказалъ, что «Царь возвеличиваетъ законами свое государство!» Мудрый Монархъ нашъ, постигнувъ высокій смыслъ этой истины, даровалъ намъ постоянные, систематически расположенные законы, и тѣмъ возвысилъ и предуготовилъ будущее благо своего народа. Эти благіе законы должны быть препоручены рукамъ истинно образованныхъ и совѣстливыхъ судей и правовѣдцевъ, которые бы умѣли ихъ осуществить, привесть ихъ въ дѣйствіе, поддерживать ихъ силу, и какъ неприкосновенную святыню передать ихъ грядущимъ поколѣніямъ. И эта великая обязанность относится въ особенности къ вамъ. На васъ вскорѣ будетъ взирать Россія какъ на споспѣшествователей къ ея нравственному благосостоянію строжайшимъ, добросовѣстнѣйшимъ и точнѣйшимъ исполненіемъ законовъ; какъ на виновниковъ возвышенія самой нравственности государства и народа. Ваше назначеніе — посредствомъ жизни безукоризненной, посредствомъ непреклонной честности, и справедливости, ни какою цѣною неподкупимой, подавить и уничтожить семя порчи нравовъ и воздвигнуть памятникъ примѣра другимъ. Эта сторона вашего предназначенія соотвѣтствуетъ исполненному глубокаго смысла изреченію — honeste vivere

древнихъ Римскихъ законовѣдцевъ, которые поставляли его основнымъ закономъ Права и требовали исполненія его отъ каждаго жреца правосудія болѣе нежели отъ всякаго другаго гражданина. Еще вашимъ назначеніемъ, юные друзья мои, будетъ — давать законамъ самое приличное, самое вѣрное и совѣстливое примѣненіе въ судѣ; защищать, поддерживать и сохранять принадлежащія каждому права. Отъ васъ потребуетъ отечество, чтобы вы, съ свѣтильникомъ истиннаго законовѣдѣнія въ одной рукѣ и съ мечемъ правосудія въ другой, обличали и уничтожали вредный обществу обманъ и коварную ябеду; чтобы вы представляли на праведный судъ законовъ укрывающееся отъ наказанія преступленіе; чтобы вы оскорбленную и оклеветанную невинность ограждали щитомъ истины и оправдывали; чтобы вы не только каждому гражданину предоставляли его права, но и указывали ему ихъ, и такимъ образомъ содѣйствовали къ достиженію истинной цѣли законодательства. Эта вторая часть вашего назначенія, важнѣйшая изъ всѣхъ, столько же просто сколько точно выражена во второмъ главномъ законѣ Римскихъ законовѣдцевъ — jus suum cuique tribuere. Мы видимъ еще и въ наше время, что Suum cuique, въ которомъ заключается вся цѣль правосудія и о которомъ часто говоритъ само Священное Писаніе, служитъ девизомъ одному изъ важнѣйшихъ и образованнѣйшихъ государствъ Германіи. Наконецъ предназначеніе ваше — какъ-можно болѣе способствовать въ кругу своихъ дѣйствій къ сохраненію общественной безопасности и порядка, стараться, чтобы ни какой гражданинъ не вредилъ другому, не нарушалъ правъ другаго, самимъ остерегаться причинить кому-нибудь обиду по незнанію, недоразумѣнію или по слѣпой, неумѣренной ревности при отправленіи своей должности. Эта третья сторона вашего назначенія соотвѣтствуетъ третьему основному началу Римскаго права — neminem lædere, въ которомъ заключаются всѣ задачи права, опредѣляющаго отношенія частныхъ лицъ между собою, залогъ общественной безопасности, спокойствія и благосостоянія. Теперь вы видите, юные друзья мои, какое высокое, какое священное призваніе васъ ожидаетъ! Но вы видите также какой высокой степени нравственности и просвѣщенія требуетъ оно отъ васъ.

Совершенно выполнить это требованіе — есть цѣль вашего здѣсь пребыванія. Какая благородная, возвышенная, прекрасная цѣль! Старайтесь вполнѣ постигнуть ее, безпрестанно содержать въ своей памяти, вѣрно къ ней стремиться, для нея образовать себя. На какую высокую степень поставлены вы въ вашемъ отечествѣ черезъ это предназначеніе, черезъ тѣ надежды, которыя имѣетъ на васъ цѣлое государство, ясно видѣть можно уже изъ того, что доселѣ у насъ не существовало заведенія для приличнаго, не только теоретическаго, или ученаго, но даже практическаго, образованія истинныхъ правовѣдцевъ, и что мы въ васъ надѣемся видѣть современемъ первыхъ нашихъ судей, образованныхъ истинно систематически и практически для своего званія. Если справедливы слова одного геніальнаго поэта, что великая цѣль дѣлаетъ самого человѣка великимъ, то вы должны чувствовать себя предопредѣленными произвесть нѣчто необыкновенное. Идите же на святой подвигъ съ восторгомъ чистимъ и постояннымъ, съ сердечною охотою и любовію, безъ которыхъ нельзя произвесть ничего хорошаго; съ священными чувствами благодарности къ правдивому Монарху, къ глубокочтимому основателю этого училища и къ любезному отечеству; наконецъ съ полною довѣренностью къ наставникамъ, которые должны приготовить васъ къ вашему высокому призванію: тогда приготовленіе ваше будетъ вамъ не тягостнымъ трудомъ, но отраднымъ удовольствіемъ. Вступайте въ храмъ Правосудія съ чистыми мыслями, чистымъ сердцемъ и чистою волею. Десница Всевышняго довершитъ остальное!»

— Б. для Ч. слѣдующую свою книжку украситъ повѣстью М. Н. Загоскина. Въ іюньской книжкѣ будетъ напечатано большое сочиненіе А. А. Марлинскаго, подъ заглавіемъ «Мулла Нуръ».

=

VII.

СМѢСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Новый уставъ Академіи.* Осьмаго января Высочайше утвержденъ новый уставъ, которымъ опредѣлена цѣль этого ученаго учрежденія съ большею точностью противъ прежняго и значительно расширенъ кругъ его дѣйствій. Мы приведемъ мѣста, которыя относятся къ главнѣйшимъ его обязанностямъ. «Академія Наукъ есть первенствующее ученое сословіе въ Россійской Имперіи, и старается расширять предѣлы всякаго рода полезныхъ человѣчеству знаній, совершенствуя ихъ и обогащая новыми открытіями. Она имѣетъ попеченіе о распространеніи просвѣщенія вообще и о направленіи его къ благу общему. Она должна приспособлять полезныя теоріи и слѣдствія опытовъ и ученыхъ *къ практическому употребленію.* Академія обязана обращать труды свои къ непосредственной пользѣ Россіи, распространяя познанія объ естественныхъ произведеніяхъ Имперіи, и изыскивая средства къ умноженію такихъ произведеній, которыя составляютъ предметъ народной промышленности и торговли, и къ усовершенствованію фабрикъ, мануфактуръ, ремеслъ и художествъ. Она разрѣшаетъ ученые споры и сомнѣнія, и вопросы мѣстъ и лицъ, которымъ нужно будетъ ея мнѣніе; разсматриваетъ всѣ машины и открытія, представляемыя и присылаемыя ей для изслѣдованія; обязана доводить до свѣдѣнія Правительства всякое открытіе, сдѣланное ея членомъ или иностраннымъ ученымъ, и котораго приспособленіе къ практикѣ можетъ быть полезно съ какой-либо стороны, или для охраненія здоровья жителей, или для усовершенствованія промышленности, искусствъ, фабрикъ, торговли, мореплаванія, и прочая; въ подобныхъ случаяхъ она обращается прямо въ то мѣсто, которое мо-

жетъ непосредственно сдѣлать употребленіе изъ такого открытія. Академія можетъ входить во все касающееся до просвѣщенія.»

Академія состоитъ изъ двадцати одного ординарнаго академика и десяти адъюнктовъ. При равныхъ достоинствахъ кандидатовъ на академическое кресло, предпочтеніе отдается Рускому ученому. Но если Академія имѣетъ случай принять въ свои сотрудники ученаго, пріобрѣтшаго особенную славу отличными достоинствами, въ такомъ случаѣ позволяется ей избрать его въ ординарные академики, хотя бы не было ваканціи. Равнымъ образомъ она можетъ принять въ число ординарныхъ членовъ ученаго, упражняющагося въ наукѣ, не положенной по ея штату, если найдетъ выгоднымъ присоединить эту науку къ предметамъ обыкновенныхъ своихъ занятій. На содержаніе Академіи отпускается ежегодно двѣсти тридцать девять тысячъ рублей ассигнаціями.

2. *Собраніе Восточныхъ книгъ и рукописей.* Академія умножила свою восточную библіотеку новымъ, богатымъ собраніемъ манускриптовъ, которымъ она обязана щедротамъ Его Императорскаго Величества. Это собраніе куплено было для факультета восточныхъ языковъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ предполагали учредить при здѣшнемъ университетѣ. Азіятскій Музеумъ академіи пріобрѣлъ такимъ образомъ все (первое) собраніе барона Шиллинга, именно, 223 творенія, карты и планы Маньджурскіе и Китайскіе; 34 творенія Японскія, 39 Тибетскихъ и Монгольскихъ, и 8 Индѣйскихъ; собраніе Индѣйскихъ книгъ полковника Стюарта, купленное въ Лондонѣ по его смерти, и въ которомъ находятся, подъ 73 нумерами, сочиненія почти всѣхъ главнѣйшихъ отраслей Санскритской литературы; и наконецъ собраніе Монгольскихъ и Тибетскихъ книгъ архимандрита Петра (Каменскаго), которое, съ прежними пріобрѣтеніями Академіи и съ драгоцѣннымъ собраніемъ барона Шиллинга, представляетъ такой запасъ по части литературъ восточной Азіи, какого конечно нѣтъ ни въ одной Европейской столицѣ, исключая, быть-можетъ, Парижа, гдѣ несмѣтныя умственныя богатства Востока нынче вдругъ пріумножились великолѣпнымъ вторымъ собраніемъ барона

Шиллинга (см. Парижская Академія Наукъ). Остается только желать, чтобы въ Россіи образовалось довольно оріенталистовъ для употребленія этихъ сокровищъ. Академія пріобрѣла по Восточной части новаго сотрудника въ лицѣ Г. Ленца, который назначенъ адъюнктомъ для Санскритской литературы.

3. Надпись на желѣзныхъ воротахъ въ Гелати, въ Имеретіи. Желѣзныя ворота съ куфическою надписью, находящіяся въ монастырѣ Гелати, древней столицы Имеретіи, возбуждали любопытство многихъ путешественниковъ, — Гг. Эйхвальда, Роттіе, Гамбы, Бартенева, — и составляютъ предметъ различныхъ преданій между туземцами. Это еще одни историческія двери, какъ Софійскія врата въ Новѣгородѣ, извѣстныя подъ именемъ Корсунскихъ; какъ Анкирскія, которыя халифъ Мустафимъ перевезъ изъ Ангоры въ Багдадъ, или какъ Гератскія, перенесенныя Тамерланомъ въ Кешъ. Г. Френъ читалъ въ одномъ засѣданіи Академіи весьма ученую и любопытную записку объ этихъ Гелатійскихъ вратахъ. Мѣстныя преданія и Грузинскія лѣтописи утверждаютъ, что онѣ перенесены сюда изъ Дербенда по повелѣнію Давида III Возстановителя, втораго царя изъ династіи Багратидовъ и одного изъ Грузинскихъ героевъ, который въ началѣ XII вѣка сбросилъ съ себя иго Сельджуковъ, покорилъ много областей, овладѣлъ на короткое время Ширваномъ и Дербендомъ, основалъ Гелати, обстроилъ многія крѣпости и города, и былъ освободителемъ своего отечества. Царь Давидъ принесъ эти ворота въ новую свою столицу въ видѣ трофея, однако не изъ Дербенда, а изъ Аррана (Карабага), какъ весьма основательно доказываетъ это ученый академикъ. Г. Френъ, съ тою превосходною проницательностью и вѣрною критикою, которыя отличаютъ всѣ его изслѣдованія надъ древними Арабскими надписями, разобралъ, помощію двухъ доставленныхъ ему списковъ, куфическія письмена Гелатійскаго памятника, которыя такъ сильно занимали путешественниковъ и кажутся чѣмъ-то таинственнымъ, и даже волшебнымъ, невѣжеству туземцевъ. Вотъ переводъ надписи, по возстановленіямъ Г. Френа: «*Во имя Аллаха, милосердаго, милостиваго. Повелѣлъ сдѣлать эти ворота государь эмиръ и свѣтлѣйшій свидѣ,*

Шаверъ, сынъ Фазлевъ, — да упрочитъ Аллахъ власть его навсегда! — подъ руководствомъ улемы Абуль-фараджа Мухаммеда, сына Абдаллахова, — да упрочитъ въ немъ Аллахъ благодать свою навсегда! — а работалъ Ибрагимъ, сынъ Османа, сына Анквейева, кузнецъ, въ году четыреста пятьдесять пятомъ» (гиджры, 1063 отъ Р. Х.). Надпись эта подала Г. Френу поводъ къ весьма занимательному изысканію о государѣ, котораго имя здѣсь упомянуто: Шаверъ, сынъ Фазлевъ, принадлежалъ къ династіи Шеддадидовъ, *Бени-Шеддадъ*, неизвѣстной доселѣ во Всеобщей Исторіи, но которая укрѣпилась около половины X вѣка въ Арранѣ (Карабагѣ) и части Арменіи и Адербаеджана, и владѣла тамъ до 1076 года въ совершенной независимости отъ халифовъ. Ученый академикъ, воспользовавшись любопытною рукописью Шегри-задѐ, которой еще ни одинъ оріентадистъ не имѣлъ случая употреблять въ своихъ изслѣдованіяхъ, сообщаетъ полный списокъ государей этой династіи и нѣсколько подробностей объ ихъ исторіи. Мы должны отослать любопытныхъ къ его запискѣ, вышедшей на дняхъ подъ заглавіемъ — Erklärung der Arabischen Inschrift des eisernen Thorflügels zu Gelathi.

4. *Исторія Золотой Орды.* Многіе безъ-сомнѣнія помнятъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ Академія Наукъ предложила награду за лучшее сочиненіе объ Исторіи хановъ Улуса Джучи, или Золотой Орды. Какъ ни важенъ былъ бы подобный трудъ для Русской исторіи, какъ ни желательно имѣть въ рукахъ такую книгу, но матеріялы для исторіи хановъ Золотой Орды, въ нынѣшнемъ состояніи оріентальныхъ свѣдѣній, еще такъ безплодны и неполны, что, признаемся откровенно, мы, лично, никогда не надѣялись, чтобы кто-нибудь вызвался написать «исторію» Улуса Джучи, — по-крайней-мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово. Въ подобныхъ дѣлахъ всегда весьма пріятно обманываться въ своихъ заключеніяхъ: одинъ (неизвѣстный намъ) ученый дѣйствительно написалъ и прислалъ въ Академію «*Исторію* Восточныхъ Монголовъ въ Кипчакѣ.» Она писана по-Нѣмецки, съ Русскимъ эпиграфомъ; ея заглавіе — Geschichte der Ost-Mongolen in Kiptchak, mit einer Uebersicht von vierhundert Quellen (!) und einem Anhange

von 27 Beilagen. Сочиненіе это такъ пространно, что комиссія, которая назначена была для его разсмотрѣнія и состояла первоначально изъ Гг. Френа и Шмита, понынѣ не окончила своего труда, и академія, въ помощь двумъ знаменитымъ оріенталистамъ, присоединила еще Г. академика Круга.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Древніе перевороты земнаго шара.* Напоминать ли читателямъ, какія смѣлыя и блистательныя теоріи возникли и доселѣ процвѣтаютъ въ ученомъ свѣтѣ по поводу открытія въ Европѣ и Сибири костей слоновъ и мамонтовъ и окаменѣлыхъ пней пальмовыхъ? Чтобы объяснить предпотопное существованіе въ этихъ странахъ нѣсколькихъ видовъ растеній и животныхъ, которыхъ породы принадлежатъ нынче только тропическимъ климатамъ, съ перваго разу не придумали ничего простѣе, какъ предположить паденіе кометъ на землю, замѣшательства въ равновѣсіи ея шара, внезапныя перемѣщенія океановъ и самыхъ полюсовъ, превратившія вдругъ материки въ моря, теплыя страны въ холодныя. Дерзость этихъ теорій не могла не поражать людей болѣе разсудительныхъ, хотя и ослѣпила глаза ученой толпы. Сомнѣнія, правда очень робкія, стали мелькать въ разныхъ пунктахъ. Нѣкоторые ученые изъявили мнѣніе, что можно читать нѣсколько иначе исторію земли, открытую знаменитымъ Кювіе на древнихъ слояхъ нашего шара. Г. Лейелль старался, и довольно успѣшно, объяснить предполагаемый переворотъ въ климатахъ постоянными перемѣнами, которыя безпрерывно хотя непримѣтно совершаются на поверхности нашей планеты, и постепеннымъ перемѣщеніемъ морей и материковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, баронъ Брамбеусъ въ одномъ изъ своихъ «Фантастическихъ путешествій» излилъ на эти теоріи потокъ непочтительныхъ насмѣшекъ, которыя, конечно, не были у насъ понятны, потому что даже его критики горько соболѣзновали о томъ, что онъ смѣется надъ величайшими подвигами ума человѣческаго, — что онъ, *якобы*, смѣется надъ всѣмъ. Съ тѣхъ поръ однако жъ звѣзда блестящихъ теорій относительно великихъ переворотовъ земнаго шара очень померкла, и нынче каждый день уже

приноситъ намъ новыя и сильныя возраженія противъ нея. Мы уже говорили, такимъ образомъ Г. Беббеджъ объясняетъ, посредствомъ движеній внутренней теплоты шара, возвышеніе и пониженіе материковъ: его мысль, кажется, сильно поразила естествоиспытателей своей простотою и вѣроятностью. Что касается до видовъ тропическихъ породъ животныхъ, находимыхъ въ старой почвѣ Европы и Сибири, то можно было бы еще простѣе истолковать это явленіе, предположивъ, что эти виды, по особенному свойству своей природы, могли переносить стужу и удобно жили въ холодныхъ климатахъ, хотя нынѣшніе ихъ собратья любятъ нѣжиться въ жаркомъ поясѣ. Не трудно было бы представить историческія вѣроятности, что напримѣръ верблюды водились за тысячу лѣтъ около нынѣшней Москвы: Венгерцы, которые вышли отсюда, вели съ собою цѣлые обозы этихъ животныхъ. Теперь верблюдъ не выноситъ климата средней Россіи; но это южный верблюдъ, а не та порода, которая была извѣстна у Венгерцевъ и впослѣдствіи перевелась. Баронъ Гумбольтъ пишетъ изъ Франкфурта къ Г-ну Араго, что Г. Рюппель видѣлъ въ Абиссиніи слоновъ и обезьянъ на горныхъ плоскостяхъ по-крайней-мѣрѣ въ девять тысячъ футовъ надъ моремъ. Средняя температура этихъ плоскостей не могла быть выше 11° градусовъ Реомюра, и этимъ фактомъ, говорятъ баронъ Гумбольтъ и Г. Араго, можно бы объяснить, не прибѣгая къ переворотамъ земнаго шара, древнее существованіе этихъ животныхъ въ болѣе сѣверныхъ климатахъ, какъ напримѣръ во Франціи, гдѣ находятъ ихъ остатки. Сверхъ-того, Г. Рюппель видѣлъ градъ въ такихъ краяхъ, гдѣ грозы никогда не бываетъ. Это обстоятельство можетъ быть очень полезно для опроверженія мудреной теоріи образованія градовъ, въ которой до-сихъ-поръ приписывали важную роль электричеству.

Вотъ еще одинъ фактъ, относительно внезапнаго возвышенія материковъ безъ содѣйствія переворотовъ. Г. Араго доноситъ, что на островѣ Св. Маріи земля поднялась въ одномъ мѣстѣ на десять футовъ: всѣ окрестные ручьи перемѣнили направленіе. Это случилось прошедшею осенью.

2. Второе собраніе восточныхъ рукописей барона Шиллинга. Говоря о нашей Академіи Наукъ, мы уже сказа-

ли о первомъ собраніи книгъ и рукописей восточной Азіи, доставшемся этому ученому сословію. Вотъ куда обратилось второе, не менѣе богаче перваго. «Баронъ Шиллингъ, пишутъ изъ Франціи, *подарилъ* Парижской Академіи Наукъ свое собраніе Тибетскихъ и Монгольскихъ книгъ, составленное въ 1830 и 1831 годахъ, во время его путешествія на Китайскую границу. Между ними замѣчательны — одна большая метафизическая компиляція (Ганджуръ?), нѣсколько полиглотныхъ словарей, трактатъ о пяти языкахъ, разныя астрономическія, медицинскія, космологическія сочиненія, не говоря о множествѣ религіозныхъ и философскихъ трактатовъ, которые въ совокупности составляютъ родникъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній объ ученіяхъ Буддистовъ. Всѣ эти книги трудно достать на-мѣстѣ даже за деньги, и Англичане, несмотря на свое могущество въ Индіи, не могли добыть ни одного экземпляра. Творенія эти столько же драгоцѣнны по важности предметовъ, сколько и по любопытству, какое должны внушать умственныя произведенія народовъ, такъ мало извѣстныхъ и такъ худо обсуждаемыхъ. По объявленію барона Шиллинга, эти сочиненія нигдѣ не могли быть помѣщены съ такою пользою для наукъ вообще какъ въ библіотекѣ Французскаго Института.

Баронъ Шиллингъ обращался напередъ въ Королевскую Библіотеку, но, не сойдясь съ ней въ цѣнѣ, рѣшился подарить свое собраніе Парижской Академіи Наукъ.

3. Печи для проплавки желѣзныхъ рудъ. Г. Араго̀ представилъ академіи, отъ имени горнаго инженера, Г-на Ле-Плѐ, записку подъ заглавіемъ — «Опытъ теоріи проплавки желѣзныхъ рудъ въ доменныхъ печахъ и изложеніе нѣсколькихъ новыхъ началъ касательно дѣйствія углерода въ твердомъ состояніи, какъ средства возстанавливающаго и обуглиивающаго». Г. Араго̀ излагаетъ главные результаты открытій Г-на Ле-Плѐ.

«Теорія доменныхъ печей, въ которыхъ желѣзная руда, или окислъ желѣза, превращается въ чугунъ, или въ желѣзо обугленное, до-сихъ-поръ далеко отставала отъ практики. Не только теорія эта не подала мысли ни къ какому улучшенію, но даже она не въ состояніи была объяснить и тѣхъ усовершенствованій, которыя открыты въ недавнемъ времени

ie

изобрѣтательнымъ инстинктомъ практиковъ. Такое несовершенство теоріи зависило отъ большаго пробѣла на страницѣ нашихъ химическихъ знаній. Намъ вовсе не было извѣстно, отъ чего плотный и большой обломокъ желѣзнаго окисла, раскаленный съ углемъ, превращается весь въ металлическое желѣзо, потомъ въ углеродистое, хотя, механически, уголь не могъ имѣть къ нему доступа. Это явленіе, извѣстное подъ именемъ цементованія, происходитъ въ доменныхъ печахъ, гдѣ однако нѣтъ ни какаго весьма близкаго соприкосновенія между углемъ и рудою, или желѣзнымъ окисломъ: какая бы сокровенная причина ни переносила въ руду частицъ тѣла, которое почти не находилось съ ней въ соприкосновеніи, тѣмъ не менѣе было очевидно, что всякое усовершеніе въ обработкѣ доменной печью должно состоять въ лучшемъ управленіи ея дѣйствіемъ. Такъ, чтобъ составить хорошую теорію доменной печи, надлежало открыть эту причину, которая, по сознанію всѣхъ химиковъ, оставалась доселѣ неизвѣстной: это исполнилъ теперь Г. Ле-Плè. Открытіе его подобно тому, которое сдѣлано въ концѣ прошлаго столѣтія касательно окисленія металловъ на воздухѣ; отчего металлъ, напримѣръ олово, теряетъ свое металлическое состояніе, увеличиваясь по вѣсу, — этого не знали до тѣхъ поръ, пока не открыли въ воздухѣ вѣсомаго начала, кислорода, который можетъ соединяться съ металломъ. По мнѣнію Г-на Ле-Плè, цементованіе окисловъ и металловъ вліяніемъ твердаго тѣла, которое съ ними не въ соприкосновеніи, оставалось доселѣ необъяснимымъ только потому, что здѣсь не было замѣчено неизбѣжное присутствіе одного газовиднаго тѣла, которое однако жъ имѣетъ при этомъ непосредственное вліяніе. Главная заслуга труда Г. Ле-Плè состоитъ въ томъ, что онъ знакомитъ насъ съ двумя фактами, повидимому вовсе неизвѣстными (??) въ Химіи, — во-первыхъ, что углеродная окись необходимо входитъ во всѣ явленія цементованія углемъ; во-вторыхъ, что этотъ газъ имѣетъ свойство производить всѣ тѣ химическія противодѣйствія, которыя приписывались до-сихъ-поръ углероду въ твердомъ состояніи.»

По этимъ началамъ Г. Ле-Плè доказываетъ безъ всякихъ затрудненій, что металлургическія рабочія, гдѣ углеродъ употребляется въ качествѣ противу дѣйствующаго, и особен-

но желѣзо-плавильныя печи, суть только машины для дѣйствованія на руду теплотою и углероднымъ окисломъ. Съ этой совершенно новой точки зрѣнія легко усмотрѣть, что начало существенныхъ улучшеній, которыхъ требуютъ доменныя печи, состоитъ въ томъ, чтобъ успѣшнѣе передавать рудѣ вліяніе этихъ двухъ дѣятелей, и что всѣ усовершенія, введенныя съ недавняго времени, суть только недостаточныя средства къ достиженію цѣли, указыванной новою теоріей.

4. *Новое вещество въ минеральныхъ водахъ.* Г. Тюрпенъ читалъ записку о «барежинѣ», новомъ веществѣ, которое найдено Г. Лоншаномъ (Lonchamp) въ Барежскихъ сѣрно-теплыхъ водахъ, и о томъ, которое Г. Робикѐ открылъ въ теплыхъ водахъ Нериссскихъ.

«Первое, говоритъ этотъ ученый, которое одно можетъ покамѣстъ сохранить названіе барежины, состоитъ въ студенистомъ, прозрачномъ, почти безцвѣтномъ веществѣ; въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда видимой организаціи; это — слизистое скопленіе, образовавшееся отдѣленіемъ множества частицъ, которыя большею частію произошли отъ разложенія растеній и животныхъ, особенно наливочныхъ; это *хаосъ* организованнаго царства, изъ котораго всякое существо непосредственно или посредственно почерпаетъ свою пищу и съ которымъ оно потомъ опять соединяется. Второе вещество, барежина Г. Робикѐ, есть растеніе хорошо организованное и очень извѣстное подъ именемъ nortochia thermalis.»

ДЫХАТЕЛЬНЫЙ СНАРЯДЪ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ. Г. Меди (Mudie), отличный Англійскій естествоиспытатель, котораго не должно смѣшивать съ Г. Moodie, предпринялъ и продолжаетъ съ успѣхомъ весьма полѣзный трудъ, вполнѣ заслуживающій подражанія и въ нашемъ отечествѣ: это рядъ сочиненій по части естественныхъ наукъ, предназначенный для такихъ читателей, которые не имѣли случая заниматься, во время своего воспитанія, правильнымъ изученіемъ природы. Одно изъ этихъ любопытныхъ и дешевыхъ сочиненій посвящено «Небу», другое «Землѣ», третье «Воздуху». Чтобы познакомить нашихъ читателей со способомъ изложенія автора, и нѣкоторыхъ съ самымъ предметомъ, мы заимствуемъ изъ новѣйшаго творенія Г-на Меди описаніе дыха-

тельныхъ органовъ. А сверхъ-того, весьма желательно, чтобы и сочинители этого рода статей для «Энциклопедическаго Лексикона» писали ихъ именно такимъ образомъ, какъ Г. Меди.

Извѣстно, что всѣ теплокровныя животныя дышатъ посредствомъ снаряда, называемаго легкими; извѣстно также, что легкія состоятъ изъ множества ячеекъ, образующихъ маленькія трубочки, которыя въ свою очередь образуютъ главный каналъ, называемый дыхательнымъ горломъ, и что перегородки ячеекъ сдѣланы изъ сѣти весьма тонкихъ, и, въ здоровомъ состояніи, почти непримѣтныхъ, кровяныхъ сосудовъ.

«Артеріи, говоритъ авторъ, которыя проводятъ кровь въ легкіи, начинаются въ легочномъ желудочкѣ сердца, или въ полости, которая по обыкновенному положенію своему въ человѣкѣ есть правая. Эта кровь приходитъ въ желудочекъ изъ праваго ушка сердца. Вены, соединенныя подобно артеріямъ своими тонкими, волосковатыми, чуть примѣтными оконечностями, проводятъ кровь назадъ въ лѣвое ушко; отсюда она идетъ въ лѣвый желудочекъ и сжатіемъ его выгоняется въ артеріи, а посредствомъ ихъ разливается по всему тѣлу. Такимъ образомъ въ человѣкѣ и во всѣхъ теплокровныхъ животныхъ, которыхъ мы привыкли называть совершеннѣйшими, происходитъ двоякое біеніе сердца: одно понуждаетъ кровь въ легкія, гдѣ она растворяется воздухомъ; другое выгоняетъ ее послѣ этой переработки изъ легкихъ, и распространяетъ по всему тѣлу для возбужденія и питанія животнаго состава.

«Оконечности артерій и начала венъ въ легкихъ такъ безконечно тонки, что даже микроскопическое наблюденіе не можетъ слѣдовать за ними вездѣ, и кровяные шарики становятся здѣсь мелкими до такой степени, что, въ числѣ восьми тычячъ милліоновъ, они составили бы не болѣе одного дюйма толщи. Это дивное утонченіе частицъ крови однако жъ не крайнее, какъ напримѣръ то, которое мы подразумѣваемъ, говоря объ атомахъ или даже о первоначальномъ образованіи облака въ атмосферѣ; потому что кровяные шарики содержатъ въ себѣ не только всѣ стихійныя начала, необходимыя въ подсторье животному организму, но кромѣ того и тѣ осадки жизни, для отдѣленія которыхъ

устроено дыханіе. Надобно вникнуть въ высокую утонченность этого процесса, безъ котораго ни какое животное не можетъ пробыть одного мгновенія: если кровь не пройдетъ черезъ этотъ мудрый снарядъ, она будетъ источникомъ смерти, а не жизни. Кровь, которая приходитъ черезъ полыя вены, или большія кровоовозвратныя жилы, не только уноситъ съ собою все, негодное для жизненнаго потребленія, — и что въ противномъ случаѣ причинило бы гнилость, столько же пагубную какъ самая смертоносная зараза, — но немного прежде достиженія до сердца она еще принимаетъ въ себя массу питательнаго сока, приготовленнаго разными процессами пищеваренія. Слѣдственно эта кровь, такъ сказать — въ трубомъ состояніи; часть ея конечно совершенно здорова, но съ нею смѣшанъ во-первыхъ хламъ, негодный для жизненнаго потребленія; во-вторыхъ новый запасъ отъ пищи, который еще не совсѣмъ приготовленъ. Эти три составныя части текутъ въ легкія черной струею, и только по раствореніи ихъ живительнымъ началомъ воздуха принимаютъ тотъ алый цвѣтъ, который сквозитъ въ лицѣ и рдѣетъ на губахъ, когда человѣкъ пользуется свѣжестью силъ и здоровьемъ.

«Здѣсь открывается передъ нами явленіе, невыразимое по своей чудесности: при каждомъ ударѣ сердца, при каждомъ движеніи ноздри мы какъ-будто касаемся предѣла совершеннаго ничтожества. Въ этихъ нѣжныхъ сосудцахъ нѣтъ ни одной скважины, въ которую прошла бы даже милліонная часть тончайшаго волоса. Собственная оболочка ихъ такъ тонка, что быть-можетъ десять тысячъ такихъ пластинокъ не составили бы толщины самой тонкой бумаги, и однако жъ они такъ же непроницаемы, такъ же безскважны, какъ крѣпчайшая мѣдная стѣна. Эта волшебная броня охраняетъ и поддерживаетъ жизнь человѣка и всякой дышащей твари въ каждый мигъ ихъ существованія, и охраняетъ такъ надежно и такъ сильно, что дѣлаетъ ихъ способными къ самымъ напряженнымъ дѣйствіямъ: посредствомъ этой тонкой сѣточки конь и собака мчатся стрѣлою, орелъ разсѣкаетъ облака, левъ и тигръ кидаются на свою добычу, человѣкъ совершаетъ всѣ тѣ отправленія и обнаруживаетъ ту тѣсную связь между тѣломъ и душою, которыя дѣлаютъ

его владыкою творенія. Разсматривая эту часть животнаго организма, нельзя не подумать о Создателѣ. Здѣсь, на самомъ краю ничтожества, въ самомъ нѣжномъ, въ самомъ утонченномъ своемъ обликѣ, жизнь обезпечена какъ-бы гранитными стѣнами, и почти безконечно малые шарики, о которыхъ мы упоминали, такъ же сохранны здѣсь, подъ рукою Всемогущаго, какъ и тѣ огромныя толщи, которыя вращаются въ небѣ знаменьями чудесъ матеріяльнаго величія.

«Но, какъ ни утонченно устройство дыхательнаго снаряда, кровь становится годною для жизненнаго потребленія только тогда, когда каждая ея частица пройдетъ сквозь чащу этого удивительнаго сита, — удивительнаго до такой степени, что нѣтъ возможности рѣшить, соединены ли въ легкихъ артеріи съ венами безпрерывнымъ продолженіемъ своихъ трубочекъ, или есть между ними какая-нибудь тайная преграда, за которою кровь разлагается, такъ, что проходитъ сквозь нее въ видѣ газа, или газовъ, оставляя всѣ нечистоты по ту сторону и выходя съ другой въ совершенно чистомъ и здоровомъ состояніи. Въ этомъ мы никогда не удостовѣримся: хотя ревностные наблюдатели успѣли подстеречь теченіе крови изъ артеріи въ вену у нѣкоторыхъ животныхъ съ медленнымъ кровообращеніемъ, напримѣръ у лягушки, но животныя, надъ которыми были дѣланы эти наблюденія, одарены несовершеннымъ дыханіемъ и организмъ ихъ можетъ оставаться и, вообще, остается по нѣкольку мѣсяцевъ въ году безъ всякаго біенія и дыханія. Въ животныхъ, обладающихъ болѣе сильной жизнію, этотъ снарядъ устроенъ такъ утонченно, что мы не можемъ изучать его, когда онъ въ дѣйствіи; а когда смерть положитъ конецъ этому движенію, по-видимому одно изъ ея явленій заключается въ разрывѣ таинственной связи между артеріями и венами, отъ которой такъ непосредственно зависитъ вся жизнь.»

ВОЗРАСТАНІЕ ЧИСЛА НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ. Ученый Гейдельбергскій профессоръ Миттермайеръ издалъ недавно свои изслѣдованія по этой важной отрасли статистики, и такъ какъ въ нихъ есть нѣсколько любопытныхъ сближеній, которыя, сверхъ общей зани-

мательности, могутъ служить руководствомъ и при собираніи статистическихъ свѣдѣній о Россіи, мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ ихъ перечень.

«Сравнивая вѣдомости разныхъ державъ Германскаго Союза, говоритъ авторъ, мы вездѣ замѣчаемъ страшное возрастаніе числа незаконнорожденныхъ. Въ Баваріи, съ 1824–25 по 1829–30, родилось 670,543 законныхъ и 164,715 незаконныхъ ребенка. Оффиціальные документы удостовѣряютъ, что въ одномъ Мюнхенѣ, съ 1824 по 1833, число законныхъ рожденій простиралось до 14,831, а незаконныхъ до 12,219.

«Въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ, съ 1806 по 1815, незаконнорожденныхъ было 34,993, а съ 1820 по 1830, – 58,678; слѣдственно въ десять лѣтъ число ихъ возрасло 23,685.»

Припомнимъ, что вся населенность Бадена составляетъ не болѣе милліона двухъ сотъ тысячъ.

«Однако жъ число незаконнорожденныхъ, говоритъ далѣе Г. Миттермайеръ, не всегда можетъ служить вѣрнымъ признакомъ безнравственности: ссылаюсь на свидѣтельство врачей, пасторовъ и полицейскихъ чиновниковъ, что въ иныхъ краяхъ утонченность разврата позволяетъ себѣ предупреждать беременность или ищетъ такихъ средствъ, отъ которыхъ нечего бояться подобныхъ слѣдствій. Впрочемъ и не входя въ такія разсмотрѣнія, можно объяснить себѣ разность, замѣченную въ послѣднее десяти-лѣтіе, современными обстоятельствами. Въ продолженіе войнъ, которыми начался нашъ вѣкъ, молодые люди были удалены отъ родины; теперь они всѣ на-мѣстѣ.

«Вопросъ о причинахъ умноженія незаконнорожденныхъ естественнымъ образомъ приводитъ къ другому о воспитательныхъ домахъ. Уже Бенуатонъ де-Шатонёфъ и потомъ Г. Дегуровъ указывали на всю важность этихъ заведеній. И въ самомъ дѣлѣ, они заслуживаютъ особеннаго вниманія относительно къ умноженію незаконнорожденныхъ къ дѣтской смертности, вообще, и наконецъ къ увеличенію или уменьшенію числа дѣтоубійствъ, въ особенности. Возрастающая прогрессія покидышей очень примѣчательна: напримѣръ въ Ліонѣ, заведенія этого рода приняли въ 1808 году три тысячи воспитанниковъ, а въ 1828 девять тысячь.

Всего удивительнѣе—содержаніе числа покидышей въ иныхъ странахъ, имѣющихъ воспитательные домы, къ числу ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ подобныхъ заведеній. Такимъ образомъ въ Бельгійскихъ провинціяхъ, Брабантѣ, Восточной Фландріи, Генегау, Антверпенѣ, Намурѣ, или Наменѣ, гдѣ существуютъ воспитательные домы, въ теченіе десяти лѣтъ принято 7,800 дѣтей, то есть по 1 на каждыхъ 224 жителей; а въ провинціяхъ Литтихѣ, Западной Фландріи и Лимбургѣ, гдѣ воспитательныхъ домовъ нѣтъ, покидышей было всего 840, то есть, по 1 на 1952 жителя.

«Но, говоря о воспительныхъ домахъ, должно разсмотрѣть и то обстоятельство, содѣйствуютъ ли они тамъ къ уменьшенію или къ увеличенію числа дѣтоубійствъ. Первое обыкновенно считается правдоподобнѣйшимъ, но опытъ говоритъ напротивъ. Во Франціи статистическія вѣдомости преступленій показываютъ по 1 дѣтоубійству на 289 тысячь жителей, въ Бельгіи по 1 на 600 тысячь, а между-тѣмъ во Франціи гораздо больше воспитательныхъ домовъ чѣмъ въ Бельгіи. Сравнимъ теперь число дѣтоубійствъ въ четырехъ Бельгійскихъ провинціяхъ, гдѣ есть такія заведенія, напримѣръ въ Брабантѣ и въ Востонной Фландріи, съ числомъ обвиненій тамъ, гдѣ воспитательные домы не существуютъ: мы найдемъ для первыхъ 1 дѣтоубійство на 109,942 жителя; для вторыхъ, 1 на 136 тысячъ».

Г. Миттермайеръ доказываетъ также, основываясь на опытѣ, что строгія мѣры законодательства отнюдь не содѣйствуютъ къ ограниченію числа незаконнорожденныхъ, а только умножаютъ дѣтоубійства. Въ Виртембергѣ, гдѣ существуютъ такія мѣры, въ 1832 году было, по показанію Меммингера, 22 дѣтоубійства, то есть по 1 на 125 тысячь жителей, что составляетъ слишкомъ вдвое чѣмъ во Франціи, гдѣ гражданское уложеніе не допускаетъ противъ незаконнаго отца ни какихъ преслѣдованій.

НАБЛЮДЕНІЯ СЛѢПЦА ВЪ КИТАѢ. Наконецъ вышелъ четвертый и послѣдній томъ путешествія Г. Гольмана, — путешествія замѣчательнаго и по содержанію, и потому что оно совершено и описано слѣпцомъ. Мы уже дали нѣсколько любопытныхъ выписокъ изъ предъидущихъ частей творе-

нія Г. Гольмана; въ четвертой, особенно заслуживаетъ вниманія то что онъ видѣлъ, зажмуривъ глаза, въ Китаѣ.

«Можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о строгости Китайскихъ правителей, говоритъ Г. Гольманъ, по той милости, какую нынѣшній государь благоволилъ оказать своему меньшому брату, Тянь-Цину, дозволивъ ему «прогуливаться во внутренности дворца». Доказательствомъ его особенной снисходительности служитъ еще то, что когда дядѣ его исполнилось восемьдесять четыре года, онъ разрѣшилъ ему не становиться передъ нимъ на колѣни. Корейскій посланникъ также удостоился отъ него самаго лестнаго пріема: императоръ вручилъ ему талисманныя дощечки, на которыхъ его собственной рукою написаны были слова «Благополучіе» и «Долгоденствіе». При всей ихъ дешевизнѣ, эти милости въ величайшемъ уваженіи. Фу-юнъ, или вице-губернаторъ Кантонскій (deputy governor of Canton), получилъ такимъ же образомъ слово «Счастіе», но съ присовокупленіемъ болѣе существеннаго подарка, — одной штуки дичи. Домъ городскаго общества (public holl) отворился для принятія этого подарка, и обрядъ челобитія совершенъ былъ въ благодарность за чрезмѣрное снисхожденіе того, чье владычество простерто надъ тремя стами милліоновъ подданныхъ. Престарѣлый чиновникъ Вань-цинъ, достигнувъ восьмидесятаго года на службѣ своего повелителя, написалъ къ нему благодарственное письмо, въ которомъ приписывалъ ему всѣ божескія свойства: ему отвѣчали — *Чи дао му*, то есть, «Мы это знаемъ». Такой лаконическій отвѣтъ сопровождался однако жъ другими, болѣе убѣдительными, знаками вниманія его Богдоханскаго величества.

«Когда императоръ показывается на Пекинскихъ улицахъ, ихъ обвѣшиваютъ съ обѣихъ сторонъ занавѣсками и шпалерами, чтобъ люди низкаго званія не глазѣли на «Сына неба», *Тянь дзы*, и отнюдь не имѣли дерзости приближаться къ его особѣ. Если онъ отправляется изъ одной части поднебесной имперіи въ другую, принимаются всѣ мѣры для удержанія низшихъ сословій въ почтительномъ разстояніи, потому что есть такіе смѣльчаки, которые пользуются иногда случаемъ и приносятъ Сыну неба жалобы на утѣсненія, отъ которыхъ не нашли себѣ защиты у законныхъ властей.»

Нравственность Кантонскихъ жителей представлена Г. Гольманомъ съ самой невыгодной стороны.

«Порочныя привычки такъ распространены между всѣми сословіями, что предписанія гражданской власти остаются совершенно безъ пользы, и не рѣдко она должна бываетъ прибѣгать къ помощи отцевъ и старшихъ братьевъ для обузданія пороковъ молодежи. Эти привычки поддерживаются существованіемъ многихъ вертеповъ разврата, гдѣ молодые люди ищутъ забавы и откуда не вырвутся до тѣхъ поръ, пока не промотаютъ всего имѣнія; впослѣдствіи недостатокъ средствъ ведетъ ихъ къ важнѣйшимъ преступленіямъ. Стѣны домовъ часто бываютъ покрыты аффишами, въ которыхъ шарлатаны выхваляютъ распутнымъ свои снадобья и которыя пишутся обыкновенно безъ соблюденія всякихъ приличій. Часто случается видѣть, между прочимъ, объявленія о потерѣ наложницы, которой одежда и примѣты описываются самымъ безстыднымъ образомъ. Городское начальство посылаетъ срывать и смывать эти аффиши, но полиція такъ слаба и такъ падка на взятки, что немедленно возобновляются тѣ же безчинства».

Г. Гольманъ приписываетъ особенную силу взяткамъ въ поднебесной имперіи, и ему можно повѣрить, потому что онъ нащупалъ взяточниковъ во всей подсолнечной. Что касается до развратности Кантонцевъ, она доказывается еще множествомъ самоубійствъ: изъ числа скоропостижныхъ смертей, извѣстныхъ полиціи, восемь или девять-десятыхъ принадлежатъ къ этому разряду и, что еще примѣчательнѣй, изъ десяти самоубійцъ всегда бываетъ шесть или семь женщинъ.

«Въ низшихъ сословіяхъ господствуетъ суевѣріе, будто человѣческая желчь чрезвычайно придаетъ мужества, въ комъ нѣтъ его отъ природы или въ комъ оно не развернуто воспитаніемъ; оттого на желчь большое требованіе между трусами, то есть, между значительной частью населенія: они обмакиваютъ въ нее зерна сарацинскаго пшена и ѣдятъ ихъ, когда она обсохнетъ.

«Пытка, длятого чтобъ вымучить признаніе или длятого чтобы усилить казнь, допускается въ нѣкоторой степени Китайскими законами, но корыстолюбіе и жестокость судей

часто бываютъ поводомъ къ противозаконному ея употребленію. Жертва ложныхъ обвиненій нерѣдко подвергается смерти отъ деспотизма мѣстныхъ начальствъ, которыхъ одни новыя постановленія утверждаются высшимъ правительствомъ. Пытка состоитъ обыкновенно въ томъ, что мужчинамъ давятъ лодыжку, а женщинамъ пальцы между брусьевъ; но по усмотрѣнію начальства употребляются и многіе другіе пріемы. Сѣченіе на улицахъ производится самымъ нещаднымъ образомъ: осужденному связываютъ руки назадъ, а палачъ держитъ конецъ веревки и гонитъ передъ собой преступника ловкими ударами подъ мѣрныя звуки гуна, gong — родъ мѣдной трубы. Орудіемъ казни бываетъ кнутъ, бамбукъ или расщепленный тростникъ.

«Тюрмы въ Кантонѣ устроены самымъ неправильнымъ и пристрастнымъ образомъ: богатые, несмотря ни на родъ ни на степень ихъ вины, могутъ располагать въ нихъ всѣми удобствами, какими захотятъ. Забавы, прислуга, особое помѣщеніе, все готово, у кого есть деньги; тотъ освобождается и отъ цѣпей, кромѣ извѣстныхъ случаевъ, когда надѣваютъ ихъ для показа. Напротивъ *бѣдные* преступники доведены до самаго жалкаго состоянія и подвергаются всѣмъ ужасамъ, какіе только можетъ изобрѣсти жестокосердіе стражей. Если они не въ состояніи заплатить за жертвоприношенія богу тюрмы, ихъ встягиваютъ на воздухъ и сѣкутъ безъ пощады; на ночь привязываютъ цѣпями къ доскѣ за шею, за руки и за ноги, среди самой отвратительной нечистоты и цѣлыхъ стай голодныхъ крысъ, которыя нападаютъ на нихъ невозбранно. Этотъ вертепъ беззаконной муки вселяетъ такой ужасъ, что онъ вообще извѣстенъ подъ именемъ *Ѳиюй*, — слово, однозначительное съ нашей «преисподней», въ самомъ худшемъ ея значеніи. Особыя тюрьмы, гдѣ полиція держитъ людей заключенныхъ по ложнымъ доносамъ только длятого, чтобъ заставить ихъ поплатиться, точно въ такомъ же состояніи: здѣсь несговорчивые часто умираютъ съ голоду или вслѣдствіе дурнаго обхожденія и содержанія. Есть также тюрмы для женщинъ подъ надзоромъ женской полиціи, которая силою вынуждаетъ своихъ плѣнницъ къ развратному поведенію, чтобы получать отъ этого постыдный доходъ.

«Въ Кантонѣ смертныя казни чаще нежели во всѣхъ другихъ областяхъ Китая. Обыкновенный родъ ихъ — обезглавленіе и вѣшанье; но въ случаяхъ особенной важности преступника рѣжутъ въ куски и голову его выставляютъ въ клѣткѣ на шестѣ, чтобы произвести сильнѣйшее впечатлѣніе надъ умами народа. Послѣдній способъ постоянно употребляется въ случаѣ мятежа, и казнь происходитъ тогда на рынкѣ. Преступникъ одѣвается въ самое лучшее платье, какое у него есть, и становится на колѣни, лицемъ къ императорскому трону, въ знакъ, того, что онъ чувствуетъ справедливость приговора. Послѣдній мужчина въ семьѣ свободенъ отъ смертной казни по закону.

«Въ округѣ Нань-хой, въ Кантонской области, есть около десяти тысячъ рабовъ. Они различаются на *вольныхъ*, или кабальныхъ, которые сами себя продали или проданы родителями, и *невольныхъ*, которые или родились въ рабствѣ, или присуждены къ нему правительствомъ за наказаніе. Они составляютъ наслѣдственную собственность и могутъ носить только установленную для нихъ одежду. За прибитіе ихъ до смерти, — а это здѣсь не рѣдкость, — наказываютъ шестидесятью ударами и ссылкою на полтора года. Служащіе теряютъ жалованье, если родители ихъ совершатъ такое преступленіе».

Китай изобилуетъ нищими, хотя тамъ есть человѣколюбивыя заведенія. Слѣпой путешественникъ былъ пораженъ числомъ слѣпыхъ, которые просятъ и поютъ на улицахъ: онъ слышалъ, что нерѣдко маленькія дѣти лишаются зрѣнія для прибыльнѣйшаго отправленія нищенскаго ремесла. Однимъ словомъ Г. Гольманъ безъ глазъ видѣлъ въ Китаѣ ровно то же, что другіе видѣли смотря въ оба. Въ разсказѣ его нѣтъ ничего новаго, но онъ можетъ пріятно занять тѣхъ, которые знаютъ о Китайцахъ только то, что у нихъ растетъ чай.

ПРОКАЖЕННЫЕ ВЪ ИНДІИ. Къ любопытнымъ книгамъ не грѣшно возвращаться и по два раза. Вотъ какъ одинъ изъ сотрудниковъ великолѣпнаго альманаха, The Oriental Annual, съ которымъ мы недавно познакомили нашихъ читателей, описываетъ встрѣчу свою съ прокаженнымъ Индѣйцемъ.

«Спустя день или два по пріѣздѣ въ Бомбей, я бродилъ передъ захожденіемъ солнца по берегу Колебы, — островка, который, въ прибылую воду, отдѣляется отъ Бомбея узкимъ проливомъ, а въ малую совершенно доступенъ сухимъ путемъ: вдругъ вниманіе мое остановилось на странномъ предметѣ. Ко мнѣ приближался человѣкъ въ обыкновенной одеждѣ низшихъ сословій, обернутый по поясу простыней. Кожа его была совершенно бѣла, точно мѣлъ; и когда онъ подошелъ ко мнѣ, я замѣтилъ, что она стекловидна, какъ-будто отъ разглаженія горячимъ утюгомъ. Его волосы, не попокрытые чалмою, были точно такого же цвѣта какъ кожа, и висѣли длинными космами по тощимъ и высохшимъ плечамъ. Глаза, кромѣ однихъ зрачковъ, были совсѣмъ красны и мутны, и онъ безпрестанно склонялъ ихъ къ землѣ, какъ-будто свѣтъ былъ для него несносенъ, — это обстоятельство онъ подтвердилъ мнѣ изустно, когда я началъ его разспрашивать. Онъ шелъ медленно и шатаясь; всѣ члены его высохли до такой степени, что страшно было смотрѣть. Торчащія ребра можно было прочесть за нѣсколько саженъ, и весь остовъ означился такъ ясно, что незнакомецъ стоялъ передо мной живымъ костякомъ. Сначала онъ не смѣлъ приблизиться, и остановился довольно далеко. Я самъ подошелъ къ нему; онъ немного попятился, и умолялъ меня не дать ему погибнуть съ голоду, потому что всѣ его презираютъ, товарищи чуждаются какъ изверга. Онъ просилъ самымъ жалкимъ образомъ; предостерегалъ, чтобъ я не подходилъ къ нему близко, потому что онъ нечистая тварь; что всякой подымаетъ на него руку и ни въ комъ нѣтъ къ нему жалости. Заговоривъ съ нимъ ласково, я скоро пріобрѣлъ его довѣріе; онъ остановился и не мѣшалъ мнѣ быть подлѣ него. Я спросилъ о причинѣ его необыкновеннаго вида. Онъ сказалъ мнѣ, что цѣлые годы страдалъ проказою и, хотя напослѣдокъ выздоровѣлъ, но она оставила на немъ слѣдъ неизгладимаго оскверненія. Самый цвѣтъ кожи изъ темнаго превратился въ болѣзненно-бѣлый, и каждый тотчасъ узнавалъ въ немъ бывшаго прокаженника.

«Проказа почитается въ Индіи карою, и проклятіемъ Божества; оттого страждущіе сю — во всеобщемъ омерзеніи, и много ихъ умираетъ ежегодно въ нуждахъ и мукахъ жертва-

ми ужаса, который вселяетъ ихъ болѣзнь. Этотъ бѣднякъ былъ самой низкой касты, но никто изъ его сословія не хотѣлъ имѣть съ нимъ сношеній, и онъ былъ вынужденъ скитаться по пустынямъ, гдѣ только страдальцы, подобные ему, могли принимать въ немъ участіе.»

«Нѣтъ ничего печальнѣе той мысли, что человѣкъ можетъ дойти до такого положенія. Не только отринутый обществомъ, но въ презрѣніи даже у самой уничиженной изъ всѣхъ кастъ, онъ не имѣетъ угла, куда приклонить голову, и кроется въ дали отъ людей, которые, лишь-только его завидятъ, гонятъ въ лѣса и кустарники, а тамъ — дикіе звѣри ждутъ своей добычи; если онъ вздумаетъ противиться своимъ гонителямъ, то, вопреки всѣмъ законамъ чувства, члены его собственной семьи предаютъ несчастнаго жестокой смерти.»

«Но жизнь для Индѣйца такой драгоцѣнный даръ небесъ, изъ-за котораго онъ всѣмъ пожертвуетъ и съ которымъ рѣдко разстается произвольной смертію, развѣ фанатизмъ побудитъ его предпочесть жизни, непосредственное обладаніе вѣчнымъ благомъ. Хотя эти явленія изувѣрной набожности довольно обыкновенны, Индѣецъ весьма рѣдко наложитъ на себя руку, чтобъ избавиться отъ бремени горькаго существованія. Прокаженный несетъ кару недуга со всѣми ужасами, которые она за собою влечетъ, и повѣряетъ вѣтру свои жалобы; но среди всѣхъ лишеній, среди всѣхъ тѣлесныхъ золъ, на какіе нельзя смотрѣть безъ содраганія, онъ терпитъ свой бѣдственный удѣлъ и держится за жизнь съ неимовѣрнымъ упорствомъ.»

Законы Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ по части просвѣщенія. «Въ Южной Каролинѣ, говоритъ Г. Дже, авторъ очень любопытной книги, Slavery in America, — всякое собраніе вольныхъ негровъ, которое сойдется подъ предлогомъ обученія, хоть бы то было въ присутствіи бѣлыхъ, почитается противузаконнымъ: городское начальство имѣетъ право разогнать его и наказать каждаго вольнаго негра двадцатью ударами.»

«Въ Саваннѣ, всякой, кто станетъ учить вольнаго негра чтенію или письму, подвергается взысканію тридцати долле-

ровъ. Отецъ, если онъ грамотный, не въ правѣ учить своего сына.»

«Въ Сѣверной-Каролинѣ воспрещено каждому негру, мулату и такъ далѣе, каковы бы ни были его познанія и духовная власть, проповѣдывать Св. Евангеліе.»

«Въ Джорджіи, кто изъ бѣлыхъ станетъ учить грамотѣ вольнаго негра, подвергается взысканію пяти сотъ доллеровъ. Если одинъ вольный негръ будетъ учить другаго, онъ наказывается пенею или плетьми, по благоусмотрѣнію бѣлаго начальства.

«Въ Виргиніи, если вольные негры или ихъ дѣти прійдутъ въ школу учиться грамотѣ, всякой мирный судья можетъ разогнать ихъ, наказавъ каждаго двадцатью ударами.»

«Въ Огайо негры не только лишены права пользоваться наставленіемъ въ публичныхъ школахъ, но даже обречены всегдашней лѣни и бѣдности, потому что каждый бѣлый, который даетъ имъ хоть на одинъ часъ работы, тѣмъ самымъ обязывается по закону къ содержанію ихъ на свой счетъ по смерть.»

«Наконецъ въ Луизіанѣ, за обученіе негра въ воскресной школѣ положено наказывать въ первый разъ взысканіемъ пяти сотъ доллеровъ, во второй — *смертію*.»

Здѣсь не нужно объясненій; замѣтимъ только, что авторъ книги, изъ которой заимствованы эти факты, — природный Американецъ и служитъ своему отечеству въ почетномъ званіи городоваго судьи.

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ДУНАЙСКОЙ БАРКИ. Мы уже говорили нашимъ читателямъ, о пароходномъ путешествіи Г. Квина по Дунаю; но забыли представить имъ при этомъ случаѣ очень милый отрывокъ, въ которомъ онъ описываетъ, какъ пріятели его, Венгерцы, тянули барку бичевою. Это явленіе, очень обыкновенное для Русскаго, повидимому сильно поразило машино-любиваго Британца.

«То была огромная, неуклюжая, дубовая барка, съ высокой крышей и нагруженная до-верху тѣмъ, что здѣсь вообще извѣстно подъ именемъ фруктовъ, то есть, виномъ, лѣсомъ, шерстью, пшеницей, сѣномъ и разными произведеніями. Судно идетъ вверхъ по рѣкѣ какой-то силою, которая сначала

вовсе непримѣтна. Вы видите, что къ нему привязанъ канатъ, который тянется чѣмъ-то или чѣмъ-то гдѣ-то, и если глазъ у васъ такъ хорошъ, что вы различаете предметы въ разстояніи доброй мили, то можете открыть тамъ дюжину смуглыхъ, полунагихъ мужиковъ, которые идутъ въ канатной сбруѣ и лѣзутъ изъ кожи, таща за собой страшную громаду. Впрочемъ судовщики, которые побогаче, часто употребляютъ для этого лошадей, и тогда сцена несравненно разнообразнѣе и шумнѣе. Двадцать, иногда тридцать полудикихъ лошадей бываютъ нужны тамъ, гдѣ сила теченія дѣйствуетъ съ необыкновеннымъ упорствомъ. Почти каждая пара этихъ букефаловъ принадлежитъ разнымъ мужикамъ, и хозяинъ ни за что не позволитъ стягать ихъ другому. Здѣсь почти всякой крестьянинъ — дворянинъ, и право погонять свою лошадь по-своему составляетъ одно изъ важныхъ родовыхъ преимуществъ. Отъ-этого, когда вся упряжь дойдетъ до какаго-нибудь труднаго мѣста, подымается ужасная возня: переднія лошади ртачатся и прыгаютъ, а тѣ, которыя непосредственно за ними, рвутся въ сторону щипать траву. Далѣе стоитъ парочка совершенно неподвижно, какъ-будто въ раздумьѣ, не хлебнуть ли ей свѣтлой воды прежде чѣмъ тронутся въ дорогу. Задняя шестерка втесалась въ рѣку и бродитъ по поясъ въ водѣ; удары бичей, крики погонщиковъ, сердитыя восклицанія барочниковъ, которые бранятся, стоя на крышѣ, ржаніе встревоженныхъ лошадей и лай собакъ, составляютъ вмѣстѣ уморительную разноголосицу, которая слышна издалека.»

Внутреннее устройство горскихъ клановъ въ Шотландіи. Подробности объ этомъ предметѣ, малоизвѣстномъ, но весьма любопытномъ для читателей романовъ сиръ Валтера Скотта, находятся въ «Исторіи Горной Шотландіи» History of the Highlands, изданной за нѣсколько мѣсяцевъ Докторомъ Броуномъ.

Въ этомъ краѣ, который состоитъ изъ множества долинъ и острововъ, съ ущеліями, горами, озерами, рукавами моря, сама природа раздробила жителей на мелкія общины, образовавшіяся независимо, и часто враждебно другъ подлѣ друга,

подъ предводительствомъ людей, соединявшихъ въ себѣ отвагу съ прозорливостью.

«Вслѣдствіе раздѣленія, соблюдаемаго между кланами, брачные союзы дѣлались обыкновенно въ самомъ кланѣ, и оттого члены каждаго изъ нихъ были почти всѣ въ кровномъ родствѣ или въ свойствѣ. Эта двойная связь клонилась съ одной стороны къ поддержанію добраго согласія между одноклапцами съ другой къ усиленію враждебнаго духа между соперничествующими кланами въ случаѣ какихъ-нибудь общественныхъ или частныхъ оскорбленій.»

«Начальникъ имѣлъ большую власть надъ своимъ кланомъ, какъ хозяинъ, предводитель и судья; однако жъ она отнюдь не была неограниченна: въ важныхъ случаяхъ онъ совѣтовался съ старшинами, именно, въ дѣлахъ, относящихся къ клану или отдѣльныхъ семей, при устраненіи несогласій, при судѣ и расправѣ, при упрежденіи тяжебъ, поддержаніи разстроенныхъ семействъ, объявленіи войны другимъ кланамъ и заключеніи мира.»

«Система кланства питала воинственный духъ въ народѣ: молодыхъ вождей и семье-начальниковъ уважали или презирали, смотря по ихъ ратнымъ или миролюбивымъ наклонностямъ. Если, при ссорѣ съ другимъ кланомъ, они убивали нѣсколькихъ непріятелей или угоняли ихъ скотъ и разоряли землю, имъ была честь и слава, и многаго ожидали отъ нихъ въ будущемъ. Если попытки ихъ оставались безъ успѣха, они теряли уваженіе; а если замѣчали въ нихъ неохоту къ кровавымъ схваткамъ, ихъ презирали.»

«Военные чины были опредѣлены и постоянны. Начальникъ былъ, разумѣется, главнымъ предводителемъ. Старшій по немъ братъ повелѣвалъ правымъ крыломъ, младшій арріергардомъ. Глава каждой семьи былъ самъ вождемъ своихъ родичей. При каждомъ кланѣ былъ прапорщикъ или, знаменоносецъ, который обыкновенно наслѣдовалъ эту должность отъ какаго-нибудь предка, получившаго ее за отличіе. Съ этимъ званіемъ сопряжено было небольшое жалованье.»

«Каждый кланъ имѣлъ опредѣленное сборное мѣсто, куда онъ сходился по призыву начальника. Если настояла надобность въ немедленномъ сборѣ по случаю вторженія враждебнаго клана, тотчасъ разсылался во всѣ стороны такъ назы-

ваемый огненный крестъ. Этотъ знакъ состоялъ изъ двухъ деревянныхъ полосъ, скрѣпленныхъ на крестъ. Одинъ конецъ поперечной полосы или былъ обожженъ или еще горѣлъ, а на другомъ развѣвался лоскутъ полотна или бѣлый платокъ, запятнанные кровью. Два человѣка, каждый съ крестомъ въ рукѣ, посылались начальникомъ въ разныя стороны; они бѣжали во всю мочь, оглашая окрестность военнымъ кликомъ и называя сборное мѣсто, если назначено было не то, какъ обыкновенно. Крестъ передавался изъ рукъ въ руки, и какъ каждый свѣжій гонецъ бѣжалъ съ возможной быстротою, то кланъ собирался очень скоро. Еще въ 1745 году огненный крестъ былъ въ употребленіи.»

«У каждаго клана былъ свой военный кликъ, по-Шотландски slogan, на который члены клана должны были отвѣтствовать. Онъ служилъ паролемъ въ случаѣ незапной тревоги, въ боевой свалкѣ и въ темнотѣ ночи. Кланы различались еще особенными знаками или особымъ расположеніемъ цвѣтовъ тартана, который составляетъ ихъ одежду.»

Этотъ феодально-патріархальный образъ правленія, — родъ наслѣдственной монархіи, основанной болѣе на обычаѣ и общемъ согласіи чѣмъ на уставахъ, длился до тѣхъ поръ, пока геній Чатама не далъ храбрости Горцевъ другаго, болѣе общеполезнаго направленія.

КАКЪ РАЗСУЖДАЮТЪ ВЪ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ПАЛАТАХЪ? Я не знаю, выдумаютъ ли когда-нибудь люди самый совершенный способъ правленія родомъ человѣческимъ, но то вѣрно, что, изъ всѣхъ, доселѣ выдуманныхъ самый нелѣпый и безтолковый есть — представительный. Потому что этотъ родъ правленія хорошо удавался въ Англіи, при Англійскомъ характерѣ и особенныхъ правахъ народа, философы твердой земли заключили, что онъ-то и есть самый приличный для государствъ, въ которыхъ ни нравы ни характеръ жителей отнюдь не похожи на Англійскіе. Какъ ни глупо это наведеніе, а на основаніи его западная Европа мучится и обливается кровію уже полвѣка. Вотъ вамъ логика просвѣщенной эпохи! Тотъ кто еще неубѣдился въ сумасбродствѣ представительныхъ теорій, пусть посмотритъ на Францію на ея палату депутатовъ, на пользу ихъ для народа. При

нашихъ глазахъ, эта палата, составленная изъ умныхъ людей, легкомысленно окомпромитировала своего короля, свое правительство, честь своего отечества, отвергши безъ всякой причины уплату долга Американцамъ, который черезъ нѣсколько времени сама же признала справедливымъ и священнымъ. Этотъ неслыханный поступокъ повелъ за собою опасныя недоразумѣнія. Война могла быть слѣдствіемъ — чего? — пошлыхъ ораторскихъ фразъ, произнесенныхъ людьми безъ значенія, безъ вѣсу, безъ достоинства! Но не здѣсь конецъ глупостямъ. Вотъ одинъ пустой прожектёръ предлагаетъ уменьшить проценты отъ національныхъ займовъ, суля собранію несбыточныя выгоды, но впрочемъ самъ признаваясь, что теперь не время приступать къ подобной мѣрѣ. Изъ четырехъ сотъ пятидесяти человѣкъ «представителей народа» едва три или четыре знаютъ толкъ въ финансовыхъ и банковыхъ операціяхъ, едва десятъ или пятнадцать понимаютъ, въ чемъ состоитъ дѣло, — нужды нѣтъ! — большинство рѣшило, что надобно непремѣнно уменьшить проценты, — и вотъ Франція безъ министерства, безъ правительства, въ то самое время какъ Американцы запираютъ свои гавани ея кораблямъ и объявляютъ ей войну за легкомысленность и риторскіе возгласы ея палаты. И это, говорятъ, самая приличная и совершенная система правленія дѣлами человѣческими!

Но скажутъ, что въ Англійской палатѣ депутатовъ рядятъ о дѣлахъ государства гораздо умнѣе и разсудительнѣе. Не думаю! Кто не бывалъ лично въ этомъ пресловутомъ собраніи, тотъ не имѣетъ понятія, до какой степени можетъ простираться безчинство тамъ, гдѣ, вопреки всѣмъ неравенствамъ умовъ, дарованій, образованностей и состояній, каждый почитаетъ себя мудрецомъ равнымъ другому, и на этомъ основаніи позволяетъ себѣ беззазорно предаваться всѣмъ внушеніямъ своихъ страстей и дурныхъ привычекъ, то ребяческихъ до смѣшнаго, то просто гадкихъ. Въ газетахъ и журналахъ все это обыкновенно представляется уже очищеннымъ отъ тмы дѣйствительности и облеченнымъ въ формы литературнаго приличія; но сами Англичане признаются, что изъ всѣхъ «порядочныхъ собраній» въ мірѣ, Нижній парламентъ — самое безпорядочное. Вотъ что одинъ изъ либеральныхъ журналовъ, The Monthly Review, говоритъ

объ этомъ: «Отъ кого ни случалось намъ слышать о первомъ впечатлѣніи, которое произвелъ надъ нимъ Нижній парламентъ, всякой почиталъ себя совершенно обманутымъ въ ожиданіяхъ, какъ ни предупреждали его заранѣе на этотъ счетъ.»

Все это говоримъ мы по случаю одной любопытной книги, Random recollections of the House of Commons, изъ которой нельзя не сдѣлать для благосклонныхъ читателей одной или двухъ выписокъ.

«Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента въ 1834 году, депутатъ, котораго имя умалчиваю, всталъ съ мѣста, чтобъ говорить о важномъ дѣлѣ. Онъ началъ, и, сколько я могъ разслушать въ сумятицѣ, его встрѣтили ужасными сарказмами. (Депутатъ, обращаясь, по обыкновенію, къ предсѣдателю: — Я оставляю свое мѣсто.... (Ироническія одобренія и разные звѣриные крики).... Я оставляю свое мѣсто, чтобы предоставить.... («О! о!» — «Ба!» — и крики, похожіе на блеяніе овцы, вмѣстѣ съ громкими раскатами хохота). Почтенные мои сочлены могутъ стараться сбить меня своими невѣжливыми перерывами, но на мнѣ лежитъ обязанность въ отношеніи къ моимъ избирателямъ.... (Ироническія одобренія, страшный кашель, чиханье и необыкновенно длинная зѣвота, а въ заключеніе хохотъ во все горло). Я говорю, сударь, что у меня есть избиратели, которые ожидаютъ въ этомъ случаѣ, что я.... (Крики.) Сяду на свое мѣсто! (Громкій хохотъ.) Они ожидаютъ, что по случаю такого важнаго вопроса.... («О-о-а-а-у!» и громкій смѣхъ; вслѣдъ за тѣмъ крики — «Порядокъ! порядокъ!» со стороны предсѣдателя). Я говорю почтеннымъ моимъ сочленамъ, которымъ угодно вести себя такимъ образомъ, что меня не сбить.... (Жалостные стоны, кашель, чиханье, перхота и крики разныхъ животныхъ, — нѣкоторые очень близки къ лаю собаки и визгу поросенка, — въ промежуткахъ громовый хохотъ). Ссылаюсь на.... («Ку-ку-ре-ку-у!» — подражаніе пѣтушному пѣнію было такъ удачно, что самые важные и степенные члены не могли воздержаться отъ улыбки; всѣ прочіе катались со смѣху и заглушали голосъ предсѣдателя, который кричалъ — «Порядокъ! порядокъ!»). Позвольте мнѣ сказать, господа, что вести себя такимъ непристойнымъ образомъ....

(«Бэ-э-э-э-эээ!»— и хохотъ пуще прежняго.) Позвольте спросить васъ, господа.... («Мяу! мяу!» — и опять смѣхъ). Милостивый государь, я требую вашего предстательства! (Предсѣдатель опять встаетъ съ мѣста и повторяетъ — «Порядокъ! порядокъ!», громкимъ и сердитымъ голосомъ; шумъ немного затихъ). Если почтенные мои сочлены дозволятъ мнѣ сдѣлать одно только замѣчаніе, я не буду ихъ далѣе утруждать, и тотчасъ же сяду на свое мѣсто. («Браво! браво!» — громкія одобренія, не-шутя). Я только хотѣлъ сказать, что почитаю эту мѣру за самую опасную и беззаконную, и что поэтому дамъ голосъ противъ нея.» И почтенный депутатъ сѣлъ на свое мѣсто среди оглушительныхъ рукоплесканій.

Эрнстъ Шульце. Пѣвецъ «Цециліи» и «Волшебной розы» стоитъ не въ первомъ ряду новыхъ поэтовъ Германіи: въ его элегіяхъ и героическихъ поэмахъ видно болѣе легкости чѣмъ глубины чувства болѣе описательности и лиризма, чѣмъ зрѣлости и полноты соображенія. Однако жъ никто не откажетъ ему въ свѣжей, молодой и роскошной фантазіи, въ дарованіи рѣдкомъ, заимствующемъ всѣ тоны и образы, рисующемъ на обширномъ полотнѣ самыя богатыя картины. Мы сообщимъ нашимъ читателямъ тѣ подробности объ его жизни и сочиненіяхъ, какія находимъ въ Revue germanique.

Эрнстъ Шульце родился въ Целле, 22 марта 1789 года. Нѣмецкій его біографъ замѣчаетъ, что въ дѣтствѣ онъ былъ одинъ изъ тѣхъ несносныхъ мальчиковъ, которые терзаютъ учителей и приводятъ въ отчаяніе отцевъ и матерей. Колотить товарищей, рвать платье, терять книги, умѣть пользоваться часами отдохновенія и худо употреблять учебное время, — таковы были первоначальныя наклонности будущаго поэта.

Но скоро онѣ совершенно измѣнились: связь Шульце съ однимъ прилежнымъ товарищемъ мало-по-малу отвлекла его отъ шалостей и обратила къ книгамъ. По природной нерѣшительности онъ переходилъ отъ одного предмета къ другому: вдругъ бросился съ жаромъ на геральдику, потомъ на рыцарскіе романы, и читалъ ихъ прилежно, постоянно. Послѣ онъ сдѣлалъ нѣсколько стихотворныхъ опытовъ и воротился къ изученію классической древности.

Въ 1806 году онъ вступилъ въ Гёттингенскій университетъ и, по желанію отца, началъ заниматься Богословіемъ, хотя не чувствовалъ къ нему ни какой охоты. Профессоромъ Философіи въ Гёттингенѣ былъ тогда извѣстный Буттервекъ. Молодой поэтъ показалъ ему свои первые литературные опыты, и тотъ ободривъ его, предложилъ свои совѣты. Между-тѣмъ онъ пристрастился къ древней, особенно къ Греческой поэзіи, и Богословіе становилось для него съ каждымъ днемъ менѣе привлекательнымъ. Онъ отказывается отъ этой науки, чтобы совершенно посвятить себя любимымъ наклонностямъ и со временемъ читать курсъ Литературы. Уже и тогда Эрнстъ Шульце становился задумчивымъ; любилъ быть одинъ, предпочиталъ книги обществу, привыкалъ грустить въ тайнѣ и не говорить о своей грусти. Когда его спрашивали, отчего онъ такъ печаленъ, онъ отвѣчалъ что жизнь ему не на радость, и бралъ Гомера для утѣшенія. Съ нѣжной и поэтической душою, онъ создалъ себѣ идеалъ женщины, который хотѣлъ любить и котораго искалъ глазами. Онъ жаждалъ любви и иногда одинъ взглядъ увлекалъ его; онъ отдавалъ сердце первой женщинѣ, которая казалась ему тѣмъ, чѣмъ онъ ее воображалъ, и, разумѣется, обманывался. Безплодныя исканія утомили его душу и часъ-отъ-часу болѣе наполняли ее прискорбіемъ, какъ вдругъ эта женщина, которой образъ носился въ его умѣ, эта женщина, которой онъ хотѣлъ посвятить всего себя, эта Цецилія, которой онъ посвятилъ потомъ свои пѣсни, явилась передъ нимъ въ живомъ экземплярѣ.

Цецилія была дочь одного Гёттингенскаго литератора, — молоденькая, милая, умная, полная дарованій и красавица. Шулце ее увидѣлъ, и тотчасъ отрекся отъ всѣхъ мгновенныхъ вспышекъ любви, отъ всѣхъ прихотей поэта, чтобы видѣть, любить и обожать одну Цецилію. Онъ беретъ для нее свою лиру, и первое собраніе его стиховъ носитъ имя Цецаліи на многихъ страницахъ.

Въ этомъ собраніи, состоящемъ изъ элегій, посланій, лирическихъ піесъ, и прочая, есть двѣ части совершенно различныя между собою. Первая показываетъ поэта во всѣхъ переходахъ его любви, вѣрности и непостоянства: онъ хвалитъ мнимое свое блаженство и черезъ мигъ тоскуетъ объ

его обманчивости. Подражаніе древнимъ, особенно Анакреону и Проперцію, здѣсь очень замѣтно; истинное чувство тонетъ въ миѳологическихъ и матеріяльныхъ представленіяхъ Греческой и Латинской музы.

Вторая часть начинается именемъ Цециліи, и здѣсь уже все другое. Здѣсь видно, что поэтъ въ самомъ дѣлѣ любитъ и изливается въ пѣсни не для упражненія своего дара, а потому что ему нельзя не пѣть. Онъ покидаетъ и прежнія свои краски; онъ рисуетъ Цецилію не такъ какъ другихъ своихъ красавицъ, которыхъ привѣты и поцѣлуи манили его воображеніе; онъ показываетъ ее полузакрытую, озаренную таинственнымъ свѣтомъ, и говоритъ душѣ а не чувственности. Истинная и глубокая страсть придала его лирѣ уже характеръ важный и религіозный. Эротическіе образы уступили мѣсто изліяніямъ платонической любви.

Цецилія отвѣчала ему не страстію, а знаками искренняго уваженія и привязанности: это еще болѣе воспламеняло поэта и удерживало его въ царствѣ мечты. Къ несчастію, вся эта радость, которую онъ ощутилъ нашедши то, чего искало его сердцѣ, — вся эта жизнь, прекрасная, новая, блестящая, которую открыла передъ нимъ Цецилія, явилась не на долго. Цецилія дѣлается больною и умираетъ въ то время, когда энтузіазмъ Шульце достигаетъ высшей степени.

Ему было тогда двадцать четыре года, и можно себѣ представить какое неизгладимое вліяніе смерть любезной произвела на его страстную душу. Друзья его говорятъ, что съ той поры не было для него ни покоя, ни отрады. Онъ впалъ въ глубокую задумчивость, и всѣ мысли его сосредоточились въ одномъ желаніи, — запечатлѣть именемъ той, которую онъ оплакивалъ, трудъ, ея достойный, и оставить его свѣту живымъ памятникомъ своей любви.

Вотъ начало «Цециліи», обширной и блестящей поэмы, гдѣ, сквозь чувство религіозной грусти, просвѣчиваютъ Гомеръ, Аріостъ и Тассъ. Мы уже говорили, что первый былъ любимымъ поэтомъ Шульце. Предложимъ краткій обзоръ «Цециліи», которая заслуживаетъ быть извѣстною по-крайней-мѣрѣ въ главныхъ ея чертахъ.

Дѣйствіе происходитъ въ первые вѣки христіанства. Германцы уже вѣруютъ въ Евангеліе; Датчане еще покланяются

Одину. Между двумя народами возгарается война: это родъ крестоваго похода, который тотчасъ напоминаетъ вамъ «Освобожденный Іерусалимъ». Среди ратныхъ тревогъ Цецилія встрѣчаетъ Адальберта, и взаимная страсть рѣшаетъ ихъ выборъ. Поэтъ кажется олицетворилъ себя въ пѣвцѣ Рейнальдѣ, который любитъ Цецилію, и получаетъ отъ нея знаки одной дружбы. Датчане похитили сестру Цециліи. Адальбертъ сражается съ храбрымъ витяземъ ихъ Скіольдомъ, котораго онъ недавно спасъ отъ смерти, и оба падаютъ въ одинъ мигъ.

При этомъ извѣстіи Цецилія не плачетъ, не жалуется. Она устремляетъ печальный взоръ на небо и, воспламенясь мужествомъ, надѣваетъ латы, беретъ мечъ и сама предводительствуетъ войскомъ. Начальники слѣдуютъ за нею, увлеченные ея таинственнымъ вліяніемъ. Цецилія кидается въ бой; Германцы за нею; Датчане разбиты, смяты, обращены въ бѣгство. Столица ихъ сдается побѣдителямъ.

Цецилія учреждаетъ торжественное шествіе. На горѣ воздвигаютъ крестъ, и все войско должно итти къ нему для благодаренія Богу. Побѣдоносные витязи слѣдуютъ въ смиреніи за молодой дѣвушкой; знатнѣйшіе вельможи и самъ императоръ сопровождаютъ избранную Небомъ. Приближаясь къ кресту, они видятъ на стражѣ рыцаря въ полномъ вооруженіи. Онъ идетъ Цециліи на встрѣчу. Это Адальбертъ, которому судьба сохранила еще остатокъ жизни. Любовники сходятся съ неизъяснимой радостью; Цецилія цѣлуетъ Адальберта какъ нарѣченнаго жениха; потомъ, преклонивъ колѣно передъ епископомъ, проситъ брачнаго благословенія и вмѣстѣ молитъ Небо скорѣе взять ее отъ земли. Междутѣмъ какъ народъ слушаетъ его съ набожнымъ вниманіемъ, раздается сладостная гармонія, и любовники, съ улыбкой на устахъ, засыпаютъ на вѣки.

Рейнальдъ строитъ себѣ келью у Цециліиной могилы и ухаживаетъ за цвѣтами, которые тутъ растутъ.

Предупреждаемъ читателей, что въ этомъ разборѣ мы пропустили много главныхъ подробностей, неговоря объ эпизодахъ. Первый недостатокъ этой поэмы длиннота: шестнадцать тысячъ стиховъ плохая шутка! Потомъ, въ ней слишкомъ много мечтательнаго и чудеснаго. Быть-можетъ Шульце

самъ это чувствовалъ: по-крайней-мѣрѣ вторая его поэма, Die bezauberte Rose, не представляетъ этихъ недостатковъ, хотя и основана на аллегоріи.

Юный витязь, королевскій сынъ, Леонтесъ, имѣлъ нѣжную связь съ волшебницей Янтою (Janthes), и она подарила ему сына. Царица фей, чтобъ наказать любовниковъ за беззаконный союзъ, уноситъ это дитя, и объявляетъ, что оно будетъ имъ отдано, когда совершится его жребій. Леонтесъ возвращается къ своему отцу, который умираетъ и оставляетъ его владѣтелемъ престола. Война заставляетъ, одного изъ сосѣднихъ королей, ввѣрить ему на время все, что есть у него драгоцѣннѣйшаго, и пуще всего единственную дочь, Клотильду.

Ко двору Леонтеса является молодой менестрель; онъ избираетъ себѣ скромное жилище подлѣ королевскаго замка и проводитъ въ пѣсняхъ цѣлый день. Клотильда увидала его случайно, и съ тѣхъ поръ черты менестреля не выходили у ней изъ памяти; онъ тоже ее видѣлъ, и пѣсни его стали чище и пріятнѣе, голосъ усладительнѣй, мысль полнѣе поэзіи.

Но война кончилась, Клотильдинъ отецъ зоветъ дочь и хочетъ выдать ее замужъ. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ храбрые витязи, герцоги и князья, великіе вассалы имперіи и короли: всѣ ищутъ руки Клотильды. Она принимаетъ ихъ чуть не съ явнымъ презрѣніемъ. Она думаетъ о менестрелѣ, и передъ нимъ всѣ короли, принцы, герцоги и рыцари, теряютъ для нея тотъ блескъ, которымъ они искали превзойти другъ друга.

Однако жъ отецъ нудитъ ее выбирать, и она не знаетъ, что дѣлать, какъ вдругъ къ ней является на помощь добрая волшебница, которая превращаетъ ее въ розу и говоритъ окружающимъ: «На свѣтѣ есть такая вещь, отъ которой эта роза раскинется, получитъ тѣло, душу, и опять станетъ, чѣмъ была, — Клотильдой, дочерью короля Астольфа. Пусть тотъ, кому это удастся, будетъ ея мужемъ.»

При такой вѣсти, мелкіе принцы и всѣ, кто не имѣлъ довѣрія къ своимъ силамъ, удалились; но три восточные царя взяли смѣлость. Они назначаютъ годъ сроку и обѣщаютъ достать къ тому времени, чѣмъ расколдовать Клотильду.

Годъ прошелъ, день наступилъ. Народъ сходится отовсю-

ду на новый праздникъ, и дворъ короля Астольфа уже помѣстился около розы, которая стоитъ величавая и пригожая. Первый царь Востока приноситъ золотые сосуды, — роза остается неподвижна; второй жемчугу, — роза ни шелохнетъ; третій ладону, — и этому нѣтъ удачи.

Три царя стали въ тупикъ, надулись, нахмурились и ушли во-свояси, а бѣдной розѣ, видно, долго еще не обернуться дѣвушкой. Вотъ идетъ бѣдный менестрель, робко кланяется королю Астольфу и проситъ позволенія спѣть унылую пѣсню. Началось пѣніе, и при первыхъ звукахъ поэта роза встрепенулась, зашелестила листочками, и приподняла маковку. Вотъ отворилась раскуколька; изъ нея вышла шея съ головою; вѣтки мало-по-малу развернулись и образовали женскій станъ, и, когда пѣсня кончилась, Клотильда, потупивъ взоръ и краснѣя, подошла къ своему другу.

Въ тотъ же мигъ явилась на воздушной колесницѣ царица фей съ Леонтесомъ и Янтою, и отдала имъ сына въ менестрелѣ. Бракъ любовниковъ довершаетъ это милое произведеніе, за которое Бутервекъ справедливо назвалъ Шульце менестрелемъ нашего времени. Какой великолѣпный предметъ для оперы эта «Волшебная Роза»!

Кончивъ свою поэму, Шульце послалъ ее на литературное состязаніе, открытое въ Лейпцигѣ книгопродавцемъ Брокгаузомъ. Между-тѣмъ здоровье его всё болѣе разстроивалось, и онъ рѣшился прибѣгнуть къ путешествію. Весною 1817 года Шульце былъ совсѣмъ готовъ отправиться въ Италію, но силы ему измѣнили. Его отправили въ Целле къ отцу, и тамъ онъ умеръ 26 іюня. За два дня до кончины онъ узналъ, что поэма его увѣнчана въ Лейпцигѣ: то было послѣднимъ лучемъ радости, который блеснулъ ему въ этой жизни.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ГАЙДНА И ВЕБЕРА. Любители музыкальной словесности найдутъ для себя пріятное чтеніе въ новой книгѣ Г. Гогарта, Musical history, biography and criticism. Это краткая, однако жъ довольно обстоятельная исторія музыки, начиная съ древнѣйшей, Египетской, до новѣйшей, Французской. Лучшую часть книги составляютъ біографическіе очерки знаменитыхъ артистовъ. Наши музыкальные

читатели знаютъ, что, вслѣдъ за «Сотвореніемъ», Гайднъ написалъ «Времена Года».

«Этимъ произведеніемъ, говоритъ Г. Гогартъ, Гайднъ заключилъ свое музыкальное поприще. Трудами долголѣтней жизни онъ пріобрѣлъ себѣ небольшой достатокъ, и, съѣздивъ въ послѣдній разъ въ Англію, купилъ домикъ съ садомъ въ одномъ изъ Вѣнскихъ предмѣстій и провелъ тамъ послѣдніе годы жизни. Вскорѣ по переселеніи своемъ въ это убѣжище, онъ получилъ увѣдомленіе отъ Французскаго Національнаго Института, что это знаменитое сословіе избираетъ его въ свои члены: такая честь тронула его до глубины души. Между-тѣмъ онъ началъ быстро ослабѣвать подъ тяжестью лѣтъ и недуговъ. Онъ рѣдко покидалъ свой домъ и садъ; духъ его упалъ и онъ томился опасеніемъ бѣдности и болѣзни. Посѣщенія друзей ободряли его повременамъ, и въ разговорѣ съ ними онъ бывалъ иногда живъ и веселъ по-прежнему. Когда ему сказали, что Французскій Институтъ, почитая его умершимъ, совершилъ по немъ requiem, онъ отвѣчалъ шутливо: «Если бъ этотъ любезный народъ предупредилъ меня объ моей смерти, я бы самъ поѣхалъ туда управлять оркестромъ». Но это были только мимолетные проблески, и онъ опять впадалъ въ изнеможеніе и безчувственность.

«Когда онъ былъ въ такомъ положеніи, Вѣнскіе его друзья рѣшились дать «Сотвореніе міра».. Это исполнилось въ домѣ князя Лобковица, съ оркестромъ изъ ста шестидесяти музыкантовъ и въ присутствіи слишкомъ полуторы тысячи знатнѣйшихъ жителей Австрійской столицы. Гайднъ, при всей слабости, пожелалъ явиться еще разъ передъ той публикой, для которой онъ такъ долго трудился и отъ которой получилъ столько знаковъ благосклонности и уваженія. Онъ былъ внесенъ въ комнату въ покойномъ креслѣ, въ сопровожденіи княгини Эстергази и другихъ дамъ, которыя вышли къ нему на встрѣчу; его помѣстили среди знаменитѣйшихъ особъ при торжественныхъ звукахъ оркестра и рукоплесканій всѣхъ присутствующихъ. Началось исполненіе, и чувства, возбужденныя въ слушателяхъ выспренностью музыки, превращались въ восторгъ при видѣ ея почтеннаго творца, который явился между ними, чтобъ проститься навѣки. Одинъ славный докторъ, сидѣвшій подлѣ

него, замѣтилъ, что его ноги не довольно укрыты отъ холода, —и тотчасъ самыя тонкія и драгоцѣнныя шали скатились съ плечъ прекрасныхъ слушательницъ и обвили его ноги. Старикъ заплакалъ при этомъ знакѣ общей любви. По окончаніи перваго акта, онъ почувствовалъ себя истощеннымъ и растроганнымъ до такой степени, что просился домой. Не доходя до дверей, онъ пріостановилъ тѣхъ, кто несъ его изъ комнаты; сперва наклоненіемъ головы простился съ слушателями, потомъ обернулся къ оркестру и, поднявъ къ небу глаза, отуманенные слезами, произнесъ прощальное благословеніе прежнимъ товарищамъ своихъ трудовъ.

«Гайднъ не долго пережилъ эту трогательную сцену. Спокойствіе послѣднихъ его дней было нарушено военными тревогами. Въ борьбѣ Австріи съ Франціей въ 1809 году, Наполеонъ привелъ свою армію къ самымъ воротамъ Вѣны. Въ теченіе этого ужаснаго похода Гайднъ былъ въ величайшемъ волненіи. Онъ безпрестанно спрашивалъ, что новаго; сидѣлъ за своимъ фортепіаномъ и пѣлъ слабымъ, трепетнымъ голосомъ — «Боже, храни императора!» Ночью 10 мая, Французы достигли Шёнбруна, а на другое утро, съ позиціи въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Гайднова дома, пустили полторы тысячи ядеръ и бомбъ въ самый городъ: бѣдный старикъ уже почиталъ его жертвою огня и штыка. Четыре бомбы упали у самаго его жилища, и своимъ взрывомъ привели въ ужасъ маленькую его челядь. Самъ онъ ободрился и, поднявшись со стула, выговаривалъ слугамъ за ихъ малодушіе. Но это усиліе было для него слишкомъ велико; онъ впалъ въ судоружную дрожь, и его уложили въ постель. Силы его продолжали ослабѣвать; однако 26 мая онъ еще велѣлъ посадить себя за фортепіано, и со всѣмъ остаткомъ напряженія три раза пропѣлъ національный гимнъ. То была пѣснь лебедя. Еще сидя за фортепіано, онъ впалъ въ онѣмѣніе и наконецъ испустилъ духъ утромъ, 31 мая семидесяти восьми лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ отъ роду».

Теперь обратимся къ Веберу, когда онъ пріѣхалъ въ Лондонъ для постановки своего «Оберона»: это было въ 1826 году. Уже десять лѣтъ, какъ творецъ «Волшебнаго Стрѣлка» сошелъ въ могилу.

«Оберонъ» продолжалъ привлекать публику, но онъ не былъ такъ любимъ какъ «Волшебный стрѣлокъ». Самъ композиторъ составлялъ наслажденіе маленькаго круга музыкальныхъ друзей, среди котораго онъ жилъ, но онъ не могъ ни по чувствамъ, ни по навыкамъ, ни по пріемамъ брать участія въ золотой жатвѣ, которую иноземные любимцы собираютъ съ Англійской аристократіи. Чувствованія его были слишкомъ высоки, привычки слишкомъ направлены къ уединенію, пріемы слишкомъ прямы и просты, чтобы ему пользоваться щедростью лордовъ. Онъ былъ готовъ играть въ частныхъ домахъ за вознагражденіе, какое обыкновенно даютъ отличнымъ артистамъ; но онъ не хотѣлъ искать такихъ случаевъ и ухаживать за тѣми, кто ихъ дѣлаетъ, и оттого онъ удостоился только двухъ или трехъ приглашеній.

«Мая 26 былъ его бенефисный концертъ, и при этомъ случаѣ, когда можно было ожидать, что многочисленность публики засвидѣтельствуетъ чувства Англичанъ къ одному изъ величайшихъ музыкантовъ, какіе когда-либо посѣщали Великобританію, — при этомъ случаѣ зала была наполнена не болѣе чѣмъ до половины. Веберъ, въ борьбѣ съ болѣзнію и съ подавленнымъ чувствомъ оскорбленія, едва могъ выдержать концертъ, которымъ онъ долженъ былъ руководствовать. По окончаніи, онъ бросился на софу въ такомъ изнеможеніи, что окружавшіе его — перепугались.

«Всѣ его мысли обратились тогда къ родинѣ; онъ горѣлъ нетерпѣніемъ быть опять среди своего семейства. Мая 30, черезъ нѣсколько дней послѣ концерта, онъ писалъ: «Милая Лина! извини мою поспѣшность, у меня теперь такъ много дѣлъ. Писать мнѣ тягостно, дрожатъ руки. Я начинаю выходить изъ терпѣнія. Ты болѣе не получишь отъ меня писемъ. Адресуй отвѣтъ не въ Лондонъ, а во Франкфуртъ, poste restante. Ты удивляешься? Да; я не поѣду черезъ Парижъ. Что́ мнѣ тамъ дѣлать? Не могу тронуться, не могу говорить: мнѣ надо отказаться отъ работы на цѣлые годы. Не лучше ли прямо домой? Черезъ Кале, Брюссель, Кёльнъ и Кобленцъ, вверхъ по Рейну до Франкфурта, — пріятная дорога! Хотя я долженъ ѣхать медленно, отдыхать иногда по полусуткамъ, однако жъ недѣли черезъ двѣ, къ концу іюня, надѣюсь обнять тебя. Съ Божіей по-

мощью, мы выѣдемъ отсюда 12 іюня, если только небу угодно будетъ дать мнѣ сколько-нибудь силы. Все пойдетъ лучше, какъ скоро мы пустимся въ дорогу, какъ скоро оставимъ этотъ несчастный климатъ. Цѣлую васъ отъ души, мои милыя. Вѣчно любящій васъ отецъ, Карлъ.»

«Іюня 2, онъ написалъ другое письмо, и оно было послѣднимъ: «На это письмо не нужно отвѣта, и потому оно довольно коротко. Не нужно отвѣта. Только подумайте! Фюрстенау отдумалъ давать концертъ, и я могу быть къ вамъ двумя днями ранѣе. Ура! Богъ съ вами, будьте здоровы. О, если бъ мнѣ только быть середи васъ! Мысленно обнимаю васъ, милая матушка. Любите меня; помните всегда своего Карла ,онъ любитъ васъ больше всего на свѣтѣ.»

«Этой радостной надеждѣ не было суждено исполниться. Утромъ, 5 іюня, Вебера нашли мертвымъ въ постели.»

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Actéon, *Актеонъ*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи, слова Г. Скриба, музыка Обера.

Какой-то Сицилійскій князь, влюбленный и ревнивый какъ Италіянецъ, держитъ взаперти, въ своемъ зàмкѣ, жену свою, прекрасную Лукрецію. Лукреція окружена своими подругами, своими пріятельницами, своими прислужницами; цѣлый день она въ шелковыхъ платьяхъ, въ браслетахъ и ожерельяхъ; она пишетъ стихи и картины; у ней прекрасные сады для вечернихъ мечтаній; у ней хорошенькій пажъ, который накладываетъ краски на палитру; у ней все, чего только можетъ желать двадцатилѣтняя княгиня, которая умѣетъ писать красками: недостатокъ ей только прекраснаго молодаго человѣка, который согласился бы спрятаться вполовину за розовый кустъ, чтобъ синьора Лукреція могла списать съ натуры картину Актеона. А этого-то ревнивый Сициліянецъ и не позволяетъ. Онъ не пуститъ Актеона въ жилище своей Діаны. Если княгиня непремѣнно хочетъ написать Актеона, то должна будетъ обойтись безъ натурщика. Даже и маленькой пажъ, котораго мужъ до сихъ поръ оставлялъ у нея, былъ выгнанъ, какъ скоро маленькой пажъ сдѣлался на что-нибудь годнымъ.

Между-тѣмъ, когда владѣтельница зàмка, которой мужъ,

право, еще сносенъ, и которая впрочемъ ни о чемъ дурномъ еще не думаетъ, напѣлась досыта, высказывая въ аріяхъ свои мученія, и даже нападалась, плутовка, въ обморокъ, чтобы помучить своего бѣднаго тирана, подъ окномъ слышится чей-то голосъ. Это поетъ слѣпой, нищій. Лукреція непремѣнно хочетъ его видѣть и слышать. Этого мужу бояться нечего,—онъ слѣпъ. Тутъ слѣпой является со своей палкою. Слѣпой поетъ; Лукреція поетъ съ нимъ свои прелестнѣйшія аріи; Лукреція въ восхищеніи отъ своего слѣпаго трубадура. Она даже хочетъ, чтобы онъ служилъ ей Актеономъ. Что за бѣда: онъ слѣпъ! Въ мастерской Лукреціи, ея нимфы ловительницы являются, съ натянутыми луками, съ вытянутыми шеями, и между прочими сестра ея, Анджела, которая будетъ представлять Діану. Слѣпаго Актеона становятъ за розовый кустъ, ему велятъ показывать видъ, будто онъ смотритъ на Діану-Ловительницу, молоденькую, божусь вамъ, — съ голою грудью, на которую хоть бы и не слѣпому смотрѣть. Надобно вамъ замѣтить, что академикъ Скрибъ отыскалъ хорошенькую актрису, которая согласилась явиться на сценѣ въ видѣ Діаны, а Діана, какъ вамъ извѣстно, не имѣла привычки слишкомъ тщательно укутывать себя.

Расположивъ все, какъ слѣдуетъ, синьора Лукреція принимается за работу: картина уже набросана; бѣлый, розовый цвѣтъ; воды, цвѣты; природа прекраснѣе настоящей. Остается только поставить тутъ Актеона съ приличнымъ украшеніемъ на головѣ. Вдругъ, слѣпой, которому очень нравится быть натурщикомъ и который ни съ кѣмъ не хочетъ раздѣлять этого удовольствія, вскрикиваетъ, указывая на пажа: «Пажъ! Пажъ смотритъ!» И точно, пажъ, сидя подъ кустомъ, исполнялъ обязанность Актеона и смотрѣлъ во всѣ глаза на прекрасную госпожу свою. Злой пажъ, выданный слѣпымъ, въ свою очередь вскрикиваетъ: «Слѣпой смотритъ!» При крикахъ, пажъ смотритъ!—слѣпой смотритъ!—князь прибѣгаетъ съ кинжаломъ въ рукѣ, деревяннымъ кинжаломъ, острымъ какъ эпиграма Г-на Скриба. Но слѣпой тотчасъ обезоруживаетъ ревниваго Сициліянца: онъ обращаетъ зрячіе глаза свои къ юной Анджелѣ, сестрѣ Лукреціи, и проситъ руки ея. А какъ этотъ слѣпой не кто иной какъ князь Леони, ему говорятъ: «Изволь!» Актеонъ женится на своей

Діанѣ-Ловительницѣ, и всѣ довольны, даже и маленькой пажъ, который поѣдетъ въ тотъ же вечеръ на балъ со своей госпожею.

Эта хорошенькая пьеса, чисто Скрибовская, безъ всякой примѣси Мелевильства или чего другаго, окружена прелестною музыкою Обера, чистенькою, свѣженькою, ни сколько не страстною, но живою и остроумною.

2. Le Transfuge, *Переметчикъ*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Поля Фушѐ и Лаверня.

Гг. Поль Фушѐ и Лаверн увѣряютъ, что Фридрихъ Великій осаждалъ однажды городъ Хемницъ въ Богеміи, или Швейдницъ въ Силезіи, или какой-то другой городъ на *нцъ*. Оборона этого города поручена барону Пильницу. Фридрихъ Великій пресѣкъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ и подвелъ подъ городъ мину; но какъ начальство въ городѣ поручено Пильницу самою Маріею-Терезіею, то онъ и не хочетъ сдать города никому, кромѣ Маріи-Терезіи или высшія силы. Moriamur pro rege nostro Mariâ Theresâ! говоритъ баронъ Пильницъ по-Латыни, чтобы Венгерцы лучше его понимали.

Жители Хемница не совсѣмъ согласны съ барономъ; имъ хочется не умирать, а жить; дочь барона бросается на колѣна и умоляетъ его сдаться, но онъ не слушается и все твердитъ — moriamur! Только, передъ концемъ жизни, онъ соглашается отдать дочь свою за Фридриха Альвинци, Венгерскаго магната, поручика въ Хемницкомъ гарнизонѣ. Но въ самую минуту вѣнчанья, часовые и замокъ взлетаютъ на воздухъ, незваный гость, Фридрихъ Великій, является черезъ проломъ на свадьбу.

Но Фридрихъ Великій явился уже поздо. Баронъ Пильницъ смертельно раненъ; видя, что солдаты готовы проникнуть въ церковь и, безсомнѣнія, возмутъ дочь его, онъ бросается въ объятія одного Прусскаго капитана и умоляетъ принять дочь его подъ свое покровительство. Положеніе офицера довольно затруднительно, когда солдаты одержали побѣду и упоены успѣхомъ. Капитанъ говоритъ, что въ эту минуту онъ могъ бы оказать покровительство развѣ только женѣ своей. — Она жена ваша! я отдаю вамъ ее! говоритъ старый баронъ: теперь защитите вашу жену. — Вы, вѣрно неразъ уже читали этотъ анекдотъ, старый какъ Семи-лѣтняя Война.

Все это происходитъ, когда Фридрихъ Великій еще не приходилъ. Фридрихъ останавливаетъ своею тростью убійство и насильничество,—потому что солдаты не церемонятся съ побѣжденными и откровенно говорятъ, что они намѣрены дѣлать въ городѣ; потомъ Фридрихъ предлагаетъ Австрійскимъ и Венгерскимъ офицерамъ или перейти въ его службу, или быть военноплѣнными. Одинъ только рѣшается надѣть Прусскую кокарду,—Фридрихъ Альвинци, обожатель дѣвицы Пильницъ, которую онъ надѣяется найти въ Прусскомъ лагерѣ. Взрывъ, приступъ, женидьба, грабежъ, убійство и насиліе, — для перваго дѣйствія недурно.

Второе дѣйствіе происходитъ въ Прусскомъ лагерѣ, то есть, посреди барабановъ, трубъ, ружьевъ, накладныхъ косъ и накладныхъ усовъ. Альвинци сдѣлался Прусскимъ офицеромъ, Елена Прусскою дамою. Альвинци ищетъ Елены, но Елена не ищетъ Альвинци, потому что считаетъ его убитымъ и погребеннымъ подъ развалинами города. Прусскій капитанъ женился на Еленѣ, и теперь уже очень любитъ жену свою; да и она, конечно, современемъ полюбила бы мужа, если бъ не встрѣтилась опять съ любезнымъ своимъ Альвинци.

Альвинци не нашелъ себѣ въ Прусскомъ лагерѣ новаго отечества. Солдаты не хотятъ ему повиноваться. Переметчикъ! никто не кланяется переметчику, всякой его избѣгаетъ; даже барабанщики не берутъ денегъ, когда Альвинци даетъ имъ на водку. Одинъ сержантъ даже прицѣлился въ бѣднаго и честнаго переметчика, и тотъ обязанъ жизнію капитану Варнеру, который отдернулъ ружье сержанта. Варнеръ—никто другой какъ мужъ Елены, тотъ самый капитанъ, который женился на ней во время приступа.

Что же ему дѣлать, куда дѣваться, подъ какимъ знаменемъ укрыться? Альвинци хотѣлъ бы убѣжать съ Еленою, да Елена—женщина честная: она не хочетъ покинуть мужа, хотя и не любитъ его и хотя онъ женился на ней подъ ружьями. Альвинци—въ отчаяніи; къ счастію, ему представляется вѣрный случай повстрѣчаться со смертію. Фридрихъ Великій поджидаетъ резерва, но резервъ нейдетъ. Надобно пробраться сквозь непріятельскую армію, чтобы поторопить резервъ: Альвинци проситъ этого порученія, которое назначено было Варнеру. Но Варнеръ, съ тѣхъ поръ какъ сталъ думать,

что Елена начинаетъ любить его, сдѣлался такимъ же трусомъ, какимъ храбрецомъ сталъ Альвинци съ тѣхъ поръ, какъ думаетъ, что Елена его не любитъ. Это извѣстная исторія Менелая, Париса и прекрасной Елены.

Ночью, когда Альвинци уже думаетъ, что Елена его забыла и сбирается въ походъ, является къ нему маленькій флейщикъ и подаетъ письмо отъ женщины, для которой онъ дезертировалъ и для которой готовится умереть. Она плакала, когда писала это письмо карандашемъ при свѣтѣ луны. Вы можете вообразить какъ Альвинци хочется прочесть это милое,—горестное письмо! Но ночь темна, и луна, которая свѣтила Еленѣ, когда она писала, какъ нарочно скрылась за облако, чтобы Альвинци немогъ прочесть письма. Однако жъ надобно прочесть. Альвинци опять въ отчаяніи. Вдругъ онъ видитъ искру, которая еще свѣтится въ потухшемъ огонькѣ. Альвинци дуетъ, дуетъ, и наконецъ ему удалось прочесть драгоцѣнное письмо при свѣтѣ горящей головни. Елена назначила ему свиданіе на одномъ Дунайскомъ островку, недалеко отъ лагеря. Альвинци прыгаетъ отъ радости, и попадаетъ подъ ботфорты Фридриха Великаго, который даетъ ему остальную часть ночи, чтобы приготовиться къ смерти. Я забылъ вамъ сказать, что въ лагерѣ было запрещено подъ смертною казнію зажигать ночью огонь. Видно, бѣднякъ Альвинци, какъ и я, забылъ объ этомъ.

Эта исторія тоже заимствована изъ собранія анекдотовъ Фридрика Великаго. Только, въ самомъ-то дѣлѣ, виновный зажегъ ночью огонь, чтобы передъ сраженіемъ написать письмо къ матери. —«Пиши къ матери, сказалъ ему Фридрихъ, что ты завтра утромъ будешь разстрѣлянъ.» Оно такъ и вышло.

Если вамъ угодно сѣсть въ лодку, въ которой уже сидитъ Елена съ лодочниками, то васъ перевезутъ на Дунайскій островокъ, на которомъ Хемницкія дамы назначаютъ любовныя свиданія, а Фридрихъ Великій разстрѣливаетъ своихъ офицеровъ. Елена подкупила лодочника. Онъ свезетъ Альвинци въ Пресбургъ: за неимѣніемъ денегъ, Елена отдаетъ ему кольцо, которое далъ ей капитанъ Варнеръ. Она ждетъ Альвинци, который получилъ письмо ея, и котораго она хочетъ удалить, во что бы то ни стало.

Елена и не воображаетъ, что письмо погубило Альвинци, а кольцо не спасетъ его. Переметчика приводятъ съ отрядомъ, который долженъ разстрѣлять его; командуетъ Варнеръ. Добрый Варнеръ надѣется спасти виновнаго и намѣревается, правда, немножко поздо, просить Фридриха о помилованіи. Между-тѣмъ Альвинци думаетъ о женѣ Варнера и проситъ, чтобы его на минуту оставили одного. Варнеръ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда на караулѣ, а Елена идетъ къ Альвинци. Мнѣ я думаю, не нужно пересказывать вамъ, что говорилъ передъ смертью любовникъ своей любезной. Но пока они прощаются, Фридрихъ, который вездѣ бродитъ, застаетъ ихъ вмѣстѣ. Женщина! вскрикиваетъ король, — онъ строго запретилъ пускать женщинъ въ лагерь: кто эта женщина? — Варнеръ прибѣгаетъ; ему жаль бѣднаго Альвинци и, чтобы вывесть изъ затрудненія эту женщину, которая закрыла лице покрываломъ, онъ великодушно говоритъ: Это моя жена, — не воображая что въ самомъ дѣлѣ угадалъ. Король, который запретилъ своимъ офицерамъ жениться, ужасно хмурится. Елена и Альвинци слыша—«это моя жена», не могутъ понять кто тутъ въ дуракахъ.

Фридрихъ Великій отдаетъ Варнеру запечатанное приказаніе объ Альвинци и отлагаетъ до другаго времени рѣшеніе судьбы Елены, которая уходитъ въ одну сторону а король въ другую. Альвинци ведутъ на мѣсто казни, и Варнеръ, оставшись одинъ, распечатываетъ данный ему пакетъ.

Бумага содержитъ въ себѣ помилованіе Альвинци. Вы можете себѣ вообразить радость Варнера. Онъ бѣжитъ сообщить это извѣстіе другу своему Альвинци, но въ эту минуту приходитъ солдатъ и сказываетъ ему, что онъ видѣлъ жену его въ двухъ шагахъ отъ осужденнаго. Варнеръ говоритъ: «Это не жена моя, это не жена моя», и между-тѣмъ жена его является. Тутъ ужъ онъ видитъ, что это точно жена его

Жена его признается, что она съ дѣтскихъ лѣтъ любитъ Альвинци; жена его говоритъ, что его она не любитъ; жена его просится въ монастырь, чтобы не видать мужа, когда не можетъ видѣть своего любовника; жена его говоритъ ему столько страннаго и новаго для него, что онъ не знаетъ уже что думать, жена ли это его, или не жена его.

Чортъ возьми! говоритъ капитанъ, не бывать ей любовницей другаго, и командуетъ—«Пали!» И все это происходитъ въ присутствіи Фридриха Великаго, который является именно тогда, кога уже глупости надѣланы, и который пришелъ, чтобы заставить Варнера подписать разводную. Хорошъ долженъ быть Фридрихъ Великій, съ двумя нотаріусами по бокамъ и сочиняющій разводную какого-то капитана, междутѣмъ какъ армія его бомбардируетъ Пресбургъ, если только армія его когда-нибудь бомбардировала Пресбургъ,—чего я не знаю.

Изъ всего этого слѣдуетъ только то, что въ арміи Фридха Великаго никто его не слушался. Онъ запрещаетъ зажигать по ночамъ огонь, а огонь зажигаютъ; онъ невелитъ приводить въ лагерь женщинъ, а женщинъ приводятъ; онъ приказываетъ, чтобы офицеры безъ его позволенія не женились, а офицеры безъ его вѣдома женятся; онъ преступника прощаетъ, а преступника разстрѣливаютъ; другому офицеру велитъ развестись съ женой, а тотъ жены не отпускаетъ. Сущая мелодрама!

3. L'Ingénieur, *Инженеръ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, Г-на Дюверіе.

Молодой Піеръ, человѣкъ храбрый, бывшій воспитанникъ Политехнической Школы, готовился въ военную службу; но въ тѣ времена это было ремесло опасное. Многіе призывались на войну, не многіе съ войны возвращались. Повинуясь престарѣлому отцу своему, Піеръ отказался отъ военной службы и опредѣлился въ гражданскіе инженеры. Піеръ управляетъ ломкою каменнаго угля.

Одинъ молодой офицеръ, сомнѣваясь въ мужествѣ Піера, наноситъ ему оскорбленіе. Эта несправедливость тѣмъ болѣе прискорбна, что Піеръ не задолго передъ тѣмъ отнялъ, у непріятеля, орла, потеряннаго офицеромъ. Оскорбленный Піеръ принимаетъ вызовъ на дуель. Но между-тѣмъ рудникъ его наполняется водою и огнемъ; прежде, чѣмъ итти драться, онъ долженъ спасти своихъ работниковъ. Офицеръ, видя, что Піеръ въ условленное время не является, еще больше прежняго считаетъ его трусомъ и мерзавцемъ.

Чтобы заставить Піера драться, онъ идетъ за нимъ въ рудникъ. Въ это время входъ въ рудникъ, по приказанію

мѣстнаго начальства, заваливаютъ. Офицеръ долженъ погибнуть, но инженеръ Піеръ поспѣваетъ къ нему на помощь, спасаетъ своего непріятеля, и потомъ на краю бездны предлагаетъ ему поединокъ.

Вы можете вообразить, что офицеру не охота убить своего благодѣтеля и даже не охота быть отъ него убитымъ. Дѣло улаживается и всѣ довольны, — кромѣ читателей.

4. Le Gamin de Paris, *Парижскій уличный мальчишка*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Баяра и Вандербурха.

Этого мальчишку зовутъ Жозефомъ. Онъ еще не дѣлалъ Іюльской революціи, еще не портилъ мостовой, да это еще не ушло,—современемъ сдѣлаетъ. Этотъ недозрѣлый герой дерется на кулачки, пока не удалось еще подраться противъ короля; большой мастеръ гонять кубарь, неумолимый насмѣшникъ, бичь своихъ сосѣдей и между-тѣмъ утѣха всего квартала; хитрый, коварный, лѣнивый, бурливый, но сынъ почтительный; не боится никого и ничего на свѣтѣ, но не смѣетъ пикнуть при бабушкѣ; онъ очень хорошо извѣстенъ и городовому сержанту и полицейскому служителю; ничто въ свѣтѣ его не остановитъ, онъ на все рѣшится, — боится только, чтобы какъ-нибудь не разорвать блузы и не потерять картуза. Онъ бѣгаетъ, лазитъ, прыгаетъ, вертится какъ угорь. Онъ родня Парижской мостовой, любимецъ всего квартала, пріятель всесвѣтный. Глаза свѣтлые, волосы всклоченные, улыбка насмѣшливая, одна щека розовая и вымытая, другая — черная, запачканная; нищій и гордый, онъ надѣваетъ на-бекрень бумажную каску и цѣлый день поетъ пѣсни Беранжѐ. Таковъ Парижскій уличный мальчишка.

Gamins, какъ гризетки, водятся только въ Парижѣ. Это туземный продуктъ.

Уличному мальчику, о которомъ идетъ рѣчь въ водевилѣ, отроду лѣтъ пятнадцать. Онъ выбѣгаетъ на сцену, гоня передъ собой кубарь. Когда ему наскучило играть кубаремъ, онъ садится, какъ кошка, на спинку креселъ; наскучило сидѣть, онъ скачетъ обѣими ногами черезъ мебели. Бабушка сердится, бранитъ его; и кошка дѣлается ласковою собачкою. Черезъ минуту эта собачка становится дикимъ звѣремъ: онъ услышалъ на улицѣ шумъ, и бѣжитъ бунтовать. Уличный

мальчишка—заклятый врагъ фонарей: онъ смертельно ненавидитъ эти «легкіе факелы, висящіе въ воздухѣ», какъ говоритъ Г. Скрибъ въ своей пріемной академической рѣчи,—потому что, надобно вамъ сказать мимоходомъ, въ прошломъ мѣсяцѣ Г. Скрибъ, вступая въ академію, читалъ рѣчь, въ которой рѣчи, замѣтимъ также мимоходомъ, онъ утверждалъ, что пѣсня важнѣе Исторіи, а водевиль лучше комедіи, которая есть самая ложная, самая лживая вещь въ свѣтѣ, — на каковую рѣчь Г. Вилльменъ, президентъ Академіи, весьма учтиво и остро и мило отвѣчалъ ему, что онъ, любезный его сочленъ, Г. Академикъ Скрибъ, не знаетъ самъ, что говоритъ.

Жозефа берутъ за воротъ, отводятъ въ полицію, но вскорѣ отпускаютъ; потому что, въ душѣ, жандармъ не ненавидитъ уличнаго мальчишки. Парижскій уличный мальчишка и Парижскій жандармъ другъ друга понимаютъ, другъ другу говорятъ — ты. Уличный мальчишка любитъ толковать съ жандармомъ, удивляется ему, ходитъ съ нимъ скорымъ и тихимъ шагомъ. Жандармъ со своей стороны, ведетъ по обязанности войну съ уличнымъ мильчишкою, когда тотъ позволяетъ себѣ излишнія вольности; но войну умѣренную и дружелюбную. Жандармъ, пожалуй, готовъ попугать мальчишку, но ни за что въ свѣтѣ не сдѣлаетъ ему зла. Во всемъ Парижѣ нѣтъ ни одного жандарма, у котораго бы не было крестника уличнаго мальчишки.

Это первое дѣйствіе наполнено премилыми шалостями Парижскаго уличнаго мальчишки. Второе дѣйствіе склоняется нѣсколько къ драмѣ; у мальчишки есть сестрица. Законная сестра Парижскаго уличнаго мальчишки — Парижская гризетка. Она чинитъ блузы, лечитъ раны, заботится о туалетѣ своего братца. Братъ со своей стороны, защищаетъ сестру, водитъ ее подъ руку, оказываетъ ей свое покровительство. Но между-тѣмъ какъ мальчишка дерется на улицѣ со всѣми конституціонными властями, сестрѣ приходится выдерживать другой поединокъ. За мальчишкою гоняется городовой, за его сестрой — денди. Одного губитъ его отважность, другую ея слабость; тутъ мальчишка, понявъ вдругъ свои обязанности, отправляется къ генералу Морену. Онъ разсказываетъ генералу, что сынъ его Жюль — подлецъ, что онъ вкрался въ домъ старушки Манье подъ видомъ живопис-

ца, и что Элиза, сжалясь надъ его горестнымъ положеніемъ, полюбила его. Этотъ трогательный разсказъ, перемѣшанный со множествомъ прелестныхъ наивностей, трогаетъ стараго генерала до слезъ. Онъ сердится на сына, и говоритъ мальчишкѣ: «Приведи сестру твою». Мальчишка говоритъ сестрѣ, что ея зоветъ одна пожилая дама. Однимъ словомъ генералъ женитъ своего сына на гризеткѣ Элизѣ.

Эта маленькая драма есть весьма удачное изображеніе народныхъ нравовъ. Она заставляетъ и смѣяться и плакать.

5. Laurette, *Лоретта*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Сенъ-Жоржа и Левена.

Сюжетъ водевиля взятъ изъ военной были его сіятельства графа Альфреда де Виньи. Эта быль, какъ и всѣ другія были того же автора, одинъ изъ тѣхъ болѣзненныхъ разсказовъ, отъ которыхъ пахнетъ чердакомъ, казармою, тюрьмой и гошпиталемъ. Я думаю, что ни какой въ свѣтѣ писатель не наслаждался столько «сладострастіемъ слезъ», какъ Альфредъ де-Виньи. Влюбленный въ формы слога, онъ извлекаетъ изъ головы, а не изъ сердца, тысячи лицъ, прелестныхъ съ перваго взгляда, и, придумавъ свою книгу или свою исторію, сдѣлавъ героиню молоденькою и хорошенькою, нѣжною и прекрасною, великодушною и страстною, — героя молодымъ, счастливымъ, поэтомъ, влюбленнымъ, — спѣшитъ какъ-можно немилосердѣе погубить ихъ огнемъ, мечемъ, водой, ядомъ, сѣкирой палача. Едва только они осмотрѣлись, погрѣлись на солнцѣ, какъ вдругъ является смертный приговоръ. Чѣмъ болѣе женщина у него молода и прекрасна, счастлива и невинна, тѣмъ глубже его сіятельство погружаетъ ее въ бездну злополучія. Ни одной изъ своихъ женщинъ, ни одного изъ своихъ молодыхъ людей не пощадилъ онъ. Китти Белль, Лоретта, Чатертонъ, Андрей Шеніе, капитанъ Роландъ и всѣ прочіе, умираютъ. Чтобы ни одинъ не спасся, мосьё Альфредъ де-Виньи готовъ поджечь пороховую казну Винсенскаго замка и погубить взрывомъ адъютанта Барруа: правда однако жъ, что онъ предохранилъ отъ всѣхъ опасностей курицу Барруа съ цыплятами. Въ другой разъ, чтобы умертвить капитана Роланда, Г. Альфредъ де-Виньи придумываетъ, что ребенокъ раздробилъ ему ногу пистолетомъ, который былъ заряженъ игрушечнымъ шарикомъ. Странная

охота окрововлять все на свѣтѣ, даже игрушку ребенка! И выходитъ, что къ концу книги, послѣ долгаго, утомительнаго чтенія, видишь, что никто не спасся, ни женщины, ни мужчины, ни офицеры, ни солдаты: изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ у него лицъ, посю-пору остались только курица, о которой я имѣлъ честь вамъ докладывать, одна женщина, которая лишилась ума, да солдатъ, который умираетъ въ гошпиталѣ. Есть за что благодарить!

И замѣтьте, что это лихорадочное, нервическое расположеніе проявляется и въ слогѣ его Французскаго сіятельства. Слогъ его точно такой же больной, отчаянный какъ исторіи. Слушать его были и слушать ихъ разсказанныя такимъ образомъ — двойной трудъ; въ его манерѣ весьма мало естественности, много замысловатыхъ усилій, но ничего истиннаго; много кокетства и румянъ, но ни одного прямаго чувства.

Больную, о которой теперь дѣло, зовутъ Лореттой; она миленькая добрая дѣвочка, еще полу-разпустившійся, цвѣтокъ полу-роза, полу-овѣчка; Лоретта любитъ, первою и послѣднею любовью, одного молодаго поэта, который написалъ пѣсню противъ Директоріи. Директорія отправляетъ поэта въ Кайенну на кораблѣ Маратъ, которымъ командуетъ капитанъ Ренò. Капитанъ Ренó храбрый фанатикъ, который ничего не хочетъ знать кромѣ приказаній начальства. Ему велено свезти молодаго Леона и прекрасную Лоретту въ Кайенну, и онъ везетъ ихъ. Но дорога длинна, и на пути капитанъ Ренò привязывается самою нѣжною дружбою къ Леону и Лореттѣ. Они такъ молоды, такъ хороши и такъ любятъ другъ друга; она такъ прекрасна, такъ весела и беззаботна, такъ предана своему Леону и такъ гордится тѣмъ, что для него отказалась отъ своей свободы и отечества; а Леонъ — такой поэтъ, такъ влюбленъ въ Лоретту! Бѣдные молодые люди, они качаются въ своей койкѣ, гуляютъ обнявшись по палубѣ; улыбаются голубому небу одной улыбкою; они — радость, слава, утѣха корабля «Марата».

Капитанъ Ренò, до глубины души тронутый ихъ молодостью, красотою, прелестью, невинностью, далъ себѣ клятву во всю жизнь не разставаться съ Леономъ и Лореттою. Онъ хочетъ быть ихъ дядей, ихъ отцемъ; онъ хочетъ жить съ ними, обречь себя вмѣстѣ съ ними изгнанію. Онъ отдаетъ имъ

все, что у него есть, и пожертвуетъ имъ эполетами, обоихъ ихъ облечетъ родительскою любовію. Между-тѣмъ корабль, благопріятствуемый попутнымъ вѣтромъ, достигаетъ экватора. Раздается крикъ — экваторъ! и капитанъ Ренò вспоминаетъ, что у него есть запечатанное предписаніе Директоріи, которое онъ долженъ открыть только подъ экваторомъ. Конвертъ у него въ рукахъ, и глядитъ на него своими четырмя красными печатями. Онъ разпечатываетъ пакетъ: въ бумагѣ Директоріи содержится предписаніе разстрѣлять Леона. Лоретта, при огнѣ ружейныхъ выстрѣловъ видитъ, какъ тѣло ея любезнаго падаетъ въ море. Лоретта лишается разсудка.

Г. Альфредъ де-Виньи называетъ это «воинскимъ рабствомъ!» Оно, можетъ-быть, и такъ, по мнѣнію писателей новѣйшей школы, но совсѣмъ не такъ, по мнѣнію людей здравомыслящихъ. Въ положеніи капитана Ренò умертвить этого молодаго человѣка въ открытомъ морѣ, насильственно отторгнуть его отъ юной супруги, и все это по предписанію Барраса, — не значитъ повиноваться какъ сóлдатъ, а совершить убійство, въ сообществѣ съ гражданиномъ Баррасомъ. Исполнить подъ экваторомъ смертный приговоръ, подписанный кровавою и порочною рукою низкаго, безумнаго Барраса, не значитъ быть покорнымъ воиномъ, а безсмысленнымъ клевретомъ злодѣя. Притомъ, въ правленіе Директоріи, командовать кораблемъ, который называется Маратомъ, значитъ просто быть разбойникомъ. Какъ скоро карабль называется Маратомъ, то честному человѣку слѣдуетъ не командовать имъ, а сжечь его, съ правомъ, въ случаѣ нужды поподличать, переименованія корабля Марата въ корабль Баррасъ.

Но вотъ чтò еще страннѣе: исполнивъ до конца, какъ глупецъ, предписаніе злодѣя, капитанъ Ренò беретъ Лоретту въ свои объятія и хочетъ до конца посвятить жизнь свою бѣдной помѣшанной. Лоретта больна. Уже двадцать лѣтъ какъ она страждетъ медленною лихорадкою, которая сушитъ и изнуряетъ ее. Она блѣдна и худа какъ скелетъ. Глаза ея дики, ротъ искривленъ. Длинные темнорусые волосы, которые солнце съ любовію ласкало, висятъ въ безпорядкѣ по изсохшему челу и смѣшиваются съ соломою ея ложа. Двадцать лѣтъ уже какъ капитанъ Ренò возитъ Лоретту съ одного поля сраженія на другое; онъ держитъ ее въ небольшой закры-

той тележкѣ, которую тащитъ маленькая лошадь. Изъ моряка капитанъ Ренò сдѣлался пѣхотинцемъ. Такимъ образомъ оба они участвовали во всѣхъ войнахъ Имперіи, и возвратились живы и цѣлы, она все безумная, онъ все печальный. Судьба обоихъ рѣшается вмѣстѣ съ судьбою имперіи, при Ватерлоо; капитанъ Ренò убитъ ядромъ, Лоретту подобрали на соломѣ, снесли въ домъ ума лишенныхъ и тамъ, дня черезъ три, она умираетъ въ бѣшенствѣ. Офицеръ, который разсказываетъ Г. Альфреду де-Виньи эту исторію, даетъ ему почувствовать, что Лоретта была любовницею катипана Ренò!

Въ этихъ прискорбныхъ разсказахъ нѣтъ ничего ни для ума, ни для сердца. Этого рода занимательность сжимаетъ вамъ сердце, но не извлекаетъ изъ глазъ ни слезинки. Правду сказать, это уже слишкомъ жестоко—мучить своихъ героевъ двадцать лѣтъ и потомъ умертвить ихъ!

Водевиль, не столь звѣрскій какъ романъ, измѣнилъ развязку этой исторіи. Капитанъ Ренó увернулся отъ исполненія приказаній Директоріи, и вся быль уничтожилась.

6. Les chansons de Désaugiers, Пѣсни Дезожіè, водевиль во многихъ актахъ, Гг. Теолона и Декурса.

Дезожіè былъ пѣвецъ вина, любви и грацій. Живя въ правленіи Директоріи, онъ напивался, чтобы не видать всѣхъ тогдашнихъ низостей. Онъ былъ основателемъ Rocher de Cancale. Онъ всю жизнь былъ, какъ тогда говорили, эпикуреецъ, то есть, человѣкъ беззаботный, нецеремонный, потопившій жизнь въ бокалѣ шампанскаго. Поэтъ на досугѣ, исполненный, самъ того незная, поэтическаго чувства, писатель чистый и правильный, даже въ величайшихъ разгулахъ ума, составлявшихъ утѣху литературнаго общества, которое называлось Погребомъ, le Caveau; веселый добрякъ, не честолюбивый, не думавшій о завтрашнемъ днѣ, счастливый и довольный если могъ заплатить за обѣдъ остроуміемъ, короткій пріятель всякаго, кто умѣлъ обѣдать, молодой весьма долго, но, увы, молодой не вѣчно, потому что онъ умеръ.

Таковъ былъ Дезожіè. Поэтъ любезный, удалой, не заботившійся о славѣ, которую онъ охотно бы отдалъ за хорошее жаркое, сочинитель пѣсенъ на каждый случай, которыя самъ распѣвалъ за столомъ, человѣкъ остроумный каждый Божій день въ обѣденное время, отъ супа и до десерта включительно.

Онъ жилъ, какъ говорятъ, весело и счастливо; но, право, эта жизнь была жалкая. Какое ужасное состояніе быть осужденнымъ на безпрерывную, безконечную веселость! Смѣшить толпу и быть необходимою принадлежностью пиршества! Ремесло шута — жалкое ремесло, даже когда оно исполняется риѳмами. Въ ремеслѣ пѣсенника всего ужаснѣе то, что надобно подкрѣплять наставленія примѣромъ. Пѣсенникъ воспѣваетъ вино, — онъ обязанъ пить; поетъ любовь, — долженъ любить. Напрасно года напоминаютъ ему, что пора перестать: вино и любовь не отстаютъ отъ него, и, несмотря на лѣта, на сѣдые волосы, говорятъ ему: Ты долженъ пить! ты долженъ любить! смѣшить по обязанности! быть веселымъ по необходимости! смѣяться смѣхомъ принужденнымъ! Но напиваться когда пить не хочется, любить, когда пора любви прошла, воспѣвать всё Лизету, когда Лизета уже стара и беззуба, или вздыхать о Лизетахъ не существующихъ, о Лизетахъ осьмнадцати-лѣтнихъ, которыя годятся пѣвцу во внучки, — больно! Какого поэта въ мірѣ искусство осуждаетъ на подобное притворство? Комическому поэту позволяется быть и скучнымъ и тяжелымъ; трагику смѣяться во все горло, desipere in loco; историкъ можетъ, если угодно, писать сказки; романистъ исторію; но пѣсеннику позволено быть только пѣсенникомъ. Онъ долженъ смѣятся до конца, забавляться до самой смерти, быть молодымъ до послѣдняго дня жизни. Такъ, Дезожіе считалъ себя обязаннымъ смѣяться на одрѣ смерти и отпускать каламбуры подъ ножемъ оператора. Дютоитренъ дѣлалъ ему операцію камне-сверленія, а онъ пѣлъ:

Quand serais-je à la fin de ma carrière?
De ma carrière?
De ma carrière?

Водевиль Гг. Теолона и Декурса составленъ изъ пѣсенъ Дезожіе; разбирать его невозможно: въ немъ множество дѣйствій, въ которыхъ лучшія пѣсни Дезожье изображены въ дѣйствіи.

7. Mila, *Милая*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Поля и Жака.

Французскій капитанъ Горваль занялъ двадцать тысячь франковъ у Англійскаго коммодора Бельтона, чтобы купить невольницу Милую, — Гречанку, какъ вы, конечно, догадываетесь по самому имени, если только не знаете Греческаго языка.

Горваль влюбленъ въ невольницу свою Милую; Милая влюблена въ господина своего Горваля. Бельтонъ тоже, со своей стороны, влюбленъ въ Милую. Однажды Бельтонъ говоритъ Горвалю: Вы должны мнѣ двадцать тысячь франковъ, на которыя купили Милую; отдайте мнѣ мои двадцать тысячь франковъ. — Горваль говоритъ Бельтону: У меня нѣтъ двадцати тысячь франковъ. — Въ такомъ случаѣ, отвѣчаетъ Бельтонъ, Милая должна бы быть продана съ публичнаго торга, хоть бы даже съ убыткомъ для васъ; но я человѣкъ сговорчивый: вы мнѣ должны двадцать тысячь франковъ, я беру ее за двадцать тысячь франковъ, и мы квиты. — Мнѣ продать Милую! вскрикиваетъ Горваль. — Да вѣдь вы, однако жъ ее, купили? — Мнѣ продать Милую! вскрикиваетъ опять Горваль. — Да вѣдь вы однакожъ должны мнѣ? отвѣчаетъ Бельтонъ: какъ бы то ни было отдайте мнѣ мои двадцать тысячь франковъ или Милую.

Милая слышитъ этотъ странный разговоръ между Французомъ и Англичаниномъ. И она придумываетъ чрезвычайно замысловатое средство удовлетворить и Францію и Англію, и Горваля и Бельтона. Милая говоритъ Бельтону: Купите меня! — Потомъ, когда Бельтонъ купилъ ее, она отравляетъ себя ядомъ. Такимъ образомъ Горваль ничего больше не долженъ Бельтону, и Милая не принадлежала никому кромѣ Горваля. Къ частію, какой-то старый учитель Латинскаго языка, который попалъ тутъ Богъ вѣсть какъ, перемѣнилъ перстень Милой; Милая проглотила толченый сахаръ вмѣсто яда.

Извѣстно, что одно счастье безъ другаго не приходитъ. Бельтонъ возвращается и говоритъ Милой: Вы свободны; родители ваши (въ началѣ піесы было сказано, что родители Милой погребены въ морѣ), родители ваши заплатили мнѣ мои двадцать тысячь. Вотъ мило!

Горваль и Милая кричатъ: О великодушный Англичанинъ!

8. Le Pensionnat de Monterau, *пансіонъ въ Монтро*, водевиль съ ружейной пальбой, Гг. Кормона и Демера.

Это точнехонько тоже, что Возстаніе въ сералѣ; только тамъ танцуютъ, тутъ говорятъ и поютъ. Пародія балета! — много чести.

9. Les mauvaises connaissances, *Дурныя знакомства*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Дюмерсана и Александра.

Сентиментальная глупость. Рембо хорошій человѣкъ; Ип-

политъ — продавецъ театральныхъ контромарокъ. Ипполитъ дружится съ Рембо; водитъ его въ кофейныя, въ билліардныя; они вмѣстѣ курятъ, пьютъ, ѣдятъ, волочатся. Негодяй Ипполитъ рѣшительно погубилъ бы добраго Рембо; къ счастію является госпожа Рембо, прогоняетъ Ипполита и возвращаетъ мужа на путь истины и добродѣтели.

10. La Folle, *Безумная*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, F. Денойѐ и еще другаго.

Жили были два брата, Эдуардъ и Карлъ. Эдуардъ, — Ловеласъ 1830 года, сдѣланный по выкройкѣ Ричардсонова Ловеласа. Карлъ — одинъ изъ многочисленныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей незаконорожденнаго Антони. Одинъ изъ нихъ дѣлается отцемъ маленькаго ребенка, другой выхватываетъ этого ребенка изъ пламени. Эдуардъ женится на дѣвицѣ Клариссѣ, не любя ея; Карлъ любитъ Клариссу, но не женится на ней. Дѣвушку обольщенную Эдуардомъ, зовутъ Женни. Борьба добродѣтельнаго Карла съ порочнымъ Эдуардомъ продолжается какъ-можно больше, то есть, до конца пьесы. Въ послѣдней сценѣ Женни безумная поражаетъ Ловеласа Эдуарда кинжаломъ и, дѣло съ концемъ.

Эта жестокая піеса написана слогомъ самымъ жестокимъ.

11. Monsieur et madame Galochard, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дювера и Лозанна.

Дѣло происходитъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія; юный Король Людовикъ XIV еще влюбленъ въ Луизу Лавалієръ. Однажды, когда прелестная его любовница убѣжала, онъ пишетъ къ ней нѣжное письмо; Людовикъ говоритъ своей Луизѣ объ ихъ ребенкѣ: къ несчастію, это письмо попадается въ руки мосье Галошара.

А замѣтьте, что мадамъ Галошаръ беременна, и что ее зовутъ тоже Луизою. Бѣдный Галошаръ думаетъ, что Людовикъ XIV обезчестилъ его; и онъ тѣмъ болѣе увѣренъ въ этомъ, что его изъ королевскихъ огородниковъ назначаютъ вдругъ смотрителемъ королевскихъ оранжерей.

— Скажите королю, вскрикиваетъ Галошаръ, что я не хочу платить за эти почести моимъ безчестіемъ.

Мадамъ Галошаръ, конечно, навѣрное знаетъ, что она не любовница короля, но думаетъ что король въ нее влюбленъ. Она обѣщается мужу своему Галошару свое могущественное

покровительство; мосьё Гальшаръ непремѣнно долженъ быть радъ и доволенъ: «иначе, сударь, я васъ отставлю!»

—О, если такъ, то я ужъ отомщу за себя! Пусть-ка твой ребенокъ изволитъ родиться: я его заставлю копать гряды, сажать и поливать капусту!

И Галошаръ, сжавъ кулаки, безъ милосердія ругаетъ бѣднаго ребенка, который еще и не родился.

Къ счастію, все открывается прежде родовъ. Галошаръ узнаетъ наконецъ, что письмо писано точно къ Луизѣ, да только не къ его; онъ радъ и доволенъ уже по собственному побужденію, а не по женнину приказу, и съ нетерпѣніемъ ждетъ своего перваго ребенка.

Все это, конечно, нелѣпо, но забавно.

12. M. Bonhomme, *Господинъ Бономъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Эжена и Леопольда.

Г. Бонòмъ умеръ и не умеръ. Овернецъ, его племянникъ, которому онъ далъ взаймы сто экю, отдаетъ ихъ призраку Г. Бонома, потому что Овернецъ, племянникъ, боится привидѣній. Пьеса, увѣряю васъ, ничуть ни сколько не остроумнѣе *сего моего объ оной* доклада.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Парижская пожарная команда спасла для любителей Французскихъ романовъ изъ пожара типографій сочиненіе, которое безъ-сомнѣнія имъ понравится: обожженная, упитанная дымомъ, книга Г. Делатуша, France et Marie, вышла въ свѣтъ и снискиваетъ большія похвалы въ журналахъ. «France et Marie, говоритъ Revue de Paris, есть твореніе, въ которомъ литературное совершенство и драматескій интересъ содержатъ вниманіе читателя въ безпрерывномъ напряженіи». Быть-можетъ! Посмотримъ. Впрочемъ, авторъ «Фраголетты» — писатель съ весьма пріятнымъ дарованіемъ. Новое его сочиненіе есть картина событій и нравовъ временъ Французской имперіи.

— Хотите ли знать что-нибудь про знаменитую эпопею Г. Эдуарда Кинѐ, нарѣченную «Наполеонъ»?— Начинается прологъ. Въ тѣни Корсиканскихъ кустарниковъ, въ Аяччіо, сидитъ женщина и прядетъ; подлѣ нея мужъ, и они разговариваютъ о будущей судьбѣ своего маленькаго сына. Чѣмъ онъ будетъ? Пажемъ? матросомъ? охотникомъ? Кто это знаетъ! Вотъ приходитъ цыганка, которая все знаетъ. Она

беретъ руку ребенка; эта ручка уже тяжела какъ желѣзо. Странныя судьбы на ней начертаны, и въ глубокихъ бороздахъ этой нѣжной ручки уже можно читать всю эпопею жизни будущаго героя. Цыганка видитъ Лодійскую маслину, Абукирскую пальму, и Лейпцигскіе тополи. Ребенокъ вскорѣ садится на корабль. Прощайте, матушка! прощайте сестрицы! Волны вздымаются, паруса наполнились, корабль летитъ. Звѣзда героя всходитъ на горизонтъ, но никто еще ея не видитъ, даже и онъ самъ, хотя онъ первый ее замѣтилъ. Таковъ прологъ.

Начинается поэма. Передъ вами проходятъ пыльные баталіоны Французской республики, босые, оборванные, полунагіе. Вотъ Марсо, вотъ Жуберъ, Гошъ, Десè. И вотъ на вершинѣ Аппенина стоитъ юный Корсиканецъ съ задумчивымъ челомъ. Онъ является уже какъ туча, которая возникаетъ на краю горизонта. Вотъ Арнольскія болота. Корсиканецъ тутъ. Онъ переходитъ болота, и Венеція падаетъ.

Скачетъ гонецъ. Онъ привезъ на роскошныя берега Бренты, на могилу Венеціи и Италіи, письмо Жозефины, одно изъ тѣхъ писемъ, которыя женщины пишутъ въ любви, въ ревности, въ отчаяніи, проклиная войну и ея ужасы. Гонецъ скачетъ назадъ и везетъ въ отвѣтъ письмо, писанное подъ военною палаткою. Черезъ минуту вы переходите отъ войнъ Итальянскихъ въ пустыни Египетскія. Эхо семи пирамидъ оглашается Французскими рѣчами. Паша Дамасскій пишетъ къ своимъ агамъ и беямъ, толпа бѣжитъ на встрѣчу султану Франковъ, имамъ всходитъ на минаретъ и разсказываетъ народу битву у пирамидъ. Эта каѳедра не множно неудобна для разсказовъ, по своей вышинѣ, да это ничего: вѣдь разсказываютъ стихами! Наступаетъ вечеръ, и хоръ Восточныхъ женщинъ оплакиваетъ паденіе Азіи. Тутъ появляется въ пустынѣ тотъ самый человѣкъ, котораго вы недавно видѣли на Аппенинахъ и на могилѣ Венеціи. Стоя у подножія пирамидъ, онъ размышляетъ, потому что рѣшительная минута наступила. Онъ спрашиваетъ самъ себя, чѣмъ онъ будетъ,— Брутомъ, или Цезаремъ? Рѣшено, онъ будетъ Цезаремъ.

И вотъ Цезарскіе орлы передъ нимъ преклоняются. Герой пустыни сдѣлался первымъ консуломъ. Сидя, при свѣтѣ

лампы, надъ картою, онъ дѣлитъ царства. Теперь онъ законодатель.

Но разсказывать вамъ все, что прописывается въ этой эпопеѣ, было бы слишкомъ долго. Прочтите на досугѣ всю исторію Наполеона, и вы будете знать содержаніе поэмы. Посмотримъ лучше «начало конца».

Вотъ царскій пиръ. Дворъ сіяетъ бриллянтами и радостью, и, посреди всеобщаго удовольствія, женщина трепетно разговариваетъ съ мужемъ: это Жозефина. Подъ пышнымъ балдахиномъ, при упоительномъ шумѣ бала, сердце ея разрывается мыслію о разводѣ, который еще тайна для всего свѣта. Разговоръ этихъ двухъ супруговъ, удерживаемыя рыданія Жозефины, отрывистыя, повелительныя рѣчи властелина и веселье, ихъ окружающее, все это составляетъ прекрасную сцену.

На разсвѣтѣ пиръ превращается въ трауръ: раздался кликъ возставшей Испаніи; Испанія первая услышала анаѳему, изрѣченную въ Римѣ на похитителя престоловъ; голосъ ея уже проникаетъ во Францію черезъ вершины Пиреней. Слышится пѣніе монаховъ, и уже крикъ Сарагоссы, переносясь отъ эха къ эху, отражается отъ стѣнъ Кремля.

Вотъ и Москва! Пожаръ Москвы освѣщаетъ своими огнями послѣдній день славы Титана войны. Но и Москва уже далеко; недалеко Березина. Наполеонъ несется въ саняхъ изъ Москвы сквозь свою армію, разбитую, голодную, нагую, полу-замерзшую, между-тѣмъ какъ Казаки носятся вокругъ него и нанизываютъ по десятку Французовъ на пику. «Московскій проѣзжій» одинъ продолжаетъ путь, одинъ пріѣзжаетъ въ свое государство; народъ смотритъ съ башенъ, и не узнаетъ коня его. Часовой спрашиваетъ его имя. — Наполеонъ!, и Франція начинаетъ дрожать и волноваться.

Потомъ, гремитъ Лейпцигская пушка. Волны Эльстера разступились для Понятовскаго и сомкнулись надъ его головой. Германцы, стоящіе на часахъ во Французскомъ станѣ, перекликиваются между собою: они слышатъ ропотъ своихъ единоземцевъ. Ропотъ усиливается, и наконецъ Германія отвѣчаетъ на призывный кликъ Сарагоссы. Герой переходитъ отъ бѣдствія къ бѣдствію. Франція занята побѣдоносными союзниками, и Титанъ уѣзжаетъ, какъ прибылъ, по Средиземному Морю.

Между-тѣмъ, еще не все кончилось: весна снова разцвѣла; въ сторонѣ Эльбы бѣлѣется парусъ. Это онъ? Но Ватерлоо уже близко.

Ватерлоо! Тутъ оканчивается вся эта дивная исторія; тутъ уже все умираетъ, и почти не остается никого, кто бы могъ разсказать Франціи ея нападеніе.

Вы думаете, конецъ? Нѣтъ, еще не все кончено. Въ этой поэмѣ — развязокъ пропасть. Васъ ведутъ еще въ Лонгвудъ, на островъ Св. Елены. Наполеонъ умираетъ, и передъ смертью онъ объясняетъ окружающимъ загадку своей жизни. Свершилось, онъ умеръ. Его великая армія, переколотая и замерзшая въ Россіи, спускается съ неба, — какимъ образомъ она туда попала, неизвѣстно, — спускается съ неба, чтобы принять героя въ ряды свои, и, на прежнихъ поляхъ сраженій, сами битвы встаютъ какъ великаны на грудахъ костей человѣческихъ: онѣ прощаются съ временами баснословными, отъ которыхъ отдѣляетъ насъ бездна — нѣсколькихъ дней.

Еще не конецъ! Въ послѣдней сценѣ этой divina comedia носится слухъ, что «императоръ» не умеръ. Наполеонъ построилъ себѣ колонну на Вандомской площади. И вотъ мертвый воскресаетъ на вершинѣ колонны; сердце у него мѣдное, душа бронзовая. У ногъ его проходятъ года и вѣка. Наступаетъ конецъ свѣта. Земля пустѣетъ, но онъ все переживаетъ и одинъ стоитъ посреди хаоса.

Такова эпопея Г. Эдгарда Кинѐ. Это—созданіе мысли странной и надутой, смѣлой до дерзости, восторженной и страстной до безумія. Слогъ поэмы соотвѣтствуетъ многообразію воспѣтыхъ событій, — слогъ и сильный и низкій; — слогъ, иногда дотого народный, что переходитъ въ варварскій, — поэзія, о которой нельзя ничего сказать кромѣ того, что она не походитъ ни на какую извѣстную, — твореніе безумнаго, если вы хотите, — твореніе человѣка съ талантомъ, если вамъ угодно. Какую судьбу готовитъ время этой книгѣ? Станетъ ли она рядомъ съ «Агасверомъ» того же автора въ библіотекахъ нѣсколькихъ фанатиковъ наполеонистовъ? Мы думаемъ, что такъ.

—Говоря объ эпопеяхъ, можно упомянуть, что ихъ вышло еще нѣсколько, между прочимъ одна подъ заглавіемъ «Моисей»: да кто ихъ станетъ читать! Мы еще насчитали цѣлыхъ

три перевода «Освобожденнаго Іерусалима», но и это не интересно.

—Говорятъ, что вышла уже обѣщанная религіозная поэма Г. Ламартина, и нѣкоторые журналы утверждаютъ, что Г. Ламартинъ «никогда еще не воспарялъ такъ высоко».

—Бросивъ бѣглый взглядъ на послѣдніе списки новыхъ Французскихъ книгъ въ Б. для Ч., можно ясно видѣть, до какой степени изнеможенія дошла эта словесность. Вотъ уже третій мѣсяцъ, какъ она не представляетъ ничего примѣчательнаго. Великіе юные геніи исписались, и спасибо имъ за это, потому что появленіе каждой новой книги съ именемъ котораго-нибудь изъ нихъ грозило всегда любопытству читающей публики новымъ безнравственнымъ ученіемъ или новою картиною неблагопристойностей. Эта мерзкая словесность уже надоѣла всѣмъ благомыслящимъ людямъ, всѣмъ отцамъ и матерямъ семействъ. Еще Гёте сказалъ, по случаю «Орлеанской Дѣвственницы», что качество, котораго наиболѣе не достаетъ Французамъ, чувство приличія, и юная школа въ полной мѣрѣ оправдала судъ великаго поэта-философа. Мы отъ всей души призываемъ то время, когда въ воспитаніи Русскаго юношества Англійскій языкъ займетъ первое мѣсто, которое теперь безполезно отдается Французскому: если мы не можемъ обойтись безъ иностранной поденной словесности, то уже гораздо лучше, лучше для религіи и для нравовъ, чтобы молодые люди обоего пола читали Англійскіе романы, которые во-первыхъ занимательнѣе, а во-вторыхъ всегда такъ благопристойны, такъ проникнуты уваженіемъ къ вѣрѣ и правиламъ чистой нравственности, что самая строгая цензура не найдетъ въ нихъ ни одного сомнительнаго слова. Bibliographie de la France за два первые мѣсяца нынѣшняго года представляетъ уже 872 новыхъ изданія, но не должно думать, чтобы все это были новыя книги: сюда входятъ всѣ стихи, печатающіеся даже на четверкахъ, всѣ журнальныя статейки, тиснутыя особо, всѣ брошюры, отъ восьми страницъ до пяти и шести листовъ печати, наконецъ всѣ тетради сочиненій, выходящихъ постепенными выпусками. Отдѣливъ сочиненія о предметахъ совершенно мѣстныхъ, статистическія или историческія описанія разныхъ департаментовъ, класныя руководства, грамматики и словари для училищъ, рѣчи, календари, альманахи,

сборники законовъ и постановленій, разборы извѣстныхъ статей Французскаго Права и проекты новыхъ узаконеній, переводы съ иностранныхъ языковъ, политическія разсужденія, духовныя книги и новыя изданія старыхъ книгъ, — которыхъ мы непоказываемъ въ спискахъ Б. для Ч., — остается очень немного твореній общихъ, и любопытныхъ для иностраннаго читателя. Внимательный обзоръ Французской библіографіи за два послѣдніе мѣсяца показываетъ, — и это можетъ показаться страннымъ для многихъ, — что въ числѣ этихъ почти *девяти сотъ* новыхъ званій, около трети заглавій принадлежитъ книгамъ и брошюрамъ духовнаго содержанія, — біографіямъ католическихъ святыхъ, молитвенникамъ, проповѣдямъ, описаніямъ мощей и мѣстъ, славящихся чудесами, и отвѣтамъ скептицизму приверженцевъ Философіи прошедшаго вѣка. Но столько же, если не болѣе, нумеровъ составляютъ сочиненія, касающіяся вопросовъ современной политики или проповѣдующія невѣріе и правила, разрушительныя для общества. Дѣтскія книжки, класныя руководства, статистика и исторія разныхъ частей королевства, и наконецъ книги вновь перепечатанныя наполняютъ остальную треть, въ которой Словесность и Науки занимаютъ очень мало мѣста. Все, что только заслуживаетъ какого-нибудь вниманія въ общей Европейской литературѣ, вносится отсюда въ списки Б. для Ч., и списки эти не могутъ никого утомить своей обширностью.

— L'Encyclopédie des Gens du monde достигла уже первой части шестаго тома (CHR — COM); послѣдній (сорокъ осьмой) выпускъ Dictionnaire de la conversation заключаетъ въ себѣ буквы EMP — EPI, а послѣдній (тринадцатый) томъ Encyclopédie des connaissances utiles оканчивается буквами CHA.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Недавно вышелъ еще одинъ томъ обширной Ларднеровой Энциклопедіи, который содержитъ въ себѣ жизнеописанія знаменитыхъ литераторовъ и ученыхъ Италіи, Испаніи и Португаллiи. Это, конечно, компиляція, но компиляція составленная съ знаніемъ дѣла и даже съ тѣмъ энтузіазмомъ, который возбуждаетъ подобное себѣ чувство въ душѣ читателя: «безпристрастный критикъ» отыщетъ въ ней недостатки; образованный читатель забу-

детъ всѣ мѣлочи, увлеченный любопытностью содержанія и пріятностью разсказа.

— First impressions, Г. Дж. Девиса, представляютъ въ формѣ писемъ путевыя замѣтки во Франціи, Швейцаріи и Савойѣ. За исключеніемъ нѣсколько устарѣлыхъ выходокъ противъ папизма, книга Г. Девиса не лишена тѣхъ достоинствъ, какими отличаются путешествія людей опытныхъ, свѣдущихъ и здравомыслящихъ. Необходимо замѣтить, что авторъ принадлежитъ къ духовенству Англиканской церкви.

— Третья тетрадь «Словаря Архитектуры и Археологіи среднихъ вѣковъ», котораго изданіе было-замѣдлилось, обрадовала появленіемъ своимъ всѣхъ любителей Искусства и старины. Авторъ его, Г. Бриттонъ, приложилъ къ этой тетради тринадцать объяснительныхъ гравюръ, представляющихъ нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Великобританіи.

— Если бъ нужно было новое доказательство той несомнѣнной истины, что дѣйствительная жизнь сквозитъ въ вымыслахъ Искусства, стоило бы только обратиться къ Англійскимъ романамъ, которые, болѣе или менѣе страждутъ недугомъ путешествій, одолѣвающимъ самихъ Англичанъ. Не говоря о романахъ-путешествіяхъ, собственно такъ называемыхъ, много ли и обыкновенныхъ романовъ обойдется безъ *тура*, или переѣзда, въ Америку и обратно, на чемъ нерѣдко основанъ весь разсказъ? Къ разряду такихъ произведеній принадлежитъ и новый романъ Г. Дж. А. Джона, Margaret Ravenscroft. Тутъ главное дѣло въ путешествіи по Сициліи и въ тѣхъ подробностяхъ которыми романисты привыкли щедро надѣлять « благоуханный югъ », the balmy south. К сожалѣнію, въ большей части этихъ путешественныхъ романовъ замѣтна еще одна черта дѣйствительности, которая могла бы оставаться необнаруженной, именно то, что Гг. туристы ѣздятъ «на долгихъ» и умственный запасъ на одинъ небольшой томъ издаютъ обыкновенно въ трехъ, порядочнаго объема.

Говоря въ предъидущей книжкѣ о выходѣ въ свѣтъ послѣдняго тома «Исторіи Англійскихъ колоній» Г. Монтгомери Мертина, мы совсѣмъ забыли упомянуть, что авторъ этой любопытной книги приготовляетъ къ печати исторію колоній Франціи, Испаніи, Португаліи, Даніи, Россіи,

Турціи, и прочая, которая сулитъ ему болѣе трудностей, но и болѣе читателей. Прежнія занятія автора конечно уполномочиваютъ его къ этому обширному предпріятію болѣе чѣмъ всякаго другаго.

—Posthumous records of a London clergyman, изданныя авторомъ Oriental annual, есть довольно слабое подражаніе извѣстному Diary of a Physician. Должно надѣяться, что покрайней-мѣрѣ не будетъ списковъ этому подражанію: превращеніе пастора въ героя романтическихъ приключеній и введеніе въ романъ священнослужебныхъ подробностей и даже ссылокъ на Св. Писаніе есть такая новость, которая не можетъ понравиться набожнымъ Англичанамъ.

— Сочиненіе Г. Стона, Matthias and his impostures, замѣчательна въ томъ отношеніи, что представляетъ ужасный примѣръ тѣхъ безпорядковъ, которые влечетъ за собой въ Соединенныхъ Штатахъ отсутствіе господствующей вѣры, church establishment. Самозванецъ или фанатикъ Матіасъ, котораго приключенія составляютъ предметъ этой книги, отъ обмана къ обману, отъ одной степени изувѣрства къ другой, дошелъ невозбранно до такого самозабвенія, что напослѣдокъ, шатаясь изъ города въ городъ, объявлялъ себя высшимъ существомъ и производилъ въ невѣжественныхъ толпахъ безпорядки и волненія: это называется тамъ равенствомъ и свободой вѣръ.

—Land and sea tales, by the Old Sailor, изданныя съ картинами Крукшенка, заслуживаютъ большія похвалы: говорятъ, что самыя обыкновенныя происшествія и случаи представлены здѣсь съ большою силою чувства и мысли.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНІИ. Die Wissenschaft des Ideals, доктора Ломацша, есть произведеніе той самонадѣянной школы, которая думаетъ выразить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ чистымъ самоопредѣлительнымъ понятіемъ, то есть, понятіемъ ни объ чемъ. Сухая, формалистическая система Гегелистовъ нигдѣ не является въ такомъ не выгодномъ свѣтѣ, или лучше въ такой тмѣ, какъ въ примѣненіи къ Искуству: изящное становится у нихъ такимъ пугаломъ, что бѣжалъ бы отъ него за тридевять земель.

— Исключая Гёте, ни одинъ Нѣмецъ не можетъ быть такъ ясенъ какъ Французъ. При всемъ уваженіи къ этой аксіомѣ,

нельзя однако жъ не отдать справедливости извѣстному Вѣнскому астроному, I. I. Литтрову, въ его умѣньѣ излагать ученые предметы самымъ общепонятнымъ образомъ. Не въ ущербъ нашей аксіомѣ, мы готовы утверждать, что Литтровъ по астрономической части то же для Германіи, что Араго для Франціи по части физико-математическихъ наукъ вообще. Въ этомъ отношеніи мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ три его небольшія книги, которыхъ заглавія найдутъ они въ спискѣ литературныхъ новостей.

— Недавно вышелъ первый томъ всеобщаго географико-статистичестаго словаря Г. Шлибена. Авторъ, который уже извѣстенъ своими трудами по этой части, пользовался всѣми лучшими источниками, однако не избѣжалъ важныхъ пропусковъ: такъ напримѣръ, вы напрасно вздумали бы искать у него Эвпаторіи, — что непростительно въ книгѣ, объявляющей притязаніе на нѣкоторую полноту. Первый томъ, 640 страницъ въ большую осьмушку, простирается до начала буквы L.

— Всѣ, занимающіеся воспитаніемъ или преподаваніемъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, съ удовольствіемъ узнаютъ о выходѣ въ свѣтъ третьяго, передѣланнаго изданія прекрасной книги профессора Шварца, Lehrbuch der Erziehungs- und Unterrichtslehre, которая уже лѣтъ тридцать пользуется самою лестною извѣстностью.

— Докторъ Гуттенштейнъ оказалъ большую услугу любителямъ Нѣмецкой старины изданіемъ такъ называемыхъ Апофѳегмъ, или изрѣченій, Цинкгрефа. Цинкгрефъ жилъ въ семнадцатомъ столѣтіи во время Тридцатилѣтней Войны; его остроумныя поговорки сдѣлались тогда народною книгою и содѣйствовали къ очищенію языка и образа мыслей. Достоинство ихъ признано въ новѣйшее время Лессингомъ, Эшенбургомъ и многими другими; здравый, безъискуственный, народный умъ и рѣзкій оттѣнокъ эпохи составляютъ ихъ отличительныя свойства.

— Графиня Ида Ганъ-Ганъ выдала порядочный томъ стихотвореній, которыхъ элегическій напѣвъ можетъ нравиться или надоѣдать, смотря по расположенію духа, въ какомъ вы станете читать ихъ. Однако жъ стихотворенія могутъ быть признаны хорошими, если графиня Ганъ-Ганъ не дурна собою.

— Августъ графъ фонъ Платенъ-Галлермюнде написалъ въ

девяти пѣсняхъ премилую Восточную сказку, die Abassiden. Удачный вымыселъ, искусное изложеніе и живой разсказъ уносятъ васъ на крыльяхъ фантазіи въ волшебное царство Востока, и вы странствуете по этому краю чудесъ съ Аль-Рашидовыми сыновьями, пока вамъ вздумается бросить книгу и пойти гулять на Англійскую Набережную.

— Прочія стихотворенія, и повѣсти, безъ которыхъ теперь не проходитъ дня въ Европейской литературѣ, могутъ наслаждаться спокойствіемъ въ завѣтной пыли: не потревожимъ ихъ праха.

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

COURS DE PHILOSOPHIE, professé à la faculté de Paris par M. *Cousin*, publié avec son autorisation par M. Adolphe Garnier. 1 vol.

DE LA CHARITÉ LÉGALE, de ses causes et ses effets, et spécialement des maisons de travail et de la proscription de la mendicité, par M. *de Naville*. 2 vol.

PENSÉES ET MAXIMES DE M. DE TALLEYRAND, précédées de ses premiers amours et suivies de l'opinion de Napoléon sur ce grand diplomate. 1 vol.

PRÉCIS HISTORIQUE sur les comtes de Périgord et les branches qui en descendent, par M. *de Saint-Allais*. 1 vol.

BIBLIOTHÈQUE HISTORIQUE DE DIODORE DE SICILE; traduit du grec par A. F. Miot. Tomes I, II et III.

NOUVEAU COURS DE L'HISTOIRE de France, par M. *Alexandre Mazas*. 3 vol.

APPERÇU NOUVEAU sur l'histoire ancienne et moderne, par M. Victor de *Meri de la Conorgue*. 1 vol.

CHRONIQUES ANGLO-NORMANDES, relatives à l'Angleterre et la Normandie aux XI et XII siècles et publiées pour la première fois, par *Francisque Michel*. Tome I.

ITINÉRAIRE descriptif et instructif de l'Italie en 1833, par M. *Emmanuel P****. 1 vol.

ALPES PITTORESQUES. Description de la Suisse, du Tyrol et de la Savoye, par M. le vicomte *de Forestier*. 3 vol. 4to. Par livraisons.

VOYAGE en Navarre, pendant l'insurrection des Basques, par M. *Augustin Chaho*. 1 vol.

PHILOSOPHIE, Description générale de la nature, pour servir d'introduction aux sciences géographiques, par *E. Cortambert*. 1 vol.

HISTOIRE NATURELLE des Iles Canaries, par MM. *Barker-Webb* et *Berthelot*. 3 vol. 4to. Par livraisons.

нельзя однако жъ не о
Вѣнскому астроном
ученые предмет
ущербъ наше
по астроном
для Франц
ще. Въ э
лямъ т
они н

ст

la banque et des manufac-
et de l'industrie de toutes
ques villes de commerce dans
tations, exportations, produits de
lises, usages, etc., etc., par une so-
manufacturiers, sous la direction de M. *Mon-*

pratique de la littérature, par l'abbé comte

par Mme B. Daltenheim (Gabrielle Soumet). 1 vol.
roman, par *H. Delatouche*. 2 vol.
ROMAN, par Mme *Sophie Gay*. 2 vol.
d'un enfant du siècle, par M. *Alfred de Musset*. 2 vol.
roman, par M. *Jules Delacroix*. 1 vol.
par M. *Frédéric Soulié*. 2 vol.
histoire russe, par M. *Touchard-Lafosse*. 2 vol.
DE PRESLES, roman, par *Jules David*. 2 vol.
de la vie espagnole, par Mme la duchesse d'*Abrantès*. 2 vol.
, revue hébdomadaire de la littérature, des sciences, des
et des beaux-arts. Nouveau journal.

Англійскія.

A HISTORY OF THE HIGHLANDS and of the Highland clans. By *James Brown*. 1 vol

MUSICAL HISTORY, biography, and criticism, being a general survey of music, from the earliest periods to the present time. By *George Hogarth*. 1 vol.

A DICTIONARY OF THE ARCHITECTURE and archeology of the middle ages. By *John Britton*. Part III.

LIVES OF EMINENT LITTERARY AND SCIENTIFIC MEN of Italy, Spain and Portugal. Lardner's Cabinet Cyclopaedia. Vol. II.

MATTHIAS and his impostures; or the progress of fanatism. By *W. L. Stone* 1 vol.

FIRST IMPRESSIONS. A series of lettres from France, Switzerland, and Savoy, written in 1833 — 34. By *John Davies*. 1 vol.

NICOTIANA; or the smocker's and snufftaker's companion; containing the history of tobacco, etc. By *H. G. Meller*. 1 vol.

TWENTY YEARS IN RETIREMENT. By the author of Twelve years military adventure. 2 vols.

OLD BACHELORS. By the author of Old maids. 2 vols.

THE POLITICAL ALMANAC for 1836; illustrated by thirteen humorous engravings. 1 vol.

POSTHUMOUS RECORDS of a London clergyman. Edited by the Rev. *Hobart Caunter*, author of the Oriental Annual. 2 vols.

THE ENGLISH BOY at the cape, an Anglo-African Story. By the author of Keeper's travels. 3 vols.

Нѣмецкія.

CORPUS JURIS Romani Antejustinianei. Consilio professorum Bonnensium E. Böckingii, A. Bethmann-Hollwegii, E. Puggaei, curaverunt iidem, assumptis sociis L. Arndtio, A. F. Borkovio, aliisque. Bonnae. Fascic. I.

DIE WISSENSCHAFT DES IDEALS, oder die Lehre vom Schönen, bearbeitet von Dr. *B. H. Carl Lommatzsch*. Berlin.

VON DER FREIHEIT DES WILLENS und dem Entwickelungsgesetze des Menschen. Eine Untersuchung von *Joh. C. Passavant*. Francfurt a. M.

SYSTEM DER ANALITISCHEN GEOMETRIE, auf neue Betrachtungsweisen gegründet. Von Dr. *Jul. Plücker*. Berlin.

ASTRONOMISCHE BEOBACHTUNGEN angestellt auf der K. Sternwarte zu Bogenhausen bei München, von *J. Soldner*. 2 Theile. München.

OBSERVATIONES ASTRONOMICÆ in specula regi Monachiensi institutæ atque regio jussu publicis impensis edita a *J. Lamont*, regio observatore. Vol. III. Monachii.

GESCHICHTE DER ENTDECKUNG der allgemeinen Gravitation durch Newton. Gemeinschaftlich dargestellt von *J. J. Littrow*. Wien.

STERNGRUPPEN und Nebelmassen des Himmels. Gemeinschaftlich dargestellt von *J. J. Littrow*. Wien.

DIE DOPPELSTERNE. Gemeinfasslich dargestellt von *J. J. Littrow*. Wien.

NEUES GEOGRAPHISCH - STATISTISCHES HANDLEXICON aller Länder der Erde, zusammengestellt nach den neuesten bekannten Angaben von *W. L. A. Schlieben*. I Bd. Weimar.

VOLLSTÆNDIGE BESCHREIBUNG DES SCHWEITZERLANDES, oder geographisch-statistisches Handlexicon. Herausg. im Verein mit Vaterlandsfreunden von *Markus Lutz*. Supplementband. Aarau.

OESTERREICHISCHES NATURHISTORISCHES BILDER-CONVERSATIONS-LEXICON. Wien.

DIE JÆGER UND SCHUETZEN des Preussischen Heeres. Was sie waren, was sie sind und was sie sein werden. Von *Carl Fr. Gumtau*. 1 u. 2 Theil. Berlin.

CODEX MEDICAMENTARIUS Hamburgensis. Auctoritate Collegii Sanitatis editus. Hamburgi.

DIE CHOLERA, oder Brechruhr in allen ihren Formen. Von *F. M. Kubyss*. Berlin.

JUL. W. ZINKGREFS scharfsinnige Sprüche der Teutschen, Apophthegmata genannt. In einer umfassenden Auswahl herausg. von Dr. *B. F. Guttenstein*. Mannheim.

GEDICHTE von *Ida* Gräfin *Hahn-Hahn*. Leipzig.

DIE ABASSIDEN. Ein Gedicht in neun Gesängen. Von *Aug.* Graf *von Platen-Hallermünde*. Stuttgart.

DICTIONAIRE UNIVERSEL DE COMMERCE, de la banque et des manufactures, contenant l'état actuel du commerce et de l'industrie de toutes les nations commerçantes et des principales villes de commerce dans toutes les parties du monde; importations, exportations, produits de chaque pays, qualité des marchandises, usages, etc., etc., par une société de négocians et de manufacturiers, sous la direction de M. *Monbrion*. 1 vol. 4to.

PHILOSOPHIE théorétique et pratique de la littérature, par l'abbé comte de *Robiano*. 1 vol.

LES FILIALES, par Mme *B. Daltenheim* (Gabrielle Soumet). 1 vol.

FRANCE ET MARIE, roman, par *H. Delatouche*. 2 vol.

LA COMTESSE D'EGMONT, roman, par Mme *Sophie Gay*. 2 vol.

CONFESSIONS d'un enfant du siècle, par M. *Alfred de Musset*. 2 vol.

LE TENTATEUR, roman, par M. *Jules Delacroix*. 1 vol.

UN ÉTÉ A MEUDON, par M. *Frédéric Soulié*. 2 vol.

MARTHE LA LIVONIENNE, histoire russe, par M. *Touchard-Lafosse*. 2 vol.

LA DUCHESSE DE PRESLES, roman, par *Jules David*. 2 vol.

SCÉNES de la vie espagnole, par Mme la duchesse d'*Abrantès*. 2 vol.

LE CRITIQUE, revue hébdomadaire de la littérature, des sciences, des théatres et des beaux-arts. Nouveau journal.

Англійскія.

A HISTORY OF THE HIGHLANDS and of the Highland clans. By *James Brown*. 1 vol

MUSICAL HISTORY, biography, and criticism, being a general survey of music, from the earliest periods to the present time. By *George Hogarth*. 1 vol.

A DICTIONARY OF THE ARCHITECTURE and archeology of the middle ages. By *John Britton*. Part III.

LIVES OF EMINENT LITTERARY AND SCIENTIFIC MEN of Italy, Spain and Portugal. Lardner's Cabinet Cyclopaedia. Vol. II.

MATTHIAS and his impostures; or the progress of fanatism. By *W. L. Stone* 1 vol.

FIRST IMPRESSIONS. A series of lettres from France, Switzerland, and Savoy, written in 1833 — 34. By *John Davies*. 1 vol.

NICOTIANA; or the smocker's and snufftaker's companion; containing the history of tobacco, etc. By *H. G. Meller*. 1 vol.

TWENTY YEARS IN RETIREMENT. By the author of Twelve years military adventure. 2 vols.

OLD BACHELORS. By the author of Old maids. 2 vols.

THE POLITICAL ALMANAC for 1836; illustrated by thirteen humorous engravings. 1 vol.

POSTHUMOUS RECORDS of a London clergyman. Edited by the Rev. *Hobart Caunter*, author of the Oriental Annual. 2 vols.

THE ENGLISH BOY at the cape, an Anglo-African Story. By the author of Keeper's travels. 3 vols.

Нѣмецкія.

CORPUS JURIS Romani Antejustinianei. Consilio professorum Bonnensium E. Böckingii, A. Bethmann-Hollwegii, E. Puggaei, curaverunt iidem, assumptis sociis L. Arndtio, A. F. Borkovio, aliisque. Bonnae. Fascic. I.

DIE WISSENSCHAFT DES IDEALS, oder die Lehre vom Schönen, bearbeitet von Dr. *B. H. Carl Lommatzsch.* Berlin.

VON DER FREIHEIT DES WILLENS und dem Entwickelungsgesetze des Menschen. Eine Untersuchung von *Joh. C. Passavant.* Francfurt a. M.

SYSTEM DER ANALITISCHEN GEOMETRIE, auf neue Betrachtungsweisen gegründet. Von Dr. *Jul. Plücker.* Berlin.

ASTRONOMISCHE BEOBACHTUNGEN angestellt auf der K. Sternwarte zu Bogenhausen bei München, von *J. Soldner.* 2 Theile. München.

OBSERVATIONES ASTRONOMICÆ in specula regi Monachiensi institutæ atque regio jussu publicis impensis edita a *J. Lamont*, regio observatore. Vol. III. Monachii.

GESCHICHTE DER ENTDECKUNG der allgemeinen Gravitation durch Newton. Gemeinschaftlich dargestellt von *J. J. Littrow.* Wien.

STERNGRUPPEN und Nebelmassen des Himmels. Gemeinschaftlich dargestellt von *J. J. Littrow.* Wien.

DIE DOPPELSTERNE. Gemeinfasslich dargestellt von *J. J. Littrow.* Wien.

NEUES GEOGRAPHISCH - STATISTISCHES HANDLEXICON aller Länder der Erde, zusammengestellt nach den neuesten bekannten Angaben von *W. L. A. Schlieben.* I Bd. Weimar.

VOLLSTÆNDIGE BESCHREIBUNG DES SCHWEITZERLANDES, oder geographisch-statistisches Handlexicon. Herausg. im Verein mit Vaterlandsfreunden von *Markus Lutz.* Supplementband. Aarau.

OESTERREICHISCHES NATURHISTORISCHES BILDER-CONVERSATIONS-LEXICON. Wien.

DIE JÆGER UND SCHUETZEN des Preussischen Heeres. Was sie waren, was sie sind und was sie sein werden. Von *Carl Fr. Gumtau.* 1 u. 2 Theil. Berlin.

CODEX MEDICAMENTARIUS Hamburgensis. Auctoritate Collegii Sanitatis editus. Hamburgi.

DIE CHOLERA, oder Brechruhr in allen ihren Formen. Von *F. M. Kubyss.* Berlin.

JUL. W. ZINKGREFS scharfsinnige Sprüche der Teutschen, Apophthegmata genannt. In einer umfassenden Auswahl herausg. von Dr. *B. F. Guttenstein.* Mannheim.

GEDICHTE von *Ida* Gräfin *Hahn-Hahn.* Leipzig.

DIE ABASSIDEN. Ein Gedicht in neun Gesängen. Von *Aug.* Graf *von Platen-Hallermünde.* Stuttgart.

DIE LIEBENDEN. Ein Gedicht in neun Gesängen. Von *W. Elias*. Leipzig.
GEDICHTE von *O. F. Gruppe*. Berlin.
GUTENSTEIN. Novelle von *Emanuel Straube*. Leipzig.
DIE BLOKADE VON GENF. Eine historische Novelle des Verfassers von Otto und Pauline. Eisenberg.

МОДЫ.

Парижскія. Мы всегда удивлялись безпримѣрной разборчивости нашихъ журналовъ, которые пишутъ о модахъ: они исправно предлагаютъ своимъ читательницамъ хорошій или дурной переводъ статейки послѣдняго моднаго журнала, который получили изъ Парижа, не сообразивъ ни времени года, ни мѣстныхъ обстоятельствъ, ни назначенія описываемыхъ таулетовъ, и думаютъ, что сообщили весьма важныя и полезныя извѣстія. Въ великій постъ они еще вамъ говорятъ, какъ наряжаются въ маскарады и на балы, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ даютъ рисунки нарядовъ для лѣтнихъ прогулокъ, утверждая, что это — *послѣдняя мода.* На этотъ счетъ, на счетъ «послѣднихъ модъ», не только между нашими журналистами, но даже между нашими дамами, господствуютъ самыя ложныя понятія: вообще думаютъ, что въ Парижѣ всѣ, или по-крайней-мѣрѣ большая часть, именно такъ одѣвались на прошедшей недѣлѣ, какъ нарисовано на послѣдней Парижской картинкѣ; есть даже щеголихи, которыя, поставляя себѣ долгомъ слѣдовать неотступно за модою, считали бы себя погибшими, если бъ, по полученіи новой картинки, тотчасъ не сшили себѣ по ней платья. Знаете ли, сударыни, какой подвергаетесь вы опасности, наряжаясь по картинкамъ Французскихъ журналовъ? Вы подвергаетесь опасности быть весьма часто одѣтыми точнехонько такъ, какъ была одѣта Парижская купчиха мадамъ Дюфуръ на балѣ у биржеваго маклера мосьё Григу, или, что еще хуже, какъ мадамъ N., которой репутація такова, что чуть она такъ нарядилась, этого уже довольно для всякой порядочной женщины въ цѣломъ Парижѣ, чтобъ не надѣвать подобнаго платья, капота, берета. Костюмы, которые вы видите на Парижскихъ картинкахъ и которые удивляютъ васъ своей пестротою или новостью, отнюдь не общи въ столицѣ Франціи: всё это частные наряды, принадлежащіе одной какой-

нибудь особѣ, явившіеся однажды, чтобъ на другой день исчезнуть съ лица земли; всѣ они списаны обыкновенно съ таулета «разряжающихся впухъ» купчихъ du mauvais ton, или съ таулета модистокъ и оперныхъ танцовщицъ, или съ нарядовъ тѣхъ отчаянныхъ щеголихъ, которыя составляютъ для модныхъ магазиновъ родъ кумировъ, потому что сорятъ деньгами, а для обществъ предметъ неисчерпаемыхъ насмѣшекъ. Повѣрьте личному удостовѣренію тѣхъ, которые не хотятъ васъ обманывать, что, въ высшемъ Парижскомъ обществѣ, истинно изящномъ и благородномъ, *никто* не наряжается такъ, какъ представлено на картинкахъ модныхъ журналовъ, которые, если ужъ говорить вамъ всю правду, суть просто—шарлатанство, безстыдная спекуляція на легковѣрность Французскихъ провинціялокъ и заграничныхъ любительницъ всего Французскаго,—на вашу легковѣрность, сударыни, на ваше суевѣріе. Если бъ мы не боялись огорчить самолюбіе многихъ изъ нашихъ читательницъ, которыя бывали одѣты по «послѣдней Парижской модѣ», и если бъ притомъ не удерживались законами скромности, мы бы могли назвать по имени, какая *банкирша* служитъ которому изъ нынѣшнихъ Французскихъ журналовъ идеаломъ вкуса и моднаго совершенства. Парижскія гравюры модъ могутъ быть полезны въ одномъ только отношеніи, то есть, онѣ могутъ иногда подать женщинѣ со вкусомъ и воображеніемъ счастливую идею къ созданію для себя красиваго туалета; но для этого нужны—сравненіе множества картинокъ изъ разныхъ журналовъ, — осторожная критика, — и строгій выборъ, руководствуемый вѣрнымъ чувствомъ изящнаго. Это только матеріялъ для будуарныхъ соображеній и совѣщаній, а не образецъ. Берегитесь, сударыни, одѣваться по этимъ картинкамъ, потому что, между-тѣмъ какъ вы полагаете себя одѣтыми по послѣдней Парижской модѣ, вы легко могли бъ возбудить смѣхъ всего изящнаго Парижа, если бъ явились средь него въ такомъ костюмѣ. Совѣтуйтесь, лучше, всегда съ своимъ лисцемъ, съ собственнымъ чувствомъ вкуса и приличія, и съ вдохновеніями личной кокстеріи, весьма позволительной и совершенно невинной въ этомъ случаѣ: создавайте себѣ наряды, которые бы могли возвысить вашу красоту, не поражая никого своей пестротою или необычайностью, если хотите одѣвать-

ся такъ, какъ одѣваются дамы хорошаго общества въ Парижѣ. Soyez sages dans vos boucles, modérées dans vos rubans et surtout ne poussez pas les jupes et les manches jusqu'au fanatisme!

Мы сказали вамъ эту проповѣдь о модахъ, потому что намъ нечего говорить о модныхъ новостяхъ изъ Парижа. Послѣднія извѣстія оттуда еще занимаются бальными нарядами и описаніемъ маскарадныхъ костюмовъ для тамошняго карнавала: это уже никому у насъ нужно. На приложенной картинкѣ находится одно бархатное платье, очень красивое, которое можетъ служить для вечерняго наряда, и образецъ новаго рода клоковъ съ капишономъ, удобныхъ и для весеннихъ прогулокъ.

Петербургскія. Модные магазины въ нынѣшнее время довольно пусты; въ глубочайшей тайнѣ приготовляются весеннія шляпки и утренніе чепчики. Однако видны уже кое-гдѣ новыя шляпки, съ весьма открытыми полями и нѣсколько больше прошлогоднихъ. Платья не испытали ни какой перемѣны: юбки, рукава, пелерины, всё-еще огромны попрежнему; таліи — обыкновенно съ драпировкой. Плоскіе рукава, которые служатъ только для платьевъ съ короткими рукавами, еще очень рѣдки. Въ концерты огромное большинство дамъ является въ волосахъ, которые иногда украшаются перьями или марабутами. Вечернія шляпки съ малыми полями, les pelits bords, составляютъ еще рѣдкость, но скоро будутъ довольно обыкновенны. Золотые крѣсты à la Jeanette, простые и украшенные каменьями, опять входятъ въ употребленіе.

Изъ числа новыхъ матерій, цвѣтные пу-де-соа съ бѣлыми отливами, glacés, и такіе же гро-де-напли, но гораздо легче и болѣе приличные для весны, заслуживаютъ особеннаго упоминанія: они находятся всѣхъ цвѣтовъ у Гибера. Въ томъ же магазинѣ есть одна чудесная новость, — эшарпы изъ шелковаго кружева, вышитаго бѣлымъ шелкомъ и усѣяннаго легкими цвѣтками разныхъ цвѣтовъ. Новые фуляры, съ причудливыми рисунками, въ изобиліи красуются у Боля, гдѣ появились также восхитительныя шелковыя кисеи, для лѣта, съ узорами, которые отличаются богатствомъ и отличнымъ вкусомъ.

=

НОВАЯ ИДРОСТАТИЧЕСКАЯ МАШИНА. Новое изобрѣтеніе доктора Потера должно, кажется, современемъ соперничествовать съ чудесами паровой машины. Оно основано на сдавленіи жидкостей. Если вѣрить изобрѣтателю, то кораблю, движимому этимъ приборомъ и идущему со скоростью парохода, снабженнаго самою сильною машиною, нужно взять съ собою только восемь ведеръ воды чтобы дойти въ Индію. Этотъ приборъ весьма простъ, но несмотря на то машина чрезвычайно сильна; и вещь весьма важная — ни малѣйшая опасность не угрожаетъ кораблю, который повинуется ея вліянію. Вниманіе ученыхъ и механиковъ уже обращено на это изобрѣтеніе, которое можетъ произвести совершенный переворотъ въ промышленности и Механикѣ. Многіе инженеры уже разсматривали эту машину, состоящую только изъ четырехъ цилиндровъ, изъ которыхъ два имѣютъ круговращательное движеніе, а два другіе дѣйствуютъ какъ нагнетательный насосъ. Чтобы привести въ движеніе оба цилиндра, нужно только двадцать пять унцій воды и рычагъ. Одинъ ударъ по поршню переламываетъ древесную вѣтвь въ полтора дюйма въ діаметрѣ. Если подобное изобрѣтеніе когда-нибудь осуществится полезнымъ образомъ и мореплаваніе присвоитъ его къ себѣ, то оно произведетъ неизчисленныя выгоды.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ АВСТРІЙСКОЙ ИТАЛІИ. Наслушавшись Французскихъ либераловъ и ихъ послѣдователей, которые приняли себѣ за правило представлять Австрію въ самомъ черномъ и ненавистномъ видѣ, многіе невольно могли увѣриться, что «прекрасная Италія» дѣйствительно «стонетъ подъ игомъ самого тяжкаго и завистливаго деспотизма.» Можно было бы привесть, въ утвержденіе совершенно противнаго положительныя свидѣтельства нѣсколькихъ безпристрастныхъ Италіянцевъ, которые недавно выдали въ Парижѣ и въ Лондонѣ, сочиненія свои объ Австрійскомъ управленіи въ ихъ отечествѣ; но мы предпочитаемъ предложить мнѣніе Г-на Валери, ученаго Французскаго путешественника и автора весьма любопытной книги — Voyages historiques et littéraires en Italie, въ пяти частяхъ. Изъ

нея видно, что столица Австрійской Италіи, Миланъ, теперь — самый литературный городъ всего полуострова, если судить по числу сочиненій, которыя выходятъ изъ его типографій. Книжная торговля и книгопечатаніе процвѣтаютъ въ Ломбардіи. Вмѣстѣ съ многотомными собраніями Италіянскихъ, Латинскихъ и Греческихъ классиковъ, всякій годъ издается и много оригинальныхъ сочиненій. Въ послѣдніе годы вышло нѣсколько великолѣпныхъ изданій, относящихся къ художествамъ и которыя показываютъ, какъ высоко стоитъ искусство гравированія въ Италіи: Famiglie celebri Italiane, графа Литты; Costume antico e moderno, доктора Ферраріо; великолѣпный рядъ видовъ, плановъ, памятниковъ и церквей Италіянскихъ, Энніа Квирина Висконти, и нѣкоторыя другія, не уступятъ ни одному изданію въ этомъ родѣ, напечатанному въ Англіи или во Франціи. «Исторія походовъ и осадъ, совершенныхъ Италіянскими войсками въ Испаніи, отъ 1808 до 1813 года», маіора Вакани, посвященная эрцгерцогу Іоанну, есть твореніе, весьма важное въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ и отлично выполненное.

Несмотря на обвиненія либеральныхъ журналовъ, Австрійское правительство никогда не думало поощрять невѣжество. Напротивъ того, Австрія есть одно изъ немногихъ Европейскихъ государствъ, гдѣ народное образованіе наиболѣе распространено. Извѣстно, что, по числу учащихся въ публичныхъ заведеніяхъ, Богемія занимаетъ первое мѣсто во всей Европѣ. Г. Дюпенъ еще въ 1827 году обнаружилъ Французамъ эту истину, въ своихъ «Производительныхъ силахъ Франціи», и между-тѣмъ писатели этой націи по-сю-пору упрекаютъ Австрію въ гибельномъ обскурантизмѣ.

Австрійская система народнаго воспитанія вообще очень сходствуетъ съ Прусскою, которую такъ подробно описалъ Г. Кузенъ въ своемъ знаменитомъ Rapport. Въ Ломбардіи — два рода школъ для первоначальнаго образованія, низшія и высшія. Низшія элементарныя школы находятся во всякой общинѣ или деревнѣ; если община слишкомъ мала или бѣдна, она соединяется съ другою, чтобы содержать одну школу вдвоемъ, на общемъ иждивеніи. Въ случаѣ денежныхъ недостатковъ общины, ей помогаетъ казна. Школьные учители получаютъ отъ двухъ сотъ пятидесяти до четырехъ

сотъ Австрійскихъ флориновъ. Они должны выслушать курсъ Педагогіи въ одной изъ нормальныхъ школъ и имѣть отъ нея аттестатъ на право учительства. Всѣ дѣти общины, или прихода, отъ шести до двѣнадцати лѣтъ, обязаны посѣщать училища, и только болѣзнь увольняетъ отъ этого. Ректоръ и инспекторъ округа отвѣчаютъ за точное исполненіе этого правила. Дѣти бѣдныхъ получаютъ книги отъ училища. Эти низшія, первоначальныя школы имѣютъ два класса, въ которыхъ учатъ читать, писать, Ариѳметикѣ и катихизму. Обыкновенно прибавляютъ еще третій классъ, который посвященъ Италіянской грамматикѣ, чистописанію, сочиненію писемъ, первымъ основаніемъ Латыни, Священной Исторіи и объясненію Евангелія по воскреснымъ днямъ. Высшія элементарныя училища учреждены по городамъ, и содержатся на общественный счетъ. Они состоятъ изъ четырехъ классовъ, — въ верхнемъ преподаютъ основанія Математики, Геометрію, съ приложеніемъ ея къ ремесламъ, Механику, Географію, Физику, Архитектуру и рисованіе. Религіозные и нравственные уроки читаются всякую недѣлю. Въ училищахъ большихъ городовъ присоединяютъ и пятый классъ для Исторіи, Теоріи торговли, бухгалтеріи, Химіи, и языковъ Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго.

Школы для дѣвицъ состоятъ изъ трехъ классовъ, и уроки приспособлены къ занятіямъ и склонностямъ ихъ пола. Отличная нравственность господствуетъ во всѣхъ этихъ училищахъ Всѣ тѣлесныя наказанія строго запрещены; тщательно надзираютъ надъ чистоплотностью и здоровьемъ дѣтей, и внушаютъ имъ правила откровенности, дружелюбія и порядка. Для подробнѣйшихъ извѣстій о методахъ и правилахъ педагогіи въ Ломбардіи, читатели могутъ обратиться къ ручной книгѣ для тамошнихъ учителей, изданной въ Миланѣ, въ 1821 году. подъ заглавіемъ — Manuale dei maestri elementari, ossià Compendio dei metodi d'insegnamento e d'educazione per le scuole elementari del regno Lombardo-Veneto. Г. Валери приводитъ краткій нравственный катихизисъ для дѣтей, употребляемый въ училищахъ Австрійской имперіи. Общія наставленія ясны и благотворны; они внушаютъ терпимость и снисхожденіе къ особамъ всѣхъ состояній и религій, указываютъ на образованіе и ученіе какъ на основа-

нія государственнаго счастія. Читатели Англійскихъ и Французскихъ журналовъ вѣроятно помнятъ, какого шуму въ либеральной толпѣ надѣлалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, представленный однимъ путешественникомъ переводъ «Политическаго катихизиса Австрійской имперіи»: почти не нужно говорить, что всѣ примѣчательныя фразы этого катехизиса были выдуманы самимъ путешественникомъ, и что въ подлинникѣ, исполненномъ кроткихъ и благоразумныхъ правилъ, нѣтъ ничего подобнаго.

Благотворное вліяніе этихъ наставленій уже замѣтно въ Ломбардіи, говоритъ Г. Валери, который путешествовалъ по этой странѣ около 1829 года, и мы скоро увидимъ надѣлѣ, какъ хорошо осуществилось желаніе покойнаго императора Франца I, который, когда ему предлагали установить особенные уголовные законы для Ломбардіи, потому что Австрійское уложеніе здѣсь слишкомъ недѣйствительно, отвѣчалъ, что нравственное образованіе народа скоро сдѣлаетъ это уложеніе столь же хорошимъ и въ Ломбардіи, какъ оно хорошо въ Австріи. «Когда этотъ народъ выучится читать, онъ перестанетъ поражать кинжаломъ,» прибавилъ онъ.

«Эта обширная система народнаго просвѣщенія возбудила даже ужасъ въ умахъ нѣкоторыхъ туземцевъ. Миланскіе nobiluomini представляли императору, что, съ такимъ множествомъ училищъ, Ломбардія будетъ пропалою страною. Францъ, несмотря на эти толки, поставилъ на своемъ, и лично просматривалъ въ своемъ кабинетѣ отчеты инспекторовъ Италіянскихъ училищъ.

Вотъ еще лучшія доказательства благодѣтельнаго вліянія этой системы просвѣщенія на Ломбардію. Не только совершенно простыли слѣды убійствъ, воровства и грабежей, что должно приписать отчасти и бдительности хорошей полиціи, но вслѣдъ затѣмъ появилось нѣсколько Италіянскихъ филантропистовъ и экономистовъ, Апорти, Сакки, Серристори, и другіе, которые объясняли вліяніе просвѣщенія на Ломбардію. Сочиненіе Апорти, Relazione sulle scuole di Lombardia e specialmente sulle scuole infantili, особенно замѣчательно. Авторъ говоритъ о совершенномъ измѣненіи Ломбардіи послѣ учрежденія училищъ.

Высшія элементарныя школы учреждены были въ 1821 году; низшія, или приходскія, въ слѣдующемъ году. По истеченіи десяти лѣтъ, въ 1832 году, девять провинцій Ломбардіи, содержащія въ себѣ 2,233 общины, имѣли уже 2,336 школъ для мальчиковъ, съ 112,127 учениками, и 1,199 дѣвичьихъ школъ съ 54,640 воспитанницами. Присоединивъ сюда дѣтей, обучающихся въ частныхъ училищахъ, богодѣльняхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ, получимъ 189,000 малолѣтныхъ обоего пола, отъ шести до двѣнадцати лѣтъ отъ роду, которые учатся въ одно и то же время, изъ 2,379,000 человѣкъ народонаселенія. Издержки на эти заведенія доходили, въ 1832 году, до суммы 3,825,000 франковъ; двѣ трети платились казною, одна треть общинами. Исчислено, что около полумилліона дѣтей, или около четверти настоящаго народонаселенія, получили образованіе въ этихъ первоначальныхъ школахъ. О Венеціянскихъ провинціяхъ, которыхъ населенность доходитъ до 1,900,000 человѣкъ, мы знаемъ только рапорты 1826 года; тогда въ нихъ находилось 1,402 школы съ 62,341 ученикомъ. Съ того времени эти числа, разумѣется, значительно увеличились. «Лѣтъ двѣнадцать или тринадцать тому назадъ, говоритъ Г. Апорти, въ Ломбардіи не было ни одного дѣвичьяго пансіона; только въ монастыряхъ находилось 1,100 хорошихъ учительницъ.» Со времени введенія новой системы образованія Австріею, учреждено было много женскихъ заведеній, праздничныхъ школъ и училищъ для ремесленниковъ, во всѣхъ почти городахъ. Въ одной провинціи Кремонской, въ 1833 году было уже пятьдесятъ девять воскресныхъ, или праздничныхъ школъ, которыя посѣщались большою частію и взрослыми, не имѣвшими случая получить образованіе въ молодости.

Вторая степень образованія въ гимназіяхъ и лицеяхъ, и тридцати девяти частныхъ заведеніяхъ, которыя утверждаются генералъ-директорами просвѣщенія. Для ученаго образованія есть два университета, въ Павіи и Падуѣ. Г. Валери, исчисливъ различные факультеты этихъ университетовъ и проходимыя въ нихъ науки и упомянувъ о нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, самъ замѣчаетъ, что это лучше всего опровергаетъ упреки въ обскурантизмѣ, въ которомъ обыкновенно обвиняютъ Австрійское правительство. «Въ нихъ

есть, между прочими, курсъ Статистики, какого никогда не знали во Франціи; курсъ Педагогіи и дипламатической науки, о которой у насъ понятія не имѣютъ. Нѣкоторые профессоры говорили мнѣ, что имъ предоставлена совершенная свобода въ чтеніи науки. Жалованье профессорамъ теперь гораздо больше чѣмъ было при Наполеонѣ. Замѣчательно, что правительство, вмѣстѣ военное и крайне бережливое, увеличило плату ученымъ чиновникамъ и назначило преподавателямъ оклады, несравненно выше Французскихъ. Что касается до вѣротерпимости, то я не знаю ни одной страны, гдѣ бы она была такъ велика. Проповѣдникамъ запрещено даже говорить противъ ересей и еретиковъ; правительство печется объ улучшеніи состоянія жидовъ. Императоръ Францъ посѣщалъ въ Мантуѣ богадѣльню убогихъ жидовъ, и послалъ потомъ торжественно благодарить Мантуанское Израильское общество за его благотворительныя дѣйствія. Нищенство прекращено; устроены домы для занятія бѣдныхъ работою; прививаніе коровьей оспы разпространено между всѣми классами; снимаютъ межевые планы земель и приводятъ ихъ въ извѣстность; каѳедры статистическихъ наукъ въ Павіи и Падуѣ процвѣтаютъ. Ни въ какомъ отношеніи, Австрійская система воспитанія не подавляетъ національнаго характера Италіянскихъ подданныхъ, хотя мѣстные карбонари на нее клевещутъ, какъ и на все несогласное съ ихъ желаніями.»

ПИСЬМА ВИКТОРА ЖАКМОНА. Въ прошломъ году, и въ 1834, мы дали нѣсколько любопытныхъ отрывковъ объ Индіи изъ «Писемъ» молодаго натуралиста, Виктора Жакмона, къ отцу, которыя имѣли большой успѣхъ во Франціи и подверглись заслуженной критикѣ въ Англіи, но во всякомъ случаѣ составляютъ весьма любопытное и милое чтеніе. Читатели наши будутъ конечно благодарны за сообщеніе имъ гораздо пространнѣйшей части этихъ писемъ, переведенныхъ дамою, которой изящное перо уже нѣсколько разъ доставило всѣмъ намъ удовольствіе въ Б. для Ч.

Корветта «Усердная», въ морѣ, 12 января, 1829, Любезный батюшка! Начавъ мой третій къ вамъ нумеръ въ морѣ, во время переѣзда моего изъ Бразиліи на мысъ Доброй

Надежды, я запечаталъ его, 28 декабря, уже въ Африкѣ, и поручилъ Г-ну Дурвилю, командиру «Астролябіи»: онъ взялся доставить его къ вамъ сейчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Тулонъ. Это письмо конечно уже извѣстило васъ о продолженіи нашего, весьма пріятнаго, но очень медленнаго, плаванія отъ Ріо-Жанейро; о короткомъ пребываніи нашемъ на мысѣ Доброй Надежды, и о счастливой встрѣчѣ моей съ первымъ вашимъ пакетомъ, въ которомъ я нашелъ письмо отъ васъ, другое отъ брата Порфирія, и письма отъ Г-на Гумбольдта.

«Усердная» оставила мысъ Доброй Надежды 30 декабря. Наканунѣ мы, съ Дурвилемъ, употребили цѣлый день на послѣднее и велоколѣпное путешествіе въ горы, возвышающіяся надъ городомъ, и я сѣлъ на нашъ корабль, стоявшій въ рейдѣ, только въ самое утро его отплытія. Корабельные офицеры такъ были снисходительны, что прислали лодку и людей за мною и моими пожитками, передъ самымъ отъѣздомъ, и эта учтивость позволила мнѣ насладиться выгодами и удовольствіями твердой земли до послѣдней минуты. Я провелъ на ней восемь дней, — освѣжился, отдохнулъ чудесно. Не думайте, однако, чтобы я просидѣлъ все это время сложа руки, подъ тѣнью какого-нибудь банановаго дерева: нѣтъ, я работалъ, разсматривалъ природу, сбиралъ минералы и растѣнія; пилъ молоко, которое очень люблю и котораго не видалъ ни капли съ самаго Бреста; ѣлъ плоды, — ѣлъ пищу свѣжую, сочную, и хотя очень уставалъ днемъ, однако нѣсколько часовъ хорошаго сна въ кровати, неподвижной и длиннѣе меня, не оставляли мнѣ на другой день ни малѣйшей усталости.

Однако и въ пловучей тюрмѣ своей я очутился безъ сожалѣнія. Наканунѣ нашего отъѣзда, она населилась множествомъ новыхъ жильцовъ, которыхъ общество неимовѣрно пріятно въ открытомъ морѣ. Это десятка три жирныхъ барановъ и штукъ до двухъ сотъ разной дворовой птицы; далѣе, обильный запасъ свѣжихъ овощей, такъ, что мы, по-крайней-мѣрѣ два раза въ день, можемъ забывать, что мы на морѣ. До этого времени сухіе овощи, солонина и сыръ, были единственною нашею пищею; и все это было черство, жестко, неприглядисто. Оно было бы даже вредно, если бъ ѣли его

много; но какъ такое кушанье не слишкомъ-то заманчиво, то мы ѣли его именно столько, чтобъ не умереть съ голоду; и оттого были здоровѣе многихъ жителей Парижа, которые, имѣютъ всего въ изобиліи и ѣдятъ каждый день слишкомъ сытно. Я убѣжденъ, что отъ умѣренной пищи зависитъ прочное здоровье человѣка. Несмотря, однако жъ, на чрезвычайную пользу малыхъ пріемовъ солонины и сухихъ овощей, мы теперь съ большимъ удовольствіемъ избавились отъ необходимости соблюдать такую строгую діету для сохраненія нашего здоровья.

Дня два спустя послѣ нашего отъѣзда, когда мы поровнялись съ Мысомъ Бурь, насъ привѣтствовалъ порывъ вѣтра, неизбѣжный на этой точкѣ земнаго шара, по сказаніямъ стихотворцевъ и путешественниковъ. Онъ утопилъ у насъ нѣсколько курицъ, — и только. Вы знаете, батюшка, что я рѣшительно не вѣрю бурямъ. Это вымыселъ пылкихъ воображеній, и болѣе ничего. Набѣжитъ черное облако, дунетъ сильный вѣтеръ, сломитъ нѣсколько мачтъ, но никого не утопитъ, — увѣряю васъ. Это не страшно; оно только *досадородно*, непріятно и не красиво, вотъ и все тутъ.

А вотъ, что красиво: три дня спустя послѣ воображаемой нашей бури, въ девять часовъ вечера, ночь была ясная, хоть и безлунная; на палубѣ оставалась только половина экипажа, для содержанія караула, пока другая половина спитъ. Въ это время какой-то корабль, который все послѣ-обѣда плылъ за нами въ нѣсколько другомъ направленіи и въ двухъ миляхъ разстоянія, вдругъ перемѣнилъ путь свой и пустился прямо на насъ, къ чему очень быстро способствовалъ попутный для него вѣтеръ. Такое подозрительное движеніе побудило нашего капитана приказать изготовиться къ сраженію, что и было исполнено въ поспѣшности и молчаніи. Неизвѣстный, догнавъ насъ на разстояніе человѣческаго голоса, сталъ окликать. Оказалось что онъ говорилъ по-Англійски, и какъ кромѣ меня никто изъ насъ не знаетъ этого языка, то капитанъ просилъ меня взойти на ютъ, слушать и отвѣчать оттуда. Вотъ я взлѣзъ насредину мачты и наставилъ ухо, въ превосходномъ положеніи для принятія ядеръ въ свои нѣдра, если бъ неизвѣстному кораблю вздумалось стрѣлять. Этотъ корабль, о которомъ всѣ наши офицеры, несмотря на силь-

ный сумракъ, утверждали, что онъ военный, сталъ распрашивать насъ, по-Англійски, что мы за судно. Я отвѣчалъ ему, что мы чрезвычайно удивляемся грубости такого вопроса и требуемъ, напротивъ, чтобы онъ самъ сейчасъ объявилъ намъ, кто онъ таковъ. Онъ заговорилъ опять, но невозможно было ничего разслушать; между-тѣмъ, движенія его становились непріязненнѣе, и мы удостовѣрились, что онъ хочетъ сцѣпиться съ нами и рѣшить наши взаимные вопросы абордажемъ. Въ одинъ мигъ мы поворотили къ нему бокомъ, и послали ему въ гостинецъ залпъ ядеръ и картечи..... Незнакомецъ остановился..... Междутѣмъ какъ наши заряжали вновь свои пушки, я опять взлѣзъ на ютъ, и, вооружившись исполинскою говорною трубою, приказалъ непріятелю лечь въ дрейфъ и прислать къ намъ офицера для переговоровъ, не то мы будемъ продолжать пальбу. Отвѣта не было слышно, но мы увидѣли нашего противника исполняющаго, съ покорностію, предписанное ему движеніе, и стали ожидать посланцевъ его съ терпѣніемъ. Но какъ люди, имѣющіе въ распоряженіи своемъ шестнадцать пушечныхъ выстрѣловъ, не слишкомъ бываютъ терпѣливы, то капитанъ и офицеры,— которые предполагали въ извѣстномъ суднѣ не менѣе какъ морскаго разбойника и сильно гнѣвались на него за причиненные нашей корветтѣ страхъ и хлопоты, — просили меня возобновить незнакомцу прежнія угрозы — что мы истребимъ его съ поверхности моря, если онъ не пришлетъ тотчасъ своихъ людей на нашъ бордъ. Я снова пожертвовалъ моими легкими, и закричалъ имъ въ трубу громовымъ голосомъ. Наконецъ, усилія мои увѣнчались желаннымъ успѣхомъ шлюбка ихъ причалила къ корветѣ, и нѣсколько Англійскихъ фигуръ высыпало на палубу. Меня опять потребовали въ каюту капитана, для снятія допроса съ плѣнныхъ; и хотя они казались самыми миролюбивыми людьми въ свѣтѣ, однако капитанъ требовалъ непремѣнно, чтобы неизвѣстное судно было освидѣтельствовано. Въ мигъ, одна изъ шлюпокъ спущена въ море, и лейтенанту поручено осмотрѣть незнакомца въ подробности. Но какъ лейтенантъ не знаетъ Англійскаго языка, то я и тутъ понадобился. Я охотно согласился сопутствовать экспедиціи, которая, какъ мнѣ казалось не предвѣщала ни какой опасности. Мы

приняли самыя осторожныя мѣры: наши матрозы были вооружены до ушей, а на днѣ шлюпки, подъ нашими ногами, лежала цѣлая коллекція заряженныхъ пистолетовъ; притомъ, люди съ незнакомаго судна, оставшіеся на корветтѣ, могли служить за насъ залогомъ и въ случаѣ надобности отвѣчать за нашу безопасность.

Послѣ десяти-минутнаго, довольно труднаго, плаванія противъ волны и вѣтра, мы достигли до незнакомца, и сейчасъ увидѣли, что это было не что иное—какъ купеческое судно!

Насъ приняли, съ чрезвычайною вѣжливостью, люди очень порядочные, но ужасно перепуганные. Тутъ мы узнали, что нашъ неизвѣстный плылъ изъ Ливерпуля въ Индію, съ товарами и нѣсколькими пассажирами; что не сообщавшись ни съ кѣмъ съ самаго отъѣзда своего изъ Европы и увидѣвъ Европейскій корабль въ такомъ близкомъ отъ себя разстояніи, ему хотѣлось пожелать, мимоходомъ, товарищу добраго вечера и сличить свою долготу съ нашей долготою. Въ темнотѣ, онъ принялъ насъ за купеческое судно, и потому подплылъ къ намъ безъ всякаго опасенія. Наши ядра переломили у него одну рею и прорвали одинъ парусъ; по счастію, никто не былъ ни убитъ ни раненъ.

Слабость нашего незнакомца очевидно доказывала его невинность. Однако, прочитавъ паспортъ капитана, я сказалъ ему, что онъ поступилъ чрезвычайно неосторожно, и напрасно подступилъ, ночью, къ неизвѣстному кораблю: — «Хорошо, прибавилъ я, что мы у васъ никого не убили, и что когда возвратимся на нашъ бортъ, пришлемъ вамъ обратно вашихъ людей. Ну, а если бъ случилось иначе?»

Бѣдный капитанъ, въ полномъ смиреніи, сознавался въ своемъ проступкѣ и приносилъ тму извиненій за пушечный залпъ, которымъ мы его угостили; а экипажъ, въ надеждѣ, что эта ужасная музыка должна прекратиться съ нашимъ пріѣздомъ, такъ намъ обрадовался, что не зналъ какъ выразить свое восхищеніе. Всѣ, наперерывъ, осыпали насъ привѣтствіями и учтивостями; тутъ полилось шампанское,—но какъ жажда ни мучила меня послѣ такого примѣрнаго крика, то я только обмакивалъ губы въ своей рюмкѣ, чтобъ наши хозяева не подумали, что шампанское для насъ диковинка.

Распрощавшись съ такими гостепріимными Великобританцами, мы собрались въ обратный путь. Насъ спустили въ лодку съ самою заботливою осторожностью, пожелавъ намъ всѣхъ возможныхъ благъ. Въ полночь мы были уже на нашемъ бортѣ, и какъ скоро мы возвратились, капитанъ отпустилъ нашихъ пятерыхъ аманатовъ: но, передъ отъѣздомъ, имъ пришлось пройти подъ бѣглымъ огнемъ моего Англійскаго краснорѣчія.

Такъ мы разстались. «Усердная» продолжала свой путь далѣе, и тѣмъ кончилось комико-трагическое происшествіе.

Января 27, 1829, въ морѣ. Сегодня, послѣ обѣда, мы надѣемся увидѣть островъ Бурбонъ, а завтра, вѣроятно, сойдемъ на берегъ. Къ сожалѣнію, мы на немъ пробудемъ не болѣе шести дней. Потомъ настанетъ «начало конца», — но какъ длиненъ и жарокъ будетъ этотъ конецъ!

Прощайте, любезный батюшка. Если встрѣчаю часокъ, который могу посвятить тишинѣ и уединенію, тогда я весь переношусь въ Парижъ, въ вашу комнату, и теряю всякое воспоминаніе о безмѣрномъ пространствѣ, которое насъ разлучаетъ. Безъ-сомнѣнія вы часто дѣлаете мнѣ точно такія же посѣщенія? Онѣ утѣшаютъ насъ за неимѣніемъ лучшаго.

Дегли, марта 10, 1830. Оставивъ Бенаресъ 6 января, я ѣхалъ по лѣвому берегу Ганга до Миррапора, лежащаго на противоположной сторонѣ, гдѣ и переправился чрезъ рѣку. Тутъ, снабженный разнаго рода паспортами и фирманами отъ Миррапорскаго градоначальника къ независимымъ раджамъ Бендликендской провинціи, я оставилъ прямую дорогу въ Гималайскія Горы и кинулся въ середину этой Индійской глуши, гдѣ почва обѣщала мнѣ богатый сборъ минералогическихъ и геологическихъ рѣдкостей.

Пробродивъ недѣли двѣ по высокой равнинѣ Бендликенда, я спустился въ страну, называемую Дуабъ и расположенную между двумя рѣками, Гангомъ и Джемною. Конецъ зимы засталъ меня, въ первыхъ числахъ февраля, въ Биндѣ, главномъ городѣ Англійскаго Бендликенда. Ночи перестали быть холодными; дни сдѣлались жаркими; я продолжалъ свое путешествіе съ большимъ успѣхомъ. Однако сильныя грозы довольно безпокоили меня во время моей кочевой жизни въ Дуабѣ. Порфирій разскажетъ вамъ, какъ непріятно быть подъ

дождемъ, когда нѣтъ поблизости ни дома, ни шалаша, для вашего прикрытія. Иногда, однако жъ, хотя очень рѣдко, старая, покинутая мечеть или древній Индѣйскій храмъ служили мнѣ убѣжищемъ; но чаще всего я не находилъ иной защиты кромѣ деревъ, и то безъ листьевъ.

Двадцатаго февраля я вступилъ въ Агру, первый большой городъ мусульманскій, встрѣтившійся мнѣ на пути; городъ, наполненный обильными воспоминаніями о недавнемъ величіи рода Тамерланова. Я пробылъ въ Агрѣ три дня, и не могъ надивиться снисхожденію и гостепріимству Англичанъ въ Индіи. Чиновники, обремененные обширными занятіями, находили время и средства не только помогать мнѣ въ осмотрѣ всѣхъ рѣдкостей и примѣчательныхъ предметовъ около городовъ, порученныхъ ихъ управленію; не только снабжали меня своими слонами, лошадьми, каретами, но еще всегда сами сопровождали меня въ моихъ наблюдательныхъ прогулкамъ.

Дегли! Наконецъ я въ Дегли! А знаете ли, батюшка, что случилось со мною сегодня утромъ? Вы будете смѣяться. Здѣшній Англійскій резидентъ просилъ Великаго Монгола, шаха Мухаммеда-Экберъ-Рази-Падишаха, принять меня, и его величество такъ былъ милостивъ, что собралъ весь свой дворъ для дарованія мнѣ аудіенціи. Доѣхавъ до дворца въ сопровожденіи цѣлаго полка пѣхоты, сильнаго отряда конницы, безчисленной толпы слугъ въ разныхъ нарядахъ и кучею слоновъ въ богатомъ убранствѣ, я былъ введенъ резидентомъ въ присутствіе Великаго Монгола и отдалъ ему должное почтеніе. Императоръ наградилъ меня за то *халатомъ*, то есть, жолованнымъ платьемъ. Первый министръ надѣлъ его на меня, и, окутанный такимъ образомъ, я опять явился въ аудіенцъ-залу. Тогда самъ императоръ, — потомокъ Тимура, то есть, Тамерлана въ прямой линіи,—царскими своими руками пришпилилъ нѣсколько алмазныхъ украшеній къ моей сѣрой шляпѣ, предварительно обращенной въ чалму, попеченіями великаго визиря! Я безподобно сохранялъ всю мою важность во время этой комедіи. По-счастію, не было ни одного зеркала въ тронной залѣ, и что изъ всего этого маскарада мнѣ видны были только мои длинныя ноги, въ черныхъ панталонахъ выглядывавшія изъ подъ Турецкаго халата.

Императоръ, который никогда не видывалъ Французовъ, очень важно распрашивалъ меня, есть ли король во Франціи и говорятъ ли тамъ по Англійски. Казалось, что моя смѣшная фигура, въ пять футовъ восемь дюймовъ, съ густыми волосами и бакенбардами, въ чалмообразной шляпѣ, въ очкахъ и въ восточной одеждѣ, насунутой сверхъ Европейскаго фрака, очень его занимала. Черезъ полчаса я ему откланялся и возвратился домой тѣмъ же порядкомъ, въ сопровожденіи резидента. Когда я проходилъ по двору, войска Великаго Монгола, выстроенныя рядами, били въ барабаны, въ честь моему шитому кисейному шлафроку. Зачѣмъ васъ тутъ не было, батюшка, чтобъ порадоваться надъ вашимъ дѣтищемъ!

Само собою разумѣется, что я въ восхищеніи отъ шаха Мухаммедъ-Экберъ-Рази-Падишаха, и что онъ показался мнѣ безподобнѣйшимъ государемъ. Въ самомъ дѣлѣ, у него прекрасное, почтенное лице, длинная бѣлая борода, и во всѣхъ чертахъ выраженіе долгаго страданія. Англичане оставили ему всѣ почести его сана, и пенсіею въ четыре милліона утѣшаютъ его о потерѣ власти. Резидентъ представилъ меня Великому Монголу, говоря, что я — *мистеръ Жакмонъ-саибъ-багадуръ*, то есть, «метръ Жакмонъ-господинъ-богатырь.» Вотъ подъ какимъ названіемъ главный церемоніймейстеръ провозгласилъ обо мнѣ при дворѣ его Индѣйскаго величества!

Этотъ богатырь хоть и занимается здѣсь сраженіями, однако совсѣмъ не противъ людей, а противъ насѣкомыхъ, портящихъ ботаническія его коллекціи. Онъ отравляетъ ртутью и мышьякомъ свой гербарій, наполненный богатыми Индѣйскими растеніями, которыя собралъ на шести стахъ миляхъ пройденнаго имъ пространства, и запаковываетъ его, чтобъ оставить въ Дегли, на время путешествія своего по Гималайскимъ Горамъ.

Въ моей кочующей жизни пропасть разнообразія: то живу я во дворцѣ, средь многолюднаго города; то скитаюсь подъ палаткою, въ необозримой пустынѣ. Вотъ здѣсь, напримѣръ, въ Дегли, я не иначе выѣзжаю со двора какъ въ каретѣ, въ паланкинѣ или на слонѣ, въ сопровожденіи блистательной кавалерійской свиты, — это учтивость моего

хозяина, резидента; живу въ великолѣпномъ домѣ; кругомъ меня пышные сады; обѣдаю какъ принцъ..... А тамъ, мѣсяца черезъ три, въ Горахъ Гималайскихъ, буду радъ какой-нибудь дымной и грязной лачужкѣ, лишь-бы найти кровъ отъ непогоды.

Въ будущую субботу, 13 марта, я опять возвращусь къ своей одинокой и *зѣло* бродящей жизни. Посмотрѣли бъ вы, батюшка, какъ путешествуютъ здѣсь Англичане, особливо Англійскіе чиновники! Въ Регенатпорскомъ бенгало (постояломъ домѣ) встрѣтилъ я одного сборщика податей, съ женою и съ однимъ маленькимъ ребенкомъ. Онъ ѣхалъ въ каретѣ; за каретою шелъ слонъ; за слономъ восемь повозокъ, два кабріолета, особый экипажъ для ребенка, и шесть верховыхъ и упряжныхъ запасныхъ лошадей; далѣе, отъ шестидесяти до восьмидесяти носильщиковъ; да кромѣ того еще около шестидесяти служителей. Этотъ сборщикъ раздѣвается въ дорогѣ, одѣвается, переодѣвается, когда и какъ ему угодно; завтракаетъ, полдничаетъ, и, вечеромъ, пьетъ чай, точь-въ-точь, какъ у себя въ Калькуттѣ, безъ малѣйшаго опущенія. Хрусталь, фархоръ, серебренные приборы, все это развертывается и завертывается съ утра до вечера; чистое бѣлье перемѣняетъ онъ по четыре раза въ день, и прочая, и прочая.

Середи такого великолѣпія, сынъ вашъ явился съ десятидневною бородою, въ грязи по колѣно, и поселился въ одномъ домѣ съ Англійскимъ роскошнымъ сборщикомъ. Домъ этотъ состоялъ только изъ двухъ комнатъ, и потому я письменно предложилъ моему сосѣду помѣстить кого-нибудь изъ его свиты въ моей горницѣ. Онъ самъ пришелъ благодарить меня, и долго со мною бесѣдовалъ, хотя, казалось, не постигалъ откуда происходило такое различіе между туалетомъ моимъ и моими разговорами. Меня очень забавляло его изумленіе; наконецъ, я разсказалъ ему о себѣ, и мы съ нимъ довольно сблизились, такъ, что рѣшились путешествовать вмѣстѣ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ я имѣлъ время насмотрѣться на всю пышную потѣху этихъ господъ въ дорогѣ.

Когда я, отсюда, опять пойду бродить вдоль и поперегъ по Индѣйскимъ пустынямъ, вы, батюшка, будьте совершенно

покойны насчетъ моего здоровья и цѣлости отъ дикихъ звѣрей. Тигры, и компанія, вообще, никогда не заводятъ рѣчей съ тѣми людьми, которые не ищутъ съ ними разговора; что жъ касается до моей палатки, то она очень покойна и такъ мила, особливо вечеромъ при зажженной восковой свѣчѣ, что я рѣшился кочевать въ ней во все время моего похода, подъ самымъ носомъ всѣхъ сераевъ, каравансераевъ, бенгалс и прочихъ постоялыхъ домовъ Индіи. Будьте покойны, я снабженъ такими чудесными фирманами отъ генералъ-губернатора и другихъ властей здѣшняго полуострова, что ни какая сила не осмѣлится меня тронуть.

Пенипотъ, марта 17, 1830. Деглійцы, въ которыхъ вы ужъ вѣрно влюбились, любезный батюшка, провожали меня за два перехода отъ города. Зато, на прощанье, я принужденъ былъ выть съ этими волками по волчьи, то есть, казаться также равнодушнымъ какъ и они, къ участи своей головы, рукъ и ногъ, гоняясь съ ними за дикими кабанами. Не знаю, какъ случилось, токько я ни разу не упалъ съ лошади! Рѣдкое счастье, увѣряю васъ. Здѣсь, паденія съ лошади занимаютъ второе мѣсто въ разрядѣ смертныхъ случаевъ и слѣдуютъ тотчасъ за хроническими воспаленіями въ печенкѣ, — даже прежде самой холеры-морбусъ. Что касается до изломанныхъ рукъ и ногъ, эти вещи просто входятъ въ составъ Индѣйской охоты; и оттого это удовольствіе, въ Индіи, никогда не можетъ обойтись безъ лекаря. Но ужъ зато охота за львами и тиграми—забава самая невинная: тутъ каждый охотникъ взгроможденъ на слонѣ и запрятанъ на спинѣ этой ходячей горы въ высокомъ ящикѣ, гдѣ, для его защиты и удовольствія, изготовленъ цѣлый артиллерійскій паркъ, — ружья, пистолеты, всѣ оружія на свѣтѣ. Иногда случается, хотя очень рѣдко, что тигръ, доведенный до отчаянія, вспрыгиваетъ на голову слону; но это до охотника не касается: это дѣло проводника, который получаетъ двадцать пять франковъ въ мѣсяцъ для претерпѣнія такихъ встрѣчь. Если проводникъ, который сидитъ на шеѣ слона, погибнетъ, по-крайнеймѣрѣ смерть его не остается безъ отмщенія, потому что слонъ, чувствуя у себя на головѣ прическу изъ тигра, рветъ его изъ всѣхъ силъ своимъ хоботомъ, и тогда охотнику стоитъ только приста-

вить дуло ружья или пистолета къ горлу звѣря и застрѣлить его. Позади васъ сидитъ другой бѣднякъ, котораго должность держать надъ вами зонтикъ, для защиты васъ отъ солнца. Положеніе его еще хуже чѣмъ проводника: если слонъ испугается и побѣжитъ отъ тигра, а этотъ гонится за нимъ и мечется на него сзади, тогда настоящая должность этого зонтиконосца состоитъ въ томъ, чтобъ быть съѣденымъ вмѣсто самого охотника. Индія — совершенство для господъ людей высшаго званіе! Здѣсь нѣтъ такихъ мелочныхъ разрядовъ какъ въ Европѣ: все народонаселеніе раздѣлено на двѣ массы: однихъ *носятъ*, другіе *несутъ*.

Около 1 апрѣля я буду въ Гердварѣ, небольшомъ городкѣ на берегу Ганга. Въ это время тамъ будетъ знаменитая ярмарка; я накуплю теплой одежды себѣ и моимъ людямъ; увижу тамъ Китайцевъ, Тибетцевъ, Татаръ, Кашмирцевъ, Узбековъ, Афганцевъ, Персіянъ, и, какъ предметъ роскоши, старую Бегумъ-Сумро, которая, шестьдесятъ лѣтъ тому, вела войну противъ Маграттовъ, съ отличнѣйшею конницею въ цѣлой Индіи. Никто не знаетъ навѣрное откуда эта удивительная женщина родомъ; однако вообще считаютъ ее невольницею, вывезенною изъ Персіи или Грузіи. Этой движущейся муміи теперь около ста лѣтъ: несмотря на то, она сама управляетъ своимъ владѣніемъ, Серданною, — слушаетъ донесенія двухъ или трехъ секретарей вдругъ, и въ то же время сама диктуетъ тремъ другимъ. Года четыре тому назадъ, она велѣла привязать нѣсколькихъ изъ своихъ придворныхъ и министровъ къ жерламъ заряженныхъ пушекъ, и они взлетѣли на воздухъ какъ ядра; а тому лѣтъ семдесятъ, зарыла, изъ ревности, одну изъ своихъ невольницъ въ землю, живую, и дала мужу своему балъ на этой ужасной могилѣ. Не менѣе того, она себя называетъ христіанкою; построила въ Серданнѣ церковь, отказала ей послѣ себя часть своихъ владѣній, и писала къ папѣ, чтобъ онъ прислалъ ей епископа. Оба ея мужа умерли насильственною смертію; однако, надо ей отдать справедливость, она показала въ своей жизни столько же мужества сколько жестокости. Не правда ли, батюшка, что эта старая колдунья была бы для меня прекрасная партія, если бъ она

записала мнѣ всѣ свои владѣнія? Я объ этомъ подумаю отсюда до Гердвара.

Лагерь на Китайской границѣ, августа 26, 1830. Пишу къ вамъ, любезный батюшка, на Индѣйской бумагѣ, великолѣпнымъ павлинымъ перомъ и тертымъ индиго. Я ужъ насинилъ вчера вечеромъ, къ Порфирію, отъ десяти до двенадцати футовъ точно такой же бумаги, и прошу васъ потрудиться отыскать въ этой газетѣ отвѣты мои на многія главы вашихъ писемъ, изъ которыхъ каждое можетъ назваться томомъ. Пока не заведутся страховыя общества для предохраненія писемъ нашихъ отъ погибели, я можетъ-быть напрасно подвергаю опасности такой огромный грузъ своихъ мыслей; но, въ *толикомъ*, такъ сказать, отдаленіи отъ всѣхъ родныхъ и друзей, не могу рѣшиться отправлять къ нимъ однѣ коротенькія записки.

Теперь надо повторить вамъ разсказъ о прибытіи моемъ въ Калькутту, потому что первыя мои письма, по всей вѣроятности, остались на днѣ Ганга. Да будетъ же вамъ извѣстно, какъ говорятъ Индѣйцы, что нашъ корабль, приплывъ изъ Пондишери къ устью этой рѣки, гдѣ чуть-чуть не претерпѣлъ крушенія, наконецъ бросилъ якорь передъ Фортъ-Вилліамомъ, 5 мая, 1829; и что, послѣ обычной салютаціи между крѣпостцою и артиллеріею нашей корветты, я началъ очень серіозно помышлять о выгрузкѣ на берегъ моей особы, со всѣми ея принадлежностями.

И когда, на слѣдующее утро, слуга мой, Португалецъ, котораго я взялъ въ Пондишери, привелъ на берегъ крытые носилки, я, весь въ черномъ съ головы до ногъ, распрощался съ «Усердною», и, кинувшись небрежно въ этотъ подвижной домикъ, сказалъ носильщикамъ — *Пирсонъ саибка гетюръ*, Индо-Джагатайское изрѣченіе, которое я твердилъ съ самаго Пондишери, и которое доставило меня въ цѣлости, безъ малѣйшаго приключенія, къ самому подъѣзду Г-на Пирсона. Его великолѣпные чертоги, по-счастію, находились почти на самомъ берегу рѣки. Служитель, въ родѣ дворецкаго, повелъ меня по широкому крыльцу, между двойнымъ рядомъ слугъ, и ввелъ въ огромную залу, гдѣ я засталъ трехъ дамъ въ большомъ нарядѣ и сѣдаго мужчину въ легкомъ платьѣ изъ бумажной матеріи. Всѣ четверо бы-

ли заняты очень важнымъ дѣломъ: нѣсколько слугъ, помощію какой-то многосложной системы, обмахивали ихъ опахалами.

Неизвѣстное мое имя и появленіе моей черной, высокой, фигуры изумили ихъ; а съ другой стороны, чрезвычайная разсѣянность, въ которую ввергли меня всѣ новые, удивительные, необыкновенные предметы, окружавшіе меня съ самаго выхода моего на берегъ, такъ сковали все Англійское отдѣленіе моихъ мыслей, что, по нѣкоторомъ молчаніи, я могъ только пролепетать имъ по-Англійски, что не знаю съ чего начать и потому прошу ихъ помочь моему невѣдѣнію. Тутъ, сѣдой мужчина и его три женщины такъ исправно стали помогать мнѣ, что черезъ нѣсколько минутъ я плавалъ въ Англійскомъ языкѣ какъ рыба въ водѣ. Незнакомцы мои были Г-нъ Пирсонъ, жена его, дочь и гувернантка дочери. Я представилъ свои рекомендательныя письма, на которыя, однако жъ, не много надѣялся, потому-что они достались мнѣ изъ третьихъ рукъ. Не менѣе того, при первомъ вскрытіи печати, они доставили мнѣ приглашеніе поселиться въ домѣ, на все время пребыванія моего въ Калькуттѣ. Потомъ, спросили меня, не привезъ ли я еще какихъ-нибудь писемъ. На это я отвѣчалъ предъявленіемъ чудовищнаго пакета, безобразившаго мой карманъ, — пакета, который, будучи благовременно расположенъ какъ хорошо обдуманный фейерверкъ, при вскрытіи своемъ выпустилъ сначала нѣсколько холостыхъ ракетъ, — письмо къ доктору такому-то, другое къ негоціанту такому-то, третье къ капитану такому-то, но потомъ, мало-по-малу, сталъ выбрасывать имена судьи, главнаго судьи; далѣе члена совѣта, и наконецъ, для окончательнаго ракетнаго «павильона», метнулъ имя леди Бентинкъ и генералъ-губернатора лорда Вилліама Бентинка, на пяти конвертахъ. Всѣ кресла сблизились около моего, и я сдѣлался совершенно моднымъ человѣкомъ въ палатахъ Г-на Пирсона.

Пробило одиннадцать часовъ. «Мнѣ время ѣхать въ верховный совѣтъ», сказалъ мнѣ Г. Пирсонъ: «я чрезвычайно сожалѣю, что не могу самъ представить васъ тѣмъ лицамъ, съ которыми вамъ надо повидаться; но моя дочь все это вамъ устроитъ, а карета моя къ вашимъ услугамъ.» Тутъ

онъ насъ оставилъ, крѣпко пожавъ или, лучше сказать, сильно стряхнувъ мою руку.

Миссъ Пирсонъ объявила мнѣ, что съ самымъ первымъ изъ всѣхъ визитовъ я долженъ ѣхать во дворецъ, къ генералъ-губернатору; и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, сѣла и, при мнѣ же, написала записку къ леди Бентинкъ. Менѣе, нежели черезъ четверть часа, дежурный адъютантъ генералъ-губернатора доставилъ мнѣ отвѣтъ его супруги, — слѣдуя этикету, прямо на мое имя, — гдѣ было сказано, что леди меня ожидаетъ. Я сѣлъ въ карету Г-на Пирсона, обремененную гайдуками, жезлоносцами, сзади и спереди, и, пріѣхавъ во дворецъ, былъ встрѣченъ тѣмъ же адъютантомъ: этотъ повелъ меня въ гостиную леди Бентинкъ, гдѣ я увидѣлъ женщину лѣтъ пятидесяти, съ рѣзкими остатками красоты, милую, умную, безъ малѣйшаго жеманства. Мы разговаривали съ ней часа полтора, какъ вошелъ въ гостиную домашній докторъ и хотѣлъ было предложить хозяйкѣ руку, чтобы вести въ столовую, гдѣ накрыта была закуска; но леди отправила его къ мужу предупредить обо мнѣ, и, спустя нѣсколько минутъ, я вступилъ въ столовую, ведя ее объ руку. Лордъ Бентинкъ, въ это время, входилъ въ ту же столовую съ противуположной стороны, въ сопровожденіи министровъ и членовъ совѣта, собранныхъ въ этотъ день для совѣщаній. Леди Бентинкъ представила меня своему мужу съ чрезвычайною любезностью; потомъ меня посадили по правую руку генералъ-губернатора, который, проворно пробѣжавъ, въ продолженіе завтрака, всѣ мои пять писемъ, познакомилъ меня съ своими гостями. Послѣ закуски, я отвелъ леди Бентинкъ тѣмъ же порядкомъ въ ея гостинную, изъ которой вырвался не иначе какъ давъ слово явиться опять къ обѣду, въ восемь часовъ вечера.

Возвратясь къ Пирсонамъ, которые уже начинали удивляться долгому моему отсутствію, я нашелъ двѣ лучшія комнаты въ домѣ изготовленными для моего помѣщенія; но когда я хотѣлъ скрыться въ нихъ и отдохнуть, потирая руки отъ радости при такомъ счастливомъ началѣ, за мною вбѣжала толпа слугъ, вооруженныхъ огромными опахалами, для освѣженія моей особы. На силу могъ я отъ нихъ отдѣлаться!

Въ шесть часовъ, Г. Пирсонъ повезъ меня, съ женою и дочерью, кататься по городу, — ежедневное удовольствіе жителей Калькутты при захожденіи солнца. Послѣ такой прогулки, они обыкновенно переодѣваются и садятся обѣдать, почти всегда при свѣчахъ. Такъ и я переодѣлся, сѣлъ опять въ карету Г. Пирсона и поѣхалъ во дворецъ.

Всѣ гости собрались въ пріемной, и я опять имѣлъ честь вести леди Бентинкъ къ столу, гдѣ она посадила меня возлѣ себя. Вкругъ насъ было царско-Азіатское кушанье въ отмѣнномъ Французскомъ вкусѣ: подавали все на позолоченныхъ блюдахъ; лучшія Европейскія вина разносились высокими фигурами съ длинными бородами, въ длинныхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ чалмахъ, сіявшихъ золотомъ и яркими цвѣтами. Между-тѣмъ, отличный оркестръ, съ рѣдкимъ совершенствомъ, разъигрывалъ прекраснѣйшіе мотивы изъ Моцарта и Россини. Прелесть этихъ звуковъ, волшебное освѣщеніе столовой и примыкающихъ комнатъ, пышное убранство стола, необыкновенная красота плодовъ, покрывавшихъ его въ невиданномъ изобиліи, восхитительный запахъ цвѣтовъ, которыми украшались пирамиды изъ фруктовъ, можетъ также и сила волшебная шампанскаго, — только все это вмѣстѣ повергло меня въ какое-то очаровательное упоеніе; въ упоеніе, не отнимавшее однако у меня разсудка. Я разговаривалъ очень удачно съ леди Вилліамъ, по-Французски, объ изящныхъ искусствахъ, о литературѣ, музыкѣ, живописи, а съ мужемъ ея, на Англійскомъ языкѣ, о внутреннемъ состояніи и политикѣ моего отечества. Возвратившись въ гостинную и глотая душистый Левантскій кофе, я былъ осыпанъ такими привѣтствіями и встрѣтилъ столько рукопожатій, что голова моя могла бы легко вскружиться, если бъ была немного слабѣе. Я имѣлъ еще довольно духу завести тутъ ученую диссертацію съ домашнимъ докторомъ о Физіологіи вообще, о зоологіи и геогнозіи Индіи въ особенности, — потому что въ общемъ разговорѣ я не могъ, даже въ качествѣ путешествующаго естествоиспытателя, распространиться объ этихъ предметахъ.

Я посвятилъ два слѣдующихъ дня своимъ визитамъ къ знатнѣйшимъ жителямъ города, а недѣли черезъ двѣ генералъ-губернаторъ переѣхавъ въ свой загородный домъ, пригла-

силъ и меня туда же. Тамъ леди Бентинкъ заставила меня влѣзть на слона, въ первый разъ моей жизни.

Время мое текло несказанно тихо и пріятно въ Баракпорѣ, — названіе загороднаго дома генералъ-губернатора. Все утро я обыкновенно работалъ въ красивомъ флигелѣ, гдѣ меня помѣстили, возлѣ самаго замка. Въ два часа пополудни; роскошный завтракъ соединялъ, въ большой залѣ, всѣхъ жителей Баракпора, кромѣ меня; но когда онъ былъ оконченъ, я иногда являлся въ будуарѣ леди Бентинкъ, гдѣ, по нѣскольку часовъ сряду, время проходило въ разговорахъ объ антиподахъ, о дурной и хорошей погодѣ. Ввечеру, послѣ обѣда, иногда занимались музыкою, иногда непринужденною, дружескою бесѣдою; что до меня, то я обыкновенно садился подлѣ лорда Бентинка, на диванѣ, въ которомъ-нибудь изъ угловъ комнаты: онъ разсказывалъ мнѣ объ Индіи, я ему объ Америкѣ. Въ половинѣ одиннадцаго, всѣ расходились, и я шелъ бродить до полуночи, по огромнымъ аллеямъ великолѣпнаго Баракпорскаго парка.

Такъ протекли первые дни мои въ Индіи. Зачѣмъ потеря первыхъ писемъ моихъ оставила васъ цѣлый годъ въ неизвѣстности? Какая противуположность между жизнію моей въ Калькуттѣ и теперешнимъ моимъ одиночествомъ въ пустынѣ! Но и самыя воспоминанія сладостны.

Характеръ лорда Бентинка внушилъ мнѣ глубочайшее къ нему уваженіе, котораго я не могъ скрыть и отъ него. Воинъ опытный, онъ ненавидитъ войну, но любитъ свое отечество выше всего на свѣтѣ. Хотя сынъ Англійскаго герцога, хоть самъ теперь на мѣстѣ Великаго Могола, онъ такъ простъ, такъ откровененъ, что нельзя въ него не влюбиться. А какъ нѣтъ для насъ людей милѣе тѣхъ, которые насъ любятъ, то и я казался лорду Вилліаму особенно привлекательнымъ. Я не могъ нарадоваться, я былъ счастливъ, видя столько могущества въ такихъ честныхъ рукахъ.

Луджіана на берегахъ Сетледжа, февраля 25, 1831. Завтра, или послѣ завтра, я перейду черезъ Сетледжъ, и направлю путь свой къ столицѣ Кашмирскаго государства. Король Ренджитъ-Синъ, изъ ласкательства къ лорду Бентинку, дозволяетъ мнѣ входъ въ свои владѣнія, доселѣ запертыя даже для самихъ Англичанъ. Онъ посылаетъ сына перваго сво-

его министра ко мнѣ на встрѣчу, и я увѣренъ, что буду имъ самимъ хорошо принятъ въ Лагорѣ, по милости Г. Аллара, нашего соотечественника, который у него въ службѣ и занимаетъ одну изъ важнѣйшихъ должностей въ его государствѣ. Г. Алларъ, узнавъ, что Французскій путешественникъ желаетъ посѣтить Кашмирскія владѣнія, не только склонилъ короля дать на то свое согласіе, но даже не перестаетъ, письменно и чрезъ посланныхъ, убѣждать меня предпринять путешествіе мое въ Лагоръ какъ-можно скорѣе. Ренджитъ-Синъ самъ назначилъ мой маршрутъ до своей столицы, откуда надѣюсь писать къ вамъ о немъ и объ себѣ ближе, нежели черезъ двѣ недѣли.

Лагерь около Юлиндора, въ Пенджабѣ, марта 4, 1831. Третьяго-дни я простился, въ Луджіанѣ, съ моимъ пріятнымъ хозяиномъ, капитаномъ Ведомъ, и, сѣвъ на слона, окруженный отрядомъ конныхъ Сейковъ, переправился черезъ Сетледжъ. Эскадронъ тѣхъ же войскъ, въ боевомъ порядкѣ на правой сторонѣ рѣки, принялъ меня съ военными почестями, при самомъ выступленіи моемъ на берегъ, и проводилъ до моей палатки. Тутъ оставался онъ подъ ружьемъ, до пріѣзда моего *мигмандара*, то есть, вожатаго гостей, молодаго Шахъ-эль-дина, который скоро прискакалъ къ намъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ. Ведъ научилъ меня этикету Сейковъ, и потому мнѣ не трудно было сладить съ сыномъ великаго визиря, который, впрочемъ, принялъ на себя почти весь трудъ нашего разговора. Въ концѣ свиданія, молодой Сейкъ, при самыхъ униженныхъ выраженіяхъ, поднесъ мнѣ мѣшокъ съ деньгами, а между-тѣмъ его фигуранты, проходя мимо моей палатки, ставили у входа корзины съ фруктами, кувшины со сливками, сосуды съ разными лакомствами. Все это были подарки Ренджитъ-Сина. Я просилъ Шахъ-эль-дина написать къ королю съ изъявленіемъ моей благодарности, и прибавить, что не менѣе этого я ожидаю и отъ его гостепріимства.

Ввечеру, я доставилъ себѣ наслажденіе совсѣмъ другаго рода, — длинную и уединенную прогулку по пустынному берегу Сетледжа. Никто не провожалъ меня; ни какая человѣческая фигура не портила картинныхъ видовъ, которые ме-

ня окружали. Я былъ также свободенъ, какъ на берегахъ Ніагары, когда еще ни какія почести не утруждали меня.

По возвращеніи въ лагерь, секретарь моего мигмандара пришелъ ко мнѣ за приказаніями. Я назначилъ часъ выступленія на слѣдующее утро и мѣсто отдыха. Вчера, я проѣхалъ это пространство на слонѣ, одинъ, слѣдуя своей склонности къ уединенію. Когда я говорю *одинъ*, я не считаю съ полдюжины пѣшихъ слугъ и столько же конныхъ проводниковъ, которые меня окружали: такъ велико слово *я* на востокѣ, что оно поглащаетъ дюжину людей и лошадей, какъ ничто.

Шахъ-эль-динъ, котораго я не приглашалъ ѣхать съ собою, слѣдовалъ сзади, съ своимъ отрядомъ, въ друхъ или трехъ миляхъ разстоянія. Прибывъ на мѣсто отдыха и войдя въ приготовленную уже для меня палатку, я вскорѣ получилъ отъ него посланника, черезъ котораго онъ просилъ позволеніе опять мнѣ представиться. Онъ опять явился съ новыми привѣтствіями, съ новымъ мѣшкомъ денегъ и съ новыми провизіями.

Я посѣтилъ его въ тотъ же вечеръ, за что онъ, во все продолженіе моего визита, не переставалъ изъяснять мнѣ своей благодарности прилагательными превосходной степени. Я пріѣхалъ и уѣхалъ при звукѣ трубъ и литавръ; и не будь у меня такой длинной бороды, придающей мнѣ очень важный видъ, я бы не выдержалъ, чтобъ не расхохотаться отъ этой музыки. Зато, возвратясь въ свою палатку, я нахохотался до-сыта надъ великолѣпіемъ моего положенія.

Сегодня утромъ я расположился лагеремъ близь Юллиндора, очень древняго города, а Шахъ-эль-динъ явился опять съ распросами о моемъ здоровьѣ и съ обыкновенными своими гостинцами, то есть, съ новымъ мѣшкомъ денегъ для моей шкатулки, съ прежними прилагательными въ превосходной степени для ушей моихъ, да еще съ разными лакомствами и провизіями для моего желудка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представилъ мнѣ Юлиндорскаго губернатора, съ его длинною и бѣлою бородою и съ его безконечною свитою. Поговоривъ съ ними нѣсколько минутъ и желая какъ-можно учтивѣе отдѣлаться отъ всей этой сволочи, я предложилъ моему мигмандару прогуляться на слонѣ по городу, а бѣлой бородѣ изъя-

вилъ свое «отчаяніе», что не могу и его также пригласить съ собою.

Послѣ прогулки, я возвратился въ свою палатку, гдѣ пишу теперь это письмо подъ разладными звуками серенады, которою угощаютъ меня Юлиндорскіе артисты. Пишу къ вамъ скрѣпясь терпѣніемъ, пока не кончится вся эта потѣха: такъ какъ они играютъ по указу короля, то поневолѣ надо слушать ихъ съ терпѣніемъ.

Но, спросите вы, что въ этихъ мѣшкахъ, которыхъ у тебя такая коллекція? А вотъ что. Въ каждомъ изъ нихъ сто одна рупія, или 250 франковъ. Если Ренджитъ-Синъ считаетъ себя обязаннымъ принимать всѣхъ своихъ гостей такимъ же образомъ, то я очень понимаю, почему они ему непріятны, и почему онъ запрещаетъ всѣмъ иностранцамъ въѣздъ въ свои владѣнія. Желалъ бы я знать, гдѣ и когда кончится такое вниманіе съ его стороны? Можетъ-быть въ Лагорѣ, но вѣрно не прежде; а какъ отсюда до Лагора шесть переходовъ, то я соберу еще шесть сотъ шесть рупій; и солью ихъ во-едино съ тѣми тремя стами которые уже удостоены моего прикосновенія. До-сей-поры, я всё сердился на медленность путешествій въ Индіи; но Ренджитъ-Синъ употребляетъ такія убѣжденія, которыя помирили бы меня даже съ поступью черепахи.

Не знаю, не оптическій ли это обманъ, но Пенджабъ и его жители мнѣ очень нравятся. Вы скажете, можетъ-статься, что я вижу ихъ сквозь золотой дождь, который, вѣроятно, придаетъ имъ много прелести. Это, можетъ-быть, и правда; но всё-таки надо признаться, что характеръ Сейковъ, изъ всѣхъ восточныхъ народовъ, самый привлекательный. Простота ихъ и честность должны непремѣнно понравиться Европейцу, послѣ двухлѣтняго путешествія въ Индіи, гдѣ этѣ качества довольно рѣдки.

Лагоръ, марта 12, 1831. Вчера въѣхалъ я въ здѣшнюю столицу, и былъ встрѣченъ Г. Алларомъ за двѣ мили отъ города. Въ одной съ нимъ коляскѣ сидѣли Гг. Вентура и Куртъ, два Европейца, которые также въ службѣ у Ренжитъ-Сина. Они выскочили изъ коляски, я соскочилъ съ лошади, и, когда мы хорошенько перецѣловались съ Г. Алларомъ, онъ представилъ меня своимъ товарищамъ. Потомъ, мы всѣ чет-

веро сѣли въ его экипажъ и поѣхали въ городъ. Проѣхавъ по дикимъ, пустыннымъ полямъ, покрытымъ, какъ и окрестности Дегли, развалинами Монгольскаго могущества, мы вышли изъ коляски, черезъ часъ ѣзды, у входа какого-то очаровательнаго оазиса. Удивленнымъ моимъ взорамъ представился обширный садъ, съ цвѣтниками, полными левкоевъ, ирисъ, розъ, съ померанцовыми и ясминными аллеями, съ бассейнами и фонтанами, разливавшими отрадную прохладу въ воздухѣ, и съ прелестнымъ павильономъ, отдѣланнымъ со всею роскошью и утонченностью Восточнаго вкуса. Это волшебное жилище — мое.

Тутъ насъ ожидалъ столъ, уставленный серебряною посудою и самымъ лакомымъ кушаньемъ. Закусивъ немного, я весь день бродилъ съ новыми моими друзьями по аллеямъ моего сада, давая себя душить ихъ ласками, наперерывъ. Вечеръ наступилъ, и слишкомъ скоро; мы должны были разстаться, потому что Гг. Алларъ и Куртъ живутъ отъ меня въ двухъ миляхъ, а въ окрестностяхъ Лагора опасно путешествовать ночью. Они уѣхали, я остался одинъ, въ восхищеніи отъ своего маленькаго дворца и отъ всего, что меня окружало. Я воображалъ, что надо мною сбывается одна изъ сказокъ Тысячи и Одной Ночи.

Мой мигмандаръ, который уже успѣлъ увѣдомить короля о моемъ пріѣздѣ, явился ввечеру ко мнѣ съ поздравленіями отъ его величества и подарками, — роскошными, превосходными плодами и кошелькомъ съ пятью сотнями рупій. За этимъ слѣдовалъ богатый обѣдъ при свѣчахъ, въ продолженіе котораго меня окружала и служила мнѣ толпа слугъ въ шелковыхъ одеждахъ. Несмотря на всю эту пышность, я имѣлъ твердость не ѣсть ничего, кромѣ хлѣба, молока и фруктовъ, по своему обыкновенію, которому обязанъ доселѣ крѣпкимъ моимъ здоровьемъ.

Сегодня утромъ меня разбудили Гг. Алларъ и Вентура. Они ѣхали къ королю, получивъ отъ него въ прошедшую ночь приказаніе явиться къ нему поутру. Надо вамъ сказать, батюшка, — не знаю какъ и почему, обо мнѣ разнесли такую славу въ Лагорѣ, что всѣ горятъ нетерпѣніемъ меня видѣть, и Ренджитъ-Синъ не менѣе другихъ любопытенъ. Зная, что эти господа провели со мною весь вчерашній день,

онъ потребовалъ ихъ къ себѣ въ такую необыкновенную пору, чтобъ распросить ихъ обо мнѣ хорошенько, какого я вида и рода животное. Вѣроятно представленіе будетъ сего дня или завтра. Прощайте, любезный батюшка; оставляю васъ, чтобъ надушить, какъ-можно болѣе, персизмомъ привѣтствія, которыя я готовлю королю. Надо наговорить ему тму нелѣпостей, расхвалить его и себя: это самый вѣрный способъ понравиться и удивить на Востокѣ. Г. Алларъ сейчасъ разсказывалъ мнѣ, что я мудрѣйшій изъ людей, — что я все знаю, — все видѣлъ, — знаю всю вселенную какъ свои десять пальцевъ, и что король и вся Лагорская публика убѣждены въ этомъ. Видите ли, какъ мнѣ надобно искусно маневрировать, чтобъ не понизить такого о себѣ мнѣнія!

Лагоръ, марта 16, 1831. Я каждый день просиживаю по нѣскольку часовъ съ Ренджитъ-Синомъ, въ разговорахъ о всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ событіяхъ и наукахъ. Этотъ человѣкъ — настоящій упырь съ своими распросами. Изъ всѣхъ Индѣйцевъ, которыхъ я встрѣчалъ, этотъ первый, который *любопытенъ*; зато ужъ онъ и вымѣщаетъ на мнѣ за равнодушіе всей своей націи. Онъ надѣлалъ мнѣ сотни тысячь вопросовъ объ Индіи, Англичанахъ, Европѣ, Наполеонѣ; объ этомъ мірѣ и о будущемъ; о раѣ и адѣ, о душѣ, и прочая. Однако жъ, онъ мнѣ очень нравится; можетъ-быть оттого что превозноситъ меня похвалами. Вчера, когда я отъ него ушелъ, онъ назвалъ меня *полубогомъ*. Видите, батюшка, не шутите вашимъ Викторомъ!

Онъ позволилъ мнѣ ѣхать въ Кашмиръ и вездѣ, куда мнѣ угодно; позволилъ осмотрѣть всѣ его владѣнія во полной подробности, и обѣщалъ, что его покровительство будетъ вездѣ мнѣ сопутствовать.

Однако не думайте, чтобы мой пріятель, Ренджитъ-Синъ, былъ образецъ добродѣтели. Нѣтъ, далеко до того. Въ немъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести, когда выгоды его того требуютъ; но онъ не жестокъ. Самымъ большимъ преступникамъ онъ велитъ только обрѣзывать носъ и уши или только кисть у руки; жизни никогда не отнимаетъ. Къ лошадямъ онъ имѣетъ страсть, доходящую до сумасбродства. Ему случалось вести самыя разорительныя и кровавыя войны за лошадей, которыхъ ему отказывали подарить или продать. Онъ отлично

храбръ, — что довольно рѣдко между Азіатскими государями. Но, хотя военныя его предпріятія всегда ему удавались, онъ болѣе хитростью нежели оружіемъ сдѣлался, изъ частнаго человѣка, повелителемъ всего Пенджаба, Кашмира, и прочая; и несмотря на то, что онъ родился не на престолѣ, власть его тверже и обширнѣе, нежели была власть Великихъ Моголовъ, въ самое блестящее время ихъ могущества.

Мы всѣ скоро сбираемся оставить Лагоръ. Г. Вентура, съ десятью тысячами войска и тридцатью пушками, отряжается собирать подати съ отдаленныхъ провинцій. Г. Аллардъ готовится также куда-то въ походъ. Самъ Ренджитъ-Синъ отыскалъ себѣ также занятіе въ томъ же родѣ, — это Бонапартъ въ миніатюрѣ, и никакъ не можетъ усидѣть на мѣстѣ. Такъ, черезъ нѣсколько дней, мы всѣ разъѣдемся въ разныя стороны.

Лагоръ, марта 18, 1831. Сегодня Ренджитъ-Синъ давалъ мнѣ прощальную аудіенцію, и я въ послѣдній разъ просидѣлъ съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ пожаловалъ мнѣ почетный *халатъ*, цѣною въ пять тысячь рупій. Этотъ подарокъ состоитъ изъ двухъ Кашмирскихъ шалей отменной красоты и двухъ такихъ же шалей по-проще; изъ семи кусковъ шелковыхъ матерій и кисей доброты необыкновенной; всего одиннадцать предметовъ, что считается самымъ почетнымъ числомъ. Прибавьте къ тому украшеніе,—не знаю, на голову или на грудь,—изъ дорогихъ камней, худо обдѣланныхъ по здѣшнему обычаю; наконецъ, кошелекъ съ тысячью рупій. Какъ видите, шкатулка моя очень толстѣетъ.

Это еще не все. Король даетъ мнѣ людей для моего охраненія, одного изъ своихъ секретарей для моей съ нимъ переписки, верблюдовъ для переноски моихъ палатокъ и вещей, и, наконецъ, толпу носильщиковъ, которые будутъ замѣнять верблюдовъ тамъ, гдѣ для вьючныхъ животныхъ нѣтъ прохода. Я сказалъ «наконецъ», но нѣтъ, еще не конецъ. У соляныхъ копей, куда я прибуду дней черезъ десять, я получу мѣшокъ въ пять сотъ рупій, а въ Кашмирѣ другой съ двумя тысячами. Кромѣ того, король взялъ съ меня слово тотчасъ его увѣдомить, если мнѣ чего-нибудь особенно захочется въ Кашмирѣ, чтобы онъ могъ немедленно удовлетворить моей прихоти.

Теперь я попался въ руки къ Г. Аллару. Онъ сочиняетъ смѣту всему хозяйству моему и моей конюшнѣ; не оставляетъ мнѣ ни какихъ средствъ къ сопротивленію, и дѣлаетъ всѣ прибавки, какія только могутъ служить къ моему удобству. О, я увезу прелестныя воспоминанія изъ Лагора. *А. Сутникова.*

АНГЛІЙСКІЕ ЖОКЕИ ВЪ ПАРИЖѢ. Читатели Парижскихъ повременныхъ изданій, видя внезапную страсть тамошнихъ журналистовъ къ лошадямъ и скачкамъ, вѣрно будутъ любопытны узнать мнѣніе знатоковъ дѣла о предметѣ, который такъ вскружилъ головы литераторамъ пѣшеходнаго города Парижа. «Англійской жокей, говоритъ одинъ sporting gentleman, недавно посѣщавшій Францію, роится въ Парижѣ. Онъ акклиматировался тамъ какъ индѣйка и, несмотря на свою гордость, наглость и презрѣніе къ Французамъ и ихъ верховой ѣздѣ, образовалъ колонію. Парижскій кучеръ кажется ему самымъ жалкимъ изъ существъ нашего бреннаго міра, и онъ не болѣе этого уважаетъ Парижскаго bourgeois, который пользуется своими подошвами. Ходить! Это, по его мнѣнію, дѣйствіе самое презрѣнное, едва позволительное. Проходя по улицамъ, въ которыхъ находятся большія конюшни, по улицамъ Joubert, Chaussée-d'Antin, и прочая, вы непременно увидите Англійскаго жокея: онъ стоитъ у дверей конюшни, утвердившись на прочныхъ подпоркахъ своихъ расширенныхъ ногъ, забивъ руки въ глубокіе карманы своего исподняго платья, посвистывая и грѣясь на солнцѣ. Въ торжественные дни онъ надѣваетъ парадный костюмъ, — toggery: это куртка съ длинною таліею и однимъ рядомъ пуговицъ; жилетъ еще длиннѣе куртки и обыкновенно красный; широкое исподнее платье, обтянутое у колѣнь, и сапоги съ отворотами, или штиблеты съ зашнурованными башмаками; наконецъ шляпа, которой широкія поля составляютъ совершенную противуположность съ низкою тульею. Переселенный во Францію, жокей не терпетъ ни своего нарѣчія, ни своей важности, ни своего условнаго языка, ни страсти къ плутовству и барышничанью. Онъ, впрочемъ, добрый малой, если только ему не мѣшаютъ пить сколько душѣ угодно и мотать день-

ги, пріобрѣтенныя конюшеннымъ мошенничествомъ; онъ съ презрѣніемъ смотритъ на невѣжество Французовъ, въ дѣлѣ лошадей и конскихъ скачекъ. Я видѣлъ, какъ они во время скачекъ на Марсовомъ Полѣ, посреди народа чуждаго и любопытствующаго, сохраняютъ всю свою національную важность и въ одну минуту убираютъ плохо изжаренную говядину и картофель, бѣлое пиво и дурное вино, приносимыя изъ сосѣднихъ трактировъ. Подъ жалкими, искривленными деревьями, накрытъ былъ столъ для нашихъ героевъ; три или четыре Англійскія дѣвки, которыя, вѣроятно, послѣдовали за кочующею судьбою своихъ отцевъ или любовниковъ, дюжими локтями разталкивали Парижанъ и приносили огромныя блюда съ дымящеюся, кровавою говядиною, далекимъ, и блѣднымъ подражаніемъ національному ростбифу. Любопытно было прислушиваться къ замѣчаніямъ Французскаго ремесленника и видѣть торжественность сорока или пятидесяти сидящихъ за столомъ жокеевъ. Римскій сенатъ не сохранилъ бы такого важнаго вида. По-временамъ одинъ изъ пирующихъ обращался къ присутствующимъ и важно пилъ за ихъ здоровье; тостовъ было такъ много, что всѣ головы отуманились, но это совершилось въ тишинѣ, въ истинно благоговѣйномъ молчаніи, и Парижане съ удивленіемъ увидѣли, что Англійскіе ихъ гости не стояли уже на ногахъ. Скачка была весьма посредственна; средній и низшій классы не принимаютъ въ этомъ полезномъ увеселеніи ни какого участія; только нѣкоторые знаменитые молодые люди даются въ обманъ нашимъ почтеннымъ жокеямъ, которые безсовѣстно пользуются ихъ поддѣльною страстью къ лошадямъ и ихъ невѣжествомъ. Въ Парижѣ скачка — не праздникъ, какъ въ Англіи. Какъ скоро она кончилась, всѣ спокойно расходятся по домамъ; закладовъ совсѣмъ почти не бываетъ; и зрѣлище не представляетъ ни какой существенной занимательности. Прошедшею осенью скакало тамъ нѣсколько лошадей третьяго разбора, съ плохими ѣздоками; бѣгъ не былъ даже выравненъ подъ ватерпасъ, и первый скакунъ, запнувшись за что-то, тотчасъ слетѣлъ съ лошади. Какъ бы сосѣди наши ни хлопотали, Марсово Поле никогда не будетъ Нью-Маркетомъ.»

БЕСѢДА ВЪ ПАГАНИНИ. Большая часть нашей читающей публики знаетъ Паганини только по статейкамъ Г. Юлія Жанена, который нашелъ удовольствіе преслѣдовать его съ непонятнымъ ожесточеніемъ, изображая его человѣкомъ низкимъ, тупымъ, лишеннымъ всякаго благороднаго чувства, почти дикимъ звѣремъ. Другіе Парижскія фёльетонисты, обыкновенно повторяющіе, только другими словами, шутки Г. Жанена, отзывались объ немъ въ томъ же духѣ. Многіе можетъ-быть съ удивленіемъ узнаютъ, что этотъ знаменитый артистъ вовсе не похожъ на свои Парижскіе портреты; что онъ человѣкъ весьма образованный, умный, насмѣшливый и хорошій практическій философъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Булонь, пишетъ одинъ Англійскій офицеръ въ Фрезеровомъ Magazine, я пустился искать моего друга, Паганини; но тщетно: я нашелъ только молодаго его сына Ахилла, котораго блѣдное лице, выразительныя черты, черные волосы, высокій лобъ, кажется, возвѣщаютъ человѣка, способнаго со временемъ заставить говорить о себѣ, — другаго Паганини, котораго поприще и слава покрыты еще мракомъ неизвѣстности.

Или я совсѣмъ не знаю людей, хотя всю жизнь изучалъ ихъ, или въ этомъ странномъ ребенкѣ являются всѣ признаки, показывающіе мужественную рѣшимость, страстную душу, можетъ-быть геній. Сколько разъ видывалъ я какъ онъ играетъ со своимъ фантастическимъ отцемъ! Вы бы подумали, что это два существа съ того свѣта, — такъ худъ и хилъ отецъ, такъ живъ и преждевременно зрѣлъ сынъ его. Я повелъ его къ себѣ, въ Hôtel d'Angleterre, и между-тѣмъ, какъ ребенокъ разсматривалъ гравюры, лежавшія у меня на столѣ, я велѣлъ подать себѣ завтракъ. Въ скорѣ потомъ самъ синьоръ Паганини вошелъ въ мою комнату.

«Какъ, сказалъ онъ, вы здѣсь? въ этомъ отелѣ, въ которомъ исковъ, судебныхъ приговоровъ и протестовъ, бѣглецовъ и бѣглянокъ, болѣе чѣмъ ступеней въ лѣстницѣ и стеколъ въ окнахъ? — Я пріѣхалъ по вашему письму. — «Ба! горячка моя уже прошла. Презрѣніе и забвеніе, вотъ мое оружіе. Я, знайте, хотѣлъ драться на дуэли съ этимъ мерзавцемъ, Парижскимъ фёльетонистомъ, который чернитъ меня періодически каждую недѣлю, и просилъ васъ быть моимъ се-

кундантовъ, но теперь раздумалъ. Впрочемъ вы пріѣхали кстати; въ Булони веселѣе чѣмъ когда-нибудь. Если не ошибаюсь, мы имѣемъ счастіе видѣть здѣсь весь цвѣтъ вашего дворянства промотавшагося и разорившагося, или только затмившагося; всѣхъ этихъ вѣтрениковъ, или философовъ (назовите ихъ какъ угодно), которые изгнаны изъ своего отечества закладами на скачкахъ, упоительною рулеткою, разорительнымъ вистомъ, ужинами съ госпожею Вестрисъ, ночными серенадами и счетами портныхъ; всѣхъ тѣхъ, чье правило жизни заключается въ стихахъ Молліера:

J'aime mieux un vice commode
Qu'une fatigante vertu.

Здѣсь все есть, театръ лирическій, театръ комическій, балетная трупа, балы, игорные домы, клубъ, гостинныя, гулянья; здѣсь собраны всѣ наслажденія роскоши, все, что заставляетъ забывать скуку богатства, все, что краситъ жизнь знатныхъ. Здѣсь блаженство написано на всѣхъ лицахъ; нѣтъ ни кредиторовъ съ мрачными лицами и непріятными голосами, ни привязчивыхъ судебныхъ приставовъ, ни строгихъ матерей, ни взыскательныхъ дядьевъ, опекуновъ, мужей. Увѣряю васъ, здѣсь царствуетъ восхитительная независимость, полная веселіемъ и изобиліемъ.» — Удивляюсь, саго Pago, сказалъ я, какъ вы мастерски прижимаете всѣ струны поэзіи. Онѣ повинуются вамъ какъ струны вашего любимаго инструмента вашему дивному смычку. — «Не говорите мнѣ о музыкѣ! Она меня сгубила. Пойдемте вмѣстѣ, пока мой маленькой Ахиллъ отправится домой немножко поспать, поглядимъ Собраніе, или, какъ здѣсь говорятъ, la Promenade, названіе, между нами будь сказано, весьма глупое.» — Пойдемте! Ведите меня куда угодно.

Блестящая зала городскаго Собранія, въ которую мы вошли, оглашалась гармоническими звуками недавно изобрѣтенной трубы, которая заглушаетъ весь оркестръ и выдумана, кажется, только для того, чтобы заставлять скакать четвероногихъ. Товарищъ мой не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на эту жалкую музыку, въ которой віолончель отставалъ отъ другихъ инструментовъ по-крайней-мѣрѣ на четверть тона. Онъ чрезвычайно забавлялъ меня свои-

ми любопытными замѣчаніями о составѣ Булонскаго общества. Они были живы, остроумны, исполнены критическаго духа, и отличались большою вѣрностью и живостью. — Здѣсь очень мало Французовъ и еще менѣе Француженокъ, сказалъ я. Только и есть, кажется, эта крошечная, улыбающаяся дама, которая невидимо и неслышимо скользитъ между этими Англійскими слонами съ плѣшивымъ господиномъ. Она одна здѣсь представительница своей націи. — «Я даже удивляюсь, что она здѣсь! возразилъ синьоръ. Булонь настоящая Англійская колонія. Поглядите сюда. Развѣ въ этомъ тяжѣломъ галопадѣ не замѣтенъ Британскій отпечатокъ? А этотъ длинный молодой человѣкъ, съ черными волосами, съ острымъ носомъ, съ вытертымъ платьемъ, съ Байроновскою физіономіею, съ блѣднымъ лицемъ, съ аристократическою, безпечною походкою: развѣ онъ не похожъ на благороднѣйшихъ прошлецовъ и промышленниковъ, водящихся въ Лондонѣ? Это совсѣмъ не улыбка и не хитрый видъ Французскаго негодяя, а хладнокровіе и безмятежная осанка Англійскихъ столичныхъ Фигаро.» — Такъ вы знаете весь этотъ народъ? — «Жизнь этихъ людей написана на ихъ лицахъ, подъ ихъ глазами, обведенными чернымъ кружкомъ, въ ихъ преждевременныхъ морщинахъ. Эти господа лучше всѣхъ философовъ изучили свѣтъ и жизнь человѣческую.» — Но я не понимаю, почему здѣшніе Французы не принимаютъ участія въ общественныхъ удовольствіяхъ? — «Почему не принимаютъ? Здѣсь противъ Французовъ существуетъ всегдашній заговоръ. Вы, Англичане, изгнали Булонскихъ жителей изъ ихъ владѣній.» — Ну полно!..... Однако, скажите, что же заставляетъ здѣшнихъ Французскихъ жителей не ѣздить на эти балы? Не дороговизна ли билетовъ? Скупость или богомольность? — «Нѣтъ; холодность и неучтивость, съ которою ихъ здѣсь принимаютъ. Ваши соотечественники и здѣсь, въ гостяхъ, отличаются своею спѣсивою надменностью. Англичане, которые, разорившись въ Лондонѣ или надѣлавъ тамъ шалостей, уходятъ сюда толпами, чтобы жить подешевле и избѣгнуть преслѣдованій, владычествуютъ въ Булонскихъ обществахъ и сговорились между собою дѣлать всевозможныя непріятности тѣмъ изъ Великобританскихъ выходцевъ, которые бываютъ во Французскихъ

домахъ. Бьюсь объ закладъ, что здѣсь не наберется и шести человѣкъ, которые въ состояніи были бы сказать десять словъ сряду по-Французски. Я согласенъ, что обходиться такимъ образомъ съ народомъ, у котораго пользуешься гостепріимствомъ, весьма неучтиво, неприлично, непристойно, смѣшно, неблагородно: но что дѣлать! Это совершенно *по-Англійски.*» — Ого, какъ вы насъ отдѣлываете! — «Неужто хуже нежели какъ вы заслуживаете?» — А мы съ такимъ доброжелательствомъ, съ такою ласковостью принимаемъ иностранцевъ, если они люди съ дарованіемъ! Въ числѣ прочихъ, и васъ самихъ. — «Доброжелательствомъ? То есть, любопытствомъ. Вы самый любопытный народъ во всемъ свѣтѣ. Вамъ непремѣнно надобно зрѣлищъ, новостей. Вы толпитесь вокругъ иностранца, который вырываетъ васъ изъ когтей скуки; вы угощаете его, тратите для него деньги; дорого платите за свои наслажденія. Я еще не вижу за что тутъ васъ уважать.» — Однако жъ, позвольте васъ спросить, синьоръ Николо, на чьи гинеи изволили вы купить ваше помѣстье близъ Пармы? — «На ваши.» — А кому вы обязаны вашею виллою при озерѣ Комо? — «Вамъ.» — А вашимъ имѣніемъ близъ Сузы? — «Тоже вамъ.» — Такъ, видно, наше любопытство было для васъ довольно выгодно. — «Да; я противъ этого не спорю. Въ игрѣ жизни всегда кто-нибудь выигрываетъ. Но вы исчислили еще не всѣ ваши услуги, не всѣ выгоды, которыя принесъ мнѣ вашъ, какъ вы говорите, ласковый пріемъ. Вы сдѣлали меня моднымъ человѣкомъ, любимымъ артистомъ. Англичане вознесли меня до небесъ, и обложили Европу моей репутаціею, какъ податью. Хриплый голосъ лорда-канцлера, бѣшеное краснорѣчіе народныхъ ораторовъ, умолкали передо мною; тоны моего торжественнаго sol заглушили всѣ бурныя рѣчи О'Коннеля. Въ Англіи говорили только обо мнѣ, меня одного хотѣли видѣть и слышать, меня предпочитали всему на свѣтѣ, обо мнѣ толковали въ газетахъ, дѣлали мои бюсты, писали мои портреты, приглашали меня ко всѣмъ столамъ. Отвратительность мою обоготворяли, и моя худоба затмѣвала на балахъ прекраснѣйшія женскія плеча, какія только когда-либо блистали подъ бархатомъ, жемчугомъ и золотомъ. Ваши лорды давали въ честь мою великолѣпные праздники; ваши леди

созывали для меня на чай избранныхъ своихъ гостей; альдермены ваши готовили для меня свои торжественные супы à la tortue, которые возносятъ нёбо гастронома до седьмаго небеси. Не думаете ли вы, что я чрезвычайно благодаренъ вамъ за все это? Ни сколько. Одно дружелюбное чувство внушило бы мнѣ болѣе признательности. Я былъ для васъ новостью, любопытною вещью, рѣдкимъ и невиданнымъ звѣремъ. Я удовлетворялъ вашимъ причудамъ; вы зато набивали мнѣ карманы. Слѣдственно, мы квиты.» — Ай, ай, синьоръ Николо, какая страшная у васъ логика! И это вы говорите мнѣ, Англичанину? — «Вы не Англичанинъ; вы Ирландецъ.» — Все равно. Никто, кажется не имѣетъ болѣе васъ причины быть доволенъ свѣтомъ вообще и Англіею въ особенности. Вы теперь богаты. Вы добыли богатство свое остріемъ своего смычка, и право, любезный мой великій человѣкъ, Англія вамъ въ этомъ не мало помогала. — «Согласенъ..... Но мы слишкомъ удалились отъ перваго предмета нашего разговора. Вы скачете на почтовыхъ, любезный мой! Я сказалъ, что Англичане не очень любятъ иностранцевъ; я такъ думаю. Есть ли въ свѣтѣ народъ, котораго предразсудки были бы упорнѣе, коренистѣе? который бы съ большею надменностью обходился со всѣмъ, что ему встрѣчается? Ни одного. По вашему мнѣнію, кто живетъ не по-Англійски, разсуждаетъ не по-Англійски, тотъ безсмысленное животное, недостойное жизни. Кто не любитъ вашего портвейну (а что за вино, особенно лѣтомъ!) тотъ дуракъ. Кто не сжетъ каменнаго угля, тотъ настоящій дикарь. Джонъ Буль уважаетъ только себя, свой домъ, свой стаканъ, свой столъ, свою бутылку, своихъ дѣтей, свою кошку, свою собаку, своихъ лошадей. Но кто только внѣ этого, для того нѣтъ спасенія.»—Это патріотизмъ — «Или эгоизмъ.»—Всѣ народы страждутъ тою же болѣзнію. — «Нѣтъ. Ваше коммерческое могущество вскружило вамъ голову. Вы въ грошъ не ставите цѣлаго міра, посылаете его къ чорту. Вы, правда, хорошо платите презирая, и это окружаетъ васъ деньголюбивымъ уваженіемъ, но никому не мѣшаетъ васъ ненавидѣть. Англичанинъ платитъ, и ругается; платитъ, и проклинаетъ; грубіянитъ, и платитъ; платитъ за то, чтобы его ненавидѣли. Привлекательность золота тотчасъ манитъ къ нему нуждающую-

ся толпу, и грязь всѣхъ народовъ собирается вокругъ путешествующаго Англичанина. И онъ по этимъ жалкимъ образцикамъ судитъ обо всѣхъ народахъ. Онъ не видитъ, что добродѣтель, нравственность, знаніе, все, что достойно уваженія, остается дома, а только пѣна человѣческаго рода всплываетъ вокругъ него на поверхность. Эта ложная оцѣнка людей усиливаетъ еще его спѣсь и надменность, и онъ излагаетъ свои наблюденія въ толстой книгѣ, которую соотечественники его читаютъ съ восхищеніемъ.» — И въ которой онъ разсказываетъ, что башня въ Пизѣ стоитъ не прямо и что Монбланъ покрытъ снѣгомъ. Да! я видывалъ подобныхъ путешественниковъ. — «Вы не мало найдете ихъ и въ Булони,» сказалъ Паганини.

Въ эту минуту прошелъ мимо насъ какой-то молодой человѣкъ стараго времени, на цыпочкахъ, съ распуколкою розана въ петлицѣ, съ маншетами и жабо̀ девяностыхъ годовъ, въ шелковыхъ штанахъ, свѣтлосинемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, старомоднымъ галстукомъ и яркими разводами на жилетѣ. Въ утонченной его сущности не замѣтно было важной самоувѣренности аристократа; ласковая его улыбка, казалось, просила одобренія, и его видъ самодовольный показывалъ, что онъ привыкъ къ побѣдамъ и помнитъ еще прежнюю свою жизнь, проведенную въ модномъ свѣтѣ. Паганини съ улыбкою поклонился ему.

— Вы его знаете? спросилъ я. — «А вы еще лучше меня.» — Я! я его никогда не видывалъ. — «Да это человѣкъ знаменитый. Неугодно ли вамъ показать свою проницательность. Угадайте, кто этотъ человѣкъ? къ какому классу принадлежитъ онъ? Что онъ такое, дипломатъ? свѣтскій человѣкъ? математикъ? поэтъ?»

И при этихъ словахъ черные, впалые глаза Паганини сверкали.

— Угадать мнѣ не легко, сказалъ я. Въ этомъ человѣкѣ совсѣмъ не замѣтно слѣдовъ высокаго происхожденія, ни отличныхъ умственныхъ способностей. Ему шестьдесятъ лѣтъ и онъ танцуетъ; весь въ морщинахъ и носитъ цвѣтокъ въ петлицѣ. Постоянная его улыбка, показываетъ не истинное чувство, а привычную игру физіономіи, благосклонной не по инстинкту, а по обязанности. Смотря потому какъ онъ на-

гибается къ своей дамѣ, которой онъ, вѣроятно, говоритъ старинныя вѣжливости, замѣтно, что онъ не заразился холодною важностью нынѣшнихъ нравовъ.

— Продолжайте, вашъ анатомическій разборъ очень вѣренъ; посмотримъ, такъ ли вы проницательны, какъ тотъ маркизъ, о которомъ разсказывали мнѣ въ Парижѣ, что онъ узналъ въ одномъ богатомъ игрокѣ отставнаго швейцара по слѣдамъ шнурка на его ладони.

Разговоръ нашъ сдѣлался очень живымъ и занимательнымъ. Паганини съ ѣдкимъ сарказмомъ и съ быстротою рѣчи, свойственною Италіянцамъ, описывалъ мнѣ разныя лица, попадавшіяся къ намъ на встрѣчу. Мы говорили объ актерѣ Котсѣ, который тутъ находился, объ его талантѣ, о разныхъ Англійскихъ артистахъ и писателяхъ, и онъ удивлялъ меня на каждомъ шагу своими рѣзкими и умными сужденіями. — Любезный мой виртуозъ - философъ! воскликнулъ я: вы, кажется хорошо знакомы не только съ нашими нравами, но и съ нашею литературою. Въ Англіи совсѣмъ не предполагаютъ въ васъ этой критической наблюдательности, этой немножко жестокой сатиры.

— «Ah, per, Dio! (это любимая клятва Паганини) меня не знаютъ; да я и не стараюсь, чтобы меня знали. Что жъ, вы думаете, я дикой звѣрь? медвѣдь, который играетъ на скрыпкѣ?....Гувернеръ моего сына Ахилла—Англичанинъ. Я читаю большую часть вашихъ новыхъ романовъ; Перси Бенксъ и Питеръ Робинсонъ присылаютъ мнѣ регулярно тюки вашихъ литературныхъ новостей. Я получаю даромъ Edinburgh Review, котораго политика мнѣ не нравится, и я же, одинъ изъ самыхъ старинныхъ подписчиковъ Локгартовой Quarterly Review. Я давно въ постоянной перепискѣ съ вашимъ романистомъ Гукомъ, самымъ толстымъ и самымъ забавнымъ человѣкомъ въ мірѣ.» — Не дурно для Италіянца! сказалъ я: вы, кажется знаете нашу Англію наизусть. Посмотрите, нашъ Ромео, Котсъ, ангажировалъ бѣлокурую дѣвушку, которая, кажется, довольно внимательно слушаетъ его вѣжливости. — «Онъ вѣчно таковъ; и шестьдесятъ лѣтъ его не исправили. Женщины его избаловали, а ваши знатные молодые люди, раздраженные его успѣхами у женщинъ, осмѣяли бѣдняка. Хороши ваши общества! Весь свѣтъ уважалъ бы

невинное сумасбродство Котса, даже удивлялся бы ему, если бъ онъ представлялъ важную фигуру на Нью-Маркетскихъ скачкахъ, какъ лордъ А...; если бъ онъ былъ боецъ на кулачкахъ, какъ лордъ В....., политическій интригантъ, какъ лордъ С....., славный кучеръ, какъ лордъ D....., или искусный жокей, какъ лордъ Е..... Лишь бы только онъ былъ лордъ, для него все было бы позволительно; но онъ былъ артистъ и жилъ своею извѣстностью, основанною на талантѣ, и оттого всякой бранилъ его, бѣднаго актера, котораго щедрая природа создала не для театра, а длятого чтобы быть маркизомъ стараго Французскаго двора и блистать въ Тріанонѣ или Версали. Общество не хочетъ быть снисходительнымъ къ людямъ, которыми оно платитъ. Если бы какой-нибудь Французскій или Англійскій дипломатъ увезъ благородную дѣвушку, никто бы и не вздумалъ порицать его: а я, бѣдный скрипачъ, рабъ публики, какъ жестоко преслѣдовали меня журналы за то, что я поволочился нѣсколько времени за миссъ Ватстонъ? Посмотрите на этого плешиваго джентельмена, который стоитъ у окна: онъ шулеръ, всякой это знаетъ. Если бы разобрать архивъ его жизни, Богъ знаетъ чего бы тамъ не нашлось; но онъ имѣетъ счастіе не обладать ни репутаціей ни талантомъ, и никто его не безпокоитъ.»

Человѣкъ, о которомъ Паганини говорилъ, отошелъ отъ окна, низко и съ учтивою улыбкою кланяясь всѣмъ встрѣчающимся, которые отъ него отстранялись. Паганини, съ намѣреніемъ, или по неосторожности, наступилъ ему на ногу такъ сильно, что онъ необходимо долженъ бы былъ разсердиться, если бъ у него въ жилахъ была хоть капля крови. Нисколько! напротивъ, онъ извинился передъ Паганини. Я не могъ не удивиться ласковой улыбкѣ человѣка, который долженъ бы считать себя оскорбленнымъ и между-тѣмъ проситъ прощенія у оскорбителя.

— Вы горды какъ султанъ Махмудъ, сказалъ я Паганини: вы едва удостоиваете отвѣтомъ этого бѣдняка, которому вы раздавили ногу. — «Чортъ его возьми! отвѣчалъ Паганини: онъ меня на-дняхъ порядочно поддѣлъ въ экартѐ! И все это съ величайшею учтивостью и ласковостью. Иной бы подумалъ, что онъ оказываетъ мнѣ большую услугу, объигрывая

меня на-вѣрняка. Вскрывая короля, онъ говорилъ мнѣ комплименты. У меня кровь кипитъ, когда я вспомню о пяти или шести тысячахъ франковъ, которые проигралъ ему.» — Такъ онъ плутуетъ въ экартѐ? — «Ну, да; какъ большая часть играющихъ въ этомъ мірѣ; и спасается своею ловкостью. Онъ настоящій фокусникъ, и надулъ множество Англичанъ, но никто не могъ поймать его. Я знаю только одного борца, который въ состояніи съ нимъ помѣриться.» — Гдѣ же онъ? Здѣсь? — «Здѣсь; вотъ этотъ высокій, блѣдный молодой человѣкъ съ сентиментальною физіономіею и черными бакенбардами. Онъ воспитывался въ лучшихъ Лондонскихъ игорныхъ домахъ. Любопытно было видѣть какъ они въ первый разъ сошлися въ экартѐ. Они мѣряли другъ друга глазами. Одинъ все вскрывалъ королей: у другаго была всегда полная рука тузовъ. Измѣривъ обоюдно свои силы, и увидѣвъ, что искусство у обоихъ почти одинаково, они рѣшились не вступать болѣе въ бой между собою. Съ тѣхъ поръ они играютъ вмѣстѣ, и горе простаку, который попадется имъ въ руки! На этихъ людей больно смотрѣть!» — Любезный maestro, чувствительность на впечатленія, которая сдѣлала васъ великимъ артистомъ, не позволяетъ вамъ переносить малыхъ несчастій жизни, и ваши нервы также легко потрясаются какъ струны вашей лучшей Кремонской скрипки. А я не артистъ, офицеръ, и притомъ офицеръ Ирландскій; то что васъ сильно поражаетъ, меня едва трогаетъ: я, признаюсь, люблю сильныя столкновенія въ жизни и эти, то смѣшные, то презрѣнные характеры, которые встрѣчаются намъ на пути; хотя встрѣча съ ними и оскорбляетъ меня, но я охотно ихъ изучаю и такимъ образомъ плачу за свою опытность. — «Платите! Эта плата слишкомъ дорога. Васъ обманываютъ въ любви, въ дѣлахъ, въ картахъ, и я право, не знаю что тутъ пріятнаго.» — Дѣятельность необходима уму, точно также какъ и сердцу, сказалъ я. Необходимость защищаться отъ столькихъ нападеній, содержитъ насъ въ полезномъ волненіи, предупреждаетъ толстоту, приводитъ въ движеніе жидкости, изощряетъ аппетитъ и усиливаетъ умственную проницательность. Плуты необходимы для воспитанія людей благоразумныхъ. Говоря физіологически, они составляютъ одну изъ необходимостей человѣческой жизни. Я привыкъ

употреблять плутовъ, какъ Митридатъ употреблялъ яды. — «Тѣмъ лучше для васъ! возразилъ скрипачъ. Я никогда не могъ пріобрѣсть этой степени философіи и нечувствительности. Въ толпѣ общества, въ этой презрѣнной давкѣ, гдѣ люди оспориваютъ другъ у друга немножко денегъ, репутаціи или какое-нибудь наслажденіе, мнѣ больно всякой разъ какъ чья-нибудь грубая нога заденетъ меня мимоходомъ или если слишкомъ ловкая рука вынетъ нѣсколько франковъ у меня изъ кармана. Вамъ это смѣшно; мнѣ досадно. Я радъ бы сшибить съ ногъ того, кто задѣваетъ меня, и схватить за воротъ всякаго, кто запускаетъ руку ко мнѣ въ карманъ. Жалкою своею репутаціею я обязанъ именно этой нервической раздражительности и нравственному отвращенію, которое производитъ во мнѣ видъ плутовъ дурнаго и хорошаго общества. Здѣсь напримѣръ въ Булони, плутовъ много, честныхъ людей мало: важничанье и претензіи этихъ людей меня бѣсятъ, и все, что я вижу безпрерывно раздражаетъ меня.»

И когда онъ произносилъ эту тираду, ея колкое краснорѣчіе чрезвычайно хорошо согласовалось съ мефистофеличеcкою физіономіею, которою надѣлила его природа.

ПАРИЖСКІЕ ОЧЕРКИ. *1. Засѣданіе Френологическаго Общества.* Около семи часовъ вечера, я получилъ приглашеніе посѣтить засѣданіе Френологическаго Общества, гдѣ собранные поклонники и послѣдователи знаменитой системы Галла стараются увѣрить себя торжественными рѣчами въ основательности ученія, которому никто уже не вѣритъ. Засѣданіе уже началось, когда я пріѣхалъ въ домъ общества. Съ трудомъ пробрался я сквозь толпу, до стола, уставленнаго бюстами и слѣпками съ различныхъ череповъ, передъ которымъ господинъ М***, страстный френологъ, пространно объяснялъ начала своей науки. Рѣчь его лилась широкимъ и обильнымъ потокомъ, разражаясь буруномъ на слѣпкахъ, которыми столъ былъ заваленъ. Въ запальчивости своего восторга, онъ хваталъ одинъ бюстъ за другимъ, сравнивая черепы убійцъ и воровъ съ черепами героевъ добродѣтели, какъ вдругъ нашлись на нѣсколькихъ черепахъ какія-то шишки, совершенно сходныя у тѣхъ и у другихъ, нашлись даже воровскія головы, которыя ни чуть не отличались отъ

самыхъ честныхъ и добропорядочныхъ головъ. Озадаченный френологъ бросался во всѣ стороны, истощалъ весь арсеналъ своихъ доводовъ, чтобы объяснить это противорѣчіе; призывалъ на помощь и Галла и Спурдзея, которыхъ бюсты стояли по правую сторону оратора, но всѣ усилія его не могли убѣдить слушателей. Утомленные, они разсѣянно гуляли взорами по многочисленнымъ бюстамъ, расположеннымъ на полкахъ, вдоль стѣнъ залы, и уже не одинъ зѣвокъ проводилъ длинные періоды френолога, какъ наконецъ, съ внутреннимъ усиліемъ, онъ возвѣстилъ, что рѣчь его приближается къ окончанію, и что Г. Боннелліè прочтетъ публикѣ результаты своихъ френологическихъ наблюденій надъ Ласнеромъ.

При этомъ имени шопотъ одобренія раздался между слушателями; вниманіе оживилось, и слѣпки съ головы *Ласнера живаго*, и *Ласнера казненнаго*, при появленіи своемъ на краю стола, были приняты съ рукоплесканіями. Мало-по-малу шумъ утихъ, и Г. Боннельè началъ рѣчь посреди глубокаго молчанія, — такъ много успѣлъ возбудить къ себѣ участія этотъ необыкновенный преступникъ, который соединялъ въ себѣ качества самыя противоположныя, вооружался въ одно время лирою и ножемъ, сочинялъ кроткіе и меланхолическіе стихи и черезъ минуту, вмѣстѣ съ убійцами и ворами, обагрялъ руки свои кровію беззащитныхъ жертвъ! Вамъ уже извѣстно по газетамъ, что этотъ литераторъ-разбойникъ кончилъ свою ужасную жизнь на гильотинѣ въ исходѣ прошлаго года. Monsieur Lacenaire написалъ одинъ водевиль вмѣстѣ съ Г. Скрибомъ и нѣсколько сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Праздность и отсутствіе всякаго вѣрованія довели его до воровства и смертоубійствъ, которыхъ онъ совершилъ до четырнадцати. Во время допросовъ передъ Уголовнымъ Судомъ, онъ вооружился всей философіей «юной школы», которая объявила себя въ войнѣ съ фантономъ *общества* и обвиняетъ его въ страданіяхъ такъ называемаго «бѣднаго», то есть, человѣка, который не хочетъ ничего дѣлать и хочетъ всѣмъ пользоваться. Ласнеръ, практическій философъ этой школы, не отпираясь отъ своихъ преступленій, торжественно объявилъ, что онъ кинжаломъ хотѣлъ расчитаться съ «обществомъ» за всѣ его несправед-

ливости, что онъ кралъ и убивалъ длятого чтобы отмстить ему и по возможности его исправить. Кто бы подумалъ, что это отвратительное ученіе лѣниваго негодяя нашло себѣ отголосокъ въ нѣкоторыхъ журналахъ! Несмотря на свои философическія хвастовства, мосьё Ласнеръ потерялъ всю храбрость при видѣ роковой сѣкиры, и умеръ какъ простой, малодушный извергъ.

Г. Боннелліè посѣщалъ нѣсколько разъ Ласнера въ темницѣ; разговаривалъ съ нимъ и наблюдалъ его въ различныя эпохи процесса. Въ началѣ Ласнеръ предсталъ судилищу со всею надменностью самаго закоренѣлаго нравственнаго цинизма; онъ говорилъ о своемъ ужасномъ злодѣяніи покойно и хладнокровно, какъ о предметѣ весьма обыкновенномъ; онъ гордился тѣмъ, что нашелъ довольно силы духа, чтобы попрать всѣ законы общества, всѣ законы нравственности; «но этотъ *Ласнеръ*, говоритъ Г. Боннелліè, не «былъ *настоящій Ласнеръ*. Тщетно подъ мрачнымъ сво«домъ тюрмы, онъ силился удержать эту хвастливую личи«ну: я видѣлъ его, и чтобы познать Ласнера настоящаго, «мнѣ не нужно было бесѣдою проникать въ его душу; что«бы познать его, я разсмотрѣлъ черты его, и Физіологія ска«зала мнѣ, что Ласнеръ лжетъ, и что онъ не полный злодѣй.» Въ одномъ изъ своихъ посѣщеній, Г. Боннелліè предложилъ ему сдѣлать френологическія наблюденія надъ его головою. Ласнеръ очень охотно исполнилъ желаніе. Тогда онъ былъ еще полонъ жизни, и надежда не оставляла его: онъ подалъ аппеляцію, и не считалъ себя даже умершимъ нравственно. «Но въ васъ есть природная доброта», сказалъ ему Г. Боннелліè, ощупывая его черепъ. — Вы не ошибаетесь, отвѣчалъ Ласнеръ: я никогда никого не ненавидѣлъ, и признаюсь вамъ, людей, которые мнѣ нравятся, я умертвилъ бы сразу.» (Ужасъ пробѣжалъ по всему собранію). — «Возможно ли! Вы себя выдаете за атеиста, а у васъ желвакъ вѣры» Ласнеръ улыбнулся. Черезъ день Г. Боннелліè опять посѣтилъ осужденнаго; аппеляціи была отвергнута, и, несмотря на всѣ его старанія выдержать свою роль, въ чертахъ и головѣ Ласнера замѣтны были слѣды внутренняго волненія. Онъ разговаривалъ довольно спокойно, и продолжалъ утверждать, что смерть свою, какова бы она ни была, онъ

всё будетъ считать добровольнымъ самоубійствомъ; что онъ не хочетъ жить, и умертвитъ себя, если его не умертвитъ *общество*. «Но зачѣмъ избрали вы такой жестокій способъ самоубійства?» спросилъ его Г. Боннелліè: зачѣмъ не прибѣгли къ собственнымъ рукамъ, не подвергаясь всенародному позору?» — Зачѣмъ? Я хотѣлъ отмстить обществу. — «Но вы умираете отъ его руки.» — Но я умираю доволный своей участью; въ лицѣ моемъ казнь теряетъ свой ужасъ. Ласнеръ говорилъ эти слова дрожащимъ голосомъ; онъ чувствовалъ, что не можетъ скрыться подъ своей личиною отъ опытнаго френолога, и эта мысль его мучила. Когда Г. Боннелліè уходилъ, онъ подошелъ къ порогу и закричалъ ему вслѣдъ: «А, сударь, вы не вѣрите, что смерть Ласнера найдетъ послѣдователей!..... Я докажу вамъ.»

Черезъ нѣсколько дней, Г. Боннелліè замѣтилъ въ осужденномъ новую перемѣну, которая еще болѣе убѣдила его въ неестественности равнодушія преступника. Продолжительность одиночества, приближеніе роковой минуты, невольно переломили волю негодяя. Онъ сочинилъ нѣсколько нѣжныхъ и грустныхъ стиховъ; онъ видѣлъ и обнималъ Аврилля, котораго увлекъ за собою на эшафотъ. Г. Боннелліè просилъ позволить снять слѣпокъ съ его головы. Описывая это обстоятельство, ораторъ говорилъ слушателямъ, что онъ, Г. Боннелліè, во время своихъ наблюденій надъ осужденнымъ, надъ «этимъ струпомъ на тѣлѣ общества», одушевлялся мыслію, что они принесутъ пользу этому тѣлу.»

По окончаніи снятія слѣпка, что продолжалось довольно долго, Ласнеръ, освободившись отъ маски, которая скрыла на минуту свѣтъ отъ глазъ и какъ-будто напомнила ему близкую участь, сказалъ съ улыбкою: «Эта операція причинила мнѣ болѣе безпокойства, чѣмъ причинитъ та, которая еще впереди.»

Описывая шествіе на мѣсто казни, Г. Боннелліè съ жаромъ возсталъ противъ обыкновенія назначать въ духовники, осужденнымъ на смерть, священника, постоянно состоящаго при тюрмѣ, который невольно свыкся съ этими тяжкими обязанностями. За день до казни, Г. Боннелліè писалъ къ Ласнеру, и осужденный отвѣчалъ ему. Я видѣлъ это письмо; Ласнеръ не понимаетъ вѣчности; онъ томится сомнѣніемъ,

и какъ-будто проситъ луча, который бы озарилъ передъ нимъ пучину неизвѣстности. Письмо это, и стихи, которые онъ сочинилъ наканунѣ казни, теперь напечатаны уже въ газетахъ. Книгопродавцы Парижскіе тотчасъ издали полное собраніе его сочиненій, и эта омерзительная спекуляція принесла, говорятъ, большія выгоды издателямъ.

Господинъ френологъ окончилъ свою рѣчь пошлою выходкою противъ *общества*, — выходкою, совершенно во вкусѣ мерзкой головы, которой объяснялъ онъ желваки и шишки. Онъ утверждалъ между прочимъ, или, правильнѣе говоря, повторилъ безсмысленныя слова, которыя «юная словесность» часто повторяетъ въ свою защиту, — будто-бы ученія этой литературы не имѣли ни какого вліянія ни на Ларонсіера, ни на Ласнера, ни на кого-либо изъ подобныхъ имъ изверговъ. Если бы Ласнеръ не былъ самъ литераторомъ и не защищалъ передъ судомъ и публикою ученій этой словесности во всей ихъ цинической наготѣ, еще можно было бы какъ-нибудь повѣрить Г. Боннелліе. И почему жъ Ларонсіеры и Ласнеры водятся въ наше время только въ одной Франціи, отечествѣ «юной словесности?» Почему ихъ не бываетъ тамъ, гдѣ литература не проповѣдуетъ атеизма и не силится вывернуть общество вверхъ-ногами?

2. Балы въ пользу бѣдныхъ. Adieu, monsieur Bonnellier! Прощайте, почтенные френологи! Прощайте бюсты, слѣпки, черепы, желваки, шишки! Поѣдемъ на балъ. Я отправился въ залу Ventadour съ твердымъ и въ высокой степени человѣколюбивымъ намѣреніемъ — танцовать въ пользу умирающихъ съ голоду. Говоря вообще, я человѣкъ благодѣтельный, и предпочитаю кадриль всѣмъ истинамъ Френологіи. Балъ, говорили, будетъ чудо; зала, говорили, будетъ очарованіе.

Я ѣхалъ. Живая картина рисовалась вокругъ меня. Красивые экипажи, щегольскіе кабріолеты, безпрестанно проносились мимо, и смѣнялись тяжелыми одноколками, которыя, кажется, были нагружены товарами; исполинскіе возы порой загромождали улицу, словно подвижныя горы; порой медленными и усталыми шагами проходилъ смиренный оселъ, покорно таща на спинѣ достояніе бѣднаго семей-

ства; порой жалобный стонъ, запачканнаго Савоярда, съ мартышкою на спинѣ, выводилъ меня изъ задумчивости, и рука моя машинально опускалась въ карманъ за подаяніемъ. Въ этомъ потокѣ разнообразныхъ лицъ, одеждъ, состояній, быстро смѣнявшихся передъ глазами, было что-то заманчивое. Вотъ и подъѣздъ.

Раздѣленіе общества на различныя партіи есть неизбѣжное слѣдствіе политическихъ переворотовъ, и нигдѣ нельзя видѣть этого въ такой силѣ какъ въ Парижѣ. Каждая партія имѣетъ свой отличительный характеръ, свои особенныя, рѣзкія черты. Но мода всё-еще остается на сторонѣ легитимистовъ, сохранившихъ остатки придворной вѣжливости временъ Людовика XIV и его преемниковъ. Обычаи, внесенные въ общество новыми понятіями, которыя породила революція, проникли въ ихъ гостиныя, однако не успѣли сгладить лоска аристократіи. Къ этому сословію принадлежатъ всѣ старые приверженцы прежней династіи, которыхъ сыновья еще не достигли надлежащаго возраста, чтобы вступить въ службу, или которые не имѣютъ еще ни какаго интереса снискивать себѣ благоволенія дома Орлеанскаго. Вы ихъ легко различите въ обществѣ по недовольному виду, по надменному обращенію со всѣмъ, что не носитъ на себѣ отпечатка наслѣдственной знатности, со всѣми «выскочками Имперіи» и тѣмъ, что они называютъ «молодыми Тюильри». Но съ каждымъ днемъ ряды этихъ благородныхъ Бурбонцевъ очевидно рѣдѣютъ; личная польза и прелесть придворнаго блеска опустошаютъ раздушенную Парижскую Вандею, и «молодые Тюильри» мало-по-малу находятъ себѣ честолюбивыхъ товарищей между преклонными защитниками павшей династіи. Эти частыя измѣны жестоко повредили имъ въ общемъ мнѣніи, которое доселѣ уважало ихъ рыцарскую преданность знаменитому злополучію. Въ такихъ обстоятельствахъ, вѣрные своей чести легитимисты прибѣгли къ благотворительности, какъ послѣднему и единственному средству возстановить свою популярность. Дамы, нынче гласныя и сильнѣйшія представительницы этого мнѣнія, составили общества для вспоможенія бѣднымъ; протянули руку благодѣянія безпомощнымъ сиротамъ; обратились съ утѣшительными рѣчами къ страждущимъ, и стараются, пораждая признатель-

ность въ подавленныхъ нуждою, расшевелить искры прежней любви къ Бурбонамъ.

Балъ былъ данъ съ этою цѣлью. Съ одной стороны любопытство увидѣть гордыхъ и недоступныхъ защитницъ сокрушившагося, съ другой страсть ко всему рѣдкому и необыкновенному привлекли несмѣтную толпу посѣтителей, несмотря на высокую цѣну билетовъ. Благотворительное предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. На этотъ разъ всѣ партіи забыли различіе своихъ мнѣній. Болѣе шестидесяти тысячь собрано отъ раздачи билетовъ, которые продавались по двадцати франковъ; изъ этой суммы двадцать тысячь употреблено на украшеніе залъ, а остальная часть обращена въ пособіе бѣднымъ двѣнадцатой Парижской части, къ которой принадлежали дамы - *патронессы*.

Великолѣпіе бала вполнѣ соотвѣтствовало важности сословія и ожиданіямъ посѣтителей. Весь партеръ и сцена обращены были въ одну обширную залу, убранную съ роскошью и вкусомъ. Съ десяти часовъ, фойе, корридоры и ложи, наполнились толпою мущинъ и дамъ въ самыхъ изысканныхъ и щегольскихъ нарядахъ. Съ ложи, въ которую я вошелъ, зрѣлище было истинно восхитительное: множество огромныхъ люстръ, отражаясь въ зеркалахъ, расположенныхъ вдоль стѣнъ, разливали необычайную массу свѣта; ложи, полныя дамами и кавалерами, пестрѣли блѣстящимъ разнообразіемъ нарядовъ; внизу волновалось цѣлое море головъ, и съ великолѣпнаго крыльца, устланнаго богатыми коврами, уставленнаго вазами съ искуственными цвѣтами, медленно катилась въ залу живая лавина. Раздались громкіе звуки оркестра, и въ различныхъ мѣстахъ составились кадрили. Танцующіе съ трудомъ двигались въ тѣснотѣ, и странно было смотрѣть сверху на эти головы, прыгающія посереди тихаго колебанія несмѣтной толпы, которая ихъ окружала.

Спустившись внизъ, съ трудомъ и весьма нескоро добрался я до противоположнаго конца залы, гдѣ гремѣлъ полный окрестръ Мюзара, лучшаго концертиста въ Парижѣ. Оттуда видъ былъ еще красивѣе. Глаза свободно окидывали весь амфитеатръ ложъ; прекрасный полъ почти исключительно занималъ два первые яруса; кой-гдѣ скромною тѣнью чер-

нѣлись фраки. Верхніе ярусы, обращенные въ цвѣтущіе воздушные сады, были пусты, и изящно вѣнчали прелестную картину. Я вмѣшался въ толпу. Несмотря на уровень моды, какъ сильно проглядываютъ въ этихъ костюмахъ господствующія мнѣнія и характеръ каждаго! Вотъ тайный послѣдователь сенсимонизма, опушившій себя густою и кудрявою бородою, которая рѣзко оттѣняетъ его блѣдное и худощавое лице. Вотъ безпокойный республиканецъ въ своей небрежной одеждѣ, съ короткой прическою, съ длинными, развѣвающимися концами чернаго платка, едва повязаннаго на шеѣ. Вотъ Парижскій денди, молодой щеголь Сенжерменскаго Предмѣстья: его нарядъ не бросается въ глаза; въ его туалетѣ и пріемахъ царствуетъ счастливая середина между изысканностью моды и изящною простотою хорошаго тона. Подлѣ него какъ приторенъ въ своей роскоши этотъ мѣщанинъ, любимецъ фортуны, который, добравшись до власти, изъ всѣхъ силъ корчитъ герцога! За нимъ стоитъ важная и холодная фигура: по бѣлому, обтянутому галстуху, по гладкой, деревянной прическѣ, по мѣрной поступи, вы узнаете въ немъ доктринера. Далѣе — группа Англичанъ, съ длинными лицами, гордыхъ и ледовитыхъ середи общаго веселья. А вотъ и цѣлый рой Англичанокъ: онѣ блестятъ свѣжестью и какою-то нѣжностью формъ, которыхъ не найдете въ Француженкахъ. У Англичанокъ менѣе остроты, менѣе ловкости, но въ каждомъ ихъ движеніи, въ каждомъ словѣ, видно чистосердечіе, чуждое Парижскимъ красавицамъ. Веселость Англичанки тиха и глубока; большая часть ея сокрыта въ душѣ; веселость Француженки совершенно наружна и искуственна; душа ея рѣдко участвуетъ въ утѣхѣ, и самая веселость снимается у ней съ головы вмѣстѣ съ накладною прическою и серьгами. Это различіе весьма разительно. Я встрѣтилъ тутъ же нѣсколько человѣкъ своихъ соотечественниковъ, — Русскихъ, обоего пола, и еще былъ свидѣтелемъ необыкновеннаго явленія въ природѣ, — явленія, которому едва ли кто повѣритъ въ Петербургѣ. Мнѣ совѣстно даже разсказывать, потому что многіе въ состояніи счесть меня за лжеца и сказать, что я клевещу на своихъ благовоспитанныхъ соотечественниковъ. Но я готовъ побожиться, что это правда: Русскіе, на балѣ, говорили между собою — по-Рус-

ски ! Надобно отправиться въ Парижъ, чтобъ услышать такія дивы. Впрочемъ, это можетъ-статься было — изъ благотворительности. *Б****.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Les Huguenots, *Гугеноты*, опера въ пяти дѣйствіяхъ, слова Г. Скриба, музыка Мейербера.

Рауль де-Нанжи, провинціяльный дворянинъ, недавно пріѣхалъ ко двору; его представилъ адмиралъ Колиньи, предводитель Гугенотовъ. Рауль тоже принадлежитъ къ протестантской партіи, что̀ однако жъ не мѣшаетъ ему обѣдать у графа Невера, ревностнаго католика. Дѣйствіе происходитъ въ Туренѣ; графъ Неверъ готовится вступить въ бракъ съ дочерью графа Сенъ-Бри и даетъ своимъ пріятелямъ прощальный холостой обѣдъ. Гости пьютъ за здоровье своихъ любезныхъ; хозяинъ проситъ Рауля разсказать свои любовныя похожденія; тотъ принимается распѣвать ихъ. Рауль спасъ жизнь или честь какой-то прекрасной незнакомкѣ, и съ тѣхъ поръ она не выходитъ у него изъ головы и сердца. Вдругъ прелестная незнакомка является въ за̀мкѣ графа Невера : это Валентина, дочь графа Сен-Бри, фрейлина Маргариты Валуа, невѣста Невера. Тутъ перемѣна декорацій: сады Маргариты Валуа, невѣсты Генриха IV; на сценѣ купаются, какъ въ балетѣ «Возстаніе въ Сералѣ». Рауля призываютъ къ Маргаритѣ, которая вздумала помирить партіи, переженивъ католиковъ съ протестантами. Она предлагаетъ ему жениться на Валентинѣ, но онъ отказывается отъ руки ея, потому что появленіе красавицы въ замкѣ графа Невера, порождаетъ въ немъ ревнивыя подозрѣнія. Графъ Сенъ-Бри вызываетъ Рауля за это на поединокъ; они уговариваются сойтись на Подьяческомъ Лугу (Pré-aux-Clercs). Тутъ опять прекрасная декорація: Подъяческій Лугъ, кабаки, лавки, ремесленники, католическіе солдаты, которые пьютъ, протестантскіе солдаты, которые поютъ, студенты, гризетки, цыгане, прелестницы и тому подобное. Мореверъ совѣтуетъ Сенъ-Бри предательски убить своего соперника; Марсель, старый слуга Рауля и ревностный протестантъ, предувѣдомляетъ его объ этомъ; поединокъ начинается, но его прерываютъ вооруженные солдаты обѣихъ

партій, которые непременно вступили бы въ бой, если бъ имъ не помѣшали ихъ жены, бросившіяся между рядовъ. Графъ Неверъ вѣнчается съ Валентиною въ часовнѣ Подъяческаго Луга; они садятся въ великолѣпную, украшенную флагами гондолу и плывутъ по сценѣ домой.

Въ четвертомъ актѣ дѣйствіе становится мрачнымъ и драма начинается. Истребленіе Гугенотовъ рѣшено; король изъявилъ на это свою волю. Сенъ-Бри созываетъ своихъ приверженцевъ, чтобы отдать имъ нужныя приказанія; монахи мѣшаютъ свои увѣщанія съ криками убійцъ и обѣщаютъ мученическій вѣнецъ тѣмъ, которые встрѣтятъ смерть въ эту кровавую ночь. Они благословляютъ кинжалы. Слышится колоколъ и сигналъ убійства раздается въ превосходномъ, чрезвычайно эффектномъ хорѣ.

Несмотря на набатъ, танцы продолжаются. При открытіи занавѣса вы видите балъ, который прерывается появленіемъ Рауля. Онъ прибѣгаетъ обагренный кровію адмирала Колиньи, показываетъ свою переломленную шпагу и, скрывается съ нѣсколькими пріятелями, которыхъ онъ тутъ находитъ. Декораціи опять перемѣняются: театръ представляетъ храмъ, въ которомъ ищутъ убѣжища жёны Гугенотовъ; ожидая смерти, онѣ поютъ религіозный хоръ. Графъ Неверъ, который хотѣлъ спасти осужденныхъ, убитъ своими за холодность къ католической вѣрѣ. Валентина вдова, она встрѣчаетъ своего любезнаго близъ этого храма, и вдругъ обвѣнчалась съ нимъ, отрѣкшись отъ католической религіи. Вѣнчаетъ ихъ слуга Марсель, произведшій себя на этотъ случай въ пасторы, какъ въ Шиллеровой «Маріи Стуартъ». Но это убѣжище открыто, и солдаты влекутъ ихъ крича: Отрѣкитесь ереси, или смерть вамъ! Новая декорація: эспланада въ Луврѣ; три жертвы, Рауль, Валентина и Марсель, бѣгутъ; Сенъ-Бри направляетъ въ нихъ выстрѣлы, убиваетъ дочь и новаго своего зятя, и узнаетъ дочь, когда Екатерина Медичи является на носилкахъ, чтобы полюбоваться на плоды своего мщенія.

Во всей этой безпутной драмѣ много прячутся за деревьями, много подслушиваютъ изъ за столбовъ и много говорятъ рифмованнаго вздору. Впрочемъ, какая надобность до содержанія оперы! Скажите, сдѣлайте одолженіе, кто написалъ

слова Фрейшица, Весталки, Семирамиды? Я, право не помню. Я знаю, что Фрейшицъ Вебера, Весталка Спонтини, Семирамида автора Севильскаго Цирульника. Мнѣ и дѣла нѣтъ до Г. Скриба: по мнѣ Гугеноты — опера Мейербера, а не Скриба.

Но, вы видите, рама обширна, картины разнообразны; предпріятіе было опасное, и музыкантъ совершилъ его, какъ говорится, съ успѣхомъ. Посмотримъ, что скажетъ объ этомъ Г. Кастиль-Блазъ, которому мы больше вѣримъ, чѣмъ Г. Жансну.

Композиторъ, говоритъ Г. Кастиль-Блазъ, человѣкъ умный и разсудительный, весьма искусно приготовляетъ зрителей посредствомъ crescendo, хорошо разсчитаннаго къ ощущеніямъ самымъ живымъ, къ взрыву самому ужасному.

Хоръ въ интродукціи чрезвычайно блестящъ и веселъ. Къ нему примыкаетъ Раулевъ романсъ — Plus blanche que la blanche hermine, котораго первые два куплета поются съ аккомпаниментомъ соло віолы, соло прелестнаго и расположеннаго съ большимъ искусствомъ. Послѣ финала съ re maggiore, другой куплетъ начинается въ si bemol, и это производитъ прелестный эффектъ. Онъ тѣмъ болѣе поражаетъ, что гармонія, исполняемая доселѣ одними аккордами віолы, переходитъ въ цѣлый оркестръ, придающій ему полноту и прелесть колорита, которыхъ ухо давно уже искало. Но эта вторая часть раманса слишкомъ затмѣваетъ первую, въ которой мелодія слаба и работа оркестра становится главнымъ предметомъ.

Марсель, бѣшеный пуританецъ, который только и клянется Лютеромъ, даромъ что кальвинистъ, поетъ знаменитый хоралъ Лютера, Eine feste Burg ist unser Gott; потому что Лютеръ былъ хорошій музыкантъ и сочинялъ гимны и духовныя пѣсни. Гугенотъ Марсель поетъ этотъ торжественный и суровый хоралъ длятого, чтобы предувѣдомить господина своего, Рауля, объ опасностяхъ, которыя угрожаютъ ему посреди «Филистимлянъ» и ихъ безстыдныхъ празднествъ. Этотъ торжественный мотивъ владычествуетъ надъ всей піесою; онъ повторяется еще нѣсколько разъ, когда опасности другаго рода угрожаютъ Раулю и придаетъ партиціи характеръ музыки протестантской, какъ Робертъ имѣетъ

характеръ музыки католической. Мотивъ, столь простой и важный, могъ бы быть и не замѣченъ непривычными слушателями; но Мейербергъ весьма искусно привлекъ на него вниманіе посредствомъ гармоніи, которою онъ его сопровождаетъ, и разнообразнаго но всегда яркаго колорита, который онъ сообщаетъ ему при каждомъ появленіи.

Гугенотская пѣсня, которую Марсель поетъ вслѣдъ за тѣмъ, болѣе странна чѣмъ оригинальна. Аккомпаниментъ этой пѣсни весьма необыкновененъ: пѣніе флейты, теряясь въ высшихъ областяхъ мелодіи, какъ-будто не имѣетъ ничего общаго съ аккордами оркестра; но видно, что композиторъ хотѣлъ выразить дѣйствіе флейты и барабановъ, сопровождающихъ, по словамъ Марселя, воинскія пѣсни того времени. Мегюль, котораго умъ и талантъ видѣнъ во всѣхъ его произведеніяхъ, придѣлалъ такой же акомпаниментъ къ одному куплету романса Charmante Gabrielle, хотя характеръ этой пѣсни совсѣмъ не требовалъ звонкаго свиста маленькой флейты. Эффектъ, производимый пѣснью Марселя, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ массѣ силъ и разнообразію средствъ, которыя композиторъ употребилъ въ дѣло.

Въ финалѣ перваго дѣйствія снова слышится главный мотивъ хора интродукціи. Появленіе пажа, легкія его рулады, составляютъ пріятную противоположность съ массою мужскихъ голосовъ, которые раздавались до того времени. Это окончаніе акта обработано слишкомъ важно. Цѣлый рядъ септимовъ на педалѣ производитъ эффектъ хорошій, но мнѣ кажется, что положеніе въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ не требовало употребленія такаго средства; между-тѣмъ этотъ sol, который былъ дотолѣ доминантою ноты ut, этотъ sol, на которомъ опиралось до того все гармоническое зданіе, дѣлаясь въ свою очередь септимою въ тонѣ re maggiore, производитъ замысловатый и разительный результатъ: онъ прельщаетъ слухъ въ то время, какъ приготовляется финальный кадансъ.

Въ первомъ дѣйствіи вы видѣли всё мужчинъ; во второмъ вы видите садъ, наполненный хорошенькими женщинами въ богатыхъ убранствахъ. Маргарита оканчиваетъ свой туалетъ; она окружена всѣми своими дамами; часть этого юнаго двора собирается воспользоваться позволеніемъ выкупаться

въ водахъ Шера, который проходитъ по парку Шенонсо. Пока еще эти нимфы не погрузились въ воду, Маргарита Валуа, веселая невѣста Генриха IV, воспѣваетъ любовь, забавы, игры, зеленые сады, прозрачные ручейки, листы, птичекъ, и заставляетъ Туренское эхо повторять свои трели, рулады и хроматическія гаммы. Сначала она поетъ кватуоръ съ двумя своими дамами и пажомъ Урбеномъ, потомъ одна блестящую каватину. Это мѣсто было покрыто рукоплесканіями.

Хоръ купальщицъ прелестенъ; купальщицы однако жъ не поютъ: онѣ могли бы простудиться, одежда ихъ такъ легка; но дамы, которыя уже окончили свой туалетъ, очень могутъ заняться пѣніемъ: онѣ и приглашаютъ подругъ своихъ искать свѣжести и прохлады въ водахъ Шера. Дѣвушки совсѣмъ готовы, имъ стоитъ только сбросить туфли, и онѣ дѣлаютъ это съ необыкновенною прелестью, составляя обворожительныя группы. Есть любители, которые предпочитаютъ эту сцену всей возможной музыкѣ. Между-тѣмъ нельзя не замѣтить мелодіи этого хора съ танцами и нѣжныхъ волненій оркестра. Я долженъ обратить вниманіе любителей,— если только глаза ихъ не слишкомъ будутъ заняты туфлями купальщицъ,— на гаммы фагота, извивающіеся по аккомпанименту другихъ инструментовъ: эти гаммы, весьма быстрыя, составляютъ противоположность съ тихимъ ходомъ хора; онѣ сообразуются со всѣми модуляціями, поднимаются, опускаются и пробѣгаютъ по всему богатому объему фагота.

Дуэтъ — Ah! si j'étois coquette! не совсѣмъ новъ, но въ немъ много разительныхъ противоположностей. Рауль — весь чувство; партиція Маргариты легка и жива: этотъ дуетъ въ тонѣ fa; остановка на высокомъ la bemol составляетъ сюрпризъ, котораго никакъ не ожидаешь и который придастъ фразѣ чрезвычайную оригинальность. Другое inganno этого рода находится въ кватуорѣ, которымъ начинается это дѣйствіе. Валторны даютъ тонъ re maggiore, а голоса начинаются съ mi bemol.

Присяга собравшихся католиковъ величественна и блестяща; музыкантъ приготовляется къ ударамъ, которые нанесетъ въ послѣдствіи; солисты поддерживаютъ мелодію, а хоръ шумно бросаетъ на слова — Nous jurons! Въ продол-

женіе ададжіо оркестръ молчитъ, и голоса одни выполняютъ самое трудное мѣсто въ этомъ финалѣ. Въ Робертѣ извѣстная сцена въ третьемъ дѣйствіи оканчивается тріо, истинно ужаснымъ по исполненію; пѣвцы принуждены опредѣлять и уравнивать гармоническіе переходы, не поддерживаемые оркестромъ. Ададжіо Гугенотовъ не менѣе трудно.

Финальная стретта чрезвычайно сильна и увлекательна и въ кадансѣ раздается высокое ut трехъ голосовъ, которое торжествуетъ надъ соединенными силами оркестра и хора.

Въ третьемъ дѣйствіи много музыки всѣхъ возможныхъ родовъ; оно самое полное и слѣдственно самое длинное во всей оперѣ. Оно начинается на Подъяческомъ-Лугу хоромъ пирующихъ, чрезвычайно живымъ и веселымъ, въ которомъ раздаются голоса солистомъ, искусно смѣшанныхъ съ хористами. Этотъ хоръ — собственно пѣсня съ припѣвомъ, къ которому присоединяются всѣ группы Гугенотовъ. Онъ написанъ въ mi bemol, и притомъ сначала въ двѣ-четверти, а потомъ въ три-четверти въ припѣвѣ, который начинается барабаннымъ тактомъ теноровъ на fa и высокимъ sol въ двѣ осьмушки и двѣ-четверти; вторые тенора присоединяются потомъ къ первымъ нижними терціями этихъ нотъ, а басы составляютъ основу этой накладной мелодіи. Этотъ припѣвъ, живой, блестящій, останавливается въ своемъ ходѣ двумя торжественными аккордами еще до финальнаго каданса; аккордами, весьма пріятными для пирующихъ, которые выказываютъ на нихъ голоса свои. Мейерберъ очень ловко сообразуется въ этомъ съ привычками и обыкновеніями людей, которые любятъ пѣть за столомъ.

Въ поэмѣ Гугенотовъ много строфъ весьма хорошо размѣренныхъ; жаль только, что Г. Скрибъ не позаботился о томъ же въ нѣкоторыхъ другихъ куплетахъ, напримѣръ въ слѣдующемъ:

Prenant — son sa — bre de bataille,
Qui renver — se forts et murailles.

Этихъ стиховъ рѣшительно невозможно пѣть на ту же мелодію, на которую положены слѣдующіе:

En avant — braves calvinistes!
A nous — les filles des — papistes.

Музыкантъ принужденъ испортить свой напѣвъ, чтобы приспособить его къ подобнымъ стихамъ. Послѣдніе стихи, безъ всякой музыкальной правильности, представляютъ мѣру, совершенно противоположную рисунку мелодіи.

Эта пѣснь и хоръ были приняты съ величайшимъ одобреніемъ; публика заставила повторить ихъ. Риѳмъ хора чертей въ Робертѣ проявляется тутъ въ барабанномъ тактѣ, — маленькое сходство, которое не худо было бы уничтожить.

Колоколъ необходимъ, чтобы возвѣстить вечеръ, и хотя онъ очень хорошо соединяется съ хоромъ, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ тутъ былъ, длятого чтобы другой колоколъ, который мы скоро услышимъ, производилъ болѣе дѣйствій. Дуетъ Валентины и Марселя написанъ съ большимъ искусствомъ, въ родѣ важномъ и частію веселомъ, какъ дуетъ въ Робертѣ — «Мой избавитель». Впрочетъ его совсѣмъ нельзя упрекнуть въ сходствѣ со старшимъ братомъ. Валторны и віолончели, собранные въ началѣ этого дуэта, производятъ эффектъ мрачный и меланхолическій. Мелодическая фраза, которою онъ оканчивается, очень граціозна и составляетъ пріятную противоположность со страннымъ пѣніемъ Валентины. Танцы этого дѣйствія не важны, и музыкантъ не заботился объ нихъ; да и вообще этотъ балетъ преглупая выдумка.

Гармонія сентуора разительна и весьма хорошо расположена для дѣйствія голосовъ. Слѣдующій за нимъ хоръ есть вещь удивительно трудная и въ сочиненіи и въ исполненіи. Эта прерванная битва, эти женщины, которыя бросаются посреди мечей и бранятся, разнимая дуэлистовъ и солдатъ, все это составляетъ прекрасное цѣлое. Но надобно умѣть оцѣнить этотъ хоръ: въ немъ такъ много подробностей, что всего вдругъ обнять не возможно. Выполнить этотъ хоръ въ спокойномъ состояніи уже довольно неловко, даже для самыхъ искусныхъ хористовъ, но пѣть его посреди движенія сшибки — вещь ужасно трудная.

Я теперь только замѣчаю, что забылъ свадебное пѣніе, когда новобрачные идутъ къ вѣнцу. Это пѣніе, въ родѣ всѣхъ подобныхъ произведеній, не заслуживало бы даже вниманія, если бы, благодаря Г. академику Скрибу, шествіе не встрѣчало на пути своемъ кабака, гдѣ Гугеноты пьютъ и поютъ и не думаютъ замолчать, длятого чтобы торжественное

пѣніе было слышнѣе. Такимъ образомъ хоръ дѣвушекъ сталкивается съ хоромъ пирующихъ. Надобно было слить этотъ тихій, медленный напѣвъ, съ веселымъ, вакхическимъ пѣніемъ полупьяныхъ кальвинистовъ; музыкантъ, совершенно невинный въ глупостяхъ знаменитаго водевилиста-академика, имѣлъ много труда, и надобенъ былъ весь геній Мейербера, чтобы обработать это. Впрочемъ, правду сказать, Гугеноты такъ вѣжливы, что измѣняютъ немножко свою прежнюю тему. Другая противуположность является въ финалѣ этого дѣйствія: главныя дѣйствующія лица предаются бѣшеному выраженію страстей своихъ, а хоръ музыкантовъ на гондолѣ играетъ веселый маршъ; тамъ раздаются трубы на ut, трубы на sol, валторны съ клапанами, ни сколько не заботясь о томъ, что происходитъ на аванъ-сценѣ.

Хоры, квартеты, квинтеты, септуоры третьяго дѣйствія «Гугенотовъ», весьма хорошо, превосходно обработаны, умно расположены. Я говорилъ о достоинствѣ каждаго изъ нихъ, но я долженъ признаться, что ихъ слишкомъ много. Помѣщать нѣсколько хоровъ одинъ за другимъ, значитъ пріучать ухо къ самымъ сильнымъ, необыкновеннымъ средствамъ музыки. Впрочемъ это не вина Мейербера, а послѣдствіе системы директоровъ Парижскаго Опернаго Театра.

Четвертое дѣйствіе приближается. Послѣ нѣсколькихъ фразъ речитатива, оно начинается мѣрнымъ разговоромъ, въ которомъ идутъ совѣщанія о Варѳоломеевской ночи. Сколько прекраснаго разбросано въ этомъ разговорѣ! Но настоящая музыка начинается съ прибытіемъ францисканцевъ, которые благословляютъ кинжалы. Пѣніе ихъ, мрачно монотонное, перерѣзывается вначалѣ самымъ простымъ диссонансомъ, который оканчивается педалью, между-тѣмъ какъ скрыпки спускаются группами въ двѣ ноты до піаниссимо, позволяющаго хору начать снова съ верхнихъ тоновъ. Этотъ эффектъ чрезвычайно поражаетъ, средствами между-тѣмъ весьма простыми. Вскорѣ слышится всё болѣе и болѣе громовый голосъ взволнованныхъ страстей; но музыкантъ не помѣстилъ тутъ криковъ яро-сдѣлалъ бы другой на его мѣстѣ. Онъ хотѣлъ поразить зристи, какъ телей только торжественностью страсти, мрачнымъ пламенемъ взволнованнаго фанатизма, сохранивъ ме-

жду-тѣмъ и этому ужасному дѣйствію величіе урагана. Изъ среды этой страшной бури, которая гремитъ и разражается въ душахъ фанатиковъ, вы не слышите ни одного неблагороднаго крика, ни какой визгливой мелодіи. Волненіе идетъ, ростетъ, шумитъ какъ море въ гнѣвѣ, безпрерывно возобновляясь и пріобрѣтая новыя силы. Оркестръ поднимается, вытягивается, съ громомъ ударяется о массу голосовъ и потомъ падаетъ, чтобы черезъ минуту возстать снова.

Женскіе голоса не могли имѣть мѣста въ этомъ мрачномъ совѣщаніи, но какъ музыкантъ не могъ пренебрегать ни малѣйшими изъ своихъ средствъ, то для него спрятали нѣсколькихъ женщинъ подъ платьемъ юношей. Трудно было бы разобрать дуетъ, слѣдующій за этою ужасною сценою. Этотъ дуетъ, беснующійся любовью и яростью, то изнывающій въ нѣжномъ томленіи, то воспламеняющійся религіозною и рыцарскою восторженностью, трогаетъ всѣ струны сердца и, слушая этотъ дуетъ, уже забываешь прежнюю сцену.

Въ пятомъ дѣйствіи только и есть одна сцена, потому что коротенькій балъ въ Санскомъ отелѣ вставленъ тутъ только длятого чтобы дать зрителямъ отдохнуть. Счастіе Г. Скриба, который большой мастеръ портить чужія идеи, что странная мысль его сдѣлать Марселя пасторомъ, облечена въ такую превосходную музыку. Благородные и строгіе вопросы стараго пуританца и кроткіе отвѣты двухъ любовниковъ, рѣшившихся умереть, какъ-будто уже не принадлежатъ къ мелодіямъ нашего міра. Когда убійцы прибѣгаютъ, тріо, которое поютъ жертвы, состоитъ ужъ только изъ первыхъ тактовъ Лютерова хорала; они поются въ одинъ голосъ; но эта полу-фраза повышается на одинъ тонъ при каждомъ повтореніи и сообщаетъ зрителямъ энтузіазмъ, которымъ проникнуты Марсель, Рауль и Валентина. Матеріяльное положеніе тутъ то же самое какъ въ Робертѣ, и это, разумѣется, подало поводъ къ сравненіямъ; но тріо Роберта болѣе изобильно мелодіями, болѣе богато страстями, и католическій хоръ, сопровождаемый звуками органа, несравненно пышнѣе хорала протестантскихъ женщинъ.

Опера эта возбуждаетъ живѣйшій энтузіазмъ въ Париж-

ской публикѣ, которую впрочемъ подстрѣкаютъ хвалебныя журнальныя статьи.

2. Les sept infans de Lara, *Семеро инфантовъ Ларскихъ*, драма въ шести дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Г. Мальфиля.

Дѣйствіе происходитъ на террассѣ Бургосскаго дворца; всѣ охаютъ и вздыхаютъ. Народъ окружаетъ графа Агильяра, великаго городскаго justiza, который не знаетъ что и сказать народу, потому что народъ не даромъ охаетъ. Завтра Мавры явятся въ городъ за обыкновенною податью, — десятиною дѣвицъ Бургосскихъ. Вотъ отчего Бургосцы охаютъ и вздыхаютъ, и оглашаютъ площади своими воплями.

Эти дѣвушки, которыхъ Испанія платила Мавританскимъ владѣтелямъ Кордовы, такъ же знамениты въ Испанскихъ романсахъ какъ и инфанты Ларскіе. «Еще, если бъ ты платилъ подать ста мужчинъ, говорила одна дѣвушка королю дону Рамиресу, то было бы сто непріятелей для Мавровъ, но ты платишь сто дѣвушекъ: онѣ перестаютъ быть ими, и отъ каждой изъ нихъ родится пять или шесть Мавровъ!» Несмотря на это весьма справедливое замѣчаніе, Рамиресъ отправилъ къ Мавританскому королю сто прекраснѣйшихъ Испанскихъ дѣвушекъ, и преемникъ его, донъ Родригъ, король Кастилльскій, дѣлаетъ тоже, когда начинается драма.

Старинные романсы Кастилльскіе и Мавританскіе разсказываютъ, что храбрый рыцарь, король донъ Родригъ, женился на прекрасной доннѣ Ламбра. Свадьба была великолѣпная, настоящая Испанская: она продолжалась шесть недѣль. Весь народъ Кастилльскій и Наварскій сошелся на свадьбу, и семеро сыновъ Гонсало Густоса, Родригова брата, владѣтеля Лары, съ трудомъ нашли мѣсто въ трактирахъ. Во время свадьбы, между донною Ламброю и донною Санчою, матерью этихъ семерыхъ сыновъ, произошла ссора; и Гонсальвъ, младшій изъ инфантовъ, вступился за мать, и обругалъ молодую, какъ ругались только въ рыцарскія времена.

Родригъ, возбужденный женою, посылаетъ Гонсало Густоса въ Кордову въ надеждѣ, что великій халифъ Альмансуръ прикажетъ умертвить его, а семерымъ его сыновьямъ онъ предложилъ для забавы сдѣлать набѣгъ на Альмансуровыхъ Мавровъ, обѣщавъ и самъ итти съ ними. Они отправились въ Барбадилью, несмотря на дурныя предзнаменованія и совѣты

стараго своего наставника, Нуньо Салидо, который умолялъ ихъ возвратиться въ свой прекрасный замокъ Саласъ, близъ Каникосы, въ долинѣ Арравіа. Мавры предупрежденные Родригомъ, уже собрались въ долинѣ Паломаресъ. Знамя ихъ развѣвалось по вѣтру и они кричали: «Мы мстимъ за Родрига!» Видя это, Нуньо Салидо обнялъ своихъ питомцевъ и увѣщевалъ ихъ умереть, какъ должно рыцарямъ, потому что другаго имъ уже ничего не оставалось дѣлать на этомъ свѣтѣ. Они всѣ пали, смертельно раненые. Двое Мавританскихъ предводителей, Гальба и Біара, взяли ихъ въ свои палатки и нѣжно объ нихъ заботились; но, несмотря на это, инфанты Ларскіе всѣ семеро померли.

Вотъ и вся исторія Ларовъ. Въ другихъ романсахъ разсказываютъ, что̀ произошло послѣ ихъ смерти и какъ за нихъ отмстили. Мы видѣли Гонсало Густоса у халифа Альмансура. Гонсало говоритъ ему: «Ты пригласилъ меня на пиршество и, чтобы хорошенько угостить, подалъ мнѣ на блюдахъ головы семерыхъ сыновей моихъ, самыхъ преданныхъ къ отцу какіе только когда-либо бывали на свѣтѣ.» Тутъ Гонсало Густосъ схватилъ мечъ и началъ рубить всѣхъ, кто былъ близко. Но Альмансуръ остановилъ его, возвративъ ему свободу и позволилъ унести съ собою головы семерыхъ сыновей. Лѣтъ нѣсколько назадъ въ Мадридѣ играли на театрѣ Санта-Крусъ комедію Матоса, заимствованную изъ этого романса: на сценѣ также старикъ сидѣлъ за столомъ, и семь головъ сыновей его лежали на блюдахъ!

Сидя за столомъ, Аліаторъ, король Сегурскій и великій безродный Мударра, el gran bastardo Mudarra, молча играли въ шахматы, въ присутствіи великаго халифа Альмансура и прекрасной Мавританки Аиши, которая, во время рабства Гонсало Густоса у халифа, сдѣлалась его любовницею. Аліаторъ былъ разсѣянъ и часто подвигалъ одну шашку вмѣсто другой; Мударра взбѣсился, всталъ и смѣшалъ игру. Халифъ Альмансуръ разсердился на Мударру, и назвалъ его негоднымъ bastardo. Мударра схватилъ шашешницу, размозжилъ сю голову халифу, и выбѣжалъ съ мечемъ въ рукѣ. При выходѣ, онъ встрѣтилъ мать свою. «Злая мать, сказалъ онъ, enemiga madre, ты должна сказать мнѣ, кто мой отецъ. Я не хочу, чтобы мнѣ въ лице

говорили, что я ни чей сынъ; кто-нибудь родилъ же меня!» Прекрасная Мавританка разсказала ему любовь свою къ Густосу, предательство Родрига и смерть семерыхъ инфантовъ Лары.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, Родригъ, утомившись охотою, сѣлъ отдохнуть подъ вязомъ. Какой-то человѣкъ подошелъ къ нему и спросилъ его имя: — Я Родригъ, братъ дона Гонсало Густоса. — А я, отвѣчалъ тотъ, Мударра Гонса, сынъ ренегатки и Гонсало Густоса. Я братъ инфантовъ Ларскихъ, а ты ихъ предатель, и, съ помощію Божіею, я умерщвляю тебя! — И онъ убилъ его.

Еще черезъ нѣсколько времени, старый Гонсало Густосъ сидѣлъ на террассѣ своего замка, почти ослѣпнувъ отъ слезъ; онъ старался отогрѣть на солнцѣ свою горькую старость, и безпрерывно разсказывалъ о смерти семерыхъ сыновей своихъ, убитыхъ Маврами, и старые, окружавшіе его, служители безпрерывно плакали, слушая эту плачевную повѣсть. Вдругъ въ долинѣ появился Мавританскій рыцарь, скакавшій во всю прыть на статномъ Андалузскомъ конѣ. На копьѣ его было бѣлое знамя съ зеленымъ крестомъ, у una cabeça pendiente en el petral del cavello, destilendo fresca sangre, и отрубленная голова висѣла у груди лошади, источая свѣжую кровь. «Ты владѣтель Лары; сказалъ Мавръ: вотъ голова предателя моихъ братьевъ; а я Мударра, сынъ твой!» Густосъ, семеро сыновей его и Мударра, похоронены были въ монастырѣ Санъ-Милланъ, гдѣ долго показывали ихъ гробницу. Вся Испанія ихъ воспѣвала. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ былъ поэтъ, Хуанъ де-ла-Куэва: онъ сдѣлалъ изъ этой исторіи трагедію. Дѣйствіе продолжалось двѣсти лѣтъ, представленіе піесы цѣлый день. Представленіе новой драмы длится только семь часовъ. Это умѣренно.

Трудно было бы разсказать вамъ, какъ Французскій драматургъ исказилъ, обезобразилъ эту совершенно рыцарскую, совершенно драматическую исторію. Изъ семерыхъ инфатовъ Ларскихъ онъ сдѣлалъ семерыхъ деспотовъ, жестокихъ и наглыхъ, которые днемъ предаются разврату, а ночью занимаются грабежемъ. Но этого еще мало: онъ сдѣлалъ нѣчто ужаснѣе, — растянулъ свою драму на девять дѣйствій. Дирекція театра урѣзала три дѣйствія, и піеса имѣла большой успѣхъ:

директоръ утверждаетъ, что именно потому, что ее урѣзали; авторъ говоритъ, что несмотря на то, что ее урѣзали. Разобрать это дѣло очень трудно. Несносная по своей длиннотѣ, эта драма однако жъ занимательна по той же длиннотѣ, потому что показываетъ въ авторѣ большую начитанность, талантъ и смѣлость; и все это перемѣшано вмѣстѣ, набросано съ небрежностью и расточительностью, похожими на сумасбродство. Декораціи прекрасны; піеса принята съ большимъ одобреніемъ.

3. Lord Novart, *Лордъ Новартъ*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ прозѣ, Г-на Ампи.

Г. Ампи извѣстенъ нѣсколькими комедіями, въ которыхъ была и вѣроятность и веселость; теперь онъ написалъ комедію нелѣпую и скучную. Авторъ хотѣлъ вывести на сцену разныя представительныя интриги нынѣшнихъ Французскихъ министровъ, и не придумалъ для этого ничего лучше какъ перенесть мѣсто дѣйствія въ Англію и приписать Англичанамъ нравы, которые имъ чужды, и обычаи, которыхъ они незнаютъ. Интрига запутана множествомъ безполезныхъ лицъ. Замѣчательнѣе всего то, что въ этой піесѣ лордъ Деремъ (Durham) — предсѣдатель министерства Виговъ. Поэтому имени видно, что дѣйствіе политической комедіи Г. Ампи происходитъ въ будущемъ году.

4. Micheline la Sabotière, *Башмашница Мишелина*, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Баяра, Лафитта и Денойѐ.

Новѣйшая Французская литература, какъ видно, рѣшилась не убивать уже женщинъ на театрѣ, по модѣ, которая недавно прошла, а вмѣсто того заставлять ихъ на сценѣ купаться какъ въ безсмертномъ твореніи Г-на Тальони. Г. Скрибъ бросаетъ своихъ хорошенькихъ актрисъ въ воду; ученикъ его Г. Баяръ дѣлаетъ тоже.

Въ этой піесѣ нѣтъ ни малѣйшаго убійства, даже ни одной сильной страсти: всего только одна утопленница; зато тутъ купаются. Вотъ въ чемъ дѣло. Марія, владѣтельная графиня Овернская, повелительница Овернцевъ и башмачниковъ, купаясь въ рѣкѣ, встрѣтила молодую Мишелину. Дочь, жена и мать башмачниковъ, Мишелина удивительно похожа на графиню: тѣ же черты, то же лице, тотъ же взглядъ. Графиня Овернская для забавы уводитъ Мишелину съ собою во

дворецъ. Бѣдный мужъ Мишелины въ отчаяніи; онъ плачетъ объ ней днемъ, плачетъ ночью, требуетъ ея отъ всѣхъ эхо, и отъ Маріи, графини Овернской. Эхо отвѣчаетъ — Мишелина! Графиня не отвѣчаетъ ни слова. Башмачникъ дѣлается несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ башмачниковъ, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ.

Въ этотъ день графинѣ Маріи вздумалось выкупаться. Она отправляется на цвѣтущіе берега рѣки со всѣми придворными дамами и съ Мишелиною, милымъ своимъ Созіемъ. Всѣ онѣ бросаются въ воду, какъ вдругъ одна изъ купальницъ исчезаетъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики ужаса. Мужъ Мишелины прибѣгаетъ на помощь къ женѣ своей, и вытаскиваетъ изъ воды бѣлый трупъ съ распущенными волосами. Теперь спрашивается, кто жъ эта женщина, которую башмачникъ вытащилъ изъ воды? Графиня? Или Мишелина? Вы знаете, что эти двѣ женщины похожи одна на другую какъ двѣ капли воды. Всѣ въ затрудненіи. Врачъ графини говоритъ — Это графиня! Башмачникъ кричитъ — Это жена моя! Увы какъ прикажете узнать ихъ? Какъ разпознать ногу, которая носила деревянный башмакъ? Присутствующіе рѣшаютъ по большинству голосовъ, что та и графиня, которая осталась въ живыхъ.

Во второмъ дѣйствіи Мишелина графиня. Она жалѣетъ, правда, о своемъ мужѣ башмачникѣ, но благо графства требуетъ, чтобы она имъ управляла. Тутъ комедія Г. Баяра дѣлается чрезвычайно забавною: Мишелина, побывавъ графинею и башмачницею, приведши въ порядокъ область и женивъ двухъ любовниковъ, Мишелина изъ графини дѣлается башмачницею и прыгаетъ еще веселѣе прежняго.

Досадно только, что хорошенькая комедія «Мишелина» или «Маделина», — ее зовутъ и такъ и иначе, — притворяется историческою, потому что числа и факты историческіе въ ней жестоко страдаютъ.

5. Clémentine, *Клементина*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Анселò и Юлія Кордіè.

Одна молодая швея, Клементина, неожиданно получаетъ огромное наслѣдство. А перейти вдругъ изъ бѣдности къ богатству иногда весьма неловко. Клементина не умѣетъ ни читать ни писать. До-сихъ-поръ умъ ей нуженъ былъ толь-

ко длятого чтобы понять выкройку нелсринки, а руки только длятого чтобы скроить, вышить и сшить ее. Получивъ наслѣдство, она пріобрѣла вмѣстѣ съ тѣмъ одного обожателя, молодаго франтика, который ей очень нравится: но какъ сказать ему, что она была швеей, не получила ни какого воспитанія, и что даже нѣжные ея родители забыли выучить ее грамотѣ? Стыдясь своего невѣжества, она втайнѣ приглашаетъ къ себѣ учителя, — и учится, учится! Къ несчастію, обожатель Клементины, Альфредъ, замѣчаетъ таинственность ея поведенія и начинаетъ подозрѣвать; наконецъ приходитъ въ бѣшенство, находя у своей невѣсты, не шляпу, перчатку или сапогъ мужской, а цѣлаго мужчину. Но Альфредъ тотчасъ перемѣняется, узнавъ тайну, которую Клементина наконецъ принуждена открыть ему, и женится со всѣмъ восторгомъ, къ какому только способенъ.

6. Colliche, *Колишъ, или Памфлетъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дюпора и Фусса.

Пока еще журналистика не получила во Франціи развитія и вліянія, которыя имѣетъ нынче, памфлетъ производилъ въ политическомъ мірѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Авторы разсказываютъ, что въ первый годъ царствованія Людовика XVI, въ правленіе министра Морепà, появился одинъ изъ тѣхъ безъименныхъ памфлетовъ, которые тревожили и дворъ и городъ. Въ этомъ памфлетѣ жестоко нападаютъ на политику императора Іосифа II и доказываютъ, что выгода Франціи требуетъ, чтобы она благопріятствовала возстанію Бельгіи. Австрійскій посолъ подалъ по этому случаю ноту Г-ну Морепà и самъ пріѣзжалъ требовать отъ министра, чтобы сочинитель памфлета, въ которомъ оскорбляютъ брата королевы, былъ отъысканъ. Этотъ посолъ имѣетъ величайшее вліяніе на Марію Антуанетту, а извѣстно, что она совершенно управляла своимъ супругомъ. Морепà очень знаетъ автора того памфлета, но не скажетъ его имени, потому что авторъ — онъ самъ, Г. Морепà. Онъ призываетъ Г. Гриффà, начальника полиціи, и диктуетъ ему объявленіе, въ которомъ тому, кто откроетъ автора памфлета подъ заглавіемъ «Іосифъ II», назначаютъ 10,000 ливровъ, а самому автору 10,000 франковъ пени и Бастилію. Морепà увѣренъ, что Гриффà, который одинъ знаетъ его тайну,

не измѣнитъ ему за 10,000 ливровъ, потому что это было бы невыгодно; притомъ, для большой вѣрности, онъ взялъ оригинальную свою рукопись къ себѣ, а Гриффà снесъ копію въ одну тайную типографію. Впрочемъ въ тетради, которая находится у Морепà, есть одна страничка руки Гриффà, который вклеилъ ее тутъ вмѣсто другой, потерянной. Эта страничка играетъ, какъ вы увидите, важную роль.

Объявленіе написано: теперь надобно его напечатать. Для этого призываютъ наборщика изъ королевской типографіи. Этотъ работникъ — Колишъ. Прежде онъ работалъ у себя дома, на свой собственный счетъ, но какъ у него не было позволенія содержать типографію, то станки его были конфискованы полиціею и онъ самъ принужденъ итти въ наборщики въ королевскую типографію. Ему отдаютъ объявленіе, написанное рукою Гриффà; эта рука ему кажется знакомою, но содержаніе объявленія еще болѣе удивляетъ его: десять тысячь ливровъ награжденія тому, кто откроетъ автора памфлета противъ Австрійскаго двора! Какое счастіе для Колиша! Онъ самъ набиралъ этотъ памфлетъ, онъ знаетъ его наизусть. А тутъ ему такъ нужны деньги, потому что невѣста его Сесилія принуждена выйти за одного безжалостнаго кредитора своей матери, который не хочетъ отказаться отъ руки ея иначе какъ за 10,000 ливровъ. — Я знаю автора этого памфлета, говоритъ онъ: давайте деньги, и скажу вамъ кто онъ. — Морепà, совершенно увѣренный въ томъ, что Колишъ не знаетъ автора, пишетъ предписаніе казначейству о выдачѣ этой суммы. Колишъ объявляетъ, что авторъ памфлета — онъ самъ, и требуетъ, чтобы его свели въ Бастилію и отдали ему деньги. Но бѣднякъ въ радости не дочелъ объявленія: онъ не видѣлъ, что авторъ памфлета долженъ заплатить десять тысячь ливровъ пени! Само собою разумѣется, что никто не вѣритъ тому, что сказалъ онъ; однако жъ его ведутъ въ Бастилію. Морепà очень радъ, что нашелъ отвѣтственнаго издателя, а Гриффà, что избавился отъ соперника; потому что кредиторъ госпожи Жирò не кто иной какъ самъ Гриффà. Недовольны только посолъ и Колишъ: посолъ очень видитъ, что ему выдаютъ не настоящаго автора, а наборщикъ идетъ въ Бастилію безъ денегъ. Между-тѣмъ посолъ, человѣкъ всемогущій, удер-

живаетъ его на нѣсколько времени, и вы видите его опять у министра: онъ находитъ тамъ Г-жу Жиро̀ съ Сесилiею; Гриффà хочетъ рекомендовать ихъ своему начальнику, и онѣ сидятъ однѣ въ ожиданiи Г-на Морепà. Теперь уже Колишъ дѣйствительно рѣшается, если не назвать автора, по-крайней-мѣрѣ сообщить свѣдѣнiе объ немъ, — представивъ одну страничку рукописи, которая была вдвойнѣ и осталась у него. Онъ проситъ Г-жу Жиро̀ увѣдомить объ этомъ посла, а Сесилiю сбѣгать къ нему на квартиру за этимъ листкомъ, и, для всякой безопасности, совѣтуетъ ей спрятать его подъ корсетъ. Но корсетъ молоденькой женщины мѣсто невѣрное, особенно у такой наивной дѣвушки какъ Сесилiя: она все высказываетъ министру, и отдаетъ ему листокъ. Морепà съ величайшимъ удивленiемъ видитъ свою руку, начинаетъ перемѣтывать тетрадь свою, и дѣйствительно находитъ въ ней одну страничку руки Гриффà. Между-тѣмъ всѣ собираются, — посолъ, Колишъ, Гриффà. Колишъ, видя, что у Сесилiи листка уже нѣтъ, думаетъ, что она позволила отнять у себя, и не хочетъ даже и слушать ея оправданiя; посолъ, думая, что Морепà надъ нимъ насмѣхается, грозитъ ему немилостью королевы, а Гриффà видя, что министръ близокъ къ паденiю, подходитъ, чтобы изобличить настоящаго автора; но тотъ не даетъ ему выговорить, вынимаетъ изъ кармана страничку его руки, и такимъ образомъ представляетъ противъ него доказательства неоспоримыя. Гриффà ведутъ въ Бастилiю, а Колишъ женится на Сесилiи, и тотчасъ убѣждается, что у нея ничего не отняли.

Интрига этой пьесы довольно запутана и въ ней есть нѣсколько невѣроятностей, но въ сюжетѣ много забавнаго; изъ него можно было бы даже сдѣлать комедiю.

7. Le prisonnier d'une femme, *Плѣнникъ женщины*, водевиль въ одномъ дѣйствiи, Гг. Лагранжа и Кормона.

Г. Ремонъ, франтикъ, обольститель, отличался, во времена Директорiи, безчисленнымъ множествомъ побѣдъ. Теперь остаются у него, увы, одни только воспоминанiя, сѣдые волосы, ревматизмы и, вѣроятно, мозоли на̀ ногахъ! Да сверхъ того сынъ, — здоровый и прекрасный молодой человѣкъ, но такой глупецъ, что предпочитаетъ науки женщинамъ и ученье удовольствiю. Г. Ремонъ въ отчаянiи, что сынъ его

совратился съ пути, по которому онъ самъ слѣдовалъ, и на которомъ пожалъ цѣлые снопы лавровъ, какъ говорили во времена минувшія. Но онъ переучитъ его! Онъ уговаривается съ Г-жею Дорси, чтобы она завлекла Анатоля къ себѣ, не выпускала бы его до тѣхъ поръ, пока онъ въ нее не влюбится, и возвратила бы ему свободу только тогда, когда онъ захочетъ лишиться ея женившись на Г-жѣ Дорси.

Все улажено, ждутъ только Г. Анатоля; наконецъ онъ является, и приводитъ свою тюремщицу въ страхъ и трепетъ: этотъ молодой человѣкъ, котораго считали такимъ робкимъ, застѣнчивымъ, напротивъ того настоящій левъ; онъ обнимаетъ Маріанну, служанку Г-жи Дорси; любезничаетъ съ барынею, клянется, что любитъ ее до безумія и что онъ сдѣлаетъ все на свѣтѣ чтобы доказать ей страсть свою; обнимаетъ и ее, цѣлуетъ ея руку, ея плечо.... И хорошенькая вдовушка принуждена убѣжать, чтобы укрыться отъ скромности и застѣнчивости своего плѣнника!

Наконецъ приходитъ Г. Ремонъ, и узнаетъ, что тутъ вышла ошибка; что Г-жа Дорси захватила въ плѣнъ Г-на Реннсваля, вмѣсто его сына.

Послѣ такого непріятнаго происшествія, Г-жѣ Дорси не остается ничего дѣлать какъ выйти за Г. Реннсваля, а бѣдному Г. Ремону приходится выдумывать новую хитрость, чтобы образовать своего нелюдима-сына.

Эта бездѣлка написана остроумно.

8. L'art de ne pas payer son terme, *Искусство не платить за квартиру*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дидіѐ и Деланда.

Въ домѣ москотильщика, мосьё Крюмѐ, живетъ одна молоденькая вдовушка; она не платитъ за квартиру и онъ удерживаетъ ея мебели. Между-тѣмъ нѣкто Леруа нанимаетъ другую квартиру въ томъ же домѣ. Крюмѐ въ восхищеніи, потому что эта квартира ходила въ 250 франкахъ, а Леруа даетъ за нее 400. Леруа отправляется за своими мебелями и тотчасъ возвращается съ носильщикомъ, у котораго подъ мышкой тюфякъ, въ рукѣ складная кровать, въ другой рукѣ трехногой стулъ, бритвенный тазъ и еще нѣчто. При видѣ этого жалкаго скарба, несчастный Крюмѐ хотѣлъ бы прогнать своего постояльца, но не возможно: задатокъ уже

данъ и отказываться уже поздно. Леруа золъ на всѣхъ хозяевъ домовъ, съ тѣхъ поръ какъ одинъ изъ нихъ продалъ его мебели, потому что онъ, бѣдный, разоренный болѣзнію, не могъ заплатить въ срокъ за квартиру. Теперь Крюмѐ приходится служить жертвою его мщенія.

Леруя узнаетъ обстоятельства сосѣдки своей, вдовушки, у которой Крюмѐ безжалостно задерживаетъ всѣ мебели, хотя она проситъ только нѣсколько дней сроку. Леруа зналъ ея покойнаго мужа, дружно живетъ съ ея горничною, и, чтобы загладить эту неучтивость услугою, предлагаетъ хозяину сдѣлку. Онъ тотчасъ очиститъ свою квартиру, если послѣдній дастъ жилицѣ необходимый для нея срокъ. Крюмѐ не соглашается, и тутъ начинается война. Въ квартирѣ Леруа шумъ и гамъ неумолкный; онъ назвалъ къ себѣ гостей и занимается съ ними музыкою: но, Боже мой, какою музыкою! Они играютъ дуэты, тріо и квартеты на охотничьихъ рожкахъ, мѣдныхъ тарелкахъ и кострюляхъ; поютъ хоромъ и бьютъ тактъ палкою изъ метлы, по полу, по спинѣ Крюмѐ, по чемъ ни попало. Наконецъ бѣдный хозяинъ принужденъ сдаться, и дѣлаетъ все, что̀ отъ него требуютъ. Глупо и не смѣшно! У насъ въ Петербургѣ есть гораздо остроумнѣйшее средство не платить за квартиру.

9. M. Dasnières, *Г. Даніеръ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дюмерсана и Дюпёти.

Вы, вѣрно, знаете, что Даніеръ есть дѣйствующее лице изъ самаго забавнаго, самаго смѣшнаго, самаго уморительнаго карнавальнаго водевиля, — «Глухой, или Полный трактиръ», прелѣстнаго произведенія одного совершенно забытаго автора прошлаго столѣтія, по имени Деформа; а если вы это знаете, то и довольно, потому что въ скучномъ продолженіи этого водевиля, сработанномъ Гг. Дюмерсаномъ и Дюпёти, нѣтъ ничего заслуживающаго знанія.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Ровно ничего новаго, ни въ Словесности ни въ Наукахъ. Религіозная поэма Г. Ламартина, «Жосленъ», Jocelyn, épisode-journal trouvé chez un curé de campagne, наконецъ вышла, и она одна поглощаетъ все любопытство читателей, всю критику литературныхъ журналовъ. Но это только отрывокъ большой христіанской

эпопеи, хотя онъ составляетъ два тома стиховъ. Будущая жизнь человѣка, его страданія на землѣ, его стремленіе къ небу, утѣшенія, которыя доставляетъ ему религія, вотъ предметы поэмы. Ея герой Жосленъ — юноша, воспитанный въ деревнѣ, набожный, кроткій, который читаетъ «Павла и Виргинію», мечтаетъ въ тѣни деревъ, распѣваетъ свои шестнадцати-лѣтнія думы, танцуетъ на сельскихъ балахъ, находитъ и Аннету, и Бланку, и Люси, очень милыми дѣвушками, подслушиваетъ признаніе, которое сестра его дѣлаетъ своей матери въ любви къ Эрнесту, и рѣшается вступить въ духовное званіе, чтобы увеличить приданое сестры своею частію будущаго наслѣдства. Онъ оставляетъ родительскую кровлю и опредѣляется въ семенарію. Дѣйствіе происходитъ въ 1786 году. Таково содержаніе двухъ томовъ. По этой канвѣ поэтъ разсыпалъ цвѣты своего воображенія, — сельскіе виды, картины деревенскихъ увеселеній, семейныя сцены, благочестивыя чувствованія существъ простыхъ и невинныхъ. Нѣкоторыя мѣста весьма трогательны. Журналы и газеты такъ много выписали изъ этого творенія, что въ книгѣ едвали осталось что-нибудь неперепечатаннаго. Что касается до достоинствъ, которыя Г. Ламартинъ являетъ въ этомъ твореніи какъ поэтъ, то они, кажется, не увеличиваютъ вѣнца его славы новыми перлами, но и не помрачаютъ прежняго ея блеска. Это тотъ самый Ламартинъ, который явился впервые въ своихъ Méditations. Теперь Французы сговорились не иначе называть его какъ геніемъ. Мы помнимъ, какъ, въ 1817 или 1818 году, поразила Парижскихъ критиковъ статья, напечатанная въ Edinburgh Review, гдѣ Джеффри, разбирая новѣйшія произведенія Французской музы, сказалъ рѣшительно, что во Франціи есть только два поэта, Ламартинъ и Беранжѐ. Тогда поэтами считались тамъ Делиль, Лемерсіѐ, Віеннѐ, Жуи, Делавинь и множество другихъ, теперь забытыхъ: Беранжѐ признавали только хорошимъ пѣсенникомъ, а Ламартина едва удостоивали имени стихотворца. Надобно было видѣть гнѣвъ Французскихъ журналовъ на дерзость самонадѣяннаго иностранца, который смѣетъ судить о чуждой ему литературѣ и безъ спору сгоняетъ съ Парнасса первыя поэтическія славы Франціи, les gloires les plus chères de la France. Но эта статья дѣй-

ствительно основала репутацію Ламартина. Ободренные мнѣніемъ Англійскаго критика, тогдашніе роялисты стали жарко поддерживать поэта своей партіи : Ламартинъ тогда былъ только поэтъ политической партіи! Викторъ Гюго, на то время роялистъ, вскорѣ вмѣшался въ ряды сражающихся и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ переубѣжденію своихъ соотечественниковъ въ пользу автора Méditations. Сколько намъ позволяютъ судить воспоминанія, эта война за Ламартина, сама по себѣ незначущая, рѣшила дѣйствительно судьбу Французской словесности и сбила съ толку самого Г-на Гюго. Въ пылу полемики назвали Ламартина геніемъ, и, чтобы доказать это, болѣе и болѣе унижали «поэтовъ Имперіи», доколѣ не заклеймили ихъ именемъ perruques, сокращеніе словъ vieilles perruques : эти слова сперва означали только Французскихъ академиковъ, возстававшихъ за поэтическую славу Имперіи. Приверженцы обижаемыхъ ссылались на Вольтера и Расина. Имъ отвѣчали на-отрѣзъ, что, Вольтеръ и Расинъ также — perruques. Увлеченный этою полемикой, молодой Гюго каждый день болѣе и болѣе отлагался отъ прежнихъ литературныхъ понятій и постепенно составлялъ себѣ новую теорію изъ парадоксовъ, произнесенныхъ въ жару преній. Это видно было всякому, кто внимательно слѣдовалъ за ходомъ тогдашнихъ споровъ. Мы разсказываемъ здѣсь давно забытыя обстоятельства длятого чтобы объяснить читателямъ, помоложе насъ, откуда происходитъ титулъ Ламартина — геній. Что касается до насъ, то уже не однажды мы имѣли случай сказать, въ разныхъ мѣстахъ этого журнала, что считаемъ Ламартина оттискомъ или, если угодно, продолженіемъ Вордсворта. Это было собственное наше мнѣніе, хотя быть-можетъ оно являлось въ чужихъ статьяхъ, и теперь мы съ удовольствіемъ видимъ, что Г. Сентъ-Бёвъ, критикъ и обожатель новой поэмы, согласенъ съ нами. Г. Сентъ-Бёвъ находитъ также разительное сходство между Ламартиномъ и Вордсвортомъ, и даже много аналогіи съ Кольриджемъ. Не менѣе того Г. Сентъ-Бёвъ, по принятому обычаю, называетъ Ламартина геніемъ. Если Вордсвортъ и Ламартинъ въ самомъ дѣлѣ геніи, то надобно по-крайней-мѣрѣ прибавить, что они геніи втораго разряда. Это не помѣшаетъ ни одному изъ нихъ быть пре-

лестнымъ поэтомъ. Но если бъ пришлось избрать себѣ одного изъ двухъ, мы взяли бы Вордсворта.

— Изъ новостей можно упомянуть о новомъ романѣ Г-жи Софіи Гè, La comtesse d'Egmont, новомъ романѣ Г. Теодора Мюрè, Mademoiselle de Montpensier, и романѣ Альфонса Карра, Le chemin le plus court. Въ журналахъ объявлено «новое» сочиненіе Г. Фредерика Суліè, Les deux séjours, которое «кажется предназначеннымъ къ самому блистательному успѣху». Но надобно полагать, что это, по обыкновенію автора, старая вещь въ новомъ видѣ: вѣроятно, эти Les deux séours — не что иное какъ перепечатанныя въ одну книгу два его «пребыванія», одно въ замкѣ Монфильонскомъ, которое мы дали въ Б. для Ч. подъ заглавіемъ «Карлисты и Филипписты», а другое въ Мёдонѣ, уже съ годъ извѣстное читателямъ новостей. Извѣстный Ипполитъ Реналь, молодой поэтъ съ дарованіемъ, который при Карлѣ X *приговоренъ* былъ судомъ къ десяти-лѣтнему заключенію за *воровство и на*писалъ въ тюрмѣ томъ очень милыхъ стихотвореній, Malheur et poésie, издалъ теперь два тома тюремныхъ очерковъ, наблюденій и портретовъ: это сочиненіе носитъ заглавіе — Sous les verrous, и отличается живостью слога и разсказа. Но сочиненіе самое любопытное и которое намъ хотѣлось бы прочитать, это — Des aristocraties en France, par Deyeux: представте себѣ, что въ этой книгѣ есть главы — De l'aristocratie des jeunes-gens, De l'aristocratie des femmes, De l'aristocratie des médecins, De l'aristocratie des journalistes и даже De l'aristocratie du peuple. Вотъ сколько аристократій нежили себѣ Французы, преслѣдуя одну! И еще какихъ аристократій!

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Капитанъ Марріетъ, изъ сочиненія котораго мы недавно сдѣлали родъ повѣсти, «Трехъсказочный паша», уже успѣлъ издать новый романъ — Japhet in search of a father. Плодовитость капитана съ каждымъ днемъ усиливается болѣе и болѣе: сколько повѣстей онъ пишетъ для своего журнала, The Metropolitain, и сколько романовъ издаетъ въ то же время! Надобно однако жъ сказать, что многіе главы его «Іафета» были напечатаны въ Metropolitain въ видѣ отдѣльныхъ разсказовъ. Тѣмъ не ме-

нѣе талантъ веселаго капитана не только не теряетъ разнообразности, но еще становится болѣе разнообразнымъ. Іафетъ, отчаянно отъискивая своего отца, проходитъ подъ перомъ автора черезъ множество всякаго рода сценъ и обществъ, и доставляетъ Г. Марріету случай развить отличительную черту своего дарованія, то есть, создавать бездну приключеній и вводитъ цѣлыя роты дѣйствующихъ лицъ. Все это авторъ выполняетъ въ «Іафетѣ» съ такимъ наглымъ проворствомъ, что ни какой штукарь не могъ бы сдѣлать лучше, чтобы придать своему производству видъ правдоподобія и естественности. Мы сдѣлаемъ извлеченіе изъ этого романа.

— «Драмы» Іоанны Белли, Dramas, by Joanna Baillie, вызываютъ въ Англіи удивленіе критиковъ. Это новая книга знаменитой писательницы, которая уже двадцать пять лѣтъ извѣстна въ литературѣ произведеніями, дышащими чувствомъ и благородствомъ мысли. На старости лѣтъ Г-жа Белли припомнила публикѣ лучшіе времена своего таланта, когда онъ одушевлялся еще пылкостью и силою молодаго воображенія. Въ этой книгѣ есть двѣнадцать драмъ, изъ которыхъ три принадлежатъ къ роду комедій. Трагедія «Генрикесъ»—самая замѣчательная изъ двѣнадцати.

— Г. Больверъ издалъ продолженіе своей «Франціи», France, social, political and literary, Second series. Не нужно говорить, что это за книга, зная политическія мнѣнія автора. Но если кто хочетъ доставить себѣ странное удовольствіе, тотъ долженъ прочитать сряду Г-жи Троллопъ «Парижъ и Парижане въ 1835 году» и «Францію» Г. Больвера: ручаемся, что никто не догадается, что оба они пишутъ объ одномъ и томъ же народѣ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНІИ. Извѣстный Фридрихъ Раумеръ дѣятельно занимается продолженіемъ своей «Исторіи Европы отъ исхода XV столѣтія». Трудъ приближается къ концу; недавно вышелъ пятый томъ этого сочиненія, и отличается, какъ и предъидущіе, тою же основательностью изслѣдованія, отчетливостью въ изученіи источниковъ, безпристрастіемъ, но вмѣстѣ и тою же сухостью изложенія. Большая половина тома содержитъ въ себѣ исторію Англіи отъ открытія Долгаго Парламента до восшествія на престолъ

Карла II, а остальная — исторію Швеціи и Даніи, Нидерландъ, Испаніи и Португаліи.

— Любителямъ древней литературы, вѣроятно, пріятно будетъ узнать о выходѣ четвертаго и послѣдняго тома Берова изданія Геродота, съ коментаріями. Къ этому тому приложено разсужденіе издателя о жизни и твореніяхъ Геродота, объ его вѣкѣ, родинѣ, воспитаніи и путешествіяхъ. Любопытны изысканія объ источникахъ, которые служили основаніемъ его исторіи, о названіи, объемѣ и планѣ его творенія, о свойствахъ его языка вообще и Іоническаго нарѣчія въ особенности; наконецъ объ его достоинствахъ, порицателяхъ и хвалителяхъ. Въ заключеніе изчислены всѣ коментаріи, рукописи, изданія и другія учебныя пособія, существующія изданныя объ этомъ отцѣ исторіи.

— Наконецъ вышло продолженіе Химіи Мичерлиха! Но къ сожалѣнію, это только первое отдѣленіе втораго тома: оно отличается тѣмъ же хорошимъ изложеніемъ предмета какъ и первый томъ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго окончанія всего изданія.

— По части Технологіи, докторъ Шмидтъ оказалъ большую услугу ремесленникамъ и строителямъ машинъ своимъ переводомъ съ Голландскаго языка Вердамова сочиненія, «Правила прикладной Механики», а Бернульи своею «Учебной книгою ремесленной Физики, Механики и Гидравлики», которой нынче вышелъ второй томъ, заключающій въ себѣ обѣ послѣднія науки. То и другое сочиненіе, соотвѣтственно ихъ назначенію, написаны простымъ и доступнымъ каждому языкомъ, съ избѣжаніемъ, по возможности, математическихъ формулъ.

— Романовъ и повѣстей, по-прежнему, много. Все пишетъ романы, все разсказываетъ повѣсти. Разумѣется, въ такой кучѣ книгъ и книженокъ много посредственнаго, еще больше плохаго, и двѣ или три, которыя можно спасти отъ вѣчнаго забвенія. Геррингъ, или, какъ ему угодно называть себя, Виллибальдъ Алексисъ, принимаемый почти всегда благосклонно Германскою публикой; подарилъ ее новымъ произведеніемъ, «das Haus Düsterweg». Это романъ современный. Прежнія сочиненія плодовитаго автора отвѣчаютъ за достоинство и этого. Особенную занимательность этой кни-

гѣ, для Нѣмецкихъ читателей, придаетъ вѣрное изображеніе современнаго направленія и господствующихъ идей, выраженныхъ отчасти въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отчасти въ происшествіяхъ, которыя разсказаны безъ излишняго разсужденія. Всѣ главнѣйшія черты нынѣшней Германіи, — страсть къ театру, жажда авторства, ложный мистицизмъ, піетизмъ, нашествіе народа Израильскаго на Литературу и Искусства, изображены по порядку и очень вѣрно. Политическія событія не только имѣютъ вліяніе на повышеніе и пониженіе биржевыхъ курсовъ, но и опредѣляютъ направленіе ежедневной литературы. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда Испанія обращаетъ на себя вниманіе, вотъ «Коррехидоръ», историческій романъ Г. Массалупа, который переноситъ васъ въ возмущенную Каталонію XVII вѣка. Авторъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность хорошимъ разсказомъ. Прочіе историческіе и не-историческіе романы, а ихъ еще есть довольно, приняты къ свѣдѣнію и надлежащему въ потребномъ случаѣ употребленію.

— Изъ повѣстей упомянуть вамъ развѣ только о двухъ Леонольда Шефера, писателя съ дарованіемъ, о которомъ мы уже неразъ говорили. Одна изъ нихъ — Nabab, а другая — Galate. Обѣ онѣ не лишаютъ автора той извѣстности, которою онъ пользуется въ Германіи какъ одинъ изъ лучшихъ писателей повѣстей. Особенно первая пріятно займетъ не только того, кто ищетъ въ чтеніи развлеченія отъ скуки, но и читателя болѣе взыскательнаго. Также не безъ занимательности повѣсть Кюне, «Карантинъ въ сумасшедшемъ домѣ».

— Плодовитый докторъ Эрнестъ Раупахъ принесъ на алтарь Мельпомены новый даръ своего издѣлія. Но на этотъ разъ онъ оставилъ Гогенштауфеновъ, и бросаетъ перчатку тайному совѣтнику Гёте. Онъ, какъ видно, не совсѣмъ доволенъ Гётевымъ Тассо, и предлагаетъ своего. Новое это произведеніе называется «Смерть Тасса», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Если допустить, что послѣ того окончанія, какое далъ Гёте своей драмѣ, остаются еще разные вопросы неразрѣшенными, что дѣйствіе не доведено до настоящей развязки, что все цѣлое есть болѣе картина характера, котораго полное развитіе еще впереди, то дѣло состояло бы собственно въ попыткѣ дополнить твореніе великаго поэта. Это и

слѣдовало сдѣлать Г. Раупаху, если у него есть четверть часа свободнаго времени; но представить характеръ жизни и весь характеръ Тассо въ цѣлой драмѣ, въ пяти дѣйствіяхъ,— это такая задача, которая уже многимъ служила кампемъ преткновенія. Авторъ разрѣшилъ ее какимъ-то среднимъ числомъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

BIOGRAPHIES DES FEMMES AUTEURS, contemporaines françaises, avec des portraits. En neuf livraisons, 3 vol., 64 gravures

DES ARISTOCRATIES EN FRANCE, en général et en particulier. Dédié aux hommes vrais. Par M. *Deyeux*. 2 vol.

JOCELYN, épisode-journal trouvé chez un curé de campagne, par M. le vicomte *de Lamartine*. 2 vol.

MADEMOISELLE DE MONPENSIER, roman, par M. *Théodore Muret*. 2 vol.

LE CHEMIN LE PLUS COURT, roman, par M. *Alphonse*. 2 vol.

LES AVENTURES D'UN RENÉGAT espagnol, écrites sous sa dicté, par M. *H. Arnaud*. 2 vol.

PIRATE et corsaire, roman, par *Auguste Bouet*. 2 vol.

LA MODISTE et le carabin, roman, par *A. Guérin*. 2 vol.

L'ABORDAGE, roman maritime, par *Jules Lecomte*. 2 vol.

LE SALON DE LADY BETTY, mœurs anglaises, par Mme *Desbordes-Valmore*. 2 vol.

CONSEILS AUX JEUNES FEMMES, ou Lettres sur le bonheur domestique, par Mme *Henriette Demolière*. 1 vol.

MES RÉCAPITULATIONS, par *I. N. Bouilly*. Tome I.

UNE FEMME PRODIGUE, roman par Mme *Louise Lemercier*. 1 vol.

CONTES ET RECITS pour la jeunesse, par Mme *Cherbuliez*. Première série.

LES ENFANS DE LA TROUPE, roman de mœurs, par M. *H. Vallée*. 4 vol.

ISABELLA, OU LES MAURES EN FRANCE, roman, par Mme *Gottis*. 4 vol.

MADAME DE PARABÈRE, chroniques du Palais-Royal. 2 vol.

Англійскія.

THE HISTORY of the condition of women, in various ages and nations. By Mrs *D. L. Child*. 1 vol.

THE HISTORY of the overthrow of the Roman empire and of the foundation of the principal European states. By *W. C. Taylor*. 3 vols.

THE LIFE AND TIMES of Rienzi. A historical inquiry. 1 vol.

FRANCE, social, political and literary. Second series. By *H. L. Bulwer*. 1 vol.

THE CHRONICLES of Rabbi Joseph ben Joshua ben Meir, the Sphardi. Translated from the Hebrew, by *C. H. L. Bialloblotzky*. 2 vol.

ORIENTAL HISTORICAL MANUSCRIPTS in the Tamil language, translated with annotations. By *William Taylor*. 2 vols.

A STATISTICAL VIEW of the commerce of the United States of America; banks, manufactures, trade, improvements, revenues, etc. By *Thimothy Pitkin*. 1 vol.

ADRESS TO THE PEOPLE OF GREAT BRITAIN, explanatory of the commercial relations with the empire of China and of the policy by which it may be rendered almost unbounded field for the British Commerce. By a visitor to China. 1 vol.

IMPRESSIONS OF AMERICA during the years 1833 — 1835. By *Tyrone Power*. 2 vols.

EVENINGS ABROAD. By the author of Sketches of Corfu. 2 vols.

SIX MONTHS of a Newfoundland missionary. 1 vol.

WANDERINGS through North Wales. By *Thomas Roscoe*. With engravings of William Radclyffe 1 vol.

ON THE INFLUENCE OF MENTAL CULTIVATION and mental excitement on the health. By *A. Brigham, M. D.* 1 vol.

HISTORY of the English language and literature. By *Robert Chamers*. 2 vols.

DRAMAS. By *Joanna Baillie*. 3 vols.

THE PROVOST of Bruges. A tragedy. 1 vol.

THE MOUNTAIN MELODIES. 1 vol.

THE RIVAL DEMONS. A poem in three cantos. 1 vol.

THE ROMANCE OF HISTORY. India. By the rev. *Hobart Caunter*. 1 vol.

THE ANGLER'S SOUVENIR. By *P. Fisher*. 1 vol.

JAPHET in search of a Father. By the capt. *Marryat*. 2 vols.

THE TIN TRUMPET, or Heads and tales, for the wise and waggish. By the late *Paul Chattfield*. 2 vols.

Нѣмецкія.

GESCHICHTE EUROPAS seit dem Ende des funfzehnten Jahrhunderts, von *Fr. von Raumer*. Vte Band. Leipzig.

LEITFADEN ZUR ALLGEMEINEN GESCHICHTE der Völker und Staaten, von *F. A. Pischon*. 2 Th. Geschichte des Mittelalters. Berlin.

KAISER FRIEDRICH DER ERSTE im Kampfe gegen Papst Alexander den Dritten. Von *Ring*. 1 B. Stuttgart.

DAS HAUS DUESTERWEG. Eine Geschichte aus der Gegenwart von *W. Alexis*. 2 B. Leipzig.

EINE QUARANTAINE im Irrenhause. Von *Kühne*. 1835. Leipzig.

NEUE NOVELLEN von *Leopold Schefer*. IV B. Leipzig.

DER CORREGIDOR. Historischer Roman aus der Mitte des XVII Jahrhunderts, von *J. V. Massaloup*. Magdeburg.

HARMONIA. Ein Roman. 3 Bände. Berlin.

TASSO'S TOD. Trauerspiel in fünf Aufzügen, von Dr *Ernst Raupach*. Hamburg.

МОДЫ.

Парижскія. Въ концѣ великаго поста всегда бываетъ междуцарствіе въ модахъ. Дамы отказываются на нѣкоторое время отъ суетности для исполненія обязанностей религіи, зимніе наряды приходятъ въ упадокъ, щеголихи держатъ тайные совѣты съ модистками о томъ, въ какомъ видѣ переродится имъ для перваго весенняго гулянья. Составляются планы рукавовъ и юбокъ, чертятся фасады капотовъ, утверждаются проекты шляпокъ и плащей. Въ Парижѣ, какъ и въ Петербургѣ, моды состоятъ на ту пору въ однѣхъ догадкахъ. Утверждаютъ, что шляпки-капоты на китовыхъ усахъ будутъ еще въ большемъ употребленіи чѣмъ въ прошлое лѣто. Недоброжелательницы бастовъ, paille de riz, распространяли слухи, что эта ткань будетъ изгнана изъ области моды, но, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, дамы лучшаго общества приняли ее подъ свое покровительство, и только не рѣшено еще какую дать ей форму, — шляпокъ или шляпокъ-капотовъ. Но то вѣрно, что Италіянская солома исключительно опредѣлена для шляпокъ, и поговариваютъ уже объ атласной лентѣ для нихъ. Марабуты пойдутъ опять вверхъ; уже теперь перемѣщиваютъ ихъ съ перьями на Италіянской соломѣ. Въ Парижѣ всегда первыя цвѣты для весеннихъ шляпокъ — сирени; но когда пройдетъ пора на это украшеніе, лучшіе магазины хотятъ ввести на шляпкахъ строгую простоту и убирать утреннія шляпки-капоты однѣми только лентами, а Италіянскія соломы перьями или марабутами. Фор-

ма плащей еще не рѣшена. Въ рединготахъ нѣтъ по-сюпору ничего новаго.

Петербургскія. Весенніе плащи дѣлаются уже съ тремя воротниками; первый воротникъ очень длиненъ, и только восьмью или девятью вершками короче самаго плаща; второй четвертью аршина короче перваго, а третій бываетъ маленькой воротникъ, откидной, квадратный, той же матеріи какъ и плащъ, или бархатный. Не надобно однако жъ вполнѣ вѣрить этимъ воротникамъ: въ нихъ можетъ скрываться предательскій умыселъ, и черезъ мѣсяцъ, когда Лоншанское гулянье рѣшитъ всѣ задачи наступающей весны, они готовы принять вдругъ иную форму. Для плащей, видны по-прежнему во множествѣ дра-роаяли съ богатыми рисунками по темному грунту; нѣкоторые изъ нихъ бываютъ клетчатые, съ огромными квадратами двухъ различныхъ цвѣтовъ, съ оттѣнью; есть также шелковыя матеріи, толстыя и превосходно сотканныя. Въ магазинѣ Болля находятся прекрасныя шелковыя матеріи, въ родѣ атласовъ, которыя можно употребить для плащей съ большимъ эффектомъ.

— Шляпки, какъ это уже предвидѣли умы проницательные и дальновидные, приняли рѣшительно очень открытую форму, но это еще не коренной законъ, и тѣ, кто носятъ шляпки со сжатыми полями, ничѣмъ не прегрѣшаютъ противъ изящности и хорошаго вкуса.

— Магазины съ каждымъ днемъ наполняются прелестными матеріями для лѣта, — шелковыми кисеями, кембриками, и прочая; и хотя клетчатыя шелковыя ткани нѣсколько времени были въ немилости, однако, между этими легкими матеріями, клетчатыя — теперь самыя милыя и болѣе всѣхъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе прекрасныхъ посѣтительницъ.

⁂ Мы должны извѣстить модный міръ мужскаго пола о томъ, что въ Петербургѣ учредилось новое заведеніе, которое обѣщаетъ самыя благодѣтельныя послѣдствія для нашихъ фраковъ, сюртуковъ, шинелей и панталонъ. Г. Викторъ, молодой артистъ съ примѣчательнымъ талантомъ и съ тѣмъ вдохновеніемъ, которое часто превращаетъ ножницы портнаго въ рѣзецъ Фидіаса, артистъ, воспитанный въ первыхъ

игольныхъ академіяхъ Парижа и Лондона, тщательно изучивъ духъ двухъ самыхъ прихотливыхъ народовъ, прибылъ сюда разлить новую образованность на спинахъ сѣверныхъ щеголей и возвратить ихъ къ законамъ строгаго вкуса, безпрерывно искажаемаго Шведами и Чухонцами. Его мастерскія расположены на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Г-жи Дурыгиной, подъ No 9. Принявъ за правило поддерживать всѣ полезныя предпріятія, мы не можетъ отказать Г. Виктору въ присоединеніи его программы къ Б. для Ч., тѣмъ болѣе, что онъ убѣдилъ насъ осязательно, что три первые ученые журнала въ Европѣ, Quarterly, Foreign Quarterly и Edinburgh Reviews, поставляютъ себѣ долгомъ прилагать отъ времени до времени точно такія же программы къ своимъ книжкамъ, такъ какъ всякому хорошему журналу весьма пріятно, когда его читатели одѣты ловко и со вкусомъ. Программа Г. Виктора объяснитъ сама всѣ выгоды, которыхъ должно ожидать отъ его изящныхъ ножницъ.

=

ОГЛАВЛЕНІЕ
ПЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Кладъ. *А. В. Тимофеева* ..... 5.
Еврейская мелодія. *И. Гогніева* ..... 6.
Джуліо Мости, драматическая фантазія въ четырехъ частяхъ съ интермедіей. *Н. В. Кукольника.*
I. Меценатъ ..... 7.
II. Гомеръ ..... 62.
III. Кольца смерти ..... 88.
Жертва, интермедія ..... 127.
IV. Импровизаторъ ..... 136.
Возвращеніе незабвенной. *В. Бенедиктова* ..... 226.
Презрѣніе. *А. В. Тимофеева* ..... 228.
Печальная красавица. *И. И. Козлова* ..... 229.
Умирающій художникъ. *С — а* ..... 250.
Спекулянтъ, басня. *Г. Матюнина* ..... 235.

ПРОЗА.

Новгородъ, очеркъ. *Автора* «Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ» ..... 195.
О томъ, какъ я, будучи штабъ-ротмистромъ, хотѣлъ разбить Наполеона. *Д. В. Давыдова* ..... 200.
Кавказскіе очерки. *А. Марлинскаго* ..... ~~278.~~ 241
Колумбъ въ Испаніи. *Н. А. Полеваго* ..... 278.
Земной ангелъ, или Своенравіе, родъ романа. *Александры С — ой* ..... 316.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ, пословица, Г. Теодора Леклерка. Изъ *Revue de Paris* ..... 1.

Капитанъ Остъ-Индской службы, Англійская быль, Г. Гука. Изъ *New Monthly Magazine*..... 25.
Записки Голькрофта..... 53.
Жажда красоты, Голландская повѣсть. Изъ *Beyenkorf's Magazine*..... 93.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Странствованіе Арабскаго патріарха Макарія изъ Алеппо въ Москву, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, изъ записокъ его архидіакона. *П. С. Савельева.*
Статья первая..... 1.
Статья вторая..... 60.
Развитіе жизни и смерти въ животномъ тѣлѣ..... 27.
Письмена древнихъ Руссовъ. *Х. Френа*..... 49.

IV.

ПРОМЫШЛЕНОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Сельское хозяйство удѣльныхъ имѣній..... 1.
Ловля морскихъ бобровъ..... 9.
Объ утучненіи земли скотскими навозами, свойствѣ навозовъ, числѣ скота, нужномъ для удобренія различныхъ почвъ, истощеніи земли урожаями и возвращеніи ей плодородности. Часть первая. *Д. П. Шелехова*..... 11.
Наставленіе, какимъ образомъ превращать картофель въ самый вкусный сахарный сиропъ, въ три часа времени и безъ употребленія купороснаго масла. *В. А. Панова*..... 31.

V.

КРИТИКА.

Очерки Константинополя, Г. Базили..... 1.
Исторія Поэзіи, Чтенія Г. Шевырева..... 23.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Февраль, 1836. Новыя книги..... 1.
Разныя извѣстія..... 16.
Мартъ, 1836. Новыя книги..... 21.
Разныя извѣсгія..... 67.

VII.

СМѢСЬ.

Мартъ.

Императорская Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ:
1. Новый уставъ академіи..... 1.
2. Собраніе восточныхъ книгъ и рукописей..... 2.
3. Надпись на желѣзныхъ воротахъ въ Гелати, въ Имеретіи ..... 3.
4. Исторія Золотой Орды..... 4.
Парижская Академія Наукъ:
1. Древніе перевороты земнаго шара..... 5.
2. Второе собраніе восточныхъ рукописей, барона Шиллинга..... 6.
3. Печи для проплавки желѣзныхъ рудъ..... 7.
4. Новое вещество мъ минеральныхъ водахъ..... 9.
Дыхательный снарядъ въ человѣкѣ..... —
Возрастаніе числа незаконнорожненныхъ..... 12.
Наблюденія слѣпца въ Китаѣ..... 14.
Прокаженные въ Индіи..... 18.
Законы Сѣверо Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ по части просвѣщенія..... 20.
Живописное путешествіе Дунайской барки..... 21.
Внутреннее устройство горскихъ клановъ..... 22.
Какъ разсуждаютъ въ избирательныхъ палатахъ?..... 24.
Эрнстъ Шульце ..... 27.
Послѣдніе дни Гайдна и Вебера..... 32.
Французскій театръ въ Парижѣ:
Actéon, опера Скриба съ музыкою Обера. Le Transfuge, драма. L'Ingenieur, мелодрама. Le Gamin de Paris, Гг. Баяра и Вандербурха. Laurette, водевиль. Les chansons des Désaugiers, водевиль.

Mila, водевиль. Le Pensionnat de Monterau, водевиль. Les mauvaises connaissances. La Folle. M. et Mme Galochard. M. Bonhomme..... 36—52.
Словесность во Франціи..... 52.
Словесность въ Англіи..... 53.
Словесность въ Германіи..... 59.
Новыя книги : Французскія. Англійскія. Нѣмецкія.... 61.
Моды : Парижскія. Петербургскія (съ картинкою).... 64.

Апрѣль.

Новая гидростатическая машина..... 67.
Народное просвѣщеніе въ Австрійской Италіи..... —
Письма Виктора Жакмона. Встрѣча корветы «Усердной» съ Англійскимъ купеческимъ судномъ. Дегли и Великій Монголъ. Путешествія Англійскихъ чиновниковъ по Индіи. Охота на слонахъ за тиграми и львами. Бегумъ-Сумро, Сарданская владѣтельница. Лордъ Бентинкъ. Пребываніе у Ренджитъ-Сина. *А. Ситниковой*..... 72.
Англійскіе жокеи въ Парижѣ..... 94.
Бесѣда съ Паганини..... 96.
Парижскіе очерки. 1. Засѣданіе Френологическаго Общества, 2. Балы въ пользу бѣдныхъ..... 105.
Французскій театръ въ Парижѣ :
Гугеноты, большая опера, слова Г. Скрибя, музыка Мейербера. Les sept infans de Lara, драма. Lord Novart, комедія. Micheline la Sabotière, водевиль Г. Баяра. Clémentine. Colliche. Le prisonnier d'une femme. L'art de ne pas payer son terme. Dasnière ..... 113.
Словесность во Франціи..... 131.
Словесность въ Англіи..... 134.
Словесность въ Германіи..... 135.
Новыя книги : Французскія. Англійскія. Нѣмеція..... 138.
Моды : Парижскія. Петербургскія (съ картинкою).... 140.

=

BON GOUT ET BON MARCHÉ.

Портные имѣютъ на жизнь молодыхъ людей вліяніе неизмѣримое. Здѣсь нѣтъ середины: портной или вашъ злодѣй, или другъ, посланный самимъ небомъ. Потому, онъ долженъ понять отеческія обязанности своего званія и почитать себя чертою соединенія между прошедшимъ и будущимъ молодаго человѣка. Я знаю два фрака, которые женились на двадцати тысячахъ годичнаго доходу.

БАЛЬЗАКЪ.

Такъ судитъ о высокомъ Искусствѣ портнаго писатель, который безспорно есть первый туалетный философъ въ Европѣ. Цицеронъ, говорятъ, написалъ прекрасную книгу о обязанностяхъ человѣка: статься можетъ; но по-видимому Науки и Художества доселѣ нуждаются въ трактатѣ о обязанностяхъ портнаго, а нѣтъ сомнѣнія, что такая книга была бы чрезвычайно полезна для образованности, которой успѣхи слишкомъ часто страдаютъ отъ неловкости, неаккуратности и користолюбія тѣхъ, кому обществѣ ввѣряетъ свои ножницы. Истинный портной, мы утверждаемъ громогласно, долженъ непремѣнно проникнуться чувствомъ важныхъ обязанностей, которыя поручены ему: онъ-то, изящными твореніями своего Искусства прикрываетъ пропуски воспитанія; онъ удвоиваетъ значеніе человѣка въ глазахъ толпы; онъ исправляетъ промахи самой природы; и есть ли что нибудь благороднѣе и утѣшительнѣе этого назначенія — дѣлать всѣхъ людей равно красивыми и статными, особенно дѣлать не разоряя ихъ кошельковъ? Такимъ образомъ *фракъ*, или *кафтанъ*, есть первѣйшій и самый выспренній предметъ художества, на который портной-артистъ долженъ устремлять все свое вниманіе и даже изливать весь свой геній, — если таковой у него имѣется. Но не справедливо думаютъ и утверждаютъ нѣкоторые портные, будто *панталоны* — часть одѣянія, по своей природѣ, менѣе благород-

ная, менѣе важная, и будто можно предоставлять ихъ покрой и отдѣлку своимъ подмастерьямъ. Разсматриваемые съ точки высшихъ взглядовъ, пантолоны есть такая часть наряда, которая быть можетъ возвышаетъ всего болѣе красоту, гармонію и изящность костюма. *Жилетка*, *сюртукъ*, этотъ верхъ Искусства и страсть женщинъ, *плащъ*, это пышное украшеніе мужчины, прекраснѣйшая часть новѣйшаго костюма которая, своими

богатыми складками, наиболѣе сближаетъ щеголя въ палевыхъ перчаткахъ съ изваяніями древнихъ Римлянъ, всѣ эти три статьи одежды должны также составлять постоянный предметъ размышленій для совѣстливаго портнаго, и ему никакъ нельзя предоставлять ихъ произволу и неловкости подмастерьевъ, если только онъ знаетъ обязанности своего званія. Но, даже исполнивъ всѣ эти условія, портной *будетъ* еще только предатель блаженства, а иногда и фортуны тѣхъ, на кого онъ работаетъ, если, съ самымъ тщательнымъ стараніемъ шить хорошо, онъ не соединитъ величайшей исправности и не сошьетъ въ свое время. Въ жизни есть обстоятельства, при которыхъ платье, опоздавшее однимъ часомъ времени, разрушаетъ наши прелестнѣйшія надежды и самыя блестящія мечты наши!.....

Убѣжденный въ этихъ истинахъ, нижеподписавшійся, прибывъ недавно изъ Парижа и Лондона, гдѣ онъ упражнялся въ своемъ Искусствѣ при двухъ знаменитѣйшихъ заведеніяхъ портнаго дѣла, открываетъ свои мастерскія здѣшней публикѣ съ полною надеждою заслужить ея одобреніе. Желающіе найдутъ у него отличнѣйшую работу, фасонъ изящный, модный и въ хорошемъ вкусѣ, аккуратность, быстроту въ исполненіи заказовъ и самую строгую экономію. Цѣны, смотря по качеству

сукна, назначены у него самыя низкія. Заказывающіе могутъ напередъ сдѣлать у себя смѣту издержкѣ по слѣдующимъ показаніямъ.

Сукна надобно: на фракъ $2^1/_2$ аршина, за работу съ шелковою подкладкою и со всѣмъ прочимъ платится 50 рублей; на панталоны сукна $1^3/_4$ аршина, за работу 10 рублей; на лѣтній короткій сюртукъ сукна 3 аршина, за работу съ шелковою подкладкою подъ весь сюртукъ 70 рублей; на бекешъ сукна $4^1/_2$ аршина, за работу съ шелковою подкладкою и ватою 80 рублей; на байковый сѣртукъ байки 5 аршинъ, за работу съ подкладкою 70 рублей; на плащъ, или шинель, сукна 7 аршинъ, за работу съ дра-де-дамовой подкладкою 65 рублей; за работу жилета 10 рублей.

СУКНА ВСѢХЪ ЦВѢТОВЪ:

Фракъ и панталоны, совсѣмъ готовые, стоятъ:

Изъ сукна	по 20 рублей	аршинъ	140	рублей.
— —	по 25 рублей	—	160	—
— —	по 30 рублей	—	180	—
— —	по 35 рублей	—	200	—

Сюртукъ лѣтній, короткій, съ бархатнымъ воротникомъ, совсѣмъ готовый:

Изъ сукна	по 20 рублей	аршинъ	130	рублей.
— —	по 25 рублей	—	145	—
— —	по 30 рублей	—	160	—
— —	по 35 рублей	—	175	—

Бекешъ, совсѣмъ готовый (безъ мѣховаго воротника)

Изъ сукна	по 20 рублей	аршинъ	170	рублей.
— —	по 25 рублей	—	192	—

Байковый сюртукъ, совсѣмъ готовый:

Изъ байки по 16 рублей аршинъ..... 140 рублей.

Плащъ, или шинель, совсѣмъ готовый:

Изъ сукна	по 15 рублей	аршинъ	170	рублей.
— —	по 20 рублей	—	205	—
— —	по 25 рублей	—	240	—

Жилеты всѣхъ фасоновъ, совсѣмъ готовые:

По 15, 16, 18, 20, 25, 30 и 35 рублей, смотря по матеріи.

Въ томъ же заведеніи есть сукна всѣхъ сортовъ и цѣнъ, и даже сукна подешевле цѣнъ, здѣсь означенныхъ. Нижеподписавшійся принимаетъ также заказы отъ Иногородныхъ и отправляетъ имъ шитыя платья по почтѣ. Живущимъ въ губерніяхъ довольно прислать ему свою мѣру, исчисленную на вершки, именно 1) высоту своей особы отъ маковки до полу, 2) высоту отъ плеча до полу, 3) окружность плечъ своихъ, снятую по жилету, 4) окружность таліи, снятую также по жилету и 5) длину руки отъ плеча до начала ладони: кромѣ того, надобно прислать списокъ платьевъ, которыя они желаютъ себѣ сшить, означить цѣну и цвѣтъ суконъ, и приложить нужное количество денегъ, исчисливъ ихъ по выше изложеннымъ показаніямъ, съ присокупленіемъ *пяти процентовъ* отъ всей суммы за укладку и пересылку по почтѣ, и они останутся совершенно довольными исправностью нижеподписавшагося и будутъ одѣты по послѣдней столичной модѣ, безъ хлопотъ и не трогаясь съ мѣста. Желательно только, чтобы требуемые размѣры были сняты вѣрно и съ точностью означены въ письмѣ; можно также присовокупить замѣчаніе о лѣтахъ особы и особенностяхъ ея тѣлосложенія, если въ немъ есть что нибудь исключительнаго.

ВИКТОРЪ, *портной.*

Въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Г-жи Дурыгиной, подъ № 9, напротивъ Малой Морской,

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Санктпетербургъ, Марта 27 дня 1836 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ